Дэвид
БРИН

Новая трилогия Возвышения

Новая трилогия Возвышения. Том 2

Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Новая трилогия Возвышения. Том 2 Небесные просторы
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
Часть первая. Пять Галактик
ГАРРИ
САРА
ДЖИЛЛИАН
ГАРРИ
ЛАРК
ДВЕР
ГАРРИ
САРА
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ЛАРК
ЭМЕРСОН
РЕТИ
ЛАРК
Часть вторая. Порядки жизни
ГАРРИ
ДНЕВНИК ОЛВИНА

ДНЕВНИК ОЛВИНА
ЛАРК
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ДЖИЛЛИАН
ТШТ
ЛАРК
ЭМЕРСОН
ДЖИЛЛИАН
ЭМЕРСОН
ДЖИЛЛИАН
ЛАРК
ЭВАСКС
ДНЕВНИК ОЛВИНА
Часть третья. Великий Сортировщик
ГАРРИ
САРА
ГАРРИ
ОЛВИН
ГАРРИ
ЭВАСКС
ГАРРИ
Часть четвертая. Кандидаты в трансцендентность
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
ГАРРИ
САРА

ЛАРК
ДВЕР
ЭМЕРСОН
ГАРРИ
КАА
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
ЛАРК
САРА
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ЛАРК
ГАРРИ
ДЖИЛЛИАН
ЛАРК
ЭМЕРСОН
ДЖИЛЛИАН
«Х»
Часть пятая. Время Перемен
ГАЛАКТИКИ
ПРОСТРАНСТВО Е
СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА
ГИПЕРПРОСТРАНСТВО
ЗЕМЛЯ
ДЖИДЖО
ДОМ
СУДЬБА
ПОСЛЕСЛОВИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ (РАЗВЯЗКА)
ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ
Искушение
ПРЕДИСЛОВИЕ
АВТОРА. ВСЕЛЕННАЯ ВОЗВЫШЕНИЯ
МАКАНАЙ
ПИПОУ
МАКАНАЙ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
МАКАНАЙ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ДАРИТЕЛИ ЧУДЕС
РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУШЕНИЕ
ТКЕТТ
ПИПОУ

ТКЕТТ
ПОСЛЕСЛОВИЕ
Почтальон
Прелюдия. Тринадцатилетняя оттепель.
Часть первая. Каскадные горы.
1
2
3
4
5
6
7
8
Интерлюдия
Часть вторая. Циклоп.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

12
Интерлюдия
Часть третья. Цинциннат
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
Интерлюдия
Часть четвёртая. «... ни хаос»
1
2
«Тс-с-с»

Вирус альтруизма
Дело практики
ГЛАВА I
1
2
3
4
5
ГЛАВА II
1
2
3
4
5
6
7
8
ГЛАВА III
1
2
3
ГЛАВА IV
1
2
3
4

5
6
ГЛАВА V
1
2
ГЛАВА VI
1
2
ГЛАВА VII
1
2
3
4
5
6
7
8
9
ГЛАВА VIII
1
2
3
4
5
ГЛАВА IX
1

2
3
4
5
6
7
8
9
ГЛАВА X
1
2
3
4
5
6
7
8
9
ГЛАВА XI
1
2
3
4
5
6
7

8
9
10
ГЛАВА XII
1
2
3
4
Красный свет
Опоздавшие
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
Проверка реальности
Хрустальные сферы

1
2
3
4
5
6
7
8

Четвертая профессия Джорджа Густава

Этот огненный взгляд

Аннотация

Третий роман и повесть из цикла Новая трилогия Возвышения, а также два внецикловых романа и несколько рассказов.

Дэвид Брин
Новая трилогия Возвышения. Том 2

Небесные просторы

Террену Джекобсу Брину,
нашему исследователю и помощнику
в завершении работы

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Акеакемаи — дельфин, член экипажа «Стремительного».

Аскс — член Совета высоких мудрецов Джиджо, представляющий расу треки.

Баскин Джиллиан — агент Террагентского Совета и врач, исполняющая обязанности капитана космического корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов.

Вер'Кв'квинн — босс Гарри в Институте Навигации.

Гарри Хармс — неошимпанзе, разведчик Института Навигации.

Гек — г'кек, прозвище (подражание людям) сироты, выросшей в Вуфоне. Подруга Олвина.

Грязнолапый — дикий нур, прозванный так Двером Кулханом.

Двер — сын бумажника Нело Кулхана, брат Сары и Ларка, главный следопыт Общины Шести Рас.

Дор-хуниф — молодая самка хун, дочь Твафуануфа.

Древние — общее название «ушедших на пенсию» рас из Фрактального скопления.

Йии — самец ур, изгнанный из домашней сумки прежней супругой. Позже «женился» на девушке сунере Рети.

Каа — дельфин, второй пилот «Стремительного». Прежде был известен как Счастливчик Каа.

Каркаетт — инженер, помощник капитана «Стремительного».

Кивеи Ха'аоулин — торговец-синтианец.

Кипиру — прежний главный пилот «Стремительного», пропавший на Китрупе.

Клешня — красный квуэн, друг Олвина, вырезавший батискаф «Мечта Вуфона» из древесного ствола.

Крайдайки — дельфин, бывший капитан корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов. Пропал на Китрупе несколько лет назад.

Ларк — брат Сары и Двера, младший мудрец Общины Джиджо.

Линг — женщина-даник, биолог.

Макани — самка дельфин, старший врач корабля «Стремительный». Оставлена на Джиджо, чтобы заботиться об умственно регрессировавших членах экипажа «Стремительного».

Нисс — псевдоразумный компьютер, предоставленный «Стремительному» агентами разведки тимбрими.

Олвин — человеческое прозвище Хф-уэйуо, хуна-подростка из поселка Вуфон.

Орли Томас — генетически преобразованный агент Террагентского Совета, приписанный к «Стремительному», пропал на Китрупе вместе с группой Крайдайки. Муж Джиллиан Баскин.

Пипое — дельфин, самка; генетик и медицинская сестра со «Стремительного». Похищена на Джиджо.

Прити — неошимпанзе; служанка Сары, увлекающаяся математикой.

Ранн — предводитель людей-даников на борту корабля ротенов.

Рети — девушка-сунер, бежала из варварского племени в Серых Холмах.

Ро-кенн — «повелитель» ротен.

Сара — дочь бумажника Нело Кулхана, сестра Двера и Ларка, ученый-математик и лингвист.

Суэсси Ханнес — инженер со «Стремительного», превращенный в киборга Древними.

Твафу-ануф — хун, таможенник с базы Каззкарк.

Тиуг — алхимик-треки из кузницы на горе Гуэнн, активный помощник кузнеца Уриэль.

Тш'т — дельфин, самка, некогда четвертая по старшинству в экипаже «Стремительного»,

сейчас вместе с Джиллиан Баскин выполняет обязанности капитана.

Уриэль — ур, мастер-кузнец с горы Гуэнн на Джиджо. *Ур-ронн* — урская подруга Олвина. Участница экспедиции на «Мечте Вуфона», племянница Уриэль.

Хуфу — любимый нур Олвина.

Эваскс — груда колец джофур, трансформировавшаяся из прежнего мудреца Аскса путем добавления мастер-кольца.

Эмерсон Д'Аните — человек, инженер, ранее был членом экипажа корабля Террагентского Совета «Стремительный».

Часть первая
Пять Галактик

Какие эмблемы украшают носы наших быстрых кораблей?

Сколько спиралей вращается на носу каждого большого корабля, поворачиваясь снова и снова, символизируя наши связи? Сколько связей образует наш союз?

Одна спираль символизирует невозделанные планеты, спящие, медленно зреющие, томящиеся — где жизнь начинает свой долгий трудный подъем.

И из этого плодородия вырываются новые расы, готовые к Возвышению.

Вторая спираль символизирует звездные культуры, владеющие быстрыми кораблями, вначале как клиенты, затем как патроны, энергично преследующие свои юные желания — торгующие, сражающиеся и спорящие…

Стремящиеся вверх, пока не услышат зов манящих приливов.

Третья соответствует Древним, изысканным и утонченным, отказавшимся от звездных кораб-

лей ради жизни, полной размышлений. Уставшим от маниакальных стремлений. Теснящимся ради самоусовершенствования.

Они готовятся к встрече с Великим Сортировщиком.

Четвертая означает Высоких Непостижимых, слишком могущественных, чтобы мы могли их понять. Но они существуют!

Строят планы, охватывающие все уровни пространства и времени.

Пятая — это галактики, великие клубы мерцающего света, наши острова в стерильном космосе, окруженные загадочной тишиной. Они бесконечно вращаются, выкармливая все многочисленные порядки жизни, вечно их связывая.

Вернее, так нас заверяли…

ГАРРИ

Существует много разновидностей сигнала тревоги.

Одни призывают к вниманию, вырывая тебя из смертоподобного сна. Другие насыщают твои вены адреналином. На борту любого космического корабля есть сирены и гудки, которые предупреждают о столкновении, нарушении герметичности и о мириадах других причин неминуемой гибели.

Но сигнал тревоги, который услышал Гарри, был совсем иным. Это было легкое и жуткое поскрипывание по нервам.

Не торопись, словно шептал негромкий сигнал. *Я могу подождать.*

Но даже не думай снова уснуть.

Гарри перевернулся и с трудом взглянул на консоль рядом с подушкой. Многозначительно подмигивали светящиеся символы. Но те части его мозга, которые предназначены для чтения, были сконструированы недостаточно надежно. Им требовалось некоторое время, чтобы разогреться.

— Гух… — заметил Гарри. — Вух?

Сон по-прежнему не отпускал тело, утомленное долгой одиночной вахтой. Сколько дуров прошло с тех пор, как он упал на койку, дав себе клятву уйти со службы, когда закончится это дежурство?

Сон пришел быстро, но не принес покоя. Здесь, в Е-пространстве, сны Гарри всегда были полны видениями. В сущности, сны тоже были частью его работы.

В состоянии сна РЕМ Гарри даже посещал степи Хорста, где в детстве его всегда окружал пыльный горизонт. Заброшенная планета, на которой тяжелые темные тучи постоянно нависают над головой, но держат влагу в себе, почти не делясь ею с иссохшей почвой. Обычно после таких снов он просыпался с пересохшим ртом, с отчаянным желанием пить.

В других снах он видел Землю, шумную планету-город, переполненную высокими людьми: небоскребы и роскошная зелень запечатлелись в памяти за одно короткое посещение, много веков назад, в другой жизни.

Были еще кошмары с кораблями — огромными боевыми дредноутами и подобными спутникам ковчегами вторжения, освещенными звездным светом или окутанными темным свечением своих ужасающих силовых полей. Фрегаты-при-

видения, более ужасные, чем в реальной жизни.

Это были *самые нормальные* образы сна, которые находили себе место между необыкновенными видениями. Потому что по большей части сны Гарри были полны ошеломляющими, извивающимися *аллафорами*, возникающими в соответствии со странной полулогикой пространства Е. Даже защищенная каюта не была недоступна для щупалец контрреальности, проникавших через переборки в его сон. Неудивительно, что проснулся он ошеломленный, потерявший ориентацию, потрясенный сигналом тревоги.

Гарри смотрел на мерцающие буквы — каждая извивалась, словно спятивший живой иероглиф, жестикулируя на идеограмматическом синтаксисе галактического языка номер семь. Сосредоточившись, он перевел это сообщение на родной англик.

— Здорово, — сухим тоном заметил Гарри.

Очевидно, патрульный корабль снова приземлился.

— Просто замечательно.

Тон сигнала изменился. Оттолкнувшись от койки, Гарри босиком ступил на холодный пол и вздрогнул.

— Только подумать… мне говорят, что у меня *склонность* к такой работе.

Иными словами, нужно быть хотя бы частично спятившим, чтобы подходить для такой работы.

Стряхнув сонливость, он поднялся по лестнице на обсервационную платформу непосредственно над каютой — шестиугольное помещение в десять метров поперек с контрольной панелью в центре. Потянулся к кнопке сигнала тревоги и сумел отключить его, не приведя в действие вооружение и не выпустив атмосферу станции в пространство Е. Сводящий с ума гудок резко смолк.

— Ах… — Гарри вздохнул и едва не уснул снова прямо здесь, стоя за мягким командирским креслом.

Но тогда… если он опять уснет, то снова увидит сны.

Никогда не понимал «Гамлета», пока не получил это назначение. Теперь мне кажется, Шекспир побывал в пространстве Е, прежде чем написал «быть или не быть».

…уснуть? И видеть сны?..[1]

Старик Уилл, должно быть, знал, что бывают

---

[1] notes: 1
Шекспир. Монолог Гамлета. — Примеч. пер.

вещи похуже смерти.

Почесав живот, Гарри посмотрел на приборы. Никаких красных огней. Станция как будто функционирует нормально. Никаких крупных прорывов реальности. Со вздохом он сел в кресло.

— Режим наблюдения. Доложите о положении станции.

Загорелся голографический экран, в воздухе повисла синяя буква «Н» гротескового шрифта. От этой медленно поворачивающейся буквы послышался мелодичный голос:

Режим наблюдения. Единство станции в норме. Сигнал тревоги принят командиром станции Гарри Хармсом в 4-48-52 внутреннего времени по субъективной оценке…

— Я и есть Гарри Хармс. Почему бы не сказать мне чего-нибудь такого, чего я не знаю? Например, из-за чего сигнал тревоги, ты, неудачный предлог для парика на лыси…

Проклятие прервалось из-за чихания. Гарри тыльной стороной волосатой ладони вытер слезы.

Сигнал тревоги был дан из-за перерыва продвижения станции в пространстве E, невозмутимо продолжал голос. *Очевидно, станция застряла в*

аномальном регионе.

— Хочешь сказать, мы наткнулись на риф. Это я уже знаю. Но какой именно… — Он пробормотал: — Ну ладно, не важно. Пойду взгляну сам.

Гарри забрался к верху вертикальной занавески-жалюзи — такие жалюзи покрывали все шесть окон станции, просунул палец между двумя планками и развел их. Слегка поколебавшись, посмотрел одним глазом.

По крайней мере станция, кажется, приняла стандартный формат. Она не кит, не медуза, не аморфная капля, хвала Ифни. Иногда этот континуум оказывает на предметы очень странное, даже смертельное воздействие.

На этот раз контрольное помещение по-прежнему, как стеклянный купол, расположено на сплющенном белом сфероиде, открывая круговой обзор обширного метафорического царства, сомнительного, опасного, но никак не однообразного.

На удалении виднелись рваные черные горы, подобные эбеновым айсбергам; они величественно пронзали нечто напоминающее бесконечное море пурпурной травы. «Небо» красно-синего цвета, какой можно увидеть только в пространстве Е. И в нем дыры.

Пока все хорошо.

Гарри пошире развел планки, чтобы увидеть то, что ближе к нему, и удивленно замигал. Станция расположена на блестящей гладкой коричневой поверхности. И по всему пространству по крайней мере на километр во всех направлениях разлеглись толстые гигантские желтые морские звезды!

По крайней мере таково было первое впечатление. Гарри бросился к другому окну и опять выглянул. По эту сторону тоже морские звезды. Они покрывают поверхность так, что найти проход будет нелегко.

— Черт побери! — По опыту Гарри знал, что бесполезно пытаться перелететь над такими штуками. Если они представляют объекты в двух измерениях, преодолевать их тоже нужно в двух измерениях. Так действует аллофорическая логика в этой зоне пространства Е.

Гарри вернулся к контрольной панели и нажал кнопку. Все жалюзи отошли, неожиданно открыв панорамный вид. Горы и пурпурная трава на удалении. Коричневая гладкость ближе к станции.

И — да — станция полностью окружена морскими звездами. Желтые морские звезды со всех сторон.

— Фью! — Гарри содрогнулся. У большинства желтых чудищ по шесть лучей, хотя у некоторых по пять или по семь. И они как будто не движутся. По крайней мере это хорошо. Гарри терпеть не мог передвигающиеся аллафоры.

— Режим пилотирования! — приказал он.

С легким треском плывущее гельветическое «Н» сменилось курсивным «П».

— Слушаю, личность-командир. Куда направимся, Генри?

— Меня зовут Гарри! — рявкнул он. Возможно, на англике развязный тон режима пилотирования показался бы веселым и дружелюбным, но слова произносились на глупом галактическом семь. Однако единственная другая запрограммированная возможность — замена на галактический два, состоящий из свиста и щелканья. Даже на диалект губру. А Гарри не в таком отчаянном положении, чтобы испробовать это.

— Приготовься продвинуть нас над видимой плоской поверхностью с траекторией в два сорок градуса, с кораблем в центре, — приказал Гарри. — Очень медленно.

Как прикажете, босс-разумный. Приспосабливаю параметры интерфейса.

Гарри вернулся к окну и наблюдал, как станция

отрастила четыре огромных колеса с толстыми шинами. Вскоре они начали поворачиваться. Сквозь толстые кристаллические оконные панели донесся резкий скрип, словно проводишь рукой по намыленной стойке бара.

Как он и опасался, у шин почти не было сцепления с гладкой коричневой поверхностью. Однако воздержался от принятия контрмер. Сначала нужно посмотреть, что получится.

Движение постепенно ускорялось. Станция приблизилась к ближайшей морской звезде.

И тут Гарри охватило сомнение.

— Может, стоит сначала поискать такие штуки. Возможно, они где-нибудь указаны.

Некогда, в то время когда он был официально признан первым добровольцем-рекрутом с Земли, зачисленным в исследовательский отдел Института Навигации — он был полон сведений из учебных лент и идеализма, — то обычно сразу углублялся в записи, как только Е-пространство обрушивало на него новый символизм. В конце концов галактическая цивилизация кислорододышащих рас исследует, каталогизирует и разведывает этот странный континуум уже полмиллиарда лет. Объем знаний, содержащихся даже в его небольшой корабельной Библиотеке,

превосходит всю сумму человеческих знаний, накопленных до первого контакта с разумными обитателями космоса.

Впечатляющий запас… и, как оказалось, почти совершенно бесполезный. Возможно, он не в очень хороших отношениях со справочной личностью его Библиотеки. А может, проблема в том, что он происходит от земных обезьян. Во всяком случае, в пространстве Е он предпочитал доверять своим инстинктам.

Увы, у такого подхода есть серьезный недостаток. *Когда все перед тобой лопается, винить приходится только себя.*

Гарри заметил, что сутулится. Он выпрямился и сцепил руки, чтобы не чесаться. Но нервная энергия требовала выхода, поэтому он стал тянуть себя за большие пальцы. Один знакомый тимбрими как-то сказал ему, что такая привычка есть у многих представителей вида Гарри. Может быть, это симптом долгого трудного процесса Возвышения.

Передние шины достигли первой морской звезды. Обойти эту штуку невозможно. Остается только попытаться перебраться через нее.

При первом контакте Гарри затаил дыхание. Но прикосновение не вызвало никакой реакции.

Препятствие прямо впереди, шесть длинных плоских полосок коричневато-желтого пятнистого вещества, расходящихся от центрального шишковидного бугра. Передние шины заскользили, и станция приподнялась, подталкиваемая задними колесами.

Она слегка наклонилась. Гарри тревожно почесал грудь, стараясь высвободить тревожное ощущение узнавания. Может быть, «морские звезды» — недостаточно хорошая аналогия для этих штук. Впрочем, они кажутся знакомыми.

Угол увеличился. Задние колеса тревожно взвыли, тоже коснувшись желтой поверхности.

И тут, потрясенный узнаванием, Гарри закричал:

— Нет! Назад. Это *бана…*

Слишком поздно. Задние колеса продолжали визжать, скользкая желтая поверхность полетела из-под них, трение неожиданно совершенно исчезло. Гарри перевернулся, ударился о потолок, отлетел к дальней стене, а платформа вертелась, катилась, снова начала вращаться… пока не остановилась с глухим ударом. Вцепившись в переборку, Гарри большими пальцами ног держался за перила, пока тряска не прекратилась.

— О… моя голова… — простонал он, подни-

маясь.

По крайней мере все встало на место. Гарри добрался до консоли и принялся изучать показания приборов. Слава Ифни, станция почти не пострадала. Но Гарри слишком долго не прибирался, и теперь шарики пыли покрывали его шерсть с головы до ног. Он стряхивал их, поднимая облака пыли и вызывая свирепое чихание.

В тот момент когда станция сошла с ума, жалюзи автоматически закрылись, защищая глаза Гарри от потенциально опасных аллофоров.

Он мрачно приказал:

— Убрать жалюзи!

Возможно, резкие движения привели к переменам в местной фазе, заставив исчезнуть все эти отвратительные предметы. Так раньше случалось.

Не повезло, понял он, когда жалюзи ушли в промежутки между широкими окнами. Вид снаружи заметно не изменился. То же самое красновато-синее небо из швейцарского сыра расстилается над розовато-лиловыми пампасами, а на удалении мрачно возвышаются черные горы. По-прежнему его разведочный корабль находится на плоской вершине, окруженной со всех сторон желтыми многолучевыми фигурами.

— Банановые шкурки, — прошептал он. — Проклятые *банановые шкурки.*

Вот одна из причин того, что на таких кораблях бывает только один наблюдатель: когда несколько сознаний одновременно наблюдают за ними, аллофоры становятся еще более дикими и невероятными. «Объекты», которые он видит, это образы, созданные его сознанием и наброшенные поверх реальности, которую не может воспринять ни одно живое сознание. Реальности, которая изменилась и трансформировалась под воздействием его мыслей и ощущений.

Все это в теории звучит отлично. И ему следовало бы уже привыкнуть. Но Гарри тревожило то, что этот банановый аллофор уж слишком личный. Гарри терпеть не мог банальностей и стереотипов.

Он вздохнул и почесал бок.

— Стабильны ли все системы?

Все стабильно, хозяин пути командир Гарольд, ответил режим пилотирования. *В данный момент мы застряли, но, кажется, в безопасности.*

Гарри разглядывал обширные пространства за плато. На самом деле видимость в этом месте отличная. Особенно отчетливо видны дыры в

небе. И тут ему в голову пришла мысль:

— А нужно ли нам сейчас передвигаться? Мы можем наблюдать за всеми транзитными путями прямо отсюда, до конца назначенного срока, верно?

Как будто правильно. В данный момент незаконное передвижение не может остаться незамеченным нами.

— Хм-м-м. В таком случае… — Гарри зевнул. — Пожалуй, снова пойду спать. У меня такое ощущение, что понадобятся все силы, чтобы выбраться отсюда.

Очень хорошо. Спокойной ночи, наниматель-наблюдатель Хармс. Приятных снов.

— Как же, — пробормотал он на англике, оставляя обсервационную платформу. — И закройте эти проклятые жалюзи! Неужели мне самому нужно обо всем здесь думать? Не отвечайте на это! Просто… ну, не важно.

Даже закрытые, жалюзи не могут помешать прорывам. Между планками проскальзывают мерцающие архетипы, словно стремясь прорваться в период сна РЕМ. Впиваются в его сновидения, как мелкие паразиты.

Этому ничем не поможешь. Когда Гарри впервые получил назначение в пространство Е,

местный глава патрульной службы объяснил ему, что восприимчивость к аллафорическим образам — важная часть их работы. Размахивая тонкой, со многими суставами рукой, галактический чиновник на галшесть с нахаллийским акцентом признался, что удивлен назначением Гарри.

— Скептически мы были настроены, когда впервые услышали, что ваша раса может обладать полезными для нас особенностями.

Опровергнув наши сомнения, вы многого с тех пор достигли, наблюдатель Хармс.

Мы отныне присваиваем вам полный статус. Вы первый из своего вида, добившийся такой чести.

Вздыхая, Гарри снова забился под одеяло. Ему очень хотелось пожалеть себя.

Такой чести! Он с сомнением фыркнул.

Однако ему пока не на что особенно жаловаться. Его предупредили. И это не Хорст. По крайней мере он избавился от сухих однообразных пустынь.

И вообще только безумцы надолго сохраняют иллюзию, будто космос создан ради их удобства.

Существует множество противоречивых версий относительно того, кто много миллиардов

лет назад создал эту безумную вселенную. Но еще до того, как он принял решение посвятить свою жизнь работе в Институте, даже еще до того, как услышал о существовании пространства Е, Гарри пришел к одному заключению относительно метатеологии.

Несмотря на всю свою силу и славу, Создатель был не очень разумен.

По крайней мере не так разумен, как неошимпанзе.

САРА

Существует специальное слово-глиф.

Оно называет пространство, в котором совпадают три состояния материи — два жидких и третье твердое, как коралл.

В таком месте может образоваться нечто вроде пены. Опасной, обманчивой пены, которую переносят злополучные течения.

Никто добровольно не углубляется в это волнение.

Но иногда сила, именуемая отчаянием, *вынуждает благоразумных мореплавателей проложить курс по угрожающим отмелям.*

Стройная фигура проносится через внешние оболочки гигантской звезды. Похожий на гусеницу, с рядами когтеобразных выступов, которые впиваются в пространство-время, корабль настойчиво прокладывает курс сквозь жесткое сияние.

Разреженное пламя лижет обожженные борта из древнего керометалла, прибавляя новые слои покровов из необычной сажи. Щупальца плазмы пытаются прорваться внутрь, но пока их отражают защитные поля.

Однако со временем жара найдет доступ.

В середине корабля вращается узкое колесо, как обручальное кольцо на нервном пальце. Мимо пролетают ряды окон. Темные изнутри, они отражают звездный свет.

Но вот становится виден прямоугольник, освещенный искусственным сиянием.

Оконное стекло, которое позволяет смотреть в двух направлениях. Изнутри вселенной и внутрь ее.

Размышляя над водоворотом, Сара вслух произнесла:

— Мои преступные предки провели свой корабль через этот ад на пути к Джиджо… запутывая следы под покровом Великой Измунути.

Думая о грандиозных силах, действующих совсем рядом, Сара провела пальцами по хрустальной поверхности, которая не дает фотохимическому жару прорваться внутрь. Частью сознания, той, что выросла на книгах и математике, она в состоянии воспринять физическую сущность звезды, радиус которой больше годовой орбиты ее родной планеты. Красный гигант, разбухший в последней стадии, выбрасывает из своего котла в черный космос мешанину разогретых атомов.

Абстрактные знания — это замечательно. Но по спине Сары пробегает и холодок страха перед сверхъестественным: ведь она жила жизнью дикого сунера на варварской планете. Возможно, земной корабль «Стремительный» — беспомощная добыча, стремящаяся уйти от титанического охотника, который во много раз превышает его по размерам, тем не менее корабль с экипажем из дельфинов казался Саре богоподобным и внушал благоговение. Ведь он несет большую массу, чем все деревянные строения Склона вместе взятые. Живя в древесном доме над вечно шумящей водяной мельницей, она в самых невероятных снах не могла представить себе такое будущее — дикий полет через окраины адской звезды.

Особенно через Измунути, само имя которой внушает страх. Для шести рас, в ужасе жмущихся на Джиджо, это была решающая ступень на пути, ведущем вниз. Дверь, которая раскрывается только в одну сторону — по пути в изгнание.

В течение двух тысяч лет эмигранты в поисках убежища на Джиджо пролетали мимо гигантский звезды. Первыми, спасаясь от геноцида, прилетели г'кеки на колесах. Затем треки — мягкие и деликатные груды восковых колец, которые стремились скрыться от своих

собственных родственников-тиранов; за ними последовали квуэны, хуны, уры и люди. Все они селились на узкой территории между горами Риммер и берегом океана с его вечным прибоем. Каждая волна новых поселенцев отказывалась от космических кораблей, компьютеров и других высокотехнологичных устройств, отправляя все эти божественные машины в море, в глубочайшую пучину Джиджо. Порывая со своим прошлым, все шесть рас бывших звездных богов навсегда отказывались от неба и начинали простую деревенскую жизнь.

И так продолжалось, пока на беглецов наконец не натолкнулась цивилизация Пяти Галактик.

Рано или поздно этот день должен был прийти: так утверждали Священные Свитки. Никто из нарушителей законов не может прятаться вечно. Это невозможно в космосе, в котором больше миллиарда лет все заносится в каталоги, где такие планеты, как Джиджо, обычно объявляются невозделанными, чтобы они могли отдохнуть и восстановиться. Тем не менее мудрецы Общины на Джиджо надеялись, что у них есть еще время.

Время, для того чтобы расы изгнанников смогли подготовиться. Очиститься. Найти избавление. Забыть галактические ужасы, которые прежде

всего и сделали их изгнанниками.

Свитки предсказывали, что когда-нибудь явятся величественные чиновники галактических Институтов, чтобы судить потомков нарушителей. Но вместо этого космические корабли, которые в тот страшный год пронзили покровы Джиджо, принесли с собой несколько типов преступников.

Вначале это были генные грабители, затем их смертоносные враги и наконец беглецы с Земли, еще более злополучные, чем несчастные предки Сары.

Мне снились полеты в космическом корабле, думала Сара, представляя себе плазменную бурю снаружи. *Но ни одна фантазия не похожа на это: чтобы я оставила свой мир, своих учителей, своего отца и братьев и улетела с дельфинами в яростную ночь, преследуемая боевым кораблем, полным разгневанных джофуров.*

Рыбоподобные родичи землян, преследуемые в космосе эгоистическими родичами треки.

Это совпадение превышало возможности воображения Сары.

Ее рассуждения прервали слова на англике. Послышался голос, который всегда казался Саре слегка сардоническим:

Я закончил расчет гиперпространственного тензора, о мудрец.

Похоже, ваша предварительная оценка оказалась верной. Загадочный луч, вылетевший с Джиджо некоторое время назад, не только нарушил равновесие этой гигантской звезды. Он привел к изменениям в пункте связи измерений, который находился в заторможенном состоянии в половине миктаара от нас.

Сара мысленно перевела в привычные единицы, знакомые ей по архаическим текстам, по которым она училась.

Половина миктаара. В плоском пространстве это примерно одна двадцатая светового года.

Действительно очень близко.

— Итак, луч реактивировал пункт перехода. — Сара кивнула. — Я это знала.

Ваше предсказание было бы еще более впечатляющим, если бы я понял ваши методы. Люди известны способностью делать удачные догадки.

Сара отвернулась от страшного зрелища снаружи. Кабинет, который ей отвели, казался дворцом. Он просторней зала приемов в квуэнском улье, с роскошной мебелью, которая знакома Саре по описаниям двухсотлетней давности. Помеще-

ние некогда принадлежало человеку по имени Игнасио Мец, специалисту по генетическому возвышению дельфинов. Он был убит в одной из предыдущих опасных стычек «Стремительного». Настоящий ученый, а не варвар с академическими претензиями, как Сара.

И однако она здесь — испуганная, оробевшая и в то же время необыкновенно гордая. Первая из жителей Джиджо, за много столетий вернувшаяся в космос.

Голубое дергающееся пятно отлетело от приборов на столе и приблизилось к Саре. Эту ленивую извивающуюся фигуру Сара находила такой же высокомерной, как и ее голос.

Ваша так называемая математика волчат вряд ли способна предсказать подобные глубинные эффекты в континууме. Почему бы не признать, что это была просто счастливая догадка?

Сара прикусила губу. Она не доставит машине Нисс удовольствия своим горячим ответом.

— Покажи мне тензор, — резко приказала она. — И карту… график… чтобы были видны все три гравитационных колодца.

Даже в покорном поклоне голографического существа Саре почувствовалась насмешка.

Как прикажете.

Перед Сарой вспыхнул кубический дисплей со стороной в два метра, гораздо более яркий, чем плоские диаграммы на бумаге, с которыми она выросла.

В центре кипела, представляя Измунути, сверкающая масса, излучая гневные цвета. Щупальца огромной короны извивались, как волосы Медузы, выходя за пределы обычной солнечной системы. Но эти кружевные нити быстро поглощались новым возбуждением. За последние несколько мидуров что-то привело звезду в необычно возбужденное состояние. Циклопические бури начали выбрасывать комки густой плазмы, похожие на торнадо и устремляющиеся далеко в пространство.

И нам предстоит пройти через самые худшие их них, подумала Сара.

Как странно, что все это необыкновенное возбуждение вызвано пси-активным камнем на ее родной примитивной Джиджо. Однако Сара была уверена, что перемена каким-то образом вызвана именно Святым Яйцом.

Зеленая точка, уже наполовину погрузившаяся в это смятение, на фантастической скорости неслась к Измунути, нацеливаясь миновать звез-

ду очень близко; гиперболическая орбита этой точки обозначалась линией, круто огибающей гигантскую звезду. В одном направлении тонкая линия вела к Джиджо, откуда два напряженных дня назад «Стремительный» начал свой полет, вырвавшись на свободу в рое древних кораблей — груды мусора, лежавшего на океанском дне и реактивированного для последнего величественного полета в космосе.

Одна за другой эти развалины выходили из строя или оказывались пойманными врагом, пока не остался только «Стремительный», несущийся в поисках краткого убежища к огненной Измунути.

А что касается направления вперед… данные приборов, переданные с мостика, помогли машине Нисс рассчитать вероятное направление. Очевидно, Джиллиан Баскин решила воспользоваться притяжением, чтобы, как из пращи, закрутить корабль и направить его к галактическому северо-востоку.

Сара с трудом глотнула. Это ей первой пришло в голову направить корабль туда. Но чем дальше, тем больше она теряла уверенность.

— Новый п-пункт кажется не очень стабильным, — заметила она, прослеживая траекторию

корабля до левого верхнего угла голограммы, где в пустой зоне межгалактического пространства сплеталось несколько линий.

Реагируя на ее взгляд, монитор увеличил эту зону. Появились ряды светящихся символов, описывающих местную гиперпространственную матрицу.

Она предсказала это чудо — пробуждение чего-то древнего. Нечто чудесное. На короткое время показалось, что это именно то чудо, которое им необходимо. Дар Святого Яйца. Выход из ужасной западни.

Но изучая аналитические профили, Сара заключила, что космос совсем не собирается им помогать.

— Действительно есть линии связи, открытые в иные районы пространства-времени. Но они кажутся… недостаточными.

А что можно ожидать от линии связи, которой всего несколько часов? Той, что недавно вырвали из сна силы, которые мы не в состоянии понять?

После паузы машина Нисс продолжила:

Большинство линий, ведущих из этой точки связи, все еще шириной в постоянную Планка. Возникают некоторые перспективные маршруты, по которым, возможно, через несколько

недель мог бы безопасно пролететь космический корабль. Конечно, нам от них мало пользы.

Сара кивнула. Преследующий корабль джофуров не даст «Стремительному» столько времени. Могучий «Полкджи» уже отбросил цепочку захваченных старинных кораблей, чтобы все внимание сосредоточить на настоящем «Стремительном», постоянно держа земной корабль в фокусе своих сканирующих лучей.

— Чего же надеется добиться Джиллиан Баскин, направляясь к бесполезному…

Сара мигнула, начиная понимать:

— О! Понятно.

Она отступила, и дисплей вернулся к нормальному масштабу. В двух метрах от нее в противоположном углу аккуратные изгибающиеся линии показывали пространственное расположение второго пункта перехода. Знакомый, надежный и предсказуемый пункт, которым пользовались все крадущиеся корабли, минуя Измунути за последние два тысячелетия. Единственный быстрый выход из всего этого района Четвертой Галактики.

Но так было не всегда. Когда-то, когда Джиджо была центром торговли и цивилизации могучих буйуров, корабли пользовались двумя пунктами

перехода. Но когда Джиджо стала невозделанной планетой, один из этих пунктов закрылся. Это произошло полмиллиона лет назад и случайно совпало с отлетом буйуров.

Но у Сары и ее учителя мудреца Пурофски зародилось подозрение. Закрытие этого пункта перехода не было случайным совпадением.

Итак, мы заключаем, сказала машина Нисс, *что Джиллиан Баскин действительно собирается провести корабль через эту смертоносную ловушку.*

Сара снова посмотрела на дисплей в поисках врага. И нашла его в нескольких звездных диаметрах за Измунути — желтую точку, представляющую охотника, джофурский дредноут, чей экипаж стремится захватить земной корабль и его тайны. Отбросив все отвлекающие старинные корабли из груд мусора, «Полкджи» устремился к нормальному пункту перехода, уверенный, что сумеет отрезать «Стремительному» единственный путь отхода.

Но только теперь неожиданное открытие второго пункта перехода сбило с толку мощную груду колец, командовавшую огромным кораблем. Желтый след резко повернул: «Полкджи» стремительно терял инерцию, намереваясь вслед

за «Стремительным» пролететь через корону Измунути к новой двери в пространстве-времени.

Дверь, которая еще не готова к использованию, подумала Сара. На корабле джофуров, несомненно, тоже есть инструменты, способные прочесть потоки вероятности. Джофуры должны понимать, насколько опасно углубляться в новорожденный пункт перехода.

Но может ли командование «Полкджи» допустить это? «Стремительный» мал, маневрен, а пилоты-дельфины считаются лучшими во всех пяти галактиках.

И земляне в отчаянном положении.

Джофуры должны были заключить, что мы знаем о новом пункте перехода что-то такое, чего они не знают. С их точки зрения, мы вызвали его появление взмахом руки — или плавника. И если углубляемся в него, то потому, что знаем нить или линию, которой можно безопасно воспользоваться.

Они вынуждены последовать за нами, иначе рискуют навсегда потерять «Стремительный».

Сара кивнула:

— Джиллиан и дельфины… они приносят себя в жертву ради Джиджо.

Плотный клубок линий голограммы Нисса как

будто согласно кивнул.

Из всех возможностей эта кажется наилучшей.

Предположим, мы повернем и вступим в бой. Единственный вероятный исход — пленение или смерть, и к тому же погибнет вся джиджоанская цивилизация. Получив тайны «Стремительного», джофуры отправят отчет своему клану, потом разработают специальную программу для Джиджо, вначале уничтожив всех г'кеков, затем превратив Джиджо в собственную племенную колонию, развивая новые типы людей, треки и хунов в соответствии со своими потребностями.

Заставляя «Полкджи» следовать за нами к новому пункту перехода, доктор Баскин делает маловероятным получение пятью галактиками доклада о ваших шести расах изгнанников. И ваши соплеменники смогут еще какое-то время купаться в возвышенной планетарной грязи, продолжая и в последующих поколениях поиски смутного представления об избавлении.

Как это похоже на Нисса — превратить благородный жест в возможность оскорбления. Сара покачала головой. План Джиллиан одновременно величествен и страшен.

Он означает также, что часы и самой Сары

сочтены.

Какая напрасная утрата, вздохнул Нисс. *Этот корабль и его экипаж сделали эпохальное открытие, и теперь оно может быть утерянным.*

Время после торопливого отлета с Джиджо было таким лихорадочным, что Сара по-прежнему смутно представляла себе причину всего этого смятения — что сделал «Стремительный», чтобы вызывать такой гнев и преследование со стороны великих кланов известной вселенной.

Все началось, когда капитан Крайдайки привел корабль в самое маловероятное место в поисках древностей и автоматов, о которых нет указаний в Великой Библиотеке, объяснил искусственный разум. *Это было шаровое скопление без планет или сингулярностей. Крайдайки никогда не объяснял, по какой причине выбрал именно это место. Но его догадка оправдалась, когда «Стремительный» наткнулся на огромный флот брошенных кораблей, в великолепном молчании плывущих в открытом космосе. Образцы, взятые в этой великой армаде, а также сделанные там голограммы как будто намекают на разгадку тайн самой древней истории нашей цивилизации.*

Конечно, нашими находками следовало открыто поделиться с Институтами Пяти Галактик

во имя всей кислорододышащей жизни. И хрупкий нищий клан землян получил бы невероятно огромное вознаграждение. А также мои изготовители тимбрими. Но выгоду получили бы и все остальные расы и союзы, они смогли бы заглянуть в истоки нашей миллиардолетней культуры.

Увы, несколько могучих коалиций перехватили первое сообщение «Стремительного», расценив его как исполнение древнего пророчества. Они полагали, что новость означает наступление предсказанного ранее времени смятения и перемен, и в нем решающее преимущество получит тот, кто монополизирует открытие. И вместо торжественного приема вернувшийся из Мелкого скопления «Стремительный» обнаружил поджидающие его могучие флоты, стремящиеся захватить его тайны, прежде чем он достигнет нейтрального пространства. Несколько раз нас загоняли в угол, и мы спасались только потому, что орды фанатиков начинали свирепо сражаться друг с другом из-за права схватить нас.

Увы, в нынешней ситуации у нас нет такой возможности.

Мягко сказано. Джофуры могут спокойно преследовать «Стремительный», не опасаясь вме-

шательства. Для всей остальной цивилизации этот район пуст и недостижим.

— А бедный Эмерсон был ранен в одной из этих космических схваток?

Сара тревожилась за друга, молчаливого звездного путешественника, чью загадочную рану она лечила в своем древесном доме, прежде чем совершить вместе с ним эпическое путешествие по Джиджо и вернуть на корабль.

Нет. Инженер Д'Аните был захвачен членами касты отставников в месте, которое называется Фрактальным Миром. Это событие…

Неожиданно вращение линий прекратилось. Прошло несколько секунд, прежде чем оно возобновилось.

Офицер-наблюдатель докладывает о чем-то новом. О феномене, который до этого скрывало пламя Измунути.

Дисплей подернулся рябью. Неожиданно среди нитей и огненных выбросов кипящей атмосферы Измунути появилось множество оранжевых точек.

Сара наклонилась поближе:

— Что это такое? *Конденсированные объекты.*

Искусственные образования, обладающие способностью перемещаться в пространстве.

Иными словами, звездные корабли.

Сара открыла рот и дважды его закрывала, прежде чем смогла обрести дар речи.

— Ифни, да их сотни! Как мы могли раньше их не заметить?

Нисс обиженно ответил:

О великий мудрец, обычно никто не посылает сканирующие лучи в атмосферу настоящего гиганта, чтобы поискать за ней космический корабль. Наше внимание было устремлено в другом направлении. К тому же эти корабли только сейчас начали пользоваться гравитационной энергией, стараясь избежать новых солнечных бурь.

Сара продолжала удивленно смотреть. Она испытала прилив надежды.

— А могут эти корабли нам помочь?

И снова Нисс помолчал, сверяясь с показаниями удаленных приборов.

Это кажется сомнительным, о мудрец. Их вряд ли интересует наша схватка. Эти корабли принадлежат другому порядку пирамиды жизни, совершенно отличному от вашего… хотя их можно назвать моими дальними родственниками.

Сара, вначале не понявшая, покачала головой. Потом воскликнула:

— Машины!

Даже изгнанники Джиджо могут перечислить восемь порядков жизни, среди которых кислорододышащая жизнь считается одной из самых ярких и цветистых. И среди других порядков Священные Свитки смутно упоминают синтетические существа, холодные и загадочные, проектирующие и строящие друг друга в далеких углах пространства. Им не нужна твердая поверхность, чтобы стоять на ней, не нужен воздух, чтобы дышать.

Совершенно верно. Их присутствие явно связано с проблемами, не имеющими к нам отношения. Скорее всего механоиды с благоразумной осторожностью будут избегать контакта с нами.

Голос помолчал.

Поступают свежие данные. Кажется, флотилия испытывает сильные трудности в связи с новыми бурями. Некоторые мехоноформы больше нас нуждаются в спасении.

Сара всмотрелась в оранжевые точки.

— Покажи мне!

Используя данные сканирования на большое расстояние, дисплей начал головокружительно углубляться. Вокруг Сары словно закружились огненные нити, и ее взор достиг нужной точки

— одного из механоидных кораблей, который начал обретать форму на фоне разгневанного газа.

На пределе увеличения показалась блестящая трапециеобразная фигура, почти зеркальная поверхность, отражающая солнечный свет. От бурных конвенционных зон Измунути поднимались потоки горячих ионов, и очертания механоида становились расплывчатыми: он пытался уйти от этих потоков. Отсутствие перспективы компенсировали колонки многочисленных цифр, описывающих истинные размеры корабля — квадрата со сторонами в сотни километров и с исчезающе малым третьим измерением.

Вокруг механоидного корабля пространство словно вибрировало. Несмотря на свою неопытность, Сара узнала характеристики искажающего воздействия гравитемпорального поля. Относительно небольшого поля, если судить по дисплею. Возможно, подходящего для межпланетных скоростей, но не для того, чтобы избежать надвигающегося опустошения. Сара могла только сочувственно следить за тем, как тщетно пытается сопротивляться механоид.

Первый же удар разорвал хрупкий объект пополам… и продолжал разрывать, пока корабль не превратился в поток ярких разлетающихся

брызг.

Это не единственная жертва. Посмотрите, какова судьба других борющихся.

Дисплей вернулся к прежним размерам. На глазах у Сары еще несколько точек исчезли в потоках быстрой густой плазмы. Другие продолжали подниматься, пытаясь избежать водоворота.

— Кто бы они ни были, надеюсь, им удастся уйти, — прошептала Сара.

Как странно, что корабли-машины кажутся менее прочными, чем «Стремительный», чьи защитные поля способны в течение нескольких мидуров выдерживать воздействие звездной атмосферы, какие бы бури там ни бушевали.

Если бы они не смогли выдерживать потоки плазмы, то были бы бесполезны против оружия джофуров.

После краткого прилива надежды разочарование вызвало ощущение горечи во рту. Очевидно, с этой стороны никакой помощи ждать не приходится.

Сара видела определенную последовательность в своих приключениях за последний год: ее вынесло из пыльного кабинета, и она встретилась с чужаками, участвовала в сражениях, ехала верхом на легендарных лошадях, погружалась

в море и, наконец, приняла участие в бегстве звездного корабля. Вселенная как будто решила продемонстрировать ей чудеса, превосходящие воображение: гигантские звезды, пункты перехода, говорящие компьютеры, универсальные библиотеки… а теперь еще и картины другого *порядка жизни.* Загадочного вида, абсолютно не похожего на обширную, всепоглощающую цивилизацию Пяти Галактик.

Эти чудеса выходят далеко за пределы образа жизни интеллектуала-варвара на деревенской планете. И тем не менее космос собирался дать ей только возможность взглянуть.

Можешь смотреть, словно говорил он. *Но не можешь прикоснуться.*

Твое время почти истекло.

Опечаленная, Сара смотрела, как оранжевые точки отчаянно убегают от торнадо звездного жара. Еще несколько неторопливых кораблей поглотила поднимающаяся буря, их огни погасли, как залитые водой угли.

Кажется, Джиллиан и дельфины уверены, что мы выдержим короткий перелет через этот ад. Но исчезающие точки заставили Сару потерять уверенность. Разве машины не должны быть прочнее простой плоти?

Она собиралась спросить об этом Нисса, когда у нее на глазах дисплей снова изменился. Измунути замерцала, и когда изображение перестроилось, на нем появилось нечто новое. Ниже отступающих оранжевых точек появились три сверкающие фигуры. Они неторопливо и грациозно поднимались, блестя имперским пурпуром, выходя из пламени на пути «Стремительного».

— А это что? — спросила Сара. — Еще механоиды?

Нет, ответил Нисс тоном, в котором словно слышалось благоговение. *Это нечто совершенно иное. Мне кажется, это…* Компьютерная диаграмма деформировалась, распалась на части, похожие на сосульки. *Мне кажется, это занги.*

У Сары по коже поползли мурашки. Это слово из легенд, полных страха. На Джиджо его всегда произносят шепотом.

— Но… как… что они здесь делают?..

Прежде чем она смогла закончить вопрос, Нисс снова заговорил:

Прошу прощения за то, что прерываю вас, Сара. Исполняющая обязанности капитана доктор Джиллиан Баскин созывает срочное совещание совета корабля, чтобы обсудить новое развитие событий. Вы приглашены на совет.

Хотите, чтобы я от вашего имени извинился за отсутствие?

Но Сара уже направилась к выходу.

— Не смей! — крикнула она через плечо перед втягивающейся дверью, которая давала ей возможность пройти.

За дверью в обе стороны тянулся изгибающийся коридор, словно сегмент искаженного пространства-времени, уходящего вдалеке к вертикали. Это зрелище всегда пугало Сару. Тем не менее на этот раз она побежала.

ДЖИЛЛИАН

По какой-то причине бурная красная звезда напоминала ей Венеру.

Естественно, это приводило к мыслям о Томе.

Все напоминало Джиллиан о Томе. После двух лет его отсутствие все еще было открытой раной, и каждую ночь она рефлекторно искала его тепла. А днем все время ожидала услышать его сильный голос, предлагающий помочь в ее бесконечных тревогах. Во всех этих проклятых решениях.

Разве не достойно героя умереть, спасая мир?

Тихий внутренний голос подсказывал: *именно для этого существуют герои.*

Да, отвечала она. *Но мир ведь продолжает существовать, верно? И по-прежнему нуждается в спасении.*

С тех пор как вселенная разлучила их на Китрупе, Джиллиан твердит себе, что Том не может быть мертв. *Я бы это знала,* постоянно думает она, убеждая себя силой воли. *Через галактики и мегапарсеки я бы почувствовала, если бы он погиб. Том по-прежнему где-то там, вместе с Крайдайки, Хикахи и всеми остальными, которых мы вынуждены были оставить.*

Он сумеет благополучно вернуться домой… или ко мне.

Эта уверенность помогала Джиллиан выносить тяготы во время первого года бегства «Стремительного»… пока постоянные кризисы последних нескольких месяцев не поколебали ее уверенности.

И вот, сама не осознавая этого, она начала думать о Томе в прошедшем времени.

Он любил Венеру, думала она, глядя на разгневанные солнечные виды за корпусом «Стремительного». Конечно, атмосфера Измунути яркая, а у соседки Земли тусклая под вечным покровом кислотных облаков. Но есть и существенные черты сходства. Ужасная жара, страшные бури, отсутствие влаги.

Обе предлагают крайности надежды и отчаяния.

Джиллиан видит, как Том расправляет руки в космическом скафандре, охватывая панораму под горой Афродиты, указывая на мрачные низины. Вокруг фаланг титанических структур, уходящих к искаженному горизонту, пляшут молнии. Один затянутый тенью гигант за другим, новые просторы, охваченные работой по преобразованию Венеры. По преобразованию — шаг за

шагом — самого ада.

Разве это не замечательно? спросил Том. *Эта попытка доказывает, что и наш вид способен на мысли о далеком будущем.*

Даже с заимствованной галактической технологией на эту попытку уйдет больше времени, чем на все существование земной письменности и сельского хозяйства. Пройдет десять тысяч лет, прежде чем на выжженных равнинах появятся моря. Для нищих волчат это очень смелый проект, особенно учитывая то, что букмекеры са'ентов и клурнапов давали очень небольшие шансы на то, что земной клан проживет еще одно или два столетия.

Мы должны показать вселенной, что верим в себя, добавил Том. *Иначе кто в нас поверит?*

Его слова звучали хорошо. Благородно и величественно. И в то же время Том почти убедил Джиллиан.

Только с тех пор многое изменилось.

Полгода назад, во время краткой и ужасной остановки во Фрактальном Мире, Джиллиан сумела уловить слухи об осаде Земли, которая происходит в далекой Второй Галактике. Очевидно, сейчас букмекеры са'енты принимают ставки не на столетия, а на годы или джадуры

существования человечества.

И проект преобразования Венеры сейчас кажется не вполне уместным.

Нам было бы лучше оставаться фермерами, Тому и мне. Или учителями. Или помогать заселению Галафии. Не следовало прислушиваться к словам Джейка Демвы и Крайдайки. Этот полет приводит к гибели все, чего касается.

Включая бедных колонистов Джиджо — шесть рас изгнанников, которые заслуживают шанса без помех искать свою судьбу. Пытаясь найти убежище на этой запретной планете, «Стремительный» принес катастрофу племенам Джиджо.

Казалось, есть только один способ загладить эту вину.

Можем ли мы заманить джофуров за собой в этот новый пункт перехода? Каа должен создать убедительную траекторию, как будто мы знаем безопасную нить, к которой можно прикрепиться. Чудесную тропу, ведущую к спасению. Если мы все сделаем правильно, большие жирные груды колец последуют за нами! У них не будет выбора.

Поскольку кажется, что нет возможности благополучно доставить груз «Стремительного» домой, такой выбор вполне оправдан. И еще одна причина, которая кажется ядовитой и мстительной.

И мы прихватим с собой врагов.

Говорят, неминуемая смерть очищает рассудок, но в Джиллиан она вызывала только сожаление.

Надеюсь, Крайдайки и Том не очень разочарованы мной, думала она, подходя к двери зала для совещаний. *Я стараюсь, как могу.*

С тех пор как Джиллиан неохотно заняла место, на котором в более счастливые времена восседал Крайдайки, корабельный совет сильно изменился. В дальнем конце длинного стола единственный уцелевший офицер-дельфин, лейтенант Тш'т, искусно управляла шестиногим аппаратом для ходьбы; установка несла ее в ту нишу, в которой до гибели вблизи Китрупа размещал свой мощный корпус Такката-Джим.

Тш'т поздоровалась с главным инженером-человеком, хотя теперь Ханнеса Суэсси не узнала бы родная мать: большинство его органов заменено компонентами-киборгами, а на месте головы возвышается серебряный купол. Большая часть этой сверкающей поверхности покрыта тусклым декальцинированием, как в мотоциклах до контакта, и эта деталь делала Суэсси особенно дорогим экипажу. По крайней мере хоть у кого-то за эти годы непрерывного кризиса сохранилось чувство юмора.

Джиллиан остро ощущала отсутствие еще одного члена совета, своей подруги и коллеги-врача Маканай, которая с несколькими десятками дельфинов осталась на Джиджо. Остались те, кто страдал деволюционной лихорадкой или не был необходим для попытки прорыва. В сущности, дельфины основали седьмую незаконную колонию на этом невозделанном мире. Еще одна тайна, которую находящиеся на борту готовы защищать ценой своей жизни.

Тайны. Существуют и другие загадки, гораздо хуже защищенные.

Мысли Джиллиан перешли на предметы, находящиеся *в* ее кабинете. Некоторые из них достойны звездного выкупа. Простой намек на их существование уже привел в смятение Цивилизацию в Пяти Галактиках.

Прежде всего это труп, который она прозвала Херби. Тело чужака, такое древнее, как будто он уже миллиард лет улыбается какой-то шутке. Остальные реликты казались не менее привлекательными — или проклятыми. С тех пор как «Стремительный» начал собирать эти непонятные предметы, его преследуют беды.

«Предметы судьбы». Так назвал один из Древних загадочный груз «Стремительного», когда

корабль находился в Фрактальном Мире.

Может, так и надо. Все это причиняющие неприятности сокровища размажутся по всей протонной ширине, когда мы нырнем в новый пункт перехода.

По крайней мере она получит удовлетворение, видя, как в последнее мгновение меняется выражение Херби, когда со всех десяти измерений вокруг него сомкнутся узы реальности.

На одной из стен зала для совещаний появилось голографическое изображение Измунути, огромное клубящееся огненное облако больше орбиты Земли. Машина Нисс на галактическом семь с тимбримийским акцентом тем временем сообщала последние данные наблюдений:

Корабль джофуров отбросил последние корабли-макеты, предоставив им плыть в пространстве. Освободившись от этой тяжести, «Полкджи» стал проворней и направляется к новому пункту перехода. Он намерен достичь нового пункта связи раньше «Стремительного».

— Он может перегнать нас? — спросила на англике Джиллиан.

Голограмма Нисс задумчиво заклубилась.

Это кажется маловероятным, если только они не используют какой-нибудь рискованный

способ движения вероятности, что нетипично для джофуров. Они потратили много времени на полет к старому пункту перехода. Наш пролет вблизи самой Измунути может помочь нам прибыть первыми… хотя ничего хорошего это может нам не дать.

Джиллиан не обратила внимания на сарказм машины. Большая часть экипажа как будто поддерживает ее решение.

Когда нет другого выбора, смерть кажется терпимей, если увлекаешь за собой врага.

Ситуация с джофурами кажется стабильной, поэтому Джиллиан сменила тему:

— Что можешь сообщить о других кораблях?

О двух загадочных флотилиях, недавно обнаруженных в атмосфере Измунути? После консультаций с архивами по тактике я прихожу к выводу, что они действуют согласованно. Больше ничто не способно объяснить их близость. Они вместе летят, пытаясь уйти от неожиданной плазменной бури.

Возразил Ханнес Суэсси, голос его, низкий и хрипловатый, раздавался из серебряного купола.

— Механоиды и водорододышащие сотрудничают? Это кажется странным.

Вертящийся клубок линий сделал жест, похо-

жий на кивок.

Действительно. Различные порядки жизни редко контактируют. Но согласно нашей захваченной библиотечной ячейке, такое возможно, особенно если какой-нибудь чрезвычайно важный проект требует способностей двух или большего порядков, действующих совместно.

Новый член совета свистом попросил внимания. Каа, главный пилот, не пользовался аппаратом для ходьбы, поскольку ему нужна возможность в любой момент вернуться к своим обязанностям. Молодой дельфин плавал в узком наполненном водой туннеле, огибавшем стол для совещаний. Он заметил:

Может ли хоть какая-то причина
Под лунами, создающими приливы,
Объяснить такие аномалии?

Для усиления Каа плеснул плавниками, и вода зашипела °т пузырьков. Джиллиан перевела это свистящее-щелкающее стихотворение для Сары Кулхан, которая так и не овладела тринари.

— Каа спрашивает, какой проект может оправдать опасности погружения в звезду.

Сара ответила энергичным кивком.

— Возможно, у меня есть частичный ответ.

Молодая джиджоанка погладила черный куб

перед собой — личную алгоритмическую машину Джиллиан, которую та дала ей, когда Сара оказалась на борту.

— С тех пор как мы впервые засекли эти корабли, я все время думала, какие особенности Измунути могут привлекать жителей далеких систем. Например, моих собственных предков. После прохождения регулярного пункта перехода они прокладывали орбиту так, чтобы она проходила через внешнюю атмосферу гигантской звезды. И все крадущиеся корабли на Джиджо пользовались тем же методом, чтобы скрыть свой след.

Мы тоже думали об этом, невесело рассуждала Джиллиан. *Но я, должно быть, что-то сделала неверно, потому что ротены сумели последовать за нами и выдали местоположение наше и шести рас.*

Она заметила, что лейтенант Тш'т смотрит на нее. Упрекает в том, что привела «Стремительный» в такое трудное положение? Дельфин долго и пристально смотрел на нее, потом отвернулся, а Сара продолжила:

— Согласно этому обучающему устройству, звезды, подобные Измунути, производят в своей разбухшей атмосфере огромное количество тяже-

лых атомов. Особенно много углерода, который покрывает все оказавшиеся поблизости твердые предметы. Корабли наших предков прибыли на Джиджо, черные от этого вещества. «Стремительный», вероятно, единственный корабль, попытавшийся проделать это дважды: на пути туда и обратно. Ручаюсь, это вещество создало вам проблемы.

— Еще бы! — прогремел усиленный голос Суэсси. Ханнес постоянно боролся с растущим слоем углерода. — Это существо тяжелое, у него необычные свойства, и оно забивает все гребни вероятности.

Сара кивнула:

— Но подумайте: что, если кто-нибудь использует такое покрытие? Разве это не лучший способ собрать его?

Она снова погладила черный куб, передавая данные с него на большой дисплей. Хотя Сара провела на борту всего несколько дней, она начинала привыкать к удобству современных орудий и инструментов.

Перед советом появился похожий на зеркало прямоугольник, отражающий яркое свечение плоской поверхности под ним.

— Возможно, я невежественная туземка, —

заметила Сара. — Но мне кажется, что можно собирать атомы звездного ветра с помощью чего-то, обладающего обширной поверхностью и малой начальной массой. Такое устройство может даже не тратить энергию на отлет, оно просто движется под действием световых волн.

Лейтенант Тш'т прошептала:

— *Сссолнечный парус!*

— Так это называется? — кивнула Сара. — Представьте себе машины, прибывающие через пункт перехода в виде компактных объектов, спускающиеся к Измунути, затем разворачивающие такие паруса, чтобы на энергии звезды вернуться назад к пункту перехода, набирая по пути слои одномолекулярного углерода и другие элементы. Расход энергии на тонну вещества будет минимальным!

Вращающаяся голограмма Нисса продвинулась вперед.

Ваша гипотеза предполагает наличие экономичной техники для сбора ресурсов, причем механоидам понадобится всего лишь один пункт перехода для прилета и отлета. В индустриальных районах Пяти Галактик имеются дешевые альтернативы, но здесь, в Четвертой Галактике, в данное время промышленность ничтожна или

вообще не существует вследствие недавней миграции и объявления галактики невозделанной…

Нисс сделал короткую паузу.

Механоиды идеально подходят для такой работы по сбору Урожая, они способны быстро и легко создавать специальные версии для подобной работы. И с минимальной массой. Это объясняет, почему их двигатели и щиты кажутся хрупкими перед такой бурей. У них нет запаса прочности для неизведанного.

Джиллиан видела, что осталась только половина оранжевых точек, пытающихся уйти от тяготения Измунути, прежде чем их захватит плазма. Три пурпурные точки уже легко и грациозно поднялись к конвою механоидов.

— А как же занги? — спросила она.

Я предполагаю, что они и есть нанимателя механоидов. Наша Библиотека утверждает, что группы зангов иногда нанимают представителей порядка машин для специальных услуг. Время от времени то же самое делают великие кланы кислорододышащих.

— Что ж, похоже, их планы нарушены, — заметил Суэсси. — На этот раз немного груза доберется домой.

Дельфин в туннеле, наполненном водой, ис-

пустил задумчивое щелканье. Это не тринари, а звуки, которые дельфины издают, когда глубоко задумаются. Джиллиан по-прежнему чувствовала себя виноватой в том, что попросила Каа участвовать в этом полете: ведь это означало для него оставить возлюбленную в опасности на Джиджо. Но для ее отчаянного плана «Стремительный» нуждается в первоклассном пилоте.

Согласен, заключила вращающаяся голограмма Нисса. *Занги будут в дурном настроении после этой неудачи.*

— Из-за экономических потерь? — спросила Тш'т. *Из-за этого, но не только. Согласно Библиотеке, водорододышащие плохо реагируют на сюрпризы. У них более медленный метаболизм, чем у кислородной жизни. Все непредвиденное для них внутренне неприятно.*

Конечно, для создания, которое, подобно мне, запрограммировано на поиски нового, такое отношение кажется странным. Как без сюрпризов быть уверенным, что объективный мир существует? Можно предположить, что вселенная всего лишь один большой…

— Минутку, — прервала Джиллиан, прежде чем Нисс углубился в философские рассуждения. — Нас всех учили избегать опасных встреч с

зангами, предоставив контакт с ними специалистам их великих Институтов.

Совершенно верно.

— Но теперь ты говоришь, что они могут быть особенно сердиты? Может быть, раздражены?

Голограмма Нисса напряженно свернулась.

Доктор Баскин, после трех лет знакомства с вами, знакомства с тоном вашего голоса и образом мыслей, ваш последний вопрос вызывает тревожное ощущение.

Справедливо ли я опасаюсь? Вам кажется раздражительность загнов… привлекательной?

Джиллиан молчала, но позволила себе мрачно и загадочно улыбнуться.

ГАРРИ

На часах его личного времени прошло пять лет с тех пор, как он сделал невозвратный шаг, стоя среди добровольцев из пятидесяти чуждых рас и тщательно выговаривая слова выученной наизусть клятвы, написанной много веков назад какой-то давно исчезнувшей расой. После вступления в корпус наблюдателей жизнь Гарри не просто изменилась — она ушла от его генетического наследия, и теперь его верность принадлежит не родной планете, а возвышенному чиновничеству, которое уже было древним, когда его отдаленные предки все еще прятались в земных джунглях от динозавров.

Однако во время обучения его поражало, как часто другие студенты расспрашивали его о земном клане, чья история стала самой популярной межзвездной драмой. Сможет ли племя незащищенных, лишенных спонсоров волчат догнать звездную цивилизацию и не повторить обычной судьбы выскочек? Вопреки незначительности Земли этот вопрос вызывал многочисленные споры и рассуждения.

Каково это, спрашивали его другие новички,

иметь патронами людей, которые *сами себя научили* таким фундаментальным умениям, как речь, космические полеты и евгеника? Как неошимп, Гарри по своему статусу был ниже любого Другого клиента на базе, но он почти стал знаменитостью: одни относились к нему враждебно, другие восторженно, но почти все — с любопытством.

В сущности, он немного мог рассказать своим соученикам о террагентской цивилизации, потому что всего лишь год провел среди неошимпанзе, обладающих речью, прежде чем ушел из университета и записался в Институт Навигации. На самом деле он вел жизнь изгнанника.

Родился он в космосе, на борту террагентского разведывательного корабля. Смутные воспоминания о корабле «Пеленор» говорили Гарри об утраченном рае, полном высокотехнологических удобств, о теплом месте, где так приятно играть. Члены экипажа казались ему богами: офицеры-люди, рядовые-неошимы и неодельфины… а также веселый, похожий на дерево советник-кантен; все они были постоянно заняты своими делами и отвлекались от них, только когда ему хотелось приласкаться или быть подброшенным в воздух.

Но вот в один ужасный день его родители решили высадиться, чтобы изучать странное человеческое племя на отдаленной колониальной планете Хорсте. На этом кончилось участие Гарри в эпохальном полете «Пеленора» и началась та часть его жизни, которая вызывала у него жгучее раздражение.

Воспоминания о космических просторах и гудящих двигателях делались туманными и идеализированными. Во время детства на этой пыльной планете представление о космических полетах становилось все более волшебным. И когда Гарри наконец покинул Хорст, его поразила подлинная стерильная чернота между редкими звездными оазисами.

Я помню все это другим, думал он во время перелета на Землю. Конечно, эти воспоминания — всего лишь фантазии ребенка. В университете преподаватели учили его, что субъективные впечатления ненадежны. Они созданы мозгом, который хочет верить.

Тем не менее его жажда так и не была утолена. Стремление искать рай в других версиях реальности.

Бананы держали его в западне несколько дней.

Если бы аллафор был менее личным, Гарри

мог бы сопротивляться энергичней. Но образ слишком точно нацелен, чтобы можно было его игнорировать. После первого столкновения, когда станция едва не опрокинулась, Гарри решил подождать, прежде чем снова бросить вызов этому рифу.

К тому же это совсем неплохое место для наблюдений. В синергии между странным континуумом и его собственным мозгом местность проявлялась как высокое плато над обширным морем пурпурных щупальцев. На удалении по-прежнему возвышались черные горы, хотя некоторые дыры в небе превратились во впадины, как будто небесный купол собирался растаять или обрушиться.

Были здесь и формы жизни — в основном существа меметического порядка. Мимо шестиугольной платформы Гарри ползали, мелькали или мерцали какие-то фигуры, паслись или охотились друг на друга, а иногда сливались и проходили у него на глазах странные преобразования. В плоскости других измерений мемы могли существовать только как паразиты, живущие в сознании или в мыслительных процессах своих хозяев, физических существ. Но здесь, в пространстве E, в мире осязаемых идей, они были

свободны.

Твое воображение позволяет тебе выполнять обязанности наблюдателя, объяснял Гарри во время обучения Вер'Кв'квинн. *Но не поддавайся соблазну солипсизма, считая, что в пространстве Е что-то может произойти просто потому, что ты этого захочешь. Если будешь упрям или неосторожен, пространство Е способно прервать тропу твоей жизни.*

Гарри никогда в этом не сомневался. Глядя на ползающие по пурпурной степи мемоформы, он проводил время, размышляя о концептах, которые в них содержатся. Вероятно, ни одно из этих существ не обладает разумом, поскольку на этом уровне реальности подлинный разум встречается крайне редко. Однако каждая мемоформа, пересекающая поле его зрения, воплощает *одну мысль,* не связанную никаким органическим или электронным мозгом. Это отдельная самостоятельная идея с такой же структурной сложностью, как те, что порождает Гарри своими органами и генетическим кодом.

Может быть, вот та, прыгающая поблизости и похожая на двенадцатиногую антилопу, представляет собой абстракцию, отдаленно связанную со *свободой?* Когда летающее существо с неров-

ными краями начало преследовать антилопу, Гарри подумал, что охотник может представлять собой сложную версию *стремления.* Или он просто пытается поместить сложное и невообразимое в простые ниши, чтобы удовлетворить потребность едва развитого разумного сознания в упорядоченности?

Что ж, в человеческой природе все упрощать. Создавать стереотипы. Представлять себе, что можно вообразить невообразимое.

Местные мемоорганизмы занимательны, но время от времени под наблюдательным пунктом появляется кое-что еще, требуя пристального внимания.

Он всегда мог различить чужака. Чужаки передвигались неловко, словно их аллафорические формы — неуклюжие костюмы. Часто приближались хищные мемы, принюхивались в предчувствии вкусной концептуальной добычи и тут же стремительно убегали от резкого вкуса прочной материи. Металлические корабли или органические формы жизни, чужаки из других областей реальности, они не останавливаются, чтобы осмотреться, но торопливо пролетают мимо плавающих гор, стремясь найти убежище в небе из швейцарского сыра.

Гарри наслаждался этими мгновениями, когда зарабатывал свое жалованье. Стараясь говорить как можно точнее, он описывал каждого вновь появившегося своему партнеру, корабельному компьютеру, который находился у него под ногами, защищенный от враждебного воздействия Е-пространства. На базе специалисты расшифруют его показания и постараются установить, какой именно корабль пролетал мимо Гарри и куда он мог направляться. Тем временем они с компьютером и сами делали догадки.

Бортовые файлы памяти знакомы с таким образцом, сказало в одном случае плавающее «Н» — после того как Гарри описал особенно причудливого новичка, поднимавшегося на мириаде жестких сверкающих лап, словно ходячая солнечная вспышка. *Это как будто представитель квантового порядка разума.*

— Правда? — Гарри прижался к стеклу. Объект похож на хрупкую перистую спору зилма, которую ветер принес из далекого уголка Хорста. Тонкие стебельки ломались и испарялись, а тварь (корабль? одиночное существо?) торопилась к дыре в небе вблизи горизонта.

— Никогда не видел такой большой квант. Что он здесь делает? Мне казалось, они не любят

Е-пространство.

Попробуйте представить себе, что вы, органические, испытываете относительно жесткого вакуума: вы сохнете и гибнете в нем, если только не окружены слоями защитной технологии. Точно так же флуктуационные субъективности этого царства опасны для других порядков жизни. Пространство Е для существа квантового порядка еще отвратительней, чем для представителей порядка машин.

— Гм. Тогда почему он здесь?

Не могу понять, какое срочное дело побуждает его. Большинство квантовых существ поселяются в пенистых промежутках космоса, в местах, недоступных для зрения остальных вариантов жизни, подобно бактериям твоего родного мира, которые живут в скалах. Специалисты Института Библиотеки установили контакт в квантовым порядком меньше ста миллионов лет назад.

Могу только предложить, чтобы вы вежливо отвернули взгляд, разведчик Хармс. Квант явно испытывает трудности. Не нужно добавлять ему неприятностей, глядя на него.

Гарри поморщился при этом напоминании.

— А, верно. Принцип неопределенности!

Он отвернулся. Его работа в пространстве Е — наблюдать, но если наблюдать слишком внимательно, можно причинить вред.

И вообще его настоящая задача — наблюдать за менее экзотическими пришельцами.

Большинство увиденных им кораблей принадлежали водорододышащим: их легко опознать, потому что эти шарообразные корабли в любом континууме выглядят одинаково. По какой-то причине члены этого порядка любят находить короткий путь через пространство Е, хотя уровни А и Б гораздо эффективней, а пункты перехода позволяют перемещаться быстрей.

В тех редких случаях, когда Гарри замечал представителей собственного порядка кислорододышащих — великой и могучей цивилизации Пяти Галактик, — ни один из них не приближался к его наблюдательному пункту, чтобы защитить свой запрещенный маршрут в этом запретном месте.

Неудивительно, что эту работу поручили шимпу из самого низкого класса. Даже преступники, старающиеся прокрасться в невозделанную зону, были бы дураками, если бы попробовали использовать пространство аллофоров.

И я дурак, поставленный охранять его.

Но все равно это лучше сухих ветреных степей Хорста.

Все что угодно лучше Хорста.

Он и его родители были единственными представителями своего вида на этой планете, а это означало длительный процесс овладения речью, особенно трудный для молодого неошимпанзе. Марко и Фелисити были постоянно заняты своими исследованиями, и Гарри приходилось практиковаться с дикоглазыми детьми пробшеров, которые смеялись над его волосатыми руками и тем, что он рано начал заикаться. С раскрашенными лицами, раздражительные и вспыльчивые, они не проявляли ни одного из тех качеств, которых со слов родителей он ожидал в старшей расе. К тому времени как он понял, насколько отличаются люди на Хорсте, это уже не имело значения. Он поклялся покинуть не только Хорст, но вообще Террагентское сообщество. Отправиться на поиски странного и незнакомого.

Много лет спустя Гарри понял, что подобное же стремление могло руководить и его родителями. В юношеском гневе он не обращал внимания на их просьбы о терпении, на их неловкую любовь, даже на их благословение при расставании.

Сожаление — это видимость, прощение — ци-

вилизованная абстракция, лишенная боли или остроты.

Но другие воспоминания могли заставить его испытывать глубокие эмоции. Воспоминания о том, как ботбианской ночью он вслушивается в вой волков на сухих озерах, пятнисто освещенных лунами. Как он сидит на корточках у костра, а шаман пробшеров распевает странные сказания. Марко и Фелисити воспринимают их как почитаемые народные легенды, хотя эти племена обитают на Хорсте меньше шести поколений.

Его собственная разумная раса ненамного старше! Всего несколько столетий назад люди начали изменять генетику шимпанзе.

Кто дал им на это право?

Никакого разрешения и не нужно было. Галакты следовали такому образцу долгие эпохи: каждое поколение звездных существ выращивало следующее в процедуре, именуемой Возвышением.

В целом люди были лучшими хозяевами, чем многие… и он скорее предпочел бы быть разумным.

Нет. От земного клана его уводило не негодование, а своеобразная отчужденность. Бормотание мистиков пробшеров имело не больше значения,

чем отчаянные ходы Террагентского Совета, старающегося помешать перемалывающим силам подавляющей вселенной. Можно, конечно, сравнить искры, поднимающиеся от костра, со звездами, нависшими над головой. На первый взгляд они кажутся одинаковыми. Но какое значение имеет уголек в огромных масштабах вселенной?

Разве космосу не все равно, выживут ли люди или шимпы?

Даже в университете эти мысли тревожили Гарри. Связи его становились все менее прочными, пока не порвались одна за другой. И осталось только неопределенное желание найти что-нибудь постоянное и прочное. Что-нибудь заслуживающее быть всегда.

Поступив в Институт Навигации, под начало к Вер'Кв'квинну, он нашел это постоянное и никогда не жалел о своем решении.

Тем не менее Гарри удивляло, что и спустя годы к нему возвращаются видения пустынной планеты его юности. Хорст оставил глубокий след в его памяти. Его ветры в сухой траве. Запахи, которые осаждают обоняние, вцепляются когтями в носовые пазухи. В сознании запечатлелись картины: шаман, многоцветные пески, олени, прыгающие

звери, охотники с копьями.

И даже как официальный представитель галактической цивилизации, представляющий кислородный порядок на этом причудливом уровне реальности, где в каждом окне, словно картины Дали, мерцают аллафоры, Гарри по-прежнему видит столбы дыма, поднимающиеся от костров, тщетно пытаясь соединиться с далекими звездами.

ЛАРК

— Не сюда! — крикнула Линг.

Ее крик заставил Л арка остановиться, пробежав несколько метров по новому коридору.

— Но я уверен, что это лучший путь к нашему убежищу. — Ларк указал на тусклый изогнутый проход между серыми керамическими стенами. На борту лабиринтоподобного корабля джофуров на каждом перекрестке слышались сильные необычные запахи. Этот запах манил отчетливыми привкусами ЗЕЛЕНИ и УБЕЖИЩА.

— Я тебе верю, — кивнула Линг. — Поэтому мы и не должны идти туда. За нами могут следить.

Она больше не походила на звездную богиню, темные волосы коротко острижены, а светлая кожа покрыта сажей. В изорванной рубашке от своего некогда блестящего мундира Линг теперь кажется гораздо более дикой, чем жители Джиджо, которых она называла дикарями. В перевязи из ткани она несет алое кольцо, из которого, как из разрезанной сосиски, сочится жидкость.

Ларк понял, что она имеет в виду. С того времени, как они попытались повредить контрольную рубку дредноута, огромные джофуры и их слу-

ги-роботы преследуют их по всему гигантскому кораблю. И беглецы не должны привести преследователей к единственному месту, где можно найти пищу и убежище.

— Куда в таком случае? — Ларк не терпел открытых мест. Он сжимал их единственное оружие — круглую пурпурную трубку. Более крупная и здоровая, чем красная, она оставалась единственным ключом, чтобы открыть запертые двери и миновать стражников.

Линг гораздо лучше, чем он, знает звездные корабли. Но этот огромный корабль совсем другой. Она заглянула в темный туннель, изогнутый проход, который казался скорее органическим, чем искусственным.

— Просто выбери направление. Быстрей. Я слышу, они идут.

Бросив тоскливый взгляд в сторону их «гнезда», Ларк взял ее за руку и свернул под прямым углом направо, в другой проход.

Стены маслянисто блестят, каждый коридор или вход издает свой отчетливый запах, отчасти это заменяет полное отсутствие надписей. Хоть он и примитивный сунер, Ларк хорошо знал треки. У родичей джофуров совсем другая личность, но много общих физических черт. И, как урож-

денный джиджоанец, Ларк улавливал многие нюансы сложного языка запахов.

Несмотря на причудливые изгибы, он уже представлял себе общую схему гигантского корабля — это приплюснутый сфероид, набитый мощным оружием и приводимый в движение двигателями, способными искажать пространство несколькими способами. Остающееся пространство представляет собой лабиринт мастерских, лабораторий и загадочных помещений, которые ставили в тупик даже знакомую с межзвездными перелетами Линг. После того как они с трудом ушли из джофурской командной рубки, Ларк и Линг продвигались внутрь, назад в крошечный рай, где они спрятались после побега из камеры заточения.

В место, где они в первый раз любили друг друга.

Но груды жирных колец закрыли осевые падающие лифты, перекрыв легкий доступ к центру «Полкджи».

От этого весь корабль управляется неэффективно, немного погодя довольно объясняла Линг. *Они не могут рассылать экипаж по различным заданиям. Пока мы на свободе, мы причиняем им вред, Ларк!*

Он ценил ее стремление увидеть и хорошую сторону в их трудном положении. Даже если будущее кажется мрачным, Ларк чувствовал себя счастливым, пока находится рядом с ней.

Оглянувшись назад, Линг схватила его за руку. Звуки преследования раздавались все ближе. И тут Ларк и Линг услышали что-то с противоположного направления, за следующим резким поворотом.

— Мы в ловушке! — крикнула Линг.

Ларк бросился к ближайшей запертой двери. Ее сильный запах напомнил ему о базарных днях дома, когда на торговлю под навесами с грудами мульчи выставлялись на продажу недавно порожденные кольца треки.

Он направил пурпурное кольцо на пластину, чувствительную к запахам, и ерзающее создание выпустило струйку редкого тумана. *Давай делай свое дело,* молча торопил Ларк.

Их единственная надежда — в этом даре бывшего мудреца треки Аскса, который сумел ненадолго избавиться от господства джофурского мастер-кольца, чтобы вырастить два младенческих тора. Беглецы не имели понятия, для чего предназначено красное кольцо, но пурпурное чудо позволило им несколько невероятных дней оставаться сво-

бодными — с того самого мгновения, как боевой корабль стартовал с Джиджо в открытый космос по своему маниакальному делу.

Конечно, мы знали, что это не может продолжаться долго.

Дверной замок с мягким щелканьем принял кодированный химический ключ, дверь скользнула в сторону, позволив им через едкие испарения вбежать в тусклое помещение, разделенное многочисленными высокими стеклянными перегородками. Однако у Ларка не было времени разбираться во впечатлениях: в коридоре за ними прозвучал *человеческий* голос и послышался топот ног.

— Стойте! Глупцы, разве вы не понимаете, что делаете только хуже? Выходите, прежде чем они начнут использовать…

Закрывшаяся дверь отрезала гневные угрозы бывшего командира Линг. Ларк прижал пурпурного треки к внутренней чувствительной к запахам пластине, и кольцо начало испускать испарения — химические вещества, меняющие код замка. По опыту Ларк знал, что преследователям потребуется не менее полмидура, чтобы войти — если, конечно, они не пустят в ход тяжелые режущие инструменты.

Зачем это им. Они знают, что мы внутри в ловушке.

Его особенно раздражало то, что в угол его загнал Ранн. Третий человек-пленник перешел на сторону джофуров, возможно, рассчитывая тем самым освободить своих патронов богов ротенов из заключения на Джиджо. У Ларка не было выхода, поскольку пурпурное кольцо не окажет никакого воздействия на рослого даника.

Повернувшись, Ларк увидел, что стеклянные стены, которые тянутся от пола до высокого потолка, образуют гигантский виварий, а в нем — ряды извивающихся, дергающихся тварей.

Это крошечные кольца треки!

По прозрачным трубам в каждую нишу поступает коричневая, похожая на грязь жидкость.

Очищенная жидкая мульча. Детское питание. Мы в их яслях!

Само по себе кольцо треки не обладает разумом. На планете, где они эволюционировали, ползая в зловонных болотах, как хищные черви, одиночные кольца никогда многого не достигали. Только когда кольца треки начали соединяться и специализироваться, появился уникальный вид предразумной жизни, готовой к принятию и возвышению, которое и проделали их похожие

на моллюсков патроны поа.

Здесь экипаж «Полкджи» выращивает специализированные кольца, обладающие нужными навыками, чтобы стать членами экипажа.

Многообещающий способ воспроизводства. Несомненно, среди этих пульсирующих пончиков есть и мастер-кольца, созданные тысячелетия назад и преобразившие мирных рассудительных треки в непоколебимых грозных джофуров.

Ларк подпрыгнул, услышав раздающийся в узких проходах человеческий крик. С бьющимся сердцем он побежал, зовя Линг по имени.

Голос ее отражался от стеклянных стен.

— Скорей! Они меня загнали в угол!

Ларк обогнул виварий и наконец увидел ее. Линг пятилась от двух рослых джофурских рабочих, двигаясь в направлении ниши в дальней стене. *Это штат яслей,* сообразил Ларк. Каждая заостренная груда состояла по крайней мере из тридцати специализированных колец, она раскачивалась и шипела, достигая у основания двух метров в диаметре, и весила не меньше тонны. Восковые бока груд светились жизненной силой, какой никогда не бывает у треки дома на Джиджо, по кольцам пробегали многозначительные рисунки из света и темноты. Разноцветные

испарения поднимались из хемосинтезирующих пор, как щупальца манипуляторов, протягиваясь к Линг.

Она двигалась гибко, прыгая из стороны в сторону. Искала возможности использовать что-нибудь в качестве оружия. В глазах ее не было страха, и она не проявляла своей радости при появлении Ларка, не хотела привлекать к нему внимание.

Конечно, зрительные сенсоры джофуров смотрят одновременно во все стороны. Но с этим преимуществом связан и недостаток — медленная реакция. Первая груда все еще угрожающе нависала над жертвой, когда Ларк набросился на нее сзади. Каким-то образом подарок Аскса знал, куда направить поток едкого пара. Испарения окутали орган, подобный драгоценному камню, он быстро потускнел и задергался.

Вся груда задрожала, осела и застыла. Ларк не стал тратить времени, поворачиваясь ко второму врагу…

…но лишь обнаружил, что его правая рука зажата стальным щупальцем. Потянуло острым запахом ТРИУМФА: второй джофур подтягивал его к себе, продолжая сжимать.

Пурпурное кольцо дергалось в руке Ларка, но

химические брызги под невозможным углом, под выступающими кольцами джофура, не попадали в цель. Мастер-кольцо управляло другими кольцами с такой злобой и уверенностью, каких Ларк никогда не видел дома у спокойных треки. Сжатие становилось непереносимым, дыхание вырвалось в сдавленном болезненном крике.

Уши Ларка заполнились грохотом: дождь острых мокрых обломков обрушился на его спину.

Джофур испустил резкий вопль. И кто-то другой прокричал свирепое предупреждение на щелкающем стаккато галактического два:

Отпустить человека — ты должен.

Иначе остальные малыши — погибнут!

Сжатие отпустило ребра Ларка в то мгновение, когда он начал терять сознание. Джофур в неуверенности покачивался. Всматриваясь слезящимися глазами, Ларк увидел на большой груде осколки стекла, пол был мокрый. И тут он увидел Линг. Они присела в нескольких метрах, держа в руке согнутую металлическую трубу и угрожающе размахивая ею перед Другим виварием. Ларк не мог понять, где она нашла это оружие. Но на полу уже дергалось множество маленьких ко-

лец, вылившихся из одного вивария с кормящей мульчей. Некоторые пытались передвигаться на недоразвитых ногах или плавниках. Маленькие мастер-кольца размахивали чувствительными щупальцами, искали другие торы, чтобы господствовать над ними.

Ларк видел, что работник яслей колеблется в нерешительности.

Шум за дверью свидетельствовал, что экипаж «Полкджи» уже пытается открыть дверь. Очевидно, двум беглецам некуда деваться.

Джофур принял решение. Он выпустил Ларка.

Ларк удержался на подгибающихся ногах, не упал и нацелил пурпурное кольцо на сенсоры феромонов.

Через мгновение и второй работник присоединился к спячке первого.

Ну и ну, подумал Ларк. *Если это хрупкая нянечка, то не хотелось бы мне встретиться с их бойцом.*

Линг схватила его за руку и не дала упасть.

— Пошли, — торопила она. — Отдыхать некогда. У нас много дел.

— О чем ты говоришь? — попытался расспросить Ларк. Говорил он с трудом. Но Линг не дала ему опуститься на пол и отдохнуть.

— Я думаю, что знаю выход отсюда, — настойчиво сказала она. — Но будет тесновато.

Как и предсказывала Линг, грузовой контейнер оказался маленьким. Даже согнувшись вдвое, Ларк с трудом поместился в нем. Пурпурное кольцо ерзало в промежутке между его грудной клеткой и стеной.

— Я по-прежнему считаю, что ты должна идти первой, — пожаловался он.

Линг торопливо нажимала клавиши на сложной панели рядом с маленьким шаттлом.

— А ты умеешь это программировать?

Она права, хотя Ларку это не нравится.

— К тому же мы направляемся в неизвестность. Разве впереди не должен идти лучший боец?

Теперь Линг смеется над ним. Тот, кто пойдет первым, должен будет преодолеть сопротивление с помощью пурпурного дара Аксса или потерпит поражение. Физическая сила почти бесполезна против робота или взрослого джофура.

Ларк мимо Линг посмотрел на дверь яслей, где можно было увидеть красный блеск режущего факела. С его помощью с противоположной стороны проделывали отверстие. Очевидно, Ранн и джофуры отказались от попыток декодировать замок и решили использовать грубую силу.

— Но ты пойдешь за мной?

Вместо ответа она наклонилась и поцеловала его — вначале в лоб, благословляя, потом страстно в губы.

— Как тебе такое обещание? — спросила она, смешивая свое дыхание с его.

Линг попятилась, прозрачная крышка закрыла маленький контейнер, построенный для перевозки оборудования и образцов между мастерскими корабля джофуров. В Библосе, в джиджоанских архивах, была примитивная версия подобной системы: драгоценные бумажные книги и сообщения пересылались от библиотеки к библиотеке по узким трудам из бу.

— Эй! — крикнул Ларк. — Куда ты меня посы…

Шум и яркий блеск прервали вопрос и заставили Линг повернуться. Резак ускорил работу, как будто враг почувствовал необходимость торопиться. К ужасу Ларка, круг был почти закончен.

— Выпусти меня! — потребовал он. — Мы меняемся местами!

Линг покачала головой и возобновила программирование на панели.

— У нас нет выбора. Приготовься. Движение будет резким. Прежде чем Ларк мог снова возразить, часть стены с неожиданным грохотом упала. На

мгновение поле зрения заволокло облако дыма и искр. Но вскоре ворвутся воины джофуры… а Линг безоружна!

Ларк заколотил по прозрачной крышке, и тут в стремительной последовательности произошло несколько событий.

Линг опустилась на пол, где среди осколков вивария продолжали извиваться многочисленные маленькие кольца. Развязав перевязь, она осторожно опустила второй дар Аскса — раненое алое кольцо, — чтобы оно смешалось с остальными.

Среди клубов дыма в дверях показался высокий силуэт. Клинообразная фигура, несомненно, принадлежит Ранну, предводителю группы людей даников, поклявшихся в верности повелителям ротенам.

Линг встала. Оглянулась через плечо на Ларка, который в страхе за нее продолжал колотить по крышке.

Спокойно протянула руку к панели.

— Нет! Выпусти меня! Я…

Ускорение началось резко. Сложенное тело Ларка ударилось о стену.

Лицо Линг исчезло, и он полетел Ифни знает куда.

ДВЕР

— Они действительно ушли?

Двер прислонился к древнему, в неровностях окну. Всмотрелся в сверкающий ландшафт, чувствуя, что страшный холод космоса всего на расстоянии в палец от него.

— Не вижу никаких признаков, — ответил он Рети. — С твоей стороны тоже все чисто?

Его спутница, девушка лет четырнадцати, со шрамом на лице и с волнистыми волосами, прижалась к окну в противоположном конце пыльного помещения, когда-то бывшего контрольной рубкой великолепного корабля, но теперь похожего на грязную развалину.

— Ничего… если не считать кусков мусора, которые продолжают выпадать из этого ржавого ведра.

Она рукой ударила по ближайшей переборке. Из трещин в доисторических металлических стенах поднялись облака пыли.

Владельцы корабля, должно быть, очень странно устроены, поскольку окна для наблюдения располагались на высоте колена стоящего человека, а контрольные приборы находились на

высоких столбах посредине продолговатого помещения. Но какая бы раса ни владела когда-то этим кораблем, он, очевидно, был выброшен, как лом, свыше полумиллиона лет назад, когда оказался в огромной груде корпусов на дне Помойки под джиджоанским океаном.

Нахождение в ледяной воде способствовало сохранности. Тем не менее экипаж «Стремительного» совершил чудо, оживив десятки развалин для единственного недолгого полета. И, учитывая все обстоятельства, замечание Рети можно считать несправедливым.

Здесь есть воздух, думал Двер. *И машина, которая выдает пасту, пригодную в пищу… почти пригодную. Смерть нам не грозит. Пока.*

Не то чтобы положение ему очень нравилось. Но после того как в последние несколько дней он много раз был на волосок от смерти, Двер находил, что сохранение жизни и здоровья — это повод для удивления и радости, а не презрения и жалоб.

Конечно, у Рети свой, уникальный способ смотреть на мир. В конце концов ее молодая жизнь была гораздо более тяжелой, чем его.

я обнюхал каждый уголок этой старой лодки, послышался тонкий голосок, говоривший

на англике со свистящим оттенком и с ноткой торжества, *ни следа металлических чудовищ, ни одного! мы их всех испугали!*

Говоривший вышел на середину каюты на четырех миниатюрных копытцах — четвероногое, с двумя тонкими руками, как у кентавра, и длинной, извилистой, змееобразной шеей. Гордо подняв голову, маленький йи подошел к Рети и забрался в сумку у нее на поясе. Эти двое называют друг друга «мужем» и «женой»: такой союз был бы понятен джиджоанцу, но ошеломил бы гражданина цивилизации Пяти Галактик. Многословный урский самец и давно не мывшаяся, еще не достигшая половой зрелости девушка-человек — поистине странная пара. Двер покачал головой.

— Этим роботам наш свирепый вид нисколько не помешал. К тому же мы прятались в шкафу, испуганные до смерти, помнишь? — Он пожал плечами. — Ручаюсь, они не стали обыскивать корабль, потому что сразу увидели, что он пуст.

Ханнес Суэсси и его искусный дельфиний экипаж воскресили сотню лежавших на морском дне древних кораблей, чтобы замаскировать отлет «Стремительного» и дать землянам хоть небольшой шанс уйти от многократно превосходящего

их по силе дредноута джофуров. Присутствие Двера на одном из этих кораблей было результатом целой цепи случайностей. (Предполагалось, что сейчас он приземляется в воздушном шаре на горячем воздухе на Джиджо в районе Серых Холмов, выполнив свое старое обещание, а не удаляется в сплошной черноте от дикой природы, которую так хорошо знает.)

Но Рети планировала очутиться здесь! В ее изобретательном мозгу план захвата корабля зрел, должно быть, много недель, как теперь понял Двер.

— Эти жирные кольца выбросили нас, чтобы охотиться где-нибудь на дельфинов! Я знала, что это случится, — воскликнула Рети. — Теперь нам остается только направиться в Пять Галактик. Добраться до места, где большое движение, окликнуть какой-нибудь проходящий торговый корабль и заключить сделку.

Ее энтузиазм заставил его улыбнуться. Как легко разделывается Рети с осаждающими их проблемами! Такими, например, как тот факт, что все трое они примитивные джиджоанцы. Даже для блестящих Ларка и Сары, брата и сестры Двера, научиться управлять космическим кораблем было бы невероятно сложной задачей. А

ведь они младшие мудрецы в Сообществе Шести Рас. *А я всего лишь простой лесник! Как умение выслеживать зверей поможет нам перелетать от звезды к звезде?*

Что касается Рети, выросшей в диком племени изгнанников сунеров, то она всего несколько месяцев назад начала учиться читать.

— Эй, учитель! — приказала Рети. — Покажи, где мы!

К полу были прикреплены четыре серых ящика, соединенных проводами с древней контрольной панелью. Три из них оставлены дельфинами и запрограммированы на руководство кораблем в новом отвлекающем маневре. Четвертый ящик — портативный «советник», говорящая машина, которую дал Рети экипаж «Стремительного». Она уже показывала Дверу свою игрушку — до появления роботов джофуров.

Пассивные сенсоры действуют всего на семь процентов эффективности, ответил прибор. *Активные сенсоры вышли из строя. По этим причинам репрезентация будет соответственно неточной.*

Неожиданно между Рети и Двером возникло изображение… одна из тех волшебных голограмм, которые движутся и кажутся реальными.

В одном углу внизу гневный огненный шар — *Великая Измунути,* с суеверной дрожью понял Двер. Желтая точка в центре представляет их собственный несчастный корабль. Поблизости виднеется еще несколько желтых точек, которые медленно плывут вправо вверх.

Джофуры отпустили все захваченные корабли. Я полагаю, это означает, что они знают, где находится «Стремительный».

Двер подумал о Джиллиан Баскин, такой печальной и такой красивой, несущей бремя, которого ему никогда не понять. За то короткое время, что он провел на борту земного корабля, у него сложилось впечатление… Джиллиан думает, что нести это бремя ей уже недолго.

Но тогда к чему все это? Если нет никакой надежды уйти, зачем Джиллиан подвергает свой несчастный экипаж таким трудностям и страданиям?

Посмотрите на корабль джофуров, сказал учитель Рети. В правом верхнем углу появилась размазанная точка, которая быстро перемещалась налево, повторяя маршрут вблизи самой поверхности Измунути.

Он резко изменил направление полета и теперь движется на максимальной псевдоскорости

уровня С.

— А «Стремительный» ты можешь увидеть? — спросил Двер.

— Нет, не могу. Но судя по углу поворота «Полкджи», корабль землян закрыт красной гигантской звездой.

Рети сидела рядом с Двером на полу скрестив ноги, глаза ее горели отраженным светом голограммы.

— Забудь о землянах, — приказала она. — Покажи, куда мы направляемся!

Дисплей изменился, Измунути и джофурский фрегат скрылись из виду. Наверху голограммы появилось размытое пятно, скользкое на вид. Рядом видны были ряды символов и цифр — информация, которая могла бы иметь смысл для его сестры, но Дверу казалась просто пугающей.

— Это… *пункт перехода,* верно? — спросила Рети чуть дрогнувшим голосом. — Дыра, через которую мы пролетим в Пять Галактик?

— Да, в определенном смысле это дыра. Но этот пункт перехода не может служить линией прямого выхода из Четвертой Галактики — той, в которой мы находимся — в любую другую галактику. Чтобы осуществить это, мы должны проследовать вдоль какой-нибудь линии перехода

к другому гиперпространственному пункту связи. Гораздо большему и дающему возможность совершать длительные прыжки.

— Ты хочешь сказать, что нам придется несколько раз перепрыгивать из потока в поток? — спросил Двер, сравнивая этот полет с плаванием в каноэ по горной реке.

— *Ваша метафора имеет ограниченное сходство. Согласно новейшим навигационным данным, выход из этой галактики в более населенные районы может быть достигнут серией из пяти переходов, или трех переходных пунктов плюс два долгих прыжка через гиперпространство А, или через два трудных пункта перехода плюс один прыжок на уровне А и три на уровне В, или…*

— Достаточно, — сказала Рети, хлопнув руками, чтобы остановить машину. — Сейчас мне нужно только узнать, доберемся ли мы до пункта?

Последовала короткая пауза: машина думала.

— *Я обучающее устройство, а не корабельный навигатор. Могу только сказать, что наша псевдоинерция уровня С кажется достаточной, чтобы достичь периферии пункта перехода. И энергии корабля может хватить для перелета к одному из ближайших пунктов перехода.*

Рети не нужно было говорить. Довольное

выражение лица говорило за нее. Все идет в соответствии с ее изобретательным планом.

Но Двера не так легко обмануть.

Она, может быть, умна, подумал он. *Но в то же время безумней спятившего мульк-паука.*

Он знает это с того времени, когда они едва не погибли много месяцев назад в горах Риммер, захваченные древним существом, которое Двер называл Один-в-своем-роде. С тех пор смелость Рети стала походить на безрассудную манию. Двер полагал, что Рети жива только потому, что Ифни благоприятствует безумцам, бросая ради них особую кривую кость.

Он понятия не имел, что такое пункт перехода, но это кажется опасней, чем дразнить руола, тыча ему в морду зловонного червя.

Ну ладно, вздохнул Двер. *Сейчас делать нечего.* Как следопыт, он умел терпеливо ждать, позволяя природе идти своим курсом.

— Как скажешь, Рети. Теперь давай выключим эту проклятую штуку. Покажи мне еще раз пищевую машину. Может, мы сумеем научить ее выдавать что-нибудь получше этой жирной пасты.

ГАРРИ

Он переосмыслил станцию так, чтобы она выглядела наподобие марсианского паука — черное овальное туловище на тонких, как стебельки, ногах. Это было частью плана Гарри, как справиться с этими копиями банановых шкурок.

Обдумав положение и сверившись с архивом символических ссылок, он решил, что желтые штуки могут служить аллафорическим представлением искажений времени в малом масштабе, каждый такой завиток оборачивается вокруг нескольких пространственных измерений. Наталкиваясь на такой завиток, вы вначале почти не встречаете сопротивления. И вдруг, без всякого предупреждения, оказываетесь на скользком отвратительном поле, которое на большой скорости отбрасывает вас назад, к пункту вашего происхождения.

Если это теория справедлива, ему повезло, что он пережил первое столкновение в этими отвратительными тварями. Второй неверный шаг может оказаться гораздо более… энергичным.

Поскольку полет кажется в этой части пространства Е меметически невозможным, морфо-

логия паука лучшая идея, какая могла прийти Гарри в голову. Она предлагает воображаемую возможность маневрирования, чтобы избежать опасности: длинные паучьи лапы переносят станцию с одного устойчивого места на другое. Но переход будет рискованным, поэтому Гарри на несколько дней отложил попытку, надеясь, что риф аномальности претерпит еще одно изменение. В любой момент эти надоевшие «шкурки» могут просто раствориться или превратиться в нечто менее опасное. И пока у него сохраняется хороший вид на охраняемую территорию, лучше просто сидеть на месте и ждать.

Конечно, он понимал, почему на этот пост был назначен рекрут с Земли, относящийся к самому низкому классу. Вер'Кв'квинн сказал, что тесты Гарри свидетельствуют об идеальном сочетании цинизма и оригинальности и делают его лучшим кандидатом в наблюдатели в аллафорическом пространстве. Но по правде говоря, уровень Е непривлекателен для большинства кислорододышащих. Большие кланы цивилизации Пяти Галактик в лучшем случае считают его неприятной и причудливой странностью. Опасной и непредсказуемой. В отличие от уровней А, Б и Ц уровень Е предлагает немного кратчайших

путей, минующих обширный вакуум реального пространства. Всякий, кто спешит — или у кого есть инстинкт самосохранения, — выберет скорее пункты перехода, гипердрайв или мягкоквантовые туннели, а не пространство, в котором царствуют капризные субъективности.

Конечно, кислорододышащие — наиболее крикливые и исступленные представители восьми порядков жизни. Замечая водородников, кванты, мемоиды и другие экзотические типы, Гарри вел записи, фиксируя их безразличие к течению времени. *Они не считают время своим врагом, как считаем мы, кислородные типы.*

Его начальники в Институте всегда с жадностью принимали данные о подобных полетах, хотя Гарри не мог понять почему. Порядки разума редко взаимодействуют друг с другом, они словно занимают разные вселенные.

Тем не менее в этой странности можно спрятать что угодно, и именно эта особенность иногда привлекает сюда жизнь, основанную на кислороде. Иногда какая-нибудь фракция или союз посылают через пространство Е боевой флот, предпочитая испытывать неудобства, но застать противника врасплох. Или преступники могут надеяться тайно пройти по этому предательскому

царству. Гарри учили высматривать сунеров, генных грабителей, синтоворов и тех, кто старается обойти строгие правила миграции и Возвышения. Правила, которые до сих пор не позволяли космосу погрузиться в хаос и разрушения.

Гарри не питал иллюзий относительно своего статуса. Он знал, что его работа опасна и скучна и большие институты поручают ее клиентам самых незначительных кланов. Но он серьезно относился к своей клятве, данной Институту Навигации и Вер'Кв'квинну. И собирался всем сомневающимся показать, на что способен неошимп.

Эта решимость подверглась серьезному испытанию, когда он проснулся в следующий раз и всмотрелся через планки жалюзи. И, удивленно мигая, увидел ряды зубчатых зеленых хребтов, появившихся, пока он спал. Неторопливо разворачиваясь на равнине, они напоминали полупогруженный торс какого-то гигантского морского змея и уходили к обоим горизонтам, закрывая панораму пурпурной равнины.

Время здесь течет неторопливо, и могло пройти несколько псевдодней, прежде чем исчезнет преграда, закрывавшая вид. Гарри некоторое время смотрел, как медлительно поднимаются и опус-

каются завитки змея, гадая, какая комбинация реальности и его собственных мыслительных процессов могла породить такое видение. Если это и мемоид — еще одна самостоятельная живая абстракция, он достаточно велик, чтобы поглотить большинство других, более скромных идеализации, пасущихся поблизости.

Когда концепция сильно разрастается, становится ли она частью ландшафта? Сливается ли она с основанием пространства Е? Принимает ли эта «идея» участие в мотивации всего космоса?

Одно несомненно: когда нечто подобное встает на пути, он не в состоянии наблюдать за отведенной для него областью.

К несчастью, проклятые банановые шкурки по-прежнему окружают его станцию, как смертоносное аллафорическое минное поле. Однако очевидно, что пришло время передвинуться.

Когда он впервые попытался вручную управлять движением ног-стебельков, станция покачнулась. Очевидно, его высокая башня превышает пределы вертикальности в этом районе, где местные законы физики запрещают полеты. Сооружение накренилось и трижды едва не упало, прежде чем он приспособился.

Увы, передать управление станцией компью-

теру невозможно. «Режим пилотирования» в пространстве Е часто бесполезен: машины слепы и глухи к аллафорам, лежащим прямо перед ними.

— Ну, поехали, — сказал Гарри и осторожно двинул платформу вперед, поднимая одну паучью лапу, пронося мимо желто-коричневой «шкурки» и ставя на самое надежное место в пределах досягаемости. Проверив устойчивость, он переместил центр тяжести станции и переносил вес вперед, пока не почувствовал, что можно делать второй шаг.

Процесс похож на игру в шахматы: нужно думать на десять ходов вперед, потому что вернуться назад невозможно. «Обратимость» — бессмысленное слово в этом континууме, где *смерть* может быть всего лишь одним из атрибутов живого существа, а *энтропия* — еще один концепт, охотящийся в саванне идей.

Передвижение превратилось в медленный, напряженный процесс, скучный и поглощающий все внимание. Гарри стал еще больше презирать символы банановых кожурок. И использовал свою ненависть, чтобы усилить сосредоточенность, осторожно пробираясь посреди желтых эмблем скользкости и зная, что любой неверный

шаг может отбросить станцию к забвению.

Каким-то образом — он это знал — кожурки чувствовали его отвращение и ненависть. Их границы под его взглядом как будто слегка съеживались и становились отчетливей.

Нам не нужны для этой работы бесстрастные наблюдатели, объяснял Вер'Кв'квинн, когда Гарри приняли в корпус наблюдателей на базе Каззкарк.

Мы можем выбрать многих других, чье сознание более дисциплинированно. Они отчужденней, осторожней и во многих отношениях разумней. Такие добровольцы нужны повсюду. Но в пространстве Е больше подходит кто-нибудь вроде тебя.

Спасибо, ответил Гарри. *Вы хотите сказать, что я не должен быть скептичен, когда отправляюсь на задание?*

Командир отряда наклонил большую червеобразную голову. Шуршащие пластинки произносили слова на щелкающем галактическом пять.

Только те, кто проявляет скептицизм, готовы к истинным приключениям, продолжал Вер'Кв'квинн. *Но есть много разновидностей скептицизма. Твой скептицизм прочный, земной, внутренний. Вы, молодые земляне, восприни-*

маете окружающее лично, как будто космос особенно заинтересован в том, чтобы причинять вам неприятности. На большинстве уровней реальности это отъявленная ошибка гордости солипсизма. Но в пространстве Е это, возможно, единственный способ справиться с *идиосинкразическим космосом.*

После этого разговора Гарри испытал смешанные чувства — как будто только что получил смертельное оскорбление и одновременно высочайшую похвалу в жизни. И почувствовал еще большую решимость.

Возможно, Вер'Кв'квинн этого и добивался.

Я вас ненавижу, мысленно обращался Гарри к нелепым, оскорбительным желтым кожуркам. На каком-то уровне это могут быть нейтральные завитки пространства, описываемые холодными уравнениями. Но здесь они своим видом словно насмехались над ним, вызывая глубокое отвращение, и Гарри использовал его как преимущество. Он вел станцию так, словно каждый небольшой успех еще больше унижает реального врага.

Ему стало жарко, он вспотел. Проходил один напряженный час за другим, и густой острый запах постепенно заполнил купол.

Наконец проворным ловким движением Гарри

перенес свой экипаж через последнее препятствие и глубоко вздохнул, чувствуя себя уставшим, вспотевшим и торжествующим. Может быть, на каком-то уровне аллафоры поняли, что потерпели поражение, потому что в то же мгновение «шкурки» начали трансформироваться, желто-коричневые морские звезды отращивали иглы и завитки…

Гарри не стал ждать, чтобы посмотреть, чем они станут. Он приказал режиму пилотирования поскорее убираться отсюда.

Потребовалось какое-то время, чтобы миновать зеленое «морское чудовище», ныряя в промежутки между его разворачивающимися завитками. Переход заставил Гарри понервничать, глядя на участки гигантского торса этой ожившей концепции. Но вот наконец он может свободно передвигаться по открытой местности. Мимо понеслась пурпурная равнина. Гарри нацелился на самый перспективный наблюдательный пункт — коричневый холм, который выглядит достаточно постоянным и в то же время слишком голым и земным, чтобы привлечь голодных мемоидов. В таком месте он может остановиться и мирно возобновить исполнение своих обязанностей патрульного.

Возвышение находится на некотором удалении — не меньше нескольких мидуров субъективной протяженности. Тем временем окружающее пространство выглядит спокойным. Несколько замеченных Гарри аллафорических тварей торопливо уходили с его пути. Большинство хищных мемоидов не любит упрощенные запахи металла и других твердых веществ, которые вторгаются с других уровней реальности.

Гарри решил, что можно спуститься вниз и принять душ. Затем, расчесывая густые завитки волос, приказал автоповару приготовить что-нибудь поесть. Подумал, не поспать ли, но обнаружил, что все еще слишком напряжен. В таком состоянии сон будет полон видениями и не принесет отдыха. И вообще разумней присматривать, когда корабль движется. Режим пилотирования не может замечать все.

Решение оказалось верным. Поднявшись в купол, Гарри заметил, что его верный корабль гораздо ближе к цели, чем он ожидал. *Какой быстрый прогресс. Мы уже на полпути вверх по холму,* подумал Гарри, рассматривая местность в окна. *Превосходное место для наблюдений.*

И тут на приборной доске сразу несколько инструментов начали возбужденно гудеть.

Проверив показания, Гарри понял, что прямо впереди, за вершиной хребта, находится что-то состоящее преимущественно из прочной материи. Это не форма другого порядка жизни. Все подозрительно знакомые признаки, которые его научили замечать в поисках кораблей Цивилизации Пяти Галактик.

Кислородники, понял Гарри.

Попались!

Проверяя оружие, он испытал прилив возбуждения. Именно к этому его готовили. К встрече с собственным порядком жизни, который появляется в мире, где Нет места существам из протоплазмы. Гарри предвкушал удовольствие, которое испытает, когда остановит и станет осматривать корабль какого-нибудь напыщенного, высокомерного клана, вроде соро или танду. Придется им проглотить это оскорбление: ведь их поймает и будет проверять простой шимпанзе из клана земных волчат.

Ты здесь не для того, чтобы воевать, напомнил себе Гарри, готовя оборудование станции.

Главная твоя задача — наблюдать и докладывать.

Тем не менее он — представитель закона и обладает правом допрашивать кислородные

существа, которые оказываются на этом уровне. И вообще подготовка оружия — разумная предосторожность. Во время работы в пространстве Е разведчики часто исчезают. Конечно, нападение шайки преступников может показаться слишком приземленным по сравнению с пожиранием какой-нибудь самостоятельно передвигающейся идеей… но ты все равно будешь мертв.

Привидение не движется, с некоторым удивлением заметил Гарри. *Просто стоит на месте, чуть ниже вершины. Может, корабль сломался или столкнулся с какими-то неприятностями. Или еще…*

В голове у него возникла мысль о засаде. Привидение может поджидать его.

Но ведь оборудование Гарри специально подготовлено для использования на уровне Е, а у пришельцев могут быть только обычные корабельные инструменты. Вполне вероятно, что они вообще еще его не заметили.

Я могу захватить их врасплох.

Но по мере того как проходили дуры и псевдорасстояние до цели сокращалось, Гарри начал сомневаться в том, насколько хороша его идея. В этом континууме большинство кислородных существ нервничают. Может быть, испытывают

воинственность. И сюрприз может оказаться не таким уж выгодным. Он слишком поздно вспомнил, что станция по-прежнему выглядит как паук! Свирепо выглядящая, на длинных лапах, она делает огромные шаги. Такое устройство дает ему хороший обзор… и делает уязвимым для огня, если встреченные возьмутся за оружие.

Ну, менять что-либо уже поздно. Готов я или нет, начинается!

Переваливая через метафорический холм, Гарри включил транспондер распознавания, смело передавая символические ссылки на свой официальный статус и принадлежность к одному из высших институтов галактической культуры.

Пришелец появился на виду, заполнив переднее смотровое окно — приземистая продолговатая фигура, напоминающая бронированного жука с грозными клешнями. Эти клешни угрожающе протянулись к Гарри. Ряды длинных тонких эмиттеров над лбом жука раскачивались, как чувствительные антенны, вызывающе посылая навстречу Гарри агрессивные символические ответы на его вызов. Дергающиеся клубки материального значения стремительно преодолевали расстояние между кораблями. И когда первый клубок ударился о переднюю панель, послы-

шался хлюпающий звук, перешедший в крик, который заполнил все помещение.

СДАВАЙСЯ, ЗЕМЛЯНИН! СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО! КАПИТУЛИРУЙ ИЛИ УМРИ!

Гарри замигал. Он несколько дуров просто смотрел, держа руку на управлении оружием, а в окно продолжали стучать новые угрозы.

ПОКОРИСЬ! ПРИГОТОВЬСЯ К ВСТРЕЧЕ С ТВОИМИ СОЗДАТЕЛЯМИ! СПУСТИ ШОРТЫ! ЗОВИ НА ПОМОЩЬ ДЯДЮШКУ! СДАВАЙСЯ ВО ИМЯ ЗАКОНА!

Неожиданно Гарри издал низкий стон.

Должно быть, это Засусазу… мой сменщик. Неужели срок дежурства кончился?

Кто еще может сидеть на холме в пространстве Е, на открытом месте, как не еще один проклятый глупый доброволец Вер'Кв'квинна?

Об оконные щиты ударялись все новые оскорбительные клише, заставляя купол болезненно резонировать, и наконец Гарри ответил собственным залпом. Одно за другим он отправлял Засусазу красочные земные проклятия, удовлетворяя страсть коллеги к живописным земным ругательствам.

— Смейся, пока можешь, жабья морда! Проглоти и это, переросший комок слизи! Заплесневевший

сыр! — Он рассмеялся, отчасти облегченно, отчасти потому, что увлечение Засусазу показалось ему очень глупым.

Что ж, все, кто работает на Вер'Кв'квинна, в той или иной степени немного тронулись, подумал Гарри, стараясь быть великодушным. *Засусазу лучше многих других. Он по крайней мере любит небольшие сюрпризы.*

Тем не менее, обменявшись докладами со своим сменщиком и предоставив Засусазу распоряжаться в царстве идей, Гарри задумался над причиной своего чувство облегчения. Дежурство было трудным, и он заслужил отдых. Однако, несмотря на раздражение, опасность и одиночество пространства Е, он всегда испытывает некоторое разочарование, когда дежурство заканчивается. И можно возвращаться домой.

Домой? Может быть, проблема именно в этом слове.

Он подумал над ним, словно это концептуальная тварь, бродящая по пурпурной равнине.

Оно не может означать Хорст, так как я ненавижу каждую минуту, проведенную там. Или Землю, где я провел всего один год, в одиночестве и смятении.

Может ли домом служить база Каззкарк, если

другого дома у меня нет?

Может ли исполнять эту роль Институт Навигации, теперь, когда я должен служить ему верно, как служат роду или стране?

Гарри понял, что не знает, как определить это слово.

С того момента, как он впервые прилетел сюда с Каззкарка, все внешние ориентиры и приметы изменились. Тем не менее оставалось общее впечатление привычности и знакомства. Гарри никогда не опасался заблудиться.

И не очень удивился, когда красно-синее небо над головой постепенно наклонилось, соприкасаясь с «землей», подобно огромной опускающейся стене. Он принял на себя управление станцией. Осторожно, маневрируя вручную, ввел станцию в удобное отверстие в небе.

САРА

Мудрецы говорят нам, что с покорностью и смирением приходит особый душевный мир.

С отказом от борьбы за жизнь.

С отказом от надежды.

Впервые Сара по-настоящему поняла эти древние слова, наблюдая за тем, как Джиллиан Баскин решает, жить им или умереть.

Никто не сомневался в том, что светловолосая женщина, представитель Террагентского Совета, обладает правом, долгом и мудростью, необходимыми для того, чтобы сделать этот выбор — для себя самой и для всех на борту. Ни дельфины, ни Ханнес Суэсси, ни машина Нисс. Казалось, с этим согласен и немой друг Сары Эмерсон, хотя сама Сара сомневалась, насколько искалеченный бывший инженер понимает смысл лихорадочно вспыхивающих на голографическом дисплее огоньков вблизи изображения могучей Измунути.

Даже подростки из порта Вуфон — Олвин, Гек, Ур-ронн и Клешня — признают власть командира. И если Джиллиан считает нужным отправить «Стремительный» к несозревшему переходному

пункту — в попытке заманить за собой врага и спасти Джиджо, мало кто на борту этого побитого корабля проклянет ее решение. По крайней мере оно принесет конец бесконечным бедам.

Мы смирились. Я обрела мир, и доктор Баскин тоже.

Но теперь положение не кажется таким простым. Она Увидела альтернативу… и эта альтернатива хуже ада.

Деятельность экипажа на борту корабля была Саре по большей части совершенно непонятна — и на заполненном водой мостике, и в сухой комнате для совещаний, где дельфины передвигались в специальных устройствах для ходьбы.

Конечно, сведения Сары о галактической технологии устарели на два столетия: она приобрела их, читая на Джиджо немногие бумажные книги. Однако ее теоретическая подготовка оказалась удивительно пригодной для понимания условий местного пространства-времени. А вот практические дела экипажа ставили ее в полный тупик: дельфины передавали доклады о положении корабля по кабелям, вживленным прямо в мозг, посылали друг другу инфопакеты из крошечных клубков полуразумного света. А когда они говорили вслух, то обычно на арго из щелканий и

возгласов, не имевшем ничего общего ни с одним из стандартных галактических языков. Однако ничто не приводило Сару в большее изумление и благоговение, чем присутствие при попытках доктора Баскин получить информацию от захваченной ячейки Галактической Библиотеки.

Большой куб располагался в собственном помещении, окруженный ледяным туманом; на одной стороне куба изображена спираль с лучами, известная даже диким племенам на Джиджо. Внутри этих двенадцати граней и шести ограничивающих плоскостей находилось такое собрание знаний, которое делало архив в Библосе подобным одной слезинке по сравнению в огромным морем.

Джиллиан Баскин обращалась к Библиотеке, одетая в призрачное одеяние из иллюзий, ее стройная человеческая фигура скрывалась под созданным компьютером изображением чудовищного, с грубой кожей, существа — «тенанинца». Сара наблюдала из тени и только удивленно мигала, пока старшая женщина с помощью этой сложной маскировки на гортанном диалекте галактического шесть задавала вопросы о загадочных существах, известных как занги.

Но вопросы ее воспринимались не очень лю-

безно.

Берегись общения с другими порядками жизни, гудел холодный голос. Сара приняла это за ритуальное предупреждение.

Благоразумные контакты лучше всего проводить в глубине Величественной Чаши, где рожденные порознь могут благополучно сочетаться.

В этом глубоком месте различия стираются и рождается единство.

Но здесь, в черном вакууме, где пространство плоское и лучи света могут распространяться прямо, молодые расы не должны смешиваться с другими порядками. Здесь они подобны враждебным газам. Соединение может привести к воспламенению.

Пораженная пророческим тоном архива, Сара задумалась над тем, как его иносказательный язык напоминает тексты Священных Свитков, которые дома на Джиджо верующие читают вслух во время праздников. То же нежелание дать прямой ответ можно найти и во многих божественных книгах, которые она встречала в архиве Библоса, книгах, унаследованных от длительной земной ночи одиночества. Эти древние тома, различаясь во многом, одинаковы в

своей аллегорической двусмысленности и непонятности.

В науке — в подлинной науке — всегда есть способ уточнить вопрос, затруднить увиливание от прямого ответа. Природа, возможно, ответит не сразу, но по крайней мере всегда можно понять, когда начинаются отговорки и увиливания. Напротив, мистическая двусмысленность кажется величественной и поразительной, от нее по спине могут поползти мурашки. Но в конечном счете все сводится к уходу от прямого ответа.

Да, но у древних землян — и у первых джиджоанских мудрецов — было оправдание. Невежество. Иносказания и неясность естественны для тех, кто не знает другого пути. Однако я никогда не ожидала ничего подобного от Галактической Библиотеки.

С самого детства Сара мечтала о встрече с такой ячейкой. Она могла бы получить ответы на все загадки, которые смущали ее и ставили в тупик, могла бы погрузиться в облака очищенной мудрости, собранной великими мыслителями миллионов рас за миллиарды лет. И теперь чувствовала себя подобно Элли, обманутой шарлатаном из Изумрудного города.

О, знание должно быть здесь, это несомненно,

оно заключено в глубинах этого ледяного куба. Но Библиотека не хочет делиться им — даже с доктором Баскин в обличье военачальника благородного клана.

Гр-тутупф-маникхочеш, зангиш торгх мф, потребовала Джиллиан в своем облике теннанинского адмирала. *Маник-хофтупф, мф!*

Кнопка в ухе Сары перевела с эксцентрического диалекта.

— Мы понимаем, что занги по своей природе не любят сюрпризы, — говорила доктор Баскин. — Расскажи, какова их типичная реакция на один резкий шок, за которым последуют другие.

На этот раз Библиотека смягчилась, но лишь немного.

Термин «занги» относится к одному подвиду водорододышащих существ, который наиболее часто встречается в открытом пространстве кислородной жизни. Большинство водорододышащих редко покидают удобства плотных вихрей своих тяжелых планет…

Лекция продолжалась, приводилась информация, которую в обычном состоянии Сара нашла бы поразительно интересной. Но сейчас на это нет времени. Менее чем через мидур предстоит принять важнейшее решение.

Должен ли «Стремительный» продолжать полет к воскресшему пункту перехода? Проспав полмиллиона лет — с тех самых пор, как Четвертая Галактика была объявлена невозделанной и запретной для разумной жизни, — этот пункт скорее всего не пригоден для безопасного прохода. Тем не менее это жуткое воскрешение предлагало экипажу «Стремительного» возможность.

Решение Самсона. Обрушить крышу на врагов и на самого себя.

Однако теперь судьба предложила еще одну необычную возможность. Присутствие машин-коллекторов и кораблей зангов по-прежнему оставалось необъяснимым. Армада, собирающая урожай, казалась слабой, разметенной в смятении неожиданной бурей на Измунути. И все же… *Может быть, они помогут нам победить джофуров, и нам не придется приносить себя в жертву?*

Приказы Террагентского Совета делали очевидной главную задачу Джиллиан. На корабле есть сокровище — реликты огромного значения, которые могут дестабилизировать все Пять Галактик, особенно если их захватит один фанатичный клан. Бедная маленькая Земля не может нести ответственность за то, что один фанатичный

союз получит преимущества перед другими. Это самый верный путь к уничтожению Земли. Кораблю вместе с экипажем лучше погибнуть, чем позволить какой-нибудь злобной группе вроде джофуров захватить монополию. Особенно если действительно наступило предсказанное в пророчествах Время Перемен.

Но что если «Стремительный» каким-нибудь образом сможет передать свою обузу законным властям? В идеале это заставило бы великие институты и умеренные кланы покончить с колебаниями и принять на себя ответственность. До сих пор безжалостное преследование и повсеместные нарушения закона делали этот кажущийся простым шаг невозможным. Нейтральные силы оказались трусливыми и не хотели помогать «Стремительному» достичь безопасности. Но если все сделать правильно, успех принесет землянам триумф в эпических пропорциях.

Несомненно, проходящие часы не помогают Джиллиан принять окончательное решение. Она долго слушала сухую и напыщенную лекцию ячейки и наконец прервала ее:

— Не нужно еще раз говорить мне, что занги терпеть не могут сюрпризы! Мне нужен практич-

ный совет. Откроют ли они немедленно огонь, если мы к ним приблизимся? Или дадут нам возможность поговорить?

— Мне нужен протокол контакта!

Библиотека продолжала уходить от ответа или снабжала Джиллиан бесполезными подробностями. Сара стояла в таком месте, где ей не мешала теннанинская маскировка, и видела, что Джиллиан все больше напрягается и раздражается.

Есть другой источник, подумала Сара. *Еще кое-кто на борту, способный помочь нам с зангами.*

До сих пор она не решалась говорить об этой возможности. В конце концов у нее подозрительный источник. Падшие существа, чьи предки отказались от разума и знаний о пространственных дилеммах. Но теперь, видя, как проходят драгоценные дуры и растет раздражение Джиллиан, Сара поняла, что должна вмешаться.

Если нам не может помочь Великая Библиотека, может, стоит обратиться к неправдоподобным легендам.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

С тех пор как мы, смелые любители приключений, присоединились к землянам в их безнадежном поиске, я сравниваю наше положение с предыдущим путешествием в самодельной подводной лодке. Вначале это была небольшая летняя прогулка, но потом четверо подростков опустились на морское дно, а оттуда взлетели к звездам.

Конечно, наша маленькая «Мечта Вуфона» всего лишь выдолбленный ствол со стеклянным носом, едва вмещающий ура, хуна, квуэна и г'кека — и то при условии, что мы будем дышать по очереди. «Стремительный» в сравнении с нашей лодкой необыкновенно просторен, в него войдут все куты нашего порта Вуфон. На его борту удобства, о которых я даже не имел представления. Хотя всю молодость провел, читая груды земных романов о временах звездных перелетов.

И все же у этих двух путешествий есть сходство.

В каждом случае мы рисковали добровольно, бросаясь в бездну неизвестности, чтобы встретиться с неожиданными чудесами.

В обеих экспедициях у меня и моих друзей были разные задачи.

И, разумеется, на борту «Стремительного», как и в «Мечте Вуфона», у меня самая неприятная работа.

Смотритель животных. Это я.

Ур-ронн последовала своей страсти к машинам и сейчас помогает команде Суэсси в работе с двигателями.

Клешня выполняет поручения команды мостика. Он прекрасно проводит время, переходя от заполненных водой помещений в сухие и обратно. Ведь он амфибия, и он щелкает клешнями с типичным квуэнским энтузиазмом.

Гек счастливо вращает колеса. Она играет роль шпиона, размахивая всеми четырьмя глазными стебельками, чтобы вывести из себя пленных джофуров в их камере. Вид живого г'кека приводит их в ярость и заставляет выдать информацию, которую они в других условиях ни за что не выдали бы. Я называю это школой допроса *«ня-ня»*.

Всем троим приходится взаимодействовать с дельфинами, помогая им. И даже если скоро нас разорвет на кусочки, у Гек и остальных есть пока интересное занятие.

Но я? Я застрял в трюме, присматривая за

двадцатью блеющими глейверами и парой капризных нуров, все они вместе способны на разговоры не больше, чем квуэнские личинки.

Согласно машине Нисс, один из этих нуров должен быть весьма разговорчив. Это вообще не нур, а *титлал* — представитель звездной расы, которая выглядит как нуры, пахнет нурами и обладает таким же плутовским характером. Несколько титлалов все эти годы скрывались на Джиджо, и мы ни о чем не подозревали. Седьмая раса сунеров — незаконных поселенцев, они пользовались благами нашего Сообщества, но не позаботились формально присоединиться к нему.

Признаю, для этого требуется немалая сообразительность. Но Грязнолапый ведет себя точно так же, как моя любимица Хуфу. Бродит повсюду, ест все, что не заперто, и облизывает гладкую черную шерсть вплоть до пятнистых лап, по которым и получил прозвище. Все считают, что я специалист по уговариванию нуров, потому что хунские моряки нанимают нуров для помощи на парусных кораблях, и там они деловито снуют по снастям и реям, получая в качестве платы ворчание и кусочки пищи. Но я скажу: это только доказывает, как легко обмануть хуна. Тысяча лет. Вот как долго мы работали с этими проворными

существами, ни о чем не догадываясь.

А теперь они просят меня уговорить Грязнолапого снова заговорить.

Да, верно. И этот мой дневник будет опубликован, когда мы прилетим на Землю, и получит премию Шелдона.

Хуфу и Грязнолапый по-прежнему обмениваются сердитыми взглядами и ревниво шипят — впрочем, это обычное поведение нуров, которые еще не выработали понимание своего статуса. Тем временем я стараюсь заботиться об остальных своих подопечных.

В моем родном городе, на вулканическом берегу Склона, никогда не бывает много глейверов. Они любят рыться в гниющих отбросах и гнилых стволах, отыскивая жирные личинки, но на борту «Стремительного» ничего этого нет.

Доктор Баскин договорилась об обмене с кузнецом Уриэль: вместо этого небольшого стада на Джиджо осталось несколько десятков членов экипажа, образовав колонию дельфинов. Обмен кажется неравным. Глядя на глейверов, которые блеют и жмутся к стенам в углу трюма, я не могу представить себе, что их предки были могучей звездной расой. В их выпуклых глазах — каждый движется самостоятельно, осматривая металли-

ческие стены в поисках насекомых — нет ни следа разума. Согласно Священным Свиткам Джиджо, это делает четверолапые существа с опаловой кожей святыми. Они достигли высшей цели, к которой стремится любая раса сунеров, — добились опрощения, пройдя по пути Избавления.

Обновленные, очистившиеся от грехов предков, они смотрят в лицо вселенной с подлинной невинностью и готовы к новому началу. Так по крайней мере утверждают мудрецы.

Прошу прощения за то, что на меня это не производит впечатления. Видите ли, мне приходится убирать за этими вонючими тварями. И если какая-нибудь раса патронов примет на себя благородную задачу нового возвышения глейверов, им прежде всего придется позаботиться о гигиенических привычках.

На первый взгляд невозможно понять, что общего у этих грязных животных с привередливыми нурами. Но и те и другие любят, когда я раздуваю горловой мешок и испускаю низкий гулкий звук — хунскую песню-ворчание. С тех пор как у меня появились взрослые позвонки, голос мой стал низким и звучным и я им горжусь. И когда «Стремительный» делает неожиданный маневр и его гравитационное поле изменяется,

голос помогает мне успокаивать тварей.

Я стараюсь не думать о том, где сейчас находится корабль, который с невероятной скоростью проносится в огне гигантской звезды.

К счастью, редактируя дневник и внося в него дополнения с помощью маленького прибора — учителя-писца, который дала мне доктор Баскин, я могу одновременно ворчать. Я уже привык работать с буквами, которые плывут передо мной, а не ложатся на испачканную чернилами бумагу. Так работать гораздо удобней, менять и переставлять предложения — вручную или по приказу голосом. Тем не менее мне бы хотелось, чтобы машина перестала править мою грамматику и синтаксис! Я, конечно, не человек, но на Джиджо я один из лучших специалистов по англику, и мне совсем не нужно, чтобы нахальный компьютер называл мой язык «архаическим». Если когда-нибудь мой дневник будет опубликован в цивилизованном мире, я уверен, что мой колониальный стиль признают очаровательным, подобным старинным книгам Дефо и Свифта.

Все труднее бороться с раздражением, зная, что мои друзья в центре событий, а я застрял внизу, глядя на пустые стены, а для общества у меня — тупые животные. Я знаю, что, работая

здесь, высвобождаю одного из членов экипажа «Стремительного», в котором так не хватает работников. Тем не менее иногда мне кажется, что переборки вокруг меня смыкаются.

— Куда это ты уставился? — рявкнул я на Грязнолапого, видя, что он попеременно смотрит то на меня, то на строчки моего дневника. — Хочешь почитать?

Я повернул автописец так, чтобы плывущие слова устремились к лоснящемуся животному.

— Если вы, титлалы, такие умные, может быть, ты знаешь, о чем будет дальше мой дневник. Хрм?

Грязнолапый уставился на глифы-символы. От его выражения у меня дыбом встала щетина. Я задумался.

Интересно, много ли они помнят, этот тайный клан супер-нуров? Когда тимбрими создали тайную колонию своих клиентов на Джиджо? Должно быть, до того, как появились мы, хуны. Может быть, они прилетели даже раньше г'кеков.

Я, конечно, слышал много легенд о хитроумных тимбрими — звездной расе, которую очень не любят консервативные галакты за плутовской характер. Та же самая черта побудила их подру-

житься с землянами, когда этот наивный клан впервые вышел на звездные линии. В опасной вселенной невежество может быть фатальным, и Землю постигла бы типичная Судьба Волчат, если бы не помощь и советы тимбрими.

Но сейчас кризис охватил все Пять Галактик. Могучие союзы мстят друг другу за прошлые обиды. И, возможно, удача Земли и ее друзей подошла к концу.

Еще до встречи с землянами тимбрими, похоже, знали, что их враги объединятся и выступят против них. У них должно было быть сильное искушение оставить в каком-нибудь изолированном месте небольшую группу, прежде чем войны, случайности или предательство уничтожат главный расовый генетический запас.

Они думали о том, чтобы пойти по пути сунеров?

Я не специалист, но судя по тому, что я читал, кажется маловероятным, чтобы характер тимбрими позволил им удовлетвориться спокойной пасторальной жизнью на какой-нибудь захолустной планете вроде Джиджо. Людям это едва удалось, а они ведь гораздо ближе к почве.

Но если тимбрими сами не могут прятаться, они могут спрятать своих любимых клиентов.

Титлалы все еще мало известны. Они еще близки к своим животным корням. Небольшой генный бассейн может частично деволюционировать и сохраниться в безопасности на далекой Джиджо. Все приобретает странный смысл. Включая идею расы внутри расы — группу недеволюционировавших нуров, прячущихся среди остальных. Это охранники, черные глаза которых постоянно открыты в ожидании опасности… или возможности.

Глядя на Грязнолапого, я вспоминал рассказы Двера Кулхана — во время его краткого пребывания на борту, когда «Стремительный» скрывался на морском дне, — о том, как этот дикий зверь следовал за Двером через половину континента, постоянно высматривая и вынюхивая. Вечно оставаясь загадочным, раздражающим и совершенно бесполезным. Такое поведение сочетает в себе беззаботность нура с напряженным и устойчивым вниманием, достойным хуна.

Сейчас, когда он разглядывал последние строки моей прозы, на курносой хищной морде Грязнолапого как будто господствовало выражение разумной иронии — там как раз были рассуждения о природе титлалов. Его мускулистое тело слегка свернулось, и я вначале принял его

выражение за напряженный интерес. И почти представил себе, как нурские капризы неожиданно преобразуются в красноречие — может быть, глубокомысленные замечания или резкую критику моего сжатого стиля и композиции.

Затем, внезапно разрядив накопленную энергию, Грязнолапый прыгнул в толчею плывущих слов, начал ловко колотить их лапами направо и налево, уничтожая целые абзацы, прежде чем искусственное тяготение «Стремительного» не заставило его приземлиться на металлический пол. Но он тут же испустил воинственный клич и снова прыгнул.

— Не сохранять эти перемены! — с непривычной поспешностью крикнул я автописцу. — Пусть текст остается неизменным!

Мой приказ сделал второй прыжок Грязнолапого менее эффективным. Лишившись полупрочности, слова превратились в видимые сверкающие голографические изображения, которые не реагировали на физическое прикосновение. Грязнолапый бесполезно колотил лапами, носясь меж символами и разочарованно лая.

Немного погодя он приземлился на моем правом плече, а Хуфу лениво посмотрела на него с левого. Оба некоторое время прихорашивались,

потом начали тереться о мое горло, упрашивая поворчать.

— Ты меня ни на дур не обманешь, — сказал я, но как будто не оставалось ничего другого, как ликвидировать нанесенный ущерб, закончить запись в дневнике и дать им то, чего они хотят.

Я как раз делал это — пел для двух нуров и стада зачарованных глейверов, — когда машина Нисс передала сообщение.

Я по-прежнему не понимаю, почему этот язвительный разумный робот прерывает мои занятия именно так — без всякого предупреждения или приветствия, хотя я не раз жаловался, что это противоречит природе хуна. А торнадо вращающихся, переплетающихся линий каким-то образом болезненно действует на мое зрение. Ифни, мне и так тяжело было свыкнуться с мыслью о говорящем компьютере, хотя я читал о них в классических произведениях Нагаты и Эклара. Возможно ли, что у Нисса какие-то семейные взаимоотношения с Грязнолапым? Я бы предположил связь через посредство тимбрими. Об этом можно судить по их одинаковому презрению к правилам вежливости и способностью выводить из равновесия.

Я принес сообщение с мостика, провозгласила

вращающаяся фигура. *Хотя я не вижу в этом смысла, на мостике хотят видеть одного или двух ваших подопечных. Вы должны привести этих тварей немедленно. Член экипажа уже направляется сюда, чтобы заменить вас.*

Осторожно опустив Хуфу на пол, я взял на руки Грязнолапого, удобно устроив его на сгибе так, чтобы он не мог вырваться. Он казался послушным, но я не хотел рисковать. Меньше всего мне сейчас нужно, чтобы он по дороге на мостик метнулся бы куда-нибудь и принялся сотворять хаос на камбузе или прятался где-нибудь в трюме, пока «Стремительный» не разлетится на куски.

— А не расскажешь ли, к чему это все? — спросил я. Абстрактные линии как будто пожали плечами.

По какой-то причине доктор Баскин и мудрец Сара Кулхан полагают, что животные могут в нужный момент заговорить и помочь нам справиться с потенциально враждебными чужаками.

Я глубоко и раскатисто расхохотался.

Они еще надеются! Этот Ифни проклятый титлал говорит, только когда хочет, и вся вселенная может полететь в тартарары, а ему хоть бы что!

Линии сплелись еще теснее.

Я имею в виду не титлала, Олеин. Пожалуйста, опустите этого маленького мошенника и выслушайте меня.

— Но… — Я по-человечески недоуменно покачал головой. — Тогда кто же?..

Голограмма Нисс наклонилась в сторону стены, сделала попытку показать.

Вас просят привести одного или двух из этих.

Я смотрел на стадо тварей с выпученными глазами. Они блеяли и перебирали собственные отвратительные фекалии… «благословенные» священным забытьём, недоступные тревогам.

Так что эта часть записей в дневнике заканчивается большим вопросительным знаком.

Они хотят, чтобы я привел на мостик *глейверов.*

ЛАРК

Он носился по спутанным, похожим на кишки коридорам, выбирая направление почти наугад и лишь изредка останавливаясь, чтобы отдохнуть, прислонившись к переборке и тяжело дыша. Липкие запахи джофуров смешивались с его запахами отчаяния и презрения к самому себе.

Я должен был остаться с ней.

Немытое тело Ларка, все еще липкое от жидкостей яслей, продолжали двигаться, несмотря на усталость и голод, подгоняемое непрерывными звуками преследования. Но разум его словно увяз в трясине, его острота притупилась сожалениями. Он время от времени пытался вырваться из этого отупения и найти способ сражаться.

Ты должен подумать. Линг рассчитывает на тебя!

В сущности, Ларк даже не знал, где искать возлюбленную. Его представление о «Полкджи» было очень смутным — путаница коридоров, соединяющих странной формы помещения, более хаотичная, чем лабиринт внутри квуэнской дамбы. И даже предположим, он найдет путь назад к тюремной камере, откуда они с Линг

сбежали несколько дней назад. Теперь это место тщательно охраняется. Грудами колец джофуров, роботами и рослым человеком изменником.

Ранн будет ждать меня. Он точно знает, о чем я думаю… что я хочу освободить ее.

Увы, Ларк не человек действия, как его брат Двер. Превосходство противника парализует его. Он слишком умен и сразу видит слабости и недостатки любого своего плана.

Пока я на свободе, Линг еще может надеяться. И у меня нет права выдавать себя, неосторожно попав в какую-нибудь ловушку. Прежде всего нужно найти место, где я мог бы отдохнуть… может, найти что-нибудь поесть… а уже потом подумать о плане.

Используя пурпурное кольцо как универсальный ключ, Ларк осматривал многочисленные помещения вдоль своего извилистого пути, надеясь найти инструмент или сведения, которые можно было бы использовать против врага. Некоторые помещения были пусты. Другие заняты джофурами, но те не обращали внимания на помехи и открывшуюся дверь. Подобно своим родичам треки, джофуры сосредоточиваются на одном деле и медленно реагируют на вмешательство. Только однажды Ларк не успел исчезнуть.

Он заглянул в лабораторию, полную изогнутых прозрачных стеклянных трубок, в которых переливались и шипели разноцветные испарения. Неожиданно дорогу ему преградила массивная груда колец. Джофур только что отвернулся от инструментальной панели, и все его сенсорные кольца были активны. Из верхушки груды поднялось облако пара — возмущение вторжением шпиона-человека. По жирным торам пробегали полоски света и тени, выражая гнев и удивление. Если бы он остановился и подумал, у Ларка никогда не хватило бы смелости наброситься на эту устрашающую массу, размахивая своим единственным оружием перед десятском извивающихся щупалец. Щупальца старались охватить его, опускались ему на плечи.

Мастер-кольцо делает джофура честолюбивым и решительным, напомнил уголок ученого в сознании. *Но слава Ифни, во всех остальных отношениях они напоминают треки. Их медлительные нервы никогда не подвергались опасности нападения хищника в саванне.*

Но у джофура есть другие преимущества. Вокруг шеи и рук Ларка обвились чувствительные щупальца, и в это время дрожащий тор в его руках, последний дар деликатного Аскса, выпустил

облачко усыпляющего пара.

Однако на этот раз не было никакой реакции со стороны огромной конусообразной башни. Ее щупальца сжимали все крепче, тащили Ларка к блестящим маслянистым бокам.

Он чувствовал, как маленькое пурпурное кольцо еще трижды испускает потоки брызг, все разного запаха… от них перехватило горло и начало жечь глаза… но тут сильное сжатие груди вообще помешало дышать.

Трюк может больше не подействовать. Должно быть, распространили о нем сообщение. Выработали противоядие…

Но вот скользкий титан содрогнулся. Щупальца еще больше напряглись… потом расслабились, обвисли, и джофур опустился всей своей массой на пол, испустив низкий вздох и острый запах. Ларк с трудом начал дышать. Высвободившись из ужасных объятий, он побрел в сторону, вдыхая свежий воздух.

Они учатся. Каждый раз как пурпурное кольцо обманывает одного из них, они распространяют информацию и противоядие. Даже Аскс не мог предвидеть все возможные запахи, которые используют джофуры.

Большая груда казалась неподвижной, но Ларк

опасался, что она успела поднять тревогу. Он быстро осмотрел помещения в поисках других работников. Но существо было здесь одно.

Ларк уже собирался вернуться в коридор, но остановился. Его заинтересовала приборная доска, которая продолжала действовать. Над ней дрожали голографические дисплеи, переходя в такие полосы спектра, которые зрение Ларка почти не различало. Тем не менее он с любопытством подошел — и почувствовал нарастающее возбуждение.

Это карта! Он узнал общие приплюснутые очертания боевого корабля с его лабиринтообразными внутренностями. Изображение медленно поворачивалось. У него на глазах оттенки постепенно менялись.

Хотел бы я лучше быть знакомым с галактической технологией. До появления на Джиджо экспедиции ротенов-даников компьютеры были легендой, о которой можно прочесть в одном из пыльных томов архива Библоса. И даже сейчас он отчасти смотрит на них сквозь два столетия страха и суеверий. Конечно, даже опытная звездная путешественница Линг нелегко разобралась бы в этом приборе, приспособленном для использования джофурами. Поэтому Ларк решил не

притрагиваться к кнопкам и чувствительным панелям.

Но иногда многое можно узнать, просто наблюдая. *Вот этот яркий прямоугольник… Я знаю, что нахожусь в этом районе корабля. Может ли он означать именно это помещение?*

Символы на галактическом два, хотя на таком диалекте и с такими техническими терминами, что Ларку трудно было понимать. Тем не менее он смог отыскать охраняемую зону безопасности, в которой содержали их с Линг, когда их впервые привели на борт еще на Джиджо. От этого места распространялось глубокое «нагноение» синего цвета, оно двигалось на «север» вдоль главной оси корабля, заполняя одно помещение за другим.

Это схема поисков. Они загоняют меня в меньшее пространство… назад к контрольной рубке. И дальше от Линг.

Судя по неторопливому методичному продвижению, охотничьи роботы меньше чем через мидур дойдут до этого места. Перспектива пугающая, но появление определенности подбодрило Ларка. Теперь он знает свое положение. К тому же у него появилось немного времени, чтобы изучить карту в поисках выхода.

Если голод раньше не выведет из строя мой мозг. К несчастью, преследователи также отгоняют его от единственного знакомого ему места, где человек может найти пищу. Осмотрев лабораторию, он нашел кран, из которого идет вода. Линг называла это константой почти любого корабля кислорододышащих существ. Жидкость дистиллирована до полной чистоты и обладает странным вкусом. Но Ларк с жадностью напился, постарался вымыть изо рта множество корабельных запахов, прежде чем снова посмотреть на экран. Остальные изображения, помимо карты, были для него загадочны — какие-то мерцающие графики или каскады болезненных расцветок, которые невозможно осознать. Только одно показывало черное поле, усеянное множеством светящихся точек. *Мы с Линг видели нечто похожее в командирской рубке джофуров. Она назвала это звездной картой, на которой показано наше положение в пространстве и что происходит вокруг.*

У Ларка по-прежнему кружилась голова, когда он думал о том, что на головокружительной скорости летит через безвоздушное пространство. В отличие от Сары он никогда не мечтал о том, чтобы покинуть Джиджо. Ведь его дело — изучать

огромное разнообразие жизни этой планеты. Только война и хаос смогли оторвать его от этого дела. И лишь растущая страсть к Линг компенсировала утрату и отчужденность.

А теперь Линг не рядом с ним. Он чувствовал себя так, словно ему ампутировали что-то жизненно необходимое.

Он смотрел на дисплей — черную протяженность с отдельными точками-огоньками — и чувствовал страх перед этими невероятными масштабами. Здесь Джиджо затерялась бы как пылинка.

В центре устойчиво горела одна точка — Ларк предположил, что это джофурский дредноут. А большой, словно сплетенный из нитей шар в нижнем левом углу, должно быть, гигантская звезда. Но рядом не было знающей подруги, которая могла бы интерпретировать увиденное, и поэтому Ларк не понимал, что означают другие объекты, перемещающиеся по схеме. Вспыхивали символы на галдва, но у него не было опыта их интерпретации.

Он в раздражении уже хотел отвернуться, когда заметил кое-что еще.

Эта большая точка, вот здесь, рядом со звездой… она как будто направляется прямо к нам.

Интересно, дружественно ли она настроена.

ЭМЕРСОН

Ничто не может быть более естественным или знакомым, чем взгляд на звездную карту. Все равно что смотришь на собственное лицо в зеркале.

И даже более знакомое, потому что Эмерсон провел головокружительный год на примитивной планете, глядя на свое отражение в полированном металле и гадая, кто это смотрит на него в ответ, с этой зияющей раной над одним ухом и с изумленным выражением в глазах. Даже собственное имя было для него тайной до последних нескольких недель, когда начали возвращаться отрывки прошлого.

…отдельные воспоминания об удивительной Земле, о молодости, проведенной в целенаправленной подготовке, с решимостью, которая поражала его родителей, в стремлении подчиниться сверкающему соблазну пяти галактик.

…о его жизни в качестве инженера, превосходная подготовка которого позволила ему вести корабль между загадочными складками пространства-времени.

…о соблазне приключений, о дальнем полете со знаменитым капитаном Крайдайки, о пред-

ложении, от которого невозможно отказаться, даже зная, что это означает пролететь между челюстями Аида.

Все это и многое другое вернулось, когда Эмерсон узнал, как побеждать страшную боль, которая держала в плену его память, и стал возвращать все больше отнятого.

Но не лучшую часть. Не могучую силу речи. Не тот поток слов, который смазывает любую мысль и позволяет ей уноситься в изящной лодке синтаксиса. Без речи его сознание пустынно, оно опустошено агнозией — утратой способности распознавать образы, опустошено так глубоко, как глубока зияющая рана у него в левой части головы.

Но теперь Эмерсон знает, что его искалечили сознательно. Это такое страшное зло, что он едва способен осознать его границы и понять, какова должна быть месть за это.

И вдруг, непрошеное и неожиданное, это произошло снова. Какая-то смесь разума и эмоций привела к резкому повороту внутри, высвободив внезапный поток. И он вообразил оболочку из мягких звуков, которые гладят скорее кожу, а не уши. Эхо, которое он скорее чувствует, чем слышит.

С каждым поворотом
Циклоиды
В бесконечных
Измерениях
Приходит путаница
Кубических фигур,
Многосторонних,
Бесчисленных изображений —
Вечно несправедливых… вечно прекрасных.
Смотри, как они вертятся
Такие капризные,
Белые и пятнистые,
Полные смысла,
Но у тебя нет надежды
Постичь игру,
Бросая
Рискованные кости —
Бросая их высокомерно! Кости Ифни…

Эмерсон слегка улыбнулся, когда прорвалась эта ода на тринари — прорвалась, используя соединения его искалеченного мозга, которых

злобные Древние не коснулись своими ножами. Подобно стонущей мелодии Великого Спящего, ода резонировала целиком, тонами китовой мудрости.

И все же он знал, что это обещание — непрочная соломинка. Вряд ли она может служить основанием для надежды. Как будто вселенная даст ему возможность отомстить! Жизнь редко бывает такой уступчивой. Особенно по отношению к слабым, измученным и преследуемым.

Тем не менее Эмерсон был благодарен этой своей странной способности к поэзии. Это хоть и не инженерный жаргон, зато тринари отлично приспособлен для передачи иронии.

Через широкое прозрачное окно он наблюдал, как дельфины мечутся взад и вперед, мощными ударами плавников продвигаясь в заполненном водой командирском мостике «Стремительного», оставляя за собой следы в шипящей, перенасыщенной кислородом воде. Другие дельфины располагались в похожих на стойки боевых позициях, их гладкие головы окружены воздушным куполом, а невральные кабели соединяют их большой мозг с компьютерами и отдаленными инструментами.

Прозрачная панель дрожит под его пальцами,

передавая сонарные щелчки и стремительные инфовзрывы с противоположной стороны. Музыка совместных усилий. Симфония мастерства. Это лучшие члены отборного экипажа. Элита Tursiops amicus. Гордость земной кампании Возвышения, отобранные и подготовленные покойным капитаном Крайдайки, непревзойденные пилоты.

Лейтенант Тш'т уверенно принимает решения и отдает приказания команде на мостике. Рядом с ней лежит окруженный кабелями главный пилот Каа, его челюсти раскрыты, а запавшие глаза закрыты. Он всплескивает плавниками и ведет корабль так, словно это продолжение его тела. Каа помогают тридцать миллионов лет развития инстинктов — интуиции, накопленной с того времени, как его далекие предки покинули сушу ради жидкого царства трех измерений.

За Эмерсоном находится ситуационное помещение, оно тоже полно движения. Здесь дельфины перемещаются на роллерах или в установках для ходьбы — машинах, которые позволяют им проворно передвигаться по суше и делают их туловища еще более громоздкими по сравнению с двумя стройными двуногими. И тем не менее именно эти два человека руководят всей лихорадочной деятельностью. Две женщины, у

которых была совершенно разная жизнь, пока обстоятельства не свели их вместе.

Две женщины, которых Эмерсон любит, хотя никогда не сможет сказать им об этом.

Гудение двигателей меняет тон; Эмерсон чувствует, как корабль резко тормозит, пытаясь вписаться в гиперболическую орбиту, огибающую далекую гигантскую звезду, меняет курс для осуществления еще одной отчаянной догадки Джиллиан Баскин.

За одну из предыдущих таких догадок Эмерсон дорого заплатил в том огромном, сложно устроенном месте, которое называется Фрактальный Мир, в царстве ледяных сосулек, самая маленькая из которых шире планеты. Но он никогда не сердился и не винил Джиллиан в ее ошибке. Кто еще смог бы три года сохранять свободу «Стремительному», уходя от армад десятков фанатичных союзов? Он лишь сожалел, что его жертва оказалась напрасной.

Но прежде всего Эмерсон хотел помочь ей сейчас. Спуститься вниз, к этим гудящим моторам, и помочь Ханнесу Суэсси извлечь максимум псевдоскорости из натруженных гравистаторов. Но повреждения его мозга слишком велики. Изуродованная кора головного мозга больше не в

состоянии понимать смысл символов на горящих экранах, и он может руководствоваться только осязанием и инстинктом. Товарищи были добры к нему, давали ему легкие задания, но он вскоре понял, что ему лучше не мешать им.

Во всяком случае, Сара и Джиллиан что-то задумали. Ситуационная комната охвачена напряжением, обе женщины о чем-то спорят с вращающимся привидением машины Нисс.

Его спиральные линии тесно сплетаются. Очевидно, кульминация драмы приближается.

И вот Эмерсон остается зрителем, наблюдает, как на карте, изображающей отчаянные маневры «Стремительного», корабль уходит от упрямой хватки гигантской Измунути, пролетает через ураганы ионизированного жара, напрягает свои защитные поля и меняет курс, продолжая агрессивно продвигаться к скоплению бледных мерцающих огоньков.

Отряд кораблей… или чего-то ведущего себя, как корабли, движется в космосе по воле мыслящего разума.

Эмерсон слышал, как Сара помолчала, прежде чем произнести необычный термин на галшесть. Редко используемое слово, в котором слышится страх и благоговение.

Занг.

И неожиданно, вопреки своему недостатку, Эмерсон понимает, какой совет дает молодой джиджоанский математик. И вздрагивает. «Стремительному» не раз приходилось рисковать, но так — никогда. Даже попытка пройти новым пунктом перехода была бы лучше. Сама мысль об этом вызывает ответ из каких-то глубочайших участков мозга. Драгоценное, как бриллиант, единственное слово сверкает горячо и безнадежно.

Отчаяние…

Вскоре тактика «Стремительного» замечена.

Враг джофур — всего в двадцати пактаарах — начинает неожиданно поворачивать, сбрасывая псевдоскорость, чтобы перехватить «Стремительный» на его новом курсе.

А толпа других находится еще ближе.

Синие огоньки обозначают хрупкие машины-сборщики — Эмерсон видел графические изображения и узнал тонкие паруса. Сейчас половина беспомощных кораблей группы уже поглощена быстро расширяющейся солнечной бурей. Остальные лихорадочно набирают скорость, их недостаточно мощные двигатели ведут корабли к убежищу старого пункта перехода.

И среди этих хрупких огоньков движутся величественно четыре желтые точки, ускоряются, чтобы помочь осажденным механическим формам жизни. И вот неожиданный резкий поворот «Стремительного» мешает их усилиям.

Две желтые точки продолжают свои усилия по спасению, мечутся от одного сборщика к другому, забирают центральное ядро, предоставляя сгорать огромному хрупкому парусу.

Третья желтая точка поворачивает к кораблю джофуров.

А последняя направляется на перехват «Стремительного».

В ситуационной комнате все прерывают свои занятия, когда из громкоговорителей раздается резкий потрескивающий звук. Хотя Эмерсон потерял свои центры речи, его слух остается нормальным, и он сразу понимает, что это не похоже ни на один из галактических языков — или языков волчат, которые ему приходилось слышать.

Звук кажется воинственным, нервным и разгневанным.

С каждым взрывом этих звуков голограмма Нисса вздрагивает. Дельфины бьют плавниками, испускают стоны. Сара заткнула уши и закрыла глаза.

Но тут спокойно заговорила Джиллиан Баскин, своим сухим тоном успокаивая товарищей. И через мгновение помещение заполнилось звуками дельфиньего смеха. Сара улыбнулась, опустила руки, и даже путаные линии голограммы Нисса словно распрямились.

У Эмерсона все горело внутри: ему так хотелось узнать, что сказала Джиллиан, какая шутка избавила товарищей по команде от испуга. Но он мог различать лишь какофонию звуков, такую же непонятную, как послание другого порядка жизни.

Машина Нисс тоже произнесла несколько скрипучих звуков.

Эмерсон догадывался, что она пытается общаться с желтой точкой. Или, вернее, с тем, что представляет эта точка… одним из тех легендарных полужидких шаров, которые служат в качестве кораблей могучим и загадочным водорододышащим существам. Он вспомнил, как во время обучения его неоднократно предупреждали, что нужно избегать контактов с непредсказуемыми зангами. Даже тимбрими умеряли свой необузданный характер, когда речь шла об этих смертоносных загадках. Если этот занг воспринимает «Стремительный» как угрозу

— или если он сейчас просто раздражен, — шансы на выживание практически равны нулю. И обломки корабля землян вскоре присоединятся к хорошо перемешанным атомам в кипящей атмосфере Измунути.

Вскоре сканирование на предельное расстояние показало лицо неизвестного. При максимальном увеличении стало видно изображение, искаженное вихрями огненной плазмы, — объект приблизительно сферической формы, края которого странно рябили. Это изображение напомнило Эмерсону не мыльный пузырь, а скорее комок дрожащего жира, окруженный густыми теплыми потоками.

На глазах у Эмерсона на боку у шара образовался выступ. Он отделился и, казалось, поплыл куда-то в сторону.

И неожиданно взорвался.

Из огненного шара выскользнула узкая огненная полоска и понеслась к «Стремительному»!

На мостике и в ситуационной комнате взревели клаксоны тревоги. На пространственной карте возникла прямая линия, отходящая от желтой точки и быстро преодолевающая расстояние до орбиты земного корабля. Если это оружие, то Эмерсон никогда ничего подобного не видел.

Он подготовился к уничтожению…

…и перевел дыхание, когда луч скользнул сразу перед носом «Стремительного».

Лейтенант Тш'т сухо заметила:

Предупредительный выстрел

(Действия говорят гораздо громче слов) —

это было здорово.

Пока Эмерсон пытался разобраться в смысле этой хайку на тринари, дверь ситуационной комнаты открылась и показались три фигуры. Двуногий и мохнатый, ростом с туловище дельфина, с выступающим сквозь кожу ребристым позвоночником и висячими кожными складками под подбородком. Далее следовали две светлые спотыкающиеся фигуры, шли они, опираясь костяшками пальцев, как протошимпанзе, у них большие круглые головы и глаза хамелеона, которые старались смотреть во всех направлениях одновременно. Эмерсон и раньше видел хунов и глейверов, поэтому не обратил внимания на этот приход. Все смотрели, как Джиллиан и Сара напряженным шепотом обмениваются какими-то замечаниями.

Приказа не смотреть не было. Сара мрачно под-

жала губы, и Эмерсон понял. Сейчас у них больше нет выбора. Воспользоваться вторым пунктом перехода невозможно. Достигнуть его сомнительной безопасности первыми, раньше джофуров, не удастся. Не может «Стремительный» и спастись в глубоком космосе или попытать удачи на одном из уровней гиперпространства. Двигатели дредноута — лучшие, какие только может себе позволить богатый клан, — догонят «Стремительный» в любом случае.

Зангам совсем не обязательно уничтожать земной корабль. Им достаточно не обращать на него внимания, предоставляя грязным кислородникам решать свои мелкие распри.

Возможно, так и будет… или корабль-шар уничтожит их вторым залпом. Однако произошло нечто такое, что застало Эмерсона врасплох.

Возле высокого нура — Эмерсон вспомнил, что этого подростка зовут Олвин — вспыхнула голограмма Нисса и опустилась ниже, к ничего не понимающим глейверам. С тревожными звериными криками они отпрянули от плывущей сети спиральных линий… и тут Нисс начал передавать скрипучие звуки. Те самые, что несколько минут назад слышались из громкоговорителей корабля.

Быстро мигая, пара глейверов начала рефлекторно раскачиваться. Эмерсон готов был поклясться, что они удивлены не меньше его и вдвое сильней испуганы. Однако они, должно быть, находили эти звуки побуждающими к чему-то и скоро начали сопровождать их собственными криками, вначале негромкими и неуверенными, потом все с большей силой и энергией.

Экипаж испытал сильный шок. Главный оружейник, могучий дельфин-самец с пятнистыми боками, направил свой аппарат для ходьбы к глейверам, собираясь очистить помещение. Но Джиллиан запретила ему приближаться, она с глубоким интересом наблюдала за происходящим.

Сара захлопала в ладоши; она словно ожидала чего-то подобного.

На лице молодого хуна удивление сменилось пониманием. Из горлового мешка Олвина послышался негромкий раскатистый звук. Эмерсон разобрал только одно слово…

…легенда…

…но смысл его не понял, значение, как всегда, ускользало от него. Сосредоточившись, он едва не уловил это значение, но ему помешали воз-

обновившиеся вопли громкоговорителя. Занги продолжали свои непонятные угрозы, запрещая «Стремительному» быстрое приближение.

Эмерсон видел, что большой шар угрожающе пульсирует. От главного корпуса начал отделяться новый жидкий объект, больше первого; он уже светился гневным жаром.

Глейверы закричали громче. Они казались не такими, каких Эмерсон видел на Джиджо. Те всегда вели себя как хрюкающие животные. Но теперь было заметно нечто новое. Свет. *Знание.* Такое впечатление, словно начало осуществляться надолго отложенное задание.

По шару зангов побежала рябь. Громовые угрозы смешивались с криками глейверов в сложном танце звуков. Тем временем от корпуса корабля зангов уже отделился новый вырост, пульсируя едва сдерживаемым гневом.

Возможно, это будет уже не предупреждающий выстрел.

РЕТИ

— Наверно, этими пунктами перехода можно пользоваться по-разному.

Рети предполагала, что ее слова будут восприняты как предложение мира, как редкое признание собственной вины. Но Двер не собирался так легко простить ее.

— Не могу поверить, что ты считала, будто пара варваров сможет лететь по небу, как звездные боги. Таков был твой план? Украсть старый корабль, с которого все еще капает вода — ведь он целую вечность пролежал в груде мусора на Помойке, — и *пройти в дыру в пространстве?*

Рети постаралась сдержать привычный для себя сердитый ответ. Конечно, она не приглашала Двера присоединиться к ней на этом несчастном корабле. И он не предлагает никаких новых идей относительно того, что делать с кораблем возрастом в миллион лет, который едва удерживает воздух, не то что летит.

Тем не менее она понимала, чем он расстроен. Смерть смотрит в лицо этому слопи, так что он имеет право быть слегка раздраженным.

— Когда об этом говорили Беш и Ранн, у них все

звучало очень просто. Просто направляешь свой корабль в дыру и ныряешь в нее…

Двер фыркнул:

— Ну, Рети, ты уже это говорила. Нацелиться на пункт перехода? Да понимаешь ли ты, сколько поколений наших предков учились этому? А нам приходится обучиться за один-два мидура.

На этот раз Рети нечего было ответить. Маленький йии высунул из сумки голову на длинной шее и нацелился на руку Двера, собираясь ее укусить.

— Эй! — крикнул Двер, отдергивая руку.

видишь? насмехался маленький ур. *если вы будете продолжать ругаться, ничего хорошего это вам не даст, используйте эти мидуры, чтобы учиться! или просто жалуйтесь на судьбу, пока не умрете!*

Двер потер треугольный след укуса на руке, сердито глядя на миниатюрного самца. Однако острые зубы йии не разорвали кожу. Всякий живущий на Джиджо человек умеет отличить урский укус, который является просто предупреждением.

— Ну хорошо, — обратился он к Рети. — Ты ученица звездных богов. Поговори с умным компьютером, чтобы он нас спас.

Рети вздохнула. Дома, в дикой местности, именно у Двера всегда находились решения любых проблем. Он никогда не терялся. И таким он ей нравился больше, чем сейчас. Его угнетает простой факт, что он заперт в металлическом гробу и несется к смерти и разрушению. *Надеюсь, мне не придется нянчиться с ним всю дорогу до какого-нибудь цивилизованного мира. Когда все устроится, когда у нас будут удобные квартиры и множество механических рабов, чтобы удовлетворять все желания. Он будет у меня в большом долгу.*

Рети присела у маленького черного ящика, который дала ей Джиллиан Баскин на борту «Стремительного», — обучающего устройства, запрограммированного на разговор с совсем маленькими человеческими детьми. Свою задачу это устройство выполняло хорошо — оно объяснило основы устройства современного общества дикой девушке с захолустной Джиджо. И Рети, к своему удивлению, даже усвоила основы чтения и письма. Но когда дело дошло до пилотирования звездного корабля… ну, это совсем другое.

— Учитель, — сказала Рети.

Прямо над ящичком появилась маленькая голограмма — изображение полного мужского

лица с нарисованными карандашом усами и веселой улыбкой.

Здравствуй еще раз! Как настроение? Попробовала игры, которым я тебя научил? Помни: очень важно быть все время занятой и мыслить позитивно, пока не придет помощь.

Рети лягнула изображение ногой, но ее нога прошла через него, не встретив никакого сопротивления.

— Послушай, ты! Я тебе уже говорила, что нам никто не придет на помощь, даже если ты отправил призыв, в чем я сомневаюсь: ведь дельфины установили здесь только оборудование для полета.

Голограмма поджала нарисованные губы, выражая неодобрение действиями Рети.

Ну, это не причина для пессимизма! Помни, когда оказываешься в трудном положении, всегда нужно искать возможности превратить свое затруднение в преимущество. Почему бы нам не…

— Почему бы не вернуться к разговору о том, как управлять этой грудой мусора? — прервала Рети. — Я уже просила научить меня, как провести корабль через пункт перехода, который впереди. Давай займемся этим!

Учитель нахмурился.

Я уже попытался объяснить тебе, Рети, что этот корабль не в таком состоянии, чтобы преодолевать пункт перехода. Навигационные системы минимальны и не способны получать заранее информацию, необходимую для поиска нужных линий. Двигатели способны работать только на максимальной мощности или совсем не работать. И в следующий раз, когда мы их включим, они могут просто отказать. Главный компьютер деградировал до шестого уровня мышления. Это гораздо меньше того, что нужно для расчета гиперпространственных траекторий. По всем этим причинам попытка пересечения пункта перехода совершенно невозможна.

— Но нам больше некуда деваться! Корабль джофуров тащил нас туда, потом отпустил. Ты уже сказал, что у нас не хватает горючего, чтобы не упасть на звезду. Так что мы ничего не потеряем, если попробуем!

Учитель покачал головой.

Обычная рассудительность подсказывает, что любой наш маневр лишь помешает попыткам друзей/родственников/родителей нас отыскать…

На этот раз Рети вспыхнула.

— Сколько раз говорить тебе, что никто не придет нам на помощь! Никто не знает, что мы здесь. А если бы и знал, то всем все равно. И даже если не все равно, никто не сможет до нас добраться!

Учитель выглядел смущенным. Его эрзац-взгляд обратился к Двери, который выглядел более взрослым со своей недельной щетиной. Конечно, это еще сильнее разозлило Рети.

Это правда, сэр? Никто не в состоянии помочь?

Двер кивнул. Хотя он тоже побывал на борту «Стремительного», его всегда смущал разговор с привидением.

Что ж, ответил учитель, *полагаю, можно сделать только одно.*

Рети облегченно вздохнула. Наконец-то эта проклятая штука станет практичной.

Мне нужно удалиться и переговорить с корабельным компьютером, в каком бы состоянии он ни был. Я не создан и не запрограммирован для такой работы, но очень важно попытаться.

— Еще бы! — сказала Рети.

Несомненно. Нам нужно найти способ усилить возможности коммуникационной системы и отправить призыв о помощи.

Рети вскочила.

— Что? Ты что, не слышал меня, груда глейверского дерьма? Я только что сказала…

Не волнуйся, пока я буду отсутствовать. Будь храброй. Вернусь, как только смогу!

С этими словами маленький куб исчез, оставив Рети дрожащей от раздражения и гнева.

И положение совсем не улучшил смех Двера. Двер хохотал, свистел и фыркал, как ур. Поскольку ничего забавного не произошло, Рети решила, что он так ведет себя из презрения и злобы. Или это еще один пример того, что люди иногда называют *иронией,* если хотят, чтобы их поступки не выглядели глупыми.

Если не заткнешься, Двер, я добавлю тебе иронии, ударив по глупой башке!

Но он больше и сильнее… и за последние несколько месяцев он по крайней мере трижды спасал ей жизнь. Поэтому Рети только стиснула кулаки, дожидаясь, пока он перестанет смеяться и вытрет слезы с глаз.

Учитель молчал очень долго, и людям не оставалось ничего иного, как переругиваться друг с другом.

Когда дельфины поднимали корабль со дна моря, выбрав его из груды древних космических кораблей, они установили на нем самодельные

приборы. К приборам корабля кабелями были присоединены несколько загадочных ящиков, запрограммированных на то, чтобы послать этот корабль в небо вместе с десятками других развалин в попытке скрыть бегство «Стремительного». Но поскольку дельфины не думали, что на корабле могут оказаться зайцы, на ящиках были только минимально необходимые кнопки и шкалы. И без помощи учителя не было никакой надежды на то, что удастся увести корабль с его нынешней неуправляемой орбиты.

Поскольку делать было нечего, Рети и Двер пошли в переднюю часть корабля и смотрели сквозь окно на носу, изъязвленное миллионолетним пребыванием в Большой Помойке. Они старались разглядеть загадочную «вертящуюся дыру в пространстве», как называлась она в легендах сунеров о предках, — могучую дверь, через которую прошел каждый крадущийся корабль, принося с собой новую волну беглецов-поселенцев на запретную планету невозделанной галактики.

Вначале Рети не видела ничего особенного в мерцающем звездном пространстве. Но Двер показал ей:

— Вон там. Видишь? *Лягушка* изогнута.

Рети выросла в диком племени, скрывавшем-

ся в пустыне, где не было даже примитивных удобств, какими пользовались дома у Двера, на Склоне. Живя в грубой хижине, где свет давал только кухонный костер, она каждую ночь видела над головой созвездия. Но пока ее родичи рассказывали охотничьи предания об этих мерцающих на небе рисунках, она сама интересовалась только их практическим использованием: они могли показать путь на запад, куда она когда-нибудь сможет уйти от своего проклятого несчастного клана.

Двер, с другой стороны, был главным следопытом Общины Джиджо, он привык всматриваться в небо — откуда шесть рас постоянно ожидали прихода судьбы и суда. И он сразу замечал, когда что-то не так.

— Не вижу… — Она всмотрелась в сверкающие точки, на которые он показывал. — А! Несколько звезд… они собрались кружком и…

— И внутри нет ничего, — закончил он. — Совсем ничего.

Они какое-то время смотрели молча. Рети не могла отказаться от сравнения этой круглой черноты с раскрытой пастью хищника. Пасть быстро приближается, готовая поглотить корабль со всем его содержимым.

— Звезды вокруг него как будто расплываются, — заметила она.

Двер кивнул, издавая звуки хунского ворчания.

— Хр-рм. Моя сестра называет эту штуку чем-то вроде *изгиба вселенной,* где пространство все связывается узлами.

Рети фыркнула.

— Пространство пусто, придурок. Я узнала это, когда жила с даниками в их подземной станции. Там нет ничего такого, что могло бы изогнуться.

— Отлично. Тогда ты объясни, куда мы падаем. На этот раз решил ответить маленький Йии: *объяснить несложно, большой человек-мальчик, что есть жизнь?*

это переход от одной дыры к другой, а потом к третьей!

так входить внутрь лучше! йии вынюхает для нас хорошую нору.

хорошая, удобная нора — это счастье.

Двер мрачно взглянул на самца ура, но Рети улыбнулась и погладила его крошечную голову.

— Не объясняй ему, муж. Мы скользнем в эту штуку, скользкую, как грязный скинк, и выйдем из нее на главной спирали галактики номер один, где огни ярче, а кораблей больше, чем паразитов

на спине лиггера. Где звезды так близки друг другу, что могут сплетничать, и все так богаты, что им нужны компьютеры, чтобы подсчитать свои богатства!

Им нужны такие, как мы, Двер, — заверила она. — Они мягкие, а мы жилистые и крепкие, готовые к любому приключению. Мы займемся работой, для которой эти звездные жители слишком изнежены, и нам заплатят больше, чем стоит вся Община на Джиджо.

Вот увидишь, скоро мы будем жить отлично. И ты благословишь день, когда встретил меня.

Двер молча смотрел на нее. Потом — явно против желания — начал улыбаться. На этот раз его улыбка была Дружеской.

— Правда, Рети. Я скорее вернулся бы домой и выполнил несколько обещаний. Но, думаю, сейчас это маловероятно, так что… — Он снова посмотрел вперед на темный круг. Он на глазах рос. — Так что, может быть, ты и права. Нам повезет. Каким-нибудь образом.

Она понимала, что он делает вид, что верит. Двер считал, что силы, способные в мгновения уничтожить всю Джиджо, скоро разорвут их на части.

Ему следовало бы крепче верить, подумала Ре-

ти. *Что-нибудь обязательно произойдет. Всегда происходит.*

Поскольку делать было нечего, они считали проходящие дуры, обменивались замечаниями о том, как странно звезды растягиваются и расплываются по краям чудовищной штуки впереди. К тому времени как «учитель» Рети снова вернулся из своего черного ящика, дыра впереди выросла вдвое и занимала теперь четверть переднего окна. На крошечном пухлом лице учителя было написано торжество.

Успех! — возбужденно выкрикнул он.

Рети замигала.

— Ты хочешь сказать, что нашел способ управлять этой лоханью?

Гораздо лучше! Я сумел набрать больше энергии и увеличить ширину сигнала коммуникационной системы!

— Да? — Двер придвинулся. — И что? *И наконец получил ответ!*

Двер и Рети в недоумении посмотрели друг на друга. Потом Рети выругалась.

— Надеюсь, ты не вызвал этот проклятый джофурский корабль?

Это могло бы помочь экипажу «Стремительного». Но Рети не собиралась снова выступать в

роли приманки. Она предпочитала рискнуть и воспользоваться пунктом перехода, чем сдаваться этим грудам вонючих колец.

Боевой корабль за пределами досягаемости: он в атмосфере гигантской звезды, и там другие большие корабли заняты деятельностью, которую я не понимаю.

Спасители, которых я имею в виду, другие.

Учитель помолчал.

— Продолжай, — осторожно поторопил его Двер.

Вначале активные сканеры работали плохо и неохотно. Но я сумел их включить. И в это время заметил поблизости несколько кораблей, летящих к пункту перехода, как мы. После новых усилий мне удалось привлечь внимание ближайшего… и корабль слегка изменил курс и направляется к нам!

Двер и Рети едва не столкнулись, бросившись к кормовому окну. Некоторое время они смотрели, но, даже пользуясь указаниями учителя, Рети вначале ничего не увидела, кроме большой красной звезды. Даже на таком расстоянии она была больше ногтя на большом пальце, если вытянуть руку. А бурная атмосфера еще дальше протягивала свои торнадоподобные щупальца.

Двер показал:

— Вон там! На три румба выше Измунути и на два левее. Ты не можешь не увидеть.

Рети посмотрела в том направлении, но, вопреки его обещанию, ничего особенного не заметила. Ярко горели звезды…

И несколько звезд одновременно передвинулись, как стая птиц. Вначале переместились слегка влево, потом немного направо, но все время вместе, как будто сдвигался сам район неба, не в силах оставаться на месте.

Наконец Рети сообразила: все движущиеся звезды расположены в пределах слегка скошенного *квадрата.*

— Это не настоящие звезды… — приглушенно начала она.

— Это отражения, — закончил Двер. — Словно в зеркале. Но каким образом?

Учитель с удовольствием принялся объяснять.

Изображение, которое вы видите, создано огромным коллектором энергии. В Галактике Семь его называют нтове ту-никтун. *Или в земной традиции — солнечный парус.*

Этот метод используется преимущественно разумными, которые считают время менее значительным фактором, чем кислорододышащие.

Но сейчас они используют вспомогательные гравитационные двигатели, чтобы ускорить процесс, уходя от неожиданной бури в этой звездной системе. При данной псевдоскорости корабль сможет подобрать нас и сохранить при этом свое оптимальное расположение относительно пункта перехода, чтобы устремиться к своей неведомой цели. Двер протянул обе руки.

— Вау! Ты хочешь сказать, что те, кто пилотирует этот корабль, не дышат кислородом? Они даже не часть…

Цивилизации Пяти Галактик? Нет, сэр, не часть. Это машины, *со своей собственной космической культурой, отличной от моей или от солдат-роботов джофуров. У них очень странный образ жизни. Тем не менее они согласны взять нас с собой в пункт перехода. Это гораздо лучшая ситуация, чем та, что была совсем недавно.*

Рети с тревогой наблюдала за «парусом». Вскоре она разглядела гнездо каких-то сложных образований в самом центре гладкой зеркальной поверхности. Теперь, когда п-пункт находился с одной стороны, а корабль-машина — с другой, она не могла избавиться от ощущения, что оказалась в ловушке: с одной стороны пропасть, с другой — хищник.

— Эта штука… — начала она спрашивать пересохшим ртом. — Эта штука летит, чтобы спасти нас. А ты знаешь, что она здесь делала до того, как взорвалась Измунути?

Понять причины действий другого порядка жизни обычно очень трудно, объяснил учитель. *Но в данном случае ответ прост. Это класс существ, которых называют* сборщики/спасатели. *Такие машины собирают сырье, которое используется в различных строительных проектах. Должно быть, она использовала парус для сбора тяжелых атомов из богатых ветров звезды, когда началась буря. Но если существует возможность, сборщик будет собирать необходимые материалы из любого другого источника, в том числе плотного и конденсированного…*

Лицо учителя застыло, его искусственный голос замер. Пауза длилась несколько дуров.

— И любого другого источника, — негромко повторил Двер. — Например, брошенного корабля, плывущего в космосе?

Рети оцепенела.

Учитель не сказал: «Ууп!»

Но в этом не было необходимости.

Два молодых человека наблюдали, как разворачиваются крючья, когти и лезвия, когда могучие

поля охватили их корабль и потащили к темному отверстию в центре широкой протяженности рассеянного света.

ЛАРК

Что-то происходило.

Палуба дрожала и вибрировала. Сквозь губчатые стены доносились глухие удары, которые вначале ставили его в тупик.

Потом Ларк вспомнил, когда впервые слышал такие звуки — сразу после того как захватили их на Джиджо, когда шесть рас застигли своих мучителей врасплох, выпустив залп самодельных ракет.

На экране монитора он видел, как набитые взрывчаткой стволы вспыхивали в небе над Склоном, как духи мщения. Их были сотни, изготовленных лучшими ремесленниками шести рас и предназначенных для мести. Он помнил, как молился, чтобы эти огненные снаряды достигли цели — покончили с его жизнью и с жизнями этих жестоких захватчиков джофуров на борту их корабля.

Затем послышались гулкие звуки.

Защитный контрогонь, узнала Линг голос заговорившего оружия джофуров. Одна за другой местные ракеты испарялись, не долетев до цели… и Ларку пришлось смириться с тем, что он

остается в живых.

На этот раз резкие толчки сотрясали корабль в десять раз сильней.

Звучит лихорадочно. Интересно, с кем на этот раз сражаются жирные кольца.

Увы, преследователи не давали Ларку времени подумать об этом. Что бы ни происходило в пространстве за пределами корабля, охотничьи роботы продолжали свой безжалостный систематический поиск по извилистым коридорам, препятствуя любой попытке проскользнуть мимо них, постепенно загоняя его на север вдоль большой оси корабля.

Отряд роботов сопровождали свистящие солдаты джофуры, действуя группами по трое и больше. И в нескольких случаях он слышал и человеческий голос, выкрикивающий предложения, как побыстрее загнать другого человека.

Ранн.

У Ларка не было выбора. Поскольку в охоте участвует предатель, Ларк не может рискнуть, воспользовавшись помощью пурпурного кольца, полезность которого, вероятно, вообще подошла к концу. Поэтому приходилось возвращаться к тому месту, где они с Линг предприняли попытку саботажа, бросив в нервный центр джофурского

корабля маленькую бомбу, а потом с торжеством скрывшись в облаках дыма. Они бежали и смеялись, словно играют в шпионов; пользовались пурпурным кольцом как паролем и считали, что враг их не поймает.

Конечно, и в то время далеко не все было так уж забавно. Однако по контрасту с нынешним положением прошлое казалось Ларку беззаботным. И он все бы отдал, чтобы вернуться в это прошлое. Даже ползая полуголым, как насекомое-паразит, по кораблю чужаков, он был счастлив, потому что рядом была Линг.

Прошло больше суток с того времени, как он отдыхал в последний раз. Еда стала угасающим воспоминанием, и больше у него не было возможности обследовать встречные помещения — оставалась только напряженная настороженность загнанного животного, которое отчаянно пытается оттянуть неизбежное.

Загадочная вибрация усилилась, слышались и другие звуки, близкие и гулкие или далекие. К обычным для корабля джофуров острым запахам добавились новые, их разносила вентиляционная система. Некоторые из этих запахов были слишком сложны и необычны, чтобы он мог их расшифровать, однако *страх* и *отвращение*

почти идентичны с теми, которые он знает с детства, проведенного на Джиджо.

Что-то вывело экипаж из равновесия.

Ощущение тошноты предупреждало Ларка, когда менялось искусственное тяготение на борту, пол словно наклонялся, потом на мгновение с силой прижимался к подошвам ног. Устойчивый гул двигателей стал выше и напряженней. Ларк испытывал искушение проникнуть в ближайшее помещение и попытаться активировать видеоэкран — просто чтобы понять, что происходит. Но преследователи совсем близко, и любое помещение может стать ловушкой.

Несколько дуров спустя он ощутил нервную дрожь на шее — верный признак приближения роботов. Он обладал необычной чувствительностью к их поддерживающим полям, и эта чувствительность уже не раз спасала его. Запах приближающихся джофурских солдат укрепил решимость Ларка.

Назад по другому пути, и побыстрее!

Он двигался хоть и осторожно, но быстро, стремясь достичь одной из рамп, ведущих на следующий уровень. Конечно, с каждым шагом на север его территория сужается и остается все меньше возможностей. Вскоре его загонят в угол,

из которого нет выхода…

Ларк торопливо повернул за угол и резко затормозил, испустив вздох удивления и испуга.

Всего в нескольких метрах перед ним стоял Ранн. Рослый даник кричал в золотой браслет на запястье:

— Я нашел этого сукина сына!

Ларк повернулся и побежал по единственному оставшемуся свободным проходу, который казался незанятым врагами. Он слышал, как за ним Ранн кричит, перейдя на галдва — более подходящий для связи с джофурами, чем вульгарные проклятия на англике.

К этому месту идите быстрей. Добыча близко!

Ларк подумал, не остановиться ли. Найти уголок, в котором можно затаиться, а потом неожиданно напасть на Ранна, который побежит за ним. Лучше схватиться с одним изменником человеком, чем с толпой джофуров и их роботов, которые неуязвимы для его кулаков.

Но он предпочел остаться свободным, пусть всего лишь еще на несколько мгновений, и побежал по единственному оставшемуся пути отступления — узкому коридору, вероятно, никуда не ведущему.

Разумеется, возбужденные крики последовали за ним, и, увидев впереди тупик, Ларк понял, что он в ловушке. Впереди метрах в сорока глухая стена.

Он остановился у закрытой двери, дрожащими руками нащупал пурпурное кольцо и поднес его к чувствительной пластине замка. Кольцо выпустило струйку испарений, но либо оно истощилось, либо командир джофуров усвоил урок. Дверь оставалась прочно закрытой.

Ларк услышал довольный крик: с дальнего перекрестка его увидел Ранн. Но даник ждал остальных — джофуров и их машины, — прежде чем приближаться. Несколько дуров они смотрели друг на друга с взаимной ненавистью. Но тут Ранн улыбнулся: к нему присоединились джофур и два робота. И начали приближаться.

Неожиданно с противоположной стороны послышалось низкое гудение и пахнуло жаром. Ларк повернулся и попятился от переборки, которой заканчивался коридор. Глухая стена засветилась и начала выпячиваться внутрь. Ярко вспыхнул образовавшийся овал, с краев его закапал расплавленный металл, Ларку пришлось руками защитить глаза. Его затошнило от запаха, знакомого по посещению лаборатории

гильдии взрывников в городе Тареке, — запаха сероводорода.

Овал упал внутрь, и Ларк мельком увидел за ним другой изогнутый коридор, освещенный призрачным светом. Он повернулся, собираясь бежать, но волна горячих паров ударила ему в спину и сбросила на пол. Ларк руками больно ударился о палубу, а поток горячего воздуха пронесся над ним вдоль по коридору, к Ранну и его спутникам.

На мгновение Ларк услышал такой невероятно сильный звук, что совершенно онемел. Никакой информации, кроме боли, к нему больше не поступало… он только сознавал, что все еще жив. А когда снова открыл глаза, недоуменно замигал.

Он увидел, что впереди по коридору, где только что к нему уверенно двигались охотники, последние из них торопливо убегают. Ранн на бегу оглянулся, в глазах его был ужас; могучие джофурские воины старались как можно быстрее скрыться из виду. На перекрестке оставались только два робота, принявшие оборонительную позу, но не стреляющие — словно опасаясь попробовать.

Ларк знал, что должен быть признателен всему, что обратило его врагов в бегство. Однако ему

очень не хотелось поворачиваться и смотреть, что там появилось. *Заранее знаю, что мне это не понравится,* подумал он.

Запах гнилых яиц становился удушающим, слабое свечение заполнило коридор, оно распространялось выше лежащего Ларка и сопровождалось слабым, шепчущим звуком.

Набравшись храбрости, Ларк обожженной правой рукой оттолкнулся от пола, перевернувшись на спину.

Он стоял в нескольких шагах, сразу за проделанным в стене отверстием. Светящийся шар примерно трех метров в поперечнике, едва вмещающийся в коридор. Хотя у него был металлический бронзовый цвет, его поверхность словно переливалась и подергивалась рябью, когда шар двигался по коридору. Он скорее напоминал наполненный водой мешок, чем воздушный шар. Ларк вспомнил живые клетки, которые наблюдал *в* свой любимый микроскоп, когда у него и других мудрецов было время для приобретения знаний и они занимались тем, что на примитивном Склоне именуется наукой.

Клетка много больше его самого. Живая.

И однако Ларк сразу понял…

Это не та жизнь, которая мне знакома.

Существо с хлюпающими звуками неторопливо приблизилось к Ларку, окутало его ноги, начало подниматься вверх, лишив его подвижности, потом вызвав холодное оцепенение, которое быстро распространялось по телу, пронизывая до костей.

Часть вторая
Порядки жизни

Веками — с ухода благословенных Прародителей — некоторые наиболее глубокомысленные расы задумывались над проблемой множества.

Если жизнь так распространена и энергична здесь, в Пяти Связанных Галактиках, спрашивали они, не стоит ли искать ее следов повсюду?

Астрономы насчитали семьсот миллиардов других галактических колес, овалов и других обширных звездных конгломератов, причем некоторые из них больше нашей Первой Галактики. Кажется противоречащим всякой логике, что наши галактики — единственные, где возник разум.

Какая напрасная растрата потенциала, если это действительно так!

Конечно, это мнение разделяется не повсеместно. Многие из социально-религиозных союзов, составляющих нашу цивилизацию, настаивают на нашей уникальности, поскольку любая иная ситуация означала бы насмешку над величием наших Прародителей. Другие считают эти семь-

сот миллиардов галактик небесными покоями, в которых живут возвышенные трансценденты, закончившие длительный процесс совершенствования на этом плане реальности.

Многие пытались проникнуть через эту завесу с помощью научных инструментов, таких, как гигантские телескопы, нацеленные на наших молчаливых соседей. Установлено, например, что некоторые из этих целей издают ритмичный пульсирующий шум потрясающей сложности. Другие галактики кажутся выгоревшими, словно недавно там бушевал пожар, разрушивший одновременно почти все планетные системы.

И однако данные всегда кажутся двусмысленными, позволяя множество интерпретаций. Великая Библиотека полна описанием споров, длившихся веками.

Связаны ли другие галактики гиперпространственными пунктами перехода, как наши спирали, несмотря на огромные расстояния плоского пространства-времени? Самые лучшие наши модели и расчеты не дают определенных ответов.

Время от времени какая-нибудь молодая раса теряет терпение и начинает задавать эти вопросы Древним — тем мудрым видам, которые отказались от звездных кораблей, чтобы разви-

вать душу в Объятиях Приливов, чтобы перейти в следующий порядок жизни.

В зависимости от своего настроения, древнейшие либо игнорируют их вопросы, либо раздраженно отвечают.

Мы одиноки, отвечает одно сообщество достопочтенных.

Нет, мы не одиноки, возражает другое. Другие галактики подобны нашим, они кишат множеством разумных видов, в священном долге по очереди возвышая друг друга, потом обращая внимание на долг трансцендентности… как это делаем сейчас мы.

Одно сообщество древних утверждает, что знает иной ответ — что большинство островных вселенных заселяется внезапно — первой же расой, достигшей уровня звездных полетов. Эти первые расы заполняют все звездные системы, уничтожая или порабощая все другие формы жизни. Такие галактики бедны разнообразием, им не хватает мудрости, которую проявили наши благословенные Прародители, когда начали великую цепь Возвышения.

Это неверно, утверждает еще одно сообщество достопочтенных в своем игольчатом жилище, скрытом среди задумчивых приливов. Единство

цели, которое мы видим в таких галактиках, означает только, что они уже эволюционировали к цельности. Достигли высшей стадии, на которой все разумные существа образуют единый могучий сверхразум…

Наконец становится ясно, что все эти противоречивые ответы означают только одно из двух.

Либо Древние понятия не имеют, о чем говорят, либо…

Либо все эти различные ответы вместе составляют поучение. Проповедь. Основной урок.

Другие галактики — не наше дело! Вот чему нас учат. Мы должны вернуться к занятиям, подобающим молодым расам, должны сражаться, учиться, возвышаться, набираться опыта и сил для следующей фазы.

Каждый из нас, кто выдержит испытание, получит ответ, когда мы встретимся лицом к лицу с ослепительным светом Великого Сортировщика.

ГАРРИ

Кажется, космос не единственное место, где идеи живут своей собственной жизнью. Вернувшись, Гарри застал базу Каззкарк переполненной слухами. Необычные россказни бродили, подобно хищным паразитам, перепрыгивали от одного нервничающего существа к другому, расцветали в атмосфере заразительной тревоги.

Подведя свой разведочный корабль к северному полюсу планетоида, Гарри ввел его в щель, отведенную Институту Навигации, и со вздохом облегчения выключил двигатели. Все, чего он сейчас хочет, это спокойно проспать несколько дней без безжалостных истощающих сновидений. Но не успел он причалить и завершить протокол прибытия, как погрузился в водоворот сомнительных слухов.

Говорят, союз Отрекшихся раскололся на несколько еретических фракций, которые сражаются друг с другом, произнес на быстром галактическом четыре торговый представитель турмуджей, который стоял перед Гарри в очереди к иммиграционному контролю. *А Лига Благоразумных Нейтральных кланов наконец начала*

мобилизацию, объединив свои флоты под командованием парджи!

Гарри посмотрел на турмуджа, тощее, долговязое существо, которое словно целиком состоит из локтей и коленок, прежде чем ответить на том же языке:

Говорят? Кто говорит? Где именно? Какова вероятность?

Никакой вероятности! Это произнес дипломат ооломин, на края щупальцев которого были надеты специальные чашечки, чтобы предотвратить неосторожное распространение пыльцы. Стоящий за Гарри ооломин выразил свое презрение к сутулому турмуджу, выпустив поток оранжевой слюны, которая едва не задела руку Гарри.

У меня есть точные данные о том, что возвышенные и уважаемые парджи намерены вообще выйти из Лиги — и отказаться от участия в делах Галактики — из презрения к нынешнему состоянию хаоса. Эта благородная раса вскоре переместится в благословенную отставку, присоединившись к патронам своих предков в счастливом царстве приливов. Только регрессировавший дурак способен поверить в другое.

В представлении Гарри такая речь вряд ли совместима с дипломатией. Турмудж в раздражении

так быстро распрямил все свои руки и ноги, что его шишковатая голова ударилась о потолок. Морщась от боли, торговец вышел из очереди, пожертвовав своим местом.

О, понятно, подумал Гарри, еще раз посмотрев на существо за собой: очевидно, ауломин прекрасно разбирается в психологии других рас.

Только не пытайся то же самое проделать со мной, думал он. *Я не стану выходить из себя, даже если ты назовешь меня дядюшкой дельфинов.*

Дипломат, по-видимому, понял это и только помахал двумя щупальцами в универсальном жесте доброй воли. Оба передвинулись вперед.

Гарри достал свою переносную информационную пластинку и нажал кнопку, запрашивая у планетоидной ячейки Галактической Библиотеки новости. Ячейка очень мощная, поскольку на Каззкарке располагаются местные штаб-квартиры нескольких важных галактических институтов. Однако мастер-индекс ответил, что ничего не знает о расколе в союзе Отрекшихся. Больше того, согласно официальным источникам, влиятельные парджи по-прежнему активно занимаются галактическими проблемами, призывая к миру и сдержанности, убеждая воинственные союзы отозвать свои армады и разрешать нынешний

кризис с помощью медитации, а не войны.

Выходит, оба слуха неверны? В нормальное время Гарри едва ли усомнился бы в сообщении мастер-индекса. В цивилизации Пяти Галактик часто говорят, что ничего не происходит прежде, чем оно будет зафиксировано в Великой Библиотеке. Планета может взорваться прямо у тебя перед глазами, но это не будет установленным фактом, пока в углу экрана не появится знакомый глиф — спираль с лучами.

Но сейчас явно не «нормальные времена».

Поджидая своей очереди к стойке таможенника, Гарри подслушал, как продавщица семян, тальпу'ура, жалуется пилигриму гульдингару на то, как тошнотворно изменились торговые линии при пересечении Третьей Галактики. Гарри трудно было разбирать диалект тальпу'уры — синкопированный треск и щелканье крыльев, но, кажется, действительно несколько самых часто используемых пунктов перехода изменили период своей остилляции — связь либо прерывается, либо утрачена полностью.

Легкий паукообразный гульдингар ответил на том же диалекте, говоря через металлический аппарат, прикрепленный к ноге.

Эти объяснения кажутся сомнительными. В

сущности, это отговорки, которые позволяют сильным союзам попытаться захватить и монополизировать ценные гиперпространственные маршруты для собственных стратегических целей.

Гарри нахмурился. От беспокойства у него зачесалась шерсть под мундиром. Если происходит что-то связанное с доступностью переходных пунктов, эта проблема непосредственно касается Института Навигации. Он снова обратился к отраслевой Библиотеке, но нашел очень мало информации — всего лишь обычные советы путешественнику и предупреждение избегать некоторые маршруты.

Я уверен, Вер'Кв'квинн сообщит мне самые последние сведения. Если кто-нибудь знает, что происходит, то это старая змея.

Больше всего Гарри хотелось услышать новости об осаде Земли, но в очереди никто об этом не говорил. Несколько недель назад, когда он отправился патрулировать пространство Е, петля вокруг Земли и колоний Канкан затягивалась все туже. Несмотря на дружескую помощь тимбрими и теннанинцев, боевые флоты десятка фанатичных союзов на время отказались от взаимных стычек, объединившись и сделав блокаду еще

более тесной, задушив торговлю и связь родной планеты Гарри.

Гарри испытывал сильное искушение, но воздержался и не стал спрашивать об этом Библиотеку. В нынешней политической ситуации и с его все еще испытательным сроком неразумно слишком интересоваться своим прежним кланом. *Предполагается, что он больше не должен меня занимать. Теперь мой дом — Институт Навигации.*

Он миновал таможню, а следующее препятствие оказалось слишком знакомым — высокий мрачный хун в блестящем одеянии старшего патрона. Инспектор Твафу-ануф, со значком Института Миграции на плече, всматривался в информационную плату, по которой плыло множество символов, а сканеры тем временем прощупывали корабль Гарри. Каждый раз, возвращаясь с дежурства, Гарри приходилось выдерживать мрачный взгляд этого рослого двуногого самца, искавший малейшие признаки незаконного генетического груза, в то время как громадный хунский горловой мешок испускал презрительные ворчливые звуки.

Поэтому Гарри потрясло, когда на этот раз закоренелый бюрократ заговорил, используя такие

тона, которые могли показаться дружелюбными.

— Я заметил, что вы только что вернулись из пространства Е, — сказал инспектор на галсемь — космическом диалекте, который предпочитали земляне. — Хр-рм. С благополучным возвращением. Надеюсь, у вас было приятное интересное путешествие.

Гарри замигал, пораженный этим неформальным дружелюбным тоном. *Что случилось с этим снобом?*— удивился он.

Работники Института Миграции обычно ведут себя высокомерно и пренебрежительно. В конце концов их институт занимается делами космической важности: где кислорододышащие могут основывать колонии, какие планеты должны быть на время объявлены невозделанными и нетронутыми руками разумных. По сравнению с ними организация Гарри была «бедным родственником» с обязанностями, напоминавшими старую земную береговую охрану, — патрулирование гиперпространственных маршрутов, наблюдение за условиями пространства-времени и охрана торговых галактических линий.

— *Пространство Е — это царство сюрпризов,* — осторожно ответил Гарри. — *Но мое дежурство прошло без всяких неожиданностей. Спасибо за*

интерес.

Маленький пушистый *роусит* — слуга-клиент хуна — двигался рядом с хозяином, нацеливая на Гарри записывающее устройство и заставляя его еще больше нервничать. Тем временем инспектор приблизился и навис над Гарри, продолжая расспросы.

— Конечно, я расспрашиваю из личного любопытства, но не согласитесь ли просветить меня в одном деле? Не заметили ли вы во время патрулирования пространства Е особенно крупных мемоидов? Хр-р-рм. Возможно, концептуальных существ, способных выходить за пределы своего родного континуума и переходить… хр-р-рм… на другие уровни реальности?

Гарри почти инстинктивно насторожился. Подобно многим кислородным расам, хуны не выносят двусмысленных условий пространства Е и аллафоров, населяющих это странное царство. Неудивительно, учитывая их всем известное отсутствие чувства юмора и воображения.

Но откуда этот внезапный интерес?

Очевидно, необычная ситуация требует смеси формальной лести и уклончивости. Гарри обратился к привычной тактике *«да, бвана».*

Хорошо известно, что мемоорганизмы тес-

нятся в пространстве Е, как вакуумные ракушки, заражающие медленные фрейтеры, сказал он, переходя на галшесть. *Но увы <о существо старшего уровня патронов>, я видел только такие существа, которые позволяет разглядеть мой примитивный полувозвышенный мозг. Несомненно, эти впечатления слишком грубы, чтобы заинтересовать такое возвышенное существо, как вы.*

Гарри надеялся, что чиновник не заметит его сарказма. В теории все обязавшиеся служить Великим Институтам отказываются от прежней верности и предрассудков. Но со времени катастрофы при НуДауне все знают, что испытывают хуны по отношению к выскочкам из клана землян. Как неошимпанзе, представитель едва возникшей расы клиентов, обязанных служить людям, Гарри ожидал со стороны Твафу-ануфа только высокомерия и пренебрежения.

Вы, вероятно, правы в этом <о преждевременно развившееся, но многообещающее дитя>, послышался ответ хуна. *Тем не менее меня <слегка > интересуют ваши наблюдения. Возможно, вы видели каких-либо <особенно крупных или сложных> мемоидов, передвигающихся в <близком> соседстве с трансцендентными формами жизни?*

Информационную пластинку инспектор отвернул, но Гарри видел, как отражается ее свечение в гладких грудных чешуйках — знакомым голубым цветом разрешения. Проверка корабля Гарри завершена. И больше нет законных предлогов удерживать его.

Он снова поменял язык — на этот раз на англик, речь волчат.

— Вот что я вам скажу, Твафу-ануф. Окажу вам любезность и сделаю официальный запрос… от вашего имени, конечно.

Гарри нацелил собственную пластинку и нажал кнопку, прежде чем чиновник смог возразить.

В этом нет необходимости! Я спрашивал неформально, с целью…

Гарри с удовольствием прервал его.

— О, не нужно меня благодарить. Мы ведь все поклялись помогать друг другу. Поэтому я организую обычный межинститутский обмен и переправлю отчет к вам через штаб-квартиру Института Миграции. Подходит?

И прежде чем польщенный хун смог ответить, Гарри добавил:

— Отлично! Согласно протоколу прибытия и с вашего великодушного разрешения, полагаю, мне можно идти.

Маленький роусит торопливо уступил ему дорогу, и Гарри двинулся вперед, ожидая, откроется ли перед ним барьер.

Барьер скользнул в сторону, открыв проход на улицы Каззкарка.

Возможно, это какое-то извращение, но Гарри возбуждала перспектива жизни во времена опасности и перемен.

Почти половину оборота Галактики — многие миллионы лет — этот выдолбленный плывущий в пространстве камень был всего лишь сонным жилищем гражданских галактических чиновников, использующих часть доисторических туннелей, которые на сотни миль прорубила в скалах какая-то исчезнувшая раса. Но вот, спустя всего пятнадцать кидуров с того времени, как Гарри получил сюда назначение, планетоид преобразился. Катакомбы, которые пустовали с эпохи Ч'тх'терн, все более заполнялись: новые посетители прибывали ежедневно. И всего за несколько земных лет возник новый космополитический город, в котором каждый коридор и каждая пещера предоставляли чувствам смесь самых разных ощущений — редкое собрание почти всех представителей кислородных культур.

Какое удивительное совпадение! — сардониче-

ски думал Гарри. *Можно подумать, что все они ждали моего появления на Каззкарке.*

Конечно, истина несколько иная. В сущности, он один из самых незначительных разумных, проходящих по этим древним коридорам.

Проходящих… а также проползающих, пробегающих, проносящихся, проезжающих — назовите любую форму передвижения, и вы встретите ее здесь. Те, что слишком хрупки и не выдерживают тяготения в половину земного, передвигаются в изящных экипажах. Некоторые из них напоминают миниатюрные космические корабли. Гарри даже заметил с полдюжины представителей какой-то длиннорукой расы, внешне напоминающих гиббонов, с пурпурными перевернутыми лицами. Они перепрыгивали с одной балки на другую под самым высоким потолком. Ему хотелось посмеяться над их ужимками, но эта раса, вероятно, пилотировала космические корабли, когда люди еще жили в пещерах. У галактов редко бывает то, что Гарри называет чувством юмора.

Еще недавно большинство находящихся на Каззкарке носило форму Институтов Навигации, Миграции, Войны или Великой Библиотеки. Однако теперь существа в форме составляли меньшинство. На остальных были самые разнооб-

разные костюмы — от герметических скафандров и формальных одеяний с рунами, описывающими происхождение и достоинства патронов данной расы, и до совершенно нагих или одетых настолько скудно, что видна вся кожа, чешуя, перья или торс.

Когда он только еще поступил на службу, большинство галактов были не в состоянии отличить неошимпанзе от очистителя плюша, настолько малоизвестным и незначительным был клан землян. Но в последнее время все изменилось. И когда Гарри шел по улице, многие оборачивались и смотрели ему вслед. Существа подталкивали друг друга, обменивались репликами — явный признак того, что за время его отсутствия кризис «Стремительного» не разрешился. Очевидно, земной клан по-прежнему пользуется известностью, к которой не стремился.

Известное галактическое изречение ясно выражало суть проблемы.

Привлекать внимание могущественных — значит обрекать себя на опасность.

Тем не менее большую часть пути, пока он шел в помещение штаба, Гарри было легко затеряться в толпе. Он поражался тому, насколько более шумными стали улицы, с тех пор как он вылетел

на патрулирование.

С помощью своей информационной платы Гарри установил, что большинство из этих разумных — послы или участники торговых делегаций. Обычаи и законы цивилизации рушились в век дурных предчувствий, и расы, союзы и корпорации надеялись получить какое-нибудь преимущество. И в таком хаосе есть свои возможности, поэтому агенты маневрировали, разыгрывая сложные шпионские игры. Устанавливались и разрывались контакты. Предлагались взятки, нарушалась верность — и все это в таких сложных многосторонних гамбитах, что придворные интриги Медичи могли бы по сравнению с ними показаться играми в песочнице. Малые кланы не оказывали влияния на большую галактическую политику и не обладали мощными флотами, тем не менее их представители тоже толпились здесь, пытаясь стать полезными таким мощным силам, как расы клеш, соро или джофур, которые, в свою очередь, щедро тратили ресурсы, надеясь получить преимущество перед противниками.

Огромные суммы переходили из рук в руки, и экономика, обслуживавшая потребности послов и шпионов, процветала. Почти миллион свободных разумных и служебных машин заботился о

биологических нуждах гостей, предоставляя все: от определенного состава атмосферы до экзотических продуктов и интоксикантов.

Хорошо, что нам, шимпам, пришлось отказаться от части своего обоняния в обмен на участки мозга, создающие разум, думал Гарри, неторопливо идя по Большому пути — торговой Авеню у самой поверхности Каззкарка, протянувшейся от полюса до полюса; через каждые несколько километров прозрачные куполы разрывали скальную поверхность, демонстрируя изнутри ослепительные виды на галактическую спираль Пятой Галактики. Когда Гарри начал тренировки в Навигационном центре, этот проход был пустым и призрачным. Теперь все ниши заполняли магазины и рестораны, издавая такое многообразие запахов, что любая разумная раса обнаружила бы здесь что-нибудь ядовитое. Большинство посетителей проходило сложную антиаллергическую подготовку, прежде чем покинуть карантин. Тем не менее многие передвигались по Большому пути в респираторах.

Гарри находил все это опьяняющим. Через каждые несколько метров он ощущал новый запах. Некоторые вызывали чувство радости или всепоглощающего голода. Другие приводили на

край тошноты.

Немного напоминает Нью-Йорк, думал он, вспоминая свое краткое пребывание на Земле.

Слух тоже был перегружен. Слышались голоса на десятке стандартных галактических языков в бесчисленных диалектных вариантах, зависящих от того, с помощью каких органов производился звук. Звук — самый обычный посредник при торговых переговорах или передаче сплетен, и гудящий, щелкающий, жужжащий, стонущий на нескольких сотнях разновидностей языков Большой путь физически дрожал от волн интриг. Еще больше усложняли положение те, кто предпочитает зрительные сигналы, раскачиваясь, приплясывая и передавая на дисплеи послания, которые казались Гарри одновременно прекрасными и устрашающими.

А еще есть пси.

Использование «живого спектра» ограничивалось строгими правилами. Отъявленных нарушителей вылавливали бдительные детекторы. Тем не менее Гарри считал, что напряжение отчасти связано с общим фоном шума пси.

К счастью, неошимпы глухи к пси. Те самые особенности, которые делали его хорошим наблюдателем в пространстве Е, создавали имму-

нитет к какофонии мысленных вибраций, прямо сейчас заполняющих Каззкарк.

Разумеется, большинство «ресторанов» представляли собой просто защищенные места встреч, где могли происходить неформальные переговоры, иногда между кланами, которые в реестрах Института цивилизованной войны числятся смертельными противниками. Гарри заметил высокомерного, похожего на ящера соро, сопровождаемого небольшой свитой из клиентов пила и паха, который проскользнул в одно такое заведение. Владелец тут же вывесил сигнал «занято»… но оставил дверь полуоткрытой, словно ожидая еще одного посетителя.

Было бы интересно постоять и посмотреть, кто войдет, чтобы вести переговоры с матриархом соро, но Гарри заметил по крайней мере дюжину зевак, которые уже этим занимались, делая вид, что читают инфоплаты или разглядывают товары в витринах соседних магазинов, в то же время не упуская из виду приоткрытую дверь.

Гарри вспомнил неловкую попытку инспектора хуна расспросить его о пространстве Е. По мере того как рассеивалась вера в непогрешимость Институтов, все пытались найти дополнительные сведения, возможно, надеясь, что это немногое

окажется очень важным.

Гарри не должны принимать за еще одного шпиона. Особенно в форме. Некоторые другие системы могут проявлять признаки напряжения, утрачивая свой профессионализм и надежность, однако у Института Навигации безупречная репутация, и ее необходимо поддерживать.

Минуя один заполненный толпами перекресток, Гарри заметил пару енотовидных синтианских торговцев, раса которых известна необычным интересом к земному искусству и культуре. Они были слишком далеко от него, но это зрелище все же настолько отвлекло его, что несколько мгновении спустя он столкнулся с ощетинившимся, припавшим к поверхности ксатинни.

Дьявольщина, подумал Гарри, видя, что морда оцелота смотрит на него с нескрываемой ненавистью. Не тратя времени, Гарри вобрал голову в плечи и скрестил перед собой руки в позе раскаивающегося клиента. Одновременно он попятился, а ксатинни произнес напыщенную тираду на галсемь, резким тоном браня нарушителя приличий.

Объяснить это нахальное вмешательство! Раскаяться и искренне принести извинения!

Отметить это в длинном списке оскорблений, нанесенных твоим кланом никчемных…

Ксатинни не относились к сильным кланам, но всегда преследовали землян по причине, по какой всегда действуют хулиганы, — потому что это можно сделать безнаказанно.

Явиться в мои апартаменты для дополнительного наказания через три мидура по следующему адресу! Сорок семь в пятьдесят пятом коридоре у…

К счастью, в это мгновение по улице пронесся неловкий вриилх, направо и налево раздавая ритуальные извинения перед теми, кто не успел увернуться от его огромных двухметровых лап. Ксатинни с гневным воплем отпрыгнул, и вриилх отделил от него Гарри.

Воспользовавшись этим вмешательством, Гарри смешался с толпой.

Пока, кошечка, подумал он, на мгновение пожалев, что не обладает пси-способностями, чтобы отпустить на прощание оскорбление. Вместо этого позорного унижения он предпочел бы ударить ксатинни по пасти — и, может быть, оторвать ему несколько конечностей, чтобы улучшить аэродинамику ити. *Надеюсь, мы еще встретимся в темном переулке, где никто нас не увидит.*

Увы, самоконтроль — главное требование, которое Террагентский Совет предъявлял своим клиентам, прежде чем отпустить неошимпов без присмотра в космос. Маленький и слабый, клан землян не мог допустить никаких неожиданностей.

Да… и что хорошего принесла нам эта политика в конечном счете?

Дельфинам дали собственный космический корабль, и смотрите, что натворили эти умные рыбы. Стали причиной самого серьезного кризиса за Ифни знает сколько миллионов лет.

По правде говоря, Гарри слегка ревновал к дельфинам.

Помимо тех, кто явился на Каззкарк по официальным делам, на улицах и в гаванях планетоида было множество и других существ — беженцев из тех мест, которые затронул усиливающийся хаос, а также оппортунистов, альтруистов и мистиков.

Последние казались особенно многочисленными.

На большинстве планет проблемы философии или религии обсуждались неторопливо, споры переходили от одного поколения к другому и даже от расы патронов к клиентам, от них — к

их собственным клиентам, и так на протяжении целых эпох. Но Гарри замечал время от времени что-то лихорадочное в речах миссионеров, устроивших свои павильоны под Семьдесят седьмым куполом. Над головой сверкали туманности и скопления, а посланники самых разных религий предлагали свою древнюю мудрость… среди них наследники, ожидающие, трансценденты и отрекшиеся, а поблизости их одетые в красные одеяния служители из десятков рас грозили прохожим своей ортодоксальной интерпретацией Воли Прародителей.

Гарри знал, что никогда не поймет многие аспекты галактической цивилизации, сколько бы ни старался. Например, как могут великие союзы разумных рас на протяжении долгих эпох сражаться из-за незначительных догматических расхождений.

И он был не один в своем замешательстве. Многие величайшие умы Земли не могли понять смысла таких споров. Например, начала ли легендарная Первая Раса два миллиарда лет назад цепь Возвышения как проявление непреклонного физического закона — или как неотъемлемое свойство самоорганизующейся системы в псевдоэволюционирующей вселенной? Насколько

понял Гарри, все споры сходились к вопросу о том, как стала разумной кислородная жизнь и какова конечная ее цель в эволюции космоса.

— Ради этого не стоит убивать друг друга, — усмехался он. — Или позволять, чтобы тебя убили.

Однако и люди не могут считаться совершенно невинными. Бесчисленные толпы гибли из-за еще более несущественных различий на протяжении Темных Веков до Контакта, прежде чем вид самого Гарри увидел свет.

— А это что-то новое, — пробормотал он, останавливаясь в дальнем конце купола.

За стеклянными павильонами главных сект стояли ряды менее известных ересей, здесь проповеди читались в завешенных альковах или каменных нишах, а некоторые проповедники даже выходили просто на Большой путь, распространяя свои необычные верования.

— Убирайтесь отсюда! — кричал мрачный пии'уут со спиральной шеей и выпуклыми глазами. — Только в одном месте вас всех ждет спасение от надвигающегося конца. Там источник, из которого вы все происходите!

Гарри с трудом расшифровывал сказанное на галактическом три с сильным акцентом. Ис-

пользование коллективно-отвечающего падежа означает, что пии'уут имеет в виду спасение видов, а не индивидов. Даже у ереси есть свои рамки.

Говорит ли он, что каждая раса должна вернуться на свою родную планету? На тот комок грязи, где эволюционировали ее предразумные предки и были приняты какими-то патронами для Возвышения?

Или проповедник имеет в виду нечто более аллегорическое?

Возможно, он имеет в виду, что каждое звено в цепи Возвышения должно искать знания в собственном наследстве, отличном от наследия всех остальных. Это означало бы конец Институтов; каждая кислородная раса пошла бы своим путем.

Конечно, Гарри недостаточно подготовлен, чтобы обсуждать сложные проблемы галактической теологии, да ему этого совершенно не хочется. И смотреть на следующего проповедника гораздо интересней.

Евангелист-комад, с нижним торсом на трех ногах, но с гуманоидным верхним торсом и руками, выглядел жизнерадостным и дружелюбным. Широкий рот на его ящероподобной голове

был раскрыт в постоянной широкой улыбке, а длинные ресницы делали лицо почти обольстительным. Но единственная задняя мощная нога отбивала мрачный ритм, а комад тем временем на галшесть гремел, противореча своей жизнерадостной внешности.

Все наши <текущие прискорбные> социальные напряжения коренятся в <презренном, мерзком > заговоре врагов кислорододышащей жизни!

Смотрите, как наши великие расы и союзы истощают друг друга, тратя свою мощь, сражаясь друг с другом в поисках <неясных> намеков на <возможное, хотя и маловероятное> возвращение <давно исчезнувших> Прародителей/

Это выгодно только <враждебным непостижимым> водорододышащим! Ревнуя к нашей <быстрой, проворной> скорости и <высокому> метаболизму, они эпохами боялись нас, создавая свои <долгие, медленные, злобные> планы. И теперь они наконец готовы. Смотрите, как <злобные> гид рос готовят наш <коллективный> конец!

Кто не помнит, как <совсем> недавно нам пришлось отдать одну из наших пяти галактик? Всего полмиллиона лет назад <целая > Четвертая Галактика была объявлена «невозделанной»

и освобождена от всех <звездных> кислорододышащих культур. Никогда раньше Институт Миграции не соглашался на такую <огульную предательскую> отдачу территории, и последствия этого решения все еще чувствуются!

Нам говорят, что <в ответ > гид рос предоставили нам всю Пятую Галактику, но разве мы <ежедневно> не слышим разговоры о странных зрелищах и волнениях в нормальном пространстве, которые могут быть только результатом деятельности <вероломных > зангов?

А как же <вышедшие из строя > пункты перехода? Как же маршруты в гиперпространстве <уровня А и Б>, которые стали медлительными и ненадежными? Почему <великие, но подозрительно бездействующие > институты не рассказывают нам правду?

И комад закончил, указав слишком человеческим пальцем прямо на Гарри, который в своей форме казался удобным представителем Института Навигации. Покраснев под своей шерстью, Гарри торопливо попятился.

Жаль. Начинало становиться интересно. По крайней мере кто-то начинает жаловаться на то, как глупо ведут себя соро и другие сильные кланы. И выступление комад касалось будущего,

это не обычная одержимость прошлым. Да, конечно, оно слегка параноидальное. Но если в него поверят многие разумные, это может облегчить положение Земли и дать бедным дельфинам возможность вернуться домой.

Гарри показалось ироничным, что вольномыслящие комады в целом не любят землян. Со своей стороны, Гарри считал, что выглядят они неплохо и замечательно пахнут. Какая жалость, что это восхищение не взаимно.

Шум сзади заставил его повернуться — как раз вовремя, чтобы присоединиться к толпе, бегущей к ближайшей стене. У Гарри по спине пробежала дрожь, когда он увидел, кто приближается к куполу. Отряд из двадцати наводящих ужас, похожих на богомолов воинов танду, невооруженных, но снабженных смертоносными, острыми как бритва когтями, цепочкой двигался по середине бульвара; верхние, на стебельках, глаза воинов раскачивались под самым ребристым потолком. Все, кто их видел, старались побыстрей уступить Дорогу. Никто не оспаривал их право на проход, и ни один Продавец не пытался навязывать товары этим существам с Многочленными конечностями.

Перед самым отлетом в последнее дежурство

Гарри видел, как танду откусил голову упрямому паха, который отказался уступить ему дорогу. Почти немедленно предводитель группы танду наказал нападавшего, небрежно разорвав на кусочки его брата. Таким образом была восстановлена простая справедливость «око за око» и не потребовалось обращаться к властям. Тем не менее главный урок был всем предельно ясен.

Не мешайте нам.

Никакого следствия не было. Даже предводители паха признали, что такое безрассудное и смелое поведение граничит с самоубийством.

Пульс Гарри замедлился, только когда страшный отряд прошел мимо и свернул в переулок.

Пожалуй… не стану больше задерживаться, подумал он, неожиданно чувствуя себя угнетенным этим шумом и толчеей. *Вер'Кв'квинн будет плеваться желчью, если я немедленно не представлю ему отчет.*

Ему также хотелось расспросить старую змею обо всем, что видел и слышал с момента приземления, — о хунах, интересующихся пространством Е, о вышедших их строя п-пунктах, о проповеднике-комаде, который утверждает…

И сердце у него едва не выпрыгнуло, когда неожиданно плечо ему сжала костлявая рука

толще его предплечья. Тонкие белые пальцы, вооруженные присосками, держали осторожно, но прочно.

Гарри повернулся и увидел просторное серебристое одеяние на двуногой фигуре, которая должна весить не меньше метрической тонны. Голова напоминает резной нос корабля, но если фигуры на древних судах имели пару раскрашенных глаз, у этого существа их было две пары, одна над другой. Ниже располагалась плоская челюсть, похожая на таран греческой триремы.

Это… скиано… Гарри вспомнил то, чему его учили во время тренировок. Он не ожидал столкнуться с представителем этой расы на улице, тем более что скиано обратится непосредственно к нему.

Что же мне делать?— встревожился он, готовясь пройти еще через одну процедуру унизительного подобострастия и преклонения.

На широком плече скиано сидело похожее на птицу разноцветное существо, что-то вроде земного попугая.

— Прошу прощения за то, что так удивил тебя, брат, — мелодично произнес титан, предупреждая извинения Гарри.

Говорил он через специальный прибор, кото-

рый держал в другой огромной руке. Рот скиано не шевелился и не издавал ни звука. Напротив, мягкий свет струился из нижней пары глаз. И прибор преобразовывал его в звуки.

— Мне показалось, что ты выглядишь растерянным. Гарри покачал головой.

— Прошу прощения за то, что возражаю тебе, старший патрон. Твоя забота радует душу этого жалкого клиента. Но я знаю, куда иду. Поэтому — с благодарностью — я должен идти даль…

И тут насмешливым и резким тоном вмешалась птица:

— Идиот! Дурак! Не твое *тело.* Твоя душа! Твоя душа! Твоя душа!

Только теперь Гарри сообразил: разговор ведется на англике, языке волчат его родины. И он вторично внимательно посмотрел на птицу.

Поскольку полет предъявляет очень строгие требования к организму, пернатые летающие существа везде примерно одинаковой формы, на каком бы кислородном мире они ни возникли. И все же в этом случае ошибки не было. Перед ним действительно *попугай.* Настоящий. Типа «йо-хо-хо и бутылка рома…» И поэтому скиано казался еще более необычным.

Неправильное количество глаз, тупо подумал

Гарри. *Тебе следовало носить повязку на одном… вернее, на трех! И нога должна быть деревянная… а вместо руки крюк…*

— Действительно, моя добрая обезьяна, — продолжал через прибор бубнить скиано, соглашаясь с птицей. — Именно твоя душа в опасности. Ты уже подумал о спасении?

Гарри замигал. Он никогда не слышал, чтобы скиано занимались проповедями, тем более на англике и с земным попугаем в роли помощника.

— Ты говоришь обо мне? — переспросил он.

— Да, о тебе.

Гарри продолжал недоуменно мигать.

— Обо мне… *лично?*

Попугай испустил раздраженный вопль, но в глазах скиано как будто появилось удовлетворенное выражение. Звуки машины звучали торжествующе.

— Ну наконец-то хоть кто-то сразу ухватил концепцию! Впрочем, мне не следовало удивляться, учитывая твое благородное происхождение.

— Благородное происхождение? — повторил Гарри. Никто еще не обвинял его в этом.

— Конечно. Ты же с *Земли!* С благословенной родины Моисея, Иисуса, Будды, Магомета, Типле-

ра и Ваймберга-Чанга! Места, где в явном случае непорочного девственного рождения появились волчата — без вмешательства какой-либо грешной галактической расы, но как безупречный дар самого Космоса!

Гарри сделал шаг назад, изумленно гладя на скиано. Но тот продолжил:

— Планеты, с которой пришла благая весть, способная изменить вселенную. И ты, дорогой брат, пришел, чтобы помочь нам распространить эту концепцию!

Огромный евангелист наклонился к Гарри, демонстрируя пылкое рвение — как в звуках, так и в страстном огне глаз.

— Идею Бога, который любит каждого! Который считает важными не расу, не клан или любую великую абстракцию, но каждое существо, которое сознает себя и способно к самоусовершенствованию.

Творца всех, который обещает блаженство, когда мы воссоединимся с ним в пункте Омега.

Того, кто обещает блаженство — не коллективно, а каждой индивидуальной душе.

Гарри мог только ошеломленно мигать, потому что мозг и горло были охвачены оцепенением и он потерял способность говорить.

— Аминь! — закричал попугай. — Аминь и аллилуйя!

ДНЕВНИК ОЛВИНА

Теперь у меня появилась возможность хорошо разглядеть происходящее. Мои друзья — Ур-ронн, Гек и Клешня — в других частях корабля, и им приходится обходиться тем, что они видят на мониторах. Но когда мы уходили от Измунути, я стоял всего в нескольких метрах от доктора Баскин, видя то же, что видит командир.

Все происходило прямо передо мной.

Официально я находился на командирском мостике, чтобы присматривать за вонючими глейверами. Но эта работа сводилась к тому, чтобы время от времени кормить их синтетическими таблетками, которые у меня в сумке… и убирать, когда они пачкали. А в остальном я мог смотреть, слушать и гадать, как я все это опишу в своем дневнике. Ничто в моем прошлом — когда я рос в маленьком хунском рыбачьем поселке или читал старинные земные книги — не подготовило меня к тому, что происходило в эти напряженные мидуры опасности и перемен.

Меня вдохновляло присутствие Сары Кулхан. Она тоже сунер, родилась, как и я, на Джиджо и происходит от преступных колонистов. До этого

года она никогда не видела ни звездных кораблей, ни компьютеров. И однако предложения человека — молодой девушки — учитываются. Те, кто обладает властью, просят у нее совета. И она не теряется, когда разговор заходит о «периферических границах переходов» или о «квантовых уровнях реальности». (Мой маленький автописец передает эти слова по буквам — на случай, если вы запутаетесь.) И если один гражданин Склона может справиться с ситуацией, то я тоже смогу.

Да, но Сара дома была мудрецом и волшебницей, так что я возвращаюсь к тому, с чего начал, надеясь описать деяния звездных богов и отобразить зрелища, гораздо более необычные, чем то, что мы видели в глубинах Помойки. И передать сказанное на языках, которые я едва понимаю.

(На Джиджо, обсуждая технические проблемы, мы используем англик, потому что на этом языке написано большинство книг, доставшихся нам со времен Великой Печати. Но на борту «Стремительного» дела обстоят по-другому. Когда требуется научная точность, переходят на галсемь или галдва, используя слова-глифы, которые мне непонятны… и это показывает, как сильно регрессировали наши джиджоанские диалекты.)

Мяуканье глейверов — это нечто совершенно

иное. Не похоже ни на какую из слышанных мною раньше идиом! Усиленный и приукрашенный машиной Нисс, их шум уносится в небо, а ужасающий корабль зангов приближается к «Стремительному», намереваясь превратить его в рассеянные атомы атмосферы гигантской звезды.

И даже если золотистый шар блефует, если в самое последнее мгновение он отвернет и пролетит мимо, перед нам только возникнет новая смертельная опасность. Боевой корабль джофуров, который преследовал нас от самой Джиджо, теперь намерен отрезать от единственного выхода из этой разрываемой бурями системы.

Несомненно, Джиллиан Баскин проложила курс через строй демонов.

Глевейры продолжают вопить и лаять, проходят напряженные дуры.

И наконец водорододышащие ответили!

Их скрежет еще хуже. Но Сара хлопнула по панели пилота и воскликнула:

— Итак, легенда оказалась правдивой!

Ну хорошо, я тоже должен был знать эту историю. Признаю, я провел слишком много времени, поглощая древние земные романы, вместо того чтобы читать труды наших джиджоанских

ученых. Особенно собрания устных мифов и преданий, которые представляли наше культурное наследие до того, как в состав шести рас вошли земляне и вернули нам грамотность.

Очевидно, первое поколение беженцев глейверов разговаривало с г'кеками, которые уже находились на планете, и рассказывало что-то о причинах своего бегства от цивилизации Пяти Галактик. За столетия до того, как их раса вступила на тропу Избавления, глейверы объясняли причину своего добровольного изгнания.

Кажется, глейверы обладали способностями, которые придавали им большой вес среди звездных кланов. В древние времена они принадлежали к тем немногим расам, которые умели общаться с дышащими водородом! Они служили посредниками в сложных торговых переговорах, и это сделало их богатыми… но со временем они стали высокомерными и неосторожными. А этого никогда не следует допускать, когда имеешь дело с зангами.

И однажды их удача кончилась. Может, они обманули доверие, или приняли взятку, или не смогли вовремя заплатить долг. Как бы то ни было, последствия для них были очень серьезными.

В виде компенсации зангги потребовали то

единственное, что у глейверов осталось.

Их самих.

По крайней мере так излагала Сара легенду Джиллиан и всем нам остальным, а время уходило, глейверы вопили, а мы все больше сближались с грозным космическим великаном.

Вспоминая происходившее, я понимаю, что на самом деле глейверы не разговаривали с зангами. Ведь они достигли избавления и стали предразумными существами, почти лишенными дара речи.

Но у зангов долгая память, а наши глейверы как будто инстинктивно — на генетическом уровне — знали, как прокричать единственное имеющее смысл. Одну фразу, которая понятна их древним кредиторам.

Эй, это мы! Мы здесь! Это мы!

И к этому идентифицирующему воплю машина Нисс добавила простую просьбу:

Снимите джофуров с нашей задницы.

Помогите уйти отсюда. ,

Проходили тревожные мгновения. У меня вставала дыбом щетина на спине, когда я смотрел на приближающийся корабль зангов. И нервничал, как ур на берегу, играющий в догонялки с волнами.

И вот, в тот самый момент, когда он, казалось, нацеливается на то, чтобы прикончить нас, наш уничтожитель неожиданно свернул в сторону! Через громкоговорители донесся усиленный скрежет. Ниссу потребовалось несколько дуров и консультации с Библиотекой, чтобы предложить возможный перевод.

Идите с нами.

И вот наше грозное возмездие стало эскортом, показывающим дорогу. Уводящим «Стремительный» от гневного хаоса Измунути.

Мы заняли свое место в конвое, а корабль зангов, продолжая подбирать машины-сборщики, двинулся к старому пункту перехода.

А один из сопровождающих кораблей отвернул и направился наперерез нашему преследователю.

Сенсоры дальнего обзора показали противостояние двух титанов.

Даже на таком расстоянии, когда все расплывается, на это противостояние было страшно смотреть. Я слушал, как лейтенант Тш'т описывает происходящее Саре.

— Это адские снаряды, — объяснял офицер-дельфин, когда корабль джофуров полетел быстрей, забрасывая нового противника сверка-

ющими огненными точками.

Должно быть, этим жирным кольцам ужасно нужны дельфины, подумал я, *если они готовы сражаться с этим чудовищем, чтобы добраться до «Стремительного».*

Шар зангов даже больше джофура… неустойчивая сфера, скорее похожая на желатин или на ту густую жидкость, которая вытекает из раненого треки, чем на твердую материю. Однажды мне показалось, что я вижу какие-то тени, движущиеся внутри, как облака или огромные живые существа, плавающие в непрозрачной жидкости.

От тела корабля отделились небольшие клубки материи, похожие на капли, отлетающие от комка жира на раскаленной сковороде. Они двигались не с такой стремительностью, как снаряды джофуров. Казались более массивными. И неумолимыми.

Капли одна за другой раздувались, как воздушный шар, растягивая тонкую плоскость между двумя кораблями. Снаряды джофуров искусно маневрировали, пытаясь миновать препятствие, но почти все попадали в ту или иную каплю, вызывая ослепительную вспышку.

Одним холодным серым глазом следя со своей машины за сражением, Тш'т заметила:

— Занги, чтобы защититься, бросают вперед части своего вещества. До сих пор сами они агрессивных действий не предпринимали.

Помню, я подумал: *это значит, что у водородных спокойный характер и они не так склонны к ярости, как нам говорили наши мудрецы. Может быть, они только хотят задержать джофуров, чтобы мы успели уйти.*

Потом я передумал.

Допустим, эта помощь водородных братьев даст «Стремительному» возможность уйти. Для землян это здорово — может, и для Пяти Галактик тоже, но Джиджо от этого все равно не лучше. Джофуры смогут вызвать подкрепления и делать, что захотят, с жителями Склона. Перебьют всех г'кеков. Преобразуют бедных треки. Сожгут архивы Библоса и превратят Склон в свою частную генетическую ферму, превращая другие расы в послушных клиентов…

Предыдущий план Джиллиан — увлечь за нами корабль джофуров в двойное самоубийство — означал бы мою смерть и смерть всех остальных на борту, но моя родная планета была бы в безопасности.

Другой исход кажется мрачным и страшным. И я обнаружил, что негодую на светловолосую

женщину: она сделала выбор, спасающий мою жизнь.

Изменилось и мое мнение о дангах.

Чего вы ждете? Отвечайте огнем на огонь!

Джофуры — кислорододышащие существа, подобные мне, они дальние родственники, у них отчасти та же самая ДНК, распространившаяся по галактикам в глубочайшей древности, еще до того, как Прародители начали цепь Возвышения. И тем не менее я радуюсь их уничтожению подлинными чужаками. Существами странного, непостижимого порядка жизни.

Давайте, занги. Поджарьте большие отвратительные груды колец!

Но расстояние между двумя гигантами сокращалось, а дела шли по-прежнему. Шар обильно тратил свое вещество, чтобы преградить дорогу снарядам и смертоносным лучам с дредноута. Однако вопреки этому некоторые лучи и снаряды проходили, со страшной яростью обрушиваясь на корабль-шар. Взвивались фонтаны липкой материи и сгорали с великолепным сиянием. По бокам корабля зангов пробегали волны конвульсий. Но он продолжал продвигаться вперед, а глейверы вопили и, казалось, побуждали водородников продолжать.

— Приближается вход в п-пункт, — послышался усиленный голос дельфина. Голос слегка шипел, и это означало, что говорящий находится в воде, так что доносится этот голос скорее всего с мостика. — Всем подготовиться к переходу. Каа говорит, что наши проводники странно ведут себя. Они выбрали необычный курс сближения, так что нас может потрясти.

Джиллиан и Сара взялись за ручки кресел. Дельфины в ситуационной комнате включили магниты, так что ноги их машин для ходьбы прилипли к полу. Но мне и глейверам ничего не оставалось, как только смотреть по сторонам диким взглядом. На переднем экране я теперь видел, как звездный ландшафт прерывается абсолютно черным пятном. Созданные компьютером линии сплетались, на экране возникали цифры и глифы, от которых Сара возбужденно бормотала.

Я следил за кораблем перед нами. Первый шар зангов задрожал, делая крутой поворот в сторону этого пятна.

А потом *упал* в направлении, которое я не смог бы описать, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

До этого мгновения я и не подозревал, что такое направление существует.

Я быстро посмотрел на экран заднего обзора. Второй корабль-шар двигался в сторону, продолжая отражать удары, а корабль джофуров отчаянно действовал оружием ближнего поражения. Теперь оба гиганта находились почти рядом, скорость их сравнялась, и они продолжали лететь за нами.

Корабль зангов задрожал, по шару пробежала гигантская волна, разорвав его на несколько частей, тоже принявших шарообразную форму.

В этот момент я подумал, что все кончено.

Я решил, что джофуры победили.

Но вот два таких шара свернулись, почти как живые щупальца, и устремились к сверкающему металлическому корпусу. Прилипли к его поверхности. Стали расплываться. Просачиваться.

И несмотря на расстояние и плохую видимость, у меня создалось впечатление, что они проникают внутрь.

И тут изображение исчезло.

Я повернулся к главному экрану. Переход начался.

КАА

Умение провести звездный корабль через искаженную геометрию пункта перехода — это

настоящее искусство. Никакая машина или логический алгоритм одни не в состоянии это осуществить.

Часть этого искусства заключается в догадках, умении почувствовать, когда необходимо отключить боковые поля, удерживающие тебя на одной нити, и выбрать точный момент для перескакивания — этот момент занимает одновременно мгновения и века — через пустоту, более глубокую, чем вакуум… затем проворно прикрепиться к очередному тонкому разрыву непрерывности (на самом деле его не касаясь) и двигаться дальше к цели.

Даже спокойный п-пункт — это подлинный водоворот. Переплетение сверкающих арок и нитей-спагетти, сгибающих ткань пространства во множестве измерений.

Лабиринт ослепительных, волокнистых несовершенств.

Струноподобных трещин в зеркале творения.

Для тех, кто умеет разумно ими пользоваться, эти сверкающие линии представляют собой настоящее сокровище. Возможность быстро переместиться от одной галактики к другой, с ней связанной. Переместиться гораздо быстрей, чем через гиперпространство.

Но неосторожным и невнимательным эти нити сулят быстрый и огненный конец.

Каа больше любых других видов полета любил это перепрыгивание с нити на нить. Что-то в этом соответствовало глубинам природы неодельфинов.

Новые участки мозга, добавленные генетиками-людьми, позволяли ему рассматривать каждую нить как трещину в квантовой метрике, оставшуюся с тех времен, когда вселенная остывала в состоянии раздувшейся перегретой пены, съеживаясь, как многослойный торт, состоящий из множества уровней реального и гиперпространства. После этого остывания и сжатия оставались дефекты — границы и трещины, где физические законы искажались и где становились возможными кратчайшие пути. Каа мог рассуждать обо всем этом с помощью тех дисциплинированных мыслительных процессов, которые капитан Крайдайки называл инженерным мозгом.

Однако параллельно Каа использовал и более древние древние участки в глубине своего мозга. Древнейшие клочки серой материи, которые настроены на слушание — на то, чтобы услышать шуршащую структуру течения или циклоидный

ритм волны. Инструменты, которые способны проникать глубоко через топологические границы, поставляя данные, создающие *сонарные образы.* И Каа почти интуитивно чувствовал, когда заканчивается нить перехода и как самым удобным способом переместиться на соседнюю нить. И посылал «Стремительный» по новой сверкающей тропе к цели.

Томас Орли однажды сравнил этот процесс с «перепрыгиванием с одних несущихся санок на другие в самом центре грозовой тучи».

Крайдайки выразил это по-другому:

Сводящаяся воедино природа

Начинается и заканчивается, живет и умирает там,

Где прилив встречается с отмелью и небом…

Даже в начале экспедиции, когда капитан был с ними, а замечательный главный пилот «Стремительного» Кипиру проводил все самые сложные маневры, все соглашались, что ничто не сравнится с полетом в пункте перехода, когда за рулем Каа. Совершая отчаянно смелые ошеломляющие маневры, он, казалось, не способен допустить ошибку. Однажды, когда серия нелепо удачливых прыжков позволила ему побить миллионолетний рекорд и преодолеть расстояние от Танита до

Галафии за пять с четвертью миктааров, экипаж присвоил Каа особое прозвище.

«Счастливчик».

На тринари это слово-фраза означает нечто гораздо большее, чем на англике. Оно соответствует особому вкусу глубокого моря, глубинного царства случая, где Ифни бросает свои кости и древние спящие напевают свои песни, которые существовали еще до рождения звезд.

Это великая честь. Но говорят, что такие титулы, однажды завоевав, очень трудно удержать.

Каа начал терять свой во время фиаско на Оакке, на этой ужасной зеленой планете предательства, и после этого дела быстро пошли по наклонной. И к тому времени, когда «Стремительный» укрылся в туманной пропасти на дне океана Джиджо, почти никто не называл Каа Счастливчиком.

Но потом, в течение нескольких дней, судьба совершила лучший и самый жестокий поворот. Он нашел любовь… и потерял ее, когда долг увел Каа от любимой, на многие парсеки удалил от Пипое и продолжает удалять с каждой минутой.

И это в тот момент, когда она больше всего во мне нуждается.

Поэтому сейчас прыжки с одной сверкающей

нити на другую не доставляли ему радости. И поддерживал его только угрюмый профессионализм.

Каа учился не рассчитывать на свою удачу.

Заполненная водой контрольная рубка за ним казалась удивительно тихой. Не открывая глаза и не нарушая сосредоточенности, Каа чувствовал, как остальные неофины изо всех сил сдерживают свои рефлекторные сонарные щелчки, чтобы не отвлекать его.

У них есть основания нервничать. Этот переход не похож ни на какой другой.

Причина находится прямо перед «Стремительным» — огромный объект, который одно мгновение кажется Каа гигантской медузой… затем огромным спрутом, со щупальцами такого размера, каких не видел ни один звездный корабль. Вид его гибкой поверхности, преобразованной в процессе движения в п-пункте, заставлял Каа вздрагивать. Инстинкт побуждал Каа уходить, отключить поля и перескочить на первую подходящую нить, куда бы она ни вела, — лишь бы не видеть эту ужасающую фигуру.

Но это наш проводник. И если мы попытаемся свернуть, занги, несомненно, убьют нас.

Каа слышал, что из-за двери в соседнее сухое

помещение — ситуационную комнату — доносятся мяукающие звуки. Он узнавал крики глейверов, этих регрессировавших тварей с Джиджо, которые добровольно вернулись в животное состояние. Одного этого достаточно, чтобы вызвать нервную дрожь, даже если забыть о той неожиданной связи, которая оказалась у этих существ с иным порядком жизни. Эта связь дала «Стремительному» возможность уйти от ужасных джофуров, но какой ценой?

Мы спаслись от одного страшного врага, думал Каа. *Но только чтобы столкнуться с другим, которого боится вся галактическая цивилизация.*

На самом деле такие дилеммы стали обычными для корабля дельфинов. Казалось, вся вселенная полна только сковородками и огнем.

Они готовятся, подумал Каа, видя, как волны дрожи проходят по щупальцам спрута перед ним. Дважды уже такая дрожь предшествовала маневру прыжка. В обоих случаях потребовалось все его мастерство, чтобы без промедления перевести «Стремительный» на соседнюю струну непрерывности. Такого стиля перехода от нити к нити он никогда не встречал раньше. Они использовали линии, которые были скорее подобны времени, чем пространству, вызывая

волны микропричинности, от которых всех на борту начинало мутить. Метод зангов казался не более эффективным, чем другие. И каждый такой резкий маневр — и жгучий невральный рефлекс — вызывал у Каа стремление повернуть и делать так, как он привык и что имеет больше смысла.

Я мог бы доставить тебя вдвое быстрее, негодующе думал он, обращаясь к твари в форме спрута. *Только скажи, куда ты направляешься.*

Конечно, с того времени как он в предыдущий раз использовал этот пункт перехода, когда «Стремительный» уходил из ужасного Фрактального Мира, осуществляя последний отчаянный замысел капитана Крайдайки — использовать «тропу сунеров», найти убежище на далекой Джиджо, — с этого времени резонансы изменились. Когда вблизи Измунути открылся второй пункт связи, это каким-то образом повлияло и на первый. Тем не менее должен существовать более легкий путь, ведущий туда, куда нужно зангам…

Сонарные образы сфокусировались. Каа увидел впереди яркий пучок нитей… Гордиев узел, в котором совсем нет пространственных линий.

Уф! Этот призрачный узел и есть, должно быть, место, куда направляются занги, будь они прокляты.

И однако, внимательно вслушиваясь в звуковой портрет, Каа подумал, что начинает различать смысл в этой путанице…

Знаете, готов биться об заклад, я знаю, на какую нить они собираются перейти.

Каа сосредоточился. Для него это очень важно. На ставке не только долг и выживание. Или прославленная репутация неодельфинов как первоклассных пилотов, которая начала распространяться по всем Пяти Галактикам. Даже сохранение прозвища теперь не очень его занимало.

Для Каа значение имело только одно. Сделать свою работу. Благополучно доставить Джиллиан Баскин вместе с ее грузом. А потом вернуться на Джиджо. Вернуться к Пипое. Даже если это означает никогда больше не быть пилотом. Он включил сигнал тревоги, чтобы предупредить остальных.

Начинаем!

«Спрут» расплелся, готовясь к последнему прыжку.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

Затрудняюсь описать хотя бы одно мгновение нашего пребывания внутри пункта перехода.

В голову приходят сравнения. Как фейерверк в День Основателей. Или словно смотришь, как искусный урский лудильщик бросает во время волшебного представления сверкающую пыль взрывников, или…

Сдавайся, Олеин.

Из всего этого тошнотворного перехода я помню только полосы ярких лент на всех экранах мониторов. Сара Кулхан возбужденно восклицала, глядя, как у нее перед глазами на экранах оживают ее любимые уравнения, а более опытная Джиллиан Баскин удивленно и отчаянно ахала — и этот звук особенно тревожил меня.

Гравитационные поля плыли и сплавлялись. С инструментальных панелей сыпались искры. Метались в своих машинах для ходьбы неофины, направляя на раскаленные места струи инертного газа. И в целом путешественник, впервые оказавшийся в космосе, сообразил, что это совсем не типичный переход.

В сущности, я так ужасно себя чувствовал, что

почти ничего не замечал. Только широко развел руки, чтобы глейверы могли собраться и прижаться ко мне. Они жалобно мяукали. Но все мои попытки успокаивающе поворчать заглушал пронзительный рев двигателей «Стремительного».

Несомненно, это были худшие мидуры моей жизни, даже когда я сравниваю их с тем ужасным временем, когда мы с друзьями в разбитой «Мечте Вуфона» падали с подводного утеса, ледяная вода била мне в лицо, и мы опускались в холодный ад Помойки Джиджо.

Я помню крик дельфина «Начинаем!», и положение сразу стало еще гораздо хуже. Мой второй желудок прижало к сердцу. Потом я обнаружил, что не могу дышать, и все звуки вокруг прекратились.

Несколько бесконечных мгновений я чувствовал себя так, словно оказался в середине тюка хлопка бек. Как будто меня вырвали из вселенной, и я смотрю на нее с конца длинного туннеля или со дна глубокого-глубокого колодца.

Потом, так же неожиданно, я вернулся! Вокруг меня снова кишел космос. С моего позвоночника словно сняли огромную тяжесть, и я смог глубоко вдохнуть.

Мы, джиджоанские хуны, любим свои парусные корабли, подумал я, борясь с приступом тошноты. *На море нас никогда не мутит. Но наших предков, летавших меж звездами, должно быть, непрерывно рвало, если им часто так доставалось. Неудивительно, что легенды описывают их вечно недовольными брюзгами.*

Посмотрев вверх, я увидел, что Джиллиан и Сара уже встали и направляются к большому дисплею. Тш'т и остальные дельфины, управляя своими машинами для ходьбы, столпились за людьми, заглядывая им через плечи.

Все еще потрясенный, я встал и присоединился к ним. На главном экране быстро гасли клубящиеся цвета. Рев двигателей «Стремительного» стихал по мере того, как волнующиеся клубы на экране расходились, как половинки занавеса, открывая…

…звезды.

Я смотрел на незнакомые созвездия.

Звезды, которые на Ифни проклятом неисчислимом удалении от тех, что я знаю.

Как можно себя чувствовать, если неожиданно сбывается давний невозможный сон?

Олеин, ты теперь очень-очень далеко от дома.

Пока я дивился этому чуду, «Стремительный»

медленно поворачивался. Мимо плыл сверкающий небосвод — незнакомые скопления, туманности и спирали, свет которых может достичь Джиджо через тысячи или миллионы лет, и мы наконец увидели нашего сопровождающего — огромный корабль зангов.

И то место, к которому он нас привел. По ситуационной комнате пронесся вздох, словно все земляне одновременно испытали одинаковое чувство.

— О нет, — простонала лейтенант Тш'т. — Не может быть! Доктор Джиллиан Баскин вздохнула.

— Не верю своим глазам! Все эти страдания… и только для того, чтобы *вернуться сюда?*

Передо мной, постепенно заполняя весь экран, находилось зрелище, которое я тоже сначала не смог бы описать. Какая-то *структура,* почти такая же черная, как космос. И только когда Джиллиан приказала предельно усилить увеличение, эта структура стала выделяться на темном фоне, мерцая глубокими оттенками янтаря.

Выглядела она приблизительно сферической, но с остриями по всей поверхности. Похоже на семя бурра, которое вцепляется в шерсть на ногах, когда идешь подлеском. Сначала я решил, что это

еще один гигантский звездный корабль, опасно приблизившийся к нам.

Но потом понял: мы по-прежнему идем на большой скорости, но видимый размер этого сооружения меняется очень медленно.

Должно быть, действительно огромное, подумал я, подстегивая воображение. *Больше корабля зангов!*

Шар зангов кружил рядом со «Стремительным»; его дрожь заставляла меня нервничать. Через громкоговорители доносились скрежещущие звуки, от которых глейверы раскачивали свои большие головы, закатывали выпуклые глаза и мяукали.

Они говорят, что мы должны следовать за ними, перевела машина Нисс.

Лейтенант Тш'т, запинаясь, сказала:

— М-может, нам п-попытаться пройти к п-пункту перехода? Мы можем быстро повернуть. Снова нырнуть в него. Довериться Каа…

Джиллиан отрицательно покачала головой.

— Занги не позволят нам пройти и двух метров.

Плечи ее опустились в человеческом жесте покорности и несчастья, который ни один хун не в состоянии повторить. Очевидно, это место ей

знакомо, и никто на борту «Стремительного» не хотел посещать его вторично.

Я посмотрел на Сару Кулхан. Впервые моя соплеменница-джиджоанка казалась в таком же замешательстве, как и я. Она в явном смущении мигала, не в состоянии уловить огромные масштабы того, что открывалось перед нами.

Единственный присутствующий человек-мужчина издал странный звук. Это был немой Эмерсон д'Аните. Во время полета от Измунути он был особенно тих, молча изучая странные цвета п-пространства, как будто они для него имели больше смысла, чем слова.

Теперь, при виде огромного колючего шара, на лице его появилось то же изумление, что и на лицах товарищей по экипажу, но черты лица смуглого мужчины исказило еще какое-то сильное чувство. Сара быстро подошла к Эмерсону, взяла за руку и негромко заговорила.

Помню, я подумал: *Если это место привело землян в такое отчаяние, что они готовы были лететь на Джиджо, не удивляюсь, что они расстроились, вернувшись сюда.*

За мной знакомый голос произнес восторженно:

— Вот здорово!

Я повернулся и увидел, как Гек вкатывается в ситуационную комнату, устремив все возбужденно колышущиеся глазные стебельки на большой экран.

— Эта штука выглядит такой холодной! А что это?

За ней появился еще один мой приятель. На конце гибкой и длинной урской шеи показалась голова, ее единственная ноздря дрожала от неприятного запаха человеческого страха.

Показавшийся с другой стороны красный квуэн энергично протиснулся мимо Ур-ронн, которая стояла в нерешительности. Визор на куполе Клешни вертелся, наш друг возбужденно щелкал клешнями.

Конечно, мне следовало этого ожидать. Их сюда не приглашали, но если у моих друзей и есть общая черта, то это умение чувствовать неприятности и сразу направляться к ним.

— Эй, мохнатые ноги! — крикнула Гек, толкая меня в бок двумя стебельками, в то время как вторая пара пыталась пробиться сквозь толпу. — Сделай свое слишком большое туловище полезным. Проделай дорогу в толпе этих рыбьих тварей, чтобы я могла видеть!

Поморщившись, я понадеялся, что дельфины

слишком заняты, чтобы заметить ее нахальство. Чтобы не мешать экипажу, я наклонился, ухватился за оси колес Гек и поднял ее над толпой, чтобы ей лучше было видно. (Молодой г'кек весит немного, хотя спина моя к этому времени еще не совсем зажила. И каждый раз как Гек начинала возбужденно вертеться и ерзать, у меня побаливало.)

— А это что? — повторила Гек, указывая на огромный колючий шар.

Лейтенант Тш'т подняла гладкую голову с платформы своего механического устройства' для ходьбы и нацелила один темный глаз на мою подругу.

— Это место, где *рыбьи твари* перенесли большие страдания, прежде чем прилетели на вашу планету.

Будь я человеком, у меня от смущения загорелись бы уши. Но я хун, и поэтому стал горловым мешком издавать виноватое ворчание. Но Гек продолжала, ни на что не обращая внимания:

— Здорово! Какая огромная!

Самка дельфина коротко рассмеялась через свое влажное дыхало.

— Можно сказать и так. Сооружение объемом примерно в тридцать астронов, или триллион

кубических парсеков.

Гек беспечно пожала глазными стебельками.

— Ну да! Что бы это ни значило. Я скажу вам, что мне это напоминает. Похоже на колючую броню, покрывающую пустынных моллюсков.

— Внешность может быть обманчива, юная джиджоанка, — ответила лейтенант Тш'т. — Эта поверхность настолько мягкая, что ее можно резать деревянной ложкой. Если приблизишься и дохнешь на нее, место, которого коснулось дыхание, закипит. Ее средняя плотность такая же, как в снежной туче.

Звучит не слишком угрожающе, размышлял я. Потом заметил удивленное выражение лица Сары Кулхан. Наш молодой человеческий мудрец хмурился, глаза девушки переходили от одного дисплея к другому, потом вернулись к Тш'т.

— Инфракрасные… профили реэмиссии… Ты не говоришь, из чего на самом деле состоит эта штука…

Она смолкла, не в силах закончить фразу. Офицер-дельфин усмехнулся.

— Поистине. В центре этого мягкого сооружения, этого обманчивого ядовитого снежка, находится *звезда.*

Добро пожаловать, дорогие джиджоанские

друзья. Добро пожаловать во Фрактальный Мир.

ЛАРК

Он не чувствовал холода. Вовсе нет. Хотя, с точки зрения логики, должен был бы чувствовать.

Липкий туман окружил Ларка, со всех сторон его облепили мембраны, заставив согнуться почти вдвое, прижав колени к подбородку.

Ларк подумал, что так же должен чувствовать себя человек, снова помещенный в матку.

Вскоре стало очевидным и другое сходство.

Он больше не дышал.

Рот его был запечатан, и в ноздри вставлены прочные пробки. Ритмичные подъемы трудной клетки, мягкий шелест сладкого воздуха — эти всегда присутствующие фоновые звуки жизни, они исчезли!

И когда он это понял, паника едва не поглотила Ларка. Красный туман затянул все вокруг, предельно сузив восприятие. Ларк бился и извивался. Тело вначале ему не повиновалось, но он заставил его вдохнуть… и ничего не достиг.

Он попытался еще раз, отдавая приказы расслабленной диафрагме и грудной клетке. Спина Ларка изогнулась от усилий, и вот, минуя пробку в одной ноздре, пробилась тонкая струйка газа,

возможно, всего несколько молекул…

…с острым ядовитым запахом!

Ларк забился в неожиданных судорогах. Конечности его бились, внутренности переворачивало, он пытался опорожнить содержимое внутренностей в окружающий туман.

К счастью, желудок его был пуст — он уже несколько дней ел очень мало. Конечности стали ватными, онемели. Приступ миновал, оставив во рту ужасный вкус.

Ларк усвоил ценный урок.

Когда в следующий раз обнаружишь себя в позе зародыша внутри вонючего мешка и при этом не будешь дышать, пойми намек. Плыви по течению.

Ларк проверил свой пульс и убедился, что сердце по крайней мере еще бьется. Настойчивая резь в носу, знакомый ядовитый запах — этого достаточно, чтобы подтвердить, что жизнь продолжается, какой бы болезненной она ни была.

Поворачивая голову, чтобы осмотреться, Ларк вскоре заметил, что его мешок не единственный: еще множество таких плавает в каком-то просторном помещении. Сквозь туман он разглядел другие мешки из облепляющих их мембран. В большинстве находились большие конические

фигуры — джофуры, заостренные груды жирных колец; они еле заметно дрожали, а ноги нижних колец слабо двигались, пытаясь оттолкнуться, но не встречали никакой твердой поверхности. Некоторые из этих трекиподобных существ выглядели целыми, но другие явно разбились на более мелкие груды или даже на отдельные кольца.

От каждой клетки, в том числе и от его собственной, отходили узловатые кабели, похожие на щупальца мульк-паука. На самом деле одно такое щупальце проходило через прозрачную стенку клетки, обвивало левую ногу Ларка и оканчивалось на внутренней стороне бедра, ниже промежности.

Это зрелище вызвало второй приступ паники, с которым на этот раз Ларк попытался бороться с помощью своих лучших ресурсов — знаний примитивного ученого. Возможно, Джиджо — захолустная планета и у нее нет интеллектуальных ресурсов Пяти Галактик, но действующий разум может многое почерпнуть и на страницах бумажных книг.

Используй то, что знаешь. Пойми, что происходит!

Хорошо.

Прежде всего… похоже, что кабель, идущий к его ноге, соединяется с бедренной артерией. Наверно, через него Ларка пожирает кто-то… какой-нибудь космический вампир-лишайник из причудливой доконтактной фантастической книги. Но этот образ из романов-ужасов показался Ларку очень глупым, и он заподозрил, что правда в ином.

Основы жизнеобеспечения. Я плаваю в ядовитой атмосфере, поэтому они не могут позволить мне дышать, есть или пить. Должно быть, шлют кислород и питательные вещества прямо в кровь.

Кем бы «они» ни были.

А что касается этих плавающих мешков, то Ларк достаточно долго был полевым исследователем-биологом, чтобы догадаться, что видит контейнеры для образцов. И хотя рассмеяться не мог, чувство иронии позволило ему спокойно обдумывать положение. Он сам за время своей работы натуралистом поместил немало беспомощных живых существ в подобные контейнеры, изучая взаимоотношения сложной экосистемы Джиджо.

И если природа налагает наказания за подобные проступки, то личное чистилище Ларка

должно так и выглядеть.

Он постарался разглядеть что-нибудь в тумане, надеясь обнаружить среди пленников Линг. Однако ощущение одиночества подсказывало, что ее здесь нет.

Может, ей удалось бежать от Ранна и джофуров, когда эти желтые чудовища вторглись на «Полкджи». Если она смогла добраться до жизненного центра, то спряталась в листве и сейчас в безопасности в нашем гнезде. По крайней мере на время.

Он разглядел стены за туманом и решил, что это пространство больше дерева встреч у него дома, в деревне. По некоторым предметам обстановки и дисплеям на стенах он решил, что все еще находится на борту джофурского дредноута, но эту его часть захватили пришельцы и заполнили собственной ядовитой атмосферой.

В этом ключ. В знакомом отвратительном запахе. В яде, который нельзя вдыхать. Однако потрясенный мозг Ларка не мог сразу прийти к выводу. Для джиджоанца, даже для так называемого «ученого», все это пространство — царство ужасающих чудес.

Захватили ли они весь корабль?

Это казалось маловероятным, учитывая мощь

звездных богов-джофуров, но Ларк искал какого-то утешения в такой возможности. Эти родичи-треки означали для всех шести рас Джиджо только дурные новости, в особенности для бедных г'кеков. Для его родной планеты лучше всего было бы, если бы «Полкджи» никогда не добрался до дома и не смог сообщить, что нашел в далеком уголке Четвертой Галактики.

И однако не стоило ожидать, что такая перспектива будет радовать Ларка или заставит испытывать благодарность к своим новым похитителям.

Потребовалось какое-то время, чтобы Ларк понял: некоторые из них находятся поблизости.

Вначале он принял дрожащие фигуры за клочья тумана, немного более густые, чем окружение. Но эти клочья сохраняли постоянство и изолированность, хотя внешне казались жидкими. Он сравнил их с передвигающимися грудами пены на поверхности пруда… или с плотными облаками, величественно движущимися среди других, менее плотных. Несколько таких аморфных тел собрались вокруг ближайшего контейнера для образцов и осматривали находившегося внутри джофура.

Осматривают? Что заставляет тебя так

думать? Ты видишь у них глаза? Или вообще какие-нибудь органы чувств?

Плывущие клочья двигались неторопливо, перемещались в густом тумане, отращивая или убирая временные руки или ложноножки. Казалось, под их прозрачной оболочкой нет никаких постоянных органов или структур; было только ритмичное движение составляющих подъединиц, которые сходились, сливались или разъединялись с какой-то целью, которую он мог постичь.

Он вспомнил предыдущее амебоподобное существо, гораздо больше этих, то самое, что пробило переборку «Полкджи» и спугнуло Ранна и других преследователей, загнавших Ларка в угол. Казалось, это существо смотрело прямо на Ларка, прежде чем устремиться к нему и поглотить.

Что это может быть? Упоминала ли Линг когда-нибудь что-то такое? Не помню…

И сразу Ларк понял, где встречал раньше этот отвратительный запах. В Библосе… в Зале Науки… в той части огромного архива, которая была очищена от книжных полок, чтобы освободить место для химической лаборатории. Здесь небольшая группа мудрецов пыталась восстановить древние тайны, а финансировала их и поддерживала

джиджоанская гильдия взрывников.

Они пытались восстановить древние знания или открыть что-то новое. Гильдия, должно быть, была полна еретиками типа Сары. Верящими в «прогресс».

Я никогда не думал об этом раньше, но на Склоне оказалось множество отступников, с еще более нетрадиционными представлениями, чем мои. Со временем у нас, вероятно, произошел бы религиозный раскол, даже гражданская война, если бы в этом году с неба не спустились боги.

Он вспомнил Харуллена и Утена, своих хитиновых друзей, ставших жертвами коварства чужаков. Вспомнил Двера и Сару — они теперь дома, в безопасности. Он надеялся на это. Только ради них он бы взорвал этот могучий корабль, если бы это означало, что Джиджо снова скроется в благословенной неизвестности.

Мрачные размышления Ларка перешли от печального прошлого к загадочному настоящему и сомнительному будущему.

Проходило время, хотя у него не было способов его измерить, кроме ударов сердца. Вскоре считать удары стало скучно, но он продолжал, только чтобы чем-то заняться.

Я жив! Существа, которые здесь распоряжают-

ся, должно быть, нашли меня интересным — в каком-то отношении.

Ларк собирался разжечь этот интерес, чего бы это ни стоило.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ ДЖИДЖОАНСКИЕ ДРУЗЬЯ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВО ФРАКТАЛЬНЫЙ МИР!

Такая фраза великолепно подошла бы для окончания этой главы моего дневника.

Момент был причудливо драматичный. Я ощущал трагическое разочарование экипажа «Стремительного»; ведь земляне бежали в адские глубины Джиджо, потеряли многих товарищей и лишь для того, чтобы вернуться в то самое место, которое причинило им такую боль.

Но то, что произошло потом, делало это переживание бледным, как тень, изгнанную молнией.

Возможно, это другая структура Крисвелла, предположил Акеакемаи, один из дельфинов-техников с мостика. *Ведь предполагается, что их существуют миллионы — только в одной этой галактике.*

Но эта надежда рухнула, когда Тш'т подтвердила, что расположение созвездий прежнее.

— К тому же каковы шансы, что еще один крисвелл будет находиться так близко возле пункта

перехода? Большинство их в далеких шаровых скоплениях.

— Нет, — продолжала Тш'т. — Наши друзья занги привели нас обратно по какой-то причине… чтоб они за это сгорели и испарились.

Мы, четверо с Вуфона, собрались в одном углу ситуационной комнаты, чтобы сопоставить наблюдения. Ур-ронн пообщалась со своими друзьями из инженерной команды. Чем возбужденнее она становилась, тем сильней слышался ее урский акцент. Она рассказывала нам, что узнала о колючем шаре.

— Он полый, с радиусом втрое больше орбиты Джиджо, и окружает звезду — красный карлик. Он так устроен, чтобы собирать все тепло, которое излучает звезда. Внутри тоже так, и все эти поверхности улавливают каждый луч звезды!

На самом деле то же самое можно достичь с помощью простой сферы, профессиональным тоном пояснила машина Нисс. Тут же появилось изображение полого шара, окружающего яркую точку.

Кое-кто из землян предсказал это еще до контакта и назвал такие сооружения…

— Сфера Дайсона! — воскликнула Гек.

Мы все уставились на нее. Она сплела несколь-

ко глазных стебельков — пожала плечами, по-человечески.

— Послушайте, приятели. Вспомните классическую сайенс фикшн.

Хуны соображают медленней г'кеков, но вот я тоже кивнул.

— Хр-рм… да. Я помню упоминание о ней в романах… хр-рм… Шоу и Аллена. Но идея казалась слишком фантастической, чтобы воспринимать ее всерьез.

Я замолчал. Конечно, когда видишь собственными глазами, приходится верить.

Как я как раз собирался объяснить, слегка обиженно продолжал Нисс, *концепт простой сферы Дайсона не удовлетворяет существенным геометрическим требованиям к такому сооружению. Позвольте мне объяснить.*

На новой картинке гладкий шар сменился колючим, похожим на кусок коралла, извлеченного рыбацкой сетью. Созданное компьютером изображение на наших глазах раскололось, обнаружив полое внутреннее пространство с маленькой звездой в центре. Но теперь ножеобразные выросты протянулись и внутрь, переплетаясь, как соперничающие ветви тропического дождевого леса.

Земляне в последние годы называли такое сооружение структурой Крисвелла. Иглы создают фрактальную форму, увеличивая площадь примерно в два в четвертой степени раз. Внутри складок больше, их назначение — увеличить поверхность, на которую падает солнечный свет, даже если он приходит под косым углом.

— А зачем? — спросил Клешня.

Чтобы увеличить количество окон, разумеется, ответил Нисс, как будто его слова все объяснили.

Главный ограничительный фактор здесь — энергия. Маленькое солнце излучает примерно десять в тридцатой степени эргов за секунду. Улавливая всю эту энергию и предоставляя каждому обитателю для использования щедрые мегаватты, это сооружение может предоставить удобное жилище населению в сто тысяч миллиардов разумных существ. Если энергии на одну душу будет тратиться меньше, сооружение способно вместить больше десяти квадрильонов.

Мы смотрели молча. Даже Гек была так ошеломлена, что лишилась дара речи.

Я пытался каким-то образом представить своим медлительным разумом эти невероятные числа.

Выразим это так. Если все клетки тела организма каждого из представителей шести рас на Джиджо неожиданно превратятся в самостоятельные разумные существа, общее число будет гораздо меньше того, что назвала машина Нисс. Это число значительно превышает количество звезд и планет во всех пяти галактиках.

(Разумеется, я подсчитал все это позже. А в то время мог только ошеломленно смотреть.)

Первой пришла в себя Ур-ронн.

— Кажется… тут тесновато, — заметила она.

На самом деле рост населения сдерживается количеством энергии и площадью способной ее улавливать поверхности. Напротив, объем жилого пространства не является серьезным ограничением. Помещения для жилья здесь очень просторные. У каждого разумного существа свое частное жилье по размеру больше вулкана, который джиджоанцы называют горой Гуэнн.

— У-гу-гу-гу-гу… — запинаясь, начал Клешня одновременно из всех своих ножных голосовых щелей, предупреждая мою реакцию. — Поселенцы это сделали… чтобы жить?

Голограмма Нисса свернулась абстрактным завитком нитей, каким-то образом передавая впечатление насмешливости.

Обитатели этого сооружения сочли бы термин «поселенцы» оскорбительным и уничижительным, мой молодой дорогой варвар. Большинство из них — это высшие существа, намного превосходящие тебя и меня. Фрактальные колонии заселены преимущественно представителями Древних, это порядок жизни «ушедших на пенсию». В этом месте — и примерно в миллиарде других таких же сооружений — старшие расы спокойно живут в относительном мире, уйдя от надоедливого шума и мелких споров более молодых кланов.

Дельфин поблизости насмешливо фыркнул, хотя я в тот момент не понял горькой иронии слов Нисса.

— Но кто это сделал? — спросила девушка-мудрец. — Какие материалы могут выдержать такую огромную конструкцию?

Картина изменилась, один ее участок вырос, и мы увидели небольшой фрагмент сооружения. С основания приблизительно круглой формы острия нацеливались на звезду, разветвляясь — сначала крупные ветви, потом помельче, еще мельче, и так без конца, пока глаз способен был улавливать. А между ними все пространство заполняли фасеточные помещения.

Внутренняя поверхность состоит преимущественно из крученого углерода, добытого из самых разных источников вроде самой звезды. Реакторы водородно-гелиевого синтеза на протяжении миллионов лет также производят много углерода. Углерод способен выдержать прямой солнечный свет. Больше того, он хорошо сопротивляется центробежным силам.

С другой стороны, внешние поверхности этого огромного сооружения в подкеплерианском динамическом состоянии. Поскольку они испытывают сильное притяжение внутрь, они должны хорошо выдерживать сжатие. Большая часть огромной ячеистой структуры, таким образом, состоит из металлического водорода со стабилизированными полями. Это наиболее распространенный элемент космоса, он смешивается с керамически-углеродным полиморфом. Этот строительный материал давным-давно взят у звезды с помощью магнитной индукции, на это ушла примерно десятая часть общей массы звезды — вместе с кислородом и другими элементами, необходимыми для основанной на протоплазме жизни. Устранение массы имело и побочный благотворный эффект: звезда сгорает медленнее и более предсказуемо.

Внешняя поверхность структуры Крисвелла такая холодная, что излучает тепло не выше средней космической постоянной.

В этот момент у меня уши словно раздулись. Наверно, Нисс полагает, что все, что он говорит, имеет смысл. Но хотя позже мы с друзьями много раз прослушивали заново его лекцию, постоянно консультируясь с автописцом о смысле того или иного слова, только Ур-ронн, казалось, хоть что-то поняла из этого объяснения.

Поистине мы оказались в царстве богов.

Я отвлекаюсь, потому что на вопрос, который возник у меня прежде всего, не было дано никакого ответа. А этот ответ не имел ничего общего с техническими подробностями.

Я хотел знать *почему!*

Если это чудовищное сооружение создано, чтобы вместить миллионы миллионов обитателей, то кто в нем живет? Зачем собирать такое количество существ в большой снежок, окружающий маленькую звезду? В этот «дом», такой мягкий и холодный, что я мог бы дыханием растопить его часть?

И все эти упоминания о водороде заставляли меня думать: а живут ли здесь занги?

Но прежде всего: что здесь случилось такого,

что заставляет экипаж «Стремительного» так бояться этого места?

Я видел Джиллиан Баскин, стоящую в одиночестве перед двумя большими дисплеями. Один в реальном освещении показывал Фрактальный Мир — как огромный черный диск. Как зубастую пасть, откусывающую целые созвездия.

На другом экране то же самое демонстрировалось в «смещенном инфракрасном свете» и напоминало голову красочной средневековой булавы, горящей цветом, похожим на кровь хуна. «Стремительный» продолжал двигаться в ночи, и булава становилась все больше и медленно поворачивалась. Корабль под небольшим углом сближался с ней. Я подумал, сколько глаз смотрит через огромные холодные окна, разглядывая нас с высоты опыта, уходящего в бесчисленные века прошлого. В лучшем случае такие существа могут считать нас чем-то вроде личинок. А в худшем — надоедливыми насекомыми.

Наш сопровождающий, гигантский корабль зангов, начал выпускать меньшие объекты — машины-сборщики, которые он сумел спасти из хаоса Измунути. Их паруса были измяты. Эти машины начали уходить по спирали, сближаясь с гигантской сферой, словно выполняя срочное

поручение.

Мне пришло в голову, что я стал свидетелем одновременной деятельности четырех великих порядков жизни. Водорододышащие занги, разумные машины, кислородные существа вроде меня самого и этот вид ушедших в отставку — существа, который мыслят такими грандиозными масштабами, что для них звезда — нечто вроде домашнего очага. Как уроженец Джиджо, я знал, что моя собственная культура примитивна в сравнении с возвышенной цивилизацией Пяти Галактик. Но сейчас мне пришло в голову, что даже на великие галактические институты можно смотреть как на простые муравейники — так смотрят на них те, кто расположен выше в эволюционной пирамиде.

Полагаю, я знаю, где нахожусь сам.

К доктору Баскин перед двумя экранами присоединился смуглый мужчина и бросил на нее взгляд, который, должно быть, передал больше, чем способны слова.

— Ты тоже это чувствуешь, Эмерсон? — негромко спросила она. — Что-то изменилось. Мне становится по-настоящему жутко.

Немой потер изуродованную голову, потом неожиданно улыбнулся и принялся насвисты-

вать отрывистую мелодию. Я не узнал мотив. Но Джиллиан рассмеялась.

— Да. Жизнь полна перемен, ты прав. И нам стоит быть оптимистами. Может, Древние за время нашего отсутствия слегка повзрослели. — Но ее невеселая улыбка делала такое предположение маловероятным. — Или что-то их отвлекло и они о нас забыли.

Мне хотелось узнать, о чем идет речь, подойти и потребовать объяснений. Но мне показалось неправильным сейчас нарушать ее невеселые раздумья. Поэтому я остался на месте и смотрел, как роботы-сборщики впереди кружат и исчезают за краем Фрактального Мира.

Немного погодя в интеркоме послышался встревоженный голос. Это был Олело, офицер-наблюдатель, и говорил он с мостика.

Уже какое-то время мы фиксируем газ, существенно более высокий в системе элементов, и какие-то особенные подписи, доложил дельфин. *Кажется, мы улавливаем отражения от зерен большого размера прямо перед нами плюс поток ионов, характерный для солнечного ветра.*

Доктор Баскин выглядела удивленной.

— Отражения? Отражения чего? Звездного света? Последовала короткая пауза.

Нет, мэм. Спектральные показатели соответствуют прямому освещению со стороны ближайшей звезды — карлика класса М8.

На этот раз удивление было не только на моем лице, но и на лице Эмерсона д'Аните. Мы оба не поняли ни слова — он из-за своего увечья, я — из-за варварского происхождения. Но для остальных эта информация, должно быть, значила очень много.

— Прямое излучение… но это может означать только… — Глаза доктора Баскин расширились в понимании и страхе. — О боже…

Ее прервал неожиданный сигнал тревоги. Все разговоры в помещении прекратились. Изображение на главном экране устремилось вперед, сосредоточилось на участке непосредственно перед «Стремительным», на той части огромного шара, которая появилась перед нами в результате вращения.

Гек расставила все глазные стебельки и хрипло произнесла:

— Ифни!

Неодельфины нервно раскачивали свои машины для ходьбы. Ур-ронн забила копытами, а Клешня продолжал повторять:

— Ну и ну!

Я ничего не сказал, но рефлекторно начал ворчать, чтобы успокоить нервничающих тварей рядом с собой. Как обычно, я, вероятно, был последним понявшим, что разворачивается прямо у нас перед глазами.

В поверхности сферы видна была огромная вмятина.

И через нее широкая полоса слабого красноватого света устремилась к звездам.

Видны были бесчисленные огоньки, всплески света, мигающие точки, как уголья, разлетающиеся от горящего дома.

Вперед выступила Сара Кулхан, наш джиджоанский мудрец.

— Сфера… она разорвана!

Отозвался с мостика тревожный голос Олело: *Подтверждаю… В структуре Крисвелла большая щель. Это… огромное отверстие… большая дыра, по крайней мере в астрон* или *два в поперечнике. Точно еще не могу сказать, но мне кажется…*

Последовала очередная долгая пауза. Мы ждали. Никто не произнес ни слова, все словно не дышали.

Да, подтверждаю, снова заговорил Олело. *Прямо сейчас разрушение продолжается.*

Что бы ни произошло в этом месте… оно проис-

ходит и сейчас.

ДЖИЛЛИАН

Панорама смерти приковала к себе ее внимание.

Одного у вас не отнимешь, произнес голос из вертящейся голограммы. *Когда вы, земляне, странствуете по космосу, то непременно оставляете за собой след.*

Ей нечего было ответить машине Нисс. Джиллиан надеялась, что, если будет молчать, голограмма исчезнет.

Но вихрь крутящихся линий, напротив, еще больше приблизился. Скользнул к ее левому уху и мягко и естественно заговорил на родном языке Джиллиан.

Два миллиона столетий.

Вот как долго, по утверждению Библиотеки, просуществовала эта структура, спокойно вращаясь вместе с галактикой как мирное убежище.

А потом какие-то волчата нанесли ей краткий визит.

Джиллиан ударила, но ее рука без всякого сопротивления прошла через голограмму. Абстрактный рисунок продолжал вращаться.

Путаница его линий отбрасывала призрачное свечение на ее лицо. Конечно, проклятый Нисс прав. «Стремительный» всем приносит несчастье, губит все, к чему ни прикоснется. Только здесь последствия его появления превосходят всякое воображение.

«Стремительный» в сопровождении огромного занга вошел в отверстие в грандиозной фрактальной раковине; через это отверстие впервые за многие эпохи пробивался красноватый солнечный свет. Приборы корабля во всех подробностях показывали страшные разрушения. Через отверстие выходил поток атомов и частиц, такой плотный, что слово «вакуум» в этом пункте утрачивало свой смысл. Инструменты свидетельствовали о значительном давлении атмосферы, которая начала сопротивляться продвижению корабля.

Были и обломки большего размера. Каа искусно маневрировал, избегая столкновений с этими кусками сооружения. Видны были гигантские клинья, в которых размещались шестиугольные помещения размером с астероид. За каждым испаряющимся обломком тянулся хвост пыли и ионов. Тысячи подобных искусственных комет освещали отверстие… такое гигантское, что Зем-

ле на ее орбите потребовался бы месяц, чтобы его пересечь.

Хоть и неохотно, доктор Баскин, закончил Нисс, *но признаю, что я поражен. Мои поздравления.*

Поблизости передвигались в своих установках для ходьбы неодельфины. В ситуационном помещении становилось тесно: персонал, освободившийся с вахты, собирался здесь, чтобы понаблюдать за зрелищем. Но Джиллиан окружало пустое пространство, словно крепостной ров, который никто не решался пересечь, кроме сардонической машины Нисс. Никто не испытывал возбуждения. Это место причинило землянам большие страдания, но масштабы разрушений были такими грандиозными, что ни у кого не возникало желания позлорадствовать.

Да это было бы и несправедливо. В предательстве, которое почти год назад обратило «Стремительный» в бегство, виноваты только несколько групп Древних. Другие, напротив, помогли кораблю землян уйти. И разве должны сотни миллиардов погибать из-за алчности немногих?

Не увлекайся, подумала Джиллиан. *Нет никаких доказательств того, что эта катастрофа*

как-то связана с нами. Возможно, это нечто совершенно независимое.

Но это казалось маловероятным. Такое совпадение не может быть случайным. Нужно какое-то объяснение.

Джиллиан вспомнила, чем кончилось предыдущее посещение. Что видели они в последние мгновения, когда едва ушли отсюда?

За нами, словно кто-то отворил дверь, начались насильственные стычки, и именно это дало нам возможность добраться до пункта перехода. Я видела, что были повреждены несколько ближайших фрактальных ветвей, сломаны окна, а различные секты сражались из-за маленького разведочного корабля Эмерсона, схватили его, и эта схватка помешала следовать за нами.

Друг Джиллиан дорого заплатил за свой смелый отвлекающий маневр, подвергся ужасным, невообразимо жестоким пыткам, прежде чем загадочным образом не был перенесен на Джиджо вслед за «Стремительным». Бывший инженер, лишенный речи, так и не смог объяснить, что с ним происходило.

Мы, испытывая чувство вины оттого, что оставили его, спешили побыстрей убраться, и никто и подумать не мог, что Древние и после

нашего ухода будут продолжать сражаться! Но почему? Какой цели может служить такой апокалипсис? Ведь мы унесли свой проклятый груз с собой.

Должно быть, последовало нечто страшное. Перед ними очевидное свидетельство. Потоки плазмы и столбы красноватой пыли… и бесчисленные длинные тени, отбрасываемые обломками — некоторые из этих обломков крупнее луны, но все они хрупкие, как снежинка.

Она вспомнила о первопричине всего этого — о сокровище, которое несет «Стремительный», о Херби, древнем трупе, который привлекал все ее внимание, подобно ворону По или призраку Банко[2] Фанатичные кланы стремятся захватить и монополизировать их тайну и тем самым получить какие-то преимущества во Времени Перемен.

Нельзя этого допустить. Приказ Террагентского Совета был совершенно ясен — вначале Крайдайки, а потом и сменившей его Джиллиан. Открытия «Стремительного» согласно древнему галактическому закону должны стать известны всем — или оставаться не известными никому.

---

[2] notes: 2

Персонаж «Макбета», призрак коварно убитого тана, являвшийся главному герою. — Примеч. пер.

Могучие расы и союзы могут нарушать этот старинный закон и надеяться, что это сойдет им с рук. Но уязвимый и слабый земной клан не смеет проявить даже признаков пристрастности.

В век усиливающегося хаоса у слабых и не имеющих друзей и союзников единственная надежда — закон. Люди и их клиенты должны сохранять верность галактическим институтам. Иначе можно потерять все. К несчастью, поиски нейтральной силы, которой можно было бы передать реликт, оказались более чем тщетными.

И не в том дело, что они не старались. Когда на Оакке выяснилось, что Великим Институтам доверять нельзя, Джиллиан пришла в голову удачная (так казалось в то время) мысль.

А почему бы не обратиться выше?

Она решила принести реликт сюда, в крепость существ, которые удалились от мелких мирских одержимостей, разрывающих цивилизацию Пяти Галактик. В одном из легендарных фрактальных миров преследуемые земляне смогут наконец найти бесстрастный совет и помощь от существ, которые в состоянии вмешаться и прекратить безумие младших кланов. Эти всеми уважаемые старшие разумные примут на себя ответственность за бремя, освободят «Стремительный» от

его пагубного сокровища и заставят все союзы кислорододышащих поделиться сведениями.

И тогда наконец уставшие дельфины смогут вернуться домой.

А я смогу отправиться на поиски Тома, куда бы он, Крайдайки и остальные ни направились после Китрупа.

Такова была теория, надежда.

Какая жалость,' что Древние оказались такими же капризными, отчаянными и коварными, как и их младшие родичи, которые по-прежнему живут среди горячих звезд.

Словно наш корабль зачумлен и несет с собой заразу из прошлого. Куда бы мы ни направились, разумные начинают вести себя так, будто лишились разума.

Мониторы, сфокусированные на ближайшем крае огромной раны, показали оболочку толщиной в несколько тысяч миль, не считая многочисленных выступов внутрь и наружу. Разворачивающуюся трагедию отчасти скрывал густой туман, но он не мог скрыть непрерывные конвульсии. На глазах у Джиллиан отрывались фрагменты структуры. Обламывались фрактальные ветви и улетали, вертясь в пространстве, сталкиваясь друг с другом и вызывая все новые

цепные реакции.

Обращенные к солнцу стороны обломков блестели, и это что-то напомнило Джиллиан.

Окна. Когда мы впервые оказались здесь… когда они открыли дверь и впустили нас… первое, что я заметила, это то, что внутренняя поверхность почти вся стеклянная. А под этими огромными панелями…

Она закрыла глаза, припоминая, как в телескоп стало видно, что каждая из этих ветвей — это целый мир. Одни представляют собой оранжереи и теплицы — каждая больше ее родного штата Миннесота, — в которых буйно растет зелень. Другие светятся городскими огнями, или в подернутых рябью морях плавают дворцы, или виднеются равнины сверкающего песка. Потребовался бы миллион расплющенных земель, чтобы покрыть такую поверхность, и даже это не выразило бы ее разнообразия. Можно провести годы, увеличивая изображение одного жилища за другим и все время находя что-нибудь новое и удивительное.

Ничего величественнее и прекраснее Джиллиан не видела.

И теперь все это распадается у нее на глазах.

Этот туман, с ужасом поняла она. Это не просто обломки структуры и частицы газа. Это жители.

Их мебель, их домашние животные, их одежда, домашние растения и семейные альбомы… Или что является эквивалентом всего этого у

Древних. Какой человек способен представить себе интересы, желания и стремления, которые важны для существ, видевших в Пяти Галактиках все, что можно видеть, и сделавших все, что можно сделать?

Но какими бы непонятными и непостижимыми ни были их надежды, все они стремительно рассеиваются. За короткое время, потребовавшееся «Стремительному», чтобы пройти отверстие, погибло больше живых существ, чем все население Земли.

От этой мысли кружилась голова. Персонализировать эту трагедию — значит сойти с ума.

— Кто-нибудь пытается остановить это? — хрипло спросила Джиллиан.

Машина Нисс помолчала, прежде чем ответить.

Некоторые очень стараются. Посмотрите на их усилия.

«Стремительный» наконец оказался в обширном внутреннем пространстве сооружения, и изображение на мониторе устремилось вперед.

Как и в прошлый раз, Джиллиан внезапно по-

чувствовала, что входит в огромное сводчатое помещение с яркими ломаными сталактитами и безмерными тенями. Хотя дальняя стена пространства находится в нескольких сотнях миллионов километров, она могла рассмотреть мельчайшие детали. Система распознавания образов улавливала ее внимание, усиливая и подчеркивая то, что она хотела рассмотреть.

Прямо впереди, как тлеющая лампада в центре базилики, тепло светилась карликовая звезда. Видимый диск более тусклый и красный, чем у таких звезд, вокруг которых вращается Земля или другие подобные ей планеты. Сняв поверхностный слой для строительства своего жилища, создатели этого места превратили звезду в превосходный домашний очаг, топлива в котором хватило бы на сто миллиардов лет. Прямой взгляд на этот диск не вызывал ощущения физической боли. Но плазменная поверхность звезды, спокойная при их первом посещении, теперь словно покрыта свежими ранами.

Там, где на поверхность обрушивались обломки, вспыхивали ослепительные точки.

Однако вскоре Джиллиан поняла, что такие падения — это скорее исключение. Большинство обломков перехватывалось и сжигалось синими

энергетическими лучами задолго до того, как они достигали фотосферы звезды.

Конечно, даже если им удается измельчить мусор, масса обломка все равно оседает в виде газа и со временем возвращается к звезде, у которой ее когда-то отняли. Термоядерное и атмосферное равновесие звезды все равно нарушается. Тем не менее количество столкновений и вспышек сокращается.

— Итак, система жизнеобеспечения все еще действует, — испытывая прилив надежды, заметила Джиллиан.

Да, но это все равно очень рискованно. И что еще хуже, система продолжает разрушаться.

Изображение на мониторе смазалось, фокус сместился и перенесся в далекий участок сооружения, где голубой энергетический луч занимался гораздо менее альтруистической работой, разрезая само жилище, обрубая огромные фрактальные ветви, разбивая окна и поднимая гигантские клубы пара.

Джиллиан выругалась и сделала шаг назад.

— Боже! Это настоящий геноцид!

Во время этой экспедиции мы получили печальный урок, согласилась машина Нисс. *Этот урок будет весьма интересен моим хозяевам тимбри-*

ми, если у меня когда-нибудь будет возможность доложить им.

Когда кислорододышащая раса удаляется от галактических дел и ищет покоя в одной из таких оболочек, она не всегда оставляет за собой предрассудки и привязанности молодости. Одни действительно ищут просветления и вдохновения, необходимые для достижения трансцендентности, другие остаются подверженными искушениям и сохраняют привязанность к прежним союзам.

Иными словами, Джиллиан была наивна, ожидая встретить в таком месте отчужденность и беспристрастность. Ведь здесь могут жить патроны — или прапрапатроны — тех кланов, которые сегодня преследуют Землю.

Она с ужасом смотрела, как какая-то фракция использует оборонительное оружие для нападения. Ведь это оружие создано для защиты всей колонии, а теперь его используют против противников.

— Ифни! Что мешает им так же поступить с нами?

Доктор Баскин, у меня нет ни малейшего представления, ответила вращающаяся голограмма. *Возможно, местные слишком заняты своими*

стычками, чтобы заметить наше появление.

Или это происходит из-за нашего сопровождающего.

На экране появилось изображение огромного корабля зангов, он находился всего в девяноста километрах. Корабль вздрагивал, когда о его полужидкие борта ударялся мрачный ветер, несущий газ и сажу. Поблизости плыли облака мелких частиц. Среди них видны были машины. Другие казались частями большого корабля, выполнившими какое-то поручение и теперь вернувшимися и соединившимися с основной массой.

Я подтвердил свое предыдущее предположение. Водородные существа объединили усилия с роботами-сборщиками и другими машинными существами в попытке укрепить и стабилизировать Фрактальный Мир.

Джиллиан кивнула.

— Поэтому они и находились возле Измунути. Собирали материалы для строительства. Это самый близкий источник углерода — всего в одном прыжке отсюда.

При нормальных условиях — да. Пока не разразилась непредвиденная буря, вызванная волной пси с Джиджо. Те сборщики, которых мы видели,

вероятно, лишь незначительная часть занятых в этом грандиозном предприятии.

— Значит, они восстанавливают сооружение. Коммерческая сделка.

Я так предполагаю. Поскольку кислородные существа оставили Четвертую Галактику, логично предположить, что

Древние обратились за помощью к ближайшему доступному источнику. Подтвердить это предположение, связавшись с базой данных Фрактального Мира?

— Не делай ничего подобного! Я не хочу привлекать к нам внимание. Если до сих пор нас никто не заметил, пусть так и будет.

Могу ли я напомнить, что не все группы в этом отставном порядке оказались враждебно настроенными? Без их помощи нам в первый раз никогда не удалось бы уйти. Возможно, если мы с ними свяжемся, они снова нам помогут.

Джиллиан решительно покачала головой.

— Меня по-прежнему тревожит, что в любую минуту могут показаться джофуры. Давайте решим наше дело с зангами и уберемся отсюда. От них что-нибудь есть?

Сара Кулхан считала, что у зангов есть какие-то древние претензии к расе глейверов…

какой-то долг, который нужно заплатить сейчас, когда глейверы вернули себе предразумную невинность. Но даже если это и так, как будет происходить выплата долга? Правильно и морально ли со стороны экипажа «Стремительного» передавать кислородные существа без формальной санкции соответствующих институтов? Будут ли глейверы в безопасности на борту корабля, который предназначен для иного порядка жизни?

И что еще важнее, позволят ли занги «Стремительному» уйти? Согласно кратким сведениям, содержащимся в Библиотеке, у водородных есть представления о чести и обязательствах, но у них совсем иная, искаженная логика. Они могут наградить землян… или избавиться от них, как от досадной помехи.

По крайней мере они притащили нас сюда не для наказания, как я опасалась. И не передали нас Древним. Пока не передали.

Джиллиан испытывала легкие угрызения совести. Она думает, как бы ускользнуть в своем крошечном корабле и спасти меньше ста жизней, а рядом с каждым ее вдохом погибают целые народы.

Еще одна причина, чтобы машина Нисс не связывалась с коммуникативной сетью Фрак-

тального Мира. Катастрофа должна быть как можно более абстрактной. Всего лишь космическим шоу со спецэффектами. Столкновением огромных безличных сил. И всякое напоминание о том, что это реальная смерть миллионов, приведет в отчаяние.

Это не наша вина.

Мы пришли с законной просьбой о помощи. Мы были в своем праве.

Конечно, «Стремительный» принес с собой проклятие из Мелкого скопления. Но откуда нам было знать, что безумие окажется таким заразительным?

Это не наша вина!

ТШТ

Сейчас самое время: все заняты зрелищем снаружи. «Стремительный» какое-то время останется неподвижным, и Тш'т не должна находиться рядом с доктором Баскин, делая вид, что командует вместе с ней кораблем, тогда как все знают, что она просто исполняет приказы.

Многие члены экипажа не стали уходить, когда кончилась их вахта. Находили предлог, чтобы остаться. Широко раскрытыми глазами они смотрели, как распадается великолепный Фрактальный Мир, быстрыми сериями щелчков обмениваясь мнениями, споря, сумеют ли лихорадочные усилия мириадов роботов-наемников спасти гигантский поврежденный мир. Прошло несколько часов, и пришлось приказать утомленным зрителям спуститься вниз и отдохнуть. Но когда ее собственная вахта кончилась, Тш'т немедленно ушла.

Может быть, у нее есть только эта возможность спуститься вниз и проверить свои подозрения.

Я знаю, Джиллиан приняла что-то или кого-то на борт, думала она. *В той маленькой деревушке на Джиджо, от которой счастливые хуны*

отплывают на своих примитивных парусных кораблях. Ночь была неспокойная, и я была занята, обсуждая технические проблемы с урским кузнецом. Но я знаю Акеакемаи. Он настоящий учительский любимец и сделает все, о чем попросит Джиллиан.

Он лжет или что-то скрывает.

Что-то приняли на борт так, чтобы я не видела.

Тш'т беспокоило, что она остается в неведении. Ведь считается, что она ближайшее доверенное лицо Джиллиан и такой же капитан корабля. И проявление недоверия ее встревожило. Особенно потому, что она это заслужила.

Нет никаких признаков, что кто-нибудь связал со мной смерть этих землян.

Тем не менее Тш'т тревожилась, спускаясь в своем устройстве для ходьбы по одному из главных коридоров «Стремительного». Коридор был пуст: трехлетние лишения заметно сократили экипаж.

Конечно, всегда сохраняется вероятность, что Джиллиан что-нибудь уловила этой своей пси-способностью. Она может заподозрить, что смерть Канна и Джесса не просто двойное самоубийство.

Тш'т старалась забыть тревожное зрелище двух человеческих трупов. Она сдержала дрожь, пробежавшую по ее спинным нервам, так что вздрогнула влажная кожа, а плавники ударились о мягкий поддерживающий гамак устройства для ходьбы.

Как ей хочется по-настоящему поплавать! Но во время отчаянной попытки бегства с Джиджо почти вся вода из корпуса корабля была выкачана. Земной корабль и так отягощен тяжелой углеродной оболочкой с огненной Измунути и ему нужна вся скорость, поэтому почти все жилые помещения и зоны отдыха теперь сухие. Вскоре возникнут длинные очереди в лазарет, неодельфины придут жаловаться на потертость кожи и поврежденные ребра. После долгих часов в дергающихся машинах для ходьбы даже в мягких подушках из энергетических полей чувствуешь себя так, словно выброшен на берег, покрытый острыми булыжниками.

Теперь нет доктора Маканай, она вместе с тремя сестрами осталась на Джиджо, чтобы заботиться о колонистах, и мне нужно думать о том, как помочь оставшемуся штату медиков справиться с возросшим количеством жалоб. Во что бы то ни стало нужно сохранить рабо-

тоспособность экипажа. Вот что возвышенная и могучая доктор Баскин предоставляет мне — все эти неприятные подробности управления кораблем и экипажем, пока сама размышляет над грандиозными проблемами политики и судьбы, ведя нас по Пяти Галактикам, испытывая то и это, уходя от одной катастрофы, чтобы попасть в следующую.

К горечи примешивалась страсть. Тш'т искренне любила Джиллиан, умение которой выводить «Стремительный» из неприятностей было почти столь же велико, как способность попадать в них. И Тш'т не возмущалась своими патронами-людьми. Без их неловких, хотя и доброжелательных усилий в области генной инженерии раса турсиоп никогда не проделала бы последний шаг, необходимый, чтобы из невинного умного животного превратиться в подлинно разумное существо, способное к межзвездным полетам… и тогда Тш'т никогда не увидела бы Нос Корабля, или Геркулесову Арку, или Мелкое скопление.

Террагентская культура предоставила неофинам больше прав, чем обычно получает раса клиентов в цивилизации Пяти Галактик. Большинство клиентов проводит сотню тысячелетий

в служении патронам. Учитывая обстоятельства, люди сделали все, что могли.

Но есть пределы того, на что способны волчата, подумала Тш'т, входя в двойной шлюз, ведущий в «сухое кольцо» «Стремительного».

Последний печальный эпизод доказывал это положение. Проведя всего несколько часов во Фрактальном Мире, Джиллиан Баскин решила проверить, пленники они или гости. Подождав, пока занги не покажутся занятыми — они присматривали за роем машин, занятых восстановительными работами, — она приказала Каа постепенно включить двигатели «Стремительного» и направить корабль в сторону отверстия, через которое пробивается манящий звездный свет.

Занг прекратил свои занятия, оставил роботов и с поразительной скоростью перерезал землянам пути отступления.

По-прежнему покрытый толстой оболочкой из звездной сажи, «Стремительный» не мог перегнать гигантский шар. Джиллиан признала это и повернула корабль назад, в грандиозное сооружение. Затем дала общий отбой. Кроме тех, кто находится на мостике, все получили приказ отдыхать. Корабль зангов вернулся к своему за-

нятию без видимого озлобления. И однако Тш'т чувствовала, что землянам преподали урок.

Люди стали разумными существами всего на несколько тысяч лет раньше нас, дельфинов. Это всего лишь мгновение в жизни вселенной. Не их вина, что они невежественны и неумелы.

Это только означает, что им необходима помощь. Даже если они слишком упрямы, чтобы просить о ней.

На лифте она поднялась на край широкого центробежного колеса, где вдоль коридора, словно изгибающегося в обоих направлениях, расположено множество пустых помещений. Колесо надето на «Стремительный» посередине корпуса и способно вращаться, создавая искусственную силу тяжести. Это необходимо в тех случаях, когда по какой-то причине экипаж отключает основное поле тяготения, например, если нужно глубоко просканировать пространство… или уйти от преследователей, скрывшись за поясом астероидов. Конечно, у такого устройства есть и свои недостатки. Когда корабль приземляется на поверхность планеты, как произошло на Китрупе, Оакке и Джиджо, большая часть помещений «сухого колеса» оказывается недоступной.

Для всех, кроме двуногих, которые умеют ис-

кусно подниматься.

Тш'т миновала закрытую дверь кабинета Джиллиан, где Многослойная защитная система охраняла сокровище Крайдайки — реликт, который принес столько неприятностей. Когда «Стремительный» на поверхности планеты, эта часть «сухого колеса» всегда является «дном». И дельфины постоянно пользуются соседними помещениями и мастерскими, а вот противоположная часть обычно оказывается недоступна. На самом деле экипаж о ней просто забывал.

Вот где на месте Джиллиан я бы что-нибудь спрятала.

Теперь колесо вращается, поэтому Тш'т без труда прошла по нему, миновала лаборатории, некогда использовавшиеся такими людьми, как Игнацио Мец, Денни Сюдман и неошимпанзе геолог Чарлз Дарт. Тш'т постоянно поднимала челюсть, прислушиваясь, как будто ожидала услышать призрачные шаги молодого юнги с Галафии Тошио Ивашика… или сильную уверенную походку погибшего Тома Орли.

Но все они исчезли. Все, вместе с Крайдайки и Хикахи. Мертвы или оставлены на ядовитом Китрупе — что практически и означает быть мертвым.

Они были лучшими из нас, и их отобрали у нас еще до того, как началось настоящее испытание. Как все было бы по-другому, если бы на борту по-прежнему находились капитан и все остальные! Командовать кораблем не пришлось бы Джиллиан Баскин и мне… врачу и младшему лейтенанту… которые и представить себе не могли, что им год за годом придется нести эту страшную тяжесть.

Тш'т чувствовала сильную усталость. Во сне она направляла свою щелкающую сонарную песню к Сну Китов, молила кого-то снять с нее эту ответственность, покончить с трудностями.

Мы со «Стремительного» превзошли свои возможности. Весь земной клан превзошел! В одном Джиллиан права. Нам нужны помощь и совет. Но разумные нам его не предоставят. Ни Великие Институты, ни Древние.

Джиллиан забыла великую истину, которая с детства известна почти каждому человеку и дельфину. Когда попадаешь в действительно трудное положение, нужно обратиться к своей семье.

С помощью невронального клапана Тш'т соединилась с системой жизнеобеспечения корабля и приказала проверить атмосферу во всех по-

мещениях «сухого колеса» напротив кабинета Джиллиан Баскин, в секторе, который находится «наверху», когда «Стремительный» на поверхности. Даже когда корабль в космосе, здесь дельфины обычно не появляются.

Ага! Так я и думала. Следы двуокиси углерода плюс несколько кетонов, немного метана и необычные спирты. Явные признаки присутствия кислорододышащего живого существа… хотя и не землянина.

И все это сосредоточено… здесь.

Она заставила свое устройство для ходьбы остановиться перед дверью с надписью «Опасные органические материалы» и усмехнулась шутке Джиллиан.

Легкое волевое усилие подняло рабочую руку. Рука протянулась к инструментальному поясу, сняла с него дрель и нацелилась на дверь, в том месте у ручки, где отверстие будет не так заметно. Единственным звуком было слабое жужжание. Резак двигался, испаряя и рассеивая отходы.

Тш'т размышляла о том, как искупить свое преступление. Ее растущий перечень предательств. Все началось, когда «Стремительный» в прошлый раз был во Фрактальном Мире и все начинали понимать, что Древние их разочаруют. Состояние

морали экипажа упало, и Тш'т решила, что ей пора действовать самостоятельно. Необходимо послать сообщение, связаться с единственным надежным источником помощи.

К счастью, во Фрактальном Мире действовали регулярные коммерческие почтовые линии. И пока Джиллиан парировала все усиливающиеся угрозы и проклятия со стороны Различных фракций порядка «ушедших на пенсию», Тш'т оказалось легко направить почтовый пакет, запрограммированный на полет по Пяти Галактикам, скрывая свой маршрут и постоянно изменяя его, пока не достигнет цели — капсулы времени с координатами, которые Тш'т запомнила давным-давно, еще в юности. А капсула отвечает на запросы только одной расы во всей вселенной.

К этому времени Джиллиан уже окончательно решила уйти из структуры Крисвелла и попытать счастья на «тропе сунеров» — скрыться в запретной Четвертой Галактике, проскользнуть мимо яркой гигантской звезды и найти убежище на планете под названием Джиджо.

Тш'т казалось, что ей легко будет организовать тайное свидание…

Резак прошел через дверь. Тш'т вернула руку

на место и пропустила через отверстие тонкую коммуникационную нить, которая, как кобра, вползла в закрытое помещение.

Открылся вид направо, потом налево, и Тш'т увидела высокую двуногую фигуру, сидящую на скамье перед небольшим столом.

Голова поднялась, словно существо уловило звук. А когда оно повернулось, Тш'т с трудом сдержала удивленный возглас.

Узкое скошенное лицо с выступающей вперед челюстью без подбородка, с большими оскаленными зубами.

Однако глаза и лоб удивительно человекоподобные. Глаза сощурились, заметив нить.

Голова торопливо отвернулась. Плечи поднялись, закрывая видимость. Тш'т увидела, как обе руки схватились за ящичек — специальное биосохраняющее устройство, предназначенное для содержания небольших животных, образцы экосистемы. Ловкие руки схватили что-то извивающееся. Тш'т не понимала, что происходит, но ей показалось, что существо поедает или обнимает извивающуюся тварь.

Плечи расслабились, руки опустились, высокая фигура распрямилась и изящно повернулась.

Лицо преобразилось. Теперь оно выглядело

благороднее человеческого. Более добродушно и весело, чем лицо тимбрими. Терпеливое и понимающее лицо божества.

Ну, ну. Это он. Он самый.

В нескольких местах лицо ротена дрожало, там, где маска-симбионт еще не улеглась окончательно — живое существо, которое стало частью лица ротена, предоставив красивые скулы, возвышенный подбородок и губы, прикрывающие зубы и искренне и великодушно улыбающиеся.

Миссионер.

Тш'т помнила его посещение Земли, много лет назад, когда была еще подростком и едва умела говорить. Словно это было вчера, увидела она его, читающего проповедь собравшимся в тайном подводном гроте новообращенным дельфинам.

Вселенная — очень одинокое место, говорил миссионер. *Но она не так опасна, какой кажется. Нынешнее правительство Земли состоит из дарвинистов и неверующих, но это не имеет значения. Вопреки пропаганде, воспитывающей у волчат гордость своими достижениями, помните, что вы не одни. Мы, тайно создавшие гены человечества, ведем его к великой цели, оставаясь верными мечте. Той же самой великой цели. Мы по-прежнему действуем за сценой, защищая,*

сохраняя, готовя к Дню.

И как мы любим наших клиентов людей, так же любим мы и вас. Наш клан особенный, и его будущее великолепно. Со временем дельфины будут играть очень важную роль. Особенно те из вас, кто изберет путь даников.

Было замечательно расти членом избранной секты, зная великую и успокоительную Истину. Конечно, Террагентский Совет провозглашает свободу совести, но на самом деле было бы нелепо раскрываться сейчас, слишком рано. Большинство дельфинов верит, что люди эволюционировали самостоятельно, без вмешательства извне. Конечно, нелепая вера, но слишком опасно открыто выступать против нее.

Даже среди людей и шимпов, где даникская вера более распространена, между конфликтующими кланами возникали споры. У многих были свои особые кандидаты на звание *тайного патрона человечества…* загадочную расу, которая Давным-давно возвысила Homo sapiens. Несколько галактических рас именовались «более вероятными», чем таинственные, мало кому известные ротены.

Поэтому Тш'т, учась в школе и тренируясь для участия в полете «Стремительного», держала

свое мнение при себе. Она ждала во время катастроф на Моргране, Китрупе и Оакке. Ждала до того дня, пока не поняла, что людям с задачей не справиться. Джиллиан Баскин — одна из лучших, но и она больше ничего сделать не сможет.

Время искать помощи у тех, кто выше на семейном древе.

Ротены будут знать, что делать.

Теперь в ее душе царило смятение. И она не знала, чего ожидать.

Я знала о симбионтах. Джиджоанцы видели ротенов без маски. Все это есть в их отчетах. И все же увидеть это лицо без маски самой…

Вид естественной внешности ротена шокировал. Тем не менее Тш'т все время вспоминала знакомую с детства теплую успокаивающую улыбку.

Я понимаю необходимость маски. Это вынужденный обман. Он ведь помогает ротенам лучше выполнять работу, вести землян к их судьбе.

А в счет идет только это.

— Ну? — спросил Ро-кенн, делая шаг к двери. Он сжал ладони, его длинные руки высовывались из рукавов купального халата, рассчитанного на высокого человека. Пленника, должно быть, тайно передали мудрецы Джиджо, после того как

захватили его в своем священном месте, которое называют Праздничной поляной. Возможно, он единственный уцелевший от смешанной ротенско-человеческой экспедиции, столкнувшейся с предательством и гибелью — вначале от шести рас, а затем экипажа боевого корабля джофуров.

Все слилось в сердце Тш'т. Стремление, которое владело ею с детства. Раздражение последних ужасных лет. Сознание своей вины перед Джиллиан. И гораздо более сильное чувство вины за убийство двух человек — даже если это делалось в интересах великой цели.

Она пришла сюда, намереваясь противостоять Ро-кенну. Потребовать объяснений случившегося.

Послание, которое я отправила… оно было настроено только на перехват ротенами. И в нем говорилось, куда направляется Джиллиан. Вы должны были тайно явиться на Джиджо… чтобы помочь нам. Спасти нас.

Теперь говорят, что вы преследовали джиджоанских сунеров. Включая людей. Говорят, вы продали людей джофурам за деньги на карманные расходы. Говорят, вы мошенники, обманывающие легковерных землян, чтобы использовать их как прикрытие и для мелкого воровства.

Одного из людей — пилота Кунна — я убила, чтобы сохранить нашу тайну. Но как я могу быть уверена…

Ничего она не смогла сказать. Слова застыли.

Вместо этого все ее внутренние переживания неожиданно слились в единое целое. Отчаяние, которое так долго господствовало в ней, уступило место своему истинному врагу.

Надежде.

Тш'т несколько раз глубоко вдохнула и только тогда обнаружила, что снова в состоянии говорить.

— Господин… я пришла покаяться.

Удивленное выражение на мгновение появилось на лице ротена, его левая щека дрогнула.

Затем на его лице появилась теплая улыбка, и глубокий мягкий голос произнес:

— Поистине, дитя теплых морей. Я здесь. Не торопись, я выслушаю тебя. И будь уверена, что, рассказав мне все, найдешь избавление.

ЛАРК

Интересно, сколько времени я уже здесь. Можно ли определить, прошли часы, дни… или месяцы?

Если они понимают так хорошо химизм моего тела, что могут сохранить мне жизнь, эти существа могут вывернуть мое сознание наизнанку и покопаться в нем. Они могут изменить мое восприятие времени, просто изменив метаболизм.

Это тоже показалось ключом. Ларку очень хотелось сопоставить с кем-нибудь свои наблюдения.

Особенно с Линг — так, как они это делали, когда были вначале соперниками, потом союзниками и наконец любовниками. Ему ужасно ее не хватало. Не хватало теплой кожи и богатого аромата, но больше всего — ее живого ума. Среди всех взлетов и падений именно ее непредсказуемый разум больше всего очаровывал Ларка. Он все бы отдал сейчас за возможность поговорить с ней.

Я должен был найти способ освободить ее от Ранна и джофуров. А теперь могу только рисовать фантастические картины, как Линг, одетая в космический скафандр, прорывается сквозь стену с лазерами в обеих руках и вытаскивает меня отсюда, чтобы мы могли улететь в каком-

нибудь похищенном…

Соблазнительное видение исчезло: Ларк понял, что что-то происходит. У него по спине поползли мурашки… он почувствовал, что за ним наблюдают. Ларк повернул голову… и рефлекторно вздрогнул. Большой клок… существо плыло вблизи барьера-мембраны, примерно сферическое, но с выступами и ритмичной рябью, которая каким-то образом свидетельствовала о жизни… и даже, может быть, о сознательном намерении.

Мимо проплывали клубы тумана, но существо удерживалось на одном месте, размахивая крошечными щупальцами, многочисленными, как шерстинки на ноге хуна.

Реснички, подумал Ларк, узнавая способ передвижения, используемый крошечными организмами, которые можно разглядеть только в микроскоп. Он никогда не слышал, чтобы этим способом пользовалось макросущество такого размера. И как биолог находил это очень странным.

Но любопытство сменилось изумлением, когда существо внезапно всосало машущие реснички. Принялось раздуваться налево и постепенно превратилось в цилиндр. Вмятины с обеих сторон углубились, прошли вдоль всей длины тела и

встретились на середине, образовав полую трубу, которая начала сгибаться в горизонтальном направлении. В одном конце собирались комья желтоватого вещества и вылетали наружу, заставляя существо быстро передвигаться вокруг прозрачной клетки Ларка.

Так оно трижды облетело клетку. У Ларка сложилось впечатление, что его разглядывают под всеми углами.

Там не обычный газ или пар, подумал он. *Но не похоже и на жидкость.*

У него было представление, что эта среда имеет какое-то отношение к гибкости существа, к его способности менять способ передвижения с ресничек на реактивное движение.

Там, где оно возникло, среда должна быть очень необычной. Я о таком не читал ни в каких архивах. Разве что…

Неожиданное осознание заставило Ларка широко раскрыть глаза, так что веки коснулись надетых поверх них крошечных шапочек. До сих пор Ларк даже не сознавал наличия этой защитной оболочки, но когда от его действия мимо проскользнуло несколько молекул, он заплатил за это потоком слез и глубокими гортанными стонами.

Однако это происшествие не прервало стремительный поток мыслей.

Водорододышащие! В древних свитках их называют одним из великих порядков жизни. Они делят Пять Галактик с кислородными типами, но живут совершенно обособленно от нашей цивилизации, держатся своих планет и интересов.

Конечно, это сверхупрощение. Даже из тех немногих текстов Библоса, в которых упоминалась водородная жизнь, было ясно, что каждая встреча двух миров с разным молекулярным устройством сопровождается большой опасностью. И минимизация таких контактов составляла главную задачу Института Миграции, который раздавал лицензии, имея в виду не только защиту невозделанных планет, но также и сокращение пространства, где возможна случайная встреча.

Джиджо в Четвертой Галактике. Сейчас здесь не должно быть никаких кораблей, кроме принадлежащих официальным институтам. Именно поэтому Джиджо стала подходящим кандидатом для тропы сунеров.

Один глаз все еще слезился, но Ларк прищурил второй и увидел, что существо замедлило движение и вернулось к шарообразной форме.

Может быть, передо мной их полицейский? Или

иммиграционный чиновник?

Под поверхностью существа образовалась полая вакуоля. Из нее вырывались пузыри, блестя странным поверхностным натяжением. Ларку пришло в голову сравнение: кто-то пукает под водой. Но это может быть и красноречивая лекция о космических законах, касающихся взаимодействия порядков жизни.

Может, он спрашивает, что я здесь делаю. Требует паспорт и визу. Каково мое последнее желание… и хочу ли я, чтобы мне завязали глаза…

Внутренняя полость постепенно увеличивалась, а само существо вытягивалось в сторону Ларка. Он разглядел внутри вакуоли несколько плавающих объектов — каждый из них вначале выглядел как миниатюрная версия большего существа. Эти объекты заняли различные позиции внутри полости и начали приобретать новые цвета и формы.

Да будь я…

Один стал голубым, цвета неба, но более глубокого, чем дома на Джиджо, оттенка. Он перестал рябить и затвердел, покрывшись симметричными выступами и наростами. Ларк даже увидел, как образуется миниатюрная эмблема — спираль с рукавами на вершине приплюснутого сферо-

ида. И сразу узнал почти совершенное подобие боевого корабля джофуров «Полкджи».

Понял. Коммуникация с помощью знаков и рисунков. А второй шар — это, наверно, корабль гидрос?

Догадка вскоре подтвердилась: Ларк увидел схватку двух космических гигантов, происходящую в пространстве не больше верхушки груды колец треки. Он зачарованно смотрел, как корабль джофуров открыл огонь по желтому шарику.

Вначале его выстрелы отразил рой неожиданно появившихся воздушных шаров. Но часть снарядов прошла через преграду, безжалостно обрушившись на противника, и корабль гидрос разлетелся на части, которые развевались, как разорванные знамена. Однако несколько из них сумели присоединиться к металлическому корпусу «Полкджи».

Так вот как они попали на борт. О таком виде схватки он никогда не читал и даже не видел во сне.

Голубой шарик перед ним расширился, и Ларк увидел продолжение схватки внутри. Из полудюжины пунктов вторжения разлетались желтоватые камешки, вначале быстро, потом

медленнее преодолевая сопротивление. Видел он и искорки на переднем фронте, вероятно, представляющие джофуров и их боевых роботов. Иногда одна или две такие искорки схватывались с желтым шариком. Но не погасали, а быстро направлялись к пункту сбора в тылу.

Пленники. Военнопленные.

Но когда это произошло еще с одним огоньком, Ларк почувствовал неожиданный укол в бедро.

Это я!

Это позволило ему понять кое-что еще.

Они не просто общаются со мной зрительно. Есть и химический компонент! Отчасти то, что я способен понять, связано с этой демонстрацией. Но они, должно быть, передают значения прямо по каналу питания, непосредственно мне в кровь.

Сознание этого факта могло бы испугать его или вызвать отвращение… если бы Ларка не охватило ощущение странного спокойствия. Несомненно, еще одно следствие молекулярного стимулирования. Как биолог, он был крайне заинтересован.

Должно быть, гидрос миллионы лет проводили эксперименты с нами, кислородниками. Конечно, это не обязательно помогает облегчить преодоление пропасти между двумя порядками, иначе они бы просто говорили со мной словами. Но я

уверен, что у них много разных возможностей.

Это позволяло посмотреть на положение с новой точки зрения. Всю свою профессиональную жизнь он изучал необыкновенное разнообразие миллионов кислорододышащих видов живых существ на одной-единственной планете. Но теперь понял, что перед ним существа, для которых разница между джофурами и людьми кажется почти несущественной.

Встречались ли они раньше с землянами? Это кажется маловероятным. Тем не менее они могут играть на мне, как на скрипке.

Ларк испытывал унижение… и подумал, не является ли и это реакцией, навязанной извне.

Не важно. Важно то, что они хотят, чтобы я учился. Они заинтересованы в том, чтобы я был жив и понял.

И на время с меня этого довольно.

ЭМЕРСОН

Может быть, он больше не инженер, но все еще способен оценить хорошую работу.

С тайного наблюдательного пункта за мостиком «Стремительного» ему отлично видны восстановительные работы. Перед Эмерсоном все грандиозное полое сооружение — от центральной звезды-очага до зияющей дыры, которая сейчас уродует этот величественный шар, открывая широкую полосу неприрученных звезд. Несмотря на отчаянные усилия больших машин, которые продолжают ставить заплаты и соединять разорванные поверхности, бесконечное количество обломков по-прежнему уходит сквозь дыру наружу, превращаясь в пыль, пар и армаду ярких комет.

Изъян в шаре напомнил ему о его собственном увечье, которое произошло в этом самом месте.

Эмерсон поднес дрожащую руку к месту за левым ухом. При его прикосновении тонкое, как пленка, существо вздрогнуло — это симбионт реук, которого он прихватил с Джиджо. Вместе с мазями, предоставленными аптекарями треки, этот реук отчасти причина того, что Эмерсон

не погиб от страшной раны и не превратился в живое растение. Маленькое существо оставило поверхностный кровеносный сосуд и отползло в сторону, позволив Эмерсону погладить шрамы, окружающие яму в голове. Не случайное повреждение, оно нанесено сознательно.

Именно здесь это и произошло год назад.

Здесь — он вспомнил, как садился в маленький боевой корабль, готовый принести себя в жертву и прикрыть отчаянную попытку бегства «Стремительного».

Здесь — он устремился вперед в этом крошечном разведчике, бросая вызов фракциям, требования и вымогательство которых опровергали репутацию Древних как мудрых и нейтральных существ… и его вызывающие возгласы сменились торжествующими, когда вмешалась другая группа Древних, открыв выход из большого шара и позволив Джиллиан и всем остальным уйти.

Здесь — состояние восторга быстро исчезло, когда его корабль перехватили могучие силовые поля, остановили, затем сняли броню, словно кожуру апельсина, и взяли его в плен, превосходящий всякое воображение.

Эмерсон по-прежнему смутно представлял себе, что произошло потом. Похитители тща-

тельно обработали его сознание, сделав всякие воспоминания мучительными. Большую часть прошедшего года он блуждал в тумане амнезии, прерываемой приступами острейшей боли, когда он пытался вспомнить.

И преодоление этого программирования стало его величайшей победой. Теперь Эмерсон владел собственным мозгом — вернее, тем, что от него осталось. Болевые рефлексы по-прежнему пытались помешать ему вспоминать, но он научился преодолевать их, не обращая внимания на боль. Эмерсон знал, что каждый приступ боли означает, что ему удастся Поставить на место новый кусочек головоломки и что тем самым он препятствует тем, кто это с ним проделал, достичь Цели.

Если бы он только знал, какова эта цель.

Лишившись значительных участков мозга, Эмерсон не мог в словах выразить иронию, которую чувствовал, сидя в своем тайном убежище и глядя на Фрактальный Мир. И хоть он немой, у него по-прежнему сложные и тонкие эмоции.

Например, он имеет полное право испытывать удовлетворение от тех разрушений, которым подвергается это место. Рои роботов вьются по краям отверстия, пытаясь укрепить их и восста-

новить конструкцию, и он должен желать им неудачи. Это была бы месть — пусть его мучители погибнут, пусть все их надежды развеются, все их труды, словно пепел, упадут на освобожденное солнце.

Но в глубине его души было что-то более сильное и древнее, чем гнев.

Любовь к красоте.

К умениям и мастерству.

К тому, что хорошо сделано.

Он все еще помнил тот день — века назад, — когда «Стремительный» впервые вошел в эту крепость «ушедших в отставку», полный наивных надежд, которые очень скоро будут преданы. Пораженные открывшимся великолепием, они — он сам, Каркаетт и Ханнес Суэсси — возбужденно спорили о назначении этого титанического сооружения, способного обмануть время и приручить звезду. Это казалось инженерным раем.

И он все еще это чувствует! Как ни странно, он восторгается умелыми действиями роботов. Эмерсон считал, что отомстил своим мучителям тем, что просто выжил. Пока «Стремительный» свободен, в этом холодном взгляде, должно быть разочарование, раздражение, гнев. Он помнит этот взгляд, устремленный на него, когда жесто-

кие инструменты рылись в его мозгу, отыскивая тайны, которых в нем не было…

Эмерсон содрогнулся. Почему Древние просто не убили его, когда закончили просеивать его мозг? Нет, они его изуродовали и каким-то неведомым способом забросили искалеченное тело на одинокую планету Джиджо.

Казалось, для этого потребовалось слишком много бесцельных стараний. И каким-то образом это особенное внимание повышало самооценку Эмерсона и сознание своей важности и необходимости.

И поэтому он хотел быть великодушным. И он желал успеха ремонтным механизмам, которые разматывали огромные, размером с луну, барабаны углеродной нити, плели сети, чтобы удержать острые фрактальные обломки — каждый больше планеты. Он аплодировал роботам-тягачам, которые, словно крошечные мошки, отворачивали огромные обломки, уводя от столкновений, способных вызвать новые бесчисленные трагедии. Возможно, сказывалось отсутствие слов, но для него обитаемая сфера была не столько сооружением, сколько живым существом, осознающим свое 'существование, раненым и борющимся за жизнь.

С помощью карманного терминала Эмерсон вызывал увеличение отдельных участков. Не способный отдавать команды с помощью клавиатуры, он обнаружил, что маленький компьютер можно программировать и другими способами. Ему приходилось пользоваться языком жестов, который, возможно, был разработан еще на Земле для страдающих афазией. Движения рук сочетались с подмигиваниями и простым указыванием, и обычно это передавало смысл того, что он хотел. И конечно, это было гораздо лучше его жалких попыток на Джиджо, когда общение с бедной Сарой часто вызывало у них обоих слезы тщетности.

И все же… он с теплом вспоминает эти месяцы. Планета сунеров была прекрасна, а незаконная колония шести рас глубоко тронула его своим странным счастливым пессимизмом. По этой причине и ради Сары он хотел бы что-нибудь сделать для джиджоанцев.

Вообще он хотел что-нибудь сделать для всех — для Джиллиан, для «Стремительного»… или даже для орд тяжело трудящихся роботов, которые стараются спасти сооружение, построенное еще до того, как по Земле бродили динозавры.

Сам он не может принести пользу и поэтому

вынужден быть зрителем огромной драмы, разворачивающейся снаружи.

Эмерсон»терпеть не мог быть зрителем. У него чесались руки. Он предпочел бы пользоваться ими.

Быстрой последовательностью миганий он вызвал изображение ситуационной комнаты, где Джиллиан встречалась с Сарой и четырьмя подростками с Джиджо. К ним присоединилась высокая груда восковых колец — Тиуг, алхимик треки с горы Гуэнн, который завершил собрание всех представителей шести рас. Последовала оживленная дискуссия, и Эмерсон увидел, как молодой центавроподобный урс по имени Ур-ронн показывает на стадо глейверов, которые мяукали и облизывали друг друга поблизости. Существа, предки которых летали меж звезд, но которые вернули себе невинность — метод, предписанный тем, кто хочет получить второй шанс.

Эмерсон не был уверен в том, какая здесь связь, но, очевидно, эти регрессировавшие существа имеют какое-то отношение к огромному круглому звездному кораблю, который привел сюда «Стремительный».

И он почувствовал гордость, когда в сознании всплыло слово. *Занги.*

Большой шар вначале казался равнодушным. Он только не давал «Стремительному» уйти, а в остальном сосредоточился на руководстве механическими наемниками, направлял их усилия по плетению обширных сетей из черной нити, которая должна была перекрыть гигантское отверстие. Но через день-два занги вынуждены были обратить внимание, и тогда к земному кораблю направились загадочные объекты, приблизились с разных сторон и продолжали разведку.

Затем занги отвели всех этих проныр, оставив вокруг земного корабля кордон. Однако экзотические стражники «Стремительного» не проявляли никакого интереса к неоднократным попыткам Джиллиан установить контакт.

Эмерсон вспомнил один из немногих фактов, известных о могучих водорододышащих, — они по-другому воспринимают время. Очевидно, занги считают, что пока они заняты своим делом, «Стремительный» может подождать.

И теперь он слушал, как Джиллиан советуется с туземцами, пытаясь разработать план.

Что, если мы просто посадим глейверов на шаттл и отошлем их? Удовлетворит ли это зангов? И будут ли глейверы в безопасности?

Предположим, ответ на оба вопроса положительный. Что говорит галактический закон о подобных ситуациях? Должны ли мы потребовать у зангов расписку?

Из всего этого потока слов для Эмерсона смысл имело только одно — занги. Остальные оставались для него непонятны. Но для него сам голос Джиллиан звучал музыкой.

Конечно, он всегда питал тайную страсть к доктору Джиллиан Баскин, даже когда на борту «Стремительного» жил ее муж Томас Орли, — то своеобразное безвредное увлечение. которое взрослый человек может легко контролировать и никогда не проявлять. По крайней мере не проявлять слишком откровенно. Жизнь несправедлива, но с ней можно примириться.

Увы, после того как Том героически исчез на Китрупе, это увлечение начинало все сильней сказываться на рассудительности Эмерсона. Он начал рисковать, стараясь соперничать с Орли. Пытался доказать ей, что он достойная замена.

Глупая попытка, но вполне естественная. И она оправдалась на Оакке, где чиновники Библиотеки и Института Миграции изменили своей клятве, попытавшись перехватить груз «Стремительного», чтобы передать его своим родным

кланам, а не всей цивилизации. Здесь Эмерсон начал безумную игру, и его смелость оправдалась, помогла победить в безнадежной ситуации — еще одно освобождение ненадолго, — чтобы улететь и продолжить борьбу.

Но здесь…

Он покачал головой. Просматривая на борту видеозаписи отлета «Стремительного», он понял, что его самопожертвование в небольшом теннанинском разведчике не имело почти никакого значения. Он еще не успел отлететь, не обращая внимания на просьбы Джиллиан вернуться, как перед «Стремительным» начали открываться ворота к спасению. Он все равно полетел бы на Джиджо, но в гораздо более комфортных условиях, если бы остался на борту и не попал в когти Древних.

Разглядывая края отверстия Фрактального Мира, он увлекся картиной спасательных действий. Эмерсон не мог больше опираться на числа и уравнения, но у него сохранился инженерный инстинкт, и этот инстинкт ожил при виде того, как машины укрепляют огромные участки льда и углерода. Он никогда не видел сотрудничества гидрос, кислородных существ и машин в таких масштабах.

И это зрелище делало космос более привлекательным.

Проходило время. Эмерсон больше не думал в терминах минут и часов — или дуров и мидуров, но ориентировался на неравные субъективные интервалы между голодом, жаждой или иными физическими потребностями. И тем не менее он начал испытывать напряженное ожидание.

Неуловимое ощущение, что что-то идет не так.

Какое-то время ему трудно было уточнить это ощущение. Дельфины на мостике казались спокойными. Все идет нормально. Ни на одном из экранов не видно признаков тревоги.

Совещание в ситуационной комнате прервалось, все разошлись по своим местам или наблюдали за обширными видами за бортом. Никто не казался встревоженным.

Эмерсон передал маленькому прибору свое желание воспользоваться ближними сканерами и осмотреть корабль и его ближайшее окружение. Он дважды проделал это, и странное ощущение усилилось. Однако он по-прежнему не мог его уточнить.

Вызвав Джиллиан, он увидел, что она тоже кажется обеспокоенной — словно какая-то мысль мелькает за порогом восприятия, но ускользает

от всех попыток ее уловить. Перед Джиллиан было голографическое изображение. Эмерсон заметил, что она разглядывает корпус корабля в районе хвоста.

Хмыканьем и жестами Эмерсон приказал изображение своего экрана переместить туда же. Камера прошла вдоль внешнего корпуса корабля, покрытого толстым слоем звездной сажи, и Эмерсон испытал усиливающееся облегчение. Если Джиллиан смотрит сюда же, значит, ему не показалось. Больше того, инстинкт подсказывает ей, что пока ничего серьезного не происходит. Если бы возникла серьезная угроза, Джиллиан уже начала бы действовать.

Эмерсон почувствовал себя еще лучше, когда изображение миновало выступы вероятности и приблизилось к корме корабля.

Для Эмерсона это послужило первым намеком.

То, что он стал чувствовать себя лучше.

Как ни иронично, но это его встревожило.

На Джиджо, когда он, слабый, в бреду, с искалеченным телом и поврежденным мозгом, пришел в себя в древесном доме Сары, одно удовольствие превосходили все остальные. Оно было сильней успокаивающих мазей аптекарей-треки. Сильней удовлетворения от возвращавшегося здоровья, от

ощущения силы в теле. Сильней удивительных видов, звуков и запахов Джиджо. Даже сильней мягкого любящего общества дорогой Сары. Одно благословение превосходило все остальное.

Это происходило, когда боль прекращалась.

Когда навязанная ему боль, запрограммированная в изувеченной коре головного мозга, неожиданно отпускала его — внезапное исчезновение врага ощущалось как своего рода экстаз.

Так происходило, когда он прекращал делать то, чего Не должен был делать. Например, пытаться вспомнить. Всякая попытка вспомнить вызывала волны острой боли. И вначале награда была даже еще более эффективной. Гедонистическое удовлетворение приходило после отказа от Попыток вспомнить.

И теперь Эмерсон испытывал нечто подобное.

О, это было не так интенсивно. Награды и антипатии проявлялись на гораздо более тонком уровне. Он вообще мог бы не заметить этого, если бы не битвы, проведенные на Джиджо, когда он учился упрямо преодолевать боль. Так преследуемая дичь обращается против хищника… и тогда охотник может стать преследуемым. Это был жестокий урок, но со временем он его усвоил.

Не… здесь… подумал он, с трудом формируя

слова, по одному за раз, чтобы ухватить свирепую решимость.

Возвращайся… назад…

Все равно что идешь против сильного ветра или плывешь против течения. Всякий раз как голографическое изображение приближалось к носу корабля, он испытывал в себе странное ощущение. Как будто сам концепт этой части «Стремительного» был необычным и почему-то неправильным. Все равно что пытаешься представить себе пятое измерение.

Больше того, очевидно, с компьютерами происходило то же самое. Инструменты упрямились. Как только изображение доходило до первого набора выступов, камера начинала отклоняться в сторону, пропускала цель и возвращалась к корме.

Эмерсон испустил поток проклятий и брани. Этот поток, богатый и выразительный, выходил так же легко, как когда-то, до ранения, вообще речь. Подобно песням или стихам, бранные выражения исходили из того участка мозга, который не был затронут Древними. Этот поток нецензурностей произвел на Эмерсона успокоительное воздействие, и он отвернулся от искусственных орудий и образов. И наоборот, прижался лицом

к выпуклому окну, сделанному из какого-то прозрачного, необыкновенно прочного материала, который не смогли воспроизвести самые передовые технологии Земли. Эмерсон посмотрел вперед, в сторону носа «Стремительного».

Впечатление такое, словно смотришь через собственное слепое пятно. Но он сосредоточился, сопротивляясь чувству отвращения с помощью приемов, которыми овладел на Джиджо.

И наконец ему удалось разглядеть в темноте какое-то движение.

Чувствуя его сильное желание видеть, симбионт реук скользнул вперед и вниз, покрыв своей пленкой глаза — переводя, усиливая, меняя цвета, пока Эмерсон удовлетворенно и удивленно не хмыкнул.

Вокруг носа «Стремительного» собрались какие-то объекты. Это роботы или существа, похожие на маленькие корабли. Они мечутся из стороны в сторону у той части корпуса, о которой, кажется, все забыли!

Эмерсон видел, как вспыхивают язычки яркого пламени. Отблески химического огня.

Он не стал тратить времени на проклятия. На четвереньках выбрался из своего обсервационного купола, построенного какой-то расой,

гораздо меньше людей, которая владела этим кораблем до того, как он через пятые руки не был продан невежественным волчатам, только что вышедшим из изоляции, такой глубокой, что вся вселенная дивилась, как это они выжили в одиночестве.

У него не было возможности рассказать о своем открытии. Не было слов, чтобы прокричать в интерком. Если он отправится в ситуационную комнату, схватит Джиллиан за плечи и заставит посмотреть вперед, она, вероятно, так и сделает. Но сколько времени на это потребуется?

Что еще хуже, это может означать риск для ее жизни. Какие бы средства ни использовали эти существа, нацеливая это свое заклинание, оно в чем-то сходно с той обработкой, которой подвергли его, и Эмерсон узнавал в этом знакомую безжалостность. Те, кто это делает, могут уловить настороженность Джиллиан и поспешно заставить замолчать, действуя через ее пси-способности.

Он не может рисковать и подвергать ее опасности.

Сара? Прити? Они его друзья и дороги ему. Та же самая логика справедлива и по отношению к другим членам экипажа «Стремительного». К

тому же у остальных слишком мало времени, чтобы быть полезными. Иногда приходится действовать самому.

Поэтому Эмерсон побежал. Он выбежал в просторный ангар — внешний шлюз, который заполняет нос «Стремительного». Все меньшие корабли, которые стояли тут на причале, когда «Стремительный» покидал Землю, теперь исчезли. Второй по размерам корабль и скиф потеряны на Китрупе вместе с Орли и остальными. И еще до этого капитанский катер взорвался в Мелком скоплении — это была первая ужасная цена, которую пришлось заплатить за сокровище Крайдайки.

Теперь в доке только маленькие теннанинские разведчики, взятые из старых кораблей, оживленных экипажем. Каким знакомым кажется вход в одно из этих бронированных суденышек. Он делал это однажды и раньше — включал двигатели, сражался с приборами, созданными для расы с гораздо более мощными руками, и привел в действие механизмы, которые направили кораблик по узкому рельсу в туннель и выбросили в…

Эмерсон постарался забыть об этом последнем старте, иначе решимость могла бы его покинуть.

Вместо этого он сосредоточился на экранах и шкалах приборов, показания которых больше не может читать, надеясь, что старые навыки, мастерство и удача Ифни помешают ему отлететь от приборов в тот момент, когда корабль минует внешние двери.

В его сознании возникла непрошеная песня-гимн пилоту, устремляющемуся в черную бездну, но Эмерсон стиснул зубы и не стал произносить ее вслух. Он был слишком занят для этого.

Если бы у него была возможность мыслить отчетливыми фразами, Эмерсон, возможно, удивился бы тому, что пытается сделать и как он сумеет помешать нападающим. На маленьком разведчике есть оружие, но год назад он не сумел с ним справиться. А теперь не может даже прочесть показания приборов.

Тем не менее он может поднять шум. Отвлечь нападающих. Сбросить их покров иллюзий и предупредить экипаж землян о грозящей опасности.

Но что это за опасность?

Не важно. Эмерсон знал, что его мозг больше не способен решать сложные проблемы. Если все, чего он добьется, это привлечет внимание зангов и заставит их обратить защитный гнев против нарушителей, этого будет достаточно.

Раненый Фрактальный Мир повернулся перед ним, когда шлюз закрылся и Эмерсон осторожно привел в действие двигатели корабля, направляя его в сторону нападающих. По мере приближения волны отвращения стремление повернуть назад все усиливались. Боль и удовольствие, отвращение и зачарованность — эти и многие другие чувства накатывались на него каждый раз-, как взор или мысли Эмерсона уходили от того, что делается впереди, наказывали каждую попытку сосредоточиться. Без опыта, полученного на Джиджо, он не сумел бы преодолеть такую концентрацию. Но Эмерсон многому научился. Он научился искать неприятностей — как ребенок все время трогает выпадающий зуб, привлеченный новыми приступами боли, пока старый зуб не уступит место новому.

Помог и маленький реук. Чувствуя его потребности, он продолжал менять цвета, передавая ускользающие образы, Добиваясь превращения их в отчетливые очертания.

Это машины.

Наконец он узнал десяток угловатых фигур, прикрепившихся к корпусу «Стремительного» в районе носа. Они вцепились, словно насекомые-стервятники в глаз беспомощного животного.

И если бы их целью было просто разрушение, все было бы уже кончено. Но у них должна быть более сложная цель.

Эмерсон узнал яркий огонь резака. Либо они пытаются прорезать борт корабля, чтобы ворваться внутрь, либо…

Или они что-то срезают. Может быть, берут образец. Но образец чего?

Эмерсон представил мысленно «Стремительный», подробный зрительный образ, на восприятие которых не распространялась речевая афазия. Это воспоминание было бессловным, почти осязаемым — после многих лет, проведенных в любви к этому старому корпусу, в такой любви, какая никогда не бывает у мужчины к женщине, — любви к кораблю, преобразованному и ставшему гордостью земного клана.

И сразу вспомнил, что лежит под этим сверканием.

Символ. Эмблема, которая предположительно помещается на все корабли кислорододышащих звездных рас.

Спираль с лучами — знак цивилизации Пяти Галактик.

И Эмерсона охватило ощущение несообразности. Вначале он подумал, что это еще один трюк,

еще одна попытка изменить его восприятие, заставить думать, что это и есть цель. К чему затрачивать столько усилий лишь для того, чтобы «Стремительный» лишился своего символа на носу?

Во всяком случае, машинам приходилось трудней, чем они рассчитывали. Толстый слой углерода, отягощавший «Стремительный», оказался чрезвычайно упрям и сопротивлялся всем попыткам команды Ханнеса Суэсси убрать его. Приближаясь, Эмерсон заметил, что и машинам пока удалось немного, они обнажили только небольшой участок корпуса корабля.

Затруднения чужаков его едва не рассмешили. Но тут он оглянулся и увидел.

Множество машин. Целые рои их, появляющиеся на фоне звезд. Несомненно, подкрепления, предназначенные для ускорения работы.

Пора действовать. Эмерсон потянулся к орудийной консоли, выбрав самые маломощные лучи, чтобы случайно не повредить «Стремительный».

Вот вам кое-что для начала, подумал он.

Искренне надеюсь, что это подействует.

Он был так сосредоточен на прицеливании, осторожно перемещая перекрестие, что даже не заметил того, что только что произошло в его

искалеченном мозгу.

Он использовал два отчетливых предложения, одно за другим, выразив в них свое чувство иронии и надежду.

ДЖИЛЛИАН

Словно раскаты грома, возникло осознание. Она отдала резкий приказ:

— Тревога!

В полупустых коридорах «Стремительного» прогремели клаксоны, и дельфины торопливо разошлись по своим боевым позициям. Постоянный гул двигателей изменил тон, это экипаж приводил в готовность силовые поля и оружие.

— Нисс, отчет!

Вертящаяся голограмма заговорила быстро, без привычной язвительности.

Мы как будто исподтишка подверглись псинападению, которое должно было отвлечь защитников «Стремительного», и органических, и приборы. То, что вы и я одновременно пришли в себя, свидетельствует, что источник воздействия был неожиданно уничтожен или отключен. Предварительные данные свидетельствуют, что использовано сложное логическое существо, чей меметический уровень должен относиться к классу не менее…

— Есть ли непосредственная опасность? — оборвала Джиллиан.

Я не фиксирую никаких оружейных импульсов, нацеленных на этот корабль. Но несколько находящихся по соседству автоматов обладают латентным энергетическим уровнем, который может быть опасен на близком расстоянии.

Но пока они как будто стреляют только друг в друга.

Джиллиан повернулась к дисплею, на который камера посылала изображение носа корабля… в направлении, противоположном тому, которое она рассматривала раньше, заподозрив какую-то неведомую опасность. Сердце ее забилось, когда она увидела, насколько все близко. Все могло бы уже кончиться, если бы нападающие не начали сражаться друг с другом. Сверкали яркие вспышки, паукообразные фигуры набрасывались друг на друга, неприятно близко отбрасывая тени.

— Где эти проклятые занги? — негромко спросила Джиллиан.

Сканируя пространство, где раньше находился корабль водорододышащих, инструменты не видели никаких его признаков… только волнующееся продолговатое облако движущихся ионов. *Возможно, это след работы их двигателей, а сами они улетели по какому-то срочному делу. И в любой момент могут вернуться.*

Ее сознание отшатывалось от другой возможности — что какое-то оружие вообще устранило зангов, убрало их из окрестностей. Оружие настолько мощное, что оставляет только след выведенных из состояния равновесия атомов.

В любом случае атака пси должна была скрыть от нас исчезновение наших защитников. Кто-то приложил массу усилий, чтобы мы какое-то время оставались на месте.

Она слышала, как включились двигатели Суэсси: это Каа начал пятиться от водоворота сражения. Но не успел он хоть немного удалиться, как рой сражающихся последовал за ним, словно привязанный к «Стремительному» невидимой нитью.

— Есть ли представление о том, что…

Никто из сражающихся не идентифицировал себя.

— Тогда чего они пытаются…

Похоже, некоторые группы стремятся похитить архив ИРП со «Стремительного».

— Архив «Стремительного»?..

Слова застряли в глотке. Джиллиан поняла и резко закрыла рот.

По закону каждый галактический корабль обязан нести на себе «наблюдателя» — устрой-

ство, записывающее основные события полета. Некоторые такие устройства весьма сложны. Другие — те, которые может себе позволить бедный клан, — примитивные приборы, способные только записывать местоположение корабля и идентифицировать другие корабли, оказывающиеся по соседству. Все эти устройства относятся к категории «только записывающих», то есть они могут записывать сведения, но прочесть эти сведения нельзя. По крайней мере нельзя в текущую эпоху. Предполагается, что со временем все эти сведения окажутся в бесконечных архивах Великой Библиотеки и будут впоследствии изучаться обитателями будущей эры, когда страсти текущей будут представлять только исторический интерес. И сразу Джиллиан поняла смысл нападения.

— Древние… должно быть, они открыли коды, которые позволяют им прочесть ИРП («исключительно-регистрирующую память»). И тогда они узнают, где побывал «Стремительный»!

Это позволит им пройти нашим маршрутом и отыскать Мелкое скопление.

Джиллиан испытывала смешанные чувства. С одной стороны, она негодовала; существа, которые вмешивались в ее сознание и хотели лишить

«Стремительный» его сокровища, вызвали у нее гнев. Ведь она сама и весь экипаж так давно защищают эти сведения, а Том и Крайдайки отдали за них жизнь.

Но с другой стороны, если бы похитителям удался их замысел, это решило бы многие проблемы. Какой-нибудь могучий клан наконец овладел тайной и, может быть, использовал ее для того, чтобы господствовать в следующей эпохе. Развернулись бы грандиозные битвы, создавались новые союзы, и, может быть, Земле и ее колониям было бы позволено вернуться на окраины истории и какое-то время оставаться незамеченной и в безопасности.

— Удивляюсь, что никто не пытался это проделать раньше, — сухо заметила она, наблюдая, как мини-сражение продолжает следовать за «Стремительным» в обширной полости Фрактального Мира.

Действительно, кажется логичным попытаться забрать «наблюдателя» с нашего носа. Могу только предположить, что у предыдущих наших противников не было средств для того, чтобы прочесть коды ИРП.

Если это так, что подтверждается нейтральность Института Библиотеки: самые богатые

кланы и союзы не в состоянии взломать печати. Джиллиан задумалась. Может быть, предательство на Оакке было случайным отклонением? Может, просто обычная неудачливость «Стремительного» привела его к встрече с редкими предателями. А в других местах представители институтов — достойные существа.

Если это так, стоит ли нам попытаться еще раз? — думала Джиллиан. *Может, направиться на Танит и еще раз попробовать сдаться властям?*

Тем временем Нисс продолжал задумчиво вращаться. Созданное тимбрими виртуальное существо выровнялось, прежде чем заговорить снова.

Им понадобилось много времени, чтобы, используя свое влияние старших членов порядка «ушедших в отставку», получить ключи. На самом деле…

Паутина вращающихся линий напряглась, выражая тревогу.

На самом деле это бросает пелену загадочности на наше предыдущее бегство отсюда.

— О чем ты говоришь?

Я говорю, что нам казалось, будто нам помогают альтруистически настроенные члены

этого порядка, во имя справедливости благожелательно спасающие нас от преследователей. Но подумайте, как легко все тогда прошло! Ведь мы так быстро нашли в Библиотеке сведения о так называемой Тропе Сунеров…

— Легко?! Да мне пришлось выдавливать эти сведения из захваченной ячейки, словно вино из камня! Это было…

Это было легко. Теперь ретроспективно я это вижу. Должно быть, нас заразили слабым мемо паразитом, чтобы перспектива полета на Джиджо показалась нам соблазнительной. К ближайшему убежищу с единственным входом и выходом. К святилищу, единственный выход из которого ведет назад, сюда.

Джиллиан мигнула. Неожиданно она поняла, к чему ведет машина.

Предположим, одна фракция надеется захватить ИРП «Стремительного», но знает, что потребуется время, чтобы раскрыть коды доступа. Нельзя позволить беглым волчатам оставаться доступными кому угодно. Кто-нибудь другой может перехватить добычу!

Лучше сохранить записывающее устройство, отправив его в укрытие, где его будет беречь инстинкт самосохранения экипажа, проверенного

на способность выживания. Собственного экипажа земного корабля.

Если бы мы сами не вернулись сюда, они, несомненно, прислали бы сообщение, заманивающее нас назад. План обладает особенностями — терпением и уверенностью, — которые выдают присутствие порядка «ушедших в отставку».

Но теперь они не сумели захватить то, что им нужно, и поняли, что их планы рушатся. Не все пошло так, как они планировали. У этой фракции есть враги. Больше того, обратите внимание, как им не хватает сил в катастрофе.

«Катастрофа» — подходящее слово. На глазах у Джиллиан схватка охватила все окружающее пространство. Тактические сенсоры свидетельствовали, что она все расширяется, доходя до края отверстия в структуре пространственного колодца.

— В таком случае, — задумчиво сказала она, — кто-нибудь доберется и до мощных дезинтеграторов. И приведет их в действие. Может, нацелит на нас. Пожалуй, нам пора отсюда убираться.

Доктор Баскин, пока мы разговаривали, я продолжал размышлять. Например, попытался связаться с нашим похитителем-защитником, кораблем зангов, но не смог. Самая вероятная

гипотеза — корабль уничтожен.

Джиллиан кивнула, придя к такому же заключению.

— Что ж, если он не приходит, я не собираюсь здесь ждать его.

Она громче заговорила в интерком:

— Каа! Давай полную скорость. Уходим к п-пункту! Пилот отозвался потоком быстрых щелчков:

Загнанные орками,

Прижавшись спинами к острому кораллу,

Посмотрим, как они пожирают планктон!

«Стремительный» начал пятиться, но битва последовала за ним. Детекторы свидетельствовали, что со всех сторон собираются новые рои машин. Однако промежуток медленно увеличивался.

Тут снова вмешалась машина Нисс:

Доктор Баскин, я обратил внимание на кое-что такое, что должно вас заинтересовать.

Пожалуйста, посмотрите.

Изображение на главном экране переместилось в угол яростной схватки. «Стремительному» приходилось наблюдать и более мощные сражения, но на близком расстоянии и эти вспышки и взрывы казались очень яркими и угрожающими. При вспышках видно было, что сражающиеся — в

основном машины, в них нет помещений, где бы мог находиться защищенный протоплазменный экипаж. Очевидно, различные фракции «ушедших в отставку» предпочитали воевать чужими руками, используя механических наемников и не рискуя собственной шеей.

И тут на экране показался объект, отличающийся от остальных, — стрелообразный, закругленный и бронированный. Джиллиан узнала очертания теннанинского разведчика.

— Ифни! — воскликнула она. — Он опять это сделал! *Если вы имеете в виду инженера Эмерсона д'Аните, то могу* сказать, *что внутренние сканеры утверждают: на корабле его нет. Я предполагаю, что он там, стреляет и почти все время* промахивается. *Органическим существам не следовало схватываться с механическими на близком расстоянии. Это не в ваших силах.*

— Постараюсь не забыть об этом, — сказала Джиллиан, не зная, что делать дальше.

ЭМЕРСОН

Поняв наконец, что почти ни разу не попал — и что никто не стреляет в него, Эмерсон отключил орудийную консоль. Очевидно, никто не считает его достойным внимания или усилий. То, что его так игнорируют, раздражало, но по крайней мере ни одна фракция, кажется, не собирается ему мстить за роботов, которых он поразил несколькими первыми удачными выстрелами.

Вокруг него кипела схватка. Машины сражались с машинами, и невозможно было не заключить, что за этой схваткой стоит кто-то.

К тому же Эмерсон вскоре заметил, что происходит и кое-что другое. Гораздо более важное и личное, чем то, что снаружи.

Сознание его было охвачено смятением.

В этом нет ничего необычного. Он привык к отсутствию ориентации. Но сейчас ощущение потери ориентации было особым. Как будто расходятся темные тучи бреда. Как будто все раньше было частью яркого сна, подчиняющегося извращенной логике. Как бредящий ребенок, он очень долго не понимал, что происходит вокруг. Но на мгновение свет проник в темный угол, в котором

он так давно находится.

Словно намек, еле уловимый запах, это продолжалось одно мгновение и исчезло.

Он заподозрил ловушку. Еще одно пси-отвлечение…

Но здесь что-то гораздо большее. Слишком напряженное ощущение радости. И полная опустошенность, когда это ощущение исчезло.

И потом, без всякого предупреждения, вернулось, но стало гораздо сильнее.

К нему вернулось нечто, чего он был долгое время лишен.

Нечто драгоценное, которое он не ценил, пока не потерял.

Я… я могу думать…

…Я снова могу думать словами!

И не только словами, но предложениями, целыми абзацами.

Я пилотирую теннанинскую боевую стрелу… «За мной находится „Стремительный“… Вокруг почти везде я вижу небесную арку Фрактального Мира…

Мгновенно ошеломляющий поток осознания заполнил Эмерсона. То, что он видел на Джиджо и впоследствии. Концепции, которые ускользали от него, потому что их невозможно выразить

только образами и чувствами, которым для выражения необходимо богатство абстрактного языка, чтобы включить их в сеть символов.

Его охватила печаль, когда он подумал о том, что хотел сказать Саре во время их долгого путешествия по Склону. И Джиллиан, когда вернулся на корабль опустошенным калекой. Два разных типа любви, которую он не мог выразить — или даже понять — до этого мгновения.

Но как это возможно? Мой мозг… они разрушили мои речевые центры/

По какой-то причине, закончив его допрашивать, Древние решили сохранить ему жизнь, но сделать так, чтобы он молчал. Средство они нашли, когда извлекли из него его собственные воспоминания о бедном искалеченном Крайдайки. И причинили ему такое жестокое увечье, в результате которого он едва не умер… и стал получеловеком.

Все это он с трудом понял еще на Джиджо, хотя и не мог выразить в словах. Но ответ не принес ему удовлетворения. Он не объяснял, какая жестокая логика стоит за таким поступком.

И тут он услышал.

Голос. Забытый до этого момента. Но он его сразу вспомнил.

Тот самый, который связан с холодным немигающим взглядом.

НЕТОЧНО. МЫ НЕ УНИЧТОЖИЛИ ЭТИ ЧАСТИ ТВОЕГО ОРГАНИЧЕСКОГО МОЗГА. МЫ ОТОБРАЛИ/ЗАИМСТВОВАЛИ/
ЭКСПРОПРИИРОВАЛИ НЕСКОЛЬКО ГРАММОВ ТКАНИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ. НАША ПОТРЕБНОСТЬ БОЛЬШЕ ТВОЕЙ.

Бесстыдство этого утверждения едва не заставило Эмерсона завыть от ярости. Только привычная жесточайшая дисциплина позволила ему сдержаться и ответить, используя для этого пути, которыми он очень давно не пользовался. Голос его прозвучал непривычно, со странным носовым оттенком.

— Вы, ублюдки, искалечили меня, чтобы я не смог рассказать, что вы сделали!

Ответ сопровождался ощущением отчужденности и забавы.

ЭТО БЫЛО ЛИШЬ НЕБОЛЬШОЕ ПОБОЧНОЕ СЛЕДСТВИЕ. НА САМОМ ДЕЛЕ НАМ БЫЛА НУЖНА/НЕОБХОДИМА САМА ТКАНЬ. ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, ОНА ДЛЯ НАС ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ ТЕБЯ КАК ЦЕЛЬНОГО СУЩЕСТВА… ХОТЯ БЫЛО БЫ НЕМНОГО ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ТЫ ПРИНАДЛЕЖАЛ К ДРУГОМУ ВИДУ. НО В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ

ОКАЗАЛСЯ ТОЛЬКО ОДИН ЗЕМЛЯНИН, ТАК ЧТО ТЕБЕ ПРИШЛОСЬ ПОНЕВОЛЕ СТАТЬ ДОНОРОМ.

Это объяснение привело Эмерсона в еще большее замешательство.

— Но как я смог заговорить теперь?

ЭТО ВОПРОС СВЯЗИ И БЛИЗОСТИ. МЫ ОСТАВИЛИ В ТВОЕМ МОЗГУ, В УГЛУБЛЕНИИ, ГДЕ НАХОДИЛСЯ ВЗЯТЫЙ УЧАСТОК, КВАНТОВУЮ РЕЗОНИРУЮЩУЮ ТКАНЬ. ОНА СВЯЗАНА С РЕЗОНИРУЮЩЕЙ ОБОЛОЧКОЙ ВЗЯТОГО У ТЕБЯ ОБРАЗЦА. И ЕСЛИ ТЫ ДОСТАТОЧНО БЛИЗКО, ПРИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ТВОИ НЕРВНЫЕ ПУТИ МОГУТ ВОЗОБНОВИТЬ НОРМАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.

Эмерсон помигал. Прижавшись к изогнутому иллюминатору разведчика, он всматривался в темное пространство, разрываемое неожиданными взрывами.

ДА, КАПСУЛА ПОБЛИЗОСТИ, ЕЕ ПРИБЛИЗИЛ К ТЕБЕ РОБОТ. ТОТ, ЧТО КАЖЕТСЯ БЕЗВРЕДНЫМ И НЕ ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЯ СОПЕРНИЧАЮЩИХ ФРАКЦИЙ.

НА САМОМ ДЕЛЕ РОБОТ МОЖЕТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ. И ТКАНЬ СНОВА МОЖЕТ СТАТЬ ТВОЕЙ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСЛОВИЯХ…

Ему хотелось закричать на своих прежних

мучителей, заявить, что они не имеют права торговаться с ним из-за того, что у него же украли. Но они отмахнутся от его слов как от представления о честности, характерного для волчат. Сознание Эмерсона напряженно работало, покрывая параллельно огромные участки, используя старые логические пути и новые, приобретенные во время изгнания.

— Если я буду служить вам, то получу назад свои центры речи? Но в чем дело? Ваш прежний план потерпел неудачу?

НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАС ПО-ПРЕЖНЕМУ СОХРАНИЛИ ВЕРУ/УВЕРЕННОСТЬ В ЭТОМ ПЛАНЕ. ХОТЯ ПЛАН ВСЕГДА БЫЛ РИСКОВАННЫМ — ПОПЫТКА ПОДКУПИТЬ ТОГО, КТО НАХОДИЛСЯ/БЫЛ ДАЛЕКО ОТСЮДА.

НО СЕЙЧАС, ВОПРЕКИ ВСЕМ ОЖИДАНИЯМ, ТЫ СНОВА ПОБЛИЗОСТИ ОТ НАС. И ЭТО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ НОВУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ УСПЕХА.

— О, я просто не могу дождаться, чтобы послушать об этом, — заметил Эмерсон, но впервые понял, что сарказм до Древних не доходит.

КОНЦЕПЦИЯ ДОСТАТОЧНО ПРОСТА, ЧТОБЫ СУЩЕСТВО ТВОЕГО УРОВНЯ МОГЛО ЕЕ ПОНЯТЬ. ЕСЛИ ПОТОРОПИШЬСЯ, СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ/

ВОЗРА-ТИТЬСЯ НА БОРТ ЗЕМНОГО КОРАБЛЯ И ОТЫСКАТЬ

НУЖНУЮ НАМ ИНФОРМАЦИЮ. ПОСЛЕ ЭТОГО ПРОИЗОЙДЕТ ПРОСТОЙ ОБМЕН, И ТЫ ПОЛУЧИШЬ ТО, ЧТО ЖЕЛАЕШЬ.

Эмерсон постарался успокоиться, скрыть мысль, мелькнувшую в сознании. То, что он выражает в словах, должно пройти через комок протоплазмы, находящийся где-то там, в машине, пробирающейся между огненными лучами и взрывающимися минами. Кусочек его самого, который у него отняли.

— Значит, вы хотите заключить со мной сделку. Но год назад вы считали, что мое бесполезное тело вам больше не нужно. Но зачем вы тогда отослали меня на Джиджо? Почему я все еще жив?

Голос казался снисходительным, готовым предоставить объяснение.

СУЩЕСТВУЮТ ПОГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ВОЛНОВЫХ ФУНКЦИЙ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ НА РАСХОДЯЩИЕСЯ ВО ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ МИРОВЫЕ ЛИНИИ. ТВОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В БУДУЩЕМ — ОДНО ИЗ ТАКИХ ПОГРАНИЧНЫХ УСЛОВИЙ. НАШИ ДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНЫ СООТВЕТСТВОВАТЬ ИЗВЕСТНЫМ ФАКТАМ.

ОДНАКО В ИГРЕ МИРОВЫХ ЛИНИЙ ЕСТЬ ИЗВЕСТНАЯ СВОБОДА. РАСЧЕТЫ ПОКАЗЫВАЛИ, ЧТО НЕОБХОДИМО ПОМЕСТИТЬ ТЕБЯ БЛИЖЕ К ТВОИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ РАВНОВЕСИЯ. ПОМЕЩЕНИЕ ТВОЕГО ТЕЛА НА ДЖИДЖО В ПРЕДЕЛАХ ДОСЯГАЕМОСТИ ТВОИХ КОЛЛЕГ КАЗАЛОСЬ НАМ АДЕКВАТНЫМ.

Эмерсон был поражен одновременно безграничной мощью и жестокостью, сквозившими за этой фразой.

— Вы… называете мое адское путешествие… *адекватным?* На это голос ничего не ответил. Вопрос Эмерсона мог быть и риторическим.

Он еще раз осмотрел дисплеи разведчика. Теперь цифры и глифы приобрели смысл, они свидетельствовали о том, что

«Стремительный» увеличивает скорость и удаление. Очевидно, Джиллиан снова пытается прорваться к звездам.

СОВЕРШЕННО ВЕРНО. В ТВОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ДУРОВ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРИМЕШЬ НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И НЕ ВЕРНЕШЬСЯ НА БОРТ, МЫ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ УНИЧТОЖИТЬ ЗЕМНОЙ КОРАБЛЬ И ВСЕХ ТВОИХ ТОВАРИЩЕЙ.

Эмерсон рассмеялся:

— Это значит, что ваши враги до вас добираются! Они уже почти захватили ИРП «Стремительного», прежде чем вмешалась ваша фракция. У них тоже найдется что сказать о ваших планах.

К тому же я важное пограничное условие, верно? Вы позволите мне жить в будущем вместе с моими друзьями или вся ваша игра причин и следствий распадется!

УСЛОВИЯ НЕ НАСТОЛЬКО ОТЧАЯННЫЕ, КАК ТЫ ПРЕДПОЛАГАЕШЬ, ЧЕЛОВЕК. НЕ ПРЕУВЕЛИЧИВАЙ СВОЕГО ЗНАЧЕНИЯ И НЕ ОБРАЩАЙСЯ С НАМИ НЕУВАЖИТЕЛЬНО.

Эмерсон громко рассмеялся.

— Или что? Вы меня накажете? Вы причините мне *боль?* Ему ответило молчание, но он понял, что его презрение на этот раз достигло цели. Презрение — слабое оружие, но они к нему не привыкли. Его слова задели их.

С другой стороны, Древние знают, что у Эмерсона нет выбора. Для него оставаться за пределами действий — это не вариант, если он может его избежать. Руки решили за него, включили двигатель разведчика и придали ускорение в сторону «Стремительного»… хотя Эмерсон ощущал ужас.

Что произойдет, когда он отдалится от робо-

та, несущего недостающую часть его самого? Последует ли робот за ним? Будет держаться поблизости, чтобы дать ему возможность мыслить?

Когда голос послышался снова, он был холодным и отчужденным.

МЫ ПЕРЕДАЕМ ТЕБЕ КОД ДЛЯ СВЯЗИ С НАМИ, КОГДА ТЫ ГОТОВ БУДЕШЬ ПРИНЯТЬ НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Сознание Эмерсона заполнила последовательность цветов — простая последовательность, запечатлевшаяся в памяти. Даже если бы постарался, он не смог бы ее забыть.

И тут его мучители позволили себе прощальное замечание.

ОЧЕВИДНО, МЫ НЕДООЦЕНИЛИ ТВОЙ УРОВЕНЬ РАЗУМНОСТИ, ПОЛАГАЯ, ЧТО ПРОСТАЯ ОБРАБОТКА СОЗНАНИЯ СМОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ТЕБЯ. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ОЧЕВИДНЫМ УПОРСТВОМ И ГИБКОСТЬЮ.

ТЕМ
НЕ МЕНЕЕ МЫ УБЕЖДЕНЫ В ДЕЙСТВЕННОСТИ НАШЕГО ПОСЛЕДНЕГО СТИМУЛА.

На этом голос смолк, хотя Эмерсон с ним еще не покончил.

— Позвольте сказать, что вы можете сделать со

своим Ифни проклятым предложением, вы, отродье отставных груд плесени! Ищите избавление в собственных клоаках, вы, дерьмоеды, лижущие грязь, адски проклятые…

Поток проклятий продолжался все время, пока Эмерсон проносился мимо групп роботов, которые резали и взрывали друг друга, не обращая на него никакого внимания. Он все бранился и бранился, наслаждаясь богатым потоком непристойностей, чувствуя, как слова вылетают изо рта, и продолжая это делать, пока можно. И с каждой секундой, с каждым новым словом все усиливалось ощущение победы.

Проклятия послужили ему пробным камнем. Заполняя маленькую каюту хриплым шумом, он цеплялся за дар речи, бросая вызов расстоянию и тем, кто посмеет снова отобрать У него этот дар.

Вскоре он заметил, что «Стремительный» сбрасывает скорость, замедляется, чтобы подхватить его. Это проявление верности согрело его, приемный шлюз открылся, выпустив поток знакомого приветливого света. Но Эмерсон продолжал выкрикивать свое мнение о Древних, об их предках, их характерах и о том, какое будущее им уготовано в великой пирамиде существования.

И только прикрепившись к ведущему лучу со

«Стремительного», Эмерсон замолчал настолько, чтобы кое-что вспомнить.

Проклятия не в счет.

Он мог это делать даже на Джиджо. Подобно пению и рисованию, брань рождается не в том участке мозга, который у него украли.

Эмерсон попытался сказать что-нибудь еще — о битве, о небе, заполненном обломками, о собственном усиливающемся страхе — и не смог.

Его мысли отчаянно метались, носились в поврежденном мозгу, пытаясь найти способность, которая мгновение назад была такой естественной и гибкой. Искусство всей жизни, которое эти негодяи отняли у него, затем вернули, но лишь на короткое время.

Это все равно что попытаться вытянуть ампутированную конечность. Призрак все еще есть. Намек на возможность. *Значения* заполняли его сознание, вместе с готовностью действовать, создавать фразы. Говорить.

Но какой-то ключевой элемент снова исчез, а вместе с ним и все то, что он надеялся и собирался сказать Саре. И Джиллиан.

Эмерсон упал в кресло, сконструированное для гораздо более крупного пилота, существо огромной физической силы, уважаемое в циви-

лизации Пяти Галактик. Руки его соскользнули с массивных рукояток, подбородок опустился на грудь, потоки слез неожиданно полились из глаз, затуманив все окружающее. Он чувствовал себя беспомощным, как ребенок. Как невежественный волчонок.

До этого мгновения Эмерсон считал, что привык к своей утрате. Но теперь он знал.

Всегда есть более глубокое место, где вы можете оказаться.

ДЖИЛЛИАН

Лейтенант Тш'т докладывала с мостика; в насыщенной кислородом воде от ударов ее хвоста поднимались потоки брызг.

— Инженер д'Аните на борту. Снова ускориться? Нерешительность, словно тяжелое животное, цеплялась за руки и плечи Джиллиан.

— Сенсоры уловили какие-нибудь признаки корабля зангов?

Голограмма машины Нисс выразила тревогу в своих тесно сплетенных линиях.

Водорододышащие существа могут быть уничтожены вместе со своим кораблем. Но даже если занги заняты где-то в другом месте, некоторые их этих сражающихся фракций, несомненно, объединятся, чтобы помешать нам уйти.

— Мы не знаем их мотивов, не знаем даже, сколько групп…

Судя по применяемым тактическим маневрам, я насчитал по крайней мере пять различных групп. Их силы состоят преимущественно из роботов типа солдат-сипаев, они получают инструкции из различных частей Фрактального Мира и действуют в пользу различных местных

группировок порядка «ушедших в отставку».

Нисс ненадолго смолк, потом продолжил: *Позвольте внести поправку. Я воспринимаю ШЕСТЬ разновидностей тактики. Одна группа как будто пытается открыть для нас путь к отходу. Кажется, среди сражающихся у нас все-таки есть союзники.*

— Так нам казалось и в прошлый раз, — ответила Джиллиан. — Эти помощники — достаточно ли они сильны, чтобы защитить нас?

Сомнительно. Критический момент наступит, когда мы будем проходить через самую узкую часть отверстия, проделанного в оболочке Фрактального Мира. В этом месте любая группа *может уничтожить нас, используя защитные лучи, которые мы видели раньше.*

Веселый повод для размышлений, когда «Стремительный» входил в коридор, полный обломков и сверкающих искусственных комет. Только на этот раз битва последовала за землянами, все пространство вокруг них было полно лучами и взрывами.

Джиллиан приказала Каа пройти всего в полумиллионе километров от одного рваного края огромной раны, прокладывая путь между обломками и тенями гигантских выступов.

— Может, они подумают дважды, прежде чем стрелять по нам из больших орудий, если мы будем близко к самой оболочке.

Отсюда были хорошо видны гигантские машины, пытающиеся укрепить разорванную структуру Крисвелла. Для этого они использовали сети, сплетенные из углеродных нитей, которые сматывались с огромных барабанов. Это были совершенно иные механизмы, автономные и разумные, — не рабы, а наемные работники.

Большинство барабанов уже почти опустели. Им не хватает материалов, подумала Джиллиан. *Все их усилия могут оказаться тщетными, если так будет продолжаться… особенно если разные группы Древних, вместо того чтобы помогать, будут сражаться друг с другом.*

Сзади послышался радостный дельфиний крик. Джиллиан вовремя повернулась, чтобы увидеть входящего в помещение Эмерсона д'Аните. Его голова и плечи повисли в явной депрессии.

— Ну, вот и наш герой… — начала Джиллиан. Но Сара Кулхан, не обращая внимания на радостные возгласы, бросилась вперед, чтобы обнять своего друга. Между ними прыгала маленькая неошимпанзе Прити, и вскоре Эмерсон был окружен со всех сторон. Возбужденно щелкали дельфины, их

установки для ходьбы поскрипывали и звякали. Подростки джиджоанцы: Олвин и его друзья — хлопали Эмерсона по спине, пожимали руки и говорили ему, какой он удивительный.

И хотя слова их ему были непонятны, общая атмосфера одобрения как будто слегка рассеяла его дурное настроение. Он встретился взглядом с Джиллиан, и она ответила ему на его робкую улыбку. Но тут вмешался Нисс:

Доктор Баскин, приближаются новые рои.

Она повернулась, чтобы посмотреть.

— Это тоже роботы-сипаи?

Нет… и это меня тревожит. Эти вновь прибывшие гораздо более опасные существа, Джиллиан. Это независимые строители-конструкторы. Автономные члены машинного порядка жизни…

— Покажи!

Новые машины были почти рядом, они приближались группами примерно по десять с двух противоположных направлений. Одни на экране были представлены красными точками, другие зелеными. Обе группы величественно перемещались в зоне боевых действий. И как доказательство их статуса ни один из сражающихся роботов не стрелял во вновь прибывших. Напротив, большинство торопливо убиралось

с их пути.

Плохо выглядит, подумала Джиллиан, когда зеленые вспышки приблизились на расстояние видимости. Предводители обеих групп напоминали гигантского морского ежа длиной почти в десятую часть «Стремительного», хотя в основном это были длинные придатки-ноги, которые дергались, когда механизм приближался к хвосту «Стремительного».

Столкновение через тридцать секунд!— выкрикнула с мостика Тш'т. *Открыть огонь?*

— Нет! — ответила Джиллиан. — Пока еще против нас никто не использовал оружие. И я не собираюсь начинать. Посмотрим вначале, что им нужно.

Один рой сосредоточился вокруг кормы «Стремительного». Несколько больших угловатых машин прикрепились к корпусу. И вскоре вокруг них возникло яркое свечение.

Они растворяют корабль! — воскликнул Нисс. *Скорость исчезновения материи превосходит тридцать тонн за секунду… и все увеличивается. Нужно отбросить их!*

Тш'т доложила, что один из больших лазеров нацелен, но Джиллиан приказала не открывать огонь.

— Ничего не делайте, пока я не скажу! Акеакемаи, покажи мне увеличенное изображение машин, которые находятся за теми, что прицепились!

Трудно было разглядеть что-нибудь сквозь поднятый туман. Но Джиллиан показалось, что она разглядела гигантский цилиндр. И что-то похожее на петлю.

— Это барабан! Как те, с которых сматывалась нить для ремонта. — Она повернула голову и крикнула: — Быстрей! Какова спектральная подпись удаленного материала? Это чистый углерод?

Короткая пауза. Когда Нисс заговорил снова, голос его звучал приглушенно: *Да, это углерод.*

— Насколько чистый?

Очень чистый. В парах совсем нет металла с истинного корпуса «Стремительного». Откуда вы узнали?

Джиллиан чувствовала себя так, словно сердце ее бьется в горле. Но паника начала рассеиваться.

— Эти большие парни не обращают никакого внимания на ссоры темпераментных кислородных существ. У них есть работа, которую необходимо сделать, и не хватает сырья. Наибо-

лее доступные запасы углерода исчезли, когда джиджоанцы каким-то образом вызвали бурю на Измунути. Но мы несем на себе слой того самого материала, который доставляли корабли-сборщики. Этот рабочий отряд, должно быть, почувствовал наш проход и прислал машины за материалом для восстановительных работ.

Подтверждаю, сказал Нисс. *Они медленно продвигаются вдоль корпуса, а испаряющийся материал всасывается и превращается в полиуглеродную нить. Сам корпус остается нетронутым.*

Из машинного отделения радостно отозвался Ханнес Суэсси. Он был очень доволен, узнав, что машины убирают покрытие, которое много месяцев ставило его в тупик.

— С такой скоростью мы очень быстро потеряем несколько мегатонн. И станем гораздо более легкими и проворными.

В это время в районе носа «Стремительного» появился и второй рой, тот, что изображался красными точками. Еще одна группа гигантских машин прицепилась к корпусу. Гости не проявляли никакого особого интереса к спиральному символу на носу.

Джиллиан кивнула.

— Думаю, сейчас они будут снимать покров с обоих концов. Будем молиться, чтобы сам корпус действительно остался нетронутым. Если нам повезет, их присутствие может помешать другим открывать по нас огонь, пока мы не приблизимся к п-пункту.

Нисс задумчиво завертелся.

Конечно, существует и другая опасность. Если во всем Фрактальном Мире окончательно рухнули закон и согласие, ничто не помешает различным фракциям «ушедших в отставку» сговориться со своими более молодыми родственниками с помощью гиперволн или капсул времени. \

— Иными словами, в любую минуту могут показаться боевые флоты соро, джофуров или танду. Здорово. — Джиллиан вздохнула. — Тем больше причин убираться отсюда…

Неожиданно вращающаяся путаница линий выпятилась — в выражении удивления.

— *Кое-что отличается,* провозгласил Нисс. *Группа на носу… она занимается не тем же, что на корме.*

Джиллиан шагнула вперед.

— Покажи!

Вначале сцена показалась знакомой. Несколько

длинноногих машин прицепились к покрытому слоем сажи корпусу «Стремительного», яркими лучами очищая поверхность. Но на этот раз в коллекторы не устремился молочный туман. И из задних концов машин не показалась черная нить, которая наматывалась бы на огромные барабаны. Напротив, с плотной оболочкой, которую приобрел «Стремительный» при проходе через атмосферу Измунути, что-то происходило. Под массивными механизмами рябил, и собирался за ними радужный покров, по мере того как они по спирали передвигались по корпусу.

Несколько минут все молчали. Это поведение было таким неожиданным и необъяснимым, что Джиллиан понятия не имела, как на него реагировать.

— Они… не убирают углерод. Они… *Преобразуют его во что-то,* согласился Нисс. Наконец послышался голос Суэсси. На вспомогательном экране появилось изображение киборга главного инженера. Хотя его голова теперь представляла собой зеркальный металлический купол, по телодвижениям Джиллиан догадалась, что у него есть теория.

— Эта сажа, которую нацепила на нас Измунути… да, оболочка почти исключительно из

чистого углерода. Но часть ее состоит из так называемых «шариков» и «трубок». И много вещества в состоянии алмаза Пенроуза. У этого материала весьма необычные свойства, как мы обнаружили, когда пытались его срезать на Джиджо. Все типы включений ведут себя как высокотемпературные сверхпроводники, плюс измененный коэффициент трения…

— Ханнес! — прервала Джиллиан. — Пожалуйста, переходи к делу.

Серебряный купол кивнул.

— Я просканировал поверхность, которую оставляют за собой эти машины. Она гораздо более единообразна, чем простая сажа. Шарики и трубки сплетаются друг с другом так, как я никогда не видел. Могу предположить, что те свойства, которые мы наблюдали раньше, многократно усиливаются.

Один из дельфинов произнес:

— Здорово! Значит, будет еще трудней соскребать! Джиллиан покачала головой.

— Но чего они добиваются? Запечатать нас внутри? Если так, у нас еще есть время для эвакуации экипажа через люки на корме. Возможно, мы сумеем найти убежище у первой группы машин.

— Наш передний лазер готов к выстрелу! — со-

общила Тш'т. Джиллиан сделала жест правой рукой, запрещая всякие действия.

И тут заговорил один из подростков с Джиджо. Маленькая г'кек на колесах, называющая себя Гек, могла все хорошо рассмотреть, потому что использовала все четыре глазных стебелька.

— Угу! — заметила она. — Похоже, наши новые гости тоже начинают сражаться.

Она показала вперед, где было видно, как сближаются вспомогательные корабли обеих групп. Потрескивала едва сдерживаемая энергия. Сканеры показывали, что остальные машины, поменьше, торопливо отступают от места столкновения.

Они используют нас как поле битвы. Могут ли дела идти еще хуже?

Джиллиан знала, что совершает ошибку, так формулируя положение. Не следует искушать Ифни, которая всегда готова предъявить новый поворот судьбы. —

Поблизости свернулась голограмма Нисса. Голос ее звучал негромко и удрученно.

Теперь нас сканируют со стороны самого Фрактального Мира. Те, что контролируют большие дезинтегрирующие лучи, начали поворачивать установки в нашу сторону. И вскоре мы можем

последовать за покойными зангами.

— Они рискуют попасть в жилое сооружение, как раз там, где оно наиболее уязвимо!

Очевидно, кое-кто считает, что стоит рискнуть, чтобы устрашить нас. Или они предпочитают уничтожить то, что не могут удержать.

Джиллиан видела, как действуют эти аннигилирующие лучи. «Стремительный» испарится в несколько секунд.

ЛАРК

Ужасные обстоятельства. Однако для биолога это настоящий рай. Тело Ларка находилось в вонючем пластиковом мешке, но мозг его лихорадочно работал, усваивая полученные уроки, меняя ограниченные взгляды на более широкую панораму жизни.

Он овладевал новой формой коммуникации, получая зрительные образы, усваивая значения и коннотации, которые посылались непосредственно в его систему кровообращения. Учил язык гормонов и влияющих на настроение пептидов. И воздействие было двусторонним. Когда Ларк понимал что-то новое, ему не нужно было говорить или даже кивать головой. Простой акт понимания вызывал соответствующие метаболические изменения, вброс знакомого эндорфина удовлетворения, и учитель-чужак тут же это фиксировал. Аналогично быстрые перемены вызывали также смятение или раздражение. И учитель менял свою систему передаваемых образов, пока Ларк не поймет, что ему показывают.

Необычный пассивный способ активного изучения.

Можно ли это назвать телепатией? — думал Ларк.

Однако этот метод одновременно казался медленным и грубым. Зрительные образы напоминали кукольное представление. От тела инструктора отделялись части и плавали в полости вакуоли, преобразуясь в модели или манекены, которые играли на маленькой сцене. Такие же образы можно было представить гораздо быстрее и ярче на одном их экранов дисплеев, которыми пользовалась Линг на Джиджо и на борту джофурского корабля.

Но независимо от эффективности этого способа Ларк вскоре понял, почему его похитители используют именно его.

Это связано с принципиальным отличием между тем, как водородные и кислородные существа смотрят на мир.

На первый взгляд эти два мира кажутся совершенно непохожими.

Биология обоих миров основана на молекуле углерода, но один использует активный химизм кислородной атмосферы, в то время как жидкая вода служит незаменимым растворителем. Такой способ жизни может существовать только в узких температурных и гравитационных пре-

делах. Обычно он возникает в тонкой оболочке из воды и атмосферы, окружающей землеподобные планеты. Выходя за пределы таких оазисов, кислородная жизнь вынуждена нести с собой в космос такие редкие условия.

Гораздо более распространена суровая среда — среда холодных гигантских планет типа Юпитера, Урана или Титана или даже обширные ледяные царства комет. Некоторые из "таких планет обладают огромным количеством водорода, а на других есть метан, аммиак или циан. Но у большинства из них одна общая черта — обширная плотная атмосфера и турбулентные конвектирующие слои, нечто вроде перекатывающихся слоев солнечной атмосферы. Создающее жизнь тепло обычно приходит *снизу*, от горячего планетарного ядра. Иногда на такой планете вообще нет «твердой» поверхности.

Поэтому большинство водородных существ обитает в просторном бурном небе. Верх и низ становятся огромными, почти неограниченными, сопоставимыми с двумя другими измерениями. И передвижение — не преодоление тяготения на машущих крыльях, а скорее использование восходящих и нисходящих потоков, плавание в таком плотном тумане, где давление такое же,

как на дне земных морей.

В таком царстве есть и свои преимущества. Неторопливо и грациозно перемещаются в поисках органической пищи огромные существа. Захваченный невероятными стремительными вихрями, только гигант может высвободиться и избежать падения в смертоносную глубину. И некоторые водородные существа вырастают такими огромными, что их можно разглядеть из космоса. Они напоминают титанические, обладающие свободным движением облака.

И здесь вступает в действие органическая химия — этот помощник всемогущего Создателя.

Начинает действовать Критик.

Эволюция.

На таких мирах, как и на кислородных типа Земли, начинает действовать логика воспроизводства и преимущества… хотя действует она по-другому.

Кислородная жизнь рассчитана на перенос водой сложных коллоидных молекул протеинов и аминокислот. Но слишком большое количество воды разрежает такие процессы и делает их бесполезными. Даже в теплом море необходима плотная упаковка — клетки — нужного размера для того, чтобы мог действовать механизм жиз-

ни. В течение двух миллиардов лет предельное биологическое достижение на ранней Земле заключалось в распространении в океане одноклеточных организмов, которые впитывали солнечный свет и пожирали друг друга, медленно совершенствуя свою молекулярную технику.

Но однажды одна клетка поглотила другую — и позволила ей продолжать жить. Примитивный одноклеточный организм поглотил сине-зеленую водоросль и в обмен на безопасную жилую площадь стал получать сахар как результат фотосинтеза. И такая кооперация дала необходимое преимущество в соперничестве с другими клетками.

И это был не единственный такой союз. Вскоре клетки объединялись в больших количествах, масса росла, образовывались временные или постоянные союзы, получавшие преимущество перед другими союзами. Возникли сложно устроенные организмы, и эволюция ускорилась.

Некоторые называют это пищевой цепочкой или танцем жизни. Я видел на Джиджо, как он исполняется во многих субокружениях и экосистемах. Растения используют фотосинтез, чтобы запасать пищевую энергию в карбогидратах. Травоядные питаются растениями.

Хищники охотятся на травоядных, завершая цикл и возвращая полученное в почву, когда испражняются или умирают.

Все это кажется хорошо отлаженным механизмом, где каждая часть рассчитана на взаимодействие с другими, но в то же время *имеется множество парадоксов. Все, что вначале кажется кооперацией, основано на соперничестве. И почти каждый акт соперничества происходит в рамках большей и более сильной системы, словно кооперация — ее врожденное свойство.*

Конечно, это сверхупрощенная картина. Иногда равновесие нарушается — какой-нибудь переменой в окружающей среде или когда перестают действовать природные ограничения одного компонента. Подобно раковой опухоли такой компонент побеждает в соперничестве и уничтожает ту самую экосистему, которая дала ему возможность процветать.

Тем не менее схема почти одинакова на миллионах маленьких плодородных планет. Возьмите плотные мешки насыщенной протеином воды. Предоставьте солнечный свет и минералы. Позвольте этим мешкам соперничать в игре жизни и смерти. Со временем начнут возникать все более сложные союзы. Кооперирующиеся группы

создадут органы, тела, стаи, племена, народы, планетарные сообщества… и все это приведет к капризной и раздражительной, но поразительной цивилизации Пяти Галактик.

История жизни, основанной на водороде, похожа, но сюжет принял несколько иной поворот.

На планетах типа Юпитера с самого начала возникли большие размеры. Огромные простейшие существа плавали в небе настолько просторном, что оно могло поглотить несколько сотен Джиджо. Эволюция заставила такие существа совершенствоваться, хотя и медленнее при низких температурах. И перемены не всегда приходили в результате воспроизводства и наследственности. Чаще какая-то часть огромного плывущего по ветру существа случайно натыкалась на новую химическую реакцию или способ поведения. Эта часть начинала расти, поглощая соседние и постепенно преобразуя все существо.

Смерть по-прежнему участвовала в этом процессе, но не так, как это происходило на Земле.

Для нас смерть — это количественное явление. У индивида могут быть потомки и могут не быть. Но и в том и в другом случае личное исчезновение постоянно преследует вас всю жизнь и неизбежно побеждает, как сильно бы вы ни

старались и какие бы новшества ни применяли.

Но для гидрос все явления качественные и неопределенные. Без четких границ смерть становится относительной. Пока преобразования проходят медленно и гладко, вы смотрите на них не с большим страхом, чем я на подстрижку своих волос.

Вместо того чтобы работать с крошечными соперничающими клетками, жизнь на планетах типа Юпитера с самого начала приобрела большие размеры. И не сосредоточилась на кооперации-соперничестве. *Я и другие* — известные здесь концепции, но различие между ними не играет такой центральной роли в существовании, как для кислородных существ.

Но как же вы организуетесь? — думал Ларк, подавляя раздражение. *Как распознаете объекты, цели, противников или идеи?*

Учитель Ларка не мог читать его мысли или воспринимать вопросы как отдельные предложения. Но, очевидно, в крови Ларка выделялся какой-то секрет, когда в его сознании возникал вопрос. Этот процесс медленный и не такой эффективный, как речь, включающий многократные повторы. И ни к чему не приводил.

В вакуоле бились части, отделялись от ро-

дительского тела, пульсировали, пересекая открытое пространство, сливались в нечто большее. Какое-то время Ларк наблюдал за тем, как эти маленькие объекты извиваются, создавая нечто новое ради его просвещения. И вдруг осознал лежащую за всем этим глубокую истину.

Эти крошечные подсущества. Они…

Волна дрожи проникла в его бедро, прошла по ноге в торс. Ощущение было совершенно уникальным, не похожим ни на что другое, и Ларк неожиданно понял, что ему сообщили *название.*

Это название он не мог бы произнести вслух ни на каком языке или даже в мыслях — поэтому он перевел его, как мог.

Представители.

В своем родном окружении водорододышащие существа не ищут в окружении возможности для обучения или завершения. Если одно огромное существо наталкивается на другое, это может привести к схватке — или к мирному взаимодействию, но с очень небольшими шансами на постоянное сотрудничество. Сильные ветры юпитерианского неба очень быстро размечут всякие союзы. И возвращение к месту встречи почти невозможно.

Однако развитие требует перемен. И вот для

бесед, оценки, понимания они обращаются… *внутрь* самих себя.

Окруженная обширными мембранами, сердцевина водородного существа представляет собой оазис спокойствия среди бушующих на планете бурь. Можно создавать отдельные защищенные помещения, и там какое-то время свободно расцветают маленькие подсущества, мириадами способов взаимодействуя друг с другом. Подобно сокровенным мыслям и фантазиям человека, эти представители могут встречаться, сталкиваться, разрабатывать бесчисленные сценарии ради блага целого. \

Модели.

Ларк взглянул на шар, плывущий сразу за его мембранным окружением. Он кажется самостоятельным, но теперь Ларк знал, что он тоже «представитель» чего-то гораздо большего — возможно, того огромного существа-корабля, которое принесло себя в жертву, чтобы под огнем джофуров проникнуть сюда.

Ларк неожиданно вспомнил то, что читал когда-то в одном из редких текстов по галактической ксенологии о водородном типе жизни, который называют зангами.

Их величайшая страсть — моделирование

планеты… вселенной… но не с помощью математики или компьютеров. Они делают это, создавая живые копии, модели, подобия внутри собственных тел.

Каким-то странным образом это показалось знакомым.

Как мы, люди, исследуем возможности будущего с помощью воображения.

Но здесь есть кое-то большее.

Поскольку мы начинаем жизнь как маленькие мешки воды — клетки, мы, кислородники, должны подниматься в сложном танце соперничества и кооперации, создавая коалиции и общества, постепенно становясь существами, способными руководить этим процессом с помощью Возвышения. Несмотря на все свои недостатки, наша охватившая все галактики цивилизация есть кульминация этих усилий.

От многих… к одному.

Гидрос действуют по-другому. Они начинают с больших, но одиноких существ, но одиночество вынуждает их разделиться, искать разнообразия внутри себя. От одного… к многим.

Эта догадка доставила Ларку неожиданное интенсивное удовольствие. Увидеть различия и сходства с совершенно иным порядком жизни

— дар, о получении которого он даже не мечтал. Этот дар превосходит его возможности спросить или предвидеть.

Ему страшно хотелось поделиться своим открытием, рассказать все Линг, услышать ее вдохновляющие замечания…

Неожиданно возникла печаль, равная только что. испытанному удовольствию. Оба чувства смешались, эта смесь полилась в его вены, разносимая бьющимся сердцем. Через мгновение она достигнет ног, и тогда…

Плавающее рядом существо-учитель неожиданно вздрогнуло. Шар задрожал, словно тоже получил порцию химикалиев, выделенных организмом Ларка в эти мгновения прозрения.

Не менее ста крошечных вакуолей открылись в шарообразном теле. И в каждой возник целый рой миниатюрных тварей, они взаимодействовали, смешивались, соединялись и разделялись. Ларк зачарованно смотрел на то, как прямо на его глазах «мыслит» занг. Все это было очень сложно и стремительно.

Смятение кончилось так же быстро и неожиданно, как началось. Все крошечные отверстия закрылись, мини-существа вернулись в главное тело. Учитель Ларка задрожал…

Сам Ларк почувствовал, как новая стимулирующая волна проходит через его ногу, теплое ощущение быстро распространяется по артериям и внутренностям — форма коммуникации такая интимная, что немыслимо никакое смущение.

Одобрение.

По крайней мере именно так Ларк интерпретировал эту молекулярную волну, надеясь, что он не выдумывает.

Одобрение и приветствие.

Одобрение, на которое отвечают взаимностью.

Немного погодя он потерял сознание. Неожиданная сонливость подсказала Ларку, что его хозяева хотят, чтобы он уснул. И он уснул.

Сознание вернулось почти так же быстро. Он понятия не имел, сколько времени прошло, знал только что его переместили.

Он больше не находился в просторном помещении вместе с другими пленниками и видимыми ядовитыми парами. Его прозрачный кокон перенесли в гораздо меньшее помещение. Были и другие перемены.

Окружавшие его мембраны съежились и облепили тело, как мешковатый костюм. Ларк обнаружил, что *стоит.* Возможно, его даже

заставили прийти сюда, двигая его телом, как марионеткой. Мысль показалась неприятной, но свобода потянуться и распрямиться из положения зародыша более чем компенсировала ее.

Он по-прежнему не мог дышать и должен был рассчитывать в обеспечении жизни на катетер в бедре, но окружение выглядело не таким туманным и не было ощущения близкого холода.

Ларк осторожно переступил с ноги на ногу и повернулся.

Поблизости висел один из зангов, хотя сказать, это ли его прежний учитель, было совершенно невозможно. Вероятно, нет. Этот напоминает боевой шар, такой, какой Ларк видел в коридорах «Полкджи», — существо, прорвавшееся сквозь стену, отпугнувшее Ранна и захватившее Ларка в плен. Вблизи можно было рассмотреть приспособления, необходимые водородному существу для защиты в ядовитом кислородном окружении. Блестели толстые защитные слои, и существо сохраняло шарообразную форму, идеальную для максимального сокращения поверхности.

Итак, мы оба заключены в скафандры. Снаряжены для встречи друг с другом на полпути. Только я по-прежнему присоединен пуповиной, и вы, приятели, можете отключить меня, как

лампочку, когда захотите.

Ларк посмотрел за занга и увидел в помещении нечто такое, на что раньше не обратил внимания.

Окно… выходящее наружу!

Стараясь не споткнуться, он направился к окну, чтобы взглянуть на звезды. Это будет первый непосредственный взгляд на звезды с тех пор, как они с Линг оказались на борту джофурского корабля, улетевшего с Джиджо.

Но вместо незнакомых созвездий его взгляд привлекло нечто гораздо более странное — объект, плывущий на темном фоне, похожий на колючий анемон, который можно встретить дома на горном лугу. Только на этот раз создавалось впечатление гигантского размера. Каким-то образом Ларк почувствовал, что этот игольчатый предмет размером с Джиджо… или даже еще больше.

Вскоре он смог разглядеть кое-что еще. Темный объект поврежден. Сквозь рваное отверстие в одном его полушарии вылетает поток искорок.

И «Полкджи» как будто на очень большой скорости направляется к этому отверстию.

Раньше занги, кажется, говорили, что не смогли захватить корабль. Может, им не хватило

ресурсов. По схемам выходило, что джофуры по-прежнему владеют двигателями, оружием и системой жизнеобеспечения.

Возможно, они направляются туда, где смогут получить помощь, чтобы избавиться от заражения зангами… и мной.

Или,, может быть, джофуры считают, что там найдут «добычу», о которой говорил Ранн, — корабль землян, который все ищут.

Ларк повернул голову, чтобы посмотреть на боевой шар. С какой целью его привели сюда? Чтобы показать эту сцену? Может, занги догадались, что Ларк не друг джофуров. И хотят заключить с ним союз? Если так, он с радостью согласится… на одном условии.

Вы должны помочь мне найти и освободить Линг. Дайте нам спасательную шлюпку или какой-нибудь другой способ убраться отсюда — либо назад на Джиджо, либо в другое безопасное место.

Если вы это сделаете, я буду вашей собакой, буду вынюхивать и преследовать своих.

Конечно, Ларк сознательно мыслил иронично. Только сравнительно с водорододышащими он мог назвать «своими» джофуров. Но такая сардоническая мысль, вероятно, слишком тонка для

зангов; вряд ли они могут понять по его крови.

Если мы хотим действовать вместе, нам потребуется гораздо лучший способ коммуникации.

Он смотрел на шар в ожидании какого-нибудь ответа или просто признаков понимания. Но вместо этого шар несколько мгновений спустя словно подпрыгнул в неожиданном возбуждении и удивлении. Волны нервного возбуждения проникли в организм Ларка через катетер.

Что? Что это!

Повернувшись, он увидел причину. И снова посмотрел в окно.

О Ифни…

Боевой корабль уже заметно приблизился к огромному Шероховатому шару, определенно нацеливаясь на отверстие в нем. Ларк заметил, что сооружение полое внутри и в центре его горит красноватый свет. Он понятия не имел, что это означает и что за огонь в середине. Что-то другое привлекло его внимание.

С одной стороны обширной пещеры видны были искры взрывов. Ларк видел, как обломилось несколько гигантских перьев или острых выступов и медленно начало отплывать, одновременно растворяясь. А само отверстие заметно

расширилось.

Разрушение как будто производили острые световые лучи, рождающиеся где-то внутри обширной полости. С десяток таких лучей сосредоточивалось в одном месте у края отверстия, вызывая появление ослепительно яркой точки. Отражения от этой точки вызывали большую часть разрушений поверхности.

Точки метались, иногда уходили от лучей, быстрыми прыжками удаляясь от края отверстия. И когда их нагонял луч, точка вспыхивала так ярко, что Ларку приходилось отводить взгляд.

Что происходит? Что там делается?

Снова он почувствовал, какой он в сущности невежественный дикарь. Мудрость совсем рядом — занг несомненно понимает смысл этого необычного зрелища. Но потребуется несколько мидуров терпеливых кукольных представлений, чтобы объяснить даже простейшие аспекты происходящего.

Пол под ногами Ларка неожиданно задрожал. Хозяева «Полкджи» что-то делали.

Ларк узнал низкий гул орудий.

Вскоре стали видны две группы сверкающих объектов, по дуге уходящих от корабля, с фантастической скоростью летящих к игольчатому

сооружению.

Это снаряды?

Ларк вспомнил, как Община Джиджо захватила врасплох джофуров, напав на их корабль со своими грубыми химическими ракетами. У него было ощущение, что эти огненные стрелы гораздо смертоноснее.

Вначале он подумал, что снаряды присоединятся к охоте на яркие точки. Но они пролетели мимо, направляясь внутрь, к источникам разящих лучей.

По организму Ларка пронесся еще один рой насыщенных смыслами коннотаций. На этот раз ему легко было понять критические замечания занга.

Торопливо.

Неразумно.

Они выдают себя.

Его учителя не одобряют действия джофуров. Но сейчас сделать ничего нельзя. Снаряды уже исчезли в гигантской полости.

Поскольку делать было нечего, Ларк продолжал нервно наблюдать и ждать.

Немного спустя яркие лучи один за другим погасли.

А их цели, продолжая светиться, направились

в открытое пространство, где навстречу им устремился «Полкджи».

ЭВАСКС

Спокойствие, мои кольца!

Прошу вас, воспитывайте спокойные размышления.

Уважайте мудрость нашего капитана-лидера.

Правда, эта возвышенная груда последнее время не в себе. Некоторые из ее колец-компонентов были серьезно ранены, когда вредители-люди проникли в наш контрольный центр и попытались саботировать его работу с помощью примитивной бомбы.

Правда, гораздо более серьезная зараза поразила наш гордый экипаж на нескольких палубах, заставив нас оставить и подвергнуть карантину несколько участков нашего дорогого «Полкджи», подвергшихся заражению зангами.

Правда, наши командные кольца издают странный запах, заставив несколько груд-священников испустить мятежные потоки испарений, распространяя бунтарскую заразу среди экипажа.

Тем не менее будьте уверены, что Я/мы остаюсь верным нашему командиру. Разве эта соединенная груда плохо подогнанных колец не создана в эксперименте, задуманном и осуществленном

по приказу нашего капитана-лидера? И если лидером станет другая груда, новый капитан может приказать быстро разобрать Меня/нас на составные кольца.

Мои кольца, Мне кажется, некоторые из вас недостаточно возмущены и разгневаны такой перспективой.

Поэтому позвольте Мне как вашему любимому мастер-кольцу напомнить вам (с помощью электрических разрядов боли/любви), что джофуры — совсем не такие составные существа, каким был один из вас на дикой Джиджо, когда из вас был составлен мудрец треки Аскс.

Мы/вы/Я сейчас гораздо величественнее.

С тех пор как вмешались великодушные оайлие и вырвали нашу расу из излишней скромности, клан джофуров приобрел огромную силу и известность среди соперничающих кланов цивилизации Пяти Галактик. И это особенно важно в наше время, когда знаки и пророчества указывают на приближающееся Время Перемен. С каждым джадуром становится все яснее, что наша судьба может измениться, отдав в наши руки ключи/намеки/координаты/реликты, которые находятся на корабле дельфинов.

Поэтому Я/мы согласился с решением капита-

на-лидера вмешаться!

Пусть старшая груда-священник болтает о законе и приличиях. Неужели нам нужно отойти в сторону и позволить землянам сгореть? После всего, что мы испытали, после того, как мы проследовали их по небесным просторам в пяти уровнях гиперпространства, теперь, когда добыча/приз перед нами, неужели мы позволим впавшим в панику членам порядка «ушедших в отставку» уничтожить величайшее сокровище в известном космосе?

Конечно, у нас нет законного статуса в Четвертой Галактике. Нет формального права стрелять по фрактальному убежищу, которое сейчас перед нами. Но то, что мы вынуждены действовать, их вина! Наш порядок жизни имеет полное право интересоваться земным кораблем и его содержимым — мы прямые потомки Прародителей, все еще проносящиеся по звездным линиям. «Ушедшие в отставку» должны заниматься своими делами, своими глубокими мыслями и запутанными философскими системами, готовить свою генетическую линию к трансцендентности и не вмешиваться в дела, которые их больше не касаются!

Один за другим наши сверхсветовые снаряды

достигают цели — внутренней оболочки сооружения... и один за другим гаснут и выходят из строя дезинтеграторы.

Смотрите! Последний из них потемнел, и теперь земной корабль перед нами, он в нашей власти.

Успех!

Земляне встревоженно бегут к пункту перехода, надеясь уйти к какому-нибудь неведомому убежищу. Но их надежды тщетны.

Мы здесь, и у нас хорошая позиция, чтобы обрушиться на них.

[3]

Этот вопрос задает наше второе кольцо сознания, испуская пары любопытства.

[4]

Те же самые вопросы приглушенно задают груды колец, ответственные за тактическую оценку. По бокам порождающих свет колец пробегают пастельные тона тревоги и озабоченности, а над контрольным центром поднимаются Испарения

---

[3] notes: 3

Но как это возможно?

[4] notes: 4

Поистине мы рады, что земляне пережили эти ужасные разрушительные лучи. Но как это им удалось? Разве не должны они были испариться в первые же мгновения, когда попали под Удар этих прожорливых лучей?

беспокойства. Кольца специалистов разогреваются, взаимодействуя с компьютерами, стремясь разрешить эту загадку.

Как землянам удалось выжить в таком страшном нападении?

Неужели это еще один вероломный трюк коварных волчат?

Может быть, они все еще находятся под защитой этих надоедливых зангов, которые нарушают фундаментальное правило: каждый порядок жизни должен заниматься своими делами?

Неужели водорододышащие рискуют армагеддоном из-за проблем, которые им безразличны и которых они не понимают?

Теперь старшая груда-священник открыто бросает вызов капитану-лидеру.

Пройдя вперед на своем нижнем кольце для ходьбы, эта возвышенная/священная груда бросает праведные обвинения.

ЭТО НЕВЫНОСИМО! ПОСЛАВ СНАРЯДЫ, ВЫ/МЫ ОПРЕДЕЛЕННО ПОГАСИЛИ ВСЯКУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ, КАКАЯ МОГЛА СУЩЕСТВОВАТЬ У ЭТОЙ КОЛОНИИ «УШЕДШИХ В ОТСТАВКУ» К НАШЕЙ РАСЕ, КЛАНУ, СОЮЗУ!

Капитан-лидер, возможно, чувствуя опасность ситуации, отвечает спокойно, испуская пары

уверенности.

Последствий будет немного.

Мы не нарушили закон, потому что эта посылка лучей была явным беззаконием согласно их собственному кодексу.

Мы действовали, защищая сокровище, которое необходимо всей кислорододышащей цивилизации.

Многие груды-члены экипажа испускают пары согласия. Но груда-священник не поддается уговорам.

НЕМНОГО ПОСЛЕДСТВИЙ? В ЭТОТ МОМЕНТ ВЗРЫВЫ ПРОДОЛЖАЮТ СОТРЯСАТЬ ИХ ЖИЛИЩЕ — ТАМ, КУДА ПАДАЮТ НАШИ СНАРЯДЫ! ОГРОМНОЕ СООРУЖЕНИЕ В ОПАСНОСТИ!

Невозможно отрицать, что это серьезный вопрос. Результатом могут быть судебные иски, которые будут разбираться в судах тысячи или даже миллионы лет. Тем не менее наш прославленный командир продолжает испускать пары уверенности.

Само присутствие болезнетворных землян уже разорвало социальную и физическую ткань обиталища. Всем обратить внимание. Наша корабельная Библиотека сообщает о сокращении населения этого убежища. Очень многие его оби-

татели уже покинули жилище.

Одни бежали в другие жилища «ушедших в отставку», подальше от опасного района, где проносятся волны страсти молодых рас.

Другие решили отказаться от своей отставки! И в данный момент присоединяются к нашему порядку жизни, ищут контактов со своими прежними клиентами, снова активно действуют в цивилизации Пяти Галактик.

Третья группа беженцев тоже переместилась. Они, опережая график, нацеливаются на достижение трансцендентности.

Почтительная тишина встретила новости, которые сообщил командир. И в этой груде среди наших/Моих объединившихся колец на короткое мгновение возникает единодушие. От мастер-кольца до самого скромного напоминания о прежнем Асксе все согласны в одном: Мне/нам/вам повезло, что мы живем в такое время. Принимаем участие в таких чудесах. Видим/наблюдаем/знаем события, которые в будущих эрах превратятся в легенду.

Наш капитан-лидер продолжает.

Поэтому, подобно пустой скорлупе яйца без зародыша, это обиталище совсем не так важно, как кажется. Всего лишь несколько триллио-

нов обитает в этом разрушающемся жилище. Не будем больше думать о его судьбе. И если от нас потребуют репараций, мы легко выплатим их из награды, которую получим, когда земной корабль будет в нашей власти, запечатанный джофурским воском!

Сторонники капитана-лидера громко и одобрительно кричат, испуская радостные пары. Однако Мой/наш вклад в это достижение кажется слабым, а радостным возгласам недостает энтузиазма. Некоторые из вас, кольца, сохранили слабость треки и с отчаянием думают о несчастьях этих «всего лишь нескольких триллионов».

Груда-священник безжалостно продолжает свои обвинения.

КАКАЯ ГЛУПОСТЬ! РАЗВЕ ВЫ ЗАБЫЛИ НАШИ СОБСТВЕННЫЕ ТРУДНОСТИ? МЫ НАДЕЯЛИСЬ/ОЖИДАЛИ НАЙТИ ЗДЕСЬ ПОМОЩЬ В ИЗБАВЛЕНИИ ДОРОГОГО «ПОЛКДЖИ» ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПЛЮС ЗАНГСКОЙ ЗАРАЗЫ. КАК МЫ ТЕПЕРЬ ПОЛУЧИМ ЭТУ ПОМОЩЬ И ПО КАКОЙ ЦЕНЕ?

Наш капитан-лидер свистит, выше поднимаясь на командирском помосте, явно теряя терпение и сдержанность. Подчиненные в страхе пятятся.

Ситуация под контролем. Занги изолированы. И пока карантин соблюдается, самое главное

— захватить земной корабль!

На других это может произвести впечатление, но крики и физические жесты не могут устрашить груду-священника. Напротив, почтенная груда колец приближается.

А КАК ЖЕ СВЯЗЬ? МЫ ПЛАНИРОВАЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕСТНЫЕ ГИПЕРПОЧТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, ЧТОБЫ СВЯЗАТЬСЯ С НАШИМ КЛАНОМ/СОЮЗОМ.

ТЕПЕРЬ ЭТИ ВОЗМОЖНОСТИ УНИЧТОЖЕНЫ. КАК МЫ СООБЩИМ ВЫШЕСТОЯЩИМ О НАШИХ ОТКРЫТИЯХ/ВОЗМОЖНОСТЯХ НА ДЖИДЖО? КАК МЫ ПОЛУЧИМ ПОМОЩЬ В ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЭТИХ ЗЕМЛЯН?

Подчиненные в страхе разбегаются от этого столкновения высоких благородных груд, которые теперь так близко, что могут прижаться великолепными жирными кольцами. Вокруг них вьются, переплетаясь, плотные подавляющие пары, устрашающие каждого меньшего джофура, которому не повезет попасть в сферу их действия. Вытягиваясь вверх, каждый великий деятель пытается устрашить другого.

Со своей удобной точки зрения, справа и немного сзади, Я/мы вижу, как боковой рукой-придатком капитан-лидер извлекает оружие. По

нашему жирному сердечнику пробегает дрожь ужаса.

МОИ КОЛЬЦА, НЕУЖЕЛИ ОН ВЫСТРЕЛИТ?

Неожиданно возвышенное столкновение прерывается. В разъедающем запахе, словно ледяной ветер, проносятся слова-глифы главного офицера-тактика, напоминающие нам о нашей цели.

— Земной корабль в пределах досягаемости! Скоро он пройдет мимо нас на пути к пункту перехода. Максимально благоприятная возможность перехвата через девяносто

ДУРОВ.

Подобно двум враждебным вулканам, решившим не извергаться — пока, наши великие повелители пятятся друг от друга. Их груды оседают и перестают испускать едкие пары.

Не все обязательно нужно формулировать в словах. Если мы сейчас достигнем успеха, ни в какой награде не будет отказано кораблю и его руководителям. И все проступки будут прощены.

Сканеры свидетельствуют, что ближайшее пространство заполнено обломками катастрофы. Видно также бесчисленное количество кораблей, покидающих терпящее бедствие жилище и устремляющихся к ближайшему пункту перехода.

Мы осторожно проверяем эти корабли на возможность опасности, ибо боевые суда других существ могут вмешаться, как помешали нам занги в последний раз, когда казалось, что земляне уже у нас в руках. Каждый корабль осматривается, но среди них нет таких, которые были бы достаточно близки или относились к классу, способному нам угрожать.

И волчата не пытаются скрыться среди этих кораблей, используя их как маскировку. В отличие от Джиджо здесь эта хитрость не сработает, поскольку мы держим их в поле своего зрения с тех пор, как прекратили действовать лучи Дезинтеграторов. И они, по-видимому, это понимают, потому что их единственная цель — скорость. Пытаются перегнать нас. Найти спасение в узловатых мировых линиях пункта перехода.

Но чтобы добраться туда, они должны миновать нас. С точки зрения логики, у них ничего не должно получиться.

И однако (как не устает напоминать наше/Мое второе кольцо сознания) в течение трех лет волчата и их клиенты оказывались неуловимыми. Всегда готовые выкинуть очередной трюк, достойный тимбрими, они разрушили замыслы всех великих союзов. И теперь до нас доходят

слухи, что тут и там, по всем Пяти Галактикам, начали действовать медлительные умеренные. И если это правда и если землянам удастся еще какое-то время уходить от нас, невозможно сказать, на что решатся парги и другие осторожные домоседы!

Да, Мои кольца. Ваш воск переполнен тревогой. И все же разве не будет слава нашего «Полкджи» ослепительней, когда мы, джофуры, добьемся успеха там, где другие потерпели поражение?

«Полкджи» направляет ультиматум, такой же, как тот, что отвергли земляне, когда мы своими лучами и бомбами преследовали их под океанскими водами Джиджо.

Сдавайтесь и отдайте все свои сокровища. В обмен наш могучий союз защитит Землю. Дельфиний экипаж, разумеется, будет интернирован. Но только на тысячу лет в замороженном сне. Затем, по истечении этого срока, дельфины будут отпущены в новую, преобразованную цивилизацию Пяти Галактик.

И снова вместо ответа мы слышим дерзкое молчание.

— Динамика земного корабля неудовлетворительна! — восклицает груда — наш офицер-тактик. — Корпус по-прежнему отягощен массой,

полученной во время многократных прохождений через атмосферу красного гиганта.

«Полкджи» тоже проходил через эту вредную атмосферу. Но земной клан может позволить себе только корабли меньших моделей, тогда как наш прекрасный корабль относится к высшему классу и окружен защитным полем, отбрасывающим нежелательные атомы.

[5]

[6]

Тише, Мои кольца!

Я послал убеждающие электрические разряды по щупальцам контроля, напомнив нашему второму кольцу сознания, чтобы оно занималось своими делами.

Хоть он и отягощен, преследуемый корабль летит быстро и хорошо пилотируется. Наш первый предупреждающий выстрел проходит слишком далеко и серьезно не воспринимается.

Тем временем груды-тактики спорят, как земной корабль вообще мог уцелеть.

Одна группа настаивает на том, что катастрофа, которую мы видели — лучи огромных, с планету

---

[5] notes: 5
Правда?

[6] notes: 6
Тогда почему занги смогли проникнуть на наш корабль?

размером, дезинтеграторов, сосредоточенные на крошечном корабле, — была обманом. Всего лишь световым представлением, которое должно было убедить нас, что корабль землян обречен. Преследователи отказались бы от своих намерений, а земляне тем временем спокойно улетели бы. Это поразительное предположение теперь разделяет большинство офицеров-тактиков «Полкджи», хотя делает нашу ракетную атаку глупой.

За нами огромное обиталище по-прежнему вздрагивает от этих ударов и других ран.

Это объяснение кажется правдоподобным, поскольку корабль дельфинов уцелел. Но меньшинство высказывается за необходимость осторожности. Возможно, мы были свидетелями чего-то реального. Чего-то подлинного. События, достойного внимания и тревоги.

Наш второй предупредительный выстрел точнее. Он проходит всего лишь на расстоянии в половину длины корпуса от носа добычи.

Наблюдается тревожное отличие.

Это провозглашает дежурная груда у детекторов, наблюдающих за состоянием противника.

Цель необычно резонирует. Профиль ее гиперскорости не такой, как был раньше, вблизи

красного гиганта. И нет обычного отражения от корпуса.

По приказу нашего капитана-лидера проводится глубокое сканирование, подтверждающее, что корабль того же типа и модели. Излучение двигателя идентичное. Пси-детекторы улавливают слабую течь из-за защитных экранов и сообщают об отчетливом следе землян.

Затем при максимальном увеличении мы/Я наконец видим…

Мои кольца, как он сверкает!

Он больше не черный, покрытый сажей, теперь корпус блестит так, словно только что сошел со стапелей.

Он кажется еще более совершенным, потому что отражения звезд от корпуса становятся ярче оригиналов.

Что это может означать?

Груда-старший священник негодующе кипит.

ПОСЛЕ ВСЕГО, ЧЕРЕЗ ЧТО МЫ ПРОШЛИ И ЧТО ВИДЕЛИ, ТОЛЬКО ПОЛНЫЙ ИДИОТ НЕ ОЖИДАЛ БЫ НОВЫХ ТРЮКОВ/ХИТРОСТЕЙ/ЧУДЕС.

ТОЛЬКО НЕЗАКОННОРОЖДЕННАЯ, НЕСФОРМИРОВАВШАЯСЯ ГРУДА НЕ ОБРАТИЛАСЬ БЫ ЗА ПОМОЩЬЮ.

Наш капитан-лидер вздрагивает и осторожно оседает на командирский помост. Из его вершины вырываются струи тревожных испарений.

Наконец, собрав все упорство своих соединенных колец, величественная груда приказывает нанести удар мощностью в одну десятую максимальной, чтобы лишить корабль землян подвижности.

Напевая тщательно отлаженную боевую песню, «Полкджи» направляет лучи страшной силы, нацеленные на уничтожение трех выступов вероятности нашей добычи. Огромная энергия пересекает расстояние между кораблями и наносит удар…

Не задавайте вопросов, Мои кольца. Просто делайте то, что я скажу.

Медленно, незаметно продвигайтесь к выходу.

Вот так. Двигайтесь неслышно, без единого звука. Не бросайте светов/теней. Не испускайте тревожных испарений.

Теперь, когда экипаж отвлечен зрелищем драмы/трагедии, молча уйдем, как скромный треки, каким вы когда-то были.

Отвечая на наш запах-пароль, бронированный люк откатывается в сторону, открывая выход из контрольной рубки. Бросив назад взгляд, мы ви-

дим, как толпа джофуров неуверенно топчется в густом тумане своих токсинов тревоги и страха.

Самые сильные испарения исходят от лужи расплавленного воска и жира — останков нашего прежнего капитана-лидера.

У груды-священника тоже, конечно, не было выхода. Когда наш энергетический луч потерпел неудачу… когда его энергия исчезла, каким-то образом поглощенная блестящей новой оболочкой земного корабля… смена руководства корабля стала неизбежной.

Такой же неизбежной, как распространение пространственной метрики в расширяющейся вселенной.

Конечно, погоня не прекратилась. Наша позиция предпочтительней. Корабль землян не может избежать нас, и мы способны проследить за ним, куда бы он ни направился. А тем временем на борту «Полкджи» имеется богатейшая ветвь галактической Библиотеки. В ее обширной памяти мы будем искать и, несомненно, найдем трюк, который они использовали, и средство, которое поможет нам нейтрализовать его.

Увы, Мои кольца, это не принесет ничего хорошего этой незаконнорожденной груде со слабо подогнанными кольцами.

И пока «Полкджи» на автопилоте продолжает следовать за земным кораблем, происходит перегруппировка и перераспределение власти, устраняются и понижаются те груды, которые имели неосторожность сохранить верность нашему прежнему командиру. Некоторые отделаются понижением в должности и перемещением. У других заменят мастер-кольцо.

Но все это не для бедного Эваксса: ведь вы/мы были вдохновенным изобретением старого капитана-лидера. В лучшем случае наши кольца будут использоваться как замена у солдат, раненных в схватке с зангами. В худшем мы будем мульчированы.

И теперь Я благодарен дикому умению скрываться, которые вы приобрели как сунеры/варвары/треки. Ваши движения удивительно незаметны, Мои кольца. Вы, несомненно, лучше джофуров умеете прятаться.

Люк гладко встает на место, а мы поищем какое-нибудь спокойное убежище, где сможем погладить воск… поразмышлять о своем выживании.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

«Со временем к такому привыкаешь».

Эти слова Джиллиан Баскин все еще отдаются в пустотах моих позвонков, когда я торопливо записываю последние впечатления от пребывания во Фрактальном Мире.

Мне лучше поторопиться. Я уже чувствую, как усиливается напряжение моих хунских нервов по мере того, как «Стремительный» движется по нитеподобным «границам царств», которые сворачиваются внутри пункта перехода. Скоро этот странный способ передвижения приведет меня в такое состояние, что я не смогу работать. Поэтому позвольте кратко познакомить вас с теми ужасными происшествиями, свидетелем которых я был.

Самым странным был голос доктора Баскин, полный такой покорности, словно она простая джиджоанка, а не звездная богиня. Словно один из наших мудрецов читает священные свитки — то место, где предсказываются неизбежные страдания. Каким-то образом в ее словах невозможное становится ужасающе вероятным.

«Со временем к такому привыкаешь».

Но пока вокруг меня смыкаются переходные поля, а мурашки расходятся вверх и вниз по коже, я могу только надеяться, что это больше никогда не повторится.

Она сказала это меньше мидура назад, глядя на результат наших усилий.

На достижение, которого никто из нас не искал.

На катастрофу, которая разразилась просто потому, что мы оказались здесь.

На самом деле те, кто толпился в ситуационной комнате, видели два изображения Фрактального Мира, отраженных на гигантских экранах, изображения совершенно различные и в то же время оба истинные.

С точки зрения дикаря с Джиджо, чье представление о космических полетах сложилось при чтении земных книг двадцать второго века, написанных еще до контакта, все происходящее было очень странным и вызывающим смятение. Например, во многих таких книгах утверждалось, что полет быстрее света невозможен. А в других фантастических космических операх существование ПБС принималось как нечто само собой разумеющееся. В любом случае эта концепция была легко понятна. Такое происходит,

когда происходит. Каждая причина вызывает следствия. Каждое следствие имеет свою причину, вот и все.

Но на экране слева от меня события происходили в обратном временном порядке!

Мой автописец объяснил мне это, и, надеюсь, я его правильно понял. Похоже, что каждую микросекунду, как «Стремительный» возвращается в нормальное пространство с уровня Ц, фотоны попадают в корабельный телескоп, направленный назад, создавая изображение огромной «структуры Крисвелла», которое по мере нашего удаления становится все меньше и тусклее. Изображение также становится *старше,* поскольку мы перегоняем предыдущие световые волны. Согласно искаженной логике Эйнштейна, мы движемся назад во времени.

Я зачарованно смотрел, как гигантское обиталище на глазах становится все более целым. Поврежденные зоны восстанавливались. Страшные раны исчезали, отверстия сливались. И бесчисленные искорки свидетельствовали о кораблях, очевидно, возвращающихся домой.

Зрелище по-разному подействовало на моих друзей.

Гек вслух рассмеялась. Ур-ронн печально

фыркнула, а Клешня продолжал повторять: «Здорово-рово-рово!»

Я не мог винить их за эту реакцию. Такая последовательность была одновременно печальной и нелепой.

Справа Сара и Джиллиан смотрели на другое изображение, создаваемое гиперволнами всякий раз, как мы перескакивали на уровень Ц. Здесь у меня создавалось впечатление причудливой одновременности. Экран как будто рассказывал о том, что происходит с Фрактальным Миром прямо сейчас. Время передвинулось вперед, показывая последствия нашего насильственного бегства.

Последствия исходят от каждой причины.

Конечно, на самом деле все гораздо сложнее. Например, изображение все время менялось, словно версии какого-то рассказа, автор которого еще не решил, что именно изложить на бумаге.

Сара объяснила мне это так:

— Протоны передают медлительную правду, Олвин, в то время как гиперволны несут с собой *вероятности.*

Так что изображение представляло наиболее вероятный сценарий того, что происходит за нами. И каким бы малым ни был шанс, все равно

он существовал — шанс, что все это неправда. Возможно, все происходит не так.

Клянусь Богом, Ифни и Яйцом, я буду молиться за этот ничтожный шанс.

То, что мы видели сквозь дергающиеся статические разряды, было повестью о грандиозном разрушении.

Теперь уже не одна трещина проходила через громадную сферу. Хрупкая кожура шелушилась и отходила уже в районе нескольких ран. Новые трещины расширялись, ветвились прямо у нас на глазах, и из каждой струилось красноватое солнечное сияние цвета урской крови.

Сотни торчащих наружу спиц уже откололись, летели в пространстве, вращаясь, и с каждым мгновением отламывались все новые. Могу только догадываться, насколько хуже дела обстояли внутри оболочки. Теперь уже были сломаны миллионы окон размером с Джиджо, выставляя на космический вакуум леса, степи и океаны.

Сцена, переданная гиперволнами, менялась рывками, иногда словно возвращаясь к прошлому, иногда забегая вперед. От одного мгновения к другому отдельные разрушения оказывались на новом месте. Ни одна особенность не казалась постоянной или прочно детерминированной. Но

тенденция оставалась той же.

Я чувствовал, как мне в спину впиваются мелкие когти: это Хуфу и титлал, Грязнолапый, взобрались на противоположные плечи, терлись об меня и просили поворчать, чтобы улучшить им настроение. Может быть, шок заставил меня ответить нашей семейной версией Плача по Неотмеченному Уходу — это ворчание настолько древнее, что, вероятно, восходит ко временам до Возвышения, когда наше сознание не могло представить себе полный потенциал отчаяния.

Услышав этот низкий звук, доктор Баскин повернулась и посмотрела на мой вибрирующий горловой мешок. Мне говорили, что звездные люди не очень любят хунов, но Сара Кулхан что-то шепнула ей на ухо, и Джиллиан одобрительно кивнула.

Очевидно, поняла.

Несколько мидуров спустя, когда я уже кончил, в пространстве поблизости повисла вращающаяся голограмма Нисса.

Каа докладывает, что мы в десяти минутах от входа в п-пункт.

Доктор Баскин кивнула:

— Есть ли какие-нибудь изменения в нашем антураже?

Ее цифровой помощник как будто небрежно изогнулся.

Нас сопровождает множество кораблей, ответил механический голос. *Некоторые из них роботы, в большинстве кислорододышащие существа. На этих кораблях эмблемы-пропуска порядка «ушедших в отставку».*

Конечно, все они держатся на безопасном удалении от корабля джофуров.

Нисс немного помолчал, прежде чем продолжить:

Вы абсолютно уверены, что хотите проложить курс на Танит?

Рослая женщина пожала плечами.

— Я по-прежнему готова выслушать любое предложение. Кажется, мы испробовали все, включая попытку спрятаться в самом заброшенном уголке вселенной… без обид, Олвин.

— Я не обижаюсь, — ответил я, потому что ее характеристика Джиджо, несомненно, справедлива. — А что такое Танит?

Ответила машина Нисс:

Это планета, где расположено секторное управление Института Библиотеки. Самое близкое к Земле. Именно туда капитан Крайдайки в первую очередь отправил бы наши открытия,

если бы не погиб в результате насилия и предательства. Не имея другого выбора, доктор Баскин полагает, что мы должны вернуться к этому первоначальному плану.

— Но разве вы не пытались передать сведения Институтам? В том месте, которое называется Ваккой…

Оаккой. Действительно, два года нам пришлось уходить от преследования боевых флотов, чтобы осуществить эту попытку. Но безумие, охватившее нашу цивилизацию, проникло и туда. Монахи этого бюрократического братства, поклявшиеся быть верными своему ордену, нарушили клятву оставаться нейтральными и вернулись к прежней верности. Под влиянием старых обид — а отчасти, может быть, и огромного вознаграждения, которое предлагают за поимку «Стремительного» соперничающие кланы — они попытались схватить наш корабль и передать его своим родичам по крови и клану.

— Значит, Институтам тоже нельзя доверять. А в чем тогда разница в этот раз?

Доктор Баскин указала на меньший экран:

— Вот в чем, Олвин.

На экране было изображение боевого корабля джофуров, отныне центрального факта нашей

жизни. Огромный приплюснутый корабль цеплялся к нам, как дурной запах, всюду преследуя после первой неудачной попытки захватить «Стремительный». Даже с Каа за рулем экипаж считает невозможным уйти от него. Легче стряхнуть свою тень в солнечный день.

— Полученные нами приказы ясны. Ни при каких условиях нашу информацию не должна получить одна из фракций.

Поэтому мы направляемся в один из самых известных портов Второй Галактики?

В голосе Нисса слышалось сомнение. Но доктор Баскин никак не прореагировала на этот тон.

— Разве это не лучший для нас шанс? Направиться в такое место, где всегда большое движение и много кораблей, достаточно сильных, чтобы противостоять этому крейсеру? К тому же существует вероятность, что Оакка все-таки исключение. Отклонение. Может, чиновники на Танит не забыли свои клятвы.

Нисс невежливым звуком выразил сомнение.

Очень малая вероятность. Возможно, неожиданность заставит наконец действовать застывшее осторожное большинство галактических кланов, которые до сих пор были охвачены нерешительностью.

— Об этом мы мечтаем все время. И такое может случиться, если у синтианцев, парги и их союзников в этом районе окажется достаточно кораблей. Разве они не вмешаются, чтобы поддержать традиции и закон?

Оптимизм относится к числу ваших самых привлекательных свойств, доктор Баскин: только представить себе, что умеренные могут склониться к быстрому решению, которое может подвергнуть их смертельной опасности. Но теперь все видят, что Время Перемен близко. И раздумывают о выживании расы. Поддержание справедливости ради каких-то волчат будет не на первом месте в их приоритетах.

Гораздо вероятнее, что ваше внезапное появление спровоцирует всеобщее сражение за Танит, по сравнению с которым Китруп покажется небольшой стычкой. Полагаю, вы сознаете, что армады, осаждающие Землю, находятся всего в двух прыжках от Танит? И меньше чем через стандартный день они соберутся…

— Отказавшись от осады Земли? Ради этого стоит попытаться.

Вращающиеся линии голограммы напряглись и сжались.

Мы отклоняемся от главной проблемы, доктор

Баскин. Сомнительно, чтобы мы достигли цели. Джофуры нам этого не позволят. Можете быть уверены в этом.

Впервые за все время заговорила Сара Кулхан:

— А они могут нас остановить? Один раз попробовали, и не получилось.

Увы, мудрец Кулхан, наша временная неуязвимость долго не продлится. Джофуры были захвачены врасплох, и сейчас они, несомненно, сканируют корабельную базу данных в поисках уязвимых мест нашей удивительной брони.

Они имеют в виду поразительный новый покров, который теперь окутал весь корпус «Стремительного». Как невежественный джиджоанец, я не понимал, что делает эту оболочку такой необыкновенной, хотя отчетливо помню, как вокруг нас сомкнулся рой машинных существ — темные фигуры загадочно спорили о нашей судьбе, не побеспокоившись спросить согласия у каких-то волчат и сунеров.

Последними спорщиками оказались две группы восстановительных роботов: одна на корме снимала с поверхности корабля сырье — углеродную оболочку, а другая на носу превращала эту самую оболочку в слой, сверкающий, как стеклянный Спектральный Поток.

Между группами словно мелькали молнии. *Импульсы мемоприказаний,* распознал Нисс, посоветовав не смотреть на них, чтобы они каким-то образом не подействовали на наш мозг. Через несколько мидуров спор прекратился, причем ни одна из машин не казалась поврежденной. Но одна группа, должно быть, «передумала».

Неожиданно обе группы объединились и снова принялись за работу, завершив преобразование «Стремительного» вовремя, незадолго до того, как по нему ударил дезинегрирующий луч.

— А разве обязательно должно быть уязвимое место? — спросила доктор Баскин. — Сейчас мы неуязвимы, по крайней мере для лучей на дальнем расстоянии.

Она говорила уверенно, но я помню, как поражены были Джиллиан, Сара, Тш'т и все остальные, что пережили нападение. Только калека инженер Эмерсон д'Аните что-то хмыкнул и кивнул, как будто ожидал чего-то в этом роде.

Абсолютной защиты не бывает, возразил Нисс. *Все существующие разновидности оружия давно занесены в архивы Великой Библиотеки. Если какая-то техника кажется удивительной или чудесной, вполне вероятно, что от нее отказались давным-давно по какой-нибудь веской причине. И*

как только джофуры найдут эту причину, наш новый щит из преимущества сразу превратится в недостаток.

Людям и дельфинам это рассуждение явно не понравилось. Не могу сказать, что и я ему обрадовался. Но как можно против него возражать? Даже мы, сунеры, знаем одно из основных правил жизни в Пяти Галактиках…

Если чего-то нет в Великой Библиотеке, значит, это невозможно.

Тем не менее никогда не забуду этого мгновения, сразу после того как большие роботы-строители закончили работу и отлетели, оставив наш избитый корабль сверкать в пространстве, словно бриллиант.

«Стремительный» продолжал уходить через отверстие в оболочке Фрактального Мира, и вдруг в него одновременно с нескольких направлений словно вонзились огромные разрушительные копья! Прогремел сигнал тревоги, каждый луч как будто наносил по кораблю удар страшной силы.

Но мы не сгорели. Напротив, нас окутал необычный звук, словно ворчание какого-то глубоководного гиганта. Гек втянула все глазные стебельки. Клешня подобрал все пять ног, а Урронн свернула длинную шею, испустив низкий

урский вопль.

Все приборы сошли с ума… и все же мы не сгорели!

Вскоре большинство согласилось с первоначальным предположением Ханнеса Суэсси, который объявил, что лучи дезинтегратора, должно быть, были поддельными.

Просто наглядная демонстрация. Они должны были отпугнуть наших врагов и дать нам возможность уйти. Никакой другой ответ, казалось, не объясняет, почему мы уцелели.

Но лишь до того момента, когда по нашему кораблю ударили джофуры и их уничтожающие лучи тоже исчезли с тем же загадочным стоном.

И тогда мы поняли.

Кто-то оказал нам услугу… а мы даже не знаем, кого благодарить. Или это благодеяние скрывает новые несчастья, которые еще впереди?

В интеркоме послышался голос:

Вход в пункт перехода… через тридцать секунд.

Все в ситуацинной комнате повернулись к переднему экрану, на котором видна была путаница тьмы — первая в последовательности, которая унесет нас в отдаленные царства за пределами Четвертой Галактики. Об этих местах я и мои

друзья слышали только в легендах и сказаниях о звездных богах. Но мое хунское пищеварение уже готовилось к будущей тошноте. Помню, я думал о том, насколько лучше мне было бы на борту отцовского мусорного корабля. Я натягивал бы снасти и ворчал вместе со счастливым экипажем, а теплый ветер Джиджо гладил бы мне лицо и бросал на паруса соленую пену.

Повернувшись к гиперволновому дисплею, я обнаружил еще одного больше интересующегося нашим прошлым, чем будущим. Эмерсон, наш калека-инженер, с реуком на глазах, приветствовал меня кривой улыбкой. Я ответил хлопаньем горлового мешка.

Расплывчатое и дрожащее, изображение Фрактального Мира сверкало, как яйцо размером с солнечную систему, словно собираясь породить нечто молодое, горячее и свирепое. Сквозь' щели и трещины пробивался красный солнечный свет, а искры свидетельствовали о мощнейших взрывах, сотрясавших все гигантское сооружение, вызывая новые трещины.

Эмерсон вздохнул и поразил меня единственной фразой на англике, выразившей невероятную мысль.

— Что ж… легко пришли… легко уходим.

Двигатели корабля загудели, встречаясь с напряжением перехода, и Грязнолапый впился когтями мне в плечо. Но наше внимание оставалось прикованным к несчастному Фрактальному Миру.

Шар неожиданно раскололся сразу по всем трещинам, превратившись в мириады гигантских изогнутых обломков. Некоторые из этих обломков устремились в черное пространство, другие полетели навстречу огненному соединению.

Освобожденная после полумиллиарда лет покорного служения, маленькая звезда возбужденно вспыхнула, как будто празднуя возвращение каждого обломка — своего собственного вещества, возвращающегося домой.

И, снова свободная, она выбрасывала в небо огни.

Мой горловой мешок заполнился, и я начал ворчать надгробную песнь… хунский реквием по утонувшим в море, чей позвоночник никогда не будет найден.

Меня преследовали слова доктора Баскин:

«Со временем к такому привыкаешь».

Я по-человечески покачал головой.

Привыкаешь к такому?

Ифни, через что прошли земляне, если подоб-

ное кажется им повседневной работой?

И только подумать: я когда-то с тоской смотрел на звезды и мечтал о приключениях!

Впервые я по-настоящему понял один из важнейших уроков древнейших свитков Джиджо.

Самое сложное в этой вселенной — выжить.

Часть третья
Великий Сортировщик

Всем нашим клиентам в Пяти Галактиках/

Са'ентский букмекерский синдикат временно прекращает принимать ставки относительно осады Земли. Хотя мы по-прежнему предсказываем неизбежное поражение объединенных сил, защищающих родину волчат, условия стали настолько непостоянными, что наши предсказывающие машины не в состоянии вычислить разумные соотношения.

Для тех, кто уже сделал ставки, условия не изменяются: двадцать к одному за завоевание планеты в пределах одного оборота вокруг Солнца (три четверти танитского года); четырнадцать к одному за капитуляцию в течение четверти орбиты; пять к двум в пользу «достойной сожаления случайности», которая сделает экосистему нестабильной и приведет к исчезновению всей расы волчат; семь к одному в пользу того, что люди и их клиенты будут насильственно приняты в служение одним из больших кланов, в настоящее время осаждающих планету, таких,

как танду, кленнат или джуру.

Вопреки этим обманчиво постоянным ставкам, несколько беременных факторов уже сообщили событиям высокий уровень неопределенности.

1) Большие кланы, продолжающие осаду, подвержены предательствам и образованию новых коалиций. Их объединенные силы давно уже победили бы землян и их союзников тимбрими и теннанинцев, если бы сумели договориться о разделе полученной добычи. Но, напротив, среди осаждающих все время возникают непредсказуемые стычки (иногда вызванные хитрыми маневрами землян), которые замедляют приближение к Земле и делают предсказания более трудными, чем обычно.

2) Политический хаос в Пяти Галактиках распространяется с необычной скоростью. Например, давно откладываемый съезд Коалиции Умеренных Рас наконец собирается с сокращенной повесткой дня — как справиться с неограниченными амбициями наиболее фанатичных галактических союзов. Покончив с предварительными формальностями, Коалиция может в течение года выпустить через Институт Войны официальное предупреждение! И в течение года

после этого может быть создан объединенный флот Коалиции.

Вдобавок к Коалиции организуется несколько других союзов «умеренных». И организуется в такой спешке (даже дипломатия соро на этот раз не в состоянии помешать), что демонстрирует беспрецедентную быстроту умеренной части общества кислорододышащих.

Естественно, это произойдет слишком поздно, чтобы спасти Землю, но может привести к спасению нескольких разбросанных человеческих поселений.

3) В течение танитского года нет никаких сообщений о знаменитом дельфиньем корабле. Если вопреки всякой вероятности беглецам удастся благополучно передать свое сокровище в какое-нибудь нейтральное убежище, кризис может ослабнуть, прежде чем вызовет несколько войн в кислорододышащей цивилизации. Разумеется, это позволит покончить с нашей нынешней политикой — принятием ставок с выплатой авансом и наличными.

4) Коммерческое межзвездное движение, уже нарушенное так называемым «кризисом „Стремительного“, в последнее время страдает от „условий возбуждения“ на непредсказуемо высо-

ком уровне. Свыше тридцати важнейших пунктов перехода испытывают перегрузку. Институты приписывают это „необычным погодным условиям в гиперпространстве“, однако многие считают это еще одним признаком надвигающихся перемен.

5) Неожиданное распространение социорелигиозного фанатизма, включая внезапное возрождение культа Ифни, оказывает пагубный эффект на букмекерский бизнес по всем Пяти Галактикам. В связи с дополнительными расходами (защита наших собственных поселений от нападений флотов фанатичных предетерминистов) мы были вынуждены увеличить процент отчислений от всех ставок в нашу пользу.

Даже са'ентский букмекерский синдикат не может вести бизнес, как обычно, в преддверии предсказанного Времени Перемен…

ГАРРИ

Да, подумал он, *нелегко придется.*

Гарри обнулил свой компьютер, чтобы защитить его во время перехода. Окна закрылись ставнями, и сам Гарри защелкнул ремни, готовясь к перемещению в новый район пространства Е. Район, который очень долго считался недоступным.

Что ж, сам виноват: ведь вызвался добровольцем. Вер'Кв'квинн называет это «особым назначением». Но чем дальше я Углубляюсь, тем все больше мне это кажется самоубийством.

Вначале показалось, что ничего не произошло. Официальные инструменты бесполезны или ненадежны, поэтому Гарри следил за собственным самодельным *вериметрюм.* Этот прибор состоял из птицы оригами, сидящей на острие иглы из чистого металла, снятого непосредственно с поверхности Нейтронной звезды. По крайней мере так утверждал продавец, который продал ему эту игрушку на базаре в Каззкарке.

Гарри нервно следил за появляющимся на полоске бумаги извилистым следом иглы. Он мог только представлять себе, что происходит снару-

жи: объективная реальность таяла по углам его маленького разведочного корабля.

Волосатыми руками Гарри почесывал шерсть на шее и груди. Птица дрожала, словно пыталась вспомнить, как летать…

Неожиданно возникло ощущение падения. Содержимое желудка взбунтовалось. Последовало несколько толчков, затем сильная качка, словно на корабле в бурном море. Гарри вцепился в ручки кресла. В плечи ему впились ремни.

Своеобразная дрожь пробежала по палубе под босыми ногами Гарри — это автоматически включился якорь реальности. Этот звук заставляет нервничать, поскольку возникает только тогда, когда нормальные меры предосторожности не в состоянии справиться. Иногда только якорь реальности не позволяет ветрам случайности выбросить ваш корабль на отмель неочищенной реальности… или превратить ваше тело в нечто такое, чем вам лучше не быть.

Что ж… *иногда* это срабатывает.

Если бы только была возможность использовать здесь ТВ-камеры и посмотреть, что происходит.

Увы, по причинам, которые все еще непонятны галактическим ученым, живые существа, попа-

дая в пространство Е, способны воспринимать события только непосредственно, да и то со значительным риском.

К счастью, именно в тот момент, как содержимое желудка Гарри готово было присоединиться к посуде на полу, толчки ослабли. И через несколько секунд сменились мягким покачиванием.

Он снова взглянул на свой импровизированный вериметр. Бумажный лебедь выглядел устойчивым… хотя на обоих крыльях появились новые складки, которых раньше не было.

Гарри осторожно отстегнулся и встал. Широко расставив руки для равновесия, он подошел к окну и слегка приоткрыл жалюзи.

И ахнул, отскочив в испуге.

Разведочная платформа висела — по-видимому, без всякой опоры — высоко над обширной равниной!

С трудом глотнув, Гарри бросил второй взгляд.

Его наблюдательный пункт повернулся вправо, потом влево, словно точка зрения повешенного, открывая неясные дали и высоты. За вездесущей дымкой с трудом можно было различить гигантские шпили, крутые и симметричные, поднимающиеся мимо него с равнины внизу.

Затаив дыхание, Гарри ждал, пока не убедился,

что поверхность не приближается. Ощущения падения не было. Казалось, что-то удерживает его на этой высоте.

Пора узнать, что именно. Обогнув обсервационную палубу, он заглянул в заднее окно и увидел, что мешает ему упасть.

Станция подвешена к концу длинной блестящей нити, выходящей из отверстия в корпусе, которого он раньше никогда не видел. Но знакомый сине-полосатый рисунок свидетельствовал, что на самом деле это якорь реальности, проявивший себя в данном случае в таком очень подходящем виде.

Второй конец якоря, высоко вверху, как будто держится за край плоской поверхности, горизонтально уходящей вправо. Слева за пределами этой полуповерхности расстилается открытое небо. У Гарри сложилось впечатление, что высоко вверху, там, где он не может видеть, есть еще линеарные границы.

По крайней мере во время перехода физический облик станции не очень изменился. Под продолговатым корпусом по-прежнему свисают метафорические наклонные ножки, слегка покачиваясь в пространстве. Однако с его зрением что-то не так. Гарри потер глаза, но проблема не

в них. Почему-то все предметы за окном казались расплывчатыми. Например, он не узнает гороподобные колонны, хотя в этих гротескных предметах есть что-то знакомое, вызывающее в сознании туманные впечатления детства.

С тех пор как машины отобрали его как первого неошимпанзе, который будет тренироваться в качестве наблюдателя Института Миграции, ничего подобного он не испытывал. И понимал, что не стоит расспрашивать бортовую программу и с ее помощью пытаться понять, что это.

Район, куда ты направляешься, редко посещается, и для этого есть все основания, сказал ему Вер'Кв'квинн, когда он собирался. *Большинство особенностей, которые вырабатывают патроны в своих клиентах и которые позволяют им стать уравновешенными, разумными, целеустремленными звездными путешественниками, превращаются в недостаток в области, где не существует предсказуемости.*

Сейчас, вспомнив эти слова, Гарри покачал головой.

— Что ж, не могу сказать, что меня не предупреждали. Он повернул голову налево и приказал:

— Режим пилотирования.

Со слабым щелчком поблизости материализо-

валось знакомое «П».

К вашим услугам, Харви.

— Меня зовут Гарри, — в …надцатый раз поправил он со вздохом. — У меня нет агорафобии, так что можешь открыть жалюзи.

Корабль исполнил приказ, и Гарри сощурился от непосредственного соседства странного сочетания цветов, хотя дымка слегка приглушала их.

— Спасибо. Теперь, пожалуйста, проверь, позволяют ли условия этого метафорического пространства полет.

Проверяю.

Последовало такое долгое молчание, что Гарри скрестил пальцы. Полет делает продвижение гораздо легче… особенно когда висишь на веревке над милями и милями пустого пространства. Ему показалось, что он слышит, как щелкают двигатели, осторожно проверяя, какой вид передвижения здесь подходит, а какой бесполезен или даже опасен. Наконец вращающееся «П» как будто пришло к заключению.

Кажется, какая-то разновидность полета возможна, но не могу определить, какая именно. Никакие данные об аллафорической технике в моих файлах не помогают. Придется придумать нечто оригинальное.

Гарри пожал плечами. Там, где он находится, так поступаешь почти всегда.

— Ты определил нашу зону наблюдения?

Я чувствую недалеко от нас узкий туннель нормального пространства — в фигуративных единицах. Субъективно вы должны различать «внизу» сверкающую Авеню… примерно в четвертом квадранте.

Гарри подошел к указанному окну и посмотрел вниз вдоль неотчетливых гигантских фигур.

— Да-а-а… Кажется, я ее вижу. — Он едва разглядел слабо светящуюся линию. — Надо попробовать подобраться ближе.

Если найдем путь.

— Да, — согласился Гарри. — В этом-то все и дело.

Он тревожно провел пальцами по волосам на подбородке и голове, жалея, что давно уже как следует не расчесывался. На Хорсте, где он и его вечно занятые родители были единственными шимпами на всей планете, стремление вычесать вездесущую пыль из шерсти всегда казалось только вопросом личной гигиены. Только в школе Гарри узнал, какое это может приносить наслаждение, когда кто-то другой гладит, расчесывает, приглаживает щеткой и слегка дергает

тебя за волосы, так что их корни едва не кричат от удовольствия. И когда он вспоминает прошлое, ему больше всего не хватает теплого физического контакта взаимного расчесывания.

Жаль, что его родители слишком много говорили — от болтовни и сплетен до расспросов о каждом личном недостатке. Именно такие проблемы Гарри никогда не нравилось обсуждать. Его неловкое отсутствие открытости поразило земных шимпов, которые сочли его отчужденным, даже высоко-Мерным, в то время как Гарри считал их излишне любопытными. Внутренне он всегда оставался чужаком и никогда не отдавался полностью интимности колледжских кружков для расчесывания.

Гарри понимал, что оттягивает решение, но на самом деле не знал, с чего начать.

Значит, тебя тревожат слухи о неожиданных изгибах гиперпространства и нарушениях режима пунктов перехода, ответил Вер'Кв'квинн после того, как Гарри вернулся с последнего дежурства. *Эти феномены не входят в твою юрисдикцию. Однако кажется, что совпадение множества факторов делает необходимым поставить тебя в известность.*

— Позвольте высказать догадку, — сказал

Гарри. — Нарушения настолько велики, что их можно наблюдать даже в пространстве Е.

Весьма проницательная догадка, согласился Вер'Кв'квинн, издав клювом одобрительное восклицание на галдва. *Вижу, что прием тебя к нам был не игрой случая, а подтверждением моего собственного умения видеть суть и доказательством моей ценности для Института и готовности к быстрому повышению.*

Твое следующее дежурство начинается через один точка три стандартных дня.

После инструктажа это оставляет достаточно времени для ванны и доброго сна в его помещении в казарме. Конечно, он надеялся на более длительный отпуск. На базаре есть один массажист форуни, который так хорошо понимает скелетно-мускульную систему других рас, что отлично расслабляет узлы позвоночника Гарри… Увы.

Нервно почесывая подбородок, он дернул ногтем волосок и поморщился. Потом принялся рассматривать выдернутый волос.

Хорошо, что волосы у шимпанзе не отрастают длинными, как на лицах людей мужчин, если они их не сбривают. На Хорсте он видел шаманов пробстеров, у которых патриархальная борода

отрастала годами и тянулась по земле.

Гарри помигал, поняв, к чему ведет его подсознание. Он быстро повернулся и прижался к заднему окну, всматриваясь в голубую нить, на которой на огромной высоте висит станция. Вверху нить как будто исчезает, направляясь к краю одной из далеких горизонтальных плоскостей.

— Пилот, — сказал Гарри. — Хочу проверить, можно ли увеличить псевдодлину нашего якоря реальности. Можно его еще размотать?

Он уже максимально размотан, услышал он ответ. Гарри выругался. Идея казалась неплохой…

— Минутку. — сказал он. — Не будь слишком буквален. Ну хорошо, может быть, мы и не можем раскрутить якорь. Но все равно потрогай эту проклятую штуку. Может, удастся изменить ее длину каким-нибудь другим образом. Растянуть, например. Или заставить *расти.*

Он знал, что его указания неточны. Но иногда и такие неточные предположения помогают сделать идею более определенной.

Попробую и дам вам знать, ответил компьютер.

Последовала серия слабых гудящих звуков, затем неожиданный рывок, платформа устремилась вниз, и невесомость на мгновение снова

породила страх в груди Гарри. Но падение тут же кончилось, Гарри отбросило на командирское кресло, и он почувствовал, что его желудок снова заполняется.

— Х-х-х-х… — начал он. — Н-ну и как?

Топологические правила как будто допускают значительное растягивание. Говоря с практической точки зрения, это означает, что кабель может растягиваться, достигая почти любой длины с почти любой скоростью. Поздравляю, командир Хармс. Похоже, вы нашли способ маневрировать в этой субъективной вертикали.

Гарри заподозрил, что компьютер говорит с сарказмом, Но решил не обращать внимания: возможно, это ему просто показалось. Во всяком случае, из этой ловушки выбраться оказалось легче, чем с той вершины с банановыми кожурками.

И все же я чувствую себя в большей безопасности, когда понял применяемые здесь метафорические правила. Существуют причины, по которым патрульные корабли редко заходят в этот район. Многие из таких кораблей отсюда не возвращаются.

— Начни опускать нас, — приказал он. — Осторожно.

Полуплоскость наверху начала отступать, а «земля» приближаться с постоянной скоростью, и это кое-что напомнило Гарри… либо неотвратимую природу судьбы… либо набегающий поезд.

На Каззкарке у него было время расспросить об осаде Земли.

Его не должно было это интересовать. Решив посвятить свою жизнь монашескому Институту Навигации, Гарри должен был забыть все прежние привязанности и верность патронам. Но мало кому из разумных удавалось полностью перенести естественные привязанности. И работники Института часто украдкой разузнавали новости о «доме».

Когда у Гарри оказался свободный час между инструктажами, он отправился на базар, где продавец сплетен ле'4-2во принял его щедрую плату и провел в изолированную осмием комнату, в которой находилась краденая ячейка Библиотеки.

Нужную тему удалось найти легко — она заняла значительно более высокий уровень с того времени, как он смотрел в последний раз, — и подавалась под заголовком «Главные новости — квазисовременные события». Последние сообщения на галдва звучали мрачно.

Силы Земли и ее союзников были вынуждены

оставить Канаанские колонии, которыми теперь временно управляет адмирал соро.

Произошло вторжение на прекрасную, населенную дельфинами планету Галафия. Треть этой покрытой водой планеты была захвачена соединенными частями во главе с фракцией Братьев Ночи, в то время как другая клика тех же самых фанатичных воинов пыталась «освободить» оставшуюся часть.

Сама Земля была бы уже захвачена, а ее слабые силы разбиты, если бы не помощь со стороны тимбрими и теннанинцев… и постоянные разногласия в стане противника, отдельные группы там все время схватывались друг с другом. Но даже и в таких условиях конец казался неизбежным.

В примечании говорилось, что крошечное людское поселение на Хорсте оккупировано… страшными танду.

По спине Гарри пробежала дрожь. Упоминалось об эвакуации местного персонала, так что, может быть, Марко и Фелисити удалось бежать вместе с остальными антропологами. Но Гарри почему-то сомневался в этом. Его родители одержимы. Они вполне могли остаться, заявив, что захватчики не обратят никакого внимания на пару ученых,

занятых мирными исследованиями.

Но даже если все техники и трансформеры улетели, что будет с туземцами? С человеческими племенами, которые превратили свой «испытательный срок» в лицензию на освобождение от бесчисленных разнообразных социальных форм — многие из них подражали тому или иному тотему? Некоторые сознательно воспроизводили матриархальное устройство пчелиных ульев, другие подражали волчьим стаям, или львиным прайдам, или различным видам брака, которые можно отыскать в причудливых доконтактных романах. Большинство небольших племен пробстеров не интересовались ни технологией, ни галактической политикой.

Они совершенно беспомощны перед такими хищниками, как танду.

Покидая жилище продавца сплетен, Гарри старался забыть новости. Скоро победоносные ити будут ссориться из-за остатков поверженного земного клана. Если умеренные Распространят свою власть в Галактиках, будет несложно Убедить Институт Возвышения, что люди, дельфины и шимпы готовы к приему. Все три расы будут разъединены. Как Военные трофеи, каждая получит нового «патрона» для генетически-социального

руководства на протяжении следующей сотни тысяч лет.

Конечно, если мы «случайно» не вымрем в смятении. Так бывало и раньше — почти всякий раз как появлялась раса волчат, утверждающая, что поднялась к разуму без помощи со стороны. Поразительно, что земляне продержались так долго.

Ну, по крайней мере гориллы в безопасности. Теннанинцы не худшие из хозяев… если у вас должен быть хозяин.

Интересно, кто получит нас, шимпов, в качестве платы?

Гарри мрачно оскалился.

Они могут обнаружить, что мы приносим неприятностей больше, чем выгоды.

Во время следующего инструктажа у Вер'Кв'квинна он задал прямой вопрос:

— Связаны ли все эти гиперпространственные возмущения и аномалии… с войной из-за Земли?

Вместо того чтобы отругать Гарри за проявление интереса к своему родному клану, начальник отдела наблюдения уклончиво помахал щупальцем.

— Молодой коллега, важно помнить, что одна из величайших умственных опасностей, которые подстерегают разумное существо, это эготизм —

тенденция видеть все события в связи с собой или своей расой. Естественно, что тебе кажется, будто вся вселенная вращается вокруг трудностей твоего прежнего клана, каким бы незначительным он ни был.

Признаю, что события как будто подтверждают твое предположение. Известие о возможных реликтах Прародителей, найденных в тайном месте пользующимся дурной славой кораблем дельфинов, вызвало столкновения между самыми воинственными кислорододышащими кланами. Некоторые союзы захватили местные пункты перехода, и торговые маршруты прервались. Однако позволь тебя заверить, что выбросы энергии в происходивших до сих пор сражениях слишком ничтожны, чтобы воздействовать на глубинные космические связи.

— Но совпадение слишком одновременное.

— Ты принимаешь следствие за причину. Страх и гнев, которые сейчас окружают волчат, накапливались столетиями до того, как люди вступили в контакт с нашей культурой. Со случая у Футутуна мир поддерживался главным образом при помощи страха, а воинственные стороны тем временем вооружались и готовились к новой фазе. Увы, твой неудачливый родной клан вышел

на звездные линии в слишком неподходящее время.

Гарри несколько секунд мигал, потом кивнул.

— Вы имеете в виду Время Перемен?

— Да. Мы, в Институтах, уже в течение миллиона лет знали, что наступает новая эра большой опасности и смятения. Признаки этого включают перемены в отношениях кислородного и водородного порядков жизни… а также все более частые случаи спазмодического экспоненциального размножения в порядке машин, и все это требует строгих мер подавления. Даже среди кланов нашей собственной цивилизации Пяти Галактик мы видим усиление религиозного фанатизма.

Гарри вспомнил миссионеров и новообращенных на главных улицах Каззкарка, проповедующих самые разные толкования древнего пророчества.

— Груда суеверного вздора, — сказал он.

К его удивлению, Вер'Кв'квинн согласился, подчеркнуто Щелкнув клювом.

— То, что громко, не всегда справедливо, — объяснил босс. — Большинство кланов и видов предпочитают жить и Давать жить другим, развивая собственные дороги мудрости и предоставляя судьбе приходить в свое время. Какая

разница, вернутся ли Прародители в физической форме, или в Духовном перевоплощении, или вновь проявив себя в геноме Какой-нибудь невинной предразумной расы? Фанатичные союзы сражаются друг с другом из-за догм, однако большинство кислорододышащих рас хотело бы спокойно и устойчиво продвигаться к своему собственному расовому просвещению. Со временем будут найдены ответы на все вопросы, когда каждая раса присоединится к своим патронам и предкам в отставке… а потом и в трансцендентности… следуя великому призыву Объятия Приливов.

Вот оно опять, подумал тогда Гарри. Это фундаментальное основание почти любой галактической религии. Спасение возможно для *вида*, но не для индивидуального органического существа.

Кроме этого миссионера скиано, того самого, с попугаем на плече. Это была совершенно иная точка зрения. Подлинная ересь!

— Итак, молодой коллега, — закончил Вер'Кв'квинн, — постарайся понять, каким тревожным — и для фанатиков, и для умеренных — было сообщение о том, что твои злополучные родичи дельфины передали изображения, на

которых был космический флот Прародителей в одной из самых плоских частей галактического пространства-времени! Последствия этого открытия угрожали опровергнуть самую суть веры, разделяемой почти всеми кислорододышащими…

В этом месте Гарри был особенно внимателен. Но именно в этот момент помощник доложил, что еще один п-пункт в секторе Горгол Пятой Галактики вышел из строя, и у Вер'Кв'квинна больше не было времени для абстрактных дискуссий с подчиненными. Началась суматоха, и Гарри было приказано закончить инструктаж в отделе разведки. И у него больше не было возможности расспросить старую змею о ее заключительном интригующем замечании.

Что это за суть? Что именно в открытии «Стремительного» так всех расстроило?

Наконец платформа опустилась на «землю».

Поверхность оказалась относительно мягкой. Упругие ноги корабля приняли на себя его вес почти без толчка.

Ну, пока все хорошо. Земля не проглотила меня. Стадо паразитов мемов не собралось, пытаясь захватить мое сознание или *продать мне продукты, которые не были доступны в течение*

многих эпох.

Гарри терпеть не мог, когда такое происходило.

Он осторожно осмотрел обширную плоскую равнину, покрытую мягкими пушистыми цилиндрами. Они были похожи на поникшие кактусы с тонкими стеблями, стояли повсюду, насколько хватал глаз, прижимаясь друг к другу. Гарри с помощью ручного управления попробовал механической ногой прикоснуться к ближайшей группе. Цилиндры легко уступали давлению, а потом медленно распрямлялись.

— Можно ли убрать якорь реальности? — спросил он пилота.

В этом нет необходимости. Якорь уже вернулся в свою обычную нишу.

— Тогда что это такое? — спросил Гарри, указывая на голубой кабель, все еще вертикально уходящий в небо.

Подобная веревке метафора стала полупостоянной структурой. Если не возражаете, ее можно оставить на месте. Гарри смотрел на нить, потирая подбородок.

— Ну, наверно, это еще одна возможность убраться отсюда, если придется торопливо смываться. Отметь ее положение и давай двигаться.

Разведочная станция двинулась по равнине пушистых цилиндров. А Гарри тем временем переходил от окна к окну, нервно вглядывался, гадая, как этот известный своими опасностями район проявит себя.

Со всех сторон на далеком фоне вздымался десяток тонких, невероятно высоких башен. У некоторых поперечное сечение как будто квадратное, у других круглое или овальное. Гарри даже показалось, что он различает жесткую формальность в их расположении: каждая башня как будто находится в строго определенном месте относительно других.

Вскоре он понял, что странная голубоватая дымка не является следствием какого-то «тумана», мешающего смотреть; это недостаток самого зрения. Кажется, на этом участке пространства Е зрение действует на гораздо более короткое расстояние.

Здорово. Мне не хватало только частичной слепоты в таком месте, где реальность может буквально подобраться к тебе и укусить.

До того места, где он в последний раз видел Авеню, расстояние должно быть небольшим. Вначале осторожно, потом все уверенней Гарри ускорял движение станции по равнине пушистой

растительности, согнутой и переплетенной, как высокая трава. Эти «растения» не раскачивались на ветру, как трава-пила на Хорсте. Тем не менее они чем-то напоминали Гарри о бесконечных степях, где на рассвете пыльное небо вспыхивает, как факел, так что на него больно смотреть. От такой местности презрительно отказались его предки на Земле, вернувшись на деревья. Они разумно предоставили жгучее небо и режущую траву своих глупым родичам — приматам, которым не хватало здравого смысла даже на то, чтобы убраться с палящего полуденного солнца и которые позже стали людьми.

Согласно Великой Библиотеке, Хорст некогда был приятной планетой, с богатой, разветвленной экосистемой. Но много тысячелетий назад, еще до того, как земляне вышли в космос и столкнулись с галактической культурой, с несколькими планетами в секторе Танит произошло что-то ужасное. По древнему кодексу Прародителей естественные экосистемы священны, но в цивилизации Пяти Галактик время от времени это правило нарушалось. В происшествии при Футутуне сотни планет были разграблены недальновидными цивилизациями и остались дикими и пустынными.

Как и следовало ожидать, за такими случаями следовал возврат к маниакальной религиозности. Различные фракции обвиняли друг друга и требовали возвращения на истинную тропу Прародителей.

Но какова она, эта *истинная* тропа? За несколько миллиардов лет состарятся даже самые хорошо сохраняемые записи. За прошедшие эпохи накапливался шум, пока от загадочной расы, начавшей все это, почти ничего не осталось. Размышления и догадки подменили факты, догма вытеснила свидетельства. Умеренные пытались смягчить вражду между фанатичными союзами, слишком энергичная реакция которых во время происшествия при Футутуне грозила новой катастрофой.

И вот в такой ситуации появились земляне, вначале принеся своими забавными проделками волчат комичное отвлечение. Невежественные, невоспитанные, люди и их клиенты самим фактом своего существования раздражали великие кланы. Больше того, возвысив еще до контакта неодельфинов и неошимпанзе, люди получили право относиться к классу патронов и получать колонии; тем самым они сразу опередили многие более древние виды.

«Пусть вначале проявят себя на планетах ката-

строфы» — таково было всеобщее мнение. Если земляне окажутся достаточно компетентны, чтобы вернуть к жизни заболевшие биосферы, позже они могут получить лучшие планеты. Поэтому люди и их клиенты работали на Атласте, Гарте и даже на бедном Хорсте, завоевав неохотное уважение у планетных менеджеров.

Но стоило это немало.

Пустынная планета может изменить тебя, думал Гарри, вспоминая Хорст и почему-то испытывая печаль. Он спустился в камбуз, приготовил еду, принес ее на обсервационную палубу и принялся неторопливо есть, глядя, как мимо проплывают бесконечные изогнутые пушистые трубки. Он все еще пытался понять, почему все это кажется ему таким знакомым.

Мысли его вернулись на Каззкарк, где высокий проповедник пытался обратить его в свою странную ересь. Тот самый необычный скиано с попугаем на плече, который говорил о Земле как о священном месте, чьи страдания обещают спасение всей вселенной.

Разве ты не видишь сходства? Как должны были стать мучениками Христос, Али и преподобный Фенг, чтобы спасти человеческие души, точно так же грехи всех кислорододышащих форм жиз-

ни могут быть смыты только жертвой чего-то драгоценного, невинного и уникального. И этой жертвой будет твоя родная планета, мой дорогой брат шимпанзе!

Честь казалась сомнительной, и Гарри так и сказал, ища пути возможного бегства в толпу. Но скиано оставался неутомим, он постоянно подталкивал свой аппарат-переводчик, так что каждая вспышка его выразительных глаз громко переводилась прямо Гарри в лицо.

Слишком долго разумные существа были связаны прошлым — легендой о Прародителях! — мифом, который обещает освобождение расам, но ничего не дает индивидам! Каждая раса измеряет свой прогресс продвижением по лестнице Возвышения — от клиента к патрону, а затем через благородную отставку в нежные Объятия Приливов. Но сколько триллионов жизней были принесены в жертву по пути? И каждая такая жизнь драгоценна и уникальна. Каждая есть временная манифестация бессмертной души!

Гарри знал, что подмигивание — это для скиано естественная манера речи. Но это придавало дополнительную страсть каждой фразе переводчика.

Подумай о своей родной планете, о благородный

брат шимпанзе! Люди — это волчата, которые достигли разумности без Возвышения. Разве это не форма девственного рождения? Разве земляне вопреки своему скромному происхождению не возникли на сцене в период возбуждения и противоречий? Разве не увидели они то, что долго оставалось невидимым? Говоря то, что до них никто не смел сказать?

Страдаете ли вы теперь, земляне, из-за своей уникальности? Разве не слышим мы послания с этой замечательной голубой планеты, которой предстоит распятие? Послания надежды для всех живых существ?

Вокруг собралась толпа зевак, а скиано возвел руки к небу.

Не бойся за своих любимых, о дитя Земли!

Конечно, в предстоящих днях им грозят огонь и разрушения. Но их жертва принесет всем разумным новый рассвет — да, всем, даже другим порядкам жизни! Ложные идолы, воздвигнутые в честь мифических Прародителей, будут разбиты. Станет ясна ложность веры в Объятие Приливов. Все сердца обратятся наконец к истинной вере.

К волшебному Небу — обители единого вечного и любящего Бога.

В ответ попугай захлопал яркими крыльями и прокричал: *«Аминь!»*

Многие слушатели сердито переглядывались, слыша, как Прародителей называют «мифическими». Гарри, будучи центром внимания проповедника, чувствовал себя неловко. Если так будет продолжаться, мученики появятся, это уж точно! Казалось, только благородная репутация всех скиано сдерживает некоторых в толпе.

Чтобы облегчить положение, Гарри неохотно согласился принять от скиано миссию — быть посланником… в том маловероятном случае, если его следующая экспедиция приведет его в контакт с ангелом Господним.

Примерно час спустя — по субъективному корабельному времени — слева от Гарри в пространстве неожиданно возникла голубая буква «Н».

Включен режим наблюдения, капитан Хармс, послышался слегка самодовольный голос. *Имею удовольствие сообщить, что Авеню в непосредственной близости. Ее можно наблюдать в переднем квадранте.*

Гарри встал.

— Где? Я не…

Но тут же увидел и перевел дыхание. На фоне

странной Дымки выступала сверкающая полоса пятнистого света. Авеню, как гигантская змея, извивалась по поверхности, возникая из тумана слева и становясь невидимой справа. Чем-то она напомнила Гарри извивающееся «морское чудовище», которое он видел во время своей предыдущей разведывательной экспедиции, вблизи вершины с банановыми очистками. Но то было мемосущество, не более чем экстравагантная идея, воплощенная мысль, в то время как это нечто совершенно иное.

Авеню не подчиняется аллафорическим правилам пространства Е.

Строго говоря, она состоит из всего, что не является пространством Е.

Именно поэтому ее воспринимают камеры. Техники Института Навигации поместили на корабль множество сенсорных пакетов. Их нужно с интервалами разместить вдоль светящейся трубы, а потом забрать по пути назад, на базу. В идеале эти данные должны помочь штату Вер'Кв'квинна предсказывать гиперпространственные изменения в текущем кризисе.

Гарри нажал кнопку и почувствовал легкую дрожь: это вылетел первый пакет.

Теперь повернуть налево и выкладывать паке-

ты в этом направлении? Или направо? Казалось, ни одно из направлений не предпочтительней.

Что ж, он все еще представитель закона. Его другая обязанность — патрулировать пространство Е и выявлять преступную деятельность.

— Компьютер, отмечены ли следы какой-либо деятельности в этом районе в последнее время?

Сканирую. Нарушители должны пройти через этот участок Авеню, чтобы добраться до пересечения с Четвертой Галактикой. Любой крупный корабль, проходящий по Авеню или поблизости, оставит след, какой бы ни была в то время его аллафорическая форма.

Платформа приблизилась к яркой светящейся трубе. Во время патрулирования Гарри неоднократно видел Авеню, но никогда не был так близко к ней. Она казалась узкой, всего в два раза шире самой станции. В трубе на фоне абсолютной черноты сверкали мириады искорок.

Узкое змееобразное пространство заполнено звездами… и многим другим. В этом извилистом цилиндре заключена вся известная Гарри вселенная — планеты, звезды, все связанные галактики.

Какой топологической странностью должна была она казаться своим давно исчезнувшим

первооткрывателям! Удивительный способ обойти законы относительности! Необходимо только войти на одном перекрестке вблизи планетной системы и выйти на другом, в районе цели. В любой ячейке Галактической Библиотеки можно найти описание техники входа в пространство Е и выхода из него.

Но пространство Е — это непредсказуемый мир мета-психологической дикости и даже воплощенных нелепостей. Путешествие по Авеню до пункта назначения может быть очень коротким, а может быть и долгим. Расстояния и взаимное расположение здесь постоянно меняются.

Если путник найдет безопасное место выхода и правильно произведет переход, он может выйти там, где ему нужно. Конечно, если вначале выяснится, что он вообще покинул дом! Одна из причин, почему большинство разумных терпеть не могут пространство Е, это тот странный способ/ в котором здесь проявляется причинность. Если не будете осторожны, можете устранить причину собственного существования. Наблюдателям, таким как Гарри, нелегко бывает, вернувшись из полета, обнаружить, что они больше не существуют и никогда не существовали.

Гарри не одобрял пространство Е — и эта черта,

разумеется, была отмечена в его институтском досье. Но, очевидно, У работников Института были причины, чтобы готовить его к исполнению обязанностей именно здесь.

Платформа начала двигаться вдоль Авеню, временами °пускаясь на ножках-стебельках, приближая к поверхности инструменты, словно собака, идущая по следу. Набравшись Терпения, Гарри следил, как проплывают мимо, в близком Цилиндрическом континууме, незнакомые скопления.

У ближайшего края трубы на черном, испещренном искорками фоне появилась яркая желтая звезда. Она казалась такой близкой, когда платформа медленно проползала мимо, словно до нее можно дотронуться рукой. *Вероятно, есть небольшой шанс, что это Солнце, с Землей поблизости, слабая искорка в космосе. Но вероятность против этого миллиард к одному.*

Наконец станция остановилась. Наклонная буква как будто завертелась быстрее.

Я отметил недавний проход трех различных корабельных волн. Первый корабль проходил примерно год назад, второй вскоре после первого, преследуя его.

— Преследуя? — Это заинтересовало Гарри. То,

что след продержался так долго, свидетельствует, что район посещается очень редко… и возможно, говорит, что путники должны быть в отчаянном положении, чтобы решиться на это.

— А что за третий корабль?

Этот проходил недавно. Всего несколько субъективных дней назад. И есть кое-что еще.

Гарри нервно обхватил большие пальцы.

— Да?

Судя по волне, последний корабль принадлежит машинному порядку жизни.

Гарри нахмурился.

— Машина? В пространстве Е? Но как она может тут лететь? Или даже просто видеть, где… — Он покачал головой. — Куда она полетела?

Фигуративно налево… в том же направлении, что и наше.

Гарри принялся расхаживать по палубе. Приказы Вер'Кв'квинна совершенно ясны. Он должен разместить камеры так, чтобы они из пространства Е могли наблюдать за нормальным пространством, давая персоналу Института Навигации возможность увидеть, какие силы возмущения действуют в Пяти Галактиках. Но он ведь присягал и наблюдать за подозрительной деятельностью…

Ваши приказы, капитан Хармс?

— Будем преследовать! — выпалил Гарри еще до того, как решение было сформулировано в его сознании.

Прошу прощения. Я не запрограммирован… Гарри выругался.

— Включить режим пилотирования!

И не успела возникнуть в пространстве буква «П», как он показал:

— Сюда! Быстрей! Если поторопимся, еще успеем их догнать!

Платформа дернулась и повернула направо.

Слушаюсь, Гувер! Выступаем. Эгей!

На этот раз Гарри даже не поморщился. Программа раздражает его, но функционирует исправно. Даже тимбримии знают, где пределы шутки, хвала Ифни. Платформа, перебирая ногами, понеслась по саванне пушистой кактусоподобной растительности.

Слева проносилась Авеню, сверкающая труба, в которой находится все, что реально.

САРА

Сразу после того как «Стремительный» углубился в извилистые внутренности пункта перехода, положение заметно усложнилось.

В соседнем заполненном водой помещении Каа плавниками вздымал облака пузырьков, громко протестуя.

Здесь слишком тесно!

Сара знала, что жалуется он не на заполненный мостик «Стремительного», но на извилистый лабиринт за пределами корабля — путаницу струноподобных межпространственных границ, расходящихся по спирали во всех направлениях, словно бред безумного конструктора каруселей.

П-пункт действительно переполнен. Во время обычного перехода изредка можно заметить среди извилистых нитей отдаленные блестящие точки. Это по тому же сложному пути, соединяющему далекие звезды, проходит какой-то другой корабль. На этот раз создавалось впечатление, словно продираешься сквозь спутанные джунгли, и вокруг каждой ветки или лианы вьются бесчисленные светлячки.

На приборной панели постоянно вспыхивали

янтарные предупреждающие огни, и Каа приходилось маневрировать, чтобы не столкнуться с большими кораблями, движущимися по тем же узким туннелям. Промежутки очень незначительные, и когда пилот-дельфин проводил «Стремительный» совсем рядом с каким-нибудь гигантом, у Сары захватывало дух. Она видела мгновенные изображения на экране с нулевым увеличением. Бурные волны, поднятые проходящими кораблями, бросали «Стремительный», как щепку. Двигатели стонали от напряжения, изо всех сил цепляясь за бесценные линии.

Сара слышала полные благоговения слова Джиллиан:

— Неужели все эти корабли движутся от Фрактального Мира?

Машина Нисс ответила, отчасти сохранив свой дерзкий тон:

Очевидно, нет, доктор Баскин. Только примерно миллион кораблей пользуется сходной с нашей траекторией, уходя от той же катастрофы, которая обратила нас в паническое бегство. Но это лишь небольшая часть кораблей, проходящих в данный момент через эту пространственную матрицу. Остальные летят из других мест. Данные Библиотеки свидетельствуют, что данная

нить позволяет соединить свыше ста точек в нормальном пространстве, разбросанных по всей Четвертой Галактике.

Сара поразилась такому количеству кораблей, большинство из которых гораздо крупнее бедного «Стремительного». И все в благословенной Яйцом спешке стараются добраться туда, куда направляются.

— Я… мне казалось, что Четвертая Галактика пустынна.

С таким представлением она выросла. Обширное галактическое колесо, почти лишенное разумной жизни. Разве не затем ее предки явились сюда в замаскированных крадущихся кораблях, минуя строжайший карантин, чтобы поселиться на запретной Джиджо?

Пустынна, да. Но только относительно двух из великих порядков жизни, мудрец Кулхан. Относительно машинного разума и кислорододышащих звездных рас. Договор о миграции не требует эвакуации членов других порядков. Однако судя по тому, что мы наблюдаем, не будет слишком смелым предположение, что происходит всеобщая эвакуация.

Сара негромко выдохнула. Она поняла.

— Обитатели Фрактального Мира…

Были официально членами порядка «ушедших в отставку». Они мягко покачивались на волнах прибоя возле своего одомашненного солнца, очищая расовый дух и готовясь в следующей ступени.

Ступени, которую многие из них сейчас стараются достичь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Джиллиан. *Это лучше проиллюстрировать визуально. Смотрите.*

На одном из больших экранов появилось дрожащее изображение, очень сильно увеличенное, — нескольких десятков кораблей, летящих в конвойном строю вдоль сверкающего края нити перехода. Корабли казались потрепанными. Изображение постепенно сфокусировалось, и Сара заметила, что потрепанный вид кораблей .объясняется их неровными поверхностями, словно состоящими из путаницы складок и выступов. Прямая противоположность гладкой обтекаемости.

Значит, геометрия структуры Крисвелла распространяется на все, вплоть до кораблей, подумала Сара. *Интересно, насколько далеко это заходит. До живой плоти на костях? До клеток организма?*

Изображение еще более увеличилось, переместившись на Нос передового корабля. На нем Сара и все находившиеся в ситуационном помещении увидели глифический символ, словно светящийся собственным светом. Он представлял собой несколько концентрических кругов.

Даже джиджоанский дикарь узнал бы в нем символ порядка «ушедших в отставку».

Теперь смотрите, что я наблюдал уже несколько раз. Беглецы из Фрактального Мира готовятся объявить о важном решении.

Сара почувствовала, что к ней подошел Эмерсон. Спокойно и непритязательно высокий раненый мужчина взял ее за руку, и они оба продолжали смотреть на этот роковой переход.

Передний корабль с неровным угловатым корпусом словно задрожал. Волны энергии прокатились вдоль всей его длины, начиная от кормы и собираясь у яркого символа на носу. На несколько мгновений свечение стало таким ярким, что Сара закрыла глаза.

Свет ослаб так же внезапно. Когда Сара посмотрела снова, глиф изменился. Исчезли круги. На их месте появились две соединенные короткие линии, встречающиеся под большим углом, как широкий треугольник без основания.

Знак соединения, провозгласил Нисс слегка приглушенным голосом. *Две судьбы встречаются под углом в сто четыре градуса.*

Джиллиан Баскин вздрогнула.

— Ага, — вот и все, что она сказала.

Сара подумала: *Терпеть не могу, когда она так делает.* Теперь ей надлежит попросить объяснения.

Но она не успела спросить, что означает эта загадочная смена эмблемы. Изображение переместилось, они увидели, как еще с несколькими кораблями в быстрой последовательности происходит такая же перемена: все они присоединились к передовому кораблю с символами из двух линий. Отделившись от прежних спутников, они образовали отдельную флотилию, которая двинулась вперед, словно в поисках нового назначения. И на следующем соединении линий перехода с вспышкой уровней вероятности перескочили узкий промежуток между линиями и унеслись Ифни знает куда.

Оставшиеся корабли продолжали изменяться и делиться. Снова по корпусам нескольких огромных судов пробежали волны энергии, корабли начали утрачивать свои равные очертания. Корпуса их, угловатые и неровные, словно

плавились, текли, а потом приобретали более гладкую универсальную форму… знакомую форму с симметричными гиперпространственными выступами, используемыми нормальными кораблями цивилизации Пяти Галактик.

Как и раньше, преобразование заканчивалось яркой вспышкой на носу. Только на этот раз, когда сверкание прекратилось, Сара увидела другой символ, сменивший концентрические круги, — спираль с лучами. Тот самый символ, который на носу «Стремительного».

Остальные, очевидно, решили, что их расовый дух еще не готов для трансцендентности. Они тоже решили отказаться от прежнего статуса «ушедших в отставку», но на этот раз чтобы присоединиться к обществу амбициозных враждующих звездных кланов кислорододышащих..

Возможно, они считают, что нужно завершить какое-то дело, прежде чем вернуться в Объятия Приливов.

Джиллиан серьезно кивнула.

— Этим незаконченным делом можем оказаться мы. Она повернулась к мостику.

— Каа! Держись подальше от любого корабля с галактической эмблемой!

Из заполненной водой контрольной рубки по-

слышался Дрожащий вздох на сложном тринари — выразительном поэтичном языке неодельфинов, который Сара только начала изучать. Ритмичные писки и щелканья, казалось, передают сдержанную иронию, и несколько присутствующих в ситуационном помещении усмехнулись остроумию пилота.

А Сара разобрала только одну фразу:

…кроме того, который кусает нас за хвост!

Конечно. Есть ведь еще один корабль со спиралью на н°су, и от него отделаться не так-то легко. Как тень следуя за земным судном — на расстоянии, которое большинство навигаторов сочли бы небезопасным, — джофурский дредноут постоянно виден на заднем экране. Без нового плотного защитного слоя Каа мог использовать полную силу двигателей, уходя от боевого крейсера в безумной гонке по нитям. Но сейчас это невозможно, «Стремительный» отягощен и маневрирует медленно, как торговый корабль.

Ну, без этого слоя мы поджарились бы при первом же ударе дезинтеграторов, подумала Сара. *И стали бы легкой добычей для джофуров. Так что, может быть, одно уравновешивает другое.*

Снова повернувшись к главному экрану, она наблюдала, как флотилия беженцев опять рас-

калывается. Те, что приняли спиральный галактический символ, начали отходить, направляясь назад, к страстям более молодой фазы.

От этого пункта перехода маршруты ведут во все четыре галактики. Те существа, что пилотируют корабли, несомненно, собираются присоединиться к своим прежним напарникам и клиентам.

Джиллиан фыркнула:

— Как дедушка и бабушка, возвращающиеся со Счастливых Акров, чтобы пожить с детьми и внуками. Интересно, насколько радостно их встретят?

Вращающаяся голограмма на мгновение застыла — выражение озадаченности. *Прошу прощения?*

— Не важно. — Джиллиан покачала головой. — Итак, мы видели, как у нас на глазах распался дом отставников, а его обитатели направились в трех разных направлениях. А как насчет этих? — Она показала на оставшиеся угловатые корабли, те, что сохранили первоначальный символ — концентрические круги.

Нисс возобновил вращение.

По-видимому, направляются к другой структуре Крисвелла. Расы-отставники не могут долго

находиться в том, что они именуют «мелким пространством». Они не любят космические перелеты и тоскуют об ощущении солнечных приливов. 0 поэтому предпочитают скрывать в глубине гравитационных колодцев, вблизи какой-нибудь прирученной звезды.

В данный момент я воспринимаю оживленную связь на коротких волнах… коммуникацию между кораблями… они расспрашивают друг друга об известных фрактальных общинах, где имеется достаточное пространство и солнечное излучение…

— Иными словами, они хотят знать, где в других домах отставников есть вакансии, чтобы заменить их убежище. Понятно.

Действительно. Но, кажется, им не очень везет. Большинство кораблей, которые мы сейчас видим, задают один и тот же вопрос.

— Что? Пришедшие из других входов? Они тоже ищут место для жизни? Но мне казалось, существуют десятки тысяч таких обиталищ, и в каждом достаточно места, чтобы…

Подождите немного. Мне нужно взглянуть на это.

Наступила тишина. Вращающиеся нити сплелись тесней, машина прислушивалась. И когда

снова заговорила, синтетический голос звучал тише, как будто изумленно.

Кажется, доктор Баскин, катастрофа, которую мы наблюдали во Фрактальном Мире, не изолированный эпизод.

Последовала новая долгая пауза, как будто Ниссу потребовалось проверить, подтвердить то, что он узнал.

Да, сказала наконец машина. *Странный и трагический факт подтверждается. По всей Четвертой Галактике происходит разрушение структур Крисвелла.*

Саре трудно было представить себе это. Катастрофа, свидетельницей которой она стала — фантастически огромное жилище, обиталище квадрильов, взорвалось у нее На глазах, — эта катастрофа не может повторяться повсеместно! И тем не менее корабли беженцев, пролетающие мимо Гордиевых узлов и изогнутых арок пункта перехода, отрывочно сообщали об одном и том же.

— Но… мне казалось, что все эти стычки и разрушения произошли из-за нас!

Я тоже так полагал, мудрец Кулхан. Но, возможно, это произошло потому, что мои создатели тимбрими заполнили матрицу моей

личности своим преувеличенным эготизмом и сознанием собственной важности. Однако существует и другое объяснение того, что произошло во Фрактальном Мире. Мы можем быть подобны муравьям, мечущимся под горящим домом, убежденным, что так происходит, потому что наша королева не отложила яйца.

Сара поняла, к чему клонит Нисс, и эта мысль ей не понравилась. Как ни страшно, когда тебя преследуют огромные силы, есть одно параноидальное утешение. Это подтверждает твою важность в грандиозном порядке мира, особенно если эти могучие существа готовы уничтожить собственный дом, лишь бы добраться до тебя. Но Нисс намекает, что их страдания во Фрактальном Мире были *случайны,* это небольшое второстепенное представление на фоне таких масштабных событий, что люди не могут даже понять всей картины.

— Но… но в таком случае… — начал маленький, похожий на краба квуэн — Клешня. — В таком случае, кто разрушил Фрактальный Мир?

Никто не ответил. Ни у кого не нашлось ответа, хотя Сара начала размышлять над одной возможностью. Такой тревожной, что она возникла у нее только в математической форме. Намек

на уравнения и пограничные условия, о которых она старалась думать бесстрастно… иначе последствия слишком глубоко потрясли бы ее, подорвав веру в стабильность самого космоса.

Тш'т, лейтенант дельфин, направила разговор в прагматическое русло.

— Джиллиан, Каа докладывает, что мы приближаемся к соединению, которое может доставить нас во Вторую Галактику. Ты по-прежнему хочешь лететь в Танит?

Светловолосая женщина устало пожала плечами.

— Если никто не заметил ошибок в моих рассуждениях.

Теперь машина Нисс снова заговорила сардоническим тоном:

Найти ошибки нетрудно. Вы посылаете нас в хаос и насилие, в ту часть вселенной, где наши враги наиболее многочисленны.

Нет, доктор Баскин. Не спрашивайте об ошибках.

Спросите) нет ли у кого идеи получше.

Джиллиан снова пожала плечами.

— Ты говоришь, что джофуры в любую минуту могут найти способ справиться с нашей новой защитой. Мы должны найти убежище, прежде

чем это случится. Всегда остается надежда, что Институты…

— Что ж, — вмешалась Тш'т. — Наша цель — Вторая Галактика. Сектор Танит. Планета Танит. Я прикажу Каа продолжать.

Теоретически клиент не должен прерывать патрона. Но Тш'т только старалась действовать эффективно.

В то же время Сара подумала: *Мы приближаемся к Земле. И скоро будем так близко, что Солнце будет видно невооруженным глазом, всего в нескольких сотнях парсеков, практически за углом.*

Может, мне никогда не удастся быть так близко к Земле.

Джиллиан кивнула.

— Да, пусть продолжает.

ГАРРИ

Примерно спустя один субъективный день после начала преследования нарушителей Гарри узнал, что прямо перед ним препятствие.

Быстро преодолевая странные области пространства E, °н старательно выполнял свою главную задачу — выкладывал пакеты с инструментами для Вер'Кв'квинна вдоль извилистой трубы, в которой находится вся пространственная вселенная. Все известные ему галактики, включая сложные гиперпространственные соединения, называемые пунктами перехода, лежат внутри Авеню. Когда он останавливался, чтобы взглянуть на нее, Гарри видел уникальную искаженную перспективу созвездий, плывущих туманностей, даже целых спиральных рукавов, сверкающих звездным светом и излучением возбужденного газа. Казалось странным, противоречащим всем интуитивным законам разума, что пространство, заключенное внутри трубы, неизмеримо больше окружающего его царства метафор.

Но к этому времени Гарри уже научился жить во вселенной, сложность которой превосходит

возможности его бедного рассудка.

Выполняя работу, порученную ему Вер'Кв'квинном, Гарри продолжал двигаться на максимальной разумной скорости, идя по следу, оставленному предыдущими посетителями этого экзотического царства.

Почему-то этот след вызывал у него подозрения.

Конечно, мне следовало бы затаиться и подождать, пока истечет назначенный Вер'Кв'квинном срок, затем собрать камеры и убираться отсюда, прежде чем эта зона метареальности не преобразуется снова, не растает вокруг моего корабля, прихватив меня с собой.

Так опасна и хрупка эта местная зона странных форм и искаженной логики, что даже мемосущества, представители естественного порядка жизни пространства Е, выглядели напряженными и встречались редко, как будто воплощенные идеи находили этот район таким же неприятным, как и сам Гарри. Он видел лишь несколько простых идей-существ, которые паслись на равнине пушистых кактусоподобных стеблей. И большинство из этих идей казались не более сложными, чем простое утверждение «Я существую».

Как будто вселенной не все равно.

Быстрый корабль легко шел по следу, оставленному предыдущими нарушителями. Объекты, состоящие из реальной материи, оставляют в пространстве Е отчетливые следы. С любого физического объекта, который посмеет вторгнуться в это царство чистых абстракций, постоянно отлетают крошечные кусочки, испаряются атомы. Это могут быть частица атмосферы из систем жизнеобеспечения или осколки металлического корпуса размером в шесть-семь атомов.

Постепенно след становился все теплее.

Интересно, зачем они явились сюда, думал Гарри. Самому старому следу около года… если можно доверять измерителю субъективной продолжительности, который оценивает скорость разложения здесь протонов, превращая их массу в микроскопические утвердительные заявления. Судя по профилю рассеивания, можно считать, что самый первый из прошедших здесь кораблей маленький, не больше его подвижной станции.

Они должны были быть в отчаянном положении, чтобы прийти сюда… или просто заблудились.

Второй след ненамного новее, это след гораздо большего корабля, хотя все же не такого массивного, как корвет. Он явно преследует первый

корабль.

Неоднократно проверив молекулы образцов, Гарри убедился, что оба корабля относятся к его собственному порядку жизни. Галактические космические корабли с представителями кислородного порядка жизни на борту, активные, энергичные, амбициозные и потенциально очень опасные жизненные формы.

Третий след какое-то время ставил его в тупик. Корабль проходил здесь недавно, может, всего несколько дней назад. Настоящее облако атомов все еще вилось за ним. Датчики, забирающие пробы и отходящие от корабля Гарри, как хемочувствительные антенны какого-нибудь насекомого, свидетельствовали о металлокерамических профилях, характерах для машинного порядка жизни.

Как сотрудник Института Гарри постоянно высматривал признаки подозрительного поведения со стороны машинных существ. Несмотря на запретительные программы, вживленные в них миллиарды лет назад, машины по-прежнему Подвержены вспышкам неконтролируемого размножения, хватая и используя любое доступное сырье, создавая копии самих себя в экспоненциально растущем темпе.

Конечно, такая проблема существует и у всех остальных порядков жизни, поскольку неограниченное распространение является общей чертой всего того, что можно назвать «жизнью». И кислородные существа приближали экологическую катастрофу Пяти Галактик, иногда допуская неограниченный рост населения и истощая ресурсы планет быстрее, чем те могут восстановиться. Отсюда и законы миграции, согласно которым обширные галактические зоны регулярно объявляются невозделанными, чтобы они смогли восстановиться. Но машинное размножение может быть особенно стремительным и ненасытным и часто начинается в темных уголках, куда никто не заглядывает. Однажды всего за десять миллионов лет волна самостоятельного воспроизведения набрала такую силу, что захватила все планетоиды в Третьей Галактике, превратив каждый грамм материи в длинные тонкие автоматы… которые затем принялись уничтожать *планеты.* Потребовалось создать коалицию остальных форм жизни, чтобы вмешаться и прекратить эту катастрофу.

Но машины были не единственной заботой Гарри. В такие времена, когда кислородная цивилизация разрывается внутренними распрями,

необходимо следить чтобы этим не воспользовались соперники — представители культуры водорододышащих.

Однако следы, которые уловил Гарри, казались скорее необычными, чем опасными. Большое количество металлических остатков позволяло предположить, что эта машина повреждена. Были и другие аномалии. Сенсоры станции улавливали аминокислоты и другие органические остатки. Возможно, небольшое количество кислородной жизни сопровождает корабль-машину. Может быть, в качестве груза? Иногда мехи используют биологические компоненты, которые устойчивей простых логических цепей и лучше выдерживают воздействие космических лучей.

Через каждый мидур Гарри приходилось останавливаться, чтобы выпустить очередной пакет Вер'Кв'квинна. Он старательно прицеливался, чтобы пакет попал в Авеню и начал собирать данные для техников Института. Гарри надеялся, что эти данные окажутся ценными.

Конечно, у босса и так хватает данных: инструменты установлены не только на гиперпространственных уровнях А, Б и Ц, но и во всех пунктах перехода. Больше того, все путники обязательно сообщают обо всем встреченном во время полета.

Зачем было посылать Гарри собирать информацию в таком странном месте? Но кто он такой, чтобы судить?

Я в самом низу тотемного столба. Могу лишь как можно лучше выполнять свою работу и не пытаться перехитрить шефа.

Во время предполетного инструктажа Гарри узнал, что на всех маршрутах Пяти Галактик наблюдаются признаки напряжения. Разрывы и отклонения стали настолько частыми, что торговля несет значительные убытки. Однако когда Вер'Кв'квинн попытался сделать запросы в высших сферах Института, отчетливого ответа он не получил. Только успокоительные и уклончивые заверения:

Эти происшествия не являются неожиданными.

Меры были приняты (очень давно) для решения этой проблемы.

Агенты вашего уровня не должны заниматься причинами или долговременными последствиями.

Исполняйте свои обычные обязанности. Защищайте маршруты. Охраняйте население. Продолжайте сообщать данные. Я прежде всего не допускайте паники. Вселяйте в общество

Уверенность.

Содержите оборудование в полной готовности.

Отмените все отпуска.

Инструкции такого типа не казались Гарри вдохновляющими. Даже Вер'Кв'квинн был встревожен — хотя, конечно, трудно судить о настроении сухопутного моллюска.

Ситуация заставляла Гарри снова и снова думать о его нынешнем дежурстве.

Возможно, Вер'Кв'квинн не получал у своих боссов разрешения на мой полет. Он направил меня, чтобы посмотреть на происходящее с перспективы, которую в штабе не могли предвидеть.

Гарри ценил доверие своего начальника… но в то же время тревожился из-за последствий.

Неужели все распадается? — думал он. *Может, проповедник скиано прав. Если это конец света, что еще можно делать, как не смотреть на состояние своей души?*

За мидур до отлета на это дежурство он со смешанными чувствами и с некоторой тревогой принял приглашение скиано посетить собрание его последователей. Зайдя в небольшой склад в дешевом районе Каззкарка, он увидел самых разных существ, входящих в необычную новую

секту.

Тут была пара дородных синтианцев — существ, традиционно симпатизирующих земным обычаям и концепциям, а также несколько маленьких вазунов, пучеглазый прингг, три пор'н'ата, полосатый ругуггл и…

Гарри помнит, как удивленно покачнулся в отчаянии, увидев толпу страшных Братьев Ночи! Братья, с мускулистыми руками и акульими лицами, были известны непостоянством своих религиозных импульсов, они становились последователями самых разных сект и фанатично следовали их заветам… пока не знакомились с другой сектой. Тем не менее Гарри поразило, что он видит их здесь, в таком смешанном обществе, рядом с существами, которые обычно не имеют никаких контактов с этим кланом.

Все эти разнообразные верующие собрались перед символом, который показался Гарри одновременно очень странным и тревожным, — это было голографическое изображение Земли, родины его вида неошимпанзе. Земля была изображена на фоне крестообразных исходящих от нее лучей. Голограмма повернулась, планета словно разбухла, а затем взорвалась, добавив свою суть к ярким лучам. Символическое изоб-

ражение дара просвещения, сделанного путем полного самопожертвования.

Несколько мгновений спустя планета чудесно воскресла, и цикл начался снова.

Нас учили, что цель жизни — наше совершенствование, проповедовал скиано, говоря вначале на диалекте галдва, сверканием собственных глаз, потом почти одновременно на галактическом семь — через автоматический переводчик в руке.

Несомненно, это справедливо. Эта истина переходит границы всех порядков и классов. После достижения разума жизнь не должна быть простым генетическим продолжением. Давным-давно Прародители учили, что наша высочайшая цель — сознание своей цели. Чтобы существование имело смысл, нужна цель. Цель, к которой должны стремиться наши жизни.

Но что совершенно в этой вселенной? Конечно, не материя, которая разлагается, со временем уничтожая даже величайшие создания, превращая грандиозные памятники в тусклые следы радиации. Любой индивидуальный организм стареет и со временем умирает. Некоторые достижения могут быть записаны и сохранены, но подлинные усовершенствования со временем

стираются и пропадают.

Даже космос, который мы воспринимаем своими органами чувств, кажется, обречен на энтропию и хаос.

Только виды со временем становятся лучше. Вначале слепая эволюция готовит путь на мириадах планет-детских, испытывая бесчисленные типы животных, пока не возникнут драгоценные предразумные формы жизни. Затем эти формы попадают в благословенный цикл принятия и Возвышения, получая Руководство со стороны тех, кто пришел раньше, и со временем ускоряя свое совершенствование.

До этого момента путь, указанный Прародителями, был хорошим и мудрым. Он означал, что планеты-детские священны и должны охраняться. Он обеспечивал передачу мудрости в бесконечном цикле воспитания.

А когда старшие виды научили всему, чему могли, достигнув высоких уровней вдохновения и проницательности? Тогда наступает их очередь уйти от жизни космических путников и искать расового совершенства в любящем Объятии Приливов.

Говорят, что и сами Прародители пошли по этому пути, в тиски гравитации, и ждут там все

новые генетические линии, которые достигнут полной трансцендентности.

Скиано стиснул свои снабженные присосками руки и наклонился к собравшимся.

Но единственный ли это путь к совершенству? Такой долговременный, ориентированный только на спасение видов взгляд кажется холодным, особенно в наши дни, когда осталось совсем мало времени. И молодые расы просто не успеют пройти прежним путем.

К тому же где здесь место для индивида? Конечно, большое удовлетворение получаешь, зная, что твоя жизнь прошла не напрасно, что следующее поколение будет лучше твоего и тем самым продвинется чуть ближе к совершенству. Но где награда для преданных, хороших и честных в этой жизни?

Ведь индивиду не предлагается ни продолжение, ни трансцендентность.

Поистине, друзья и товарищи, я здесь, чтобы сообщить вам, что такая награда существует! Она приходит из самого маловероятного места. Со странной маленькой планеты, где волчата поднялись к разуму самостоятельно, цельным и девственным путем, после долгого трудного Самовозвышения, и их полное одиночество смяг-

чали только песни китов.

Только это… и еще успокаивающее обещание, данное им единственным истинным Богом.

Обещание ужасное и прекрасное. То обещание, которое маленькая планета Земля вскоре исполнит, принеся себя в жертву ради всех наших грехов. Да, она пожертвует собой ради всех индивидуальных существ.

Это обещание спасения и вечной жизни.

После отправки последнего пакета у Гарри еще оставалось время до того, как начать их собирать, поэтому он снова занялся нарушителями.

Все трое держались вблизи Авеню… разумная предосторожность, поскольку обычные космические корабли не приспособлены для навигации в пространстве Е. Таким образом, у них сохраняется возможность нырнуть в реальную вселенную, если здесь, в царстве мемо, что-то пойдет не так.

Конечно, «нырок» в Авеню тоже связан с опасностями. Например, вы действительно можете появиться в одной из Пяти Галактик, и каждый атом будет правильно расположен по отношению к своим соседям… но все они будут разделены не ангстремами, а метрами, ваше тело приобретет размеры звезды и плотность самого разреженного вакуума.

Но даже если корабль и его экипаж сохранят физическое сцепление, вы можете появиться в районе пространства, далеком от всех бакенов или п-пунктов, и буквально станете заблудившимся и выброшенным на берег.

Корабль Гарри по сравнению с другими гибок и гораздо более приспособлен для такого странного способа передвижения. Он сконструирован специально для пространства Е, его пилотирует хорошо подготовленный живой наблюдатель, и он способен отыскать гораздо более безопасные пункты входа и выхода, чем сама Авеню.

Из кораблей, которые преследовал Гарри, его больше всего беспокоило машинное существо, вызывая нечто вроде жалости.

Оно здесь крайне уязвимо. Бедный мех должен почти вслепую нащупывать путь.

Гарри ускорил передвижение станции на полусогнутых ногах; ему было любопытно узнать, что может заставить машинное существо вторгнуться в пространство Е, идя по следу двух кораблей кислородников. Вскоре он начал отмечать следы цифрового сознания — явное доказательство действия компьютеров высокого уровня. Они постоянно и без маскировки работают где-то в глубине этой дымки.

Все равно что посылать открытое сообщение всем хищным мемо по соседству. Эй вы! Хищники. Придите и сожрите меня!

Гарри всматривался в дымку, чтобы получше разглядеть фантастически крутой *утес* впереди, серовато-белый, покрытый симметричными красноватыми пятнами. Неожиданная преграда поднималась вертикально, исчезая в тумане через несколько метров — или миль — над головой, а сверкающая, похожая на трубу Авеню словно уходила прямо в него!

Красновато-оранжевые пятна размещены строго геометрическими рядами, словно бесконечный строй боевых кораблей. Гарри с сомнением разглядывал их, пока пилот не определил, что это двумерная раскраска. И ничего больше.

Станция, покачиваясь, двинулась дальше по степи с пушистыми растениями, и вскоре Гарри увидел отверстие, достаточно широкое, чтобы пропустить Авеню. Остается еще небольшое пространство, которое позволяет войти разведочной станции или небольшому кораблю.

Кажется, кто-то здесь использовал энергетическое оружие, задумчиво сообщил режим пилотирования.

Теперь Гарри видел, что пещерообразное отвер-

стие расширено какой-то разрывающей силой. По краям отверстия разбегаются трещины. Среди пушистых цилиндров лежат обломки стены.

— Придурки! Их корабль был слишком велик, чтобы войти. И вместо того чтобы искать метафору, которая бы их пропустила, они проламывают дорогу!

Гарри покачал головой. Опасно пытаться силой изменить пространство Е. Гораздо лучше действовать, подчиняясь его необычным правилам.

Очевидно, это произошло год назад, когда больший корабль пытался преследовать меньший. Хотите включить режим наблюдения, чтобы установить, какое оружие использовалось?

Гарри покачал головой.

— На это нет времени. Мы явно имеем дело с идиотами… или фанатиками. И то и другое означает неприятности.

Гарри всмотрелся в черноту, окружающую Авеню. Несомненно, здесь еще одна граница перехода. И как только он ее пересечет, метафорические правила снова изменятся.

Вер'Кв'квинну это не понравится. Нет никаких гарантий, что, войдя, Гарри сможет вернуться тем же путем. А ведь предполагается, что его первейшей обязанностью являются пакеты с

инструментами.

После долгой паузы, проведенной преимущественно в почесываниях в стиле неошимпанзе, он хмыкнул и принял решение.

— Входим, — приказал Гарри. — Подготовиться к смене символов! — Он сел в кресло командира и пристегнулся. — Закрыть жалюзи и…

Курсивное «П» вспыхнуло ярче.

Предупреждение! Что-то приближается!

Гарри выпрямился и осмотрелся. Половину его поля зрения занимал крутой утес. В другой половине тянулась Авеню, уходя в ту сторону, откуда он пришел, по открытой равнине пушистых растений, насколько позволяла видеть дымка.

Дергая себя за большие пальцы, он вспомнил первое правило безопасности в пространстве Е. Если сомневаешься в незнакомце, сиди тихо и узнай, кто это, раньше, чем он узнает о тебе.

— Идентификация? Ты можешь сказать, что приближается?

Программа пилотирования колебалась всего лишь мгновение.

Объект неизвестен. Он приближается внутри зоны перехода.

Он в темной пещере прямо впереди! Значит, исключается нырок вперед, чтобы спрятаться.

Гарри поерзал, отчаянно ища подходящую идею.

— Нам нужно убраться из виду, — сказал он. — Но как? *Не могу ответить, если только мы не решим улететь. Вы*

Еще не нашли способ, Харви?

— Нет, черт тебя побери, не нашел! *Привидение приближается.*

Гарри кулаками ударил по ручкам кресла. Пора что-то придумать.

— Двигаемся к стене!

Станция отозвалась проворным галопом. Сунув руки и ноги в главные контрольные рукава, Гарри крикнул:

— Беру управление на себя!

И когда станция добралась до крутой стены, он протянул две передние ноги и заставил прижаться плоскими ступнями к гладкой поверхности.

Гарри затаил дыхание.

Затем, так естественно, словно она для это и создана, станция начала подниматься по стене.

ОЛВИН

Я должен поспешить с этим отрывком из дневника. Некогда отделывать стиль. И нельзя попросить автописца исправить грамматику или заменить слова. Мы уже на борту одной из теннанинских шлюпок, хотя все еще в «Стремительном»; стартуем меньше чем через мидур. Нужно записать побыстрее, чтобы копия осталась на корабле.

Понимаете, я хочу, чтобы экземпляр был у Джиллиан Баскин, потому что мы понятия не имеем, чем кончится наш полет. Нас отправляют в надежде на то, что шлюпка благополучно доберется до безопасности, а сам «Стремительный» двинется навстречу таким опасностям, которые никогда раньше не встречал. Но может получиться и наоборот. Если я чему-то и научился в наших приключениях, так это тому, что заранее ничего нельзя считать гарантированным.

К тому же доктор Баскин дала мне обещание. Если она уцелеет, а мы нет, она позаботится, чтобы мой дневник был опубликован на Земле или где-нибудь еще. Так что даже если я умру, то все равно стану настоящим писателем. И то, что я

написал, будут читать и через столетия и, может быть, на многих планетах.

Я думаю, это здорово и почти примиряет меня с разлукой, хотя прощаться с друзьями на борту корабля почти так же тяжело, как было с семьей на Джиджо.

Ну, по крайней мере один член экипажа отправляется с нами, он поведет наш маленький корабль. Доктор Баскин отдает нам своего лучшего пилота, чтобы мы благополучно добрались до цели.

— Кажется, первоклассный пилот не сделает ваш полет более безопасным, — сказала она нам. — Но с вами, ребята, должен быть Каа, если вы хотите получить хотя бы небольшой шанс.

Гек, конечно, замахала всеми четырьмя стебельками и начала протестовать тем особым жалобным тоном, который г'кек-подросток способен довести до совершенства.

— Нас изгоняют! — завывала она. — Именно в тот момент, когда начинается самое интересное!

— Это не изгнание, — ответила Джиллиан. — Вы выполняете важное и опасное поручение. Такое, для которого подготовлены только джиджоанцы. Поручение, которое сделает все, через что мы прошли, не напрасным.

Конечно, они обе правы. Я не сомневаюсь в том, что отчасти нас отсылают, потому что мы молоды и Джиллиан чувствует себя виноватой, что держит нас на борту, где с каждым дуром становится все опасней, причем опасность надвигается одновременно с десятка направлений. Она явно предпочитает, чтобы мы четверо, и особенно г'кек, оказались где-нибудь в безопасности, и поскорее.

С другой стороны, не думаю, чтобы она рассталась с Каа, если бы на это не было важной причины, которая помогла бы ей завершить свою миссию. Я верю, что она искренне хочет, чтобы мы благополучно пронесли нашу тайну через Пять Галактик и каким-то образом связались с Террагентским Советом.

— Раньше, только с людьми и дельфинами на борту, мы не могли этого сделать, — объяснила доктор Баскин. — Даже если бы нам тайком удалось добраться до какого-нибудь далекого порта, стоило нам заговорить, чтобы купить припасы или спросить о направлении, как нас тут же заметили бы. Земляне слишком известны, они пользуются слишком дурной репутацией, чтобы кто-нибудь из нас сегодня мог оставаться инкогнито.

Но кто обратит внимание на молодого ура? Или на маленького красного квуэна? Или на хуна, идущего по пристани? Вы типичные потрепанные звездные путники, продающие крупицы информации, подобранной по пути, чтобы оплатить проезд четвертым классом или чтобы по личному делу добраться до сектора Танит.

Конечно, Гек придется прятаться или маскироваться — вы можете перевозить ее в контейнере для животных, пока не достигнете безопасного места. Тимбрими защитят ее. Или, может быть, теннанинцы — конечно, если она примет условия договора и их напыщенные советы относительно проведения кампании расового усовершенствования. В любом случае слишком многое от нее зависит, чтобы рисковать.

Напоминание Джиллиан заставило Гек перестать протестовать против того, что ее «пересылают с места на место». Из всех путников у моей подруги больше всего оснований оставаться живой. Она единственный живой г'кек за пределами Джиджо, и поскольку джофуры могут уничтожить всех г'кеков у нас дома, похоже, ее призвание отныне не путешествия, а выращивание потомства. И эту перспективу она находила отрезвляющей.

— А как же Каа? — спросила Ур-ронн, покачивая гладкой длинной головой и говоря с заметным урским акцентом. — Трудно будет замаскировать БОЛЬШОГО дельфина. Мы должны носить его в вагаже?

Не обращая внимания на урский сарказм, доктор Баскин покачала головой.

— Каа не будет сопровождать вас по пути к Танит. Он слишком заметен. К тому же я дала ему обещание, и пора его выполнить.

Я собирался спросить об этом… какое обещание она имеет в виду… когда в ситуационное помещение вошла лейтенант Тш't, чтобы сообщить, что погрузка припасов для путешествия в шлюпке закончена.

Хуфу, мой любимый нур, сидела у меня на плече. Но ее разумный родственник, таинственный титлал по имени Грязнолапый, вылизывал шерсть на соседнем столе для совещаний, напоминая земное животное — выдру, если бы не белая щетина на шее и выражение крайней скуки и отвращения.

— Ну? — спросила у него Джиллиан, хотя с самого отлета с Джиджо он отказывается говорить. — Хочешь увидеться с тимбрими и доложить им, как обстоят дела на Джиджо? Или

отправишься с нами, за пределы нормальных порядков жизни?

Я думаю, формулируя таким образом, Джиллиан ожидала только одного ответа от любопытного титлала. Но меня не удивило, что она получила другой.

Титлал готов откусить кончик собственного хвоста ради хорошей шутки.

Думаю, нужно рассказать, как мы добрались до этого момента — торопливо снаряжая шлюпку, чтобы отослать ее подальше от того места, куда направляется «Стремительный».

Причина в том, что Джиллиан как будто получила гораздо лучшее предложение.

Или по крайней мере такое, от которого не смогла отказаться.

Как мы дошли до того, что наши пути расходятся?

Когда я остановился в прошлый раз, «Стремительный» несся по сложным линиям пункта перехода всего в нескольких десятках полетов стрелы от боевого корабля джофуров, который цеплялся за нас, как прыгун прерий цепляется за своего последнего детеныша. Казалось, у нас только один способ оторваться от врага — направиться прямо к штаб-квартире одного из больших

Институтов, где будет большое движение и множество других боевых кораблей поблизости. Если все получится, вскоре Институт объявит перемирие и защитит нас, прежде чем «Стремительный» будет уничтожен.

Конечно, трудный план, но лучше никто не смог предложить. И он не позволил бы джофурам использовать наши тайны против других кланов Пяти Галактик.

И вот мы здесь, несемся вдоль линии п-пункта, избегаем столкновений с кораблями с сотен разрушенных фрактальных миров, которые распадаются по всей Четвертой Галактике.

Не спрашивайте меня, почему и как это случилось, потому что я сам не понимаю. Но по крайней мере один из джиджоанцев представляет себе происходящее. Мудрец Сара как будто понимает, почему часть этих огромных кораблей меняет форму прямо у нас. на глазах — и не только форму, но и символ на носу.

Как я понял, некоторые из этих беженцев ищут новый дом для отставников, чтобы возобновить спокойную, полную размышлений жизнь. (Хотя, кажется, очень трудно найти свободные места.)

Другие решили отказаться от этого комфортабельного существования и на время нынешнего

кризиса вернуться к своим родичам в кислородном порядке жизни. Доктор Баскин хотела пройти вместе с этой толпой, которая пытается добраться до самых населенных зон Пяти Галактик.

Есть и третий выход, избранный меньшей частью — теми, кто счел себя готовым подняться на следующую ступень лестницы разума, к гораздо более высокому состоянию. Но мы считали, что нам эта группа не причинит препятствий.

Как же мы ошибались!

И вот мы здесь, в самом центре пункта перехода, у похожей на узел с петлей структуры, которую Каа называет *трансгалактической связью* и которая вытолкнет нас из старой Четвертой Галактики… когда это случится.

Прогремела тревога, мы свернули на новую нить, всю в петлях, и вот она перед нами.

Вначале я увидел плывущее облако света, бесформенное, без намека на внутреннее строение. Но когда мы приблизились, картина изменилась. У меня создалось впечатление гигантского существа со множеством извивающихся рук! Эти придатки устремлялись к нитям перехода, сходящимся к существу, и *срывали корабли, как ягоды с лозы!*

— . Ух… это нормально? — спросила Гек… без

всякой необходимости, потому что мы видели выражение лиц наших друзей с Земли. Они никогда ничего подобного не встречали.

Запинаясь, Клешня благоговейно спросил:

— Это Б-б-бог?

Никто не ответил, даже саркастическая машина Нисс. Мы неслись прямо к этой гигантской штуке, и у нас не было никакой возможности вовремя уйти от нее. Мы могли только смотреть и считать проходящие дуры, несясь навстречу сиянию в ожидании своей очереди.

Свет заполнил все небо. Огромный луч упал на нас… и неожиданно все начало происходить о-ч-е-н-ь м-е-д-л-е-н-н-о.

Странные ощущения распространялись из желудка, а кожа в то же время необычно оцепенела. «Стремительный» сдернули с нити перехода, и рев машин сменился шепотом. Все экраны заполнились белизной, в этом свете как будто не было никакого тепла. Парализованный страхом, я думал, что нас глотает какое-то голодное чудовище. А может, это бесстрастный природный феномен. Впрочем, какая разница?

Оттенок освещения настолько совершенен, обладает такой великолепной текстурой, что я неожиданно понял, что это может быть только

чистая и дистиллированная смерть.

Сколько длился этот переход, понятия не имею. Но постепенно ослепительный свет ослаб, и странные желудочные ощущения прошли. Двигатели «Стремительного» по-прежнему работали приглушенно, но время вернулось к нормальному ходу. И мы смогли отчетливо видеть.

Сара крепко держалась за Эмерсона, а Прити, маленький шимп, обнимала их обоих. Ур-ронн жалась к Гек и Клешне, а Хуфу и Грязнолапый всеми когтями вцепились мне в плечи.

Мы осматривались, пораженные тем, что еще можем это делать.

Экраны снова ожили, показывая, что мы по-прежнему внутри искривленных кишок пункта перехода… только мы больше не касались нити! Казалось, «Стремительный» окружает большой пузырь истинного пространства.

И не только «Стремительный». Со всех сторон, расположенные длинными рядами, висели другие космические корабли! Большинство гораздо больше нас. И все молча, по-видимому, чего-то ждали.

С опозданием рядом с нами наконец возникла голограмма Нисса. Путаница его линий казалась напряженной и встревоженной.

Я вижу только одну общую особенность у всех этих кораблей, сказал он. *На всех знак Единства. Символ, состоящий из двух линий, сходящихся под углом в сто четыре градуса. Эмблема Трансцендентности.*

Теперь, глядя на это белое сияние, мы видели, что оно каким-то образом *сортирует* корабли, которые снимает с нитей перехода. Некоторые — таких большинство — собираются вокруг светящегося шара и отправляются назад. И сразу исчезают, как будто торопятся сбежать в другие галактики.

Но примерно каждый сотый корабль отводится в сторону. Белое сияние как будто внимательно осматривает его со всех сторон, а потом большинство из осмотренных присоединяется к нашей фаланге избранных…

Кто мы, избранные? Пленники? Образцы? Кандидаты? Закуска?

К нашему облегчению, это последнее предположение не подтвердилось; мы увидели, что ближайший космический корабль внезапно запульсировал мягким свечением, проходя обратное преобразование. Через мгновение символ из двух линий снова сменился концентрическими кругами. И корабль сразу начал выходить

из строя, возвращаясь в поток улетающих беженцев.

— Струсили, — диагностировала как всегда милосердная в оценке других Гек. Пока мы наблюдали, то же самое произошло еще несколько раз. Но белое сияние продолжало добавлять все новых членов к нашим рядам.

Эмерсон д'Аните принялся настраивать дисплей дальнего обзора и вскоре хмыкнул, указывая на свое открытие — что наш пузырь локального пространства-времени не единственный! Поблизости было не меньше десятка других, а возможно, и гораздо больше. В некоторых находились угловатые, в форме фракталов корабли, как те, что рядом с нами. Другие были заполнены желтыми пузырчатыми фигурами, приблизительно шарообразной формы, которые иногда сливались или разделялись, словно капли жира.

— Занги, — определил Эмерсон, явно гордясь тем, что может вслух назвать эти комковатые объекты, как будто это единственное слово может рассеять наше недоумение и смятение.

— Гм, — начала Сара. — Кто-нибудь понимает, что тут происходит? Может, я что-то пропустила? Неужели нас ошибочно приняли за членов порядка трансцендентной жизни?

Лейтенант Тш'т мотнула большой пятнистой серой головой.

— Неплохое было бы повышение, — сардонически заметила она.

Действительно, согласился Нисс. *Большинство кислорододышащих существ проводит сотни тысяч лет в торговле, Возвышении, войне и звездных полетах, прежде чем чувствует призыв, отыскивает спокойную звезду и живет возле нее в Объятиях Прилива. Вступив в порядок «ушедших в отставку», такие существа могут провести здесь еще миллионы лет, готовясь к следующей ступени.*

Ур-ронн высказала предположение:

— Может, спросить у отрасли Вивлиотеки, которая у вас на ворту?

Вертящийся Нисс ответил:

В Галактической Библиотеке мало информации о порядке «ушедших в отставку», поскольку старейшие обычно говорят, что это не наше дело.

А что касается того, что происходит еще позже… что ж, тут мы погружаемся в область религии. Большинство главных культов Пяти Галактик как раз основано на этом пункте — что значит для расы перейти в трансцендент-

ность. Многие верят, что первыми по этому пути прошли Прародители, попросив остальных следовать за ними. Но…

— Но это не ответ на вопрос Сары, — закончила Джиллиан Баскин. — Почему *нас* отобрали, чтобы мы присоединились к сборищу? Может быть…

Она замолчала, заметив, что немой бывший инженер Эмерсон д'Аните жестами просит обратить внимание. Он все время постукивал себя по носу, потом указывал вперед, на окно, отделявшее ситуационное помещение «Стремительного» от мостика. Вначале никто ничего не понял. Затем Тш'т понимающе пискнула:

— Нос корабля? Помните, как фракция древних и машины переделали наш корпус, дав нам новое неизвестное оружие. А что, если они так же изменили и наблюдателя ИРП на борту? Никто из нас туда с тех пор не заглядывал. Может, там уже нет спиралей с лучами! Может быть, там…

Она не закончила. Мы все поняли, к чему она ведет. На носу «Стремительного» эмблема, которая делает нас теми, кем мы определенно не являемся.

Остальные нашли такое предположение вероятным… хотя никто не мог понять, зачем это понадобилось нашим благодетелям. Или какими

могут быть последствия, когда это установят.

Я смотрел на Джиллиан Баскин, стоящую впереди всех, и видел, что она не принимает эту теорию. У женщины, очевидно, было на уме что-то другое. Возможно, иное объяснение нашего пребывания здесь.

Вероятно, я был единственным, кто расслышал слово, произнесенное ею печальным и покорным тоном.

Я записываю это слово сейчас, хотя понятия не имею, что оно означает.

Вот что она сказала:

— *Херби…*

Итак, мы нашли себе общество.

Кажется, «Стремительный» все-таки отыскал убежище… своего рода. По крайней мере корабля джофуров не видно, хотя кто знает, не покажется ли он вновь. Во всяком случае, доктор Баскин решила не сопротивляться этому повороту колеса судьбы, но воспользоваться им и посмотреть, куда это нас приведет.

Но мы, из Вуфона, этого не увидим. Мы поднимемся на борт старой теннанинской звездной шлюпки — у которой на носу по-прежнему спиральный символ, — и пилот Каа благополучно выведет нас во Вторую Галактику. Это

будет нелегко. Особенно трудно прикрепиться к быстрой линии перехода из этого странного пространственного пузыря. И когда мы найдем какой-нибудь захудалый космопорт, где никто нас не заметит, это будет только началом наших трудностей.

Там, если позволит поворот кости Ифни, мы начнем действовать как посланцы Джиллиан, доставим нашу ценную информацию, а потом, может быть, подумаем и о том, как жить дальше.

Как и Гек, я испытываю смешанные чувства. Но что еще мы можем сделать? Только попытаться.

Тш'т уже закончила погрузку припасов в наш трюм. Каа в специальном пилотском седле бьет плавниками, ему не терпится начать полет. Те, кто остается, уже обняли нас и пожелали нам удачи.

— Пусть Джиджо гордится вами, — сказала нам мудрец Сара. Мне хотелось бы, чтобы она летела с нами и мы могли бы пользоваться ее мудростью. К тому же тогда были бы представлены все шесть рас Склона. Но если кто-то с нашей маленькой тайной планеты и должен увидеть, каковы *трансцендентные существа,* и не просто увидеть, но и понять хоть что-нибудь, так это она. Полагаю, дела обстоят именно так.

Тиуг, алхимик треки, испускает ароматные испарения. Этот запах смягчает наш страх и печаль расставания. Если треки спокойно встречает перспективу встречи со вселенной, полной джофурами, то я тоже могу спокойно отнестись к возможному столкновению с давно утерянными родственниками хунами — нашими далекими родичами, которые ведут комфортабельную жизнь могучих звездных богов, но никогда не читали Конрада, Эллисона или Твена. Бедняги!

— Надо назвать эту штуку, — настаивает Клешня, постукивая когтем по металлическому корпусу нашей шлюпки.

Ур-ронн кивает гладкой урской головой.

— Конечно, ей подходит только одно название.

Я соглашаюсь низким ворчанием. Поэтому мы все поворачиваемся к Гек, которая пожимает стебельками, частично выражая ту ответственность, которая отныне лежит на ней.

— Пусть будет «Мечтой Вуфона», — соглашается она, и таким образом наше решение становится единогласным.

Джиллиан Баскин ждет у входного люка, чтобы передать мне копию диска из моего автописца. Так что я должен закончить эту главу — такую необработанную и отрывистую.

Если на этом, дорогой читатель, моя история заканчивается, это означает, что «Стремительный» уцелел, а мы нет. У меня нет ни сожалений, ни жалоб. Просто помните о нас, если вам этого хочется.

Спасибо, доктор Баскин. Спасибо за приключения и за все.

Удачи.

И прощайте.

ГАРРИ

С тех пор как он впервые двинулся по этой равнине искривленной пушистой растительности к отдаленным узким пикам, поднимающимся к обширной нависающей плоскости, что-то в этом районе пространства Е показалось ему необыкновенно знакомым. Затылок Гарри постоянно и неприятно *щекотало* — таким образом неошимпанзе выражает ощущение дежа-вю.

Теперь он смотрел на ту же сцену с другого головокружительного угла: его разведочный корабль висел посреди голубоватой дымки на гигантском крутом утесе. Гладкую вертикальную поверхность покрывали бесчисленные красноватые рисунки, расположенные симметрично, словно следы армии чудовищ с плоскими ступнями.

— Что ж, — заметил Гарри голосом, хриплым от удивления. — Никогда не делал этого раньше. Кто бы мог подумать, что местные правила позволят большой машине подниматься вверх, словно паук по ст…

Гарри замолчал. Неожиданное осознание заставило его молча открыть и закрыть рот.

Не может быть!

Он посмотрел на повторяющийся рисунок на стене утеса, потом взглянул на далекие шпили, почти теряющиеся в дымке. Мысленное изменение масштаба сделало все предельно ясным.

Я… догадался бы раньше, если бы не расплывающиеся картины этого проклятого места.

Он чувствовал себя космически глупым. Гарри вслух застонал.

— Клянусь бородой Читы и грыжей Тарзана… это *комната* . Комната в каком-то проклятом доме!

Осознание позволило ему с опозданием сфокусировать восприятие.

Прерия пушистых растений? *Ковер!*

Высокие узкие шпили?

Ножки мебели. Л эта огромная плоская поверхность, с которой я упал раньше, должно быть, стол.

Рисунки на «утесе», вероятно, обои или какая-то их безвкусная замена. С такого близкого расстояния он не мог понять, земной ли это рисунок или чужой.

В этой зоне пространства Е бывает так мало посетителей, что она, должно быть, до моего появления находилась в сыром, непроявленном состоянии. Вся эта проклятая штука сосре-

доточилась вокруг образа, взятого из моего подсознания!

В прошлом дежурстве он думал о конструкции станции, снабженной длинными ногами, сравнивая ее с пауком. Может, именно эта мысль помогла сформировать такой причудливый личный субкосмос.

Если, конечно, я не лежу в бреду под тоннами обломков, там, куда упала станция сразу после прибытия.

В любом случае это показывает, почему разумные считают этот район пространства Е особенно опасным.

Наверно, так видят окружение в комнате насекомые — все расплывается в туманной дымке. Гарри подумал, а есть ли на стенах картины, ваза с фруктами на столе и котенок, мурлыкающий на диване.

Может, лучше не знать, чтобы пространство Е не воплотило и эти образы.

И только одна деталь противоречила впечатлению странной гигантской гостиной — Авеню, тонкая извилистая светящаяся труба, которая выходит из дымки, ползет по полу и уходит в стену под наблюдательным пунктом Гарри. Место, именуемое реальностью, где правят материя и

строгие физические законы.

Чувствую приближающуюся вибрацию, объявила станция. *С точки соединения-разрыва.*

Иными словами, из той мышиной норы, где Авеню устремляется к другой зоне пространства Е. Три нарушителя прошли этим путем, оставив отчетливые следы. Вначале, примерно год назад, протиснулся маленький корабль… за ним прошел преследователь, беззаботно проложив более широкий след. Оба следа свидетельствуют о кислородной жизни. Третий, более поздний след, оставляет противоречивое впечатление.

А теперь что-то движется в противоположном направлении.

Гарри посмотрел на оружейную консоль станции и увидел, что горит несколько огоньков… это значит, что оружие может здесь функционировать, хотя остается еще понять, каким именно образом.

— Что ж, посмотрим, получится ли у нас этот трюк снова, — вполголоса произнес он.

Пользуясь ручным управлением, он с глухим звуком прикрепил якорь реальности к стене. Затем, чуть нервничая, одну задругой отсоединил цеплявшиеся к стене ноги, так что станция повисла высоко над землей.

— Опускаемся! — Он приказал нити растянуться и остановился на высоте в два корпуса корабля над тем местом, где ковер соединяется со стеной. Авеню находилась совсем рядом, слева от него.

Что бы ни приближалось… оно не может быть много больше станции. Л большинство космических кораблей, которые посещают пространство Е, не приспособлены к нему. У меня есть преимущества, включая внезапность.

Рассуждения казались логичными. Гарри почти убедил себя.

Но логика — капризный друг, даже в привычной вселенной. В пространстве Е это всего лишь одна из многих игр, в которые вы играете символами и идеями.

Один из многих способов обмануть себя.

Вот оно! — сообщил режим пилотирования, когда что-то Показалось из темного туннеля.

Выглядело это жалко — нечто нелепо длинное и едва способное протиснуться сквозь туннель. Пришелец представлял собой цепочку соединенных петлями сегментов на жестких искусственных ногах. Он быстро выбрался из узкого прохода, потом свернул и прижался к стене, по его сегментам пробежала дрожь. У Гарри, смотревшего сверху, сложилось впечатление чего-то

раненого и испуганного, прячущегося, словно пытаясь перевести дыхание.

Ему не потребовалось включать режим наблюдения, чтобы понять, что это существо — машина. Ее выдавала жесткая формальность движений. Гораздо значительней тот факт, что пришелец не очень легко менялся. Любая другая форма жизни, попав в новый район пространства Е, тут же испытала бы преобразование, приспосабливая свое восприятие, свой *гештальт,* к новому окружению.

В этом царстве вера обычно создает среду.

Однако по самой своей сути машины есть высшая манифестация проявления физических законов. Источником их силы в реальности являются логичность и постоянство. А здесь эти же качества вредны. Столкнувшись с необходимостью приспособить форму к новому окружению, машина может это осуществить, только тщательно оценив новую обстановку, составить план и только затем начать его последовательно осуществлять.

Посмотрев в телескоп, Гарри увидел, что поверхность машины кишит маленькими подвижными объектами — это ремонтные роботы, они лихорадочно меняют форму машины, ре-

жут, отсоединяют, переставляют части. В этом процессе отпадают кусочки, рассыпаются по ковру. Атомный сенсор Гарри показывает целое поднимающееся облако частиц… очень скоро эти останки привлекут стервятников-мемо.

Совершенно очевидно, что это существо было когда-то звездным кораблем, жителем глубокого вакуума и тьмы. Удивительно, что машина вообще может приспособиться к такому окружению.

Сенсоры просигналили об аномальных показателях. Часть уходящих в окружающую среду частиц состоит из кислорода, азота и сложных органических соединений — признаков совершенно иного порядка жизни.

Минутку.

Гарри уже начал кое-что подозревать. Теперь он был совершенно уверен.

Это и есть тот третий нарушитель, которого он преследовал.

— Должно быть, столкнулся с чем-то неприятным, — вслух размышлял он. — С чем-то таким страшным, что побежал назад.

Режим пилотирования подтвердил его подозрения.

Обнаружено еще несколько привидений, приближающихся к границе разрыва с противоположной

стороны, быстро следуя за первым.

Гарри уже определил, что источник необычных следов находится в середине гусеничноподобной машины. *Жилое помещение.* Контейнер, содержащий атмосферу и другие жизненно необходимые материалы. Эти стеклянные полоски; должно быть, окна, хотя внутри слишком темно, чтобы можно было что-то разглядеть.

Очевидно, машина знала, что времени у нее немного. Перестройка ускорилась, но маленькие роботы начали перегреваться и падать на ковер, который уже медленно извивался, демонстрируя признаки звериного голода. Атомы редки в пространстве Е и долго здесь не задерживаются. Многие простые мемо находят частички материи питательными; они прибавляют немного подлинной реальности к живым абстракциям.

Тридцать дуров до появления новых пришельцев, подтвердил режим пилотирования.

Хотя работа не была закончена, машина-гусеница решила, что времени больше нет, и начала пятиться от сияющей Авеню.

Интересно, почему она не пытается вернуться в реальное пространство, просто прыгнув в Авеню. Конечно, так можно оказаться где угодно, и потребуются столетия, чтобы найти подходя-

щий гиперпространственный маршрут, но разве у ма шин не достаточно времени?

Он мог бы назвать несколько возможностей.

Может быть, она настолько повреждена, что не выдержит переход.

Или, может, органический груз не хочет провести столетия, плывя в космосе.

Машина испытывала большие трудности. Металлические ноги начали застывать или ломались и отпадали. Гарри представил себе раненое животное, напрягающее последние силы.

Он повернулся, чтобы посмотреть на преследователей. Их появлению предшествовал луч света, вырвавшийся из туннеля. В ответ задрожали нити ковра. Затем появилось первое существо.

У Гарри сложилось впечатление о бронированном черве со сверкающей головой, покрытой блестящими плитами. Хищник темных нор и безвоздушных глубин. Но это быстро изменилось. Существо стремительно преобразовывалось, осваиваясь с новой обстановкой. Наверху выросли органы зрения, внизу возникло множество псевдопод, и вскоре существо стояло на мириаде тонких щупалец, словно тысяченожка.

Скорее меганожка, решил Гарри.

Только один тип существа способен так быст-

ро приспосабливаться к пространству Е. Тот, для которого эта местность родная. Сложный мемохищник. Идея, возможно сама идея хищничества.

Первое существо уже приспособилось к правилам этой огромной комнаты, за ним толпилось еще несколько — члены охотничьей своры, торопящиеся наброситься на беспомощную добычу.

Это не мое дело, тревожно думал Гарри, дергая большие пальцы. *Мой главный долг — собрать инструменты Вер'Кв'квинна. Мой второй долг — проследить нарушителей и задержать их... но об этом мемо позаботятся и без меня.*

Но решимость Гарри поколебалась, когда он вспомнил, как слушал проповедь скиано; тот с импровизированной трибуны под голограммой распятой Земли провозглашал догматы новой необычной веры. Светом и звуком евангелист доказывал, что каждое живое существо должно искать спасения собственной души.

— Хотя наша секта только недавно вышла на бульвары и переулки Пяти Галактик, прежние религии уже считают нас угрозой для себя. Они пытаются помешать нам ограничениями и юридическими преследованиями, используя бессовестные средства, чтобы остановить наших

посланников. И прежде всего они утверждают, что мы проповедуем *эгоизм.*

Если есть положение, с которым согласны отрекшиеся, ожидающие, трансценденты и представители других традиционных религий, так это утверждение о том, что спасение должно быть достигнуто только видами и кланами, которые усовершенствуют себя, идя по пути Прародителей в Объятии Приливов. Каждое поколение должно бескорыстно трудиться, чтобы его потомки могли шаг за шагом подниматься выше. Как ужасно, если триллионы и квадрильоны начнут думать о себе! Но что, если освобождение может быть достигнуто каждым индивидуальным живым существом, благодаря вере в Бога, который над и за всеми известными уровнями реальности вселенной?

Что, если и Объятие Приливов должно остаться позади — ради последующей жизни, описанной в священных земных творениях? Разве не прекратят все трудиться ради прогресса расы? Откажутся от будущего ради духовной награды *сегодня?*

Нижний набор глаз скиано сверкнул.

— Ответ существует. Ответ Будды, Моисея, Иисуса и других великих пророков, которые

проповедовали на Земле в эру ее великолепного одиночества. Их ответ — наш ответ — заключается в том, что величайшим оружием спасения всегда было сострадание.

Даже сейчас, много дней спустя, Гарри все еще не мог прийти в себя от многосложного, многостороннего несоответствия проповеди скиано.

Жуя губу, он обратился к плывущему «П» — символу режима пилотирования.

— Сколько здесь охотников?

Число мемоидов пять, ответил режим пилотирования. *Два уже полностью трансформировались и возобновили преследование машины-нарушителя. Два еще преобразуются. Один остается в туннеле, ожидая своей очереди.*

Гарри видел, как два мемохищника быстро перемещались по псевдоковру, передвигаясь на миллионе рябящих щупалец, и догоняли поврежденную машину. Еще два на глазах завершили преобразование. Гарри пожалел, что побывал на проповеди скиано.

На самом деле он и сам не понимал, какие мотивы заставляют его действовать. Отчасти это, должно быть, сострадание. Но Гарри предпочитал винить кое-что иное.

Любопытство.

Если позволю разорвать эту машину стае голодных мнений, никогда не узнаю, что было у нее внутри.

Появился и начал преобразовываться пятый мемоид.

Гарри решительно выкрикнул и нажал кнопку, высвобождая якорь реальности и заставляя станцию опуститься на все восемь вытянутых ног с когтями.

Первый противник самый слабый.

Во время преобразования, приспосабливая свой концептуальный каркас к новому окружению, мемоид беспомощен. «Перефразируя себя в другую идиому» — как объяснял Вер'Кв'квинн во время обучения Гарри. В это время его связность слабеет, и он становится уязвимым для постороннего мнения.

Когда набросившаяся станция прокололо в нескольких местах его спину, испустив несколько критических замечаний, мемоид сразу отреагировал.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

КОЛЕБАНИЯ.

СОМНЕНИЯ.

В пространстве Е идея может держаться, не обладая мозгом, способным мыслить. Но только

если предположение настолько сильно, что способно верить в себя. Для такой самоуверенной концепции самый сильный яд — это сомнение, особенно если оно введено в нужное время и в нужном месте. Неспособный справиться с этими уколами, мемо задрожал и быстро растворился, и составляющие его предположения тут же поглотил ковер. Гарри смог заняться другими мемоидами.

Будь подобен пауку, думал он, готовя оружейную консоль. Его преимущества — внезапность и скорость… плюс тот факт, что все это подпространство пространства Е совсем недавно возникло как отражение какого-то образа в его собственном сознании — вероятно, детского воспоминания о какой-то гигантской гостиной.

Быстро приближаясь сзади к двум другим мемо, он решил поразить их лучами вовлечения. Это оружие кажется идеальным для нападения в пространстве Е, оно выбрасывает плотно сплетенные силлогизмы — логические аргументы, найденные в Великой Галактической Библиотеке за миллиарды лет ее существования.

Начинаем!

Гарри прицелился и выстрелил.

Оружие станции по внешности и действию

меняется в зависимости от местных условий. В других зонах пространства Е он посылал ядовитые лучи или выпускал сияющие опровержения, подобные огненным разрывам. Здесь полились потоки чистых аргументов, как нити липкой ткани, охватывая следующую пару хищных мемоидов.

Один из мемоидов споткнулся, его задние ноги застряли в видимых нитях убеждений, корпус его напрягся, разрываемый противоположными взглядами, собрался в шар и быстро превратился в пар.

Его партнеру повезло чуть больше. Захваченный сетью хищник успел вовремя остановиться. В тех местах, где его Касались ядовитые разногласия, обжигая бока, из ран, словно свирепые антитела, полились опровержения.'

Существо повернуло свой метафорический взгляд, продолжая выплевывать яд. Капли этого яда полетели к станции — по-видимому, неоспоримые доводы должны были убедить корабль Гарри перестать существовать. Он мог бы попытаться подстрелить их, или прихлопнуть, или даже выдержать нападение. Но Гарри уже избрал другую тактику. Воспользовавшись своим знанием местной зоны, он заставил станцию согнуть

все восемь ног, а потом прыгнул, пролетел над ядовитыми снарядами и приземлился за парой захваченных аллафоров.

Он летел несколько долгих секунд, глядя на мелькающий внизу ковер… летел так высоко, что уже начал беспокоиться о приземлении, особенно когда траектория вывела его близко к сверкающей Авеню.

Я еще не готов войти туда! Вероятность выживания при случайном столкновении не очень велика.

К счастью, заставив станцию свернуть в сторону, он сумел не попасть в сверкающую трубу. Приземление было жестким и неровным. Гарри отлетел к ближайшей переборке и больно ударился правым плечом. Что гораздо хуже, каюта наполнилась звуками чего-то разбивающегося. Зазвучал сигнал тревоги. Вспыхнули красные огоньки.

Морщась, он вернулся к контрольной панели и увидел, что при падении две ноги сломались, а третья сильно повреждена. Верный корабль, сильно хромая, встал, готовясь встретить новые вызовы.

Гарри по-прежнему чувствовал приток адреналина, он скалил зубы и улыбался свирепой

улыбкой шимпанзе.

Три готовы. Остаются два, с надеждой подумал он.

К несчастью, дальше будет не так легко.

Один из оставшихся хищников находился прямо "впереди, он уже набросился на беспомощную добычу, отрывая металлические плиты и самозабвенно расчленяя машину. Второй мемоид повернулся к Гарри. Он был насторожен и готов к встрече, его форма отлично приспособилась к местным условиям, напоминая свирепое насекомое, какое вам больше всего не хочется обнаружить под мебелью, — что-то ядовитое, когтистое. У Гарри создалось впечатление свирепой ярости, как будто его противник был воплощенным боевым духом.

Из пасти мемоида капали пенные аргументы и летели к Гарри.

Перескочить на этот раз невозможно, поэтому Гарри попытался отклониться сначала влево, потом вправо. Но, несмотря на эти отчаянные зигзаги, одна из капель ударилась о переднее окно и покрыла его слизью.

Гарри отвел взгляд, но его уже охватили волны дурных предчувствий.

Какого дьявола я здесь делаю? Я мог бы ле-

жать в своей постели в безопасности. Если бы оставался на Земле, у меня было бы общество возлюбленных, друзей, и мне не пришлось проходить такой долгий путь, чтобы умереть…

Сожаление было горьким, хотя Гарри понимал, что источник его — нападение чужака. К счастью, эмоция была обобщенной, рассеянной. Мемоид не знает, к какому типу существ относится Гарри, так что его мысли-яд не были точно нацелены. Пока не были. Увы, хищники такого уровня сложности обладают повышенной чувствительностью и быстро приспосабливаются к слабостям и уязвимым местам жертвы.

Гарри не собирался давать ему такую возможность. Он привел в действие еще один луч вовлечения, и станция снова выбросила сети липких аргументов. Но на этот раз цель проворно отскочила, избежала ловушки — быть может, применив какую-то уникальную аксиому. Несколько нитей, задевших его, просто соскользнули, не способные подвергнуть сомнению экзотические постулаты. Испытав лишь некоторое неудобство, мемоид изогнул спину и прыгнул — бросился к Гарри так стремительно, что у того не было никакой возможности отступить.

Пасть хищника зияла, но вместо клыков в ней

сверкали ряды острых спиральных винтов. Винты быстро вращались. Зрелище было страшное и способное лишить уверенности.

Он хочет наброситься на меня!

Гарри потянулся к оружейной консоли и нажал кнопку с надписью «Отвлекающие огни». Они не раз спасали его шкуру в предыдущих дежурствах, создавая ослепительные потоки сбивающих с толку данных; окутывая станцию, как висящая в воздухе мякина, они маскировали ее отход.

Но на этот раз эффект был разочаровывающим. Перед нападающим хищником возникло облако тумана, но это не замедлило его продвижения.

Если сомневаешься, приступай к физическим действиям, подумал Гарри, приводя в действие мини-пушку. Станция задрожала, снаряды на огромной скорости устремились к нападающему, который отпрянул, ревя и размахивая когтями. Но надежда вскоре рухнула: Гарри понял, что не причинил зверю заметного вреда. Напротив, хищник как будто перехватывал снаряды и прибавлял их материал к своей информационной матрице! Вращающиеся винты изменили цвет — с пастельно-голубого на темный, металлически-серый.

Гарри с проклятием прекратил огонь. Он толь-

ко добавил противнику сил.

Станция почти не вздрогнула, когда мемоид вскочил на нее. Сложная идея почти не обладает весом или инерцией. Но идеи могут изматывать, и эта так и делала, пробивая корпус вращающимися сверлами.

Гарри попробовал другие кнопки и рычаги, но ничего не действовало. Все оружие молчало или было преобразовано так, что не причиняло вреда адаптировавшемуся мемоиду.

В пространстве Е объект, состоящий из атомов, не выдержит долгого сопротивления живым идеям.

В стенах появилось несколько углублений, сквозь них ворвались вращающиеся лезвия. Мгновение спустя эти лезвия начали менять форму, превращаясь в маленькие живые существа. *Клещи,* подумал Гарри, который знал, что даже маленькие насекомые и пауки могут быть опасными паразитами. Хищник применил опасный трюк, используя логику этого подпространства против Гарри.

Гарри нажал последнюю кнопку, предназначенную для таких безнадежных ситуаций, как эта.

Контрольная рубка мгновенно заполнилась

голографическими изображениями, толпой существ, подражающих самым разным формам кислородной, водородной и машинной жизни. Одни из них передвигались ползком. Другие ходили, катились на колесах, тяжело топали, и все это напоминало какой-то пангалактический перекрестно-временной сверхреальный прием с коктейлями.

Десяток захватчиков-клещей разбежались в поисках концептуального ядра станции — самого Гарри. Отвратительные маленькие существа щелкали клешнями, пробираясь сквозь толпу имитаций разумных. Один из них напал на эрзац-занга, набросившись на плывущий желтый шар. Голограмма мгновенно охватила клеща, окутала плотным слоем антимемо. Последовал взрыв, и на палубу опустилась горстка пыли.

Они содержат немного реальной материи, понял Гарри. *Эти твари чрезвычайно опасны!*

Если одна из них укусит его, это подействует не только на его сознание. Она может запросто сжевать и его реальное тело.

Еще дважды нападавшие выбирали неверные цели и были Уничтожены. Но Гарри видел, что они становятся осторожней. Постепенно клещи учились игнорировать водородные и машинные

формы и обращали внимание только на организмы, основанные на кислороде.

Нужно действовать быстро. Но как? Как мне выбраться из этой переделки?

Если когда-нибудь вернется на базу, у него будет несколько предложений техникам, готовящим оружие станции. Но пока Гарри видел только одну возможность — попытаться Стряхнуть родительский мемоид, не дать ему контролировать клещей. Конечно, в корпусе станции останутся отверстия. Но будем решать по одной проблеме за раз.

Он не решался использовать ручное управление: это могло его выдать. Поэтому Гарри вызвал режим пилотирования.

Да, Герман? — отозвалось плавающее «П».

— Не приближайся ко мне! — сквозь сжатые зубы прошипел Гарри. — Держись на расстоянии и слушай. Хочу, чтобы ты начал качать и поворачивать станцию… случайным образом… попробуй стряхнуть этого Ифни проклятого чужака с корпуса!

Это нарушение правил безопасности.

— Я их отменяю! — сердито произнес Гарри. — Протокол действий в чрезвычайной ситуации. Действуй немедленно!

Разведочная платформа начала двигаться. Хотя две сломанные ноги мешали ей, большой мемоид ее не слишком отягощал: его реальная масса вряд ли превышает несколько сотен граммов, даже после того, как он проглотил снаряды Гарри. Хромота даже немного помогала, усиливая качку, когда станция начала продвигаться вперед, назад, направо, налево, потом завертелась и пьяной походкой побрела по ковру.

Несмотря на свою небольшую инерционную массу, мемоид этому явно не обрадовался. Ведь в конечном счете движения — это тоже форма информации. Гарри слышал слабые мяукающие звуки: хищник пытался крепче вцепиться, чтобы сохранить контакт со своими клещами.

К несчастью, качка действовала и на Гарри, бросая его взад и вперед. Голограммы автоматически подражали его движениям, но он знал, что скоро выдаст себя.

В одном окне он заметил большое машинное существо. Это тот самый нарушитель, которого он преследовал раньше и которому не место в пространстве, созданном мыслью.

Машина уже была разрезана на несколько частей последним хищником, который как раз сейчас добирался до ее обитаемой части…

Резкий поворот оторвал Гарри от этой скорбной сцены, отбросив к другому окну. Тому самому, которое все еще окрашено сожалением.

О, я сожалею, это уж точно.

Сожалею, что не явился сюда вооруженный каким-нибудь реальным мимическим оружием! Настоящим волчьим ядом для сознания. Болезненными идеями, которые гипнотизировали миллионы, прикрепляя только к одному виду реальности, делая гибкое сознание жестким, как камень.

Гарри был в этом уверен. Даже местные хищники, проворные и гибкие в абстрактном пространстве, стали бы концептуально хрупкими и уязвимыми, если бы подверглись воздействию соблазнительных мыслей Платона, или Маркса, или Эйн Ренд… Фрейда или Фомы Аквинского… Геббельса или Хаб…

Станция резко затормозила, прервав мысли Гарри и отбросив его к шкафу с припасами. Он вовремя заметил, что сюда же отбросило несколько клещей, движимых реальными компонентами своей массы. Два из них столкнулись с голограммами и были немедленно уничтожены.

Но еще два уцелели и ударились о стену рядом с Гарри. Восстанавливая равновесие, Гарри уви-

дел, что они его заметили и поворачиваются в его сторону.

Ого!

Он в ловушке, спиной к шкафу. Станция возобновила дикие движения, и клещи начали подползать с двух сторон, Щелкая клешнями и размахивая скорпионьими хвостами.

Гарри попытался очистить сознание. Предположительно, если владеешь мыслительной дисциплиной, можешь освободить сознание от ядовитых мыслей.

К несчастью, дисциплинированные в мыслительном отношении существа не годятся на роль наблюдателей в пространстве Е. Его взяли именно из-за его необузданного воображения, и теперь паразиты используют именно эту его особенность, чтобы покончить с ним.

— Гм… не заинтересуетесь ли, приятели, одной-двумя забавными мыслями? — Он говорил быстро, задыхаясь. — Как насчет такого: это утверждение — ложь!

Они щелкнули клешнями, и, казалось, мысль им понравилась.

— Тогда вот это… откуда вам известно, что вы существуете?

Полное презрение.

Черт побери, в старых телешоу такое срабатывало.

Конечно, для сложных мемо такие клише все равно что стрелы с каменными наконечниками против брони. А что, если попробовать концепцию, которую они не встречали раньше?

— Гм… кто-нибудь говорил вам о такой штуке, которая называется *состраданием?* Некоторые считают, что это подлинная дорога к спа…

Клещи готовились прыгнуть.

Станция снова резко повернула.

Неожиданно яркое сияние пробилось сквозь противоположное окно, заполнив контрольную рубку потоками *солнечного света.*

Гарри вздохнул.

— Да что мне стать мона…

Не успел он закончить фразу, как одновременно случилось несколько событий.

Оба паразита прыгнули.

Большой хищник мемо, цепляющийся за корпус, отчаянно закричал.

Дико вращающаяся станция столкнулась с Авеню. Это был скользящий удар, но мемоид оказался зажатым между станцией и Авеню и поневоле ощутил вкус реального континуума.

Мучительный вопль заполнил сознание Гар-

ри: хищник разорвался на клочки, выплеснув в агрессивном потоке все свое концептуальное содержание.

Лишенный родителя, один из клещей распался в прыжке. Но второй сохранял единство настолько долго, что успел впиться Гарри в спину.

Настала очередь Гарри закричать. Он вопил, чувствуя, как что-то вливается в его тело. Боль смела все рациональные мысли, пронзила его ягодицы и спину, затем, как палящий огонь, пробежала по всему телу. А глубоко внутри сомнения и неуверенность начали нападать на все его верования, на все положения, которые он считал истинными.

Станция пробила мембрану, окутывающую Авеню, вокруг Гарри засверкали солнца и галактики. Ему грозило преобразование входа.

Двигатели гудели, присоединившись к его отчаянному воплю.

Все мемо и голограммы исчезли. Через десяток небольших отверстий из станции выходил воздух. Но Гарри едва обратил на это внимание. Шатаясь на границе между царством живых идей и миром жестких универсальных законов, Гарри пытался ухватиться за что-нибудь. За свою суть. За сознание своего внутреннего мира.

За самого себя.

ЭВАСКС

Это не лучшее из возможных укрытий.

Тогда почему мы/Я избрал его, Мои кольца?

Почему из всех укромных уголков огромного боевого корабля мы спрятались в этом помещении со стеклянными стенами и инкубационными камерами?

Потому что это «дом»? Место, где мы начались?

Наше второе кольцо сознание опровергает это утверждение, напоминая, что большинство наших составляющих колец родилось в другом месте — в ароматных ямах мульчи с великолепной гниющей растительностью в примитивном поселке, который называется Дальнее Влажное Святилище, На одинокой Джиджо.

Это правда. Только три члена этой груды начинались здесь, на борту «Полкджи», в стерильной детской, где кормят и доводят до совершенства маленькие кольца с помощью контролируемых компьютером синтетических питательных веществ. Но ведь именно эти три кольца самые важные, не так ли?

* Наше мускулистое кольцо движения с проворными ногами.

* Наше кольцо запахов, которое делает возможным признание нас всем экипажем.

* И, конечно, ваше мастер-кольцо, самое драгоценное из всех. Самый существенный (Я) ингредиент, необходимый для преобразования скромного рассеянного треки в великолепно сфокусированного целеустремленного джофура.

Разве это недостаточная причина для ностальгии? Недостаточная для того, чтобы называть это помещение домом? (Хотя, кажется, недавно это помещение сильно пострадало и было торопливо отремонтировано.)

Что ж, давайте. Можете гладить воск памяти. Вспомните, как обстояли дела на Джиджо до перемены. Вспомните, как мы/Я учились понимать другие формы родительства из близкого знакомства с пятью расами.

В прошлом своем воплощении, как мудрец треки Аскс, мы/Я держали в своих щупальцах личинок квуэнов и г'кеков, а также младенцев хунов и людей, покачивали их, распространяли сладкие запахи-колыбельные, создающие счастливые сны.

Эти воспоминания сохранились, не расплавились при нашем насильственном преобразовании в Эваскса. И тем не менее Я смущен.

Что вы хотите доказать, мои кольца?

Что ни одна груда колец — треки или джофур — не могут знать родительскую любовь?

Мы составляемся из частей. Собираемся. *Изготовляемся*, как машина. Может, именно поэтому другие расы так нас ненавидят/завидуют.

Что? Вы говорите, что на Джиджо нет такой ненависти? Да, но подумайте, какую цену пришлось колонистам за это заплатить! Жизнь в невежестве. Хуже того, жизнь, обреченная на вечное пребывание в виде мирного треки, почти лишенного честолюбия. Разве вы не согласитесь, что жизнь не была такой яркой и насыщенной, когда вы составляли бедного уступчивого Аскса?

Согласны? Вы это признаете?

Что ж. Возможно, мы прогрессируем.

ЧТО? ЧТО ЭТО?

Вы хотите, чтобы Я, мастер-кольцо, признал что-то в обмен? Хотите, чтобы Я признал, что и в мономаниакальном образе жизни джофуров есть недостатки?

Нет, не нужно гладить недавний воск или заново проигрывать те ужасные события, которые мы наблюдали до бегства в это помещение. Раздражительные, агрессивные и яростные действия наших предводителей не вызывают вдохнове-

ния. Они не свидетельствуют о продвижении к просветлению.

Но какой у нас выбор? Мы, экипаж «Полкджи», должны преследовать корабль дельфинов! Их тайны могут пролить свет на время перемен, которое сейчас начинается в Пяти Галактиках. Если земляне действительно нашли реликты Прародителей в мелком шаровом скоплении, что может это сказать о пути, пройденном галактической цивилизацией за миллиард лет? Не перевернет ли это вверх ногами всю религиозно-генетическую иерархию?

ЧТО ВЫ ГОВОРИТЕ?

Наше второе кольцо сознания спрашивает: *а что, если?*

* А что, если древняя вера в Прародителей ложна?

* А что, если нам солгали относительно Объятия Приливов?

* А что, если какой-то другой клан сумеет завладеть «Стремительным» и первым познакомиться с его информацией?

Зачем разумным покрываться жиром и потом из-за таких непонятных и тривиальных вопросов?

Я… не знаю, что ответить.

Вопросы кажутся совершенно нелепыми… как если бы спросить, почему мы дышим кислородом, или усваиваем пищу, или размножаемся, или проявляем верность родичам и потомкам! Меня серьезно тревожит, что вы можете выражать подобные сомнения!

ВОЗМОЖНО,
НАМ/МНЕ ВСЕ-ТАКИ НЕ СЛЕДОВАЛО БЕЖАТЬ ИЗ КОНТРОЛЬНОЙ РУБКИ.

(В поисках убежища в этом темном/знакомом месте.)

Поистине, в нашем общем сердечнике сплетаются безумные, провокационные мысли, сомнения в главных джофурских верованиях. Больше того, став беженцем, я, кажется, уже не обладаю силой воли мастер-кольца, чтобы немедленно подавить все эти размышления.

МОЖЕТ БЫТЬ, НУЖНО БЫЛО РАЗРЕШИТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ ГЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА РАЗОБРАТЬ НАС/МЕНЯ НА ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ.

Это могло бы стать моим величайшим служением «Полкджи» и всему великому клану джофуров.

Главное преимущество этого убежища в том, что корабельные сенсоры не могут отыскать следы нашего тела, потому что их маскируют

ряды прозрачных шкафов, полных маленькими кольцами всех разновидностей. Конечно, здесь есть ухаживающие за малышами роботы-няньки. Они доложат обо мне, но только если спросят с мостика. А пока такого запроса не будет, Я/мы, вероятно, будем здесь в безопасности, испуская властные феромоны, отдавая приказы машинам, делая вид, что имеем право распоряжаться здесь.

— — — — — — — —
— — — — — — — —
— — — — — — — —

Но есть еще одна опасность. Через неравные промежутки времени различные груды-джофуры приходят сюда, требуя запасные части.

В основном это солдаты. Высокие, грозные груды-воины, с ужасными ранами от сражения, продолжающегося в попытках изгнать захватчиков зангов с корабля. Треть палуб и зон «Полкджи» поражена этой инфекцией. В последнее время нам удалось добиться некоторого успеха, но бойцы, приходящие за заменой колец, поврежденных водородниками, свидетельствуют, что нам это дорого обходится.

К счастью, никто из этой касты не склонен спрашивать о причинах нашего/Моего присут-

ствия здесь… а мы стараемся не попадаться им на глаза.

Да, мои кольца. Наша поимка — только вопрос времени. Вскоре нам предстоит разборка. И мне любопытно, будут ли использоваться эти кольца и восковой сердечник для новых целей.

Вероятно, нет.

Мы проводим много времени у зрительно-обонятельных дисплеев, захваченные событиями, которые происходят на «Полкджи» после гибели нашего капитана-лидера.

Помните ли вы, мои кольца, как наш корабль углубился в искривленные внутренности пункта перехода, преследуя землян так искусно и настойчиво, что им никогда от нас не уйти?

Кольца — члены экипажа из исследовательского сектора докладывают о прогрессе в понимании необычного защитного слоя «Стремительного» — оболочки, которая помешала нашим лучам остановить дельфинов. Эта оболочка как будто обещает неуязвимость, но согласно нашей бортовой Библиотеке большинство галактов давно отказалось от такой техники! Как только противник узнает, как преодолеть такую защиту, это легко сделать. Только неожиданность сделала ее эффективной у Фрактального Мира.

Вскоре библиотекари обещают сообщить и контрмеры.

Тем временем вход в пункт перехода заполняется кораблями беженцев, и не только от раскалывающегося обиталища за нами, но и из сотен других! У каждого корабля эмигрантов есть три возможности: оставаться в Четвертой Галактике и искать убежища в каком-то другом колодце или сменить порядок жизни. Вернуться к звездной цивилизации Пяти Галактик… или еще больше погрузиться в Объятие Приливов. Захватывающе наблюдать за тем, как многие возвышенные Древние делают этот судьбоносный выбор, хотя это и не мешает нам упорно преследовать землян.

И тут мы сталкиваемся с *Сортировщиком.*

Существом из легенды.

Редким феноменом судьбы.

С облаком света, которое сортирует корабли. Одни отбирает. Другие отсылает по их маршрутам.

ПОМНИТЕ
ЛИ ВЫ НАШЕ УДИВЛЕНИЕ, МОИ КОЛЬЦА, КОГДА СОРТИРОВЩИК ВЫХВАТИЛ ЗЕМНОЙ КОРАБЛЬ И ПОМЕСТИЛ ЕГО СРЕДИ ТЕХ, КТО ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ?

Помещения и коридоры «Полкджи» охвачены изумлением и ошеломлением. Кто мог вообразить, что такое случится? Дельфины — самая молодая лицензированная разумная раса в цивилизации Пяти Галактик. И такого исхода — по их достоинствам или по какой-то хитрости — не могло представить себе ни одно нормальное разумное существо!

И здесь наш новый капитан-лидер признал неизбежное. Был отдан приказ. «Полкджи» прекращает преследование.

Мы направимся в Первую Галактику на базу джофуров, чтобы очиститься от зангской заразы и доложить обо всем, что узнали. Мы не захватили корабль землян, но можем сообщить о его судьбе, и это тоже ценная информация.

Больше того, существует Джиджо, превосходный объект для колонизации! Когда мы сообщим ее местоположение родному клану, маленькая планета сунеров станет идеальным местом генетических экспериментов и эксплуатации. Источником богатства для всей расы. Одно окончательное уничтожение г'кеков оправдает все наши испытания.

Может быть, клан так обрадуется нашим достижениям, что этой гибридной груде, этому Эвасксу,

будет даровано прошение — если Я/мы сумею до того избежать расчленения.

Несмотря на явную неудачу в достижении главной цели, экипаж радуется. Хотя «Стремительный» от нас ушел, кажется, в этом нет нашей вины. Мы достигли большего, чем любой другой корабль в известном пространстве. И теперь можем вернуться домой.

Но тут происходит нечто поистине неожиданное.

Вы помните, мои кольца? Или воск-удивление все еще слишком свеж, чтобы воспоминание застыло?

Мы двигались в очереди к Сортировщику, ожидая, подобно многим другим, обычного быстрого возвращения в Первую Галактику.

Странный свет заполнил корабль, я и почувствовал, что нас *разглядывают.* Некоторые из наших/Моих колец — части прежнего Аскса — сопоставляют это с общением с удивительным камнем Джиджо, со Священным Яйцом.

Затем к нашему/Моему/всеобщему удивлению «Полкджи» был снят с нити перехода и помещен в строй отобранных! Избранных! Тех, чьи эмблемы свидетельствуют о глубочайшем погружении в Объятия Прилива, о предназначении для вели-

кой чести и просветления.

Так мы узнали о великой чести нашего нового состояния… и об ужасной боли, которую предстоит вынести. Но никто — от старшей груды-священника до воина самого низшего ранга — не может объяснить *почему*.

Почему мы были отобраны для такой чести?

Чести, которую мы не искали.

Чести, которая не принесла радости ни одной груде на борту благородного «Полкджи».

Я/мы вношу поправку. ОДНА ГРУДА ВЫРАЖАЕТ РАДОСТЬ. Некоторые кольца сознания, оставшиеся от Аскса, обрадовались новости!

Они считают, что это помешает «Полкджи» доложить о Джиджо. Необычное смешанное сообщество сунерских рас будет оставлено в мире, если этот боевой корабль не вернется домой.

На это вы надеетесь/верите, мои кольца?

Я бы привел вас в повиновение ударами любящей боли, чтобы изгнать из нашего общего сердечника подобную неверность, если бы не…

Если бы Сортировщик как будто не закончил свою работу! Армады, сосредоточенные им в свернутом пространстве, начали двигаться… рядами, колоннами, группами… все устремились по нитям перехода, раскалившимся от трения.

Вибрация и неожиданные толчки сотрясают «Полкджи» так сильно, что не помогают усилия наших могучих стабилизирующих полей.

А теперь, как будто всего этого недостаточно, начинает разворачиваться цепь тревожных сюрпризов.

Роботы продолжают ухаживать за инкубаторами, где растут на дистиллированных питательных веществах миниатюрные кольца всех форм, свойств и цветов. Со временем они превращаются в составные части новых груд джофуров.

Продолжают приходить солдаты в поисках замены колец для ходьбы, оружейных манипуляторов, хемосинтезирующих колец и даже тяжело раненных мастер-колец. Очевидно, смертельная схватка с зангами продолжается.

Тем временем Я/мы вижу на мониторах, как «Полкджи» вместе с роем кандидатов на трансцендентность оказывается в какой-то далекой звездной системе. Вокруг нас множество кораблей самой разной формы, от привычных звездных судов и угловатых машин до дрожащих шаров, которые нашему испуганному взгляду кажутся чрезвычайно зангскими!

В течение нескольких мидуров эта странная армада использует гиперпространственные

прыжки в пространстве Б, чтобы пересечь пропасть в несколько пактааров, обогнуть обширную туманность и добраться до следующего пункта перехода. Наконец конвой ныряет в этот вход, и начинается новый полет по нитям, между границами многомерного пространства, где само пространство давно свернулось из сырого вещества расширяющейся вселенной.

А Я/мы все это время остаюсь в темном углу детской, прячась от Моих/наших товарищей по экипажу… пока неожиданность почти не лишает нас сознания.

Мы смотрим на нового пришельца.

На того, кто появился в последний момент, представ перед нашими недоумевающими органами чувств.

Это самое странное существо, какое Мне/нам когда-либо приходилось видеть.

Появилось оно несколько мгновений назад, самым необычным путем — через трубу снабжения, прибыло в детскую в маленьком экипаже, созданном для доставки в детскую сырья и образцов, но отнюдь не разумных существ!

Выбралось, прежде чем мы могли что-то сделать, расправило длинные конечности, обнаружив существо с пропорциями Homo sapiens.

Действительно, торчащая вверху голова выглядит определенно человеческой. И знакомой.

Я/мы уставился, не правда ли, мои кольца? Несколько наших колец сознания, испуская пары узнавания, заставили наш орган речи произнести:

— Ларк! Это… действительно… ты?

Лицо тут же раскололось в непередаваемо-человеческой Улыбке. И когда оно/он заговорило, голос был нам знаком со времен Джиджо.

— Приветствую, почтенный Аскс… или мне следует называть Эваскс?

Несколько наших компонентов спорили о том, как ответить, а остальные пораженно смотрели на преобразованное тело ниже шеи. Ларк по-прежнему двуногий, передвигается на двух Длинных соединенных конечностях. Но только всю его плоть обтягивает прозрачная пленка, свисающая, как просторная одежда, вздымающаяся и колеблющаяся в болезненном полужидком ритме, от которого в моем центральном сердечнике прокатываются волны тошноты. Особенно большой мешок, похожий на горб или тяжелую ношу, висит на спине, причем Ларк нисколько не протестует против его присутствия.

Наши хемосинтетические кольца зафиксиро-

вали несколько отвратительных запахов, таких, как метан, циан и серный водород.

Несомненные запахи зангов!

От удивления ответ у нас получился несколько бессвязный.

— Я/мы… не можем сказать… назвать… какое имя больше подходит этой груде… в данный момент. Споры/разногласия об этом продолжаются… Однако… можно правдиво отметить, некоторые части нас/Меня/Я/мы… узнают… определенные части… тебя/Тебя…

Наш общий голос смолк. Ни англик, ни галсемь не были способны отразить подходящую/точную степень удивления. Начали исходить эмоциональные феромоны… и, к нашему удивлению, «Ларк/занг» легко ответил таким же способом!

От его новой кожи исходили молекулярные сообщения, вызывая мгновенное понимание Моих/наших кожных рецепторов.

ВЗАИМНОЕ УЗНАВАНИЕ ДРУЖЕСТВЕННЫЕ НАМЕРЕНИЯ ГОТОВНОСТЬ ИСКАТЬ РЕШЕНИЕ

В поисках источника этих обонятельных сообщений наши/ Мои сенсоры определили тороидной формы выступ на груди Ларка.

Пурпурное кольцо.

Кольцо треки, часть группового существа, стоя-

щего против нас!

Мы/я сразу узнали одно из малых колец, которые втайне несколько джадуров назад создал Аскс без ведома мастер-кольца, чтобы помочь Ларку и его спутнице сбежать.

Поглаживая восковую память о том времени, Я/мы осознал/вспомнил, что было и второе кольцо.

— Я оставил второе кольцо здесь, — объяснил Ларк, словно читая мои мысли. — Оно было ранено. Линг спрятала его в этой детской, чтобы о нем заботились и кормили. Поэтому я сюда и вернулся. Мои новые союзники хотят, чтобы я нашел маленькое красное кольцо. Они хотят знать, какова его цель.

Ему не нужно было объяснять, кто такие эти его «союзники». Джофур инстинктивно знает — а большинство унитарных существ нет, — что возможно объединить, и слить, и уравновесить самые разные компоненты, чтобы создать новое существо. В данном случае химера возникла как амальгама человека, треки и занга… ужасающий союз, но вполне вероятный.

— Ты… хочешь, чтобы мы/Я помогли тебе найти красное кольцо? — спросил Я.

Ларк кивнул.

— Оно способно принести мир на этот ко-

рабль…

Он немного помолчал, словно советуясь с самим собой, потом продолжил:

— Но есть кое-что еще. Я требую за участие в этом деле награды.

Мы должны освободить Линг.

ГАРРИ

В его последний кошмар ворвались голоса, отодвинув бред, полный нелепой болтовни и боли.

Мне кажется, он приходит в себя, произнес кто-то.

Гарри забился, повернул голову справа налево.

На мгновение, которое было для него вечностью, ему показалось, что его сознание обнажено, выброшено в пространство Е и стало плодородной почвой для колонизации паразитическими мемо — сложными, самонадеянными символическими существами, не похожими на то, что создается на

Земле, созданными специально для вторжения в его бессвязный бред. Даже теперь, когда начало появляться что-то похожее на сознание, странные фигуры продолжали толпиться и хихикать, более причудливые, чем что-либо рожденное органическим мозгом.

Каким-то образом — может, благодаря силе воли, а может, из чистого упрямства — он оттолкнул большинство их в сторону, прокладывая себе путь к бодрствованию.

— Ты уверен, что мы можем его отпустить? —

спросил другой голос, более высокий. — Только посмотри на его зубы. Он может быть опасен!

Первый говорящий казался спокойным, хотя и в его голосе слышалась неуверенность.

— Послушай. Ты ведь и раньше видела шимпов. Они наши друзья. Нам не могло повезти больше — после всего, через что мы прошли.

— Ты называешь *это* шимпом? — возразил второй. — Я никогда не проводила с ними много времени и не прочла так много книг, но ручаюсь, ни один шимп так не выглядит!

Именно это замечание, больше всего остального, заставило Гарри еще отчаянней сражаться с не отпускающей его сонливостью.

А что такого в моей внешности? Я в любое время готов сравнить свое лицо с лицом безволосой обезьяны!

Разумеется, голоса человеческие. Он узнал их, несмотря на незнакомый акцент.

Как люди оказались в пространстве Е?

Он попробовал открыть глаза, ударил резкий болезненный свет. Гарри застонал, прикрывая глаза рукой.

— Я…

В горле у него пересохло. Говорить было трудно.

— Я хотел бы… попить.

Их реакция его удивила. Более высокий голос произнес:

— Он говорит! Видишь? Это не может быть шимп. Бей его! Гарри с трудом открыл глаза в мир блеска и расплывающихся очертаний. Он сел и заметил, что две фигуры стремительно отпрянули. Молодые люди — самец и самка — грязные и оборванные.

— Эй! — прохрипел он. — Что значит, я не могу…

Гарри неожиданно замолчал, не в силах ни двигаться дальше, ни говорить. Он мог только смотреть на свою руку. Его собственную руку… поросшую редкой шерстью.

Стеклянистой *белой* шерстью.

Борясь с паникой, Гарри встал, пощупал себя, проверяя, нет ли ран или недостающих частей. К его величайшему облегчению, все важнейшие части тела оказались на месте. Но глаза его продолжали поворачиваться без его желания, отыскивая, что еще не так.

Белая шерсть… белая шерсть… с этим я могу жить, если больше ничего не изменилось…

Один из людей снова показался в поле его зрения. Мужчина, одетый в рваные тряпки, с

многодневной щетиной на щеках. Испытывая тревогу и смятение, Гарри смог только рефлекторно огрызнуться и попятиться.

— Эй, — успокаивающе сказал мужчина. — Полегче, мистер. Ты просил воды. Здесь есть немного, в этой фляжке.

В руке он держал какой-то предмет. Похоже на грязную бутылку из тыквы, заткнутую цилиндрическим обрубком дерева.

Что это? — подумал Гарри. *Какая-то шутка? Или мысленный мусор пространства Е?*

По-прежнему пятясь по палубе своей поврежденной разведочной станции, он выглянул в окно и заметил, что местность снаружи изменилась. Обширная равнина пушистого ковра стала желтой, а не бежевой, туман сгустился, скрывая все, кроме соседней груды металлических обломков, которые, дымясь, медленно растворялись в окружающих жадных растениях. Гарри хотел спросить, что случилось, сколько времени он был без сознания, откуда взялись эти люди и как они пробрались в его корабль. Возможно, он обязан им жизнью. Но он находился почти в истерическом состоянии и Мог только продолжать пятиться.

Белая шерсть… но это не все. Что-то еще непра-

вильно! Эти клещи что-то со мной еще сделали, я это знаю!

Теперь ему ясно были видны оба человека. У женщины — скорее девочки — ужасный шрам на лице. Она держит в руках гаечный ключ, размахивая им, как оружием. Парень удерживает ее, хотя он тоже явно смущен внешностью Гарри.

— Мы тебе не причиним зла, — сказал он. — Ты спас нас от чудовищ. Мы пришли и починили твой корпус. Послушай, меня зовут Двер, а это Рети. Мы люди… земляне. А ты можешь нам сказать, кто… и что… ты?

Гарри хотелось закричать. Спрашивать так, словно они слепы! Неужели патроны не узнают собственных клиентов? Даже с белой шерстью шимп все равно…

Он почувствовал неожиданную щекотку сзади. Конечно, за ним переборка, и он не может больше пятиться. Но ощущение пришло на мгновение раньше, и оно какое-то необычное, как будто стена поглаживает ему спину.

Моя спина.

Он был там — последнее, что он мог вспомнить, — маленький хищный мемоид, напавший на него сзади и впившийся в плоть, заполняя его сознание-тело волнами смятения и дезори-

ентации.

— Я хочу сказать… ты выглядишь так, что мог бы быть нашим родичем, — нервно продолжал юноша. — И ты говоришь на англике, так что, может быть…

Гарри его не слушал. С растущим ужасом он нервно щупал за собой левой рукой, коснулся переборки, двинул руку ниже.

Что-то начало подниматься навстречу его руке. Он ясно ощущал это. Что-то такое, что является частью его самого.

Змееподобное щупальце, покрытое шерстью, уверенно поместилось в его руке. Это казалось таким же естественным, как почесать собственную задницу или потянуть большие пальцы.

Ага, с некоторым облегчением подумал он. *Да это мой собственный проклятый хвост.*

Дыхание застыло у него в горле… потом вырвалось длинным печальным вздохом.

Люди нервно попятились, а вздох претерпел метаморфозу, словно мемо с собственным разумом, превратившись в хриплый, истерический хохот.

Когда он наконец спокойно принялся разглядывать собственное отражение в зеркале, результат оказался не таким уж плохим. В сущности белая шерсть казалась даже… ну… харизматической.

А что касается нового придатка, то Гарри с ним уже смирился.

Он, несомненно, способен приносить пользу, думал он. *Хотя предстоящие счета портного мне не очень нравятся.*

Конечно, все могло быть гораздо хуже. Паразит мемоид, проникший в его тело, умер спустя несколько мгновений после того, как его родитель взорвался, соприкоснувшись с материальной реальностью. И в последнем усилии он мог ухватиться за любую случайную мысль Гарри, используя ее для быстрой перемены. В пространстве Е то, как вы себя самого представляете, может иметь для вашей внешности неожиданные и драматичные последствия.

Но одно несомненно — в таком виде он никогда не сможет вернуться на Землю. Его назовут «обезьяной» — это самое невыносимое оскорбление.

Поступив в Институт Навигации, я думал, что, возможно, мне весь остаток жизни придется жить отдельно от своих. А теперь я принадлежу Вер'Кв'квинну еще больше, чем раньше.

По его приказу станция двинулась параллельно Авеню, хромая на максимально безопасной скорости, возвращаясь прежним маршрутом, чтобы подобрать инструментальные пакеты и

покончить с этим дежурством, прежде чем еще что-нибудь не случится.

У Вер'Кв'квинна есть одно хорошее качество. Старый моллюск вряд ли заметит разницу в моей внешности. Он думает только о работе.

Оставалась одна проблема.

Молодые люди.

Очевидно, Двер и Рети и были тем «органическим грузом», который несло несчастное машинное существо. Их маленький обитаемый корпус уже готов был подвергнуться нападению и быть разорванным прожорливым мемоидом-стервятником, когда появился Гарри. С их точки зрения, он был той самой кавалерией из пословицы. Рыцарем их книги сказок, прискакавшим на выручку в самый последний момент.

После того как последний мемоид сбежал, раздувшись от украденных атомов, они вернули ему долг. Уговорив умирающего меха использовать последние силы для сооружения мостика, они забрались в станцию Гарри и спасли его от удушья, когда он лежал, ошеломленный и лишившийся сознания.

Затем мех исчез, и его масса стала временным удобрением для этой истосковавшейся по материи пустыне.

— Мы так и не поняли, где оказались или почему он нас принес сюда, — объяснял Двер, с жадностью пожирая тройную порцию из рациона Гарри. — Машина не разговаривала с нами, хотя, кажется, понимала, когда я говорил на галдва.

Гарри смотрел на парня, зачарованный странной смесью дикаря и джентльмена в Двере. Тот не отрицал того, что он сунер, потомок преступников колонистов, больше двух столетий назад отказавшихся от технологии. Однако он может говорить и читать на полудюжине галактических языков и явно осознает ситуацию.

— Когда мех взял нас на борт возле гигантской красной звезды, мы подумали, что с нами все кончено. Свитки говорят, что машины, живущие в глубоком космосе, могут быть враждебными и иногда они враги нашего вида жизни. Но этот сделал для нас убежище, снабдил его воздухом и починил рециклер. Он даже спросил нас, куда мы хотим лететь.

— Мне кажется, ты упомянул, что он не говорил, — заметил Гарри.

Рети, подросток с шрамом на щеке, покачала головой.

— Один из роботов приходил к нам с куском металла, на котором были нацарапаны буквы.

Не знаю, почему он использовал такой способ: ведь у нас был маленький учитель, который мог с ним разговаривать. Но по крайней мере робот как будто понял, что мы ответили.

— И что же вы ответили?

Оба человека ответили одновременно.

Двер: Я попросил отнести нас домой.

Рети: Я сказала, чтобы он привел к нам более важных парней!

Они сердито посмотрели друг на друга, словно продолжая спор.

Гарри долго думал, наконец кивнул в знак понимания.

— Похоже на несовместимые приказы. Для вас или меня это означало бы необходимость выбора или нахождения компромисса. Но сомневаюсь, чтобы машина так поступила. Могу только высказать предположение, что она попыталась выполнить оба приказа одновременно. Конечно, ее определение терминов может быть совсем не тем, что вы имели в виду.

Молодой человек выглядел смущенным, поэтому Гарри покачал головой.

— Могу только точно сказать, что, когда я напал на ваш след, вы определенно не направлялись в вашу сунерскую колонию.

Рети довольно кивнула. —Ха!

— Но не направлялись вы и на Землю, или в один из Великих Институтов, или вообще к какому-нибудь могучему клану Пяти Галактик.

— Тогда куда же…

— В сущности, мех относил вас — со смертельным рис-Ком для себя самого — в такие таинственные измерения и Царства, что их трудно даже назвать. Кажется, он шел по Холодному следу двух…

Его речь прервал предупреждающий сигнал. Впереди еще один из пакетов Вер'Кв'квинна.

— Прошу прощения, — сказал он людям, которые, по-видимому, поняли, что ему предстоит заняться работой. Рети даже начала обращаться с ним с почтением, которое казалось преувеличенным, потому что исходило от патрона расы Гарри.

Он с помощью корабельных манипуляторов достал последний пакет, затем спрыснул его специальной жидкостью, чтобы убедиться, что к нему не прилипли микробы-мемоиды, и только потом спрятал. Поблизости звездным светом сверкала Авеню. Царство материальных существ и надежных физических законов всего в нескольких метрах, но Гарри не собирался нырять туда.

Его обратный маршрут кружной, но гораздо более безопасный.

Закончив свое дело, он посмотрел на Двера и Рети, этих двух потерпевших кораблекрушение, которых он спас… и которые, в свою очередь, спасли его. Они тоже потомки землян, а люди официально патроны, возвысившие расу неошимпанзе. Но по закону он им ничем не обязан. Больше того, его долг как представителя одного из Великих Институтов арестовать любого сунера, с которым он встретится.

Но что хорошего это даст? Он сомневался, что они настолько знают астродинамику, что могут сказать, где находится их тайная колония, так что допрос ничего не даст. Из того, что они рассказали до сих пор, следует, что их колония весьма необычна, в ней мирно уживаются полдюжины рас, которые в цивилизованном мире впиваются друг другу в глотку. В нормальное время это само по себе было бы важной новостью. Но сейчас, когда все Пять Галактик в смятении и навигационные линии распадаются, они легко проскользнут в бюрократические щели на базе в Каззкарке.

И Гарри был удивлен тому, насколько ему приятно услышать голоса, говорящие на родных

диалектах волчат. Хотя большую часть жизни он провел в одиночестве, Гарри испытывал странное возбуждение из-за того, что рядом люди. Ведь они почти из его рода.

Камера со щелчком легла на место. Проверив приборы, Гарри ощутил удовлетворение. *Этот пакет последний. Я знаю, другие разведчики ставили на то, что я не вернусь, тем более с успехом. Не могу дождаться, когда утру им нос… а также клюв, рыло, хобот или что там у них еще есть!*

Тяжело хромая, станция наконец отвернула от Авеню и направилась к тонким шпилям — Гарри теперь знал, что это ножки нескольких огромных метафорических стульев и гигантского стола. Это лучший маршрут для возвращения.

Интересно, долго ли эта зона сохранит свою сосредоточенность вокруг моего образа. Вернется ли к состоянию хаоса, когда я исчезну? Или это симптом того, о чем нас неустанно предупреждает Вер'Кв'квинн, — раздутого представления о собственном значении?

На самом деле Гарри знал, что он не первое материальное существо, прошедшее через эту зону недавно. До него и до этого несчастного меха прошли два других космических корабля — один преследовал другой.

Может быть, это все, он оглянулся на огромную мебель и другие *цацки* своей воплощенной гостиной, *приняло форму еще до моего появления? Не помню, чтобы когда-нибудь, даже в детстве, был в такой комнате. Может, образ предоставил один из проходивших до меня кораблей?*

Его тревожило, что он по-прежнему не имеет представления, зачем мех принес сюда Двера и Рети.

Он объединил два приказа-просьбы. Один — вернуть домой, другой — привести к «самым важным парням».

Гарри покачал головой, не в силах понять смысл случившегося.

Но одно несомненно. Миссионер скиано с ума сойдет, когда Увидит землян, нас троих, — двух настоящих людей и трансформированного шимпа, гуляющих по бульварам Каззкарка. Вот это будет сенсация!

Впереди показалась ножка стола, та самая, по которой Гарри надеялся подняться к избранному им входу, если, конечно, он все еще находится там, где инстинкт подсказывает Гарри… И если станция способна подниматься. И если…

В воздухе поблизости возник режим пилотирования — в пространстве повисла вращающаяся

курсивная буква «П».

— Да? — кивнул Гарри.

Боюсь, я должен доложить о движении в символическом левом направлении от нашего настоящего положения. К нам быстро приближаются крупные мемоидные существа!

Гарри застонал. Ему совсем не хотелось снова встречаться с представителями местного порядка жизни.

— Мы можем ускорить продвижения?

Да, с небольшим риском. На двадцать процентов.

— Пожалуйста, сделай это.

Станция двинулась быстрей… и с каждым шагом ее хромота словно усиливалась. Гарри взглянул на Рети и Двера, которые, как всегда, пререкались. Гарри это напомнило некоторые семейные пары, неразлучные и никогда не соглашающиеся. И он решил пока ничего им не говорить.

Пусть думают, что опасность миновала. По крайней мере еще немного.

Подойдя к правому окну, он всматривался в туман.

Нам нужно всего несколько минут. Послушайте, вы, звери-мемоиды! Оставьте нас в покое

хоть ненадолго!

Спина зачесалась, и Гарри уже собрался занести назад руку… но остановился: работу более эффективно проделал новый придаток. Хвост развернулся и почесал нужное место. Гарри казалось одновременно естественным и удивительным, когда он начинал двигаться словно по собственной воле.

Он заметил, что два молодых человека смотрят на него. У Двера по крайней мере хватило приличия, чтобы покраснеть.

Наплевать на вас, подумал Гарри и хвостом пригладил свою новую гладкую цвета слоновой кости шерсть. *Бедняги люди. С голой кожей… и голыми задницами.*

Но больше у него не было времени на прихоти.

Он различил в дымке движение. Несколько темно-серых существ. Огромные, гораздо больше мемоидов, с которыми он сражался раньше. В тумане они выглядели гладкими и закругленными, передвигаясь по обширному ковру, как толпа больших слонов.

И тут Гарри понял. Неправильная метафора. Когда они подошли ближе, он узнал эти быстрые резкие движения, выступающие уши и дергающиеся носы.

Мышь… проклятая гигантская мышь! Ифни, это все, что мне нужно было!

С отчаянием он понял: они вышли на след станции.

Режиму пилотирования Гарри отдал срочную команду вслух:

— Увеличить скорость! Нужно подняться на ножку до того, как они до нас доберутся!

На контрольной панели вспыхнули красные и янтарные огоньки, неровная походка станции стала еще быстрей. Перед ними возвышалась огромная, похожая на древесный ствол колонна, но Гарри чувствовал, что преследующие мемо совсем близко. Самоподдерживающиеся концептуальные формы гораздо сложнее и опаснее всего, что он когда-либо видел. Нелегко придется. Очень нелегко.

Боже. Не знаю, сколько я еще выдержу.

Часть четвертая
Кандидаты в трансцендентность

Наша вселенная, связанная звездными линиями — Пять Галактик — состоит из бесчисленных иерархий. Некоторые виды древние, обладающие мудростью и силой. Другие только начали свой путь к самопознанию.

И существует бесконечное количество степеней между ними.

Это не те условия, в которых природа производит справедливость. И не было бы никакой справедливости и защиты для слабых, если бы кодекс законов не смирял порывы сильных.

С этой целью мы унаследовали от Великих Прародителей много традиций и правил, формализующих отношения между патронами и их клиентами или между колонистами и неразумными существами, населяющими планеты. Иногда эти правила кажутся такими сложными и произвольными, что испытывают наше терпение. Мы утрачиваем представление о том, ради чего все это сделано. В недавнее время ученый из звездного клана землян (дельфин) предположил,

что дело очень просто и что все следует рассматривать в терминах пищевой цепочки.

Другой земной мудрец (человек) выразил это еще проще, выразив в виде того, что он назвал метазолотым правилом.

«Обращайтесь с низшими так, как вы бы хотели, чтобы высшие обращались с вами».

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Хотела бы я, чтобы с нами был Том. Ему бы это понравилось.

Загадка.

Ужасающее великолепие.

Стоя в своем темном кабинете, я смотрю сквозь узкое окно на сверкающее протяжение *тема,* окружающего «Стремительный», — фундаментального основания нашего континуума, элементарного ингредиента, из которого состоят все уровни гиперпространства, основы того, что мы именуем «вакуумом».

От этого зрелища мурашки бегут по коже. Невообразимо прекрасное зрелище. Но мысли мои по-прежнему мечутся. Я не могу успокоиться, чтобы оценить открывающийся вид.

В сердце у меня печаль и желание, чтобы Том смотрел рядом со мной. Я почти чувствую его руку у себя на талии, чувствую теплое дыхание его голоса, призывающего меня оставить в прошлом неприятные подробности, тревоги, опасности и сердечную боль, которые преследуют нас.

Никто не говорил, что в космосе будет легко и безопасно. Или что вообще легко подниматься из

примитивной грязи и смотреть в небо. Мы должны быть умными обезьянами, моя любимая, настоящими волчатами до конца. Но что-то внутри нас слышит призыв.

И мы должны спешить, чтобы увидеть.

Конечно, он был бы прав, если бы сказал так. Мне повезло увидеть так много чудес. И однако я отвечаю на его призрачный голос, как занятая жена может ответить мужу, погруженному в философские рассуждения и пренебрегающему домашними хлопотами.

О Том. Даже когда тебя окружают миллионы чудес, кто-то Должен заботиться и о мелочах.

И на борту этого хрупкого каноэ-долбленки этот кто-то — я.

Проходят дни, «Стремительный» по-прежнему движется в составе гигантского флота. Армада движущихся вместилищ — мне трудно назвать эти угловатые, размером в планету, фигуры кораблями — то несется по гиперпространству уровней А и Б, то ныряет в глотку какого-нибудь пункта перехода… невероятное стадо толкающихся бегемотов, движущихся по космическим нитям, которых нет ни на одной из наших карт.

Должно ли это меня удивлять? Сколько раз слышала я, как разумные существа — от соро и

пила до синтианцев и кантенов — высказывали благоговейное изумление перед обширностью и мудростью Галактической Библиотеки, в чьих архивах хранятся сведения, накопленные более чем за миллиард лет, с тех самых пор, как Библиотека была основана легендарными Прародителями?

Мы, молодые расы, считаем, что Библиотека знает все. И лишь изредка кто-нибудь упоминает ее ограничения.

Библиотека обслуживает только цивилизацию Пяти Галактик. Древнюю культуру кислорододышащих межзвездных путешественников, к которой мы, земляне, присоединились всего триста лет назад.

Для маленького бедного клана землян этого более чем достаточно! Настолько сложное и всеохватывающее общество, с его загадочными традициями, соперничающими союзами и почитаемыми Институтами, что трудно представить себе, что может существовать что-то помимо него.

Но за его пределами есть еще многое. По крайней мере еще семь порядков жизни существуют параллельно нашему — ппорядки, которые отличаются как потребностями и стремлениями, так и собственной мудростью.

Даже любопытные тимбрими советовали нам избегать контактов с этими незнакомцами, объясняя, что для нас это слишком сложно, невыгодно и опасно.

И по своему недавнему опыту я могу заключить только одним словом — *аминь.*

Конечно, общеизвестно, что старейшие кислорододышащие расы со временем умирают или «переселяются». Как и индивиды, ни один вид не бывает вечным. Цикл Возвышения, который является основой галактической культуры, целиком связан с восстановлением и обновлением. Передай дар разума, как он был передан тебе.

Не участвуя в этой игре, невежественные и отчаянно бедные, заботящиеся только о своих клиентах дельфинах и шимпах, мы, земляне, сосредоточились на начальных ходах, изучали правила, согласно которым должны действовать как ответственные патроны. Возможно, нам удастся избежать участи, которая обычно выпадает волчатам.

Начало очень важно.

Да, каждый союз или клан почтительно отзывается о тех, кто был до него. О тех, кто, подобно почтенным прапрадедам, выполнил свои обязанности по воспитанию других и обратился к

иным задачам, дорос до новых высот и новых горизонтов.

После того как мы избежали предательства на Оакке, я решила больше не доверять продажным Институтам и искать совета у кого-нибудь из тех почитаемых древних, о которых мы слышали. У существ, которые отказались от полета меж звездами ради полной размышлений жизни порядка «ушедших в отставку», закрывшись вблизи тусклой красной звезды.

События во Фрактальном Мире скоро преподали мне Урок. Отчужденность не означает беспристрастности. Так называемый порядок «ушедших в отставку» есть всего лишь прихожая для кислородных рас, которые больше не выносят трудностей плоского пространства-времени. Хотя они прячутся, как отшельники, в гравитационном колодце, стараясь Усовершенствовать свою расовую душу, это не обязательно Делает их терпимыми и мудрыми. После тяжелого опыта с Древними я готова была вернуться в Пять Галактик и снова Рискнуть контактом с кислородной цивилизацией.

Однако сейчас мы вопреки всякой логике или разуму оказываемся поневоле принятыми в трансцендентный порядок!

По крайней мере кажется, что именно это означает символ на нашем носу. Кто-то — или что-то — поместил у нас на носу этот символ — широкую полосу. Может быть, это злой розыгрыш.

Эмблема, означающая высокие духовные достижения плюс готовность отказаться от всех тревог.

В сущности она говорит: *Эй, посмотрите на нас! Мы готовы стать богами!*

Ну и ситуация! Я чувствую себя уличным ребенком, который украл смокинг, идентификационную карточку и каким-то образом проник на церемонию присуждения Нобелевских премий. И вдруг обнаружил, что сидит у сцены в ожидании своей очереди произнести речь!

И все, чего хочет сейчас этот уличный мальчишка, так это улизнуть отсюда незаметно, прежде чем его заметят взрослые и устроят ему взбучку.

Но уйти не так-то просто. Что-то типа инерционного поля окружает всю огромную флотилию, и мы беспомощно висим в орде гигантских транспортов. Больше того, наши навигационные системы не действуют. Мы не знаем, где находимся, не знаем, куда могли бы направиться.

Однажды, во время особенно гладкого пролета

через пункт перехода, Акеакемаи доложил, что окружающее поле как будто ослабло. Я приказала ему подвести «Стремительный» к краю роя, надеясь во время одного из цикличных прыжков выскользнуть в обычное пространство. Но стоило нам подготовиться к бегству, как Олело забила плавниками и предупреждающе свистнула. Нас сканировал луч с враждебного корабля!

Вскоре мы заметили джофурский дредноут, пробирающийся к нам в толпе огромных кораблей.

Когда-то этот корабль казался нам всемогущим. Но теперь он выглядит маленьким по сравнению с соседними гигантами. Его некогда сверкающий корпус покрыт пятнами, которые дрожат, словно волдыри. Тем не менее корабль по-прежнему очень силен, а его экипаж полон решимости преследовать «Стремительный». И стоит нам покинуть конвой, как джофуры нападут на нас.

Мы снова спрятались среди титанов, выжидая другой возможности.

Возможно, то, что поразило джофуров, со временем поразит и их.

Вселенная может произвести еще одно чудо.

Кто знает?

Может быть, мы станем *трансцендентами.*

Машина Нисс роется в нашей украденной Библиотеке в поисках сведений о необычной оболочке, покрывающей корпус «Стремительного». Эта оболочка одновременно защищает нас и отягощает. Началась она как толстый слой звездной сажи, собранной в атмосфере тлеющей углеродной звезды. Позже какая-то таинственная фракция преобразила этот покров — благожелательно или с каким-то тайным замыслом, — создала сверкающую броню, которая спасла нам жизнь.

Это разновидность брони, объяснил Нисс. *Она дает великолепную защиту от энергетического оружия — как мы драматично поняли во Фрактальном Мире. В поисках метода я установил, что этот метод активно использовался в боевых кораблях, пока примерно двести миллионов лет назад не был обнаружен очень серьезный недостаток, делающий такую защиту невозможной.*

— Какой недостаток? — спросила я.

Нисс объяснил:

Большинство сажи, улетающей от Измунути, состоит из молекул, которые вы, земляне, называете фуллеринами — или круглыми каштанами. Это открытые шарики и трубки, состоящие из шестидесяти и большего количества углеродных

атомов. Они имеют промышленное применение, особенно в виде полотен или плетеных кабелей. Именно поэтому роботы собирали это вещество у Измунути, приобретая материал для своих тщетных попыток восстановить Фрактальный Мир.

— Мы и так знали, что это вещество очень прочное, — ответила я. — Суэсси удалял его с огромным трудом. Но это еще очень далеко от противодействия дезинтеграторным лучам восьмого класса.

Нисс объяснил, что для преобразования этого слоя в другую форму нужна специальная обработка. Необходимые типы атомов улавливаются и удерживаются внутри трубок и шаров. *«Атомы необычной материи»* произнес бестелесный голос.

Признаю, что вначале я не поняла. Похоже, что некоторые элементы могут состоять не из обычных протонов, электронов и нейтронов. Они используют необычные разновидности кварков. Такие атомы следует заключать в оболочку, иначе они исчезают из нормального пространства, перепрыгивая на уровень Д или в другой субконтинуум, где чувствуют себя лучше.

Кажется жутким, что «Стремительный» окру-

жен таким веществом.

Но потом я решила, что еще более жутко быть мертвым.

Помню, как ожидала, что сейчас испарюсь, когда ударили эти мощные лучи. Но наша поразительная новая броня поглотила всю эту энергию, переместила каждый ее эрг в другой план реальности, безвредно рассеяла ее.

— Похоже на ловкий трюк, — заметила я. *Поистине, доктор Баскин,* ответил сардонически Нисс.

Но несколько сотен эпох назад кто-то открыл, как сделать это оружие бесполезным, направив поток в противоположном направлении. Превратив этот удивительный материал в огромную антенну и поглощая энергию гиперпространства, можно поджарить экипаж и все внутри корабля.

Так вот почему в Пяти Галактиках не нашлось никого достаточно глупого или отчаянного, чтобы использовать такую броню. Вначале она сработала, потому что джофуры были захвачены врасплох. Но у них на борту «Полкджи» есть собственная ячейка Библиотеки, не хуже нашей. И теперь они уже несомненно знают и готовы к новой встрече.

Надо каким-то образом избавиться от этой

оболочки!

Я попросила Ханнеса Суэсси подумать над этой проблемой. Тем временем у меня масса других проблем.

Прежде всего глейверы воют днем и ночью.

Перед тем как улететь вместе с Каа на маленькой шлюпке, Олвин Хф-Уэйуо научил нас, как заботиться о них и кормить этих регрессировавших потомков могучих межзвездных путешественников. Особенного в этом ничего нет. Их нужно регулярно кормить и раз в пять дней чистить их загон. Глейверы кажутся спокойными и довольными. Но как только Каа улетел, увезя в безопасность Олвина и его друзей, эти грязные маленькие существа начали орать и все продолжают.

Я спросила у единственной оставшейся с нами представительницы Джиджо, что это может означать, но такое поведение и Сару ставит в тупик. Поэтому могу только предположить, что дело в меняющемся составе огромного окружающего нас флота.

По мере того как мы пролетаем обширные просторы пространства и гиперпространства, к толпе присоединяются все новые шарообразные корабли, встают в ряд с прежними представи-

телями порядка «ушедших в отставку». Занги… и другие представители водородной жизни… теперь составляют примерно две трети армады, хотя в целом их корабли гораздо меньше монументальных судов кислородников.

Наши глейверы, должно быть, каким-то образом ощущают присутствие зангов. И это их возбуждает — причем трудно сказать, оживление это или страх.

Они не одни нервничают. Оставив столько товарищей на Джиджо, «Стремительный» кажется беспомощным… он стал похож на корабль-призрак. Нас окружает тайна, а впереди — полная неопределенность.

Однако могу сказать без преувеличения, что оставшиеся на борту дельфины великолепно справляются со своими обязанностями, действуют профессионально и преданно. После трех лет отсеивания у нас осталась небольшая часть отборного экипажа Крайдайки. Только те, кто обладает иммунитетом к умственному регрессу. Испытанные в горниле величайших тягот, они — перлы Возвышения, сокровища своего вида. И если мы вернемся домой, каждый получит неограниченную лицензию на размножение.

Что, разумеется, удваивает иронию.

Никто из этих финов не верит, что мы когда-нибудь увидим Землю.

Что касается Сары, то она много времени проводит со своей молчаливой маленькой шимпанзе Прити, с помощью портативного компьютера они чертят гиперпространственные карты и сложные пространственно-временные матрицы.

Когда я спрашиваю у машины Нисс, что они делают, это саркастическое существо отмахивается от их проекта, называя его *«сверхъестественным вздором»*.

Иными словами, Сара все еще надеется завершить труд своего учителя, соединив древнюю земную математическую физику с компьютерными моделями галактической науки, пытаясь понять смысл необычного и пугающего раскола, свидетелем которого мы стали. Тех конвульсий, которые сотрясают ткань большей части нашей вселенной.

— Мне не хватает какого-то элемента или ключа, — сказала она мне сегодня утром, выражая одновременно раздражение и то возбуждение, которое охватывает тех, кто занят любимой работой.

— И я думаю, имеет ли это отношение к Объятию Приливов.

Нисс, кажется, слишком легко отмахивается от усилий Сары — поскольку они не имеют соответствий в Великой Библиотеке. Но на меня ее смелость и ум производят впечатление, даже если она ошибается. И могу только сказать, что желаю ей успеха.

Всегда рядом с Сарой — с отчужденным тоскливым выражением во взгляде — бедняга Эмерсон смотрит, как ее пробные модели мелькают на дисплее компьютера. Иногда он щурится, словно пытаясь что-то вспомнить — что-то такое, что висит на кончике языка. Наверно, хочет помочь Саре. Или предупредить ее о чем-нибудь. Или просто выражает свои чувства к ней.

Приятно смотреть на их растущую взаимную привязанность — хотя должна признаться, что испытываю и легкую ревность. До несчастного случая с ним я не могла ответить на страсть Эмерсона. Но он всегда был мне дорог. И чисто по-человечески понятны мои чувства оттого, что его внимание устремлено в другую сторону. Но правда в том, что Саре теперь принадлежит единственный способный к деторождению мужчина на протяжении нескольких мегапарсеков. И как я могу не чувствовать себя более одинокой, чем всегда?

Да, Том. Я чувствую, что ты по-прежнему где-то здесь, вместе с Крайдайки бродишь по темным углам космоса. Я улавливаю слабое эхо твоего существования; ты несомненно создаешь все новые трудности и попадаешь в них. Делаешь окружающее еще более возбуждающим.

Допустим, это не мечты и не самообман — разве ты не чувствуешь мои устремленные к тебе мысли?

Разве не можешь ответить на них?

Я чувствую себя такой потерянной... в том «месте», где нахожусь.

Том, пожалуйста, приди и отведи меня домой.

Ну ладно, это проявление жалости к себе вычеркну позже. У меня по крайней мере есть общество Херби.

Добрый старина Херби — мумия, стоящая в углу моего кабинета и глядящая на меня пустыми глазницами. Гуманоидная, но в то же время несказанно чуждая. Старше большинства звезд. Загадка, которую Том приобрел ценой нескольких жизней. Невообразимо ценное сокровище, образ которого привел тысячи могучих кланов и союзов в состояние смертельного страха и заставил, нарушая все законы, преследовать бедный «Стремительный» по многослойному космосу,

пытаясь захватить его груз, прежде чем кто-то другой наложит на него руки-лапы-когти-клешни-щупальца.

Полученные мною приказы совершенно ясны. Доставить Херби — и остальные наши сокровища — «соответствующим властям».

Некогда я считала, что это означает Великую Библиотеку или Институт Миграции.

Но эти «нейтральные» институты нас обманули и предали, мы обратились к Древним — и едва не утратили все.

Что теперь?

«Соответствующие власти».

Понятия не имею, кто они во всей вселенной.

До сих пор я воздерживалась от упоминания о самых тревожных новостях. Но откладывать дальше нет смысла.

Вчера мне пришлось поместить под арест мою дорогую подругу.

Тш'т, вторую по старшинству на корабле, такую компетентную и надежную. Скалу, на которую я так долго опиралась.

У меня разрывается сердце, когда я смотрю на монитор и вижу, как она без конца плавает кругами по бассейну корабельной тюрьмы и смотрит на кодовый замок на двери.

Но что еще я могла сделать?

Как только я узнала о ее тайных делах, у меня не было выбора.

Как это произошло? Как я могла быть так слепа к предупреждающим сигналам? Например, когда несколько месяцев назад эти два пленника даника «совершили самоубийство». Нужно было расследовать это дело внимательней. Применить чувствительную аппаратуру. Но я предоставила следствие ей и занялась другими делами.

Но наконец я не могла не видеть очевидное. Особенно сейчас, когда она помогла другому, гораздо более опасному пленнику беж…

Пришлось несколько часов назад прервать последнюю запись в дневнике. (Конечно, я не наслаждаюсь этой темой.)

Кое-что вмешалось, и мне пришлось заняться другим.

В нашем положении произошла серьезная перемена.

Вмешалась машина Нисс и сообщила, что окружающее нас инерционное поле слабеет.

Армада наконец замедлялась, переходя с уровня А на уровень Б, а затем и Ц. И с каждым прыжком все длительней становилось пребывание в нормальном пространстве. Скоро сканеры

дальнего обзора показали, что мы, теряя скорость, приближаемся к голубой точке — по-видимому, нашей окончательной цели.

Спектральное сканирование, проведенное Олело, показало, что это *белый карлик*, невероятно плотный, с диаметром меньше сотой части нашего родного Солнца. Звезда находится на последней стадии своего существования и состоит преимущественно из пепла сгоревшего на протяжении прошлых эпох вещества. Это очень массивный и старый карлик, свечение которого объясняется гравитационным сжатием и которое может продолжаться еще двадцать миллиардов лет.

Мы обнаружили еще целый ряд аномалий — угловатые темные объекты, вращающиеся совсем близко к этой плотной древней звезде. Массивные структуры, настолько большие, что отбрасывают плотную тень, когда проходят мимо диска. Что они делают очень часто. Их много, прижатых так близко, что каждый оборот совершается за минуту.

Вскоре мы убедились, что это артефакты, находящиеся глубоко внутри гравитационного колодца.

Конечно, эта знакомая концепция, она напом-

нила мне о Фрактальном Мире у маленького красного солнца — этого убежища отставников. Действительно, у этого места много общего с тем огромным обиталищем. Только здесь масштаб расстояний в сотни раз меньше. Невероятное количество материи затолкано в этот колодец, в плотный туннель сжатого пространства-времени.

Тот, кто там живет, должен очень ценить свободное пространство.

Это существа другого порядка жизни, живущие в другом типе измерений. В тесноте, которую старейшие расы интерпретируют как любящее спасение.

Присоединившись к остальным в ситуационном помещении, я смотрела, как эта новая вариация старой темы постепенно вырастает перед нами.

— В каждой галактике существует несколько миллиардов белых карликов, — заметил Акеакемаи. — Если даже небольшая их часть так населена, количество трансцендентных существ невероятно. А с Земли до контакта ничего обнаружить нельзя.

Сара держала за руку Эмерсона, который смотрел на корабли конвоя, может быть, опасаясь

того, что они сделают, когда мы прибудем. Я сочувствовала ему. Мы все ждем этого.

Замедление продолжалось в нормальном пространстве, как доложила материализовавшаяся машина Нисс. Она закончила исследовать символ у нас на носу — широкую полосу, означающую наше незаконное пребывание в высшем порядке разума.

— Позволь высказать предположение, — сказала я, прежде чем вертящаяся голограмма начала объяснять. — Эмблема означает союз кислородных и водородных существ, наконец-то встретившихся.

Одно из моих немногих оставшихся удовольствий — удивлять высокомерную машину.

Откуда… откуда вам это известно? — спросила она.

Я пожала плечами — беспечный жест, скрывающий, что я просто угадала.

— Два сегмента, встречающихся под углом в сто четыре градуса. Это может символизировать только связи *молекулы воды.* Водород плюс кислород, соединяясь, создают самый фундаментальный ингредиент химизма жизни. Ничего загадочного.

Вращающиеся линии как будто качнулись..

Может быть, для вас, ответил Нисс. *Предубеждения землян, наверно, не настолько фиксированные. Но для меня это было настоящим шоком. После всех предупреждений, после бесконечных рассказов о том, как опасны занги… какие они нелогичные, раздражительные и ненадежные…*

Я пожала плечами.

— Маленькие мальчики обзывают маленьких девочек, и наоборот. Часто они не выносят общества друг друга. Но когда вырастают, начинают нуждаться друг в друге.

Аналогия поверхностная. Тем не менее сравнение имеет смысл!

Я часто размышляла об антагонизме кислородной и водородной жизни. Если они такие фундаментально различные, такие враждебные и несовместимые, как занги и их собратья умудряются сохранять мир с цивилизацией Пяти Галактик так долго? Почему одна сторона не уничтожит другую, вместо того чтобы неохотно сотрудничать в сложном порядке миграции и экоуправления, разделив спиральные рукава и космические линии с относительным минимумом насилия?

Действительно — как? Это казалось невероятным.

Если, конечно, все это не было разработано на более высоком уровне! На уровне, на котором оба вида жизни достигают наконец зрелости и способны найти общую почву.

Завершение, когда каждая сторона поставляет то, чего не хватает другой.

Итак.

Вот мы и здесь, в месте слияния и консолидации. В союзе, созданном среди сильных гравитационных течений, глубоко в Объятиях Приливов.

Кажется, нас пригласили. Остается только один вопрос. *Почему?*

ГАРРИ

Он ждал, что дома его встретят с поздравлениями; может быть, сам Вер'Кв'квинн или по крайней мере старшие помощники старого моллюска с нетерпением получат данные Гарри и послушают рассказ о его успешной миссии.

Необыкновенно трудной миссии, если говорить правду. Эпического путешествия в одно из самых трудных мест пространства Е, где он преодолел ужасные препятствия и даже привез с собой пару людей-сунеров вдобавок!

Предвкушая все это, он обнаружил, что Каззкарк охвачен хаосом.

На северном полюсе все причальные площадки были заполнены, кроме нескольких, предназначенных для официального использования. Приближаясь к одной из таких площадок, Гарри должен был прокричать свой код и добавить угрозы, прежде чем мрачный робот Института Миграции наконец указал ему щель, отведенную для кораблей Института Навигации.

За освещенными звездами приемными устройствами Гарри разглядел мириады судов беженцев, занимающих всю поверхность планетоида

от одного конца до другого, создавая плотную, сбивающую с толку путаницу теневых форм и стробоскопического света.

— Разве это не здорово, Двер? — прошептала девушка с обезображенным лицом — Рети, у которой при этом зрелище загорелись глаза. — Разве я тебе не обещала? Держись меня, и я приведу тебя к цивилизации! Так я сказала. Прощай, вонючая старая Джиджо, привет, галактика! Мы. больше никогда не будем грязными, голодными, бедными и никогда не будем скучать.

Гарри обменялся взглядом с другим человеком, высоким мужчиной. Оба человека явно ничего не понимают. Но в отличие от Рети Двер, по-видимому, знает это. В глазах его выражение страха и благоговения.

Примерно так же и я себя чувствовал, подумал Гарри. Звездные корабли расположены тесно, как разбитые стволы мурввы после сильной бури на Хорсте. *Нарушения стали, должно быть, значительно серьезней с моего отлета… если народ выбирает старый пыльный Каззкарк, чтобы здесь спасаться!*

Магнитные якоря притянули избитую разведочную станцию, которая с облегченным стоном наконец опустилась. Гарри тоже впервые с мо-

мента отлета почувствовал, как его оставляет напряжение, и свободно передохнул.

Снова дома… каким бы он ни был.

Переместив данные для Вер'Кв'квинна в портативное переносное устройство, он повернулся и подтолкнул гостей к шлюзу. В нормальное время, если бы он возвращался из разведывательного полета, эта пара стала бы настоящей сенсацией на сонной базе. Новость быстро бы разнеслась повсюду, и офицер, арестовавший сунеров, стал бы знаменит.

Остатки верности преследовали Гарри. В конце концов люди — патроны его собственной расы. Конечно, по закону они теперь должны быть ему безразличны. Но привычки изменяются с трудом.

К тому же Двер и Рети спасли мне жизнь.

И поэтому, когда они проходили по короткому туннелю в глубину планетоида, противоречие заставило Гарри сомневаться, а не испытывать торжество.

Все в таком хаосе. Может, мое сообщение о них останется незамеченным.

Он решил, что сможет с этим смириться.

Входной Атриум был полон шума и смятения, здесь толпились представители множества рас,

не обращая внимания на ритуал расового старшинства и интерклановый протокол, добиваясь принятия и надеясь найти убежище в становящемся все более опасным и непредсказуемым космосе. Институтский пропуск позволил Гарри миновать несколько преград, двигаясь впереди большой очереди с двумя людьми за собой. Тем не менее ему потребовалась большая часть мидура, чтобы добраться до последнего барьера с надписью ИММИГРАЦИЯ И КАРАНТИН. По пути он услышал кое-какие разговоры о том, что приводит в панику цивилизацию Пяти Галактик.

...три или четыре пункта перехода в секторе Ланингуш проявляют непоследовательность или катастрофическую пространственную рекомбинацию, — шипел на галсемь торговец тинуктгуппит, обмениваясь слухами с круглым п'орт'лом, глаза которого, расположенные на груди, тревожно блестели.

П'орт'л в ответ фыркнул — богатый, гармонично насыщенный звук.

— Я слышал, большинство уцелевших пунктов перехода захвачены местными союзами, которые налагают незаконные налоги на всякий прилетающий и улетающий корабль. В результате застряло очень много купцов, студентов, пили-

гримов и туристов, которые не могут вернуться домой.

К удивлению Гарри, два молодых человека не впали в панику и не испугались толпы. Рети счастливо улыбалась, поглаживая шею своего маленького урского «мужа», а Двер рассматривал многообразие форм жизни, время от времени наклонялся к девушке и шептал, указывая на чужака, которого узнал — возможно, по легендам, рассказываемым у лагерного костра в его родном племени. Гарри не ожидал такого космополитического отношения. Тем не менее Двер выдавал себя, сжимая в руке лук и стрелы. Он все-таки нервничал.

Гарри подумывал о необходимости конфисковать это примитивное оружие. Теоретически пленники не должны быть вооружены. Но он сомневался в том, что самый отъявленный галактический бюрократ узнает оружие в этом наборе прутьев, нитей и кусков обтесанного камня.

Кстати о галактических бюрократах, подумал он, подойдя к последней стойке. Этот мрачный хунский чиновник был на дежурстве в последний раз и оставался все таким же несносным. Несмотря на объявленное чрезвычайное состояние, Твафу-ануф хлопал своим богато рас-

крашенным горловым мешком на всякого, у кого обнаруживалась хоть малейшая неправильность в документах, и, не обращая внимания на протесты, возвращал посетителей в хвост очереди. Когда Гарри подошел к нему, хун казался уставшим и измотанным от работы.

Приготовься к сюрпризу, ты, мрачный старый бюрократ, подумал Гарри, представляя себе, как его новый цвет шерсти и хвост потрясут Твафу-ануфа.

К его разочарованию, хун едва взглянул на Гарри и снова повернулся к главному монитору. Очевидно, изменение цвета шерсти не сказывается на официальном статусе земного шимпанзе.

— А, хр-р-р-рм. Итак, наблюдатель Хармс снова навязывает свою нежеланную обезьянью внешность моим уставшим органам чувств, — заметил Твафу-ануф на галшесть с сильным акцентом. — Но только на этот раз — и это так же отвратительно — он привел с собой двух своих оборванных земных хозяев. Они наконец заберут вас домой, как непослушного ребенка?

Гарри почувствовал, как напряглись Двер и Рети. И поторопился ответить решительней и тверже, чем намеревался сначала.

— Твафу-ануф, вы превышаете свои полномо-

чия, в которые не входит оскорбление сотрудника Великого Института. Однако если вы нас немедленно пропустите, я воздержусь от выражения формального протеста.

Возможно, усталость после долгой успешной миссии придала голосу Гарри больше властности. К его удивлению, рослый хун, по-видимому, не собирался продолжать свои традиционные насмешки. Твафу-ануф поднял одну гигантскую руку.

— Хр-р-р. Покажите мне въездные идентификационные ярлычки людей. *Пожалуйста.*

Гарри покачал головой.

— Это образцы, предназначенные для исследований в Институте Навигации, и прибывают на Каззкарк под мою ответственность и по моим полномочиям. Можете провести биосканирование обоих человек, прежде чем пропустить нас. На это потребуется тридцать дуров. Правила не разрешают более длительную отсрочку. Или мне доложить непосредственно Вер'Кв'квинну?

Их взгляды встретились. Горловой мешок Твафу-ануфа раздулся, оттуда послышался низкий гулкий звук. Гарри знал, что его отругали на полутайном расовом диалекте. Но формально оскорбление не было нанесено, поскольку не

использовался официальный галактический язык; тем не менее несколько присутствующих, по-видимому, поняли язвительное замечание, переглянулись и стали выражать одобрение или неодобрение. С катастрофы на колонии НюДаун, столетие назад, всем было известно, что хуны терпеть не могут членов осажденного земного клана.

Двер Кулхан неожиданно расхохотался, и этот звук перекрыл низкий гул Твафу-ануфа, заставив того споткнуться и едва не упасть. Хун бросил удивленный взгляд на молодого человека, который сказал на англике — тоже неофициальном языке, который в эти дни понимают многие разумные:

— Ну, здорово сказано! Подождите с дур, пока я объясню этому бедному шимпу, как вы отозвались о его фигуре, предках и тому подобном!

Наклонившись к Гарри, Двер подмигнул и прошептал:

— Улыбайся и делай вид, что ты говоришь мне что-то для передачи этому придурку.

Гарри мигнул.

— Что такое ты пытаешься…

Двер снова выпрямился, громко расхохотался и показал на Гарри. Он как будто что-то хотел

сказать Твауф-ануфу, но не мог сдержать хохот.

— Он говорит… этот шимп говорит…

Рети с кислым выражением закатила глаза. Но Гарри мог лишь в немом изумлении смотреть, когда Двер глубоко вдохнул, посмотрел прямо на Твауф-ануфа… и начал подражать низкому хунскому ворчанию!

В глазах Двера даже появилось свирепое выражение, он продолжал издавать звуки, похожие на отрыжку, а инспектор в изумлении и отчаянии хлопал своим горловым мешком.

Наступила неожиданная тишина. Двер перевел дыхание и снова перешел на англик.

— Ну разве не здорово? Там, откуда я, любой шимп, который сказал бы такое, считался бы настоящим…

Гарри схватил Двера за руку и стиснул. Парень силен для человека, но ему, конечно, по силе не тягаться с шимпом. Двер послушно смолк, дружелюбно улыбаясь толпе. Никогда никто не слышал, чтобы землянин ворчал по-хунски. А уж тем более Гарри!

И тут вдобавок маленький «муж» Рети высунул из сумки свою урскую голову и презрительно зашипел на высокого хуна, вызвав еще большее изумление в толпе.

— Хватит! — воскликнул Твауф-ануф, ударив тяжелым кулаком по стойке, отчего открылась дверца. — Люди, говорящие по-хунски? Хуны, говорящие, как земляне? *Неужели весь космос спятил!* Убирайтесь отсюда! Идите!

Чиновник закрыл массивную голову руками, а Гарри, продолжая сжимать руку Двера, потащил его за собой. Они благополучно миновали контроль Каззкарка, и Гарри выпустил руку Двера, только когда входной Атриум остался позади.

Отступив на шаг, он, словно впервые, посмотрел на молодого человека.

После долгой паузы Гарри хмыкнул и коротко кивнул.

— У меня к тебе только один вопрос.

— Какой? — отозвался Двер.

— Ты можешь меня научить делать так, как сделал там?

Всегда можно так рассказать о событии, чтобы сделать его самым обычным.

Ожидая в приемной Вер'Кв'квинна встречи с боссом, Гарри мысленно пересматривал свой краткий отчет о встрече с Двером и Рети в пространстве Е, удаляя все намеки на то, что они с сунерской планеты. Нет необходимости скрывать факты. Кто еще, кроме подлинных землян,

способен понять, что у Двера домотканая одежда и неолитическое оружие?

Гарри мог даже доказать, что не нарушает свою клятву. Как бы не нарушает.

— Ваш корабль вышел из строя и вы утратили все свои личные вещи до того, как вас подобрало машинное существо, — твердил он паре. — Вы также испытали травму мозга, вызвавшую временную амнезию. Это согласно Традиции Помощи Путникам дает вам право на получение помощи. Возможно, этого хватит, чтобы оплатить воздух, воду и протеин, пока вы не найдете возможность зарабатывать сами. Поняли?

Двер серьезно кивнул, а Рети прошептала маленькому самцу-уру:

— Слышал, йии? Травма мозга. Да у Двера она постоянная.

«Муж» отозвался, попытавшись укусить ее левую руку, которую Рети вовремя отдернула. Гарри немедленно решил, что маленькое существо ему нравится.

— Я знаю кое-кого в Нижнем Городе, — сказал он. — Может, там найдут для вас подходящую работу. А пока вот вам чип со стандартной информацией о Каззкарке и прилегающем секторе, — продолжал он, передавая стерженек,

который Рети тут же сунула в свое самое драгоценное имущество — потрепанный обучающий компьютер земной конструкции. — Пока я внутри, старательно все изучите. Покончив с делами, я отведу вас в безопасное место. Но в обмен мне нужна ваша история — вся история, поняли? О вашем доме и обо всем.

Оба человека кивнули, и Гарри решил, что они его поняли.

Воздух заполнил музыкальный звук — уникальный ритм и мелодия, которые Гарри научился узнавать быстрей собственного имени.

Вызов. Штат Вер'Кв'квинна, должно быть, закончил просматривать его информацию, доставленную приборами, которые извне заглядывали в Реальный Космос.

Наконец-то, подумал он вставая. Два молодых человека уже были поглощены изображениями на экране обучающего устройства, поэтому Гарри ушел, не сказав им ни слова. Направляясь к кабинету босса, он испытывал растущее возбуждение. Успех последней миссии должен привлечь к нему внимание Института. Возможно, настолько, чтобы доверить ему большую тайну.

Может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что, во имя Вероятностного Чистилища Ифни, у

нас происходит!

Прошло несколько мидуров, прежде чем он вышел из святилища Вер'Кв'квинна, чувствуя себя озадаченным и ошеломленным.

Он надеялся получить объяснение.

Теперь Гарри сомневался в том, что это была хорошая мысль.

Разве не всегда так? Боги учат нас осторожно высказывать свои желания. Иногда они осуществляются.

Были новости хорошие, плохие… и такие, которые способны привести в ужас.

Вначале его поздравили с тем, что он выжил в трудном путешествии. Изменение цвета шерсти и добавочный отросток тела — все это кажется незначительным по сравнению с тем, что испытали некоторые наблюдатели. Он получит очень щедрую денежную компенсацию, и больше работники Института Навигации об этом не говорили.

Что касается миссии, Вер'Кв'квинн не мог бы быть довольней. Используя своеобразную перспективу пространства Е, чтобы заглянуть в звездную вселенную, камеры Гарри зафиксировали прогрессирующее расширение подвакуума. Процесс, который быстро приводил к разры-

вам. Благодаря смелости Гарри местные ученые Вер'Кв'квинна теперь знали об этом процессе почти столько же, сколько известно начальству в штабе квадранта.

Но были и дурные новости.

Эти начальники, должно быть, уже какое-то время знали, что происходит. Однако до самого последнего мгновения откладывали объявление чрезвычайного положения. И даже сейчас стараются пригасить страх в обществе.

— Может, это заговор? — даже спросил в одном месте Гарри Вер'Кв'квинна.

Моллюскообразное существо забило несколькими щупальцами.

— Если это так, наблюдатель Хармс, то этот заговор включает всех высших руководителей *всех* главных институтов плюс большинство старших рас. Теперь, когда у нас есть свежие данные, мой штат смог получить больше информации от ячейки Великой Библиотеки, расположенной на Каззкарке, и эта информация поразительна.

Гарри с трудом глотнул.

— Какова же она?

— Очевидно, подобные события происходят не впервые! Меньшая версия подобного феномена случилась примерно сто пятьдесят миллионов

лет назад и вызвала временный или постоянный выход из строя семидесяти процентов всех пунктов перехода! Тогда общество тоже разрывалось социальными потрясениями и геноцидными войнами. Особенно пострадала Третья Галактика.

— Но… как можно было скрывать такие вещи? Библиотека… разве не предполагается, что она…

Вер'Кв'квинн отмахнулся от этого возражения как от слишком наивного.

— Лишь небольшое количество фактов замалчивалось. Сокрытие совершалось более тонко, изменялось пропорциональное соотношение событий, одни подчеркивались, другие преуменьшались.

Гарри был рад, что шерсть скрывает краску замешательства. Именно так поступил он сам, скрывая правду о Двере и Рети под грудой незначительных подробностей.

— Хаотическое состояние той эпохи всегда приписывалось межклановым войнам, которые на самом деле были не причиной, а следствием, — продолжал Вер'Кв'квинн. — И вообще мы привыкли к тому, что исторические записи чем дальше в прошлое, тем туманней становятся. И таким образом оказывается возможным не уделять должного внимания наиболее важному

событию — Крушению Гронина.

— Чему?

— Крушению Гронина. Прости, ты волчонок, и в твоих знаниях есть пробелы. Но большинство галактических детей знают, что Прародители вернулись в духовной форме примерно двести тридцать миллионов лет назад, чтобы защищать кислородные расы и провести их через глубочайший кризис. Межзвездная навигация стала ненадежной. Конфликты сокращали население. И лишь небольшое количество звездных кланов выжило, чтобы продолжить цикл Возвышения с новыми поколениями.

— Я… — Гарри нахмурился. — Мне кажется, я об этом слышал. Разве в этом виноваты не машины и занги?

— Поверхностное объяснение, которое большинство принимает не задумываясь. На самом деле ответ несколько иной. Нечто гораздо более значительное… и страшное.

И тут Гарри узнал третью и самую тревожную новость.

— Очевидно, недавние конвульсии — часть природной катастрофы масштабов, неслыханных со времен Крушения Гронина. И нам предстоит столкнуться со страшными несчастьями.

— На… насколько страшными?

Вер'Кв'квинн сплел несколько щупалец с присосками, таких сильных, что они могут гнуть сталь. Престарелый ученый, обычно невозмутимый, как нейтронная звезда, даже вздрогнул. Нужна была очень сильная воля, чтобы произнести несколько следующих слов.

— Кажется, наша цивилизация теряет целую галактику.

Гарри, все еще ошеломленный, вышел в прихожую.

Вер'Кв'квинн сказал, что у него уже есть назначение для Гарри. Его новые обязанности начинаются завтра — одновременно с повышением.

Что-то связанное с сообщением, полученным недавно с осажденной Земли. Предупреждение, отправленное всем институтским аутпостам. Старшие чиновники скрывали его, насколько возможно, но слухи о его содержании уже сеют панику в нескольких квадрантах.

Все это звучало захватывающе. Но сейчас даже обычно ничего не замечающий босс увидел, насколько устал Гарри. В голове у него шумело, и Вер'Кв'квинн приказал ему идти домой. Он заслужил отдых, прежде чем начинать снова.

Выйдя в богато отделанную прихожую, Гарри стоял долгое время, мигая и думая, что же он упустил.

Двер и Рети, понял он наконец.

Они должны были оставаться здесь и ждать меня.

Он посмотрел направо и налево.

Они исчезли!

Торопливо выйдя, он остановился на верху лестницы, ведущей в главное здание Института Навигации, и посмотрел на кишащие толпы, гадая, куда могли деться два человека. Люди, никогда не подвергавшиеся опасностям сложной галактической культуры, не представляющие, какие угрозы могут их ждать от представителей нескольких сотен темпераментных рас… и многие эти расы терпеть не могут землян.

САРА

Все сводится с вопросу о языке.

Можно только догадываться, что способно описать сознание, думала Сара.

В течение двух миллионов лет система организованных галактических языков помогала кислорододышащим расам общаться с минимальным взаимным непониманием. Эти языки представляют собой логичные структуры семантики, синтаксиса, грамматики и смысла. Но теперь Сара поняла, что у этих языков была и другая цель — *скрывать.* Сложные культуры технически передовых и разумных существ тем самым уводились от обдумывания определенных тем. Определенных возможностей.

Может быть, в этом кроется истинная причина уничтожения рас волчат, думала она. *Они могли смотреть, минуя слепые зоны. Видеть то, что не должно быть увидено.*

Этого нельзя было допустить.

Сквозь прозрачную панель Сара смотрела на рой гигантских иглообразных обиталищ, на огромной скорости вращающихся вокруг плотной древней звезды. Все они были выстроены по

радиальным линиям в поисках улетающих световых лучей, а их внутренние поверхности едва не касались невероятно яркой поверхности звезды. Всякий живущий там, глубоко внутри крутого гравитационного колодца звезды-карлика, должен испытывать чудовищные приливные силы, которые растягивают каждую живую клетку.

Конечно, именно в этом смысл жизни здесь.

В отличие от Фрактального Мира простой водородный металл не способен выдержать страшные напряжения этого места. Ханнес Суэсси попытался объяснить, какой тип укрепленного полем материала может противостоять таким силам, но сознание Сары отшатывалось от каскада непонятных терминов. Технология, намного выходящая за пределы ее варварского образования, казалась присущей богам.

Да, но *математика*... это совсем другое дело. Даже дома, вооруженная только карандашом и бумагой, она узнала множество возможностей описать бесчисленные способы, какими может складываться, сгибаться, разрываться пространство. Ее аналитические методы далеко выходили за пределы галактических традиций.

Теперь же, с помощью волшебных бортовых машин, Сара совершала подлинное волшебство.

Словом и жестом она заставляла появиться в воздухе сложные графики и чертежи. Тензоры раскалывались у нее на глазах. Трансформы Тарски и функции Такебаяши по малейшему ее капризу расправлялись с бесконечными интегралами, решая проблемы, которые не в состоянии разрешить ни один математический процессор.

Прити, маленькая помощница-шимпанзе, проворно создавала формы и линии, которые становились уравнениями.

Уравнениями, описывающими космос, находящийся в напряженном состоянии.

Хотела бы я, чтобы это увидел мудрец Пурофски, думала Сара.

Как будто расчеты и компьютеры ждали возможности вместе продемонстрировать свой потенциал. Объединившись под ее руководством, они осуществляли давнюю мечту ее учителя, доказывая уместность старинных земных концепций Эйнштейна и Ли.

Может быть, специалисты на Земле уже достигли того же самого — открыто или втайне. Но Сара чувствовала, что исследует девственную территорию. Эти концепции бросают свет на будущее — предсказывают катастрофу невообразимых размеров.

Что ж, по крайней мере теперь мы знаем: то, что произошло с Фрактальным Миром, не наша вина. Думаю, для Джиллиан это послужит утешением.

Доктор Баскин явно считала себя виновной в той катастрофе, которая постигла огромную хрупкую оболочку из водородного льда, погубив миллиарды ее обитателей. Казалось, это прямое следствие появления «Стремительного» — словно змея, совратившего рай. Но уравнения Сары свидетельствуют о естественном явлении, совершенно неизбежном и таком же бесстрастном, как землетрясение. И неудержимом, как ураган.

Неудивительно, что к нашему конвою присоединилось столько беженцев. По всем Пяти Галактикам, должно быть, разрушаются тонкие структуры Крисвелла, заставляя ушедших в отставку делать выбор: быстро возвращаться к порядку кислородной жизни, или переходить на следующий уровень, к трансцендентности… или остаться на месте и умереть.

Неспособные даже на краткое время оторваться от Объятия Приливов, многие решили остаться у своих маленьких красных звезд, хотя континуум вокруг изменялся, превращая их хрупкие ледяные дома в груды осколков.

Глядя вниз, на яркий плотный белый карлик, Сара задумалась. Затронет ли ухудшение условий и это тесное царство, где сверкающие иглы быстро вращаются вокруг сверхплотной звезды? Это гораздо более могучее сооружение, обитаемое древними почитаемыми расами и соединяющее в себе все лучшее из водородной и кислородной культур.

Конечно, члены трансцендентного порядка знают, что происходит. Мы по сравнению с этими мудрыми существами словно муравьи. У них должны быть средства защитить себя во времена перемен.

Мысль успокаивающая. К несчастью, Сара не переставала тревожиться.

Тревожили ее мысли о буйурах.

На следующем совещании штаба ее новости были встречены довольно прохладно. Хоть Сара и оправдала «Стремительный», доказав его невиновность в трагедии Фрактального Мира, доктор Баскин больше интересовалась тем, что произойдет дальше.

— Ты говоришь, что все эти разрывы — естественное следствие *расширения вселенной?*

— Совершенно верно, — ответила Сара. — Пространственно-временная метрика, включая

лежащий под всем *илем*, растягивается и слабеет, постепенно доходя до разрыва. Границы областей разрываются и разъединяются. Похоже на нарастающее напряжение, которое высвобождается во время землетрясения. Так называемые «нити», или потоки первоначальной матрицы, могут оказаться сдавленными, и это превращает пункты перехода в бесполезные водовороты, изолируя целые секторы, квадранты и даже галактики.

Старшая женщина покачала головой.

— Расширение вселенной происходит уже шестнадцать миллиардов лет. Почему это должно так неожиданно свалиться нам на голову?

В этот момент вмешалась машина Нисс. *Простой ответ на ваш вопрос заключается в том, что это происшествие… не уникально.*

— Как это?

Я хочу сказать, что такое уже случалось.

Позвольте пояснить, задав вопрос, доктор Баскин. Имеет ли для вас смысл этот символ?

Сара смотрела на появившийся над столом для совещаний символ — сложную форму с тринадцатью спиральными лучами и четырьмя овалами, пересекающимися друг с другом.

Джиллиан посмотрела на него. Потом ее рот мрачно скривился.

— Ты отлично знаешь, что имеет. Том нашел его выгравированным на борту тех кораблей, которые мы увидели в Мелком скоплении… так называемый *Призрачный флот.* Как только мы его увидели, у нас и начались неприятности.

Вежливо собрав свои линии, машина Нисс продолжала: *Тогда вы, несомненно, помните одну из обсуждавшихся возможностей — что Призрачный флот представляет посланцев из совершенно иной цивилизации. Цивилизации, полностью отделенной от связанных между собой галактик. Возможно, это экспедиция, которая пересекла мегапарсеки плоского открытого пространства, чтобы добраться до нас из совершенно иного круга жизни.*

Нисс дождался кивка Джиллиан.

Что ж, теперь я могу опровергнуть это предположение. Оно неверно.

Эти корабли скорее пришли из нашего прошлого… из прошлого, в котором не пять галактик были связаны между собой, а гораздо больше.

Вдоль одной из стен помещения для совещаний пролегала наполненная водой труба, в которой бил плавниками Акеакемаи, так что вокруг его гладкого серого тела постоянно поднимались облака пузырьков. Теперь, когда лейтенант Тш'т

находится под арестом, он стал старшим дельфином на корабле, и эта честь явно заставляла его нервничать.

— Больше? Ты хочешь сказать, что когда-то было… *семнадцать* галактик?

Да, семнадцать. И среди них тринадцать спиральных и четыре эллиптические. Но позже — насколько именно позже, данные очень противоречивые — их стало одиннадцать… потом семь… и наконец пять, известных нам сегодня.

Наступила тишина. Наконец, хотя его зеркальная внешность оставалась невозмутимой, запинаясь, заговорил Ханнес Суэсси:

— Но… но как же мы могли не знать о чем-то таком… таком?..

Таком огромном? Таком эпохальном и травматическом? Полагаю, что можно догадаться по вашему состоянию шока и удивления. Каждая утрата глубоко отразилась бы на обычно спокойном и консервативном обществе своего времени. Волны Разрушения, которые только что описала мудрец Кулхан, в прошлом могли быть еще сильней, причиняя неисчислимые бедствия и хаос. И выжившие веками были бы заняты тем, что собирали °сколки.

А теперь предположим, что в эти критические

моменты и после них проявляется более древний и мудрый разум и берет контроль над Великой Библиотекой. Ему не потребуется больших усилий, чтобы соответствующим образом стереть или изменить данные архивов… либо возложить вину за хаос на каких-нибудь преступников. Ну, например, на зангов, или на преступные кислородные кланы, или на неограниченное размножение машинных форм жизни.

— Но как можно было скрыть потерю целых галактик? *Это может быть легче, чем кажется. Когда это случилось* в*последний раз — Крушение Гронина, почти не было упоминаний о потерянных территориях, потому что Институт Миграции уже подготовился…* Сара встала.

— Эвакуировав их!

Она обратилась к Джиллиан и всем остальным:

— Трансценденты знали об этом заранее двести тридцать миллионов лет назад. Они приказали оставить две галактики, которые все равно должны были потерять, прежде чем начались разрывы. — Она смотрела в пространство перед собой. — Это объясняет загадку Четвертой Галактики! Почему все ее спирали недавно были объявлены невозделанными и все кислородные

формы жизни вынуждены были эвакуироваться. Причина не в необходимости восстановления экологии, а в том, что они заранее знали о предстоящих разрывах.

Голограмма Нисса словно пожала плечами — как будто теперь это совершенно очевидно.

По-видимому, старшие порядки жизни либо вступили в заговор с руководителями Великих Институтов, либо манипулировали ими, так чтобы главные представители кислородной цивилизации были готовы.

— Но ведь мы по-прежнему очень многого не понимаем, — возразила Сара. — Почему галактика, которой касаются изменения, должна освобождаться от звездных рас? Как это отражается на других формах жизни? Что дает…

Джиллиан Баскин прервала ее:

— Полагаю, вы поможете нам решить и эту загадку, мудрец Кулхан. Но эта новость сама по себе очень тревожна. Когда вы говорили о том, что одна галактика должна отколоться, я думала, вы имеете в виду ту, в которой Земля, — Млечный Путь. Это могло бы помочь объяснить, почему наша Земля так долго была изолирована. И почему поднялась такая суматоха, когда мы наконец вступили в контакт.

К машине Нисс отчасти вернулся прежний покровительственный тон.

С должным уважением, доктор Баскин, умерьте свою врожденную человеческую склонность к солипсизму. Несмотря на небольшое волнение, вызванное этим маленьким кораблем, вселенная отнюдь не вращается вокруг вашего вида.

Сара находила эту отповедь высокомерной и несправедливой. Но Джиллиан кивком согласилась с ней.

Суэсси доложил о попытках сбросить оболочку корабля, слой, который спас его от опустошающего оружия, но теперь как будто превратился в смертный саван. Он едва не оказался смертельным два часа назад, когда «Стремительный» сделал попытку выйти из воронки гравитационного колодца белого карлика, украдкой отходя от роя «кандидатов на трансцендентность».

К несчастью, его поджидал корабль джофуров «Полкджи». И сразу напал. Испустив сложный комплекс гиперпространственных резонансных лучей, враг вызвал ответную реакцию необычных атомов внешней оболочки «Стремительного», превратив этот слой в огромную антенну, вытягивающую энергию из пространства Д! Как и предсказывал Нисс, температура начала подни-

маться. Плиты палубы заметно нагрелись, и не было никакой возможности отвести это тепло.

Лишенный эффективных средств защиты, «Стремительный» не мог даже вырваться из притягивающего поля «Полкджи», чтобы снова нырнуть в колодец и затеряться среди Множества кораблей, по спирали неумолимо приближающихся к белому карлику. Если бы нападение продолжалось, землянам пришлось бы сдаться… или свариться живьем.

И тут неожиданно от роя отделился корабль зангов, передавая код опознания, который снова заставил глейверов громко залаять в трюме. С явным раздражением «Полкджи» снял поля притяжения и попятился от кораблей-«представителей», которые отделились от большого шара и направились к «Стремительному».

Земляне облегченно готовились к встрече со своими спасителями.

— Вероятно, пора попрощаться с нашими маленькими друзьями, — сказала Джиллиан Баскин. Глейверам предстоит встретиться с судьбой, которая была для них определена давным-давно.

Стадо четвероногих с готовностью направилось к шлюзу. Сара мысленно попрощалась с ними.

Пусть это принесет вам избавление, о котором

мечтали ваши предки, когда высаживались на Джиджо. Необычная, но достойная цель. Объединить то, что было разъединено. Преодолеть пропасть, помочь кислородным и водородным снова стать одним целым.

Теперь она понимала, как эти две цивилизации могли сосуществовать так долго, вопреки антипатии своей молодой звездной фазы. Они были предназначены друг для друга, как супруги, которые обнаруживают сходство только после брака.

Больше того, это объясняет, почему известный космос не переполнился машинами. Объединившись, кислород и водород оказывались сильнее кремния и металла, они не позволяли цифровому сознанию победить и использовать каждый клочок материи в пяти связанных галактиках.

Такой аккуратный, такой совершенный план, даже романтичный — по-своему. Можно подумать, что создатели вселенной имели этот план в виду.

Глядя на то, как улетают глейверы — в прозрачных сверкающих пузырях-оболочках, — Сара завидовала определенности их роли. Их явному значению. В данный момент они величайшее достижение Джиджо, ценные участники чего-то невероятно благородного. Они вносят свою

мудрую простоту как вклад, который поможет совершить великолепное слияние.

С их уходом «Стремительный» словно опустел.

Суэсси доложил о неудаче. Материал, покрывающий корпус, невозможно устранить ни одним из имеющихся в распоряжении экипажа методов.

Те, кто дал «Стремительному» эту оболочку, не только спасли нам жизнь во Фрактальном Мире. Они также позаботились, чтобы мы не смогли уйти из конвоя.

«Полкджи» ждет, готовый напасть на «Стремительный», если тот попробует улететь. Поэтому не оставалось иного выбора, кроме как сопровождать конвой кандидатов, по спирали приближаясь к огромному копьеобразному обиталищу. Акеакемаи выразил свою покорность в хайку на тринари.

Мы готовы? Или нет? Вырванные из благословенного сна, Слушаем зов глубин!

Эмерсон д'Аните вслух рассмеялся, несмотря на свой изуродованный мозг. Но Саре пришлось за переводом обратиться к портативному компьютеру. И даже с его помощью она не уловила всех нюансов этого орнаментированного, основанного на интонациях языка.

Готова ли я? Стать трансцендентом?

Сара гадала, что это значит, но могла представить себе только образ обширного мудрого разума, холодный интеллект, сосредоточенный в гибридных организмах, растянутых приливами, обдумывающий такие глубокие мысли, по сравнению с которыми любимые уравнения Сары кажутся ресничками какой-то примитивной бактерии. Если даже такие существа найдут способ инкорпорировать людей и дельфинов в свой сложный мозг, Сара не находила такую перспективу привлекательной.

Наверно, это всего лишь трюк Древних — как отнятие у Эмерсона части мозга или превращение Ханнеса в киборга. Шутка, которую мы поймем, только когда достигнем этих сверкающих игол.

Приняв отчет Суэсси, доктор Баскин сосредоточилась на практических проблемах.

— Какие физические опасности нас ожидают при приближении к белому карлику?

— Сильное ультрафиолетовое излучение, — ответил С'тат, один из инженеров Суэсси. Он говорил из своего устройства для ходьбы в дальнем конце стола. — Но наша броня выдерживает его как будто без труда.

— А как насчет растущего тяготения? Замедлятся ли наши часы?

— Да. Поле достаточно интенсивно, чтобы изменить течение времени. — Акеакемаи кивнул, и из его дыхала вырвалась цепочка пузырей. — Но менее чем на один процент.

Джиллиан кивнула.

— А гравитационный *градиент?* Сара проделала вычисления.

— Прилив здесь на несколько порядков сильней, чем во Фрактальном Мире. Вы испытаете ощущение растягивания по всему телу. Не думаю, чтобы это было приятно, хотя говорят, что древние разумные находят это ощущение неотразимо привлекательным.

Джиллиан снова кивнула.

— Знаменитое *Объятие Приливов.* Чем дольше развивается раса разумных, тем больше она к этому стремится и тем хуже переносить полеты в плоском пространстве. Именно поэтому мы так редко сталкиваемся с трансцендентными формами. Неудивительно, что они считаются отдельным порядком жизни.

— Отдельным, — согласился Суэсси. — Но по-прежнему готовым вмешиваться в дела более молодых рас.

Сара видела, как Джиллиан пожала плечами. Она как будто говорила: *«К чему беспокоиться о том, что невозможно изменить?»*

— Итак, это трансцендентность. Всякая возвышенная раса, пережившая звездную молодость, постепенно оказывается в таком месте. И кислородники и водородники. Со всех связанных галактик они собираются возле белого карлика, чтобы достичь… чего? Нисс, ты знаешь?

Линии завертелись, рисунок их постоянно менялся.

Ваш вопрос занимал теологов в той «подростковой» культуре, которую мы называем домом.

Некоторые верят, что трансцендентные существа находят в Объятиях Приливов вечную молодость.

Другие говорят, что старшие проходят через таинственный портал, следуя за благословенными Прародителями в лучшее царство. Как вы знаете, самые незначительные расхождения в таких вопросах могут вызвать вспышку гнева у вспыльчивых кланов, таких, как соро или танду…

— Ты нам будешь о них говорить! — мрачно проворчал Ханнес. — Ифни проклятые фанатики!

Так кажется вам — и моим создателям тим-

брими, и вообще всем умеренным кланам, которые полагают, что трансцендентный порядок — совсем не их дело. Когда придет наша очередь, мы все равно узнаем правду.

Но следует напомнить вам, что «фанатики», о которых вы упомянули, это самые могучие расы, мириады их звездных кораблей летают по всем трассам. Они обладают огромным влиянием и действуют быстрее умеренных. В настоящее время их флоты осаждают Землю и преследуют наш корабль с тех пор, как мы ушли из Мелкого скопления.

Сара видела, как Джиллиан наклонилась вперед. Ее лицо в свете, который отбрасывала вращающаяся голограмма, казалось осунувшимся.

— Ты к чему-то ведешь. Выкладывай.

Я хочу сказать, что этот корабль — «Стремительный» — подвергся преследованию и испытал ужасные лишения, потому что представляет собой опасность и оскорбление почитаемым традициям Пяти Галактик.

Реликты и данные, которые находятся на вашем корабле, угрожают самой основе веры.

— Это мы и так знаем, — ответила Джиллиан. — Могу ли я предположить, что ты установил причину этого?

Спираль линий Нисса расширилась, почти коснувшись лица светловолосой женщины.

Да, мне кажется, я это установил.

Похоже, ваше открытие воскрешает древнюю ересь, которая уже миллионы лет считается мертвой.

Ересь, утверждающую, что все, во что верит наша цивилизация, неправильно.

ЛАРК

В глубине боевого корабля джофуров положение опять изменилось.

На этот раз Ларк побывал в Жизненном Сердечнике «Полкджи» — месте, которое напоминало густой, но ухоженный лес. Здесь роскошная зеленая растительность аккуратно расположена на металлических леса, она очищает воздух и воду и служит экипажу джофуров так же эффективно, как все другие машины.

Теперь, однако, здесь путаница буйной растительности, джунгли, в которых растения и автотрофы со множества планет вырвались с отведенных им мест и переплелись, совершенно закрыв леса, в анархическом биогенезисе.

Среди этой густой растительности Ларк увидел мелькающие маленькие фигуры — какие-то животные, которых раньше здесь определенно не было. Может, они во время смятения сбежали из какого-то бортового зверинца? Или компьютер сознательно освободил их в тщетной попытке восстановить контроль над миниатюрной экосистемой, которая с каждым проходящим мидуром становится все более дикой? Продвигаясь в глуби-

ну, Ларк даже заметил маленьких стервятников, похожих на отдельные джофурские кольца. Они, извиваясь, перемещались среди растительности в поисках гнилья. Их бледная расцветка выражала невинность и простоту целей. Ни у одного не было и намека на разум или на стремление соединиться с другими кольцами.

Ларку новая внешность Жизненного Сердечника показалась усовершенствованием. Он вырос на планете, где природе позволено самой находить равновесие — сложный баланс, неизбежно неточный, но действующий лучше всякого заранее намеченного плана. И хоть у каждого обитателя планетной экосистемы были враги, которые охотились с помощью когтей и клыков, в результате возникала кооперация, и каждый организм получал собственную роль, помогая всей системе процветать.

Как наша группа необычных союзников, подумал он, вспомнив, какая любопытная экспедиция пробирается к сердцу джофурского корабля. *Мы можем не доверять друг другу, но, поскольку выбора у нас нет, мы вынуждены действовать вместе.*

Пробираясь сквозь густые заросли, Ларк остановился у лозы со спелыми вьющимися персиками

— этот фрукт распространен на таком количестве кислородных планет, что никто не мог бы сосчитать. Сорвав один плод, он поднес его ко рту, но ему пришлось подождать, пока слои липкой мембраны не раздвинутся, чтобы он смог укусить. Красный сок потек по языку и между зубами, капая на подбородок и насыщая вкусовые пупырышки замечательным ощущением. Ларк жадно проглотил еще несколько плодов. Это его первая приличная еда за несколько дней.

Пассажир — модифицированный шар занг, который покрывает все его тело как какая-то вторая кожа — как будто уловил недовольство Ларка. У левого глаза сформировалось Щупальце, и внутри этой желатинообразной массы возникла вакуоля. В ней появились маленькие «представители»-шары и стали исполнять микроскопическую пантомиму, общаясь с Ларком на зангский манер.

Ларк покачал головой.

— Нет, я не неблагодарен. Я понимаю, что вы кормили меня из массы своего тела, так что я выжил. Но прошу меня простить, если я предпочитаю еду, которая не пахнет гнилыми яйцами!

Он был совершенно уверен, что его слова — звуковые колебания воздуха — не имеют для

чужаков никакого смысла. Такой тип языка, абстрактного и структурированного, для существ-шаров столь же чужд, как представление о ходьбе на двух ногах, укрепленных изнутри прочными костями. Ларк догадывался, что существо следит за движениями его глаз, определяя, в каком порядке он подсознательно устремляет глаз на каждого маленького «представителя». В результате возникает грубая форма телепатии, о которой ему никогда не приходилось ни слышать, ни читать.

«Представители» снова завертелись в вакуоле-театре.

— Да, хорошо, — ответил Ларк. — Знаю. Пошли дальше. У нас мало времени.

Впереди густая листва зашуршала. Ларк осторожно потянулся за своим лучшим оружием — пурпурным кольцом, которое по его приказу распространяет обонятельные пароли, иногда позволяющие одолеть джофурских охранников или боевых роботов. Хотя эффективность кольца снизилась, маленький тор все же сокращает количество неизбежных стычек и делает возможным это путешествие в глубине вражеских позиций.

Сквозь чащу протискивалась неуклюжая фигу-

ра. Широкая в основании и заостренная вверху, она обладала зловещими очертаниями джофура.

Или треки, напомнил себе Ларк, прячась в тени. И даже когда фигура настолько приблизилась, что можно было разглядеть идентифицирующую расцветку, Ларк не был уверен, какое слово подходит лучше. Сложное существо когда-то было Асксом, любимым мудрецом треки, потом стало высокомерным джофуром Эвасксом. Теперь же оно не отзывается ни на то, ни на другое имя. По восковой пирамиде из жирных колец пробегает разноцветная рябь: это отдельные сегменты продолжают спорить друг с другом.

Внутри этой башни вырабатываются новые соглашения, и мастер-кольцо больше не обладает полным контролем.

Вполне вероятно — в любой момент, — будет принято решение возобновить верность капитану-лидеру «Полкджи» и сообщить о присутствии Ларка воюющему экипажу. Но пока решение еще не принято. А тем временем продолжается странное осторожное сотрудничество занга, человека и груды колец. Свободного союза коллективных существ. Ларк решил называть странное создание «Х» — пока оно само не примет решение.

Быстро пробежали волны тени и света, и груда

прошептала на галактическом шесть из своего устройства для речи на самом верху:

— Я/мы/Я сумел осуществить назначенное мне дело — присоединился к терминалу на рабочем месте агронома. (Сам агроном находился где-то в другом месте, получив на время чрезвычайного положения боевое задание.) Мое/наше задание — разузнать новости — удалось выполнить.

— Да? — Ларк шагнул вперед. — Ты узнал, где находится Линг?

Он надеялся найти ее в Жизненном Сердечнике, возле того места, где они были счастливы — слишком ненадолго.

Сложное существо дернулось. По его гофрированной восковой плоти ползали десятки маленьких алых колец, питаясь выделениями. Для экипажа «Полкджи» эти такие невинные на вид кольца представляли собой заразу, более страшную, чем вторжение зангов.

— Что касается людей — Линг и Ранна, — то о них новых сведений нет. Относительно их последнего местоположения — Я/мы установил квардрант корабля… тот, что отрезан двадцать мидуров назад, когда новые занги проникли через корпус.

Новость о подкреплении водорододышащих

повлияла на пассажира Ларка совсем не так, как он ожидал. Существо-шар вздрогнуло, выражая сильное желание избегать контакта с вновь пришедшими, пока их не удастся рассмотреть с безопасного расстояния.

Вот оно что, подумал Ларк. *Значит, среди гидрос тоже существуют фракции, народы, расы… как бы их ни назвать. И, подобно нам, собственных родичей они опасаются больше, чем чужаков. Полагаю, это не должно меня удивлять.*

Во время длительного кружного пути из детской все три странных союзника неоднократно задерживались, чтобы посмотреть на экраны. Там передавались сообщения, которые должны были держать джофурских солдат в курсе того, что происходит снаружи. Когда Х пытался описать белый карлик и объяснить, что известно о трансцендентной жизни, занг выглядел встревоженным. Его явно тревожило то, что водородные и кислородные существа постепенно смешиваются, сливаются в крутом гравитационном колодце, где встречаются приливы. Очевидно, пассажир Ларка находил эту новость тревожной.

Ты тоже не понимаешь, что происходит, как и я? — спросил Ларк занга. Потребовалось несколько попыток, чтобы получить ответ, — Ларк все

еще осваивал необычный способ коммуникации. Но постепенно, немного подрожав и успокоившись, существо ответило утвердительно.

Даже у гидросуществ возникают трудности при общении с их богами. Кажется, таков закон природы.

— Но у тебя есть последние координаты Линг? — спросил он у Х.

— Есть. Этот сектор достижим… если мы решимся. Ларк кивнул. Он должен как-то убедить своих спутников, что стоит рискнуть.

— А другой вопрос, которым ты должен был заняться? По груде жирных тороидов пробежала череда теней — выражение сожаления, такого глубокого, что существо показалось почти прежним Асксом. Отвечая, оно переключилось на галактический семь.

— Увы, с твоей точки зрения… а может, и моей/нашей, новости ужасные. Во время долгого пути корабля от злополучного обиталища отставной расы к этому жилищу трансцендентных рас, в нескольких случаях «Полкджи» определял положение соседних звезд и выпускал капсулы с сообщениями. По крайней мере три из этих капсул могли выбраться из конвоя и направиться к избранным местам цивилизации Пяти Галактик.

Иными словами, джофуры сумели сообщить своему клану о Джиджо.

Все об уцелевших г'кеках.

О беглецах-треки, которые так долго избегали господства мастер-колец.

И о людях и других расах, пригодных для тайных экспериментов и манипулирования без помех со стороны закона и других ограничений.

У Ларка повисли плечи. На сердце у него было так тяжело, что пассажир занг, встревоженный состоянием его обмена веществ, начал задавать вопросы.

Джиджо погибла, понял Ларк.

Конечно, так или иначе этого всегда можно было ожидать. Но неприятности «Полкджи» делали возможным — пусть и маловероятным, что страшный боевой корабль встретит ужасный конец, не успев сообщить о своих открытиях в Четвертой Галактике. Именно поэтому они с Линг отказались от безопасности своего уютного гнезда, надеясь вызывать смятение на командном мостике врага.

Надо было оставаться здесь, любить друг друга и есть фрукты, пока они нас не нашли бы или пока не кончилась бы вселенная.

Теперь у него ничего не осталось, кроме же-

лания отыскать Линг и побыть вместе с ней, сколько еще возможно… И, если удастся, причинить вред врагу.

К счастью, оружие у него в руках. Дар хитроумного старого мудреца треки Аскса.

Красное кольцо. То, что Линг спрятала в детской, прежде чем была схвачена. Оно, должно быть, было запрограммировано Асксом как хищник, размножилось и распространилось по инкубаторам, заполняя множество пустых ниш. И когда раненые в схватках с зангами джофуры приходили за запасными частями, они получали потомков этого самого кольца.

Мутировавшую форму мастер-кольца, с отличиями, которые мог разработать только умный старый аптекарь-мудрец, применяя знания, полученные треки за две тысячи лет изгнания. Трюки, с которыми просвещенные джофуры никогда не сталкивались.

Вскоре военная удача им изменила. Вместо того чтобы отбивать джофуров, они начали терять территорию. Войска были поражены странной эпидемией. Приступы сомнения или множественного мышления в стиле треки поражали тех, кто раньше был исключительно эгоистичен и целеустремлен. Некоторые пораженные гру-

ды распадались, индивидуальные компоненты расползались в поисках своих путей. Другие начинали задумываться, или впадали в оцепенение, или начинали произносить громкие тирады и испускать острые необычные запахи.

У некоторых появились новые и совершенно неожиданные мысли.

Если бы нам удалось распространить заразу поближе к командному мостику, прежде чем они начали действовать.

Но джофуры быстры, умны и выносливы. Отступив и организовав карантин, они сумели сохранить контроль над жизненно важными функциями корабля.

Но они едва успели это сделать. В остальном же на «Полкджи» воцарился хаос. Невозможно стало заранее сказать, как будет выглядеть следующая палуба или коридор. Ослабленные схватками, обе стороны, казалось, в состоянии только удерживать свои территории, не в силах двинуться дальше.

— Еще одна проблема заслуживает обсуждения, — продолжал Х. — Я/мы получил эту информацию, прослушивая командирский канал. Отчеты свидетельствуют о серьезном замешательстве на командирском мостике. Ка-

питан-лидер и груда-священник спорят о смысле сообщения.

— Какого сообщения?

— Это *предупреждение,* недавно переданное по Пяти Галактикам. Если оно справедливо, то предвещает зло огромному количеству рас и кланов, но особенно этому кораблю и его разнообразным обитателям.

— Кто послал предупреждение? — спросил Ларк.

— Родная планета твоей собственной расы, Ларк Кулхан. Осажденная Земля, которой грозит уничтожение.

Очевидно, полагая, что ему нечего терять, Террагентский Совет недавно распространил еретическую теорию, объясняющую недавние сотрясения Пяти Галактик. Эта гипотеза высказана земными мудрецами, соединившими математические уравнения волчат с галактической наукой. Теория настолько дерзкая, вытекающие из нее следствия настолько тревожны и пугающи, что Великие Институты вынуждены были лихорадочно распространить опровержение. Настолько лихорадочно, что теория землян сразу стала гораздо правдоподобней.

Реакция на нее была такой сильной, что неко-

торые кланы уже вооружаются, чтобы снять осаду, а другие склоняются к войне и геноциду! Сражения флотов у Земли стали в десять раз ожесточенней.

Ларк слушал, вначале не в состоянии даже реагировать, только не меньше десяти раз удивленно мигнул.

— Но… что…

Он покачал головой, вызвав слегка нервную реакцию у пассажира-пузыря.

— О чем предупреждение?

Существо, которое он назвал Х, выпустило струю ароматного пара, выразив в манере треки благоговение и страх.

— В нем утверждается, что Великие Институты скрывают страшную опасность. Что большинство связей между нашими Пятью Галактиками могут перестать функционировать и погубят неподготовленных. И в результате будет потеряно много великого и благородного.

Больше того, если земляне правы (а не пытаются разыграть отчаянный трюк), мы, на борту «Полкджи», находимся в самой большой опасности. Именно здесь, в священном месте, где трансцендентные существа ищут просветления в Объятиях Приливов.

ДВЕР

Вначале он подумал, что найти Рети будет нетрудно.

Как человек может спрятаться на Каззкарке? Куда бы ни пошел Двер, все оборачивались и смотрели на него самыми разнообразными зрительными органами. На него показывали разными конечностями и щупальцами, и каждый его шаг сопровождали комментарии на десятке галактических диалектов. Очевидно, земляне пользуются большой славой.

И даже если никто на Каззкарке не знает, какой неприятной может быть Рети, девушка обязательно привлечет к себе внимание. Это верно, как то, что звезды — это огонь. За все время, что он знаком с этой юной сунеркой, правило никогда не подводило.

Двер инстинктивно предпочитал скрытность. Ему хотелось незаметно пройти по этому шумному месту, просторному, как каньон, но в то же время вызывающему клаустрофобию, как лес бу, с тонкой крышей, которая не позволяет драгоценной атмосфере рассеяться в пространстве. Такое окружение само по себе заставляло нервничать

— и без толпы чужаков, спорящих или жестикулирующих, а потом неожиданно замолкавших при его появлении.

Я никогда не любил толпу. Но, по словам Гарри Хармса, это всего лишь маленький аутпост. Не могу представить себе настоящий город.

Двер старался не смотреть, отчасти потому что это невежливо, а также чтобы не выглядеть деревенщиной. Среди рассказов на ночь, которые ему читала мать, был один о таком невинном выходце из деревни, который приезжает в мегаполис, где его обирают городские хищники.

К счастью, мне нечего хотеть или красть, думал он, подсчитывая свои преимущества.

На шумном перекрестке Двер остановился и задумался.

Куда бы я пошел на месте Рети?

Ничего этого не случилось бы, если бы он был бдителен. Ожидая Гарри в Институте Навигации, Двер оставил

Рети, чтобы сходить в туалет. Это заняло некоторое время: пришлось изучать разнообразные механизмы, предназначенные для удаления отходов самых разных видов. Выйдя из туалета — испачканный и мокрый после нескольких неудачных попыток, — он выругался, увидев, что

Рети исчезла, а дверь, выходящая на шумную улицу, открыта.

Гарри рассердится, подумал он, выходя наружу и надеясь увидеть ее. Он на мгновение увидел уходящую за угол двуногую фигуру и побежал за ней, но вскоре потерял в путанице боковых улиц.

Нужен план. Двер задумался над перечнем приоритетов Рети.

Номер один — убраться с Джиджо и постараться, чтобы никто не мог ее туда вернуть.

Дверу казалось, что этого она уже достигла. Но Рети может подумать, что Гарри слишком много знает. Шимп может выяснить, где находится Джиджо, и даже заставить их туда вернуться. Рети не захочет, чтобы такое случилось.

Номер два — заработать на жизнь. Показать свою ценность для кого-нибудь влиятельного, чтобы больше никогда не голодать.

Тут Двер ничего не мог придумать. У девушки с собой компьютерный учитель плюс данные о Каззкарке, сообщенные Гарри. Может, она что-то придумала, пока Двер ходил в туалет?

Номер три — избавиться от шрама. Рети никогда не забывала о шраме, который уродовал ее лицо. Это след жестокого обращения с ней, когда

она жила в Серых Холмах. Сам Двер не очень замечал этот шрам. На Джиджо он видел и похуже. К тому же всякий, кто любит или ненавидит Рети, Делает это из-за ее характера и силы воли.

Но она хотела бы позаботиться о своей внешности как можно быстрей.

Возможно ли это на Каззкарке? Ведь люди не живут здесь постоянно. Есть ли здесь возможности восстанавливать человеческую плоть?

А почему бы и нет? В компьютерах могут храниться знания бесчисленного количества специалистов. И медицинские сведения займут первое место. Никогда заранее не известно, представитель какого вида посетит аутпост, так что нужно быть готовым ко всему.

Двер понимал, что основывается на недостаточной информации. С детства слышал он рассказы о могучей цивилизации, от которой отказались его предки. Но реальность ошеломила его.

Может, следовало подождать Гарри. Я знаю Рети, а он знает Каззкарк. Нам лучше действовать вместе, чем раздельно.

Решив вернуться, Двер неожиданно испытал незнакомое ощущение потери ориентации. Потребовалось какое-то время, чтобы подобрать для него слово.

Я… заблудился.

Такого с ним никогда не случалось! Не случалось дома. Он всегда знал направление на север, а в голове при каждом шаге или повороте разворачивалась своеобразная мысленная карта. Но здесь, на планетоиде, сознанию не хватало знакомых признаков. Двер понятия не имел, где оказался.

Он стоял у каменной стены, пытаясь сориентироваться, а мимо мелькало множество разнообразных странных форм жизни. Не обращая на них внимания, он пытался сосредоточиться, но этому мешала усиливающаяся паника.

Мне казалось, что после пространства Е я способен привыкнуть ко всему. Может, я и сунер, но не дикарь. Я вырос в окружении других рас. Но это… это все…

Этот шум, толчея, запахи, ощущение присутствия таких разнообразных разумных существ — некоторые из них ненавидят людей, — от всего этого хотелось забиться в ближайшую нору и никогда не выходить из нее.

Сколько бы продолжалось такое состояние, Двер не знал. Но неожиданно в поле его зрения показалась большая мохнатая фигура, не такая высокая, как человек, и гораздо более округлая, с

заросшими шерстью щеками и гривой жестких коричневых волос. Мощное двуногое, отдаленно напоминающее млекопитающее, оскалило острые зубы. Двер принял это за смертельную угрозу, но тут существо загудело, произнося приветствие на англике!

— Ну, ну! Чтоб я так жила и дышала мятой! Человек? Ну, ну! Поистине человек, здесь, в такое время! Никогда не испытывала такого удовольствия раньше… до кризиса, когда царил мир! Пожмемся?

Существо протянуло мясистую лапу, мощные когти нервно выставлялись и тут же втягивались. Двер замигал. Он припомнил о древней земной традиции, когда люди пожимали друг другу ладони. Эта традиция была давно оставлена, потому что не нравилась большинству чужаков. Он нервно протянул левую руку — ту, которой ему будет меньше недоставать, если существо ее откусит. От «пожимания» осталось ощущение неловкости, и оба были явно рады, когда оно закончилось.

— Прошу простить мое невежество, — сказал Двер, пытаясь воспроизвести формальный поклон, принятый всеми видами, который несколько раз видел на Джиджо. — Но не скажешь ли мне, кто… или что…

Он замолчал, видя, как покраснело стоящее перед ним круглое существо. Кожа под коричневой шерстью стала красной. Двер решил, что нанес оскорбление, но тут существо начало ритмично пыхтеть, явно пытаясь подражать человеческому смеху.

— Правда? Ты меня не узнал? Не узнал *синтианца?* А ведь мы лучшие друзья людей! Самые лучшие! Ну, ну. Были До нынешнего кризиса. Признаю. Когда смерть льется, подобно звездному свету, дружба испытывается на прочность. Я, которую называют Кивеи Ха'аоулин. Это я признаю. Ты меня не возненавидишь за это?

Двер кивнул. Синтианец? Да, он что-то о них слышал… и Даже смутно помнил картинку в старой книге. Ее показывал ему Фаллон, когда обучал началам галактоксенологии в архивах Библоса. Действительно, эта раса была известна своим хорошим отношением к Земле — в прошлом, до того, как на Джиджо улетела «Обитель». Но с тех пор могло произойти очень многое.

— Это я должен извиниться, Кивеи Ха'аоулин, — ответил Двер, стараясь как можно точнее воспроизвести услышанное имя. — Я испытал… нечто вроде повреждения мозга в глубоком космосе. Несчастный случай, при котором я потерял

все свое имущество.

Синтианец обвел взглядом потрепанный наряд Двера и остановился на изготовленном квуэнами луке и колчане со стрелами.

— *Все* имущество? Значит, этот прекрасный протоаборигенский лук… тебе не принадлежит? Ты не можешь его продать?

Двер несколько секунд смотрел на синтианца. Если верить Гарри Хармсу, ни один галакт не в состоянии узнать в этом отличном резном дереве оружие. Но этот узнал примитивное оружие с первого взгляда и явно хочет его заполучить! Вся его фигура словно излучала жадное желание.

Коллекционер, понял Двер. *Энтузиаст.* Он встречался с такими на Джиджо. По какой-то причине сразу ожили его инстинкты следопыта и охотника. В конце концов торговля по своим законам очень напоминает джунгли. Паника исчезла, Двер почувствовал знакомую уверенность в себе.

— Ну, ну, — сказал он, стараясь подражать речи собеседника. — Может, я и преувеличил. Признаю, что сумел сохранить одну-две вещи после кораблекрушения. Несколько особых вещей.

— Несомненно, сокровищ, — откликнулся синтианец, и по его горбатой спине пробежала

заметная дрожь. — Что ж. Среди своих я известна любовью к ранним земным вещам. Я могла бы помочь тебе сбыть эти вещи. А это? Это поможет тебе из бедняка, потерпевшего крушение, превратиться в богатого звездного путешественника! Ты мог бы купить билет и улететь куда-нибудь из этого жалкого места.

Не дожидаясь ответа, синтианец схватил Двера за руку.

— Ну, ну! Поговорим еще? Кивеи Ха'аоулин знает поблизости очень хорошее место, где можно поесть. Хорошая пища! Там хорошо говорить о сокровищах и о новостях со звезд! Пойдем?

Двер правой рукой потер лоб. На Джиджо лук — несомненная ценность. За глуповатым поведением Кивеи Ха'аоулин скрывается острый взгляд и способность понять истинную ценность вещи. Кто знает, сколько способен заплатить любитель за подлинную примитивную вещь с Земли?

Не хочется с ним расставаться, но это поможет мне больше узнать и, может быть, найти Рети.

Подгоняемый не только голодом, но и любопытством, Двер кивнул.

— Принимаю твое гостеприимство, Кивеи Ха'аоулин. Пойдем поговорим о многом.

И не обращая внимания на враждебные взгляды и ропот со всех сторон, он пошел за своим новым другом, надеясь на лучшее.

ЭМЕРСОН

Из своего тайного прозрачного убежища он видел, как мимо проносятся бесчисленные звезды… а также и другие огоньки, которые на самом деле были огромными кораблями. Пространство по соседству настолько заполнилось, что один невооруженный взгляд открывал сотни сверкающих снежинок или жидко переливающихся пузырей. Во все уплотняющейся толпе мимо кораблей из Фрактального Мира пролетали шары зангов, и все по спирали устремлялись к единой цели — горячему белому диску, окруженному роем гигантских игл, которые едва не задевали его поверхность.

Эмерсон решил туда не смотреть. Одна только мысль об этой цели так же нестерпима, как ее яркий блеск.

Он знал, что должно произойти вскоре, еще до прибытия «Стремительного». Он напряженно работал, чтобы подготовиться к этому.

Лишенный речи, Эмерсон лишь смутно представлял себе, почему «Стремительный» оказался здесь, почему корабли зангов так дружелюбно смешиваются с кислородными существами, ко-

торых всегда сторонились… а иногда с которыми и сражались. Глядя на то, как разговаривают Джиллиан и Сара, видя их наморщенные в сосредоточенности лбы, Эмерсон пытался уловить в звуках «ва-ва» какой-нибудь смысл. Но многие из постоянно повторяемых ими фраз типа «Объятия Приливов» не вызывали в его поврежденном мозгу никакой реакции. Наверно, это имеет какое-то отношение к постоянной тенденции тела растягиваться в определенном направлении, когда ноги нацелены в сторону белого карлика.

Но отдельные слова казались понятными — хотя бы отчасти.

— Объятие, — шептал он, наслаждаясь чувственным ощущением.

Несколько часов назад Эмерсон сидел рядом с Сарой, она прижималась головой к его плечу, и они вместе наслаждались моментом спокойствия. Он гладил ее волосы — это стало привычным способом помочь ей сбросить напряжение дня, постоянных стремлений с помощью математики вырвать у вселенной ее тайны. Это приятный долг. Он с радостью дал бы ей все, в чем она нуждается.

За исключением того, чего она захотела сейчас.

С помощью мягких намеков Сара стыдливо дала ему понять о своей готовности к новой близости… но он вынужден был отвергнуть это предложение. Высвобождаясь из ее теплых объятий, Эмерсон видел в ее взгляде вопрос. Тревогу, что он не находит ее привлекательной. Тревогу, что раны лишили его мужских желаний. Тревогу из-за того, что осталось так мало времени, чтобы двое слились в одно.

Как ей объяснить? Требуются слова, фразы, целые тома, чтобы оправдать отказ от такого естественного желания, от стремления тел проделать то же, что уже сделали сердца. Раздраженно он искал *песню,* которая подошла бы, но ничего не нашел. И только смог, прежде чем сбежать в свое звездное убежище, коснуться щеки Сары и взглядом выразить всю искренность своей любви.

С сексуальностью у Эмерсона все было в порядке. Он очень хотел доказать ей это. Но не сейчас. Предстоит столкновение, и ему потребуются все силы. Сильное животное стремление может помочь ему в предстоящих испытаниях, напомнив о приоритетах, о которых забыл поврежденный мозг.

План его был неизбежно груб, поскольку без слов ему трудно было мыслить. Зрительно пред-

ставляя себе определенные действия, телесные движения, чувства и образы, он получал общее представление о том, чего следует ожидать и как реагировать, когда наступит время.

Оно должно наступить скоро. Эмерсон понимал пространственные диаграммы, и по мере того как «Стремительный» углублялся в гравитационную воронку белого карлика, ему становилась ясна одна истина. Точка, от которой нет возврата, будет достигнута тогда, когда корабли станут настолько близки друг к другу, что ни один не сможет отойти на нормально работающих двигателях. Джиллиан нужно вырваться до этого момента или навсегда расстаться с внешним космосом — царством открытого вакуума, где живут молодые расы. Где заполненное звездами небо пересекают сверкающие корабли.

Та же самая логика применима и к тайным фракциям Древних.

Им нужно действовать быстро, или они будут захвачены…

Эмерсон резко остановился — потом осторожно продолжил мысль.

…или… быть… пойманными… вместе с нами, внизу, в этом обиталище трансцендентных существ, и быть не в состоянии больше вмеши-

ваться в дела Пяти Галактик.

Из его горла вырвался низкий звук. Несмотря на то что он этого ждал, неожиданное возвращение речи заполнило его смесью печали, радости и страха.

Слова… слова снова вернулись!

Но на этот раз Эмерсон был лучше подготовлен. Много дней он запасал воспоминания, старательно улавливал обрывки сказанного другими в надежде все сопоставить, когда наступит момент.

Попробую предположить. Эмблема означает единство водородной и кислородной жизни, которые наконец встретились…

…брошенные корабли, которые мы нашли в Мелком скоплении, должно быть, пришли из нашего прошлого… когда связано было больше пяти галактик.

…предположим, более древние и разумные существа обнаруживали свое присутствие после каждого разрыва… контролируя Великую Библиотеку… стирая сведения в архивах, изменяя их… или указывая «виновных»…

…вот в чем трансцендентность. Всякий вид, который был возвышен и выжил во время взрослой фазы… оказывается здесь, в этом месте…

Те, что снабдили «Стремительный» оболочкой, не только спасли нам жизнь… они позаботились, чтобы мы оставались в конвое до самого дна колодца…

…чтобы мы не могли высвободиться…

Так много мыслей возникло одновременно! Словно слепому удалили с обоих глаз катаракту, и все закрывающий вечный туман сменила предельная ясность. Однако многие концепции казались странно знакомыми! Как будто уже какое-то время толпились у самого порога понимания, их готовили неповрежденные части мозга, массировали, и нужно было только появление предложений, чтобы все встало на свои места.

Эмерсон с радостью провел бы часы, просто стоя здесь, позволяя гравитационным приливам направлять голову к небу, а в это время в его сознании гремели и объединялись мысли, как накопленная кровь. Но ему не дали такой возможности.

Послышался голос — одновременно отчужденный и насмешливый. Далекий, но издевательский.

МЫ ЗАМЕТИЛИ, ЧТО ТЫ НЕ ВЫЗЫВАЛ НАС, ХОТЯ МЫ СНАБДИЛИ ТЕБЯ КОДОМ ВЫЗОВА, ЧТОБЫ

ТЫ СМОГ ПОЗВАТЬ НАС, КОГДА БУДЕШЬ ГОТОВ СОГЛАСИТЬСЯ С НАШИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ.

Эмерсон не стал всматриваться в пространство снаружи между блестящих огоньков. Темный корабль, должно быть, подошел незаметно, и тщетно было бы пытаться увидеть его. Напротив, он сразу начал действовать, вытолкнул свое тело из узкого прозрачного убежища, скользнул вниз по ступеням, предназначенным для другой расы в другое время.

— Мне любопытно было узнать, насколько сильно вам нужно то, о чем вы просите, — неслышно ответил он. Здесь средство связи не звук. Древние наблюдают за украденным у него клочком серой материи, каким-то образом поддерживая ее контакт с остальным мозгом. И когда эти части сближаются, появляется поток слов. *Его* слов.

Слов, которые они сразу могут прочесть.

МЫ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНЫ ТЕБЕ ОБЪЯСНЯТЬ. ДОСТАТОЧНО ТОГО, ЧТО НАМ НУЖНО, А ТЫ В СОСТОЯНИИ ЭТО ПРЕДОСТАВИТЬ.

Пробираясь по коридору, Эмерсон вытащил из кармана маленький, изготовленный вручную инструмент со светящимся индикатором. Для сооружения этого простого орудия не нужны

слова и не нужно было задумываться над его значением.

— Что, приятели, время кончается? — спросил он у своих мучителей, членов расы «ушедших в отставку», чей дом погиб при катастрофе Фрактального Мира. Отставников, чья хваленая беспристрастность не выдержала испытания.

— Подождите еще немного и станете трансцендентами, хотите вы того или нет. Данные, которые вы ищете, ничего вам не дадут. Вы не сможете ничего сообщить своим друзьям в Пяти Галактиках.

В голове послышался ледяной ответ:

МЫ ЭПОХАМИ КУЛЬТИВИРОВАЛИ ТЕРПЕНИЕ. ВСЯ ЭТА СУМАТОХА, ЭТИ ПОСПЕШНЫЕ ДЕЙСТВИЯ… ВСЕ ЭТО ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНО. МЫ ЗАБЫЛИ, КАК СТРЕМИТЕЛЬНО ВСЯКОЕ ДЕЙСТВИЕ ИСКАЖАЕТСЯ СВОИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ.

Эмерсон завернул за угол и миновал шлюз, двигаясь по указаниям своего самодельного прибора.

— Да, вся эта неопределенность, должно быть, сводит вас с ума. Так скажите мне, каково это — почти получить доступ в трансцендентный порядок — вашу цель на протяжении миллионов лет и в последний момент отказаться от нее лишь

для того, чтобы украсть несколько битов информации из жалкого корабля землян? Разве вас не искушает стремление вернуться к прежней одержимости? Отдаться Объятию Приливов?

Ответ пришел только после долгой паузы. Эмерсон тем временем продолжал бежать по длинным, почти пустым коридорам «Стремительного».

ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, КАК ТЯЖЕЛО УДЕРЖИВАТЬСЯ.

ГРАВИТАЦИОННОЕ РАСТЯЖЕНИЕ ТАКОЕ ЧУВСТВЕННОЕ, ЧТО НИКАКИЕ СЛОВА, НИКАКИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ НЕ МОГУТ ЭТОГО ОПИСАТЬ.

— Попытайтесь, — посоветовал Эмерсон. — Что это за Объятия Приливов?

ТЫ СЛИШКОМ МОЛОД, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ ЭТО. В ОБЪЯТИИ ЧУВСТВУЕШЬ СВОЕ ЕДИНСТВО СО ВСЕМ КОСМОСОМ. ЭТО УТЕШИТЕЛЬНО ФИЛОСОФСКИ И НА УРОВНЕ ВЕРЫ. В ЭТОМ МУДРОСТЬ И ЗНАНИЯ, НАМНОГО ПРЕВОСХОДЯЩИЕ ВЕЛИКУЮ БИБЛИОТЕКУ ИЛИ ДАЖЕ ТО, ЧТО МЫ ЗНАЛИ ВО ФРАКТАЛЬНОМ МИРЕ.

— Правда? Тогда почему бы просто не направиться туда? — Теперь его голос, отражающийся от пустых стен, наполнился язвительностью. —

Совершите мудрый и благородный поступок. Примите свой диплом. Закончите наконец обучение, черт побери! Верните мне мой мозг. Верните жизнь, которую украли у меня.' Отправляйтесь в свой рай с чистой кармой и совестью!

В ответе почти слышалось раскаяние.

В НОРМАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТВОЕЙ МОЛЬБЫ БЫЛО БЫ ЭТИЧНО. НО СЕЙЧАС НА СТАВКЕ ГОРАЗДО БОЛЬШЕЕ, И ЭТО ВЫНУЖДАЕТ НАС…

Наступила новая длительная пауза.

МИНУТКУ. МЫ ФИКСИРУЕМ ЧТО-ТО В ТВОЕМ ЭМО-ТИВНОМ ТОНЕ. В ТВОИХ МАНЕРАХ…

Эмерсон испытал странное, щекочущее ощущение, как будто кто-то царапает или прокалывает левую часть его мозга. А когда голос послышался снова, в нем звучали новые, негодующие нотки.

ТЫ НАУЧИЛСЯ ОБМАНЫВАТЬ И ОТВЛЕКАТЬ ВНИМАНИЕ. ОЧЕВИДНО, МЫ БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕМ СКАНИРОВАТЬ ТВОИ МЫСЛИ ПРИ ПОМОЩИ МОНИТОРИНГА СЛОВ И ГЛИФОВ. ТО, ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ, КАЖЕТСЯ РАЗУМНЫМ, НО НА САМОМ ДЕЛЕ ТВОИ СЛОВА ДОЛЖНЫ ОТВЛЕЧЬ. ЗАДЕРЖАТЬ НАС.

ОТКРОЙ ТО, ЧТО ТЫ СКРЫВАЕШЬ! ОТКРОЙ ИЛИ ИСПЫТАЕШЬ БОЛЬ!

Эмерсон стиснул зубы, изо всех сил стараясь не рассмеяться и не показать глубину своего презрения. Но древнее мастерство приподняло завесу. И часть скрывавшегося под ней стала видна. Древние не могли извлекать из его сопротивляющегося сознания факты, но хорошо представили себе его отношение.

МЫ ВИДИМ, ЧТО ВСЕ ФОРМЫ УБЕЖДЕНИЯ В ТВОЕМ СЛУЧАЕ НЕПРИМЕНИМЫ. ТЫ УШЕЛ ЗА ПРЕДЕЛЫ БОЛИ — МНОГИЕ ОТСТАВНИКИ УЧАТСЯ ЭТОМУ ВЕКАМИ. ТЫ НЕ СТОНЕШЬ И НЕ ЦЕПЛЯЕШЬСЯ ЗА ТО, ЧТО ОТОБРАНО У ТЕБЯ. НИКАКОЙ СОБЛАЗН, НИКАКАЯ ВЗЯТКА НЕ ЗАСТАВЯТ ТЕБЯ ПРЕДАТЬ ДРУЗЕЙ И НАПАРНИКОВ ПО КЛАНУ. ТЫ ДАЖЕ НЕ ПОПЫТАЛСЯ УКРАСТЬ ДАННЫЕ, О КОТОРЫХ МЫ ТЕБЯ ПРОСИЛИ.

ВСЕ ЭТО, ВОЗМОЖНО, ВОСХИТИТЕЛЬНО, ОСОБЕННО В ВОЛЧОНКЕ. ПОИСТИНЕ В ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ МЫ ПОЛУЧИЛИ БЫ УДОВОЛЬСТВИЕ, КОМПЕНСИРУЯ ТЕБЕ ТВОИ ИСПЫТАНИЯ И РАЗМЫШЛЯЯ О ДОСТОИНСТВАХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.

НО У НАС СЛИШКОМ ВАЖНОЕ ДЕЛО, А ВРЕМЕНИ МАЛО. ИНФОРМАЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАШЕЙ!

Приборчик в руке Эмерсона показал новое направление. *Вверх.* Он остановился под открытым

люком в потолке. Сверху лился свет.

Все еще надеясь на оттяжку, Эмерсон выпалил:

— Позвольте угадать. У вас есть запасной план — на случай, если я не дам то, что вам необходимо.

РАСЧЕТЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ПРЕДЫДУЩИХ НЕВРАЛЬНЫХ СКАНИРОВАНИЯХ, ПРЕДСКАЗЫВАЛИ ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШУЮ ВЕРОЯТНОСТЬ ТВОЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА. ВЕДЬ ТЫ НЕ ДУМАЕШЬ, ЧТО МЫ МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ ТОЛЬКО НА ЭТУ ХРУПКУЮ НАДЕЖДУ?

Слушая это бормотание, Эмерсон сунул приборчик в карман и прыгнул, ухватившись за край люка и подтягивая ноги, чтобы втиснуться в узкий служебный трубопровод. Про себя благодаря низкое тяготение, он снова справился с прибором, прежде чем двинуться по туннелю, выложенному трубопроводами и кабелями.

…ЕСТЕСТВЕННО, МЫ НЕ ТАК ГЛУПЫ, ЧТОБЫ РАССЧИТЫВАТЬ ТОЛЬКО НА ТЕБЯ.

Опасаясь, что Древние разорвут связь, он выкрикнул:

— Подождите! Я все еще могу вам помочь. Но вы должны понять… мы, люди, терпеть не можем, когда нас оставляют в темноте. Вы не скажете мне, зачем вам так нужны данные «Стремительного»?

Что такого особенного в этом дурацком флоте из древних кораблей, который мы обнаружили?

Именно этот вопрос преследовал беглецов землян все три долгих адских года.

О, поверхностный ответ легок. Когда Крайдайки и Орли передали изображения из Мелкого скопления, они вызвали религиозный раскол в Пяти Галактиках. Соперничающие кланы и союзы, которые враждуют веками, выслали боевые флоты, чтобы захватить образцы «Стремительного» — и особенно координаты покинутого флота, — прежде чем их получат соперники.

Некоторые утверждали, что призрачная армада — это и есть благословенные Прародители, вернувшиеся к потомкам спустя два миллиарда лет. Но если это так, зачем реагировать так резко? Разве в таком случае, как только все узнают истину, не уладятся все догматические разногласия?

Эмерсон почувствовал колебания. Потом легкий оттенок согласия, как будто голос ждал, что еще произойдет. А тем временем, чтобы провести время, можно еще немного поговорить с умным волчонком.

ВСЕ ЭТО ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К ОБЪЯТИЮ ПРИЛИВОВ. К ТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ТЯГЕ, КОТОРУЮ ИСПЫТЫВАЕТ КАЖДАЯ ДРЕВНЯЯ РАСА,

КОГДА УТРАЧИВАЕТ ИНТЕРЕС К МАНИАКАЛЬНЫМ СТРАНСТВИЯМ В ЗВЕЗДНЫХ КОРАБЛЯХ. МЫ ВСЕ СЛЕДУЕМ ЭТОЙ ТЯГЕ, ЗАБЫВАЯ О СВОИХ ПРЕЖНИХ РАЗЛИЧИЯХ, ЧТОБЫ СОБРАТЬСЯ ВБЛИЗИ МАЛЕНЬКИХ КРАСНЫХ ЗВЕЗД, ГДЕ НАШЕ СОЗНАНИЕ МОЖЕТ РАСТИ И ОЧИЩАТЬСЯ.

ЗАТЕМ, ОТ МЕСТ ОТСТАВКИ, МНОГИЕ ПЕРЕХОДЯТ К ТАКИМ МЕСТАМ, КАК ЭТО, ГДЕ МИРНО СОЕДИНЯЮТСЯ КИСЛОРОДНЫЕ И ВОДОРОДНЫЕ СУЩЕСТВА, ДОКАЗЫВАЯ, ЧТО ДЕЙСТВУЕТ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ ПЛАН…

Эмерсон услышал негромкий голос, доносившийся откуда-то спереди. Он осторожно опустил прибор и быстро пошел на звук. Из другого кармана достал небольшое приспособление — то самое, что несколько дней назад украл из кабинета Джиллиан Баскин.

…ХОТЯ КУДА ОБЪЕДИНИВШИЕСЯ РАСЫ УХОДЯТ ОТСЮДА, КАКАЯ СУДЬБА ИХ ЖДЕТ, ВСЕГДА ОСТАВАЛОСЬ ТАЙНОЙ. БОЛЕЕ МОЛОДЫЕ КЛАНЫ БЕСКОНЕЧНО СПОРЯТ ОБ ЭТОМ, НО ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНИ НИКОГДА НЕ ОБЪЯСНЯЛИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ПОТОМ. В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ЕСТЬ ТОЛЬКО НАМЕКИ И НЕОБЫЧНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ ИЗ…

Сосредоточившись, чтобы скрыть свои мысли, Эмерсон завернул за угол и неожиданно увидел впереди *звездный свет*, пробивающийся сквозь прозрачную панель. Он знает это место. Здесь находится главный коммуникационный лазер, широкая труба, занимающая почти все пространство, нацеленная в широкое окно.

Снаружи окно затянуто необыкновенным, метровой толщины покровом, абсолютно прозрачным, одновременно чудесным и смертоносным.

Рядом с трубой стоял человек и работал над открытой панелью доступа. Эмерсон узнал гибкое мастерство этих рук, которые с помощью инструментов проделывали операции над системой лазера. Одна рука определенно искусственная, а остатки головы заключены в зеркальный купол. Подобные киборг-компоненты спасли жизнь главного инженера «Стремительного» во Фрактальном Мире. Щедрый дар другой, более дружелюбно настроенной фракции Древних — так по крайней мере тогда считал экипаж.

Рядом с Суэсси большой информационный датчик и несколько кристаллических ячеек — достаточно, чтобы вместить все с таким трудом завоеванные данные «Стремительного».

— Привет, Ханнес, — громко произнес Эмер-

сон.

И в то же мгновение произошло одновременно несколько событий.

Взревели сервомоторы. Фигура повернулась, сжимая в руке факел-резак с ослепительно белым языком пламени. Не видя лица старого друга, Эмерсон мог только догадываться, как тот собирается воспользоваться резаком.

Тем временем с удивленным шипением, которое пронеслось в голове Эмерсона, словно удар электричества, голос прервал объяснения. Эмерсон закричал, инстинктивно схватившись за виски. Но эта реакция длилась мгновение. Стиснув зубы, он направил украденный плазменный пистолет в блестящий купол — голову Суэсси.

— Прекрати или я немедленно выстрелю! Ты знаешь, что на меня боль не подействует.

Факел сразу погас.

ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, ТЕПЕРЬ МЫ ВИДИМ, ЧТО ДВАЖДЫ СОВЕРШИЛИ ОШИБКУ, СЧИТАЯ ТВОЮ РЕАКЦИЮ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩЕЙСЯ. НАШИ КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ ПОСТОЯННО НЕДООЦЕНИВАЮТ
ТВОЮ ЗВЕРИНУЮ ХИТРОСТЬ. ВОЗМОЖНО, ЭТА СПОСОБНОСТЬ ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ УКРЕПИЛАСЬ В ТЕБЕ НА ПЛАНЕТЕ СУНЕРОВ?

— Лесть ничего вам не даст. Но вы правы, там я научился некоторым новым способам мышления. Вы должны послушать, как я ругаюсь. Или пою.

МОЖЕТ БЫТЬ, В ДРУГОЙ ЖИЗНИ. ИТАК, ТЫ ВЫЧИСЛИЛ, КТО МОЖЕТ БЫТЬ НАШИМ ВТОРЫМ АГЕНТОМ. ТЫ ПРИСОЕДИНИЛ К НЕМУ ДАТЧИК, ЧТОБЫ НАЙТИ, КАК ТОЛЬКО МЫ ПОЯВИМСЯ?

| Эмерсон кивнул.

; — Что-то такое казалось мне вероятным. Единственный человек, с которым вы могли поработать, был Ханнес.

I МЫ НЕ ИЗМЕНЯЛИ ЭТО ИСКУССТВЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО. ТЕ, КТО ЕГО РЕМОНТИРОВАЛ, ДЕЙСТВОВАЛИ ИСКРЕННЕ. НО ПОЗЖЕ МЫ ПРОНИКЛИ В ЭТУ ФРАКЦИЮ И ПОЛУЧИЛИ КОДЫ ДОСТУПА. ПОСКОЛЬКУ ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ ВАЖНО, ПОЗВОЛЬ ЗАВЕРИТЬ, ЧТО ОН НЕ ИСПЫТЫВАЕТ БОЛИ. ВСЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ КАЖЕТСЯ ЕМУ ДУРНЫМ СНОМ.

— Какое сочувствие с вашей стороны! — отозвался Эмерсон.

ТЫ СЧИТАЕШЬ НАС ЖЕСТОКИМИ. ОДНАКО, ПОСКОЛЬКУ РЕЧЬ ИДЕТ О СУДЬБЕ МНОГИХ РАС И ТРИЛЛИОНОВ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ, У НАС ЕСТЬ ПРИЧИНЫ…

— Я вижу только, что вы трусы! Вы испытываете тягу к Объятию Приливов и боитесь отдаться ей. Боитесь совершить ошибку!

УПРОЩЕНИЕ, НО ДОСТАТОЧНО БЛИЗКО К ИСТИНЕ.

ИСТОРИЯ

ТАКАЯ ПРЕКРАСНАЯ, ТАКАЯ СОВЕРШЕННАЯ — КИСЛОРОДНЫЙ И ВОДОРОДНЫЙ ПОРЯДКИ ЖИЗНИ СОЕДИНЯЮТСЯ В ЭЛЕГАНТНОМ МИРЕ, СЛИВАЮТСЯ В ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ВОРОНКЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ, —

ЧТО НИ ОДИН КАНДИДАТ НЕ УСОМНИЛСЯ В ПРИНЯТИИ ЭТОГО ПУТИ, ПО КОТОРОМУ С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН ШЛИ ЕГО ПРЕДКИ. ОТДАЧА СЕБЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ — ПРЕДЕЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТИНЫ И ВЕРЫ.

НО В ЭТОМ КАК РАЗ ГЛАВНОЕ ЗАТРУДНЕНИЕ! ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ИЗ НАС ВЕРЫ НЕДОСТАТОЧНО. НЕКОГДА СУЩЕСТВОВАЛА ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ЕРЕСЬ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЛА ОБЪЯТИЕ ПРИЛИВОВ ПО-ДРУГОМУ.

Эмерсон кивнул.

— Система рециклирования. Вас тревожит, что этот белый карлик может оказаться чем-то вроде океанской траншеи на Джиджо — вроде Большой Помойки. Изящный способ отделаться от старых

и дать дорогу новым! Да, в этом больше смысла, чем в представлении о мистическом входе на какой-то более высокий уровень реальности!

В чужаках теперь ощущалась глубочайшая печаль, какое-то непостоянство, капризность мышления, невероятные у таких древних и многознающих существ.

ОТКРЫТИЕ, СДЕЛАННОЕ ТВОИМ КОРАБЛЕМ С ЭКИПАЖЕМ ИЗ ДЕЛЬФИНОВ В МЕЛКОМ СКОПЛЕНИИ… ВОТ ИСТИННАЯ ПРИЧИНА, ВЫЗЫВАЮЩАЯ УЖАС…

Неожиданно голос смолк. Эмерсон нервно сжался: палуба под его ногами задрожала. Дрожь все усиливалась, росли ее сила и напряжение.

— Вы нападаете на нас! — обвиняюще крикнул он. — Ваши разговоры должны были только отвлечь меня, пока вы…

Голос прервал его:

ТЫ БЫЛ ПРАВ: МЫ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ТАКТИКУ ОТТЯГИВАНИЯ. НО ПОДРУГОЙ ПРИЧИНЕ. ДРОЖЬ, КОТОРУЮ ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, ПРОИСХОДИТ ОТ РАЗРЫВОВ САМОЙ ТКАНИ КОСМОСА. ЭТО ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ПРОЦЕССА, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ НАШЕ ЖИЛИЩЕ, НАЗЫВАЕМОЕ ВАМИ ФРАКТАЛЬНЫМ МИРОМ.

ПРОЦЕСС РАЗРУШЕНИЯ ВСЕ УСКОРЯЕТСЯ.

— Сара думает…

МЫ С ИНТЕРЕСОМ СЛЕДИЛИ ЗА ЕЕ РАБОТОЙ. ПОХОЖЕ, ОНА ЗНАЕТ, ЧТО СКРЫВАЛИ ТРАНСЦЕНДЕН-ТЫ, — ЧТО СВЯЗИ НАШИХ ГАЛАКТИК БУДУТ РАЗОРВАНЫ… ТА САМАЯ СЕТЬ, КОТОРАЯ ОБЕСПЕЧИВАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ…

Страшное утверждение. Но Эмерсона встревожило кое-что иное, сказанное голосом.

— Тактика оттягивания? Зачем? Я ведь уже помешал Ханнесу…

Он выругался.

— *Ну конечно!* Вы, Древние, ничего не оставляете на волю случая. У вас был и третий план. Запасной план для запасного плана. Что это? Скажите мне!

ИЛИ ЧТО? ЗАСТРЕЛИШЬ СВОЕГО ДРУГА? МЫ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДУРОВ НАЗАД МОГЛИ ЗАСТАВИТЬ ЕГО НАБРОСИТЬСЯ НА ТЕБЯ. МЫ РАССЧИТАЛИ, ЧТО, ОБЛАДАЯ СКОРОСТЬЮ И СИЛОЙ КИБОРГА, ОН УСПЕЛ БЫ ПРЕДУПРЕДИТЬ ТВОЙ ВЫСТРЕЛ. ВЕРОЯТНОСТЬ ЭТОГО ТРИДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ. С НАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СТОИЛО ПОПРОБОВАТЬ.

ТОЛЬКО К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ НАШ ТРЕТИЙ АГЕНТ УЖЕ ПОКИНУЛ КОРАБЛЬ.

— Ваш.,, третий агент?

МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ С САМКОЙ-ВОЛЧОНКОМ. ЗА КОПИЮ ВАШЕГО КОРАБЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА МЫ ПОМОГЛИ ЕЙ СБЕЖАТЬ.

ЧТОБЫ ОНА МОГЛА ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМИ БОГАМИ.

Протиснувшись мимо неподвижного Суэсси, Эмерсон прижался к окну и посмотрел наружу.

Нос «Стремительного» слева от него, именно там был очищен от необыкновенного покрова один из шлюзов, чтобы можно было выходить. Само отверстие Эмерсон не видел. Но в нескольких сотнях метров от корабля он увидел маленькое судно — спасательную шлюпку, которая как раз поворачивала в темное пространство.

В черную полосу, закрывающую звезды.

Мысли Эмерсона метались. Мыслительные процессы развивались несравненно быстрей, чем до ранения. Тем не менее ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять…

— Лейтенант Тш'т! Вы вытащили ее из корабельной тюрьмы и помогли бежать!

ПРОСТОЕ ЗАРАЖЕНИЕ ВАШЕГО БОРТОВОГО КОМПЬЮТЕРА МЕМОИДАМИ. ГОРАЗДО ТРУДНЕЕ БЫЛИ
ФИЗИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ, КОГДА ПОНАДОБИЛОСЬ

ПОМОЧЬ ЕЙ ВОЙТИ В ТЕ ПОМЕЩЕНИЯ, ГДЕ ДЖИЛЛИАН БАС-КИН СКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ. ПРИШЛОСЬ КОНТРОЛИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ СУЭССИ, ЧТОБЫ УКРАСТЬ ДАННЫЕ, А ПОТОМ ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБОИМ АГЕНТАМ УНЕСТИ ИХ РАЗНЫМИ ПУТЯМИ.

И ВОТ НАКОНЕЦ, ВОПРЕКИ ТВОЕМУ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ, МЫ ГОТОВЫ НАЧАТЬ ОБРАБОТКУ ДАННЫХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛИТ СУДЬБУ БЕСЧИСЛЕННЫХ МНОЖЕСТВ.

ЭТО ПРИВОДИТ НАС В ВЕЛИКОДУШНОЕ НАСТРОЕНИЕ,
И МЫ МОЖЕМ ПРОСТИТЬ ПРИЧИНЕННЫЕ ТОБОЙ НЕУДОБСТВА. ИЗ УВАЖЕНИЯ К ТВОЕЙ ЗВЕРИНОЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ МЫ ХОТИМ ЗАГЛАДИТЬ

ПРИЧИНЕННЫЙ УЩЕРБ. РАССТАВАЯСЬ, МЫ ОСТАВЛЯЕМ ТЕБЕ НЕЧТО ТАКОЕ, ЧЕМУ ТЫ ОБРАДУЕШЬСЯ…

Голос внезапно оборвался: налетела еще одна волна дрожи. От нее по коже у Эмерсона поползли мурашки. Дрожь затронула его пищеварительную систему, заставив произвести несколько громких взрывов.

Звезды снаружи дрогнули, и вместо черной полоски появилось знакомое очертание.

Крадущийся корабль класса «галуфин», определил он. Дорогая, но очень удобная галактическая конструкция.

— Что… — послышался рядом голос. Ханнес Суэсси застонал, к нему вернулось сознание. — Что я здесь делаю? Что происходит?

У Эмерсона были другие дела, кроме необходимости ввести друга в курс происходящего. Пространственные флуктуации подвели загадочных Древних. Теперь, когда маска с них сорвана, они отказались от всяких претензий на скрытность и устремились навстречу маленькой шлюпке, чтобы подобрать Тш'т и информацию, которую она везет с собой. Дрожь, которая заставила дрожать корпус «Стремительного», подвела и их.

Вся окружающая обширная армада «кандидатов в трансцендентность» начала раскалываться! Волны спрессованной материи разрывали ее ряды, сталкивая фаланги огромных кораблей. Эмерсон видел, как столкновения — и сверкающие взрывы — распространяются от одной группы на другую: корабли кислородных существ преждевременно сталкивались с кораблями водородных, высвобождая огромные количества энергии.

И среди этого хаоса происходило нечто еще бо-

лее тревожное. По крайней мере с точки зрения Эмерсона. Его способность к речи ушла, потом вернулась, на короткое время Усилившаяся и вышедшая за пределы человеческих возможностей, вызывая поток необыкновенных ассоциаций.

Голос молчал, но Эмерсон продолжал воспринимать впечатления существ, которых он называл Древними. Ощущение глубокой озабоченности, постепенно переходящей в тревогу, за которой следовало отчаяние.

Рывками ускоряясь и неожиданно замедляясь, борясь с возмущениями пространства, их крадущийся корабль постепенно сближался со спасательной шлюпкой. Небо освещалось страшными взрывами, неисчислимое количество живых существ погибало на самом пороге своей трансцендентной цели, а мучители Эмерсона упорно пытались принять на борт изменницу — лейтенанта дельфина.

— Я себя чувствую так… словно меня кто-то использовал, — прошептал Суэсси, подходя и выглядывая в окно. — Хотелось бы мне, чтобы ты мог говорить, парень. Мне не помешало бы небольшое объяснение.

Эмерсон посмотрел на Суэсси, потом на еле заметный крадущийся корабль… потом снова на

друга и сразу — на большой лазер.

— Ханнес… — начал он, но тут ему пришлось ждать, пока способность говорить снова вернется. Он знал, что каждое возвращение может стать последним.

— Ханнес, мы должны лазером сжечь те два корабля!

Ханнес удивленно смотрел на ставшего неожиданно красноречивым друга. Повернув голову-купол, он посмотрел туда, куда показывал пальцем Эмерсон.

— Какие, эти? А почему бы не связаться с доктором Баскин и не использовать боевые лазеры…

Центр речи снова отказал, оставив Эмерсона в тупой немоте, не в состоянии объяснить, что враг с помощью мемоидов несомненно вывел из строя контрольные системы любого оружия, чтобы обеспечить себе безопасный отход.

Исключительно силой воли он заставил себя произнести еще несколько слов.

— Нет… времени. Делай! Делай это!

Сверкающий купол кивнул. Суэсси сделал свой характерный жест — пожал плечами.

— Хорошо. Но ты должен мне помочь. Эта штука не предназначена для стрельбы по космическим кораблям.

Они сразу принялись за работу в том общем согласованном ритме чрезвычайной ситуации, который вырабатывался издавна — от римской триремы и к первым подводным лодкам и тем примитивным космическим кораблям, что люди впервые направили в Млечный Путь, надеясь встретиться с дружелюбной вселенной. Эмерсон обнаружил, что неспособность говорить не сказывается на работе, если он позволяет действовать вместе рукам и глазам. Каким-то образом руки сами знали, какое соединение нужно поменять, какие изменения внести. Когда Ханнес говорил, руки Эмерсона отвечали ему так, словно все понимали.

Это позволяло сознанию Эмерсона со странной отчужденностью наблюдать за тем, как в коридорах «Стремительного» прогремели сигналы тревоги, призывая экипаж на боевые позиции. Ханнес явно стремился присоединиться к своей инженерной команде, но так велико было их взаимное доверие, что он на слово поверил Эмерсону: эта работа гораздо важнее.

И Эмерсон вдвойне обрадовался, что не был вынужден застрелить друга.

— Отлично! — наконец сказал Суэсси. — Начинаем.

Лазер загудел, и температура в маленьком помещении резко *упала* на несколько градусов: пульсирующая энергия устремилась в пространство.

Эмерсон сразу увидел, что первый импульс прошел мимо цели, растворившись во вспышках окружающей «Стремительный» катастрофы; эти вспышки с каждой минутой становились все ярче и ужасней.

Громко бранясь, Эмерсон переключил несколько контрольных кнопок, минуя компьютер, и начал вручную нацеливать лазер; он руководствовался только зрением.

Тем временем крадущийся корабль продолжал бороться с волнами пространства-времени и наконец подошел к спасательной шлюпке с лейтенантом Тш'т. Корабли столкнулись, панели корпуса с одной стороны смялись, но прочная, построенная теннанинцами шлюпка выстояла. И вскоре поверхность большего судна словно растаяла, втягивая внутрь спасательную шлюпку.

Тш'т и украденный ею груз теперь в распоряжении тех, кто так упорно стремился к обладанию ими.

Стараясь справиться с громоздким лазером, Эмерсон испытывал смешанные чувства. Хотя он

ненавидел Древних за их черствость, особенно за то, как они искалечили его и других, чтобы добиться своего, он отчасти понимал их рационализм. И без слов мог представить себе панику, лежавшую в основе всех их действий.

В конечном счете, после прохождения молодой, горячей, звездной фазы, каждой расе приходилось решать, спускаться ли в воронку, которая как будто приветствует все готовые к этому души. То место, где объединяются кислородные и водородные культуры, готовясь двигаться дальше.

Но куда дальше?

Подавляющее большинство полагало, что это нечто более великое и благородное, чем все существующее в космосе. Место, куда давно ушли благословенные Прародители.

Но существовало и меньшинство, придерживавшееся другого мнения.

На Джиджо Эмерсон узнал нечто глубокое и примитивное о циклах жизни. Уловил метафору, которая сохранилась в его сознании, несмотря на потерю дара речи.

Образ глубочайшего участка морского дня.

И одно-единственное слово.

Мусор.

Он нажал гашетку.

Лазер снова застонал — ниже самого низкого хунского ворчания и воинственней крика урского воина. Звук сопровождала внезапная волна холода.

Что-то вспыхнуло в ночи! Искра уничтожения. Огонь осветил один конец крадущегося корабля, корму, которая содрогалась от взрывов.

И сразу к Эмерсону вернулись слова. В его мозг ворвался голос, в котором слышались недоумение и боль.

ДА ПОНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО НАДЕЛАЛ? УЛЕТАЯ, МЫ СОБИРАЛИСЬ ПОСЛАТЬ ТЕБЕ ЦИЛИНДР. ТОТ УЧАСТОК МОЗГА, КОТОРЫЙ ТАК ТЕБЕ НУЖЕН. НАМ НЕ НУЖЕН БЫЛ БЫ НИ ОН, НИ ТЫ.

ТЕПЕРЬ ТВОЕ СОКРОВИЩЕ ПОГИБНЕТ ВМЕСТЕ С НАМИ, КОГДА МЫ УПАДЕМ В УМИРАЮЩЕЕ БЕЛОЕ СОЛНЦЕ.

Было видно, как смертельно раненный крадущийся корабль уже устремился по крутой траектории вниз, а двигатели «Стремительного» направляли его в противоположном направлении.

— Я это знаю, — вздохнул Эмерсон. Столько надежд превратилось в пепел, когда он выстрелил из лазера. Особенно его мечта о разговоре с Сарой. О том, как он рассказывает ей, что у него

на сердце. И даже просто о том, как сохраняются мысли, сейчас такие гибкие и естественные, такие легкие и острые. Гладкие, изящные мысли, которые несколько мгновений спустя, когда то, что у него было украдено, а потом возвращено, погибнет навсегда, снова станут жесткими.

НО ПОЧЕМУ? ПО-СВОЕМУ, ПРИМИТИВНО, НО ТЫ ПОНИМАЕШЬ НАШУ ТРЕВОГУ. ТЫ РАЗДЕЛЯЕШЬ НАШЕ НЕДОВЕРИЕ К ОБЪЯТИЮ ПРИЛИВОВ. ТЫ ДАЖЕ ПОЛАГАЕШЬ, ЧТО МЫ ПРАВЫ! НЕУЖЕЛИ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ДАТЬ НАМ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРАЯ НАМ ТАК НУЖНА? ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ УЗНАТЬ ПРАВДУ О СВОЕЙ СУДЬБЕ? ЗНАЛИ, КАКОЙ ПУТЬ ВЫБРАТЬ?

Пока есть возможность, Эмерсон обдумывал объяснения.

Рассказать о приказе Террагентского Совета: тайны Мелкого скопления должны принадлежать всем расам… или никому?

Разгневанный уголок сознания побуждал сказать, что это Пиррова месть: он мстит за то, что с ним сделали, как бы оправданы ни были эти действия.

На самом деле ни одна из этих причин не оправдывает совершенного им убийства. И пока «Стремительный» содрогался от новых волн

пространства-времени, с трудом пробираясь в лабиринте сталкивающихся угловатых кораблей и пылающих зангских шаров, Эмерсон понял, что может дать Древним один ответ.

Правильный ответ.

Ответ одновременно логичный и совершенно справедливый.

— Потому что вы не попросили, — объяснил он, чувствуя, как дар речи окончательно покидает его.

— Вы… не сказали… пожалуйста.

ГАРРИ

Вначале поиски ни к чему не привели.

Каззкарк представляет собой лабиринт тунелей, где легко может скрыться разумный. И теперь, когда мирное спокойствие институтского аутпоста исчезло, как воспоминание, положение еще больше ухудшилось. Даже после того как планетоид начал содрогаться от пространственно-временных волн, на него продолжали прибывать беженцы. Все нервничали, и полицейские роботы отдела общественной безопасности были постоянно заняты.

И когда дело коснулось поиска двух исчезнувших землян, Гарри был полностью предоставлен самому себе.

Первый след он нашел, подслушав, как торговец-синтианец хвастливо рассказывает в баре о только что заключенной выгодной сделке. Он приобрел первоклассные реликты волчат, которые сможет перепродать коллекционерам.

Легкое чувство вины — я испытываю, потому что заплатил слишком низкую цену за эти великолепно изготовленные подлинные предметы, хрипло говорил торговец на галактическом

шесть.

В их подлинной туземной природе я не сомневаюсь. Это стало ясно с того момента, как я запрограммировала свой сканер в поисках следов использования и телесных выделений. Результат? Полное отсутствие технослед ов или других признаков подделки! Подлинное туземное орудие/инструмент, потертое в примитивной борьбе за выживание в варварских условиях.

Что? Что ты говоришь? Хочешь посмотреть это удивительное приспособление? Разумеется! Вот оно. Обрати внимание на элегантные изгибы и дуги, на искусное использование животных и растительных материалов, свидетельствующее о негалактической разумности в полном, неприкрытом виде!

Этот человек, который раньше владел артефактами, он говорит о повреждении мозга. Должно быть, это совершенно лишило его представления о ценности! Он оправится от космической амнезии, но осознание того, насколько больше он мог бы получить, будет неприятно для бедного волчонка. Теперь я получу выгоду и признание в кругах любителей.

Особенно теперь, когда главный источник таких реликтов — Земля — через несколько джа-

дуров несомненно исчезнет в огне.

Этих слов Гарри уже не слышал. Он уже обошел пол-Каззкарка в поисках Рети и Двера в районах самых бедных беженцев, когда услышал обрывки разговора, пойманные его хитроумной шпионской программой.

Используя свои новые служебные полномочия, он приказал произвести сканирование всех звуковых приемников, разбросанных по планетоиду; бесчисленное количество разговоров просеивалось по принципу отбора ключевых слов. До сих пор компьютер устанавливал только самые тривиальные корреляции. Но вот синтианец за несколько дуров перечислил почти все ключевые слова — все, кроме имени Двера!

Гарри вызвал несколько роботов поддержки. Возможно, помогал новенький значок кометы на воротнике или ощущение срочности, но Гарри протискивался сквозь толпу, не обращая внимания на шокированные взгляды существ из старших классов патронов.

Он наконец пришел в нужное место и увидел, что у входа в бар, предлагающий слабые токсикорелаксанты, его дожидается несколько полицейских роботов. Вокруг собралась толпа зевак.

Задний выход охраняется, разведчик-майор Хармс, доложил один из роботов. *Клиенты внутри как будто ничего не подозревают. У некоторых спрятано оружие таких типов, с которыми мы в состоянии справиться с неплохой вероятностью успеха.*

Гарри хмыкнул:

— Я предпочел бы гарантированный успех, но ничего не поделаешь. Держитесь поближе ко мне. Пусть все видят вас, когда мы войдем.

Ему очень хотелось достать свое оружие, но Гарри предпочел покончить с делом по возможности вежливо.

— Ну хорошо. Пошли.

В баре сидело с полдесятка синтианских торговцев, все они выглядели одинаково в своей серой шерсти с темными полосками на лицах. Все полные, с мощными плечами, с животами, перетянутыми поясом с сумками. Гарри сразу увидел того, кто ему нужен. Перед ним на столе лежали гладкий лук и колчан со стрелами, все сделанное из отличного резного дерева и кости. Когда торговец потянулся к этим предметам, Гарри спросил, где он их взял.

Кивеи Ха'аоулин ответила воинственно, негодующе, тоном несправедливо обвиненной. Гарри

больше двадцати дуров слушал, как синтианец громогласно порицает «незаконное прослушивание и хулиганов-бюрократов». Гарри наконец прервал его и напомнил, что Каззкарк — исключительная собственность Великих Институтов и в настоящее время находится под действием законов военного времени. Больше того, не хочет ли торговец вскрыть свой грузовой трюм, чтобы его содержимое было самым тщательным образом сопоставлено с официальным грузовым манифестом?

Воинственное выражение сразу покинуло енотовидное лицо синтианца. Гарри их раньше никогда не встречал, но они постоянные персонажи дневных голодрам на Земле и стереотипно изображаются как жизнерадостные, полные энтузиазма — и абсолютно эгоистичные существа.

Понадобилось некоторое время, чтобы оценить предложение Гарри, и он сразу перешел на неплохой разговорный англик.

— Что ж, разведчик-майор. Вам нужно только попросить. Отвести вас на то место, где я встретился с Двером Кулханом? Да, но должен вас предупредить. Он может выглядеть по-другому. Если вы его найдете. Когда мы расстались, он расспрашивал. Узнавал, где можно сделать кос-

метическую хирургическую операцию. Как будто собирался изменить внешность и скрыться!

Пока они торопливо шли по главному бульвару, Гарри говорил в свой микрофон, узнавая, в каком местном заведении по исправлению тела проводилась работа над человеком с того времени, как Кивеи Ха'аоулин в последний раз видела Двера.

Он также связался со штаб-квартирой. Через четыре ми-дура Вер'Кв'квинн назначил срочное собрание всего местного штата Института Навигации.

Вернее, того, что осталось от штата. Большинство разведчиков и старших помощников уже были разбросаны по всему квадранту со срочными поручениями, приказывая кораблям всевозможных размеров эвакуировать изолированные аутпосты, посылая буи, чтобы свернуть движения с вышедших из строя пунктов перехода, и наблюдая за надвигающимся на Пять Галактик хаосом.

Особенно тревожными были сообщения о вспышках насилия между кислородными кланами или между разными порядками жизни. Особенно ожесточенная схватка произошла в секторе Коркуомин между одной из наиболее

закрытых водорододышащих культур и огромным роем машинных существ; обычное место жизни машин в глубоком космосе оказалось настолько разрушено, что огромное количество незарегистрированных мехов начали просачиваться в места, запретные для них по условиям договоров. И столкновение было таким яростным и жестоким, что использовалось оружие беспрецедентной мощности, разрывающее стены, которые разделяют различные уровни пространства; в результате вихри из гиперуровней А и Б начали проникать в «нормальное» пространство, вызывая хаос во всем, чего коснутся. Были даже сообщения, что *меметические* формы жизни выступают в качестве союзников той или иной стороны, а может, просто пользуются смятением, чтобы поместить свои идеограмматические матрицы в новых хозяев, заполняя поле битвы мятежными сенсорными впечатлениями, вынашивая идеи, слишком сложные и странные для органического или электронного сознания.

И вот среди всего этого Вер'Кв'квинн по-прежнему не дает Гарри нового поручения. Он слишком неопытен и недипломатичен, чтобы поручить ему командование крупным отрядом, но в то же время слишком ценен, чтобы использовать в

каком-нибудь небольшом деле.

Поддерживай со мной связь, все время говорит ему Вер'Кв'квинн. *Полагаю, вскоре нам понадобится твой опыт в пространстве Е.*

Торговец-синтианец указал на одну из боковых улиц, где продавалась одежда и различные личные принадлежности.

— Здесь я в последний раз видела человека, он попрощался, сжимая кошелек, полный галмонетами за нашу сделку, торопясь истратить только что приобретенное состояние.

— Галмонеты? — переспросил Гарри. Конечно, гораздо лучше было бы, если бы Двер расплачивался кредитами или марками: их легко можно проследить по торговой сети. — Сколько ты ему заплатил?

Кивеи Ха'аоулин попыталась отказаться отвечать, ссылаясь на коммерческую тайну, но вскоре поняла, что это бесполезно.

— Семьдесят пять полуединиц. Гарри стиснул кулаки и прорычал:

— Семьдесят пять! За подлинный земной артефакт доин-дустриальной эры? Ты, бессовестный…

Он продолжал красноречиво бранить синтианца, поскольку торговец явно ожидал этого.

Всякое другое поведение уязвило бы его гордость. Но думал Гарри уже о другом. Он не собирался рассказывать Кивеи Ха'аоулин, что драгоценные лук и стрелы сделаны гораздо позже, чем та считает. В сущности это контрабандный предмет из нелегального сунерского поселения, вырезанный квуэнскими зубами и закаленный на урском горне.

Его прервало сообщение компьютера. Очевидно, недавно один из магазинов тела навешала молодая землянка, которая заплатила наличными за срочную косметическую операцию. Ничего необычного. Всего лишь стандартное выращивание нового профиля из числа тех, что приготовлены в магазине для самых разных видов разумных.

— Пошли! — сказал Гарри синтианцу. Тот попробовал возразить, но увидел яростное выражение глаз Гарри и поземному выразительно пожал плечами.

— Конечно, разведчик-майор Хармс. Я к вашим услугам.

К несчастью, нужный магазин находился довольно далеко за площадью Веры. Чтобы добраться до него, придется пройти через толпу миссионеров и верующих, возбужденных

известиями о том, что происходит в Пяти Галактиках.

Многое изменилось с тех пор, как Гарри в последний раз побывал здесь. Тогда тут возвышались аккуратные павильоны, в которых вежливые прислужники и последователи старомодными способами проповедовали свои догмы, в традиционных ритмах уверенности и терпения. Поскольку большинство галактических сект нацеливалось на переубеждение целых рас и кланов, ударение всегда делалось на бесконечных повторах — нужно «показать флаг» и дать возможность другим разумным постепенно и неторопливо привыкнуть к Другому взгляду на свое назначение. Индивиды имеют значение только как средство передачи идей, распространяя их в своей расе или клане.

Во время последнего посещения Гарри эта атмосфера терпеливой настойчивости уже исчезала. Теперь, когда перемежающаяся подпространственная дрожь заставляет качаться каменные стены, эта атмосфера словно полностью рассеялась.

Просторное помещение, принадлежавшее некогда нескольким мирным религиозно-философским союзам — наследникам, поглощенным,

трансцендентам, — теперь заполняли возбужденные толпы. Безупречно четкие границы сминались, слушатели бросались к громко кричащим священнослужителям, одетым в яркие платья и проповедующим с шатких платформ, вздымающихся к высокому потолку. Их усиленные голоса в переводах на по крайней мере дюжину галактических языков звучали так громко, словно силой звука можно переубедить слушателей. Каждая сторона отчаянно пыталась заглушить другую, и Гарри с трудом различал что-то помимо повсеместного гула. Это, однако, не мешало толпам; в воздухе словно потрескивало от перенасыщения эмоциями.

Это место должно кишеть невидимыми псиволнами и эмфатическими глифами, понял Гарри, радуясь тому, что его собственные умственные способности развивались в другом направлении и он благословенно невосприимчив к таким раздражителям. *У тимбрими, застрявшего в этой толпе, вероятно, поджарились бы щупальца от этих безумных вибраций.*

На площади были и другие изменения. Группы наследников и поглощенных были вооружены палками, дубинками, резаками и другими импровизированными орудиями и откровенно

враждебно смотрели друг на друга. Гарри даже показалось, что он заметил за прозрачным занавесом несколько движущихся угловатых фигур, огромных, похожих на богомола.

Он содрогнулся, узнав эти фигуры.

Танду.

Далее Гарри и Кивеи Ха'аоулин миновали павильоны ожидающих и отрекшихся… вернее, развалины этих павильонов. На земле лежали обгоревшие остатки знамен — молчаливое свидетельство того, насколько ожесточенным стало древнее соперничество. Теперь, когда судный день казался совсем близок, это соперничество перестало быть поверхностно терпеливым и теоретическим.

Среди развалин осторожно пробирались несколько последователей ожидающих: преимущественно паукообразные гулдингары и вархисти с толстыми рогами. Их защищали наемные роботы из какого-то местного агентства безопасности. Вархисти казались особенно настроенными на месть.

Тем временем обе стороны улицы были заполнены шумом и спорами. На предельной скорости пронесся на восток отряд полицейских роботов и исчез за углом по какому-то срочному делу.

Гарри посмотрел вдоль улицы, и ему показалось, что он заметил в тени несколько стервятников, раздевающих труп.

Вдоль главного Пути с севера на юг за шаткими кафедрами стояли проповедники и криками привлекали к себе внимание. Мрачные новообращенные пии'ооты все еще были там, где Гарри видел их в прошлый раз; вытягивая свои спиралевидные шеи и выпячивая глаза, они на непонятных диалектах говорили о том, что все расы должны вернуться к своей естественной природе — что бы это ни означало.

Гарри заметил также евангелиста комада, чья неискренняя улыбка стала еще шире, когда он встретился с Гарри взглядом. Для выразительности комад затопал своей третьей задней ногой.

— *Вот!* — крикнул он, указывая костлявыми пальцами. — Смотрите, как мимо проходит еще один землянин, доказывая, что эта опасная инфекция не погибнет, когда ее родная планета будет наконец захвачена и подвергнута справедливому суду. Нет, друзья. Этого не произойдет, даже когда Земля будет секвестирована, а ее богатый генный бассейн по справедливости разделен между праведными. Потому что земляне расползлись среди нас, как заразные вирусы!

Разве вы уже сегодня не видели многочисленные свидетельства их злого влияния? Даже здесь, на Каззкарке, волчата и их безумные последователи сеют злобную ложь и клевету, возрождая древние эгоистичные ереси, подрывая наше общее представление о судьбе, уничтожая основы нашего общества и изображая наших почитаемых предков презренными глупцами!

Продолжая выражать свою ненависть к клану Гарри, комад все «улыбался» и помахивал обманчиво соблазнительными ресницами, создавая впечатление, которое означало нечто совершенно противоположное его намерениям. Казалось знаменательным, что гнев этого фанатика, первоначально обращенный к водорододышащим, теперь был перенесен на бедный маленький земной клан.

Гарри это показалось несправедливым и каким-то искусственным, поскольку все и так полагали, что Земля падет через несколько дней или недель, если не часов. Тем не менее он почувствовал опасность, исходящую от группы последователей комада. Если он останется, эмблема Института Навигации может его не защитить.

— Подожди! — сказала Кивеи Ха'аоулин, когда Гарри потянул торговца за руку. — Я нахожу аргу-

менты этого разумного весьма убедительными! Его риторика прекрасна. Логика кажется мне неопровержимой.

— Очень смешно, Кивай, — проворчал Гарри. — Пошли! *Немедленно!*

Явно восхищенный собственным остроумием, синтианец довольно хмыкал. Племя Кивеи — энтузиасты, но прежде всего прагматики. Подобно другим расам «умеренного большинства», их не интересуют религиозные споры о природе трансцендентности, они предпочитают заниматься своим делом, предоставляя судьбе самой о себе заботиться. При прочих равных условиях они были бы счастливы разделить со всеми знаменитое «открытие „Стремительного“ и даже заплатили бы Террагентскому Совету неплохое вознаграждение за открытие, чтобы все было по-хорошему.

Увы, умеренное большинство известно также своей медлительностью и нерешительностью. Со временем оно, возможно, перестанет колебаться и думать, спасать Землю или нет, хотя к тому времени помощь способна будет только пошевелить пепел.

Говоря о том, что пора заняться делом, Гарри надеялся, что это последняя толпа религиозных фанатиков. Но не успели они с Кивеи завернуть

за угол, как увидели, что путь им преграждает еще большая толпа! Она уходила вперед и в обе стороны, заполняя перекресток под куполом, где раньше находился рынок органопитательных веществ.

Разнообразие разумных существ ошеломляло: от тощих, похожих на прутья зитлтов до пар неуклюжих брмасов. Изумленный взгляд натыкался на таких разумных, о расах которых Гарри раньше только слышал. Настоящий лес необычных конечностей, голов, торсов и сенсорных органов смешивался и сливался, так что трудно было сказать, где кончается одно существо и начинается другое.

Запах был такой густой и тяжелый, что Гарри едва не потерял сознание.

Многие зрители пользовались портативными мониторами, чтобы разглядеть далеких миссионеров, которые отсюда казались тусклыми серебристыми очертаниями на приподнятой сцене. Другие устремляли разнообразные глаза к десяткам больших видеоэкранов, подвешенных высоко на каменных стенах. С них лилась речь на разных диалектах.

Часть толпы протискивалась вперед в поисках чего-то такого, что можно получить только при

непосредственном контакте.

— Странно, — заметил Кивеи Ха'аоулин. — Я насчитал несколько расовых типов, которые обычно не склонны к религиозному рвению. И еще несколько таких, чьи кланы находятся в состоянии идеологического конфликта друг с другом. Посмотрите вон туда. Турмудж ожидающий и Тальпу'ур наследник зачарованно стоят рядом. Интересно, какое концептуальное волшебство могло их так зачаровать.

— Какая разница! — нетерпеливо ответил Гарри. Ему хотелось успеть в магазин тел до закрытия, чтобы след не остыл. — Ифни! Да нам никогда не пробраться через эту толпу!

Он уже собирался предложить повернуть назад и идти в обход, когда его внимание привлекли звуки проклятий на англике. Высокое, похожее на верблюда существо повернулось и разглядывало Гарри черными, как уголь, глазами.

Это был дж'8лек, представитель звездной нации с такой долгой историей ненависти к землянам, что рука Гарри сама собой дернулась в поисках оружия.

Но этот дж'8лек сделал нечто совершенно неожиданное. В течение нескольких дуров он просто смотрел на Гарри, а потом неожиданно со-

гнул свою длинную шею, поклонившись жестом глубочайшего уважения! Отталкиваясь всеми четырьмя мощными ногами, существо принялось расталкивать толпу, расчищая начало прохода перед Гарри и его спутником.

Пораженные, они пошли по этому проходу, но то же самое произошло снова! Раз за разом какой-нибудь зритель замечал Гарри и торопливо начинал подталкивать тех, что стояли перед ним, чтобы они уступили дорогу. Никто не возражал и не спорил. Даже представители старших линий патронов, существа высшего ранга, покорно уступали дорогу как перед равными.

Шимпу, ростом в полтора метра, такое поведение показалось особенно необычным и даже пугающим. Казалось, какая-то сила разделяет перед ним море высоких чужаков, и он понятия не имел, что ожидает его по другую сторону толпы. И он бы меньше нервничал, если бы все вокруг не были такими чертовски вежливыми и предупредительными.

Вот это заставляло его особенно нервничать!

Он находится в середине толпы и может только изредка бросить взгляд на большие экраны. Но вскоре стал слышен голос проповедника на галактическом семь, и Гарри споткнулся, неожи-

данно узнав этот голос.

...каждый понимает, почему великие и могучие религиозные союзы пришли в ярость от новости, которую недавно сообщила священная жертвенная планета. От дара, посланного нам с удивительной и обреченной Земли.

Дара истины!

Соединив галактическую науку со своей собственной хитроумной математикой, волчата раскрыли тайну, которую высшие чиновники Институтов многие эпохи старались скрыть, тайну, известную могучим существам из порядков «ушедших в отставку» и тра с нцендентов. Конвульсии, сотрясающие сейчас Пять Галактик, это часть естественного процесса! И нам следует радоваться этому, а не бояться!

Гарри сразу узнал манеру речи и понял смысл необычного выступления.

Это был проповедник скиано! Тот самый, что проповедовал просто на улице, не в состоянии заплатить даже за кафедру в переулке. Используя экстравагантные метафоры, он сравнивал человеческую природу волчат, предположительно поднявшихся к разуму без вмешательства расы патронов, с «девственным рождением». Гарри вспомнил крупную голову с выступаю-

щим вперед большим носом, с двумя парами напряженных сверкающих глаз. Скиано пророчествовал, что Земля подвергнется своего рода распятию, она умрет ради блага остальных, а потом снова духовно воскреснет.

Теперь Гарри понял, почему толпа расступается перед землянином, даже перед простым шимпанзе (у которого нервно подергивается хвост).

Увы, это знание его не утешило. Очевидно, скиано вызвал волну общественной истерии. Гарри натолкнулся на религиозное собрание одной из самых странных ересей, готовых распространиться по Пяти Галактикам!

Заинтересованная и зачарованная, Кивеи Ха'аолин с энтузиазмом двинулась вперед, словно компенсируя растущее нежелание Гарри, действуя как мажордом, сообщая всем и каждому, что за нею идет *землянин!*

А шепотом между тем она советовала Гарри пользоваться удачей, пока она их не оставила.

— Ну, ну! Тебе следует взбодриться, малыш! Раз уж космос распадается, можно тем временем хотя бы повеселиться!

Не очень характерное для синтианца отношение. Но фатализм служит сильным противоядием от трусости.

На этот раз Гарри решил согласиться с рассуждениями Кивай. Он расправил плечи, стараясь выглядеть с достоинством, приличным прямоходящему существу: его патроны люди подарили шимпам такую походку наряду с даром речи и разумом. Он пригладил светлую шерсть и даже позволил себе гордо задрать хвост.

Неожиданно толпа кончилась. Они с Кивай оказались перед высокой платформой, на которой могли сидеть почетные посетители, с удобством наблюдая за зрелищем.

Гарри хотелось только одного: уйти отсюда и возобновить поиски сбежавших сунеров. Но единственная свободная тропа вела как раз к этой платформе. Вместе с Кивай они начали подниматься туда, слушая необычные рассуждения скиано.

… почему могучие союзы и Древние так сопротивляются идее Бога, который любит каждую личность? Бога, который считает важными не клан или расу, но каждое отдельное существо, сознательное и способное к состраданию?

Неужели они считают, что такая идея может положить конец Возвышению или усовершенствованию видов?

Ерунда.' Все это будет происходить по воле

свободных индивидов/ Будет совершаться независимыми душами, которые верят в себя и в личное избавление — когда каждый разумный встретится с Создателем Всего и достигнет полного завершения в пункте Омега!

Гарри слышал и раньше эту странную смесь древних земных верований, часто несовместимых друг с другом, пересмотренную, чтобы отвечать распространенным страхам при виде того, как устойчивая галактическая цивилизация на глазах распадается. Скиано добавил гениальный мазок — планета волчат в роли искупляющей жертвы, он воспользовался тяжелым положением Земли, в то же время ничем не помогая ей спастись от разгневанных боевых флотов.

Но если Гарри считал эту проповедь странной, то нечто еще более странное поджидало его в рядах почетных посетителей. Это был не кто иной, как его старый противник, портовый инспектор, который сидел съежившись и явно желая быть совсем в другом месте.

Гарри приветствовал рослого хуна, громко назвав его по имени.

— Твафу-ануф! Это и правда вы? Пришли немного расширить свой горизонт? Решили, что пришло время увидеть свет?

Увидев Гарри, Твафу-ануф содрогнулся. Жалобно подергав своим элегантно раскрашенным горловым мешком, он указал на сидевшую рядом молодую самку.

— Мое присутствие здесь… не добровольное. Моя… хр-рм… моя *дочь* заставила меня прийти.

Гарри едва сдержался, чтобы не захохотать. Если и есть у хунов привлекательная черта, так это преданность своему потомству. Гарри дивился, как такая привлекательная особенность могла возникнуть у расы мрачных, пуританских, негибких бюрократов.

Пока Гарри наслаждался неловким положением Твафу-ануфа, скиано продолжал свою проповедь:

Сегодня мы видим, как сильные пытаются скрыть правду и соперничают за право уничтожить Благословенную Землю. Почему? Потому что их тревожит Большая Ошибка.

Так называемая «ересь» была подавлена давным-давно. Но правду можно только скрыть, ее нельзя уничтожить.

И теперь они боятся, что все разумные наконец поймут…

Миссионер сделал драматичную паузу.

…что хваленое Объятие Приливов — это объ-

ятие лжи!

Толпа, должно быть, уже знала суть послания. Но когда это было произнесено вслух, по собравшимся пронесся стон.

Это дало Гарри возможность еще немного помучить бедного чиновника.

— А как насчет этого, старина? — спросил он. — Поколение за поколением трудятся, испытывают мучения, никогда не веселятся лишь для того, чтобы их отдаленные потомки могли прыгнуть в черную дыру и оказаться в раю. Но что, если там, по другую сторону сингулярности, ничего нет? Если все эти труды ни к чему?

Твафу-ануф жалобно обвис, а его дочь наклонилась вперед, возбужденно вглядываясь туда, где в свете прожекторов взад и вперед расхаживал скиано.

…но есть другой путь спасения! Который не требует жизни на дальних горизонтах пространства и времени. Который приходит к каждому из нас, если только мы откроем…

Дочь Твафу-ануфа повернулась к своему спутнику, сильному на вид молодому самцу хуну, руку которого она с явной привязанностью сжимала. На ее плече сидел маленький роузит и смотрел на черное, похожее на хорька существо на спине

у молодого хуна. Еще одно необъяснимое и ироничное явление: животные любят хунов, чего не скажешь о разумных.

Молодые хуны явно в периоде ухаживания — это выглядело бы трогательно, если бы не неизбежный исход: еще одно поколение мрачных угнетателей.

Зачем вообще хуны пришли на это странное собрание? Это противоречит самой их сути!

Гарри рефлекторно среагировал на толчок своего спутника.

— Посмотри туда! — указала Кивеи Ха'аоулин. — Это не один из тех землян, что ты ищешь?

Гарри всмотрелся в конец освещенной сцены, где стояли помощники скиано в развевающихся синих и золотых одеяниях. Среди них видна была невысокая человеческая фигура, одетая так же; она распоряжалась, посылая прислужников в толпу с тарелками для сбора пожертвований.

Гарри удивленно замигал.

Рети!

Ванна сама по себе преобразила бы девушку-сунера. Великолепная одежда сделала еще больше. Но Гарри видел, что и лицо ее изменилось. Там, где раньше по щеке и челюсти проходил шрам,

теперь блестела гладкая розовая кожа.

Значит, посетителем мастерской по изменению тел был совсем не Двер. Мне следовало догадаться,

Рети, должно быть, бродила по Каззкарку, пока не нашла группу, которая сочла ее ценной, культ, иконой которого стала голубая планета волчат. Судя по внешности, она теперь занимает какое-то важное положение. Если Гарри и встречался с тем, кто способен выжить в любой обстановке, так это именно Рети.

— А теперь, — сказала Кивеи Ха'аоулин, — мы завершили круг. Теперь вы воссоединитесь, а я могу уйти.

Гарри собрался задержать синтианца… когда заметил, что аудитория снова волнуется. Толпа расступается, как Красное море. По проходу, между расходящимися, расползающими, отпрыгивающими существами, двигалась стройная фигура в серовато-коричневой одежде, которая словно расплывалась перед глазами. И когда фигура откинула капюшон из домотканой материи, показались взъерошенные волосы Двера Кулхана, блестящие, словно его. темные глаза.

Что ж, он, должно быть, кое-что истратил из своих семидесяти монет, подумал Гарри, заметив

в руке молодого человека небольшое электронное приспособление. Двер держал его так, как туземцы Хорста держат лозу, когда ищут воду. На руке у Двера самодельный прибор из согнутых металлических трубок и гибких полосок кожи. Ни один галакт не распознает в этом устройстве оружие, но Гарри узнал очень опасную ручную катапульту, которая в близком бою опасней лука и стрел. А на поясе у молодого человека висел длинный нож в ножнах.

Для любого существа, не землянина, Двер выглядел совершенно спокойным, не обращающим внимания на толпу. Но Гарри видел напряжение в плечах Двера, который продолжал идти к помосту по проходу в расступающейся толпе. Кивеи снова начала отодвигаться, но любопытство победило осторожность, и синтианец остался и смотрел на приближающегося человека.

— Ну, ну... — снова и снова повторяла Кивеи, нервно облизывая усы.

Двер коротким кивком приветствовал Кивеи, он не казался рассерженным тем, что его обманули — к явному облегчению синтианца.

Подойдя к Гарри, он выключил маленький прибор.

— Вы очень разумно поступаете, капитан Гар-

ри, нося при себе личный маяк. Я заплатил за несколько уроков, как нацеливать прибор на ваш сигнал. Дома мы с такой целью используем жуков-нюхальщиков.

Гарри пожал плечами. Он не думал, что это подействует. Но, очевидно, сунеры умеют приспосабливаться.

— Рад, что вы оба здесь, — сказал он, кивком указывая на Рети.

Двер посмотрел на сцену, где видна была Рети с попугаем скиано на плече; толпа в это время запела необычно привлекательный гимн на смеси полудесятка галактических диалектов с медлительным звучным англиком. Хотя зрачки у него слегка расширились, на лице Двера не видно было удивления.

— Следовало бы догадаться, — сказал он, покачав головой. — И как же вы собираетесь вытащить ее оттуда, не начав мятеж этих…

Молодой человек неожиданно смолк. Челюсть у него отвисла… потом он снова закрыл рот.

— Не могу поверить, — прошептал он. Потом с выражением мрачной решительности сказал: — Прошу прощения, капитан Хармс. Мне нужно кое-что сделать немедленно.

Гарри мигнул.

— Но… что…

Двер миновал его, молча и ловко сбросив верхнюю одежду. Быстрыми проворными движениями связал рукава и капюшон, получился импровизированный мешок, который молодой человек держал в руке. Протискиваясь к первому ряду почетных гостей, он не обращал внимания на протесты сидевших сзади. Пение толпы заглушало все жалобы. Двер миновал Твафу-ануфа и его дочь и направился к третьему хуну — молодому самцу. Похожее на выдру животное наконец что-то почувствовало. Хотя смотрело оно в другую сторону, из черной шерсти на шее поднялась острая щетина. Животное начало поворачиваться, чтобы посмотреть назад блестящими черными глазами. В глазах появилось удивленное выражение узнавания, и в этот момент Двер прыгнул.

Чтоб меня побрили! — подумал Гарри, глядя, как извивается это животное в руках Двера, щелкает зубами и бессильно шипит. Двер сунул его в мешок, но видно было, что внутри животное продолжает дергаться, пытаясь освободиться.

Это титлал! — Гарри показалось, что проворное гибкое существо ему знакомо, но размер кажется неподходящим. *Миниатюрный титлал… на плече у хуна!*

Неудивительно, что он не узнал сразу. По размерам титлал примерно с шимпанзе. Они совсем не домашние животные. Это разумные, владеющие речью звездные путники, которых на Земле хорошо знают и которыми восхищаются. К тому же, подобно своим патронам тимбрими, они терпеть не могут хунов!

В голову Гарри пришло возможное объяснение. Неужели Двер спасает детеныша титлала из плена?

Теория тут же рассыпалась, когда третий хун повернулся, увидел Двера и громко заворчал — радостно и удивленно. Мешок продолжал дергаться, а зрители тем временем стали свидетелями беспрецедентного в анналах цивилизации Пяти Галактик зрелища — человек и хун радостно обнялись, словно давно не встречавшиеся братья из одного дома-города.

Они нашли место, чтобы поговорить, за решеткой, поддерживающей платформу для почетных гостей. Гарри пораженно слушал, как рослый друг Двера превосходно говорит на разговорном англике, хотя и с древним акцентом.

Олвин излучал энтузиазм, радость жизни, и это казалось для него совершенно естественным, хотя Гарри раньше никогда не видел, чтобы хун

вел себя таким образом.

— Хр-р-р. Когда я видел тебя в последний раз, Двер, ты висел под воздушным шаром с горячим воздухом, готовясь в одиночку сразить боевой корабль джофуров. А как ты оказался здесь?

— Это долгая история, Олвин. И не будь капитана Хармса, мы бы сюда никогда не добрались. Означает ли это что «Стр…

Двер неожиданно замолчал и покачал головой, меняя фразу:

— Означает ли это, что нашим *друзьям* удалось добраться до пункта перехода?

Впервые в жизни Гарри увидел, как хун пожимает плечами — удивительно изящный и выразительный жест для такого долговязого существа.

— Да, удалось. В некотором смысле. — Его татуированный горловой мешок раздувался и опадал. — Сейчас могу только сказать, что это тоже долгая история.

Синтианец Кивеи внес предложение.

— Я знаю неподалеку хорошее заведение, где предлагают еду и добрую выпивку рассказчикам хороших историй, пусть даже и очень долгих. Может, пойдем туда…

Двер не обратил на Кивай внимания.

— А твои друзья? Ур-ронн? Гек? Клешня? Тиуг?

— Они в порядке — и *друг,* который привез нас сюда, тоже. Но ты ведь понимаешь, что одним из нас легче показываться в обществе, чем другим.

Двер кивнул, и Гарри понял, что они говорят с подтекстом.

Минутку, задумался он. *Если Двер и Рети сунеры с какой-то тайной колонии, но знакомы с этим хуном, это значит…*

Он забыл о своей мысли, услышав, как Олвин ответил на какое-то замечание Двера веселыми звуками, удивительно похожими на смех.

— Значит, ты наконец поймал старину Грязнолапого. Молодой человек поднял дергающийся мешок.

— Да. И не выпущу его оттуда, пока не получу ответа на несколько вопросов.

Олвин снова рассмеялся — а Твафу-ануф заметно задрожал от смущения. Но дочь чиновника, казалось, восхищается этим звуком. С необычным для хунов энтузиазмом она представилась как Дор-хуниф и удивила обоих землян, предложив обменяться рукопожатиями.

— С тех пор как он появился, Олвин все время рассказывает о вашей удивительной планете Шангри-ла, — сказала она Дверу. — Где много рас

живут в мире и где хуны научились плавать под парусами.

Ее возбуждение казалось таким же странным, как картина, неожиданно возникшая в воображении Гарри, — хуны, плывущие по морю в кораблях под дождем соленых брызг.

Шангри-ла?[7] — подумал Гарри.

Ну конечно, это маскировка настоящего названия планеты сунеров. Но почему именно это название? Почему взятое из земной литературы?

А кстати, каким образом у хуна оказалось имя Олвин?

Судя по звукам, проповедь скиано наконец подошла к концу. Гарри обратил на это внимание остальных.

— На этот раз я согласен с Кивай. Надо пойти в какое-нибудь укромное место и поговорить, прежде чем я буду докладывать в штаб. Но сначала прихватим Рети…

Он замолчал, чувствуя, что что-то изменилось. Подошвами ног Гарри ощутил еще одну волну дрожи; такие волны уже несколько джадуров сотрясают Каззкарк. Но на этот раз в волне был

---

[7] notes: 7

Название таинственной страны в Тибете, с которой связано множество преданий и легенд. — Примеч. пер.

новый ритм.

Нарастающая напряженность.

Другие тоже почувствовали это. Хуны пошире расставили ноги с широкими ступнями, а из мешка, в котором Двер держал пленника, донесся негромкий вой. Площадка для почетных гостей тряслась, пыль поднималась к каменной крыше — единственной преграде между живыми существами и вакуумом снаружи.

Положение ухудшается, подумал Гарри.

Когда в соседней стене появилась трещина и начала расширяться, он еще раз пересмотрел оценку.

Положение очень серьезное. Действительно серьезное.

КАА

— Пилот, проснись! Быстрей! Ты нужен!

Как рыба с крючком в челюсти, которую грубо вытягивают из воды, Каа почувствовал, что слова пронзают его сон, разрывая звуковой образ Пипое.

Она плыла рядом с ним. Вернее, рисунок эха и сонарных щелчков, отразившихся от стен, создал подобие грациозной фигуры, беспечно покачивающейся рядом, так близко, что, казалось, ее можно коснуться. Их тела окружало ласковое море Джиджо, и они плыли вперед, обнаженные и свободные.

Дельфины спят только одним полушарием. Но в этом эпизоде была сила и энергия настоящего Китового Сна, окутавшего Каа ощущением присутствия возлюбленной и планеты, на которой они надеялись счастливо жить вместе.

И когда ворвался этот надоедливый голос, разбивая благословенную иллюзию, Каа почувствовал, что у него снова отбирают Пипое. Он пришел в себя и оказался в чистилище из жесткого металла, в мегапарсеках от возлюбленной.

Каа раздраженно забил плавниками в запол-

ненном водой углублении своего приспособления для ходьбы. Он еще не вполне пришел в себя от тревожного сна, но сумел сфокусировать правый глаз и увидел Гек, существо, чья фигура кажется невероятным соединением органических и металлических частей. Раскатываясь на колесах, молодая самка г'кек возбужденно размахивала всеми четырьмя глазными стебельками и бессвязно рассказывала о чем-то таком, что ее чрезвычайно расстроило.

Просыпающиеся дельфины с опозданием начинают понимать англик, особенно после погружения в Сон Китов, но на этот раз гнев помог Каа быстро дать сердитый ответ.

— Я сказал, чтобы меня не тревожили… за исключением чрезвычайного положения!

И тут наконец понял лихорадочный крик Гек.

— Это и есть чрезвычайное положение! — завывала она. — Я только что проснулась и увидела, что Клешня…

— Да? — спросил Каа посылая невральный сигнал, который приводит в действие установку для ходьбы. — Что с ним?

Г'кек уже выкатилась из маленькой каюты, два ее глаза были устремлены вперед, другие два — назад, на Каа.

— Пошли быстрей! Клешня *умирает!*

Маленький красный квуэн лежал возле шлюза — похожая на краба фигура с пятью ногами, расставленными симметрично, как у морской звезды. Несколько 'клешней все еще спазмодически щелкали и вздрагивали, но никаких других движений не было. Когда Каа ближе подвел свою установку для ходьбы, направляя переднюю камеру, чтобы получше взглянуть, он увидел следы отвратительно выглядящего вещества типа сукровицы; это вещество вытекало из-под широкого хитинового панциря.

— Что случилось? — с тревогой спросил Каа. Гек выпалила:

— Откуда мне знать? Говорю тебе, я была в шкафу, который ты мне дал как укрытие. Пыталась уснуть, потому что ты мне не разрешил выходить из корабля. А когда вышла, он был такой!

— Но… разве ты не знаешь, что с ним? Можешь что-нибудь сделать?

— Я всего лишь г'кек, это не делает меня врачом, как не всякий дельфин — пилот. Нужно позвать на помощь!

Каа вслушивался в неровное дыхание больного квуэна. Вызывающая отвращение жидкость вытекала из всех подмышек, где расположены

нежные голосовые щели. Очевидно, бедняга задыхается.

— Мы… — Каа покачал большой серой головой. — Мы не можем этого сделать.

— Что? — Гек откинулась назад так резко, что оба ее колеса подпрыгнули. Спицы загудели, она смотрела всеми четырьмя глазами. — Мы больше не в дикости, рыбья голова. Здесь *цивилизация!* Там, за шлюзом, есть все что угодно. То, о чем мы на Джиджо читали только в книгах, вроде *больниц* или *автодоков.* Они его спасут!

Каа чувствовал гнев молодого г'кека. Понимал, как Гек привязана к товарищу. И сочувствовал ей. Но ответ мог быть только один.

— Мы не можем привлекать к себе внимания. Ты это знаешь. Если кто-нибудь заподозрит, что на борту этого корабля дельфин, его разрежут на части, чтобы добраться до меня. Придется ждать возвращения Олвина и Ур-ронн. Они могут выходить, не опасаясь привлечь внимание. А еще лучше, когда вернется Тиуг, этот алхимик сможет…

— Да на это уйдут мидуры! Ты знаешь, что у Олвина появилась подружка. Тиуг шпионит за джофурами, а Ур-ронн с каждым разом задерживается все дольше и дольше, разговаривая с

инженерами!

Таков был их план: трое действуют как разведчики и послы, разузнавая, что происходит на базе Каззкарк и в Пяти Галактиках вообще. Если возможно, они установят контакт с немногими союзниками Земли или найдут способ заплатить за перелет во Вторую Галактику. Доставляя послание Джиллиан Баскин Террагентскому Совету, они одновременно попытаются разузнать о своих видах, найти способ зарабатывать на жизнь для себя и своих друзей.

Гек права. Олвин и Ур-ронн с каждым разом задерживаются все дольше. Клешня так долго не продержится.

— Прости, — сказал Каа. — Мы не можем рисковать всем ради небольшого шанса…

— Наплевать на риск и на то, большой шанс или нет! Это не важно!

Ее глазные стебельки раскачивались и переплетались в яростном гневе. Она продолжала ругать Каа, но он знал, что должен быть тверд — ради нее даже больше, чем ради себя самого. Теперь всем г'кекам на Джиджо грозит геноцид, намеренное уничтожение разгневанными джофурами, продолжающими древнюю вендетту, и эта маленькая самка может быть единственной

надеждой целой расы. В холодильнике корабля хранится пробирка с семенной плазмой, и Гек где-нибудь в укрытии, под защитой надежных опекунов, может еще иметь потомство и возродить свой вид.

Конечно, сама Гек не о таких приключениях мечтала, но она клялась, что понимает важность своей роли. Понимала до сих пор, пока не обнаружила, что ради нее нужно отказаться и от дружбы.

Личная верность. Любовь. Эти качества должны перевешивать все другие соображения, горестно думал Каа, а Гек продолжала наскакивать на него, снова и снова требуя, чтобы он открыл дверь.

Воспитанная на земных романах, она испытывает те же чувства, что и я. Только самая плохая личность поставит прагматизм выше личной привязанности, оставит того, кто ему небезразличен, на смерть… или на нечто еще худшее… даже если с точки зрения логики это «правильно».

Так мысленно бранил себя Каа, а Гек делала это вслух, так что маленькая контрольная рубка заполнилась звуками ее воплей.

Но он не сдастся.

Так или иначе, но вскоре спорить было не о чем. Несколько дуров спустя Клешня умер.

Гек не хватало ни сил, ни воли, чтобы избавиться от тела. Пришлось этим заниматься Каа. С помощью свой установки для ходьбы он перетащил квуэна к рециклеру. Гек отвернула три глаза от этой ужасной сцены, но последний стебелек продолжал дрожа смотреть, словно оцепеневший.

Как это могло произойти? — тревожился Каа, посылая приказы через невральный клапан и заставляя установку действовать как продолжение тела. *Может, кто-то напал на корабль? Или это вызвано болезнью, о которой мы слышали… той самой, что погубила множество квуэнов на Джиджо?*

Но если это так, как мог заразиться Клешня?

Неожиданно Гек удивленно вскрикнула. Ее свистящий крик заставил Каа повернуться, оторвавшись от своего тяжелого занятия. Он посмотрел, куда она показывает, на то место палубы, где лежал Клешня.

Тут они оба увидели своего рода рисунок, отчасти закрытый ужасными выделениями. Рисунок был вырезан в металлическом полу.

— Он… он… — Гек запиналась. — Он вырезал

это зубами, когда умирал! Бедный Клешня не мог ни ходить, ни говорить, но мог еще двигать ртом, когда лежал на полу!

Каа смотрел, пораженный отчасти силой челюстей квуэна, отчасти тем мастерством, которое видно было в этом последнем действии умиравшего.

На рисунке было изображено существо, гуманоидное, но свирепое, с худыми впавшими щеками и маленьким ртом. Каа сразу узнал эту фигуру.

— *Ротен!*

Раса коварных преступников и притворщиков, создавших среди людей культ, заставивших верить, что они и были патронами земного клана и богами, которым должны поклоняться земляне.

И тут он вспомнил. Такое существо было на борту «Стремительного»! Пленник, которого тайно посадили на корабль в порту Вуфон. Повелитель ротен по имени Ро-кенн, источник множества несчастий шести рас Джиджо.

— Он спрятался где-то здесь на борту! — кричала Гек. — Оставался в укрытии, пока мы не сели, а потом вышел и убил бедного Клешню, чтобы добраться до шлюза!

Каа сразу подумал о катастрофических последствиях. Как бы он ни был умен. Ро-кенн не мог

совершить такой побег в одиночку. Ему должен был помочь кто-то на «Стремительном». Больше того, если этот ротен сейчас на Каззкарке, все их планы в опасности.

Спокойней, сказал он себе. *Ро-кенн не может обратиться к властям. Преступления, которые он совершил на Джиджо, хуже всего, что сделали сунеры.*

Да, но он может обратиться к одному из больших фанатичных кланов или союзов и попытаться продать им информацию о «Стремительном» и Джиджо. В крайнем случае сообщит другим ротенам.

— Нам нужно побыстрее связаться с Олвином и Ур-ронн, — сказал Каа. И увидел, что на этот раз Гек с ним согласна.

Но сделать это не так-то легко. Казалось, все линии связи забиты. Положение стало еще хуже, когда обрушилась вторая волна подпространственных колебаний, заставив планетоид раскачиваться, резонируя, как большой пустой колокол.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Вселенная охвачена трагедией. Только сейчас, когда она начала распадаться, я наконец увидела ироническую и ужасающую красоту ее космического рисунка.

Как и во Фрактальном Мире, мы окружены неожиданной катастрофой, намного грандиозней, чем я могла себе представить.

Далеко под нами, вблизи плотного ядра массивной древней звезды, мы видим огромные вращающиеся обиталища в форме игол, каждое из них больше луны; они сделаны из сверхпрочного божественного вещества, способного противостоять мощным приливным напряжениям. Однако теперь мы видим, что напряжения стали слишком велики и сооружения трансцендентов сбрасывают внешние оболочки, как хрупкую кожуру, и дрожат под ударами волн; пространственные конвульсии сотрясают эту часть Четвертой Галактики.

По словам Сары и машины Нисс, это симптомы гигантского разрыва, подобного которому не было уже четверть миллиарда лет.

Разрыв еще сильнее подействовал на армаду

«кораблей-кандидатов», сопровождающих «Стремительный» и по спирали устремляющихся вниз, к домам-иглам. То, что было упорядоченной процессией, в которой в великом и замечательном союзе торжественно соединялись два порядка жизни — кислородный и водородный, — быстро распадается в хаосе и взрывах.

Так близко расположены друг к другу угловатые корабли и шары, они двигаются такими плотными упорядоченными рядами, что каждая волна гипергеометрического разрыва бросает один ряд на другой. Столкновения вызывают ослепительные взрывы, убивая бесчисленные миллионы и сбивая все новые корабли с курса.

И однако, несмотря на эти ужасные события, лишь несколько кораблей присоединились к «Стремительному» в попытке уйти, начали с трудом подниматься к выходу из лабиринта, ища относительной безопасности в глубоком космосе. Кажется, притяжение приливов не так-то легко преодолеть, когда разумные ощутили это глубочайшее наслаждение. Как звери в гонке, неудержимо стремящиеся к территории, на которой происходит спаривание и которая теперь охвачена огнем, большинство кораблей продолжает идти по курсу, все более ускоряясь

в воронке, навстречу Объятию, к которому они так страстно стремятся.

Неужели такова конечная цель разумной жизни? Веками добиваясь того, чтобы стать разумными, способными размышлять, мудрыми (и все такое), неужели все расы кончают тем, что поддаются неумолимому инстинкту? Желанию такому сильному, что они продолжают двигаться к цели, видя, как она распадается у них на глазах?

Наконец, впервые за эти три долгих года, я начинаю понимать те преследования, которые выдержал «Стремительный» — да и вся Земля тоже. Ибо наше открытие в Призрачном Флоте действительно представляет собой вызов, шокирующую ересь, которая поражает в самое сердце систему галактических верований.

Большинство галактов — и водорододышащих тоже — считают, что подлинная трансцендентность есть окончательная судьба тех, кто соединяется в Объятиях Приливов. Что-то должно ждать за этим порогом... так они считают бесчисленные века. Иначе зачем вселенной было создавать такой элегантный способ фокусирования, собирания и очищения самого лучшего в обоих порядках жизни?

Конечно, это и есть великая тропа, о которой говорили Прародители, когда уходили два миллиарда лет назад.

Но в таком случае что это за Призрачный Флот, с его загадочными символами и намеками на поразительную древнюю истину?

Где мы его нашли?

В «мелком» шаровом скоплении, тусклом и почти лишенном металлов, плывущем одиноко на самом краю Второй Галактики. В месте, таком плоском, что даже молодые расы испытывают слабое нервное отвращение. Нечто вроде ползучей агорафобии. Такие места очень редко посещаются, поскольку здесь не может быть ничего интересного ни для одного порядка жизни, даже для машин.

(В таком случае… какая догадка… какой намек… что привлекло туда Крайдайки? Направил ли он туда «Стремительный», потому что в Великой Библиотеке почти ничего не было о нем, как и о Земле?

Или было что-то еще за его решением? За выбором, который в то время казался таким странным?)

Теперь я наконец понимаю, почему наши враги — танду, соро, джофуры и все остальные — так

всполошились, когда «Стремительный» передал первые изображения Призрачного Флота… и среди прочего изображение Херби.

Если это поистине реликты великих Прародителей, запечатанные на бесчисленные эпохи в защищенных полями кораблях, что это говорит об Объятии Приливов? Неужели раса основателей, самая первая и самая мудрая, отчаянно пыталась избежать этого притяжения? Неужели Прародители спрятались в таких глубоких местах? Если это так, то они должны были знать нечто ужасное.

Возможно, они совсем по-другому представляли себе Объятие. Не как путь к трансцендентности, а как огромное устройство для избавления от ненужного мусора. Средство рециклирования, переработки этого мусора, как Большая Помойка на Джиджо.

Как природный способ избавления от старых порядков жизни, чтобы дать место новым.

Стоя в своей стеклянной витрине, Херби улыбается мне через стол. Эта странная гуманоидная улыбка мумии была моим самым близким спутником с тех пор, как исчез Том. Иногда я разговариваю с Херби.

Ну что, старина? Это и есть большая шутка?

Поняла ли я наконец, почему ты все время улыбаешься?

Или мне предстоит снять еще немало слоев?

И узнать много ужасного и удивительного?

Нелегко выводить корабль из ловушки без его лучших пилотов. Рой кораблей вокруг кажется бесконечным, он уходит далеко за пределы любой солнечной системы. Масса этих кораблей приближается к масштабам больших планет! Словно диск, окружающий новорожденную звезду и обогащающий ее материей.

Откуда пришли все эти «кандидаты»?

Может быть, такое же происходит повсюду? Во множестве мест? Даже если небольшая часть старых белых карликов служит домом для таких собраний, это означало бы миллионы подобных мест, окруженных мигрантами, готовыми войти в рай, вопреки растущему смятению, столкновениям и взрывам.

С *практической точки зрения «Стремительный» не может предпринять гиперпространственный прыжок, пока мы не освободимся от этих массивных кораблей и действия их могучих двигателей.*

Но даже если мы выберемся наверх, нас поджидает джофурский дредноут. Время от времени

мы замечаем его, он преследует нас, как упорный хищник, искалеченный и умирающий, но стремящийся во что бы то ни стало добраться до добычи. И если нам удастся добраться до открытого места, придется считаться и с этой опасностью.

Если бы только мы могли избавиться от этой смертоносной оболочки и вернуть «Стремительному» его прежнее проворство!

У Ханнеса насчет этого появилась новая идея, и он работает над ней вместе с Эмерсоном д'Аните. Это что-то связанное с большим коммуникационным лазером.

Бедняга Эмерсон пытается нам что-то объяснить — напевает мелодии и рисует картинки, но мы смогли только понять, что недавно ему удалось отразить еще одно нападение мемоидов на «Стремительный» и в ходе этого уничтожить изменницу — Тш'т.

Не могу ничего с собой поделать. Я горюю по своей подруге. О милой подруге, которая во всех предыдущих кризисах была со мной рядом. Бедная Тш'т считала, что поступает правильно, когда ищет помощи у богов.

И вот теперь еще один призрак преследует меня ночами, врываясь, как безжалостный дельфин,

в мои сны.

Большая новость в том, что машине Нисс недавно удалось совершить прорыв. Она наконец сумела получить доступ к коммуникационным сетям трансцендентов.

Как и следовало ожидать, это очень плотная и сложная система, настолько же превосходящая галактическую технологию, как ручной компьютер превосходит абаку. Она так долго оставалась недоступной, потому что только в небольших пограничных областях использует классическую электронику и фотонику. Основные расчеты совершаются на квантовом уровне в таких обширных масштабах, что могут использовать высокоспрессованные гравитационные поля.

Здесь такие поля недоступны, заметил Нисс. Даже среди игольчатых обиталищ, вращающихся над самым сердцем плотной звезды, потенциал на много порядков слабее.

Мы сталкиваемся с чем-то гораздо большим. С тем, центр чего расположен далеко отсюда.

Конечно, нам сразу пришло в голову, что это наша возможность. Наша надежда связаться с «высшими властями», как и приказал Террагентский Совет. Существа, которые предали нас во Фрактальном Мире, так называемые Древние,

подобны младенцам по сравнению с разумом, пользующимся этой сетью. Все признаки свидетельствуют, что это вершина достижений жизни.

Однако я не решаюсь просто отдать данные, полученные нами в Мелком скоплении. Слишком часто мы в прошлом разочаровывались. Возможно, трансценденты тоже испытывают тот же страх — что Объятия Приливов представляют собой смертельную ловушку.

И если им придет в голову отомстить нам, мы все равно что хомяк против боевого танка.

— Давайте сначала зададим простые вопросы, — предлагаю я. — Есть ли предложения?

Первой высказывается Сара Кулхан.

— Спросите о буйурах! Они там внизу? Стали ли буйуры трансцендентами?

В последнее время Сара одержима этой последней расой, законно обладавшей Джиджо. Расой генетических манипуляторов, которые как будто заранее знали, что сунеры вторгнутся на их планету и что наступит Время Перемен.

Даже такой простой вопрос будет трудно перевести. Возможно, так и не удастся представить матрицу таким образом, чтобы ее кто-нибудь заметил, тем более потрудился ответить, пре-

дупредил Нисс. Но я попробую.

Конечно, мы рискуем привлечь внимание еще более могущественных врагов. Но шансы все равно против нас, так что стоит попробовать.

Тем временем наш астроном дельфин Зуб'даки докладывает дурные новости относительно роя кораблей кандидатов.

Он не думает о гиперпространственных разрывах ткани реальности. Это дело Сары. Интерес Зуб'даки привлекает сам белый карлик и то огромное количество материи, которое приближается к звезде, как мусор, плавающий в бурном водовороте.

— Что будет, когда корабли достигнут цели? — спрашивает он. — Что, если они не встретятся с домами-иглами?

Что, если иглы не собираются их удерживать?

Боюсь, моя первая реакция была жесткой: зачем нам думать о судьбе толпы гигантов, несущихся к могиле, которую сами выбрали? Как у муравьев, наш долг сбежать. Выжить.

Но я все же собираюсь выслушать, что он скажет.

Какая разница, если прибавится еще одно основание для тревоги? Я давно перестала считать их.

ЛАРК

Соединение оказалось необычным, радостным и нервным.

Ларк давно мечтал об этом — о встрече с возлюбленной — и теперь смотрел на Линг через пропасть, гораздо более широкую, чем несколько разделяющих их метров.

Линг плавала в пузырящемся вареве, в густом рое дергающихся, пульсирующих предметов, которые неторопливо двигались за большой прозрачной мембраной — в раздувшейся массе, которая заполняет большую часть просторного помещения и через несколько коридоров уходит в другие районы корабля.

Вдобавок к человеческой фигуре Линг Ларк заметил по крайней мере одну дергающуюся личинку квуэна и несколько видов животных с Джиджо и других планет. Он узнал множество колец треки и бесчисленные извивающиеся зеленые штуки, которые некогда были растениями.

В кипящей похлебке жизни плавали и пузыри, подергиваясь, как амебы или желатиновые воздушные шары. И хотя цвет и текстура этих пузырей не походят на ту оболочку занга, кото-

рая окружает самого Ларка, он видел, что они родственники.

Несмотря на семейное сходство, его пассажир очень нервно реагировал на появление «родственников». Занг пытался заставить его бежать. Но Ларк был непреклонен, заставляя неповинующиеся ноги нести его к Линг.

Ее обнаженное тело было облеплено многочисленными пульсирующими существами. *Симбионты,* подумал Ларк. Несколько таких существ закрывали рот и нос Линг, другие соединялись непосредственно с кровеносной системой. Несколько недель назад такое зрелище вызвало бы у него мурашки на спине, но теперь эта концепция была ему знакома и привычна, как дыхание. Просто более продвинутая версия системы, соединяющей его с зангом.

Приближаясь, он ловил взгляд Линг, пытаясь вступить с ней в контакт. Может быть, эта огромная клетка просто включила ее в себя ради какой-то грубой биохимической цели, как *органеллу,* чтобы служить общей цели? Или она сохраняет внутри свою сущность?

Пассажир Ларка протянул к его левому глазу псевдопод и образовал вакуолю в поле его зрения. Внутри этого маленького пространства прыгали

и вращались сотни «представителей», передавая Ларку предложение, смысл которого сводился к необходимости побыстрее убираться отсюда.

— Перестань ныть, трус, — с отвращением ответил Ларк. — На Джиджо мы узнали, что старых врагов можно превращать в друзей. К тому же чем иным ты можешь предложить заняться?

Каким-то образом он был понят, занг убрал «представителей», втянув их в свое тело.

И действительно, невозможно вернуться на базу этого существа на другой стороне корабля. Между ними обширное дикое пространство. «Полкджи» теперь кишит разными тварями, ползающими по коридорам, прогрызающими стены, преобразуя их в гротескные фигуры и чуждые формы. Пока жизненно необходимые системы остаются целыми. Они все еще под контролем уцелевших джофуров, сообщения которых становятся все более паническими, но кто знает, сколько еще они продержатся?

Он почувствовал, что к нему приближается что-то большое. Третий член их группы.

— Ты прав, Ларк, — произнесла груда блестящих колец; она дрожала: это кольца-компоненты продолжали спорить друг с другом.

— Это огромное макросущество как будто

должно расширяться, пока не заполнит весь «Полкджи». Мы должны бежать, но куда? Путь привел нас сюда. Наша/моя/твоя/наша судьба явно здесь. Давай узнаем, что ему нужно. Каковы его цели. Чего оно здесь добивается.

Ларк увидел внутри желатинообразной массы признаки перемены. Глаза Линг, казавшиеся безнадежно пустыми, начали проясняться, и постепенно ее взгляд сфокусировался на разделяющей их мембране.

И сразу в нем мелькнул огонь узнавания! Хотя рот ее был прикрыт симбионтом, невозможно было не узнать улыбку. Линг протянула вперед руки. Обрадовалась его появлению. Приветствовала его.

— Что ж, посмотри на хорошую сторону, — заметил Ларк, хотя его пассажир занг дрожал в страхе и покорности. — Кажется, здесь интересно. Может, кое-что и узнаем, а?

Когда они приблизились, гигантская мембрана не пыталась схватить их. Напротив, она слегка отшатнулась, потом словно осторожно принюхалась, как будто поддаваясь на уговоры. Ларк протянул руку, потрогал ее поверхность. Поверхность прохладная, но прикосновение к ней приятно и каким-то непонятным образом

возбуждает.

И тут он принял решение. Образовалась вмятина, в форме туннеля или входа.

Ларк не колебался. Он шагнул вперед, к своей любимой.

Кажется, инстинкт не подвел его. Было что-то глубоко естественное в этом слиянии.

Теоретически водородный и кислородный порядки несовместимы, у них разный химизм, различная энергетика, и существуют они в совершенно разных температурных пределах. Но жизнь хорошо умеет решать сложные проблемы. Симбиоз позволяет двум и большему числу организмов объединять свои способности и совершать то, что не под силу одному. Так произошло, когда первые клетки соединились в земных океанах, образовав союзы, более жизнеспособные, чем отдельные составляющие их части.

Ларк вскоре привык к мысли, что такое же могло происходить и на более высоком уровне, особенно под руководством дальновидного разума.

Во всяком случае, когда его окружил рой этих «органелл», он думал только об одной из них, чья ласка заставила его почувствовать себя как дома в этом необычном месте — лучше, чем он

чувствовал себя в своей постели на Джиджо.

Я рад, что мы по-прежнему функционируем на тех уровнях, которые только и имеют значение, заметил он.

Линг свернулась рядом с ним, делая максимальным контакт их плавающих тел. Ответ ее пришел не как звук, но непосредственно, словно переданный жидким окружением.

Типично мужское отношение. Если сексуальные органы удовлетворены, все остальное не имеет значения.

Он мигнул.

А твои разве нет?

Она ответила сладострастным потягиванием, очевидно, вполне удовлетворенная. Ее кожа все еще дрожала в ритме их напряженного занятия любовью.

Часть Ларка — не знающая покоя мысль — думала, как макросущество может воспользоваться сексуальными страстями людей. Конечно, он был благодарен за эту новую фазу существования. Но уж если начал мыслить, не мог остановиться.

А что случилось с Ранном? — спросил он.

Это еще один человек на борту, тот самый воин-даник, который поставил свои способности на службу джофурам. Ларк не мог расслабиться,

зная, что где-то поблизости враг.

Не тревожься из-за Ранна. Он больше нам не помешает.

Когда он посмотрел на нее, Линг пожала плечами, подняв облачко пузырей.

Он тоже поглощен. Матери не понравился его вкус. Но она не тратит зря хороший материал, поэтому поручила ему другую работу. Недавно я видела несколько органов Ранна — ногу и легкое, мне кажется, — инкорпорированные в какую-то органеллу.

Ларк содрогнулся, испытывая благодарность, что он показался макросуществу «вкусным».

Ты называешь его матерью?

Она кивнула, потому что не было необходимости объяснять. Это название столь же подходит, как и всякое другое. Хотя, очевидно, аспектами его природы были доброта и желание кормить. Но были и жестко прагматические аспекты.

Ларк почувствовал, что занг, его прежний компаньон, который теперь плавал рядом в виде отдельного шара, с ним согласен. Теперь их соединяла только узкая трубка, присоединенная к левому боку Ларка, но даже она может скоро раствориться, когда они привыкнут к своим различным ролям в этом новом мире. Занг все

еще испытывал неуверенность, хотя можно было бы ожидать, что он будет привычней себя чувствовать в этом мире плавающих форм, где пузырчатые представители скользили взад и вперед, создавая разнообразные яркие модели.

На удалении в туманной дымке виднелось еще одно существо, которое успело приспособиться. Груда восковых колец треки, та, что когда-то была Асксом, потом джофуром по имени Эваскс, стояла на полу, окруженная пузырями, мембранами и ползающими симбионтами. Судя по пробегающим по его бокам разноцветным волнам, Ларк мог судить, что это существо наслаждается так, как никогда в жизни. Что может быть естественней для треки, чем стать частью чего-то большего и гораздо более сложного, частью составного существа, в котором каждому кольцу, каждой частице отводится особая роль?

Ларк по-прежнему гадал, как это все организовано. Существует ли общий контролирующий разум вроде джофурского мастер-кольца? Или у каждого компонента есть право голоса? Обе модели симбиоза существуют в природе… и в политике.

У него было ощущение, что такие подробности предстоит еще выработать. «Мать» еще не приня-

ла окончательную форму.

Пошли, потащила его Линг за руку. *Я хочу кое-что показать тебе.*

Ларку потребовалось немного времени, чтобы привыкнуть к передвижениям в новой среде. По большей части это были движения, похожие на плавание, хотя в некоторых местах среда становилась настолько плотной, что ноги их касались пола, позволяя использовать более присущий человеку способ — ходьбу. Но между берегом и морем не было четкой границы. Все смешивалось, как мысли, которые у него с Линг стали общими.

Ведя его за собой, Линг наконец указала на пучок щупалец, исходящий от одной точки. Щупальца извивались и переплетались. Многие были соединены с дергающимися фигурами — Ларк видел еще одну личинку квуэна, несколько колец треки… и фигуру, похожую на кентавроподобного ура, свернувшегося в позе зародыша и окруженного чем-то вроде зародышевого мешка. Эту фигуру он не узнал, хотя помнил, что «образцы» уров были захвачены джофурами на Джиджо. Бока ура равномерно вздымались, он спокойно дышал, и Ларк увидел в его трех глазах сознание.

Были и другие кислородные существа. Некото-

рых он узнавал по рисункам из бумажных книг, которые просматривал когда-то дома в архивах Библоса, другие были ему незнакомы. Все были облеплены симбионтами и связаны с шарами зангами и другими. Самое странное заключалось в том, что никто как будто против этого не возражал.

Здесь мать подключается к информационной сети, объяснила Линг, показывая то место, из которого исходили щупальца. Всмотревшись в полутьму, Линг узнал панель одного из главных компьютеров «Полкджи».

Линг взяла три щупальца и протянула одно из них Ларку, второе — зангу.

Посмотрим, что происходит снаружи.

Необычный способ получения информации. Отчасти невральный, отчасти визуальный, он также подключал части мозга, с которыми у Ларка связано воображение; при этом возникающие картины создавали то же впечатление, какое бывает у мечтаний.

Это имело смысл. Для всех водородных существ мышление — это процесс моделирования, они заставляют меньшие части своих тел играть определенные роли и разрабатывать сценарий, доводя его до логического завершения. С помо-

щью Занга, у которого уже был в этом опыт, Ларк вскоре научился воспринимать мир так, словно он и есть объект внимания.

Я «Полкджи»… прежде гордый боевой корабль высокомерного племени джофуров.

Теперь я разделен на множество частей. Мой джофурский экипаж, доблестный, но смятенный, изолирован в районах, которые считает самыми важными… в машинном отделении, в оружейных помещениях и в системе жизнеобеспечения.

Под руководством целеустремленных мастер-колец джофуры готовятся дать последний бой ненавистным захватчикам… и в то же время продолжают преследовать добычу. Гонятся за земным кораблем, даже если это преследование приведет их в ад или в рай.

Ларк испытал прилив необычных чувств — невольное уважение к неустрашимым джофурам. Способность выжить в катастрофах, одной за другой, показывала, почему их племя приобрело такое влияние среди энергичных и воинственных звездных кислородных кланов. То, что они хотя бы ненадолго могли сопротивляться силам, гораздо более древним и мудрым, чем они сами, было впечатляющим достижением.

Тем не менее Ларк надеялся, что они вскоре

потерпят поражение.

Линг руководила им, осторожно обратив внимание на то, что происходит за измятым корпусом.

Ларк на мгновение содрогнулся от неожиданных впечатлений, он словно попал в центр гигантского торнадо!

Их окружал колоссальный циклон, вертящийся рой массивных объектов; сверкая и взрываясь, эти объекты спускались в воронку, ведущую к тусклому белому пламени маленькой звезды.

Ларк вскоре обнаружил, что база его знаний больше не ограничена сведениями, полученными примитивным образованием джиджоанского сунера, захолустного биолога, выросшего на бумажных книгах. Требовалось лишь легкое усилие воли, чтобы проникнуть в сознание Линг и уловить факты, корреляции, гипотезы, которые позволяют объяснить увиденное. А помимо Линг, в его распоряжении и другие архивы, менее знакомые, но столь же доступные.

Неожиданно Ларк рванулся вперед, к этому гигантскому циклону спускающихся космических кораблей, и отождествил себя с ними.

Я рой кандидатов, миграция избранных, отобранных из отставников обеих цивилизаций

— кислородо— и водорододышащей.

Отобранных, чтобы наконец объединиться.

Уставших от бесцельной борьбы и трудностей плоского пространства и реального времени.

Завлеченных и соблазненных обманчивым очарованием Объятия Приливов.

Вполне осознающих катастрофические разрывы, происходящие в Пяти Галактиках.

Понимающих, какие опасности ждут впереди.

Тем не менее я устремляюсь внутрь. Соединяюсь со множеством подъединиц. Создаю уникальное единство из того, что было только перспективным сырьем. Интегрирую то лучшее, что есть у кислородных и водородных существ.

Надеюсь на то, что ждет впереди, и гадаю о нем…

Теперь Ларк видел весь контекст, в который был включен «Полкджи». Это часть гораздо более обширного процесса. Такое же слияние жизненных форм должно происходить в миллионах кораблей… только, может быть, более мирно, с меньшим сопротивлением со стороны экипажа, который гораздо лучше подготовлен к этому, чем бедные джофуры.

И тем не менее невольно Ларк улавливал оттенки отчаяния и тревоги. Это величественное

собрание кандидатов в трансцендентность должно быть спокойным и упорядоченным. А вместо этого с каждым проходящим дуром становилось все более тревожным и разорванным. Искры, которые раньше казались такими веселыми, на самом деле ужасные взрывы. Среди кораблей все быстрее распространяется насильственная смерть.

И снова Линг показала, и сознание Ларка последовало этому указанию. Их объединенное внимание устремилось *вниз,* к источнику тяготения и света, где вокруг плотной звезды вращались бесчисленные изящные обиталища.

По видимости, эти жилища-иглы тоже испытывали сильное напряжение. На глазах у Ларка и Линг отламывались куски, больше горы, и растворялись под давлением притяжения.

И все же Ларк не испытывал боли, тревоги или ощущения опасности.

Неудивительно! — сообразил он. *Эти иглы совсем не жилища. Это врата в другое место!*

Линг кивнула.

Если подумать, то это было вполне предсказуемо.

Ларк устремил свое сознание, словно нападающего ястреба, к одному из растворяющихся

сооружений, длинному и узкому, похожему на копье. Хотя от него отламывались куски внешней оболочки, сорванные гиперволнами хаотичных колебаний, Ларк откуда-то знал, что эти части не имеют значения. Всего лишь временные жилища и поддерживающие структуры. И когда они отрывались, обнажалось центральное ядро, сверкающее так, что больно смотреть.

Его воображение-сознание появилось как раз в тот момент, когда один из «кандидатов» — полностью преобразованное соединение угловатого корабля и корабля-шара — закончил свой длинный спуск по спирали и быстро приближался к игле, минуя языки плазменного пламени от белой звезды. Огромный гибридный корабль, в котором теперь полностью слились водородная и кислородная цивилизации, падал в раскрытые врата, все более ускоряясь, словно захваченный каким-то сильным полем тяготения.

Неожиданно корабль как будто скользнул в сторону, в узкий разрез в пространстве-времени.

Этот разрез оставался открытым всего несколько мгновений. Но Ларку этого было достаточно, чтобы заглянуть внутрь.

Первым впечатлением внутри была плотная вращающаяся тьма. Темный шар, на поверхно-

сти которого мелькали отдельные крошечные вспышки. Ларк каким-то образом ощущал, как сворачивается вакуум, как пространство оборачивается вокруг этого шара, как искажаются созвездия, лежащие за ним.

Это нейтронная звезда, заметила Линг. *Она давно уже истратила все свое горючее. И теперь сжалась до размеров гораздо меньше белого карлика — меньше десяти километров в диаметре! Гравитационное притяжение под ее поверхностью так велико, что атомные ядра смешиваются с окружающими их облаками электронов, образуя «дегенеративную материю».*

Искры, которые ты видишь, — это вспышки гамма-лучей, для нашего удобства сделанные видимыми. Каждая вспышка представляет собой зерно размером, вероятно, с бактерию, которое разогналось почти до скорости света, прежде чем коснуться поверхности.

В любой галактике полмиллиарда подобных плотных реликтов… и примерно каждые тридцать лет возникает новый. Но лишь немногие нейтронные звезды обладают свойствами, подходящими для трансцендентного порядка. Звезды, которые хорошо себя ведут. Вращаются быстро, но обладают несильным магнитным полем.

Ларк преодолел свое удивление.

Как может растущее стремление к приливам быть удовлетворено простым белым карликом? Конечно, они перемещаются к местам, где поля еще сильней.

Итак, мириады кораблей кандидатов, окружающие «Полкджи», только проходят внутрь! Они используют белый карлик как место встречи, где можно соединиться и преобразоваться, подготовиться к следующей фазе.

Когда в следующий раз открылся разрез в пространстве-времени, Ларк снова бросил в него свою мысль, понесся на несущей волне обширной информационной системы, словно морская блоха на вершине цунами. Он хотел узнать, какова жизнь, устроенная для себя трансцендентными существами в таком месте.

Нейтронную звезду, словно густая дымка, окутывал туман, касаясь самой ее поверхности.

Обиталища, определила Линг.

Ларк пытался присмотреться внимательней, но мешала огромная скорость, с какой эти объекты вращались над гладкой темной поверхностью. Каждый оборот занимал ничтожную долю секунды, гравитационные поля здесь такой напряженности, что разорвали бы любой объект

размером больше нескольких метров.

И хоть сознание его обострено материю, существуют пределы восприятия органического мозга.

Но… мысленно он запинался. *Когда водородная и кислородная жизнь смешиваются, в результате все равно органическое вещество… основанное на воде. Организмы с жидким химизмом. Как такие существа могут выжить там внизу?*

И словно его вопрос послужил приказом, их внимание устремилось наружу, в окружающее пространство, дальше от нейтронной звезды, где теперь можно было разглядеть невероятную толпу темных веретенообразных объектов, расположенных ровными рядами.

Ларк чувствовал присутствие *металла,* эти металлические создания ждут своей очереди в том терпеливом молчании, которое может родиться только в обширных глубинах межзвездного вакуума.

Неожиданно он понял.

Машины!

Прибыл третий порядок жизни. Отвечая на какой-то непреодолимый зов, лучшие и высшие представители этого порядка собрались, чтобы участвовать в новом единстве.

В новом типе брака.

В пространстве появилась узкая щель, открывая вход от места сбора у белого карлика. И снова с неба спустился объединенный корабль, принеся груз слившихся жизненных форм.

И с ним объединились несколько десятков поджидающих машин, создав кокон ослепительно яркого света.

Никакого сопротивления не было. Расширившееся эмпатическое восприятие Ларка не улавливало ни страха, ни покорности. Только готовность к преобразованию.

Биолог в нем восхищался элегантностью и естественностью этого процесса, хотя отдельные подробности оставались непонятными и расплывались даже в его обостренном восприятии.

Мгновенно в блеске яркого огня все преобразилось. И было поглощено.

То, что выпало из этой вспышки, казалось всего лишь дождем искр, которые быстро устремились навстречу сжатию — навстречу горячему объятию — гравитационных полей нейтронной звезды.

Голова у Ларка кружилась в благоговении. Он вернулся в реальный мир, привлеченный взглядом Линг.

Это оно и есть? Здесь все достигает вершины? Здесь сливаются кислородные, водородные и машинные существа и устремляются к плотному черному солнцу, чтобы пребывать там вечно?

Линг покачала головой.

Глубже я не смогла проникнуть. Но, рассуждая логически, я прихожу к другому выводу.

Подумай об этом, Ларк. Три порядка жизни слились. Эти три известны как самые свирепые. Умеющие лучше всех манипулировать материей и энергией. По крайней мере теперь мы знаем, почему они оказались способными так долго сосуществовать… ведь у них общая цель, и ни один не может достичь ее без других.

Но существуют и другие порядки. Больше жизненных стилей разумных существ, чем только три! Например, квантовые существа и метамемо. И еще ходят слухи о таких порядках, которые не упоминаются в Великой Библиотеке. Простая логика — и эстетика — заставляют предположить, что этот процесс должен быть продолжен. К нему должны присоединиться и другие. На каком-то другом уровне, помимо того, который мы только что видели.

Ларк мигнул.

Еще какой-то уровень? Но что может нахо-

диться дальше…

И сразу понял.

Разделяя его понимание, маленький занг по соседству выделил отвратительно пахнущие испарения — эквивалент отчаянного вопля — и съежился. Но Ларк только кивнул.

Ты говоришь о черных дырах.

Непрошеный поток информации ворвался в его сознание, открывая множество типов «дыр», неведомых науке, — мест, где плотность материи превышает порог возврата, где тяготение становится настолько сильным, что не выпускает ни свет, ни любую другую информацию. Только немногие сингулярности подходят для целей, описанных Линг. Только небольшие, массой в несколько десятков типичных звезд. Бездонные колодцы, на крутых склонах которых возможны наиболее сильные приливы… и где само время почти останавливается.

В таких узких зонах, за пределом горизонта событий черной дыры, различия между материей и энергией стираются. Причинность нарушается, уходя из-под власти Ифни. При правильных условиях здесь могут слиться все порядки жизни, создавая варево чистого разума. Разума в его наиболее чистой форме.

Если все срабатывает.

Ты права, это логично и эстетично. Даже прекрасно в своем роде.

Но у меня есть вопрос, Линг.

Каково наше место в этой грандиозной схеме?

Я имею в виду тебя и меня!

Все эти существа в окружающих нас кораблях могут быть готовы к такой судьбе… если, конечно, выдержат напряжения при переходе на новый уровень. В конце концов они ведь провели века, очищая душу, готовясь к такой трансформации.

Но мы с тобой оказались здесь случайно! Просто мы были в неправильном месте в неподходящее время. Нам здесь не место!

Линг вложила свою руку в его, и Ларк ощутил в глубине сознания ее теплую улыбку.

Тебе не нравится наше новое гнездо, любимый?

Он сжал ее руку в ответ.

Ты знаешь, что нравится. Просто трудно посмотреть вперед, на новую ступень, слиться с каким-нибудь звездно-компьютерным механоидом, потом сжаться до размеров горошины и наконец…

Она легким мысленным прикосновением остановила его, это успокаивающее прикосновение прогнало зарождающуюся панику.

Все в порядке, Ларк. Не волнуйся.

Сильно сомневаюсь, чтобы мы продолжали идти дальше по этой тропе.

Тем более что у джофуров найдется что сказать по этому поводу.

САРА

Полученный ответ не помог Саре перестать тревожиться. Поблизости вращалась голограмма Нисса, и девушка наморщила сосредоточенно лоб.

— Черт побери! Я надеялась узнать, что ублюдки стали трансцендентами.

В голосе компьютера прозвучало удивление. *Могу ли я спросить, почему вас тревожит судьба какой-либо определенной старшей расы?* Сара нахмурилась еще сильней.

— Буйуры — это не любая раса. Когда им принадлежала лицензия на Джиджо, они прославились своим умом и изобретательностью. Можно сказать, что они были тимбрими своего времени, только их манипулирование политикой и влиянием, их игры были гораздо тоньше… и у них была способность заглядывать гораздо дальше, чем нужно просто для хорошего розыгрыша.

От имени моих тимбримийских создателей спасибо за комплимент, саркастически ответил Нисс. Но Сара научилась не обращать внимания на разыгрываемые машиной проявления различного настроения: все это заложено сознательно,

чтобы раздражать людей. Ее действительно интересовала раса шутников, которые вполне могли пошутить так, чтобы последствия сказались через миллион лет. Этих терпеливых шутников, жертвами розыгрышей которых мог стать и ее народ — шесть рас Общины Джиджо.

— Ты уверен, что трансценденты тщательно ведут записи? — спросила она. — Может, буйуры проходили через другой белый карлик, другую воронку смешения, когда переходили на иной уровень?

Вы не понимаете природу квантовых расчетов, сухо заметил Нисс. *Каждая часть трансцендентной сети находится в постоянном контакте со всеми другими частями. Для них не существует различий в пространстве и даже во времени. Любой трансцендент знает все, что знают остальные. Мы говорим о том, что ближе всего напоминает человеческое представление о Всезнающем Боге… по эту сторону пункта Омега.*

Сара хмыкнула и заговорила с характерным акцентом деревенских фермеров Джиджо:

— До сих пор я видела с десяток уровней так называемых звездных богов, и ни один из них не произвел на меня впечатления. Как бы высоко ни поднималась жизнь, похоже, ее повсюду со-

провождает мелочность.

Такая молодая и такая циничная, вздохнул Нисс. *Но, во всяком случае, вопрос, направленный вами в сеть, получил ответ. Трансценденты не лгут, мы можем быть уверены, что буйуры еще не присоединились к ним.*

Новость рассердила Сару. Казалось, она нашла решение проблемы, которая в последнее время все больше ее занимала. Чем глубже она погружалась в уравнения, моделируя конвульсии, от которых содрогается сейчас космос, тем яснее ей становился один факт.

Математика слишком элегантна, слишком прекрасна, чтобы все галактическое общество упустило из виду эти корреляции. Каким бы ограниченным и ленивым ни было большинство, обязательно найдется кто-нибудь, кто придет к аналогичным заключениям. К такому же способу заглянуть за жалюзи.

И всякий, кто проделал бы это, разорвал бы покров тайны и заранее знал о приближающемся пространственно-временном кризисе. О наступлении времени, когда все гиперпространственные тропы изменятся и воцарится хаос.

Все больше фактов убеждало Сару, что буйуры должны были знать это. И они планировали

будущее так, чтобы сунеры оказались в системе Джиджо после того, как Четвертая Галактика будет объявлена невозделанной и подвергнется эвакуации. Выход из строя одного из двух пунктов перехода, вспышка Измунути и создание тем самым отличной воронки для тех видов, которые попадут в ловушку, — это все их рук дело.

Есть и еще много других совпадений, размышляла *Сара. Например, почему все группы скваттеров поселились на Склоне, вопреки своему воинственному характеру. Предполагается, что так произошло из-за Священных Свитков, но я полагаю, что действовали другие силы.*

Яйцо. Оно незаметно действовало на наших предков, еще за два тысячелетия до того, как вышло из земли.

Но зачем останавливаться на этом? Не могли ли буйуры выбрать нужные расы, направить их крадущиеся корабли на Джиджо, чтобы получилась нужная смесь?

Например, не подействовали ли они таким образом, чтобы джофуры начали безжалостно истреблять г'кеков, что заставило остатки этой некогда счастливой, процветающей звездной расы бежать, искать убежища за мрачным, немигающим глазом Измунути? И не они ли осво-

бодили некоторых джофуров от мастер-колец и создали преображенных треки, которые вынуждены были бежать на Джиджо и подружиться с г'кеками?

Когда поверишь в теорию заговора, начинаешь всюду видеть совпадения, каждое из них становится новым доказательством — и тогда возникают новые предположения. Например, можно винить буйуров во всем, что произошло с

Землей за последние несколько тысяч лет. Потому что тьма, невежество, боль и изоляция помогли человечеству стать тем, чем оно сейчас является, и со временем заставили направить крадущиеся корабли в дальние уголки космоса. Направить спасательные корабли, такие как «Обитель», в надежде сохранить образцы человечества в надвигающейся катастрофе.

Неужели все это организовали буйуры, чтобы получить нужные ингредиенты своего шедевра на Джиджо?

Сара покачала головой. Если продолжить эту теорию, довести ее до пункта, который невозможно доказать, кончится это паранойей.

Прослушивая сеть трансцендентов, мы узнали кое-что еще, объяснил Нисс. *Вблизи окраин Солнечной системы происходит титаническая*

битва звездных флотов. Даже усиленная недавно появившимися смелыми союзниками, оборона Земли на грани катастрофы. Вскоре дорога перед фанатиками будет открыта.

И когда они захватят голубой дом вашей расы, Сара, будет нереалистично надеяться на пощаду.

Пока Сара искала ответы, продолжались попытки спастись.

Покрытый «волшебной» оболочкой, «Стремительный» потерял скорость. За рулем не было Счастливчика Каа, и Акеакемаи и другие дельфины с трудом медленно уводили корабль наверх, подальше от звезды белого карлика.

Вокруг них теснилась величайшая транспортная пробка всех времен, водоворот постоянных столкновений на огромной скорости, приправленный остатками мощных взрывов. Большинство кандидатов старались сохранить курс, упорно, вопреки столкновениям и волнам хаоса, опускаясь по спирали, некоторое количество кораблей, как и «Стремительный», пыталось уйти. Их было достаточно, чтобы нарушить ряды и уничтожить всякие остатки порядка. Чтобы пройти через такой водоворот, нужно нечто большее, чем благосклонность Ифни. Нужно настоящее чудо.

Но даже если земному кораблю удастся выйти в открытый космос, придется считаться с поджидающими джофурами. И остается прежняя проблема — надо найти во вселенной безопасное убежище.

Через все ситуационное помещение Сара посмотрела на Джиллиан Баскин. Старшая женщина разговаривала с гладкой сине-серой фигурой, которая находилась за прозрачной перегородкой, в той части помещения, которое заполнено водой. Это был дельфин астроном Зуб'даки, он что-то объяснял на англике, но таким высоким тоном, что Сара не могла его услышать. Однако судя по тому, как опустила плечи Джиллиан, новости плохие. Лицо у нее побледнело и осунулось.

Возможно, это наши последние мгновения, подумала Сара. *Мне следовало провести их с Эмерсоном, а не тонуть в теориях древних преступлений и космических катастроф, с которым все равно никто ничего не может сделать.*

Увы, Эмерсона нет поблизости. Вопреки своей инвалидности, инженер с поврежденным мозгом распоряжался всеми техниками, которых смог ему выделить Ханнес Суэсси. Они отказались от попыток снять опасную оболочку «Стремительного» и теперь работали с коммуникационным

лазером. Хотя идея Эмерсона по-прежнему была непонятна большинству членов экипажа, Джиллиан одобрила проект — отчасти для того, чтобы персонал, не находящийся на дежурстве, имел чем заняться и о чем подумать.

Хотела бы я иметь такое же убежище… способ оставаться занятой, делая вид, что это важно. Но единственная знакомая мне технология — это изготовление бумаги. Я знаю, как пользоваться примитивными расплющивающими молотами и получать энергию от маленькой водяной мельницы Нело. Я всего лишь шаман, способный произносить заклинания. Я владею только примитивным земным искусством расчетов.

Подошла с несколькими листами бумаги Прити. На бумаге гиперпространственные нити, искаженные и растянувшиеся почти до разрыва. Чувствуя настроение хозяйки, маленькая помощница-шимпанзе отложила бумаги в сторону и забралась к Саре на колени.

Дорогая милая Прити, думала Сара, поглаживая обезьяну. *Ты немая, а земные шимпы уже умеют говорить и управлять космическими кораблями. Но как мне хотелось бы вытащить тебя отсюда. Если бы нам удалось добраться до*

Земли, ты бы там всех поразила.

Продолжая разговор с Зуб'даки, Джиллиан быстрыми движениями руки вызывала голографические изображения других дельфинов, среди них Акеакемаи и главного астрогатора Олело; те слушали несколько мгновений и начинали возражать так громко, что Сара уловила несколько отрывков на смешанном тринари-англике.

— …мы движемся настолько быстро, насколько в данных обстоятельствах позволяет благоразумие. Было бы безрассудно и опрометчиво бросаться вперед в этой сумятице.

Сара не слышала ответа доктора Баскин, но он произвел сильное впечатление на Акеакемаи, у которого глаза выпучились в почти человеческом выражении удивления. Раздражение сменило вечную «улыбку», которая как будто постоянно свойственна неодельфинам.

Сара осторожно сняла Прити с колен и опустила на палубу. Потом встала и направилась к разговаривающим, чувствуя, как с каждым проходящим дуром растет напряжение.

— Н-н-но, — заикался Акеакемаи. — А как же трансценденты? Они никогда не позволят, чтобы такое произошло!

Что произошло? — удивилась приближающая-

ся к говорящим Сара.

Неожиданно появилась голограмма машины Нисс, завертелась в воздухе рядом с Джиллиан Баскин.

У меня плохие новости, объявила она. *Врата закрылись. Больше ни один кандидат в них не принимается.*

— Я этого боялась, — сказала Джиллиан. — Разрывы пространства вывели из строя их механизм. Теперь кораблям остается только собираться у поверхности белого карлика.

Это уже происходит. Все большее количество кораблей-кандидатов завершает трансформацию и выходит на низкую тесную орбиту. Однако… Голограмма изогнулась и наклонилась. *Насчет врат вы ошибаетесь. Они не потеряли способность функционировать. Да, они больше не посылают кандидатов в следующее царство. Но это происходит потому, что теперь у них другая задача.*

— Покажи нам! — потребовала Сара, хотя отдать приказ должна была Джиллиан. Но та кивнула, и появилось многомерное изображение. Все объекты были представлены в логарифмической шкале, что позволило видеть события в подробностях.

Внизу, у белого карлика, огромные корабли толпились, как стадо встревоженных животных, их орбиты все больше приближались к яркому пламени. На глазах у Сары подлетали новые корабли, и диск, окружающий звезду, становился все плотнее и шире. Каждый вновь прибывший пытался пройти на другой уровень. В сказочное место, к какой-нибудь далекой нейтронной звезде, где можно снова пройти трансформацию и вернуться в объятия могучих приливов.

Но проходы туда исчезли! Только что игольчатые сооружения деловито направляли кандидатов к цели. Но теперь все они оставили свои позиции; можно было увидеть, как они медленно уходят вверх, предоставив опоздавших их судьбе!

Врата ослепительно и многоцветно сверкали, напомнив Саре Спектральный Поток — пустыню пси-активного камня дома на Джиджо, где одного взгляда достаточно, чтобы помутилось сознание. Постоянно поднимаясь, каждая игла прокладывала тропу в рое спускающихся кораблей, заставляя их лихорадочно маневрировать, чтобы освободить дорогу; за иглами воцарялось смятение. Даже те остатки порядка, которые сохранялись в этом рое пилигримов, быстро ис-

чезали. За каждой гигантской иглой следовала цепочка взрывов, похожих на фосфоресцирующие диатомы, кипящие в темном море, когда их преследует хищник.

— И одна из этих штук идет почти прямо на нас! — воскликнул астроном.

Джиллиан отдала резкий приказ.

— Выводите нас отсюда, и к дьяволу благоразумие! Максимальная скорость!

Акеакемаи ответил подчеркнутым шлепком хвоста.

Слушаюсь!

Почти сразу двигатели «Стремительного» напряженно взревели. Сара чувствовала под ногами зловещую дрожь и необычное напряжение в спине: это силовые поля пытались компенсировать увеличившуюся нагрузку.

— Вы, конечно, понимаете, что это напрасно, — заметил Зуб'даки. — Даже если сумеем избежать столкновений и уйдем от джофуров, все равно ничего не получится. Чтобы спастись от предстоящей катастрофы, «Стремительному» нужно находиться в нескольких световых годах отсюда.

— О чем ты говоришь? — спросила Сара. — Какая катастрофа?

Но прежде чем астроном дельфин смог отве-

тить, она ахнула и сделала шаг назад.

На голографическом изображении было видно, как одни огромные копьеобразные врата быстро поднимаются, оставляя за собой хаос. Казалось, они пройдут совсем рядом. В столкновениях и взрывах гибли триллионы, а «врата» безмятежно двигались вперед и вверх.

Но только на этот раз Сара увидела…

— Они стреляют по кораблям!

Действительно, по-видимому, иглообразный объект не удовлетворялся катастрофой, которая оставалась за ним. Поднимаясь, он нацеливал мощные лучи, словно жестокие сверкающие колесницы, в соседние корабли.

И это не аномалия. Так же вели себя все остальные иглы, уходя от белого карлика.

Сара почувствовала, как Прити взяла ее за правую руку. Ошеломленная этой оргией разрушения, намного более кровавой и опустошительной, чем то, что произошло во Фрактальном Мире, она могла только смотреть и дивиться.

Хотела бы я, чтобы Эмерсон был рядом и мы вместе встретили бы конец.

И прежде чем их настигла волна взрывов и детонации, прежде чем сверкающее чудовище направило к «Стремительному» ослепительные

лучи света, в голову Саре смогла прийти еще только одна мысль.

Простите меня… но Боже… как это прекрасно!

ДНЕВНИК ОЛВИНА

Как мне выразить радость, которую я испытываю? Или печаль, которая одновременно пронзает мою напряженную пульсирующую спину?

Иногда жизнь кажется слишком ироничной. Вселенная вокруг нас может раскалываться. А я благословляю удачу Ифни: ведь она позволила мне найти любовь и теплый прием среди своих. А тем временем бедный Клешня — ведь это его идея послужила началом приключений, которые привели нас сюда, — встретил безвременную смерть на самом пороге цивилизации — просто потому, что оказался в неподходящее время в неправильном месте.

Разведчик-майор Хармс хотел обратиться в полицию, чтобы отыскать убийцу, но пилот Каа просил его не делать этого. Расследование покончило бы с нашим укрытием, открыло бы всем присутствие на Каззкарке дельфина и сунеров. Прежде всего следует защитить Гек как единственного уцелевшего г'кека за пределами Джиджо — хотя она сама ужасно раздражена тем, что оказалась в таком положении. Гек самая

разгневанная из нас, она кричит и требует любой ценой отомстить за Клешню.

Я вынужден был согласиться с Каа. И все равно сейчас, когда закон и порядок повсюду нарушаются, сомнительно, чтобы расследование к чему-нибудь привело.

— Я пущу по следу несколько ищеек, — заверил разведчик-майор Хармс. — И запущу охотничью программу, которая будет высматривать на мониторах все похожее на ротенов — на случай, если Ро-кенн будет настолько неразумен, что открыто выйдет на улицы. Но я уверен, что он уйдет в подполье. Ротены славятся своим умением маскироваться и скрываться.

— Или он уже попросил убежища у одного из больших кланов, — добавил Каа. — Может, как раз сейчас торгуется, за сколько продать «Стремительный» и Джиджо.

В ужасе от такой возможности, Гарри попросил Каа переместить наш маленький корабль в доки Института Навигации и спрятать за его собственным, так необычно выглядящим судном.

— Вы должны понять, — объяснил он. — В нормальных обстоятельствах я бы так никогда не сделал. Я ведь дал клятву. Моя верность прежде всего принадлежит Институту и цивилизации

Пяти Галактик. — Потом Гарри выразительно пожал плечами. — Но сейчас я не совсем понимаю, что это значит.

Признаюсь, сначала было очень трудно смотреть, как он говорит, и громко и удивленно не ворчать при этом! Я понимал, что не следует удивляться красноречиво говорящему шимпанзе. Особенно такому стройному и высокому, с элегантной белой шерстью и проворным хвостом. Очевидно, его раса много приобрела за несколько столетий генетического Возвышения — с тех пор как «Обитель» покинула Землю, привезя на Джиджо его немых родичей.

— Во всяком случае, — продолжал майор Хармс, — в докладе, который вы отвезете Терагентскому Совету, будет содержаться полный набор биоопределителей Ро-кенна. Возможно, Совет пустит по его следу нескольких своих знаменитых *межзвездных агентов.* Я уверен, что ублюдок заплатит за все, что сделал. Не волнуйтесь.

Смелое утверждение. Даже Гек оно слегка умиротворило.

Но если вспомнить все, что мы слышали об осаде Земли, насколько вероятно его осуществление?

Еще до смерти Клешни наше великолепное товарищество начало распадаться.

На прошлой неделе Ур-ронн встретилась с п'ун м'ангами — владельцами торгового корабля, птицеподобными существами с щетиной вместо перьев; единственный их орган, способный манипулировать предметами, это клюв. Экипаж корабля оказался в затруднительном положении. «Наемные руки» покинули их, чтобы на время кризиса вернуться домой. И эти существа обрадовались возможности нанять взамен ура, хотя Ур-ронн призналась им-, что ее техническая подготовка ограничена.

Но поскольку на основных торговых маршрутах пилотирование совершается автоматически, а большинством обычных дел занимаются роботы, экипажу нужен был только кто-нибудь разумный, способный переносить предметы, выполнять поручения и дергать за нужные рычаги, если машины окажутся недостаточно гибкими. И этого для такой неутомимой работницы, как Ур-ронн, оказалось вполне достаточно: ведь ее проворные руки справятся с любой задачей. После рабского труда на Уриэль в кузнице на горе Гуэнн для нее это будет детской игрой.

Я попросил Твафу-ануфа взглядом хунского

чиновника просмотреть контракт, проверить все подробности, и он сказал, что контракт удовлетворительный. П'ун м'анги высадят Ур-ронн на третьей своей остановке в порту, куда часто заходят урские корабли, и она сможет связаться со своей расой. А по пути приобретет опыт и заработает несколько кредитов.

Надеюсь, она не загонит до смерти своих бедных нанимателей вопросами.

— По крайней мере на корабле тепло и сухо, — сказала Ур-ронн, посетив своих новых нанимателей. — Нет этой Ифни проклятой влажности, от которой постоянно приходится здесь прятаться! И п'ун м'анги не пахнут так отвратительно, как земляне!

Каа ответил насмешливым дружелюбным фырканьем. Во время пути из Четвертой Галактики эти двое много времени провели вместе, говоря о технике и излагая друг другу свои беды. Сомневаюсь, чтобы пришлось когда-нибудь еще встретить такую необычную дружбу: живущий в воде дельфин и не терпящий воды ур замечательно поладили.

— Буду держать все три глаза открытыми, чтобы не пропустить земной или тимбримийский корабль и отдать это. — Она похлопала по сумке

под левой рукой. Внутри находился экземпляр отчета Джиллиан Баскин, зашифрованный кодом Террагентского Совета.

(У меня спрятан второй экземпляр. Кто знает, кому из нас удастся передать первым? Если, конечно, космос будет благоприятствовать… а Земля уцелеет.)

Мне было грустно, когда Ур-ронн улетала на корабле п'ун м'ангов. Прощаясь, мне хотелось схватить ее, поднять так, чтобы все четыре копыта оторвались от земли, и стиснуть в хунском объятии. Но я знаю, что наши расы по-разному относятся к подобным вещам. Уры не сентиментальны и не склонны к ностальгии.

Конечно, Ур-ронн любит Гек и меня — в манере своего племени. Может быть, она будет время от времени с добром вспоминать нас.

Но жизнь ее вскоре станет занятой и сосредоточенной.

Меня ей будет не хватать не так, как мне ее.

Таков мир.

После отлета Ур-ронн ко мне вернулся другой спутник.

После многих мидуров тщательных расспросов Двер наконец добился от Грязнолапого, чего хотел. Наконец маленький нур *заговорил,* при-

знался в том, что мы давно подозревали, — что несколько столетий назад тимбрими поместили на Джиджо колонию своих любимых клиентов. Хотя большинство нуров частично регрессировало и разучилось говорить, тайная группа среди них сохранила разумность полностью. Это и были *титлалы.*

Грязнолапый согласился сообщит Дверу кодовые слова и фразы, которые позволят покончить с этой тайной. Такова цена, которую Грязнолапый заплатил за свою свободу. Он хотел каким-нибудь образом связаться с тимбрими и сообщить о том, что произошло на Джиджо. Поскольку его цель совместима с моей, малыш будет сопровождать меня в пути.

Двер кажется довольным. Думаю, ему очень хотелось избавиться от Грязнолапого раз и навсегда, прежде чем они с Каа отправятся в долгий обратный путь на Джиджо.

И прежде чем все распадется.

Пять Галактик дрожат и содрогаются; приближается момент разрыва.

Дрожь космоса усиливается, по древним стенам планетоида пробегают трещины, и становится очевидным, что даже изолированный Каззкарк больше не убежище и не спасает от таких кон-

вульсий. Половина обычных космических линий уже вышла из строя, и многие пользуются обходными маршрутами, чтобы добраться домой, пока это еще возможно.

Среди этих улетающих наиболее необычно выглядят священнослужители, одетые в голубые и золотые платья, распространяющие свою причудливую веру — ту, что сосредоточена не на спасении видов и рас, а отдельных личностей. Веру, в которой центральную роль играет Земля как планета-жертва.

Эта секта провозглашает свою любовь к Земле, в то же время радуясь ее распятию.

Не знаю, проповедуется ли эта вера в миллионах других мест или единственный ее апостол — скиано. В любом случае кажется, эта религия задела струнку, которая резонирует в наши тревожные времена. Миссионеры, разлетаясь в космосе, чтобы проповедовать слово, кажется, радуются хаосу и потрясениям более древних религий.

И в центре всего этого, выступая в качестве главного помощника и мажордома скиано, Рети, молодая девушка сунер, которая даже на далекой Джиджо казалась такой неукротимой и дикой. Преображенная пластической хирургией и новой

одеждой, она распоряжается верующими, даже умудренными звездными путниками, как высокомерный повелитель какого-нибудь древнего клана патронов.

И они повинуются ей! Почтительно кланяются, даже когда попугай у нее на плече отпускает язвительные замечания.

Никогда не видел более высокомерного, уверенного в себе человека.

А сам скиано медленно расхаживает, и в одной из пар его глаз мерцает странный свет, в то время как другая смотрит на далекий горизонт.

Естественно, Двер попытался убедить Рети расстаться с этой группой фанатиков. Но она не согласилась, даже когда Гарри пообещал переправить ее на свою родную планету, в колонию, далекую от нынешних неприятностей, где она сможет найти покой и уют среди своих.

Гарри и Двер были раздражены. Но, откровенно говоря, я нахожу непреодолимое упрямство Рети понятным. Она почувствовала, как приятно считать себя ценной и жить среди тех, кто тебя ценит.

Я тоже.

Пора кончать записи. Дор-хуниф ждет меня в доме своих родителей, где вечером соберутся

члены местной хунской колонии. Будет ужин и поэзия. Вполне обычное событие у нас на Джиджо, но, очевидно, для моих новых родичей звездных богов — очень новое и смелое.

Теперь нужно порыться в ящике с книгами, которые я привез с Джиджо, и выбрать, что буду читать сегодня. В прошлый раз это были Мелвилл и Кусто, но, кажется, многие цивилизованные хуны с трудом понимают человеческих авторов. Кажется, мне потребуется время, чтобы научить их ценить достоинства Жюля Верна и Марка Твена.

Они хотят, чтобы я проворчал им оды Чуф-вуф'иво и Фвхун-дау; в них мелодраматически воспеваются туго натянутые на прочных мачтах паруса, корабли с острыми носами, бросающие вызов ветру и соленым брызгам в бурном море. Мой отец был бы горд, узнав, что хунское литературное возрождение на Джиджо, так долго затмевавшееся земными авторами, наконец нашло восторженную аудиторию среди наших отдаленных звездных родственников.

Это очень приятно. И все же я удивлен.

Как это возможно?

Вы только подумайте, какая в этом ирония! Мы с Гек всегда мечтали о том, как романтично

и удивительно лететь в космических кораблях. Но для этих цивилизованных хунов космические корабли — всего лишь удобное транспортное средство, скучный перерыв для перелета от одного назначения к другому, когда они занимаются своими обычными делами, которые много лет назад поручили им наши патроны гутатса.

Так почему же сейчас они так восприимчивы к ворчанию надежды и радости? Подействовало ли растущее смятение в космосе? Или что-то ждало в глубине, под тусклой оболочкой угнетающей бюрократической скуки?

Неужели простой образ парусного корабля способен пробудить это спящее внутри?

Если это так, то пробуждение могло никогда и не произойти. Ни один цивилизованный хун не станет добровольно рисковать жизнью в море. Сама мысль об этом будет отброшена как абсурдная. Баланс не сходится. Учитывая риск, хуны никогда даже не попробуют.

К тому же какой хун умеет плавать? Ничто в нашем генеалогическим древе логически не говорит, как возбужденно поднимаются позвонки хуна при виде зимних айсбергов на фоне изорванного бурей горизонта, какие песни поют снасти и паруса, словно мать, ворчащая ребенку.

Лишь на Джиджо, когда наши предки отказались от своих божественных инструментов вместе с долгом и обязанностями, возложенными на них гутатса, смогли они открыть для себя все это.

По справедливости нужно сказать, что, вероятно, патроны желали нам добра. Ведь в конце концов мы обязаны им разумом. Галактическое сообщество устанавливает строгие стандарты, которым должны следовать старшие расы, когда возвышают клиентов, делая из них трезвых надежных взрослых. Гутатса использовали самые сильные черты нашей расы: верность, преданность семье — и с их помощью определили для нас узкий курс. Дорогу к благоразумной одержимой ответственности.

И только сейчас Дор-хуниф и ее родители начинают понимать, как обманули нас наши патроны. Лишили нас величайшего сокровища. Мы только сейчас обнаруживаем, как это хорошо — прогулять уроки и отправиться на реку.

Отправиться на Джиджо, где хуны наконец вернули себе украденное.

Наше детство.

ЛАРК

Врата трансцендентов как будто закончили миграцию и теперь поднимаются со своего прежнего положения у поверхности белого карлика. Теперь все эти огромные иглообразные объекты движутся по более высоким траекториям, за внешними пределами роя кандидатов.

Для космических путешествий это сравнительно небольшое расстояние. Но, проходя его, они сотворили убийственный хаос. Внизу находится кипящий котел огня и смятения: миллионы космических кораблей отчаянно борются за выживание. Уже затронутые волнами разрыва, все главные маршруты галактических спиралей совершенно перепутались, они переплетаются и разбиваются на мириады буйных водоворотов. Резонанс двигателей пересекается и интерферируется, создавая поля взаимного притяжения, и корабли неожиданно начинают сближаться. И когда один гигантский корабль начинает маневрировать, пытаясь избежать столкновения, взрывается другой оказавшийся поблизости.

Вдоль всей плотно забитой воронки видны взрывы, превращающие то, что было мыслящей

материей, в белое плазменное пламя.

И словно для того чтобы сделать положение еще хуже, каждая из гигантских игол во время своего короткого путешествия испускает силовые лучи, которые подхватывают несколько десятков кораблей, очевидно, отобранных случайно, и тащит их за собой, как телят на конце лассо.

И те из оставшихся неизбранными, кто случайно касается этих огненных щупалец, мгновенно испаряются.

Зачем?— спросил Ларк, ошеломленный этим зрелищем. *Зачем они это делают?*

Он рассчитывал, что Линг объяснит: ведь она звездный путешественник и много времени прослушивала информационную сеть трансцендентов. Но в данном случае она была так же поражена и испугана.

Не могу догадаться… Может, они уже набрали нужное количество кандидатов и решили, что остальные не нужны… Или волны хаоса слишком сильны, и им пришлось отказаться от отправки остальных кандидатов на новый уровень.

Ларк покачал головой, сместив одного из симбионтов, который поселился здесь недавно и пожирал последние волосяные фолликулы.

Но это не объясняет такое жестокое отнятие

жизни! Там внизу разумные существа! Их там квадрильоны! И каждое из них — член древней расы, которая веками совершенствовала себя, чтобы попасть сюда…

Линг взяла его за руку и погладила, прижалась к нему.

Даже и так, Ларк, по сравнению с трансценденталами они все равно что животные. Их можно потратить. Особенно если их уничтожение служит высшей цели.

Он несколько раз мигнул.

Высшей цели? Какая цель может оправдать…

Он смолк, почувствовав, как кто-то знакомый пытается связаться с ними с помощью окольных мысленных путей сети. Вскоре Ларк узнал своего бывшего учителя… затем врага… и наконец просто друга.

«Х», видоизмененный треки, проводил собственное независимое исследование и теперь хотел рассказать о своих находках.

Джофуры больше не верят, что смогут вернуться в свой клан или завершить миссию. Больше того, они понимают, что у них мало времени. Вскоре макросущество, частью которого все мы стали, то самое, которое вы называете «матерью», завоюет весь «Полкджи», проникнув в

машинное отделение, где находится последний очаг сопротивления прежнего экипажа. И когда это произойдет, они перестанут быть джофурами — по крайней мере по их собственному ограниченному определению.

Прежде чем это произойдет, они решились на драматические заключительные действия. Это будет последним актом мести.

Ларк послал мысль наружу, воспринимая зрительно некогда могучий боевой корабль и его окружение. Благодаря удаче или безупречному мастерству пилота «Полкджи» до сих пор удавалось избегать столкновений с роем кандидатов. Теперь между кораблем и глубоким космосом, звездным ночным небом, по которому время от времени пробегает волна хаоса, лежит только рваный край вращающегося диска. Теперь, когда дорога расчищена, перспектива бегства соблазняет. Но уцелевшие члены экипажа «Полкджи» знают, что этого никогда не будет. Мать поглотит их, включит в новое гибридное существование задолго до того, как они достигнут пункта перехода. Если вообще п-пункт пригоден к использованию.

Звуки двигателей отзывались в жидком окружении, в них слышалась нота глубокой реши-

мости. Ларк ощутил траекторию «Полкджи» — и понял, что она направлена прямо к одной из гигантских игл!

Все это время борьбы и смятения джофуры упрямо стремились к первоначальной цели. Они никогда не теряли след земного корабля.

Этот корабль прямо перед нами, охваченный световой паутиной трансцендентов.

Бросив взгляд по сторонам, Ларк убедился, что каждая большая игла окружена роем захваченных кораблей, окутанных слоями свечения. Прослушивая сеть, невозможно установить, какова цель этой странной деятельности, но вскоре Ларк ощутил слабый резонанс, как будто исходящий от одного из плененных кораблей.

Что-то очень знакомое.

Линг присоединилась к нему. Вдвоем они сфокусировали взгляд, что-то *щелкнуло,* и сеть заполнилась звуками.

Человеческий голос, мрачный, но решительный.

— …повторяем. Мы не выбирали такую участь. Мы не законные члены роя кандидатов. Мы не принадлежим к порядку «ушедших в отставку». Нам нет никакого дела до Объятия Приливов, и мы не хотим испытывать трансцендентность ни

в какой форме.

Долг призывает нас во Вторую Галактику. Пожалуйста, отпустите нас! Просим выпустить нас из этого обреченного места, пока это еще возможно.

Повторяем. Мы не выбирали такую участь…

Ларк ощутил мысленное прикосновение треки, воспринял мысль, которая текла, как гладкий ручеек расплавленного воска.

Как интересно. Очевидно, земляне отобраны для исполнения почетной задачи. Для какой-то службы или работы, которая кажется достойной высшему разуму. Однако они просят освободить их от этого отличия, чтобы возобновить обреченный полет в мире опасности и печали!

Тем временем оставшиеся джофуры направляют «Полкджи» вперед с единственной целью — не допустить, чтобы земляне ощутили вкус трансцендентности, которую не заслужили/

Предстоит конфронтация. И будет любопытно наблюдать за ней.

Ларк оценил отчужденность треки, хотя скорее всего от «Полкджи» просто отмахнутся, как от надоедливой мошки, он испарится, столкнувшись с невообразимо превосходящими силами.

И задумался над тем, как избежать подобного конца.

А нельзя ли связаться со «Стремительным» через сеть?

Линг кивнула.

Почему бы и нет? Лишь на несколько мгновений.

Друг треки тоже согласился:

У меня/нас есть своя/наша собственная причина желать этого. Давайте действовать вместе и попытаемся установить связь.

ГАРРИ

Когда рухнула большая галерея на южном полюсе и несколько тысяч обитателей оказались в смертоносном вакууме, высшие руководители Каззкарка наконец уступили неизбежному. Они издали долгожданное распоряжение.

Эвакуация!

— Мои исследования — проверка древнейших, самых защищенных архивов Великой Библиотеки — свидетельствуют, что условия во время Крушения Гронина были, вероятно, аналогичны, — сообщил Вер'Кв'квинн после того, как Гарри доложил о своей последней миссии.

С высокого балкона главного здания Института Навигации они смотрели на толпы, движущиеся по улицам к разным пунктам выхода. Они устремлялись к кораблям, которые привезли их сюда. Вер'Кв'квинн лениво махнул псевдоподом и продолжил свои размышления о прошлом.

— Тогда, как и сейчас, вначале Институты все отрицали. Позже, по приказу высших порядков жизни, они скрыли правду от нашей цивилизации, пока не стало слишком поздно для любых согласованных приготовлений. И сейчас

развернулся бы тот же сценарий, если бы не предупреждение, пришедшее с Земли. Без него у большинства галактических рас не было бы никакой возможности подготовиться.

— Многие кланы не обратили внимания на это предупреждение, — заметил Гарри. — Некоторые из них слишком заняты, нападая на Землю, чтобы слушать.

После мрачной паузы он продолжал:

— Вероятно, все эти пространственные возмущения не скажутся на осаде Земли?

Вер'Кв'квинн бросил свой взгляд спрута на разведчика шимпанзе, как будто пытался увидеть признаки измены и отказа от преданности Институту.

— Это кажется маловероятным. Мы полагаем, что по крайней мере тридцать процентов п-пунктов Второй галактики будут частично функционировать. Конечно, в самой высшей точке кризиса метрические нарушения распространятся по всем уровням гиперпространства. И горе-кораблю, который попытается достичь псевдоускорения, пока это происходит! Но для больших боевых кораблей, окружающих сейчас твою родную планету, это не помеха. Оставаясь в нормальном пространстве и воздерживаясь от

использования вероятностного оружия, пока разрывы не прекратятся, они будут в безопасности.

Естественно, мы полагаем, что в Четвертой Галактике последствия будут гораздо более серьезными. Гарри кивнул.

— Именно туда вы и посылаете меня.

— Ты отказываешься? Я могу послать кого-нибудь другого.

— Да? Интересно, как вы найдете того, кто согласится в такое время проникнуть в пространство Е?

Ответом Вер'Кв'квинна было красноречивое молчание. Из всего сохранившегося штата только Гарри обладает необходимым опытом и способностями, которые позволяют надеяться на успех в этом странном царстве живых идей.

— Ну что ж, — хмыкнул Гарри. — Какого дьявола! Почему бы и нет? Вы говорите, что у меня будет достаточно времени, чтобы выложить вдоль Тропы до самой Четвертой Галактики инструментальные пакеты и вернуться до наступления кризиса?

— Конечно, определенный риск есть, — признал Вер'Кв'квинн. — Но мы совместили наши традиционные расчеты с новыми данными с использованием техники волчат, с теми матема-

тическими уравнениями, которые содержатся в послании с Земли. Оба метода как будто говорят одно и то же. Главный разрыв произойдет после твоего возвращения.

Снова наступила долгая пауза.

— Конечно, я полечу, — наконец хрипло сказал Гарри. Низкий вздох. Нервное сплетение щупалец.

— Я знал, что ты согласишься.

— Ради Пяти Галактик, — добавил Гарри.

— Да. — Голос Вер'Кв'квинна дрогнул. — Ради цивилизации… Пяти Галактик.

Внизу на бульварах Каззкарка основной исход как будто закончился. Роботы-уборщики возились с грудами мусора и обломков от такого количества торопливых отлетов. Гарри шел в сопровождении робота-«осла»; робот вез капсулы Вер'Кв'квинна, которые нужно будет разместить в пространстве Е. Телеметрия этих пакетов многое расскажет о напряжениях, разрывающих сейчас ткань пространства. Возможно, в следующий раз — через сто миллионов лет — происходящее станет более понятно.

А следующее время обязательно будет. Чем больше расширяется вселенная, тем сильнее растягиваются древние перемычки, связывающие

галактику с галактикой, чтобы наконец лопнуть. После каждого такого разрыва количество п-пунктов сокращается, из связи становятся беднее, а скоростные линии подпространства — все более недоступными.

Старея, космос становится менее интересным и более опасным. В дни Прародителей все должно было казаться таким близким *и доступным,* думал Гарри. *Это было время волшебства, когда прокладка курса между двумя точками в семнадцати связанных галактиках была самым обычным делом.*

Он расправил плечи.

Ну ладно. По крайней мере приму участие в чем-то важном. Даже если Вер'Кв'квинн преувеличивает мои шансы на возвращение.

Когда он впервые прилетел сюда из школы подготовки, Каззкарк казался безупречно чистым. Теперь в коридорах постоянно висит пыль, поднятая со стен землетрясениями и волнами хаоса, которые через все более краткие промежутки сотрясают весь сектор. Они стали настолько частыми, что Гарри их едва замечает.

Это свидетельствует, что со временем даже ненормальное начинает казаться нормальным.

Подходя к докам, он увидел большую группу

хунских клерков и членов их семей. Они несли багаж, тащили антигравитационные тележки, готовясь к отлету на одну из своих родных планет. Как и следовало ожидать от хунской процессии, двигалась она в полном порядке. Но что-то в этой группе показалось Гарри необычным. Эти хуны кажутся не такими скучными, более оживленными.

Дело в их одежде!— понял Гарри. *Олеин приучил их носить гавайские юбки!*

Действительно, примерно треть этих высоких двуногих отказалась от обычных бело-серебряных одеяний и завернулась в платья с изображением ярких цветов и тропических растений; одежда разрезана сзади, чтобы дать место выступам на спине. Терпеливо дожидаясь очереди, группа согласованно ворчала, и коридор дрожал от звуков, которые казались гораздо более живыми, чем обычные хунские песни, похожие на надгробный плач.

Одна произнесенная на галшесть фраза даже заставила Гарри споткнуться.

Ручаюсь, на англик это нужно перевести как «йо-хо-хо!».

У некоторых старших хунов был растерянный, даже обиженный вид. Но более молодые — под-

ростки — распевали, с энтузиазмом раздувая горловые мешки.

Они пели жизнерадостную балладу о переходе, о готовности встретиться с новым.

За углом, спрятавшись за хунами, стояла странная фигура, похожая на невысокого приземистого джофура. Это был Тиуг, алхимик-треки с Джиджо. Он сопровождал Олвина на следующем этапе его приключений.

Проходя мимо. Гарри попытался поймать взгляд Олвина, но парень был поглощен своей ролью проводника, которому есть чему поучить горожан. Рядом с ним была Дор-хуниф, а на широких плечах сидела пара титлалов. Стараясь выглядеть беспечным, Олвин прислонился к одному из завернутых в ткань упаковочных ящиков, бдительно следя за его содержимым.

На глазах у Гарри край брезента сдвинулся. И из темноты под брезентом показался один глаз на колеблющемся стебельке. За ним попытался протиснуться другой стебелек, чтобы взглянуть на окружение.

Не прерывая своего бодрого ворчания, Олвин широкой ладонью сгреб оба бродячих стебелька и сунул их назад. И постарался прочнее закрепить багаж. Ящик вздрогнул, как будто внутри кто-то

протестующе завозился. Но Олвин лишь плотнее прижал его, дожидаясь, пока все стихнет.

— Эхой! — крикнул первый в очереди хун, когда ворота, ведущие к кораблям, открылись. — Сюда! Начинаем!

Гарри постарался протиснуться. Он протискивался изо всех сил, прошел метров пятьдесят и понял, что его бока больше не выдержат. Тогда он завернул за каменный угол, прижался к стене и захохотал.

Причал для официальных лиц был почти пуст. Высшие чины Библиотеки, Институтов Миграции, Торговли и Войны уже улетели, и причалы опустели. Оставался только штат Вер'Кв'квинна; его сотрудники участвовали в спасательных миссиях или расставляли предупреждающие буи, чтобы оградить опасные зоны. Благородное дело. Гарри лучше провел бы время так же, помогая спасть жизни и штопать распадающуюся ткань галактического общества. После окончания основных разрывов Институт Навигации должен будет способствовать восстановлению, организовать новые торговые маршруты.

Но Вер'Кв'квинн сберег меня для этой миссии. Полагаю, старый спрут знает, что делает.

Впереди находилась почтенная наблюдатель-

ная платформа Гарри, его корабль, специально сконструированный для полетов в мимических джунглях пространства Е. И хотя дело предстояло опасное, Гарри обнаружил, что идет быстрее, испытывая странное возбуждение и стремление к действиям.

Он начал про себя напевать и тут же узнал мелодию. Так ворчали новые родственники Олвина, готовясь к отлету.

Мелодия оказалась заразительной.

И подходящей для путников.

Это песня предчувствия.

Пока Гарри грузил в трюм инструменты Вер'Кв'квинна, планетоид снова начали сотрясать волны. Древние каменные стены стонали от резонанса, и палуба и переборки станции тоже начали сильно дрожать. Когда с верхней полки упал незакрепленный ящик, Гарри едва успел увернуться. Да и успел он только благодаря слабой псевдогравитации Каззкарка, но ящик сильно ударился, разбился, и содержимое разлетелось на осколки.

Подметая, Гарри прислушивался: не звучат ли сирены, объявляя о прорыве вакуума. Только спустя несколько дуров у него улеглась вставшая дыбом шерсть. Очевидно, оболочка дока выдер-

жала — на этот раз.

Гарри вышел, чтобы подойти к прочному небольшому кораблю теннанинской постройки, припаркованному сразу за его станцией. Пройдя через шлюз, он крикнул пилоту:

— Каа! Готовы к взлету? Я вылетаю меньше чем через мидур, если вы все еще хотите лететь со мной.

Из-за приборной консоли в шестиногой установке для ходьбы показался гладкий серый дельфин. Каа выглядел уставшим. Он неделями уже не плавал. И лишь несколько часов сна проводил в небольшом бассейне; все остальное время приходилось лежать на плавающей постели установки.

— Для меня недостаточно быстро, — сказал пилот. — Увы, я все еще жду возвращения Двера.

Гарри огляделся.

— Дьявольщина! — проворчал он. — И куда же делся Двер?

Из задней двери послышался новый голос; слова на англике звучали елейно, почти соблазнительно.

— Ну, ну! Я бы предположила, что молодой человек пытается — в который раз! — убедить свою самку — Рети — отправиться с ним. Вы считаете

по-другому?

Из одной крошечной каюты показалась Кивеи Ха'аоулин и начала пробираться мимо груды припасов, накрытых грузовой сетью. Синтианец настоял на том, что будет сопровождать Каа, несмотря на предупреждение, что путешествие только в один конец. На самом деле всякое возражение только укрепляло его решимость. Кивеи даже предложила оплатить все продукты и прочее необходимое Каа в пути.

Она не верила, что так называемый «большой разрыв» неизбежен.

Все эти неприятности минуют, в блаженной уверенности говорила она. *Я не говорю, что все останется прежним. Пока Институты и большие кланы столетиями будут разбираться в случившемся, правила относительно маленьких сунерских колоний не будут так строго соблюдаться. И относительно контрабанды! Разве вы не чувствуете, какие здесь кроются деловые возможности? Я стану коммерческим агентом Джиджо, да! В абсолютной тайне, как доверенное лицо шести или семи рас, я буду поставлять на рынок коллекционеров примитивные артефакты, и все мы разбогатеем!*

Гарри видел, как алчность борется с характер-

ной синтианской осторожностью. Со временем Кивеи разрешила этот конфликт полным отрицанием: она отказывалась признавать, что возмущения могут фундаментальным образом изменить космос. Гарри испытывал вину за то, что поддался ее уговорам. Но синтианские торговцы могут быть исключительно упрямы и преодолевают любое сопротивление. К тому же Каа нуждается в припасах.

Кивеи склонилась к грубому рисунку, нацарапанному на палубе Клешней, — к изображению убийцы квуэна, который, вероятно, уже улетел с Каззкарка и теперь плетет свои сети где-нибудь в другом месте.

— Да, Двер отправился за Рети. Я только что прослушивала коммуникационные каналы и получила срочное сообщение парня.

Каа ударил хвостом.

— Ты мне не сказала!

— Пилот, ты был занят предполетной проверкой и тому подобным. К тому же я сама собралась идти, чтобы помочь молодому человеку! Великодушно, верно? Хотите идти со мной, разведчик-майор Хармс?

Гарри сощурился. Окно для взлета через мидур. Но парень попал в неприятности…

— Двер не сказал, в чем дело? Синтианец потер живот — нервный жест.

— Сообщение не вполне понятно. Очевидно, он считает, что необходимы срочные действия. Иначе девушка погибнет.

Они нашли молодого джиджоанца на соседнем складе. Он прятался за грудой пустых ящиков. Одетый в темный плащ, он раздраженно наблюдал за собранием разумных в сорока метрах от себя.

Пустые грузовые контейнеры были украшены синими и золотыми лентами — это праздничный фон, на котором выступал миссионер скиано. Он стоял, окруженный двумя десятками последователей из разных рас. Голова скиано возвышалась над всеми верующими, напоминая массивный корабельный нос. Одна пара глаз непрерывно сверкала, словно освещая путь в теплой ночи.

Большинство посвященных уже рассеялось по просторам галактики, разнося послание о возможности личного спасения, но немногие остались с лидером и распевали гимны, от которых у Гарри по спине пробегал холодок.

— В чем дело? — спросил он, проходя мимо Двера. Он сразу заметил Рети, маленькую человеческую фигурку, сидящую в стороне от остальных.

Лицо ее было освещено сиянием портативного компьютера.

— Осторожней! — рявкнул Двер, схватив Гарри за воротник и с силой дернув его назад.

— Эй! — протестующе крикнул Гарри, и тут же несколько маленьких стрел впились в соседний ящик, разбрасывая по сторонам щепки.

Гарри замигал.

— Кто-то в нас стреляет!

Двер осторожно выглянул за угол, потом сделал Гарри и Кивеи знак, что они могут к нему присоединиться. Он показал на пару одетых в синее верующих — это были джелло и паха. Они настороженно стояли у помоста, и выражение у них было предупреждающее. Обе расы возвышены как воины, с прирожденными способностями к участию в вооруженных конфликтах. И хотя теперь они последователи религии, провозглашающей мир, им поручено было дело, достойное их способностей. У джелло в руке была палка с металлическим острием, а паха держал ручную катапульту, какую Двер уже видел раньше.

— Интересно, — сказала Кивеи. — Отказавшись от более сложного оружия, они пользуются военным искусством волчат. Несомненно, их научила Рети. Возможно, новая вера сделала их более

открытыми к новому.

Гарри отмахнулся от нелепых комментариев Кивеи.

— Они не хотят, чтобы мы приближались. Почему? — спросил он у Двера.

— Меня предупредили, чтобы я больше не беспокоил Рети. Говорят, я ее *отвлекаю.* Они не могут убить священного землянина. Но поскольку «участь землян — страдать за нас всех», они готовы сломать одну-две кости. На вашем месте я был бы осторожен.

Гарри не сумел справиться с раздражением.

— Послушай, Двер, у нас нет времени. Рети решила остаться с теми, кто ее любит и заботится о ней. Это гораздо больше, чем имеют многие в этой вселенной, и, наверно, больше, чем она получит, если пойдет с нами. Пора позволить ей самой делать выбор.

Двер кивнул.

— В обычное время я бы с тобой согласился. Хватит с меня Рети. Ничего больше мне не нужно, как позволить ей идти своей дорогой. Но возникает одна проблема. Положение может быть не совсем таким, каким ты его описал.

Гарри вопросительно приподнял брови.

— Да? Как это?

В ответ Двер указал:

— Посмотри направо, за платформу. Видишь там что-то? За занавесом?

Тяжело вздохнув, Гарри всмотрелся в раздувающуюся цветную ткань между двумя массивными столбами, сразу за медитирующими последователями скиано.

— О чем ты говоришь? Я не…

Он смолк. Что-то там движется. Вначале очертания напомнили ему угловатую машину, с острыми лезвиями для резания или косьбы. Но вот случайный ветерок на мгновение отвел занавес, обнажив очертания существа, похожего на богомола.

— Ифни!.. — прошептал Гарри. — Зачем там прячется танду?

В одном он совершенно уверен: ни один танду никогда не присоединится к ереси скиано! Бессмертие какой-то абстрактной души не так привлекательно, как возможность крушить врага и навязывать волю своей расы непокорному космосу. До сих пор ритуалы и закон сдерживали эти импульсы: танду редко убивали открыто, без покрова галактической законности. Но что, если цивилизация рухнет? Ходили слухи о тайных базах, полных бесчисленными воинскими яйцами,

готовыми немедленно вылупиться.

— А почему эти паха и джелло просто стоят? — вслух удивился он. — Они, наверно, не знают…

Кивеи прервала его:

— Знают. Обратите внимание, что они стоят спиной к занавесу, на обращая внимания на то, что происходит с этой стороны. Очевидно, получили приказ. Танду сюда пригласили нарочно.

Нарочно? Гарри нервно потянул себя за пальцы… но тут у него появилась мысль.

— Кивеи, дай-ка твою переносную информационную табличку.

Синтианец послушался, и Гарри начал отдавать приказы портативному устройству. Используя свои полномочия, он распорядился, чтобы поисковые программы подключились к связям компьютера Рети. Если повезет, он сможет скоро…

— Готово! — воскликнул он, и спутники подошли ближе. На левой половине экрана неожиданно появилось изображение молодой женщины, с лицом, приглаженным недавней хирургической операцией. А на правой стороне — копии таблиц, которые она внимательно изучала.

— А что теперь? — спросил Двер. — Использовать эту линию, чтобы поговорить с ней?

Гарантирую, она рассердится и отключит нас.

Гарри пожал плечами.

— Я надеялся вначале кое-что разузнать. — Он рассматривал правое изображение. — Похоже на список планет, куда их культ разослал своих эмиссаров. В основном это торговые планеты, с хорошими пространственными связями и космополитическими культурами, которые не подавляют необычные взгляды. Они не глупы. Но не понимаю, какое отношение это имеет к…

Он замолчал, видя, что на лице Рети появилось самодовольное выражение. Она удовлетворенно сказала:

Вот эта прекрасно подходит!

Она держала компьютер в одной руки и чуть наклонила его, так что изображение дернулось. Гарри на мгновение увидел синий занавес и лица верующих; их взгляды были устремлены куда-то вдаль. Картинка застыла, Рети остановилась и громко произнесла, так, чтобы перекрыть голоса поющих:

Господин, я выбрала себе место. Видишь, я отметила прямо здесь!

Камера повернулась вверх, на мгновение показалось изображение многоцветного земного попугая, сидящего на массивном плече. Рети

поправила наводку, нацелив экран прямо на впечатляющую голову скиано. За таранообразным подбородком верхняя пара глаз сияла, как прожекторы, устремленные к потомству, а нижняя блуждала в поисках абсолютной истины.

Рети продолжала:

Это З'орнуп! Я уверена, ты слышал о таком месте. Здесь подходящая атмосфера и все прочее, так что я не заболею. Есть также торговый пост людей — на случай, если я соскучусь по своим. Но это маловероятно. Но думаю, лучше не делать слишком поспешных выводов, верно?

Ты уже направил туда небольшую миссию, но я вижу, что планета находится в хорошем месте, к ней ведет много космических линий, и отсюда можно посылать в любое место новообращенных. Я считаю, что З'орнуп нуждается в апостоле более высокого ранга, верно? То есть во мне! Я воспользуюсь последним коммерческим шаттлом, который направляется в Третью Галактику. Он уходит через полмидура, так что с твоего разрешения…

Неподвижный взгляд скиано наконец слегка затуманился. Нижняя пара глаз повернулась к Рети.

Такое место недостойно тебя, мое дорогое ди-

тя волчонок. Я не позволю, чтобы ты занималась повседневными делами, проповедуя и дыша тем же воздухом, что и неверующие…

Но я…

Тебя ждет более достойная награда, продолжал миссионер напыщенным догматическим тоном. *Я имею в виду твоих собственных древних святых и пророков. Иисуса, и Исайю, и Магомета, и Будду… всех великих мудрецов твоей благословенной расы, чьи муки во тьме позволили им увидеть то, что остается незаметным для живущих при свете.*

Я это знаю, господин. Поэтому позволь мне идти и распространять слово…

Конечно, эти пророки допускали ошибки, записывая свои слова. Как могли они точно отразить такое великолепие с помощью примитивных чернил и бумаги, пользуясь языками, больше похожими на крики животных? Тем не менее судьба говорила их устами. Огонь, который они зажгли, воспламенит другие пожары, распространит свет истины повсюду среди обрушивающихся вокруг нас руин.

Я согласна! Поэтому позволь мне…

Но увы, сам я не увижу землю обетованную, этот апофеоз. Подобно Моисею, я должен рань-

ше пройти временную Валгаллу. Мои труды истощили эту бедную плоть. Время искать вознаграждения, которое было мне обещано во сне. Пройти обряд очищения и двигаться прямо в рай!

Рети ответила сразу и безжалостно:

Это здорово. Счастливого пути. Теперь насчет З'орнупа…

Награда манит меня, громогласно продолжал скиано. *Личное спасение, намного превосходящее Объятия Приливов. И все же… я не могу избавиться от тревожного предчувствия. Всели необходимое я сделал? Что, если, придя, я увижу, что хранители врат не узнают меня, мои странное тело и лицо? После того как они столько времени посвящали только землянам, готовы ли они впустить на небо души нелюдей?*

Могучая голова покачивалась справа налево.

Мне пришло в голову, что хранители врат будут любезней, если я прибуду с эскортом, в сопровождении того, кто выскажется в мою пользу.

Картинка на экране дрогнула, как будто держащие компьютер руки задрожали от неожиданной догадки, а ритмичное пение достигло кульминации и смолкло. Послышался хриплый и нервный

голос Рети.

«Путешествие», о котором ты говоришь… это не миссия проповедника? Ты собираешься умереть!

Ответ заставил Гарри содрогнуться.

Да, покинуть эту оболочку. В сопровождении обращенных, чтобы продемонстрировать свою ценность… и плюс человек, подлинный волчонок с планеты-жертвы. Этот человек поручится за меня перед всеми ангелами и святыми.

Гарри так сильно дернули за плечо, что он едва не упал. Двер с силой сжимал его руку. Он показал.

— Занавес…

Кивеи испустила низкий отчаянный стон. Занавес распахнулся, и показался величественный воин танду, раскрашенный и одетый для ритуального убийства. Он приближался к верующим, подняв все шесть рук и размахивая сверкающими лезвиями.

Вместо того чтобы обороняться, оба солдата-верующие — паха и джелло — присоединились к толпе, которая стояла полумесяцем, спокойно глядя на своего лидера в центре этого серпа.

Рети, которая тщетно билась в мощных объятиях скиано, неожиданно застыла и с испугом

посмотрела наверх, а попугай закричал, расправив крылья.

— Вызовите полицейских роботов! — сказала Кивеи. — Церемония не вполне добровольная. Я дам показания.

Как будто это что-то даст, думал Гарри, следуя по пятам за стремительно бегущим Двером. *Закон распадается. К тому же помощь все равно опоздает.*

В таком случае разумно спросить, чего надеется добиться Двер. Разве что стать еще одной жертвой жертвенной церемонии!

Юноша джиджоанец остановился в двадцати метрах от верующих. Отбросив плащ, он поднял свой складной лук, который привез с далекой планеты. Стрела была уже наложена на тетиву.

— Он мой! — далеко сзади кричала Кивеи. Ее явно больше расстроило воровство, чем предстоящее ритуальное убийство. — Ты украл его из моего отделения. Я требую немедленного возврата или подам жалобу!

За то время, пока Кивеи произносила свою нелепую угрозу, танду приблизился к намеченным жертвам, высоко поднял лезвия — и Двер трижды стремительно послал одну стрелу за другой.

Гарри догнал молодого охотника.

— Так ты не причинишь вреда танду! У него нет ни одного слабого места…

Он замолчал, видя, что маленький снаряд изменил курс. Вместо того чтобы попасть в палача, он пролетел далеко от него и попал в скиано! Два глаза погасли, из них торчали деревянные стрелы с каменными наконечниками. Третья исчезла в открытой пасти миссионера: он как раз собирался закричать.

Руки скиано конвульсивно дернулись. На мгновение все, кроме одной, разжались, но Рети зубами впилась в эту руку и высвободилась. Высвободившись из его спазмодических объятий, она увернулась от попытавшегося схватить ее паха, потом свернула в совершенно неожиданном направлении — *под колючие ноги танду и между ними!*

Гарри махал руками.

— Сюда, Рети!

Танду испустил ужасающий крик. Нанятый на определенных условиях, он был вооружен только тем оружием, которое пригодно для ритуального семейного убийства. Сопротивление в договор не входило. Это означает нарушение контракта!

Его крик эхом отразился в переулках Каззкарка, призывая товарищей отомстить за оскорбление.

А тем временем взмахом одного лезвия танду снес голову паха.

Могучий воин джелло инстинктивно схватил свою палку с заостренным металлическим наконечником и, прежде чем пришла его очередь получить удар серпообразного ножа, ударил по одной руке танду, потом по другой. Тем временем— еще два верующих — летающий глоуоувис и зиу8 с мощными когтями на ногах — забыли о цели церемонии. Отвечая на древний инстинкт, они набросились на танду и начали рвать его сверху и снизу, избегая в то же время лезвий.

И среди этого ада Двер продолжал стрелять, по одному отключая сенсорные придатки гиганта.

Гарри хотел сказать Дверу, чтобы он поберег стрелы. Такая тактика редко помогает в борьбе с танду. Но тут Рети наконец выбралась из толпы и бросилась к краю платформы. Чувствуя, что свобода впереди, она сделала еще два шага и приготовилась прыгнуть.

У Гарри перехватило горло: он увидел, что танду нацелился на нее. С острых лезвий уже капала разноцветная кровь.

И тут ударила новая волна хаоса. Пол конвульсивно вздрогнул и вздыбился, как раненое животное. Облака пыли поднялись от рушащихся

стен и развевающихся на ветру пестрых знамен. В отдалении завыла сирена.

Гарри беспомощно смотрел, как Рети шатается на краю платформы и падает среди множества лихорадочно размахивающих рук и ног.

Он попытался броситься вперед и подхватить ее — понимая, что не успеет.

До самого последнего мгновения, до удара головой о мостовую, Рети сопротивлялась. Она не стонала и не кричала, не хотела доставлять вселенной такое удовольствие. И меньше всего она собиралась жаловаться на неудачу.

ДЖИЛЛИАН

Люцифер означает «носитель света». Мысль пришла незваная, в то время как сияние лилось в окно, играя на лице.

Ангелы светятся ярко… но не всегда они добрые.

Зрелище напомнило Джиллиан, сколько прекрасного и ужасного видела она за последние годы и месяцы. И как много привычных представлений пришлось ей пересмотреть.

Например, она вспомнила тот момент, когда глубоко внутри пункта перехода земной корабль встретился с Великим Сортировщиком, который отбирал из бесчисленного количества кораблей кандидатов на трансцендентность. Этот огромный сияющий призрак напомнил Джиллиан могучего серафима, который в Судный День отделяет праведных от грешников. И никто не был удивлен больше нее, когда ослепительный шар энергии выделил «Стремительный» из толпы кораблей, подхватил его и отвел в сторону для цели, которую Сортировщик не позаботился объяснить.

Может быть, сейчас мы это узнаем, поду-

мала она. Действительно, существует явное «семейное» сходство между прежним «ангелом» и гигантской иглой-вратами, которая протянула свои сверкающие щупальца и обнимает несколько десятков избранных кораблей. Такое поведение вызвало у Джиллиан неприятное воспоминание о пауке, который деловито укутывает добычу, откладывая ее про запас.

Все остальные корабли представляли собой объединение кислородной и водородной жизни, все они были выдернуты из роя, окружающего белый карлик. «Стремительный» по сравнению с ними миниатюрен — крошечная гусеница рядом с мячом для игры на пляже. Но и у него свое одеяние из сверкающих вздымающихся нитей.

— Материал неизвестен, — заметил Ханнес Суэсси. — Не могу получить никаких данных при помощи инструментов.

Машина Нисс высказала предположение.

Кто-то, наверно, все время готовил это для нас. Еще во Фрактальном Мире. Оболочка, которую мы получили, должна была служить буфером, а может, и клеем — между нашим хрупким металлическим корпусом и этой новой субстанцией… чем бы она ни была.

Джиллиан покачала головой.

— Может, это другой вид защитной брони.

Молчание длилось несколько секунд; все смотрели на экран заднего обзора. У всех появилась одна и та же мрачная мысль.

Скоро что-то произойдет. Что-то такое, что требует невероятно мощной «защиты».

Но по крайней мере предыдущая оргия разрушения как будто закончилась — внизу, там, где недавно двигались по орбитам миллионы кораблей, выстроенных рядами и колоннами, как вежливые пилигримы, дожидающиеся своей очереди войти в святилище. Эта процессия была смята, сметена, раздавлена. И теперь лишь редкие вспышки свидетельствовали, что еще один «кандидат» не устоял перед силами, которые уже испепелили миллионы, оставив на их месте варево из газа, пыли и ионов.

Теперь древнюю звезду окружало воронкообразное облако, затмевая его сверкающий белый диск.

Согласно Зуб'даки, это облако обладает очень своеобразными особенностями. Оно не продержится долго и даже не будет спускаться по спирали в течение месяцев или недель.

Облако обломков почти не обладает угловым моментом, объяснял астроном-дельфин. *По*

мере продолжения внутренних столкновений все различные тангенциальные скорости уравновесятся. И когда это произойдет, вся масса просто рухнет вниз — почти одновременно!

Его спросили, когда это произойдет, и ученый дельфин ответил:

Скоро. И когда это случится, у нас будет лучшее место на величайшем космическом шоу.

Глядя на туманное торнадо, в котором распылены надежды бесчисленных рас и индивидуальных существ, товарищи Джиллиан понимали, что шоу скоро начнется. Акеакемаи с сомнением вздохнул, возвращаясь к первоначальному вопросу Джиллиан.

— Защитная броня… против того, что произойдет?

Дельфин сменил язык и выразил свои сомнения на тринари.

Когда боги
В своем могуществе Начинают верить
В собственные лозунги —
В свою мудрость,
Всезнание, В свою силу
И неуязвимость, —
Тогда природа,
Мудрая и терпеливая, Преподносит божествам

Урок,
Тогда природа, Проницательная и знающая, Показывает богам,
Что у каждого свои ограничения…
Великие мечтатели
Должны оседлать цунами!
А для трансцендентов? Сверхновая!

Джиллиан одобрительно кивнула. Для дельфина прекрасное воображение.

— Крайдайки был бы горд, — сказала она. Акеакемаи забил хвостом, сдержанно воспринимая похвалу.

Ирония способствует хорошей поэзии.

— Прошу простить мое невежество в звездной физике, — начала Сара Кулхан, — но я ее изучаю, так что позвольте убедиться, что я все поняла верно.

Когда это огромное облако мусора и трупов наконец опадет, оно на десять процентов увеличит массу горячего карлика, оказавшись на его плотной раскаленной поверхности. Этот карлик уже почти достиг предела Чандрасекара. Огромное количество нового материла уплотнится до невероятной величины, начнется поверхностное ядерное слипание, которое в свою очередь вызовет…

…образование того, что земляне называют «сверхновой типа один», вмешалась машина Нисс, неспособная противиться запрограммированному стремлению прерывать других.

Обычно это происходит, когда с гигантской звезды срывается большое количество материи и быстро падает на соседний белый карлик. Однако в данном случае в качестве катализатора выступит плоть некогда живых разумных существ! Материя их тел позволит разжечь погребальный костер, который на мгновения затмит всю эту галактику и будет виден до пределов вселенной.

Джиллиан показалось, что в голосе созданной тимбрими машины звучат истерические нотки. Запрограммированный так, чтобы постоянно искать новое и удивительное, Нисс, очевидно, дошел до предела того, что способен вынести.

— Согласна. Кажется, шансов на выживание нет, какой бы ни была наша защита. Однако совпадение кажется слишком необычным, чтобы его игнорировать.

— Совпадение? — переспросил Суэсси.

— Отказ от момента углового движения кажется слишком совершенным. Трансценденты, должно быть, предприняли меры, чтобы это произошло. Они убили оставшихся кандидатов специально

— чтобы вызвать предстоящий взрыв.

— Что в таком случае? Остается главный вопрос — почему мы здесь, смешиваем свои атомы с другими несчастными жуками, зверями и прочими беднягами?

Джиллиан пожала плечами.

— Не знаю, Ханнес. Очевидно, нам предстоит сыграть какую-то роль. Но какую именно? Кто знает?

Зуб'даки не ожидал коллапса массы по крайней мере в течение двадцати часов. Возможно, нескольких дней.

— Падение может приостановить давление радиации по мере разогрева звезды, — объяснил дельфин. — Это может повлиять на весь процесс зажигания. Конечно, если они не нашли решение и этой проблемы.

Ему не нужно было объяснять, кто такие «они». Поблизости висела светящаяся игла-врата, размером с земную Луну, продолжая окутывать паутиной из загадочных прозрачных нитей несколько плененных судов.

Убедившись, что кризис не произойдет немедленно, Джиллиан решила немного отдохнуть у себя в кабинете. Войдя в полутемное помещение, она бросила взгляд на древний труп, улыбаю-

щийся в своем стеклянном гробу.

— Похоже, наши мучения скоро кончатся, Херби. Наступает конец, который сотрет все наши беды.

Разумеется, тощий труп ничего не ответил. Джиллиан вздохнула.

— Ну ладно. У Тома было любимое изречение. Если тебе действительно нужно уходить, можешь…

Ее слова подхватил баритон:

…можешь уходя хлопнуть дверью.

Джиллиан быстро повернулась, слегка присев. Сердце забилось от удивления. Кто-то — или что-то — стоит в тени. Высокая двуногая фигура, с широкими плечами, как у сильного мужчины.

— Кто… кто здесь? — спросила Джиллиан. Голос казался необыкновенно знакомым.

Тот, кого вам не следует опасаться, доктор Баскин. Сейчас я выйду на свет.

И когда он вышел, сердце Джиллиан забилось еще быстрей. Она сделала шаг назад, прижав руку к груди. Эта клинообразная фигура вызывает одновременно надежду и ужас. Джиллиан хрипло сказала:

— Т-том?..

Он с готовностью улыбнулся. У него всегда

была такая улыбка — слегка мальчишеская. Поза расслабленная, но в то же время готовая ко всему. И эти знакомые руки, способные выполнить тысячи дел.

Голова — черные волосы с седой прядью — слегка наклонилась, как будто немного разочарованная ее реакцией.

Джилл, неужели ты так легковерна, что веришь всему, что видишь?

Джиллиан попыталась справиться с бурей эмоций, особенно с накатившей волной страшного одиночества: надежда, возникшая на мгновение, тут же рассеялась. Если бы это действительно был Том, она узнала бы об этом, даже не видя его. И все же это утомленное лицо кажется таким знакомым, на нем следы испытаний, по сравнению с которыми бледнеют ее собственные неприятности. Ей хотелось броситься к нему и удержать. Хоть ненадолго забыть о своих тревогах.

Даже зная, что это ложь.

— Я… не настолько наивна. Полагаю, совершенно ясно, кто вы на самом деле. Скажите… образ Тома вы взяли из моего сознания? Или…

Она бросила взгляд на свой стол, на голографическое изображение мужа рядом с портретом Крайдайки и с другими, теми, кого она знала и

любила на Земле.

Немного того и другого, голос прозвучал, когда Джиллиан слегка отвернулась. *Наряду со многими другими источниками. Нам казался полезным такой подход, объединяющий похожесть с напряжением и сожалением. Может быть, немного жестоко. Но способствует сосредоточенности.*

Вы сосредоточились?

— Я вас слушаю, — ответила она, поворачиваясь лицом к посетителю… и тут ее поджидал новый сюрприз.

Том исчез! На его месте стоял Джейкоб Демва, пожилой глава разведывательной службы Террагентского Совета, благодаря которому и стала возможна отправка корабля с экипажем из дельфинов. «Стремительный» — в такой же мере дело его, как Крайдайки. Темная высохшая кожа свидетельствует о многих годах, проведенных в космосе, в перелетах от одного земного аванпоста к другому, в попытках оттянуть неизбежный конец расы волчат.

Отлично, сказал гость голосом старого Джейка… хотя каких-то оттенков юмора и одновременно сварливости ему не хватало. *Потому что я могу использовать только очень малую часть своего сознания. Есть множество других дел,*

которые требуют немедленного завершения.

Джиллиан кивнула.

— Могу себе представить. Вы, трансценденты, должны быть ужасно заняты, убивая триллионы разумных существ, чтобы запалить свой космический факел. Скажите мне, ради чего умирают все эти бедняги? Это религиозная жертва? Или что-то более практичное?

А нужно ли выбирать? Можно сказать, что и то и другое. И ни то, ни другое. Эту концепцию трудно объяснить с помощью символов вашего дискурсно-символического языка.

Почему-то она ожидала такой ответ.

— Вероятно, это правда. Но все равно спасибо за то, что не использовали слова «грубый» или «примитивный». И до вас многие напоминали нам, как низко мы находимся в пирамиде жизни.

Призрак Джейка Демвы улыбнулся, все морщинки разбежались в нужных местах.

В ваших словах звучит горечь. После контактов с так называемыми Древними не могу вас в этом винить. Эти существа ненамного древнее вас и вряд ли знают больше. Такие незрелые души часто бывают высокомерны несоразмерно со своими подлинными достижениями. Они пытаются показать, как высоко поднялись, унижая тех, кто

под ними. В своем собственном дневнике, доктор Баскин, вы приводите сравнение с «муравьями, которые суетятся под ногами богов».

Но на самом деле подлинный разум должен быть способен на эмпатию даже по отношению к «муравьям». Используя лишь малую часть своего сознания, я могу с вами говорить таким образом. Ведь быть добрым — это совсем немногого стоит, особенно когда эти усилия оправдываются.

Джиллиан мигнула, не в силах решить, чувствовать ли ей себя благодарной или оскорбленной.

— Ваше представление об избирательной доброте… приводит меня в ужас.

Двойник Демвы пожал плечами.

Иногда ничего нельзя изменить. Эти составные существа, которые недавно умерли — те самые, чья масса и другие их принадлежности сейчас составляют густое облако, — они своей смертью послужат гораздо лучше, чем если бы стали младшими трансцендентами. Здесь и во многих других местах по всему известному космосу они точно в нужный момент зажгут маяки, зажгут их в то мгновение, когда судьба на очень короткое время откроет окно, позволив небесам общаться.

Джиллиан сосредоточенно наморщила лоб.

— Маяки? Нацеленные куда? Вы, трансценденты, и так владеете всем в пределах Пяти…

Неожиданно ей пришла в голову догадка.

— *Наружу?* Вы хотите связаться с другими, за пределами Пяти Галактик?

Демва как будто одобрительно замурлыкал: *Вот видите? Простые рассуждения доступны даже муравью.*

Действительно, целью этого грандиозного предприятия является отправка сообщения из одного района неба в другой. С тем взрывом, который вскоре произойдет здесь, на мгновение превзойдя своей яркостью всю вселенную, мы можем отправить приветствие.

— Но…

Но! Вы собираетесь возразить, что мы можем сделать это в любое время! Для таких существ, как мы, легко создавать сверхновые, зажигать их как сигнальные огни.

Это правда! Но этот метод слишком медлителен, сигнал слишком насыщен шумом для сложного сообщения. Это все равно что крикнуть всей вселенной: «Я здесь!»

Однако огромное большинство соседних галактик сохраняет загадочное молчание или излучает колебания, которые мы не в*состоянии*

разгадать даже с помощью наших лучших моделей. В любом случае эта загадка не может быть разрешена отдельными слабыми лучами света.

Избегая пристального взгляда лже-Демвы, Джиллиан в задумчивости смотрела на дальнюю стену. Наконец она сказала:

— Ручаюсь, это имеет отношение к Большому Разрыву, предсказанному Сарой. Многие старые соединительные линии — подпространственные каналы и п-пункты — начали разрываться. Четвертая Галактика может совершенно оторваться.

Она сжала кулаки.

— В этом должна быть какая-то возможность, которая возникает только во время разрыва, когда все уровни гиперпространства перепутываются. Окно во времени, когда…

Посмотрев на своего гостя, Джиллиан увидела, что он снова преобразился. Теперь Джейка Демву сменил образ *матери Тома.*

Мэй Орли, укутанная в термальную одежду, чтобы защититься от холодной миннесотской зимы, с лыжными палками в руках, улыбнулась ей.

Продолжай, моя дорогая. Что еще ты предполагаешь?

Раньше, до того, как она отправилась в этот

долгий, насыщенный происшествиями полет, такая быстрая трансформация могла бы смутить Джиллиан, заставить ее нервничать. Но после нескольких лет разговоров с машиной Нисс она научилась не обращать внимания на грубое вмешательство, как утка не замечает дождя, падающего ей на спину.

— Окно во времени, когда пространственные связи становятся прочнее обычных! — Она указала пальцем на трансцендента. — Когда можно перебросить физические объекты через непроходимую пропасть между скоплениями галактик. Словно бросаешь послание в бутылке, надеясь на морские течения.

Прекрасная метафора, одобрила ее эрзац-свекровь. *Действительно, разрыв подобен могучей всепожирающей волне, способной в мгновение преодолеть мегапарсеки. Сверхновая, которую мы зажигаем, станет рукой, бросающей в море бутылки.* Джиллиан глубоко вдохнула: ей пришло в голову следующее предположение.

— Вы хотите, чтобы «Стремительный» стал одной из этих бутылок.

Точно! — Трансцендент восхищенно зааплодировал. *Ты, как и наши модели и расчеты, предполагаешь изменение в процедуре. Добавив*

к смеси волчат, мы на этот раз получаем совершенно необходимый ингредиент. Возможно, это предотвратит неудачу, которой заканчивались все наши предыдущие попытки, те случаи, когда мы пытались отправить послание через обширную плоскую пустыню, разделяющую наши соединенные галактики и мириады других небесных спиралей, которые мы видим, но с которыми никак не можем связаться.

Джиллиан больше не могла выдерживать вкрадчивого присутствия Мэй Орли. Она закрыла глаза — отчасти для того, чтобы дать возможность трансценденту снова изменить облик… но также и потому, что была ошеломлена. Колени подгибались: она начинала понимать.

Вместо неминуемой гибели в страшном взрыве ей предлагают приключение — самый необычный исследовательский полет, и Джиллиан чувствовала себя так, словно ее сильно ударили в живот.

— Вы… готовили это давно, верно?

Как только оправились после самого первого зарегистрированного кризиса, сразу после ухода Прародителей, когда было разорвано наше счастливое сообщество семнадцати Галактик. Все эти века мы стремились восстановить контакт с

потерянными братьями.

Произнося эти слова, голос изменился, стал грубее. И серьезнее.

Эта боль мучительней всего, что вы можете себе представить. Именно по этой причине — прежде всего — мы позаботились, чтобы звездные расы покинули Четвертую Галактику. Чтобы на этот раз потеря была менее болезненной.

Открыв глаза, Джиллиан увидела, что теперь трансцендент предстал в виде Чарлза Дарта, ученого шимпа, исчезнувшего на Китрупе вместе с Томом, Хикахи и десятком других членов экипажа.

— Вы действительно помните такие давние события? *Живя глубоко в Объятиях Приливов, кружа по орбитам внутри образований, которые вы называете «черными дырами», мы достигаем нескольких результатов. В этом царстве невероятного тяготения мы способны делать квантовые расчеты неизмеримо большого масштаба, соединяя возможности всех порядков жизни. С любовью и заботой мы воспроизводим события прошлого, создаем альтернативные реальности, даже определяем судьбы космоса.*

Джиллиан сдержала приступ истерического смеха. Такие громкие слова из уст шимпанзе!

К ней вернулся самоконтроль, но трансцендент как будто ничего не заметил, продолжая объяснение.

Есть еще одно следствие жизни у горизонта событий, где пространство-время сжимается так плотно, что даже луч света не может вырваться. Ход времени для нас замедляется, а в остальной вселенной время продолжает бешено нестись.

Другие, минуя нас, погружаются в сингулярности, очертя голову ныряют в неведомые глубины, следуя собственным представлениям о судьбе, но мы остаемся на страже, неподвластные энтропии, мы ждем, наблюдаем, экспериментируем.

— Другие минуют вас… — повторила Джиллиан, быстро мигая. — Ныряют в черные дыры? Но кто…

На лице ее вместе с осознанием появилась мрачная улыбка.

— Вы говорите о других трансцендентах! Клянусь Богом, вы ведь не единственные высшие, верно? Все порядки жизни смешиваются у черных дыр: гидрос, кислородники, машины и все остальные — собираются у самого большого прилива. Но для большинства из них история на этом не заканчивается, верно? Они продолжают

двигаться — уходят в сингулярности! Перенесет ли это их в лучшую вселенную или превратит в мусор — они предпочитают идти вперед, а вы, парни, остается сзади.

Почему? — спросила она, переходя к сути. — Потому что боитесь? Потому что вам не хватает смелости, чтобы посмотреть в лицо неизвестному?

На этот раз трансформация произошла прямо у нее на глазах. Многоцветный вихрь, каким-то образом говорящий о раздражении. И мгновение спустя вихрь превратился в ее отца, давно мертвого, но сейчас выглядящего так, как в самом конце. Отец лежит на больничной постели, он исхудал, измучился и неодобрительно смотрит на нее.

Я бы подумал, доктор Баскин, прежде чем насмехаться над могущественными существами, мотивы действий которых для вас недоступны.

Она кивнула.

— Справедливо. Прошу прощения. Не выберете ли другую форму? Эта…

В мгновенной вспышке посетитель превратился в ротена, одного из тех преступников, которые утверждают, что они патроны землян и смогли создать культ. Из последователей этого культа

они набирают помощников в своем мошенничестве. Джиллиан поморщилась. Это напоминание о той тяжелой ситуации, которая сложилась дома, когда угрозы и опасности с каждым годом, месяцем и днем громоздятся все выше.

Теперь, когда я объяснил вам вашу роль, нужно обсудить некоторые другие проблемы, продолжал эрзац-ротен. *В ваш компьютер введено несколько программ — кое-какие предосторожности, которые нужно предпринять, чтобы вам было удобней в предстоящем переходе. Новая оболочка, которой мы окружили ваш корабль, вполне разумна и способна на многое. Она защитит вас во время взрыва звезды, поглотит большую часть тепла и ударной волны, когда вас отбросит в на гиперуровень намного ниже…*

Джиллиан прервала его:

— А что, если мы не хотим в этом участвовать?

Существо в облике ротена улыбнулось — от этой дружеской улыбки Джиллиан стало холодно.

Разве приключения и слава — недостаточные мотивации? Тогда попробуем кое-что другое.

В данный момент защита Земли рушится. Вскоре враги захватят вашу родную планету, затем все ее колонии и даже тайные убежища, в которых отчаявшиеся земляне пытаются

обеспечить безопасность немногим. Только вы, на борту «Стремительного», сможете нести семена своих видов, своей культуры, унести далеко от этих хулиганов-мальчишек, которые убьют или обратят в рабство всех людей и дельфинов. Разве ради предков и потомков вы не обязаны это сделать? Ведь у вас появляется возможность сохранить свою линию вдалеке от всех опасностей.

— Но насколько это вероятно? — спросила Джиллиан. — Вы ведь сами признали, что раньше никогда не получалось.

Расчеты говорят, что на этот раз, когда к нашему рецепту добавлены волчата, вероятность успеха намного больше. Я уже сказал об этом.

Джиллиан покачала головой.

— Мне жаль. Искушение сильное, но у меня приказ. Долг…

Долг перед Террагентским Советом? Трансцендент как будто заколебался.

— Да… но и перед всей моей цивилизацией. Цивилизацией Пяти Галактик. Возможно, для вас это муравейник. И вы правы: сейчас не лучшее время, и правят «хулиганы-мальчишки», которых вы упомянули. Но тимбрими и кое-кто еще полагают, что это может измениться, если использовать верные стимулы.

Она кивком указала на Херби, древний реликт, доставшийся «Стремительному» в Мелком скоплении.

— Правда может тонизировать — даже тех, кто боится. Ротен кивнул, и черты его начали растворяться в новой трансформации.

Достойная похвалы позиция молодой и благородной расы. Хотя, конечно, наши потребности важнее цивилизации капризных звездных примитивов.

Во всяком случае, время почти кончилось… как вам предстоит узнать самим.

Пока Джиллиан размышляла над смыслом его последнего замечания, черты лица посетителя оставались неясными.

Неожиданно на ее столе прозвенел звонок связи. Появилось небольшое голографическое изображение. Это был Зуб'даки. Серая голова дельфина выглядела возбужденной и встревоженной. Казалось, он не видит, что Джиллиан не одна.

— Доктор Баскин!

— Да? В чем дело, Зуб'даки?

— События ускоряются непредвиденным образом. Вам стоит прийти и посмотреть!

У Джиллиан внутри все перевернулось. В нор-

мальном состоянии она тут же отозвалась бы на этот призыв. Но сейчас ей трудно было представить что-нибудь более важное во всей вселенной, чем этот разговор с трансцендентным божеством, которое управляет их жизнью.

— Нельзя ли немного подождать? Я сейчас занята… Темные глаза дельфина астронома слегка расширились, он словно не верил услышанному.

— Доктор… позвольте объяснить. Я говорил, что падение обломков задержит световое давление. По мере того как белый карлик разогревается, его усиливающееся излучение отталкивает коллапсирующий диск, замедляет поступление новой материи. В результате сверхновая вспыхивает не сразу.

Но кое-что изменилось! Газ и пыль начали *слипаться!* Вся масса консолидируется в небольшие плотные шарики! Образуются триллионы и квадрильоны таких камешков.

— Ну и что? — Джиллиан пожала плечами. Присутствие посетителя не давало ей сосредоточиться. Он как раз остановился перед стеклянной витриной, разглядывая Херби. Черты трансцендента продолжали колебаться, как будто он проходил новое превращение. Джиллиан поняла, что он пытается выглядеть так, как когда-то

выглядел Херби — до того, как мумия провела миллиард лет в Мелком скоплении.

— Что? Вы спрашиваете что? — Зуб'даки в ужасе запинался. — Это означает, что облако таких камешков пропускает свет! И падает на звезды. Ничто не мешает этому падению! Огромная масса движется вниз с ужасной скоростью!

Джиллиан кивнула.

— Итак, сверхновая вспыхнет быстро и одновременно.

— И с беспрецедентной силой!

Пока она разговаривала с Зуб'даки, посетитель как будто испытывал трудности с нахождением подходящей внешности: в фигуре Херби от него что-то ускользало. Или трансценденты слишком заняты другими проблемами, чтобы использовать больше мощность компьютеров на такое несущественное дело.

Джиллиан покачала головой.

— Полагаю, мы присутствуем при действии суперкомпетентной технологии, Зуб'даки. Очевидно, все это было подготовлено заранее. Может быть, задолго до нашего рождения. Скажи мне, каковы новые оценки времени начала коллапса.

В голосе дельфина прозвучало раздражение.

— Вы меня не поняли, доктор. Падение уже…

Голос астронома стих, прерванный резкими сигналами тревоги. Дельфин повернул голову. За ним стали видны фигуры, быстро движущиеся в разных направлениях. Это члены экипажа занимали позиции по боевому расписанию. Затем изображение Зуб'даки исчезло.

Вместо него появилось вращающееся торнадо машины Нисс.

— В чем дело? — спросила Джиллиан. — А сейчас что случилось?

Нисс слегка пригнулся, как будто начиная замечать присутствие ее гостя. Потом голограмма вздрогнула и как будто совершенно забыла о трансценденте.

Я… должен доложить, что на нас снова нападают.

Джиллиан мигнула.

— Нападают? Кто?

А кто, по-вашему? Наш старый рок — корабль джофуров «Полкджи». Хотя он явно поврежден и трансформирован, но приближается быстро и уже начал излучать колебания на резонансной частоте пространства Д. Наш корпус снова превращается в принимающую антенну…

— Замолчи! — крикнула Джиллиан, размахивая перед собой руками. — Это безумие! Разве

джофуры не видят, что здесь происходит? И не знают о нашей защите?

Нисс знакомо пожал плечами.

Понятия не имею, что знают или чего не знают джофуры. Такая настойчивость на пороге гибели граничит с безумием. И однако факты остаются. Температура нашего корпуса уже начала расти.

Джиллиан повернулась к гостю, чье лицо гуманоидной амфибии стало прекрасным, оно чуть ли не светилось. В любое другое время это стало бы одним из самых сильных впечатлений в жизни Джиллиан, но сейчас она едва бросила на него взгляд.

— Ну? — спросила она.

Что ну, доктор Баскин? — ответил трансцендент, поворачиваясь к ней. В реконструкции ее давнего спутника, этого допотопного трупа, по-прежнему было что-то незавершенное.

— Ну… вы собираетесь нас защитить? *А вы просите нас о защите?*

Она от удивления едва смогла заговорить.

— Мне казалось… вы приложили такие усилия, отбирая и готовя нас…

Машина Нисс удивленно дрогнула.

Вы разговариваете со мной? С вами кто-то

есть? Мои сенсоры не способны…

Раздраженным взмахом руки Джиллиан приказала своему искусственному помощнику исчезнуть. А сама удивленно смотрела на трансцендента, который с каждым мгновением становился ярче.

Такие вложения требуют уверенности, доктор Баскин. Способны ли волчата выжить, преодолевая пропасть между небесами? Хватит ли вам мужества, чтобы выдержать то, что вас ожидает? Сможете ли вы перенести встречу с теми, кого встретите, когда окажетесь в далеких галактиках?

Теперь ее посетитель сиял, завершив преобразование из мумии в нечто подлинно божественное.

Нам кажется, что необходима еще одна, последняя, проверка. Для подтверждения вашей храбрости.

Джиллиан прикрыла глаза, и все же свечение было слишком ярким, оно проходило сквозь руку, и она увидела очертания собственных костей. Голос посетителя пронзил ее кожу, он теперь звучал в душе.

Вам предстоит выдержать еще одно испытание… в немногие оставшиеся мгновения… перед

тем, как вселенная изменится.

ЛАРК

Несмотря на отдельные перерывы, отдаленный голос слышался четко, резонируя в сознании.

...нужно обсудить некоторые другие проблемы... кое-какие предосторожности, которые нужно предпринять, чтобы вам было удобней в предстоящем переходе... новая оболочка... защитит вас во время взрыва звезды... когда вас отбросит на гиперуровень гораздо ниже...

Работая вместе с Линг и другими членами материнского консорциума, он наконец достиг цели — сумел просеять невероятно сложную сеть трансцендентов и найти что-нибудь настолько простое, что может понять органическая жизнь. Пока это был лучший результат после всех усилий. Объяснение — на чистом англике — того, что высшие существа надеются получить от всего этого смятения.

Очевидно, они воспользуются редким состоянием космоса, чтобы направить специально модифицированные корабли, перебросить своих посланников через невероятную пропасть, разделяющую отдельные скопления галактик.

Добавив к смеси волчат, мы на этот раз по-

лучаем… предотвратит неудачу, которой заканчивались все наши предыдущие попытки… когда мы пытались отправить послание через обширную плоскую пустыню, разделяющую наши соединенные галактики и мириады других небесных спиралей, которые мы видим, но с которыми никак не можем связаться…

Ларк чувствовал, как нарастает возбуждение в жидкой среде, в которой плавают они с Линг и множество других организмов-симбионотов. «Мать» явно была возбуждена и встревожена полученными новостями. Он знал это отчасти и потому, что его собственные тревожные мысли способствовали формированию этого общего настроения.

Линг дала знать о своем присутствии. Повернув голову, он увидел, что она плывет к нему в живой среде. Подплыв, Линг взяла его за руку. И в момент этого контакта он воспринял ее сознание, узнал новые страшные известия.

Ты это чувствуешь? Мастер-кольца решили напасть и уничтожить «Стремительный», каковы бы ни были последствия!

Ларк удивленно мигнул. Попробовал сам мысленно проникнуть в сеть «Полкджи», нашел командную частоту джофуров, и вскоре худшие

его опасения подтвердились.

Груда-священник и новый капитан-лидер достигли полного согласия. С мрачной решимостью они направили «Полкджи» по новому, смертоносному курсу. Нападали, независимо от последствий.

Но чего они надеются достичь? Вмешательство в дела трансцендентов только заставит эти могучие существа прихлопнуть корабль — и всех нас па его борту, — как надоедливую мошку!

Линг кивнула, и Ларк понял, что сам ответил на собственный вопрос. С точки зрения командира джофуров, это предоставляло последний шанс уничтожить гибридный водородно-кислородный сверхорганизм, который захватил большую часть корабля. Очевидно, джофуры предпочитают сдаче гибель со славой.

Это самоубийственное решение опечалило Ларка. Если бы они просто подождали вспышки сверхновой! Ему так хотелось увидеть это невероятное явление, почувствовать, как первый сверхплотный поток нейтрино пронизывает тело, предвещая новый рассвет. Рассвет, который разгонит ночь на мириадах планет.

Конечно, мать не собиралась терпеливо дожидаться этого. С одобрения всех разумных членов

сообщество немедленно начало наступление на сохранившиеся укрепления непреображенных джофуров. Вскоре Ларк начал испытывать ярость битвы: обе стороны обменивались огненными ударами в коридорах «Полкджи», еще более повреждая стены корабля. Нервные окончания Ларка реагировали на каждую рану или смерть физической болью. Очень личной болью.

Мать вот-вот прорвется в машинное отделение, заметила Линг. *Но мы можем не успеть отключить двигатели, чтобы спасти землян… или предотвратить гнев трансцендентов.*

Сопротивление было отчаянным, груды колец и роботы упорно противостояли нападению. Но шары зангов и другие члены материнского сообщества продолжали натиск, смело преодолевая линии обороны джофуров.

Надо им помочь, подумал Ларк, и Линг кивнула. Оба они чувствовали, что резервы матери на пределе. Сейчас не время оставаться позади.

И все же, когда они уже собрались присоединиться к схватке, что-то удержало их. Сопротивление, которое остановило Ларка.

Это был не приказ. Скорее общее решение — общее чувство всех остальных компонентов симбиоза. Согласие с тем, что нельзя рисковать

двумя людьми.

Они лучше послужат своим умом и опытом, проникая в сеть и снова попытавшись связаться.

Ларк неохотно признал разумность такого решения. Вместе с Линг он вернулся к работу, открыл каналы, которые они обнаружили раньше.

Нам кажется, что необходима еще одна, последняя, проверка… для подтверждения вашей храбрости…

Еще одно испытание… перед тем как вселенная изменится…

Ларк выдохнул, и в густой среде повисла цепочка пузырей.

Вот оно что. Трансценденты продолжают действовать, они до самого последнего мгновения пытаются усовершенствовать свой эксперимент. А может, «боги» просто забавляются за счет бедных землян. В любом случае они не будут защищать «Стремительный» от этого последнего нападения. Напротив, они позволят «Полкджи» напасть и потом оценят результаты.

Времени на исследования не было. Частью сознания Ларк продолжал следить за падением огромной массы обломков.

Края этого облака на огромной скорости уже коснулись поверхности белого карлика, и эта

поверхность закипела. Ее начали пересекать концентрические волны синего пламени, выбрасывая назад в космос языки плазмы, предвестники предстоящего грандиозного фейерверка.

Тем временем с командного мостика «Полкджи» несся поток незакодированных оскорблений, направленных против экипажа «Стремительного». А корпус земного корабля уже превратился в приемную антенну, выкачивающую энергию из других сложенных слоев пространства.

И тут послышался знакомый голос.

Это был старый друг Ларка, треки с Джиджо, который когда-то был Асксом, потом Эвасксом, а теперь стал мудрым многокомпонентным существом, которое называлось просто «Х».

Мне наконец удалось установить контакт с компьютером земного корабля, объявило это гибридное существо.

Поздравляю, ответил Ларк. *Ты послал информацию, которую собирался передать?*

С чувством удовлетворения Х подтвердил, что это сделано. Все, что известно о мастер-кольцах джофуров, теперь передано в бортовую базу данных «Стремительного», включая инструкцию по выращиванию красных колец — того самого типа, который способен успешно сопротивляться

эгоцентрическому господству.

Но что хорошего может дать эта информация? Даже если «Стремительный» выдержит это нападение и последующий звездный взрыв, трансценденты забросят его далеко от Пяти Галактик, пустят по космической приливной волне туда, где нет ни одного джофура.

Х никак не показывал, что понимает это несоответствие.

Вас может заинтересовать кое-что еще из того, что я узнал. На борту земного корабля есть пассажир. Теперь его считают одним из почитаемых лидеров. Это человек, знакомый вам обоим.

Ларк чувствовал за этими словами боль и иронию. Направив волю на указанную тропу, он установил контакт с личными файлами «Стремительного» и узнал, о данных какого человека говорил Х.

Сара!

От изумления он содрогнулся. По бокам прокатились маленькие водовороты, Линг сжала его руку, чтобы помочь преодолеть шок.

Но что моя сестра там делает… так далеко от Джиджо? Как она попала в такую переделку?

Удар оказался еще сильней, потому что одновременно мать выдала оценку температуры на

борту «Стремительного». Она достигнет критической величины через полмидура.

А вскоре после этого вся вода на борту корабля с экипажем из дельфинов закипит.

ЭМЕРСОН

Тревога как будто застигла всех на командном мостике «Стремительного» врасплох.

Остальных так тревожила разгневанная, разбухающая звезда—и загадочные действия соседней иглы-врат, — что они как будто забыли об угрозе от более низменного врага.

Но он не забыл.

Эмерсон понимал, что этого нельзя делать. Он и раньше имел дело с джофурами и знал их упорство — целеустремленность, приданную этой расе беззаботными патронами, проводившими Возвышение. Эти патроны так и не сумели оценить все последствия вносимых ими изменений. И когда началось нападение, Эмерсон был к нему готов.

Не владея речью и письмом, он не мог читать надписи на мониторах или судить об истинной природе оружия джофуров. Но подробности не важны. Он понимал, что каким-то образом враг разогревает «Стремительный». Стены и палубы уже испускают волны неприятного тепла. И хотя маленькое солнце еще не готово взорваться, корабль получает огромные количества энергии.

Сара взяла его за руку, и он почувствовал себя виноватым: чтобы уйти, ему пришлось оттолкнуть ее. Но Эмерсон решил, что лучше попытаться спасти ей жизнь, чем оставаться рядом и поджариться вместе.

Он побежал по жаркому коридору и на бегу кричал, надеясь, что автоматический интерком передаст его простое сообщение:

— Суэсси!.. Каркаетт!.. Пора, пора, пора!

Придут ли они? Так много пришлось работать, чтобы осуществить его идею, применив двухсотлетней древности технологию к новым проблемам выживания. Он продолжал беспокоиться. Они могли просто успокаивать его, работать вместе с ним, только чтобы быть занятыми до конца…

Пробравшись по туннелю системы жизнеобеспечения, Эмерсон наконец достиг небольшого помещения, где в последний раз встречался с Древними… и почувствовал облегчение, видя, что Суэсси и два инженера-дельфина уже здесь, собрались вокруг большого лазера. Они разговаривали друг с другом на родном инженерном жаргоне. Эмерсон больше не понимал их коротких энергичных реплик, но речь их тем не менее звучала для него как музыка.

Изящная музыка компетентности.

Ханнес повернул свой зеркальный купол и задал Эмерсону вопрос. Настолько простой, что его смогли понять сохранившиеся центры речи.

— Да! — Эмерсон энергично кивнул. — Делайте… это!

Ханнес повернул ручку, и лазер неожиданно откатился на своем основании — он засвистел и напрягся, как огромный зверь, готовый к действиям.

Эмерсон передвинулся, чтобы иметь возможность посмотреть вдоль массивного ствола: ему было интересно взглянуть, куда уходит энергия.

Но он увидел только звезды.

На соседнем экране видна была красная точка, представляющая джофурский корабль «Полкджи», который подходит к «Стремительному» с другой стороны.

Конечно, с Древними ему повезло. Нужна была удача, чтобы враг оказался в пределах досягаемости. Да и могучая защита боевого корабля способна отразить даже такой мощный удар.

Эмерсон пожал плечами. Не важно. Ему не нужно уничтожать корабль джофуров, чтобы нанести им поражение.

Он ощутил холодный ветерок. Вздрогнул и

увидел, что над дыхалами у дельфинов возникают туманные облачка, как индивидуальные замерзшие фонтаны. Собственное его дыхание тоже начало конденсироваться. Через несколько мгновений в небольшом помещении стало заметно холоднее, и Ханнес приказал всем уходить. Пора дать возможность машине действовать, как было запланировано.

Тем не менее Эмерсон задержался, наслаждаясь потоком ледяного воздуха, который вентиляторы разносят теперь по всему кораблю. Он представил себе луч лазера в виде гигантского насоса, выкачивающего тепло с такой же скоростью, с какой оно поступает, а потом выбрасывающего назад в космос. И улыбнулся тому, что древняя земная технология нанесла поражение галактам — как и когда-то давно, в пасти разъяренного солнца.

У меня… еще есть… они… — Он посмотрел на свои руки.

Но когда улыбка стала шумной — застучали зубы, Эмерсон наконец позволил Ханнесу и остальным утащить себя в обитаемую зону.

Там его ждет Сара.

И теперь у них есть возможность побыть вместе.

Пока не взорвалась звезда.

ДЖИЛЛИАН

— Вы никогда не вызывали добровольцев, — обвиняющим тоном сказала она своему гостю.

Трансцендентное существо вернулось в ее кабинет, собравшись из пылинок и частиц воздуха — может быть, чтобы возобновить разговор или поздравить Джиллиан с хитроумным трюком, разыгранным инженерами «Стремительного». Они создали *лазер-рефрижератор,* устройство для выбрасывания тепла за борт. И всю энергию, которую враг направлял из пространства Д, это устройство возвращало назад.

Мало кому из галактов требовалось такое грубое, безвкусное, *волчачье* приспособление. Оно казалось нелепо примитивным, вроде ракет или самолетов, приводимых в движение пропеллером. Но когда двести лет назад люди начали впервые исследовать глубины собственного солнца — они занялись этим из чистого любопытства, — трюк с использованием лазера в противоположном направлении оказался полезным и спасительным.

Вскоре после появления гость словно подплыл к Джиллиан. Это было существо с блестящей

серой кожей, с коротким мощным хвостом; его плавники действительно подняли своими ударами ветер, сбросив бумаги со стола Джиллиан. Еще более сгустившись, существо приняло облик самого близкого друга Джиллиан среди дельфинов лейтенанта Хикахи, той самой, кто вместе с Томом и Чарлзом Дартом осталась на Китрупе.

Прежде чем трансцендент заговорил, Джиллиан закончила свое обвинение.

— Вы говорите, что вам нужны волчата, чтобы добавить нужный ингредиент к своему посланию в другие галактики. А вам не приходило в голову спросить? Я знаю землян. Вы нашли бы тысячи, миллионы добровольцев для такого путешествия! Даже если бы заранее было известно, что предстоит слияние с гидрос, машинами и другими ужасными тварями. У нас всегда было достаточно свихнувшихся и любителей приключений. Да они заплатили бы любую цену, лишь бы увидеть далекий горизонт.

Эрзац-дельфин лениво повернулся на бок, словно наслаждаясь новым ощущением.

Мы это запомним, сказал он так похоже на голос Хикахи, что у Джиллиан заныло в груди. — *И, может быть, воспользуемся вашим советом… когда вопрос возникнет в следующий раз…*

Она посмотрела на него и коротко, сухо рассмеялась.

— Конечно. Когда будет предстоять новый разрыв, через сто миллионов лет!

Для тех, кто живет вблизи подлинных сингулярностей, это не так долго. Для нас, тех, кого вы называете «трусами» за то, что мы не ныряем в неизвестное, а задерживаемся на границе черной дыры.

— Послушайте. — Джиллиан подняла руку. — Я уже извинилась за это. Мне кажется, что теперь нам лучше прекратить…

Преследование? Гость изогнул свое подобие тела. Джиллиан приподняла брови.

— Вы уже знаете…

Что вы собираетесь сказать? Ваши поверхностные мысли легко прочитываются. Но даже без использования пси мы можем делать хорошие оценки, основанные на изучении вашего поведения в различных обстоятельствах. Наши модели недавно были пересмотрены. Хотите знать, что предсказывают наши последние расчеты?

Она осторожно ответила:

— Слушаю.

Двойник Хикахи одним черным глазом посмотрел на Джиллиан.

Вы собираетесь отклонить честь быть нашими посланниками. Вы будете утверждать, что вас удерживают ваши обязательства, которые невозможно игнорировать.

Джиллиан пожала плечами.

— После нашего последнего разговора всякий догадался бы об этом. Предположим, я отклоняю ваше предложение. Как вы на это ответите?

Я скажу, что у вас нет выбора. Ваш корабль уже окружен средством для передвижения и одновременно защитой, он готов воспользоваться возможностью, когда поблизости откроется щель в пространстве-времени. Если повезет, вы сможете проникнуть за грани известной цивилизации. От такой подготовки легко не отказываются. Ваш отказ не будет принят.

Джиллиан горько вздохнула.

— Полагаю, мне следовало ждать такого ответа. Итак, что говорят ваши модели о моем следующем ответе?

Существо в облике дельфина рассмеялось.

Вы ответите угрозами.

Вы скажете, что готовы взорвать свой корабль… или каким-то другим способом помешать доставке послания.

Джиллиан почувствовала, что краснеет. Имен-

но таким был бы ее следующий ход. Отчаянный ход. Но за то короткое время, что было в ее распоряжении, она ничего другого не придумала.

— Вероятно, это что-то вроде клише.

Естественно, мы приняли во внимание все подобные возможности. В данном случае наш анализ показывает, что вы будете блефовать. При необходимости выбора между приключением, с одной стороны, и несомненным уничтожением — с другой, вы несомненно выберете приключение/

Джиллиан опустила плечи. Трансценденты быстро учатся, а обладая невероятной расчетной мощностью, они могут моделировать целые альтернативные реальности. Неудивительно, что они предвидят любой ее план, разработанный ограниченным человеческим разумом.

— Так вот оно как? — спросила она. — У нас нет выбора. Мы направляемся в далекую галактику, хотим этого или нет.

Ваша линейная догадка справедлива лишь отчасти. Действительно, выбора у вас нет. В этом отношении вы правы, доктор Баскин. Мы можем заставить вас и ваш экипаж принять участие в полете, и тут вы ничего сделать не можете.

Гость покачал гладкой серой головой, начиная новую трансформацию. Очертания Хикахи стали

туманными. Ее тело начало растягиваться.

Но мы моделируем не только ваше сегодняшнее поведение. Мы определяем, что вы можете сделать дальше… в течение будущих недель, месяцев, годов — все время, пока не прибудете в далекое царство.

Джиллиан мигнула.

— Вы заглядываете так далеко вперед?

С высокой степенью вероятности. И тут наши модели сообщают о возникновении проблемы. Если у вас будет достаточно времени, вам в голову придет кое-что еще. Вы осознаете, что можно получить не только приключение, но и возможность отомстить! Возможность навестить далекое царство и одновременно отплатить тем, кто против воли отправил вас в это далекое путешествие.

Джиллиан могла только ошеломленно смотреть, как трансцендент заканчивает превращение — становится другим дельфином, с более длинным и сильным телом, чем у Хикахи, со шрамом на месте страшной раны у левого глаза.

Крайдайки, с легкой дрожью поняла она.

— Я… не… не понимаю, о чем вы говорите. Если только… Джиллиан глотнула и постаралась сосредоточиться. Но под властным взглядом ки-

тообразного это было трудно сделать.

— Если только вас тревожит, что мы о вас расскажем тому высокому разуму, который встретим по ту сторону.

На этот раз гость ответил не на англике. Двойник прежнего капитана «Стремительного» приподнял изуродованную голову и испустил поток щелчков и писков, заполнив ее кабинет звуками стихотворения на тринари.

Какая месть
Может быть длительней,
Чем жестокость
Клеветы,
Произнесенной разгневанными
Потомками,
Бросающими вызов
Своим далеким предкам?
Можете ли вы избежать
Смертного приговора времени?
Или жестокого трения Энтропии?
Мы знаем лишь один
Безошибочный способ
Достичь успеха
И стать бессмертными —
Если хочешь
Жить вечно,

Вначале заслужи любовь
И преклонение
Тех, кто пойдет
Дальше,
Они будут произносить
Твое имя,
Даже когда
Остынут звезды.

Джиллиан смотрела на двойника своего старого друга и командира. Дельфин-капитан выглядел таким подлинным, таким осязаемым, словно можно протянуть руку и погладить его теплый серый бок — изуродованный, но непреклонный.

— Это… первая поистине разумная мысль, которую я услышала от вас, боги… — сказала она. — Как будто… вы действительно…

Трансцендент прервал ее. Его гладкое тело начало растворяться, складываться, превращаясь в огненный шар. *А вы… уверены… что я… не?..* Она замигала, не уверенная в окончании.

— Подождите! — воскликнула Джиллиан. — Что произойдет? Что вы собираетесь…

Гость неожиданно исчез. Но в ее сознании он на мгновение задержался, мягко прошептав:

У нас много дел… и слишком мало времени…

Помещение заполнил резкий свист. Возникло

голографическое изображение Акеакемаи, находящегося на капитанском мостике.

— Джиллиан! Зуб'даки говорит, что падение массы ускорилось! Взрыв может произойти через несколько минут!

Она кивнула, чувствуя себя усталой и не готовой быть свидетелем конца вселенной. Или даже ее части.

— Сейчас буду, — ответила Джиллиан, поворачиваясь к двери. Но снова послышался взволнованный голос пилота.

— Дело не в этом, — лихорадочно продолжал он. — Большая игла-врата… она…

Последовал громкий звук. Джиллиан увидела стремительное передвижение на мостике, офицеры метались, перемещаясь с помощью мощных ударов хвостов.

— Нисс! — приказала Джиллиан. — Покажи мне, что там происходит!

Неожиданно возникла новая голограмма — с видом ближайшего пространства.

Большую часть сцены занимала игла трансцендентов размером с планету. Один из ее боков теперь светился так ярко, что на него больно было смотреть, он гневно отражал свет звезды-карлика — кипящий пожар, быстро приближающийся к

Армагеддону.

Джиллиан сразу увидела, что взволновало Акеакемаи. Игла *раскалывалась*. И при этом вырвавшиеся лучи охватили три соседних объекта.

Вспыхнули надписи, идентифицирующие цели.

Первая из них — «Стремительный». Джиллиан почувствовала, как содрогнулся корпус, когда его коснулся луч.

Вторая — боевой корабль джофуров.

И наконец — один из шарообразных кораблей-«кандидатов», теперь окутанный какой-то туманной массой.

Все три корабля начало втягивать внутрь.

А потом лучи, словно острым скальпелем хирурга, начали разрезать все три корабля.

«X»

Чувствуете ли вы это, мои кольца? О все другие мои «я»?

Как ты, Ларк?

И ты, Линг?

Чувствуете ли вы, как мать — то макросущество, в котором мы все объединились, дергается в страхе, когда лезвия режут корпус «Полкджи»? Чувствуете ли вы, как отделяются далекие стены и переборки, как в вакуум выбрасываются воздух, жидкости и живые существа? На несколько мгновений кажется, что наступило время нашей гибели.

Пришел наконец наш/мой/ваш конец.

Но заметьте! Чувствуете ли вы неожиданное изменение настроения?

Мы/я/вы осознаем истину, и мать радуется.

Эти лучи-скальпели режут быстро и избирательно. У «Полкджи» отнимают лишь несколько небольших фрагментов.

Инструменты сообщают, что в корпусе земного корабля «Стремительный» точно так же проделано лишь несколько небольших отверстий.

Но третьей жертве повезло меньше!

Ближайший могучий шар — гигантский корабль-кандидат, уже готовый к эпическому путешествию — разрезан и вскрыт! Все наши кольца и сегменты в ужасе и благоговении смотрят, как его содержимое приносится в жертву — тысячи разумных гибридных существ выбрасываются, как внутренности только что пойманной рыбы… остается только сверкающая оболочка.

И эта живая оболочка стремительно движется к «Полкджи»!

Теперь наше внимание устремлено к разгневанному солнцу.

Как давно вращается оно в мире? Свидетель молодости галактики, звезда-карлик давно покончила с кратким периодом юности и перешла к спокойной отставке. Если ее оставить в покое, она может еще двадцать миллиардов лет медленно сжиматься. Поскольку у нее нет по соседству другой звезды, она никогда не получила бы прибавку массы, необходимой для экстатической смерти.

Но только теперь эта необходимая масса появилась!

Подобно пилигримам, стремящимся к святилищу, миллионы звездных кораблей ответили на призыв Великого Сортировщика. Они прибыли, выстроились вежливой спиральной очередью в

поисках избавления и повышения… но встретили смерть на самом пороге трансцендентности. Их тела, спрессованные в плотные шары, теперь падают на звезду, привнося новый фермент, доводя соотношение материи и энергии до требуемой величины.

До точки, от которой нет возврата.

Мои кольца… многие из вас были когда-то членами Аскса, этого старого мудреца треки.

На Джиджо вам не нужно было думать о подобных вещах. Вместо того чтобы размышлять о границе Чандрасекара и излучающей непрозрачности, мы/вы/я разрешали споры, которые возникали между деревнями и племенами. Мы давали консультации враждующим урским, человеческим и квуэнским семействам. Мы целые дни проводили на какой-нибудь ароматной груде мульчи, счастливо ведя внутренний спор.

Теперь мать предоставляет самую обширную информацию, дает доступ к бортовой Библиотеке «Полкджи», захваченной у джофуров.

Поэтому я/мы/вы знаем все о *критическом пороге* и *катастрофическом коллапсе,* который должен вскоре произойти, за ним последует грандиозный «скачок», когда большая часть массы бедной звезды выбросится со скоростью света.

Вначале возникнет поток нейтрино. Не так много, как в «сверхновой второго типа». Но вполне достаточно, чтобы эти фантомные частицы передали температуру и инерцию любому телу на расстоянии в десять орбит Джиджо. (Мы находимся гораздо ближе!) Далее пойдут рентгеновские и гамма-лучи… а потом и другие формы излучения. Их будет так много, что передние волны, устремляясь в космос с яркостью триллиона солнц, создадут собственное гравитационное поле.

И наконец, то, что останется от бедного «Полкджи», сотрясет ударная волна протонов, нейтронов, электронов и ионов, придав ускорение в сто тысяч G.

Неудивительно, что трансценденты полагают, будто это событие проделает дыры в космическом *теме.* Очевидно, именно к этому они стремятся. Это будет нечто вроде погребального костра. Достаточно яркого, чтобы перебросить семена через величайшую пустыню.

Вы слышали последние новости, мои кольца?

Ларк и Линг передают то, что узнали, подсоединившись к сети трансцендентов.

Объяснение недавней жестокой хирургической операции, проделанной лучами-скальпелями!

Очевидно, высокие существа в последнее мгновение изменили свои планы.

Быстрые импровизации не в их обычае, но сейчас они лихорадочно работают. Переделывают. Изменяют комбинации.

И мы являемся объектом их неожиданного намерения!

Мы ошеломленно наблюдаем, как две тонкие полоски материи выдвигаются из земного корабля и направляются к нам, оставляя за собой отверстия, которые тут же закрываются. Эти тонкие трубы тянутся к «Полкджи»… и одновременно с другой стороны приближается сверкающая живая оболочка корабля-шара.

Дельфины, говорит Линг, узнавая содержимое цилиндров, взятых со «Стремительного». *Примерно с десяток. Добровольцы, которые присоединяются к нам вместе с запасом ген и архивом культуры…*

С головокружительной скоростью трубы входят в подготовленные для них отверстия. *И вовремя.* Сразу вслед за этим оболочка покрывает «Полкджи», окружает энергетическим единством.

Все компоненты матери — даже недавно захваченные офицеры-джофуры — содрогаются от шока, когда масса светящихся щупалец подхва-

тывает наш преображенный корабль, проникает в него, связывает, превращает в вибрирующее, пульсирующее целое.

Нечто нетерпеливое. Свернувшееся и готовое к тому, что будет дальше.

Вы чувствуете агонию умирающих богов?

Игла-врата дергается, мерцает, притягивая к себе «Стремительный». Светясь и коллапсируя внутрь, врата трансцендентов изгибаются, создавая мощные поля, заставляя пространство сворачиваться вокруг себя, образуя туннель. Прямой путь.

Импровизированный маршрут, который позволяет землянам спастись.

Успеют ли они это сделать?

Возможно, все-таки это похоронный звон не по нам.

Многочисленные организмы, составляющие мать, провели голосование. Согласились почти все.

Именно такое решение приняли бы мы, если бы трансценденты нас спросили. (Вероятно, они своим моделированием предвидели это.)

Наш союз представляет собой дистилляцию. Комбинацию порядков жизни. Мешанину, полную свойственной гибридам энергии. С необыч-

ной приправой вкуса Земли и Джиджо наше сообщество представляет собой такой подбор ингредиентов, который позволит нам достичь успеха там, где другие терпели поражение.

Преодолеть непреодолимое.

Объединить необъединяемое.

Привнести в космос большее разнообразие… и сделать его единым.

Мы чувствуем, как новые щупальца «Полкджи» протягиваются, сжимают ткань пространства, поджидая мгновения, когда пронесется следующая ударная волна.

Величайшая волна хаоса.

Великий Разрыв.

Правильно ли рассчитали время трансценденты? Хватит ли у них мастерства произвести взрыв в тот момент, когда «Полкджи» способен будет подхватить волну?

Да, мои кольца и все другие мои я.

Я/мы/я/вы не можем дождаться этого.

Белый карлик содрогается.

Он всего в десять тысяч километров в диаметре. Искра зажигания пронесется со скоростью звука — несколько тысяч километров в секунду. Это означает, что потребуется меньше дура…

«Стремительный» напрягается, пытаясь до-

стичь спасительного туннеля.

Давай, Сара!

Ты справишься!

Давай!

Каждая проходящая секунда кажется вечностью — земной корабль устремляется к мерцающему спасению.

Неожиданно наши сенсоры, устремленные к солнцу, регистрируют ослепительную вспышку!

Невероятно яркий огонь на безумной скорости проносится' по измученной поверхности звезды, как мгновенное пламя спички.

Потом…

Вы чувствуете их, мои кольца?

Нейтрино, проходящие через воск.

Какое странное ощущение! Словно вспоминаешь завтра.

Мы отправляемся…

Часть пятая
Время Перемен

Некоторые порядки жизни более других склонны к контактам.

Члены квантового порядка не обладают ощущением места и времени. Во всяком случае, они не так, как мы, воспринимают эти свойства. Хотя они готовы к обмену информацией, однако обычно не понимают наших вопросов, а мы не понимаем большинство их ответов. Должен существовать какой-то общий контекст, чтобы слово «значение» приобрело смысл. По сравнению с квантовыми существами общение с водорододышащими, машинами и даже наиболее связными разумными мемо кажется почти тривиальным.

Однако некогда член разумной расы тоувинтов прервал свидание старейших в пространстве Д и задал одному из квантовых существ простой и наивный вопрос.

— Чего нам ожидать?

Ответ миллионы лет приводил в замешательство ученых. Без колебаний странное существо ответило:

— Всего.

ГАЛАКТИКИ

Фронт фотонов сверхновой коснулся «Стремительного» у самого входа в черный туннель — спасительной тропы, предоставленной загадочными трансцендентами.

Загремели сигналы тревоги, закричали дельфины, когда сзади ударили потоки обжигающей энергии, сминая обычные защитные поля, насыщая каждый квадратный метр пространства большим количеством тепла, чем обычное солнце даст за всю свою жизнь. Эта вспышка почти мгновенно испарила бы «Стремительный».

Но земной корабль напоминал кита, кожа которого обросла толстым слоем ракушек. Это необычное вещество оболочки светилось, охотно поглощая разрушительный свет.

Сара ухватилась за Прити и Эмерсона. Кости ее и костный мозг в костях пронизывала дрожь. Ослепляющая буря вывела из строя все наружные камеры, но сенсоры сообщали о невероятных потоках фотонов и нейтрино, которые испускала звезда на пределе выносливости… а может, в экстазе. В реальном времени взрыв длился миллисекунды, но протяженные поля

«Стремительного» позволяли экипажу видеть последовательные этапы процесса словно в замедленной съемке.

— Наша волшебная оболочка производит впечатление, — заметил Суэсси. — Но это еще только фотоны. Неизвестно, выдержит ли она следующие удары. Больше солнечной массы настоящей материи — фотонов и тяжелых ядер… они пронесутся здесь со скоростью света…

Сара достаточно разбиралась в физике, чтобы понять, какой кулак вот-вот обрушится на них. *Каждый атом кислорода и углерода моего тела проходил через такие конвульсии… варился на солнце, потом был выброшен в космос, прежде чем сконденсироваться в планеты, животных, людей.*

Теперь ее собственная звездная пыль может вернуться в космическую смесь, возможно, начать новый жизненный цикл на другой, еще не родившейся планете. Слабое утешение. Но у нее есть и другое.

Ларк.

Я получила его послание — перед тем как оболочка окружила «Полкджи», расправила свои щупальца, готовясь подхватить волну гиперреальности в тот момент, когда галактики

навсегда разойдутся.

Сейчас его корабль, должно быть, уже подхвачен приливом отдачи. Он устремился навстречу великому приключению.

Ирония происшедшего заставила ее улыбнуться. Из трех детей Нело один Ларк никогда не мечтал о том, чтобы покинуть свою любимую Джиджо. Но именно он увидит в космосе больше, чем даже трансценденты! Закоренелый холостяк, он со своей подругой может стать родоначальником нового человечества в какой-нибудь далекой галактике.

Прощай, брат. Пусть Ифни приглядывает за тобой.

Забавляйся.

Впереди тянулся спасительный туннель, пещера, полная необычными, наводящими ужас спиралями. Сара взглянула на Эмерсона. Несколько мгновений назад, когда последний град раздавленных Древних упал на измученную поверхность белого карлика, он произнес одно слово:

— *Мусор!*

…и улыбнулся, словно видя поражение смертельного врага. Кто-то считал субъективные секунды до удара волны материи:

— четырнадцать… тринадцать… двенадцать… Акеакеами произнес:

— Почти добрались…

Плавники пилота бились, направляя «Стремительный» к убежищу.

— Почти…

Напряжение было так велико, что Сара мысленно устремилась к той области, над которой сохраняла контроль. К области математики. К проблеме, недавно обнаруженной, — когда Джиллиан уговаривала трансцендентов взять «Полкджи» и отпустить «Стремительный».

В паутине тензоров бесконечности Сара столкнулась с препятствием, которое никак не могла обойти. Описание волн хаоса казалось совершенно необходимым. Но согласно моделям трансцендентов, оно не имело смысла!

Мне казалось, я установила окончательную истину, когда предсказала разрыв галактик как следствие расширения вселенной. Но сейчас я вижу — какая-то дополнительная сила движет события быстрей, чем ожидалось.

И смысл получался только при одном необычном предположении.

Что-то приближается. Что-то титаническое.

Подробности неясны, но Сара знала одно об этом вмешательстве.

Его не найдешь ни в одном гравитационном колодце. Нужно искать где-то в другом месте, в плоском пространстве. Далеко от Объятия…

«Стремительный» сильно вздрогнул. Сила и продолжительность дрожи возросли. Кто-то закричал.

— Волна материи!

На краткий миг время словно мелькнуло…

И в мгновение ока Сару окружили какие-то дергающиеся желтые фигуры. Эмерсон обнял ее так, словно наступил конец света. И она подумала, что так оно и есть.

Затем радостно закричала Прити, весело засвистели дельфины. В последующей суматохе и толчее Сара заметила — тревожная дрожь прекратилась. Исчезла! Ее сменил радостный рев освобожденных двигателей.

Снова загорелись экраны, показывая просторы необычно искаженного *илема* — мимо мелькали стены благословенного туннеля.

— Мы это сделали! — послышался возбужденный усиленный голос Суэсси.

Мы… сделали?

Сара с некоторым раздражением поняла, что,

погрузившись в математику, прозевала мгновение торжества и спасения.

Какая же я рассеянная, подумала она и принялась с силой целовать Эмерсона.

ПРОСТРАНСТВО Е

Казалось, профессия требовала от Гарри одиночества.

Теперь я знаю, почему в пространство Е Вер'К в 'квинн всегда посылал одиноких разведчиков. Здесь несколько сознаний способны создать опасность. И смутить.

Во время предыдущих поездок в царство живых идей он, оказываясь на новой территории, обнаруживал, что местная матрица кристаллизуется вокруг идей, исходящих из его собственного сознания. Поскольку поблизости больше никого, кроме стад местных мемоидов, не оказывалось, было не важно, что ожившие идеи говорят о его подсознании.

На этот раз на станции находится пять сильных личностей из четырех различных рас. И Гарри удивлялся с того момента, как его корабль вынырнул из плывущего пурпурного тумана и зашагал на длинных паучьих лапах.

Туман рассеялся, как занавес, раздвинутый любопытными пассажирами. Двер, Каа и Кивеи Ха'аоулин прижались к окнам контрольной рубки. Двер побывал в пространстве Е и раньше.

Остальные были поражены видом этого знаменитого мистического пространства.

Вы бы не смотрели так жадно, если бы видели то, что приходилось видеть мне.

Но Гарри все же не стал закрывать жалюзи. Может быть, никогда в жизни они больше не увидят пространство Е.

Это может оказаться и моим последним путешествием.

Вскоре туман настолько рассеялся, что стала видна равнина, покрытая кубами, пирамидами, наклонными плоскостями и более сложными геометрическими фигурами. По крайней мере так выглядели эти объекты вначале.

Но стоило ему внимательней всмотреться в один из них, как объект начал *таять*, потом собрался, принимая новые, более округлые формы. Вскоре Гарри увидел с обеих сторон выступы, похожие на… уши! Потом приплюснутый нос. Несколько мгновений спустя появился рот, полный желтоватых зубов. Рот улыбнулся ему — улыбкой одновременно непривлекательной и знакомой.

Он проверил показания инструментов. Мимический монолит на расстоянии примерно в тридцать псевдокилометров! Очевидно, он сам только что привел в действие механизм

образования этой гигантской скульптуры, напоминающей его голову и возвышающейся над самыми грандиозными земными скульптурами. Посмотрев направо и налево, он увидел, что во всех направлениях возникают скульптуры синтианца, дельфина и человека. И скоро насколько хватал глаз видно было только копии Каа, Двера и Кивеи.

— Ну, ну, — заметил обрадованный синтианский купец, похлопав обеими руками себя по животу. Не разбудить ли Рети, чтобы она смогла участвовать в этом увековечивании в мегамасштабах?

Гарри покачал головой, и гигантская скульптура скопировала его раздраженное выражение.

— Ради Ифни, пусть бедняжка оправляется от сотрясения. К тому же такие вещи обычно долго не сохраняются. Большинство этих больших мемо скоро снова растворится в *илеме*, как только исчезнет стимулировавший их появление хозяин.

— Но иногда они не исчезают? Есть ли шанс, что они сохранятся надолго?

Гарри пожал плечами, удивляясь, почему это так заинтересовало Кивеи.

— Я видел разные штуки — криптоформы

и застывшие образы из далекого прошлого. Вер'Кв'квинн говорит, что овеществленные мемообразы иногда бывают прочнее всякой реальной материи, как идеи, которые навсегда закрепляются в живом мозге. Думаю, в пространстве Е существуют концепты, которые переживут все протоны и кварки, всю звездную вселенную.

Кивеи смотрела на ряды холмов и гор, большинство из которых имели ее собственную самодовольную закругленную внешность.

— Правда? — В голосе ее звучала надежда.

Двер и Каа рассмеялись. Но Гарри покачал головой.

— Пора двигаться, — сказал он. — Пока ничего не случилось.

До сих пор мало что происходило в соответствии с планом.

Вначале этот мятеж и суматоха на складе в Каззкарке. Пока Двер прикрывал отступление дождем стрел, Гарри и Кивеи сумели унести потерявшую сознание Рети и при этом не попасть под ножи рассвирепевшего воина танду. В соседних переулках слышались звуки подходящего подкрепления: это новые злобные воины шли на помощь товарищу, а планетоид в это время сотрясали волны хаоса.

В последний раз посмотрев назад, Гарри увидел последние мгновения миссионера скиано: его швырнули во взорвавшееся круглое изображение Земли, голубой «планеты-жертвы».

До самых причалов Института их преследовали неприятности: каменные стены начали рассыпаться и рушиться, повреждая стоящие на причалах корабли. Звуки тревожных сирен говорили о неизбежности прорыва вакуума. Гарри загнал всех на борт и вывел свою станцию с привязанным сзади маленьким кораблем Каа перед тем, как начал рушиться потолок. К тому времени как он добрался до главного выхода, не было смысла в соблюдении протокола эмиграции. Стена, преграждавшая выход, растворилась, открыв просторы необычно мерцающих звезд.

Потребовалось какое-то время избегать рои опасных обломков, прежде чем удалось сделать простой гиперпрыжок на небольшое расстояние. Тем временем волны хаоса продолжали раскачивать планетоид.

Даже если я уцелею в этой последней миссии, не имеет смысла лететь сюда с отчетом.

Существуют и другие базы Института.

И говорят, что в такое время безопасней быть на планете.

Наконец волны хаоса улеглись, хотя Гарри знал, что худшее еще предстоит. Каззкарк исчез из виду. И Гарри надеялся что старый спрут Вер'Кв'квинн каком-то образом сумел с него убраться.

Потом все пошло как-то неправильно. Гарри сообщил Каа координаты и предоставил опытному пилоту провести их через десяток прыжков уровня Б, потом через небольшой п-пункт, который уже был провозглашен опасно неустойчивым.

Новаторские маневры Каа во время прыжков каким-то образом помешали им быть разорванными, разрезанными, поджаренными или испарившимися. Тем не менее это была дикая, нервная гонка. Половину времени Гарри бранил китовых и их предков до самого миоцена.

Наконец они достигли намеченного пункта входа — особого места, темнее черноты, где стены между разными уровнями реальности утончаются настолько, что их можно преодолеть. Настала очередь Гарри взять на себя управление. Вскоре реальность замерцала, и они оказались в царстве живых идей.

Гарри с облегчением покинул область гигантских статуй и перебрался в местность, поросшую бесконечными пучками оранжевой «травы»

— каждый ее стебелек представлял собой какой-нибудь фундаментальный концепт, растущий вне любого языка или сознания хозяина.

При более близком знакомстве прерия оказалась изъеденной и обесцвеченной. Видны были большие изломанные и обожженные полосы, как будто здесь прошлись землетрясения или пожары. Очевидно, и пространство Е не обладает иммунитетом к волнениям, сотрясающим пять связанных галактик. Даже на стадах мемоидов это отразилось. Гарри видел несколько больших табунов, несущихся галопом по дрожащей земле под угрожающе волнующимся небом.

Пассажиры удивленно смотрели в окна, а Гарри тем временем выбрал курс на Космическую Тропу. Он должен найти ту ее часть, которая выходит в Четвертую Галактику, и как можно быстрее выложить пакеты с инструментами. К счастью, эти новые приборы не нужно забирать. Гарри оставит их на месте, и здесь они будут уничтожены. А их предсмертные крики сообщат штату Вер'Кв'квинна ценные данные о Великом Разрыве. На этот раз, пообещал босс, информация будет широко распространена, ее не будут держать в тайне для последующего использования старшими расами и звездными богами.

Это было главной причиной, почему Гарри согласился принять участие в миссии. Забота о событиях, которые произойдут через сто миллионов лет, может показаться странной. Но по какой-то причине он отождествлял себя с разумными существами той далекой эпохи. Может быть, его усилия хоть частично спасут их от того ужаса незнания, который сейчас проносится по Пяти Галактикам. Даже если «боги» того времени будут отдаленными потомками шимпанзе, а штат Института Навигации этого будущего века будет состоять из потомков сегодняшних блох. Тех самых, что поселились в его шкуре и заставляют испытывать постоянное стремление почесаться…

Капитан Хармс, сказала вращающаяся круглая фигура, появившаяся в неуютной близости от его носа. *У меня есть новости! Ваша цель находится в непосредственной близости. Мои поздравления! И позвольте добавить, что это было насто…*

Гарри коротким кивком головы прервал излияния режима наблюдения. Бросившись к окну, он всмотрелся в постоянный туман пространства Е… и увидел тонкую извилистую светящуюся полоску прямо впереди.

— Ну что ж, хоть что-то для разнообразия про-

ходит правильно, — произнес он.

Выкладывая инструменты, он одновременно найдет на Тропе удобное место, переведет Каа и остальных в маленький корвет и вытолкнет корабль в нормальное пространство по возможности близко к их цели. У него самого может едва хватить времени, чтобы вернуться назад к цивилизации, прежде чем все начнет сотрясаться.

Рети была непреклонна.

С того момента как она вошла в контрольную рубку, одну руку прижав к голове, а другой поглаживая своего маленького урского «мужа», Рети сделала абсолютно понятным одно.

Она не вернется на Джиджо с Двером и остальными.

— Может, вы скучаете по грязи и толпе варваров с низкой технологией, но я не хочу больше слышать об этом месте. Я возвращаюсь с Гарри!

И все. Никакой благодарности за спасение жизни. Никакого упоминания о прежней религии, никаких расспросов о своем недавнем гуру. Только яростная решимость, преодолевающая любое сопротивление.

Такая молодая и такая непреклонная. Я встречал людей с такими сильными личностями. Они все из тех, кто меняет мир — к лучшему или к

худшему.

Но у большинства из таких людей есть черта, совершенно отсутствовавшая у Рети. Они понимают прагматическую ценность такта. Конечно, Рети выросла среди дикарей. В цивилизации она научится правилам жизни в обществе, приобретет умение заключать союзы, осуществлять свои желания, и, возможно, даже кому-то будет нравиться.

Но в ее плане было одно затруднение.

— Буду честен, мисс. Существуют неплохие шансы на то, что я сумею доставить вас в Четвертую Галактику, даже в нужный сектор. Но потом мои собственные шансы выжить…

Рети рассмеялась.

— Не говори мне о шансах! Я не думаю о шансах с тех пор, как меня едва не сожрал галлейтер, когда я навсегда убегала от своего племени. Мы с йии останемся рядом с твоим волосатым боком, если не возражаешь. И даже если возражаешь.

Остальные помочь не могли. Каа с помощью спектрального анализатора всматривался в Тропу, полную темными туманностями и сверкающими звездными скоплениями, искал красноречивый огонек особенно грозной звезды. Кивеи разглядывала равнину мемо, очевидно,

пытаясь заставить появиться больше собственных изображений.

Двер только закатил глаза. Он не собирался снова вмешиваться в жизнь Рети.

— Ну хорошо, — вздохнул Гарри. — Только обещай не мешать. И не стонать, если окажешься не там, где хочешь.

Рети кивнула.

— Лишь бы не Джиджо.

Сигнал сообщил о том, что еще один пакет с инструментами ушел в изгибающуюся Тропу. Если повезет, инструменты Вер'Кв'квинна займут нужные позиции до удара основной волны хаоса. Тогда останется только выпустить Каа и остальных вблизи обозначенного на карте п-пункта и пожелать им удачи.

Он предложил Кивеи возможность передумать.

— Тебе не обязательно отправляться в Четвертую Галактику. После разрыва связей больше не будет сообщения с…

Кивеи со смехом подняла мясистую руку.

— Прошу, не нужно больше сказок о «постоянном разрыве». Разведчик-майор, вас ввели в заблуждение. Пять галактик всегда будут…

Станция резко остановилась. Резкий писк за-

ставил всех посмотреть на Каа, который бил плавниками так, что раскачивалось его устройство для ходьбы.

— Идите сюда! — крикнул дельфин. — Посмотрите на это!

Гарри и Кивеи присоединились к Каа у окна. Каа с помощью своего невронального клапана создал луч-указатель и нацелил его на сверкающую Тропу.

— *Вот она!*— В голосе пилота звучало удовлетворение. — Я ее нашел.

Двер спросил:

— Измунути?

— Да! Сразу за тем продолговатым облаком ионизированного водорода. Спектральное соответствие очень точное. Соответствуют и окружающие звездные формации.

— Ух ты, — сказал Двер. — Думаю, я могу даже разглядеть одно-два знакомых созвездия. Они, конечно, искажены.

Каа приподнял гладкую серую голову и счастливо защелкал. И хотя Гарри с трудом владел тринари, смысл он понял.

Было бы достаточно выполнить долг, Помогая земному клану.

Было бы достаточно спасти Пипое

И провести с ней остаток жизни.

Было бы достаточно помочь спасти Джиджо И снова ощутить соленый вкус ее вод.

Все это и многое другое

Сделало бы меня счастливым.

Но все эти радости означают,

Что я возвращаю себе свое прозвище!

Кивеи всматривалась в пространство, усеянное огоньками.

— Значит, солнце Джиджо?..

— Прямо здесь! — Каа посмотрел темным глазом на Гарри. — Майор Хармс, если введете нас здесь, сколько пактааров будет отделять нас от…

Внимание Гарри привлек неожиданный удар в плечо. Он повернулся и увидел Рети, которая держала на сгибе руки своего урского спутника. Маленькое существо — «муж» Рети, — изогнув гибкую длинную шею, всматривалось в тропу.

— Майор Хармс, можем ли мы задать вам вопрос?

— Не сейчас, Рети. Мы принимаем важное решение. Она кивнула.

— Знаю. Но йии увидел кое-что, на что вам тоже следует взглянуть. — Она показала на извилистую трубу в том направлении, откуда они пришли. — Там что-то происходит.

Гарри распрямился.

— О чем ты?

— Я хочу сказать, что за последние несколько дуров там произошло три-четыре очень ярких… О, вот еще одна! — Она мигнула, когда яркий свет ударил в глаза. — Это нормально? Могут ли звезды так неожиданно начать светиться? Мне показалось, что вы должны знать…

— Режим наблюдения! — крикнул Гарри. — Просканируй неожиданные звездные взрывы на Тропе. Определи, иллюзии ли это пространства Е или подлинное происшествие в Четвертой Галактике.

Парящий символ заклубился лишь на мгновение.

Взрывы обладают спектральными характеристиками и яркостью необычно высокоэнергетических сверхновых класса CH1. Такие взрывы воздействуют на межпространственную мембрану, которую вы называете Тропой.

— Это я вижу! — выпалил Гарри. Гигантская извилина начала двигаться. Вблизи каждого неожиданного взрыва она содрогалась и вздымалась.

Параметры безопасности подсказывают, что благоразумно было бы удалиться от границы.

Кивеи возразила:

— Но сверхновые так себя не ведут! Каждая вспышка — это. изолированное астрофизическое событие!

— Мне это не нравится, — добавил Двер.

— Может, следует сделать, что говорит голос, — предложила Рети. — Попятимся. Вернемся в нормальное пространство. Найдем убежище на какой-нибудь планете и переждем, пока взрывы не кончатся…

— Забудь об этом! — крикнул Каа. — Хармс, ты должен выполнить обещанное!

Гарри кивнул.

— Хорошо. Все, кто собирается на Джиджо, отойдите к шлюзу, ведущему на корвет. Нам потребуется несколько дуров…

Фраза оборвалась, потому что вспыхнула еще одна голубая звезда — на этот раз слева от них, почти рядом с границей, — на мгновение ее свечение усилилось в миллионы раз, заполнив каюту ослепительным светом.

Скорость света не стала помехой для последовавших нарушений причинности. Какая-то метрическая волна ударила по мясистой внутренней поверхности Тропы, заставив ее корчиться и вздыматься, как измученную змею. Периметр

выпятился в пространство Е, быстро теряя цвет; рядом возникали новые выступы, извиваясь, как псевдоподы в муках. Несколько таких выступов окружили станцию и спазмодически дергались.

Возможно, такое нападание со стороны сверхновой слишком личное. Но у Гарри не было времени думать об иронии такого масштаба.

— Подготовиться к переходу! — крикнул он; в его голосе звучал ужас.

Вся Тропа мгновенно засветилась, и Гарри понял, что его оценки неверны.

Разрыв начинается.

У пассажиров было время только для того, чтобы ухватиться за что-нибудь; звездная вселенная с ужасным стоном подхватила корабль Гарри и выбросила его в мир атомов.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА

Джиллиан знала только двух пилотов, которые смогли бы сманеврировать в таких пространственных условиях.

Кипиру и Каа. Оба начинали три года назад полет в составе отборного экипажа Крайдайки.

Теперь оба исчезли. Каждый отправился туда, где больше всего нужен.

Удачи тебе, Кипиру. Она послала свое пожелание в пространство, минуя мириады сверкающих звезд. *Куда бы ни решили отправиться Том и Крайдайки, пожалуйста, помоги им добраться до безопасной гавани.*

Что касается Каа, то она испытывала вину с тех пор, как заставила его улететь с Джиджо, оставить Пипое, которая так в нем нуждается. Согласно расчетам Сары, возвращение в Четвертую Галактику будет опасным, потребует всего его мастерства и щедрой помощи со стороны его знаменитой удачи.

Я знаю, ты это сделаешь, Каа. Желаю тебе плавать рядом с Пипое и всю жизнь оставаться любимцем Ифни!

Условия повсюду не так тяжелы, как в Четвер-

той Галактике. Однако пространство цивилизации везде находится в натянутом, возбужденном состоянии. Институт Навигации продолжал запрещать маршруты, пока не кончились сигнальные маяки, затем разместил смелых добровольцев вдоль всех известных маршрутов. Они до хрипоты кричали на подпространственных частотах, направляя движение по безопасным путям. С бесчисленных планет с отчаянными спасительными миссиями устремлялись флотилии, теряя корабли и экипажи в водоворотах пространства.

Это была Галактическая Цивилизация — в лучших своих проявлениях. Именно это позволяло надеяться, что она переживет хаос и станет еще сильней. После того как все уляжется. Через несколько тысяч лет.

А тем временем четыре оставшиеся галактики представляли собой хаотическую картину. Многие кланы и союзы забыли свои мелкие дрязги и помогали друг другу, но другие пользовались воцарившимся смятением, чтобы грабить, вымогать или решать старые споры. Как ядовитая рябь, распространялись религиозные ереси, раздувая древнюю вражду.

И куда же сейчас направляется «Стремитель-

ный»? Прямо к сцене самой жестокой фанатичной войны. И мы молимся, чтобы успеть до того, как борьба закончится. Все равно что из огня да в полымя.

На скорость «Стремительного» Джиллиан не могла пожаловаться. Вероятно, сейчас у нее самый быстрый корабль всей кислорододышащей цивилизации.

Не уменьшая достоинств Ак еакемаи, все же без Кипиру и Каа путь занял бы месяцы. Пришлось бы двигаться в обход. И мы застали бы только пепел, когда добрались бы до цели.

Хорошо, что нам помогают извне.

Эта «помощь» обволакивает ощетинившийся цилиндр земного корабля словно вторая кожа — одеяло из сверкающих щупалец, которые поглаживают разнообразные метрические структуры космического континуума, выбирая, чувствуя курс, скорость и уровень подпространства, чтобы найти самый подходящий маршрут. Не сдерживаемое предупредительными маяками и сигналами опасности, полуразумное облачение направляет «Стремительный» путями бурь неразрешимой гипергеометрии. Даже Кипиру не в состоянии был бы совершить такие прыжки.

Великие трансценденты могли не покидать

свое уютное Объятие Приливов; они редко появлялись за пределами горизонта событий черной дыры, чтобы вмешаться в судьбу более молодых рас. Но их слуги определенно умеют летать. И, может быть, эта помощь хоть немного уравновешивает неудачи «Стремительного» за прошедшие три года. Однако после того как они едва ушли от близкого взрыва сверхновой, Джиллиан перестала классифицировать чудеса на хорошие, плохие… и просто непонятные.

Просто приведите нас домой вовремя, думала она, не заботясь о том, слышат ли ее трансценденты.

К тому времени как «Стремительный» миновал тройной маяк Танит, Джиллиан поняла, что невозможное вот-вот произойдет.

Мы снова увидим Землю… хотя, может быть, только издали.

Когда экран заполнило золотое Солнце, начали попадаться все новые маяки, оставленные чиновниками разных институтов.

ПУТНИКИ, ОСТОРОЖНО! ВЫ ВСТУПАЕТЕ В ЗОНУ КОНФЛИКТА, ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО ПО ПРАВИЛАМ ВОЙНЫ!

СОВЕТУЕМ: НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА ТАНИТ!

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ЗДЕСЬ ДЕЛО,
СВЯЖИТЕСЬ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНСТИТУТА ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ВОЙН, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ПАРОЛЬ ПРОХОДА
ИЛИ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ В КАЧЕСТВЕ ЕЩЕ ОДНОГО
УЧАСТНИКА КОНФЛИКТА — СОЮЗНИКА ЗЕМЛЯН ИЛИ ИХ ПРОТИВНИКА.
СЛЕДУЮЩИЕ РАСЫ/ГОСУДАРСТВА/КЛАНЫ/СОЮЗЫ ПРОВОЗГЛАСИЛИ КАМПАНИЮ МЕСТИ ПРОТИВ КИСЛОРОДНОГО КЛАНА, ИЗВЕСТНОГО ПОД НАЗВАНИЕМ «ЗЕМНОЙ»…

Так продолжалось какое-то время, перечислялись группы, принимающие участие в осаде родной планеты Джиллиан, — длинный, устрашающий список. Очевидно, после многолетних споров о том, кто захватит Землю, соро, танду, джофуры и остальные договорились объединиться и разделить добычу.

Число зарегистрированных союзников людей очень невелико. Верными землянам оставались тимбрими и дорого заплатили за эту верность. Отважные теннанинцы тоже. Материальную помощь — оружие, но не солдат — контрабандно предоставляли п'ортли, зуги и синтианцы, а также часть союза Ожидающих. Недавно на-

чали прибывать корабли с добровольцами, присланные новой группой, которая называет себя священнослужителями.

В сообщении Института войны содержался также длинный перечень протестов, внесенных соро и остальными. Они жаловались на «хитрости волчат», которые свели на нет несколько попыток привести корабли на расстояние досягаемости огнем; результатом были большие потери и гибель нескольких десятков боевых кораблей; все это было вызвано оружием, упоминаний о котором нет в Великой Библиотеке. Следовательно, незаконно таким способом убивать своих будущих убийц!

Эта часть сообщения заставила Джиллиан гордо усмехнуться… но, очевидно, набор «хитростей» у землян истощился. В сущности, земляне отступили к самой Луне и заняли круговую оборону.

Сообщение Института Войны заканчивалось обещанием применить все правила войны, как только конфликт подойдет к своему неизбежному завершению.

— Эти правила! — фыркнул Суэсси. В прошлом Институт Войны формализовал конфликты, превратив их в безопасный спорт, когда стороны ради чести или получения привилегий выставля-

ли своих бойцов-защитников. Но сегодня, когда воцарившийся хаос привел к ослаблению законов, боевые флоты, осаждающие Землю, могут делать что угодно. Отравить газом земные города. Пленить и «принять» граждан Земли. Все, кроме вреда биосфере планеты. Но даже это преступление может сойти с рук в развернувшемся хаосе.

Были и хорошие новости. Очевидно, так называемая Коалиция Умеренных решила наконец выступить против осады и собирала силы для участия в конфликте. Первые воинские части могут появиться через несколько недель, если их не задержат разрывы маршрутов.

Мы слышали такие обещания и раньше, с горечью подумала Джиллиан.

Нисс сообщил, что букмекеры (которые, несмотря на великий Разрыв, не прекратили свои операции) ставят на то, что Земля долго не продержится.

— Что ж, в последнее время многое изменилось, — сказала Джиллиан экипажу, когда корабль устремился к полю битвы у родной звезды. — Посмотрим, сможем ли и мы внести кое-какие изменения.

Планы ее оставались гибкими и зависели от условий вблизи Земли.

Возможно, удастся сорвать осаду, используя отвлекающий маневр. В конце концов именно ее корабль и есть та награда, за которой все так долго гоняются. Прежде всего именно сообщение о находке «Стремительного» в Мелком скоплении и вызвало всю эту ярость. И теперь, когда свежо еще воспоминание о Великом Разрыве, а апокалиптические пророчества бродят по галактикам, принося больше вреда, чем волны хаоса, эта страсть не утихла. Смятение по-прежнему царит в каждом секторе и квадранте, и догматические союзы считают еще более необходимым раньше соперников проникнуть в тайну Прародителей.

Что, если «Стремительный» неожиданно возникнет перед силами осаждающих, выступит против атакующих, начнет насмехаться над ними, а потом повернет и попытается убежать в неспокойную галактику? Не уведет ли он за собой могучие боевые флоты, предоставив Земле так необходимую ей передышку? Если повезет, это оживит вражду между танду и другими радикальными фанатиками, так что робкие «умеренные» наконец поймут, что необходимо вмешаться.

Такой шаг может вступить в противоречие с полученными Джиллиан приказами Террагентского Совета. Ей приказали скрываться. И прежде

всего не допустить, чтобы данные, добытые Крайдайки, попали не в те руки. «Стремительный» должен передать информацию только квалифицированным беспристрастным инстанциям или сделать это тогда, когда жители Пяти Галактик… теперь, вернее, Четырех Галактик договорятся, как совместно ими воспользоваться.

Что ж, я постаралась выполнить этот приказ! Какая инстанция может быть более «квалифицированной и нейтральной», чем смешанное сообщество, которое теперь владеет бывшим боевым кораблем джофуров «Полкджи»? Консорциум посланников нескольких порядков жизни, отобранных трансцендентами, чтобы представить всю нашу макрокультуру в каком-то далеком царстве?

Все образцы, взятые в призрачном флоте, включая загадочный улыбающийся труп Херби, теперь находятся на борту преображенного корабля и уносятся за пределы досягаемости самых ревностных фанатиков. Возможно, они поразят далекую цивилизацию или даже дадут возможность найти ответы на вопросы об этой загадке.

Теперь от Мелкого скопления остались только координаты. Да и те хранятся в безопасном месте.

Джиллиан охватило возбуждение. Она знала его причину.

Свобода.

Вместе с остатками экипажа «Стремительного» она чувствует себя свободной от тяжелого бремени. Ответственность висела на них всех, подобно савану, заставляя убегать и прятаться, как преследуемая дичь.

Но теперь все изменилось.

Мы теперь солдаты. И все.

Солдаты Земного клана.

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО

После Великого Разрыва все начало воссоздаваться. Удивительная структура — многосложная структура пространства-времени — снова соединялась.

Специалисты Вер'Кв'квинна предупреждали Гарри. Когда все соединительные линии лопнут и большинство пунктов перехода коллапсирует, отдача будет всего сильнее в Четвертой Галактике. Вдобавок все известные уровни гиперпространства — от А до Е — более или менее отойдут друг от друга, как кожа, сходящая с линяющей змеи, и двинутся каждый своим путем.

Я не только потерял всякую надежду вернуться домой, думал он во время последующей дикой гонки. *Мы все можем навечно застрять в каком-нибудь жалком углу единственного спирального рукава. Может, даже одной солнечной системы!*

И это, конечно, при условии благополучного возвращения в нормальное пространство.

Станция Гарри дрожала и стонала. Все жалюзи гремели в своих рамах, а в толстых прозрачных панелях появились трещины. Снаружи водоворот нитей перехода извивался, как подвергаемые

пытке черви, дергаясь в агонии. Пространственно-геометрические линии, вырванные из своих креплений, яростно хлопали, сталкиваясь и разрезая друг друга на куски.

Самое неподходящее время для того, чтобы в стремлении превысить скорость света находить кратчайшие пути, которые за много эпох уже стали рутинными. Попытки обмануть Эйнштейна превратились в опасное преступление.

Гораздо безопасней было бы просто выбраться в нормальное пространство и переждать последствия разрыва вблизи какой-нибудь звезды на пригодной для обитания планете. В худшем случае — если полеты быстрее скорости света станут невозможны — будет по крайней мере место где жить. Но Каа не желал и слышать об этом. С того момента как они выбрались из пространства Е, дельфин взял на себя управление, покинув бесполезный теперь корвет, и направил станцию Гарри к ближайшему пункту перехода — в умирающий водоворот — в отчаянной попытке найти путь к единственному месту, которое он теперь называл домом.

Гарри никогда не видел такого великолепного пилотирования — или хотя бы вполовину такого безумного. Его короткая и широкая станция вряд

ли похожа на спортивный корабль, но Каа делал невероятно резкие повороты, прыгал между сверкающих нитей, как опьяневший гиббон, который бежит по горящему лесу, перепрыгивая с одной ветки на другую. Каа непрерывно бил хвостом по своей плавучей платформе. Глаза у него остекленели и впали, потоки информации проходили через невральный клапан. Из черепа с высоким куполом вырывался поток щелкающих звуков, иногда прерываемый отдельными словами.

Чаще всего Гарри слышал слово «Пипое». Выполнив свой долг перед «Стремительным» и Землей, Каа теперь знал только одно — он должен встретиться с любимой.

Гарри сочувствовал ему. *Я хотел бы только, чтобы он спросил нашего согласия, прежде чем пускаться в этот безумный рейд.*

Никто не решался нарушить сосредоточенность Каа. Даже Рети молчала, нервно поглаживая своего маленького урского мужа. Кивеи Ха'аоулин сидела скорчившись и что-то бормотала про себя. Может, жалела, что поддалась жадности и не прислушалась к предупреждающему внутреннему голосу.

Только Двер казался слишком равнодушным, чтобы испугаться. Молодой охотник прижался

спиной к контрольной консоли, ногой упирался в окно, оставив обе руки свободными. И пока за окном впечатляюще распутывался гордиев узел космических линий, Двер спокойно полировал свой лук.

Что ж, вероятно, все что угодно может показаться разрядкой, подумал Гарри. *После зрелища одновременной вспышки множества сверхновых, после того как Тропа схватила вас как раненое чудовище, можно спокойней относиться к чему-нибудь такому привычному, как пожар в космосе.*

Каа громко крикнул и направил корабль к большой нити, свободный конец которой бился, испуская поток ужасных искр! Рети закричала. Гарри тошнило, тошнота грозила опустошить его внутренности. Он закрыл глаза, приготовившись к столкновению…

…и покачнулся, когда ничего не произошло.

Не было даже дрожи. Слышалось только негромкое гудение двигателей.

В страхе и любопытстве Гарри отвел руки от глаз.

За оконными панелями, покрытыми вмятинами, сияли звезды. Рисунок из мягких огоньков. Устойчивый. Постоянный.

Ну, почти. Одна полоса странно подмигивала: это мимо проносилась волна искаженной метрики. Убывающее возбуждение хаоса все еще заставляло вакуум вздрагивать. Но насколько это лучше ямы со сверкающими красными змеями!

За станцией, быстро уменьшаясь, виднелся пункт перехода, из которого они только что вышли. Он был обозначен вспыхивающими красными символами.

НЕ ВХОДИТЬ, сверкала созданная компьютером надпись.

ВХОД ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫШЕЛ ИЗ СТРОЯ.

ВНУТРИ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЕ УСЛОВИЯ.

Не могу поверить, подумал Гарри, давая себе слово обнять Каа при первой же возможности… а также *застрелить* пилота, если тот попытается еще раз войти в такой п-пункт.

В противоположном направлении вырастал красный диск гигантской звезды.

— Измунути? — догадался Гарри.

Каа все еще что-то бормотал про себя. Но Двер энергично кивнул.

— Я узнал бы ее повсюду. Хотя по сравнению с прошлым разом, когда мы пролетали мимо, буря улеглась.

Рети бурно реагировала на эту новость.

— Нет! — Стиснув кулаки, она направилась к Гарри. — Ты обещал, что я не вернусь назад! Поверни корабль. Отвези меня к цивилизации!

— Кажется, ты не понимаешь, в чем проблема, — ответил Гарри. — Нам повезло бы, если бы мы добрались до любой обитаемой планеты. Очевидно, ближайшая — это…

Молодая женщина зажала уши.

— Не буду слушать! Не буду!

Гарри посмотрел на Двера, который пожал плечами. Агрессивная реакция Рети на реальность напомнила Гарри расу под названием эписиархи. Это клиенты могучих танду, которые могли использовать пси — плюс силу собственного эго, — чтобы изменить небольшой окружающий участок вселенной, сделать условия более для себя подходящими. Некоторые ученые утверждают, что для этого нужна только достаточно сильная воля плюс высокое мнение о себе. Если это так, Рети может забросить их на мегапарсеки от этого места в своем отчаянном стремлении больше не видеть планету, на которой родилась.

Каа приподнял свою бутылкообразную голову. Черные глаза пилота прояснились, и он объявил:

— Мы не можем оставаться здесь. До Джиджо

еще больше светового года. Потребуется десяток прыжков через пространство А. Или пятьдесят… если воспользуемся уровнем Б.

Гарри вспомнил предсказание, сделанное штатом Института Навигации, — что разрыв сделает использование всех гиперуровней гораздо более трудным. В Четвертой Галактике они могут совсем разъединиться и отойти друг от друга, оставив в промежутках абсолютную черноту нормального пространства, Эйнштейнов космос, где причины и следствия строго соответствуют ползучей скорости света.

Но это расхождение не произойдет немедленно. Возможно, быстрые слои еще какое-то время поддаются использованию.

— Попробуй пространство Б, — посоветовал он. — У меня предчувствие, что нам в пути придется часто и быстро оттуда выскакивать.

Каа мотнул большой головой.

— Хорошо. Это твой корабль. Пространство Б…

И еще раз свистнув, пилот снова сосредоточился на своем невральном клапане, направляясь в область, где только сверхъестественное мастерство китообразных может быть единственной надеждой.

Гарри чувствовал, как станция готовится к

первому прыжку.

Я бы помолился, подумал он, *если бы вселенная уже не стонала от боли.*

Почти с самого начала они видели тревожные признаки разрушения — обломки многочисленных космических кораблей, потерпевших крушение на этом самом маршруте, в прыжке от Измунути к Джиджо.

— Кто-то проходил тут до нас, — заметил Двер.

— И совсем недавно, судя по всем данным. — В голосе Кивеи звучал страх. — Похоже, целый флот больших кораблей. Должно быть, оказались захвачены в гиперпространстве, когда произошел разрыв.

Результаты были катастрофическими. Измунути постепенно уходила назад, солнце Джиджо становилось все ярче, а приборы Гарри свидетельствовали об огромных размерах погибшей армады. Некоторые обломки корпусов еще светились от огненной гибели.

— Я вижу два основных типа кораблей, — определил Гарри, вглядываясь в аналитический перископ. — Один — это джофуры. Второй… не могу сказать.

На самом деле трудно было на чем-нибудь сосредоточить взгляд, потому что корабль самого

Гарри подпрыгивал и дрожал. Когда сверхъестественный инстинкт подсказывал пилоту, что приближается новая волна хаоса или хлопающая складка пространства Б угрожает сомкнуться вокруг самой себя и раздавить все находящееся внутри, Каа выводил корабль в нормальное пространство.

Преодоление этой нестабильной зоны гиперреальности — очень небольшое расстояние по прошлым стандартам — превратилось в серию безумных ускорений и прыжков. И положение с каждым дуром становилось все хуже. Каждый прыжок требовал все большей сосредоточенности, все больше напрягались ревущие двигатели. И все же остановиться было невозможно. Необходимо было как можно быстрее снова вернуться в гиперпространство, потому что уровень Б в любое мгновение мог окончательно отсоединиться, и они застрянут во многих световых месяцах от убежища. И задолго до того как маленькая группа Гарри преодолеет это огромное расстояние плоского пространства, кончатся пища и воздух.

Жаль, что мы, земляне, не последовали за своей ранней догадкой насчет ракет — после того как установили контакт с цивилизацией Пяти Галактик. Казалось, это самая нелепая из всех

технологий волчат — с помощью грубой силы разгонять корабли до скорости света. Ведь в Великой Библиотеке содержится столько способов сократить путь. Кому нужны такие экстравагантные трюки?

Ответ очевиден.

Нам нужны. Теперь они понадобятся всякому, кто захочет летать по Четвертой Галактике — отныне и навеки.

Но по крайней мере очевидны признаки продвижения. Каждый прыжок зримо приближает их к теплому здоровому солнцу. Однако напряженные моменты, когда приходилось проскакивать мимо разбитых кораблей, тянулись медленно.

— Думаю, корабль джофуров связался со своим командованием, когда преследовал «Стремительный», — заключил Двер. — Подкрепление подошло в самый неблагоприятный момент, как раз во время разрыва.

— Нам стоит порадоваться, — отозвалась Кивеи. — Не хотелось бы жить под властью джофуров.

— Гм, — заметил Гарри. — Это означало бы, что весь их флот был захвачен в гиперпространстве в самое неподходящее время. Но, мне кажется,

целый отряд мог бы добраться благополучно. И теперь поджидает нас на Джиджо.

Ужасная перспектива — столько перенести лишь для того, чтобы быть захваченными лишенными чувства юмора грудами жирных колец.

— Что ж, — сказал Двер после еще нескольких головокружительных прыжков, когда желтая звезда уже походила на солнце. — Теперь ждать осталось недолго.

Он прижался к окну, так же желая увидеть Джиджо, как Рети хотелось отвратить приговор судьбы.

ЗЕМЛЯ

Солнечная система была усеяна обломками более чем двух лет войны — разбросанными напоминаниями об ожесточенном сопротивлении волчат, которое стало полной неожиданностью для захватчиков, ожидавших легкой победы. Слухи об этой борьбе доходили до экипажа «Стремительного» даже в далеком Фрактальном Мире. Очевидно, эта оборона уже стала легендарной.

Облака ионов и обломков свидетельствовали о пути, пройденном отступающими в глубь системы… испарившиеся участки ледяного пояса комет… все еще дымящиеся кратеры на Тритоне и Нереиде… несколько кусков рваного металла размером с астероид на орбитах вокруг Урана.

Должно быть, было замечательное зрелище. Жаль, что я его пропустила.

Недавно, когда произошел большой разрыв, появились новые обломки. Кораблям, которые во время бури, сопровождавшей катастрофу, пытались использовать любые маневры скорости быстрее света, повезло, если они добирались до нормального пространства в целости. Орбита Сатурна представляла собой мусорный двор, и

вскоре вокруг Солнца должно возникнуть новое кольцо.

К несчастью, дальнее сканирование свидетельствовало о наличии достаточного числа больших кораблей, чтобы закончить дело. Десятки огромных дредноутов — среди них несколько титанов даже по сравнению с «Полкджи» — собрались в боевом строю у новой линии фронта, слишком близко к голубой искорке Земли.

Первый сторожевой отряд окликнул «Стремительный» задолго до орбиты Цереры. Странная смешанная группа состояла из корветов и фрегатов танду, соро и горуфов, объединившихся в непрочный союз. Несмотря на то что приборы все еще регистрировали волны хаоса, корабли были настороже. И когда «Стремительный» не ответил на их запрос и продолжал двигаться к Солнцу, ближайшие корабли открыли точный смертоносный огонь.

Силовые лезвия устремились к «Стремительному» — но лишь скользнули по его бортам. Тепловые лучи были спокойно поглощены и без всякого ущерба для корабля перенесены на другие уровни пространства-времени.

Если неудача расстроила врага, он открыто этого не проявил. Приблизившись, несколько

передовых кораблей выпустили множество могучих разумных снарядов, которые на огромной скорости понеслись к «Стремительному». По словам Суэсси, это самая большая опасность. Энергетическое оружие для новой оболочки «Стремительного» не опасно. Но *физический удар* может поразить все материальное, если будет силен и нанесен достаточно быстро, тщательно рассчитанной последовательностью сотрясений.

И словно сознавая эту опасность, разумная оболочка «Стремительного» начала действовать. Замелькали щупальца, как окружающие бактерию реснички. С их размахивающих концов срывались тучи маленьких объектов и устремлялись навстречу залпу. При предельном увеличении эти необычные перехватчики выглядели как облачка дергающейся протоплазмы, абсолютно черной, но несомненно живой.

Овеществленные концепции, объяснила бестелесная машина Нисс; голос ее звучал нервно и слегка испуганно. *Разрушительные программы, способные сделать любую машину временно враждебной себе самой. Им даже не нужно вступать в контакт с компьютерными базами данных, они делают это путем физического контакта.*

— Ты говоришь о независимых мемо! — ответила Джиллиан. — Мне казалось, они не могут существовать в реальном пространстве без хозяина, которых их несет в себе…

Очевидно, в этом мы ошибались. Нисс «пожал плечами»: его линии стремительно завертелись. *Помните, что трансценденты представляют собой смесь всех порядков жизни. Частично они и сами мемо.*

Джиллиан кивнула, соглашаясь признать невероятное.

Расширяющийся рой мемо столкнулся с приближающимся залпом, но вначале никаких последствий этого столкновения не было заметно. На мостике «Стремительного» напряжение усилилось: еще несколько секунд снаряды продолжали сближаться с кораблем…

…лишь для того, чтобы резко свернуть, миновать земной корабль и устремиться вдаль, взрываясь и озаряя вспышками пояс астероидов.

Дельфины восторгались, но Джиллиан заявила, что успокаиваться рано. Она помнила предупреждение трансцендента, побывавшего в ее кабинете.

Не обманывайте себя иллюзией неуязвимости. Вам дали некоторые преимущества. Но они огра-

ничены.

Разумно не забывать, что вы не боги.

Вернее, пока еще не боги…

И Джиллиан на это не рассчитывала. Вскоре враг поймет, что не стоит посылать снаряды к кораблю, защищенному ордами хищных идей. Или нападет еще большими силами.

Все же полагаю, цель оправдывает мемо, подумала она с легкой иронической улыбкой, вспоминая мужа. Тому эта игра слов понравилась бы.

Сейчас, в самой гуще боя, ей не хватало его до ощущения физической боли, словно годы и килопарсеки ничего не значат и они только вчера расстались.

Следующий ряд кораблей — истребителей — тоже не добился успеха. Несколько снарядов с них все разорвались поблизости, но нескоординированно. Защитный слой «Стремительного» поглотил ударную волну.

Когда Акеакемаи попросил разрешения ответить огнем, Джиллиан ответила отказом.

— Возможно, нам удастся повредить несколько кораблей, — сказала она. — Но они заметят, что у нас сравнительно с обороной скромные возможности для нападения. Я предпочитаю, чтобы они

считали, что у нас и то и другое очень мощное. Настолько, что мы можем позволить себе не обращать на них внимания.

Навстречу «Стремительному» выступил новый отряд — на этот раз могучие крейсеры. Тем временем гигантские дредноуты вблизи Земли начали перестраиваться, образуя полую оболочку, острие которой устремлено к кораблю Джиллиан. Ожили громкоговорители, послышалась речь на нескольких формальных галактических языках. Командиры объединенного флота делали последнее предупреждение.

НАЗОВИТЕ СЕБЯ ИЛИ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ.

Джиллиан удивилась: ,

Неужели после того, как вы гонялись за нами до края вселенной, мы настолько изменились, что вы не узнаете свою добычу — пришедшую в ваше логово?

Она приняла решение:

Пора покончить с молчанием. Ответить на их вызов собственным.

Нажав кнопку, она отправила заранее подготовленное послание. Составление этого послания требовало полной сосредоточенности. Джиллиан готовила его с той минуты, как «Стремительный» за миллисекунды до удара кулака сверхновой

углубился в темный холодный туннель. Отчасти мысль об этом послании пришла Джиллиан во время разговора с трансцендентом.

Не только они одни могут играть иллюзиями, подумала она тогда. Из всех трюков, разыгранных ее богоподобным гостем, меньше всего произвела на нее впечатление последовательность зрительных образов, изображающих всех ее близких: от Тома и Джейка Демвы до Хикахи и Крайдайки.

Миражи стоят недорого.

Если земляне в чем-то и сравнились с галактической технологией, так это в умении манипулировать оптическими образами.

Игра началась с одной из ее старейших масок, с той, которую она обычно использовала, чтобы одурачить украденную ячейку «Библиотеки».

Неожиданно в голографическом пространстве появился величественный теннанинский адмирал, он прошел вперед, взъерошив острия на локтях и плечах, раздувая экстравагантную головогрудь и прочищая голосовые щели раскатистым *барррампф,* прежде чем заговорить на уверенном стандартном галактическом шесть, обращаясь к тем, кто осаждает Землю.

Братья! Высокие патроны звездной цивилизации, потомки великих Прародителей! Я выступаю

перед вами в критический момент выбора. Вы, вместе со всеми своими клиентами и друзьями по клану, можете получить большую выгоду или пострадать в зависимости от решения, которое примете в следующие мгновения.

Пришло время развеять ложную веру. Ваше присутствие здесь (мой клан проявил великую мудрость, сопротивляясь ему) — это вызов судьбе. И не принесет вам ничего, кроме горестей, невероятных трудностей и лишений, которыми вселенная в избытке снабжает упрямцев.

Поистине очень хорошая теннанинская речь, помпезная и правдоподобная. Но главное здесь совсем не правдоподобие.

Нет, это замаскированный вызов, который должен вывести их из себя.

Эрзац-адмирал продолжал:

Обдумайте факты, мои введенные в заблуждение братья.

Номер один.

Кому Прародители доверили реликты величайшей ценности и глубочайшего значения?

Вам? Или Древним, которых вы почитаете?

Произнося эти слова, теннанинец начал расплываться, делая это гораздо красочней и тревожней, чем трансцендент. (Целью ее гостя было

сосредоточить мысли Джиллиан, а ее цель скорее напугать… чем рассердить.)

Адмирал закончил трансформацию и превратился в совершенно иное существо, которое теперь, серое и блестящее, плавало в воздухе, неотличимое от капитана Крайдайки в его лучшем харизматическом виде — до того как несчастье навсегда искалечило его прекрасную гладкую голову.

Нет, не вам! Прародители не открыли свои тайны ни вам и никакому другому благородному клану или союзу!

Нет, Призрачный Флот явился одному из таких, как я!

И изображение Крайдайки ударило хвостовым плавником для усиления.

Члену самой младшей из всех рас клиентов. Расы, способности которой заставили бы любых старших патронов стремиться принять ее, но которая гордо именует себя членом земного клана волчат!

Обдумайте далее такой факт. Вспомните, как земной корабль «Стремительный» уходил от вас, как разрушал все хитроумные планы своего пленения! Даже когда вы подкупили и поставили себе на службу Великие Институты, разве помог

вам этот акт предательства?

Фигура снова начала меняться, негромко и насмешливо продолжая:

(Скажите, братья. Догадываетесь ли вы, какой корабль сейчас устремился навстречу вам, насмехаясь над вашей хваленой мощью?

Нужны ли вам еще намеки? Или достаточно?)

Теперь Крайдайки сменил человек. Мужчина. Джиллиан попыталась в качестве образца использовать Тома, но это оказалось слишком тяжело. Поэтому она остановилась на старине Джейке Демве… что было, вероятно, лучшей идеей. Соро сразу узнают Демву: он во многих случаях был их настоящим проклятием.

Факт номер три. Вопреки огромным затратам и бесчисленному количеству жизней, потерянных при попытках покорить родину землян, чего вы до сих пор достигли? Только того, что о землянах ходят легенды. Даже на пороге несомненного успеха можете ли вы быть уверены, что это не еще одна из хитростей землян?Хитрость, которая должна еще больше истощить ваши резервы? И сделать неожиданное торжество землян еще более значительным в глазах других?

Даже если вы победите и погибнет последний человек, а все дельфины и шимпанзе будут при-

няты в какой-нибудь лишенный чувства юмора, сухой и скучный клан, выдержите ли вы удар тех, кто придет отомстить за мученицу Землю?

Задайте себе этот вопрос. Не воскреснут ли волчата еще более сильными? Либо во плоти, либо в виде новых идей? Идей, которые определят приходящую Новую Эру, направят галактическую культуру по пути, который вы себе даже представить не можете?

«Стремительный» содрогнулся. Огни мигнули. На других экранах Джиллиан увидела короткую схватку: мимо пронеслась флотилия крейсеров, продолжая непрерывно стрелять. Либо они догадались использовать самый тупые из своих снарядов, либо на этот раз их просто слишком много. Как бы то ни было, с десяток снарядов прорвался, сдетонировав очень близко.

Суэсси поднял вверх большой палец, показывая, что удар недостаточно сфокусирован, чтобы причинить вред. Но этот случай показал, что защита «Стремительного» на пределе.

Но пока враг об этом не знает. Пусть еще немного считает, что мы на все это не обращаем внимания.

А Джейк Демва между тем таял, сменившись представителем той древней расы, которую

«Стремительный» встретил в огромном ледяном жилище, именуемом Фрактальным Миром. Без перерыва мрачный персонаж продолжил монолог:

Возьмите факт номер четыре. Кто из вас сумел предсказать Великий Разрыв? Вы все так консервативны. Так верите своим старшим, что понятия не имеете, как Древние манипулировали Великой Библиотекой и другими институтами! В своих собственных целях они держали цивилизацию Пяти Галактик в невежестве. Мы и не думали предупреждать вас, сообщать, что такие пространственно-временные разрывы происходили и раньше.

Однако предупреждение пришло. И даже когда вы осаждали Землю, ее обитатели выполнили свой гражданский долг, распространили тревожное сообщение, основанное на их альтернативной математике.

И разве совпадение то, что наибольший ущерб пришелся на долю тех, кто не обратил внимания на это предупреждение? Ослепленных своим презрением к науке волчат, тех, кто предпочел упрямую идеологию прагматизму?

(Вы догадались, братья? Вычислили, кто стремится вам навстречу? Дерзко. Не проявляя долж-

ного к вам уважения. Вы поняли/почувствовали/ощутили то самое, к чему вы так стремились… и чего в тайне боялись?)

Крейсеры выстроились за «Стремительным», отрезав путь к отступлению. Впереди грозная армада отказалась от осадного строя, чтобы встретить этот новый вызов, она расходилась, окружая дерзкого пришельца непроходимой стеной огня.

Они разговаривают друг с другом, сообщила машина Нисс. *От корабля к кораблю. Гораздо больше дискуссий, чем можно ожидать от кораблей, идущих в бой. Все закодировано, но могу сказать, что спор очень горячий.*

Возможно ли, что они не поняли ваши намеки и насмешки, доктор Баскин? Возможно, вы поскромничали. Может, прямо сказать им, кто мы?

Джиллиан покачала головой.

— Успокойся. Вероятно, они спорят, как лучше прикончить нас.

У «Стремительного» оставалась только одна надежда. Такой строй заставляет врага сосредоточивать огонь в очень узкой зоне или рисковать повредить друг друга. Если земной корабль сумеет скрыть свое точное расположение, залп может чуть сместиться и не пробьет оболочку, дарован-

ную трансцендентами. А потом, в суматохе вслед за залпом, корабль сможет повернуть и уйти. И если повезет, противник настолько удивится, что даст «Строительному» небольшую фору… прежде чем вся свора с лаем бросится за ним.

Цель простая: выиграть время, дать Земле краткую передышку, возможность быстро перевооружить укрепления на Луне — и, может быть, эвакуировать перед концом немногих матерей с детьми.

— Они готовятся к залпу! — крикнул офицер-наблюдатель, а потом пропищал на дельфиньем праймале: *«Идут акулы!»*

Джиллиан осязаемо почувствовала, как сотни скоростных снарядов покидают свои стартовые шахты, направляясь к «Стремительному». У многих ведь пси и вероятностные боеголовки, а не просто заряды уничтожения.

Защитная оболочка «Стремительного» выпустила тучи контрмемо, но на этот раз было ясно, что этого недостаточно.

— Ты знаешь, что нужно делать, — обратилась Джиллиан к Акеакемаи, доверяя его мастерству свою жизнь. Это работа не столько для пилота, сколько для талантливого специалиста по геометродинамике.

Больше ничего не оставалось делать, как ждать уничтожения. Поэтому Джиллиан повернулась к сцене, разыгрываемой внутри голографического экрана. Ту же самую сцену видели на мостиках всех боевых кораблей.

Последний из созданных ею образов — образ Древнего — начал растворяться. А голос (здесь Джиллиан повторила трюк, которому научилась у трансцендента) — голос продолжал звучать, намеренно покровительственный, раздражающий, приводящий в ярость и полный абсолютной уверенности.

Видите ли вы символ на носу корабля? Разве это знакомая вам эмблема пяти спиральных рукавов? Или вместо нее что-то другое? Понимаете ли вы природу новой оболочки?

И тем не менее ваши сканеры должны увидеть за ней обычный старый корпус. А в нем членов экипажа землян.

Ну что? Может ли ваше сознание разрешить эту загадку? Это несоответствие? Есть ли у него объяснение?

Образ наконец снова застыл, он принял вид, который Джиллиан записала во время разговора с Трансцендентом. Этот образ должен был окончательно покончить с уверенностью врага.

Если только одна картинка Херби, мумии возрастом в миллиард лет, привела в смятение половину фанатиков всех Пяти Галактик, что же сделает теперь этот оживший образ? Облаченная в живую плоть, отдаленно гуманоидная амфибия загадочно и невероятно широко улыбалась, и в ее улыбке чувствовалась жестокая эмпатия.

Ну, глупые малыши: Теперь-то вы можете сделать вывод из того, что видите…

Акеакемаи вмешался резким свистом.

— Удар через девяносто секунд. Давайте сделаем это! Джиллиан мигнула. Двигатели «Стремительного» взвыли, вырывая корабль из нормального пространства.

Жаль, подумала она. *Жаль, что все произошло слишком рано. Я бы хотела посмотреть это шоу до конца.*

Теоретически можно перехитрить врага, уйдя в гиперпространство.

К несчастью, эта идея старше большинства звезд. Военное искусство давно усвоило подобную тактику. И когда «Стремительный» прыгнул, то же самое сделали и все снаряды, которые без труда определили, куда направляется корабль.

Акеакемаи играл двигателями, буквально заставляя старый разведочный корабль прыгать

между известными слоями, которые все еще проходят под Второй Галактикой.

В отличие от Четвертой Галактики, различные уровни гиперпространства здесь еще доступны, хотя и менее, чем раньше. Джиллиан рассчитывала на это отличие, которое может сбить с толку приближающиеся снаряды. А если повезет, вмешаются и волны хаоса, последствия Великого Разрыва, они исказят пространство и собьют смертоносные машины со следа.

Увы, не потребовалось много времени, чтобы понять, что она совершила смертный для любого командира грех. Предположила, что у нее глупый враг.

В пространстве Б, где все звезды превратились в крошечные радуги, офицер-наблюдатель отчаянно крикнул:

Мины! Они заполняют пространство ми…

Акеакамаи тут же совершил второй прыжок, но несколько снарядов успели взорваться, ударив «Стремительный» волной, так что корабль перескочил в пространство А.

Джиллиан охватило странно знакомое ощущение этой области, словно каждое направление, куда бы она ни повернулась, становилось туннелем, предлагающим кратчайший путь до самого

дальнего горизонта. И в конце каждого такого туннеля диск единственного величественного вращающегося солнца.

— Пятьдесят секунд, — главным образом для себя произнес Ханнес Суэсси.

Еще мины! — послышался ненужный крик: громовые удары заполнили корабль, до предела напрягая поглощающую энергию новую оболочку «Стремительного». Температура начала повышаться, на коже Джиллиан заблестел пот.

В прежней форме мы бы уже испарились, подумала она в те страшные мгновения, которые потребовались для перескока в пространство Д.

Не самое подходящее место для короткого пути. Все вокруг кажется далеким, словно смотришь в обратную сторону бинокля.

К несчастью, пространство Д тоже населено, здесь живут представители квантового порядка жизни, мерцающие полу-фигуры, которые становятся тем более неопределенными, чем больше на них смотришь. И стоило «Стремительному» появиться, как вокруг собралось множество таких аморфных существ.

Наши враги, должно быть, наняли этих своих союзников, чтобы охранять заднюю дверь. Машину Нисс такая предусмотрительность, кажется,

заинтересовала.

Джиллиан видела, как испаряются под этим новым нападением части оболочки трансцендентов.

— Уведи нас отсюда…

Предвидя ее приказ, Акеакемаи еще раз на полную мощность включил двигатели… и в этот момент ударили снаряды.

ДЖИДЖО

Каа выбрался из последнего прыжка прежде, чем пространство Б окончательно исчезло.

От этого прыжка у Гарри заныли все нервы в теле, и воздух с болезненным криком вырвался из легких.

Даже когда переход кончился и дрожащие пассажиры станции поняли, что чудесным образом вернулись в нормальный континуум, у них продолжала раздражающе дергаться кожа. Гарри дрожащими руками вытер слезы с глаз. Он совершенно точно знал, в какое мгновение пространство Б окончательно отделилось от Четвертой Галактики и куда-то улетело, предоставив миру атомов, потерявшему соседей, одиноко жить дальше.

Ощущение такое, словно у тебя что-то ампутировали. Незаметное присутствие, которое всегда, всю жизнь ощущалось на заднем фоне, теперь навсегда исчезло.

Как раз вовремя выбрались, подумал Гарри, когда прояснилось зрение. И поразился чуду, совершенному Каа в его последнем проявлении пилотского мастерства.

Прямо впереди висел голубой шар, окруженный тонкой оболочкой влажного воздуха. Между дугами океана выдавались континенты, пятнисто коричневые и зеленые. Видны были молнии, пляшущие над облаками и горными вершинами вдоль всего терминатора.

— Джиджо, я полагаю, — сказал Гарри, а про себя добавил: *Мой новый дом.*

— Да, — ответил Двер. — Добро пожаловать. Хорошо вернуться домой.

Судя по его напряженной позе, молодому человеку не терпелось вернуться на лесные тропы, которые он так любит. Очевидно, где-то там, в диком лесу, его ждут две молодые женщины, считающие себя его «женами». Двер не хотел объяснять ситуацию, но явно стремился побыстрее вернуться к ним. Это было очевидно.

Л как же я? — думал Гарри. *Теперь вряд ли можно рассчитывать на карьеру в Институте Навигации. Даже если в Четвертой Галактике сохранятся немногие гиперпространственные линии, никому здесь не нужен разведчик в пространстве Е.*

Он посмотрел на голубую планету, которая приближалась со скоростью улитки — теперь эта относительная скорость определяется толь-

ко инерцией и кинетической энергией. Без микропрыжков, которые делают возможным пространственно-временной подход, приземление может быть трудным и опасным.

Разумеется, у них очень хороший пилот. Так что эта проблема не очень волновала Гарри. Но когда станция сядет, она, возможно, больше никогда не поднимется. Антигравитация основана на уравновешивании сил нескольких слоев гиперпространства. Теперь, когда большинство этих слоев исчезло, генераторы поля, вероятно, никогда не смогут преодолеть сильное притяжение Джиджо.

Скорее всего отныне я на всю жизнь привязан к планете.

Ну по крайней мере это жизнь.

Джиджо выглядит намного лучше пыльного Хорста. В сущности, она красивей даже Земли.

И там есть неошимпы… хотя из более ранней ветви, которая не умеет говорить. Но в остальном, говорит Двер, они вполне цивилизованные.

Гарри вздохнул:

Думаю, то, что я «обезьяна, которая умеет говорить», сделает меня выдающимся.

Это… и еще моя белая шерсть…

…и мой… хвост.

Этого оказалось достаточно, чтобы он хрипло рассмеялся. Какая ироническая перемена положения по сравнению с Землей, где болтливые ученые шимпы считали его неразговорчивым и медлительным. Здесь партнерши и товарищи по расчесыванию вряд ли будут надоедать ему сплетнями.

Для разговоров у меня будет шесть рас «Общины Джиджо» — или восемь, если считать дельфинов и титлала. А скоро шимпы станут девятой.

Он посмотрел на Каа, чье пилотское мастерство привело их сюда в безопасности и почти в нормальном состоянии. Дельфин так стремится поскорее погрузиться в теплые прибрежные воды — и найти свою Пипое, что нужно будет его уговаривать, чтобы он сначала сел на суше и дал всем возможность высадиться.

— Ну, ну, — заметила Кивай Ха'аоулин, — очень привлекательная маленькая планета. Полагаю, я могу позволить себе немного передохнуть, оценивая ее коммерческие возможности.

Гарри покачал головой. Синтианец явно считает, что скоро все вернется к норме. Ради него самого Гарри надеялся, что Кивеи до конца жизни сохранит эту веру и будет жизнерадостной

и безумной, потому что весь остаток жизни ей придется провести здесь, в этом уголке Четвертой Галактики.

Каа мотнул тесно-серой головой и удивленно произнес:

— Корабли!

Гарри бросился к своим приборам.

— Я их вижу. Они преимущественно за нами. Твои последние безумные прыжки провели нас мимо них. И мы доберемся до Джиджо на несколько недель раньше.

Всмотревшись внимательней в данные, он добавил:

— В основном небольшие: спасательные шлюпки, разведчики, шаттлы. Наверно, уцелевшие с тех флотов, что были во время разрыва застигнуты в пространстве Б. — Он помолчал, нервно потягивая себя за большие пальцы. — Они направляются к единственному убежищу в пределах видимости. К тому же месту, что и мы.

Двер вздохнул:

— Так что даже если за время нашего отсутствия джиджоанцы сумели справиться с джофурами, опасность сохраняется.

Гарри кивнул. По стандартам его прежней цивилизации силы приближающихся ничтожны.

Некоторые корабли не долетят. Другие сгорят в атмосфере Джиджо. Тем не менее останется столько, что его маленькая станция с ними не справится. И вскоре джиджоанцев ждут настоящие трудности.

Он понял, что предстоящее столкновение может иметь далеко идущие последствия.

Если только на других невозделанных планетах Четвертой Галактики нет сунерских колоний, эта планета может оказаться единственным местом, где кислорододышащие сохраняют знания и опыт, необходимые для полетов к звездам.

Даже если гиперпространство полностью отрезано, культуре все равно когда-нибудь станет тесно на Джиджо. Эта культура в состоянии заполнить всю галактику, начав новую традицию Возвышения, когда встретит на пути перспективные виды.

Возможные следствия ошеломили Гарри.

Тот, кто в этом году установит свой контроль над Джиджо, будет определять мораль — весь социальный этос — будущей звездной цивилизации.

Гарри уже готов был посвятить свою жизнь одной общине. Кажется, отдых его не ждет. Прежде чем вкусить пищи и воздуха Джиджо, он должен решиться стать частью этого нового мира и счи-

тать его проблемы своими.

Судя по тому, что я слышал, Община шести рас на Джиджо производит впечатление. Если Двер и Рети — а также Олеин и Ур-ронн — ее типичные представители, джиджоанцы так просто не сдадутся.

Гарри погладил консоль своей верной старой станции.

И мы сможем им немного помочь.

Спиральная орбита снижения привела их на темную сторону Джиджо, под большой луной, которую Двер назвал Лусен. Гарри вскрикнул, увидев линию ярких вспышек вдоль границы между днем и ночью. На безвоздушной поверхности полумесяцем блестели города. Но тут же он сообразил.

Отражения. Солнечный свет, отразившийся под углом от поверхности. Эти купола молчаливы и безжизненны. Такими они остаются с того момента, как их покинули легендарные буйуры — сколько веков назад? Полмиллиона лет?

Но все же зрелище отличное, признал он. *И, возможно, когда-нибудь…*

Резкий возглас заставил его обернуться.

Рети стояла у противоположного окна, упрямо отказываясь смотреть на мягкую красоту своей

родной планеты. Мрачно скрестив руки, она не обращала внимания на крики своего «мужа», миниатюрного самца ура, которого звали йии. Маленький кентавр стоял на подоконнике, приплясывая на четырех тонких ногах; вытянув длинную шею, он ущипнул ее за плечо, потом показал наружу.

смотри, жена! посмотри на это зрелище!

— Я видела это и раньше, — мрачно ответила Рети. — Природа. Горы, кусты и грязь. Много грязи. Ни электричества, ни компьютеров, но вся грязь, какую только можно найти…

не природа! — прервал ее йии. *повернись и посмотри на огни!*

Рети упрямилась. Но остальные поторопились узнать, что увидел малыш.

— Погасить внутренний свет, — приказал Гарри, чтобы освещение обсервационной рубки не мешало смотреть наружу.

Внизу расстилалась ночная Джиджо. Этот темный покров когда-нибудь расцветет огнями городов новых поколений, чем бы ни закончилась предстоящая битва. Но сейчас Гарри даже с помощью приборов не видел никаких признаков разума.

Что ж, шесть рас давно прячутся, подумал

он. *Должно быть, хорошо научились к этому времени.*

Интересно гадать, какая именно звездная цивилизация вырастет из Общины шести рас, с ее традициями защиты окружающей среды и терпимости, с ее спокойным индивидуализмом, когда наступит время появления новых идей. Нечто весьма интересное, если, конечно, Община выживет в предстоящем кризисе.

Вначале Гарри не увидел ничего такого, что объяснило бы возбуждение йии. Но тут Двер подтолкнул его и указал направо.

— Смотри. Искра.

— Как красиво, — заметила Кивеи.

Похоже на мерцающий уголь, вылетевший вверх из лагерного костра, осторожно и очень медленно поднимающийся в атмосфере.

— Режим наблюдения, — приказал Гарри. — Сосредоточиться на аномалии, на которую я смотрю, и увеличить.

Компьютер просканировал его глаза, определил фокус внимания и выполнил приказ. На голографическом изображении появился объект. Ничего более странного Гарри, несмотря на годы исследований невероятных мемических уголков пространства Е, не видел.

Длинная тонкая труда медленно поднималась заостренным концом вверх… и из ее хвоста вырывалось горячее белое пламя.

— Похоже… на горящее дерево, — удивленно произнес Кивеи.

— Это не дерево, — поправил Двер. — Это бу! Любопытство победило, и Рети наконец повернулась — едва успев заметить, как погасло пламя. И пока тонкий объект продолжал подниматься, приборы Гарри определяли его размеры. Он оказался во много раз больше станции!

Неожиданно объект, напоминавший по форме карандаш, разделился надвое. Задняя часть, продолжая дымиться, отлетела в сторону, и из тыльного конца передней части снова вырвалось белое пламя.

Кивеи удивленно прошептала:

— Но какое природное явление…

не природное, глупый енот! — крикнул йии. *это ракета из бу, изготовленная урами-людьми-треки! ракета приветствует возвращение Рети домой!*

Гарри мигнул раз, второй. Потом улыбнулся.

— Будь я проклят! Так и есть. Многоступенчатая ракета, изготовленная из полого ствола дерева… или как ты там его назвал, Двер.

Он снова вызвал компьютер.

— Увеличить передний конец. Ту его часть, что дальше всего от огня.

Подобно острию копья, ствол слегка расширялся, прежде чем заостриться к концу. Он медленно вращался вместе с остальной частью примитивной ракеты.

Мгновенный блеск рассказал все. Панель из стекла какого-то типа. Слабый свет, льющийся изнутри. Пара силуэтов. Змеиная шея. И клешни краба.

Тут станция повернулась, и все пошатнулись. Каа доложил, что они входят в атмосферу планеты.

— Пора пристегиваться! — приказал пилот. Вскоре их окружит другой тип пламени. И если они выдержат стремительное падение, смогут выйти на прочную почву.

Но Гарри и все остальные еще мгновение оставались неподвижными, глядя на пролетающую ракету. Компьютер рассчитал ее траекторию и доложил, что она нацелена на ближайший спутник Джиджо.

И тут заговорила Рети. Она топнула, но на этот раз не в раздражении. На лице ее было радостное выражение.

— Здорово! — воскликнула она. — Знаете, что это значит? Гарри и Двер покачали головой.

— Это значит, что я не буду вечно прикована к Джиджо! Это значит, что можно улететь с этого жалкого комка грязи. Можете биться об заклад на ящик с мусором вашего деда, что я этим воспользуюсь!

Ее глаза горели так же, как этот уголь, который постепенно исчезал из виду. И даже когда Гарри заставил ее сесть и пристегнуться, Рети дрожала от стремления и решимости.

— Я это сделаю, чего бы ни стоило.

Улечу, как только эта грязная старая вселенная мне позволит.

Гарри согласно кивнул. Меньше всего хотел бы он встать на пути у Рети.

— Я уверен, что ты это сделаешь, — сказал он без малейших покровительственных ноток в голосе.

Окно затянулось языками пламени: это Джиджо приветствовала их.

ДОМ

Ужасные раны покрывали борта потрепанного корабля, когда он готовился вернуться в нормальное пространство. Большая часть выступов стасиса на бортах «Стремительного» провисла или вообще испарилась. Вращающееся колесо, создающее искусственное тяготение, сплавилось с корпусом.

А что касается защитной оболочки, которая спасла экипаж, дар трансцендентов, искрясь и дергаясь, сполз с корабля, как смелое умирающее существо.

Джиллиан теперь не хватало этой потерянной дружбы. Она горевала и из-за других несчастий. А теперь и из-за утраченной надежды.

Мы собирались избежать гибели и увести за собой врага подальше от Земли.

Враги собирались помешать нам и уничтожить.

Похоже, и мы и они получили, что хотели.

Суэсси находился внизу, в машинном отделении, вместе с Эмерсоном и остальными механиками пытаясь вернуть двигателям их прежнюю мощь. В нынешнем состоянии кораблю едва хва-

тит энергии, чтобы добраться до единственного уровня пространства, где нет мин — и других смертельных опасностей, поджидающих со всех сторон.

Нет, мы возвращаемся, чтобы лицом к лицу встретиться с живыми врагами. Такими же кислородными существами, как мы.

По крайней мере можно будет сдаться и договориться, чтобы с членами экипажа обращались как с военнопленными. Разумеется, если победители не начнут немедленной драки из-за добычи.

Конечно, сама Джиллиан не может допустить, чтобы ее взяли в плен. Информация, которая у нее в голове, не должна попасть в руки врага.

Она глубоко вздохнула. Девяностосекундная схватка едва не закончилась победой. Ее тактика почти удалась. Каждый раз как взрывалась мина, или нападала толпа квантовых существ, или проносилась новая волна хаоса, аккуратные ряды приближающихся снарядов теряли стройность, количество их уменьшалось и их разрывы становились неэффективными, уходили в сторону.

Но все равно пришлось очень тяжело.

Наконец «Стремительный», окруженный тучами обломков, вынырнул в нормальном про-

странстве. Джиллиан знала, что храбрый старый корабль не выдержит теперь столкновения с корветом или вооруженной спасательной шлюпкой, не говоря уже о поджидающей его армаде.

— Передать сигнал перемирия, — приказала она. — Сообщите, что мы готовы обсуждать условия капитуляции.

Темная воронка машины Нисс поклонилась — знак уважения.

Как прикажете, доктор Баскин. Будет исполнено.

Пока команда мостика напряженно трудилась, заменяя перегоревшие модули, все экраны были затянуты пеленой ионизированных остатков и радиации. Первым объектом, появившимся из тумана, оказалась пара гравитационных углублений — небольшая рябь в пространстве-времени.

Земля и Луна… поняла Джиллиан. *Мы так близко.*

Вскоре на гравитационных дисплеях покажутся и другие объекты, соперничающие со спутниками по массе и силе.

Напряженный момент вернул Джиллиан на годы назад, в прошлое, когда они обнаружили Призрачный флот, когда они с Томом были так молоды и рады возможности служить на благо

земного клана в обществе своего друга Крайдайки. Было немного похоже на это. Их окружил туман, «Стремительный» осторожно продвигался в густом молекулярном облаке в далеком месте, которое называется Мелким скоплением.

Межзвездное захолустье.

Место, где не должно быть ничего интересного для межзвездного путешественника.

Но у капитана была догадка.

И вскоре, вынырнув из тумана, они увидели…

Ничего.

Джиллиан замигала, к ней вернулось мрачное настоящее. По мостику пронесся недоверчивый гул. Все удивленно смотрели в пустоту.

Напряженно гудя, двигатели «Стремительного» сумели вывести корабль из тучи обломков, туман рассеялся настолько, что стало видно окружающее пространство.

Ни следа огромной грозной флотилии.

Ни одного боевого корабля.

— Но… я…

Джиллиан смолкла, не в состоянии закончить фразу. Кто-то другой должен был завершить ее мысль.

— Куда все делись? — спросила Сара Кулхан, которая побелевшей дрожащей рукой сжимала

Прити.

Никто не ответил. Как можно на это ответить? Что сказать?

Несколько минут, пока сенсоры уходили все дальше, на мостике царило молчание.

— Множество обломков, но в пределах кубического астрона я не вижу .никаких кораблей, — доложил наконец офицер-наблюдатель. — Но, думаю, они могут прятаться за Луной, готовые к нападению.

Джиллиан покачала головой. Армада гигантских дредноутов вряд ли поместится за лунным диском. К тому же зачем прятаться, поджидать в засаде беспомощную добычу, которая не в состоянии сопротивляться? «Стремительный» не может уйти, и в честной схватке его побьет и щенок.

— Я фиксирую большое количество недавних гипервпадин в окружающем фоновом поле, — добавил Акеакемаи. — Это следы двигателей. Совсем недавно отсюда ушло много больших кораблей. Думаю, они уходили очень быстро!

Пока экипаж «Стремительного» восстанавливал сенсоры, машина Нисс снова появилась возле Джиллиан вращающимся пучком линий.

— Не хотите ли выслушать предположение, доктор Баскин?

— Давай!

Мне кажется, ваше небольшое голографическое послание имело неожиданные последствия. Оно должно было разгневать наших врагов, но позвольте указать на другую возможность.

Оно их страшно напугало.

Джиллиан фыркнула:

— Этот вздор, который я выдумала? Да ведь это чистый блеф и хвастовство. Даже ребенок ему не поверит! Ты хочешь сказать, что вся эта толпа продвинутых галактов, со всеми их бортовыми библиотеками и сложными разумными системами, не догадалась о правде?

Линии напряглись, к Ниссу вернулась прежняя насмешливость.

— Нет, доктор Баскин. Я не это хочу сказать. Я хочу сказать, что такой примитивный волчонок, как вы, застигнутый эмоциями критического перехода, не может осознать всей истины, которая кроется в его «блефе и хвастовстве».

Но галакты это осознали. Может быть, всего мгновение спустя после залпа по «Стремительному». Или позже, когда почувствовали, что мы возвращаемся, выдержав то, что невозможно выдержать… и начали передавать простое предложение о капитуляции.

— Но это было… — Джиллиан запиналась. — Я не имела в виду *их* капитуляцию…

Во всяком случае, союз распался… испарился… каждая группа вернулась домой.

Джиллиан не могла поверить.

— Ты выдумываешь. Не может быть.

Нисс «пожал плечами» — вращающиеся линии дернулись и сдвинулись.

К счастью, вселенной все равно, верим мы или нет. Главный вопрос в том, достаточно ли наши враги испуганы, чтобы совершенно отказаться от своей цели, или они просто отступили, чтобы перегруппироваться, связаться со своими властями и подготовиться к новому нападению.

Откровенно говоря, я подозреваю последнее. Тем не менее кажется, здесь произошло нечто очень значительное, доктор Баскин.

По всем стандартам вы должны принять вердикт истории.

Это слово необычно звучит на борту потрепанного корабля. Так что я понимаю, почему вам трудно произнести его вслух.

Позвольте сделать это за вас.

Это называется победой.

Показались силы Земли, они медленно, осторожно выходили из своих укреплений, словно

подозревая какую-то смертельную хитрость. С обожженных горных вершин, из расплавленных кратеров поднимались в небо тупорылые корабли со шрамами от бесчисленных битв. Они лучами обшаривали все уголки Солнечной системы. И недоверчиво разглядывали последний оставшийся корабль, чьи очертания на первый взгляд показались незнакомыми.

— Держись подальше, — приказала Джиллиан пилоту. — Не делай резких маневров. Будем терпеливы. Пусть привыкнут к нам.

Акеакемаи согласился:

— Мы передаем транспондерный код «Стремительного». Но пройдет какое-то время, прежде чем они разберутся. А до этого я предпочитаю, чтобы эти парни не нервничали.

Мягко сказано. Эти потрепанные корабли больше двух лет выдерживали натиск ужасных танду и других знаменитых воинов. И Джиллиан не хотела бы, чтобы ее уничтожили свои только потому, что у них дернутся пальцы на гашетке.

Она так долго ждала, что может подождать еще немного.

Джейку Демве не понравится, в каком состоянии возвращается «Стремительный», думала она. *Без двух третей экипажа и без образцов, до-*

бытых в Мелком скоплении. Он неделями будет меня допрашивать, стараясь определить, где могут быть Крайдайки и Том и что может их задерживать так долго.

С другой стороны, она вернулась на Землю с богатыми дарами.

Например, данные о том, как победить мастер-кольца джофуров.

И информация о кикви на Китрупе, которых мы можем сделать новыми клиентами нашего растущего клана.

И симбионты реуки с Джиджо, которые помогают понять друг друга. Плюс все то, что мы с Ниссом узнали, расспрашивая захваченную ячейку Галактической Библиотеки.

И было еще многое другое.

Террагентский Совет захочет знать все о забытой колонии на Джиджо и об экспедиции «Полкджи». Обе группы столкнулись с серьезнейшими опасностями, однако обе нашли решение, которое так долго ищет Совет: потомки земного клана могут выжить за пределами галактической цивилизации, даже если когда-нибудь погибнет Земля.

Есть еще много тем для разговоров, так что Джиллиан придется годами докладывать Совету.

Все, что мы узнали о других порядках жизни, например. Особенно о возвышенных трансцендентах.

Какими бы могучими и всеведущими ни были эти богоподобные существа, после встречи с ними Джиллиан ощущала нечто похожее на жалость. Оказывается, они не древнейшие и величайшие порождения жизни, они только спрятались от жизни в односторонних сингулярностях в поисках лучшего.

Трусы, назвала она их в момент раздражения. Теперь она признает, что это несправедливо, хотя в такой характеристике и есть доля истины.

Они захвачены Объятием Приливов. И в то же время не хотят окончательно поддаваться его притяжению — то ли в высшее пространство, то ли в какую-то всеобщую систему переработки. И поэтому просто ждут, думают и планируют, пока время течет мимо. И делают исключение, только когда им кажется необходимым принести в жертву мириады младших форм жизни для достижения своих целей.

В целом такую компанию она не хотела бы пригласить к себе на ужин.

Когда дымка, оставшаяся после битвы, рассеялась, Джиллиан впервые после Китрупа при-

казала убрать потрескавшиеся и сплавившиеся броневые листы с иллюминаторов, что позволило ей постоять под мерцающим Млечным Путем — таким привычным рисунком созвездий, что они успокоили бы даже какого-нибудь пещерного человека, чья жизнь проходила в тяжелой борьбе за существование всего десять тысяч лет назад.

Скорость света медлительна, но неумолима, думала Джиллиан, глядя на сверкающие аллеи галактики. *Через несколько тысяч лет эта звездная картина расцветится бесчисленными вспышками. Сверхновые принесут первую часть послания трансцендентов.*

Простое послание, но настолько важное, что даже она способна его понять.

Приветствуем вас. Мы здесь. А кто еще есть здесь?

Джиллиан заметила, что Эмерсон, чьи обязанности в машинном отделении подошли к концу, торопливо направляется к Саре. Пара остановилась поблизости вместе с молчаливым спутником шимпом и смотрела на то же самое зрелище, обмениваясь чем-то личным.

Конечно, молодая женщина с Джиджо — еще один дар Земле, настоящее сокровище. Она, на основе только своего математического вдох-

новения, совершенно независимо предсказала Великий Разрыв. Одно это — впечатляющее достижение, но Сара идет дальше, она делает новые поразительные предположения, утверждая, что разрыв сам по себе — всего лишь *симптом.* Не симптом расширения вселенной, как утверждают земные ученые, но чего-то гораздо более сложного и необычного. Чего-то «приходящего из-за пределов нашей контекстуальной структуры», что бы это ни означало.

Сара полагает, что разгадка связана с судьбой таинственной расы, которая называется буйурами.

Джиллиан покачала головой. Ну, отныне этими проблемами могут заниматься другие. Опытные профессионалы с Земли — и десятка дружественных рас. Пусть они имеют дело с темными проблемами, а она снова станет простым врачом, целителем. Ведь к этой роли она и готовилась.

Больше до самой смерти никогда ничего никому не буду приказывать. Ни разу. Что бы ни говорили о моих достижениях в этом полете, я никогда больше не приму на себя команду.

Отныне я буду спасать жизни индивидов. Космос пусть спасает кто-нибудь другой.

В сущности она уже нашла своего первого па-

циента.

Как только начальник шпионов отпустит меня, я сосредоточусь на помощи Эмерсону. Попытаюсь вернуть ему дар речи. Надеюсь, на Земле уже проделаны нужные исследования, но даже если еще нет, я разорву небо пополам, чтобы их завершить.

Подгоняет ли ее сознание вины? Стремление исправить хотя бы отчасти ущерб, который принесли ее приказы? Или просто иметь удовольствие смотреть, как эти двое — Сара и Эмерсон — говорят друг с другом не только сердцем, но и умом.

Видя, как они держатся за руки, Джиллиан наконец слегка расслабилась.

Сердца достаточно. Оно выдержит.

К ней обратился Акеакемаи:

— Восстановлена двусторонняя голографическая связь, доктор Баскин. Идет передача.

Большой голографический дисплей неожиданно засветился, на нем показалась контрольная рубка приближающегося боевого корабля. Это корабль теннанинского производства. Большая часть экипажа — люди, но перед камерой сидит тимбрими, с острыми очертаниями прямоугольного красивого лица. Чувствительные к эмпатии

щупальца колышутся за ушами.

…и мы находим ваши утверждения невероятными. Предоставьте доказательства, что вы действительно земной корабль «Стремительный». Повторяю…

Казалось, так легко удовлетворить это требование. Она столько лет напряженно трудилась, чтобы такой контакт стал возможен. Но Джиллиан почему-то не хотелось подчиняться.

После недолгого размышления она поняла почему.

Для любого человека существуют два царства: одно — Земля, второе — «где-то там».

Пока я в космосе, я могу воображать, что нахожусь близко к Тому. Что мы оба заблудились. Оба блуждаем по Пяти Галактикам. И хотя нас разделяют мегапарсеки, кажется, только вопрос времени, когда мы обнимем друг друга.

Но как только я ступлю на почву старой Земли, я окажусь дома. Земля окружит меня, а космос станет чем-то далеким. Огромной пустотой, в которой он потерялся — вместе с Крайдайки, Хикахи и остальными. Они где-то там преодолевают опасности, а я могу лишь стараться найти себе занятие и не чувствовать себя одинокой.

Джиллиан постаралась ответить тимбрими.

Она хотела бы, чтобы это сделал кто-нибудь другой, чтобы кто-нибудь снял ношу с ее плеч. Чтобы она ощутила горькую радость конца изгнания.

И тут ее неожиданно выручил чей-то голос. Это был Эмерсон д'Аните. С улыбкой глядя на голограмму, он запел:

Давайте радоваться жизни! Человек рожден для веселья!

Его стремления,

Его пустые оправдания

Только волнуют чувства и туманят мозг.

Худые или полные,

Мы прыгаем и скачем,

Так что давайте веселиться.

Веселье есть торжество

Мысли над материей,

Мы все вернемся домой и наконец посмеемся!

СУДЬБА

Компоненты-занги были лучше подготовлены к тому, чтобы воспринимать все философски. Существа машины, входящие в макросущество, называемое матерью, тоже.

И в водородной, и в машинной цивилизациях широко распространено представление о том, что так называемая «реальность» — это всего лишь вымысел. Все — от величайшей галактики до самого маленького микроба — есть просто часть большой модели. «Модели», которая создана для решения какой-то великой проблемы или сложной головоломки.

Конечно, вполне естественно, что оба порядка жизни пришли к одинаковому заключению. Занги подошли к созданию моделей оригинально, образуя их в собственных телах. Машины делают это в виде программ, переносимых цифровым сознанием. Но в целом это одно и то же. И, наконец объединившись, они нашли общий взгляд на жизнь.

Мы — и все то, что мы видим вокруг себя, включая могущественных трансцендентов, — существуем лишь как часть грандиозного сценария,

как модель какого-то компьютера более высокого уровня, возможно, иного плана существования или чего-то вроде Пункта Омега, где кончается время и все достигает своего завершения.

В любом случае не имеет смысла гадать о своем значении. Космос, который мы воспринимаем, лишь один из бесчисленных рассматриваемых параллельных вариантов, которые незначительно отличаются друг от друга. Словно в шахматной программе, рассматривается каждый ход и в мельчайших подробностях учитываются все возможные последствия.

Так объясняли Линг и Ларку положение другие компоненты матери. Даже джофуры-треки признавались, что им нетрудно воспринять такое представление, поскольку их сознательная жизнь включает множество мысленных экспериментов, проплывающих в капающем воске, который окружает их сердечник.

Только людям и дельфинам — членам консорциума — трудно было принять этот образ, но по разным причинам.

Зачем?— спрашивал Ларк.

Зачем тратить на это огромные ресурсы? Чтобы рассчитать лучший из возможных миров?

Ну а когда они его найдут… что они сделают с

результатом?

И что сделают с мириадами моделей, созданных в ходе эксперимента?

Что они сделают с нами?

Вопрос как будто поразил компоненты-занги, но не машины, которые с необычной откровенной удовлетворенностью ответили Ларку.

Вы, кислородники, одержимы собственным значением.

Конечно, все эти модели проиграны, оценены и отброшены. Наше ощущение существования — всего лишь иллюзия. Проявление моделированного времени.

Ларку такое отношение показалось ужасным. Но Линг только усмехнулась, согласившись с дельфинами, которые лишь недавно присоединились к сообществу на борту и явно считали весь этот метафизический спор нелепым.

Олело, предводитель группы бывших членов экипажа «Стремительного», суммировала их точку зрения в хайку на тринари:

Вслушайтесь в гром
Прибоя на том рифе
И скажите мне, что он нереален!

Ларк по нескольким причинам радовался по-

явлению на борту новичков. У них любопытный, свежий взгляд на вещи. И они поддерживают сторону кислородных существ в бесконечном споре. Впереди еще много дискуссий за те субъективные годы, которые проведет в пути «Полкджи», прежде *чем* достигнет цели.

Он с помощью своих новых чувств связался с одним из внешних приборов и снова бросил взгляд на космос. Вернее, на то, что здесь называют космосом.

Мало кто видел такое. Чернота, которая совершенно не похожа на обычный, яркий черный цвет. Не видно ни одной эллиптической или спиральной галактики в обычной форме — как скопление светящихся точек. С этой точки зрения не видно звезд, и, если постараешься, можно разглядеть лишь легкую рябь.

Все кажется плоским, эфемерным, едва ощутимым — как грубо сделанная модель подлинной вещи. В сущности «Полкджи» более не часть этой вселенной. Скользя по внешнему *илему*, преображенный корабль движется с волной, которая не состоит ни из материи, ни из энергии, ни даже из несформировавшейся метрики. После консультаций с другими и изучения материалов бортовой библиотеки Ларк мог лишь сказать, что

корабль движется на раскачивающейся складке *контекста.* Того фона фундаментального закона, из которого некогда возникла вселенная, когда возмущение принципа неопределенности Гейзенберга позволило произойти неожиданному взрыву, названному Большим Бэнгом.

Это появление Чего-то из Ничего.

То, что он сейчас видит, — не вещи и не объекты, а вихри причинных связей, присоединяющих одну возможность к другой.

За кораблем, уменьшаясь с каждым дуром, видны несколько таких перекрестков, еще извивающихся от недавнего разъединения. Разрыв древних связей.

Ларк почувствовал, как рядом с его сознанием скользнуло сознание Линг, воспринимая то же, что и он. Немного погодя Линг подтолкнула его.

Все это позади. Давай смотреть вперед, туда, где наша судьба.

Хотя на этой плоскости не существует ничего осязаемого — ни материи, ни мемо, ни даже направления, — Линг тем не менее ощущала, где «вперед»… куда они направляются. По словам трансцендентов, это большое скопление галактик в полумиллиарде парсеков от Второй Галактики. Оттуда давно приходят загадочные

сигналы, намекая на существование разума. Возможно, там другая великая цивилизация, с которой можно вступить в контакт. Можно поделиться. Поздороваться.

Единственным ее проявлением — в восприятии Ларка — был клубок едва заметно светящихся изгибов и спиралей. Слабый намек на место, где тоже могут существовать гипердвигатели, пункты перехода и все удобства, которые сопровождают жизнь разумных живых существ.

Мы увидим это, прислала свою мысль Линг. *И многое другое. Ты рад, что мы полетели?*

В отличие от дельфинов трансценденты не спросили у Ларка, чего он хочет. Но он чувствовал себя замечательно.

Да, я рад.

Мне не хватает кое-кого. И Джиджо. Но кто бы отказался от такой возможности?

На самом деле некоторые отказались. Джиллиан Баскин, которую удержало сознание долга. И Сара, чью любовь он всегда будет ощущать. Послав дюжину дельфинов, Баскин передала с ними и другие дары, которые отправятся на «Полкджи»: архивы «Стремительного», генетические образцы, собранные во время длительной исследовательской миссии.

И еще один предмет.

Ларк посмотрел на самого уникального члена материнского консорциума, заключенного в золотистый кокон *топоргического* застывшего времени. Древний труп, возможно, в миллиард лет возрастом, который путешествовал с невезучим экипажем «Стремительного» с того самого посещения Мелкого скопления.

Его зовут Херби.

Загадочная улыбка мумии словно говорила о всезнании. И о полной уверенности в себе.

— Это ваш самый драгоценный реликт? — спросил Ларк в лихорадочные мгновения перед взрывом сверхновой, когда переносились образцы со «Стремительного» и защитная оболочка «Полкджи» сомкнулась вокруг них.

Херб и я много времени провели вместе, ответила Джиллиан. *Но мне кажется, важнее, чтобы он отправился с вами, друзья. Он способен рассказать о нас далекой цивилизации больше, чем целая Библиотека.*

Женщина с земли выглядела уставшей, но непреклонной, как будто чувствовала, что ее испытания скоро кончатся.

К тому же если «Стремительный» выдержит предстоящее, я думаю, что Херби не незаменим.

Я знаю, где можно раздобыть еще много таких.

Ларк вспомнил это загадочное замечание, глядя на проносящееся мимо свечение — нити и связки, которые всегда остаются скрытыми за задником великой трагикомедии жизни. Почему-то это напомнило ему хорошо разработанный и гладко разворачивающийся сюжет. Сюжет, в котором он продолжает участвовать, хотя все связи и все нити причинности разорваны.

Кто-то скользнул рядом с плавающими людьми. Дельфин, длинный, гладкий, со множеством шрамов. Их тела слегка покачнулись от волны, поднятой ударами его хвоста. Они почувствовали присутствие рядом мощного сознания, вместе с ними глядящего на пустоту за корпусом «Полкджи».

Вскоре их новый спутник пропел комментарий.

Даже когда позади
Остались Древние,
Трансценденты
И боги,
Кто может сказать,
Что ждет нас в небесных просторах?

Линн восхищенно вздохнула, Ларк кивнул. Он повернулся, чтобы поздравить дельфина с умением так великолепно подытожить их общее впечатление.

И замигал, потому что увидел лишь пустую полоску в богатом материнском органическом вареве.

Он мог бы поклясться, что рядом плыла большая серая тень, гладкая, теплая, такая близкая, что ее можно коснуться! Но этого дельфина среди вновь прибывших он не встречал.

Рядом никого не было.

И пройдет много лет, прежде чем Ларк снова услышит этот голос.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я считаю, что писателю не следует застревать в одной особенной «вселенной», снова и снова рассказывая об одних и тех же героях и обстоятельствах. Чтобы не «протухнуть», я стараюсь не писать подряд две книги об одной и той же «вселенной». Но трилогия Бури Возвышения («Риф яркости», «Берег бесконечности» и «Небесные просторы») представляет исключение. Заранее я никогда не решаю «написать трилогию», но эта работа по мере продолжения приобретала текстуру и все нарастающую сложность. Так бывает в жизни. Когда бросаешь камень в пруд, рисунок разбегающихся кругов может казаться ясным. Но брось еще несколько камней подряд, и рисунок изменится так, как ты себе и представить не мог. Реалистичное повествование примерно такое же. Усложения и последствия разбегаются во всех направлениях.

Меня много раз спрашивали о моей серии «Возвышение». Это определенно не первый случай, когда писатель размышляет о возможностях генетического изменения животных, не обладающих разумом. Среди примеров «Остров доктора Моро»,

«Планета обезьян» и серия «Инструменталии» Кордвайнера Смита. Я вырос, восхищенно читая эти книги и произведения многочисленных последователей этих писателей. Но я заметил также, что авторы таких историй обязательно считают, будто «хозяева»-люди всегда поступают максимально злобно и глупо. Иными словами, если мы изменяем животных, чтобы усилить их интеллект, то это всегда делается, чтобы поработить их и жестоко с ними обращаться.

Не поймите меня неверно! Эти истории с их моралью помогли продвинуть наше коллективное сознание к эмпатии и терпимости. Однако я считаю, с известным оттенком иронии, маловероятно, чтобы наша цивилизация не стала жестоко относиться к новым разумным существам потому, что эти книги сделали свое дело.

В серии «Возвышения» проблема переносится на новый уровень. Допустим, мы генетически преобразуем шимпов, дельфинов и других животных, сделаем это с лучшими намерениями и предоставим им право голоса и гражданство в нашей многообразной культуре. Разве при этом не возникнут проблемы? Достаточно интересные, чтобы стоить одной-двух историй? На самом деле я ожидаю, что мы когда-нибудь действительно

пойдем по этому пути. Одиночество рано или поздно заставит нас предпринять попытку Возвышения. И когда обезьяна заговорит, кто посмеет сказать: «Верните ее в прежнее состояние»?

Пора подумать о дилеммах, которые встанут перед нами, даже если мы поведем себя разумно.

Как «Великолепное время года» позволило мне исследовать широкий круг отношений, возникающих при самоклонировании, так Вселенная Возвышения дает шанс поэкспериментировать с различными представлениями о межзвездной цивилизации. И поскольку это совершенно беззастенчивая космическая опера, оба эти представления могут быть сведены и доведены до высокой степени! Например, если мы предполагаем возможность передвижения быстрее скорости света, я иду дальше и изобретаю десяток способов обмануть Эйнштейна. Чем больше, тем веселей!

Во многих произведениях предполагается, что, когда мы выходим на звездные линии, все уже готово к большим приключениям. (Например, злодеи хоть и опасны, но всегда существует возможность победить их с помощью какого-нибудь отважного героя.) На самом деле в нормальном состоянии в любой части вселенной все нахо-

дится в равновесии. Положение такое же, каким стало очень давно. Это равновесие закона или, может быть, смерти. Мы можем быть самыми первыми, как в моих «Хрустальных сферах». Или можем опаздывать, как в книгах о Возвышении. Но очень маловероятно, чтобы мы встретились с чужаками как равные.

Еще одна тема этой серии — сохранение окружающей среды. То, что мы делаем с Землей, заставляет меня думать, не прошел ли по галактике «лесной пожар», экологический холокост, развязанный предшествующими звездными расами, которые беззаботно использовали населенные планеты и их «Галактическая империя» перегорела за какие-нибудь десять тысяч лет. (Заметьте, как часто в фантастических романах слышен крик: «Давайте заполним галактику!» И если так действительно происходило несколько раз, возможно, это и есть объяснение очевидной пустоты: кажется, в данный момент в галактике немного голосов, если вообще не один.)

Галактика может очень быстро «перегореть», если не существует правил, регулирующих использование колонистами планет и заставляющих их мыслить долговременно, а не в терминах своих современных эгоистических интересов.

Вселенная Возвышения показывает одну такую возможность. Что касается неприятных особенностей некоторых из моих галактов — их одержимости прошлым или фанатизма, например, — то все же приоритет отдается сохранению планет, обиталищ и потенциальной разумной жизни. В результате возникает шумная, энергичная, полная ссор вселенная, заполненная жизнью в гораздо больше степени, чем при других предпосылках.

Кстати, я не думаю, чтобы мы жили в такой дикой экстравагантной Вселенной Возвышения. Но мне кажется, что, наряду с серьезными проблемами, забавно поиграть и в такое царство.

Громоздите чудеса друг на друга!

И ждите. Их будет еще больше.

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить проницательных и откровенных читателей, познакомившихся в рукописи с отдельными частями этой книги, особенно Стивена Джонса, Стайна Сигурдс-сона, Рубена Краснопольски, Дэмиена Салливана и Эриха Р. Шнайдера. Очень помогли также Кевин Лено, Ксавье Фэн, Рей Рейнольде, Эд Аллен, Ларри Фредриксон, Мартин Фогг, Даг Макэлвин, Джозеф Трела, Дэвид и Джой Криспы, Карло Джоджа, Брэд Де Лонг, Лесли Матесон, Сара Милкович, Джеррит Керквуд, Энн Келли, Анита Гулд, Данкан Одом, Джим Панетта, Нэнси Хэйс, Роберт Болендер, Кэтлин Хол-ланд, Маркус Сарофим, Майкл Тайс, Пэт Мэннион, Грег Смит, Мэтью Джонсон, Кевин Конод, Пол Ротемунд, Ричард Мэйсон, Уилл Смит, Грант Свенсон, Ройан Эгнор, Джейсон М. Робертсон, Майка Олтман, Роберт Херт, Ма-нодж Касичайнула, Энди Эшкрофт, Скотт Мартин и Джеффри Слостад. Полезные наблюдения сделали профессора Джозеф Миллер и Грегори Бенфорд. Роберт Колкинбаш составил словари. Роман много выиграл благодаря проницательности и помощи со стороны моего агента Ральфа Вичи-

нанцы, а также Пэт ЛоБрутто и Тома Дюпре из «Бэнтам букс».

Последняя песня Эмерсона взята из финала оперы Джу-зеппе Верди «Фальстаф».

Некоторые идеи книги зародились не в моем искаженном воображении. Фрактальный Мир, эта грандиозная структура, сплошные пушистые острия, предоставляющие гораздо большую поверхность (для окон), чем любая сфера Дайсона, описан доктором Дэвидом Крисвеллом в его пророческой работе «Межзвездная миграция и опыт человечества», изданной Беном Финни и Эриком Джонсом (Издательство Калифорнийского университета).

Как обычно, книга была бы гораздо беднее без мудрого и очень человечного вклада моей жены — доктора Черил Бригхем.

А теперь… подарок![8]

Я однажды уже поступил так — после послесловия к «Земле». Небольшая развязка — рассказ после окончания истории — для тех, кто внимательно прочел последние строки книги. Мы навещаем одного из героев спустя примерно

---

[8] notes: 8

В оригинале использовано словоlagniappe, обозначающее подарок, который традиционно вручается покупателю в знак успешного завершения сделки. — Примеч. пер.

год после Великого Разрыва и делаем попытку связать хотя бы несколько (из очень многих) разорванных нитей.

Наслаждайтесь.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ (РАЗВЯЗКА)

Морская вода на Хурмуфте солоней, чем на Джиджо.

Ветры дуют неустойчиво, но необычно ритмичными порывами, поэтому идти короткими галсами опасно и трудно.

Пока вы не уловите последовательности. После этого вы улавливаете темп и чувствуете каждый порыв. Легко придерживая руль, можно оседлать бриз и заполнить паруса, так что корабль понесется, едва касаясь верхушек волн!

Когда я в первый раз сделал это с Дор-хуниф на борту, она вопила так, словно сама Смерть поднялась из глубин, чтобы лично ей пропеть Песню Призыва. К тому времени как мы вернулись в новую пристань, промокшие с ног до головы, она так дрожала, что я подумал, что зашел слишком далеко.

Как я ошибался! Как только мы переступили через порог нашей маленькой прибрежной куты, она схватила меня и мы целых три мидура занимались любовью! Несколько дней после этого у меня болели позвонки.

(Вскоре я понял, что цивилизованные хуны

редко испытывают порывы опьяняющего возбуждения. На Джиджо это было частью повседневной жизни и помогало уравновешивать инстинктивную хунскую осторожность. Но у наших звездных родичей такая спокойная, устоявшаяся жизнь — за исключением короткого периода течки раз в году, — что они вряд ли думают о сексе! К счастью, Дор-хуниф понравился этот новый подход — как урам сразу понравилась лава.)

Увы, у нас все меньше времени для совместных романтических путешествий. Бизнес разрастается; по высокогорьям, где тысячи лет располагаются хунские поселки, с аккуратными городскими улицами, далеко от прибоя, распространяется новость. Думаю, что после всего этого времени накопилось очень много напряжения. А может, это связано с тем, как недавно были потрясены Пять Галактик. В любом случае очень многие, особенно молодое поколение, готовы для разнообразия испытать нечто новое. Что-то такое, чему нас не учили наши патроны гутатса.

Ежедневно к нашему дому на пустынном берегу прибывают все новые группы, выходят из своих летающих экипажей и смотрят на сверкающую лагуну. Их явно пугает такое количество воды, они с детства усвоили урок: океан *опасен.*

Конечно, любой хунский бухгалтер знает, что риск может быть оправданным, если выгода превышает потенциальные потери.

Требуется всего одно короткое плавание по ветреному заливу, чтобы убедить большинство.

Бывают вещи, которые стоят небольшого риска.

Мой тесть занимается подробностями нашего бизнеса. Твафу-ануф ушел в отставку со своего поста в Институте Миграции, чтобы управлять нашим маленьким домом отдыха, встречаться с инвесторами, получать разрешения на использование среды и брать в аренду как можно большие участки берега, прежде чем другие хуны поймут их истинную ценность. Он все еще считает наше предприятие безумным и сам ни за что не заходит на палубу. Но всякий раз как старик просматривает счета, я слышу, как он начинает счастливо ворчать.

Его нынешняя любимая песня? *«Что нам делать с пьяным моряком»!*

Меня слегка тревожит, что ни волшебные образы Мел-вилла, ни джиджоанская морская поэзия Фвхун-дау не произвели на Твафу-ануфа такого впечатления, как несколько земных застольных песен. И когда он переходит к той части, где го-

ворится о том, как пьянице бреют брюхо ржавой бритвой, балки дрожат от его голоса.

Кто бы мог подумать?

Я теперь очень занят — даю уроки мореходного дела и почти все изобретаю заново с самого начала, так что у меня нет времени заниматься литературой. Мой дневник не открывается много джадуров подряд. Кажется, моим детским честолюбивым стремлениям стать знаменитым писателям придется подождать. Может быть, в другой жизни.

На самом деле я нашел лучший способ изменить моих собратьев хунов. Принести в их жизнь немного счастья. Изменить их репутацию скучных ограниченных бухгалтеров. И, может быть, сделать их немного более приятными соседями.

На Джиджо хуны нравятся всем другим расам! Надеюсь, что увижу, как и здесь будет то же самое. На звездных линиях цивилизации.

А литературное возрождение в хороших руках. Вернее, в хороших *глазных стебельках.*

Гек уступила и согласилась с частью предназначенной для нее роли.

— Хорошо, у меня будут дети, — заявила она. — Если дадите мне достаточно хунских нянек, чтобы их выращивать. Я сама ведь воспитана

хунами, и посмотрите, что из этого вышло!

В прошлом я бы ответил на это насмешливой шуткой. Но без Клешни и Ур-ронн все стало иным. К тому же я теперь женат. Скоро буду отцом. Пора научиться такту.

Гек пришлось согласиться забеременеть, потому что она единственная, кто может вернуть расу г'кеков в Четыре Галактики. Но от второй части плана — жить в тайне и уединении, прячась от старинных врагов своей расы, — она отказалась решительно.

— Пусть придут! — кричит она, вращая колесами и размахивая глазами, готовая встретить всю джофурскую империю и всех остальных, кто помог уничтожить ее племя. Не знаю. Возможно, дело в ее растущей известности, или в той свободе движений, которую она ощущает, когда носится по ровным тротуарам города Хармуфта, или во все большем количестве студентов, посещающих ее салон по изучению земной и джиджоанской литературы. Но она теперь редко приходит на берег, а когда приходит, я мидурами слушаю ее, не вставляя ни слова.

Может быть, она права. Наверно, я становлюсь еще одним скучным старым хуном.

Или проблема в том, что все г'кеки неуступчи-

вы, а Гек способна на компромиссы еще меньше других. Она не понимает, что нужно встречать жизнь на полпути. Любое изменение, которое вы вносите во вселенную, вызывает соответствующую перемену в вас самих.

Я принес своим звездным родичам дары Джиджо — приключения и детство. Они, в свою очередь, научили меня ясности и спокойствию, какие приносят дом, очаг и мелодичные ритуалы, унаследованные от туманного прошлого, прежде чем наша раса ступила на путь Возвышения или подумала о далеких звездах.

Теперь звезды стали еще дальше. С тех пор как Пять Галактик неожиданно стали четырьмя, половина пунктов перехода и межпространственных троп стали неустойчивыми, и многие такими и останутся на протяжении всей нашей жизни. Потеряно бесчисленное количество кораблей, разорваны торговые связи, и теперь планеты вынуждены рассчитывать только на собственные ресурсы.

Полагаю, это означает, что пройдет немало времени, прежде чем мы получим весточку от Ур-ронн. Я уверен, что она замечательно проводит время где-то там, работая с инженерами всех рас, по длинную шею погрузившись в проблемы,

которые необходимо решить.

Уры не сентиментальны, но я надеюсь, она время от времени вспоминает нас.

А о Клешне я могу только сказать, что мне его ужасно не хватает.

Иногда приходится уступать.

Смерть всегда была одной огромной, безнадежно непреодолимой пропастью. Теперь появилась и другая. Когда окончательно оторвалась Четвертая Галактика, все живое ощутило это на самом глубинном органическом уровне. Даже на планетах это ошеломило многих. И много дней все ходили словно в оцепенении.

Ученые полагают, что последствия разрыва в самой Четвертой Галактике должны ощущаться еще сильнее, но точно мы этого не знаем, потому что теперь все это гигантское звездное колесо стало для нас навсегда недосягаемо. А вместе с ним и Джиджо. Мои родители. Мой дом.

Есть, конечно, и компенсация. Приятно представить себе дельфинов, весело плавающих в шелковых водах Вуфона, играющих в перегонялки с мусорным кораблем моего отца, а потом подплывающих к берегу, чтобы при свете Лусена поговорить о поэзии.

Конечно, Община Шести Рас может теперь по-

рвать Священные Свитки и перестать прятаться от неба. Потому что законы цивилизации Пяти Галактик на Джиджо больше не распространяются. Быть может, жители Джиджо уже разобрались с захватчиками джофурами. А может, перед ними новый кризис. Но все равно бремя вины, унаследованное от предков, больше не тяготит нас. Обитатели Склона больше не нарушители — не *сунеры.*

Джиджо принадлежит им, и они должны теперь заботиться о планете и защищать ее.

Я верю, что у них все получится. С небольшой помощью кости Ифни.

Кстати, о необычных колонистах. Ко мне пристает маленькая, похожая на выдру тварь, требует еще одного одолжения.

Грязнолапый, как только признался, что умеет говорить, принялся болтать непрерывно. Он все время хочет знать, не появился ли в порту Хурмуфта корабль тимбрими или любой другой из Второй Галактики. Нетерпение Грязнолапого очень характерно. Хотя он называет себя *титлалом,* для меня он всегда останется *нуром.* Я доказываю это, раздувая горловой мешок и начиная ворчать. Он тут же присоединяется к моей любимице Хуфу у меня на плечах, и вскоре они

сворачиваются, забыв обо всем на свете.

— Он никогда от нас не уйдет, — предсказывает Дор-хуниф. И действительно, Грязнолапому нравится повседневная работа на яхте, нравится карабкаться по снастям и парусам, жевать лакомства и отпускать ядовитые замечания в адрес сухопутных пассажиров.

Но я до конца не уверен. В этом маленьком создании горит огонь. Он подобен человеку, у которого есть цель, или уру с устройством, которое тот хочет попробовать. Грязнолапый никогда не успокоится, пока не кончит начатое.

Насколько я знаю титлалов, это связано с шутками. С какой-то очень долговременной и отчаянно забавной шутке… конечно, если вы не ее объект.

Мне кажется, однажды мы проснемся и обнаружим, что он исчез — и все наши снасти связаны узлами. Это его манера говорить до свидания.

Сейчас, когда я пишу это, Грязнолапый сидит у меня на плече, загадочно улыбается и наслаждается моими рассуждениями, не давая разгадки.

Хватит. Слезай, маленький мошенник! Нас ждут клиенты. Ветер свежий, и вдоль серебристого горизонта плывут облака.

Давай поможем окоченевшим старым хунам

понять, что такое жизнь.

ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС

Г'кеки — первая раса сунеров, прибывшая на Джиджо около двух тысяч лет назад. Возвышенные расой друли, г'кеки обладают биомагнетически приводимыми в движение колесами и глазными стебельками вместо голов. Большую часть своего периода разумности они жили не на планетах. Г'кеки исчезли во всех Пяти Галактиках и сохранились только на Джиджо.

Глвйверы — третья раса сунеров на Джиджо. Возвышенные таннуктайурами, которые, в свою очередь, были возвышены буйурами, глейверы способны передвигаться на двух конечностях, у них опалесцируюшая кожа и большие выпуклые глаза. Примерно в метр ростом, они обладают раздвоенным хватательным хвостом, который помогает их не очень эффективным рукам. Со времени незаконного поселения на Джиджо они регрессировали до состояния предразумности. Для некоторых глейверы — это блестящий образец для подражания, показывающий всем путь к Тропе Избавления.

Джофуры — организмы, напоминающие заостренную коническую груду пончиков; подобно

своим родичам треки, джофуры состоят из сменяемых губчатых «сочных колец», обладающих ограниченным разумом. Объединившись, эти кольца создают разумное общинное существо. Специализированные кольца служат груде органами чувств, манипулирующими органами и иногда обладают поразительными химосинтезирующими способностями. В виде треки эта уникальная раса была возвышена поа. Позже фанатичные оайлие снабдили их мастер-кольцами, которые трансформировали треки в джофуров, своенравных и предельно честолюбивых.

Квуэны — четвертая раса сунеров на Джиджо. Возвышенные зошами, квуэны обладают радиально симметричным экзоскелетом с пятью ногами, вооруженными когтями. Их мозг частично располагается в убираемом центральном куполе. Мятежное племя квуэнов поселилось на Джиджо, чтобы сохранить древнюю кастовую систему, в которой серая разновидность поставляла королев-матриархов, а красная и синяя разновидности были слугами и ремесленниками. Условия на Джиджо, включая более позднее появление людей, привели к крушению этой системы.

Люди — самая молодая раса сунеров, прибывшая на Джиджо менее трехсот лет назад. Волчата-

люди эволюционировали на Земле, где, возможно самостоятельно, достигли стадии технологической цивилизации и примитивных космических полетов. Их величайшее достижение — возвышение неошимпанзе и неодельфинов.

Ротены — загадочная галактическая раса. Одна группа людей (даккины или даники) верит, что ротены и есть утраченные патроны землян. Ротены — двуногие существа, крупнее людей, но с такими же пропорциями. Их считают плотоядными.

Треки — вторая по времени раса незаконных поселенцев на Джиджо. Треки — это предшественники джофуров, сбежавшие от навязываемых им мастер-колец.

Уры — шестая раса сунеров на Джиджо. Плотоядные кентавроподобные обитатели травянистых равнин; у них длинные гибкие шеи, узкие головы и лишенные плеч руки, которые заканчиваются проворными пальцами. Уры начинают жизнь в виде крошечных шестиногих личинок, которых матери выбрасывают из сумок и предоставляют самим заботиться о себе. Всякая личинка, дожившая до «детства», может быть принята в урское племя. Самки уров достигают размеров крупного оленя и обладают двумя сумками, в которых

держат миниатюрных мужей, размером меньше домашней кошки. Самка, у которой должны родиться личинки, выбрасывает одного или обоих мужей, чтобы освободить место для потомства. Уры испытывают отвращение к воде в ее чистой форме.

Хуны — пятая волна поселенцев на Джиджо, двуногие всеядные со светлой чешуйчатой кожей и ногами, поросшими белой шерстью. Их позвоночники — это массивные полые сооружения, представляющие собой часть циркуляционной системы. Горловой мешок хунов, первоначально использовавшийся в брачных столкновениях, теперь применяется для «ворчания». Будучи возвышенными гушатса, хуны стали повсеместно известны как скучные и педантичные чиновники галактической культуры.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аллафор — метафорическая интерпретация, предпринятая некоторыми разумными особенностями пространства Е.

Англик — человеческий язык, созданный в двадцать первом веке с использованием многих английских слов, но под воздействием других доконтактных языков и модифицированный в соответствии с новейшим пониманием лингвистической теории.

Буйуры — прежние законные обитатели Джиджо, внешне похожие на лягушек и известные своим умом, предвидением и мастерством в создании генетически преобразованных специализированных животных-инструментов. Улетели с Джиджо, объявленной невозделанной, почти полмиллиона лет назад.

Возвышение — процесс превращения предразумных животных в разумную расу, способную присоединиться к галактическому сообществу. Совершается расой патронов.

Волчата — уничижительный галактический термин, обозначающий расу, которая как будто возвысила себя сама до стадии космических по-

летов, без помощи патронов.

Галакт, галактический — личность, раса, концепция или технология, возникшие в древней цивилизации Пяти Галактик.

Галактическая Библиотека — фантастически большое собрание знаний, накопленных в течение сотен миллионов лет. На большинстве галактических звездных кораблей и в галактических поселениях имеются квазиразумные «отраслевые Библиотеки».

Галактические Институты — большие влиятельные учреждения, предположительно нейтральные и не вмешивающиеся в межклановую политику. Институты поддерживают различные аспекты галактической цивилизации. Некоторым институтам свыше миллиарда лет.

Даники — упрощенное произношение термина «даникениты»; направление общественной мысли и культуры, возникшее вскоре после установления первого контакта с галактической цивилизацией. Даники верят, что земляне были возвышены расой патронов, которые по неизвестным причинам предпочли оставаться неизвестными. Часть даников считает, что этой расой мудрых и загадочных патронов являются ротены. (Иногда даккины.)

Джадур — приблизительно сорок три часа.

Джиджо — планета в Четвертой Галактике. Дом семи рас сунеров: людей, хунов, квуэнов, уров, г'кеков, регресировавших глейверов и «демодифицированных» джофуров, известных как треки.

Дур — примерно треть минуты.

Занги — водорододышащая раса, ее представители внешне напоминают огромного моллюска. Живут в атмосфера газовых гигантов. Институт Миграции отвел весь район Джиджо этим водорододышащим; разумные существа, которые дышат кислородом, не должны появляться здесь в течение долгого периода, пока эта зона считается невозделанной. Патрульные шары зангов, которых все боятся, изредка посещают Джиджо.

Земной клан — маленькое эксцентричное галактическое «семейство» разумных рас, включающее неошимпанзе, неодельфинов и их патронов-людей.

Измунути — гигантская красная звезда, опасно близкая к солнцу Джиджо; посылаемый ею углеродный ветер маскирует Джиджо от наблюдения со стороны Института Миграции.

Илем — ткань самой реальности, основа всего.

Ифни — вероятно, вульгаризация английского infinity — бесконечность. В традиции космо-

навтов это имя богини удачи. Персонификация вероятности, или закона Морфи.

Кидур — примерно половина секунды.

Кикви — предразумная раса амфибий, живущих на Китрупе.

Китруп — водяная планета, богатая тяжелыми металлами, где «Стремительный» потерял капитана Крайдайки и многих других членов экипажа, уходя из смертоносной ловушки.

Клиенты — раса, отрабатывающая период служения патронам, которые возвысили ее из предразумной животной стадии.

Мидур — единица измерения времени. Примерно семьдесят одна минута.

Моргран — пункт перехода, где на «Стремительный» впервые напал флот фанатичных религиозных кланов.

Неодельфины — возвышенные дельфины, клиенты человечества.

Неошимпы, неошимпанзе — возвышенные шимпанзе, первые клиенты человечества. Полностью возвышенные неошимпанзе могут говорить; «незавершенный» вариант — неошимпанзе, не умеющие говорить — сопровождал людей на Джиджо.

Нуры — умные, проворные и озорные существа,

внешне похожие на выдру. Нуров невозможно приручить, но терпеливые добродушные хуны могут использовать некоторых нуров на своих кораблях. Другие расы сунеров считают нуров надоедливой помехой.

НюДаун колония — планета, колонизированная землянами до установления контакта с галактической цивилизацией в нарушение неизвестных тогда законов миграции. Обитатели планеты были насильственно выселены чиновниками ху-нами при поддержке джофуров и других представителей сил закона.

Оакка — планета, на которой расположена региональная штаб квартира Института Миграции и на которой «Стремительный» едва избежал предательства и пленения.

Объятие Приливов — квазипристрастие, которое заставляет старшие расы стремиться к ощущению гравитационного растягивания вблизи очень плотных звезд.

Патроны — галактическая раса, которая возвысила по крайней мере один вид животных до полного разума.

Пидур — шесть в седьмой степени дуров, или приблизительно четыре дня.

«Полкджи» — боевой корабль джофуров, кото-

рый в поисках «Стремительного» приземлился на Джиджо.

Помойка — обширная подводная впадина, или зона изъятия, сформированная тектоническими плитами, которая проходит вдоль всего Склона. Мусор, накопленный разумными расами — от остатков скелетов до корпусов космических кораблей, — сбрасывается сюда, чтобы природные силы Джиджо унесли его под кору и переплавили.

Порядки жизни — семь типов разумной жизни, известные в Пяти Галактиках:

кислорододышащие — члены галактической культуры, включая людей;

водорододышащие — живут в атмосферах малой плотности и обладают медленным обменом веществ. Обычно обитают на планетах газовых гигантах, плавая меж облаков и создавая модели внешнего мира;

«ушедшие в отставку» — бывшие расы патронов, состарившиеся и отошедшие от галактических дел;

машины — самовосстанавливающиеся разумные механизмы. Обычно держатся областей с высокой радиацией или глубин космоса, которые не нужны водородным и кислородным цивили-

зациям;

трансценденты — расы, «перешедшие» на высший уровень. У галактов существует много различных верований относительно этой стадии жизни. Предполагается, что первыми трансцендентами стали Прародители;

мемоиды — странные организмы-«мысли», живущие преимущественно в гиперпространстве Е;

квантовые существа — организмы, открытые всего сто миллионов лет назад, живущие между плоскостями вселенной и не вступающие в контакт с галактическим сообществом. Кажется, их образ жизни связан с квантовой неопределенностью.

Существуют значительные разногласия относительно числа порядков жизни. Многие полагают, что их больше восьми. Контакты между различными порядками жизни опасны и обычно не поощряются.

Праймал — полуязык, используемый естественными, невозвышенными дельфинами на Земле.

Прародители — легендарная первая разумная раса, которая два миллиарда лет назад начала цикл возвышения.

Пространство Е — опасная гиперпространственная область, в которой стирается разница

между сознанием и реальностью. Самостоятельные концепции могут существовать здесь вне мозга или компьютера, которые их содержат или обдумывают. См. аллафор.

Пункт перехода — точка ослабленного пространства-времени, которая позволяет кораблю, правильно вошедшему в нее, лететь со скоростью быстрее скорости света.

Реук — симбионт квази-гриб, который помогает Шести Расам «читать» эмоции и язык телодвижений друг друга.

Святое Яйцо — загадочный массивный пси-активный камень, который появился из вулкана сто лет назад в сопровождении широко распространившихся видений и снов.

«Стремительный» — земной космический корабль с экипажем из неодельфинов. Открытие, сделанное «Стремительным», привело к беспрецедентному преследованию корабля десятками галактических фракций, которые стремились завладеть тайнами дельфинов.

Стрессовый атавизм — состояние, встречающееся у недавно возвышенных видов, когда под влиянием стресса индивид утрачивает высшие функции сознания.

Структура Крисвелла — фрактальная струк-

тура, созданная для того, чтобы охватить маленькую красную звезду и улавливать всю ее энергию. Такая форма предоставляет максимальную «оконную площадь» в отличие от простой сферы Дайсона.

Сунеры — преступники, которые пытаются колонизировать планеты, объявленные галактическим Институтом Миграции невозделанными. На Джиджо термин применялся к тем, кто основывал новые поселения на пределами Склона.

Террагентский Совет — орган правительства межзвездного человечества, занимающийся вопросами взаимоотношений между земным кланом и галактическим сообществом.

Топоргик — псевдоматериал, состоящий из органически спрессованного времени.

Фен — множественное число от «фин». Обозначение на англике неодельфинов.

Фрактальный Мир или Фрактальная система — место пребывания рас, покинувших цивилизацию Пяти Галактик. Огромное рассеянное сооружение, созданное из водородного снега, предназначенное для улавливания и использования энергии малой звезды.

Хьюмикер — сленговое обозначение того, кто подражает людям, поскольку земные тексты по-

прежнему преобладают в литературе Джиджо, много лет после Великой Печати.

Шимпанзе, или шимпы — частично возвышенная разновидность, которая сопровождала людей на Джиджо. Шимпы не умеют говорить, но способны общаться с помощью языка жестов.

Яйцо — см. Святое Яйцо.

Искушение

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА ВСЕЛЕННАЯ ВОЗВЫШЕНИЯ

Говорят, нельзя иметь все сразу. Например, если в рассказе много действия, то мало философии. Если в нем речь идет о науке, будут страдать характеры. Особенно часто это утверждают о главном жанре фантастики, иногда называемом космической оперой. Можно ли изобразить грандиозные приключения и героическую борьбу на фоне роскошных декораций будущего, включающих взрывающиеся планеты и яркие спецэффекты, и тем не менее написать нечто, достойное называться романом?

Я принадлежу к числу тех, кто считает, что стоит попробовать, — и попробовал в цикле романов «Возвышение», действие которых происходит в опасном будущем несколько сот лет спустя, в космосе, который люди только начинают понимать.

Начал я с правдоподобного допущения, что люди могут начать генетически изменять дельфинов и шимпанзе, придавая этим умным животным завершающий толчок, необходимый, чтобы стать нашими партнерами. В дебютном

романе «Прыжок в Солнце» я рассказываю о том, как три земные разумные расы обнаруживают, что могучая межзвездная цивилизация уже давно занимается тем же самым. Следуя древнему завету, каждый вышедший в космос клан в цивилизации пяти галактик ищет перспективных новичков для «возвышения». За эту услугу новая раса клиентов обязана определенный период служить патронам, а затем сама начинает искать, кому можно передать дар разума.

За этой благостной картиной прячется немало зловещих тайн, которые раскрываются в последующих романах. В «Звездном приливе» и «Войне за Возвышение» — оба романа получили премию «Хьюго» — описывается ударная волна, раскачивающая галактическое сообщество, когда скромный земной звездный корабль «Стремительный» с командой из сотни неодельфинов и нескольких людей отыскивает ключи к миллиарднолетнему заговору.

Моей целью было насытить серию элементами, которые нравятся читателям фантастики, например, не одним способом преодолевать эйнштейновское ограничение на передвижения быстрее света, но сразу полудесятком таких способов. В качестве декорации я использовал

пять галактик, причем за кулисами таились и другие. Действующие лица — люди, дельфины и шимпанзе — подбирались таким образом, чтобы вызвать сочувствие и, как я надеюсь, сообщить запоминающиеся идеи.

После промежутка в несколько лет, занятого другими проектами, я вернулся к широкому холсту с новой трилогией «Буря Возвышения», состоящей из трех сюжетно связанных романов: «Риф Яркости», «Край бесконечности», «Небесные просторы». В этих романах продолжают описываться приключения и испытания экипажа «Стремительного», но также рассказывается об уникальном милитаристическом обществе на Джиджо, планете в изолированной четвертой галактике; эта планета объявлена «невозделанной», разумные существа не имели права вмешиваться в развитие ее биосферы. Вопреки этому закону на запретный мир тайно прилетает несколько кораблей, привозя колонистов полудесятка рас, и у каждой группы есть очень существенный повод бежать от опасности, грозящей ей дома. После первоначальных недоразумений и стычек шесть народов Джиджо, включая изгнанников-людей, заключают мир, объединяя усилия в попытке создать процветаю-

щую культуру на своей любимой планете, в то же время скрываясь от космоса... до того дня, пока с неба не обрушиваются новые неприятности.

Пришло «Время Перемен», раскачивая самодовольную цивилизацию пяти галактик. Никто не может считать себя в безопасности, и нет больше ничего определенного. Нельзя доверять ни истории, ни законам, ни биологии, ни даже физике.

Во Вселенной что-то происходит, и все говорит о том, что наступает конец света.

В этом новом рассказе «Искушение» я вскрываю еще один слой этой разворачивающейся саги и изображаю небольшую группу беженцев-дельфинов, которые узнают, какие опасности могут скрываться в очень привлекательном предложении: вам предлагают то, что вы всегда хотели.

Дэвид Брин

МАКАНАЙ

Океан Джиджо гладил ей бока, словно прикосновением носа матери или лаской любовника. Может, это и проявление неверности, но Маканай казалось, что чуждый океан мягче и вкуснее вод Земли, ее родины, которую она не видела уже семь лет.

Легкими ударами мощных плавников Маканай и ее спутник легко удерживались рядом с огромной стаей рыбоподобных существ — с красными плавниками, фиолетовыми жабрами и длинными прозрачными хвостами, которые сверкают в наклонных лучах солнца, как искры плазмы за звездным кораблем. Стая тянется бесконечно, питаясь плавучими облаками планктона, согласованно перемещаясь по прибрежным отмелям, словно медленно извивающееся тело гигантской змеи.

Эти существа прекрасны... и очень вкусны. Стройное серое тело Маканай ловко повернулось, выхватив из кишащей массы одно существо и вызвав этим только легкую рябь среди его соседей. Такой небрежный стиль охоты, должно быть, нов для Джиджо, потому что существа как будто

не замечают дельфинов. Упругая плоть по вкусу напоминает экзотические сардины.

— Не могу подавить чувство вины, — произнесла Маканай на подводном англике — языке щелканий и писков, очень хорошо приспособленном к подводному царству, где звук важнее света.

Спутник Маканай плыл рядом со стаей брюхом вверх; его спинные плавники вяло заработали, когда он тоже схватил одно из существ.

— При чем тут вина? — спросил Брукида, а жертва тем временем билась в его узких челюстях. Впрочем, ее биение не препятствовало потоку слов-глифов, поскольку пасть дельфина не участвует в создании звуков. Быстрая серия сонарных импульсов исходит из его лба. — Ты стыдишься того, что живешь? Того, что приятно снова оказаться на просторе, а теплое море трется о твою кожу и волны навевают тебе сны? Неужели тебе не хватает стоячей воды и затхлого воздуха на корабле? Или мертвых эхо твоей тесной каюты?

— Не говори глупости, — ответила Маканай. После трех лет, проведенных в тесноте земного исследовательского корабля «Стремительный», она чувствовала себя как зародыш, зажатый в

чреве. Освободиться из этого чистилища — словно родиться заново, — Просто мы наслаждаемся тропическим раем, а наши товарищи в это время…

— ..продолжают полет в космосе, терпя все неудобства, преследуемые злобными врагами, на каждом повороте глядя в лицо смерти. Да, знаю.

Брукида выразительно вздохнул. Престарелый геофизик перешел на язык, более приспособленный для выражения ядовитой иронии:

Зимняя буря тратит
Всю свою силу на риф,
Не трогая лагуну.

Хайку тринари выразительны и суховаты. В то же время Маканай не могла не сделать врачебное заключение. Она обнаружила, что сонарные образцы речи ее старого друга насыщены полутонами праймала — природного полуязыка китообразных, которым пользуются на Земле дикие дельфины Tursiops truncatus. Представители современного вида amicus должны избегать этого языка, чтобы их сознание не подвергалось искушению пойти по древним путям. В этом языке таятся ритмы животной чистоты.

Маканай встревожилась, уловив элементы

праймала в речи Брукиды, одного из немногих своих товарищей с непострадавшей психикой. Большинство дельфинов на Джиджо в той или иной степени страдали стресс-атавизмом. Утратив мыслительные способности, необходимые инженерам и космическим исследователям, они больше не могли помочь «Стремительному» в его отчаянном бегстве через пять галактик. Логичным решением казалось высадить небольшую колонию на Джиджо; Маканай должна была в мягкой мирной обстановке присматривать за регрессировавшими товарищами, а остальные члены экипажа устремились к далеким новым кризисам.

Она и сейчас слышит их, охотящихся за обильной добычей всего в ста метрах. Тридцать неодельфинов, выпускников самых престижных университетов. Лучшие специалисты, отобранные для этой экспедиции, — теперь они резвятся и пищат и думают только о пище/сексе/музыке. Их примитивные призывы больше не смущают Маканай. После того, что пережили ее товарищи после отлета с Земли — они отправлялись в рутинный исследовательский полет, который вместо предусмотренного одного занял целых три адских года, — удивительно, что они вообще

сохранили здравый рассудок.

Такие страдания истощили бы человека и даже тимбрими. А нашей расе всего несколько столетий. Неодельфины храбро вступили на долгий путь Возвышения. Мы еще неуверенно держимся за разум.

И прежние тропы все еще манят нас.

Высадившись вместе с пациентами, Маканай узнала местную религию шести рас, которые тайно поселились на этой изолированной планете. В центре этой религии — концепция тропы Искупления. Считается, что спасение может быть найдено в благословенном невежестве, в отсутствии разума.

Достичь этого не на словах, а на практике оказалось очень трудно. Из всех шести «недавних» рас, которые незаконно прилетели на эту планету и искали убежища в простоте, пока это удалось только одной, и Маканай сомневалась, чтобы человеческие поселенцы смогли бы когда-нибудь вернуться к невинности животных, как бы отчаянно ни старались. В отличие от возвышенных рас люди сами трудным путем заработали свой разум на старой Земле; каждая новая способность, каждое новое вдохновение стоили им тысяч трудных тысячелетий. Они могут стать

невежественными и примитивными, но никогда не опростятся. Никогда не обретут невинность.

Но для нас, неодельфинов, это просто. Мы такое короткое время пользуемся инструментами — в качестве дара от наших человеческих патронов, дара, который мы не просили. Легко отдать то, что получил без борьбы. Особенно если соблазнительно зовет альтернатива — Сон Китов, — зовет всякий раз, как ты засыпаешь.

Соблазнительное убежище. Сладкая западня безвременности.

Маканай слышала щелкающие сонарные излучения. Это ее помощники, добровольцы, полностью сохранившие сознание, старались удержать регрессировавших вместе. Здесь все так спокойно, но никто не знает, какие опасности таятся в обширном океане Джиджо.

У нас и так потерялись уже трое. Бедная маленькая Пипоу — и ее два злополучных похитителя. Я обещала Каа послать группу, чтобы освободить ее. Но как? Заки и Мопол намного нас опередили, и в их распоряжении половина планеты, чтобы укрыться.

Сейчас ее ищет Ткетт, и как только пациенты окажутся в безопасности в постоянном поселении, мы расширим поиски. Но теперь они могут

уже быть на другой стороне Джиджо. Единственная надежда для Пипоу — каким-то образом сбежать от этих идиотов и приблизиться к нам, чтобы мы услышали ее призыв о помощи.

Маканай и Брукиде пора возвращаться, чтобы, в свою очередь, охранять невинных счастливых пациентов. Но ей не хотелось возвращаться. Она нервничала.

В ее пасти вода отдавала легким металлическим привкусом — привкусом ожидания.

Маканай поворачивала чувствительную к звукам голову в поисках разгадки. И наконец уловила далекую дрожь. С запада слабый знакомый резонанс.

Брукида этого еще не заметил.

— Что ж, — сказал он, — думаю, очень скоро мы полностью сольемся с этим миром. Спустя несколько поколений наши потомки перестанут пользоваться англиком или любым галактическим языком. Мы снова будем безвинными и невежественными, готовыми к открытию и вторичному Возвышению. Интересно, какими будут наши новые патроны.

Друг Маканай слегка насмехался над ней, описывая горькую и одновременно сладкую участь этой колонии в мире, словно нарочно созданном

для китообразных. В мире, где комфорт — самый надежный способ достичь быстрого упадка их дисциплинированного разума. Без постоянных угроз и вызовов Сон Китов, несомненно, снова овладеет ими. Казалось, Брукида спокойно воспринимает такое будущее, и это тревожило Маканай.

— У нас по-прежнему есть патроны, — заметила она. — И на самой Джиджо есть люди.

— Да, люди. Но необразованные. У них нет научных знаний, необходимых для того, чтобы и дальше вести нас. Так что единственным возможным выбором для нас остается…

Он замолк, уловив наконец усиливающийся звук с запада. Маканай узнала характерное гудение скоростных саней.

— Это Ткетт, — сказала она. — Возвращается из разведывательного маршрута. Давай послушаем, что он нашел.

Ударив плавниками, Маканай вырвалась на поверхность, выдохнула пену и отработанный воздух из легких, глубоко вдохнула сладкий кислород. Потом развернулась и поплыла в сторону звука двигателя. Брукида поплыл за ней.

За ними стая пасущихся рыбойдов только подернулась мелкой рябью в своем бесконечном

танце, раскачиваясь и питаясь тем, что предоставляет щедрый океан.

У археолога была своя форма душевной болезни — мечтательность.

Ткетт получил приказ остаться и помогать Маканай отчасти потому, что его знания не были нужны «Стремительному» в его отчаянном бегстве по известной Вселенной. Компенсируя горечь изгнания, он выработал у себя одержимый интерес к Великой Середине — огромной подводной свалке, куда древние разумные обитатели Джиджо сбросили почти все искусственные объекты, изготовленные на планете, когда покинули ее полмиллиона лет назад.

— Когда мы вернемся на Землю, я представлю замечательный отчет, — рассуждал он, очевидно, в полной уверенности, что все их беды минуют, он вернется домой и опубликует результаты своих открытий. Это особая разновидность психического расстройства, без признаков стресс-атавизма или регресса. Ткетт по-прежнему превосходно владеет англиком. Работа его безупречна, а поведение доброжелательно. Он приятен, функционален и при этом совершенно безумен.

Маканай встретила его сани за километр от стада. Ткетт остановился здесь, чтобы не трево-

жить пациентов.

— Нашел какие-нибудь следы Пипоу? — спросила она, как только он выключил двигатель.

Ткетт — удивительно прекрасный образец Tursiops amicus, с пятнами на скользких серых боках. Постоянная дельфинья улыбка обнажала два ряда абсолютно белых конических зубов. Оставаясь на платформе управления саней, Ткетт покачал слева направо гладкой серой головой.

— Увы, нет. Я прошел примерно две сотни километров по слабым следам, которые мы засекли на сонаре далекой разведки. Но стало ясно, что источник звуков — не сани Заки.

Маканай разочарованно фыркнула.

— Тогда что это? — В отличие от громогласных морей Земли на этой невозделанной планете не должно быть шума двигателей в термально-акустических слоях.

— Вначале я воображал самые невероятные причины вроде морских чудовищ или джофурской подводной лодки, — ответил Ткетт. — Но тут мне открылась истина.

Брукида нервно кивнул, шумно выдувая пузыри из дыхала.

— И ч-ч-что же?

— Должно быть, это космический корабль.

Древний хлам, который едва не разваливается…

— Конечно! — Маканай ударила хвостом. — Не все эти древние развалины поднялись в космос.

Ткетт печально сказал, что теперь это кажется совершенно очевидным. Когда «Стремительный» сделал попытку скрыться, оставив Маканай и ее пациентов на планете, земной космический корабль прятался в рое древних кораблей, которые инженеры-дельфины восстановили из груды отбросов на океанском дне. Хотя поверхность Джиджо сегодня представляет собой невозделанное царство дикарских племен, в глубоких подводных каньонах по-прежнему лежат тысячи поврежденных брошенных космических кораблей и других остатков от того времени, когда этот сектор четвертой галактики был центром цивилизации и торговли. Несколько десятков этих развалин были реактивированы, чтобы обмануть врага «Стремительного» — страшный джофурский боевой корабль, но, очевидно, некоторые корабли не смогли своевременно подняться со дня моря. И теперь обречены бесцельно плыть под водой, пока не откажут двигатели, и тогда они снова погрузятся в темные глубины.

А что касается остального, то оставшимся на планете неизвестно, удалось ли бегство «Стреми-

тельного», увлекшего за собой в глубины космоса страшный дредноут. По крайней мере без него Джиджо кажется гораздо более дружелюбной планетой. Пока.

— Следовало ожидать этого, — продолжал археолог. — Когда я отплыл от шума прибоя, мне показалось, что я слышу шум по меньшей мере трех таких бесцельно плывущих кораблей. Как подумаешь, это так печально. Древние корабли, не стоившие даже попыток использовать их, когда буйуры покинули Джиджо. Они ждут в ледяной водной могиле последнего шанса взлететь в небо. И не могут им воспользоваться. Навсегда застряли здесь.

— Как мы, — проговорила Маканай. Ткетт, казалось, не слышал.

— Мне хотелось бы вернуться и взглянуть на такой брошенный корабль.

— Зачем?

Улыбка Ткетта по-прежнему была очаровательной и заразительной... что в данных обстоятельствах казалось еще более безумным.

— Я бы использовал его как научный прибор, — сказал большой неодельфин.

Маканай почувствовала, что ее диагноз полностью подтверждается.

ПИПОУ

Плен оказался не таким тяжелым, как она опасалась.

Он был гораздо хуже.

У природных доразумных дельфинов иногда молодые самцы договаривались изолировать самку от стада, увести ее подальше для совокуплений — особенно если у нее начинался период гона. Действуя совместно, такие дельфины монополизировали совокупление с самкой и гарантировали успех своего воспроизводства, даже если она явно предпочитала местных самцов ранга альфа. Этот древний обычай сохранялся у диких дельфинов: у них были и традиции, и нечто вроде первобытной чести, но они не могли усвоить концепцию закона — кодекса, по которому должны жить все, потому что у сообщества есть память, превосходящая память любого индивида.

Однако у современных, возвышенных дельфинов amicus существует закон! И когда молодые хулиганы дома иногда пытались совершить подобное, их поведение называлось насилием. И влекло за собой суровое наказание. Как и у

сексуальных маньяков среди людей, таких преступников ждала стерилизация.

И угроза наказания действовала. Спустя три столетия проявления образцов наименее желательного дикого поведения встречались все реже. Однако возвышенные неодельфины — все еще молодая раса. И время от времени сильный стресс мог вернуть ее представителей на древние пути.

А мы, члены экипажа «Стремительного», постоянно находились под сильным стрессом.

В отличие от других товарищей, которые под постоянным давлением утратили способность к разумному мышлению и к современному восприятию, Заки и Мопол поддались атавизму лишь частично. Они по-прежнему могут разговаривать и управлять сложными механизмами, но больше это не вежливые, почти застенчивые рядовые матросы, с которыми она познакомилась, когда «Стремительный» под командованием капитана Крайдайки впервые поднялся с Земли и космос еще не взорвался вокруг корабля.

Отвлеченно она понимала, какой ужасный стресс привел их к такому состоянию. И, возможно, если бы предоставилась возможность убить Заки и Мопола, Пипоу нашла бы такое наказание слишком суровым.

С другой стороны, стерилизации для них мало.

Несмотря на то что дельфины и люди относятся к общей культуре и у них общие предки среди земных млекопитающих, они на многое смотрят по-разному. Пипоу больше раздражало похищение, чем насилие. Она была скорее рассержена, чем травмирована. Полностью избежать их пыла ей не удавалось, но с помощью различных трюков — играя на взаимной ревности или изображая недомогание — ей удавалось на долгие периоды избавляться от нежеланного внимания.

Но если я узнаю, что они убили Каа, я съем их внутренности на ленч.

Проходили дни, и ее нетерпение росло. Время Пипоу приближалось. Мой контрацептивный имплант скоро выдохнется. Заки и его приятель мечтают населить Джиджо своими потомками, но я не хотела бы подвергать планету такому проклятию.

И она решила попытаться бежать. Но как это сделать?

Иногда она заплывала в узкий пролив между двумя островами, куда привели ее похитители, и лениво плыла, прислушиваясь. Однажды Пипоу показалось, что она услышала что-то отдаленно знакомое — слабое щелканье далекой стаи

дельфинов. Но оно исчезло, и Пипоу решила, что ей послышалось. Заки и Мопол несколько дней вели сани на предельной скорости, она была привязана к саням. Только потом остановились они у этого незнакомого архипелага и сняли с нее повязку, которая делала ее невосприимчивой к звукам. И теперь она понятия не имеет, как вернуться к берегу, у которого поселилась группа Маканай.

Сбежав от этих двух придурков, я, возможно, до конца жизни обреку себя на одиночество.

Ну хорошо, ты стремилась к жизни исследователя. Может существовать участь и похуже этого прекрасного мира, вкусной экзотической рыбы, когда проголодаешься, купания в незнакомых приливах и вслушивания в ритмы, которых не слышал ни один дельфин.

В ее фантазиях была ядовитая красота, и от этого Пипоу чувствовала себя одинокой. Ей было грустно.

В океане звучало эхо гнева, двигателей и странных шумов. Конечно, все дело в перспективе. На шумной Земле эти волны казались бы необыкновенно тихими. Земные моря насыщены звуками транспорта, большая часть этих звуков связана с неодельфинами, которые постепенно приняли

на себя управление семью десятыми земной поверхности. Они занимались добычей ископаемых в глубинах, разведением рыб, присмотром за священными глубокомысленными простаками, которых именуют китами, и все большая ответственность ложилась на возвышенных финов, использующих катера, подводные лодки и другое оборудование. Вопреки непрерывным попыткам уменьшить шум, родная планета оставалась очень шумным местом.

Джиджо по сравнению с ней кажется детским садом. Естественные звукопроводящие термальные слои доносят звуки прибоя, обрушивающегося на далекие берега, и постоянные стоны мелких тектонических подвижек на океанском дне. Собственная подводная фауна Джиджо испускает мириады фырканий, щелканий, свистов. Здесь рыбоподобные существа возникли в ходе эволюции или были завезены колонистами, такими как древние буйуры. Некоторые отдаленные громыхания намекают даже на существование огромных животных, медленно и лениво передвигающихся в глубине... возможно, думающих свои долгие медлительные думы.

Дни переходили в недели, и Пипоу научилась различать органические ритмы Джиджо, под-

черкнутые оглушительным грохотом, когда самцы отправлялись на прогулку в санях, разгоняя стаи рыб или несясь вдоль береговой линии с красными огнями индикаторов. При таких темпах машина долго не выдержит, думала Пипоу, хотя продолжала надеяться, что один из них раньше сломает себе шею.

Если она уплывет, Заки и Мопол легко выследят ее с санями или без них. Даже когда они оставляли груды мертвой рыбы гнить на плавучих водорослях, а потом пьянели от разложившихся туловищ, эти двое никогда не становились настолько неосмотрительными, чтобы позволить ей украсть сани. Один из них постоянно лежал на санях. И поскольку у дельфинов в сон по очереди погружается только одно полушарие, их совершенно невозможно застать врасплох.

Но вот, пробыв в плену уже два месяца, Пипоу уловила поблизости нечто новое.

Впервые она услышала это, когда ныряла в глубину в поисках вкусного местного краба с мягким панцирем. Похитители забавлялись в километре от нее, ведя сани по сужающимся кругам вокруг испуганной стаи серебристых рыбоидов. Но когда Пипоу ушла ниже пограничного термального слоя, отделяющего теплую поверхностную воду

от холодной воды на глубине, шум саней неожиданно стал почти не слышен.

Благословенная тишина вдобавок к кулинарным наслаждениям. В последнее время Пипоу часто ныряла.

Однако на этот раз погружение в глубину не только избавило ее от шума саней. Оно принесло также какой-то новый звук. Отдаленный рокот, канализированный колеблющейся средой. С растущим возбуждением Пипоу узнала шум двигателя! Но таких ритмов она не слышала ни на Земле, ни в других местах.

Удивленная, она быстро вынырнула, заполнила легкие свежим воздухом и снова нырнула, чтобы вслушиваться дальше.

Глубоководное течение отлично переносит звук, поняла она, не рассеивая его, а фокусируя. И в то же время скрывает звуковые колебания. Даже сенсоры саней не могут их уловить.

К несчастью, это означает также, что она не может сказать, как далеко источник звука.

Если бы у меня был дыхательный аппарат... если бы не нужно было подниматься на поверхность за воздухом... я могла бы далеко проплыть, прячась за этим термальным барьером. А так, когда я вынырну, чтобы вдохнуть, они легко обна-

ружат меня с помощью дальнего сканирования.

Некоторое время Пипоу слушала и наконец приняла решение.

Кажется, оно приближается... но медленно. Источник все еще далеко. Если сделаю попытку сейчас, далеко не уйду. Они меня настигнут.

Однако она не должна позволить Мополу и Заки уловить новый звук. Если придется ждать, нужно их отвлечь, дожидаясь удобного случая.

Есть только один способ добиться этого.

Пипоу поморщилась. Поднявшись на поверхность, она выразила отвращение с помощью вульгарной полухайку тринари:

Пусть солнце выжжет ваши спины,

Пусть жесткий песок оцарапает вам брюхо,

Пока вы не почувствуете дикий зуд .

Как от хорошего триппера!

МАКАНАЙ

Послав приказ с помощью устройства нервной связи, Маканай сложила инструменты своей упряжи в углубление и сделала знак, что осмотр окончен.

Вождь кикви, маленький самец с пурпурным жаберным кольцом вокруг головы, на метр погрузился под воду, расставив все четыре перепончатые руки в жесте благословения и благодарности. Потом повернулся и повел свое племя назад, к ближайшему острову, где у них было поселение. Маканай чувствовала удовлетворение, глядя вслед строю маленьких амфибий, размахивающих копьями с каменными наконечниками.

Кто бы мог подумать, что мы, дельфины, самая молодая зарегистрированная в пяти галактиках разумная раса, сами станем патронами всего лишь несколько столетий спустя после того, как люди начали возвышать нас.

Учитывая все обстоятельства, кикви на Джиджо развивались очень хорошо. Вскоре после того, как их выпустили на коралловый атолл недалеко от берега, они начали размножаться.

В нормальных условиях какая-нибудь из стар-

ших рас нашла бы предлог, чтобы отобрать кикви у дельфинов и самой ввести такой перспективный предразумный вид в одно из богатых древних семейств, которые правят кислорододышащими цивилизациями пяти галактик. Но здесь, на Джиджо, дела обстоят по-другому. Они отрезаны от межзвездной галактической культуры с ее обширным, сбивающим с толку комплексом ритуалов, по сравнению с которым древнекитайский императорский двор кажется песочницей для малышей. В положении отрезанного от всех есть свои преимущества и недостатки.

С одной стороны, Маканай не находится под постоянным стрессом, убегая от огромных боевых флотов чужаков, чьи приспособления и устройства недоступны пониманию землян.

С другой стороны, больше нельзя посещать симфонии, оперы или пузырчатые танцы.

Больше никогда не придется ей сносить насмешливое высокомерное отношение патронов, которые считают дельфинов чуть более умными, чем обычные животные.

Но не проведет она больше ни одного ленивого воскресенья в своем уютном жилище в космополитическом Подводном Мельбурне, где за ее окнами в коралловых садах плавают стада

разноцветных рыбок, а она тем временем жует пирожки с лососем и смотрит по телевизору «Двенадцатую ночь» — вся труппа состоит исключительно из дельфинов.

Маканай заброшена на необитаемую планету и скорее всего проведет на ней весь остаток жизни, присматривая за двумя небольшими группами колонистов и надеясь, что они будут в безопасности до наступления новой эры. Века, когда обе группы смогут продолжить свой путь Возвышения.

Если считать, что удастся наладить добычу металла, то кикви, очевидно, неплохо вписались в новое место. Конечно, их следует научить племенным табу против уничтожения на охоте какого-нибудь вида местной фауны, чтобы их присутствие не стало проклятием нового мира. Но умные маленькие амфибии уже проявляют определенное понимание, выражая эту концепцию на своем собственном эмфатическом полуязыке:

##Редкое драгоценно !##

##Не есть/охотиться на редких/драгоценных/рыб/зверей!##

Есть/охотиться только на тех, ко-

торых много!##

Маканай чувствовала свою долю участия в этом. Два года назад, когда «Стремительный» собирался покинуть ядовитый Китруп, прячась в корпусе разбитого таннанинского боевого корабля, Маканай взяла на себя ответственность заманить проходящее мимо племя кикви с помощью их же записанных призывов, и группа любопытных кикви прошла через главный шлюз «Стремительного» непосредственно перед тем, как окружающая вода закипела от выхлопов оживших двигателей корабля. То, что тогда казалось простым актом жалости, превратилось в нечто вроде любовной связи, так как дружелюбные маленькие амфибии вскоре стали любимцами всего экипажа. И может быть, заслужили право жить в более подходящем месте, чем этот несчастный Китруп. Приятно, что «Стремительный» совершил в своей безнадежной трагической миссии хоть одно доброе дело.

А что касается дельфинов, кто может усомниться в том, что им хорошо в теплом море Джиджо? Как только узнаешь, какие рыбоиды съедобны, а каких следует избегать, жизнь превращается в выбор предпочтительного блюда, затем всплеск и отдых. Конечно, ей не хватает голозвукового

устройства, с его громким воспроизведением китовых песен и барочных хоралов. Но здесь она получает удовольствие, слушая океан, чья звуковая чистота почти так же прекрасна, как его вибрирующая текстура.

Почти!..

Реагируя на слабое ощущение, Маканай повернула свою чувствительную к звукам челюсть справа налево.

Вот оно! Она снова это услышала. Отдаленное громыхание, которое в подводной какофонии Земли могло бы остаться незамеченным. Но здесь оно явно выделяется на фоне нормального шума течений и приливов.

Ее пациенты — несколько десятков дельфинов, которых стресс-атавизм низвел до детской невинности, — называют такие шумы буджум. Или используют восходящую трель на дельфиньем праймале — ту самую, которая обозначает неведомых чудовищ глубин. Иногда эти далекие шумы как будто действительно намекают на существование огромных живых существ, грохочущих низким басом, самодовольно уверенных, что все обширное море принадлежит им. А может, это просто шум разлаженного двигателя какого-нибудь брошенного корабля, бесцельно

блуждающего в океанской безмерности.

Оставив за собой атолл кикви, Маканай поплыла к подводному куполу, в котором они с Брукидой и несколькими сохранившими разум санитарами устроили базу, откуда можно следить за подопечными. Приятно будет хоть ненадолго уйти от непогоды. Прошлой ночью пришлось обходиться без обычных удобств: она присматривала за пациентами во время бури. Тревожное испытание.

Мы, современные неодельфины, избалованны. Потребуются годы, чтобы мы снова привыкли жить на природе, без жалоб принимая то, что она посылает нам, не строя амбициозных планов ее завоевания.

Эта человеческая сторона в нас должна угаснуть.

ПИПОУ

На следующее утро она предприняла попытку к бегству.

Заки спал с похмелья на большом пласте водорослей, а Мопол уплыл на санях, гоняясь за несчастными пингвино-подобными морскими птицами, которые пытались кормить своих птенцов поблизости от наветренного берега острова. Казалось, это подходящая возможность, но главная причина, по которой Пипоу выбрала именно этот момент, была простой. Поднырнув под пограничный термальный слой, Пипоу установила, что отдаленный рокот ослабел, он словно свернул в сторону, затихая с каждым часом.

Теперь или никогда.

Пипоу надеялась сначала украсть что-нибудь с саней. Инструментальную упряжь, например, или дыхательную трубку, и не только из практических соображений. В нормальной жизни мало кто из неодельфинов проводит целый день, не пользуясь киберинструментами, которые контролируются нервной связью с полушариями мозга. Но уже несколько месяцев два ее «мужа» не позволяют ей ни к чему подсоединяться. И

невральный клапан за левым глазом зудел от того, что им не пользуются.

К несчастью, Мопал почти всегда спит на платформе саней, оставляя ее только для еды и испражнений.

Он будет очень несчастен, когда сани наконец выйдут из строя, подумала Пипоу, и эта мысль слегка утешила ее.

Итак, решение принято, кости Ифни брошены. Пипоу пустилась в путь с теми способностями и оборудованием, какими снабдила ее природа. Совершенно нагая, устремилась она в неведомое море.

Для Пипоу побег начинался совсем не так, как в человеческих романах или голофантазиях. В таких историях героине труднее всего приходилось в начале, когда нужно было уйти. Но тут Пипоу не мешают ни стены, ни запертые комнаты, ни собаки, ни проволочная изгородь. «Охранники» позволяют ей уходить и приходить, когда вздумается. В таком случае проблема не в начале, а в том, чтобы выиграть как можно больше времени, прежде чем Мопол и Заки поймут, что она убежала.

Сначала ей помогало скрыться погружение под пограничный термальный слой. Обнаружить

ее можно, только когда она выныривает, чтобы перевести дыхание. Но долго так плыть она не может. Дельфины вида tursiops не приспособлены к жизни глубоко под водой, и в глубине ее скорость втрое ниже той, что она способна развить на поверхности.

Поэтому, когда остров еще был виден сзади на горизонте, Пипоу прекратила красться в глубине и предприняла серьезную попытку убежать — с помощью мощных изгибов тела и ударов плавниками она устремилась в сторону солнца, изредка ныряя поглубже, чтобы уточнить направление к далекому грохоту.

Было восхитительно скользить по вершинам волн, извлекая из организма все, на что он способен. Пипоу вспомнила, как в последний раз неслась так — рядом с ней был Каа, и тогда воды Джиджо казались теплыми, сладкими и полными возможностей.

Хотя она старалась свести к минимуму звуковые низкочастотные пощелкивания, но все же позволила себе несколько всплесков, проверяя препятствия впереди и играя с окружающей водой, воспринимая отражения звука от вызванной солнцем конвекции, позволяя звукам окутывать себя, словно колеблющимися воспоминаниями.

Звуковые сигналы Пипоу оставались мягкими и тихими — не громче колебаний, создаваемых ее бьющим хвостом, но постепенно рисунок их становился все сложней: мозг Пипоу приспособился к ритму движения. Вскоре возвращающиеся волны ее собственных звуков стали смешиваться с отражениями звуков течений и приливов, создавая звуковые образы.

Большинство этих образов оставались очень неясными, какие видишь, когда плывешь на краю сна. Но иногда несколько изображений сливались, образуя нечто большее. Сложное эхо словно изгибалось и поворачивало, когда изгибалась и поворачивала она сама. Такое впечатление, будто рядом плывет призрачный спутник, плывет там, где зрением воспринимаются только солнечные лучи и пустое море.

Каа, подумала Пипоу, узнав пыл, с каким призрак режет носом волну.

Дельфину не обязательно умереть, чтобы вернуться призраком... хотя это помогает. Иногда для этого нужна только яркость духа, а дух у Каа, несомненно, был очень ярким.

А может, близкий звуковой призрак рожден исключительно воображением Пипоу.

На самом деле дельфинья логика не видит про-

тиворечия между этими двумя объяснениями. Сущность Каа может действительно находиться здесь — и не находиться — в одно и та же время. Но реальность это или мираж, Пипоу была рада, что ее возлюбленный снова рядом с ней, там, где ему и полагается быть.

Как я по тебе соскучилась, подумала она.

Англик — неподходящий язык для фантомов. Вообще человеческая грамматика для них не годится. Возможно, именно поэтому бедные двуногие так редко общаются со своими утраченными любимыми.

Гость Пипоу ответил более двусмысленным, истинно дельфиньим способом:

Пока цветут водоросли
Пока под лунными лучами
Раскрываются их цветы
Я буду плыть рядом с тобой

Пипоу была удовлетворена этим. Какое-то время ей казалось, что рядом с ней плывет настоящий спутник, ее любимый, подбадривая ее, разделяя ее скорость. Вода перед ней раздавалась, ласкала бока, как настоящий возлюбленный. Но вдруг вмешался новый звук. Далекий рев двигателя развеял все иллюзии.

Пипоу неохотно затихла, заставив смолкнуть звуковые отражения, окружившие ее дыхало. Исчезли отражения, исчез и ее призрачный товарищ. Вода словно почернела, и Пипоу сосредоточилась, прислушиваясь.

Вот оно.

За ней, доносится сзади. Звуки двигателя, слишком знакомые, и быстро приближаются по поверхности моря.

Теперь они знают, поняла Пипоу. Заки и Мопол знают, что я убежала, и идут за мной.

Больше она не стала тратить времени. Поплыла еще быстрей, чем раньше. Теперь скрытность больше не нужна. Остается соревнование в скорости, выносливости и удаче.

ТКЕТТ

Ему потребовались день и ночь, чтобы приблизиться к источнику таинственных колебаний, ведя сани на предельной скорости. Маканай приказала Ткетту не перенапрягать двигатель, поскольку никаких запасных частей у них нет.

Будь осторожен, — говорила пожилая дельфинья самка-врач, давая разрешение на эту экспедицию. — Узнай, что это такое... может быть, это брошенный космический корабль, который вернули к жизни Суесси и инженеры. Если это так, не приближайся к нему. Немедленно возвращайся с сообщением. Мы обсудим, что делать дальше.

Ткетт не собирался нарушать приказ. Во всяком случае, не буквально. Но если эти грохочущие звуки действительно издает корабль, возникает множество возможностей. Что, если удастся в него забраться и взять на себя управление?

Даже если он не может летать, то может плавать в океане. Я мог бы использовать его для подводных исследований и посетить Великую Середину.

Великая Середина — это гигантская подводная

впадина, куда буйуры сбросили большинство остатков своей могучей цивилизации, собираясь покинуть Джиджо, чтобы вернуть планете статус невозделанной. Упаковав все то, что они собирались взять с собой, последние обитатели планеты с помощью титанических машин снесли свои города, а все здания и машины сбросили в бездну, где медленное тектоническое движение увлечет обломки внутрь, переплавит и преобразует в новые руды. А когда-нибудь в будущем, когда Джиджо будет открыта для законного поселения, этими рудами воспользуются новые обитатели.

Для археолога Середина — это возможность всей жизни.

Я так много узнаю о буйурах! Мы сможем обследовать целые классы их орудий, каких не видел ни один землянин. Буйуры были богаты и могущественны. Они могли позволить себе все достижения цивилизаций пяти галактик, тогда как новички земляне вынуждены довольствоваться только остатками. Даже то, что выбросили буйуры — их игрушки и сломанные машины, — представит Земному Совету бесценные данные.

Ткетт не был дураком. Он хорошо знал, что думают о нем Маканай и Брукида.

Они считают меня спятившим, потому что я

надеюсь вернуться домой. Потому что верю, что мы еще увидим Землю, почувствуем вкус ее воды в своих челюстях и снова услышим звуки прибоя Рангароа.

Или прочитаем лекцию в университете. Или погрузимся в богатство информации земной сети, со скоростью света обмениваясь мыслями с плодородной цивилизацией. Или будем вести дискуссии с теми, кто разделяет твои интеллектуальные пристрастия.

Он записался в состав «Стремительного», чтобы сопровождать капитана Крайдайки и дельфиний элитный экипаж в величайшем приключении, какое предстояло когда-либо группе китообразных. Это последняя проверка новой разумной расы. Но теперь Крайдайки исчез, вероятно, он мертв, а новый командир «Стремительного» изгнал Ткетта с корабля в момент самого острого кризиса. Маканай может смириться с тем, что ее отнесли к «несущественной» части экипажа, но Ткетт кипел от негодования, плавая в теплом, отвратительно спокойном море, в то время как его товарищи по-прежнему смотрят в лицо невообразимым опасностям среди окровавленных звезд.

Сзади послышался голос и помешал Ткетту еще больше погрузиться в жалость к самому себе:

#Дай мне дай мне ДАЙ МНЕ
#удовольствие толчка рыла
#удовольствие доброй драки!#

Этот резкий звук доносился с тыльного помещения саней, и Ткетт от неожиданности забил плавниками. Так легко оказалось забыть о молчаливом пассажире. Чиссис говорила редко, да и то исключительно на примитивном протоязыке — дельфиньем праймале.

Ткетт подавил раздражение. В конце концов, Чиссис больна. Как и у нескольких других членов экипажа, ее современное сознание не выдержало давления длительного испытания «Стремительного» и нашло убежище в более древних путях мысли. Надо быть снисходительным, хотя Ткетт не мог себе представить, как можно отказаться от наслаждения рациональностью, каким бы настойчивым ни казался призыв Сна Китов.

Немного погодя Ткетт осознал, что его спутница не просто бессмысленно болтает. Должно быть, Чиссис поняла смысл его сонарных щелканий. И, очевидно, разделяет его негодование по поводу решения Джиллиан Баскин оставить их на Джиджо.

— Ты тоже хотела бы оставаться в космосе? —

спросил он. — Хотя и не можешь больше сидеть за приборной панелью? И даже зная, что боевые корабли Джофура и другие страшилища окружили «Стремительный», готовясь к нападению?

Он говорил на подводном англике. Большинство регрессировавших его не понимали. Но Чиссис испустила с платформы в задней части саней звуковой поток, похожий на грохот двигателя, поток вызывающий:

#Бей джофуров! Бей акул!
#БЕЙ ИХ!#

И, сопровождая этот вопль, донесся сонарный поток, который испускали жировые слои лба Чиссис, создавая вокруг Ткетта облако иллюзий. Он на мгновение увидел Чиссис в пускающем пузыри носу торпеды класса «минога». Чиссис вела торпеду к огромному кораблю чужаков, окруженному полями, которые выводят из строя цифровые управляющие системы. Она ведет свой смертоносный снаряд с инстинктом и природной способностью, унаследованными дельфинами от предков.

Утрата речи, очевидно, не лишила «регрессировавших» ни храбрости, ни изобретательности. Ткетт рассмеялся. Джиллиан Баскин допустила

большую ошибку, оставив здесь Чиссис.

Очевидно, чтобы иметь сердце воина, совсем не обязателен ум инженера.

— Неудивительно, что Маканай позволила тебе сопровождать меня, — произнес Ткетт. — Ты оказываешь дурное влияние на остальных, верно?

Настала ее очередь рассмеяться, и смех ее звучал точно, как его. Воинственный призыв, единственное, что оставили мастера Возвышения. Глубокий крик китообразных, бросающих вызов трезвой Вселенной, которая многое воспринимает слишком серьезно:

#Быстрее быстрее БЫСТРЕЕ!

#Двигатели зовут нас…

 # Предлагают прокатиться… #

Этот крик затронул что-то глубоко запрятанное в Ткетте, и дельфин невольно хлестнул хвостом. Без колебаний он увеличил скорость и понесся навстречу загадочному объекту, чья песня заполнила море.

ПИПОУ

Она чувствовала, что Заки и Мопол догоняют ее. Может быть, они придурки, но знают, чего хотят, и умеют вести сани на предельной скорости, не теряя ее из виду. Поняв, что она убежала, они погнались за ней на санях, пользуясь сонарами дальнего обзора, которыми снабжена машина. И каждый звук их мотора она ощущает, словно легкий укус в спину. Теперь они точно знают, где она. И шум должен устрашить ее.

И он подействовал. Не знаю, сколько я еще выдержу, думала Пипоу, в то время как тело ее горело от усталости. Каждый изгиб спины, каждый прыжок вперед требовал все большего и большего напряжения. Больше никаких радостных ощущений, шелковая поверхность волн стала цепкой, она лишала Пипоу с таким трудом завоеванной инерции движения. Снова и снова приходилось ускоряться.

Казалось, по сравнению с водой жестокий вакуум космоса предоставлял большие возможности. Что приобретаешь, то у тебя сохраняется. Даже мертвый остается на траектории, вечно стремясь вперед. Космические путешествия способствуют

развитию концепции «прогресса». Старомодным дельфинам эта концепция казалась нелепой, да и современным трудно к ней привыкнуть.

Должно быть, я очень близка к звуку, что бы его ни производило. И могла бы сказать точно, если бы эти проклятые паразиты сзади выключили свой сонар и дали мне возможность спокойно прислушаться!

Конечно, этот гудящий грохот должен лишить ее ориентации. Теперь Пипоу улавливала только отдельные звуковые глифы цели, и то лишь тогда, когда ныряла под звуконепроницаемый термальный слой. А это она делала как можно реже, потому что погружения замедляли ее продвижение вперед.

Звук двигателя саней приближался. Теперь они слишком близко. В любой момент Заки и Мопол могут пронестись мимо нее, потом начнут приближаться по спирали, загоняя ее, словно беспомощное морское существо, а сами будут фыркать и наслаждаться своим мачо, своим ощущением силы.

Придется подчиниться... придется перенести их наказание... терпеть их укусы и шлепки, пока они не поверят, что я стала покорной коровой.

Но все это расстраивало Пипоу не так, как вы-

вод, который она сделала из своего вторичного пленения.

Видимо, это означает, что мне придется убить одного из них. Этого она надеялась избежать. И в старину убийства среди дельфинов случались редко, а инженеры-генетики постарались создать у них врожденное отвращение к убийству. Пипоу хотела избежать такого исхода. Достаточно будет просто убежать.

Она не знала, как это сделает. Пока не знала. Я все еще офицер земного космического флота, хотя они и считают себя дикими животными. Трудно ли мне будет это сделать?

Отчасти она понимала, что фантазирует. Возможно, таким способом подсознание пытается рационализировать предстоящую капитуляцию. Можно сдаваться немедленно, прежде чем истощение отнимет остаток сил.

Нет! Нужно продолжать двигаться.

Пипоу застонала, удваивая усилия, устремившись вперед с помощью мощных ударов хвостового плавника. Каждое мгновение продолжающейся погони означает для нее еще немного свободы. Немного достоинства.

Конечно, так не может продолжаться вечно. Хотя возбуждение и негодование заставляли делать

все новые и новые броски, скорость постепенно падала: организм тратил последние резервы. Дрожа, Пипоу перешла на легкое скольжение, хватая воздух измученными легкими.

Плохо. Я ее слышу... ту подводную штуку, которую ищу... она недалеко от меня.

Но Заки и Мопол ближе…

Пипоу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что термальный барьер заглушает звуки существа внизу. Если она слышит его сейчас, пусть слабо, значит, оно…

Пипоу задрожала. Она почувствовала, как взбухает вода вокруг нее, словно ее раздвигает какое-то огромное существо. И тут же поняла, в чем дело. Одновременно она услышала сзади торжествующий крик Заки.

Оно прямо подо мной. Эта штука! Проходит внизу, во тьме.

У нее было лишь несколько мгновений на принятие решения. Судя по давлению воды, штука эта огромная и находится глубоко внизу. Но Пипоу не способна сейчас нырять: каждый вдох причиняет ей боль.

Она услышала и почувствовала, как мимо пролетели сани, видела на спине машины двух своих мучителей; они улыбались, проносясь в

опасной близости. Инстинкт заставлял ее повернуть и бежать либо погрузиться под воду, пока выдерживают легкие. Но все это ей не поможет, поэтому она осталась на месте.

Они еще немного будут наслаждаться своей победой, подумала Пипоу, надеясь, что они настолько самоуверенны, что не станут применять сканер. Да и вообще, что она может сделать на таком расстоянии?

Трудно поверить, что они до сих пор не уловили никаких сигналов от гиганта внизу. Тупые самцы. Все их усилия сосредоточены на погоне за ней.

Заки и Мопол дважды обошли ее по кругу, каждый раз подходя все ближе, насмехаясь и болтая.

Пипоу по-прежнему с трудом вдыхала воздух, чувствуя себя истощенной. Но больше ждать нельзя. И когда они начали приближаться в третий раз, она сделала последний вдох, изогнула спину и носом вперед погрузилась в глубину.

В последнее мгновение она хвостом махнула преследователям. Она надеялась, что этот ее жест они будут вспоминать с сожалением и чувством вины.

Тьма поглотила свет, Пипоу продолжала уходить вглубь, пока позволяет скромный запас воздуха. Скоро ее окружила полная темнота. Но

теперь, миновав пограничный слой, она больше не нуждалась в освещении. Ее ведут звуки, глухой гул чего-то огромного, самодовольно и плавно движущегося сквозь мир, никогда не знавший солнечного света.

ТКЕТТ

У него было несколько причин желать заполучить космический корабль, даже такой, который не способен летать. Например, такой корабль давал возможность посетить Великую Середину и исследовать ее чудеса. Частично управляемый корабль мог также оказаться полезным шести расам Джиджо, которые, как говорили, терпят поражение в кровопролитной войне с агрессорами джофурами.

Ткетт также полагал, что такая машина поможет отыскать и спасти Пипоу.

Прекрасная молодая самка-медик, одна из помощниц Маканай, была похищена вскоре после отлета «Стремительного». Никто уже не надеялся отыскать ее, поскольку океан просторен и у двух дельфиньих дебилов, Заки и Мопола, было множество возможностей, чтобы спрятать ее. Но расследование показало, что преступники бежали на санях. С другой стороны, корабль — даже развалина, пролежавшая полмиллиона лет на океанском дне, — способен покрыть гораздо большую территорию и слушать своими большими подводными сонафонами, уловив красноречивые

шумы Пипоу и ее похитителей. Возможно даже найти в воде следы земной ДНК. Ткетт слышал, что такая техника продается на галактических рынках, однако стоит очень дорого. Но кто знает, какие чудеса буйуры считали на своих кораблях самым обычным делом?

К несчастью, след становился то отчетливей, то слабел.

Иногда Ткетту казалось, что шум совсем рядом — это водные слои так причудливо передавали звуки. Но потом звуки совершенно исчезали.

Ткетт испытывал раздражение, но готов был попытаться еще раз. И когда Чиссис возбужденно принялась выкрикивать на праймале, что большой зверь бродит на юго-западе, он с готовностью повернул сани в том направлении.

И скоро был вознагражден. На контрольной панели загорелись индикаторы, по невральному каналу, соединяющему сани с клапаном, имплантированным за левым глазом Ткетта, пошли сигналы. Вдобавок к шуму, другие аномалии свидетельствовали, что где-то прямо впереди и примерно в ста метрах внизу движется огромная масса.

— Вероятно, нам стоит посмотреть, что это такое, — сказал Ткетт пассажирке, которая за-

щелкала в знак согласия.

#Ищи ищи ищи ЧУДИЩЕ.#

И Чиссис рассмеялась, радуясь своему уму. Однако несколько минут спустя, когда они погружались в пучину моря, вслушиваясь и всматриваясь в то, что освещали лучи прожекторов, она прекратила щелкать и молчала, как могила.

Великие Спящие! Ткетт удивленно и благоговейно смотрел на возникший перед ними предмет. Не похоже ни на один корабль, который ему приходилось видеть. Гладкие металлические борта словно уходили в бесконечность, гигантская машина тяжело двигалась по дну, поднимая муть тысячами блестящих кристаллических ног.

И словно уловив их появление, медленно раскрывался огромный шлюз — Ткетт надеялся, что их встречают доброжелательно.

Это совсем не восстановленный космический корабль. Ткетт начал догадываться, что набрел на нечто совершенно иное.

ПИПОУ

Грудная клетка разрывалась.

Легкие Пипоу заполнились бьющейся болью, она заставляла себя уходить все глубже, гораздо глубже, чем позволяет рассудок, хотя от усталости она едва не теряла сознание.

Море в глубине совершенно черное. Глаза не различают ничего. Но зрение под водой не самое главное чувство. Сонарные щелчки, которые она испускает, делаются все быстрей; Пипоу с помощью чувствительной челюсти улавливала их отражения.

Какое огромное... подумала она, уловив первые отраженные звуки.

Отражения звуков начали соединяться, и Пипоу содрогнулась.

Не похоже на металл. Форма... скорее искусственная, чем... По спине пробежал холодок ужаса: она поняла, что своими очертаниями эта штука впереди напоминает огромное живое существо! Гигантская масса плавников и бьющихся щупалец, похожая на чудовища из тех сказок, которые по вечерам рассказывают дельфиньим детям, чтобы удержать их на лежбищах вблизи

больших земных портовых городов. То, что находилось перед Пипоу и плыло над дном каньона, казалось гораздо больше и страшнее гигантских спрутов, которые сражаются с кашалотами, самыми могучими среди китообразных.

Но Пипоу, изгибая спину, ударяя плавниками, продолжала погружаться. Ее охватило непреодолимое любопытство. И вообще она ближе к этому существу, чем к поверхности, где ее ждут Заки и Мопол.

Могу и узнать, что это такое.

Любопытство — это единственное, ради чего еще стоит жить.

Когда к ней протянулось несколько щупалец, в ее сознании оставался только вопрос о смерти.

Интересно, что я встречу по ту сторону.

МАКАНАЙ

Дельфины, ее пациенты, все одновременно с криками очнулись от послеобеденной сиесты.

Маканай и ее помощники присоединились к Брукиде, который был на дежурстве; они быстрыми кругами плавали вокруг испуганных регрессировавших, мешая им в панике уплыть в открытое море. Пациенты медленно успокаивались, приходя в себя от общего кошмара.

На Земле так бывало нередко: подсознательные щелканья двух или нескольких спящих дельфинов иногда налагались друг на друга и взаимодействовали, создавая ложное эхо. Призрак чего-то ужасного. То, что китообразные спят только одним полушарием, не помогает. Напротив. Это каким-то образом лишь усиливает диссонанс, делая иллюзорные звуковые образы еще страшнее.

Большинство пациентов разучились говорить и способны издавать только испуганный писк на праймале. Но был с десяток пограничных случаев, эти пациенты, возможно, даже со временем вернут себе способность речи. И вот один из этих пациентов нервно простонал что-то о Ткетте и

городе заклинаний.

Другой нервно щелкал, снова и снова повторяя имя Пипоу.

ТКЕТТ

По крайней мере в этой машине есть внутри воздух, подумал он. Мы можем здесь выжить и кое-что узнать.

Больше того, огромное металлическое сооружение — крупнее бывают только самые гигантские космические корабли, — казалось, проявляет услужливость. Как только сани вошли в просторный шлюз, металлические стены перед ними расступились. Пол опустился, образовав бассейн. Таким образом Ткетт и Чиссис смогли выйти из тесной рубки и поплавать вокруг. Приятно оказаться на просторе, хотя Ткетт опасался, что допустил ошибку, войдя в корабль.

Маканай приказала осмотреть объект снаружи и сразу вернуться с докладом. Но ведь они рассчитывали найти один из древних маленьких космических кораблей, которые инженеры «Стремительного» восстановили из груды обломков на дне моря. Как только Ткетт увидел огромное цилиндрическое сооружение, движущееся по морскому дну на мириаде гусеничных лап, блестящих, словно хрустальные стержни, он понял, что ничто на Джиджо не удержит его от

проникновения внутрь.

Раздвинулась еще одна стена, обнаружив уходящий вперед ровный канал — вода внизу, воздух вверху; преобразуясь на глазах, канал манил к себе дельфинов. Каждая панель с блестящей прозрачностью шкуры осьминога меняла цвет, словно каждый оттенок цвета передавал какой-то смысл. Чиссис нервно била хвостом: сквозь щели в стенах начали появляться разные предметы. Время от времени на длинном подвижном стебле высовывалось нечто вроде кинокамеры и смотрело на них, когда они проплывали мимо.

Даже буйуры не могли выбросить такое чудо, думал Ткетт, наслаждаясь своей фантазией: он привозит это диво домой на Землю. В то же время инструменты его упряжи задрожали, отвечая на нервные импульсы: это мозг дельфина посылал сигналы. Никакого оружия — на случай, если здешние хозяева проявят враждебность, — у него нет.

Коридор наконец привел в просторное помещение с такими изогнутыми стенами и потолком, что трудно было определить его истинные размеры. Внутрь торчали бесчисленные выпуклости и шпили, половина из них погружена в воду, остальные подвешены в воздухе. Все они соеди-

нены кабелями и нитями, сверкающими, как паутина, в солнечный день покрытая росой. На многих ветвях висят сверкающие шары, кубы или додекаэдры, похожие на геометрические плоды, — размером от полуметра до двойной длины дельфиньего рыла. Чиссис испустила вопль, окрашенный страхом и благоговением:

#коралл который кусает! коралл кусает кусает!

#Смотри, существа, пронзенные кораллом!#

Поняв, что она имеет в виду, Ткетт ахнул. Висячие «плоды» прозрачны. И в них существа, которые движутся... дергаются, прыгают, бегают, размахивают руками и ногами в своих тесных помещениях.

Приспособительное оптическое устройство правого глаза дельфина зажужжало, увеличивая изображение ограниченных хрустальными стенами помещений. В то же время из его лба понесся поток нервных сонарных пощелкиваний, бесполезный в воздухе, словно пытаясь отыскать смысл этой загадки.

Не могу поверить!

Он узнал волосатое существо в прозрачной

клетке.

Ифни! Это хун. Миниатюрный хун!

Быстро просканировав окружение, он обнаружил представителей других видов... четырехлапых урсов с нервно подергивающимися длинными шеями, похожими на мускулистых змей... миниатюрных трейки, которые подобно своим джофурским кузинам напоминают высокие заостренные груды пончиков... и крошечные версии колесных г'кеков, бешено вращающих свои колеса, как будто они действительно куда-то движутся. В сущности, здесь были представлены все шесть рас Джиджо — беглые кланы, незаконно поселившиеся на этой планете за последние две тысячи лет. Всех их можно было увидеть здесь, и все они были представлены уменьшенными копиями.

По спине Ткетта пробежал холодок, когда он увидел несколько сфер с крошечными стройными двуногими фигурами. Люди с планеты Земля — размером с летучую мышь, представители расы, которая много столетий сражалась против одиночества и невежества, едва не уничтожив при этом свой мир, пока не повзрослела настолько, что смогла повести к истинному разуму остальные земные кланы. Перед изумленными

глазами Ткетта представители расы патронов были сведены к прыгающим и кувыркающимся карликам в стенах свисающей хрустальной сферы.

ПИПОУ

Смерть не может быть такой земной... и не может причинять боль таким знакомым способом. Возвращаясь к сознанию, Пипоу ни на минуту не усомнилась в том, где находится. Это прежний космос жизни и боли.

Пипоу помнила морское чудовище, этого длинного гиганта из плавников, щупалец и фосфоресцирующих чешуек — более километра длиной и почти такой же ширины; размахивая крыльями подобно скату-манте, это чудовище скользило над морским дном. И когда оно протянуло к ней свои щупальца, Пипоу и не подумала убегать к поверхности, где ее ждет рабство. Слишком поразили ее образы — и звуковые, и зрительные — этого истинного левиафана.

Щупальце оказалось мягче, чем она ожидала, оно подхватило несопротивляющееся тело и потащило к раскрывающейся клювообразной пасти. Когда ее тащили между двумя челюстями с острыми краями, Пипоу позволила тьме окончательно поглотить себя — за мгновение до конца. И последней ее мыслью была хайку тринари:

Высокомерие получает ответ
Когда каждого из нас призывают
Снова вернуться в пищевую цепь!

Но, как оказалось, она продолжала жить. Ожидая, что превратится в измельченную пищу для огромных внутренностей, она вместо этого обнаружила себя в другом мире.

Вначале мир расплывался. Совершенно очевидно, что она лежит в небольшом бассейне. Потребовалось несколько мгновений, чтобы зрение сфокусировалось. Между тем из изумленных сонарных щелканий образовалось отражение, которое, непрошеное, окружило Пипоу философией тринари.

В поворотах жизненного цикла,
Приводимого в движение настойчивостью Солнца и Луны,
Однажды весной буря может перебросить тебя
За рифы, в которых нет пролива,
И ты окажешься в неведомой лагуне,
Где плавает ядовитая колючая рыба
И насмехается над тобой, заброшенной и одинокой…

Неподходящее стихотворение-мысль, и Пипоу резко оборвала его, чтобы такая жестокая соническая воображаемая поэзия не вызвала у нее панику. Туман тринари очень цепок. Его удается рассеять только отчаянными усилиями, и он оставляет ощущение страшного предупреждения.

Поднявшись на поверхность, Пипоу высунула голову из воды и осмотрела бассейн, окруженный буйной густой растительностью. Во все стороны тянулись густые джунгли; поверх потолок грубой структуры, он накрывает джунгли и их маленьких обитателей — от летающих насекомоподобных до карабкающихся по деревьям существ, которые украдкой выглядывают из-за скрывающих их листьев и теней.

Среда обитания, сообразила Пипоу. Существа, живущие здесь, конкурируют друг с другом, охотятся друг на друга, умирают и составляют знакомый бесконечный цикл синергии. Самые большие космические корабли часто включают экологические самовосстанавливающиеся системы, естественным образом поставляющие кислород и пищу.

Но это не космический корабль. Не может им быть. Огромное сооружение, которое я видела,

не может летать. Это морское чудовище, приспособленное к подводному миру, И оно должно быть живым!

Но не может ли гигантское животное содержать в себе живую экологию, подобную бактериальным культурам, которые помогают самой Пипоу переваривать пищу?

Что теперь? Я должна каким-то образом принять в этом участие? Или просто начинаю участвовать в необычном процессе поглощения пищи?

Она решительно оттолкнулась плавниками. Дельфин без инструментов не очень подвижен в подобной среде. Ее обезьяньи кузены — люди и шимпанзе — чувствовали бы себя лучше. Но Пипоу была настроена исследовать этот мир, пока есть силы.

Из маленького бассейна вел пролив. Может, за поворотом скрывается что-то интересное.

ТКЕТТ

Одна из колючих ветвей начала сгибаться, приближаясь к водной поверхности, где ждали они с Чиссис. На конце ее в одной из сфер находилось двуногое существо. Это урс. Изгибая шею, он всматривался блестящими черными глазами.

Ткетт кое-что знал об этом виде. Например, урсы не выносят воду в открытой жидкой форме. Самки урсов размером со взрослого человека, но эта казалась меньше маленьких самцов, от носа до хвоста в ней не больше двадцати сантиметров. В цивилизациях пяти галактик урсы известны как замечательные инженеры. Людям не нравится их запах (чувство это взаимно), но отношения между двумя звездными кланами всегда были сердечными. Среди преследователей землян урсов не было.

Ткетт не знал, почему группа урсов несколько столетий назад явилась на эту планету, основав тайную и незаконную колонию. Ведь Институт Миграции объявил планету заповедной. Как одна из шести рас, урсы теперь скачут по прериям Джиджо, пасут стада и работают с металлом в своих кузницах, где используется тепло вулкани-

ческих бассейнов лавы. И то, что один из урсов оказался здесь, под поверхностью моря, пугало Ткетта и ставило его в тупик.

Существо, казалось, не подозревает о присутствии дельфинов, наблюдающих за ними снизу. По некоторым внутренним отражениям Ткетт догадался, что прозрачность шара односторонняя. Видны были беглые сцены-отражения на противоположной внутренней стене. Ткетт разглядел холмистую местность, поросшую раскачивающейся травой. Скакали урсы так, будто никакие стены их не ограничивали.

Сфера опустилась ниже, и Ткетт увидел, что она забита бесконечным количеством микроскопических нитей, пересекающих крошечное помещение. Многие нити заканчивались в теле самки урса, особенно в подошвах ее плоских копыт.

Имитаторы сопротивления! Ткетт понял принцип, хотя никогда не видел такого его применения. На Земле проводились подобные эксперименты. Люди и шимпы надевали скафандры и шлемы и заходили в помещение, в котором пол состоял из миллионов игл, и каждая игла контролировалась компьютером. И когда посетитель шел по вымышленной местности — изобра-

жение ее он видел в очках своего шлема, иглы поднимались и опускались, имитируя какую-то грубую поверхность под ногами. Очевидно, все эти маленькие помещения действуют по тому же принципу, но гораздо более усовершенствованному и сложному. Огромное количество нитей касалось всех участков поверхности тела, позволяя чувствовать, как ветер ерошит шерсть урса или как ощущается в руке грубая поверхность инструмента... возможно, даже восхитительные ощущения совокупления.

К Ткетту и Чиссис спустилось еще множество стеблей, на конце каждого — виртуально-реальные плоды с одним существом. Были представлены все разумные расы Джиджо, хотя и уменьшенные в размерах. Чиссис особенно возбудилась, увидев миниатюрных людей, бегающих, отдыхающих или занятых какими-то непонятными делами. Ни один из них, казалось, не знал, что за ним наблюдают.

Все это вызывало неприятное и пугающее ощущение, однако сами субъекты не казались смущенными или испуганными. Напротив, они были энергичны, деятельны, заинтересованы тем, чем занимались. Возможно, они даже не знали истины о своем странном существовании.

Чиссис фырканьем выразила свою тревогу, и Ткетт с ней согласился. Что-то странное в том, как эти микросреды демонстрируются им по очереди, словно разум или разумы, контролирующие весь огромный аппарат, что-то объясняют или хотят начать общение.

Цель — произвести на нас впечатление?

Ткетт немного подумал и неожиданно понял, что все это должно обозначать.

…присутствуют все разумные расы Джиджо…

На самом деле это уже не так. Теперь на планете есть еще одна разновидность мыслящих существ, самая молодая разумная раса из официально зарегистрированных цивилизацией пяти галактик.

Неодельфины.

Конечно, регрессировавшие, подобно бедной Чиссис, разумны лишь отчасти. И Ткетт не питал иллюзий относительно того, что думает доктор Маканай о его собственном душевном состоянии.

Тем не менее по мере того как стебель за стеблем представлял свой плод двум дельфинам, демонстрируя миниатюрные существа внутри — все занятые и, очевидно, вполне довольные своим существованием, — Ткет начинал чувство-

вать, что его заманивают, его уговаривают.

— Великий Ифни… — вслух произнес он, пораженный тем, что предлагает гигантская машина. — Она хочет, чтобы мы во все это влились!

ПИПОУ

Следующий бассейн, в котором она оказалась, окружала деревня из маленьких сплетенных из травы хижин.

Слово «маленький» не вполне подходит для их описания. Существа, появившиеся из хижин и кишевшие на берегу, смотрели на Пипоу широко раскрытыми глазами, расположенными в головах меньше трети нормального размера.

В основном это были люди и хуны... а также несколько трейков и глейверов... все расы, чьи родичи нормального размера живут всего в нескольких сотнях километров отсюда, на западном континенте Джиджо, известном под названием Склон.

Эти лилипуты поразили Пипоу; сами же они еще больше были удивлены ее появлением и смотрели на нее испуганно. Я для них словно кит, поняла она, заметив, что многие потрясают копьями и другим оружием.

Они показывали на ее длинное серое тело, и до нее доносились взволнованные разговоры. Это означает, что их мозг достаточного размера для обладания речью. Пипоу заметила, что головы

существ непропорционально велики, отчего эти люди похожи на детей... пока не разглядишь волосатые, покрытые шрамами торсы мужчин или женские груди, набухшие от молока для голодных младенцев. С каждым мгновением шум становился все громче и возбужденней:

Пипоу заговорила, начав с англика, языка вновь возвышенных, который широко используется на Земле. Ее генетически модифицированное дыхало произносило звуки отчетливо и членораздельно.

— Привет, др-р-рузья! Как поживаете?

Она получила ответ, но не тот, на который надеялась. Толпа на берегу торопливо попятилась, испуская испуганные крики. Пипоу показалось, что она разобрала несколько слов на устаревшем диалекте галактического семь, поэтому попробовала этот язык.

Приветствую! Я принесла вам новости о мирном прибытии и дружелюбных намерениях!

На этот раз собравшиеся едва не сошли с ума, возбужденно прыгая и кувыркаясь, хотя вначале трудно было понять, выражение ли это радости или негодования.

Неожиданно толпа расступилась и стихла, от ряда хижин приближалась новая фигура. Это был

хун ростом выше остальных карликов. На нем был сложный головной убор, а его раскрашенный горловой мешок под подбородком дрожал и вибрировал, испуская гулкие звуки. Его сопровождали два помощника — люди, — один из которых бил в барабан. Остальные жители деревни повели себя удивительно. Все они опустились на колени и закрыли уши. Вскоре Пипоу различила усиливающийся гомон.

Они гудят. Думаю, они пытаются не слышать, что говорит этот важный парень!

На краю бассейна хун поднял руки и начал петь на необычном варианте галактического шесть.

Духи неба, я призываю вас вашим именем… Катаранга!

Духи воды, я прошу вашей помощи… Дупуссиен!

Моим знанием ваших тайных имен я приказываю вам собраться и окружить чудовище. Защитите народ Истинного Пути!

Так продолжалось некоторое время. Вначале Пипоу растерялась, она словно смотрела документальный фильм о каком-то древнем человеческом племени или о проб'шерах с пла-

неты Хорст. Но потом начала замечать кое-что странное. Из джунглей, окружающих деревню, на гудящих крыльях вылетали насекомоподобные существа. Вначале несколько, потом все больше и больше. Они кружили вокруг поющего шамана, образуя рой в форме спирали.

Тем временем боками Пипоу ощутила водную рябь: собирались еще какие-то существа — на этот раз водные — и направлялись к ближайшей к шаману точке берега.

Не могу в это поверить, подумала Пипоу. Одно дело, когда первобытный шаман пытается вызвать силы природы. Совсем другое — чувствовать, что эти силы отвечают, и отвечают быстро, недвусмысленно зловещим угрожающим поведением.

Представители обоих роев, летающего и плавающего, начали делать стремительные вылазки в сторону Пипоу. Спинными плавниками она ощутила острые болезненные уколы, такие же уколы чувствовались и внизу, на животе.

Они нападают на меня!

Осознание этого вывело ее из ошеломленного состояния.

Пора убираться отсюда, подумала она, когда все больше крошечных существ начало кидаться на

нее со всех направлений.

Пипоу развернулась, послав к берегу волну, которая заставила шамана прервать пение и с криком спасаться бегством. И резким толчком на большой скорости начала уплывать.

ТКЕТТ

Когда он уже подумал, что увидел достаточно, один из хрустальных плодов наклонился особенно низко, к самой поверхности воды, и остановился на уровне глаз Ткетта и Чиссис. Стены плода задрожали... и раздвинулись!

Обитатель, крошечный г'кек с колесами на оси по обе стороны от заостренного туловища, подкатил к щели и посмотрел на дельфинов глазами на четырех стебельках. Стебельки начали раскачиваться, когда он смотрел на Ткетта. Потом голосом высоким, но твердым, существо заговорило на галактическом семь, правда, с сильным акцентом.

Мы знаем, что в мире появилась новая раса поселенцев. Но представьте себе наше удивление, когда мы узнали, что новички плавают и нашли нас раньше, чем мы нашли их! Великое Яйцо еще Не посылало призывный зов. И специальный робот-коллектор не был послан на берег, чтобы отобрать образцы. Как умно с вашей стороны прибыть вовремя. Ведь остались лишь дни или недели до того предсказанного момента, когда эта Вселенная расколется!

Чиссис нервно задышала, заполняя стерильное помещение быстрым щелканьем, а Ткетт сильно ударил по воде узкой челюстью.

— Я... понятия не имею, о чем ты говоришь, — запинаясь, ответил он.

Глазные стебельки миниатюрного г'кека переплелись. У Ткетта сложилось впечатление, что существо советуется с кем-то. Затем оно подкатилось еще ближе, расплело стебельки и помахало ими Ткетту.

Если тебе нужно объяснение, ты его получишь.

ПИПОУ

Внутри гиганта тянулись один за другим окруженные растительностью бассейны, соединенные настоящим лабиринтом водных путей. Вскоре Пипоу совершенно заблудилась и начала сомневаться, сумеет ли найти обратную дорогу к пасти чудовища.

Большинство природных зон представляло собой густые джунгли, хотя встречались скалы и пространства, похожие на травянистые степи. Пипоу миновала также несколько деревень с крошечными обитателями. В одном месте в листве виднелось множество рамп и мостиков, все это напоминало фантастического размера американские горки, размещенные среди ветвей. По дорожкам этого удивительного сооружения из дерева скользили на своих колесах многочисленные г'кеки.

Пипоу старалась проплывать мимо деревень незаметно, но ей редко удавалось избегать внимания. Однажды ее преследовал отряд воинов, они ехали на спинах существ, похожих на черепах, стреляли крошечными стрелами и выкрикивали проклятия на странном жаргоне,

который она едва понимала. В другой раз к ней устремился роскошно и ярко разодетый воин-урс, он слетел с берега на летающем ящере, который великолепно размахивал крыльями и из пасти которого вырывались крошечные, но пугающие языки пламени. Пипоу торопливо уплыла, и воин продолжал кричать ей вслед, вызывая «морское чудовище» на битву.

Казалось, она очутилась в мире, населенном существами столь же подозрительными, сколь миниатюрными. Несколько раз встречала шаманов и жрецов, стоящих на берегу, жестикулирующих и ритмично выкрикивающих что-то. Они призывали стаи пчелоподобных насекомых, которые начинали жалить Пипоу, и ей приходилось поскорей уплывать. Пипоу окончательно упала духом... и вскоре приплыла в просторный бассейн, по которому плавало множество маленьких лодок под ярко раскрашенными парусами.

К ее удивлению, на этот раз владельцы лодок при виде ее начинали кричать удивленно и радостно, без страха или гнева! С растущей надеждой она последовала за их приглашением к берегу, где под укреплениями великолепного маленького замка на деревянный причал вышла ей навстречу целая делегация.

Предводитель, человек в серой одежде и высокой заостренной шапке, улыбался, делая приветственные жесты, и заговорил на старинном варианте англика:

— Многие забыли сказания Первых. Но мы узнали тебя, благородный дельфин! Мы помним о тебе из сказаний, передаваемых с начала времен. Как удивительно, что ты явился к нам как раз сейчас, когда приближается Время Перемен. Именем Духовных Предводителей мы предлагаем тебе наше гостеприимство и множество слов власти!

Пипоу обдумывала все увиденное и услышанное. Слова? Что ж, слова могут послужить неплохим началом. Ей пришлось несколько раз выдуть воздух, прежде чем истратить достаточно нервной энергии, чтобы появилась возможность заговорить.

— Ну хорошо. Не можете ли начать с того, чтобы во имя Ифни рассказать мне, что здесь происходит?

ДАРИТЕЛИ ЧУДЕС

Время Перемен пришло. Мирам предстоит разойтись.

Галактики, недавно связанные кратчайшими путями времени и пространства, скоро рассеются. Древняя цивилизация — включая все планеты, с которых вы пришли, — перестанет существовать. Больше она не будет господствовать в этой части космоса.

Изолированное, это звездное королевство, состоящее из миллиардов звезд и ранее известное под названием галактика четыре, скоро найдет свою новую судьбу, начнет новый яркий век. Было предсказано, что Джиджо даст семена великолепной культуры, не похожей ни на что предшествовавшее. Шесть... теперь уже семь разумных рас, тайно пришедших на эту планету, все беглецы. Они таились, подобно преступникам, на запретном берегу. И они расцветут так, как не в силах показать никакое самое яркое воображение. Они станут основателями великого и удивительного. Предтечами звездных рас, которые населят этот плодородный звездный водоворот.

Но каким будет это общество? Простой копией шумного, непрерывно пререкающегося, яростного конгломерата, существующего в «цивилизованном» мире? Основанного на так называемых науках? На физике, кибернетике и биологии? Мы знаем, что одержимость этими науками ведет к бездуховности. Культура, лишенная юмора, управляемая упрощенцами, которые обо всем судят на основании соотношения цена/прибыль и которые не знают истинных ценностей!

Должно быть нечто гораздо лучшее.

Вспомни, как смотрят на мир недавно возвышенные разумные расы — смотрят с детским удивлением! Что, если можно навсегда удержать это восприятие?

Для тех, кто впервые овладел речью, она сама по себе великолепна и обладает могучей силой. Искусство слов включает в себя все, что может когда-либо понадобиться! Не забывая о прежних животных обычаях, молодые расы используют вновь обретенную способность к самовыражению способами, которые не доступны старшим, более «мудрым» разумам.

Особенно хороши в этом отношении люди, которые провели долгие века в одиночестве на изолированной Земле. У них есть множество

названий для этой системы удивительных причин и следствий, традиций, которые возникли во множестве земных племен. Но почти все эти системы имеют общие особенности:

— представление, что мир населен духами, живущими в каждом камне, ручье или дереве;

— готовность воспринимать все события, даже сильные бури и передвижения планет, как имеющие личное отношение к наблюдателю;

— убеждение, что на природу могут воздействовать те, кто обладает особыми силами зрения, голоса или мозга, и эти способности возвышают их обладателя над простыми смертными;

— глубокая вера в силу слов, с помощью которых можно управлять миром.

"Магия» — вот слово, которым люди обозначили такой способ восприятия Вселенной.

Мы считаем, что это лучший способ, который порождает драматичность, приключения, яркость и романтику.

Но магия может существовать во множестве форм. И по-прежнему идут споры об отдельных деталях…

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУШЕНИЕ

Вначале Ткетту это объяснение показалось странным и непонятным. Какое отношение имеет оно к необычной подводной машине, чьи внутренности заполнены хрустальными плодами, содержащими разумные существа, каждое из которых словно получает огромное удовольствие от того, что способно воспринимать только оно?

Тем не менее, как археолог, он обладал определенными знаниями прошлого земных племен, и постепенно в его сознании возникло понимание.

— Вы... вы используете технологию, чтобы дать каждому индивиду его личный мир! Н-н-но в этом есть нечто гораздо большее, верно? Вы хотите сказать, что каждый хун, или человек, или трейк внутри этих хрустальных шаров обладает способностью создавать чары? Они не только манипулируют воображаемыми объектами, не только видят иллюзии... они выкрикивают заклинания и видят, как они осуществляются?

Ткетт несколько раз мигнул, стараясь свыкнуться с этой мыслью.

— Возьмем эту женщину. — И он носом показал на ближайший куб, в котором среди густого облака щупалец сопротивления улыбалась женщина-человек. — Если у нее есть враг, она может слепить глиняную фигурку, воткнуть в нее булавку и произнести заклинание боли?

Маленький г'кек покрутил колеса и ответил приподнятым голосом:

— Ты совершенно прав, о проницательный дельфин! Конечно, ей приходится проявлять творчество. Полезны талант и сильная воля. И она должна твердо придерживаться традиций своего имитируемого племени.

— То есть правила произвольны.

Глаза на стебельках грациозно качнулись.

— Произвольны, но изящны и постоянны. И есть еще одно совершенно обязательное требование. Прежде всего пользователь должен безусловно верить в магию.

Пипоу мигала, глядя на миниатюрного колдуна, стоящего в тени сказочного замка.

— Ты хочешь сказать, что жители этого мира могут с помощью только слов командовать птицами, насекомыми и другими животными?

Она много раз сама была свидетельницей этого, но слышать объяснение тем не менее было

странно.

Человек в сером кивнул, говоря быстро и серьезно:

— Особые слова! Сила тайных имен. Условия, которые должен сохранять в тайне каждый пользователь.

— Но…

— Прежде всего большинство животных повинуется только тем, у кого врожденный талант. Индивидам, обладающим большой силой воли. Если бы они подчинялись любому, в основе колдовства были бы страх и зависть. Если каждый будет способен это сделать, оно вскоре утратит всякую ценность. Чудо бледнеет, когда становится повседневным.

Говорят, в древней цивилизации именно такой была технология. Вспомни, что произошло вскоре после того, как люди научились летать. Скоро все летали в небе, и люди воспринимали это чудо как нечто само собой разумеющееся. Как это трагично! Здесь такого не случается. Мы храним чудеса как редкостный и ценный источник.

Пипоу фыркнула.

— Но все это… — Она слегка ударила по воде челюстями, забрызгав джунгли и крутые утесы за ними. — От всего этого несет технологией!

Например, этот нелепый огнедышащий дракон. Очевидный результат биоинженерии! Кто-то создал это существо как... как…

— Как эксперимент? — Одетый в серое маг снисходительно кивнул. Борода его затряслась, и он продолжил горячо говорить своим писклявым голосом:

— Это никогда не было тайной! С того времени, как среди шести рас Джиджо были отобраны наши предки, мы знали, что наша цель — помочь буйурам усовершенствовать их главный план.

Ткетт пораженно отпрянул, забил плавниками в воде. Он удивленно смотрел на многоглазое существо, которое только что объяснило ему суть странного музея миниатюр.

— Б-б-б-буйуры! Они покинули Джиджо миллион лет назад. Как они могли знать о человеческой культуре, тем более создать такую сложную…

— Разумеется, ответ очень прост, — ответил маленький г'кек, глядя несколькими глазами на стебельках из своей раздвинувшейся хрустальной оболочки. — Наши буйуры никогда нас не покидали! С того времени, как первый корабль с беженцами опустился на Джиджо, они незаметно наблюдают и управляют процессом, готовясь к предсказанному дню, когда силы природы

перережут все нити связи между четвертой галактикой и остальными.

Г'кек поклонился в своем хрустальном шаре.

— Отличная догадка, мой друг дельфин. Хотя, конечно, истина гораздо сложнее. Настоящий буйур весит больше тонны и слегка напоминает земную лягушку!

— Тем не менее ты… — настаивал Ткетт.

— Я имею честь служить посредником…

— ..убедить вас, дельфинов, новых и очень перспективных обитателей Джиджо, присоединиться к нам. Для вас это величайшая возможность яркой жизни, полной приключений, и судьбы, насыщенной чудесами!

Маленький колдун улыбнулся, и Пипоу догадалась, что окружающие ничего не слышали или не поняли. Может быть, они заткнули уши, чтобы защититься от силы слов мага. Или здесь очень редко пользуются англиком. Может быть, это «язык силы».

Пипоу поняла также, что ее одновременно испытывают и предлагают ей сделать выбор.

В этом мире наше существование очень неопределенно. Маканай не уверена, что маленькая стая наших регрессировавших переживет следующую

зиму, даже с помощью других колонистов с суши. Да и у шести рас хватает своих трудностей, они отражают нападение пришельцев с Джофура.

Приходится признать, что предложение очень соблазнительно. Пережив несколько недавних бурь на Джиджо, Пипоу понимала, насколько привлекательна перспектива для уцелевших членов экипажа «Стремительного» поселиться в уютном подводном жилище — предпочтительно с большими пространствами открытой воды — и позволить буйурской технологии уменьшить их до размеров, пригодных для новой жизни. Все равно хуже трехлетнего ада в тесных помещениях бедного «Стремительного» не будет.

Предположительно, в будущем, когда эксперимент завершится, их потомкам вернут их истинный размер — после многих поколений, проведенных среди чар и заклинаний.

Это должно у нас хорошо получиться, думала Пипоу. Мы, дельфины, мастера артистического словесного выражения. В конце концов, что такое тринари, как не наш собственный способ словами убеждать мир? Уговаривать его воспринять яркие звуковые эхо и сноподобные образы? Убеждать видеть смысл так, как видим его мы, китообразные?

До Пипоу дошла вся соблазнительность этого предложения.

Какая у нас альтернатива? Предположим, мы найдем способ вернуться к цивилизации, зачем нам возвращаться домой? Нас ждет тяжелая участь — в лучшем случае трудная работа, когда требуется отдать полжизни, чтобы овладеть навыками, полезными в технологическом обществе.

Реальная жизнь и вполовину не так хороша, как в рассказах, которые мы читаем в учебниках. Всякий рано или поздно узнает, что мир полон разочарований — Вселенная, в которой добро редко бывает красивым, а зло не обязательно представлено горящими красными глазами. Сложное общество, полное компромиссов и способов извлечения выгоды, различных комитетов и политических противников, всегда обладающих гораздо большей властью, чем они, по твоему мнению, заслуживают.

Кто не предпочтет место, где космос можно уговорить дать тебе все, что ты хочешь? И где достаточно пожелать, чтобы желание осуществилось?

— У нас уже есть два добровольца вашей почитаемой расы, — сказал Г'кек, заставив Ткетта

удивленно вздрогнуть. Взмахнув глазными стебельками, колесное существо вызвало появление над водной поверхностью голограммы.

Ткетт сразу увидел двух больших самцов дельфинов, спокойно лежащих в сетчатых гамаках; над ними суетились крошечные механизмы, натягивая сеть из какого-то прозрачного материала. Чиссис, до этого задумчиво молчавшая, неожиданно узнала эту пару и закричала на праймале:

#Пойманы! Пойманы в сеть, как они того и заслуживают!

#Глупый Заки – противный Мопол!#

— Ифни! — воскликнул Ткетт. — Кажется, ты прав. Но что с ними делают?

— Они уже приняли наше предложение, — уклончиво ответил посредник. — Скоро эти двое будут жить в мире голографических и сенсуальных наслаждений на борту другой экспериментальной станции. Их будущее обеспечено, и позволь заверить тебя — они будут счастливы.

— Ты уверен, что эти двое не на борту этого корабля, близко от меня? — нервно спросила Пипоу, глядя, как Заки и Мопол превращаются в крошечное изображение после волшебной фразы и взмаха руки мага.

— Нет. Твои спутники последовали за призывом из соседней экспериментальной клетки — их чувствам она представлялась гигантом, напоминающим ваших земных голубых китов. После того как их приняли на борт, предварительный осмотр показал, что им лучше будет жить в мире чистой фантазии. Они с готовностью приняли наше предложение.

Пипоу кивнула, шокированная не только полным отсутствием собственных эмоций — положительных или отрицательных, — вызванных окончательным избавлением от мучителей. Они ушли из ее жизни, и это было все, что ее интересовало. Пусть Ифни решит, как рассматривать их будущее — как пожизненное заключение или как своего рода рай.

Что ж, теперь по крайней мере в их распоряжении любая самка, какую только пожелают, поахала она. Я счастливо от них избавилась.

Но сейчас важнее сосредоточиться на других проблемах.

— А что вы запланировали для меня? Серый волшебник убеждающе развел руки.

— Ничего пугающего или обременительного, о достопочтенный друг дельфин! В данный момент мы просто просим тебя сделать выбор!

Присоединишься ли ты к нам? Мы никого не заставляем. Но как можно отказываться? Если тебя не устраивает один стиль жизни, выбери другой! Выбирай любой из многочисленных зачарованных миров и будь уверен, что твои потомки займут достойное место среди создателей чудес, которые установят новый порядок среди миллионов солнц.

Ткетт видел последствия, далеко выходящие за рамки самого предложения. План буйуров — его размах, поразительные масштабы их замысла — на время лишил его дара речи.

Они собираются запустить целую галактическую цивилизацию, основанную на том, что считают идеальным образом жизни. Очень скоро, после того как так называемое «Время Перемен» оборвет старые межгалактические связи, буйуры освободятся от всяких ограничений закона и обычаев, которые правили кислорододышащими цивилизациями в течение последнего миллиарда лет.

И тогда с этой планеты поднимется новая волна кораблей, с экипажами из представителей семи рас Джиджо, ими будут командовать смелые капитаны, колдуны и короли... помесь тем старой сайенс фикшн и фэнтези... они устремятся

навстречу приключениям! В течение нескольких столетий они будут сражаться с опасностями, развеивать угрозы, открывать и возвышать новые виды. Постепенно люди, урсы, трейки и остальные станут почитаемыми лидерами в галактике, вечно заполненной высокой драмой.

В этом царстве самый страшный ужас будет вызывать скука. Спокойствие станет самым тяжелым преступлением. Об этом позаботятся его подлинные хозяева буйуры.

Подобно великому волшебнику из страны Оз, манипулирующему рычагами из-за занавеса, буйуры с помощью своей высочайшей технологии будут поставлять чудеса. Вам нужны драконы? Они с помощью генной инженерии создадут их. Тайные фабрики будут создавать морских чудовищ и кислотнодышащих чужаков, всегда готовых к битве.

Это будет галактика, управляемая волшебниками, мастерами спецэффектов! Вечный парк чудес, обитатели которого пользуются волшебными заклинаниями, вместо того чтобы изобретать и собирать то, что им нужно. Колдуны и монархи заменят скучных законодателей, порыв вытеснит расчет, а списки тайных имен встанут на место физики.

И потомки наши не станут задавать слишком много вопросов и не посмеют отдернуть занавес, чтобы выставить волшебника из страны Оз на всеобщее обозрение. Те, кто попытается это сделать, не будут иметь потомков!

Окруженные искусными махинациями, люди со временем забудут о существовании законов природы.

Они будут процветать в ярких вымышленных королевствах, вечно выступать в героические походы, триумфально возвращаться из них или храбро умирать... но никогда не станут спрашивать почему.

Ткетт размышлял об этом, заполняя окружающую воду всплесками и сонарным щелканьем. Чиссис, которая большую часть сложного объяснения г'кека не поняла, раскачивалась поблизости в такт мыслям Ткетта.

Наконец он решил, что понял подлинный смысл предложения.

Ткетт подплыл к хрустальному кубу, подняв один глаз так, что он стал вровень с миниатюрным представителем могучих буйуров.

— Думаю, я понял, что здесь происходит, — сказал он.

— Да? — оживленно спросил маленький

г'кек. — И каково твое мудрое мнение, о друг дельфин? Что ты думаешь о нашем великом плане?

Ткетт высоко поднял голову, взбив воду и испустив громкий хохот из дыхала. В то же время его щелкающий лоб выпустил сардоническую хайку тринари:

Иногда болезненные натуры
Создают своими узкими мозгами
Истинно глупые шутки!

Некоторые аспекты предложения очень неприятны, как, например, самодовольное и вечное превосходство буйуров в грядущем мире. Однако Пипоу испытывала искушение.

В конце концов, что ждет нас здесь, на Джиджо? Рабство у джофуров? Или убежище в благословенной тупости, которое обещают мудрецы, если мы последуем так называемым Путем Искупления? Разве это предложение — не чудесный выход, позволяющий отказаться от выбора между двумя этими в равной степени нежелательными судьбами?

Она попыталась забыть о своих опасениях, сосредоточившись на преимуществах плана буйуров. А их, этих преимуществ, много. Например, жизнь в космосе, где скрытая технология

исправляет ошибки природы. Разве не жестоко со стороны Творца создать Вселенную, в которой не исполняются самые пылкие желания? Вселенную, в которой на молитвы получают ответ только в глубине души? Ведь план буйуров усовершенствует эту Вселенную для миллиардов и триллионов. Для всех обитателей галактических цивилизаций. Трудно охватить великодушие таких размеров.

Она сопоставила это честолюбивое предложение с культурой, которая ожидает выживших членов экипажа «Стремительного», если им удастся вернуться домой, в четыре галактики, где мириады соперничающих раздражительных и капризных рас бесконечно ссорятся друг с другом. Слишком полагаясь на древнюю Библиотеку развитых технологий, они редко создают что-нибудь истинно новое. И самое главное — в этом мире стремления индивида всегда подчиняются потребностям нации, расы, клана или философии.

И с этой точки зрения будущее, предлагаемое буйурами, выглядит предпочтительней.

Какая-то часть сознания продолжала настаивать: Это наша единственная возможность. Что, если мы найдем альтернативу этому превращению в односторонних…

Пипоу яростно отбросила это сомнение, убрала в самые далекие отделы сознания.

— Я хотела бы узнать больше, — сказала она серому колдуну. — Как насчет моих товарищей? Остальных дельфинов, живущих на Джиджо? Разве они вам не нужны?

— Нужны, чтобы создать генетически разнообразную колонию, — согласился представитель буйуров. — Если ты согласишься присоединиться к нам, мы попросим тебя вначале попытаться убедить остальных.

— Просто из любопытства: а что будет, если я откажусь? Колдун пожал плечами.

— Твоя жизнь будет продолжаться, как раньше, так, словно ты никогда с нами не встречалась. Мы полностью сотрем из твоей памяти воспоминания об этом посещении, и тебя отправят домой. Позже, когда у нас будет возможность усилить наше предложение, мы пошлем в вашу стаю своих представителей. Но ты услышишь наше предложение словно в первый раз.

— Понятно. И опять — у тех, кто откажется, воспоминания будут стерты... до следующего вашего возвращения. Похоже, вы оставляете за собой большие преимущества в наборе новообращенных.

— Может быть. Тем не менее мы никого не заставляем присоединиться к нам вопреки своему желанию. — Маленький человек улыбнулся. — Так каков твой ответ? Поможешь передать послание твоим товарищам? Мы чувствуем, что ты нас понимаешь и симпатизируешь нашим попыткам создать лучший мир. Поможешь обогатить Великое Блюдо Объединенных Рас деликатесным дельфиньим привкусом?

Пипоу кивнула:

— Я передам ваше послание остальным.

— Отлично! На самом деле ты уже начала, даже не выходя за пределы нашего поселения. Могу тебе сообщить, что двое твоих соотечественников находятся на борту одного из соседних судов... кажется, эти двое с трудом способны оценить чудеса предлагаемой нами жизни.

— Неужели Заки и Мопол! — Пипоу оттолкнулась спинными плавниками и нервно защелкала. Она не хочет иметь с ними ничего общего.

— Нет, нет, — успокоил ее волшебник. — Пожалуйста, подожди немного спокойно, мы откроем канал между судами, и ты сама увидишь.

ТКЕТТ

— Здравствуй, Пипоу, — обратился он к возникшему впереди изображению. — Я рад, что ты хорошо выглядишь. Мы все очень беспокоились о тебе. Но, увидев Мопола и Заки, я понял, что ты должна быть где-то поблизости.

На голограмме видна была стройная молодая самка дельфина; выглядела она действительно прекрасно, хотя и казалась слегка уставшей; ее бассейн окружали джунгли, на берегу виднелся миниатюрный замок. Ткетт мог бы многое сказать о стиле «эксперимента» на борту именно этого корабля, просто наблюдая за толпой собравшихся на берегу туземцев. Некоторые были одеты как рыцари в доспехах, они сидели верхом на конях, а крестьяне в живописных нарядах снимали шляпы, приветствуя проезжающих дам и господ. Совсем другой подход, чем тот, что в этом корабле со свисающими хрустальными плодами — полупрозрачными обиталищами, в котором каждый погружен в виртуальную реальность.

Но базовый принцип тот же самый.

— Привет, Ткетт, — ответила Пипоу. — Это Чиссис с тобой? У вас обоих все в порядке?

— Вполне, я думаю. Хотя чувствую себя героем какого-то глупого патерналистского розы…

— Разве это не замечательно? — прервала Пипоу, не давая Ткетту закончить. — Мечтатели многие века создавали свои утопии. Но эта действительно р-р-работает!

Ткетт удивленно смотрел на нее, не в силах поверить собственным ушам.

— Неужели? — спросил он. — А как же свободная воля? Буйуры предоставят все, что тебе нужно.

— А как же истина?

— Существует много истин, Ткетт. Бесчисленное количество субъективных интерпретаций, которые расцветут в будущем, заполненном потрясающим разнообразием.

— Вот именно — субъективных! Это древнее и п-п-п-пре-зренное искажение слова «истина», как тебе отлично известно. Разнообразие замечательно, конечно. Действительно, может существовать много культур, много форм искусства, даже много стилей мудрости. Но истина в том, чтобы найти то, что реально, что в данных условиях повторяется и поддается проверке, нравится тебе это или нет.

Пипоу пренебрежительно фыркнула.

— А в чем же здесь забава?

— Жизнь предназначена не для забавы и не для того, чтобы получать что хочешь. — Ткетт чувствовал, что у него выворачивает внутренности и в пищеводе появляется горькая желчь. — Пипоу, есть такое понятие — взросление! Это значит постигать, как на самом деле устроен мир, вопреки тому, что ты о нем думаешь. Объективность означает, что я принимаю утверждение: Вселенная не вращается вокруг меня.

Иными словами, жизнь — это ограничения.

— Которые преодолеваются с помощью знаний! С помощью новых инструментов и умений.

Инструментов, сделанных из мертвой материи, сконструированных компьютерами, произведенных в огромных количествах и проданных в магазинах.

— Да! Комитеты, группы, организации и предприятия — все это состоит из индивидов, которым приходится ежедневно подавлять свое эго, чтобы сотрудничать с другими людьми, и идти при этом на бесчисленные компромиссы. В детских фантазиях все совсем по-другому. Не это мы храним в глубине души, Пипоу. Я это знаю! Но именно взрослые и приводят мир в движение.

— И что плохого в том, чтобы купить чудо в

магазине? Мы принимаем как должное чудеса, за которые наши предки отдали бы свои плавники. Разве не этого они хотели для нас? Ты предпочитаешь мир, в котором все лучшее предназначено для колдунов и королей?

Ткетт почувствовал резкий толчок в бок. Боль заставила его повернуться, хотя он был по-прежнему очень сердит и слегка сбит с толку.

— В чем дело? — резко спросил он у Чиссис, хотя знал, что маленькая самка не сможет ему ответить.

Она попятилась от его мощного корпуса и гнева и приняла положение покорности, опустив рыло. Но из ее лба послышался краткий всплеск ядовитого праймала:

#дурак дурак дурак дурак

#дурак продолжает говорить по-человечески

#а море старается научитъ#

Ткетт замигал. Чиссис выразила свою мысль очень ясно. Похоже на детское стихотворение-дразнилку тринари, которой его научила в детстве мать.

С огромным трудом взяв себя в руки, он заставил себя задуматься.

А море старается научить…

Это обычный для дельфинов оборот речи, означающий, что нужно заглянуть под поверхность, открыть скрытое значение.

Ткетт снова повернулся к голограмме, сожалея, что она создана существами, слишком полагающимися на зрение и не обращающими внимание на тонкости звуковой трансмиссии.

Подумай об этом, Ткетт, продолжала Пипоу, словно их разговор и не прерывался. Дома мы, дельфины, самая молодая разумная раса бедного презираемого клана, и нам постоянно угрожает опасность быть завоеванными или уничтоженными. Теперь же нам предлагают положение наверху нового пантеона, выше только сами буйуры.

Больше того, мы как раз для этого подходим! Подумай о том, как чувства дельфинов способны расширить возможности колдовства. Наши основанные на звуках сны и картины воображения. Наше любопытство и бесстрашное стремление к приключениям. И это только намек на возможности, которые могут перед нами открыться…

Ткетт сосредоточился на изменчивом фоне. На меняющихся импульсах, стонах и щелканьях, которые создают среду речи каждого дельфина.

Вначале кажется, что Пипоу испускает самую обычную смесь сонарных и создаваемых дыхалом призвуков.

Потом он различил одну-единственную фразу на праймале... вплетенную в логическую ткань разумной речи:

#спи об этом спи об этом спи об этом спи об этом#

Вначале смысл фразы ускользал от него. Казалось, он подкрепляет остальные аргументы Пипоу. Так зачем делать из него секрет?

Но тут он догадался о другом значении. О чем-то таком, о чем не подумали даже могущественные буйуры.

ПИПОУ

Отплытие из подводного поселения было гораздо веселым и живописным, чем прибытие.

Над головой летали драконы, изрыгая языки пламени, но воспринимались они очень дружелюбно. Целые флоты кораблей, начиная от каноэ и кончая украшенными драгоценными камнями галерами, на которых трудились потные гребцы, сопровождали ее из бассейна в бассейн. На берегу местные колдуны разыгрывали в ее честь грандиозные спектакли — к испугу и благоговейному восторгу зрителей. А Пипоу плыла мимо рыбьих стай, чья чешуя казалась неестественно яркой.

Смешение культур шести рас создало необыкновенное разнообразие, и каждая деревня поражала уникальностью своего архитектурного стиля. Создавалось общее впечатление гордости и яростного соперничества. Однако сегодня все распри, все раздоры, героические поиски и благородные кампании — все это было забыто, чтобы можно было посмотреть на нее.

— Видишь, как мы предчувствуем успех твоей миссии, — заметил серый колдун, когда они достигли последнего помещения. В космическом

корабле здесь много места занял бы шлюз, холодный и металлический. Но здесь, когда открылась огромная пасть, неожиданно впуская ветер и солнечный свет, почувствовалась жизнь.

Очень любезно с их стороны, что они поднялись на поверхность, избавив меня от неудобств подъема из бездны.

— Передай другим дельфинам, что их ждет радость! — крикнул вслед Пипоу маленький маг, когда она через раскрытые челюсти выплывала к свету. — Расскажи им о яркости и приключениях! Скоро дни экспериментов кончатся, и все это примет полный размер, и вся Вселенная будет нашим домом!

Пипоу растопырила плавники, тормозя, и оглянулась на маленькую фигуру с широко распростертыми руками; послушные живые существа образовали вокруг ее головы светящийся нимб.

— Обязательно скажу, — заверила она.

Пипоу повернулась и углубилась в холодное море, устремляясь к утренней встрече.

ТКЕТТ

Он пришел в себя и с удивлением обнаружил, что плывет на полной скорости, прыгая и ныряя под широкие океанские волны, ритмично и мощно работая плавниками.

В других обстоятельствах пробуждение в стремительном движении могло бы сбить с толку. Но с обоих боков Ткетта плыли два дельфина, абсолютно синхронно повторяя каждый его прыжок и нырок. Это позволяло ему буквально спать на плаву.

Как долго это продолжается?

Он не знал. Похоже, час или два. А может, и дольше.

За собой Ткетт слышал низкое гудение двигателя саней, следовавших за тремя дельфинами на автопилоте.

Почему мы не пользуемся санями? удивился он. В крайнем случае три дельфина входят в рубку. И тогда они быстрее добрались бы до Маканай и доложили…

Он вынырнул, выдыхая затхлый воздух и вдыхая свежий, совершая каждое движение с безупречным совершенством, в то время как мозг

его работал в необычном смятении.

…доложили бы, что Мопол и Заки мертвы.

Мы нашли Пипоу живой и здоровой, она плыла в открытом океане.

А что касается звуков «двигателя», который мы должны были исследовать…

Ткетт был почему-то уверен, что за этим скрывается какая-то история. История, которую позже объяснит Пипоу. Когда решит, что настало время.

Нечто удивительное, процитировал он, сам не понимая откуда. Словно ниоткуда устремлялся поток энергии, готовя Ткетта к восприятию, когда Пипоу сообщит дельфинам хорошую новость.

Он сам не понимал, откуда знает это, но был уверен, что за ними следуют не только сани.

— Добро пожаловать в мир живых, — приветствовала его Пипоу на сжатом подводном англике после очередного выныривания.

— Спасибо... что-то я не очень соображаю.

— Что ж, неудивительно. Ты очень долго полуспал. Можно сказать, что ты полупроспал нечто очень важное.

Что-то в ее словах зажгло в нем яркую искру — подействовало, как отключенный предохранитель, нарушив плавное скольжение Ткетта

в воде. Он вошел в воду под неверным углом и болезненно ударился мордой. Потребовались немалые усилия, чтобы снова занять место между двумя самками и двинуться в ритме группы.

Я... спал. Я проспал.

Вернее, проспала только половина его.

И он начинал постепенно понимать, почему это так важно.

В цивилизации пяти галактик очень мало разумных, живущих в воде, думал он, потянув за одну из ниточек, соткавших покрывало его спокойствия. Думаю, буйуры никогда и не догадывались...

В черепе слева направо прокатилась волна боли, словно часть мозга, до сих пор затекшая, внезапно ожила.

Буйуры! Мгновенно хлынули воспоминания. Хлынули неровным потоком.

Начиная свой эксперимент, они не рассчитывали на расу водоплавающих. Они слишком много времена провели на океанском дне. У них не было возможности изучить нас. Подготовиться к встрече.

И в особенности они не учли, как работает мозг китообразных.

Дышащее воздухом животное, живущее в воде,

сталкивается с особой проблемой. Даже после миллиона лет эволюции в водной среде дельфинам постоянно грозит опасность утонуть. Поэтому сон для них далеко не простая задача.

Они решили эту задачу так: полушария мозга дельфина спят по очереди.

Подобно людям, дельфины обладают сложной внутренней жизнью, их психика состоит из множества временных или постоянных подличностей, которые должны уживаться друг с другом в пределах одной личности. Этот союз стал еще более проблематичным, когда люди — генные инженеры — стали превращать невозделанных дельфинов в разумную расу. В противопоставлении полушарий сосредоточено особенно много трудностей и проблем, включая сложнейшие беседы и согласования двух половинок.

Но иногда это оказывается преимуществом.

То полушарие, которое знало о буйурах — оно спало, когда на другое полушарие была наложена амнезия, — обладало гораздо меньшими языковыми способностями. Поэтому вначале удалось выразить в словесном виде только некоторые концепции. Ткетту приходилось повторять зрительные и звуковые образы, объединяя и экстраполируя их, поддерживая сложный обмен

вопросами между двумя половинами самого себя.

Это дало ему более глубокое проникновение в проблему и позволило по-настоящему оценить таких, как Чиссис. Я был бесчувственным ублюдком, понял Ткетт. Эта мысль выразилась в виде невысказанного извинения в сонарных эхо. И когда в следующий раз они одновременно взвились в воздух, Чиссис коснулась его боком. В этом прикосновении было прощение.

— Итак, — заметила Пипоу, когда прошло достаточно времени и мысли Ткетта обрели четкость, — мы договорились, что скажем Маканай?

Ткетт собрался с решимостью.

— Мы расскажем ей все... и еще кое-что! Чиссис согласилась с этим.

#Скажите им скажите им
#Насмешники над чудищами
#Обещают все что угодно
#Но отбирают свободу!#

Ткетт фыркнул. Какая элегантность тринари в этом всплеске праймала, созданном маленькой самкой, она напоминает экспрессивность поэта и исследователя; такой была Чиссис до того, как три года в аду на борту «Стремительного» приве-

ли ее к регрессу. Кажется, один уголок начинает поворачиваться в противоположном направлении. Может быть, это только вопрос времени и постепенно все члены экипажа вернутся к полному разуму... и ко всем тревогам, которые связаны с этой радостью.

— Что ж, — заметила Пипоу, — с какой-то точки зрения буйуры предлагают нам даже больше свободы. Наши потомки имели бы обширный круг личных выборов. У них было бы больше возможностей осуществить свои желания. Больше мечтаний осуществилось бы.

— Но в виде фантазий и эскапизма, — отозвался Ткетт. — Буйуры превратили бы всех в эготистов... в солипсистов! В реальном мире приходится расти постепенно и учиться общаться с окружающими. Встраиваться в культуру. Уметь быть членом команды, становиться партнером. Ифни, какие усилия требуются для хорошего брака! Очень тяжелая работа и множество компромиссов, и все это приводит к результатам, которые каждый в отдельности не мог себе даже представить!

Пипоу коротко удивленно свистнула.

— Ай да Ткетт! Мне кажется, ты в своем пуританском, с плотно закрытыми клапанами стиле

— романтик.

Чиссис присоединилась к мягкому дразнящему смеху Пипоу, так что он стереофонически доносился с обеих сторон. Человек в таком положении покраснел бы. Но дельфины не могут скрыть свои эмоции друг от друга и редко пытаются это сделать.

— Серьезно, — продолжал Ткетт. — Я буду сражаться с буйурами, потому что они намерены бесконечно держать нас в детском манеже, лишая права взрослеть и ,самим постигать устройство Вселенной. Магия, возможно, романтичней науки. Но наука честна... и она действует.

— А ты, Пипоу? Ты почему?

Последовала долгая пауза. Потом Пипоу ответила с поразительной злостью:

— Терпеть не могу все это королевско-волшебное дерьмо! Неужели кто-то должен править, потому что его отец был помпезным правителем? Неужели все птицы, рыбы и звери должны повиноваться тебе только потому, что ты знаешь тайные слова и не желаешь делиться ими с остальными? Или потому, что у тебя громкий голос, а твой эготизм сильней, чем у остальных?

— На Земле мы боролись за то, чтобы освободиться от таких нелепых представлений... или

люди по крайней мере боролись. Они никогда не помогли бы нам, дельфинам, подняться к звездам, если бы предварительно не порвали с такими дурацкими представлениями.

— Хочешь знать, почему я буду сражаться с буйурами, Ткетт? Потому что там место для Молола и Заки. Один из них сейчас воображает себя суперменом, а другой — морским царем.

Три дельфина плыли молча, а Ткетт размышлял, что означает их решение. По всей вероятности, сопротивление окажется тщетным. Ведь буйуры невообразимо могущественны, да и готовились полмиллиона лет. И предложение их заставляет померкнуть все предыдущие искушения. Среди шести рас на берегу — да и в маленькой колонии дельфинов — многие предпочтут принять это предложение и станут помогать принудительно делать новый мир полным волшебных чудес.

У нас никогда не было такого врага, понял Ткетт. Такого, который пользуется нашей величайшей слабостью, предлагая осуществить все наши мечты.

Конечно, одну возможность они не стали обсуждать. Может быть, они видели только поверхностный слой гораздо более сложного плана... может быть, исключительно длинного и

абсолютно несмешного розыгрыша.

Не важно, думал Ткетт. В любом случае нам нужно сражаться, иначе мы никогда не станем достаточно сильными и мудрыми, чтобы «понять» шутку. И никогда не сможем отплатить буйурам чем-то подобным. Не сможем, если они будут контролировать нас тайными рычагами, как волшебник из страны Оз.

На какое-то время их охватило настроение мрачной безнадежности. Все молчали, но сонарные пощелкивания всех троих объединялись и растворялись вдалеке. Возвращавшееся эхо словно приносило подтверждение моря о серьезности их положения.

Никаких шансов. Но все равно — удачи!

Наконец маленькая Чиссис прервала мрачное молчание: весь последний час она напряженно сочиняла собственный философский глиф тринари.

В каком-то смысле это было предуведомление: она готова вернуться к трудностям разумности.

В то же время глиф представлял собой ее манифест. Оказывается, у нее была другая причина бороться с буйурами. Причина, которую не выразили Пипоу и Ткетт, хотя у них она вызвала глубокий отклик.

И неясные туманы мечты,

И ослепительно яркое сияние дня

Предоставляют сокровища ищущему,

Дают возможность бесценных вдохновений.

Одно дает открытое, честное знание

И мастерство, творящее чудеса.

Но другое (столь же необходимое)

Переполняет душу и заставляет биться сердце.

Зачем нам их эрзац-магия?

Зачем нам их вымышленные чудеса?

Бог и Ифни создали космос.

Он полон чудес... давайте жить ради них!

Пипоу восхищенно вздохнула:

— Я не могла бы сказать лучше. К черту старых уродливых лягушек! Мы создадим свою магию!

Они устали, и солнце уже уходило за горизонт, когда увидели вдали очертания берега и уловили дельфинью болтовню. Но трое продолжали быстрое движение в шелковых водах Джиджо.

Несмотря на все свидетельства логики и чувств,

день по-прежнему казался утром.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я редко пишу две научно ориентированные «космические» книги подряд. Есть так много возможностей, так много декораций для рассказов, и мне нравится чередовать более «взрослые» романы с такими, где действие происходит на земле в почти вероятном будущем. Тем не менее моя серия романов о Возвышении, действие которых происходит в далеком будущем, оказалась достаточно популярна, что заставило меня недавно написать трилогию: «Риф Яркости», «Край бесконечности», «Небесные просторы». Вместе с тремя более ранними романами — «Прыжок в Солнце», «Звездный прилив» и «Война за Возвышение» — они рассказывают о многочисленных приключениях в гордом незабываемом стиле космической оперы... хотя я надеюсь, что к энергии и фантастическому порыву примешиваются и некоторые мысли.

На одном уровне в этих книгах рассматриваются моральные, научные и эмоциональные следствия «Возвышения» — попытки с помощью генетической инженерии ввести высших животных в нашу цивилизацию, придав им

человеческие мыслительные способности. Этой концепции касались многие другие авторы (например, Г.Д. Уэллс, Пьер Буль, Мэри Шелли и Кордвайнер Смит), но все они подходили с одной стороны, полагая, что этот процесс приводит к печальным результатам: люди, наделяющие животных этим даром, сами безумны и заканчивают установлением грубых взаимоотношений «хозяин-раб» со своими созданиями.

Конечно, таков один из возможных (и презренных) исходов. В этих произведениях здоровая мораль. Но такой подход полностью выработан, поэтому я выбрал другой. Что, если когда-нибудь человек, ведя животных к разуму — а я верю, что когда-нибудь это осуществится, — будет руководствоваться моралью современного либерального общества? Исполненные возвышенной гипертерпимостью и насыщенной чувством вины тревогой, неужели мы сможем погубить своих клиентов добротой? Гораздо важнее то, что этот новый вид разумных существ столкнется с собственными реальными проблемами, даже если с ним будут хорошо обращаться. Приспособление будет тяжелым. Чтобы вызвать симпатию к тяжелой борьбе новых существ, совсем не обязательно изображать их рабство.

Когда я обдумывал концепцию Возвышения, мне пришло в голову, какой она может показаться чуждым существам, которые многие эпохи уже странствуют меж звезд, встречая бесчисленные предразумные жизненные формы и давая каждой из них толчок, создавая новые поколения звездных путешественников, которые то же самое Проделают с другими, и так далее. В результате возникла поразившая меня картина гигантской галактической культуры. Такая культура имеет огромные преимущества, но, возможно, склонна к своего рода культурному консерватизму — одержимости прошлым. Теперь предположим, что с этой обширной древней культурой сталкивается молодой клан землян, не только людей, но также дельфинов и шимпов. Как встретят новичков? Как будут с ними обращаться? И как будем реагировать мы?

В очень многих фантастических сюжетах предполагается необъяснимое состояние нарушения равновесия; люди неожиданно сталкиваются с чужаками, которые находятся как раз на нужном уровне развития, чтобы стать интересными соперниками или чужаками. Но на самом деле обычным состоянием будет состояние равновесия — равновесия закона и, может быть, смерти.

Мы можем оказаться Первой Расой, как рассматривается в моем рассказе «Хрустальная сфера», или поздними пришельцами, как изображено в серии «Возвышение». Но в любом случае мы вряд ли встретимся с чужаками как с равными.

Моим вторым мотивом при создании этой серии была экология. То, что мы сейчас делаем на Земле, заставляет меня опасаться, что в галактике уже могут существовать районы «лесных пожаров» — экологических катастроф. Обычный фантастический сюжет изображает смелых поселенцев, кричащих: «Давайте завоюем Вселенную!» Дикий фронтир — весьма многообещающий образ, но безрассудное распространение может в считанные годы создать экопустыни. Если так уже случалось в прошлом, это могло бы объяснить, почему ученые не слышат в галактике ничьих голосов. Такого развития события можно было бы избежать, если бы что-то регулировало порядок освоения планет колонистами, заставляя их учитывать долговременные последствия. Вселенная Возвышения представляет одну возможность, как это могло бы происходить. Несмотря на всю свою непостижимость и временами отвратительность, мои галакты на первое место ставят сохранение планет, поселений и

потенциала новой разумной жизни. В результате возникает шумная, драчливая Вселенная, однако заполненная многообразием, которого в противном случае не было бы.

Конечно, очень интересной была задача проникновения в головы шимпов и неодельфинов. Концепция Возвышения предоставляет автору почти неограниченные возможности. Если характеры кажутся излишне человеческими, то это естественный результат генетического и культурного воздействия, которое потребовалось, чтобы сделать их членами земной культуры. Но с этой безопасной почвы я продолжал свои исследования, обратившись к более древним и естественным инстинктам приматов и китообразных, одновременно облагораживающим и таким, которые могут привести в смущение гордого человека — так призрак древней дочеловечности иногда тревожит мужчин и женщин современной эры. В неодельфинах я в особенности старался объединить последние научные данные о моделях познания, свойственных китообразным, с моими собственными воображаемыми экстраполяциями их «культурной» и эмоциональной жизни.

Наконец, подобно любому хорошему сюже-

ту, каждый роман о Возвышении имеет дело с борьбой добра и зла — или с неясной областью между этими двумя понятиями. Одна из концепций, которые я рассматривал в последнее время, заключается в коварном и высокомерном, но одновременно очень распространенном предположении, что слова важнее действий.

Столетиями идет спор между теми, кто верит, что идеи в своей сути опасны и пагубны, и теми, с другой стороны, кто считает, что мы можем вырастить из смелых детей зрелых взрослых, способных критически воспринимать и оценивать каждую идею с ее достоинствами и недостатками. Даже сегодня существуют политические течения, которые полагают, что некая элита (правая или левая) должна защищать массы от опасных образов и впечатлений. Те же самые люди часто учат, что «подумать о чем-то то же самое, что сделать это».

Очевидна связь с этим возрождения «волшебства» в фантастической литературе. Главные герои, обладающие магическими способностями, всегда лучше, сильнее и могущественнее других — не потому, что заслужили этот статус с помощью подготовки, стараний, споров, но потому, что некая истинно волшебная сила или

власть поставила их выше остальных. В таких фантастических обществах сила либо наследуется, либо коренится во всепоглощающем эго сверхчеловека, в его способности все подчинять своей воле. С презрением отвергаются или забываются объединенные усилия профессионалов, которые принесли в этом столетии подлинные чудеса науки и свободы. Те, кто способен создавать волшебные слова, изображаются более могущественными, чем те, кто способен на дела, особенно если эти слова тайные, могущественные и, конечно, не подлежащие передаче простым невежественным крестьянам. Такой тип литературы отвергает принцип равенства западной цивилизации, обращаясь к более древним традициям, которые восхваляли и оправдывали власть элиты над народом.

В моем рассказе «Искушение» — ответвлении от сюжета «Края бесконечности» — мы сталкиваемся с древним зловредным представлением, с вечным искушением мысли, осуществляющей желания. Дельфины приходят к выводу, что можно объединить науку и искусство. Мы можем объединить честность с экстравагантным самовыражением. Мы не ограниченные существа.

Но до настоящего времени огромный вред

причиняют те, кто считает, что главное — принуждение.

Не все субъективно. Главное — то, что в реальности. Главное — это истина. Это по-прежнему слово, обладающее глубоким смыслом.

Дэвид Брин

Почтальон

Посвящается Бенджамину Франклину, хитроумному гению, и Лисистрате, которая пыталась...

Прелюдия. Тринадцатилетняя оттепель.

По-прежнему пронзительно выли ветры. И все так же выпадал снег вперемешку с пылью. Однако древнему Океану некуда было спешить.

Земля шесть тысяч раз обернулась вокруг своей оси с тех пор, как взметнувшееся ввысь пламя испепелило города. Теперь, спустя шестнадцать лет, обратившиеся в пепел леса не исходили уже облаками дыма, превращавшими день в ночь.

Шесть тысяч раз озаряли землю ярко-оранжевые рассветы, обязанные своим великолепием тысячам и тысячам тонн пыли, в которую превратилась поднятая стенным смерчем в стратосферу горная порода и плодородный слой почвы. Атмосфера стала пропускать меньше солнечного света и охлаждалась все больше.

Теперь уже в общем-то не имело значения, что было всему причиной — падение гигантского метеорита, извержение чудовищного вулкана или ядерная война. Привычный режим

температур и атмосферного давления нарушился, и это породило ураганные ветры.

Север укутало закопченными снегами, которые кое-где не таяли даже летом.

Один лишь Океан, неподвластный времени, упорно не замечал происходящего. Мгла нехотя рассеивалась. На рассеете Океан, растревоженный бурей, поднимал сердитый рев. А мелководные моря цепенели, скованные непробиваемыми льдами.

Однако последнее слово оставалось за Океаном, и оно еще не было произнесено.

Земля не прекратила своего вращения. Там и с ям уцепившиеся за нее люди продолжали бороться за жизнь.

От Океана веяло ледяным дыханием, снова предвещающим зиму.

Часть первая. Каскадные горы.
1

Сознание человека, повергнутого ниц, захлебывающегося кровью и ощущающего острый аромат смерти, способно на странные причуды. Даже проведя половину жизни на краю гибели, в отчаянной борьбе за выживание, Гордон не мог не подивиться цепкости своей памяти, одарившей его давно позабытой картиной, — и именно сейчас, в минуту смертельной опасности!

Отчаянно ловя ртом воздух в высохшей рощице, куда он заполз в поисках укрытия, Гордон неожиданно ясно — яснее, чем зрелище пыльных камней у себя под носом, — вспомнил нечто, являвшее собой разительный контраст с его теперешним состоянием: зал университетской библиотеки в незапамятные времена, тихий дождь за окном, навсегда утраченный безмятежный мир, наполненный книгами, музыкой, беззаботным философствованием на сытый желудок.

И слова на странице.

Пробираясь ползком сквозь плотные заросли папоротника, он почти что видел эти буквы, выведенные черным по белому. Пусть имя автора никак не шло ему на память, сами слова горели перед глазами, как огненные знаки.

"Ничто, помимо самой Смерти, не может именоваться «полным» поражением... Не может быть катастрофы, сокрушительность коей воспрепятствовала бы решительному человеку что-то да выудить из пепла — пусть рискуя всем, что у него или у нее еще осталось...

Нет на свете ничего опаснее отчаявшегося человека".

Гордон был бы не прочь взглянуть сейчас на давно почившего автора этих строк. Вот бы его сюда! Интересно, усмотрел бы он хоть тень величия в такой катастрофе?

Колючие ветви кустарника исцарапали его до крови. Он старался ползти совершенно бесшумно, замирая и плотно зажмуриваясь всякий раз, когда от набившейся в ноздри густой пыли им овладевало желание оглушительно чихнуть. Расстояние, которое ему удалось преодолеть под прикрытием кустарника, было смехотворно маленьким, к тому же он не имел представления, куда, собственно, направляется.

Еще несколько минут назад Гордон роскошествовал, как только может в такие времена роскошествовать одинокий путник. И вот теперь у него не осталось ничего, кроме дырявой рубахи, линялых джинсов да мокасин — причем и это быстро приводилось в негодность колючками.

Каждое новое движение обжигало руки и ноги нестерпимой болью. Однако ему не оставалось ничего другого, кроме как упорно ползти вперед по этим сухим, трескучим джунглям, уповая на то, что выбранный путь не приведет его прямиком в лапы недругов — тех, которые и так уже нанесли ему пожалуй что смертельный удар.

Наконец, когда Гордон уже отчаялся выбраться из кустарника, впереди, в образовавшемся просвете, замаячил скалистый склон. Вырвавшись из плена колючек, он поспешно перевернулся на спину и уставился в мутное небо, готовый возблагодарить провидение уже за то, что вдыхает воздух, не переполненный жаром тления.

«Добро пожаловать в Орегон, — с горечью подумал он. — А я-то думал, что хуже Айдахо ничего не бывает».

Он попытался протереть глаза — пока полз, их запорошило пылью. Возможно, он просто состарился для подобных упражнений. В конце

концов, он уже преодолел рубеж тридцатилетия — следовательно, протянул дольше, чем суждено обычному страннику, пережившему Катастрофу.

«О боже, как бы мне хотелось снова очутиться дома!»

Но он не думал о Миннеаполисе, городе среди прерий. Сегодня прерии обернулись адом, бегство из которого заняло у него более десяти лет. Нет, «дом» означало для Гордона нечто большее, нежели просто определенное место, город, где ему довелось жить.

«Гамбургер, горячая ванна, музыка... зеленка от порезов... Холодное пиво...»

Теперь, совладав с дыханием, он уже мог различать посторонние звуки, и их невозможно было с чем-либо спутать: до его ушей доносился шум, производимый грабителями, орудовавшими на расстоянии сотни футов ниже по склону. Они делили добро Гордона между собой и не могли удержаться от довольного смеха.

«...и парочка дружелюбных полисменов, дежурящих по соседству», — дополнил Гордон каталог прелестей навечно исчезнувшего мира.

Бандиты застали его врасплох, когда он попивал у костра вечерний самбуковый чаек. С первого же взгляда на их разгоряченные физио-

номии Гордону стало ясно, что им ничего не стоит прикончить его на месте. Не став дожидаться, пока они примут соответствующее решение, он плеснул кипятком в лицо самому первому, бородатому, и нырнул в спасительные заросли. Вдогонку прозвучали два выстрела, потом все стихло. Видимо, грабители предпочли не тратить на него драгоценных пуль. Им хватило и его добра. Ведь они воображают, что завладели всем его достоянием...

Осторожно приподнимаясь, Гордон горько усмехнулся. Он долго устраивался на каменном выступе, пока не пришел к убеждению, что его не смогут заметить снизу. Теперь настал момент расстегнуть пояс и, сняв с него наполовину полную флягу, сделать долгий, жадный глоток.

Спасительная паранойя! Ни разу после Светопреставления он не оставлял ремень дальше трех футов от себя. Ремень и оказался единственным предметом, который ему удалось прихватить перед прыжком в заросли.

Темно-серый металл револьвера 38-го калибра поблескивал даже сквозь слой пыли. Гордон извлек его из кобуры, любовно обдул и осторожно проверил. Негромкий щелчок подтвердил, что с механизмом все в порядке. С каким мастерством

изготовлялись такие игрушки в прежней жизни! Даже в науке убивать старый мир достиг совершенства.

«Именно что в науке убивать!» — одернул себя Гордон.

Из-под скалы донесся раскатистый смех.

Обычно он путешествовал с четырьмя патронами в барабане. Сейчас настал момент вытащить из патронташа еще два бесценных патрона. Осторожность при обращении с огнестрельным оружием не была больше его главной заботой, тем более что он не надеялся дожить до рассвета.

«Шестнадцать лет погони за мечтой... — размышлял Гордон. — Сперва бесконечная, заранее обреченная на поражение борьба с непосредственными последствиями катастрофы, затем судорожные попытки выжить в Трехлетнюю зиму, а потом более десяти лет беспрерывных скитаний, шарахания от эпидемий, бегства от голода, сражений с проклятыми холнистами и стаями диких псов...» Полжизни он провел, как бродячий менестрель из глубин средневековья, лицедействуя ради куска еды, который позволил бы протянуть еще хоть день, приближающий...

К тому месту, где...

Гордон тряхнул головой. В этих мечтах не

было ни капли новизны. Дурацкие фантазии, лишенные в теперешнем мире права на существование.

«К тому месту, где объявятся люди, способные принять на себя ответственность...»

Дурацкие мечты! Чего бы он ни искал, долгий поиск, похоже, обречен закончиться здесь, сегодня, в иссушенных, холодных горах, в местности, звавшейся когда-то Восточным Орегоном.

По звукам, доносившимся снизу, Гордон определил, что бандиты собирают награбленное, готовясь покинуть место поживы. Густые заросли колючего кустарника заставляли его вслепую строить догадки, однако вскоре из-за сосен выступил коренастый человек в выцветшей куртке; путь его лежал на северо-восток, дальше по тропе, сбегающей по склону.

Одеяние коренастого подтвердило впечатление, возникшее у Гордона в те несколько секунд, что он видел своих обидчиков. По крайней мере они не были облачены в воинский камуфляж, по которому можно безошибочно узнать «мастеров выживания» — последователей Холна.

Обыкновенные, заурядные грабители, чтоб им изжариться в аду! Раз так, у него появилась отчаянная надежда, что только что зародившийся

в голове план имеет толику шансов на успех. Малую толику...

На бедрах первого бандита болталась принадлежавшая Гордону всепогодная куртка-ветровка. В правой руке он нес тяжелый дробовик, которым Гордон разжился еще в Монтане.

— Пошевеливайтесь! — крикнул бородатый, оборачиваясь. — Хватит восторгов! Собирайте барахло, и вперед!

«Вожак», — догадался Гордон.

Вторая личность — еще более низкорослая и обтрепанная, отягощенная рюкзаком и винтовкой, торопилась следом за бородатым.

— Тьфу ты, ну и тяжесть! Это дело надо будет отпраздновать. Принесем все и будем королями, верно, Джэс? — Низкорослый скакал на месте, как птичка. — Представляю себе, как выпучат глаза Шеба и остальные девчонки, когда мы расскажем им, какого кролика спугнули! Надо же, драпануть с этакой прытью! — Он хихикнул.

Гордон нахмурился: обобрали и вдобавок оскорбили. Повсюду, где ему довелось побывать, он сталкивался с одним и тем же — бессердечием, поразившим людей после Катастрофы. Сам он так и не сумел с этим освоиться. Пригнувшись, Гордон набрал в легкие побольше воздуха и про-

кричал:

— Не советовал бы тебе рассчитывать на выпивку, братец Медведь! — Волнение сделало голос более пронзительным, чем ему хотелось. Что ж, тут он бессилен.

Коренастый мешком рухнул в пыль и отчаянно заработал локтями, стремительно отползая за ствол ближайшего дерева. Тощий грабитель, наоборот, задрал голову.

— Что такое? Кто это там?..

Гордон почувствовал облегчение. Их поведение подтвердило: эти мерзавцы — никакие не «мастера выживания», тем более не холнисты. В противном случае они бы давно его прикончили.

Остальные бандиты — всего Гордон насчитал пятерых — поспешили вниз, таща награбленное.

— Ложись! — скомандовал вожак из укрытия. Тощий спохватился, что торчит на виду, и поспешно присоединился к сообщникам, нырнувшим в траву.

Осторожность проявили все, кроме одного — болезненно-бледного человека с запорошенными сединой бакенбардами, выбивающимися из-под горской шляпы. Этот и не подумал прятаться; зажав зубами сосновую иголку, он не сводил глаз

с кустарника.

— По какому поводу переполох? — беззаботно спросил он. — Мы застали его почти в исподнем. У нас его дробовик. Давайте узнаем, чего он хочет.

Гордон пока не осмеливался толком выглянуть и получше присмотреться, однако не мог не отметить, как манерно тянет слова Седой. Он был единственным чисто выбритым членом шайки, кроме того, одежда его поражала чистотой и ухоженностью.

Повинуясь ворчанию вожака, Седой, пожав плечами, отступил за раздвоенную сосенку.

— Вы меня слышите, мистер Кролик? — продолжил он беседу. — Сожалею, что вы поторопились исчезнуть и не пригласили нас попить чайку. Впрочем, зная, как обходятся с чужаками Джэс и Малыш Уолли, я не склонен осуждать вас за прыткость.

— Вы меня слышите, мистер Кролик? — продолжил он беседу. — Сожалею, что вы поторопились исчезнуть и не пригласили нас попить чайку. Впрочем, зная, как обходятся с чужаками Джэс и Малыш Уолли, я не склонен осуждать вас за прыткость.

Гордон был далек от того, чтобы клюнуть на удочку показного добродушия, однако счел воз-

можным снова подать голос:

— Я так и рассудил. Благодарю за понимание моих обстоятельств, не позволивших мне проявить должное гостеприимство. Между прочим, с кем я имею честь беседовать?

Седой широко улыбнулся.

— Как видно, нам посчастливилось встретить образованного человека. Весьма рад! Давненько не слыхивал культурной речи. — Он учтиво стянул с головы шляпу и поклонился. — К вашим услугам: Роджер Эверетт Септен, в былые времена — член рядовой биржи Тихоокеанского побережья, а ныне — один из ограбивших вас. Что касается моих коллег...

Кусты заходили ходуном. Септен выслушал замечания коллег и пожал плечами.

— Увы, — прокричал он Гордону. — При нормальных обстоятельствах я бы не устоял перед соблазном содержательной беседы; уверен, вы соскучились по общению не меньше моего. На беду, предводитель нашего скромного братства головорезов настаивает, чтобы я узнал, чего вам угодно, и закруглялся. Так что выкладывайте, мистер Кролик. Мы внимательно слушаем.

Гордон мотнул головой. Собеседник определенно гордился своим юмором, однако юморок был

на самом деле третьесортным, даже по теперешним стандартам.

— Как я заметил, вы прихватили не все мое снаряжение. Ух не решили ли вы ограничиться только тем, что вам необходимо, оставив вещи, без которых мне не выжить?

Из кустов донеслось издевательское хихиканье, превратившееся в какой-то лягушачий хор. Роджер Септен огляделся и беспомощно воздел руки, демонстрируя этом жестом, что уж он-то, по крайней мере, способен оценить иронию, с какой задал свой вопрос Гордон.

— Увы, — ответил он. — А ведь я намекал своим соратникам на такой вариант. К примеру, нашим женщинам могут пригодиться ваши алюминиевые шесты для палатки и каркас для рюкзака, зато сам нейлоновый рюкзак и палатку я предлагал оставить, ибо они нам ни к чему. В некотором смысле мы так и поступили. Не думаю, однако, что повреждения, нанесенные этим предметам Уолли, будут встречены вами с одобрением.

Из кустов снова послышалось мерзкое хихиканье. Гордон приуныл.

— А как насчет моих ботинок? Вы все, как я погляжу, отменно обуты. Неужто они кому-то из вас впору? Оставили бы хотя бы их! Вместе с

курткой и перчатками.

Септен кашлянул.

— Ну да. Главные ваши драгоценности — помимо дробовика, разумеется, который не может служить предметом переговоров.

Гордон сплюнул. «Конечно, идиот! Только трепач говорит об очевидном». До его слуха донесся приглушенный голос вожака, ответом которому было новое хихиканье.

— Мой предводитель спрашивает, что вы способны предложить взамен, — бывший биржевой маклер понуро вздохнул. — Я, разумеется, знаю, что у вас ничего не осталось, но спросить обязан.

На самом деле у Гордона имелось кое-что, способное их заинтересовать: например, компас и швейцарский армейский нож. Однако каковы его шансы остаться в живых, если он согласится на обмен? Не обязательно обладать способностями телепата, чтобы смекнуть: эти негодяи всего лишь потешаются над жертвой.

Гордон задохнулся от ярости; особенно его бесило ложное сострадание, разыгрываемое Септеном. За годы, прошедшие после катастрофы, он не раз становился свидетелем, как у образованных когда-то людей цивилизованные манеры сочетаются со звериной жестокостью. Подобные

субъекты заслуживали большего презрения, нежели те, кто просто опустился, не в силах противостоять восторжествовавшему варварству.

— Послушайте! — крикнул он. — Вам же не нужны эти чертовы башмаки! Как не нужна моя куртка, зубная щетка, блокнот. Эта зона чиста, так зачем вам понадобился мой счетчик Гейгера? Я не настолько глуп, чтобы рассчитывать на возвращение дробовика, но без остального мне совсем крышка, будьте вы прокляты!

Эхо проклятия ринулось вниз по склону, подобно камнепаду; когда оно отзвучало, установилась тишина. Потом раздался хруст кустарника, и вожак поднялся во весь рост. Пренебрежительно плюнув в ту сторону, где, по его мнению, прятался ограбленный, он щелкнул пальцами, требуя внимания остальных.

— Теперь я знаю, что он безоружен, — сказал вожак. Сведя густые брови на переносице, он погрозил кулаком Гордону. — Лучше беги, Кролик, иначе мы спустим с тебя шкуру и зажарим на ужин. — Подхватив дробовик, он повернулся и преспокойно зашагал по тропе. Остальные потянулись за ним, все еще посмеиваясь.

Роджер Септен иронично пожал плечами, потом с улыбочкой подобрал свою долю добычи и

догнал сообщников. Минута — и все скрылись из виду, однако до Гордона еще долго доносилось чье-то радостное посвистывание.

Болван! Как ни слабы были его шансы, теперь он окончательно все испортил, попытавшись воззвать к их разуму и состраданию. В эпоху, когда все решают клыки и когти, к гуманности прибегают только от бессилия. Неуверенность бандитов мигом исчезла, стоило ему по глупости предложить им дележку по справедливости.

Конечно, он мог бы пальнуть из револьвера, потратив бесценный патрон на доказательство того, что с ним следует считаться. Это вынудило бы их отнестись к нему серьезно...

«Почему я не пошел на это? Неужто от страха? Возможно, — признал он. — Вполне вероятно, что уже ночью я подохну от переохлаждения, однако это случится еще через несколько часов, а значит, остается пока абстрактной угрозой, куда менее пугающей, нежели пятеро безжалостных бандитов, вооруженных дробовиком».

Он со злостью ударил по левой ладони кулаком.

«Брось, Гордон! Психоанализом ты займешься на ночь глядя, когда тебя охватит предсмертное оцепенение. Пока же достаточно того вывода,

что ты — первостатейный дурак и тебе грозит скорый конец».

Он неуклюже поднялся и стал осторожно спускаться по склону. Он еще не был готов к отчаянному поступку, однако все больше проникался убеждением, что из постигшего его несчастья может существовать всего один выход, да и тот казался нереальным.

* * *

Выбравшись из рощи, Гордон заторопился к ручью, чтобы освежить лицо и промыть наиболее болезненные порезы. Потные волосы липли ко лбу, царапины ужасно саднило, но ни одна не выглядела достаточно опасной, чтобы заставить его прибегнуть к склянке с йодом, хранившейся в кармашке ремня.

Наполняя флягу водой, он погрузился в раздумья. Кроме револьвера и изодранной одежды, карманного ножа и компаса, при нем остался также миниатюрный набор рыболовных принадлежностей, который мог пригодиться, если бы ему удалось спуститься с гор и добрести до достойного внимания водоема. И, разумеется, десять запасных патронов для револьвера — священные реликвии индустриальной цивилизации.

В самом начале, во время бунтов и великого голода, казалось, что боеприпасов хватит на веки вечные. Если бы на рубеже веков Америка запасала съестное хотя бы с половиной того рвения, с каким ее граждане обзаводились горами патронов, то...

Гордона ждала его разоренная стоянка; ему так не терпелось до нее добраться, что он еще сильнее поранил об острые камни и так поврежденную левую ногу. Как ни прискорбно, приходится признать, что он недалеко уйдет в своих драных мокасинах. А изорванная одежда явно окажется столь же подходящей защитой в ледяную ночь в горах, как слезные мольбы в качестве средства, должного тронуть заскорузлые бандитские сердца.

Полянка, на которой он всего час тому назад разбил лагерь, теперь пустовала, однако хаос, царивший там, оправдывал самые худшие его опасения. Палатка была превращена в груду узких нейлоновых полосок, спальный мешок — в облако гагачьего пуха. Нетронутыми остались лишь тонкий лук, который он недавно вырезал из елового ствола, да моток тетивы из оленьих жил.

Не иначе, они приняли лук за дорожный посох. Спустя шестнадцать лет после того, как огонь

поглотил последний завод, злодеи, ограбившие Гордона, совершенно не учли потенциальной ценности лука с натянутой тетивой в тот недалекий день, когда выйдут последние боеприпасы. Сейчас он воспользовался им как палкой, роясь в мусоре и пытаясь выудить хоть что-то еще.

Невероятно! Они прихватили его дневник! Этот лицемер Септен, наверное, предвкушает, как будет упиваться откровенными страницами во время снегопада, цокая языком над чужими злоключениями и чужой наивностью, в то время как кости автора станут обгладывать пумы и клевать ястребы.

Все съестное пропало, разумеется, до последней крошки: вяленое мясо, крупа, приобретенная в одной деревеньке в Айдахо в обмен на песенки и рассказы, пригоршня окаменевшей карамели, которую он раскопал в стальном брюхе ограбленного еще до него автомата.

"Черт с ней, с карамелью, — думал Гордон, выуживая из пепла свою сломанную, безнадежно загубленную зубную щетку. — Но зачем им понадобилось делать еще и *это*?"

Ближе к концу Трехлетней зимы, когда остаток его взвода все еще защищал хранилища сои в Уэйне, штат Миннесота, выполняя давний приказ

правительства, о котором никто не слыхивал уже много месяцев, пятеро его товарищей скончались от ураганного воспаления ротовой полости. Они погибли страшной, бесславной смертью, и никто не мог сказать, чем была вызвана инфекция — бактериологическим оружием или холодом, недоеданием и полнейшим отсутствием элементарной гигиены. С тех пор боязнь гнилых зубов неотступно преследовала Гордона.

— Мерзавцы! — прошипел он, отбрасывая бесполезную щетку. Напоследок он еще раз пнул ногой кучу хлама. Ничего такого, что заставило бы его задержаться тут, так и не попалось на глаза.

«Не тяни! — одернул себя Гордон. — Марш! Вперед!»

Сперва он ковылял медленно, но потом обрел второе дыхание и двигался вниз по склону, заросшему сухим лесом, стремительно и бесшумно.

Коренастый предводитель шайки пообещал зажарить его на ужин при следующей встрече. В начале эры всеобщего упадка каннибализм стал распространенным явлением; вдруг в здешних горах люди приохотились к вкусу «постной свининки»? И все же он обязан внушить бандитам, что с человеком, которому нечего терять, следует

считаться.

Преодолев с полмили, Гордон уже изучил их следы: двое обуты в мокасины из оленьей шкуры, у троих — ботинки на добротной довоенной подошве. Шайка двигалась не спеша, и настигнуть ее не представляло особого труда.

Впрочем, у Гордона сложился иной план. Он вспомнил свое утреннее восхождение, когда шел тем же путем, но в противоположную сторону. Тропа здесь извивается, уходя на север и постепенно утрачивая крутизну; сперва она ведет по восточному склону, а потом сворачивает на юго-восток, спускаясь в лежащую внизу пустынную долину. Почему бы ему не срезать повыше и не пересечь склон? Тогда он бы смог обрушиться на бандитов до наступления сумерек, пока они не ожидают никаких неприятностей. Только бы найти проход...

Тропа уходила под уклон вместе с удлиняющимися тенями, туда, где простирались пустыни восточного Орегона и Айдахо. Либо вчера, либо этим утром ничего не подозревающий Гордон, вероятно, попался на глаза часовым, выставленным шайкой, поэтому они преспокойно настигли его, когда он разбил лагерь. Где-то тут, неподалеку от тропы, должно находиться их логово...

Даже при его хромоте Гордону удавалось двигаться бесшумно и быстро — в этом мокасины по крайней мере превосходили ботинки. Скоро до его ушей долетели голоса.

Шайка! Бандиты посмеивались, обмениваясь шуточками, слышать которые Гордону было нестерпимо больно. Дело не только в том, что они глумились над ним. Бессердечная жестокость теперь стала неотъемлемой частью жизни; не находя в себе сил смириться с ней, Гордон по крайней мере сознавал, что лично он представляет собой осколок XX века, занесенный в одичавшее сегодня. Однако самый звук заставил его вспомнить смех совсем других людей, грубые шутки — веселье друзей, когда-то деливших с ним опасности.

Дрю Симмс — веснушчатый парень с подкупающей улыбкой, непобедимый шахматист и картежник: убит холнистами, захватившими Уэйн и спалившими элеваторы...

Тайни Кайлр — он дважды спасал Гордону жизнь; на смертном одре, мучимый страшной болезнью — свинкой, косившей в ту пору людей тысячами, он желал одного — чтобы Гордон отвлекал его своими рассказами...

Еще он вспомнил лейтенанта Вана — наполо-

вину вьетнамца, командовавшего их взводом. Только когда было уже поздно что-либо исправить, Гордон узнал, что лейтенант урезает собственный паек, подкармливая подчиненных. Перед смертью он попросил, чтобы его труп сожгли, завернув в американский флаг.

Гордон слишком долго скитался в одиночестве. Общества стоящих людей ему не хватало так же отчаянно, как и женского.

Не сводя глаз со стены кустарника слева, он достиг прогалины, по которой как будто можно было спуститься напрямик и перебраться на северный склон. Гордон бросился наперерез банде, обмирая от хруста сухих, как порох, ветвей у себя под ногами. Он припомнил хорошее местечко для засады — каменный навес над изгибом тропы. Там отлично справился бы даже самый никудышный стрелок, ибо стрелять эта позиция позволяла едва ли не в упор.

Только бы добраться туда первым...

Огорошив бандитов своим появлением, он мог бы принудить их к переговорам. У него есть неоспоримое преимущество: ему-то совершенно нечего терять. Разумный бандит предпочтет выйти из передряги живым — он еще наверстает свое. Гордону хотелось верить, что они уступят

ему ботинки, куртку, кое-что из еды, дабы не лишиться одного-двух членов банды. Он тешил себя надеждой, что обойдется без убийства.

«Боже, Гордон, когда ты повзрослеешь?!» Худшими его врагами в предстоящие несколько часов будут предрассудки гуманизма минувшего века. «Хотя бы раз в жизни ты должен проявить безжалостность!»

Пока Гордон производил свой обходной маневр, он не слышал вражеских голосов. Несколько раз ему приходилось огибать темные овраги и непреодолимые завалы. Быстрее к месту засады!

Он упорно шагал в намеченном направлении. Память подсказывала, что выбранное им для засады местечко расположено в конце длинного отрезка тропы, ведущего на север от восточного склона горы.

Он выбрался на узкую звериную тропу, позволившую ускорить шаг; время от времени ему приходилось останавливаться среди сосен, чтобы свериться с компасом. Трудность заключалась в том, что, желая приблизиться к врагу незамеченным, он должен был все время держаться выше банды, рискуя при этом проскочить мимо, забравшись слишком высоко. Тем временем неуклонно близились сумерки.

Выйдя на маленькую поляну, он спугнул стайку диких индюшек. Разумеется, возвращение дичи объяснялось уменьшением плотности населения, однако свидетельствовало также о том, что он очутился в краю более богатом водой, чем засушливые земли Айдахо. Ему еще может пригодиться лук — если, конечно, он успеет научиться точной стрельбе прежде, чем замерзнет.

Уже чувствуя беспокойство, Гордон начал спуск. Он надеялся, что главная тропа вьется где-то пониже, совсем рядом — если только он не отклонился слишком далеко на север.

Наконец до него дошло, что звериная тропа уводит его чересчур круто к западу. Кроме того, пробираясь по ней, он, вопреки своим намерениям, оказывался все выше, приближаясь к очередному ущелью, где сгущался вечерний туман.

Гордон остановился, чтобы отдышаться и собраться с мыслями. Возможно, перед ним лежит желанный проход сквозь холодный и не балуемый дождями хребет Каскадных гор, ведущий в долину реки Уилламетт, а оттуда — к побережью Тихого океана... Карты он лишился, однако знал, что переход в этом направлении протяженностью в две недели приведет его к воде,

человеческому жилью, кишащим рыбой речным потокам, дичи, на которую можно охотиться, а то и...

А то и к людям, пытающимся навести в своей жизни подобие порядка. Солнечный свет, проникавший сквозь завесу мглы, напомнил ему отблеск городских огней; нечто подобное уже давно манило его, заставляя идти вперед. Начав путешествие на Среднем Западе, он с тех пор так и не оставлял своих бесплодных поисков. Мечта, в безнадежности которой он не сомневался ни минуты, отказывалась покидать его душу.

Гордон тряхнул головой. Хребет наверняка встретит его снегом, пумами, голодом. Но он все равно не отступит от своего плана. Иначе ему не выжить.

Он попытался спуститься ниже, но узкие звериные тропы упрямо вели его на северо-запад. Теперь он не сомневался, что проскочил намеченное для засады местечко. Однако густые заросли препятствовали движению куда-либо, кроме маячившего впереди ущелья.

Гордон был так удручен неудачей, что не обращал внимания на долетавшие уже какое-то время до его ушей звуки. Наконец, сделав над собой усилие, он замер, вслушиваясь.

Голоса ли это?

Впереди открывалась пропасть. Приблизившись к обрыву, он попытался получше разглядеть гряду гор, окутанных густым маревом; западные склоны отливали сейчас янтарем, там же, куда более не могли заглянуть солнечные лучи, скалы зловеще чернели.

Насторожившие Гордона звуки доносились откуда-то снизу, с востока. Теперь он не сомневался, что это именно голоса. Гордон пригляделся и различил внизу подобие тропы на склоне. Еще через мгновение он увидел движущееся сквозь заросли яркое пятно.

Бандиты! Но почему они снова поднимаются? Этого не может быть! Разве что...

Разве что сам Гордон отклонился далеко на север от маршрута, которым следовал накануне. Он безнадежно проворонил место для засады и оказался далеко в стороне. Бандиты карабкались по ложбине, которую он не удостоил вчера вниманием и которая должна привести их в незнакомое ему ущелье, совсем не в то, где он попал впросак.

Они возвращаются в свой лагерь!

Гордон осмотрел склон. Теперь он заметил на западе малоприметную выемку, которую

очень удобно оборонять и почти невозможно обнаружить по чистой случайности. Он мрачно усмехнулся и тоже устремился в западном направлении. Прощай, засада. Впрочем, поторопившись, он может оказаться в бандитском логове прежде хозяев и поживиться там чем-нибудь полезным — едой, одеждой, заплечным мешком.

Только вот загвоздка: вдруг логово не пустует? Что ж, в таком случае он попытается взять в заложницы женщин и вступить с бандой в переговоры с позиции силы.

Замечательно! Это все равно, что сжимать в руке гранату с выдернутой чекой. Ни одна из открывавшихся перед ним возможностей не прельщала его.

Гордон пустился бегом, ныряя под низкие ветви и не обращая внимания на деревца помельче. Не снижая скорости, он поймал себя на том, что испытывает восторг преследования. Сейчас, имея ясную цель, он почти полностью избавился от обычно терзавших его сомнений. Кровь бурлила, он не бежал, а летел, сокрушая все преграды. Вот он взмыл над трухлявым стволом, перегородившим тропу...

Приземление сопровождалось нестерпимой

болью: что-то острое проткнуло ветхий левый мокасин насквозь. Гордон рухнул лицом вниз на камни, устилавшие дно пересохшего ручья.

Превозмогая боль, он открыл наполнившиеся слезами глаза и обнаружил, что напоролся на толстую ржавую проволоку, валявшуюся здесь не иначе как с довоенных времен. Рана болела так, что впору было лишиться чувств; однако Гордон по привычке поймал себя на вполне рациональном течении мыслей.

«Последнюю прививку против столбняка мне делали восемнадцать лет тому назад. Очень мило!»

Впрочем, крови он не обнаружил. Спасибо и на этом. Зато он здорово подвернул ногу и сейчас разминал пальцами бедро и стискивал зубы, борясь с судорогой.

Наконец ему немного полегчало. Добравшись ползком до поваленного ствола, Гордон ухитрился принять сидячее положение. Он все еще не разжимал зубов, дожидаясь, когда отпустит боль. Тем временем шайка проследовала неподалеку, но чуть ниже по склону, лишив его форы во времени и в расстоянии, на которой строились все его расчеты. Значит, придется расстаться с заманчивым планом опередить их и пошуровать

в их логове. Он еще долго напрягал слух, пока удаляющиеся голоса не стихли окончательно.

Опираясь на лук как на посох Гордон попытался встать. Осторожно ступив на левую ногу, он обнаружил, что, пожалуй, сможет идти, хотя боль еще не отпустила. Лет десять назад он не обратил бы на подобную мелочь внимания и не прервал бы забега. Взгляни действительности в глаза, Гордон: ты вышел в тираж, износился. В наши дни дожить в одиночестве до 34 лет — это все равно, что заглянуть в лицо смерти.

О засаде теперь не могло быть и речи. О преследовании бандитов — тоже. Он не мог надеяться выследить их безлунной ночью.

Чувствуя, что боль понемногу проходит, Гордон сделал несколько осторожных шагов. Оказалось, что он способен передвигаться, даже не опираясь на палку. Чудесно! Только куда теперь держать путь? Может, потратить оставшееся светлое время суток на поиск пещеры или хотя бы кучи сосновых иголок, чего угодно, лишь бы это позволило пережить ночную стужу?

Заранее ежась от холода, Гордон наблюдал за тенями, ползущими по дну пустынной долины и надвигающимися на окружающие скалы. Покрасневший солнечный диск посылал последние

лучи, опускаясь меж двух снежных вершин по левую руку от него.

Он стоял лицом к северу, собираясь с силами, чтобы снова пуститься в путь, когда внезапно в глаза ударила мгновенная вспышка света — закатное солнце отразилось от чего-то в зелени леса на противоположной стороне узкого ущелья. Все еще оберегая поврежденную ногу, Гордон сделал несколько шагов вперед.

Лесные пожары, бушевавшие в засушливых Каскадных горах, пощадили эту часть хребта. В сохранившихся зарослях, однако, находилось нечто, отражавшее солнечный свет подобно зеркальцу. Гордон понимал, что с горного склона солнечный зайчик можно заметить лишь с определенной точки и в строго определенное время суток — именно отсюда и именно сейчас.

Выходит, он ошибся: бандиты свили гнездышко вовсе не в ложбине выше и дальше к западу, а гораздо ближе. Ему повезло: он обнаружил их.

«Значит, мне пожалована соломинка во спасение?» Он не знал, благодарить или укорять провидение за проявленное к нему милосердие. «Мало мне, что ли, бед и без этой последней насмешки?»

Надежда была для него привычным наркоти-

ком. Именно надежда заставляла его все эти годы стремиться на запад. Ощущение обреченности отступило, и скоро он уже поймал себя на том, что строит новые планы.

Можно ли забрать свои вещи из хижины, набитой вооруженными людьми? Гордон представил себе, как с одного удара выбьет дверь, как прочтет изумление в широко распахнутых глазах, как, держа их на мушке, свяжет всех одной рукой.

Почему бы и нет? Они вполне могут оказаться пьяными, он же достаточно отчаялся, чтобы не брезговать любой возможностью. Еще одна богатая идея — заложники. Черт возьми, даже коза, дающая молоко, должна быть для них ценнее его башмаков. Не говоря уже о заложнице-женщине — это же превосходная база для переговоров!

Собственные глупые мысли заставили его поморщиться. Все зависит от того, проявит ли главарь шайки способность к рациональным поступкам. Сможет ли этот мерзавец признать силу отчаяния, владеющего загнанным в угол человеком, и дать ему уйти со всем, что тот сочтет нужным забрать?

Гордон часто становился свидетелем того, как гордыня принуждала людей совершать непоправимые глупости. Если дело дойдет до погони,

то ему крышка: сейчас он не сможет тягаться в скорости даже с барсуком.

Глядя на звездочку света с противоположной стороны ущелья; он тем не менее пришел к выводу, что у него нет иного способа выжить.

Сперва он двигался к цели томительно медленно. Нога все еще болела, к тому же через каждые сто футов он останавливался, чтобы разглядеть следы неприятеля и запутать собственные. Поймав себя на склонности шарахаться от каждой тени как от вражеской засады, молча выругался. В конце концов, эти люди — не холнисты. Более того, Гордон уже окрестил их лентяями. Он догадывался, что их посты, если таковые вообще выставлены, расположены гораздо ближе к лагерю.

В сумерках он уже не мог разглядеть на камнях никаких следов, однако теперь уверенно продвигался в намеченном направлении. Нечто, отражавшее свет, пропало из виду, зато он прекрасно видел вход в боковое ущелье и, ступив на тропу, ведущую примерно в нужном направлении, прибавил шагу.

Становилось все темнее. С гор тянуло холодом. Гордон оставил позади очередное пересохшее русло и стал карабкаться с помощью лука-посоха

на противоположный склон. Когда от цели его отделяло, согласно расчетам, менее четверти мили, тропа вильнула в сторону, и Гордон застрял в зарослях. Он загораживал лицо локтями, чтобы не исцарапаться, и отчаянно боролся с желанием всласть чихнуть из-за поднятой им густой пыли.

С вершин гор вниз сползал промозглый ночной туман. Еще немного — и под ногами заблестит изморозь. Гордон поежился, но не столько от холода, сколько от нервного напряжения. Он знал, что цель близка. Ему предстояла встреча со Смертью — и тут уж кто кого.

В юности ему приходилось читать о героях, вымышленных и существовавших в действительности. Почти все они обладали способностью отринуть в решающий момент собственные тревоги, смятение, застилающую глаза ярость и вспоминали обо всем этом только позже, в более подходящей обстановке. Однако Гордон был слеплен из другого теста. Вместо решительности его все больше одолевали сомнения и даже угрызения совести.

Сомневался он не в правильности принятого решения. Стандарты его теперешней жизни требовали именно таких действий, и никаких иных. Это был единственный способ выжить. Даже

если ему суждено сейчас погибнуть, то он хотя бы унесет с собой в могилу нескольких негодяев, чем облегчит задачу следующим за ним путникам.

Однако по мере приближения схватки он все яснее сознавал, что не желает такой развязки. На самом деле ему вовсе не хотелось убивать этих людей. Он был таким всегда, даже в те дни, когда служил в крохотном взводе лейтенанта Вана и сражался во имя поддержания мира и сохранения хотя бы осколка нации, которую уже настигла смерть. Если потом он избрал жизнь менестреля, странствующего лицедея и время от времени наемного работника, то причина отчасти заключалась в том, что ему хотелось всегда находиться в пути, ибо так было больше надежды увидеть свет.

Некоторые выжившие после войны общины принимали в свои ряды чужаков. Желаннее всего были, естественно, женщины, но порой и мужчинам не давали от ворот поворот. Однако здесь нередко таилась ловушка: слишком часто новичку приходилось участвовать в дуэли, чтобы, умертвив соперника, завоевать право восседать за общинным столом; либо приносить как доказательство своей доблести скальп человека из враждебного клана. Настоящих холнистов

осталось уже немного как на равнинах, так и в Скалистых горах. Однако в попадавшихся на его пути поселениях выжившие люди слишком часто требовали соблюдения ритуалов, вызывавших у Гордона непреодолимое отвращение.

И чего же он добился? Сейчас он пересчитывает пули, холодно отмечая про себя, что боеприпасов хватит, чтобы расквитаться со всеми бандитами до последнего.

Поперек пути встал новый раскидистый куст, усыпанный не столько ягодами, сколько шипами. Гордон решил его обойти, соблюдая в сгущающихся сумерках удвоенную осторожность. Его чувство направления — безошибочное после четырнадцати лет скитаний, как автоматический прибор — не давало сбоев. Двигался он бесшумно, предаваясь мех тем невеселым мыслям.

Если разобраться, то остается лишь недоумевать, как такой человек, как он, прожил столь долго. Все, кого он знал прежде, кем восхищался в юности, погибли, унеся с собой надежду. Приятный мир, созданный специально для таких мечтателей, как он, развалился, когда ему было всего восемнадцать. Прошло немало времени, прежде чем он осознал, что его неиссякаемый оптимизм, похоже, сродни помешательству с

оттенком истерии.

Черт возьми, а кто в эти дни не безумен?

«Никто, — отвечал он себе. — Однако паранойя и депрессия вполне объяснимы при сложившихся обстоятельствах. Идеализм же — просто признак глупости».

Мазок синевы, замеченный уголком глаза, заставил Гордона остановиться. Вглядевшись в заросли, он обнаружил на расстоянии всего одного фута россыпь голубики, почему-то пропущенную медведем. Туман обострил обоняние Гордона, и он сумел различить слабый аромат ягод.

Не обращая внимания на колючки, он запустил руку в заросли и набрал целую гореть голубики. Через секунду он ощутил на языке сладость самой Жизни.

* * *

Сумерки сменились тьмой; в небе загорелись едва видные звездочки. Ледяной ветер задувал под изодранную рубаху Гордона, напоминая, что пора довести начатое до конца, иначе его пальцы онемеют от холода и он даже не сможет спустить курок.

Вытерев сладкие от ягод руки о штаны, он вы-

шел из-за кустов. Внезапно футах в ста от него блеснуло стекло, отразившее последний луч заката. Гордон тут же шарахнулся назад, осторожно достал револьвер и долго сжимал левой рукой правое запястье, чтобы унять дрожь. Настала время проверить, в порядке ли револьвер. Раздался уверенный щелчок. Запасные патроны оттягивали нагрудный карман его рубахи.

Готовясь к прыжку, он откинулся спиной на стену кустарника, смирившись с уколами шипов, и напоследок прикрыл глаза, призывая себя к спокойствию и милосердию. В промозглой тьме Гордон слышал только собственное дыхание, да еще ритмичный стрекот кузнечиков. Вокруг свивался в кольца холодный туман.

«Что ж, — со вздохом заключил он, — иного пути нет». Держа револьвер наготове, он выглянул из укрытия.

Его взору предстало нечто странное. Удивительнее всего было то, что стеклянная панель оказалась совершенно темной. Загадкам не было конца; Гордон отказывался найти объяснение встретившей его тишине. Он полагал, что бандиты разведут огонь и будут шумно праздновать свою удачу.

Темнота уже до того сгустилась, что он не

различал собственной руки. Вокруг высились деревья, напоминавшие сейчас гигантских троллей. Стеклянную панель окружало нечто темное; в стекле смутно отражались чуть светлеющие на западе облака. Между Гордоном и его находкой проплывали клочья тумана, отнюдь не помогая лучше видеть и соображать.

Он медленно двинулся вперед, все время поглядывая под ноги. Не хватало только наступить на сухой сук или напороться на острый камень!

Когда он снова поднял глаза, ему показалось, что он утратил связь с реальностью. То, к чему он приближался, не было похоже ни на что из того, что он был готов здесь обнаружить. Застекленный предмет больше всего напоминал ящик с большим окном в верхней части. Низ, впрочем, больше походил на крашеный металл, нежели на доски. По углам...

Туман неожиданно сгустился. Гордон сообразил, что заблуждался с самого начала. Он ожидал набрести на дом; сейчас, подобравшись ближе, обнаружил, что его отделяет от находки куда меньшее расстояние. Ее очертания казались ему все более знакомыми, напоминающими...

Случилось неизбежное: под ногой хрустнула ветка. Треск наполнил его уши, как раскат грома,

и он мгновенно растянулся на земле, отчаянно вглядываясь в темноту. Его глаза обладали сейчас невероятной зоркостью, порожденной страхом; казалось, еще минута — и его взор пронзит туман.

И верно, туман послушно рассеялся. Зрачки Гордона расширились: оказалось, что он находится в какой-то паре метров от окна, в котором сейчас отразилась его физиономия с выпученными от ужаса глазами и всклокоченными волосами. Но в окне он увидел не только себя: из полутьмы за стеклом его приветствовал оскалом голый череп.

Гордон отпрянул, чувствуя, как по его спине с шуршанием путешествует легион мурашек. Револьвер беспомощно повис в упавшей руке, рот беззвучно раскрылся. Он тонул в тумане, ожидая дальнейших доказательств собственного безумия; при этом ему все же очень хотелось, чтобы мертвая голова оказалась обманом зрения.

«Увы, бедный Гордон!..» Жуткий образ Смерти, на который наложилось сейчас его отражение в стекле, покачивался, приглашая новичка в свою компанию. Еще ни разу за все эти страшные годы овладевшая миром Смерть не являлась ему в виде призрака. Голова Гордона сделалась пустой

до звона в ушах; он и помыслить не мог, чтобы отклонить предложение этого обитателя замка Эльсинор. Он прирос к месту, не в силах отвести взгляд и пошевелиться. Череп — и его, Гордона, лицо... Его лицо и череп... Он был сражен без боя, и победитель довольно ухмылялся, празднуя победу.

Спасение явилось Гордону в виде банального, обезьяньего рефлекса.

Даже самое кошмарное, пригвождающее к месту зрелище не может заставить человека стоять не шелохнувшись до скончания века, тем более когда ничего нового не происходит. Пускай его покинула смелость, и образованность только добавила ужаса, да и нервная система — и та не поспешила на выручку, — тут-то свое слово скажет скука.

Гордон услыхал хриплый присвист, с которым вырывался из его груди воздух. Сам того не желая, он медленно отвел глаза от лика Смерти. Инстинкт без помощи рассудка отметил, что стеклянное оконце является частью двери. Ниже располагалась ручка. Слева находилось еще одно оконце. Справа же... справа была крышка.

Крышка капота джипа.

Это оказался давно брошенный, насквозь

проржавевший джип с древними эмблемами правительства Соединенных Штатов; внутри джипа был заперт скелет давно почившего государственного служащего, чей череп усмехался, таращась на Гордона сквозь окошко со стороны правого сиденья.

Гордон выдохнул сразу всей грудью, как удавленник, с горла которого сдернули веревку, ощущая одновременно облегчение и замешательство. Выпрямляясь, он испытал те же ощущения, с которыми входит в мир новорожденный. Гордон тоже родился сейчас во второй раз.

— О боже! — произнес он, лишь бы услышать звук собственного голоса. Торопливо, помогая себе взмахами рук, он обошел машину, то и дело оглядываясь на ее мертвого хозяина; движения помогли ему освоиться с реальностью. Глубоко дыша, Гордон чувствовал, как успокаивается пульс и стихает шум в ушах.

Немного погодя он уселся на землю, привалившись спиной к холодной дверце джипа. Все еще не в силах унять дрожь, он убрал револьвер в кобуру. Потом припал губами к фляжке и утолил жажду долгими глотками. Он предпочел бы сейчас что-нибудь покрепче, но и вода принесла немалое облегчение.

Темная, пронизывающая до костей ночь вступила в свои права. Тем не менее Гордону потребовалось некоторое время, чтобы истина предстала перед ним по всей неприглядности. Теперь ему ни за что не отыскать бандитского логова, ибо он, обманувшись, забрался слишком далеко. Впрочем, джип может послужить каким-никаким укрытием, раз уж в округе не наблюдается ничего более подходящего.

Он с кряхтением поднялся и взялся за ручку на дверце, с трудом припоминая движения, бывшие когда-то более знакомыми двум сотням миллионов его соотечественников, чем обычная ходьба. Немного посопротивлявшись, дверца распахнулась, издав пронзительный скрип. Устроившись на потрескивающем виниле сиденья, Гордон огляделся.

Джип оказался с правым рулем — такие машины использовались в незапамятные времена, еще до Светопреставления, почтовым ведомством. Мертвый почтальон — вернее то, что от него осталось, — занимал совсем немного места. Гордон старался не смотреть в его сторону.

Багажный отсек джипа был забит брезентовыми мешками. В тесной кабине устоялся плотный запах старой бумаги, и этот запах заглушал аро-

мат мумифицированных останков.

Не веря еще в свое счастье, Гордон вцепился в укрепленную в зажиме стальную фляжку. Внутри раздалось бульканье. Раз после шестнадцати или даже более лет в ней оставалась жидкость, значит, она была закрыта герметически. Попытавшись свинтить крышку и не добившись успеха, Гордон разразился проклятиями. С силой несколько раз ударив крышкой о дверцу, он возобновил попытки.

Только когда у него на глазах выступили слезы отчаяния, крышка поддалась. Еще немного — и усилия были вознаграждены: крышка провернулась на ржавой резьбе, и ему в нос ударил пьянящий, давно забытый аромат виски.

«Вдруг я и впрямь был хорошим мальчиком? Вдруг Бог и впрямь существует?»

Сделав большой глоток, он закашлялся, гортань опалило огнем. Еще два глотка поскромнее — и он с блаженным стоном откинулся на спинку сиденья.

Пока еще Гордон не чувствовал себя готовым стащить с узких плеч скелета плотную кожаную куртку почтальона. Вместо этого он обложился мешками, на каждом из которых красовался штамп «Почтовое ведомство США». Неплотно

прикрыв дверцу, чтобы не перекрывать доступ в кабину свежего горного воздуха, он зарылся в мешки, не выпуская из рук фляжку.

Наконец, набравшись храбрости, он взглянул на хозяина джипа, сосредоточив внимание на изображении американского флага на рукаве его куртки. Сняв с фляжки крышку, он с благодарностью поднес ее к провалу в черепе, там, где у хозяина машины когда-то был рот.

— Не знаю уж, поверите ли вы мне, мистер Почтальон, но я всегда считал, что такие ребята, как вы, заняты добрым и честным делом. Для многих вы были козлами отпущения, но я знаю о вашей непростой работенке. Я гордился вами, даже до войны. А тут еще это, мистер Почтальон. — Он поднял фляжку. — Это превосходит все ожидания. Значит, я не напрасно платил налоги.

Произнеся свою речь, он выпил за почтальона, откашлялся и почувствовал, как по всему телу разливается чудодейственное тепло.

Погрузившись в мешки с почтой еще глубже, он снова перевел взгляд на кожаную куртку. Ее распирали ребра мертвеца, рукава свисали под невероятными углами. Лежа без движения, Гордон ощутил грусть, похожую на тоску по дому. Джип, верный своему долгу разносчик писем,

претендующий на роль символа, наклейка с флагом на рукаве... Все это напоминало о канувшем в небытие комфорте, безгреховности и сотрудничестве, легкой жизни, позволявшей миллионам мужчин и женщин отдыхать, улыбаться, пускаться в споры, если им приходила такая блажь, проявлять друг к другу терпимость — и надеяться, что с течением времени они станут лучше...

Сегодня Гордон был готов убивать и быть убитым. Теперь же он радовался, что этому не суждено случиться. Они окрестили его «мистером Кроликом» и бросили умирать. Однако ему дарована привилегия, о которой им необязательно знать: он отмахивается от бандитов, как от безмозглой деревенщины, и предоставляет им шанс жить дальше как заблагорассудится.

Гордон приготовился ко сну, снова полный оптимизма, — глупый анахронизм в теперешнем мире. Лежа под импровизированным одеялом из мешков с почтой, он радовался тому, что не уронил свою честь. Потом он уснул, и ему пригрезились параллельные миры...

2

Изломанные сучья и иссушенную кору старого дерева облепил перемешанный с сажей снег. Дерево еще не совсем погибло. Там и сям виднелись слабые зеленые ростки, у которых, впрочем, не было шансов уцелеть. Конец был близок.

По стволу скользнула тень, к дереву прибило ветром странное существо — старого, израненного обитателя поднебесья, уже заглянувшего, подобно дереву, в глаза смерти.

Понуро свесив крылья, существо принялось вить гнездо — место, где ему предстояло встретить смерть. Оно неуклюже подбирало на земле веточки и складывало их в кучку, пока не сделалось ясно, что получается вовсе не гнездо, а погребальный костер.

Взгромоздившись на хворост, окровавленное, полумертвое существо затянуло прощальную песнь, подобной которой еще не слыхивали в этом мире. Хворост объяло пламя, и свет его озарил существо. Наконец ввысь рванулся синий язык пламени.

И дерево ожило: мертвые сучья потянулись к теплу, как руки старика, измученного холодом.

Снег стал таять и падать пластами с воспрянувших ветвей, зелень принялась прибывать на глазах, наполняя воздух запахами жизни.

Правда, существу на погребальном костре не суждено было возродиться, что удивило Гордона даже во сне. Огромная птица сгорела дотла, оставив после себя лишь горстку пепла.

Зато дерево зацвело, и с его чудесных ветвей стали подниматься в воздух другие крылатые создания. Приглядевшись, Гордон перестал дышать: то были воздушные шары, самолеты, ракеты. Сон есть сон...

Рукотворные создания разлетались в разные стороны, наполняя небеса гулом надежды.

3

На капот джипа плюхнулась сорока, с рассвета охотившаяся за жуками. Дважды издав торжествующее квохтанье — первый раз обозначая занятую территорию, второй раз просто ради забавы, — она принялась выстукивать клювом проржавевшую и густо усыпанную сором поверхность.

Стук нарушил сон Гордона. Он разлепил заспанные глаза и разглядел через пыльное стекло

разгуливающую перед самым его носом птицу. Ему потребовалось какое-то время, чтобы вспомнить, где он находится. Ветровое стекла, приборная панель, запах металла и бумаги — все казалось продолжением ночных грез о добрых довоенных деньках. Он долго моргал, приходя в себя и расставаясь с образами, населявшими его сновидения. Потом решительно протер глаза и взглянул в лицо реальности.

Если бы накануне, устремившись сюда, Гордон не оставил за собой пролома в зарослях, под стать слону, ему бы сейчас не о чем было тревожиться. Впрочем, то обстоятельство, что виски пролежало здесь нетронутым шестнадцать лет, подтверждало его мнение о бандитах как о лентяях. Они довольствовались все теми же тропами и местами засад и даже не позаботились как следует облазить собственную гору.

Гордон помотал отяжелевшей головой. К началу войны ему исполнилось всего восемнадцать, он учился на втором курсе колледжа и еще не успел привыкнуть к крепкому спиртному. После пережитых вчера невзгод и страхов виски попросту свалило его наповал, и сейчас ему трудно было разжать зубы и толком продрать глаза.

Потерянные богатства вспоминались теперь с

удвоенным сожалением. Этим утром он не сможет попить чайку, вытереться после умывания полотенцем, побаловаться вяленым мясом, почистить зубы...

Однако Гордон не утратил философского взгляда на действительность. Главное — он остался в живых. Он подозревал, что еще успеет оплакать каждый из отобранных у него накануне предметов по отдельности. Оставалось только надеяться, что счетчик Гейгера избежит этой участи. Радиация была одной из главных причин, заставивших его устремиться из Дакоты на запад. Он смертельно устал от необходимости повсюду повиноваться проклятому счетчику, вечно трястись от страха, что его украдут или он поломается. По слухам, радиоактивные осадки пощадили Тихоокеанское побережье, чего не скажешь о заразе, принесенной ветрами из Азии.

В том-то и состояла основная странность этой войны. В ней не обнаруживалось даже подобия последовательности, она была воплощением хаоса. Люди так и не дождались от нее дружно предрекаемого смертельного конца. Скорее она напоминала залпы из дробовика, приносящие одну катастрофу средней разрушительности за другой. И ведь каждую из них по отдельности

вполне можно было бы пережить...

Разразившаяся сперва «технологическая война» на море и в воздухе не оказалась бы столь смертоносной, если бы не распространилась на остальные континенты. Болезни нанесли Америке не такой ужасающий урон, как восточному полушарию, где бактериологическое оружие противника вышло из-под контроля и стало косить его собственное население. Многие американцы остались бы в живых, если бы не сбились в громадные толпы, опасаясь зон усиленного выпадения осадков, и не похоронили тем самым самоотверженные усилия медиков предотвратите эпидемии. Голод не добил бы страну, если бы обезумевшее население не блокировало шоссейные и железные дороги, стремясь поставить заслон вездесущим бактериям.

Что касается вселявшего повальный страх атомного оружия, то военные успели пустить в дело лишь малую толику накопленных запасов; потом Славянское Возрождение развалилось само по себе, и Запад неожиданно для себя одержал победу. Взорвавшихся бомб хватило для того, чтобы наступила Трехлетняя Зима, но отнюдь не вековая ночь, которая отбросила бы человечество в эпоху динозавров. Был момент — и длился

он несколько нескончаемых недель, — когда казалось, что человечество, чудесным образом спохватившись, спасло себя и свою планету.

Но так только казалось. Конечно, даже такого дьявольского сочетания — парочки бомб, стайки микробов и трех плохих урожаев подряд — не хватило бы, чтобы свалить великую державу, а вместе с ней и остальной мир. Дело довершила иная болезнь, наподобие рака разъедавшая человечество изнутри.

«Будь ты навеки проклят, Натан Холн», — привычно подумал Гордон. На всем погруженном во тьму континенте не было проклятия привычнее этого.

Он отпихнул мешки с почтой. Не обращая внимания на утренний холод, расстегнул на ремне левый кармашек и извлек наружу нечто, завернутое в алюминиевую фольгу, и залепленное расплавленным воском. Он давно ждал экстренного случая, и вот таковой наступил. Ему необходимо подзарядиться энергией, чтобы прожить еще один день, а кроме дюжины кубиков говяжьего бульона у него теперь ничего не осталось. Придется довольствоваться этим.

Глотнув воды из своей фляжки, чтобы смыть горьковато-соленый комок, засевший в горле

после кубиков, он распахнул ногой левую дверцу джипа, не обращая внимания на несколько брезентовых мешков, вывалившихся при этом из салона на подернутую инеем землю. Спохватившись, Гордон покосился на скелет в форменном обмундировании, безропотно проведший с ним ночь.

— Что ж, мистер Почтальон, я намерен устроить вам самые почетные похороны, какие только возможны, учитывая, что я не располагаю иным инструментом, кроме вот этой пары рук. Знаю, это недостаточная плата за то, чем вы меня одарили. Однако ничего больше не могу вам предложить. — Едва не дотронувшись до плеча скелета, он открыл дверцу со стороны водителя.

Стоило Гордону осторожно ступить на мерзлую землю, как его обутые в мокасины ноги предательски разъехались. Хорошо хоть снег не выпал. Здесь, на горе, до того сухо, что земля совсем скоро подтает, и можно будет копать.

Ржавая ручка правой дверцы поупиралась, но потом поддалась. Гордон ухитрился поймать вывалившиеся из джипа кости, обтянутые формой, в брезентовый мешок.

Сохранность трупа превосходила все ожидания. Благодаря сухому климату останки почтальона

превратились в настоящую мумию, предоставив насекомым возможность без спешки сделать свое дело. Внутренность джипа за все эти годы так и не была тронута плесенью.

Сперва Гордон проверил наряд почтальона. Странно: оказывается, парень носил под форменной курткой пеструю рубаху. От нее, впрочем, почти ничего не осталось, зато этого нельзя было сказать о кожаной куртке. Вот находка так находка! Если она придется впору, это несказанно повысит его шансы на выживание.

Обувь мертвеца выглядела старой и растрескавшейся, но все равно не окончательно загубленной. Гордон аккуратно вытряхнул из ботинок кости и приложил подошвы к собственным ступням. Разве что чуть великоваты, но все же лучше, чем его драные мокасины.

Действуя с максимальной осторожностью, Гордон переложил кости в мешок, удивляясь, что запросто справляется с этой малоприятной необходимостью. Как видно, накануне вечером его покинули последние предрассудки. Единственное, что он еще чувствовал, — подобие почтения да ироничную благодарность к бывшему владельцу всех этих вещей. Он вытряс одежду, стараясь не дышать, чтобы не наглотаться пыли,

и повесил на ветку проветриваться, сам же возвратился к джипу.

Так-так! Загадка пестрой рубахи продержалась недолго. Гордон мигом обнаружил в джипе голубую форменную гимнастерку с длинными рукавами и погончиками почтового ведомства. Даже через столько лет она выглядела почти новенькой. Значит, парень имел одну рубаху для удобства, а другую — чтобы не нервировать начальство.

Гордон еще в детстве замечал за почтальонами этот грешок. Помнится, был один — развозя жаркой летней порой газеты, надевал яркую гавайскую рубашку; он же никогда не отказывался от стаканчика холодного лимонада. Гордон порылся в памяти, но так и не сумел вспомнить его имя.

Приплясывая на утреннем холоде, чтобы совсем не замерзнуть, он натянул форменную рубашку. Если она и была ему велика, то лишь чуть-чуть.

«Может быть, я еще растолстею, и тогда она станет мне совсем впору», — вяло пошутил он. В свои теперешние тридцать четыре он весил меньше, чем семнадцатилетним.

В ящичке для документов Гордон обнаружил

ветхую карту Орегона, вполне способную заменить ту, которой он лишился. Еще через секунду он издал радостный крик: его пальцы нащупали гладкий пластмассовый квадратик. Сцинтиллятор! Это еще лучше, чем утраченный счетчик Гейгера: уловив гамма-радиацию, приборчик станет мигать, причем без всякого источника энергии! Заслонив прибор от света, он разглядел слабые искорки, порожденные космическим излучением. Его свечение можно было не принимать в расчет.

Вот только зачем понадобилась эта штуковина довоенному почтальону? Пряча приборчик в карман брюк, Гордон недоуменно покачал головой.

Фонарь почтальона пришлось выбросить: батарейки превратились в месиво. Не забыть про рюкзак! На полу позади сиденья лежала вместительная кожаная заплечная сумка. Даже потрескавшись от сухости, лямки ее не утратили прочности, и наружные клапаны тоже были целы. Разумеется, она не заменит его рюкзак, и все же это неизмеримо лучше, чем вообще ничего. Он открыл главное отделение, и ему под ноги хлынул поток старой корреспонденции. Гордон поднял наугад несколько конвертов.

«От мэра города Бонд, штат Орегон, директору

медицинского училища Орегонского университета в Юджине». Гордон прочел обращение нараспев, изображая Полония. Потом он перебрал еще несколько писем. Все адреса звучали помпезно и необыкновенно архаично.

Вот пухлое письмо от некоего доктора Франклина Дейвиса из городка Джилкрист с пометкой «срочно» на конверте, адресованное ответственному за распределение медикаментов по региону. Наверняка доктор просил удовлетворить его заявку в приоритетном порядке...

Пренебрежительная усмешка на лице Гордона сменилась озадаченной гримасой. Чем больше он перебирал письма, тем больше понимал, что ошибся в своих ожиданиях. Он полагал, что развлечется, читая всякие необязательные депеши и личную переписку. Однако в мешке не оказалось ни одного рекламного листка. Наряду с личной корреспонденцией в мешке преобладали отправления чисто официального свойства.

Так или иначе, у Гордона не было времени для подсматривания за чужой жизнью, тем более давно завершившейся. Он решил прихватить с собой дюжину-другую писем, чтобы проглядеть на досуге, а чистые стороны листков использовать для нового дневника.

Он старался не думать о невосполнимой утрате — старом дневнике, в который он на протяжении шестнадцати лет заносил свои наблюдения и который стал теперь поживой бывшего биржевого маклера. Только и утешения, что дневник будет не просто прочтен, но и сохранен, как и томик поэзии, тоже лежавший у Гордона в рюкзаке, — если, конечно, он правильно истолковал характер Роджера Септена.

Ничего, наступит день, когда он вернет свое достояние...

Но как здесь оказался джип почтового ведомства Соединенных Штатов? И что послужило причиной гибели почтальона? Частично ответом на эти вопросы стали пулевые отверстия в правой части заднего стекла.

Гордон взглянул на висящие на дереве вещи почтальона. Так и есть: и рубаха, и куртка продырявлены по два раза в верхней части спины.

Нападение с целью кражи автомобиля или ограбления водителя никак не могло произойти до войны. Почтальоны почти никогда не становились жертвами преступников, даже во время волнений, порожденных депрессией конца 80-х годов, предшествовавшей «золотому веку» 90-х. Кроме того, пропавшего почтальона обязательно

отыскали бы.

Вывод напрашивался сам собой: нападение произошло _п_о_с_л_е Однонедельной войны. Только вот что забыл почтальон в этой безлюдной местности, когда США практически прекратили свое существование? И когда именно все это случилось?

Видимо, бедняга угодил в засаду и попытался скрыться от преследователей, воспользовавшись проселочными дорогами. Возможно, до него не сразу дошло, насколько серьезно он ранен, или он просто поддался панике.

Однако Гордона не оставляло подозрение, что существовала еще какая-то, главная причина, заставившая почтальона забраться в такую глушь и искать укрытия в лесных зарослях.

— Он защищал свой груз, — наконец прошептал Гордон. — Понял, что шансов получить подмогу нет, и, чтобы не быть схваченным на дороге, предпочел расстаться с жизнью, но не отдать грабителям почту.

Значит, Гордон набрел на останки самого настоящего *послевоенного* почтальона, героя времен заката цивилизации. Ему вспомнились старомодные оды в честь почтальонов: «Ни снега, ни ураганы почтальону не преграды», и он не мог не

восхититься людьми, так упорно не дававшими погаснуть еще теплившемуся огоньку нормальной, упорядоченной жизни.

Вот и разгадка преобладания официальной корреспонденции и отсутствия обычного почтового мусора... Гордон и не подозревал, что подобие нормальной жизни существовало столь долго. Естественно, семнадцатилетний новобранец и не должен был застать ничего нормального. Власть толпы и повальный грабеж в главных центрах жизнеобеспечения отвлекали основные силы военных властей, пока ополчение не прекратило существование, проглоченное возбужденными толпами, которые ему полагалось усмирять. Если кто-то и вел себя в те кошмарные месяцы, как подобает достойным представителям рода людского. Гордону не довелось этого засвидетельствовать.

История гибели смельчака-почтальона, которую легко было себе представить, повергла Гордона в уныние. Мэры городов, университетские профессора и почтальоны, сражающиеся с хаосом... Горький привкус несбывшихся надежд слишком раздирал душу, чтобы хотелось вспоминать еще...

Гордону пришлось приложить немало усилий,

чтобы открыть заднюю дверцу джипа. Отодвинув в сторону мешки с конвертами, он завладел фуражкой почтальона с почерневшей кокардой, пустой коробкой из-под еды и вещицей поценнее — темными очками, вросшими в густую пыль, покрывавшую запасное колесо.

Гордон взял в руки небольшую лопатку, ранее предназначавшуюся для того, чтобы вызволять из грязи увязшую машину, а теперь готовую превратиться в инструмент могильщика. Но, прежде чем приступить к печальной обязанности, он вытащил из кучи мешков позади сиденья водителя разбитую гитару. Крупнокалиберная пуля раздробила ее шейку. С гитарой соседствовал полиэтиленовый пакет с добрым фунтом мелко порубленной травы, от которой исходил сильный мускусный запах. Память на запахи умирает последней: Гордон без труда узнал аромат марихуаны.

Еще несколько минут назад он представлял себе почтальона мужчиной средних лет, лысеющим приверженцем старых порядков. Теперь же ему пришлось признать свою ошибку: погибший скорее был молодым парнем, под стать ему самому в юности, — расхристанным, бородатым, с выражением вечного изумления на лице.

Вероятнее всего, неохиппи — представителем только успевшего вылупиться поколения, едва заявившего о себе, когда война разом покончила со всем, что несло в себе хоть какое-то подобие оптимизма. Неохиппи, погибший, защищая государственную переписку... Гордона это нисколько не удивило. У него были друзья, тоже хиппи, искренние ребята, хоть и немного странноватые.

Он легонько коснулся гитарных струн и впервые за утро почувствовал себя виноватым. Почтальон даже не был вооружен! Гордон вспомнил, что он читал когда-то об американских почтальонах, все три года беспрепятственно пересекавших линию фронта во время гражданской войны 1860-х. Должно быть, этот парень надеялся, что его земляки уважают давнюю традицию...

Америка периода после Хаоса забыла все традиции, озабоченная только одним — выживанием. Скитания научили Гордона не удивляться тому, что в одних местах его приветствуют так же радушно, как приветствовали странствующих менестрелей в глубоком средневековье, в других же гонят прочь, обуреваемые паранойей. Но даже в тех редких случаях, когда он сталкивался с дружелюбным отношением и люди, сохранившие человеческое достоинство, готовы были

приютить чужака, он очень быстро снова начинал видеть сны о летающих по небу предметах... Яркие воздушные шары, самолеты, ракеты...

Тем временем близился полдень. Найденного оказалось достаточно, чтобы у Гордона появилась уверенность, что он выживет и не вступая в поединок с бандитами. Чем быстрее он одолеет перевал и окажется в более подходящих для жизни местах, тем лучше. Он уже начал мечтать о ручье где-нибудь подальше от владений бандитов, в котором он смог бы наловить форели и утолить голод.

Но прежде он исполнит свой долг. Гордон сжал в руках лопату. Как ни силен терзающий его голод, он выполнит обещание, которое дал этому парню.

Он огляделся, отыскивая тенистое местечко с достаточно рыхлой землей, откуда вдобавок открывался бы приличный вид.

4

— Они кричали Макбету:

Ты невредим, пока на Дунсинан
Бирнамский лес нейдет. — И вот уж

лес

Пошел на Дунсинан.

К оружью, в поле!

Ведь если не обман слова гонца,

Не все ль равно, где ожидать конца

— Здесь или там.

Гордон еще крепче сжал свой деревянный меч, который смастерил из доски и донышка консервной банки, и поманил невидимого адъютанта:

Постыл мне свет дневной.

Пусть рушится весь свет вослед за мной.

Вой, ветер! Злобствуй, буря! Бей, набат!

Смерть я в доспехах встречу, как солдат!

Строки из заключительного акта трагедии В.Шекспира «Макбет» цитируются в переводе К.Корнеева

Гордон-Макбет расправил плечи, поцеловал меч и гордо направился со сцены навстречу гибели.

Выйдя из пятна света, отбрасываемого мас-

ляной лампой, он оглянулся, надеясь уловить реакцию аудитории. Его прежние выступления пришлись ей по вкусу, но урезанная версия «Макбета», впервые в истории сценического искусства разыгранная одним исполнителем, вряд ли могла быть принята на ура.

Впрочем, через секунду после его ухода со сцены раздались полные энтузиазма аплодисменты. Заводилой, как всегда, выступила миссис Адель Томпсон, предводительница этой крохотной общины. Взрослые свистели и топали ногами, выражая одобрение. Граждане помладше неумело хлопали, словно впервые в жизни принимали участие в неведомом им ритуале.

Не иначе, им полюбилась усеченная версия старой трагедии. Гордон облегченно вздохнул. Говоря но правде, он упростил кое-что не столько ради краткости, сколько из-за того, что плохо помнил авторский текст. В последний раз он видел его лет десять тому назад, да и то в полусожженной книжке. Впрочем, последние строки он продекламировал громовым голосом: слова о ветре и о конце он никогда не забудет.

Гордон, заранее улыбаясь, вернулся на сцену — то есть на гаражный подъемник на единственной заправочной станции в крохотном селении

под названием Пайн-Вью.

Устав от голода и одиночества, он рискнул испытать на гостеприимство жителей этой горной деревеньки, с полями, окруженными заборами, и домами, сложенными из толстых бревен. Попытка оказалась более удачной, чем он мог надеяться. Большинство имеющих право голоса взрослых членов общины проголосовало за то, чтобы предоставить ему еду и необходимое снаряжение в обмен на серию выступлений. Сделка состоялась.

— Браво! Чудесно! — Миссис Томпсон стояла, в первом ряду, с воодушевлением аплодируя. Эта седовласая и костлявая женщина была полна энергии; сейчас она оглядывалась на «зал», не давая аплодисментам стихнуть. Сорок с чем-то зрителей, в том числе немалая доля детей, послушно выражали восторг. Гордон взмахнул рукой и поклонился ниже, чем когда-либо прежде.

Разумеется, его представление выглядело чистейшей воды халтурой. Однако он был единственным на площади в сто квадратных миль, кто имел хоть какое-то представление о драматическом искусстве. В Америке снова появились крестьяне, и Гордон, подобно своим предше-

ственникам в трудном ремесле менестрелей, научился не обращать внимания на собственные неизбежные погрешности.

Отвесив последний поклон точь-в-точь перед тем, как стали стихать аплодисменты, он убрался со сцены и принялся стягивать свой маскарадный костюм. Выхода на бис не будет: он натренировался в непреклонности. Театральное действо давало ему хлеб насущный, и Гордон умел держать зрителей на голодном пайке до самого прекращения гастролей.

— Чудесно! Замечательно! — восхищалась миссис Томпсон, перехватив его в толпе зрителей, образовавшейся у стола с угощениями. Дети постарше собрались вокруг него в кружок и рассматривали, разинув рты.

Пайн-Вью был вполне процветающим селением в сравнении с голодающими деревнями как на равнинах, так и в горах. Кое-где недоставало целого поколения — так повлияла на детей Трехлетняя зима. Зато здесь ему бросились в глаза подростки и юноши, а также старики, которые приближались к пожилому возрасту еще до Светопреставления. Тут, как видно, сделали все, чтобы спасти буквально каждого. Такое случалось нечасто, но все же случалось — Гордон уже

сталкивался с этим.

Страшные годы оставили свою отметину повсюду. Здесь, как в любой деревне, он заметил лица со следами страшных болезнен, истощенные голодом и войной. У двух женщин и одного мужчины были ампутированы конечности, еще у одного видел только правый глаз — левый затянуло катарактой.

Гордон успел привыкнуть к подобному зрелищу — по крайней мере, он был готов к нему в умеренных количествах. Сейчас он благодарил хозяйку:

— Спасибо, миссис Томпсон! До чего приятно слышать учтивые слова от строгого критика! Я рад, что представление пришлось вам по душе.

— Что вы, я серьезно говорю, что уже много лет не получала подобного удовольствия, — настаивала предводительница клана, словно Гордон неумеренно скромничал. — От заключительного монолога Макбета у меня мурашки побежали по спине! Как жаль, что раньше, имея все возможности, я пропустила эту постановку по телевизору. Я и не знала, что это так здорово! А уж та вдохновляющая речь Авраама Линкольна, с которой вы выступали перед нами чуть раньше... Мы, знаете, сперва попытались открыть здесь школу. Но у

нас ничего не вышло. Все рабочие руки, даже детские, были наперечет. Теперь я снова об этом поразмыслю — а все благодаря речи Линкольна. У нас сохранились кое-какие старые книжки. Возможно, наступило время для повой попытки.

Гордон вежливо кивал. Этот синдром был ему знаком: здесь он встретил один из самых сердечных приемов за долгие годы, однако неизбежные откровения не могли его не опечалить. Воодушевление аудитории обязательно заставляло Гордона почувствовать себя шарлатаном: ведь его выступления возрождали надежду в немногих достойных людях из старшего поколения, еще помнивших былые времена... Он отлично знал, что надеждам этим суждено угаснуть уже через несколько недель, самое большее — через месяц-другой.

Ему казалось, что семенам цивилизации требуется нечто большее, нежели просто добрая воля и прекрасные намерения стареющих выпускников колледжей. Гордон нередко раздумывал над тем, что, возможно, недостающим звеном мог бы стать правильно выбранный символ, зажигательная идея. При этом он сознавал, что его маленькие драмы, как бы ни был сердечен прием, далеко не дотягивают до того, чтобы сделаться волшебным

ключиком. Из них еще могло произрасти что-то примитивное, некий порыв к цивилизации, однако местный энтузиазм неизбежно засыхал на корню. Гордон не мнил себя странствующим мессией. Легенды, которыми он подкармливал зрителей, не обладали силой, способной преодолеть инерцию беспросветности.

Время неумолимо: скоро последние представители старшего поколения сойдут в могилу и континентом будут править враждующие между собой племена. Кто знает, может, минет тысяча лет — и все начнется снова. Пока же...

Гордон был вовремя избавлен от выслушивания неосуществимых планов миссис Томпсон, вселяющих в него одну лишь печаль. Толпа выдавила из своих недр низенькую седовласую негритянку, худую, как пугало, которая бесцеремонно схватила его за руку.

— Опомнись, Адель! — обратилась она к предводительнице клана. — Мистер Кранц с самого полудня не имел во рту маковой росинки! Если мы хотим, чтобы он выступил и вечером, то должны его как следует подкормить. Я права? — Стискивая руку Гордона, она словно дополнительно удостоверялась в его истощенности. Он и не собирался опровергать ее слова, ибо запах еды

уже кружил ему голову.

Миссис Томпсон окинула негритянку гневным взглядом.

— Разумеется, Патриция. Позже мы еще вернемся к этому разговору, мистер Кранц. Пускай миссис Хаулетт попробует сделать вас немного пожирнее. — Ее улыбка и сверкающие глаза выдавали ум и нерастраченную иронию. Гордон был вынужден изменить свое мнение о миссис Томпсон: она определенно не глупа.

Миссис Хаулетт вытащила его из толпы. Гордон улыбался и покорно отвечал на приветствия тянущихся к нему рук. Широко раскрытые глаза не упускали ни одного его движения.

«Наверное, голод отточил мое актерское мастерство. Ни разу еще не видел такой реакции на свое лицедейство! Интересно было бы разобраться, что же именно их так проняло в моей игре!»

От длинного стола с угощениями за ним наблюдала имеете с прочими молодая женщина немногим выше росточком, чем миссис Хаулетт, с глубокими миндалевидными глазами и такими иссиня-черными волосами, каких Гордон не встречал никогда в жизни. Она дважды легонько шлепнула по руке ребенка, тянувшегося к еде перед носом у почетного гостя. Встречаясь с Гор-

доном глазами, женщина всякий раз улыбалась.

От нее не отходил высокий, дородный молодой человек, теребивший рыжую бородку и как-то странно посматривавший на Гордона. В его взгляде читалось то смирение, то отчаяние. Не успел Гордон сообразить, что к чему, как миссис Хаулетт подтолкнула его к хорошенькой брюнетке.

— Эбби, — велела она, — давай-ка положим на тарелку мистера Кранца всего понемножку. Потом он сам решит, на чем остановить внимание. Очень рекомендую пирог с черникой: мое собственное творение.

Гордон послушно промямлил, что, пожалуй, побалуется двумя порциями пирога. Ему было нелегко оставаться дипломатом: он уже много лет не видел и не нюхал ничего подобного. Запахи отвлекали его и мешали сосредоточиться, оценить непонятные взгляды и тянущиеся к нему руки.

Украшением стола служила отменная фаршированная индейка. Кроме того, предлагалась горячая вареная картошка в огромной кастрюле — гарнир к вымоченному в пиве вяленому мясу с морковью и луком. Чуть дальше на столе привлекал взгляд яблочный пирог и сушеные яблоки. «Надо будет запастись всем этим перед

уходом», — подумал Гордон.

Решив не терзать себя дальнейшим осмотром, он смело подставил тарелку. Принимая ее, Эбби не сводила с него глаз. Ее массивный рыжий спутник наконец раскрыл рот; пробормотав нечто невразумительное, он сжал руку Гордона в своих лапах. Гордон отпрянул, но неразговорчивый детина не отпускал руку, пока он не изобразил сердечное ответное рукопожатие. Детина снова что-то пробормотал, кивнул и отошел. Прежде чем скрыться в толпе, он чмокнул брюнетку в щеку, после чего скромно потупил взор.

Гордон растерянно заморгал. Уж не проворонил ли он какое-то важное событие?

— Это Майкл, муж Эбби, — объяснила миссис Хаулетт. — Ему надо сменить Эдварда у ловушек. Но он все равно задержался, чтобы посмотреть ваше представление. В детстве он очень любил смотреть телевизионные постановки...

Пар, поднимающийся от тарелки, окончательно лишил оголодавшего Гордона рассудка. В ответ на его благодарность Эбби густо покраснела. Миссис Хаулетт решительно оттащила его к груде старых покрышек, служивших сиденьями.

— Вы еще успеете наговориться с Эбби, — обнадежила негритянка. — Пока ешьте. Наслаждай-

тесь едой.

Гордона и не требовалось уговаривать, у него только хрустело за ушами. Люди бросали на него любопытные взгляды, а миссис Хаулетт продолжала стрекотать:

— Вкусно, правда? Сидите и ешьте, забудьте о нас. Вот когда насытитесь и будете снова готовы беседовать, мы все еще раз с удовольствием выслушаем, как вы заделались почтальоном.

Гордон поднял глаза. Его окружали заинтересованные физиономии. Он поспешно глотнул пива, чтобы не обжечься горячей картошкой.

— Я обыкновенный путник, — ответил он с набитым ртом, примериваясь к индюшачьей ножке. — Ничего особенного: просто мне попалась эта одежда и сумка.

Он не возражал — пусть пялятся на него, трогают, заговаривают с ним, лишь бы не мешали есть!

Миссис Хаулетт некоторое время переваривала услышанное. Потом, не в силах сдержаться, снова заговорила:

— Когда я была девчонкой, мы угощали нашего почтальона молоком и пирожными. Мой отец всегда оставлял для него на ограде стаканчик виски под Новый год. И любил повторять для нас,

детей, этот стишок — ну, вы-то его наверняка знаете: «Ни снега, ни ураганы, ни война и ни хвороба, ни бандиты и ни тьма...»

Гордон поперхнулся и взглянул на нее, желая понять, серьезно ли она говорит. Половина слов в ее изложении не соответствовала оригиналу, и неспроста... Он не собирался ее поправлять.

Правда, долго раздумывать о смысле оговорки ему не пришлось: роскошная еда снова заставила его обо ноем позабыть. В любом случае, у него не было сил разбираться, куда клонит собеседница.

— А наш почтальон *пел* для нас!

Ребяческое восклицание исходило от темноволосого гиганта с начинающей седеть бородой. Воспоминания затуманили его взор.

— По субботам, возвращаясь из школы, мы слышали его пение за целый квартал! Он был совсем черный, куда чернее, чем миссис Хаулетт или, к примеру, мистер Хортон — видите? Ну и голос у него был! Наверное, потому ему и досталась эта работа. Он всегда приносил мне особые монетки — я собирал их. И звонил в звонок, чтобы вручить их мне из рук в руки.

В его голосе звучала нескрываемая зависть и тоска по минувшему.

— А когда я была маленькой, наш почтальон

только посвистывал, — сказала женщина средних лет с изборожденным глубокими морщинами лицом. Ее голос звучал разочарованно. — Зато это был очень милый человек. Позже, уже когда я выросла, придя как-то раз с работы, узнала, что почтальон спас жизнь одному соседу: услыхав, что тот подавился, он делал ему искусственное дыхание, пока не подоспела «скорая».

Слушатели дружно вздохнули, словно присутствовали при повествовании о подвигах древнего героя. Воспоминания становились все более цветистыми, дети внимали им, широко раскрыв глаза. Во всяком случае, хоть и поглощенный едой, Гордон смутно сознавал, что их реакция должна быть именно такова. Скоро пошли столь невероятные подробности, в которые с трудом верилось при всем желании.

Миссис Хаулетт тронула Гордона за колено.

— Ну, расскажите еще разок, как вы заделались почтальоном.

Гордон в отчаянии пожал плечами:

— Я нашел его вещи, только и всего! — выговорил он, не переставая жевать. Волшебные запахи, витавшие над столом, довели его до полуобморочного состояния; в то же время сомкнувшаяся вокруг толпа вселяла в него панику. Впрочем,

если взрослые жители деревни предпочитают окутывать романтическим флером свои воспоминания о людях, которых они в былые времена считали мальчиками на побегушках, то это их дело. Наверное, его сегодняшнее выступление навеяло воспоминания о некотором альтруизме, который они подмечали в свое время, еще детьми, у людей, снабжавших их почтой. Сколько угодно! Пусть воображают невесть что, только бы не мешали есть!

— Вот как! — Люди переглядывались, понимающе кивали, словно в ответе Гордона содержался глубокий смысл. Он слышал, как его слова побежали по толпе, мигом достигнув ее периферии.

— Он нашел вещи почтальона и, само собой, сделался им...

Они усмотрели в его ответе нечто такое, что их умиротворило; толпа стала редеть. Лишь позднее Гордон осознал, сколь важное событие произошло в свете масляных ламп, пока он упивался давно позабытым вкусом добротной еды.

5

«...мы обнаружили, что в нашей клинике имеется большой запас разнообразных дезинфициру-

ющих и обезболивающих средств. Насколько нам известно, в Бенде и в центрах для сбора беженцев к северу их остро недостает. Мы готовы обменять часть этих медикаментов, а также грузовик с деионизирующими очистителями, брошенный кем-то у нас, на тысячу ампул тетрациклина, чтобы спастись от эпидемии бубонной чумы, надвигающейся с востока. Возможно, мы согласились бы вместо тетрациклина и на активную культуру дрожжей, выделяющих баломицин, если бы кто-нибудь научил нас, как с ней обращаться. Кроме того, мы испытываем острую необходимость в...»

По всей видимости, мэр Джилкриста обладал недюжинной силой воли, раз ему удалось уговорить местный комитет по действиям в чрезвычайной ситуации одобрить подобный обмен. Усиленное накопление запасов, противоречившее всякой логике и исключавшее взаимопомощь, было одним из главнейших факторов, приведших к коллапсу. Гордон только удивлялся, что в первые два года Хаоса еще оставались люди, сохранившие крупицы здравого смысла.

Он принялся тереть глаза. Чтение оказалось непростым занятием при свете двух самодельных

свечек. Однако ему никак не удавалось заснуть на ложе из мягких матрасов; он готов был не смыкать глаз, лишь бы не провести ночь на полу. Сколько месяцев он мечтал именно о такой постели в именно такой комнате!

Незадолго до этого его стошнило. Неумеренное количество пищи и домашнего пива привело его от головокружительной легкости к тяжким страданиям. Несколько часов он находился где-то между этими противоположными состояниями, пока наконец не ввалился в отведенную ему комнату, почти не помня событий празднества.

На столике рядом с кроватью его ждала зубная щетка — наконец-то! — и металлический таз с горячей водой.

Мыло! Стоило ему ополоснуться, как резь в желудке сама собой утихла.

Гордон улыбнулся, увидев, что его форма выстирана и тщательно выглажена. Она лежала на стуле; дыры, которые он кое-как залатал в походных условиях, были с любовью заштопаны.

Он не мог винить жителей этого крохотного селения за то, что они упустили из виду еще одну из его насущных потребностей, нечто, без чего он столь долго обходился, что не смел сейчас и помыслить об этом. Хватит с него и того, что ему

предоставлено. Он находился почти что в раю.

Нежась на ветхом, но безупречно чистом постельном белье и дожидаясь, когда же его наконец сморит сон, Гордон изучал переписку людей, давно покинувших этот мир. Мэр Джилкриста писал:

"Нам чрезвычайно трудно сладить с местными бандами «мастеров выживания». На наше счастье, все они слишком большие эгоисты, чтобы сбиться в крупные стаи. Я полагаю, пока они причиняют друг другу не меньше беспокойства, чем нам. Однако постепенно они становятся настоящей проблемой для нас.

Наш шериф постоянно попадает под обстрел хорошо вооруженных людей в армейском камуфляже. Несомненно, эти идиоты принимают его за «лакея русских» или что-то в этом роде.

Они взяли привычку охотиться, убивая в лесу все живое и заготовляя в огромном количестве мясо. Наши охотники, возвращаясь, с отвращением рассказывают, сколько дичи те переводят понапрасну; кроме того, в самих наших охотников часто палят ни с того ни с сего.

Знаю, что могу показаться слишком настойчивым, но, когда у вас появится возможность выделить нам взвод, закончивший переселение

беженцев, не поручили бы вы ему помочь нам разделаться с этими романтическими негодяями, одержимыми эгоизмом и накопительством? Надеюсь, пары подразделений американской армии хватит для того, чтобы убедить их, что война выиграна и теперь всем без исключения надо сотрудничать..."

Гордон огорченно отложил письмо.

Значит, и здесь все происходило как везде. Последней каплей стала эта чума — «мастера выживания», особенно те из них, кто провозгласил своим пророком проповедника безбрежной, жестокой анархии Натана Холна.

Одной из обязанностей Гордона в бытность ополченцем являлось искоренение небольших банд этих головорезов-горожан, помешавшихся на огнестрельном оружии. Он удивлялся, какое огромное количество укрепленных пещер и хижин этих параноиков, расплодившихся в трудные послевоенные годы, разоружает его подразделение в прерия и на островках посреди озер.

Ирония ситуации состояла в том, что дело определенно уже шло на лад! Депрессия была преодолена, люди снова взялись за совместный труд. Если не считать горстки психов, Америку и

весь остальной мир ждало блестящее возрождение. Однако все как-то забыли, сколько бед может причинить даже горстка психов.

Разумеется, когда все и впрямь рухнуло, маленькие крепости продержались надолго. Большая часть этих муравьиных бастионов в первые же месяцы по дюжине раз переходила из рук в руки, ибо они являлись естественными целями атакующих. Равнины оставались аренами сражений, пока не была расколочена последняя солнечная батарея, снесен последний дающий электроэнергию ветряк, разграблен охотниками за вожделенными наркотиками последний склад медикаментов.

Выстояли только те ранчо и деревни, где в должной пропорции сочетались стойкость, внутренняя спайка и здравый смысл. К тому времени, когда все отряды национальной гвардии геройски погибли на своих боевых постах или сами растворились среди банд рыскающих по разоренной местности «мастеров выживания», в живых остались лишь немногие вооруженные отшельники, первыми ушедшие в леса.

Гордон в который раз посмотрел на штамп на конверте. Два года после войны! Он покачал головой. Раньше ему было невдомек, что кто-то

ухитрился продержаться так долго.

Мысль об этом причинила ему боль, как старая потревоженная рана. Неужели последние шестнадцать лет могли бы пройти совсем по-другому?..

До его слуха донесся слабый шорох. Гордон вздрогнул. Наверное, послышалось... Шорох повторился, только уже громче, и он понял, что кто-то скребется в дверь.

— Войдите, — позвал он.

Дверь наполовину приоткрылась, и Гордон увидел Эбби — хорошенькую брюнетку с по-восточному раскосыми глазами. Она смущенно улыбалась. Гордон сложил письмо и засунул его обратно в конверт.

— Хэлло, Эбби. В чем дело? — Он улыбнулся в ответ.

— Я... я пришла спросить, не нужно ли вам еще чего-нибудь, — торопливо ответила она. — Вам понравилось умывание?

— Еще как! — Гордон вздохнул, лихорадочно прикидывая, что бы еще сказать. — Но самый ценный дар — зубная щетка. Это вообще послание с небес.

— Вы же говорили, что лишились своей. — Она опустила глаза. — У нас на складе еще осталось

пять-шесть неиспользованных. Я рада, что вы удовлетворены.

— Так это была ваша идея? Низкий вам поклон. Теперь я — ваш должник.

Эбби широко улыбнулась.

— Вы читали письмо? Можно мне взглянуть? Никогда в жизни не видела письма.

— Бросьте, не такая уж вы малолетка! — Гордон усмехнулся. — Даже до войны не видели?

Эбби покраснела.

— Когда все случилось, мне исполнилось лишь четыре года. Это был такой страх, такая неразбериха, что я... почти ничего не помню.

Он прикрыл глаза. Неужто прошло так много времени? Да, шестнадцать лет — достаточный срок, чтобы все теперешние красавицы на земле не знали ничего, кроме темноты. Потрясающе!

— Тогда глядите. — Он пододвинул к кровати стул, но она обошла его и уселась прямо на постель. Гордон запустил руку в мешок, вытащил оттуда очередной ветхий, пожелтевший конверт, аккуратно расправил листок и протянул ей.

Эбби уставилась на бумагу так сосредоточенно, что он сперва решил — она погрузилась в чтение. От усилий ее тонкие брови сошлись на переносице, однако вскоре она подняла глаза.

— Боюсь, для этого нужно уметь читать гораздо лучше, чем я. То есть я могу прочесть надпись на консервном банке и тому подобное, но у меня не было практики с написанным от руки и с... предложениями.

Последние слова она произнесла еле слышно. Девушка была смущена, но не испытывала ни малейшего страха; она полностью доверяла ему, словно пришла исповедаться. Он опять улыбнулся.

— Не беда. Я расскажу вам, о чем тут речь. — Он поднес письмо поближе к пламени свечи. Эбби придвинулась к нему и теперь сидела, почти касаясь его колен и не сводя глаз с исписанного листка.

— Письмо написал некто Джон Бриггс, из Форт-Рока, штат Орегон, человеку, у которого он прежде работал и который жил в Кламат-Фолс. Судя по изображенным на бланке станку и лошадке, Бриггс был когда-то механиком или плотником. Гм-м... — Почерк оказалось действительно нелегко разобрать. — Выходит, этот Бриггс славный малый. Он предлагает бывшему боссу прислать к нему своих детей, пока не кончится вся заваруха. Кроме того, он пишет, что у него хорошая мастерская, свой генератор и полно же-

леза. Он спрашивает, не желает ли босс заказать чего-нибудь...

Гордон закашлялся. Он все еще испытывал похмелье, и до него только сейчас дошло, что у него на кровати сидит как ни в чем не бывало хорошенькая женщина. Промявшись под его весом, матрас заставил ее соскользнуть вплотную к нему. Гордон поспешил снова уткнуться в прыгающие строчки.

— Дальше Бриггс пишет о том, как плотина в Форт-Роке подает электроэнергию... Телефоны уже вышли из строя, но, как ни странно, он все еще имел связь с Юджином благодаря компьютерной сети...

Эбби смущенно взглянула на него. Он понял, что большая часть из того, что он рассказывает ей об авторе письма, звучит для нее тарабарщиной. «Мастерская», «компьютерная сеть» — древние магические символы, полные неведомой силы...

— Почему вы не принесли писем для нас в Пайн-Вью? — прозвучал неожиданный вопрос.

Гордон ошеломление разинул рот. Девушка отнюдь не глупа — он достаточно разбирался в людях, чтобы сделать такой вывод. Тогда почему же все то, что он говорит с первой минуты своего появления в Пайн-Вью, а потом у стола, здешние

жители понимают абсолютно превратно? Она по-прежнему считала, что перед ней почтальон; того же мнения придерживались и остальные обитатели деревни.

От кого, интересно, он должен был принести для них почту? По всей видимости, она пока не сообразила, что письма, с которыми он у них появился, отправлены давным-давно, их авторы давным-давно поумирали, как и адресаты, а Гордон просто не расставался с ними... по своим соображениям.

Миф о нем как о действующем почтальоне, зародившийся в Пайн-Вью, скорее огорчил Гордона. Он усматривал в этом еще один признак вырождения умов. А ведь многие из здешних людей в свое время кончили школу, а то и колледж! Он решил огорошить их правдой, выложив все начистоту, чтобы раз и навсегда пресечь их фантазии. Прямо сейчас и начать!

— При мне нет никаких писем для вас, потому что...

Гордон запнулся. Он все больше чувствовал ее близость, ее запах, видел соблазнительные очертания ее тела. Как она ему доверяет!

Он вздохнул и отвернулся.

— При мне нет никаких писем для жителей

вашей деревни, потому что... потому что я иду на запад из Айдахо, а там о вашем Пайн-Вью никто не знает. Отсюда мой путь будет лежать к океанскому побережью. Возможно, там еще остались большие города. Вдруг...

— Вдруг кто-нибудь из тамошних жителей напишет нам! Но для этого мы должны первые отправить им письма. — Эбби загорелась. — Тогда, снова проходя через наши места на обратном пути в Айдахо, вы вручите нам письма, написанные ими, и снова побалуете представлением, как сегодня. А мы уж так накачаем вас пивом и закормим пирогами, что вы лопнете! — Она даже несколько раз подпрыгнула на краю постели. — К тому времени я научусь читать гораздо лучше, чем сейчас, обещаю вам!

Гордон с печальной улыбкой покачал головой. Он не чувствовал себя вправе разрушать столь светлые мечты.

— Не исключено, Эбби, совсем не исключено. Но, да будет тебе известно, есть гораздо более легкий способ обучиться грамоте. Миссис Томпсон выступила с предложением поставить на голосование предложение, чтобы я на какое-то время остался у вас. Полагаю, официально я бы именовался учителем, хотя мне бы пришлось

доказать, что я могу также сносно охотиться и пахать. Я мог бы обучать вас стрельбе из лука...

Он умолк, заметив удивление на лице Эбби.

— Так вы не слышали? — Она покачала головой. — Голосование уже состоялось — вы как раз ушли принимать ванну. Миссис Томпсон должно быть стыдно, что она попыталась подкупить такого человека, как вы, выполняющего столь важную миссию!

Он сел в кровати, не веря собственным ушам.

— Что ты сказала? — А он-то лелеял надежду задержаться в Пайн-Вью хотя бы на холодное время года, а то и на год... Кто знает, может, он вообще осел бы здесь. Не исключено, что его покинет тяга к странствиям и он обзаведется домом...

Изумление уступило место гневу. Гордон прилагал все усилия, чтобы не выказать своих чувств. Расстаться со столь блестящей возможностью только из-за глупых ребяческих фантазий, овладевших толпой!

Почувствовав, как он взволнован, Эбби зачастила:

— Причины, естественно, этим не исчерпывались. Еще одна серьезная проблема состоит в том, что у нас нет для вас женщины. К тому же, — тут она понизила голос, — миссис Хаулетт решила,

что никто лучше вас не поможет нам с Майклом наконец обзавестись малышом...

Гордон захлопал глазами и что-то промычал, демонстрируя полное непонимание.

— Мы стараемся уже пять лет, — объяснила она. — Мы так хотим иметь детей! Но, по мнению мистера Хортона, у Майкла не может быть своих детей, потому что в двенадцатилетнем возрасте он переболел тяжелой формой свинки. Вы ведь помните, какая тогда свирепствовала свинка?

Гордон кивнул, вспоминая потерянных друзей. Выкарабкавшиеся становились бесплодными, и как следствие возникали самые невероятные способы решения проблемы, — так было повсюду, где ему приходилось бывать. И все же...

Эбби торопилась высказаться:

— Если бы мы обратились к кому-нибудь из здешних мужчин с просьбой исполнить роль... отца, это впоследствии привело бы к проблемам. Понимаете, живя с людьми бок о бок, как мы тут, женщины вынуждены смотреть на всех остальных мужчин, кроме собственного мужа, как не на мужчин... ну, вы понимаете. Вряд ли это пришлось бы мне по нраву, отсюда и неизбежные затруднения. — Она в который раз покраснела. — К тому же я открою вам секрет, если вы обещаете

не болтать. Вряд ли кто-нибудь из наших мужчин способен одарить Майкла таким сыном, какого он заслуживает. Уж очень он смышленый парень... Из нашей молодежи он — единственный, кто умеет по-настоящему читать.

Все эти неслыханные логические построения выливались на Гордона слишком стремительно, чтобы он успевал их воспринимать. Одна часть его разума бесстрастно констатировала, что ему рассказывают о вполне рациональном решении маленьким племенем сложной общественной проблемы; однако другая, в которой сконцентрировался интеллектуальный багаж конца XX века, все еще находясь слегка под хмельком, отказывалась что-либо понимать; была еще третья часть, пока просто смекавшая, что к чему.

— Вы — не такой, как другие, — поощрительно добавила Эбби. — Майкл и сам сразу это заметил. Не скажу, чтобы он был очень счастлив, но полагает, что вы будете заглядывать к нам не чаще одного раза в год, и уж это он еще как-нибудь выдержит. Лучше уж так, чем на всю жизнь остаться без детей.

Гордон откашлялся.

— Ты уверена, что он относится к этому именно так?

— Совершенно уверена! Иначе почему, по-вашему, миссис Хаулетт знакомила нас таким странным образом? Как раз для того, чтобы все стало ясно без слов. Миссис Томпсон это не больно по душе, но скорее потому, что ей захотелось, чтобы вы у нас остались.

У Гордона пересохло во рту.

— А как к этому относишься ты сама?

Но ответ уже был написан у нее на лице: она взирала на него, как на случайно заглянувшего к ним пророка или, на худой конец, героя из сказочной книжки.

— Для меня было бы большой честью, если бы вы сказали «да», — прошептала она и потупила взор.

— А на меня ты готова смотреть как на настоящего мужчину?

Вместо ответа Эбби впилась поцелуем в его губы.

Последовала недолгая пауза, во время которой она раздевалась, а Гордон тушил свечи. Рядом с ложем поблескивала медным значком — всадником, вцепившимся в лошадиную гриву, за седлом которого громоздятся мешки с почтой, — почтальонская форма. Казалось, всадник летит в неудержимом галопе.

«Теперь я вдвойне ваш должник, мистер Почтальон».

Он ощутил прикосновение гладкой кожи Эбби к своему бедру. Не успел он задуть вторую свечу, как она уверенно обняла его.

6

Десять дней подряд Гордон вел новую для себя жизнь. Словно вознамерившись наверстать упущенное за полгода бродяжничества, он неизменно спал допоздна, а просыпаясь, обнаруживал, что Эбби ускользнула, как ночной сон.

Однако простыни долго хранили ее запах, ее тепло. Он с наслаждением потягивался и открывал глаза. Солнечные лучи, заглядывавшие поутру в окно, воспринимались им как нечто невиданное; в его сердце пела весна, несмотря на то что осень уже вступала в свои права.

Днем Гордон ее почти не видел. Умывшись, он торопился на ферму, где с энтузиазмом помогал колоть на зиму дрова и рыть глубокий колодец. Только когда все работники деревни собирались для дневной трапезы, Эбби возвращалась из коровника. Но и тут она, вместо того чтобы обедать со всеми, подменяла одноногого Лотса,

приглядывавшего за малышней. Весело смеясь, она собирала с их одежды шерсть, приставшую во время работы, — дети тоже не сидели без дела, — и вынимала из их тарелок вымокшие клочья.

Эбби редко удостаивала Гордона взглядом, но он довольствовался и ее мимолетной улыбкой. Он знал, что по прошествии нескольких дней утратит на нес права, но даже малейшие знаки внимания помогали ему освоиться с мыслью, что все происходящее — реальность, а не сон.

Вторую половину дня он проводил в обществе миссис Томпсон и других старейшин, помогая восстанавливать давно заброшенный учет. В свободное время Гордон давал желающим уроки чтения и стрельбы из лука. Как-то раз ему и миссис Томпсон пришлось осваивать начала полевой медицины: их помощь понадобилась человеку, отведавшему зубов «тигра» — так местные жители прозвали новую разновидность пумы, возникшую при спаривании с леопардами, разбежавшимися из зоопарков в послевоенном хаосе. Охотнику и повезло, и нет: он наткнулся на хищника, когда тот расправлялся с добычей; на счастье, уже опрокинув человека на землю, зверь почему-то оставил его в живых, а сам исчез в зарослях. Гордон и достойная пожилая дама

пришли к заключению, что рана заживет.

По вечерам все население Пайн-Вью собиралось в бывшем гараже, где Гордон баловал их пересказами Твена, Сейлза, Кейлора. Он выступал запевалой при исполнении старых народных песенок и давних рекламных номеров, а также предлагал разные детские игры. Потом наступало время для театрального действа.

Одевшись в немыслимые лохмотья, он изображал Джона Пола Джонса, бросающего вызов недругам с палубы утлого суденышка; потом преображался в Антона Персеваля, исследующего опасные тайны неведомых миров и познающего собственную немеряную силу в обществе взбесившегося робота; потом становился доктором Хадсоном, с честью выходящим из ужасных передряг и спешащим на помощь жертвам биологического оружия.

Поначалу Гордон чувствовал себя не совсем в своей тарелке, когда ему приходилось напяливать шутовской наряд и носиться по импровизированной сцене, воздевая руки и выкрикивая текст, выуженный из омута памяти, а чаще выданный экспромтом. Он никогда не был поклонником актерского ремесла, даже до страшной войны.

Однако ремесло это хорошо ли, плохо ли поз-

волило ему пересечь половину континента, и за это время он его более-менее освоил. Гордон чувствовал, что зрители следят за ним как завороженные, что они изголодались по чуду, по чему-то такому, что позволило бы им унестись в воображении за пределы своей узкой долины; их наивная вера поощряла его, и он выбивался из сил, лишь бы не ударить в грязь лицом. Изрытые язвами, покрытые шрамами, скрученные годами непосильного труда, люди вскидывали голову, в глазах, затуманенных временем, зажигалась потребность в воспоминаниях. Работоспособность их памяти восстанавливалась только при посторонней помощи.

Лицедействуя, Гордон возрождал в душах зрителей тягу к возвышенному. Продекламировав последние строки очередного монолога, он ловил себя на том, что тоже позабыл о настоящем, во всяком случае на короткое время представления.

Вечер за вечером Эбби вознаграждала его за пролитый на сцене пот. Сперва она сидела на краю постели и развлекала его болтовней о своем детстве, о коровах, о деревенских ребятишках, о Майкле. Принеся книги, она допытывалась, о чем они, расспрашивала, как он провел юность, что значило быть студентом в распрекрасные дни,

предшествовавшие Светопреставлению.

Потом Эбби с улыбкой откладывала пыльные фолианты и забиралась к нему под простыню, пока он торопливо гасил чадящую свечку.

* * *

На десятое по счету утро она не улизнула от него при первых проблесках зари, а разбудила нежным поцелуем.

— М-м-м, с добрым утром, — промычал он и потянулся было к ней, но она отодвинулась и сгребла спою одежду, скользнув грудью по его плоскому животу, поросшему мягкими волосками.

— Надо было дать тебе еще поспать, — посочувствовала Эбби. — Но мне захотелось кое о чем тебя спросить. — Пока что она держала свое платье в руках.

— М-м-м... О чем же? — Гордон подоткнул под голову подушку.

— Кажется, ты сегодня нас покидаешь?

— Да. — Он серьезно кивнул. — Так будет лучше. Я бы не прочь остаться еще, но раз это все равно невозможно, предпочитаю продолжить свое путешествие на запад.

— Знаю. — Ее серьезность не уступала его. —

Всех нас твой уход очень печалит. Но... сегодня я отправлюсь к Майклу — он все еще проверяет капканы. Я так по нему соскучилась! — Эбби погладила его по щеке. — Тебя это не обижает, правда? Конечно, быть с тобой замечательно, но он мне муж, и...

Гордон с улыбкой накрыл ладонью ее руку. Он сам удивлялся своей толстокожести. Майклу он скорее завидовал, нежели ревновал. Логика их отчаянного желания обзавестись детьми и их нежная любовь друг к другу превращали ситуацию из курьезной во вполне житейскую, так что Гордон нисколько не сомневался сейчас в необходимости полюбовного разрыва с Эбби. Он искренне надеялся, что не обманул их ожидания. И что бы они там ни нафантазировали для себя, он очень сомневался, что ему еще доведется когда-нибудь встретиться с этой парой.

— У меня есть для тебя маленький сюрприз. — С этими словами Эбби вынула из-под кровати серебряный предмет на цепочке и бумажный пакетик. — Это свисток. Миссис Хаулетт говорит, что тебе без него никуда. — Она надела цепочку ему на шею и, поправив свисток, удовлетворенно кивнула. — Кроме того, она помогла мне написать вот это письмо. — Наступила очередь

пакетика. — В ящике на заправочной станции я нашла немного марок, но они никак не приклеивались. Поэтому вместо марок я собираюсь заплатить — вот тебе четырнадцать долларов. Хватит?

Гордон увидел горсть смятых купюр и с трудом поборол усмешку. Накануне к нему, таясь от других, подошли по одному человек пять-шесть. Он принял их конверты и примерно такую же оплату за отправление, сохраняя каменное выражение лица. Он мог бы воспользоваться ситуацией и попросить у них вместо никчемных денег что-нибудь по-настоящему нужное, однако община и без того уже снабдила его месячным запасом вяленого мяса и сухих яблок, а также двадцатью стрелами для лука. Гордон так и не сообразил, чего бы у них взять еще, а главное, не захотел ничего выпрашивать.

У людей постарше были родственники в Юджине, Портленде, долине реки Уилламетт. Поскольку его путь лежал примерно в ту же сторону, он захватил их письма. Несколько писем оказались адресованы жителям Окриджа и Блу-Ривер — эти он положил на дно рюкзака. Остальные послания Гордон вполне мог бы выбросить в озеро Крейтер, ибо они никак не могли

попасть к адресатам, однако он сыграл навязанную ему роль до конца.

Сейчас он, как и в других случаях, тоже отсчитал несколько бесполезных бумажек, а остальные вернул ей.

— Кому ты пишешь? — поинтересовался Гордон, забирая письмо. Он казался самому себе Санта-Клаусом и получал от этой роли некоторое удовольствие.

— В университет. Это в Юджине — знаешь? Я назадавала им уйму вопросов: например, не начали ли они прием студентов? И берут ли семейных? — Эбби покраснела. — Знаю, знаю, мне еще предстоит потрудиться, чтобы выучиться толком читать. Может статься, они пока не до конца опомнились и не возобновили прием. Но Майкл и так умница... К тому времени, когда мы получим ответ, я уже успею поднабраться премудрости.

— Когда вы получите... — Гордон прикусил язык.

Эбби кивнула.

— Читать я во всяком случае буду гораздо лучше. Миссис Томпсон обещала мне помогать. А ее муж согласился открыть этой зимой школу. Я могу присматривать за малышами. У меня есть

мечта выучиться на учительницу. Думаешь, глупо?

Гордон покачал головой. Он полагал, что утратил способность умиляться, но эти откровения его тронули. Пусть представления Эбби об окружающем мире не имели ничего общего с действительностью, от них веяло теплом, и он помимо воли тоже размечтался. В конце концов, мечты еще никому не причинили вреда.

— А вообще-то, — продолжала свою исповедь Эбби, теребя платье, — главная причина, почему я решила написать письмо, — желание иметь друга или подружку по переписке. Кажется, это так называется? Вдруг кто-нибудь напишет мне из Юджина? Вот и нам здесь стали бы приходить письма. Как было бы здорово — получить письмо! И потом... — она опустила глаза, — у тебя появилась бы дополнительная причина вернуться к нам, скажем, через год. Разве тебе не захочется взглянуть на ребеночка? — На ее щеках заиграли ямочки. — Я почерпнула это из твоей пьесы о Шерлоке Холмсе — «скрытые мотивы», да?

Она пребывала в столь неподдельном восторге от собственного остроумия и так жаждала заслужить его одобрение, что Гордона захлестнула могучая полна нежности, и он испытал почти

физическую боль. Крепко обняв Эбби, он вел героическую борьбу со слезами. Прижимая ее к себе и легонько покачивая, Гордон смежил веки, чтобы не смотреть в лицо правде: вместе с ее сладостным ароматом он вдыхал ее оптимизм — то, чего мир, казалось бы, лишился безвозвратно.

7

— Здесь я с вами распрощаюсь. — Миссис Томпсон обменялась с Гордоном рукопожатием. — Эта дорога вполне безопасна до самого озера Дейвис. Последние из свихнувшихся «мастеров выживания» перебили здесь друг дружку еще несколько лет тому назад, однако я бы на вашем месте все равно не забывала про осторожность.

Осень выдалась холодной. Гордон доверху застегнул молнию своей почтальонской куртки и, поправив кожаную сумку, принял из рук прямой как палка старухи старую карту.

— Я велела Джимми Хортону пометить все известные нам местечки, где хоть кто-нибудь обосновался. Однако я не советовала бы обращаться к этим людям без острой необходимости. Чересчур подозрительный народ, склонный стрелять без предупреждения. Мы только недавно

установили кое-какой обмен с теми, кто живет ближе всего к нам.

Гордон кивнул, аккуратно свернул карту и убрал в кармашек на ремне. Чувствуя себя отдохнувшим и готовым к переходу, он с сожалением расставался с Пайн-Вью, как с любым райским местечком, какие ему выпадало счастье посещать в последнее время. Впрочем, его ждала дорога, он испытывал зуд нетерпения и рвался в путь, чтобы взглянуть, что осталось от западной части штата Орегон.

За годы, истекшие с той поры, как он простился с руинами Миннесоты, ему приходилось сталкиваться и с более мрачными признаками наступивших диких времен. Сейчас Гордон обозревал край, который прежде славился беззаботной жизнью, развитой легкой промышленностью, тучными стадами и высоким уровнем культуры. Возможно, его заразила наивность Эбби, но ведь и элементарная логика подсказывала, что долина реки Уилламетт — как раз то место, где могла сохраниться цивилизация, если она вообще где-то сохранилась.

Он снова взял пожилую даму за руку.

— Миссис Томпсон, прямо не знаю, смогу ли я когда-нибудь отплатить вам за все, что вы для

меня сделали...

Она покачала головой. Ее загорелое лицо покрывала такая густая сеть морщин, что Гордон нисколько не сомневался, что ей гораздо больше пятидесяти, хотя она назвала именно эту цифру.

— Что вы, Гордон, вы с лихвой нам заплатили. Мне бы, конечно, очень хотелось, чтобы вы остались и помогли наладить дело со школой. Впрочем, теперь я понимаю, что, вероятно, мы справимся и сами. — Она оглядела неширокую долину. — Знаете, последние годы, с тех пор как стали вызревать неплохие урожаи и вернулась дичь, мы живем как во сне. Сами видите, как обстоят дела: взрослые люди, которые когда-то неплохо трудились и читали журналы, набрасываются на помятого нищего актера и начинают его откармливать, как пасхальную крольчиху! — Она посмотрела ему в лицо. — Ведь даже Джим Хортон передал вам парочку писем?

Гордону стало жарко. Несколько секунд он не смел поднять глаза. Потом его разобрал смех. Он облегченно вздохнул, сваливая с плеч немалую тяжесть — фантазии такого количества людей.

Миссис Томпсон была его союзницей.

— По-моему, все получилось вполне безобидно. И даже более того! Вы подействовали как...

такое автомобильное словечко... катализатор! Представляете, дети в перерывах между занятиями хоровым пением и ужином уже исследуют окрестные развалины и тащат найденные там книги. Мне будет легче легкого превратить учение в школе в привилегию для самых достойных. Только вообразите себе новый вид наказания: запрет появляться в классе! Надеюсь, мы с Бобби не подкачаем.

— Желаю вам удачи, миссис Томпсон, — искренне сказал Гордон. — Господи, как это прекрасно — луч света посреди океана руин!

— Понимаю вас, сын мой. Вы испытали блаженство. — Миссис Томпсон вздохнула. — Вот вам мой совет: подождите годик и возвращайтесь. Вы — человек добрый, хорошо обошлись с моими людьми. Кроме того, вы деликатно подошли к таким вещам, как, скажем, история с Эбби и Майклом. — Она на секунду нахмурилась. — По-моему, я догадываюсь, что у вас происходило. Что ж, это только к лучшему. Голь на выдумки хитра. В общем, повторяю: будем рады принять вас снова.

Миссис Томпсон повернулась и побрела назад. Но, сделав несколько шагов, оглянулась; Гордон прочел в ее взгляде смущение и желание разре-

шить загадку.

— На самом деле вы не почтальон, не правда ли? — быстро спросила она.

Он с улыбкой поправил на голове фуражку с начищенной медной кокардой.

— Вот принесу вам письмо-другое, тогда и узнаете наверняка.

Она угрюмо кивнула и засеменила прочь по выщербленному асфальту. Гордон смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, а потом зашагал на запад, вниз, к побережью Тихого океана.

8

Баррикады давно обезлюдели. Стена поперек шоссе номер 58, возведенная на западной окраине города Окридж, превратилась в груду бетонных обломков, переплетенную арматурой. Сам город тоже безмолвствовал. Во всяком случае, восточная его часть была мертва.

Гордон глядел на асфальт главной улицы, изучая по воронкам на нем недавнюю историю. Здесь разыгрались две, а то и три схватки. В центре зоны наибольших разрушений сохранился фасад с надписью «Клиника неотложной помощи». На верхнем этаже гостиницы остались нетронуты-

ми три окна, которые сейчас яростно отражали утреннее солнце. Однако даже там, где разбитые витрины магазинов были заколочены досками, замусоренные тротуары усеивало битое стекло.

Гордон, собственно, и не ожидал застать здесь более благополучную картину, однако чувства, с которыми он покидал Пайн-Вью, какое-то время еще жили в его душе, и он очень надеялся набрести на новые островки мира, особенно тут, в плодородной долине реки Уилламетт. Окридж вряд ли мог выжить, но он мечтал что найдет хоть какие-то признаки возрождения, которые не дадут угаснуть его оптимизму, — скажем, следы продуманных усилий по восстановлению нормальной жизни. Если здесь, в Орегоне, существовало подобие индустриальной цивилизации, то в таком городе, как Окридж, должны были бы прибрать к рукам все, что могло пригодиться умелым людям.

Однако в двадцати метрах от своего наблюдательного поста Гордон увидел развалины заправочной станции с обильно рассыпанными по замасленному полу гаечными ключами, плоскогубцами и разноцветными пучками проводов. Ни разу не использованные покрышки по-прежнему висели над подъемником.

На этом основании он заключил, что с Окриджем случилось худшее, что могло случиться, — во всяком случае, с его точки зрения. Все необходимое для машинной культуры присутствовало здесь в большом количестве, однако так никого и не заинтересовало и давно мирно ржавело, что говорило об отсутствии поблизости каких бы то ни было признаков общества, опирающегося на технологию. Зато ему придется пройти тем же путем, каким прошло до него полсотни волн мародеров, чтобы откопать что-нибудь, пригодное для одинокого путника, как он.

Гордон покорно вздохнул: это ему было не впервой.

Даже среди развалин в центре Бойса, бывшего в прежней жизни столицей штата Айдахо, грабители, опередившие его, проглядели целый погреб с консервами позади обувной лавки, который год за годом набивал жратвой какой-то любитель накопительства. За многие годы у Гордона развился особый нюх, помогающий делать такие находки, и выработались оригинальные методы поиска.

Он добрался до того места, где бывшая бетонная стена терялась в лесу. Там он принялся петлять на случай, если за ним наблюдают. Облюбовав местечко, откуда были видны приметные ори-

ентиры, Гордон сложил свою кожаную сумку и фуражку под кедр, прикрыл это добро почтальонской курткой и, наломав веток, забросал тайник сверху.

Он был готов на все, лишь бы избежать конфликта с подозрительными местными обитателями, однако ему и в голову не пришло остаться безоружным — так бы поступил только умалишенный. Ситуация, в которой он сейчас находился, была чревата столкновениями двух типов. В одном случае лучше всего сгодился бы бесшумный лук, в другом он мог без колебаний использовать бесценные и незаменимые патроны 38-го калибра. Проверив готовность револьвера, Гордон застегнул кобуру. При нем имелись также лук со стрелами и матерчатый мешок для находок.

В первых нескольких домах, на самой окраине, передовые волны мародеров потрудились на славу, разнеся все в щепки, но не слишком тщательно обшарив разные закутки. Подобное зрелище неизменно производило удручающее впечатление на более умеренных собирателей, приходивших следом, и те тоже не все прибирали к рукам.

Однако Гордон переходил уже в четвертый по

счету дом, а собранное им было пока так скудно, что никак не могло подтвердить принятой им теории. Дно его мешка оттягивала пара ботинок, практически напрочь загубленных плесенью, увеличительное стекло и две катушки ниток. Он совал нос как в самые обычные места любителей запасаться всевозможным добром, так и в наиболее невероятные, отыскивая тайник, но до сих пор не обнаружил ни крошки съестного.

Мясо, которым его одарили в Пайн-Вью, было еще не целиком съедено, однако подходило к концу. Зато, поднаторев в стрельбе из лука, он добыл пару дней назад небольшую индюшку. Если ему не улыбнется счастье среди развалин, то лучше забыть про поживу здесь и заняться зимой охотничьим промыслом.

Гордону отчаянно хотелось набрести на еще один райский уголок, подобный Пайн-Вью. Однако судьба и так в последнее время была к нему слишком милостива, а обилие удач вызывает подозрение.

Его ждал пятый по счету дом.

* * *

Это двухэтажное здание принадлежало в свое время преуспевающему врачу. Гордон восхищен-

но уставился на огромную кровать с балдахином. Подобно остальным помещениям, спальню обобрали дочиста, оставив гнить только мебель. Однако, забравшись под кровать и исследуя ковер, Гордон пришел к выводу, что его предшественники кое-что проморгали.

Богатый ковер овальной формы лежал явно не на месте. Тяжеленная кровать стояла на нем только правыми ножками, тогда как левые опирались прямо на дощатый пол. Либо владелец проявил небрежность, либо...

Гордон отложил в сторону свои приобретения и ухватился за край ковра. Ну и тяжесть! Он принялся потихоньку сворачивать его.

Удача! Пол рассекала узкая трещина. Одна из ножек кровати стояла прямиком на медной дверной петле. Тайник!

Гордон подналег, но опора балдахина, сперва поддавшись, быстро встала на место. Он возобновил усилия, наполнив дом грохотом.

Четвертый натиск дал плоды: опора раскололась надвое. Гордона едва не проткнуло острым верхним концом, но он успел откатиться в сторону. Балдахин обрушился на кровать, и все древнее сооружение приказало долго жить. Накрытый с головой, Гордон разразился ругательствами, а

потом принялся чихать как одержимый, задохнувшись от пыли.

Наконец, немного придя в себя, он выбрался из-под завала и заковылял прочь из спальни, по-прежнему оглушительно чихая. Ему пришлось даже ухватиться за перила лестницы, ведущей на второй этаж, настолько изматывающим оказался приступ чихания. В ушах звенело, и Гордону показалось, что он слышит голоса.

«В следующий раз это будут уже не голоса, а церковный перезвон», — в изнеможении подумал он.

Наконец, отчихавшись, он протер запорошенные пылью глаза и вернулся в спальню. Крышка тайника красовалась теперь на виду, покрытая густым слоем только что осевшей пыли. Гордону пришлось повозиться, пока он не нащупал край крышки, после чего она откинулась с ржавым стоном.

Тут ему опять показалось, что снаружи дома раздаются голоса. Он замер и обратился в слух. Снова ничего. Он нетерпеливо нагнулся и, разведя в стороны густую паутину, устремил взгляд в тайник.

Внутри находился большой железный ящик. Гордон пошарил вокруг в надежде наткнуться

еще на что-нибудь: то, что мог хранить в довоенные времена в потайном сейфе состоятельный врач — деньги и документы, — представляло для него куда меньшую ценность, нежели консервы, которые могли очутиться здесь в разгар военного безумия. Но нет, ящик — единственное, что скрывал тайник. Отдуваясь, Гордон выволок его на свет.

Ящик оказался тяжелым. Вот бы в нем спрятали не золото и подобный ему хлам! Петли и замок сильно заржавели, поэтому Гордону пришлось взламывать замок ножом. Внезапно, в самый разгар этого занятия он замер.

На сей раз он не ошибся: до него действительно доносились голоса, причем звучали они совсем рядом.

— Кажется, это в доме, — проговорил кто-то в заросшем саду, после чего послышалось шарканье ног по сухим листьям и скрип деревянного крыльца.

Гордон сунул нож в ножны и подобрал свое имущество. Оставив ящик рядом с кроватью, он выскочил из спальни и бросился к лестнице.

Встреча с себе подобными назревала при не очень благоприятных обстоятельствах. В Бойсе и других развалинах среди гор существовал даже

особый кодекс: охотники за добром с окрестных ранчо могли попытать счастья в городе, и при всей необузданности как групп, так и отдельных смельчаков они редко отнимали добычу друг у друга. Лишь одно могло свести их вместе — слух о появлении неподалеку холниста. Во всех остальных случаях они не наступали друг другу на пятки.

В иных местах взяли за правило соблюдать территориальный приоритет. Неужели Гордон забрался на территорию, считающуюся собственностью какого-то клана? Как бы там ни было, лучше ему уносить ноги, и как можно незаметнее.

А впрочем... Он окинул любовным взором брошенный сейф. «Это мое, черт побери!»

На первом этаже раздался тяжелый топот. Теперь уже слишком поздно закрывать крышку тайника или прятать тяжелый ящик. Бранясь про себя, Гордон на цыпочках устремился к узкой лесенке, ведущей наверх.

Верхний этаж представлял собой тесную мансарду. Гордон уже обшарил ее и не обнаружил ничего достойного внимания. Однако сейчас ему нужно было найти укрытие. Он прижимался к наклонным стенам, чтобы не скрипеть полови-

цами. Облюбовав под слуховым оконцем подобие сундука, он положил туда свой мешок и колчан и быстро натянул тетиву лука.

Станут ли они обыскивать дом? Если станут, то сейф наверняка бросится им в глаза. Отнесутся ли они к этому как к проявлению доброй воли удачливого на первых порах соперника, оставят ли часть содержимого ему? Он знал, что там, где еще сохранилось хотя бы примитивное понятие о чести, именно так и поступают.

Держа под прицелом верх лестницы, Гордон, однако, понимал, что находится в ловушке — под крышей деревянного домика. Не приходилось сомневаться, что местные жители, даже если они вернулись в каменный век, владеют искусством добывания огня.

Теперь он слышал шаги троих человек. Они раздавались уже на лестнице, причем подозрительно торопливые, с перепрыгиванием через ступеньки. Когда троица достигла второго этажа, до Гордона донесся крик:

— Эй, Карл, погляди-ка!

— Ты, видать, снова застал на докторской кровати ребятишек, играющих в больницу? Вот черт!

Послышались удары и скрежет металла о металл.

— Че-е-ерт!

Гордон покачал головой. Словарь Карла не отличался разнообразием, зато поражал интонациями.

Теперь в спальне явно рылись в содержимом ящика. Раздались звуки разрываемой бумаги, сопровождаемые столь же тривиальными восклицаниями. Наконец к первым двум голосам присоединился третий, звучавший достаточно отчетливо:

— Молодец этот парень, раз нашел и подбросил нам такое чудо. Жаль, что мы не можем его отблагодарить. Надо бы с ним познакомиться, чтобы не открывать по нему стрельбу при следующей встрече.

Если это была наживка, Гордон не торопился ее заглатывать. Он предпочитал ждать.

— Во всяком случае, он заслуживает, чтобы его предупредили. — Голос первого из троицы, появившегося в доме, звучал нарочито громко. — У нас в Окридже стреляют без предупреждения. Лучше ему уносить ноги, пока в нем не проделали дыру побольше той, которой наградили недавно «мастера выживания».

Гордон кивнул, давая себе слово, что так и поступит.

Наконец, прогремев вниз по лестнице и по крыльцу, шаги стихли. Прильнув к чердачному окошку, расположенному над фасадом, Гордон наблюдал, как все трое покидают дом и направляются к зарослям болиголова, заполонившего всю округу. Кроме винтовок, они несли битком набитые рюкзаки. Проводив их взглядом, он бросился к другому окошку, однако не заметил ничего подозрительного. Опасаться подвоха как будто не приходилось.

Гордон пребывал в уверенности, что гостей было трое. Он слышал шаги троих людей и три голоса. Вряд ли они оставили четвертого в засаде. И все же он соблюдал осторожность, покидая чердак. Сперва он улегся на пол перед люком, ведущим на лестницу, положив рядом лук с колчаном и мешок, и двинулся вперед ползком. Заглянув в люк, он вытащил револьвер и буквально свалился вниз, имея в виду застигнуть врасплох того, кто мог, хотя бы теоретически, устроить ему засаду. Гордон пребывал во всеоружии, готовый всадить все шесть пуль в недруга, если бы таковой обнаружился.

Однако стрелять пока было не в кого: путь на второй этаж свободен.

Гордон потянулся за мешком, не спуская глаз с

лестницы, и тот с шумом упал к его ногам. Сидевший в засаде и тут не обнаружил себя. Подхватив свое имущество, Гордон со всеми предосторожностями спустился еще ниже.

Сейф валялся рядом с кроватью. Он был пуст, если не считать драной бумаги. В нем остались именно те безделицы, которые ожидал увидеть Гордон: акции, коллекция марок, купчая на дом. Однако не только это...

Он впился взглядом в разодранную картонную коробку, с которой только что сняли целлофан. На коробке красовалось изображение двух охотников, сидящих в каноэ и радостно рассматривающих свою новую складную винтовку. Это зрелище заставило Гордона застонать. Не приходилось сомневаться, что в коробке помимо оружия находились и боеприпасы.

«Проклятое ворье», — с горечью подумал он.

Еще один ворох бумажек — и он взбесился окончательно. «Эмпирин с кодеином», «Эритромицин», «Мегавитаминный комплекс», «Морфий»... В этикетках и коробочках не было недостатка, но самих лекарств и след простыл.

При должной хватке подобное богатство сделалось бы для Гордона пропуском в любое поселение. Да что там говорить, с ним он мог

бы претендовать на испытательное членство в одной из зажиточных скотоводческих общин Вайоминга!

Через секунду у него и вовсе потемнело в глазах: на полу лежала пустая коробка с надписью: «Зубной порошок».

Мой зубной порошок!

Гордон сосчитал до десяти, но этого оказалось недостаточно. Он попробовал дышать по науке, однако еще больше приходил в ярость. Свесив голову, он стоял, не находя в себе сил смириться с очередной несправедливостью, на которые так щедра жизнь.

«Все в порядке, — уговаривал он себя. — Я по крайней мере жив. Если мне удастся добраться до своих вещей, то я, вероятно, останусь в живых и дальше. На будущий год, если он наступит, я позабочусь, чтобы у меня не сгнили зубы».

Подобрав мешок и лук, Гордон, все так же осторожно продолжил путь прочь из дома неоправдавшихся ожиданий.

* * *

Человек, длительное время живущий наедине с природой, может дать фору самому умелому охотнику, при условии что последний неизменно

возвращается с промысла домой, к родне и друзьям. Разница состоит в том, что такой человек накоротке знаком со зверьем, с самой дикой жизнью. Сейчас Гордон чувствовал, как напряжены его нервы, не понимая пока, чем это вызвано. Однако ощущение тревоги не проходило.

Он возвращался прежним путем на восточную окраину города, где спрятал пожитки. Неясная тревога заставила его остановиться и оглядеться. Не слишком ли он пуглив? В конце концов ему еще далеко до Иеремии Джонсона, он пока не может расшифровывать звуки и запахи, наполняющие лес, с той же легкостью, как когда-то — уличные указатели. Однако сейчас он озирался, силясь понять, что же все-таки так беспокоит его.

В зарослях преобладали болиголов, широколистный клен и осина, которая, подобно сорняку, поднималась всюду, где было свободное местечко. Пейзаж не имел ничего общего с пересохшим лесом, опостылевшим ему на восточных склонах Каскадных гор, где его к тому же выследили и обобрали среди редких сосенок. Здесь же разливался густой аромат жизни — такого он не вдыхал ни разу после Трехлетней зимы.

Пока Гордон двигался, звуки, издаваемые

зверьем, почти не достигали его слуха. Однако стоило ему замереть, как округа наполнялась птичьим щебетом. Сороки перелетали с места на место, не уступая ни пяди полянок, богатых жуками, проигрывающим им в размерах сойкам; пернатые помельче сновали по веткам, чирикая и тоже насыщаясь.

Птицы средних размеров не питают большой любви к человеку, но и не стремятся облетать его за милю, если он не делает резких движений.

«Почему же я так нервничаю?»

Слева от него раздался резкий звук. Гордон рывком повернулся в ту сторону, где переплелись ветви ежевики, и сжался. Впрочем, и там не оказалось ничего примечательного, кроме птиц. Вернее, одной птицы — пересмешника. Она опустилась на груду веточек, служивших ей гнездом, немного отдохнула, и вдруг, воинственно топорща перышки, с криком исчезла в зарослях. Стоило птице скрыться из виду, как опять раздался непонятный хруст, после чего пересмешник вновь появился в поле зрения.

Гордон, рассеянно ковыряя кончиком лука землю у себя под ногами, свободной рукой потихоньку расстегивал кобуру, стараясь сохранить на лице скучающее выражение. Потом не спеша

двинулся вперед, негромко насвистывая, хотя губы его вмиг пересохли. Он и не приближался к зарослям, и не удалялся от них, наметив себе цель — большую елку.

В зарослях притаилось нечто, заставившее пересмешника выступить на защиту гнезда, и это нечто не обращало внимания на его наскоки, преследуя главную цель — оставаться невидимым.

Теперь Гордон не сомневался, что попал в засаду. Он шагал с подчеркнутой беспечностью, как на прогулке. Однако, оказавшись за облюбованным толстым стволом, выхватил револьвер и нырнул в подлесок, пригибаясь и стараясь не показываться из-за дерева. Бросаясь на землю с другой стороны ствола, он услышал отвратительный хлопок и почувствовал острую боль в правой руке. Сжимавшие револьвер пальцы на какое-то время онемели, и Гордона охватила паника. Если он сломал руку, то...

Рукав его форменной рубахи намок от крови. Страх усиливал боль. Так продолжалось до тех пор, пока он не закатал рукав и не увидел рану, из которой торчал обломок острой щепки. Он сломал не руку, а свой лук и напоролся на него в падении.

Вырвав из раны деревяшку, Гордон двинулся на

корточках вправо, стараясь не высовываться из травы. У него за спиной раздалось улюлюканье преследователей, а затем и выстрелы.

Следующие несколько минут Гордон отчаянно петлял по лесу, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви. Когда путь ему преградила речка, он запрыгал по камням против течения.

«Преследуемый человек чаще всего бежит вниз по течению», — думал Гордон, задыхаясь на подъеме. Оставалось надеяться, что его недруги знают об этом. Прыгая с камня на камень, он старался не оставить следов на берегу. И снова спрятался в лесу.

Крики преследователей не утихали. Гордону казалось, он, как ни старался быть осторожным, производит столько шума, что способен поднять медведя из берлоги. Дважды он укрывался за валунами или в чащобе, чтобы отдышаться, поразмыслить и обмануть врагов внезапно наступившей тишиной.

Наконец крики стали стихать в отдалении. Гордон со стоном привалился спиной к дубу и достал свою аптечку. Рана не вызывала у него тревоги, поскольку вряд ли можно было ожидать инфекции от полированной древесины лука. Несмотря на сильную боль, крупные сосуды и сухожилия

остались целы. Он перевязал рану и постарался забыть о ней. Пришло время встать и оглядеться.

Велико же было его удивление, когда он сразу обнаружил два своих ориентира: остатки щита, указывающего дорогу к окриджскому мотелю, торчащие над деревьями, и ограду выпаса на другой стороне растрескавшейся полосы асфальта.

Гордон заторопился к месту, где спрятал свое добро, и обнаружил его в полной сохранности. Судя по всему, судьба не была столь прямолинейна, чтобы наносить ему удары один за другим. Он знал, что она действует по-другому: вселив в человека надежду, она лишает его обещанного в самый последний момент.

* * *

Теперь жертва превратилась в преследователя: Гордон решил найти место с зарослях, где устроили засаду его недруги, использовав в качестве ориентира беспокойного пересмешника. Как он и ожидал, теперь гнездо пустовало. Он заполз в заросли, чтобы попробовать понять ход мыслей незнакомцев, и немного посидел там, озираясь и раздумывая.

В том, что он был перед ними как на ладони, теперь сомневаться не приходилось. В связи с этим

было трудно понять, как это все три стрелка умудрились промахнуться. Неужто его спас прыжок за еловый ствол? Судя по всему, преследователи имели при себе полуавтоматические винтовки, однако Гордон запомнил, что прозвучало только шесть выстрелов. Либо у них наперечет патроны, либо...

Он пересек лужайку и приблизился к спасшей его ели. На коре на высоте десяти футов от земли красовались два свежих следа от пуль.

Десять футов! Никудышные стрелки!

А впрочем, все сходится. Они и не собирались его убивать, а преднамеренно целились поверх головы, чтобы как следует испугать и принудить спасаться бегством. Поэтому неудивительно, что они не настигли его в лесу.

Гордон поджал губы. Как ни странно, теперь ему было проще возненавидеть обидчиков. Он еще готов смириться с бездумной злонамеренностью бандитов, как смиряешься с дурной погодой или повадками диких зверей. Слишком многие из двуногих, бывших когда-то нормальными американцами, вели себя теперь немногим лучше отъявленных варваров. Однако явно выказанное *презрение* приходилось принимать на свой собственный счет. Эти люди сохранили остатки

милосердия; тем не менее они ограбили его, ранили, загнали и запугали.

Он припомнил Роджера Септена, как тот подтрунивал над ним, стоя подбоченясь на высушенном склоне горы. Эти мерзавцы оказались немногим лучше.

Гордон прошел по их следам ярдов сто на запад от засады. Следы были отчетливые, их не пытались скрыть, что говорило о высокомерной уверенности преследователей.

Он уходил не торопясь, однако у него и в мыслях не было избрать иное направление.

Уже в сумерках он приблизился к укреплению, окружавшему Нью-Окридж. Открытое пространство, бывшее когда-то городским парком, теперь оказалось обнесено высокой сплошной деревянной изгородью. Изнутри раздавалось мычание и блеяние скота. Заржала лошадь, Гордон учуял аромат сена и густые запахи домашней скотины.

Рядом стояла еще более высокая ограда — она окружала три квартала на юго-западной окраине бывшего города Окридж. В центре поселения стояли двухэтажные лома, протянувшиеся примерно на полквартала, — Гордон видел их крыши поверх ограды; его взору открылась также водонапорная башня, увенчанная вороньим гнездом.

На башне нес караульную службу человек; сейчас он смотрел в сторону леса.

Поселение выглядело вполне благополучным, и даже более того; ничего столь же процветающего Гордон не встречал ни разу с тех пор, как покинул Айдахо. Вдоль ограды, с наружной стороны деревья были вырублены, чтобы улучшить обзор караульным, однако с той поры, как здесь поработали топором, прошло немало времени, и молодая поросль на опушке поднялась в человеческий рост.

«В округе вряд ли осталось много „мастеров выживания“, — подумал Гордон, — иначе местные обитатели не проявляли бы такой беспечности. Поглядим, на что походят их главные ворота».

Он направился к южной окраине поселения. Приблизившись к цели, Гордон услыхал голоса и предусмотрительно укрылся в молодом леске. Из распахнувшихся дощатых ворот вышли двое вооруженных мужчин, огляделись, затем помахали кому-то за оградой. Раздался крик, хлопанье поводьев, и из ворот выкатился фургон, запряженный двумя лошадьми. Натянув поводья, возница придержал лошадей и обратился к часовым:

— Скажи мэру, что я благодарен ему за ссуду, Джефф. Уж я-то знаю, в какую яму угодила моя

ферма! Однако пускай не сомневается: мы обязательно расквитаемся с ним из следующего урожая. Ему и так уже принадлежит часть моей земли, так что он делает неплохое вложение.

Один из стражей кивнул:

— Конечно, Сонни. А ты давай, гляди по пути в оба. На восточной стороне города наши ребята засекли сегодня бродягу. Пришлось даже пострелять.

Фермер всполошился.

— Кого-нибудь подранили? Ты уверен, что бродяга был один?

— Уверен, не дрейфь. Боб говорит, он улепетывал, что твой кролик.

У Гордона участился пульс. Такое количество оскорблений он уже переносил с трудом. Левой рукой он нащупал под рубашкой подаренный Эбби свисток, висевший на цепочке. Эта вещица напомнила ему, что в мире остались и приличные люди, и ему полегчало.

— А вообще-то этот тип оказал мэру неплохую услугу, — продолжал первый страж. — Прежде чем ребята Боба его спугнули, он раскопал тайник, полный лекарств. Сегодня на вечеринке мэр угостит кое-чем местных собственников. Вот бы и мне попасть в их компанию! Интересно, что из

этого выйдет.

— И мне... — вмешался второй страж, моложе первого годами. — Слушай, Сонни, как ты думаешь, если вдруг мэр заплатит тебе в этом году наркотиками за хороший урожай, ты тоже устроишь тогда веселую вечеринку?

Сонни невесело улыбнулся и пожал плечами. А потом и вовсе повесил голову. Часовой постарше окинул его недоуменным взглядом.

— Что стряслось? — спросил он.

Сонни покачал головой. Гордон с трудом расслышал его ответ:

— Мы теперь не больно-то гордые сделались, верно, Гэри?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Гэри, нахмурившись.

— А то, что мы спим и видим, как бы затесаться к мэру в дружки, вместо того чтобы заиметь другого мэра, не разводящего любимчиков.

— У нас с Салли до Светопреставления было три дочери и двое сыновей, Гэри.

— Я помню, Сонни, но...

— Хэл и Питер погибли на войне, но мы с Салли считали благословением, что выросли все три наши дочери. Благословением!

— Сонни, ты ведь не виноват. Ну, не повезло...

— Не повезло? — повысил голос фермер. — Одну изнасиловали бандиты, да так, что она не выжила, другая, Пегги, испустила дух при родах, а у моей малышки Сюзан появилась седина. Представь, Гэри, ее можно принять за сестру Салли!

Воцарилось неловкое молчание. Старший тронул фермера за рукав.

— Завтра я зайду к тебе с кувшинчиком вина, Сонни, обещаю. Вспомним старое, как когда-то.

Фермер кивнул, не поднимая головы. Потом, хлестнув лошадей, пустил их вскачь.

Старший еще долго смотрел вслед скрипучему фургону и жевал травинку. Затем, повернувшись к молодому напарнику, проговорил:

— Слушай, Джимми, я когда-нибудь рассказывал тебе про Портленд? До войны мы с Сонни частенько туда наведывались. Я был еще ребенком, а у них заправлял этот наш мэр, который метил в...

Больше Гордон ничего не разобрал, так как стражники скрылись за воротами.

* * *

При иных обстоятельствах Гордон долго размышлял бы о том, что узнал из подслушанного разговора насчет общественного устройства

Окриджа и его окрестностей. Фермер, делаясь вечным должником, вынужден оплачивать долг урожаем — вот вам стадия крепостного права в классическом виде. Гордон читал о подобном в учебнике истории для второкурсников — давным-давно, в другой жизни. Это называлось феодализмом.

Впрочем, в данный момент у него не было времени на философию и социологию. Его захлестывал гнев. Бешенство, охватившее его сегодня, когда пришлось на потеху преследователям уносить ноги, не шло ни в какое сравнение с праведным негодованием, душившим его сейчас, когда он услышал, какое применение уготовано обнаруженным им медикаментам. Стоило Гордону подумать, какие чудеса исцеления творил бы с ними знакомый врач из Вайоминга... А ведь большая часть этих лекарств не позволит безмозглым дикарям испытать даже кратковременного блаженства!

Ему сделалось тошно. Перевязанная правая рука снова напомнила о себе. Он наверняка мог бы без особого труда перелезть через стену, найти склад и потребовать свою долю находки... Оскорбления, боль, сломанный лук чего-то да стоят!

Впрочем, возникшая перед мысленным взором

картина не доставила ему удовольствия. Тогда он принялся фантазировать. Вот бы нагрянуть на вечеринку к мэру и перебить всех жадных до власти подонков, возводящих в своем дремучем углу карликовую монархию! Он представлял себе, как, завоевав власть, обратит ее на службу добру, как заставит этих мужланов использовать во благо образование, полученное когда-то, прежде чем ученое поколение не исчезнет навеки с лица земли...

Ну почему, почему никто и нигде не берет на себя ответственность, чтобы наладить нормальную жизнь? Он бы помог такому человеку, посвятил бы ему остаток жизни...

Однако все великие помыслы давно обратились в прах. Все славные люди, подобные лейтенанту Вану и Дрю Симмсу, погибли, защищая идеалы гуманизма. Гордон казался себе единственным, кто еще сохранил веру.

Уйти? Об этом не могло быть и речи. Сочетание гордости, упрямства и непроходящей злости не оставляло ему иного выхода, кроме мести. Он примет бой, и точка.

«Вдруг где-нибудь, в небесах или в аду, гарцует ополчение, сплошь состоящее из идеалистов? Скоро я это узнаю».

На счастье, гормоны воинственности взыграли в нем не настолько сильно, чтобы он окончательно позабыл о тактике. Отступая в тень, чтобы обдумать предстоящие действия, Гордон задел ветку и она, выпрямившись, сбросила с его головы фуражку. Он поймал ее на лету и хотел было снова надеть на голову, но внезапно замер, глядя на кокарду.

Перед ним гордо восседал в седле всадник из меди. Под копытами коня вилась надпись на латыни. Поворачивая фуражку под разными углами и ловя начищенной кокардой луч света, Гордон улыбался. Это будет дерзостью — возможно, гораздо большей, нежели попытаться перелезть в потемках через забор. Однако сама идея манила своей гармоничностью, чем и пленила Гордона. Наверное, никто, кроме него, уже не в силах избрать столь опасную стезю исключительно по эстетическим соображениям. Пусть попытка обречена на неудачу — поражение все равно будет захватывающим зрелищем.

Претворение замысла в жизнь требовало набега на старый Окридж, оставшийся вне пределов возникшей здесь после войны деревни; цель набега — визит в учреждение, наверняка вызвавшее наименьший интерес у мародеров, терзавших

город. Снова покрыв голову фуражкой, он быстро зашагал, чтобы не терять оставшегося светлого времени суток.

Спустя час Гордон, выбравшись из выпотрошенных зданий старой части города, торопливо двинулся по разбитому асфальту, чтобы успеть вернуться к воротам до наступления ночи. Сделав крюк через лес, он вышел на дорогу, по которой уехал из деревни фермер Сонни, — она вела от ворот на юг. Теперь он шагал уверенно, ориентируясь по свету фонаря, вывешенного над воротами.

* * *

Часовой проявил преступную небрежность: Гордон остался незамеченным, подобравшись к его посту футов на тридцать. Он отлично видел этого болвана, торчавшего на стене у ее дальнего конца, но тот глазел в противоположную сторону.

Набрав в легкие побольше воздуха, Гордон зажал зубами свисток Эбби и трижды оглушительно свистнул. Звук заметался среди домов и эхом отразился от леса, как клекот пикирующего хищника. По доскам загремели шаги. Над воротами возникли три физиономии с ружьями и

масляными фонарями, силившиеся разглядеть пришельца в сгущающейся тьме.

— Кто здесь? Чего вам надо?

— Мне необходимо переговорить с вашим начальством, — отозвался Гордон. — У меня официальное поручение, и я требую допуска в город Окридж!

Неслыханное требование совершенно сбило их с толку. Последовало томительное молчание. Стражники очумело смотрели то друг на друга, то на Гордона. Наконец один из них торопливо удалился, а другой, откашлявшись, закричал:

— Эй, где ты там? Ты бредишь? Ты болен?

— Здоров. Но утомлен и голоден. Кроме того, я рассержен тем, что в меня стреляли. Однако всему свое время. Первым делом я должен выполнить данное мне поручение.

На сей раз старший караула не смог скрыть замешательства.

— Данное тебе... Да о чем ты болтаешь, приятель?

По доскам снова застучали шаги. Над воротами появились, еще несколько мужчин, а также женщины и дети, растянувшиеся в обе стороны. Похоже, с дисциплиной в Окридже было слабовато. Местный мэр и его приспешники, видимо,

давно выпустили бразды правления из рук.

Гордон снова затянул свое, стараясь говорить медленно и веско, голосом гамлетовского Полония:

— Я требую встречи с вашим начальством. Вы испытываете мое терпение, не пуская меня в город, что обязательно будет отражено в моем отчете. Немедленно вызовите кого-нибудь, кто наделен правом принимать решения, и отворите ворота!

Толпа делалась все гуще; наконец над воротами образовался целый лес голов. Люди тупо пялились на Гордона, пока справа не появилась группа с фонарями. Толпа отпрянула, пропуская вновь прибывших.

— Слушай, бродяга, — рыкнул старший караула, — ты напрашиваешься на пулю. Мы не ведем никаких «официальных» дел ни с кем за пределами этой долины с той самой поры, как порвали отношения с коммунистами в Блейквилле, а это было уже несколько лет назад. Заруби себе на носу: я не стану беспокоить мэра из-за какого-то психа...

Не договорив, стражник удивленно обернулся, заслышав властные голоса.

— Господин мэр... Прошу прощения за гвалт,

но...

— Я оказался неподалеку и услышал шум. Что здесь происходит?

Стражник махнул рукой.

— Там какой-то тип бормочет такую ерунду, какой я не слыхал с незапамятных времен. Наверное, спятил. Вечно они здесь шляются...

— Сейчас разберемся.

Над воротами появилась новая голова.

— Я мэр Окриджа, — сообщил зычный голос. — Мы не подаем милостыню. Но если ты — тот самый парень, который нашел сегодня днем кое-какое добро и великодушно передал его нашим людям, то я готов признать, что мы перед тобой в долгу. Я велю спустить тебе горячей пищи и одеяло. Можешь провести ночь у обочины под воротами. А завтра уходи подобру-поздорову. Нам здесь ни к чему болезни. Судя по словам моих часовых, у тебя горячка.

— Ваша щедрость произвела на меня впечатление, господин мэр, — с улыбкой ответил Гордон. — Но я проделал слишком неблизкий путь, выполняя официальное поручение, чтобы сейчас повернуть назад несолоно хлебавши. Ответьте мне, есть ли в Окридже работающая рация или волоконно-оптическая связь?

Нелогичность его слов заставила всех разинуть рты. Гордон отлично представлял себе недоумение мэра. Однако тот быстро собрался с мыслями.

— Мы уже десять лет как забыли про радио. С тех пор ничего не работает. А что? Какое это имеет значение, раз...

— Постыдитесь! Конечно, после войны было почти невозможно пользоваться радиосвязью из-за... — Гордон отчаянно импровизировал, — из-за радиоактивности. — И все же я надеялся воспользоваться вашим передатчиком, чтобы связаться со своим руководством.

Он разглагольствовал с наглым апломбом. На сей раз его слова были встречены в толпе не молчанием, а удивленным шушуканьем. Гордон догадывался, что стена облеплена теперь населением Окриджа почти в полном составе. Лишь бы она не-повалилась... В его планы вовсе не входило вступление в город, подобное штурму Иерихона Иисусом Навином. У него были совсем другие намерения.

— Дайте-ка сюда светильник! — распорядился мэр. — Да не тот, дубина! Настоящий фонарь! И направьте луч на этого человека. Хочу его получше разглядеть.

Вид Гордона, залитого светом, вызвал волнение среди зрителей. Он был готов к свету рампы и не стал загораживать глаза или щуриться. Вместо этого он поправил кожаную сумку и повернулся так, чтобы желающие могли рассмотреть его форму. Почтальонская фуражка с лучезарной кокардой сидела сейчас у него на голове набекрень.

Толпа зароптала громче прежнего.

— Господин мэр! — крикнул Гордон. — Учтите, мое терпение не беспредельно. Мне так или иначе придется переговорить с вами насчет сегодняшнего поведения ваших подчиненных. Не вынуждайте меня прибегать к полномочиям, которыми я наделен, ибо этого, я думаю, не хотелось бы ни мне, ни вам. Еще немного — и вы лишитесь привилегии установления контакта с остальной нацией.

Мэр в раздумье переминался с ноги на ногу.

— Контакт? Нация? Что за чушь? Мы знаем только Блейквилл и самодовольных шутов из Калп-Крик, остальной же мир населен черт знает какими дикарями. Кто вы-то такой, черт возьми?

Гордон прикоснулся к околышу фуражки.

— Гордон Кранц, почтовое ведомство Соединенных Штатов. Я исполняю функции курьера и

имею поручение установить почтовую линию в Айдахо и на юге Орегона. Одновременно я являюсь генеральным федеральным инспектором по этому району.

И он еще смущался, изображая в Пайн-Вью Санта-Клауса! Слова насчет «генерального инспектора» сорвались с его уст без всякой подготовки. Вдохновение или оплошность? Эх, двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Толпа бурлила. До Гордона несколько раз доносились слова «внешний мир» я «инспектор», не говоря уже о «почтальоне». Когда мэр потребовал тишины, она установилась не сразу и далеко не полностью.

— Значит, вы — почтальон... — В голосе мэра звучал сарказм. — По-вашему, Кранц, мы совсем лишились мозгов? Напялили форму — и заделались правительственным чиновником? Какое еще правительство? Какие у вас есть доказательства? Убедите нас, что вы — не съехавший с катушек безумец, охваченный радиационной лихорадкой!

Гордон вытащил из сумки бумаги, изготовленные им всего час назад при помощи резинового штампа, найденного среди развалин окриджской почты.

— Вот мой мандат... — начал было он, но его тут же прервали:

— Держи свои бумажки при себе, бродяга! Мы не подпустим тебя близко, чтобы ты нас не перезаразил.

Мэр гордо выпрямился и помахал рукой, привлекая внимание подданных.

— Кто из вас не помнит, как безумцы и самозванцы болтались в округе в годы Хаоса, готовые назваться кем угодно, от Антихриста до поросенка Наф-Нафа? Факт остается фактом: сумасшедшие приходят и уходят, а правительство остается, и оно — одно-единственное — то, что есть здесь у нас! — Он повернулся к Гордону. — Твое счастье, бродяга, что чумные годы остались в прошлом. Тогда бы с тобой быстро разобрались, и радикальным способом — путем кремации!

Гордон выругался про себя. Местный тиран оказался ловок и не давал заморочить себе голову. Если они откажутся взглянуть на его поддельный «мандат», то, значит, напрасно он наведывался сегодня в старый город. В колоде у Гордона остался последний козырь. С его лица не сходила предназначенная толпе улыбка, однако ему очень хотелось перекреститься перед главным испытанием.

Он запустил руку в боковой карман кожаной сумки и извлек оттуда небольшую пачку писем, после чего притворился, будто перебирает их, выискивая то, что нужно.

— Есть тут некий... Дональд Смит? — обратился он к народу.

Те завертели головами и стали увлеченно переговариваться. Даже в сгущающихся сумерках нетрудно было понять, сколь велико волнение, охватившее люден. Наконец кто-то ответил:

— Погиб через год после войны. В последней битве за склады.

Голос отвечавшего дрожал. Уже хорошо: дрожь эта была вызвана не только удивлением. И все же Гордону требовалось гораздо большее. Мэр по-прежнему таращил на него глаза, пораженный не менее остальных; когда до него дойдет, каковы намерения Гордона, жди неприятностей.

— Вот как... В этом надо будет удостовериться. — Не давая никому раскрыть рта, он зашелестел конвертами. — А мистер или миссис Франклин Томпсон? Или их сын или дочь?

В шепоте, пробегающем по толпе, теперь звучали суеверные нотки. Гордону ответил женский голос:

— Они погибли! Сын умер только в прошлом

году. Он работал на ферме Джесковича. Его родители были в Портленде, когда все взлетело на воздух.

Проклятье! В распоряжении Гордона оставалось всего одно имя. Поразить их своими познаниями — уже неплохо, но ему было необходимо найти хоть одну живую душу!

— Ладно, разберемся. А как насчет Грейс Хортон? Мисс Грейс Хортон?

Нет тут никакой Грейс Хортон! — не вытерпел мэр. Его голос обрел прежнюю саркастическую самоуверенность. — Я знаю на своей территории всех до одного. За десять лет, что я тут провел, у нас не объявилось никакой Грейс Хортон, слышишь, самозванец? А вы, вы что, не соображаете, как он все подстроил? Нашел в городе старую телефонную книгу и выписал несколько имен, чтобы посеять смуту. — Он погрозил Гордону кулаком. — Парень, я постановляю, что ты нарушаешь общественный порядок и представляешь угрозу для здоровья населения! У тебя есть пять секунд, чтобы унести ноги, прежде чем я отдам своим людям приказ стрелять!

Гордон тяжело дышал. У него не оставалось выбора. Что ж, придется отступить, пожертвовав гордостью ради спасения жизни.

«Замысел был хорош, но ты и сам знал, сколь невелики шансы на успех. По крайней мере ты заставил этого мерзавца пережить пару неприятных минут».

Однако, к своему удивлению, Гордон обнаружил, что тело отказывается повиноваться воле. Ноги словно приросли к земле. Желания спасаться бегством словно бы и не было. Правда, разумная часть его естества испытала ужас, когда он, расправив плечи, опять обратился к мэру:

— Учтите, господин мэр, что покушение на почтового курьера является одним из немногих федеральных преступлений, наказания за которые не отменены временным Конгрессом на восстановительный период. Соединенные Штаты всегда защищали своих почтальонов.

Он холодно глядел туда, где разгорались фонари. «Всегда!» — это слово Гордон произнес с нажимом. По его телу пробежала дрожь. Он чувствовал себя курьером — по крайней мере, был им в душе. Он представлял собой анахронизм, чудом уцелевший при наступлении нового каменного века, методично стиравшего с лица земли остатки идеализма. Не сводя горделивого взгляда с темного силуэта мэра, Гордон молча бросал ему вызов. Ну, убей же меня, уничтожь последнее,

что осталось от былого величия нации!

Несколько секунд стояла тишина. Потом мэр поднял руку и сказал:

— Раз...

Он не торопился, то ли давая Гордону время спастись, то ли из садистских побуждений.

— Два...

Игра проиграна. Гордон знал, что ему надо бежать, более не мешкая. Однако непокорное тело по-прежнему не повиновалось.

— Три!

«Так принимает смерть последний идеалист», — подумалось ему. Шестнадцать лет, которые ему удалось прожить, были случайностью, ошибкой Природы, которая сейчас будет исправлена. В конце концов весь его приобретенный такими трудами прагматизм улетучился, уступив место самоубийственному лицедейству.

Тем временем в толпе зрителей возникло какое-то движение. Кто-то пробивался в первые ряды.

Часовые вскинули ружья. Гордону показалось, что некоторые делают это как-то нехотя. Вряд ли его спасут их колебания...

Мэр завершал отсчет секунд, несколько сбитый с толку упрямством Гордона, однако взлетевший

в воздух кулак начал опускаться.

— Господин мэр! — Дрожащий от страха голос принадлежал женщине, повисшей на начальственной руке. — Прошу вас! Я...

Мэр вырвал руку.

— Не встревай, женщина! Уберите же ее!

Тощая фигурка увернулась от часовых, и над толпой прозвенел чистый голос:

— Я — Грейс Хортон!

— Что?! — Мэр впился в нее гневным взглядом.

— Это моя... девичья фамилия. Я вышла замуж за год до второго голода. Тогда вы и ваши люди еще не появились в наших краях.

Толпа опять зароптала.

— Дурачье! — выкрикнул мэр. — Говорю вам, он выписал ее имя из телефонной книги!

Гордон, победно ухмыляясь, одной рукой держал письма, другую приставил к околышу фуражки.

— Добрый вечер, мисс Хортон. Чудесный вечерок, не правда ли? Между прочим, у меня тут есть для вас письмишко от мистера Джима Хортона — он проживает в Пайн-Вью, штат Орегон... Он вручил его мне двенадцать дней назад...

Теперь все люди, столпившиеся у ворот, заговорили разом. Кто-то размахивал руками, кто-то

рыдал. Гордон приложил к уху ладонь, чтобы лучше расслышать изумленные восклицания женщины, а потом повысил голос, стараясь перекрыть шум:

— Да, мадам, у него все в порядке. Боюсь, что не смогу вам сказать ничего больше. Но я с радостью доставлю ваше ответное письмо брату, завершив обход долины.

Он сделал шаг вперед, ближе к свету.

— Только вот какое дело, мадам... У мистера Хортона в Пайн-Вью не оказалось достаточного количества марок, поэтому я вынужден взять с вас десять долларов наложенного платежа.

Толпа взревела.

Мэр, залитый светом ламп, вертелся из стороны в сторону, размахивая руками и громко увещевая подданных. Однако его уже никто не слушал: ворота распахнулись, и люди хлынули в темноту. Гордона обступила плотная толпа разгоряченных, возбужденных граждан всех возрастов. Некоторые хромали, многие были украшены шрамами, тяжелое дыхание иных свидетельствовало о туберкулезе. Однако в этот момент жизненные невзгоды отступили, потесненные внезапным возрождением надежды.

Сохранивший невозмутимость, Гордон тем

временем неуклонно продвигался к воротам. Он улыбался и кивал направо и налево, не сторонясь тех, кто тянулся к нему и трогал за локоть или за набитую битком сумку. Молодежь взирала на почтальона с суеверным ужасом. По лицам представителей старшего поколения струились слезы.

Сделавшись вдруг объектом поклонения, Гордон все же не терял остатки совестливости и продолжал стыдиться своей лжи.

«А впрочем, черт с ним! Не моя вина, если им хочется верить в сказки. Сам я наконец-то стал взрослым и хочу всего лишь вернуть свое. Эх вы, простаки!..»

Однако, думая так, он продолжал расточать улыбки и усердно пожимал тянущиеся к нему руки. Любовь струилась потоком, она уже бурлила, поднимая его на волне отчаянной, нежданно возродившейся надежды и увлекая в город Окридж.

Интерлюдия

Весенний жар
Воспламеняет предков прах -
И ежится земля
В клубящихся дымах.

Часть вторая. Циклоп.

АКТ О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ ВРЕМЕННЫЙ КОНГРЕСС ВОЗРОЖДЕННЫХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

ДЕКЛАРАЦИЯ

КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ: Настоящим доводится до сведения всех проживающих на территории Соединенных Штатов Америки, что народ и фундаментальные институты государства по-прежнему существуют. Ваши враги, совершившие агрессию против человечества, потерпели поражение и разгромлены. Временная администрация, осуществляющая преемственность по отношению к последнему свободно избранному Конгрессу Соединенных Штатов и исполнительной власти, прилагает решительные усилия для восстановления законности, общественной безопасности и свободы на нашей возрождающейся земле, руководствуясь Конституцией и ведомая милостивым Всевышним.

В ЭТИХ ЦЕЛЯХ: До вашего сведения

доводится, что все второстепенные законы и постановления, действовавшие на территории Соединенных Штатов до начала Третьей Мировой Войны, включая долговые обязательства, права удержания имущества вплоть до уплаты долга и судебные указы — отменены. В ожидании принятия в законном порядке новых правил округа вправе действовать в чрезвычайных условиях согласно складывающейся обстановке, руководствуясь нижеследующим:

1. Свободы, гарантированные Биллем о Правах, распространяются на территории Соединенных Штатов на всех мужчин и женщин без исключения. Приговоры по преступлениям должны выноситься беспристрастными жюри, состоящими из лиц, равных подсудимому по положению За исключением чрезвычайных случаев, связанных с военным положением, упрощенное судопроизводство и казнь, нарушающие установленный порядок, запрещаются.

2. Рабство запрещено. Долговые обязательства не могут быть пожизненными

и не могут передаваться от родителей к детям.

3. Округам, городам и другим территориальным единицам надлежит проводить по четным годам выборы путем тайного голосования с правом участия всех мужчин и женщин, достигших 18 лет. Официальное право принуждения принадлежит только лицам, избранным на свои посты с соблюдением изложенных правил голосования, а также лицам, непосредственно им подчиняющимся.

4. В целях содействия возрождению государственности гражданам надлежит сохранять и пополнять материальные и интеллектуальные ресурсы Соединенных Штатов. Всегда и повсеместно, когда и где имеется таковая возможность, следует сберегать и обеспечивать хранение книг и довоенной техники на благо будущих поколений. Округа учреждают школы для обучения детей.

Временная администрация выражает надежду на восстановление общенационального радиовещания к 2021 году. До наступления этого срока связь осу-

ществляется путем наземного почтового сообщения. Почтовая служба будет восстановлена в центральных и восточных штатах страны к 2011, а в западных — к 2018 году.

5. Сотрудничество с лицами, доставляющими почту Соединенных Штатов, вменяется в обязанность всем гражданам. Препятствование этим лицам в осуществлении их деятельности является тяжким преступлением.

Принято Временным Конгрессом Возрожденных Соединенных Штатов Америки. Май 2009.

1

Черный бультерьер зашелся в рычании, роняя клочья пены. Он рвался с цепи, стараясь допрыгнуть до возбужденных, орущих людей, свешивавшихся с перил вокруг арены. С противоположной стороны арены огрызался покрытый боевыми шрамами одноглазый беспородный пес. Удерживавшая его веревка натягивалась, как тетива лука, грозя вырвать вмурованное в

стену кольцо.

В воздухе стояла густая вонь. Сладкий до тошноты дым от местного табака, щедро сдобренного марихуаной, поднимался к небу ядовитыми клубами. Фермеры и жители городка оглушительно кричали и поминутно вскакивали со скамеек, окружавших импровизированную арену. Сидевшие поближе лупили кулаками по доскам, доводя псов до невменяемого состояния.

Псари в кожаных перчатках подтащили четвероногих гладиаторов поближе к себе и, схватив за ошейники, обернулись к почетной скамье, расположенной по центру. Сидевший там коренастый господин поощрительно кивнул.

Сотня мужчин дружно взревела, видя, что псы спущены с поводков. Хрипящие звери вцепились друг в друга подобно драчунам, которым не давали довести потасовку до конца. Летящие во все стороны клочья шерсти и брызги крови толпа встречала шумным одобрением.

Старейшины городка, занимавшие специальную скамью, надрывались не менее самозабвенно, чем люд попроще. Они тоже заключили пари и теперь волновались не на шутку. Один лишь коренастый господин — председатель комитета общественной безопасности города Кертин,

штат Орегон, попыхивал сигарой, не проявляя интереса к происходящему, обуреваемый нелегкими раздумьями. Ему не давал покоя сидящий рядом человек, и председатель то и дело косился на него.

Этот худой мужчина не походил на других болельщиков. Бородка его была аккуратно подстрижена, черные волосы лишь слегка касались ушей. Голубые глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, смотрели пристально и взыскательно, напоминая председателю персонажей из Ветхого Завета, смотревших на него со страниц книг в воскресной школе, которую он посещал в детстве, еще до Светопреставления.

Сосед председателя выглядел утомленным, как и подобает путешественнику. И главное, на нем была форма, да такая, какой не чаял больше увидеть ни один из оставшихся в живых обитателей Кертина. На фуражке соседа красовалась кокарда, изображавшая всадника, которая поблескивала в свете масляных ламп. Почему-то она казалась более яркой, чем любой другой металлический предмет.

Оглядывая своих земляков и морщась от воплей, председатель улавливал в их поведении нечто необычное. Сейчас жители Кертина надры-

вались не так отчаянно, как это обычно бывало на традиционных собачьих боях по средам. Ведь и они нет-нет, а поглядывали на гостя, появившегося верхом у городских ворот пять дней назад, прямого и горделивого, как божество, попросившего пищи и крова, а также места, где можно развесить уведомления. А потом незнакомец принялся раздавать почту...

Председатель тоже поставил деньги, выбрав Уэлли — бультерьера старины Джима Шмидта. Однако ему никак не удавалось сосредоточиться на кровавой схватке, развернувшейся внизу, на песке. Он не мог справиться с собой и ежеминутно поглядывал на Почтальона.

Сегодняшний бой был особенным: он посвящался гостю, поскольку завтра тот покидал Кертин, направляясь в Коттедж-Гроув. «А ему не нравится», — тревожился председатель, горестно вздыхая. Человек, за пять дней перевернувший их устоявшуюся жизнь, просто старался следовать законам вежливости. По его виду нетрудно было понять, что собачьи бои не относятся к его излюбленным зрелищам.

Председатель наклонился к гостю и проговорил:

— Полагаю, что там, в восточных штатах, такие

развлечения не в моде, господин инспектор?

Холодное выражение на лице гостя было красноречивее любого ответа. Председатель обругал себя за слабоумие. Конечно, какие могут быть собачьи бои в Сент-Поле, Топеке, Одессе, любом другом цивилизованном месте Возрожденных Соединенных Штатов! Другое дело — здесь, в разрушенном Орегоне, столь давно отрезанном от цивилизации...

— На местах люди вправе устраиваться так, как им больше подходит, господин председатель, — успокоил гость. Его очаровывающий голос сразу заглушил непристойный шум арены. — Каковы времена — таковы и нравы. Правительство в Сент-Поле все прекрасно понимает. В моих странствиях мне приходилось наблюдать вещи и похуже.

В глазах почтового инспектора председатель прочел свой оправдательный приговор и, вздохнув, отвел глаза. Через минуту он замигал и сперва решил, что ему в глаза попал дым от сигары. Он раздавил сигару каблуком, однако пощипывание в глазах не проходило. Мир перед ним застлало влажной пеленой, ему казалось, что он видит арену будто во сне, как нечто доселе незнакомое...

«Господи! — пронеслось в голове у председателя. — И это — мы?! Чем это мы занимаемся? Ведь еще семнадцать лет назад я был членом Ассоциации культуры долины Уилламетт! Что произошло со всеми нами, что произошло со мной?»

Он притворно закашлялся и закрыл лицо рукой, чтобы украдкой вытереть слезы. Оглядевшись, председатель убедился, что не одинок в своих чувствах: там и сям в орущей толпе добрая дюжина его сограждан внезапно прикусила языки и опустила глаза. Несколько человек плакали не таясь, слезы текли по их суровым лицам, задубевшим во времена жестоких схваток. Внезапно для этих немногих пролетевшие после войны годы спрессовались, утратили прежнее значение и перестали служить достаточным оправданием теперешнего одичания...

Под конец боя крики опять стали громче. Псари вышли на арену, чтобы усмирить победителя и унести труп побежденного. Однако теперь не меньше половины зрителей нервно оглядывались на своего лидера и на прямую фигуру в форме рядом с ним.

Инспектор поправил фуражку.

— Благодарю вас, господин председатель. По-

лагаю, мне лучше удалиться. Завтра меня ждет долгий путь. Желаю всем доброй ночи.

Он кивком простился со старейшинами, после чего встал и натянул потрепанную кожаную куртку с цветной нашлепкой на плече — красно-бело-голубой эмблемой. Пока инспектор пробирался к выходу, зрители на его пути вставали с мест и молча уступали дорогу, пряча глаза.

Председатель, немного поколебавшись, тоже поднялся и последовал за гостем, не обращая внимания на ропот подчиненных.

Второй бой был отменен.

2

"Коттедж-Гроув, Орегон, 16 апреля 2011 г.

Миссис Адель Томпсон,

мэру Пайн-Вью, бывший штат Орегон

Прохождение: Коттедж-Гроув, Кертин, Калп-Крик, Мак-Фартленд, Окридж, Пайн-Вью.

Дорогая миссис Томпсон, Шлю Вам второе по счету письмо, пользуясь нашей новой почтовой эстафетой в районе Уилламеттского Леса. Если Вы получили

первое письмо, то осведомлены, что Ваши окриджские соседи согласились на сотрудничество, хотя сперва не обошлось без недоразумений. Тамошним почтмейстером я назначил мистера Сонни Дэвиса — жителя тех мест с довоенных времен, пользующегося всеобщим уважением. Он, по всей видимости, уже установил с Вами контакт...."

Гордон Кранц оторвал карандаш от пожелтевшего листка бумаги, предоставленной гражданами Коттедж-Гроув для его нужд. Над древним столом горела масляная лампа и две свечки, свет которых отражался от застекленных картинок на стене спальни. Местные жители настояли, чтобы Гордон поселился в лучшем доме городка. Комната выглядела уютной, чистой и теплой.

Теперешнее положение Гордона и сравнить было нельзя с его положением несколько месяцев назад. В своем письме он почти не упоминал трудностей, с какими столкнулся в октябре в Окридже. Граждане горного городка открыли ему свои сердца в тот самый момент, когда он назвался представителем Возрожденных Соединенных Штатов. Однако тиран-"мэр" вынашивал планы

чуть ли не физического устранения непрошенного гостя, пока тот не дал понять, что единственное его намерение заключается в учреждении почтового отделения, после чего он продолжит свой путь; тогда мэр смекнул, что его власти ничего не угрожает.

Возможно, его страшил гнев подданных, поэтому он оказал Гордону помощь: были изысканы необходимые припасы, а под конец появился даже конь, пусть и преклонных годов. Покидая Окридж, Гордон видел на физиономии мэра выражение нескрываемого облегчения. Местный царек собирался и впредь удерживать власть, невзирая на весть о том, что где-то существует подобие прежних Соединенных Штатов.

Зато рядовой люд провожал Гордона на протяжении целой мили: из-за деревьев то и дело появлялись смущенные граждане, совавшие ему письма, с жаром рассуждавшие о восстановлении Орегона и спрашивавшие, чем они могут посодействовать столь благородному делу. Они открыто жаловались ему на царящий в городе произвол; к моменту, когда от всадника отстал последний провожатый, он уже не сомневался, что перемены не за горами. Дни мэра были сочтены.

"За время, прошедшее после отправки моего последнего письма из Калп-Крик, я учредил почтовые отделения в Пальмервилле и Кертине. Сегодня я завершил переговоры с мэром Коттедж-Гроув. К письму приложен мои отчет о проделанной работе, который надлежит переправить моему начальству в восстановленном штате Вайоминг. Прошу Вас передать следующему за мной курьеру корреспонденцию, а также мои наилучшие пожелания.

Проявите терпение, если курьер появится с опозданием. Путь от Сент-Пола на запад опасен, так что может пройти год, а то и больше, прежде чем он предстанет перед Вами".

Гордон прекрасно представлял себе, как прореагирует миссис Томпсон на эту последнюю оговорку. Мудрая дама покачает головой, а то и от души посмеется над бессовестным обманом, каким была наполнена каждая фраза в письме.

Лучше чем кто-либо другой на этих диких просторах, бывших когда-то гордым штатом Орегон, Адель Томпсон знала, что ни о каком курьере с ци-

вилизованного востока не может быть и речи. У Гордона нет никакого начальства, перед которым он должен отчитываться. Если город Сент-Пол и являлся столицей какой-то территории, то лишь участка с остаточной радиоактивностью на берегу Миссисипи.

Ни восстановленного штата Вайоминг, ни, коли на то пошло, самих Возрожденных Соединенных Штатов не существовало в природе; они возникли всего лишь в воображении странствующего по погрязшему в невежестве краю лгуна-актеришки, который решил таким способом обеспечить себе выживание в смертельно опасном, наполненном подозрительностью мире.

Миссис Томпсон была одной из тех редко встречавшихся Гордону со времени войны личностей, которые жили собственным умом и не утратили логики. Коллективная иллюзия, автором которой стал Гордон — сперва по воле случая, потом от отчаяния, — для нее не стоила ни гроша. Она испытывала к Гордону симпатию просто как к человеку и, проявляя снисхождение, не требовала взамен искусных мифов.

В своем письме ей он наворотил всякой всячины, не имевшей отношения к действительному положению вещей, потому только, что письмо

могли прочесть чужие глаза. Ведь оно множество раз будет переходить из рук в руки, прежде чем окажется в Пайн-Вью. Сама же миссис Томпсон отлично сумеет прочесть между строк. И, прочтя, ни за что его не выдаст — в этом Гордон не сомневался. Он надеялся только, что она сумеет сдержать смех.

> "Эта часть побережья ведет мирную жизнь. Поселения уже начинают помаленьку торговать между собой, преодолевая былой страх болезней и нападений «мастеров выживания». Здешние люди изголодались по вестям извне.
>
> Из этого не следует, что тут царит безмятежность. По рассказам, в районе реки Рог к югу от Розберга властвует беззаконие в духе Натана Холна. Поэтому путь мои лежит на север, в направлении Юджина. Кстати, туда адресованы по большей части письма, которыми меня нагрузили".

В глубине его седельная сумки, набитой письмами, которые ему вручали всюду, где бы он ни появлялся, возбужденные и исполненные благодарности люди, хранилось письмо, написанное Эбби. Уж его-то Гордон непременно доставит,

какая бы участь ни постигла остальную корреспонденцию!

> "Мне пора в дорогу. Возможно, когда-нибудь меня найдет письмецо, отправленное Вами или кем-нибудь еще из дорогих мне людей. Пока же передайте от меня сердечный привет Эбби, Майклу и всем остальным.
>
> В чудесном Пайн-Вью Возрожденные Соединенные Штаты крепнут и процветают, как и повсюду.
>
> ***Искренне Ваш, Гордон Кранц".***

Последнее замечание было небезопасно, однако Гордон не смог от него отказаться — слишком ему хотелось намекнуть миссис Томпсон, что он не стал жертвой собственных выдумок, которые, как ему хотелось надеяться, обеспечат ему безопасность в самых мрачных углах, пока он не достигнет...

Но чего? За все эти годы Гордон так и не решил, что же именно он ищет. Возможно, он ищет такое местечко, где хоть кто-то принял на себя ответственность и пытается противостоять наступлению каменного века... Он покачал головой. Столько лет прошло — а мечта по-прежнему

отказывается умирать!

Он сложил письмо, сунул его в старый конверт, накапал воску со свечи и припечатал штампом, найденным в развороченном помещении окриджской почты. Письмо легло поверх «отчета», сочиненного им чуть раньше, — фантастических бредней, предназначенных для чиновников вымышленной администрации.

Рядом с конвертами покоилась его почтальонская фуражка с мерцающей в свете лампы кокардой в виде всадника, торопящегося доставить почту, — безмолвного спутника и наставника Гордона на протяжении последних месяцев.

Новый план выживания появился у Гордона по воле случая, по чистому совпадению. Но со временем жители одного городка за другим пали жертвой самовнушения, особенно когда он стал доставлять письма из мест, где ему удавалось побывать. После стольких страшных лет люди, как оказалось, по-прежнему тосковали по утраченному веку, полному блеска, когда великая нация жила в чистоте и соблюдала порядок. Из-за этой тоски их горький скепсис дал глубокую трещину, подобно тому как в весеннюю оттепель на реке ломается ледяная корка.

Гордон отмахнулся от охватившего его было

чувства стыда. На любом из оставшихся в живых за эти семнадцать лет лежит часть вины за всеобщий позор, и его выдумка, полагал он, принесла некоторую пользу жителям городов, в которых он появлялся. Получая от них необходимое, Гордон давал им взамен надежду.

Выходит, он делает только то, что продиктовано чувством долга.

В дверь его комнаты постучали.

— Войдите! — крикнул Гордон.

В дверь просунул голову Джонни Стивенс — недавно назначенный заместитель почтмейстера Коттедж-Гроув. На мальчишеской мордашке Джонки белесый пушок проклевывающейся бородки казался неуместным и смешным. Впрочем, ноги у Джонни Стивенса были длинные, а значит, он неутомимый ходок, и кроме того, Джонни слыл метким стрелком. Кто знает — возможно, парень еще и на самом деле будет доставлять почту!

Джонни, смутившись оттого, что отрывает инспектора от важных дел, доложил:

— Уже восемь часов, сэр. Вы помните, что мэр пригласил вас в паб на кружку пива? Ведь сегодня — ваш прощальный вечер у нас в городе.

Гордон поднялся.

— Ты прав, Джонни. Спасибо.

Он подхватил свою фуражку и куртку, не забыл вымышленный отчет и письмо для миссис Томпсон.

— Держи. Здесь официальные депеши, которые тебе предстоит доставить в первую поездку в Калп-Крик. Тамошней почтой заправляет Рут Маршалл. Она уже ждет гонца. Тебе приготовлен теплый прием.

Джонни принял конверты с такой осторожностью, словно это были крылья бабочек с тонкой пыльцой.

— Я буду защищать их даже ценой собственной жизни, сэр. — Глаза паренька горели гордостью и решимостью не подвести Гордона.

— Даже и не думай! — набросился на него Гордон. Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы шестнадцатилетний юнец схлопотал пулю, защищая несуществующие ценности. — Не забывай о здравом смысле, следуй моим наставлениям.

Джонни судорожно сглотнул и кивнул с готовностью, однако Гордон и так был уверен, что малец все понял до конца. Конечно, вовсе не исключено, что паренька ждет лишь захватывающее приключение: ведь он пройдет лесными тропами гораздо дальше, чем забирался за десяток минувших лет любой из его земляков, и

вернется домой героем, о котором станут слагать легенды. В горах по-прежнему оставались одинокие «мастера выживания». Однако на столь почтительном отдалении от Рог-Ривер было больше шансов, что Джонни невредимым доберется до Калп-Крик и обратно.

Гордон почти убедил себя, что все сложится именно так. Он со вздохом приобнял паренька за плечи.

— Твоей стране не нужна твоя смерть, Джонни, ей требуется, чтобы ты остался в живых и служил ей не только сегодня, но и завтра. Запомнил?

— Да, сэр. — Джонни серьезно кивнул. — Я понимаю.

Успокоенный, Гордон задул обе свечки.

Джонни, по всей видимости, посетил руины старого почтового отделения в Коттедж-Гроув, поскольку, оказавшись на свету, Гордон разглядел на рукаве его домотканой рубахи гордую нашлепку «Почта США», краски на которой не померкли даже за минувшие семнадцать лет.

— Жители Коттедж-Гроув и окрестных ферм уже вручили мне с десяток писем, — похвастался Джонни. — Думаю, большинство из них не имеют близких и знакомых на востоке. Но все равно пишут, ради удовольствия и в надежде, что кто-

нибудь ответит.

Итак, появление Гордона по меньшей мере побудило людей попрактиковаться в письме и вспомнить грамоту. За это вполне можно расплатиться с гостем кормежкой на протяжении нескольких дней и крышей над головой.

— Ты предупредил их, что к востоку от Пайн-Вью пока приходится перемещаться крайне медленно, без всякой гарантии на успех?

— А как же! Их это не смущает.

Гордон улыбнулся.

— Вот и хорошо. Все равно почта перевозила в основном доверенные бумаге фантазии.

Паренек посмотрел на него в недоумении. Однако Гордон, уже надевший фуражку, не удостоил его разъяснениями.

* * *

Давным-давно оставив за спиной пепел Миннесоты и повидав не один штат, Гордон все же редко попадал в столь процветающие и на первый взгляд безопасные поселения, каким казался Коттедж-Гроув. Здешние фермы год от года наращивали урожаи. Местная милиция отличалась выучкой и, в отличие от милиции Окриджа, не вмешивалась в повседневную жизнь горожан. По

мере того как меркла его мечта отыскать оазис возродившейся подлинной цивилизации, Гордон постепенно постепенно привыкал к этому, и сейчас даже подобное местечко казалось ему райским.

Ирония ситуации заключалась в том, что уловка, до сих пор помогавшая ему рассеивать подозрения, терзавшие жителей горных селений, теперь не давала ему права нигде задерживаться подолгу. Созданная им легенда требовала, чтобы он не сидел на месте. Все они верили ему. Если бы он сейчас сбросил маску, то, пожалуй, даже самые тихие из местных жителей не дали бы ему спуску.

Обнесенный стеной поселок размещался на бывшей окраине довоенного городка. Местный паб являл собой просторный уютный подвал с двумя каминами и стойкой, через которую кочевали высокие глиняные кружки с пивом домашнего производства.

Питер Ван Клик, мэр поселения, вел за столиком в углу разговор по душам с Эриком Стивенсом, дедом Джонни, недавно получившим почетную должность почтмейстера Коттедж-Гроув. Оба придирчиво изучали врученный им Гордоном текст «Федеральных правил», когда к ним напра-

вились господин инспектор и Джонни.

Еще в Окридже Гордон умудрился изготовить несколько копий «Правил» на ручной множительной машине, которую ему посчастливилось наладить в пустом помещении почты с провалившейся крышей. Текст стал плодом упорных размышлений и кропотливого труда. Он должен был обрести звучание подлинника, не покушаясь в то же время на полномочия местных властей, чтобы мифические Возрожденные Соединенные Штаты, выдуманные Гордоном, не представляли для них угрозы, равно как и он сам. Содержимое этих листков было его наиболее вдохновенным произведением.

Рослый, худолицый Питер Ван Клик поднялся навстречу Гордону и, пожав ему руку, предложил садиться. Бармен поспешил к ним с двумя кружками густого темного пива. Жидкость оказалась теплой, но на удивление вкусной, с запахом ржаного хлеба. Мэр, нервно попыхивая глиняной трубкой, ждал, пока Гордон пересушил свою кружку и не обтер губы.

В ответ на лестные отзывы о пиве Ван Клик кивнул, однако лоб его оставался наморщенным. Он постучал согнутым пальцем по разложенным на столе бумагам.

— Эти правила не отличаются подробностями, господин инспектор.

— Зовите меня Гордоном, пожалуйста. В наши времена церемонии ни к чему.

— Договорились, Гордон. А меня зовите Питером. — Мэру было определенно не по себе.

— Идет, Питер, — согласился Гордон. — Дело в том, что правительство Возрожденных Соединенных Штатов усвоило кое-какие уроки. Один из них заключается в том, что нельзя навязывать жесткие стандарты разбросанным общинам, сталкивающимся с проблемами, каких в Сент-Поле даже не могут вообразить, не то что регулировать их.

На эту тему у Гордона была заготовлена целая речь.

— Возьмем, к примеру, вопрос о деньгах. В большинстве общин от довоенной наличности отказались вскоре после того, как банды уничтожили склады продовольствия. Правилом стал бартерный обмен, который чаще всего дает желаемые плоды, за исключением случаев, когда задолжавших превращают в форменных рабов...

Пока Гордон ни разу не погрешил против истины. В своих странствиях он становился свидетелем зарождения системы настоящей

феодальной зависимости. Деньги мало где принимали всерьез.

— Федеральные власти в Сент-Поле объявили старые деньги необязательным средством расчета. Имеющихся купюр и монет слишком много для не очень-то активных обменов в нашей аграрной экономике. И все же мы пытаемся поощрять национальную коммерцию. Один из способов — признание старых двухдолларовых купюр в качестве средства оплаты почтовых отправлений, доставляемых американской почтой. Таких купюр всегда было мало, и их невозможно подделать с помощью имеющейся технологии. Принимаются также серебряные монеты, отчеканенные до 1965 года.

— Мы уже собрали долларов сорок! — вмешался Джонни Стивенс. — Люди повсюду охотятся за этими древними купюрами и монетами. Кроме того, к ним прибегают при оплате долгов.

Гордон пожал плечами. Это началось почти без его участия. Некоторые мелочи, включенные им в свою легенду ради вящего правдоподобия, обретали собственную жизнь, на какую он и не надеялся. Да и трудно было себе представить, чтобы возвращение в оборот некоторого количества денег, связанное с местным мифотворчеством

на тему о Возрожденных Соединенных Штатах, смогло причинить этим людям какой-то вред.

Согласно кивнув, Ван Клик перешел к следующей теме.

— Вот эта часть — насчет того, что не прошедшим выборы лицам запрещается прибегать к принуждению... — Он опять постучал пальцем по листу бумаги. — У нас тут проводятся более-менее регулярные городские сходки, в которых принимают участие и жители окрестных селений, когда обсуждается что-либо особенно важное. Однако у меня нет оснований заявлять, что я или мой командир милиции утверждены в должностях по результатам голосования, во всяком случае тайного, как предписано здесь. — Он покачал головой. — А ведь нам приходилось принимать весьма жесткие меры, особенно вначале. Надеюсь, нас не станут прижимать за это к ногтю, господин пне... то есть Гордон. Ведь мы старались как могли... Например, у нас есть школа. Большинство ребят помладше посещают ее, когда кончается уборка урожая. Мы можем начать ремонт механизмов и устраивать голосования, как нас здесь призывают...

Ван Клик нуждался в поощрении, ему хотелось встретиться с Гордоном взглядом. Однако тот

загородился от него пивной кружкой. Самая горькая ирония, какую он усматривал во всем, что видел во время своих странствий, заключалась именно в этом: люди, меньше всего поддавшиеся наступающей дикости, более остальных стыдились малейших уступок ей.

Он прокашлялся, чтобы придать голосу твердость.

— Мне представляется... В общем, вы здесь большие молодцы, Питер. Собственно, главное теперь не прошлое, а будущее. Вряд ли вам следует тревожиться, что федеральные власти станут совать вам палки в колеса.

Ван Клик вздохнул с облегчением. Гордон не сомневался, что в течение нескольких недель здесь будет проведено настоящее тайное голосование. И если местные жители выберут своим вожаком кого-нибудь, кто окажется под стать этому хмурому, но явно разумному человеку, то это будет означать, что они заслуживают своей завидной по нынешним временам доли.

— А меня беспокоит вот что... — подал голос Эрик Стивенс. Выбор Гордона сразу пал на этого подвижного старикана, когда пришлось назначать начальника почты. Ведь он заправлял в местной фактории и был к тому же наиболее

образованным жителем городка, обладателем довоенного диплома выпускника колледжа.

Вторая причина заключалась в том, что Стивенса больше остальных мучили подозрения и недоверчивость, когда несколько дней назад Гордон въехал в этот городок и объявил о «новой эре для Орегона в составе Возрожденных Соединенных Штатов». Назначение почтмейстером как бы вселило в него недостающую уверенность, пусть даже порожденную заботой о собственном престижен благополучии. Кроме того, этот человек явно окажется в предложенной ему должности на своем месте — по крайней мере ровно на то время, какое суждено прожить мифу.

Старина Стивенс поворачивал на столе свою пивную кружку, множа мокрые круги.

— Никак не возьму в толк, почему эмиссары из Сент-Пола не появлялись здесь раньше! Я, конечно, знаю, что вам пришлось преодолеть совершенно дикие пространства, чтобы до нас добраться, причем по большей части на своих двоих — так вы рассказываете. Но мне хочется понять, почему никто не прилетает на самолете?

За столом воцарилось молчание. Гордон чувствовал, что к их разговору прислушиваются все, оказавшиеся в этот час в баре.

— Ну, ты даешь! — взвился Джонни Стивенс, стыдясь упрямства своего деда. — Ты что, не понимаешь, что это была за война? Все самолеты и сложная техника сразу вышли из строя из-за проклятого электромагнитного импульса, загубившего в самом начале войны радиостанции и все прочее! А потом уже просто не сыскать было людей, которые разбирались бы, как это все наладить. Не говоря уже о запасных частях!

Гордон был приятно изумлен. А паренек-то молодчина! Появившись на свет уже после крушения индустриальной цивилизации, он все равно умел ухватить главное.

Каждому, естественно, было известно, что электромагнитные импульсы, вызванные взрывом высоте в атмосфере мощнейших водородных бомб, вывели из строя в первый же ленивее электронные устройства повсюду на планете. Однако понимание Джонни простиралось дальше: он чувствовал, на чем держалась машинная культура.

А с другой стороны, у кого ему было набраться премудрости, как не у своего деда? Стивенс-старший бросил на Гордона коварный взгляд.

— Что, он прав, инспектор? Ни запчастей, ни механиков — ни одного?

Гордон знал, что это объяснение не выдерживает критики. Он поблагодарил судьбу за те долгие часы, которые ему пришлось потратить на путешествие по разбитой дороге, ведущей из Окриджа: их хватило для того, чтобы продумать легенду во всех подробностях.

— Не то чтобы ни одного... Электромагнитный импульс, радиация, взрывы, радиоактивные осадки причинили громадный ущерб. Бактериологическое оружие, бунты. Трехлетняя зима привели к гибели многих людей, хоть что-то знающих и умеющих. Однако для того, чтобы снова запустить сохранившиеся механизмы, все равно не потребовалось много времени. Прошло всего несколько дней — и самолеты были готовы подняться в воздух. У Возрожденных Соединенных Штатов их полно, и все отремонтированы, проверены, прямо рвутся в полет... Вот только взлететь никак не могут. Они прикованы к земле, и так будет продолжаться еще не один год.

Старик был немало удивлен.

— Почему же, инспектор?

— А по той же причине, по какой вы не сможете ловить радиопередачи, даже если соберете приемник, — отчеканил Гордон и стал дожидаться, какой эффект произведут его слова. — Из-за

лазерных спутников.

Питер Ван Клик хлопнул ладонью по столу.

— Дьявольщина!

Все до одного в баре повернулись на его возглас. Эрик Стивенс вздохнул и устремил на Гордона взгляд, в котором читалось полное смирение... а может, и восхищение более утонченной ложью, нежели та, на какую способен он сам.

— Что это еще за ла?..

— Лазерные спутники! — Джонни схватывал суть на лету. — Войну-то мы выиграли... — Он фыркнул, выражая пренебрежение к пресловутой «победе», о которой успели раструбить, прежде чем вспыхнули волнения. — Но противник, судя по всему, оставил на орбите спящие до поры до времени спутники. Они были запрограммированы бездельничать в космосе месяцы, а то и годы, дожидаясь, пока кто-нибудь попробует выйти в эфир или взлететь. И тогда — бац! — Он решительно рубанул рукой воздух. — Неудивительно, что я ничего не могу поймать по своему приемнику!

Гордон кивнул. Версия Джонни пришлась как нельзя более кстати, Гордон и сам был готов сейчас поверить в ее реальность. А что? Это послужило бы прекрасным объяснением молчания

в эфире и пустоты, воцарившейся в небе, — куда лучшим, чем истина о том, что вообще всякой цивилизации настал конец.

И как иначе объяснить полное уничтожение всех до одной радиоантенн, мимо которых ему доводилось проходить в своих скитаниях?

— Что же собирается предпринять в этой связи правительство? — спросил заинтересованно Ван Клик.

«Опять сказки!» — подумал Гордон. Его ложь обречена раздуваться до необъятных размеров, пока кто-нибудь в очередном городке не выведет его на чистую воду.

— Кое-кто из ученых выжил. Надеемся найти в Калифорнии мощности, чтобы собрать ракеты и вывести их на орбиту.

Он не стал развивать эту мысль. Слушатели испытали разочарование.

— Вот бы поскорее удалось посбивать эти проклятые спутники! — размечтался мэр. — Только представить себе, какая воздушная армада застыла без движения! Вы только подумайте, какой сюрприз был бы преподнесен очередной банде холнистов с реки Рог, если бы нас, фермеров, поддержали самолеты и вертолеты американских ВВС!

Он издал звук, удивительно похожий на рев пикирующего истребителя, и сделал ладонью ныряющее движение. Потом он близко к оригиналу воспроизвел автоматную очередь. Гордон покатился с хохоту вместе со всеми. Эти люди по-детски мечтали о том, как им на подмогу явятся всесильные спасители.

Теперь, когда мэр и почтовый инспектор, судя по всему, обсудили все дела, вокруг них столпилось много народу. Кто-то заиграл на губной гармонике. Джонни Стивенсу сунули в руки гитару, и он продемонстрировал завидную музыкальную одаренность. Вскоре толпа уже самозабвенно распевала народные песенки и любезные сердцу старшего поколения популярные рекламные припевки.

Высоко в небе сияла полная луна. Охватившая всех надежда туманила головы под стать густому, темному пиву, и имела столь же пленительный вкус.

* * *

Через какое-то время до его слуха донесся непонятный звук. Направляясь в уборную — к счастью, в Коттедж-Гроув каким-то чудом сохранилась канализация, — Гордон замер у лестницы.

Что за звук?

Толпа у камина тем временем тянула: «Вставайте поближе и слушайте сказ о странствиях долгих моих...»

Гордон навострил уши. Наверное, почудилось. Уж больно слабенький был звук, да и голова у него гудела от крепкого пива. Однако какое-то странное ощущение — кажется, это зовется интуицией? — не проходило. Оно заставило его, покрутив головой, устремиться вверх по крутой лестнице.

Узкий пролет освещало колеблющееся пламя свечи, укрепленной между этажами. Чем выше он поднимался, тем тише делалось счастливое хмельное пение, доносившееся из бара; его постепенно заглушал скрип ступенек.

Потом он оказался в каком-то темном проходе и стал старательно прислушиваться, но без всякого толку. Махнув рукой, Гордон уже собрался спускаться обратно, отнеся ошибку на счет разыгравшегося воображения, когда звук раздался снова.

Жутковатое, трудноразличимое попискивание... Оно оживило в памяти Гордона смутные воспоминания, и он почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове. Он не слыхал

ничего подобного уже... очень, очень давно.

В конце явно не убиравшегося пыльного коридорчика слабо вырисовывался контур двери. Стараясь не шуметь, Гордон двинулся вперед.

Опять!

Он коснулся холодной круглой и скользкой ручки на двери. Раз на ней нет пыли, значит, внутри кто-то есть.

Пи-пи-пи...

Не имея привычного револьвера на поясе — он оставил его в своей комнате, решив, что Коттедж-Гроув совершенно безопасное место, — Гордон чувствовал себя не слишком уверенно. Тем не менее он сделал над собой усилие и приоткрыл дверь.

Его взору предстали груды набитых всяческим хламом ящиков, кое-где прикрытых пыльным брезентом. Здесь были драные покрышки, сломанные инструменты, выведенные из строя предметы мебели... Видимо, деревенский люд, опасаясь смутных времен, тащил сюда все, что только не попадалось на глаза. Из глубины этого завала и доносились странные звуки, сопровождаемые слабыми вспышками света, а также сдавленный возбужденный шепот.

Бил, бил...

Гордон пригнулся и двинулся вдоль рядов ящиков, напоминающих в потемках древние геологические отложения. Чем ближе он подбирался к источнику звука, тем сильнее становилось тревожное ощущение. Что-то там впереди светилось, но это был холодный, неспособный согреть свет.

Случилось неминуемое: под его подошвой скрипнула половица.

Тусклый свет озарил пять одновременно повернувшихся к нему детских мордашек, — как мигом определил Гордон к немалому своему облегчению. Дети взирали на него с нескрываемым ужасом, усугубляемым тем, что они сразу узнали, кто пожаловал к ним в гости. Глазенки их расширились, они боялись шелохнуться.

Однако внимание Гордона привлекали сейчас не дети, а маленький коробок, лежащий на овальном коврике. Он не мог поверить собственным глазам.

Коробок был усеян крохотными кнопочками, а в центре его располагался малюсенький экран, испускавший жемчужно-серое сияние. На экране творилось нечто невероятное: из парящих летающих тарелок вылезали розовые пауки и торжественно маршировали в нижнюю часть экрана. Оказавшись внизу, они испускали побед-

ный писк, после чего их ряды перестраивались и паучье нашествие возобновлялось.

У Гордона пересохло в горле.

— Где... — начал он.

Дети повскакивали. Один из мальчишек выдавил:

— Сэр?..

Гордон ткнул пальцем в устройство.

— Где, во имя всего святого, где вы это раздобыли? А главное, откуда батарейки?

Один ребенок уже заливался слезами.

— Но, сэр, мы не знали, что поступаем плохо. Томми Смит сказал, что это просто игра, детская игра из прежних времен! Их тут полно, только они не хотят работать...

— Кто такой Томми Смит? — не унимался Гордон.

— Один мальчик. Его папа приехал к нам из Кресвелла с фургоном товара пару лет назад. Мы выменяли у Томми эту штуковину на двадцать старых, неработающих.

Гордон припомнил карту, которую рассматривал этим вечером у себя в комнате. Кресвелл находился к северу отсюда, чуть в стороне от дороги, которая должна была привести его в Юджин.

«Неужели?..» Надежда обожгла его огнем, он даже поморщился вместо того, чтобы возликовать.

— А Томми Смит объяснил, где он взял эту игрушку? — Гордон очень старался не перепугать детей, но его настойчивость и торопливость все равно действовали на них устрашающе.

— Он сказал, что получил ее от какого-то Циклопа! — сообщил девичий голосок, тут же захлебнулся в рыданиях.

Затем дети в панике бросились врассыпную, воспользовавшись ведомыми лишь им одним укромными проходами пыльного склада. Гордон неожиданно для себя остался один. Он не шевелился, глядя на крохотных розовых захватчиков на мерцающем экране.

— Хрум-хрум-хрум, — неслось от игрушки.

Потом раздалось победное «бип-бип», и игра началась сначала.

3

Из ноздрей пони вырывалось облачко пара. Лошадку вел под уздцы сквозь влажный туман человек в вымокшей накидке. Единственным грузом на спине пони было седло да две раздутые сумки, накрытые по случаю мороси целлофаном.

Серую ленту шоссе усеивали глубокие лужи, под стать озерцам, образовавшимся в бетонном покрытии За годы засухи, свирепствовавшей после войны, четырехполосную дорогу запорошило пылью, а уж на ней поднялась трава, орошаемая зачастившими после конца засухи дождями, — их приносили северо-западные ветры. Шоссе напоминало теперь скорее залитый дождем луг, в который превратилась узкая вырубка, тянущаяся среди поросших лесом холмов вдоль стремительной реки.

Гордон откинул капюшон и вытащил карту. Впереди справа его подстерегало обширное болото между южным и восточным рукавами реки Уилламетт; после их соединения река несла свои воды на запад, представляя собой естественную границу между Юджином и Спрингфилдом. Судя по старой карте, у реки был разбит парк. Сейчас он не видел в том направлении ничего, кроме нескольких проломленных крыш. Аллеи, стоянки машин и лужайки стали раем для водоплавающих птиц, которым, суля по всему, пришлась по вкусу теперешняя погода.

В Кресвелле Гордон разузнал, что к северу отсюда шоссе делается непроходимым. Ему придется идти непосредственно через Юджин, отыскивать

уцелевший мост через реку, а затем каким-то образом возвращаться на дорогу, ведущую на Коберг.

Наставления жителей Кресвелла не отличались подробностями. После войны мало кто рисковал ходить этим путем.

Ничего, он уже несколько месяцев стремится попасть в Юджин. Посмотрим, что от него осталось. Впрочем, задерживаться там он не намеревался. Город был лишь вехой на пути к загадке, притаившейся на севере.

Пока что шоссе, связывавшее между собой штаты, еще не окончательно разрушилось под воздействием стихии. Пусть оно заросло травой и покрылось заполненными водой рытвинами, однако следы преднамеренного воздействия несли на себе только мосты. Видимо, творение умелых человеческих рук способно по-настоящему разрушить только время — или сам человек. «А строили мы умело, на века». Не исключено, что будущие поколения американцев, шатающихся по лесам и поедающих друг дружку, станут воображать, что это дело рук спустившихся на землю богов...

Гордон покачал головой. Это все дождь — он навевает печаль.

Скоро перед ним вырос большой дорожный указатель, наполовину утонувший в луже. Расшвыряв ногами хлам, Гордон присел, изучая надпись. При этом он мысленно сравнивал себя с охотником, рассматривающим следы на лесной тропе.

— Тридцатая авеню, — громко прочитал он.

На запад от шоссе вела широкая дорога. Судя по карте, центр Юджина находился совсем неподалеку, за лесистым холмом. Гордон выпрямился и похлопал свою лошадку по спине.

— Пошли, Доббин. Помаши хвостом, предупреждая о правом повороте. Мы почти прибыли.

Пони покорно вздохнул. Гордон слегка потянул за поводья, и они побрели вниз с эстакады, под мост и дальше опять на подъем, забирая к западу.

Вид с холма застилала пелена мороси, благодаря которой зрелище разрушенного города не так сильно било по нервам. Уродливые пятна, оставленные пожарами, были давным-давно смыты дождями. Вездесущая растительность, укоренясь в трещинах тротуаров, постепенно затянула дома, скрыв нанесенные им смертельные ранения.

Жители Кресвелла предупреждали Гордона, что за зрелище его ожидает. И все же каждое

очередное знакомство с мертвым городом неизменно вызывало у него горечь. Сейчас он брел по улицам-призракам, хрустя битым стеклом. Умытые дождем тротуары блестели кусками расколоченных витрин — надгробных памятников прежней жизни.

В низинной части города улицы поросли ольхой: их затянуло илом, после того как были разрушены плотины в Фолл-Крик и Лукаут-Пойнт. Хлынувшие в долину потоки смыли часть дороги номер 58 к западу от Окриджа, что и заставило Гордона сделать крюк через Кертин, Коттедж-Гроув и Кресвелл и только потом снова повернуть на север.

Опустошение казалось чудовищным. «И все же, — размышлял Гордон, — достойные люди держались здесь долго и, судя по всему, могли даже выстоять».

В Кресвелле, в промежутках между встречами и празднествами, включавшими избрание нового почтмейстера и составление захватывающих планов прокладки новых почтовых трасс на восток и на запад, жители пичкали Гордона рассказами о славном сражении за Юджин. Город продержался еще четыре года после того, как война и эпидемии отрезали его от осталь-

ного мира. Невиданный союз университетских преподавателей и невежд-фермеров помогал городу-государству успешно справляться со всеми напастями, пока банды мародеров не покончили с ним, взорвав разом все плотины и лишив смельчаков энергии и питьевой воды.

Рассказ уже приобрел черты легенды и напоминал повествование о героической Трое. Впрочем, рассказчики не больно оплакивали участь города. Судя по всему, они относились к поражению как к временному явлению и не сомневались, что еще при их жизни все вернется на свои места.

Оказалось, что оптимизм поселился в сердцах обитателей Кресвелла еще до прибытия Гордона. Его рассказ о Возрожденных Соединенных Штатах стал для них второй по счету дозой добрых вестей менее чем за три месяца. Прошлой зимой к ним нагрянул незнакомец с севера — улыбчивый человек в странном одеянии, оделивший ребятишек невиданными дарами и исчезнувший, произнеся магическое имя: «Циклоп».

«Циклоп» — так он и сказал?"

Да, Циклоп. Циклоп восстановит былой порядок, вернет комфорт и прогресс, спасет всех от непосильного труда и полнейшей безысходности, оставленной в наследство Светопреставлением.

От жителей требовалось для этого немного, а именно — собирать старую технику, особенно электронную. Циклоп примет их пожертвования в виде бесполезного, напрочь загубленного хлама, а также небольшого количества еды, необходимой его добровольным помощникам, взамен же одарит всех в Кресвелле работающими приборами.

Игрушки были всего лишь символом чудес, которые грядут совсем скоро...

Гордону так и не удалось вытянуть из обитателей Кресвелла что-нибудь более вразумительное. Они преисполнились надежды и слишком возбудились, чтобы сохранить способность к логическому рассуждению. Половина из них вообразила, что Возрожденные Соединенные Штаты вызвали к жизни Циклопа, остальные придерживались диаметрально противоположного взгляда. Никому и в голову не пришло, что два этих чуда могут быть совершенно не связаны одно с другим, а представлять собой всего лишь легенды, случайно столкнувшиеся на диких просторах.

У Гордона не хватило духу разочаровывать их или мучать вопросами. Вместо этого он поспешил с отъездом, нагруженный большим количеством

писем, чем когда-либо прежде, и полный решимости отыскать источник новой сказки.

Около полудня он свернул на север и двинулся по Университетской улице. Слабый дождик нисколько его не беспокоил. Он намеревался еще некоторое время посвятить исследованию Юджина, а потом, ближе к сумеркам, свернуть на Коберг, где, как предполагалось, поселились люди, жившие тем, что еще давали раскопки в Юджине. Дальше к северу лежали земли, где орудовали последователи Циклопа и откуда они приходили с рассказами о грядущем возрождении.

Бредя неспешно мимо разоренных домов, Гордон размышлял, стоит ли ему повторять свою ложь о возрождении почтовой связи дальше к северу. Вспоминая паучков и летающие тарелки на экране действующей игрушки, он опять испытал прилив надежды. Вдруг у него появится возможность забыть о принятой на себя роли и заменить ее чем-то таким, во что и впрямь не возбраняется верить? Вдруг действительно объявился кто-то, возглавивший сражение с надвигающимся провалом человечества в каменный век? Уповать на это было слишком заманчиво, чтобы просто отмести подобные надежды как несбыточные, но

и шансов на то, что они оправдаются, слишком мало.

Разрушенные городские строения остались позади, уступив место кампусу университета штата Орегон с его просторным спортивным городком, заросшим теперь осиной и ивняком высотой в добрых двадцать футов. Рядом со старым гимнастическим залом Гордон замедлил шаг, а потом и вовсе замер, схватив пони за уздечку.

Лошадка всхрапывала и била в землю копытом, а Гордон напрягал слух до тех пор, пока его не оставили всякие сомнения.

Где-то поблизости раздавались крики. Они то делались громче, то стихали. Голос был женский, полный боли и смертельного страха. Гордон поспешно выхватил из кобуры револьвер. Откуда кричат: с севера, с востока?

Он нырнул в образовавшиеся между университетскими корпусами густые джунгли, высматривая местечко, где в случае необходимости можно было бы укрыться. Слишком он расслабился за последние месяцы, с тех пор как покинул Окридж, слишком дурные привычки приобрел. Еще чудо, что никто не услышал его приближения: ведь он вышагивал по этим пустынным улицам так, словно они принадлежали ему одному.

Гордон завел пони в гимнастический зал и привязал позади низкой трибуны. Он бросил на пол мешок с овсом, однако не стал трогать седло, а только подтянул подпругу.

Что теперь? Ждать или идти на разведку?

Вооружившись луком, Гордон повесил на пояс колчан и вытащил стрелу. Во время дождя лук — более надежное оружие, нежели револьвер или карабин, не говоря уже о том, что выстрел не производит шума. Одну из сумок с почтой он запихнул в вентиляционное отверстие, подальше от чужих глаз. Отыскивая местечко для другой, спохватился, что отвлекается на глупости, бросил сумку на пол и поспешил на выручку.

Звуки доносились из кирпичной постройки с сохранившимися в окнах стеклами. По всей видимости, мародерам и в голову не пришло сюда заглядывать.

Теперь Гордон смог расслышать приглушенные голоса, негромкое лошадиное ржание и поскрипывание упряжи. Не обнаружив наблюдателей ни в окнах, ни на крышах, он перебежал на другую сторону заросшей лужайки, взлетел по бетонным ступеням к двери и прижался к ней, тяжело дыша. При этом он широко разевал рот, чтобы не сопеть носом.

На двери висел ржавый замок, а также пластмассовая табличка с надписью:

МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИМЕНИ ТЕОДОРА СТАРДЖОНА
Открыт в мае 1989 г.
Часы работы кафетерия:
11 — 14.30
17 — 20

Голоса раздавались из-за этой двери, однако пока он не мог разобрать ни словечка. Наружная лестница вела на верхние этажи. Немного отступив, Гордон разглядел на четвертом этаже распахнутую дверь.

Он знал, что готовится в который раз свалять дурака. Сейчас, когда ясно, откуда исходит угроза, ему следовало бы вскочить в седло и поскорее убраться подальше.

Тем временем атмосфера внутри явно накалялась. В проеме двери он увидел занесенный кулак. Раздался звук удара, женский крик и грубый мужской смех.

Браня свой проклятый характер, не позволяющий ему поступить наиболее рациональным образом, то есть задать стрекача, Гордон начал аккуратно, стараясь не шуметь, подниматься по

бетонным ступенькам.

За дверью его поджидали гниль и плесень. В остальном же верхний этаж студенческого центра досуга выглядел нетронутым. Цел был даже стеклянный потолок, хотя медная обвязка изрядно позеленела. Вниз вел наклонный пандус, застеленный ковром.

Добравшись до центра здания, Гордон почувствовал себя так, словно перенесся в прежние времена Грабители обошли вниманием кабинеты студенческих организаций с их впечатляющим количеством бесполезных бумаг. На стенах так и остались висеть объявления о спортивных соревнованиях, представлениях, политических мероприятиях, оставшихся в далеком прошлом.

Только в последнем кабинете он обнаружил тревожные красные плакаты. Катастрофа пришла неожиданно и быстро положила всему конец. От здешнего милого взгляду хаоса по-прежнему веяло уютом, радикализмом образца прошлого века, энтузиазмом, молодостью...

Гордон заторопился вниз по пандусу, туда, где звучали голоса. На втором этаже имелся балкон, нависающий над вестибюлем. Остаток пути Гордон преодолел на четвереньках.

Справа, в северной части здания, высоченное

стекло было высажено, чтобы под крышу смогли въехать два больших фургона. У западной стены, позади автоматов для игры в китайский бильярд, дышали паром шесть лошадей.

Снаружи, среди осколков стекла, розовели лужи дождевой воды, смешанной с кровью. Здесь распростерлись четыре тела, совсем недавно изрешеченные автоматными очередями. Только одна из жертв, угодив в засаду, успела выхватить оружие — револьвер валялся в луже, в нескольких дюймах от застывшей кисти.

Голоса раздавались слева от Гордона, из-за поворота балкона. Он ползком добрался до места, откуда можно было выглянуть, оставаясь незамеченным.

На западной стене красовались несколько зеркал, и это позволило Гордону увидеть, что творится на первом этаже. Его взгляд тут же уперся в большой камин, где трещала в огне порубленная мебель. Он приподнял голову еще немного и увидел четверых вооруженных до зубов мужчин, стоявших возле камина. Пятый развалился на диванчике, держа на мушке автоматической винтовки двух пленников — мальчика лет девяти и молодую женщину.

От недавно нанесенного удара на щеке жен-

щины красовалось багровое пятно, каштановые волосы были взлохмачены. Она прижимала к себе мальчика и не спускала с мужчин глаз. Оба пленника слишком обессилели, чтобы проливать слезы.

Все мужчины носили бороды, все были затянуты в довоенные пятнистые комбинезоны, у каждого в левом ухе красовалось минимум по одной серьге.

«Мастера выживания»! Гордон содрогнулся от отвращения.

Когда-то, еще до катастрофы, это понятие имело несколько значений, включая и наличие здравого смысла, и готовность постоять за честь свою и соседа, однако и антисоциальная паранойя неполноценных любителей пострелять сюда тоже входила. В каком-то смысле и сам Гордон мог бы именоваться «мастером выживания». Однако последнее, сугубо отрицательное значение в итоге вытеснило все остальные — слишком уж много зла натворили люди этого сорта.

Повсюду, где довелось побывать Гордону, народ был единодушен в своем отвращении к ним. В любом округе, в любом селении этих обезумевших от чувства вседозволенности головорезов, презревших все законы, винили в чудовищных

бедах, что привели к окончательному краху, — винили гораздо больше, нежели врага, чьи бомбы и бактерии принесли столь чудовищные разрушения в ходе Однонедельной войны.

Самыми ненавистными из головорезов были последователи Натана Холка, да пожрет его адский пламень!

Но откуда взялись «мастера выживания» в долине реки Уилламетт? В Коттедж-Гроув Гордона убеждали, что последняя их банда была оттеснена на юг от Розберга, к реке Рог, несколько лет тому назад! Что понадобилось здесь этим дьяволам? Он подался еще немного вперед и прислушался.

— Не знаю, командир... Вряд ли нам надо продолжать рейд. Достаточно намеков насчет какого-то Циклопа и от этой пташки. Ишь как напугана, что проболталась! Лучше вернемся-ка в Сите-Браво, к лодкам, и доложим обо всем, что выведали.

Говоривший — низкорослый, лысый и жилистый тип, грел руки над огнем, стоя к Гордону спиной; на плече у него висел дулом вниз автомат с пламегасителем. Рослый субъект, к которому он обращался как к командиру, имел шрам от подбородка до уха, и его не могла скрыть даже густая борода с проседью. Он скалился, демонстрируя

провалы во рту.

— Ты что, веришь тому, что наплела здесь эта дуреха? Всей той ерунде насчет большого компьютера? Бредни! Она врет, чтобы мы скорее уносили ноги!

— Ах так! А что ты на это скажешь? — Лысый указал на фургон.

Гордон увидел в зеркале часть груза — разнообразные предметы, собранные, несомненно, здесь же, в университете, — сплошь электроника. Не фермерский инвентарь, не одежда, не безделушки — электроника! Он впервые видел фургон, забитый такого рода добычей. Отсюда следовали столь далеко идущие выводы, что у него заколотилось сердце. Гордон так разнервничался, что едва успел спрятаться, когда лысый повернулся, чтобы взять что-то со стола.

— А это? — не унимался лысый. На его ладони лежала игрушка — видеоигра, подобная той, какую Гордон видел в Коттедж-Гроув.

Экран засветился, игрушка издала мелодичный писк. Командир долго сверлил ее мрачным взглядом, затем передернул плечами:

— Ну и что? Чепуха!

Тут подал голос еще один член отряда:

— А я согласен с Коротышкой Джимом...

— Его обозначение — «Синий-Пять»! — рявкнул верзила. — Забыли про дисциплину?

— Ну да, — кивнул третий, ничуть не смутившись от выговора. — В общем, я согласен с Синим-Пять. Думаю, нам надо доложить обо всем полковнику Безоару и генералу. Это может угрожать плану вторжения. Вдруг у фермеров на севере и впрямь завелись разные сложные штуковины? Вот пойдем в наступление и напоремся на какие-нибудь лазеры или что-нибудь почище. Если на них работает кто-нибудь из ВВС или флота, то нам несдобровать!

— Тем более следует продолжить разведку, — отозвался главарь. — Надо будет побольше разузнать об этом Циклопе.

— Но ты же сам видел, как долго нам пришлось возиться с этой бабой, чтобы вытянуть из нее, хоть пару словечек. Не можем же мы бросить ее здесь, а сами идти дальше! Если бы мы повернули назад, к лодкам, то взяли бы ее с собой и...

— К черту бабу! Сегодня же ее прикончим. И сосунка заодно. Ты слишком долго торчал в горах, Синий-Четыре. Здесь смазливые пташки кишмя кишат. Этой надо навсегда заткнуть рот, а не тащить за собой.

Спор нисколько не удивил Гордона. Повсюду,

где им только удавалось закрепиться, эти безумцы охотились за женщинами, а также за едой и рабами. После первых лет бойни в большинстве холнистских анклавов скопилось слишком много мужчин, тогда как женщины были наперечет. Теперь среди «мастеров выживания» они считались ценным приобретением. Так что вполне понятно, почему кое-кому из головорезов захотелось тащить женщину в свое логово. Гордон уже разглядел, что она вполне миловидна — стоит подлечить ее и заставить забыть про только что испытанный ужас. Мальчик, которого она прижимала к себе, смотрел на негодяев с лютой ненавистью.

Услышанное позволило Гордону предположить, что банды с Рог-Ривер наконец-то сплотились, принужденные к этому каким-то вновь выдвинувшимся предводителем. Они, по всей видимости, намеревались нанести удар с моря, обойдя укрепления в Розвилле и в долине Камас, где фермерам удалось отразить их прежние завоевательные набеги. Успех такого дерзкого начинания мог положить конец остаткам цивилизации, теплившимся в долине реки Уилламетт.

До последних минут Гордон убеждал себя,

что способен держаться в стороне от схватки. Однако за семнадцать лет оставшиеся в живых привыкли, что на сохранение нейтралитета рассчитывать нечего. Даже враждующие деревни, обуреваемые жаждой мести, враз отбросили бы свои счеты и объединились, чтобы искоренить банду, подобную этой. Одного вида армейского камуфляжа и золотых серег хватило бы, чтобы вызвать взрыв ненависти, которую испытывал к этим нелюдям буквально каждый, как к стервятникам. Гордон даже и не думал теперь о том, чтобы улизнуть, не попытавшись причинить отряду холнистов хоть какой-то ущерб.

Воспользовавшись тем, что дождь прекратился, двое вышли наружу и принялись обирать трупы, при этом отрубая в качестве отвратительных трофеев части тел. Снова усилившаяся морось вынудила бандитов переключить внимание на фургоны и учинить в них разгром в поисках чего-нибудь поценнее. Судя по их брани, поиски не увенчались успехом. Гордон слышал, как хрустят под подошвами башмаков хрупкие бесценные детали электронных устройств.

С пленниками остался только один охранник; он отвернулся от зеркальной стены и не мог поэтому заметить Гордона. Сейчас он занимался

тем, что чистил оружие.

Проклиная себя за нерасторопность, Гордон все же попытался воспользоваться предоставленной возможностью. Он высунул голову из-за ограждения балкона и помахал рукой. Женщина заметила его жест, ее глаза расширились.

Он приложил палец к губам, надеясь показать этим, что ее обидчики являются врагами и для него. Женщина замигала, и Гордон испугался, что она сейчас заговорит. Ее взгляд скользнул по часовому, который по-прежнему не поднимал головы от затвора, затем снова переместился на Гордона, и она легонько кивнула. Он показал ей поднятый большой палец и, пригибаясь, покинул балкон.

Первым делом он утолил жажду, почти опорожнив фляжку: во рту у него совершенно пересохло. Потом, найдя кабинет, где было поменьше пыли — не хватало только расчихаться! — сжевал кусок вяленого мяса и настроился ждать.

* * *

Случай подвернулся ближе к закату. Трое бандитов ушли на разведку. Лысый, по кличке Коротышка Джим, остался за повара: ему предстояло зажарить в камине оленью ногу. Охрану

пленников поручили худолицему холнисту с тремя золотыми серьгами; не спуская глаз с молодой женщины, он строгал ножом деревяшку. Гордон опасался, что вожделение, которого холнист не скрывал, в конце концов пересилит в нем боязнь наказания. Времени оставалось все меньше.

Гордон приготовил лук и стрелу. Еще две стрелы лежали рядом на ковре. Кобура была расстегнута, под бойком револьвера поблескивал патрон. Оставалось только ждать.

Часовой отложил деревяшку, которую строгал, затем поднялся. Женщина, еще сильнее прижав к себе мальчика, отвернулась.

— Синий-Один этого не одобрит, — раздался от камина предостерегающий голос Коротышки Джима.

Часовой навис над женщиной. Она пыталась сдержать дрожь, но все равно поежилась, когда он провел ладонью по ее волосам. Глаза мальчика пылали ненавистью.

— Синий-Один говорил, что мы все равно пустим ее в расход, но сперва попользуемся ею по очереди. Почему бы мне не стать первым? Вдруг мне удастся заставить ее порассказать побольше насчет этого Циклопа? Ну, как, крошка? Кулаками из тебя ничего не выбьешь, но я знаю, как

тебя приручить.

— А мальчишка? — полюбопытствовал Коротышка Джим.

Часовой лениво повел плечами.

— Мальчишка?..

Внезапно в его правом кулаке блеснул охотничий нож. Левой рукой он сгреб мальчика за вихры и оторвал от женщины. Та взвизгнула.

У Гордона не осталось времени на раздумья. Однако он сделал не то, что казалось наиболее естественным, а то, чего требовала тактика. Вместо того чтобы прикончить мерзавца с ножом, он резко повернул лук и пронзил стрелой грудь Коротышки Джима. Тот изогнулся, удивленно взглянул на проткнувший его предмет и рухнул навзничь.

Гордон поспешно зарядил новую стрелу и, повернувшись, увидел, как часовой выдергивает нож из плеча женщины: она, должно быть, попыталась защитить ребенка и приняла удар на себя. Мальчик забился в угол.

Несмотря на кровоточащую рану, женщина не отпускала врага, царапая его ногтями и не давая Гордону прицелиться. Бандит сначала оказывал ей неуклюжее сопротивление, больше ругаясь и пытаясь поймать за руки. Наконец ему это

надоело и он повалил ее на пол. Рассвирепев от царапин и не подозревая об участи, постигшей его сообщника, он с ухмылкой занес нож и шагнул к раненой, судорожно ловящей ртом воздух.

В это самое мгновение стрела Гордона пробила его комбинезон, скользнула по спине, оставляя кровавый след, и впилась в кушетку.

Устрашающая внешность «мастеров выживания» отчасти соответствовала действительности: в мире не было равных им по умению сражаться. Прежде чем Гордон успел выпустить вторую стрелу, детина метнулся в сторону и схватил автоматическую винтовку. Гордону пришлось спрятаться за ограждением, спасаясь от прицельных выстрелов. Пули со звоном отскакивали от стальных прутьев как раз в тех местах, где он только что появлялся.

На ствол винтовки был навинчен глушитель, поэтому бандит не мог стрелять очередями; однако и одиночные выстрелы заставляли Гордона без устали кататься по полу и не давали возможности вытащить револьвер. Он справился с этой задачей, лишь забравшись в дальний угол балкона.

Его противник, однако, обладал тонким слухом. В каком-то дюйме от лица чудом отпрянувшего

Гордона полетели в разные стороны щепки от вонзившейся в дощатую стену пули. Затем наступила тишина, нарушаемая только бешеным стуком сердца Гордона, громом отдававшимся у него в ушах.

«Что теперь?» — подумал он.

Внизу раздался громкий крик. Гордон успел разглядеть в зеркале безумную картину: маленькая женщина подняла над головой тяжелый стул, собираясь обрушить его на верзилу. Тот обернулся и выстрелил. На груди женщины появилось ярко-красное пятно, и она осела на пол; стул откатился убийце под ноги.

До Гордона донесся щелчок, свидетельствовавший о том, что магазин смертоносной винтовки опустел; возможно, это ему лишь показалось. Но, как бы там ни было, он, уже не думая об опасности, вскочил налоги и, держа перед собой револьвер обеими руками, несколько раз спустил курок. Остановился он лишь после того, как боек несколько раз подряд ударился о пустой дымящийся патронник.

Противник еще держался на ногах, пытаясь вогнать в магазин винтовки новую обойму, однако на пятнистой гимнастерке уже начали расплываться багровые пятна. В его взгляде, упершемся в

Гордона, застывшего с дымящимся револьвером в руке, читалось удивление.

Наконец ослабевшие пальцы выпустили винтовку, она с лязгом ударилась об пол. За винтовкой последовал и хозяин.

Гордон ринулся вниз, к раненой женщине, прыжком преодолев перила. Впрочем, он сначала удостоверился, что «мастера выживания» на сей раз таки не выжили.

Несчастная с усилием приподняла голову и прошептала:

— Кто?..

— Молчите, — оборвал Гордон, вытирая струйку крови, сбегающую из уголка ее рта.

Зрачки женщины расширились, жизнь покидала ее. Однако она увидела его форму с нашивкой «Почтовая служба Возрожденных Соединенных Штатов» на нагрудном кармане. В глазах раненой застыл немой вопрос.

«Пусть верит, — мелькнуло в голове Гордона. — Она сейчас умрет, так пусть умирает с верой, что это правда».

Однако ему не удалось заставить себя произнести сейчас лживые слова, которые так часто слетали с его уст и завели так далеко. Нет, сейчас он не был на это способен.

— Я простой путешественник, мисс. — Он покачал головой. — Я... ваш согражданин, пытающийся помочь.

Она слабо кивнула, как будто даже не испытав разочарования, словно и такой вариант казался ей чудом.

— На север... — выдохнула она. — Возьмите мальчика. Предупредите... предупредите Циклопа.

Даже в последних словах умирающей слышались уверенность, преданность, надежда на избавление от мук. Похоже, она верила в машину, название которой произнесла.

«Циклоп...» — думал Гордон, убирая руку от холодеющего лба. Теперь у него появилась еще одна причина отыскать источник этой легенды.

Он не мог тратить время на похороны. Пусть винтовка бандита стреляла негромко — зато шума от револьвера Гордона было достаточно, чтобы насторожить остальных холнистов. В его распоряжении оставалось несколько секунд, чтобы скрыться вместе с мальчиком.

В десяти футах от них перебирали копытами кони. А где-то на севере находилось то, ради чего, не задумываясь, приняла смерть отважная молодая женщина.

«Только бы это оказалось правдой...» — стучало в мозгу Гордона, пока он подбирал винтовку и патроны поверженного врага. Он бы не задумываясь отказался от выбранной им роли, если бы узнал, что хоть кто-то взял на себя ответственность и пытается противостоять наступлению каменного века. Такому человеку он предложит свою верность и любую посильную помощь. Пусть даже не человеку, а суперкомпьютеру.

Снаружи донеслись крики. Они делались все громче. Гордон взглянул на мальчугана, который таращил на него глаза, забившись, в угол.

— Что ж, идем, — позвал он, протягивая руку. — Вернее, по коням!

4

Посадив ребенка впереди себя в седло, Гордон поскакал прочь от места побоища со всей прытью, на какую только оказался способен украденный конь. Оглянувшись, он увидел бандитов, тщетно пытающихся догнать его на своих двоих. Один опустился на колено, чтобы получше прицелиться.

Гордон пригнулся и заколотил каблуками по бокам коня. Тот заржал и шарахнулся за угол

разграбленного магазина в тот самый момент, когда пули ударились в гранит позади них, выбив фонтан осколков.

Гордон радовался своей предусмотрительности: ведь он разогнал остальных лошадей, прежде чем запрыгнуть в седло. Но радость была недолгой: обернувшись, он увидел, что один из неприятелей пытается настигнуть их на его же собственном пони!

На мгновение Гордона обуял безумный страх. Раз они нашли его лошадку, что им стоит отыскать и уничтожить сумки с почтой? Усилием воли заставив себя не думать о сумках, он пустил коня галопом. К черту письма! В конце концов, это всего лишь его сценический реквизит. Сейчас важнее другое: у него остался всего один преследователь. Это уравнивало шансы.

Во всяком случае, почти...

Он подхлестнул коня уздечкой и посильнее лягнул каблуками, уносясь все дальше по пустой улице бывшего центра Юджина. Цокот преследуемых копыт раздавался все ближе. Так и не обернувшись, Гордон свернул в проулок. Конь пронесся по россыпи битого стекла и вынес седоков на следующую улицу, потом — на параллельную.

Гордон свернул к зарослям, зеленевшим по другую сторону площади, и остановил запыхавшегося коня в небольшом парке, посреди дубовой рощицы.

Непонятный шум мешал ему слышать. Гордону потребовалось время, чтобы сообразить, что это его собственное дыхание, собственная кровь стучит в висках.

— С тобой все в порядке? — задыхаясь, спросил он мальчишку, вцепившегося в луку седла.

Тот только молча проглотил слюну и обессиленно кивнул. Он был перепуган до смерти, насмотревшись ужасов за сегодняшний день, однако у него хватило ума не паниковать, а просто настороженно ждать, что предпримет дальше его спаситель.

Гордон привстал в седле и попытался что-нибудь разглядеть сквозь семнадцатилетние заросли. Кажется, они улизнули от преследователя — по крайней мере, на какое-то время. Разумеется, нельзя исключать возможность, что тот тоже затаился поблизости и обратился в слух.

У Гордона дрожали от волнения пальцы, однако он ухитрился извлечь из кобуры револьвер и перезарядить его. Одновременно он пытался

собраться с мыслями.

Если их преследовал всего один всадник, то наилучшим выходом было не высовываться и ждать, что тот предпримет. Пустившись на поиски, бандит неминуемо потеряет их. Плохо то, что скоро к нему могут присоединиться остальные холнисты. Из этого следовало, что лучше немного пошуметь, чем позволить опытным следопытам с Рог-Ривер устроить настоящую облаву.

Он поглаживал коня по шее, давая ему время отдышаться.

— Как тебя зовут? — спросил он мальчика.

— М...Марк, — пискнул тот.

— А меня Гордон. Девушка, спасшая нас обоих там, у камина, это твоя сестра?

Марк отрицательно покачал головой. Дитя каменного века, он был способен сдержать слезы.

— Нет, сэр, это моя мама.

Гордон удивленно разинул рот. Женщины, успевшие произвести на свет ребенка, теперь редко выглядели столь молодо. По всей видимости, мать Марка жила в необычных условиях — вот еще одно подтверждение загадочных событий, происходящих в северном Орегоне.

Дневной свет быстро сменили сумерки. По-прежнему не улавливая ни малейшего шума,

Гордон тихонько тронулся с места, сдерживая коня коленями и следя, чтобы тот ступал только по мягким участкам. Не теряя бдительности, он то и дело останавливался и прислушивался.

Вскоре до них донесся крик. Мальчик окаменел. Однако кричали на удалении нескольких кварталов. Гордон пустил коня в противоположном направлении, собираясь добраться до одного из мостов через Уилламетт в северной части города.

Когда они подъехали к мосту на дороге номер 105, сумерки уже сменились темнотой. Тучи успели за день вылить на землю всю накопившуюся в них влагу, однако никак не рассеивались, из-за чего руины по обеим сторонам улицы были погружены в полный мрак, даже звезды не светили. Гордон напрягал зрение, пытаясь хоть что-то разглядеть. Накануне он слышал, что этот мост, вроде, остался нетронутым, к тому же как будто ничто не свидетельствовало о наличии здесь засады.

Впрочем, среди высоких ферм на мосту вполне мог притаиться опытный боец с винтовкой...

Гордон покачал головой, укоряя самого себя. Не для того он протянул столько лет, чтобы сейчас идти на глупый риск. Тем более что это не

единственный возможный вариант движения. Было бы, конечно, очень неплохо выехать на старое шоссе, связывавшее штаты, и направиться прямиком к Корваллису и загадочному царству Циклопа, однако существовали и другие пути. Он развернул коня и поскакал на запад, прочь от подозрительных очертаний моста.

По извилистым боковым улочкам Гордон двигался быстро, к тому же все время петляя. Несколько раз он воображал, что заблудился, и скакал наугад. В конце концов по звуку бегущей воды он нашел шоссе номер 99.

Здешний мост представлял собой просто отрезок шоссе, лишенный вселяющих опасения ферм. К тому же никакого другого пути не оставалось. Низко наклонившись над мальчиком, Гордон галопом преодолел мост и еще какое-то время не переходил на шаг, чтобы окончательно оторваться от возможной погони.

Наконец он слез со взмыленного коня и повел его под уздцы, дав отдышаться. Когда он снова сел в седло, то обнаружил, что юный Марк забылся сном. Гордон укутал накидкой его и себя и затрусил на север, вглядываясь в темноту в поисках огонька.

Примерно за час до рассвета они добрались

до обнесенной стеной деревни под названием Гаррисберг.

Рассказы о процветании в северной части Орегона не передавали действительности во всей ее полноте. Судя по всему, это поселение давным-давно, даже слишком долго, не ведало беспокойства. Простреливаемая зона под стеной заросла густой растительностью, на сторожевых башнях не было видно часовых. Гордону пришлось драть глотку минут пять, прежде чем перед ним соизволили открыть ворота.

— Мне необходимо переговорить с вашими старшими, — сказал он впустившим его людям, останавливаясь под разбитым козырьком магазина. — Вам грозит такая опасность, о какой вы не вспоминали уже много лет.

Он подробно рассказал о попавших в засаду сборщиках довоенного добра, о безжалостных мерзавцах и о том, что они намерены приступить к прочесыванию северного берега Уилламетта. Времени на раздумья не оставалось. Требовалось нанести стремительный удар по холнистам, прежде чем они приведут свой план в действие.

Однако он с брезгливым удивлением констатировал, что заспанная деревенщина не склонна верить ему на слово и тем более — мчаться куда

глаза глядят в темень и дождь. Они подозрительно рассматривали Гордона и упрямо качали головами в ответ на его настойчивые призывы выслать разъезд.

Юный Марк так вымотался, что не мог разлепить глаза, поэтому был не в состоянии подтвердить его рассказ. Местный же люд предпочитал относиться к неприятному известию как к явному преувеличению. Их больше устраивало предположение, что Гордон напоролся на местных бандитов, рыскающих к югу от Юджина, куда еще не добралось влияние Циклопа. Ведь уже много лет никто не видел холнистов в этих краях! Судя по всему, они давным-давно поубивали друг друга, после того как вздернули самого Натана Холна.

Люди ободряюще похлопали Гордона по спине, а потом стали расходиться по домам. Владелец магазина предложил ему расположиться у него на складе.

Гордон не верил собственным ушам и глазам. Как эти идиоты не понимают, что их жизни угрожает опасность? Если сейчас разведывательный отряд холнистов ускользнет невредимым, то нечисть нагрянет снова, навалившись всеми своими силами...

— Послушайте же меня! — взывал он к собравшимся, но их деревенское упрямство оказалось непробиваемым — логика на них не действовала. Они расходились, не желая пошевелить и пальцем для собственного спасения.

Отчаявшись и исчерпав все аргументы, Гордон со злостью сдернул с плеч накидку, демонстрируя упрямцам форму почтового инспектора. Теперь его натиск был неудержим.

— Вы, кажется, никак не возьмете в толк, что я *не прошу* у вас помощи. Неужели вы полагаете, что для меня так важна ваша дурацкая деревушка? Нет, мне дорого другое: у этих негодяев остались две сумки с почтой, которую они украли у граждан Соединенных Штатов, и я *приказываю* вам, пользуясь своими полномочиями чиновника федеральной администрации, собрать отряд вооруженных людей и отыскать бандитов!

За последние месяцы Гордон неплохо попрактиковался, оттачивая свою роль, однако так сильно его еще ни разу не заносило. Стоило кому-то из вылупивших глаза деревенских обитателей попытаться промямлить что-то ему в ответ, как он властно заткнул ослушнику рот. Голос его дрожал от негодования, когда он внушал им, какие лютые козни обрушатся на их головы, стоит

возрожденной нации узнать об их постыдном поведении. Надо же, безмозглая деревушка попряталась за стенами и позволила себе упустить заклятых врагов нации!

Сузив глаза, он медленно повторил:

— Невежественные увальни, у вас в запасе всего десять минут, чтобы собрать отряд и подняться в седла. Предупреждаю вас, в случае неповиновения последствия окажутся куда более неприятными, чем конная прогулка под дождем!

Увальни недоуменно моргали. Большая их часть так и осталась стоять столбами, пялясь на его форму и сияющую на фуражке кокарду. Пусть им не дано понять, какая опасность угрожает деревушке, но эту фантастическую историю им придется проглотить целиком — либо так же целиком отвергнуть.

Ситуация какое-то время оставалась критической. Гордон был близок к отчаянию, когда, наконец, все вдруг пришло в движение. Мужчины принялись покрикивать друг на друга и бегать в поисках оружия, женщины начали седлать лошадей. Гордон остался стоять в одиночестве в хлопающей на ветру накидке, ругаясь про себя последними словами. В конце концов гаррисбергский отряд был собран и готов к реши-

тельным действиям.

«Господи, что это на меня нашло?» — успокаиваясь, спохватился вдруг Гордон. Наверное, он начинает по-настоящему входить в роль. В решающий момент, отчитывая местных жителей, он и сам поверил в то, что говорил. Он ощутил власть, эманацию власти, исходящую от театрального персонажа, в которого он перевоплотился: этот слуга Народа имеет право на гнев, когда глупые и ленивые людишки препятствуют ему в осуществлении своего высокого предназначения...

Сей эпизод стал для него потрясением; какие-то минуты он не на шутку сомневался в собственном душевном здоровье. Одно сделалось ясно: он надеялся расстаться с выдумкой о почте, добравшись до северного Орегона, теперь же приходилось отказаться от этого намерения. Роль прилипла к нему намертво, и одному провидению известно, принесет это в конечном счете пользу или вред.

Спустя четверть часа гаррисбергские увальни уже гарцевали вокруг, горя нетерпением. Доверив мальчика местной семье, Гордон вместе с отрядом скрылся за стеной дождя.

Сейчас, при свете дня и при наличии сменных лошадей, двигаться пришлось не так долго. Гордон позаботился, чтобы был выслан авангард и

выставлен арьергард на случай засад, а основной отряд разделил на три части. Достигнув кампуса Орегонского университета, всадники спешились, окружая Центр студенческого досуга.

Хотя количество бойцов отряда превосходило банду примерно в восемь раз, Гордон полагал, что силы их примерно равны. По мере приближения к месту расправы он морщился при каждом звуке, издаваемом неуклюжими фермерами, и нервно следил за окнами и крышами.

Ему приходилось слышать, что дальше к югу продвижение холнистов было остановлено благодаря бесстрашию и решительности выступивших против них жителей. Какой-то легендарный тамошний лидер преподал «мастерам выживания» неплохой урок. Наверное, именно потому они и пытаются просочиться вдоль побережья на север. Здесь все обстоит по-другому: если начнется настоящее вторжение, у местных вояк не будет ни малейшего шанса выстоять.

К тому моменту, когда отряд ворвался в Студенческий центр, бандитов и след простыл. Камин давно потух. Следы, отпечатавшиеся в уличной грязи, вели на запад, к морю.

Жертвы бойни валялись на полу в кафетерии; у трупов были отрезаны уши, а также некоторые

другие части тела, прихваченные убийцами в качестве трофеев. Гаррисбергцы смотрели на страшные дыры, проделанные в телах автоматическим оружием, вспоминая столь же жуткие картины, оставшиеся, казалось бы, в прошлом.

Гордону пришлось напомнить им о необходимости предать тела земле.

События этого утра принесли Гордону одни разочарования. У него не было иного способа доказать, что бандиты на самом деле являлись разведывательным отрядом холнистов, кроме дальнейшего преследования, о котором с этими несмелыми фермерами не могло идти и речи. Им уже хотелось домой, под охрану высокой, надежной стены. Гордон, вздыхая, настоял на еще одной остановке.

В пропитанном влагой, разваливающемся здании университетского гимнастического зала он нашел свои сумки с почтой. Одна лежала нетронутой там, где он ее оставил, другая была раскрыта, и письма из нее усеивали пол.

Гордон разыграл буйную ярость, и деревенские, приняв представление за чистую монету, бросились помогать ему собирать бумажки. У него отменно получился не помнящий себя от гнева почтовый инспектор, клянущийся отомстить

отродью, осмелившемуся замахнуться на саму федеральную почту.

На самом деле за представлением не стояло даже подобия душевного порыва. Гордон сейчас не мог думать ни о чем другом, кроме своего пустого желудка и смертельной усталости.

Обратный путь сквозь ледяной туман оказался тяжелым. В Гаррисберге мучения Гордона продолжились. Ему пришлось опять разыгрывать старый сценарий: передавать адресатам письма, собранные к югу от Юджина, наблюдать слезливое ликование счастливчиков, узнавших о том, что их родственник или знакомый, которого они давно мысленно похоронили, здравствует, назначать местного почтмейстера и участвовать в глупых празднествах.

На следующее утро он проснулся опухший, с болью во всем теле, дрожа от лихорадки. Его мучали ужасные сны: все они кончались вопросительным взглядом умирающей женщины, в котором была надежда.

Как ни уговаривали его жители Гаррисберга, он не согласился остаться еще даже на часок. Сразу после завтрака Гордон оседлал подаренного ему отдохнувшего коня, погрузил сумки с почтой и направился прямиком на север.

Пришло наконец время взглянуть на Циклопа.

5

"18 мая 2011 г.

Прохождение: Шедд, Гаррисберг, Кресвелл, Коттедж-Гроув, Калп-Крик, Окридж — в Пайн-Вью.

Дорогая миссис Томпсон,

первые Ваши три письма нашли меня в Шедде, к югу от Корваллиса. Трудно выразить, как я рад был их получить. Я счастлив за Эбби и Майкла; надеюсь, у них родится дочка.

Я обратил внимание на то, что вы продлили местную почтовую трассу, так что она включает теперь Джилкрист, Нью-Бонд и Редмонд. К письму прилагаются временные мандаты для лиц, рекомендуемых Вами на почтмейстерские должности, подлежащие последующему подтверждению. Ваша инициатива заслуживает всяческого одобрения.

Новость о смене режима в Окридже встречена благосклонно. Надеюсь, что перемены окажутся необратимыми".

В уютной комнате, предоставленной гостю, стояла тишина, нарушаемая только бегом серебряного пера автоматической ручки по желтоватому листу бумаги. В открытое окно заглядывала бледная луна, пробившаяся сквозь облака; до слуха Гордона долетали обрывки музыки и смех. Некоторое время назад он, сославшись на усталость, покинул своих гостеприимных хозяев, оставшихся отплясывать бойкий негритянский танец.

Он успел привыкнуть к празднествам, неизменно устраиваемым повсюду в честь прибытия «правительственного посланника». Однако здесь его ждало кое-что новенькое: еще ни разу со времени голодных бунтов, то есть за очень долгий период, он не видел такого скопления народу.

Звучали местные ритмы; как и прежде с наступлением осени, фермеры брали в руки скрипки, банджо и с легкостью пускались в пляс. Это тоже ему знакомо.

Однако нельзя было не заметить и различий.

Гордон повертел авторучку, разминая пальцы, и перебрал письма от друзей в Пайн-Вью. Они пришли как раз вовремя, чтобы подтвердить правдивость его легенды. Почтовый курьер с юга долины Уилламетт — Гордон сам назначил его на эту должность всего две недели тому назад —

прискакал на взмыленном коне и отказался даже от стакана воды, торопясь первым делом предстать перед местным «инспектором». Поведение славного юноши мигом развеяло последние сомнения, еще оставшиеся кое у кого. Сказка в очередной раз сработала.

Во всяком случае, пока...

Гордон снова склонился над письмом.

"Вы наверняка уже получили мое предупреждение о возможности вторжения «мастеров выживания», скопившихся у Рог-Ривер. Знаю, что Вы примете все необходимые меры для защиты Пайн-Вью. Однако здесь, в странных пока для меня владениях Циклопа, мне до сих пор не удалось внушить людям, что эта угроза серьезна. По сегодняшним стандартам, они слишком долго живут в мирной обстановке. Они прекрасно ко мне относятся, но явно считают, что я преувеличиваю опасность.

На завтра мне наконец-то назначена аудиенция. Возможно, удастся убедить в реальности опасности самого Циклопа.

Было бы печально, если бы эта неви-

данная община, руководимая машиной, пала под ударами варваров. С тех пор как я покинул цивилизованное восточное побережье, Корваллис — самое сильное мое впечатление".

Мысленно Гордон тут же внес поправку в написанное. Низовья реки Уилламетт были без всяких скидок наиболее цивилизованным районом, увиденным им за последние пятнадцать лет, и точка. Здесь каким-то чудом сохранились мир и благоденствие; наверное, всему причиной умница-компьютер и преданные ему слуги.

Гордон поднял глаза на лампу, которая пару раз мигнула. Еще раз мигнув, сорокаваттная лампочка под ситцевым абажуром снова загорелась ровным светом. Спасибо ветрогенераторам! Несмотря на мягкий свет, глаза Гордона начинали слезиться всякий раз, когда он смотрел на лампу.

К этой благодати он еще не успел привыкнуть. Прибыв в Корваллис, он впервые за последний десяток лет увидел электрический свет — и тут же позорно ретировался, едва успев извиниться перед местным руководством, собравшимся его приветствовать. Укрывшись в ванной, он не сразу пришел в себя. Куда это годится — чтобы

так называемый представитель «правительства из Сент-Пола» прилюдно разразился рыданиями при виде слабых электрических лампочек?

"Корваллис и его окрестности разделены на самоуправляемые районы, в каждом из которых проживает человек по двести-триста. Все окрестные земли засеяны или используются под выпасы с применением современных методов возделывания и гибридных семян, производимых здесь же. Местным жителям удалось сохранить с довоенных времен несколько штаммов дрожжей, получаемых методом биоинженерии, на основе которых они теперь изготовляют медикаменты и удобрения.

Естественно, в полях приходится использовать конную тягу, зато здешние кузнецы изготовляют инвентарь из весьма высококачественной стали. Здесь даже взялись собирать вручную турбины, приводимые в движение силой воды и ветра, — конструкция принадлежит, разумеется, Циклопу.

Местные умельцы высказывают ин-

терес к развитию торговли с теми, кто проживает на юге и востоке. К письму я приложу перечень предметов, которые они желали бы получить в порядке обмена. Предлагаю снять с него копии и передать по нашей трассе".

Гордон с самых довоенных времен не видывал такого скопления упитанных, довольных жизнью людей, не слыхивал такого искреннего смеха, раздающегося без всякой видимой причины. Здесь издавалась газета, действовала библиотека, каждый ребенок старше четырех лет посещал школу. Наконец-то он нашел то, что искал с тех самых пор, как полтора десятка лет назад неразбериха и отчаяние войны разбили все его надежды, — сообщество благонамеренных людей, усиленно возрождающих нормальную жизнь.

Как бы ему хотелось стать в их ряды, покончить с жизнью клоуна, довольствующегося угощением и местом для ночлега!.. Ирония ситуации заключалась в том, что эти люди с радостью пустили бы Гордона Кранца к себе, однако у него уже не было возможности сбросить форму. То, что он натворил в Гаррисберге, связало его по рукам и ногам. Если бы он открыл теперь всю правду, ему

не было бы прощения.

Гордону оставалось слыть в их глазах полубогом — или превратиться в полное ничто. Вряд ли кто-нибудь до него становился столь же беспомощным пленником собственной лжи...

Он покачал головой. Придется принимать протянутую ему руку. Вдруг почтальон и вправду окажется им кстати?

> "До сих пор мне не удалось много выведать насчет самого Циклопа. Говорят, что этот суперкомпьютер управляет не напрямую, а лишь ставит условие, чтобы все деревни и города, пользующиеся его услугами, жили в мире и соблюдали демократические принципы. В результате он сделался судьей и арбитром на всей территории низовий реки Уилламетт, вплоть до ее впадения в Колумбию к северу отсюда.
>
> В Совете мне сказали, что Циклоп проявляет большую заинтересованность в создании постоянно действующей почтовой магистрали и предлагает для этой цели свое содействие. Он стремится сотрудничать с Возрожденными Соеди-

ненными Штатами.

Все, разумеется, рады вести, что скоро восстановится их связь с остальной страной..."

Гордон уставился на последнюю строчку своего письма. Похоже, он не мог еще раз прикоснуться пером к бумаге, ибо больше не находил в себе в этот вечер сил, чтобы изощряться во вранье. Веселого в этом было маловато, тем более что миссис Томпсон обладала способностью читать между строк.

Он совсем сник.

«Ладно, — попытался он подбодрить себя, — завтра у меня насыщенный день». Закрыв ручку, Гордон принялся стелить постель.

Умываясь на сон грядущий, он вспоминал, как в последний раз сталкивался с легендарными суперкомпьютерами. Это произошло всего за несколько месяцев до войны, когда ему было восемнадцать лет и он учился на втором курсе колледжа. Тогда только и говорили, что о новых «разумных» машинах, с которых сразу в нескольких местах сняли вуаль секретности. Событие вызвало всеобщий восторг. Пресса трубила о новом достижении как о конце тысячелетнего

одиночества человеческой расы. Вместо того чтобы нагрянуть из других миров, «иной разум», с которым человек может разделить ответственность за Вселенную, стал созданием его собственных рук.

Неохиппи и редакторы журнала «Новый ренессанс», выходившего в кампусе, устроили пышный праздник в день, когда университет Миннесоты демонстрировал свой последний суперкомпьютер. В небо взмывали воздушные шары, над головой вереницей плыли аэростаты с артистами в люльках, в ушах звенела музыка, лужайки усеивали студенты, пришедшие на пикник.

В самой гуще толпы, в гигантской защитной проволочной клетке, поднятой на воздушной подушке, был запечатан постоянно охлаждаемый гелием цилиндр с машиной «Миллихром» внутри. При таких мерах предосторожности механические мозги, питаемые изнутри, никак не могли получать поддержку или подсказку извне, — это убеждало даже последних скептиков.

В тот день Гордон несколько часов протомился в очереди. Когда, наконец, настал его черед заглянуть в узкие линзы камеры, он предложил

компьютеру ответить на несколько специально подобранных вопросов, решить две загадки и разобраться в головоломной шараде.

С той поры минула вечность, полный надежд весенний день остался в невообразимо далеком прошлом, однако Гордон помнил все, словно это случилось только вчера: низкий, вкрадчивый голос, дружеский, откровенный смех машины. В тот день «Миллихром» не оставил камня на камне от его наивных хитростей, да еще, отвечая, огорошил собственным остроумным каламбуром. Кроме того, компьютер легонько пожурил его за не совсем удачное выступление на экзамене по истории.

Наобщавшись с компьютером, Гордон зашагал прочь, чувствуя невероятную радость от того, что существа его племени создали такую необыкновенно умную вещь.

Вскоре разразилось Светопреставление. На протяжении семнадцати лет он мирился с мыслью, что все замечательные суперкомпьютеры попросту разрушены, заодно с разбитыми надеждами его страны и всего мира. И вот здесь каким-то чудом сохранился один из них! Специалисты штата Орегон умудрились не дать машине умереть, несмотря на невзгоды прошедших лет. Он казался

самому себе никчемным позером, мелким обманщиком в окружении столь достойных людей.

Гордон с благоговейным трепетом выключил электрическое освещение и улегся в постель, прислушиваясь к ночным звукам. Танцевальная музыка наконец-то смолкла. Ее проводили рукоплесканиями и криками. Потом толпа стала разбредаться по домам.

Праздничный вечер подошел к концу. За окном шумел в ветвях деревьев ветер, но этот звук не в силах был заглушить гул работающих неподалеку компрессоров, нагнетавших холод — необходимую здоровую среду для уязвимого мозга Циклопа.

Потом до слуха Гордона донесся новый звук: в ночи зазвенела сочная и одновременно сладостная нота, которую он никак не мог опознать, хотя память как будто с готовностью отозвалась на нее...

Наконец все стало на свои места: кто-то, возможно, один из техников, поставил на проигрыватель стереосистемы пластинку с классической музыкой.

Стерео... Гордон чувствовал вкус этого слова во рту. Он не имел ничего против скрипачек и банджо, и все же услышать Бетховена после

пятнадцатилетнего перерыва...

Наконец Гордона сморил сон, но симфония плавно перетекла в его спящий мозг. Он наслаждался вздымающимися и опадающими пассажами, которые незаметно сменились проникновенным, мягким голосом, доносившимся до него сквозь десятилетия. Стальная рука, пронзив слой многолетнего тумана, указывала прямиком ему в грудь.

«Лжец! — печально молвил проникновенный голос. — Я так разочарован! Как я могу помочь вам, моим создателям, когда от вас исходит только ложь?»

6

— Здесь, на бывшем заводе, мы восстанавливаем оборудование для проекта «Тысячелетие». Как видите, эта работа только началась. Мы не можем приступить к сборке настоящих роботов, как того требует разработанный Циклопом перспективный план, пока не запустим ранее существовавшие производственные мощности.

Проводник вел Гордона среди полок, на которых громоздились приборы, оставшиеся от прошлой эры.

— Первым шагом было, разумеется, спасти как можно больше техники от ржавчины и гибели. Здесь хранится только часть того, что уже удалось получить. То, что мы сможем использовать лишь в будущем, собрано в других местах.

Питер Эйг, долговязый блондин примерно одного с Гордоном возраста, разве что на пару лет постарше, видимо, учился в университете в Корваллисе, когда разразилась война. Он был моложе большинства других служащих Циклопа, однако, как и они, носил белый халат с черной оторочкой; впрочем, и его виски уже тронула седина.

Помимо прочего, Эйг приходился дядей и вообще единственным близким родственником мальчугану, спасенному Гордоном в Юджине. Он не рассыпался в благодарностях, однако Гордон чувствовал, что ученый считает себя в долгу перед ним. Никто из служителей Циклопа, невзирая на ранги, не вмешался, когда Эйг настоял на том, что именно он будет знакомить гостя с предложенной Циклопом программой борьбы с надвигающимся на Орегон каменным веком.

— Вот тут мы взялись за ремонт компьютеров помельче и прочих нехитрых устройств, — втолковывал Эйг Гордону, увлекая его за собой в

электронный лес. — Самое сложное — замена схем, сгоревших в момент начала войны из-за высокочастотных электромагнитных импульсов вследствие атомной бомбардировки. Помните первые взрывы?

Гордон снисходительно улыбнулся, чем вогнал Эйга в краску. Провожатый всплеснул руками, признавая возникшую неловкость.

— Простите меня! Просто я уже привык, что объяснения должны быть как можно проще... Разумеется, вы там, на востоке, познакомились с электромагнитным импульсом накоротке, не то что мы.

— Я в технике профан, — ответил Гордон и тут же пожалел, что его актерское искусство достигло таких высот: он был бы не прочь пополнить свои знания.

Однако Эйг вернулся к прерванной теме.

— Вот я и говорю: здесь выполняется вся подготовительная работа. Весьма трудоемкое дело, однако когда мы сможем потреблять электроэнергию в большем количестве, то есть когда ее будет хватать одновременно и на самое насущное, и на нас, ученых, мы приведем в исполнение наши планы и оснастим микрокомпьютерами близлежащие поселки, школы, мастерские. Цель,

конечно, амбициозная, однако Циклоп уверен, что мы еще успеем стать свидетелями компьютерного возрождения.

Миновав ряды полок, они оказались в просторном цеху. Потолки здесь были стеклянные, так что днем нужды в люминесцентном освещении не возникало. Тем не менее гудение тока в проводах доносилось со всех сторон; взад-вперед сновали с нагруженными электроникой тележками фигуры в белых халатах. Вдоль стен было свалено то, чем расплачивались соседние города и поселения поменьше за благосклонность Циклопа.

Не проходило дня, чтобы сюда не поступали со всех сторон новые партии техники, а также кое-что из еды и одежды для самих помощников Циклопа. Однако, насколько удалось понять Гордону, население долины легко расставалось со своими электронными находками. На что им, в самом деле, сдалась эта старая рухлядь?

Не приходилось удивляться и тому, что жалоб на «тиранию машины» тоже не поступало. Цена, требуемая суперкомпьютером, уплачивалась безропотно. Взамен долина обрела собственного Соломона — а также, возможно, и Моисея, готового вывести людей к свету. Вспоминая слышанный

им когда-то проникновенный, мудрый голос довоенного суперкомпьютера, Гордон признал справедливость сделки.

— Циклоп тщательно спланировал эту начальную стадию развития, — объяснял Эйг. — Вы уже видели нашу весьма скромную линию по сборке водных и ветряных турбин. Помимо этого, мы помогаем местным кузнецам совершенствовать производство, а местным фермерам — планировать севооборот. Раздавая старые ручные видеоигры детям долины, мы надеемся, что тем самым подготавливаем их к приходу настоящих компьютеров, когда для этого наступит срок.

Они подошли к участку, где седовласые люди сидели перед мерцающим огоньками пультом с эк ранами. От всего этого Гордон испытал легкое головокружение; ему казалось, он забрел в мастерскую, где добродушные гномы собирают погибшую вроде бы раз и навсегда мечту.

Работающие здесь были в большинстве своем далеко не молоды. Гордону подумалось, что они торопятся сделать как можно больше, прежде чем их образованное поколение вынуждено будет уступить место неучам.

— Разумеется, теперь, когда налажен контакт с Возрожденными Соединенными Штатами, —

продолжал Питер Эйг, — у нас появилась надежда на ускорение работ. К примеру, я могу передать вам длинный перечень чипов, изготовить которые мы никогда не сможем. То ли дело — получить их готовыми! Надо-то всего лишь восемь жалких унций — зато программа Циклопа прыгнет вперед на целых четыре года. Очень надеемся, что Сент-Пол снабдит нас необходимым.

Гордону отчаянно не хотелось встречаться с ним взглядом. Он поспешно нагнулся к разобранной плате, делая вид, что заинтересовался внутренностями компьютера.

— Я плохо разбираюсь в подобных тонкостях, — ответил он, судорожно сглотнув. — Да и вообще, на востоке есть дела поважнее, чем раздача видеоигр.

Он допустил некоторую резкость в тоне специально, чтобы не пришлось больше врать. Однако служитель Циклопа побледнел, словно получил пощечину.

— О, как же я несообразителен! Конечно, ведь им пришлось бороться с радиацией, эпидемиями, голодом, холнистами... Наверное, нам здесь, в Орегоне, попросту повезло. Видимо, придется выкручиваться самим, пока остальная часть страны не оправится достаточно, чтобы оказать

нам помощь.

Гордон кивнул. Оба говорили правду, однако лишь один знал, до какой степени печальна действительность, стоящая за правдивыми словами.

В наступившей неловкой тишине Гордон задал первый пришедший ему на ум вопрос:

— Значит, раздача игрушек на батарейках — это для вас нечто вроде миссионерского служения?

Эйг улыбнулся.

— Да, ведь именно так до вас впервые дошел слух о нас? Знаю, звучит слишком примитивно. Но это дает какой-то эффект. Пойдемте, я познакомлю вас с главой этого проекта. Если кто-то разбирается по-настоящему в специфике двадцатого века, то это Дэна Спорджен. Познакомившись с ней, вы поймете, что я имею в виду.

С этими словам он провел Гордона в боковую дверь и дальше по коридору, заставленному всякой всячиной в комнату, наполненную электрическим гудением. Вся она была обвита проводами, напоминающими плющ, карабкающийся по стенам. Сквозь безжизненные ветви этого искусственного вьюна проглядывали какие-то кубики и цилиндры, в которых Гордон быстро узнал перезаряжающиеся батарейки, питаемые сейчас током от генераторов.

У противоположной стены комнаты стояли трое в обычной одежде, внимательно слушавшие длинноволосое белокурое создание в белом халате с черной полосой, выдававшем служительницу Циклопа. Приглядевшись, Гордон с удивлением отметил, что и эта троица — женщины.

Возле его уха раздался шепот Эйга:

— Забыл вас предупредить: пусть Дэна и самая молодая из всех служителей Циклопа, зато в некотором смысле она — музейный экспонат. Настоящая феминистка, из буйных.

Эйг довольно ухмыльнулся. После гибели цивилизации многое исчезло безвозвратно. В прежние времена бытовали словечки, совершенно выпавшие теперь из обихода. Гордон удивленно вскинул голову.

Феминистка была высокой, во всяком случае для женщины, выросшей в столь тяжелые времена. Поскольку она стояла к ним спиной, он ничего не мог сказать о ее внешности, зато говорила она, обращаясь к внимавшим ей молодым женщинам, негромко и уверенно.

— В общем, чтобы в твое следующее дежурство ты больше не рисковала, Трейси! Ты меня слышишь? Мне потребовалось целый год лезть из кожи вон, чтобы нам доверили этот участок. Да-

же при том, что это самое логичное: деревенские жители не так боятся, когда к ним присылают женщину. Но вся логика пойдет насмарку, если с кем-нибудь из вас что-то случится.

— Но Дэна! — запротестовала насупленная брюнетка. — В Тилламоке уже наслышаны о Циклопе! Я всего лишь заскочила туда по пути из своей деревни! Когда со мной тащатся Сэм и Гомер, приходится забывать про скорость...

— Ну и пусть! — оборвала ее наставница. — Чтобы в следующий раз они были при тебе. Я не шучу! Иначе, можешь мне поверить, ты мигом окажешься в своем медвежьем углу и будешь опять учительствовать и рожать детей!

Она осеклась, заметив, что помощницы больше не слушают ее, все трое с любопытством рассматривали Гордона.

— Дэна, познакомьтесь с инспектором, — громко сказал Питер Эйг. — Уверен, он с удовольствием изучит работу вашей зарядной мастерской и услышит о ваших... миссионерских поползновениях.

Снова обращаясь к Гордону, Эйг, криво улыбнувшись, прошептал:

— Если бы я попробовал не представить вас ей, то, боюсь, она бы мне руки повыдергивала.

Будьте осмотрительны и вы, Гордон! — Женщина направилась к ним, и он уже громче добавил: — У меня есть кое-какие дела. Вернусь через несколько минут и поведу вас на интервью.

Гордон кивком отпустил своего провожатого и тут же почувствовал себя под взглядами четырех женщин как на горячей сковородке.

— На сегодня достаточно, девочки. Увидимся завтра днем, тогда и поговорим о плане следующего выезда.

«Девочкам» не хотелось расходиться, о чем говорили их выразительные взгляды. Однако Дэна движением подбородка выгнала их вон. Их застенчивые улыбки и смешки, которыми они встретили попытку Гордона козырнуть им в знак приветствия, плохо сочетались с длинными ножами, свисавшими у них с пояса либо торчавшими из-за отворота сапог.

Только когда Дэна Спорджен улыбнулась Гордону, протягивая руку, он понял, насколько она молода.

«В момент взрыва водородных бомб ей вряд ли было больше шести лет от роду!»

Рукопожатие девушки не уступало по твердости ее поведению, однако гладкая, почти лишенная мозолей кожа на ладони свидетель-

ствовала о том, что ей ближе книги, нежели плуги с молотилками. Зеленые глаза беззастенчиво изучали Гордона. Он уже забыл, когда последний раз встречался с подобной женщиной.

«В Миннеаполисе, на безумном втором курсе колледжа, — подоспел ответ. — Только та была со старшего курса. Поразительно, что я ее до сих пор помню...»

Дэна засмеялась.

— Позвольте предугадать ваш вопрос. Да, я молода, принадлежу к женскому полу и не обладаю еще достаточной квалификацией, чтобы претендовать на высокий пост при Циклопе, тем более руководить ответственным проектом.

— Вынужден просить у вас извинения, — промямлил Гордон, — потому что вы в точности угадали мои мысли.

— О, никаких проблем! Меня все равно дразнят ходячим анахронизмом. Но дело в том... после того как во время уничтоживших всю технику бунтов погибли мои родители, меня взяли на воспитание доктора Лазаренски, Тайфер и другие. Меня страшно избаловали и научили вести себя властно. Вы, несомненно, получили об этом некоторое представление, став свидетелем моего разговора с девочками.

Гордон тем временем пришел к заключению, что более всего для описания ее внешности подходит словечко «изящная». На его вкус, правда, лицо девушки было чуть-чуть длинновато, а нижняя челюсть, пожалуй, слишком тяжелой. Однако стоило Дэне Спорджен начать подшучивать над собой, как сейчас, она тут же становилась попросту хорошенькой.

— В общем, — заключила она, указывая на провода и цилиндрики вдоль стен, — нам, возможно, и не удастся подготовить инженерную смену, однако для подзарядки батареек не требуется избытка мозгов.

— Вы несправедливы к себе, — с улыбкой возразил Гордон. — Я, к примеру, дважды покушался на вводный курс физики. Словом, Циклоп знает, что делает, раз поручил вам этот участок.

Дэна покраснела от удовольствия и опустила глаза.

— Полагаю, что так.

«Застенчивость? — удивился Гордон. — Эта девушка преподносит один сюрприз за другим. Не ожидал!»

— Ну вот, опять его несет нелегкая! — проговорила она вполголоса.

В проходе появился Питер Эйг. Сейчас он наво-

дил порядок на одной из полок. Гордон взглянул на свои старомодные механические часы. Один из местных умельцев подрегулировал их, так что теперь они убегали за час не больше чем на полминуты.

— Дело в том, что через десять минут состоится мое свидание с Циклопом, — объяснил он, пожимая девушке руку на прощание. — Надеюсь, Дэна, у нас еще появится возможность поболтать.

Она улыбнулась в ответ.

— Не сомневаюсь. Мне хочется расспросить вас о том, что представляла собой жизнь до войны.

«Не о Возрожденных Соединенных Штатах, а о добрых старых временах. Невероятно! И почему меня? Что такого смогу я ей рассказать о минувшем, чего она не может узнать от любого другого, кому перевалило за тридцать пять?»

Все еще не оправившись от удивления, он зашагал вместе с Питером Эйгом по сумрачному складу к выходу.

— Простите, что пришлось прервать ваш разговор, — сказал Эйг, — но нам нельзя опаздывать. Не хватало только, чтобы Циклоп нас отчитывал! — Он ухмыльнулся, но у Гордона создалось впечатление, что в этой шутке есть доля правды. При выходе из помещения их приветствовали

охранники с винтовками и белыми повязками на рукавах.

— Очень надеюсь, Гордон, что ваша беседа с Циклопом пройдет успешно, — сказал провожатый напоследок. — Мы очень рады восстановлению связи с остальными регионами страны. Не сомневаюсь, что Циклоп сочтет необходимым всесторонне сотрудничать с вами.

Циклоп! Гордон встряхнулся. Теперь никуда не денешься. Он пока не мог разобраться в своих чувствах и не знал, напуган или ободрен предстоящей встречей. Гордон постарался взять себя в руки, преисполненный решимости сыграть свою роль до конца. Иного выбора у него не было.

— Я придерживаюсь совершенно того же мнения, — отозвался он. — Мне хочется оказать вам максимальную поддержку. — Говоря так, он нисколько не кривил душой.

Питер Эйг свернул, указывая на дорогу поперек аккуратно подстриженной лужайки к Дому Циклопа. На какое-то мгновение Гордона охватило смятение. То ли это было игрой воображения, то ли он и впрямь заметил в глазах Эйга странное выражение — словно тот чувствует себя очень виноватым...

7

Холл в Доме Циклопа, бывшем прежде Лабораторией искусственного интеллекта Университета штата Орегон, послужил Гордону болезненным напоминанием о несколько более элегантной эпохе. Золотистый ковер, носивший следы недавней обработки пылесосом, оказался почти невытертым. В начищенной до блеска мебели и блестящих панелях, закрывающих стены, отражались яркие светильники и фигуры крестьян и выборных деятелей, преодолевших добрые сорок миль и теперь комкавших в руках петиции в ожидании своей очереди для короткой встречи с мудрой машиной.

При виде Гордона все посетители дружно встали. Несколько наиболее смелых подошли пожать ему руку, и он почувствовал, какие натруженные у них ладони. В их глазах светились надежда и изумление, голоса звучали негромко и почтительно. Гордон, с застывшей на лице радушной улыбкой, кивал как китайский болванчик, стараясь не думать о постыдности происходящего и только жалел, что они с Эйгом не могли дождаться аудиенции в каком-нибудь укромном уголке.

Наконец симпатичная секретарша с улыбкой пригласила их войти. Гордон и его провожатый оказались в длинном коридоре, с противоположного конца которого навстречу им шла пара: один в знакомом белом халате с черной полосой — служитель Циклопа, другой в обычном довоенном костюме, ношеном, но хорошо выглаженном. Последний хмурился, изучая длинную компьютерную распечатку.

— Что-то никак не возьму в толк, доктор Гробер... Циклоп предлагает бурить колодец вблизи северной скважины или нет? На мой взгляд, ответ не больно ясен.

— Скажите вашим землякам, Герб, что Циклоп не должен продумывать все до мельчайших деталей. Он сужает для вас поле выбора, но никак не может принять вместо вас окончательное решение.

Фермер расстегнул тесный воротничок.

— Конечно, кто ж этого не знает... Но раньше он давал более четкие ответы. Почему на этот раз он высказывается так туманно?

— Ну, во-первых, Герб, со времени внесения последних уточнений в содержащиеся в памяти Циклопа геологические карты прошло более двадцати лет. Во-вторых, как вы наверняка знаете.

Циклоп создан для работы с экспертами высочайшего уровня. Поэтому естественно, что многие его пояснения остаются для нас недоступными — даже для тех немногих ученых умников, которые дожили до теперешних времен.

— Да, но... — Тут проситель поднял глаза и увидел перед собой Гордона. Рука его потянулась к голове, словно он намеревался снять несуществующую шляпу; потом он поспешно вытер ладонь о штаны и протянул ее Гордону.

— Герб Кейло из Сиотауна, господин инспектор. Для меня это большая честь, сэр.

Тот пробормотал дежурную любезность, пожимая предложенную руку. Сейчас он больше чем когда-либо чувствовал себя не заслуживающим уважения политиканом.

— Да, сэр, огромная честь! Очень надеюсь, что в ваши планы входит добраться и до нас, чтобы открыть в нашем поселке почтовое отделение. Обещаю вам такой сердечный прием, какого вы еще никогда...

— Эй, Герб, — вмешался его спутник. — Мистер Кранц торопится на встречу с Циклопом. — Он выразительно посмотрел на свои электронные часы.

Кейло покраснел и закивал головой.

— Не забудьте о моем приглашении, мистер Кранц. Уж мы о вас позаботимся... — Еще немного, и он поклонился бы, пятясь по проходу. Остальные не обратили на это внимания, Гордон же не знал, куда деваться от стыда.

— Вас ожидают, сэр, — поторопил пожилой специалист, приглашая его следовать дальше по коридору.

* * *

Долгая жизнь наедине с дикой природой сделала слух Гордона весьма острым, на диво городским жителям. Заслышав впереди отголоски спора — он как раз шагал, окруженный двумя провожатыми, к открытой двери конференц-зала, — Гордон намеренно замедлил шаг, якобы смахнуть соринку с формы.

— Откуда нам знать, подлинны ли представленные им документы? — вопрошал кто-то. — Ну да, на них нет живого места от печатей, но все равно вид они имеют грубоватый. А уж басня насчет лазерных спутников и вовсе шита белыми нитками!

— Возможно. Зато она отлично объясняет пятнадцатилетнее безмолвие! — возразил другой голос. — Если он самозванец, то как вы объясни-

те появление курьера с почтой? Илайес Мэрфи получил у себя в Олбани весточку от давно потерявшейся сестры, а Джордж Сиверс оставил свою ферму в Гринбери, чтобы съездить в Кертин и встретиться с женой, которую он уже столько лет считал погибшей!

— Не возьму в толк, почему все это столь для вас важно, — раздался тихий третий голос. — Главное — люди поверили...

Питер Эйг заторопился вперед и нарочито кашлянул. При виде Гордона из-за полированного дубового стола поднялись четверо мужчин и две женщины, все в белых халатах. Небольшой зал был приятно освещен. Собравшиеся, кроме Питера, оказались достаточно немолодые.

Гордон поздоровался с каждым за руку, чувствуя немалое облегчение: со всеми этими людьми он уже встречался раньше, иначе ни за что бы не запомнил, как кого зовут. Он старался вести себя подчеркнуто деликатно, но взгляд его помимо воли то и дело упирался в толстый стеклянный экран, перегораживавший помещение посередине.

Дубовый стол тянулся до самого экрана, а дальше царил полумрак. Единственным пятном света за стеклом было мерцающее, переливчатое подо-

бие лица, напоминающее крупную жемчужину или луну в ночном небе.

Гордон пригляделся и различил объектив камеры и темный цилиндр с мигающими на нем огоньками, образующими сложный рисунок. Огоньки мигали волнами, снова и снова пробегавшими по цилиндру. Эти бесконечно повторяющиеся волны, притягивавшие взгляд, поразили Гордона, но он пока не понимал, почему...

Машина была погружена в мягкое облако ледяного тумана. Несмотря на толстую стеклянную преграду, Гордон чувствовал, как оттуда тянет холодом.

Главный служащий, по имени Эдвард Тайфер, взял Гордона за руку и сказал, глядя прямо в стеклянный глаз объектива:

— Циклоп, я рад познакомить тебя с мистером Гордоном Кранцем. Мистер Гордон представил документы, свидетельствующие, что он является почтовым инспектором правительства Возрожденных Соединенных Штатов. Мистер Кранц, перед вами Циклоп.

Глядя в жемчужно-серый объектив, на мигающие огоньки и колышущийся туман, Гордон не мог отделаться от чувства, будто он — неразумное

дитя, завравшееся и перехитрившее самого себя.

— Очень приятно с вами познакомиться, Гордон. Сядьте, прошу вас.

Мягкий дружелюбный голос почти не отличался от человеческого. Он доносился из динамика, установленного на краю дубового стола. Гордон опустился в подставленное Питером Эйгом мягкое кресло. После недолгой паузы Циклоп заговорил снова:

— Вы принесли нам добрые вести, Гордон. После стольких лет, проведенных в заботах о населении долины реки Уилламетт, в них нелегко поверить, настолько они хороши. — Молчание. — Мне доставляет огромное удовольствие работа с друзьями, настаивавшими, чтобы их называли моими «служащими». Однако трудно избавиться от чувства одиночества, когда представляешь себе, что весь прочий мир лежит в руинах. Очень прошу, скажите, Гордон, выжил ли на востоке кто-нибудь из моих собратьев?

Гордону пришлось отвести глаза. Опомнившись, он покачал головой.

— Нет, Циклоп, к моему величайшему сожалению, нет. Ни одна супермашина не избежала общей участи. Боюсь, ты — последний в своем роде.

Он сожалел, что вынужден огорчить собеседника печальной новостью, но одновременно полагал, что возможность начать разговор с правды — неплохое предзнаменование.

Циклоп долго молчал. Воображение Гордона разыгралось, и ему показалось, что он услышал негромкий вздох, почти что всхлип. Во время паузы лампочки под объективом продолжали однообразно мигать, словно посылая кому-то сигнал на неведомом ему языке. Гордон знал, что нельзя сидеть молча, иначе это перемигивание вконец его загипнотизирует.

— Дело в том, Циклоп, что почти все большие компьютеры погибли в первые же секунды войны — от известных тебе электромагнитных импульсов. Поэтому меня разбирает любопытство, как умудрился выжить ты.

Казалось, машине, как и Гордону, потребовалось стряхнуть с себя горестное оцепенение, чтобы ответить на вопрос.

— Вопрос хорош. То, что я выжил, — счастливая случайность. Война началась как раз в День посещений, устроенный у нас в университете. Импульсы застали меня в клетке Фарадея, в которой я собирался предстать перед публикой. Так что, сами понимаете...

Гордон, как ни заинтриговал его рассказ Циклопа, торжествовал. Он перехватил инициативу и сам задавал вопросы, как и подобает «федеральному инспектору». Покосившись на серьезные лица служащих, он понял, что одержал маленькую победу. Теперь они принимали его всерьез.

Что если он действительно выпутается?

Однако Гордон по-прежнему избегал смотреть на перемигивающиеся лампочки. Скоро он почувствовал, что весь вспотел, несмотря на холод, которым веяло от ледяного стеклянного щита.

8

Спустя четыре дня все встречи и переговоры остались позади. Неожиданно для себя, еще не будучи вполне подготовленным, он сообразил, что наступило время отъезда. Питер Эйг пошел проводить Гордона к конюшне, где для него были готовы свежие лошади, неся две полупустые сумки.

— Жаль, что все это так затянулось, Гордон. Я знаю, вам не терпится возобновить свои труды по созданию почтовой трассы. Просто Циклопу хотелось разработать для вас оптимальный маршрут, чтобы вы охватили север Орегона с наибольшей

эффективностью.

— Все в порядке, Питер. — Гордон притворно пожал плечами. — В задержке нет ничего страшного, а за помощь я очень благодарен.

Несколько секунд они брели молча. Мысли, быстро сменяя друг друга, путались в голове Гордона. Если бы Питер только знал, как ему хочется остаться... Если бы только существовал способ...

Гордон успел полюбить нехитрый комфорт своей комнаты напротив Дома Циклопа, обильную и вкусную еду, какой его потчевали как правительственного эмиссара, отличную библиотеку почти новых книг. Больше всего остального ему будет не хватать электрической лампочки над кроватью. Последние четыре вечера он засыпал с книгой в руках, как когда-то в молодости; привычка возродилась с легкостью, несмотря на прошедшие годы.

Двое охранников в кожаных куртках прикоснулись к своим шляпам, когда Гордон и Эйг, завернув за угол Дома Циклопа, зашагали по широкой поляне к конюшне.

Дожидаясь, пока Циклоп разработает для него маршрут, Гордон изучал окрестности Корвалиса, вел с десятками людей умные разговоры о научных методах земледелия, несложных ремес-

лах и социальной теории, сделавшейся основой достаточно свободной конфедерации, мирно существовавшей под дланью Циклопа. Секрет Долины оказался прост: никто не проявлял воинственности, поскольку забияка должен был бы напрочь забыть о чудесах, которые супермашина обещала сделать когда-нибудь явью.

Один разговор особенно запомнился Гордону. Он состоялся прошлым вечером. Собеседницей его была самая младшая из служащих Циклопа Дэна Спорджен. Она допоздна держала его у камина, пользуясь помощью двух девушек из числа своих подчиненных. Они все подливали ему чаю, пока он не запротестовал, и терзали вопросами о том, что представляла собой его жизнь до Светопреставления.

Гордон уже владел несколькими уловками, позволявшими ему не вдаваться в подробности, касающиеся Возрожденных Соединенных Штатов, однако от подобного направления разговора он еще не изобрел защиты. Дэна, судя по всему, гораздо меньше интересовалась темой, бывшей сейчас у каждого на устах, — «наведением мостов с остальной частью страны». В ее подходе к проблеме был свой резон: процесс этот неминуемо растянется не на один десяток лет.

Зато ей очень хотелось знать, на что был похож мир непосредственно перед началом войны и сразу после. Особенное восхищение у нее вызывал его рассказ о страшном, трагическом годе, который он провел в составе взвода ополчения под командованием лейтенанта Вана. Ей хотелось знать подробности о каждом бойце взвода, его недостатках и причудах, отваге — или упрямстве, заставлявших человека не складывать оружие еще долгое время после того, как игра проиграна.

Нет, не проиграна! Гордон спохватился как раз вовремя, чтобы выдумать хэппи-энд, описывая битву в округе Микер. Благодаря подоспевшей кавалерии элеваторы были в последнюю минуту спасены. Славные ребята все же погибли — он не жалел подробностей, повествуя о смерти Тайни Кайлра и стойкости Дрю Симмса, однако у него выходило, что жертвы оказались не напрасны.

Он излагал историю так, как она должна была бы закончиться, сам удивляясь своему рвению. Женщины, разинув рты, внимали ему словно сказочнику, рассказывавшему лучшую из своих сказок на сон грядущий, или как если бы все, что они выслушивали, подлежало проверке следующим же утром, причем при их непосредственном

участии.

Вот бы понять, что они нашли в его рассказе, что пытались извлечь из этой горькой исповеди...

Возможно, дело было в том, что низовья реки Уилламетт слишком долго не ведали войны; однако Дэне хотелось послушать и о самых худших людях, с которыми он сталкивался. Она вытягивала из него все, что он знал о мародерах, «мастерах выживания» и холнистах.

«Рак, погубивший Возрождение, которое наметилось было на рубеже веков... Да поразят тебя муки ада. Натан Холя!»

Дэна задавала вопрос за вопросом, даже когда Трейси и Марианну сморил сон. В других обстоятельствах его бы вдохновили близость и восторженное внимание привлекательной женщины. Однако здесь все получалось совсем не так, как с Эбби в Пайн-Вью. Он начти не сомневался, что приятен Дэне и как мужчина, однако она явно куда больше ценила его как источник драгоценной информации. Раз им было отведено на общение каких-то несколько дней, она не испытывала ни малейших сомнений насчет максимально эффективного способа их проведения.

Дэна подавляла его своей настойчивостью и казалась почти одержимой. При этом он знал, что

его отъезд будет для нее печальным событием.

В этом смысле у нее не было сторонников. Чутье подсказывало Гордону, что остальные служащие Циклопа вздохнут с облегчением, избавившись от него. Не являлся исключением и Питер Эйг.

«Все дело в том, что я играю роль, — думал Гордон. — Наверное, в глубине души они ощущают какую-то фальшь, и я не имею права осуждать их за это».

Даже если большинство электронщиков поверили его россказням, у них не было особых оснований испытывать привязанность к представителю далекого «правительства», которое наверняка — дело только во времени — вмешается в их жизнь и посягнет на дело их рук. Они уверяли его, что спят и видят те дни, когда будут восстановлены их связи с внешним миром, однако Гордон чувствовал, что это просто поза.

С другой стороны, им совершенно нечего бояться!

Что до реакции самого Циклопа, то Гордон все еще не до конца определился, как именно оценить ее. Супермашина, взвалившая на себя ответственность за жизнь целой долины, во время их последующих встреч вела себя осторожно и несколько отстраненно. Шутки и остроумные

реплики остались в прошлом, их сменила гибкая, но непроницаемая серьезность. Его, помнившего тот предвоенный день в Миннеаполисе, теперешняя холодность машины особенно расстраивала.

Наверное, время приукрасило его воспоминания о том, другом суперкомпьютере. Циклоп и его приближенные наворочали здесь немало дел. Не ему судить их!

Гордон и его провожатый шли мимо старых пожарищ.

— Похоже, здесь кипели нешуточные бои, — заметил он.

Воспоминания заставили Питера нахмуриться.

— Там, у навеса для старого оборудования, мы отбили наступление банды противников техники. Видите расплавленные трансформаторы и старый запасной генератор? После того как нападающие вывели их из строя, нам пришлось перейти на энергию воды и ветра.

Почерневшие груды металла все еще загромождали поле боя, где техники и ученые отчаянно отстаивали дело всей своей жизни. Это зрелище напомнило Гордону о не покидающей его тревоге.

— Я по-прежнему думаю, Питер, что следует гораздо серьезнее относиться к возможности

вторжения «мастеров выживания». Если я правильно понял разведчиков, то ждать набега осталось недолго.

— Но, согласитесь, до вас долетели только обрывки разговора, которые вы могли неверно истолковать. — Эйг дернул плечом. — Мы, конечно, усилим свои патрули, но лишь когда сумеем все заново спланировать и еще раз обдумать степень угрозы. Однако поймите: Циклоп вынужден заботиться о своей репутации. У нас уже десять лет не объявлялось всеобщей мобилизации. Если Циклоп ее объявит, а потом выяснится, что это ложная тревога... — Он не договорил: все было ясно и так.

Гордон и сам знал, что старшины окрестных деревень относятся к его предупреждениям с подозрением. Им не хотелось отвлекать мужчин от сева озимых. Кроме того, сам Циклоп усомнился, смогут ли банды холнистов организоваться в достаточной степени, чтобы нанести решающий удар в нескольких сотнях километров к северу от своего логова. Суперкомпьютер объяснял, что «мастера выживания» мыслят совсем по-другому.

Гордону ничего не оставалось, кроме как смириться с приговором Циклопа. В конце концов,

в банке данных, хранившихся в его бездонной памяти, фигурировали все когда-либо существовавшие психологические тесты, а также все писания самого Холка. Не исключено, что разведчики с Рог-Ривер были посланы в рейд ограниченной глубины и болтали невесть что, желая казаться значительнее самим себе. Не исключено...

Вот и пришли.

Конюхи приняли поклажу Гордона, состоявшую из скромных пожитков и трех книг, взятых на время в местной библиотеке. Его новый конь — стройный, сильный мерин — уже стоял под седлом. Вьючная лошадь была нагружена припасами и двумя битком набитыми мешками с письмами, полными надежд. Если хотя бы один из пятидесяти адресатов окажется жив-здоров, это уже можно будет считать чудом. Зато для немногих выживших письма станут драгоценными дарами, с которых начнется медленный процесс повторного узнавания мира и самих себя.

Вдруг выдуманная им роль и впрямь принесет пользу — которая по крайней мере сможет уравновесить его ложь...

Гордон уселся на нетерпеливого мерина и стал

ласково похлопывать его по спине, приговаривая разные приятные для лошадиного уха словечки, пока тот не успокоился. Питер протянул на прощание руку.

— Увидимся через три месяца, когда вы заедете к нам на обратном пути на восток.

Почти те же слова он слышал вчера от Дэны Спорджен. Как знать, может, он появится здесь гораздо раньше, если наберется храбрости выложить им всю правду.

— К тому времени Циклоп обещает приготовить для вас, Гордон, подробный отчет о положении у нас в северном Орегоне, чтобы вы передали его своему начальству.

Эйг на некоторое время задержал его руку, и Гордон был в который раз озадачен. Славный малый выглядел так, словно существовало какое-то обстоятельство, причинявшее ему острое неудобство, о котором он, впрочем, не может обмолвиться ни словечком.

— Бог в помощь вам в ваших бесценных трудах, Гордон, — искренне молвил он. — Если я хоть чем-то могу вам помочь, даже самую малость, обязательно дайте мне знать.

Гордон согласно кивнул. Хвала Создателю, более не требовалось никаких слов. Он пустил

мерина рысью в северном направлении. Вьючная лошадь послушно устремилась следом.

9

По словам служащих Циклопа, соединявшее когда-то штаты шоссе к северу от Корваллиса было непроезжим и вдобавок небезопасным, поэтому Гордон воспользовался проселком, тянувшимся параллельно шоссе, но несколько западнее. Рытвины и разный хлам на дороге не позволяли торопиться, поэтому он был вынужден устроить привал и перекусить среди развалин городка Буэна-Виста.

Несмотря на утренний час, в небе уже сгущались тучи; по захламленным улицам ползли клочья тумана. По счастливому совпадению именно в этот день окрестные фермеры собрались в бывшем парке этого обезлюдевшего городка для торговли. Жуя хлеб с сыром, извлеченные из вещевого мешка, Гордон вел с ними неторопливый разговор.

— Да шоссе здесь вполне приличное, — втолковывал ему один из местных, удивленно качая головой. — Эти профессора, небось, сюда и носа не кажут. Какие из них путешественники! Не

то что вы, мистер Кранц! Не иначе, у них там переплелись не только провода, но и последние извилины в башках! — Фермер ухмыльнулся, довольный собственным остроумием.

Гордон не стал распространяться о том, что маршрут предложен ему самим Циклопом. Поблагодарив собеседника, он заторопился к коню, чтобы еще раз взглянуть на подаренную ему карту.

Она была испещрена густой сетью компьютерной графики: рациональный маршрут, каким ему лучше всего следовать, протягивая почтовую трассу в северном Орегоне. Его уверяли, что этот маршрут должен помочь ему избежать любых затруднений, существующих на пути, — в частности, районов, где бесчинствуют банды, а также пояса радиоактивности вблизи Портленда.

Гордон в замешательстве почесал бороду. Чем больше он изучал карту, тем больше отказывался что-либо понимать. Знает ли Циклоп, что творит? Ведь эта извилистая трасса могла претендовать на любое название, кроме одного: ее никак нельзя было назвать рациональной.

Гордон стал помимо своей воли подозревать, что цель карты, скорее, заключается в том, чтобы усложнить его маршрут, увести в сторону, заста-

вить потерять, а вовсе не сэкономить время.

Но зачем это нужно Циклопу?

Вряд ли супермашина опасается его вмешательства. Гордон успел освоить ход рассуждений, способных погасить любые страхи такого рода: он без устали подчеркивал, что Возрожденные Соединенные Штаты никоим образом не намерены покушаться на право местных жителей самим решать свои проблемы. Циклоп как будто поверил в его клятвы.

Гордон поднял глаза от карты. Погода портилась: тучи висели теперь совсем низко, окутывая остовы разрушенных домов. По пыльным улицам тянулся туман; он уже заполз между Гордоном и сохранившейся стеклянной витриной магазина. Это живо напомнило ему другой туман, еще холоднее теперешнего, и другую прозрачную преграду.

«Мертвая голова... Ухмылка мертвого почтальона... Его облик тогда совместился с моим...»

Он поежился. За одним воспоминанием потянулось следующее: завитки тумана напомнили ему холодный пар и его собственное отражение в стеклянном экране во время первой встречи с Циклопом в Корваллисе. Каким странным показалось тогда волнообразное мигание лампочек!

Уж больно оно было монотонным...

Внезапно по спине Гордона пробежал холодок.

— Нет! — прошептал он. — Господи, только не это!

Он поспешил зажмуриться, отчаянно желая отвлечься, подумать о чем-нибудь другом — о погоде, о докучливой Дэне, о славной маленькой Эбби, вспоминающей его в Пайн-Вью, о чем угодно, только не о...

— Кому это понадобилось? — громко спросил он у пустоты. — И зачем?

Гордон вынужден был нехотя признаться самому себе, что догадывается о причинах. Уж он-то специалист по части побуждений, подталкивающих людей к тому, чтобы накручивать одну ложь за другой. Вовремя припомнились и почерневшие обломки на заднем дворе Дома Циклопа. Интересный вопрос: как они добились таких высот? Прошло уже почти двадцать лет с тех пор, как Гордону приходилось отвечать на вопросы из области физики и несложной технологии. Эти годы были наполнены борьбой за выживание, а также навязчивыми мечтами о сказочном возрождении. Не ему утверждать, что осуществимо для горстки служителей Циклопа, а что нет.

Но он чувствовал теперь настоятельную

потребность проверить правильность своих подозрений. Он не сможет сомкнуть глаз, пока не разберется во всем этом раз и навсегда.

— Простите! — окликнул он одного из фермеров. Тот широко улыбнулся ему беззубым ртом и вскочил, сдергивая с головы шляпу.

— Чем я могу вам помочь, господин инспектор?

Гордон ткнул пальцем в точку на карте не более чем в десяти милях от Буэна-Виста по прямой.

— Знаете, как проехать сюда, в Сиотаун?

— А-то нет, босс! Если поторопитесь, успеете туда еще засветло.

— Уж я потороплюсь! — заверил фермера Гордон. — Голову даю на отсечение, что медлить не стану!

10

— Сейчас, черт возьми! — крикнул мэр Сиотауна. Однако стук в дверь сделался еще громче прежнего.

Герб Кейло любовно зажег свой новый масляный фонарь, изготовленный мастерами городка в пяти милях к западу от Корваллиса. Он недавно обменял двести фунтов лучшей сиотаунской гли-

няной посуды на двадцать таких вот чудесных ламп и три тысячи спичек из Олбани. Мэр не сомневался, что столь удачная сделка обеспечит ему этой осенью переизбрание.

Стук превратился в грохот.

— Ну, держитесь там! Если дело окажется ерундовым...

Он отодвинул задвижку и распахнул дверь. В проеме стоял Дуглас Ки, дежуривший этим вечером у ворот. Кейло насупился.

— В чем дело, Дуг? Что за нелегкая...

— Тут к тебе посетитель, Герб, — не дал договорить дежурный. — Я бы не впустил его после наступления комендантского часа, но ты рассказывал нам о нем, когда вернулся из Корваллиса, вот я и постеснялся держать его под дождем.

Из сырой тьмы выступила рослая фигура в накидке. В свете лампы блеснула кокарда на фуражке. Гость протянул руку.

— Рад снова встретиться с вами, господин мэр. Могли бы мы поговорить?

11

Прежде Гордон и вообразить не мог, что ему придется пренебречь предложенной постелью

и горячим ужином ради того, чтобы мчаться во весь опор на коне — на ночь глядя, под проливным дождем, — однако на сей раз у него не было иного выбора. Ему подвели лучшую лошадь, какая только сыскалась в сиотаунских конюшнях, но не будь ее, он бы не отказался преодолеть расстояние бегом.

Кобылка легко мчалась по старой проселочной дороге к Корваллису. Она была способна и на большую скорость, но Гордону приходилось сдерживать ее прыть, чтобы она не споткнулась в темноте. К счастью, вскоре набухшие от влаги тучи раздвинулось, выпустив из плена полную луну, которая залила безрадостный пейзаж призрачным светом.

Гордон не исключал, что поверг мэра Сиотауна в полнейшее замешательство с первой же минуты, как переступил порог его дома. Не тратя времени на формальные любезности, он сразу перешел к делу; послал Герба Кейло в кабинет за аккуратно сложенной компьютерной распечаткой.

Поднеся распечатку к свету, он стал, пожирать взглядом строчки текста, ничего не объясняя ошарашенному Кейло.

— Во сколько вам обошлись эти рекомендации,

господин мэр? — поинтересовался он, не прерывая чтения.

— Сущая мелочь, инспектор, — нервно отозвался мэр. — Чем больше деревень присоединяется к торговому пакту, тем больше Циклоп снижает цены. Я к тому же получил скидку: уж больно туманен совет.

— Сколько? — поднажал Гордон.

— В общем, так... Мы нашли десяток старых ручных видеоигр и штук пятьдесят старых батареек, которые можно перезарядить, из них десяток оказались работающими. Да, еще домашний компьютер, почти не тронутый ржавчиной.

Гордон не сомневался, что этим находки сиотаунцев не ограничивались, так что впереди их ждали столь же выгодные сделки. Сам он поступал бы на их месте точно так же.

— Еще?

— Прошу прощения?

— Вопрос поставлен предельно ясно! — свирепо прорычал он. — Что еще вы заплатили?

— Больше ничего. — Кейло растерялся. — Разве что фургон еды и посуды для этих служащих. Но по сравнению с остальным это ерунда! Так, наш подарок, чтобы ученые не померли с голоду, помогая Циклопу.

Гордон тяжело дышал. Сердце колотилось как бешеное, не желая униматься. Все сходится! Как тут не схлопотать инфаркт? Он стал зачитывать взятые наугад отрывки:

— «...Начальная инфильтрация из участка соприкосновения тектонических пластов... Вариации в удержании грунтовых вод...» — Слова, которые семнадцать лет не попадались ему на глаза и не посещали его мозг, сейчас приобретали вкус стародавних деликатесов, и он вспоминал их с любовью. — «Различия в соотношении наполненности водоносных слоев... Относительность анализа, обусловленная телеологическими колебаниями...»

— Кажется, мы улавливаем, что подразумевает Циклоп, — неуверенно пробормотал Кейло. — Как только начнется сухой сезон, мы примемся рыть на двух лучших участках. Естественно, если мы не сумеем правильно истолковать его рекомендацию, то винить, кроме самих себя, будет некого. Попробуем в других местах, на которые он тут намекает...

Мэр перешел на шепот, видя, что инспектор стоит неподвижно, уставясь в пространство.

— Прямо дельфийский оракул, — выдохнул Гордон еле слышно. — Гадание на кофейной гуще.

И вот после этого последовала ночная гонка.

* * *

Годы, проведенные в скитаниях, закалили Гордона; все это время жители Корваллиса, напротив, относительно процветали и отнюдь не набирались ловкости. Проскочить мимо постов, выставленных для порядка при въезде в город, не составило ни малейшего труда. Он помчался по пустым боковым улочкам к университетскому кампусу, а оттуда — к давно заброшенному Морленд-Холлу. Там он потратил десять минут на то, чтобы обтереть лошадь и набить для нее травой мешок. Он хотел, чтобы лошадь была готова снова выдержать скачку, если в этом возникнет острая необходимость.

Добраться бегом до Дома Циклопа Гордон сумел, несмотря на морось, за пару минут. Когда цель была уже совсем близка, он принудил себя перейти на шаг, как ни хотелось ему разобраться со всем одним махом.

Он спрятался за развалинами здания, где раньше помещались генераторы, пропуская двоих охранников в накидках, с накрытыми от дождя ружьями. Присев на корточки под обугленной доской, Гордон умудрился учуять — через столько

лет! — запах гари, исходящий от бревен и спутанного кабеля.

Что там плел Питер Эйг насчет сумасшедших дней в самом начале, когда исчезло последнее подобие власти и вспыхнули бунты? Им якобы пришлось тогда для спасения суперкомпьютера довольствоваться энергией воды и ветра, поскольку бунтующие спалили генераторы, питавшие установки охлаждения.

Гордон не сомневался, что могло получиться именно так, будь все сделано вовремя. Однако в последнем он испытывал нешуточные сомнения.

Дождавшись ухода охраны, он поспешил к боковой двери Дома Циклопа и с одного маху сорвал замок прихваченной специально для этой цели монтировкой. Прислушавшись и убедившись, что вокруг пусто, Гордон проскользнул внутрь здания.

В задних помещениях Лаборатории искусственного интеллекта Орегонского университета было еще мрачнее, чем там, куда допускалась публика. Повсюду валялись магнитные пленки, книги, бумага, присыпанные густым слоем пыли. Он добрался до главного служебного коридора, дважды споткнувшись о какой-то хлам и чудом не

расквасив в падении нос. Заслышав чьи-то шаги и негромкое посвистывание, Гордон спрятался за дверной створкой и пропустил свистуна. Едва тот прошел мимо, он приник к щели.

Человек в толстых перчатках и белом с черным халате служащего остановился у дальней двери и грохнул об пол запотевшим коробом, точь-в-точь как коробка для пикника.

— Эй, Элмер! — позвал человек и постучал в дверь. — Пошевеливайся, там! Я притащил для нашего повелителя сухого льда! Должен же Циклоп кушать!

«Сухой лед...» — отметил про себя Гордон. Из-под крышки короба выбивался белый туман.

Искаженный дверью голос ответил:

— Ладно, придержи лошадей! Ничего не случится, если Циклоп потерпит минуту-другую.

Затем из открывшейся двери хлынул поток света и низкое уханье старого рок-н-ролла.

— Чего это ты задержался?

— Играл! Набрал в «Управляемых ракетах» сто тысяч очков и никак не хотел...

Дверь захлопнулась, заглушив конец объяснения. Гордон толкнул створки двойной двери и торопливо зашагал по коридору. Чуть дальше его внимание привлекла еще одна приоткрытая

дверь. Из щели просачивался свет, слышались обрывки разговора. Он остановился, узнав голоса собеседников. Спор шел о нем, Гордоне.

— Я по-прежнему считаю, что его надо было убить, — ворчал кто-то — кажется, доктор Гробер. — Этот субъект загубит все, что мы тут успели создать.

— О, ты преувеличиваешь опасность, Ник. Я, наоборот, полагаю, что он почти безвреден. — Говорила самая пожилая среди женщин-служащих, имени которой Гордон так и не запомнил. — Честный и безобидный парень.

— Вот как? Разве ты не слышала, какие вопросы он задавал Циклопу? Не то что эта деревенщина — я имею в виду нашего среднего жителя, каким он стал после всех этих несчастий. Нет, этот человек проницателен! И к тому же отлично помнит былые времена.

— Ну и что же? Может, лучше попробовать привлечь его на нашу сторону?

— Бесполезно? Любой вам скажет: это идеалист. Он на такое никогда не пойдет. Единственный выход — убить его! Немедленно! А потом уповать на то, что пройдут годы, прежде чем ему пришлют замену.

— А мне все-таки кажется, ты сходишь с ума! —

не сдавалась женщина. — Если кто-нибудь когда-нибудь разнюхает, что в этом виновны мы, последствия будут катастрофическими!

— Я согласен с Марджори. — Голос принадлежал самому доктору Тайферу. — Дело не только в том, что против нас поднимется народ — наш, орегонский, но и в том, что нас захочет покарать вся страна, если это раскроется.

Последовала продолжительная пауза.

— А я все еще не до конца убежден, что он взаправду... — Гроберу не дали договорить. На сей раз инициативу перехватил мягкий голос Питера Эйга.

— Уж не забыли ли вы все основную причину, почему до него нельзя не только пальцем дотрагиваться, но и вообще как-либо препятствовать?

— Что вы имеете в виду?

Голос Питера сделался тише:

— Боже, как можно! Неужто вам так и не открылось, что это за человек и что он собой олицетворяет? Как же низко мы пали, раз способны даже помыслить о том, чтобы причинить ему зло, тогда как на самом деле мы должны были бы наперегонки демонстрировать ему свою преданность и оказывать любую посильную помощь!

— Ты склоняешься на его сторону, Питер, пото-

му что он спас твоего племянника. — Возражение прозвучало не слишком убежденно.

— Возможно. Плюс то, что считает по этому поводу Дэна.

— Дэна? — фыркнул Гробер. — Взбалмошный ребенок с завиральными идеями!

— Пусть так. Но вам все равно некуда деваться от флагов.

— Флаги? — Пришел черед удивиться доктору Тайферу. — Какие флаги?

Ему ответил задумчивый голос женщины:

— Питер говорит о флагах, которые вывесили жители всех районов и городков. Бывший государственный, звездно-полосатый! Тебе надо бы чаще появляться на людях, Эд, тогда бы ты лучше знал их настроения. Ни разу еще не видела, чтобы что-то могло так поднять дух сельских жителей, даже в довоенные годы.

Все какое-то время переваривали услышанное. Потом Гробер негромко произнес:

— Интересно, что думает обо всем этом Джозеф?

Гордон насторожился. Он знал все голоса, доносящиеся из комнаты, — они принадлежали старшим служащим Циклопа, — однако его никогда не представляли человеку по имени Джозеф.

— Думаю, Джозеф сегодня рано лег спать, — ответил Тайфер. — Я собираюсь последовать его примеру. Обсудим все позже, когда поутихнут страсти.

Совещавшиеся направились к двери, спугнув Гордона. Он, впрочем, не сожалел, что вынужден покинуть удобное местечко для подслушивания. Мнения всех этих людей не имели для него ровно никакого значения. Сейчас ему хотелось услышать лишь один голос, и он устремился туда, где внимал ему в последний раз.

Обогнув угол, он очутился в элегантном холле, где впервые встретился с Гербом Кейло. Сейчас здесь было темно, однако это не помешало ему с легкостью взломать замок конференц-зала. Стоило Гордону переступить порог, как у него пересохло во рту. Он с трудом поборол желание ступать на цыпочках.

Серый цилиндр за стеклянным экраном, в который упирался длинный дубовый стол, все так же окутывал мягкий свет.

«Только бы я оказался не прав!» — мысленно взмолился Гордон.

Если его опасения не подтвердятся, то Циклоп посмеется над длинной цепочкой сделанных им ложных умозаключений. Как бы и ему хотелось

посмеяться вместе с ним над своими дурацкими страхами!

Он приблизился к динамику у самого стекла.

— Циклоп! — шепотом позвал он, делая еще один шаг вперед и чувствуя, как сжимается у него горло. — Циклоп, это я, Гордон.

Объектив был погашен, но вереницы огоньков мигали как ни в чем не бывало, повторяя одну и ту же замысловатую последовательность, гипнотизирующую незваного гостя. Все это походило на сигнал бедствия, поданный на утраченном, закодированном языке, — сигнал, несущийся с гибнущего среди волн корабля.

Гордона охватил ни с чем не сравнимый ужас. Точно такой же страх он испытал однажды в детстве, когда обнаружил своего деда лежащим абсолютно неподвижно в кресле-качалке... Он тогда боялся дотронуться до него, боялся убедиться в смерти любимого человека.

Тем временем по рядам огоньков пробегала одна и та же световая волна.

Интересно, много нашлось бы людей, которые по прошествии семнадцати лет, проведенных в аду, смогли бы, как он, вспомнить, что световая индикация суперкомпьютера не способна к самовоспроизведению? Приятель-кибернетик го-

ворил ему, что индикация в этом смысле сродни форме снежинки, ибо так же трудноповторима.

— Циклоп, — сдерживая волнение, произнес он, — ответь мне! Я требую ответа во имя порядочности! Именем Соединенных шт...

Гордон осекся. Он не мог заставить себя лгать, с тем чтобы вывести на чистую воду другого лжеца. Пусть по крайней мере здесь не останется обманутых, не считая его самого.

В помещении было сейчас теплее, чем во время его беседы с Циклопом. Он огляделся и заметил маленькие вентиляторы, которые днем гнали холодный воздух в сторону посетителя, чтобы у того создавалось впечатление, будто за стеклянной стеной царствует лютый мороз.

— Сухой лед, — пробормотал Гордон. — Бедные обманутые граждане страны Оз...

Дороги и в кошмарном сне не приснилось бы такое предательство, какое раскрыл он. Совсем недавно Гордон согласился бы пожертвовать жизнью ради того, чего здесь на самом деле не было и в помине. Его, как и всех остальных, провели на мякине. Просто кучка избежавших смерти фальсификаторов изобрела способ собирать с соседей дань в виде еды и одежды, да так, чтобы те еще и испытывали к хитрецам искреннюю

благодарность.

Выдумав миф о проекте «Тысячелетие» и создав рынок сбыта для электронной рухляди, они с успехом убедили местных жителей, что старая электроника — весьма ценный товар. На всей территории долины реки Уилламетт люди усердно добывали остатки домашних компьютеров, приборов, игрушек — еще бы, ведь Циклоп в обмен на них готов давать советы, как дальше жить! «Служащие Циклопа» обставили все таким образом, что даже весьма благоразумные мужи, вроде Герба Кейло, не обращали внимания, сколько еды и прочего добра идет самим служащим.

Ученые отлично питаются, но при этом фермеры и не думают жаловаться на судьбу!

— Ты ни в чем не виновата, — шепнул он безмолвной машине. — Ты бы обязательно сконструировала инструменты, восстановила утерянные премудрости, помогла нам выйти на верный путь. Ты и тебе подобные были нашими наивысшими достижениями...

Гордон прерывисто вздохнул, вспомнив теплый, мудрый голос, обращавшийся к нему в Миннеаполисе в незапамятные времена. Взгляд его затуманился, он повесил голову.

— Вы правы, Гордон. Никто ни в чем не ви-

новат.

Он встрепенулся. В нем на мгновение возродилась сгоревшая было дотла надежда — ведь голос принадлежал самому Циклопу!

Однако донесся он не из динамика. Гордон резко обернулся и увидел... худого старика, наблюдавшего за ним из кресла в темном дальнем углу комнаты.

— Я, знаете ли, частенько сюда наведываюсь. — Старик говорил голосом Циклопа — печальным, полным сожаления. — Просто чтобы посидеть рядом с моим другом, умершим давным-давно в этой самой комнате.

Старик слегка подался вперед, и на его лицо упал отблеск бледно-жемчужного света.

— Моя имя — Джозеф Лазаренски. Это я создал Циклопа. Много лет тому назад... — Он посмотрел на свои руки. — Я руководил программированием и всем его обучением. Я любил его, как собственного сына. И, подобно любому добросовестному родителю, гордился тем, что он будет лучше, добрее, *человечнее*, чем я. — Лазаренски вздохнул. — Он действительно не погиб, когда разразилась война. В этой части все верно. Циклоп отдыхал тогда в клетке Фарадея, и его не затронули электромагнитные импульсы, порож-

денные взрывом водородных бомб. В ней он и оставался все время, пока мы бились над тем, чтобы не дать ему умереть. В первый — и единственный — раз, я убил человека во время бунта ненавистников техники. Я участвовал в обороне электроподстанции и стрелял как одержимый. Однако все оказалось бесполезно. Генераторы были повреждены, хотя городскому ополчению удалось в конце концов оттеснить безумные орды. Но оно подоспело слишком поздно... Опоздание измерялось минутами — а выходит, что годами.

Он развел руками.

— Вы, очевидно, догадываетесь, Гордон, что после этого мне не оставалось ничего другого, как сидеть рядом с Циклопом и наблюдать за его угасанием.

Гордон не шевелился. Лазаренски продолжил:

— Мы надеялись своротить горы. Проект «Тысячелетие» появился у нас еще до бунтов. Вернее, его создателем был Циклоп. Он уже составил вчерне программу, как заново отстроить мир. Говорил, что ему остается месяца два, чтобы покончить с деталями.

Гордон сидел с каменным лицом и молча ждал.

— Известно ли вам о квантовых пузырьках памяти, Гордон? В сравнении с ними сочленения Джозефсона не стоят выеденного яйца. Эти пузырьки легки и хрупки, как сама мысль. Благодаря им умственный процесс движется в миллионы раз стремительнее, чем с помощью обычных нейронов. Однако для их существования и работы необходимы низкие температуры. Отключи холод — и они погибнут раз и навсегда. Мы пробовали спасти их, но потерпели неудачу. — Старик снова потупился. — Лучше бы я сам умер той ночью...

— И тогда вы решили претворить план Циклопа в жизнь самостоятельно, — сухо продолжил за него Гордон.

Лазаренски покачал головой.

— Куда там! Без Циклопа об этом нельзя было и мечтать. В наших силах оставалось лишь предложить людям его скорлупу. Иллюзию. Это по крайней мере давало шанс выжить в наступающем каменном веке. Вокруг воцарился хаос, никто ни во что не верил. Единственный инструмент, остававшийся у нас, хилых интеллектуалов, именовался надеждой.

— Надежда!.. — горько усмехнулся Гордон.

Лазаренски пожал плечами.

— Просители приходят переговорить с Циклопом и говорят — со мной. Дать добрый совет не так уж трудно. Технические решения можно найти в книгах, остальное подсказывает здравый смысл. Они верят в беспристрастность компьютера, тогда как к живому человеку испытывают недоверие.

— В случаях же, когда здравый смысл не подсказывает вам ответа, вы выступаете в роли гадалки...

Еще одно движение худых плеч.

— В Дельфах и Эфесе это срабатывало. Если начистоту, то какой от этого вред? Люди из долины Уилламетт перевидали за последние двадцать лет слишком много чудовищ, охочих до власти, чтобы соглашаться на объединение под предводительством человека или группы людей. Зато о машинах у них сохранились теплые воспоминания! Как и об этой старой форме, которую вы нацепили, хотя в лучшие времена они зачастую вытирали об нее ноги.

Неподалеку раздались голоса, но вскоре стихли.

— Мне пора, — спохватился Гордон.

Лазаренски усмехнулся.

— Не бойтесь вы их! Сплошная болтовня и пол-

ная неспособность к действию. Не то что вы!

— Вы меня совсем не знаете, — проворчал Гордон.

— Отчего же? Исполняя роль Циклопа, я проговорил с вами не один час. Кроме того, о вас с жаром распространялась моя приемная дочь, да и Питер Эйг... Я знаю о вас куда больше, чем вы догадываетесь. Вы — редкий экземпляр, Гордон. Каким-то неведомым образом вам удалось, беспрестанно балансируя на грани жизни и смерти, сохранить вполне ясное сознание, а значит, и обрести силу, отвечающую требованиям нашего нелегкого времени. Даже если бы эта шайка попробовала на вас покуситься, вы бы их перехитрили.

Гордон шагнул было к двери, но остановился. Обернувшись, он посмотрел напоследок на мягкое свечение, испускаемое мертвой машиной, на беспомощно перемигивающиеся огоньки.

— Не так уж я хитер. — Ему было трудно дышать. — Я поверил вам!

Он встретился с Лазаренски взглядом, и старик опустил голову, не зная, что ответить. Гордон вышел вон, навсегда покинув холодный склеп и населяющие его живые трупы.

12

Он вернулся к тому месту, где привязал лошадь, в час, когда на востоке обозначились первые проблески зари. Забравшись в седло, Гордон двинулся в северном направлении по старой проселочной дороге. Он ощущал в душе горечь и пустоту, словно могильный холод склепа, где существовал призрак Циклопа, добрался до самого его сердца. Все внутри замерло: хватило бы малейшего движения, чтобы спугнуть что-то бесценное, что там еще теплилось. Единственное, чего он хотел сейчас — оказаться подальше от этого места. Пусть дураки продолжают тешиться мифами, а с него довольно!

Гордон решил не возвращаться в Сиотаун, где его ждали мешки с почтой. Этот груз он навсегда стряхнул со своих плеч. Он уже начал было расстегивать форменную рубашку, собираясь бросить ее в дорожную пыль, и расстаться таким образом с тяготившей его ложью, однако в голове заметалась непрошенная мысль: «Кто же теперь возьмет на себя ответственность?»

Что такое?.. Он помотал головой, желая избавиться от этого наваждения, однако слова не

уходили.

«Кто теперь возьмет на себя ответственность за детей неразумных сих?»

Гордон выругался и наподдал кобыле в бока каблуками. Она играючи несла его на север, все дальше от того, что представляло для него ценность еще вчера утром и что теперь обернулось столь жалким обманом. Картонные манекены из грошовой лавки. Страна Оз.

«Кто возьмет на себя ответственность...»

Эти слова повторялись вновь и вновь, словно навязчивая мелодия. Он понял, наконец, что они звучат в том же ритме, в котором перемигивались огоньки индикации на старой, давно усопшей машине.

«...за детей неразумных сих?»

Кобыла бодро трусила в предрассветной мгле мимо превратившихся в лес садов, вдоль которых нескончаемой вереницей тянулись остовы автомобилей. Гордона внезапно посетила странная мысль: что, если в завершающее мгновение жизни, когда улетучивались жалкие остатки жидкого гелия и надвигалось смертоносное тепло, последняя мысль бесхитростной, но мудрой машины каким-то образом перетекла в периферийную цепь и теперь отчаянно мигает, никем

не понятая?

Тянет ли это на галлюцинацию?

Занятно, какими были последние мысли Циклопа, его последние слова...

Может ли человек сделаться жертвой призрака машины?

Гордон встряхнулся. Он просто переутомился, иначе в голову не лезла бы разная ерунда. Никому он ничего не должен! Ни символу на дрянной кокарде, ни истлевшей мумии, застрявшей в ржавом джипе...

Призраки!

Он сплюнул в пыль и попробовал улыбнуться.

Но нет, упрямые слова никак не шли у него из головы. «Кто теперь возьмет на себя ответственность?»

Он настолько запутался в терзающих его противоречиях, что не сразу расслышал крики позади. Натянув поводья, Гордон оглянулся, положив руку на револьвер. Кто бы ни гнался за ним, он не даст преследователям спуску. Хотя бы в одном старик Лазаренски не ошибся: для этой шайки служителей Циклопа он — добыча не по зубам.

Вдали, перед Домом Циклопа, царила суета. Впрочем, какое это имеет к нему отношение?

Заслонив ладонью глаза от только что выкатив-

шегося из-за горизонта солнца, Гордон разглядел вдалеке пар, поднимающийся от двух взмыленных лошадей. По ступенькам дома взбежал измученный всадник, встретивший бросившихся к нему людей нетерпеливыми криками. Его спутнику, судя по всему, раненому, оказывали первую помощь прямо на земле.

До Гордона донеслось всего одно слово, но оно все разъяснило:

— ...выживания!

Ответ его был еще более кратким:

— Черт!

Он повернулся к крикам спиной и хлестнул кобылу поводьями, заставив возобновить прерванный бег в прежнем — северном направлении.

Еще вчера он поспешил бы на помощь и с готовностью отдал собственную жизнь, лишь бы спасти мечту Циклопа. Выходит, что он сложил бы голову ради пустого фарса, выдумки, бессовестного обмана, игры, в конце каинов!

Если вторжение холнистов и впрямь началось, деревни, расположенные к югу от Юджина, дадут им слаженный отпор, и бандиты повернут на север, туда, где сопротивление слабее. Отвыкшим от войны жителям северной части долины Уилламетт не выстоять против головорезов с

Рог-Ривер.

Однако холнистов могло оказаться недостаточно, чтобы захватить всю долину. Корваллис, без сомнения, падет, но Гордону все равно есть куда податься. Возможно, он свернет на восток и доберется по шоссе номер 22 до Пайн-Вью. Будет неплохо снова повидаться с миссис Томпсон. Он еще поспеет к рождению у Эбби первенца!

Кобыла бежала по-прежнему резво. Крики за спиной стихли, подобно улетучившимся из головы дурным воспоминаниям. День обещал быть ясным — впервые после нескольких недель сплошной облачности. Лучшей погоды для путешествия не придумаешь.

Но тут за расстегнутый ворот Гордона начал заползать холод. Еще через сотню ярдов его пальцы потянулись к пуговицам воротника.

Лошадь перешла на медленный шаг, а потом и вовсе остановилась. Гордон, сгорбившись, сидел в седле.

«Кто возьмет на себя ответственность...»

Проклятая фраза и подмигивающие огоньки все так же мучили его. Лошадь вскинула голову и заржала, перебирая копытами.

«Кто?..»

— Дьявольщина! — не выдержал Гордон и, раз-

вернувшись, поскакал назад, на юг.

Беспомощная, перепуганная толпа мужчин и женщин расступилась в почтительном молчании, когда он осадил лошадь у крыльца Дома Циклопа. Гордон долго рассматривал людей, не произнося ни слова.

Наконец он сбросил накидку, застегнул рубаху и нахлобучил на голову фуражку с лучезарной кокардой, поймавшей луч разгорающегося солнца. Потом набрал в легкие побольше воздуха и принялся выкрикивать отрывистые команды, тыкая пальцем в первых подвернувшихся под руку.

Во имя собственного выживания и во имя Возрожденных Соединенных Штатов все — жители Корваллиса и служащие Циклопа — бросились выполнять его приказания.

Интерлюдия

В вышине стоял надсадный вой ветра. Снова наступала зима, и над северной акваторией Тихого океана проносились ледяные вихры, напоминая о скорых холодах. Более двадцати лет тому назад тысячелетние маршруты ветров были спутаны гигантскими черными смерчами, словно армада рассерженных вулканов в один и тот же момент произвела залп раскаленной породой в небеса.

Если бы смерчи не рассосались столь стремительно, то исчезли бы все признаки жизни на планете и навечно воцарился бы ледниковый период. Ведь и так тучи пепла на долгие недели окутали Землю, прежде чем частицы покрупнее начали выпадать на поверхность грязевыми дождями. Но все равно огромное количество пыли и сажи было развеяно воздушными потоками высоко в атмосфере, и еще долго не пропускало солнечный свет.

Минули годы, прежде чем наконец снова пришла весна.

Но весна пришла. Океан — живущий своей, неторопливой жизнью и не ведающий уныния, послал в самый раз тепла, чтобы не дать спирали

перемен раскрутиться и не сделать зиму необратимой. В должный срок теплые облака, набухшие поднявшейся из морей влагой, снова поплыли над континентами. Ветви деревьев опять потянулись к небу, повсюду, из всех трещин в асфальте, поползла трава.

И все же высоко в небе оставалось еще достаточно пыли. Холодный воздух то и дело прорывался на юг, напоминая о Нескончаемой Зиме. Туман кристаллизовался вокруг частиц пыли и выпадал на землю снежинками невиданной величины.

Ненавистная Зима упрямо возвращалась, пытаясь погрузить континенты в вечную тьму.

Часть третья. Цинциннат
1

Снегопад сопровождался ветром, круговерть метели порождала зловещие белые фигуры-призраки, которые исчезали поя кладбищенской сенью застывших на морозе деревьев, но тут же на смену им являлись новые, еще страшнее прежних.

Облепленная снегом ветка треснула, не выдержав веса еще одной огромной снежинки. Эхо хруста разнеслось далеко вокруг, как от ружейного выстрела.

Снег милостиво припорошил мертвые глаза издохшего от голода оленя и уже начал сглаживать неровности между его выпирающими ребрами. Совсем скоро не осталось и следа от углублений в промерзающей земле, проделанных животным всего час назад в бесплодных поисках корма.

Танцующие снежные вихри, не ведающие пристрастий, укутывали белым саваном все, к чему подступали; они быстро накрыли свежей чистой пеленой багровые пятна на старом, слежавшемся снегу.

Белых одеял хватило на все трупы; мертвые тела выглядели теперь мирно и напоминали спящих.

* * *

К тому времени, когда Гордон отыскал тело Трейси под засыпанным снегом кедром, пурга подчистила все следы недавней схватки. Кровь давно перестала сочиться, превратившись в ледяную корку. Перерезанное горло несчастной девушки было холодным и сухим.

Гордон заставил себя отбросить воспоминания о Трейси, какой он знал ее при жизни, хотя их знакомство продолжалось недолго: неизменно жизнерадостной, отважной, исполненной энтузиазма по поводу безнадежного дела, которое она на себя взвалила. Скорбно опустив уголки рта, он разорвал ее шерстяную фуфайку и потрогал подмышку.

Тело было еще теплым. Беда стряслась совсем недавно.

Гордон бросил взгляд в юго-западном направлении, куда тянулись быстро исчезающие в метели следы, и зажмурился от яркой белизны снега. Рядом с ним неслышно возникла фигура в белом балахоне.

— Жаль! — услыхал он шепот Филиппа Бокуто. — Славная была девушка! А я-то готов был поклясться, что эти гады не сумеют...

— Как видишь, сумели, — оборвал его Гордон. — И всего-то минут десять назад.

Он приподнял труп за ремень. Глаза на темно-коричневом лице под белым капюшоном понимающе сощурились. Тело Трейси осталось нетронутым и даже не было изуродовано холнистской символикой. Небольшая банда «мастеров выживания», видно, слишком торопилась, чтобы прихватить свои традиционные жуткие трофеи в виде частей тела.

— Мы могли бы их поймать, — шепнул Бокуто. Его глаза пылали гневом. — Через три минуты я буду здесь с остальным отрядом.

Гордон покачал головой.

— Нет, Фил. Мы и так увлеклись преследованием и вышли далеко за пределы нашего периметра обороны. Пока мы их настигнем, они успеют устроить засаду. Лучше заберем тело Трейси и вернемся.

Бокуто сжал челюсти. Он уже не шептал, а говорил полным голосом:

— Мы сумеем их поймать!

Гордон не мог справиться с раздражением.

Зачем Филипп говорит это? Бокуто был сержантом морской пехоты — до того, как около двух десятков лет тому назад от былого мира осталось мокрое место. Ему, а не Гордону, следовало бы принимать подобные малоприятные, но необходимые решения, взваливать на себя ответственность...

Он снова покачал головой.

— А я говорю, нет! И оставим это.

Он взглянул на девушку, бывшую до сегодняшнего дня лучшей разведчицей в армии Уилламетта. Видимо, она все же где-то дала маху...

— Нам нужны живые бойцы, Фил. Свирепые и готовые к схватке, а не мертвые.

Они избегали смотреть друг на друга. Немного погодя Бокуто оттеснил Гордона в сторону и склонился над неподвижным телом.

— Дай мне пять минут, прежде чем поднимешь отряд. — Оттащив тело Трейси за ствол кедра, на подветренную сторону, он вытащил нож. — Вы правы, сэр, нам нужны злые бойцы. Вот мы с Трейси и позаботимся об этом.

Гордон поморщился.

— Фил, — запротестовал он, вытягивая руку, — не надо!

Не обращая внимания на Гордона, Бокуто с пе-

рекошенным лицом разорвал на Трейси рубашку. Не поднимая глаз, выдавил:

— Согласен с тобой: мы должны привести наших трусливых фермеров в бешенство, чтобы они рвались в бой! Именно так и советовали нам поступить Дэна и Трейси в случае необходимости.

Гордон все еще не верил своим глазам.

— Дэна не в своем уме, Фил! Разве ты до сих пор не понял? Пожалуйста, не делай этого! — Он схватил друга за руку и попробовал оттащить от трупа, однако был вынужден отступить перед нацеленным на него острием ножа. Глаза Бокуто метали молнии.

— Не усугубляй моего горя, Гордон! Ты — мой командир, и я буду подчиняться тебе, пока это остается наилучшим способом убивать как можно больше холнистов. Но ты, Гордон, слишком цивилизован, хотя жизнь требует совсем другого! Надо же знать меру! Ты меня слышишь? Я не позволю тебе предать Трейси, Дэну, меня ради твоего глупого упрямства, место которому в двадцатом веке! Вот так! А теперь вали отсюда, мистер инспектор... сэр. — Бокуто задыхался от негодования. — И не забудь дать мне пять минут, прежде чем приведешь остальных.

Он озверело сверкал глазами. Гордон попятил-

ся. Фил сплюнул на снег, смахнул иней с мокрых бровей и ресниц и занялся своим страшным делом...

Возвращаясь к отряду, Гордон продолжал недоумевать. Фил Бокуто ни разу еще не набрасывался на него вот так, размахивая ножом, с диким взглядом, не желая подчиниться приказу... Но потом он вспомнил, что никогда не приказывал ему не делать того, что Бокуто собирался сделать сейчас, он всегда просил, уговаривал. Уверен ли он, что сержант на самом деле не прав? Не разделяет ли он сам в глубине души кое-какие идеи из тех, что проповедует Дэна и ее свихнувшаяся женская банда?

Гордон покачал головой. Фил прав по крайней мере в одном: философствовать на поле боя просто глупо. Здесь главная проблема — как выжить. Другой войне — той, что разворачивается еженощно в его снах, — придется дожидаться лучших времен.

Он осторожно спустился вниз по склону, сжимая в кулаке штык — наилучшее оружие при подобной погоде. Половина людей в его отряде отложила до поры ружья и луки и вооружилась длинными ножами — еще один урок, с трудом перенятый у безжалостного, неистощимого на

пакости врага.

Они с Бокуто оторвались от остального отряда всего метров на пятьдесят, однако ему казалось, что на целые мили вокруг нет дружеской души — одни расставленные врагом ловушки. Людей заменяли призрачные тени снежных вихрей — словно не умеющих решить, к какому лагерю примкнуть. Эфемерные нейтралы в безмолвной, безжалостной войне...

«Кто возьмет на себя ответственность?..» Гордону отовсюду слышался этот свистящий шепот. Роковая фраза прочно засела в его мозгу с тех самых пор, как он сделал выбор между разумной трусостью и бессмысленной надеждой сохранить здесь островок цивилизации...

Очередная диверсионная группа холнистов свирепствовала с размахом; впрочем, местные фермеры проявили себя более отчаянными воя-ками, чем можно было от них ожидать. К тому же Гордон и его отряд всегда находились неподалеку, готовые ввязаться в бой.

Совсем недавно его Армия долины Уилламетт одержала небольшую, но важную победу: двадцать человек расстались с жизнью, но забрали с собой и пятерых врагов. От банды холнистов уцелело всего трое или четверо — теперь они

пытались уйти на запад.

Однако даже четверо этих двуногих чудовищ, пусть измотанные и почти лишившиеся боеприпасов, представляли собой страшную угрозу. В его отряде оставалось всего семь человек, а подкрепления ждать не приходилось.

Пусть уходят. Все равно они вернутся.

Впереди раздалось совиное уханье. Гордон узнал условный сигнал, подаваемый Лейфом Моррисоном. Лейф делает успехи. Если война подарит нам еще годик жизни, он кого-нибудь да сумеет одурачить.

Гордон отозвался похожим уханьем — два крика в ответ на три. Потом он стремительно пересек небольшую поляну и съехал в овраг, где его уже ждали.

Моррисон и еще двое поспешили к нему. Их бороды и козлиные бурки были запорошены снегом, они взволнованно сжимали в руках оружие.

— Где Джо и Энди? — спросил Гордон.

Лейф, верзила-швед, ткнул пальцем влево и вправо.

— Посты, — пояснил он.

Гордон кивнул и, развязав под большой елью рюкзак, вытащил оттуда термос. Начальственное положение давало ему привилегии, в частности,

возможность налить себе горячего сидра когда вздумается, не спрашивая ничьего разрешения.

Бойцы отряда снова заняли свои позиции, но то и дело оглядывались на «инспектора», ломая головы, что он выдумает на этот раз. Моррисон — фермер, едва унесший ноги во время сентябрьского налета холнистов на Гринлиф, — имел вид человека, лишившегося всего, что он любил, и уже не принадлежащего к этому миру.

Гордон взглянул на свои часы — отличные, довоенные, преподнесенные ему умельцами в Корваллисе. Бокуто давно управился. Сейчас он, наверное, возвращается, петляя, чтобы запутать следы.

— Трейси мертва, — сообщил Гордон, следя за реакцией разом побледневших лиц подчиненных. — Наверное, пыталась зайти в тыл этим сволочам и задержать их до нашего подхода. Она не спросила у меня разрешения. — Он пожал плечами. — Вот и поплатилась.

Испуганное молчание сменилось отменной бранью. «Так-то лучше, — подумал Гордон. — Только в следующий раз холнисты не будут дожидаться, пока вы, ребята, рассвирепеете. Они прикончат вас, когда вы еще будете соображать, стоит ли пугаться».

Имея богатый опыт по части вранья, Гордон произнес ровным, без всякого выражения голосом:

— Мы опоздали на каких-то пять минут, а то успели бы ее спасти. Но у бандитов время нашлось: они прихватили с собой кое-какие сувениры.

На лицах слушателей появилось выражение омерзения, быстро сменившееся гневом.

— Поспешим за ними! — предложил Морриссон. — Они не могли уйти далеко.

Остальные закивали в знак согласия.

«Недостаточно энергично», — определил Гордон.

— Нет, — отрезал он. — Если вы и сюда добирались с ленцой, то теперь и подавно угодите в ловушку. Мы рассыпемся цепью, заберем тело Трейси и возвратимся домой.

Лишь один из фермеров — кстати, только что громче остальных высказывавшийся за погоню, — не скрыл облегчения. Остальные смотрели на Гордона с неприязнью.

«Держитесь же настороже, ребята, — с горечью подумал Гордон. — Будь я прирожденным начальником, я бы нашел лучший способ вселить в вас боевой задор».

Он убрал термос, так и не предложив никому сидра. Смысл такого поведения был ясен: они не заслужили угощения.

— Вперед! — приказал он, закидывая на спину свой легкий рюкзак.

Отряд быстро подчинился: бойцы в спешке похватали оружие и затопали по снегу. Слева и справа появились из укрытий Джо и Энди и заняли свои места на флангах. Холнисты прятались бы гораздо искуснее: у них имелось куда больше возможностей попрактиковаться, чем у этих новоиспеченных вояк.

Люди, вооруженные штыками, ушли вперед, обогнав тех, кто шел с ружьями наперевес. Спустя минуту Гордон, кравшийся позади цепочки, почувствовал, что рядом с ним идет Бокуто, как ни в чем не бывало появившийся из-за ствола дерева. Никто из фермеров, при всей их вновь обретенной воинственности, не заметил его.

Лицо разведчика оставалось бесстрастным, однако Гордон знал, какие чувства обуревают его сейчас, и постарался не встречаться с ним взглядом.

Впереди раздался взволнованный крик: изуродованное тело Трейси было обнаружено.

— Представь себе их реакцию, если бы они

узнали правду, — тихонько сказал Гордону Филипп. — Или если бы до них дошло, почему большинство твоих разведчиков — девушки...

Гордон пожал плечами. Идея принадлежала женщинам, но он ответил согласием. Вся вина лежала на нем. Вся вина, при том что дело их почти безнадежно...

И все же он не мог допустить, чтобы даже циннику Бокуто открылась вся правда. Ради его же блага Гордон привычно солгал:

— Тебе известна главная причина. Помимо теорий Дэны и обещаний Циклопа.

Бокуто кивнул, голос его стал хриплым от волнения:

— Во имя Возрожденных Соединенных Штатов, — мечтательно, с несвойственным ему трепетом прошептал он.

«Сплошное вранье, — подумал Гордон. — Если ты, друг мой, когда-нибудь узнаешь правду, то...»

— Во имя Возрожденных Соединенных Штатов, — вслух согласился он. — Да.

Они дружно ускорили шаг, чтобы возглавить свою перепуганную, но теперь в должной степени обозленную армию.

2

«Ничего не выходит, Циклоп».

Из-за толстого стекла на него смотрел жемчужный глаз, мерцающий на высоком цилиндре, тонущем в клубах холодного тумана. По двойному ряду лампочек пробегала одна и та же замысловатая световая волна. Призрак Циклопа преследовал Гордона уже много месяцев, ибо был воплощением единственной лжи, не уступавшей в дерзости его собственной, давно опостылевшей самому автору.

В этой мрачной комнате ему лучше думалось. Там, среди снегов, на частоколах, огораживающих деревни, в одиночестве сумрачного леса мужчины и женщины принимали смерть за них двоих — за химеру, олицетворением которой им казался Гордон, и за машину, хоронящуюся за этим стеклом.

«За Циклопа и за Возрожденные Соединенные Штаты».

Не будь этих могучих оплотов надежды, жители долины Уилламетт давно уже были бы повержены. Корваллис лежал бы в руинах, а его собранные по томику библиотеки, хлип-

кая промышленность, ветряки и мигающее электричество — все бы рухнуло, покорившись надвигающейся дикости. Захватчики с Рог-Ривер ввели бы здесь феодальные порядки, уже свирепствовавшие к западу от Юджина.

Фермеры да электронщики преклонного возраста сражались против в десятки раз более опытного и хитроумного противника. И все же битва продолжалась, битва, в которой они отстаивали не столько собственную жизнь, сколько эти два символа: ласковую, мудрую машину, на самом деле давно уже мертвую, и канувшее в небытие государство, сохранившееся только в их воображении.

Бедные простаки...

«Ничего не выходит», — говорил Гордон своей ровне, товарищу по лицедейству. Ответом ему была все та же пляска лампочек у него перед глазами и одновременно в мозгу.

«Суровая зима на время остановила холнистов. Они пока свирепствуют в городах, захваченных еще осенью. Но по весне они снова вернутся, вцепятся в нас, примутся жечь и убивать, пока деревни одна за другой не взмолятся, чтобы бандиты приняли их под свою „защиту“. Мы пытаемся огрызаться. Однако любой из этих

дьяволов стоит дюжины наших робких горожан и фермеров».

Гордон опустился в мягкое кресло перед толстым стеклянным экраном, вдыхая запах пыли и затхлости, от которого некуда было деться даже здесь, в Доме Циклопа.

Если бы у них было время на военную подготовку... Если бы мир не царил здесь столь долго...

Если бы у них появился подлинный лидер... Такой, как Джордж Паухатан.

Из-за притворенной двери доносилась негромкая музыка. Кто-то поставил пластинку двадцатилетней давности с записью «Канона» Пахельбеля.

Он вспомнил, как не сдержал слез, когда после огромного перерыва снова услышал подобную музыку. Ему в ту минуту отчаянно хотелось верить, что где-то на свете еще сохранились отвага и благородство, что здесь, в Корваллисе, он нашел то, что искал. Однако «Циклоп» оказался надувательством, ничем не лучше его собственного мифа о Возрожденных Соединенных Штатах.

Для него оставалось загадкой, почему наступление «мастеров выживания» вдохнуло в обе выдумки новую жизнь. Среди крови и ужаса обе легенды обрели особо возвышенное звучание, и

люди ежедневно отдавали ради них свои жизни.

«Не выходит, и все. — Он не ждал ответа от навеки умолкнувшей машины. — Наши люди сражаются и умирают. Однако зверье в камуфляже доберется к лету и сюда, как бы мы этому ни противились».

Он прислушался к печальной, волшебной музыке, задаваясь вопросом, станет ли кто-нибудь слушать Пахельбеля после падения Корваллиса.

В дверь тихонько постучали. Гордон выпрямился в кресле. Кроме него, в этот час в здании могли находиться только служащие Циклопа.

— Да? — отозвался он.

Пол прочертил узкий луч света. Потом луч расширился, и в нем выросла длинная тень женщины с распущенными волосами.

Дэна... Именно ее ему сейчас меньше всего хотелось видеть.

Она заговорила тихо, но торопливо:

— Прости за беспокойство, Гордон, но я подумала, что тебе надо узнать новость немедленно. Только что прискакал Джонни Стивенс.

Гордон вскочил с бешено бьющимся сердцем.

— Боже, так он прорвался!

Дэна кивнула.

— Джонни добрался до Розберга и вернулся,

хотя и не без труда.

— Люди! Привел ли он... — Гордон поперхнулся, видя, что она покачала головой. Ее взгляд не оставлял никакой надежды.

— Десять человек. Он доставил южанам твое послание, и они прислали десяток добровольцев.

Голос Дэны звучал странно, словно ей было стыдно за остальной мир, который так их подвел. Дальнейшее стало для него откровением: он еще ни разу не слышал, чтобы у нее дрожал голос.

— О, Гордон, они даже не мужчины. Это мальчишки, просто мальчишки!

3

Дэну ребенком взял на воспитание Джозеф Лазаренски и другие ученые Корваллиса, оставшиеся в живых, вскоре после Светопреставления. Она выросла среди служащих Циклопа и поэтому оказалась достаточно рослой для нового времени девушкой и получила неплохое образование. Неудивительно, что Гордона поначалу влекло к ней.

Однако потом он испытал сожаление, видя, что она так начитанна. Лучше бы она читала гораздо меньше... или неизмеримо больше. Дэна

даже придумала собственную теорию! Хуже того, она фанатично верила в эту теорию и без устали пропагандировала ее в кругу впечатлительных подруг и даже за его пределами.

Теперь Гордон боялся, что, сам того не ведая, способствовал всему этому. Ему трудно было объяснить себе самому, как это он дал Дэне уговорить себя и принял в армию девушек разведчицами.

«Тело юной Трейси Смит, распростертое среди сугробов... Следы на ослепительно-белом снегу...»

Накинув белые халаты, они с Дэной прошли мимо охранников, караулящих вход в Дом Циклопа, и ступили на снег, превращающий своим свечением ночь в сумерки. Дэна негромко произнесла:

— Если Джонни действительно постигла неудача, то это означает, что у нас остается всего одна надежна.

— Не хочу говорить об этом. — Он опустил голову. — Сейчас не хочу.

Снаружи стоял пронизывающий холод, и он торопился в столовую, чтобы выслушать доклад юного Стивенса.

Дэна взяла его за руку, и он был вынужден взглянуть на нее.

— Поверь, Гордон, никто не огорчен случив-

шимся больше меня. Неужели ты считаешь, мы с девочками мечтали, чтобы у Джонни ничего не вышло? По-твоему, мы сумасшедшие?

Гордон воздержался от наиболее очевидного ответа. Минувшим днем ему выпало счастье полюбоваться на пополнение, собранное Дэной, — молодых женщин из деревень на севере долины Уилламетт: восторженные голоса, пылающие взоры новообращенных. Выглядели они забавно: скаутские куртки из оленьей кожи, по ножу на бедре, на запястье и на голени: все сидели кружком, положив на колени открытые книжки.

СЬЮЗЕН: Нет-нет, Мария! Ты все перепутала! «Лисистрата» [комедия Аристофана: по инициативе ее главной героини женщины устраивают специфическую «забастовку», отказывая мужчинам в близости, и тем добиваются прекращения войны] не имеет никакого отношения к Данаидам! [пятьдесят дочерей египтянина Даная, убившие в брачную ночь нелюбимых мужей] Все они поступали неверно, но по разным причинам.

МАРИЯ: Не понимаю! Только потому, что одни использовали секс, а другие взялись за мечи?

ГРЕЙС: Дело не в этом. Просто им не хватало системы взглядов, идеологии...

Спор резко оборвался, стоило женщинам завидеть Гордона. Они вскочили и отдали ему честь: он в замешательстве ускорил шаг. У всех женщин радостно сияли глаза, и ему почему-то показалось, что он служит для них каким-то образцом, символом неизвестно чего.

Совсем недавно Трейси смотрела на него такими же глазами. Как бы то ни было, Гордону это совершенно ни к чему: он и так не знал, куда деваться от стыда, когда из-за его лжи гибли мужчины. А тут еще женщины...

— Нет, — ответил он на вопрос Дэны, качая головой. — Сумасшедшие, но не настолько...

Она, засмеявшись, стиснула его руку.

— Спасибо и на этом.

Но он отлично знал, что словами дело не кончится.

В столовой охранник принял у них халаты. Дэне хватило ума поотстать, и Гордон получил возможность выслушать дурные новости один на один.

* * *

Отличная штука — молодость. Гордон вспомнил себя подростком, каким он был еще незадолго до Светопреставления. В те времена его тоже

ничто не могло остановить, разве только автомобильная авария.

С некоторыми из ребят, ушедших с юга Орегона вместе с Джонни Стивенсом две недели назад, произошло кое-что похуже. Сам Джонни побывал в форменном аду.

И все же он по-прежнему выглядел беззаботным семнадцатилетним гонцом, когда сидел у огня, грея руки о миску с бульоном. Ему не помешает горячая ванна и часов сорок беспробудного сна. Лицо, там, где его не закрывали свесившиеся соломенные волосы и проклевывающаяся бородка, было нещадно исцарапано, а на форме сохранилось всего одно нетронутое место — аккуратная нашивка с простой надписью:

ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА ВОЗРОЖДЕННЫХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

— Гордон! — Он широко улыбнулся и с трудом поднялся.

— Я молился за твое благополучное возвращение, — сказал Гордон, обнимая Джонни и откладывая пачку депеш, за которые паренек не пожалел бы жизни. — На это я взгляну чуть погодя. Сядь и выпей свой бульон.

Гордон мельком посмотрел на новобранцев, которых кормили и обихаживали у большого

камина работники столовой. У одного была подвязана рука, другой вообще лежал на столе, в то время как армейский врач по фамилии Пилч хлопотал над его раной в голове. Остальные хлебали из мисок дымящийся суп и с откровенным любопытством разглядывали Гордона. Видимо, Джонни прожужжал им уши героическими историями, и они выглядели готовыми броситься в схватку.

Ни одному из них нельзя было дать больше шестнадцати лет.

«И это — наша последняя надежда?» — подумалось Гордону.

Население южной части Орегона противостояло «мастерам выживания» с Рог-Ривер уже без малого двадцать лет, причем за последние десять лет им удалось принудить варваров к обороне. В отличие от северян, которыми приходилось командовать Гордону, скотоводы и фермеры из-под Розберга не расслабились за последние годы, ибо так и не вкусили мирной жизни. Они отличались стойкостью и хорошо понимали, что представляет собой противник.

Кроме того, у них были настоящие вожди. До Гордона доходили рассказы о человеке, который топил в крови одно наступление холнистов за

другим. Именно поэтому врагу потребовался новый план действий. Совершив дерзкий бросок, холнисты вышли к морю в районе Флоренса, далеко к северу от тех мест, где их по старинке поджидали.

Маневр был безупречен. Остановить бандитов теперь невозможно. Фермеры с юга прислали на подмогу всего десять мальчишек. Десять мальчишек!

Когда Гордон приблизился, новобранцы встали. Он прошелся вдоль шеренги и у каждого спросил, как его зовут и откуда он родом. Они с жаром трясли ему руку и величали «мистером инспектором». Несомненно, все надеялись заслужить высшую награду — стать почтальонами, служить государству, которого они по молодости лет знать не знали.

Ни это, ни то, что государства больше не существует, не помешает им умереть, думал Гордон.

Потом он заметил в углу Фила Бокуто, строгающего палочку. Чернокожий морской пехотинец ничего не сказал, но Гордон видел, что он уже посматривает на новобранцев оценивающим взглядом и ничего не имеет против. Любой из них, хоть что-то умеющий, станет разведчиком, что бы ни говорила по этому поводу Дэна со сво-

ими женщинами.

Гордон почувствовал ее взгляд, хотя она осталась в дальнем конце помещения. Придется ей смириться с тем, что он никогда не согласится с ее новым планом. Пока он остается командующим армией Нижнего Уилламетта, этому не бывать. Он будет сопротивляться безумию до последнего вздоха.

Гордон потратил еще несколько минут на разговор с новобранцами. Когда он снова попытался отыскать взглядом Дэну, ее и след простыл. Не иначе, поспешила с новостью к кучке своих новоиспеченных амазонок. Столкновение становилось неминуемым.

Гордон возвратился к столу. Джонни Стивенс теребил сумку из блестящей кожи. На сей раз от него не отвяжешься. Он протянул пакет, проделавший вместе с ним столь длинный путь.

— Мне очень жаль, Гордон, — молвил он. — Я лез из кожи вон, но они отказывались меня слушать. Я передал ваши письма, но... — Он понурил голову.

Гордон пролистал ответы на просьбы о помощи, которые он сочинял больше двух-месяцев тому назад.

— Зато все они хотят быть охваченными почто-

вым сообщением, — с иронией в голосе сообщил Джонни. — Даже если мы не удержимся, в Орегоне останется хотя бы полоска земли, готовая влиться в состав государства.

Гордон узнал по конвертам названия городков вокруг Розберга, ставших легендарными. Ответы оказались вежливыми, в них сквозило любопытство и даже энтузиазм по поводу возрождения Соединенных Штатов. Однако никто ничего не обещал. И не слал войск.

— А что Джордж Паухатан?

Джонни пожал плечами.

— Все тамошние мэры, шерифы, вообще боссы заглядывают ему в рот. Они и пальцем не пошевелят, пока он не сделает первый шаг.

— Что-то не нахожу ответа Паухатана.

— Он заявил, что не доверяет бумаге. Да и ответ его состоял всего из трех словечек. Он попросил меня передать его устно. — Голос Джонни сделался тише: — Он велел сказать: «Мне очень жаль».

4

Подойдя к двери своей комнаты, Гордон увидел, что внутри горит свет. Его рука замерла на дверной ручке. Он отлично помнил, что, отправляясь

пообщаться с Циклопом, задул все свечи.

На-прежде чем отворить дверь, он услышал ласковый женский голос, и загадка объяснилась. В его кровати, накрыв одеялом ноги, лежала Дэна. На ней была просторная домотканая ночная сорочка; под самой свечой она держала раскрытую книгу.

— Ты портишь глаза, — сказал Гордон, бросая на стол сумку с депешами, полученную от Джонни.

— Согласна, — отозвалась Дэна, не поднимая глаз от книги. — Но смею тебе напомнить, что ты сам вернул свою комнату в каменный век, тогда как остальная часть здания электрифицирована. Полагаю, что все вы — люди, сформировавшиеся Во войны, — воображаете, что в пламени свечи есть что-то романтическое. Ведь так?

Гордон сам не мог бы точно объяснить, зачем повывертывал у себя в комнате все лампочки и спрятал их подальше. В первые недели, проведенные в Корваллисе, он едва не подпрыгивал от радости всякий раз, когда появлялась возможность щелкнуть выключателем и залить помещение электрическим светом, как в дни его молодости. Зато теперь он не переносил этого света — во всяком случае, у себя.

Он налил в стакан воды и взял зубную щетку.

— У тебя в комнате есть отличная сорокаваттная лампочка. Могла бы почитать и там.

Дэна, словно не расслышав намека, шлепнула ладонью по странице.

— Ничего не понимаю! — возмущенно бросила она. — Если верить этой книге, Америка перед самым Светопреставлением переживала культурное возрождение. Конечно, не обошлось без Натана Холна, проповедовавшего свою безумную доктрину супермужественности, и без проблем со славянским мистицизмом за океаном, но в основных проявлениях это было замечательное время! В искусстве, музыке, науке все шло как нельзя лучше. Но, с другой стороны, опросы, проведенные в конце века, свидетельствуют, что большая часть американок не испытывала доверия к технике. Вот во что мне трудно поверить! Неужели это правда? Они что, сплошь были идиотками?

Гордон ополоснул рот над тазиком и посмотрел на обложку книги. На ней красовалась яркая голограмма:

КАКИЕ МЫ: ПОРТРЕТ АМЕРИКИ 90-х

Он стряхнул с зубной щетки воду.

— Все не так просто, Дэна. Техника тысячелетиями считалась мужским занятием. Даже в девяностых годах лишь небольшой процент

инженеров и ученых были женщинами, хотя появлялось все больше и больше отличнейших...

— Не о том речь! — оборвала его Дэна, захлопывая книгу и выразительно встряхивая светлыми кудрями. — Суть в ином: кому это выгодно? Даже если главную роль в этом деле играли мужчины, технология помогала женщинам куда больше, чем им! Сравни Америку своего времени с миром в его теперешнем состоянии и попробуй доказать, что я ошибаюсь.

— Сейчас женщины живут в форменном аду, — согласился Гордон, смачивая полотенце водой из кувшина. Он падал с ног от усталости. — Жизнь сейчас гораздо труднее для них, чем для мужчин. Она безжалостна к ним, доставляет одну лишь боль и к тому же коротка. И я, к своему стыду, позволил тебе уговорить себя поручить девушкам наихудшее, самое опасное...

Дэна не дала ему закончить мысль. Возможно, смерть молоденькой Трейси Смит оказалась для нее слишком болезненным ударом, и она торопилась переменить тему.

— Прекрасно! — бросила она. — В таком случае мне хотелось бы знать, почему до войны женщины боялись техники — если эта дурацкая книга не врет, — хотя наука так много сделала для них.

Ведь альтернатива была ужасна!

Гордон повесил на крючок влажное полотенце и пожал плечами. С тех пор минуло слишком много времени. В своих скитаниях он навидался такого, что Дэна навечно утратила бы дар речи, опиши он ей все это. Она застала крушение цивилизации, будучи неразумным маленьким ребенком. Если не считать страшных дней, предшествовавших ее удочерению сердобольными служащими Циклопа, — а те испытания к тому же давно изгладились из ее памяти, — она выросла в единственном в целом мире месте, где сохранялось подобие былого комфорта. Ничего удивительного, что у нее до сих пор не появилась седина — это в двадцать два-то года!

— Некоторые утверждают, что именно технология и погубила цивилизацию. — Он присел на стул рядом с кроватью и закрыл глаза, надеясь, что она поймет намек и оставит его в покое. — Возможно, они не так уж не правы. Бомбы, вирусы. Трехлетняя зима, уничтожение коммуникаций, от которых так зависело общество... — На сей раз она не прерывала его, но он все равно запнулся, не найдя сил, чтобы читать поминальную молитву вслух. — ...Больницы... университеты... рестораны... блестящие на солнце

авиалайнеры, переносившие свободных граждан куда им только захочется... веселые, ясноглазые ребятишки, прыгающие на газоне под струей крутящейся поливалки... фотографии с поверхностей спутников Юпитера и Нептуна... мечты о звездах... замечательные, мудрые машины, вынашивавшие головокружительные планы и наполнявшие нас гордостью... знания...

— Антитехнологическая болтовня, — вынесла Дэна приговор обозначенной тенденции. — Мир погубили люди, а не наука. И ты это знаешь, Гордон. Люди определенного сорта.

У Гордона не хватило даже сил пожать плечами. Какое это имеет теперь значение?

До него донесся ее смягчившийся голосок:

— Иди сюда. Давай снимем эти потные тряпки.

Гордон попробовал возмутиться. Единственное, чего ему сейчас хотелось, — это свернуться калачиком, отгородиться от остального мира и, оставив страшные решения на завтра, поскорее забыться. Однако Дэна была сильна и непоколебима. Ее пальцы бегали по его пуговицам, тянули к подушкам, пропитавшимся ее запахом.

— Я знаю, почему все пошло прахом, — приговаривала Дэна, не оставляя своего занятия. — Книга не врет. Просто женщины утратили бдитель-

ность. Они погрузились в периферийные заботы, забросив наиболее насущную проблему — мужчин. Вы прилично справлялись со своим делом — рассчитывали, конструировали, изготовляли разные предметы. Тут мужчинам нет равных. Однако любой, в ком есть хоть крупица здравого смысла, согласится, что от четверти до половины из вас — безумцы, насильники и убийцы. *Нам* надо было не спускать с вас глаз, пестовать лучших и отбраковывать выродков. — Она довольно кивнула, не усматривая в своей логике изъяна. — Это мы, женщины, оказались не на высоте и позволили произойти тому, что произошло.

— Да ты на сто процентов лишилась рассудка, Дэна! — буркнул Гордон. Он уже смекнул, куда она клонит: она предприняла очередную попытку обвести его вокруг пальца и заставить согласиться с новым сумасшедшим планом постижения победы в войне. Только на этот раз у нее ничего не выйдет.

Одной части его естества сейчас хотелось, чтобы доморощенная амазонка ушла восвояси и оставила его в покое. Однако ее запах сделал свое дело. И несмотря на то что глаза его были закрыты, Гордон знал, что ее домотканая сорочка беззвучно упала на пол и она задула свечу.

— Возможно, я и ненормальная, — сказала Дэна, — но я знаю, о чем говорю. — Она прижалась к нему. — Знаю! Это наша вина.

Прикосновение ее гладкой кожи подействовало на него как удар током. Его тело помимо воли откликнулось на близость женщины, как ни пытался он сохранить хотя бы крупицу гордости и забыться сном.

— Но мы, женщины, больше такого не допустим, — шептала Дэна. Она скользила кончиком носа по его шее и водила пальцами по плечам и груди. — Теперь мы разбираемся в мужчинах: кто из них герои, а кто ублюдки, и как разглядеть разницу. В себе мы тоже стали разбираться гораздо лучше.

Ее кожа горела огнем. Руки Гордона уже обнимали ее и принуждали растянуться рядом.

— В этот раз, — выдохнула Дэна, — все будет по-другому.

Гордон решительно закрыл ей рот поцелуем: надо же было хоть как-то прервать поток ее красноречия.

5

— Сейчас маленький Марк продемонстрирует, что нашим новым инфракрасным прибором ночного видения может пользоваться даже ребенок. Он снабжен лазерным обнаружителем и может выхватить цель даже из кромешной тьмы.

Совет обороны долины Уилламетт восседал за длинным столом в самой большой аудитории, какая только была в университете штата Орегон, и взирал на Питера Эйга, демонстрировавшего последнее «секретное оружие», созданное в лабораториях служащими Циклопа.

Свет погас, двери затворились, и Гордон едва мог различить теперь долговязого конструктора. Зато его голос сделался подобен грому.

— В глубине зала мы посадили в клетку мышь, олицетворяющую вражеского лазутчика. Марк включает снайперский прицел... — В темноте раздался негромкий щелчок. — Он ищет мышь по тепловому излучению.

— Вижу! — раздался чистый детский голосок.

— Умница! Теперь Марк ловит зверька лазерным лучом...

— Поймал!

— ...и фиксирует луч. Наш прибор преобразует лазерные частоты, и мы все видим мышь!

Гордон впился взглядом в темноту, но так ничего и не увидел. Кто-то из зрителей хихикнул.

— Ее, видать, уже слопали, — предположил чей-то голос.

— Ага. Лучше настройтесь на кошку. — Кто-то весело мяукнул.

Как ни стучал председатель Совета своим молотком, Гордон присоединился к хохоту остальных остряков. Он бы с радостью добавил что-нибудь от себя им в тон, но его голос все хорошо знали. Он исполнял здесь слишком серьезную роль, и его шутка прозвучала бы обидно.

Внизу слева конструкторы затеяли какую-то возню, сопровождаемую перешептыванием. Потом кто-то попросил зажечь свет. Замигали лампы дневного света, и члены Совета принялись протирать глаза.

Десятилетний Марк Эйг — тот самый мальчик, которого Гордон спас от холнистов среди руин Юджина несколько месяцев тому назад, — снял с головы шлем с прибором ночного видения и сказал:

— А я видел мышь! Отлично видел. И поймал ее лазерным лучом. Только никак не переклю-

чались цвета.

Питер Эйг был смущен. Его коллеги возились с громоздким устройством.

— Вчера прибор выдержал пятьдесят испытательных включений, — объяснил он. — Наверное, забарахлил конвертор параметров. Бывает. Разумеется, это всего лишь прототип. Никто в Орегоне не пытался сделать чего-либо подобного уже лет двадцать. Прежде чем запустить его в производство, мы должны будем устранить неполадки.

Совет обороны состоял из трех групп людей. Двое мужчин и женщина, одетые так же, как Питер, в белые с черным халаты служащих Циклопа, закивали, подтверждая его слова. Остальные члены Совета не проявили такой же понятливости.

Справа от Гордона сидели двое в таких же синих форменных рубахах и кожаных куртках, как и у него. На рукавах курток красовались нашивки с орлами, взмывающими в небо с погребального костра, и надпись:

ПОЧТОВАЯ СЛУЖБА ВОЗРОЖДЕННЫХ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Коллеги Гордона по «почте» переглянулись; один театрально закатил глаза.

В центре стола расположились две женщины и трое мужчин, включая председателя Совета,

представлявшие территории, образовавшие союз. Это были округа, когда-то объединившиеся благодаря вере в Циклопа, затем сплоченные растущей почтовой сетью, а в последнее время сбившиеся в кучу из-за страха перед общим врагом. Одеты они были кто во что горазд, но каждый носил на рукаве повязку с яркими буквами "W" и "V", обозначавшими «Willamette Valley» ["Долина Уилламетт" (англ)]. Хромированные символы — единственное, чего в армии имелось в достатке: брошенные автомобили оказались неисчерпаемым источником.

Первым заговорил один из этих невоенных членов Совета:

— Сколько таких игрушек вы сможете поставить армии к весне?

— Ну... — Питер задумался. — Если очень постараемся, то примерно дюжину к концу марта.

— И, насколько я понимаю, для всех потребуется электричество.

— Мы сумеем изготовить переносные аккумуляторы. Комплект будет весить не больше пятидесяти фунтов.

Фермеры переглянулись. Женщина, представлявшая индейские общины Каскадных гор, выразила общую точку зрения:

— Не сомневаюсь, что эти ночные прицелы помогут отразить внезапное нападение на крупный населенный пункт. Но хотелось бы знать, на что они будут годны после того, как растает снег и эти любители отрезать части тела станут накатываться на нас волнами, сжигая наши, деревушки одну за другой? Не можем же мы загнать все население в Корваллис: спустя неделю-другую начнется повальный голод.

— Точно, — поддакнул один из фермеров. — Где же все сверхоружие, которое вы, умники, собирались сварганить? Не иначе как вы выключили Циклопа, а?

Настал черед переглядываться служащим Циклопа. Главный среди них, доктор Тайфер, протестующе повысил голос:

— Это несправедливо! У нас совершенно не было времени! Циклоп создавался для мирных целей и должен перепрограммировать сам себя с мира на войну. Даже если он разработает величественные планы, претворять их в жизнь придется обычным людям со всеми их недостатками.

Гордон не верил своим ушам: Тайфер казался не на шутку уязвленным, он защищал от нападок своего механического оракула, которого в долине по-прежнему почитали, как великого волшебни-

ка страны Оз.

Представитель северных территорий с должным уважением, но с не меньшим упорством покачал головой.

— Я вовсе не намерен критиковать Циклопа. Уверен, он выпекает идеи с максимально возможной скоростью. Просто не возьму в толк, чем ночной прицел лучше аэростата, о котором вы все время твердите, или газовых бомб и хитроумных мин-ловушек. Всего этого не хватит, чтобы переломить ход событий! Ну, наделаете вы их сотни, тысячи — от этого был бы толк, если бы вы сражались с настоящей армией, как во Вьетнаме или в Кении перед самым Светопреставлением. Но против этих бестий они бессильны!

Гордон хранил молчание, но мысленно соглашался с выступающим. Доктор Тайфер опустил глаза. После шестнадцати лет мирного, добродушного умничанья и снабжения местных фермеров некоторым количеством отремонтированных диковин из XX века, отчего те пребывали в состоянии завороженности, от него и его специалистов требовали теперь настоящих чудес. Ремонта игрушек и ветряков будет отныне недостаточно, чтобы производить впечатление на требовательную публику.

Мужчина, сидевший справа от Гордона, — Эрик Стивенс, дед юного Джонни Стивенса, — заерзал на месте. На старике была та же форма, что и на Гордоне; он представлял верховья реки Уилламетт, где несколько городков к югу от Юджина недавно присоединились к союзу.

— Давайте смотреть правде в глаза, — призвал Стивенс. — Штучки Циклопа иногда приносят пользу. И без того укрепленные позиции станут благодаря им еще надежнее. Однако все мы, кажется, согласны с тем, что для противника они будут всего лишь досадной помехой. Гордон предупреждает, что нам нечего в ближайшее время надеяться на помощь цивилизованного востока. Пройдет лет десять, а то и больше, прежде чем Возрожденные Соединенные Штаты сумеют продемонстрировать здесь свою мощь. Нам придется держаться все это время, дожидаясь восстановления контакта с остальной страной.

Старик оглядел слушателей.

— И выход у нас один: драться! — Он ударил кулаком по столу. — Все возвращается на круги своя: исход будет зависеть от настоящих мужчин.

За столом согласно закивали головами. Однако Гордон не забывал про Дэну: сидя в одном из

передних рядов, она ждала своей очереди обратиться к Совету. Дэна возмущенно покачала головой, и ее мысли не представляли для Гордона тайны.

«Не только от мужчин...» — думала она. На высокой девушке была форма служащей Циклопа, однако Гордон знал, чему она предана на самом деле. Рядом с ней сидели ее ученицы: женщины-скауты в куртках из оленьей кожи, такие же эксцентричные особы, как и их предводительница.

До сих пор Совет отвергал их предложения. Девушкам еле-еле позволили вступать в армию. На и то благодаря остаточному уважению к старомодному феминизму, не покинувшему цивилизованную долину.

Но сегодня над столом витало отчаяние. Новости, доставленные Джонни Стивенсом с юга, оказались ударом под дых. Совсем скоро, когда окончатся снегопады и снова зарядят теплые дожди, члены Совета дозреют до того, чтобы ухватиться за любой план, пусть и совершенно безумный.

Гордон решился выступить, пока дело не приняло совсем уж скверный оборот. Стоило ему поднять руку, как председатель поспешил предо-

ставить ему слово.

— Убежден, что Совет благодарен Циклопу и обслуживающим его ученым за их неустанный труд. — Присутствующие согласно закивали, Тайфер и Питер Эйг опустили глаза. — Впереди еще шесть-восемь недель благоприятствующей нам холодной погоды, после чего противник возобновит активные действия. Судя по докладам комитетов по военной подготовке и по организации, нас ждет немало дел.

Действительно, утренний перечень невзгод начался с доклада Филиппа Бокуто. Гордон вздохнул и продолжил:

— Когда прошлым летом холнисты пошли в наступление, я предупреждал, что на помощь остальной страны надеяться нечего. Создание почтовой связи, которым я занимаюсь при вашем содействии, — это только первый шаг в длительном процессе объединения континента. Еще много лет Орегон останется в одиночестве.

Он научился говорить неправду, произнося слова, каждое из которых являлось неопровержимой истиной. Он достиг в этом деле мастерства, однако гордиться этим было трудно.

— Не стану ходить вокруг да около. То, что из района Розберга нам прислали столь скудную

помощь, для нас чувствительный удар. У южан есть опыт, к тому же там появились подлинные лидеры, которых так недостает нам. Мое мнение: необходимо все же убедить их оказать нам помощь — вот самая главная наша задача. — Он перевел дух. — Я сам отправлюсь на юг и попытаюсь заставить их передумать.

Эти слова вызвали мгновенный и бурный отклик.

— Это сумасшествие, Гордон? Вы не можете!.. Вы нужны нам здесь!

Он закрыл глаза. За четыре месяца ему удалось сколотить союз, способный отразить натиск врага. Инструментом ему служил при этом талант рассказчика, лицедея, лжеца...

Однако он не питал иллюзий, будто стал настоящим лидером. Армию Уилламетта удерживал в боеспособном состоянии его образ, его легендарный авторитет «инспектора», олицетворяющего национальное возрождение.

«Страна, от которой осталась единственная трепещущая искорка... Скоро и она нарочно погаснет, если что-то не предпринять, и без промедлениям Не могу я вести за собой этих людей: им нужен полководец, воин!»

Им подавай человека под стать Джорджу Па-

ухатану.

Он поднял руку, призывая всех к тишине.

— И все-таки иного выхода у нас нет. Прошу вас пообещать мне, что в мое отсутствие вы не согласитесь ни на какие безумные авантюры.

Он в упор посмотрел на Дэну. Она не отвела взгляд, но губы ее были плотно сжаты. Мгновение спустя ее глаза затуманились, и она отвернулась.

Что ее беспокоит больше — его судьба или участь ее плана?

— Я вернусь до наступления весны, — пообещал он. — С подкреплением. — И добавил так, что его никто не расслышал: — Или умру.

6

На подготовку ушло три дня. Все это время Гордон нервничал и рвался в дорогу.

Однако назревала настоящая экспедиция: Совет настоял, чтобы Бокуто и еще четверо сопровождали Гордона по крайней мере до Коттедж-Гроув. Джонни Стивенс и один из добровольцев-южан поскакали вперед, чтобы разведать дорогу; кроме того, о приезде инспектора положено оповещать заблаговременно.

Гордон относился ко всей этой суете с нескры-

ваемым презрением. Ему достаточно было бы провести с Джонни какой-то час над картой. Быстроногий конь и вьючная лошадь стали бы не меньшей гарантией его невредимости, чем целый эскадрон охраны.

Особенно ему было не по душе то, что с ним отправляется Бокуто, который так необходим здесь. Но переубедить Совет не удалось. Вопрос стоял однозначно: либо согласиться на условия Совета, либо вообще отменить поездку.

Отряд вышел из Корваллиса ранним утром. От лошадей валил пар, когда они скакали рысью мимо бывшего спортивного городка университета. Там, несмотря на колючий холод, занимались шагистикой новобранцы. Хотя все они были закутаны с ног до головы, поющие голоса свидетельствовали: готовился свежий набор в гвардию Дэны.

Если мой жених рыгает,
Курит, пьет, хамит, икает,
Лучше замуж не ходить,
Лучше замуж не ходить.
Чем всю жизнь с невежей драться,
Лучше в девушках остаться.
Нет уж, замуж не пойду,

Нет уж, замуж не пойду.

Войско стояло по стойке «смирно», когда всадники проследовали мимо. Выражения лица Дэны Гордон не мог разглядеть на таком расстоянии, но все равно почувствовал ее пристальный взгляд.

Прощание их происходило бурно. Гордон не был уверен, что даже в довоенной Америке, с ее тогдашним бесконечным разнообразием в отношениях полов, смогли бы подобрать определение для их связи. Он испытывал облегчение, расставаясь с Дэной, однако знал, что ему будет ее недоставать.

Слушая распевающие бравурную песенку девичьи голоса, Гордон почувствовал, как у него сжимается горло. Он попытался прогнать это чувство, убеждая себя, что последовательницы Дэны все же беззаветно храбрые бойцы, однако страх за девушек так и остался при нем.

Отряд мчался мимо цепенеющих в снегу садов, чтобы до заката достичь Рауленда. Фронт проходил совсем рядом — всего в дне пути от хрупкого оплота псевдоцивилизации. Дальше раскинулась страна беззакония.

В Рауленде их попотчевали новыми слухами: группа холнистов якобы уже основала свое герцогство на руинах Юджина. Беженцы рассказы-

вали о бандах варваров в белых маскировочных халатах, никому не дающих спуску, сжигающих жилища, уносящих еду, угоняющих в рабство и мужчин, и женщин.

Юджин действительно представлял собой проблему: ведь отряду предстояло проскочить мимо его развалин.

Осторожный Бокуто настоял на кружном пути. Гордон хмурился и не открывал рта, пока они три дня ковыляли по обледеневшему асфальту сперва на восток к Спрингфилду, потом снова на юг, чтобы в конце концов оказаться возле укрепленного Коттедж-Гроув.

Несколько городков к югу от Юджина лишь недавно объединились с более зажиточными северными общинами. И вот теперь захватчики почти что отрезали их от севера.

Мысленно представляя себе весь Орегон, Гордон причислил две трети его территории, лежащие на востоке, к диким землям: здесь простирались бесплодные высокогорья, поля застывшей лавы, здесь тянулись к небу вершины Каскадных гор.

На западе пролегала омываемая серыми волнами Тихого океана и частыми дождями полоса побережья.

Северная и южная оконечности штата также

были практически недосягаемы: на севере долина реки Колумбии так и не оправилась от взрывов бомб, которые смели с лица земли Портленд и прорвали дамбы на реке. На юге на сотню миль протянулось гористое ущелье, по дну которого протекала река Рог. Дальше лежала неведомая Калифорния.

Даже в более счастливые времена территория вокруг Мэдфорда считалась враждебной. Еще до Светопреставления поговаривали, что в долине Рог-Ривер наберется больше тайников с припрятанными пулеметами, чем где бы то ни было за пределами флоридских болот.

Шестнадцать лет назад, когда власти еще пытались сохранить управление штатом, чума «мастеров выживания» нанесла решающий удар, сокрушив цивилизованный мир. В южном Орегоне последователи Натана Холка свирепствовали как нигде. Судьба, постигшая злополучных обитателей этих мест, так и осталась неизвестной.

Между пустыней и океаном, радиацией и безумными холнистами цеплялись за жизнь две горстки людей, не околевшие в Трехлетнюю зиму и пока еще не соскребающие с себя грязь, как дикие звери... Одна из них удерживалась на севере,

в долине Уилламетт, другая — на юге, в районе Розберга. В самом начале казалось, что южане обречены на рабство или даже худшую участь, ибо их неминуемо поработят новые варвары.

Но потом где-то в междуречье Ампкуа и Рог случилось непредвиденное: заразе был поставлен заслон, враг остановлен. Гордону больше всего на свете хотелось разобраться, как это получилось, прежде чем смертельная болезнь поразит незащищенную долину Уилламетт.

На карте штата, существовавшей в голове у Гордона, отвратительный красный язык тянулся от плацдарма врага в Юджине на запад. Поэтому Коттедж-Гроув и оказался почти отрезан от союзников.

Уже в миле от города стало ясно, как плохо обстоят там дела. Вдоль дороги висели шесть трупов, распятые на накренившихся телеграфных столбах. Варвары оставили на телах уродливые отметины.

— Снимите их, — приказал Гордон. Сердце его колотилось, во рту пересохло. Именно на такую реакцию и рассчитывал враг, преследовавший цель запугать путника. По всей видимости, жители Коттедж-Гроув даже не патрулировали ближайшие окрестности своего города. По

углам новых укреплений вдоль восточной границы стояли сторожевые башни. Все постройки, остававшиеся за пределами укреплений, были снесены, благодаря чему образовалась широкая простреливаемая полоса.

Из-за беженцев население городка выросло втрое, причем большая их часть ютилась в переполненных хибарах сразу за главными воротами. Дети, уцепившись за юбки изможденных женщин, глазели на всадников, явившихся с севера. Мужчины держались кучками, грея руки над кострами. Дым смешивался с испарениями немытых тел, и вокруг стоял весьма неприятный запах.

Некоторые мужчины выглядели подозрительно. Гордон не сомневался, что многие из них — холнистские лазутчики, только прикидывающиеся беженцами. Такое неоднократно случалось и прежде.

Приезжих ждали дурные вести. В городском совете им сообщили, что мэр Питер Ван Клик погиб, угодив всего несколько дней тому назад в засаду вместе с отрядом, который он повел на выручку осажденному союзному поселению. Утрата была невосполнимой, и Гордон совсем пал духом. Теперь он понимал, почему на промерзших улицах

городка царит тревожное безмолвие.

Вечером в отблеске факелов на запруженной людьми площади он произнес вдохновенную речь. Впрочем, толпа аплодировала вяло. Его дважды сбивал с мысли треск ружейной перестрелки, доносившийся из-за стен, с лесистых холмов.

— После того как растает снег, они продержатся не больше двух месяцев, — шепотом поделился с ним своими опасениями Бокуто на следующий день, когда они покинули Коттедж-Гроув. — А то и двух недель, если проклятые холнисты поднажмут.

Ответа от Гордона не требовалось. Городок был как бы чекой гранаты для северного союза. Стоит сорвать эту чеку — и ничто не сможет предотвратить взрыва: враг повернет на север, проникнет в сердце долины, и тогда Корваллису не устоять.

Ответа от Гордона не требовалось. Городок был как бы чекой гранаты для северного союза. Стоит сорвать эту чеку — и ничто не сможет предотвратить взрыва: враг повернет на север, проникнет в сердце долины, и тогда Корваллису не устоять.

К югу от брошенного населением городка под названием Лондон они отклонились в сторону от сузившегося речного русла. Дальше шла необи-

таемая территория, где вехами были только развалины ферм и заправочных станций.

До сих пор путники хранили молчание. Однако теперь они могли перевести дух, ибо даже осмотрительный Филипп Бокуто не сомневался, что они оставили позади холнистские разъезды. Теперь можно разговаривать, а значит, и смеяться.

Всем им было за тридцать, поэтому они затеяли игру «Угадай-ка», а потом принялись травить старые анекдоты, в которых новое поколение не обнаружило бы ни малейшего смысла, и беззлобно препираться из-за полузабытых спортивных интриг. Гордон едва не вывалился из седла от смеха, когда Аарон Шиммель забубнил в нос, подражая знаменитым телевизионным ведущим 90-х годов.

— Поразительно, как много подробностей из нашей юности держит про запас память, — поделился он с Бокуто. — А ведь всегда считалось, что это один из признаков старения — способность с большей легкостью припомнить события двадцатилетней давности, нежели совсем свежие.

— Вот-вот, — согласился Бокуто и старческим голосом сварливо осведомился: — Так о чем это мы сейчас говорили?

Гордон приложил ладонь к уху.

— Ась? Ни слова не разберу. А все былая привычка слушать рок-н-ролл.

Всадники уже привыкли к злым порывам утреннего ветра и негромкому топоту лошадиных копыт по поросшему травой шоссе. Земля вокруг успела покрыться растительностью, в леса вернулись олени, однако человек еще не скоро возвратится сюда и вдохнет жизнь в брошенные селения.

Оставив позади извилистые притоки Уилламетт, отряд преодолел гряду холмов и спустя день очутился на берегу новой реки.

— Ампкуа, — сказал проводник.

Северяне остановили коней. Этот ледяной поток несся не в мирную Уилламетт, которая в свою очередь впадала в великую Колумбию. Нет, эти бурные воды устремлялись прямиком на запад, к океану.

— Добро пожаловать в солнечный Южный Орегон, — провозгласил присмиревший Бокуто.

Небо здесь было почти безоблачным, даже деревья казались более раскидистыми и дикими, чем на севере.

Впечатление дикой суровости подтвердилось, когда им стали попадаться небольшие укрепленные селения. Молчаливые мужчины, сузив глаза,

издали наблюдали за отрядом и пропускали его дальше, не окликая. Об экспедиции они знали заранее, и было ясно, что хотя здешний люд ничего не имеет против почтальонов, однако относится с подозрением к любым чувакам.

На ночлег остановились в деревушке Сатерлин, и Гордон поближе познакомился с местным образом жизни. Дома здесь были просторные и пустые, без удобств, еще сохранившихся на севере. Почти никто не избежал отметин, оставленных болезнями, недоеданием, непосильным трудом и войной.

Пусть местные жители и не позволяли себе непочтительных замечаний, все равно было нетрудно догадаться, что они думают о пришельцах с Уилламетта.

Маменькины сынки!

Вожаки держались предупредительно, однако не умели скрыть подлинного отношения: если холнисты уходят с юга, то зачем нам вмешиваться?

Спустя день Гордон встретился в торговом центре Розберга с комитетом лидеров окрестных селений. Из прошитых пулями окон открывался вид, напоминающий о наихудших моментах семнадцатилетней войны с варварами с Рог-Ри-

вер. Полоса сплошных разрушений указывала на рубеж, где почти десятилетие назад был остановлен, а затем и отброшен враг, устремившийся было в глубокий прорыв. С тех пор дикие «мастера выживания» ни разу не забирались так далеко. Гордон чувствовал, что место встречи выбрано со значением.

Здесь царили совсем другие настроения, преобладал совсем другой тип людей. Никто не проявил любопытства к легендарному Циклопу и к неуверенному возрождению технологий. Даже весть о государстве, восстающем из пепла далеко на востоке, почти не вызвала интереса. Не то чтобы эти рассказы встречались с недоверием — просто людей из Глайда, Уинстона и Лукингласса все это мало заботило.

— Мы напрасно теряем время, — вспылил Бокуто. — Эта деревенщина слишком давно воюет, поэтому думать забыла о чем-то, кроме каждодневного выживания.

Гордон же не исключал, что в этом как раз и заключается преимущество местных молчунов.

Впрочем, Филипп оказался прав: суждения всяческих боссов, мэров, шерифов и иже с ними мало что значили. Они кичились своей независимостью, однако было совершенно очевидно,

что в этих местах имеет вес слово только одного человека.

Через два дня с запада прискакал на взмыленном коне Джонни Стивенс. Ни на кого не глядя, он спешился и, задыхаясь, бросился к Гордону. Сообщение, которое он принес на этот раз, уложилось в одно слово: «Приезжайте».

Джордж Паухатан дал согласие выслушать их просьбу.

7

Горы Каллахан, взметнувшиеся в семидесяти милях от океана, отделяли долину Камас от Розберга. У подножия их вился, устремляясь на запад, главный рукав речки Кокилл; пробежав под несколькими разрушенными мостами, он сливался с еще двумя рукавами близ горы, носящей название Сахарная Голова.

На севере долины выросли изгороди, разделяющие припорошенные сейчас снегом пастбища. Над укрепленными поселениями, вскарабкавшимися на холмы, тянулись к небу дымки. На южном берегу реки — лишь затянутые колючим кустарником развалины.

Броды через реку оказались неохраняемы. Это

удивило путешественников, поскольку именно в этой долине армии холнистов было оказано самое ожесточенное сопротивление и нанесен сокрушительный удар.

Кэлвин Льюис — темноглазый молодой человек с растрепанными волосами — пустился в объяснения. Он служил проводником Джонни Стивенсу с тех пор, как тот впервые попал в Южный Орегон. Рассказывая, он указывал рукой то влево, то вправо.

— Укрепления не могут служить охраной реки, — втолковывал он слушателям низким, неторопливым голосом. — Мы обороняем северный берег, то и дело переправляясь на противоположную сторону и отлично зная, что там творится.

Филипп Бокуто согласно кивал. Он поступил бы точно так же. Джонни Стивенс отмалчивался, поскольку слышал все это уже не в первый раз.

Гордон осматривал деревья, стараясь обнаружить среди ветвей наблюдателей. Он не сомневался, что наблюдательные посты есть у обеих сторон, и обе знают о продвижении экспедиции. Иногда он замечал какое-то движение или отблеск стекол бинокля, однако людей так и не увидел. Здешние вояки смогли бы дать фору любому в армии Уилламетта, исключая разве что

самого Фила Бокуто.

На юге воевали не армии, здесь не практиковали кампаний, осад и стратегических бросков. Скорее эта война напоминала боевые действия индейских племен, когда победу приносит стремительный кровавый рейд, позволяющий добыть побольше скальпов.

«Мастера выживания» освоили эту тактику в совершенстве. Не привыкшие к подобным действиям жители долины Уилламетт станут для них легкой добычей.

Однако здешние фермеры все же сумели остановить бандитов. Гордон не считал приличным для себя вслух оценивать способы защиты южан и предоставил Бокуто засыпать проводника вопросами. Гордон знал, что подобное умение приобретается в течение целой жизни. Он находился здесь с единственной целью: не приобретать опыт, а убеждать.

Со старой дороги, вьющейся по склону горы Сахарная Голова, открывался захватывающий вид на сливающиеся в единый поток рукава реки Кокилл. Засыпанные снегом сосновые леса выглядели так, словно там никогда не ступала нога человека; начинало казаться, что ужасы последних семнадцати зим имели значение лишь для

каких-то мелких созданий, чья возня никак не влияет на участь планеты.

— Иногда эти мерзавцы пытаются просочиться к нам, используя большие каноэ, — продолжал Кэл Льюис. — Южный рукав тянется сюда от самой Рог-Ривер, и стремнина в месте слияния с остальными рукавами — будь здоров. — Молодой человек усмехнулся. — Впрочем, Джордж неизменно знает, что нам грозит, и встречает их в полной боевой готовности.

Упоминание о вожде селений, разбросанных в долине Камас, как всегда, прозвучало восхищенно и одновременно трепетно. Уж не употребляет ли-он на завтрак устриц? Не поражает ли неприятеля ударами молний? Гордон такого наслушался про Джорджа Паухатана, что был готов поверить любым небылицам.

Бокуто, раздув ноздри, натянул поводья и остановил Гордона движением руки. Автомат бывшего морского пехотинца был нацелен в сторону предполагаемого врага.

— В чем дело, Фил? — Гордон взял наизготовку карабин, озирая лесистый склон. Кони храпели, топтались на месте, им передалось волнение седоков.

— Это... — Бокуто принюхался. Его глаза недо-

верчиво сузились. — Чую медвежье сало.

Кал Льюис посмотрел на верхушки деревьев за дорогой и улыбнулся. Из-за выступа скалы раздался низкий, хриплый смех.

— Отлично, дружище! У тебя острый нюх!

Перед изумленным Гордоном и его спутниками выросла на фоне елей сутулая фигура, озаряемая полуденным солнцем. Гордон похолодел, затрудняясь определить, обычный фермер перед ним или знаменитый Саскуатч — Снежный Человек Северо-Запада.

Потом фигура сделала шаг вперед, и все увидели костлявое лицо мужчины средних лет с перехваченными расшитой лентой длинными волосами. Короткие рукава домотканой рубахи оставляли открытыми могучие бицепсы. Холод не был для этого силача помехой.

— Я — Джордж Паухатан, — с улыбкой сообщил он. — Добро пожаловать на гору Сахарная Голова, джентльмены.

Гордон судорожно сглотнул. Голос силача соответствовал его внешности: он звучал так властно, что ни о каком притворстве здесь не могло идти и речи. Паухатан раскинул в стороны ручищи.

— Сюда, востроносый! И вы, обладатели чудной формы! Что, попахивает медвежьим салом? Тогда

прошу ко мне в гости! Сейчас увидите, какая это чудесная вещь!

Пришельцы успокоились и опустили стволы, обезоруженные его искренним смехом.

«Какой там Снежный Человек! — подумалось Гордону. — Радушный горец, и ничего больше». Похлопывая по шее своего всхрапывающего коня, он думал о том, что и сам, похоже, испугался медвежьего духа.

8

Владыка Сахарной Головы пользовался медвежьим салом в кувшинах для предсказания погоды, усовершенствовав народный метод с помощью собственных наблюдений. Он также разводил высокоудойных коров и овец, дающих большой настриг шерсти. Его теплицы, обогреваемые путем сжигания метана, получаемого методом разложения биомассы, круглый год, даже в суровую зиму, полнились свежими овощами.

С особой гордостью Джордж Паухатан демонстрировал свою пивоварню: его пиво считалось непревзойденным в четырех округах.

На стенах жилища, расположенного в центре

поселения, висели тканые коврики и детские рисунки. Гордон ожидал увидеть здесь оружие и воинские трофеи, однако не обнаружил ничего похожего. Стоило гостю оказаться внутри высокой ограды, укрепленной земляной насыпью, как он получал редкую возможность напрочь забыть о нескончаемой войне.

В первый день Паухатан даже отказывался говорить о делах. Вместо этого он таскал гостей по селению, а также лично наблюдал за приготовлениями к празднеству в их честь. Ближе к вечеру, когда прибывшие разошлись по своим комнатам отдыхать, хозяин куда-то пропал.

— Кажется, он удалился в западном направлении, — ответил Бокуто на недоуменный вопрос Гордона. — Туда, где у него ложный пост.

Поблагодарив друга, Гордон устремился туда же по усыпанной гравием дорожке, петляющей среди деревьев. Час за часом Паухатан виртуозно избегал любых серьезных разговоров, отвлекая внимание гостей разными диковинами и не уставая черпать из своего неистощимого запаса сельской премудрости все новые.

Гордон опасался, что и вечером, при большом стечении желающих поглазеть на «инспектора», разговора не получится. Он, разумеется, знал, что

не стоит проявлять нетерпение. Однако ему осточертели толпы. Он хотел поговорить с Джорджем Паухатаном наедине.

Гордон выследил его на крутом утесе, под которым кипела вода сразу трех рукавов реки, сливающихся воедино. На западе золотился прибрежный хребет, приобретавший с закатом темно-оранжевый оттенок. Тучи над ним горели сейчас всеми цветами осенней листвы.

Джордж Паухатан сидел в позе лотоса на простой тростниковой циновке, положив руки на колени ладонями кверху. Выражение его лица напомнило Гордону сравнение, бытовавшее до войны, — «улыбка Будды».

«Ну и сюрприз! — мелькнуло у него в голове. — Последний неохиппи! Кто бы мог подумать?»

Из-под безрукавки горца виднелась побледневшая татуировка на мускулистом плече — могучий кулак с оттопыренным пальцем, на котором примостилась голубка. Ниже читалась надпись: «AIRBORNE» ["Воздушный десант" (англ.)].

Кажущееся противоречие внешности и татуировки не особенно удивило Гордона. Не стало для него неожиданностью и умиротворенное выражение лица Паухатана. Все почему-то казалось соответствующим одно другому.

Гордон знал, что кодекс вежливости не требует, чтобы он удалился; главное — не мешать медитации. Он не спеша расчистил для себя местечко в нескольких футах справа от Паухатана и тоже опустился на землю, повернувшись лицом в ту же сторону. Гордон даже не попытался принять позу лотоса — он не практиковался в этом искусстве с семнадцатилетнего возраста. Он лишь уселся с прямой спиной и попытался прогнать любые мысли, чтобы наслаждаться сменой цветов заката, глядя в направлении невидимого океана.

Сперва он мог думать лишь об одном: до чего ему неудобно сидеть, а также о том, как болит его тело после беспрерывной тряски в седле и ночевок на жестких камнях. Стоило солнцу спрятаться за грядой гор на западе, как его принялся терзать колючий ледяной ветер. Мозг Гордона превратился в растревоженный муравейник звуков, забот, воспоминаний...

Однако совсем скоро без всяких усилий с его стороны веки налились свинцом, опустились и так застыли, более неспособные к движению — ни смежиться окончательно, ни подняться.

Если бы он не понимал, что с ним творится, впору было бы запаниковать. Однако он узнал это ощущение — легкий транс, сопровождающий

медитацию. «Ну и черт с ним», — подумал он и не стал бороться с собой.

Уж не поступил ли он так, вознамерившись соперничать с Паухатаном? Как бы тот не вообразил, что остался единственным сыном Ренессанса, сохранившим сладостные воспоминания...

Или дело всего лишь в усталости и неописуемой красоте заката?

Гордон чувствовал внутри небывалую пустоту, словно оба легких закупорились, причем уже давно. Он попытался вздохнуть поглубже, но ритм его дыхания ни на йоту не изменился, словно телу была ведома мудрость, недоступная рассудку. Покой, разлившийся по его лицу, застывшему на холодном ветру, заструился вниз, прикасаясь к горлу, словно нежные женские пальчики, пробежал по неподвижным плечам, массируя его мышцы — и так до тех пор, пока они сами собой не расслабились.

«Краски...» — думал он, не видя ничего, кроме неба. Удары сердца легонько сотрясали все тело.

С тех пор как он в последний раз сидел вот так, отрешившись от всего, минула целая вечность. Или просто у него в душе накопилось слишком много лишнего, такого, от чего необходимо избавиться?

«Они меняются...»

Наступил момент облегчения, какого он ни за что бы не достиг, если бы сознательно, усилием воли стремился к нему. Ощущение «закупорки» легких пропало, он снова мог дышать. Затхлый воздух вылетел вон, унесенный западным ветром. Дыхание сделалось необыкновенно сладким.

«Краски меняются...»

Слева от него послышался шорох. Спокойный голос произнес:

— Раньше я спрашивал себя, уж не являются ли эти закаты последним даром Господним, подобно радуге, подаренной им Ною, только на сей раз с иным смыслом, как бы в знак прощания со всеми нами...

Он ничего не ответил Паухатану: в этом не было необходимости.

— Но после многолетних наблюдений за сменой красок я догадался, что атмосфера постепенно становится чище. Закаты теперь уже не те, какими они были сразу после войны.

Гордон кивнул. Почему прибрежные жители воображают, будто обладают монополией на закаты? Он вспомнил закаты в прериях, сразу после Трехлетней зимы, когда небеса впервые расчистились, выпустив на свободу солнце. Тогда

ему показалось, будто небеса распахнули перед землянами всю свою убийственную по яркости палитру.

Даже не заботясь о том, чтобы проверить свое ощущение, Гордон знал, что Паухатан ни разу не пошевелился. Он сидел, не меняя позы, и блаженно улыбался.

— Однажды, — молвил седовласый мудрец, — лет, наверное, десять тому назад, я сидел здесь же, в этой же позе, оправляясь от недавно полученной раны и любуясь закатом; внезапно я заметил что-то или кого-то, какое-то скольжение внизу на реке. Сперва я решил, что это люди. Я тотчас вышел из медитации и наклонился над пропастью, стараясь разглядеть получше. И тут, несмотря на высоту, что-то подсказало мне, что это не враги. Тогда я подобрался на несколько сот метров ближе и поднял маленький бинокль, который всегда при мне.

То были совсем даже не люди! Представьте себе мое удивление, когда я увидел их на берегу реки, держащихся за руки и помогающих друг дружке карабкаться на камни; самка что-то верещала, таща в руках какой-то сверток...

Господи, да это же пара шимпанзе! Или один шимпанзе, а с ним обезьяна помельче, может,

даже не человекообразная. Они пропали в чаще, прежде чем я сумел как следует их разглядеть.

В первый раз за целых десять минут Гордон моргнул. Вся картина представилась ему так явственно, будто он наблюдал ее через плечо Паухатана.

«Зачем он рассказывает мне все это?»

Паухатан продолжал:

— ...их, наверное, выпустили из Портлендского зоопарка вместе с леопардами, которые теперь совсем одичали в Каскадных горах. Простейшее объяснение состояло в том, что они год за годом продвигались на юг, отыскивая себе пропитание, скрываясь от любопытных глаз и помогая друг дружке, надеясь добраться до более теплых краев.

Потом я понял и другое: ведь они идут вдоль южного рукава Кокилла, прямиком на территорию холнистов!

Что я мог предпринять? Я подумывал, не пуститься ли за ними следом, чтобы поймать их или хотя бы заставить изменить маршрут. Однако потом усомнился, смогу ли я им действительно помочь. Скорее всего, я бы просто спугнул их. Кроме того, раз уж они сумели забраться так далеко, то нужен ли я им со своим участием?

Прежде они сидели в клетке, теперь же оказались на воле. Разумеется, я не был настолько глуп, чтобы вообразить, будто они стали счастливее, но по крайней мере они не зависели больше от чужой воли.

Голос Паухатана зазвучал приглушенно.

— Это уже немало...

Последовала новая пауза.

— Словом, я дал им уйти, — закончил он. — С тех пор я частенько, сидя здесь на закате, гадаю, какая судьба их постигла.

Веки Гордона уже давно смежились. Воцарилась тишина. Он глубоко дышал, стараясь избавиться от навалившейся тяжести. Паухатан хотел что-то донести до него своим необычным рассказом. Гордон, в свою очередь, тоже имел, что ответить...

— Долг человека — прийти на помощь другому, и это вовсе не то же самое, что зависеть от чужой воли...

Гордон осекся, почувствовав какую-то перемену. Его глаза открылись, и, повернувшись, он обнаружил, что Паухатана и след простыл.

* * *

В тот вечер для встречи с ним собралось больше людей, чем, казалось, вообще насчитывалось в этой малолюдной долине. Ради заезжего почтальона и его свиты жители устроили нечто вроде фольклорного фестиваля. Дети распевали песенки, команды взрослых соревновались в ловкости.

В отличие от севера Орегона, где в народные песни превратились бывшие шлягеры, звучавшие когда-то по телевизору и радио, здесь не возобладала увлеченность рекламным мотивчикам, а немногие рок-н-ролльные мелодии исполнялись все больше на банджо и акустической гитаре. В музыке взяли верх прежние традиции.

Бородатые мужчины, женщины в длинных платьях, прислуживающие у стола, пение при свете костров и масляных ламп — все это вполне могло происходить две сотни лет назад, когда в долине впервые поселились бледнолицые, нуждавшиеся в обществе друг друга в зимнюю стужу.

В соревновании певцов честь северян защищал Джонни Стивенс. Он притащил свою драгоценную гитару и заворожил слушателей своим

музыкальным дарованием, заставив их хлопать и топать ногами ему в такт.

Все это было прекрасным развлечением, и Гордон с радостью присоединился бы к остальным, предложив кое-что из своего прежнего репертуара, когда он еще не заделался «почтальоном», а был просто бродячим менестрелем, менявшим песни и байки на еду и преодолевшим таким способом половину континента.

Однако накануне отъезда из Корваллиса он ночь напролет слушал Дебюсси и джаз и сейчас не мог отделаться от беспокойства, что ему никогда больше не доведется услышать этих волшебных звуков...

Гордон догадывался, чего пытается добиться Джордж Паухатан, устроив этот чудесный праздник. Он откладывал решающую беседу, преднамеренно томил, пришельцев из долины Уилламетт, а сам тем временем изучал их.

Впечатление о горце, сложившееся у Гордона на вершине утеса, не изменилось с тех пор. Длинные локоны и безграничное добродушие только укрепляли его мнение о Паухатане как о стареющем воплощении типичного неохиппи. Набравшее силу в 90-х годах и давно уже почившее движение вполне соответствовало стилю

лидерства, который практиковал здешний предводитель.

К примеру, все в долине Камас были на первый взгляд равны и независимы. Однако стоило Джорджу засмеяться, как его смех мгновенно подхватывали остальные. Это получалось как бы само собой. Он не командовал, не отдавал распоряжений. Никому как будто и в голову не приходило, что может возникнуть необходимость в принуждении. Вокруг просто не происходило ничего такого, что вынудило бы его приподнять хотя бы бровь в знак недовольства.

В том, что именовалось бы прежде «пластическим» искусством и навыками, то есть не требовало работы по металлу и применения электричества, здешние умельцы нисколько не отстали от мастерок долины Уилламетт, а в чем-то даже превзошли их. Поэтому, несомненно, Паухатану и хотелось продемонстрировать гостям свою ферму: там было ясно видно, что об отсталости в его владениях не может идти и речи, просто люди восстанавливают цивилизацию ровно в той мере, в какой им хочется. Часть плана, вынашиваемого Гордоном, в том и заключалась, чтобы доказать Паухатану, насколько тот заблуждается.

Когда наступил момент извлечь из мешков «дары Циклопа», Гордон воодушевился. Люди с широко раскрытыми глазами наблюдали за компьютерной мультипликацией на цветных дисплеях, любовно восстановленных кудесниками Корваллиса. Гордон побаловал зрителей видео-шоу с участием динозавра и робота. Яркие персонажи и смешные звуки скоро вызвали у всех хохот, причем взрослые не отставали в веселье от детворы.

И все же Гордон подмечал в их настроении нечто, склонявшее его к унынию. Пусть зрители аплодировали и смеялись, однако они делали это, всего лишь отдавая должное забавному трюку. Показ компьютерных игр должен был возбудить в них аппетит, желание опять сделаться хозяевами высокой технологии. Однако Гордон не замечал в их взорах алчного огня и с каждой минутой утрачивал надежду, что в них снова возродится тяга к чудесам техники.

Несколько мужчин, правда, встрепенулись, когда настала очередь Филиппа Бокуто. Чернокожий десантник извлек им на радость из кожаного чемодана образцы нового оружия. Он демонстрировал газовые гранаты и мины и объяснял, как применять их, защищая позиции от

атакующих. Он расписывал прелести прицелов ночного видения, которые совсем скоро начнут выпускать в мастерских Циклопа. По рядам зрителей пробежала волна неуверенности — в основном это были украшенные шрамами ветераны многолетней войны со страшным врагом. Пока Бокуто разглагольствовал, все косились на мощную фигуру в углу.

Паухатан не сказал и не сделал ничего определенного. Оставаясь воплощением вежливости, он всего раз зевнул, предусмотрительно прикрыв рот. При появлении каждого нового образца он снисходительно улыбался, и Гордон с ужасом наблюдал, как, пользуясь столь умеренными средствами, он вразумляет своих подопечных, намекая им, что все эти подарки оригинальны, даже занятны, но не имеют ни малейшего отношения к их подлинным заботам.

Вот негодяй! Гордон терялся в догадках, как его сломить. Совсем скоро улыбкой Паухатана улыбались все присутствующие, и Гордон понял, что настало время прибегнуть к последнему средству.

Дэна пристала к нему перед отъездом как репей, уговаривая захватить отобранные лично ею подарки: иглы, нитки, бесщелочное мыло,

образцы нового, состоящего наполовину из хлопчатобумажной ткани нижнего белья, которое начали производить в Сейлеме как раз перед вторжением...

«Это покорит женщин, Гордон! От этого будет гораздо больше толку, чем от твоих побрякушек, поверь!»

Однако последняя его уступка Дэне привела к тому, что он вынужден был оплакивать под заснеженным кедром несчастную хрупкую девушку, остывающую у него на руках. Он успел досыта наесться псевдофеминизма в исполнении Дэны.

Правда, еще неизвестно, что хуже. Уж не поторопился ли он? Возможно, было бы полезно прихватить какие-нибудь банальные вещицы — зубной порошок, гигиенические салфетки, посуду, постельное белье...

Он покачал головой: плотина была слишком крепка, чтобы ее прорвал такой хилый ручеек. Жестом приказав Бокуто убрать бесполезные приманки, он решил воспользоваться третьим козырем в колоде и передал Джонни Стивенсу седельную сумку.

По толпе пробежал ропот. Гордон и Паухатан сверлили друг друга глазами, пока Джонни гордо шествовал в своей щегольской форме к камину.

Пошелестев конвертами, он стал выкрикивать имена.

Призыв почтальонов прокатился по всей долине Уилламетт, где еще теплилась цивилизация. Всякого, кто хотя бы шапочно знал кого-то на юге, просили написать письмо. Разумеется, большинства адресатов не окажется в живых, однако часть писем обязательно попадет в нужные руки или хотя бы к родственникам. Теоретически это могло привести к восстановлению старых связей. Тогда мольба о помощи утратила бы абстрактность, приобрела личный характер.

Идея была недурна, однако реакция южан и здесь оказалась неожиданной. Гора невостребованной почты росла на глазах. Джонни все выкликал фамилии, не получая ответа, а Гордон наматывал на ус новый урок. Жители долины Камас получили свежее напоминание о том, скольких близких они лишились, сколь мало людей пережили худшие времена.

Сейчас, обретя хрупкий мир, они не собирались опять жертвовать собой, тем более ради чужаков, которые не знали таких утрат, как они. Даже те немногие, которые отозвались на призывы Джонни, принимали из его рук письма как бы с оглядкой, теребили и не торопились прочесть

их.

Услыхав собственное имя, Джордж Паухатан разыграл удивление. Однако, пожав плечами и получив посылочку и тоненький конверт, он снова сделался бесстрастным.

Гордон понимал, что все идет насмарку. Отстояв свое у камина. Джонни устремил на него вопросительный взгляд.

У Гордона оставалась в запасе всего одна карта; он терпеть не мог использовать ее, однако знал, когда и как ее выбросить.

Черт возьми! Ничего другого ему теперь не оставалось.

Он выступил вперед и, повернувшись к жаркому камину спиной, со вздохом оглядел притихшую толпу. Снова придется лгать!

— Я пришел кое-что рассказать вам о некогда существовавшей стране, — начал он. — Кое-что прозвучит для вас знакомо, ибо многие из вас в ней родились. И все же мой рассказ удивит вас. Он неизменно удивляет меня самого. Это будет необыкновенная история о государстве, населенном четвертью миллиарда людей, в былые времена заполнявших эфир и даже межпланетное пространство гулом своих голосов, подобно тому как вы, друзья, заполняли сегодня этот зал

звуками своего чудесного пения.

Это был сильный народ, самый сильный, какой рождался когда-либо на свете. Однако для него самого это мало что значило. Когда у него появился шанс завоевать весь мир, он попросту проигнорировал такую возможность, словно имел куда более интересные занятия.

Эти люди были восхитительно безумны. Они смеялись, строили, спорили… Им нравилось обвинять себя как народ в ужасающих преступлениях; такое пристрастие может показаться странным, но достаточно немного пораскинуть мозгами, чтобы понять, что это делалось с целью самосовершенствования: они хотели стать лучше по отношению друг к другу, к Земле, лучше, чем предыдущие поколения людей.

Все вы знаете, что, глядя в темноте на Луну или на Марс, вы смотрите на следы, оставленные там некоторыми из этих людей. Кое-кто из вас еще помнит, как, сидя у себя дома, наблюдал за этим процессом.

Впервые за весь вечер Гордон почувствовал, что завладел вниманием аудитории. Люди не сводили глаз с поблескивающих эмблем на его форме, и особенно с медного наездника на кокарде почтальонской фуражки.

— Народ страны был безумен, это так, — говорил он. — Однако то было великолепное безумие, какого не бывало никогда прежде.

Его взгляд остановился на лице мужчины, покрытом шрамами, которым никогда не суждено исчезнуть окончательно. Говоря, он смотрел теперь на это лицо.

— Сегодня мы живем убийствами. Однако в той сказочной стране люди старались разрешить свои разногласия мирно.

Гордон обернулся к изможденным женщинам, отдыхающим на скамьях после разделки туш, уборки, приготовления и раздачи пищи такому большому количеству людей. Их морщинистые лица выступали в отблесках света, как древние утесы. Некоторые хранили следы сифилиса и свинки — болезней, с небывалой силой свирепствовавших в войну, а также некогда побежденных хворей, с новой силой принявшихся косить людей при несоблюдении необходимых правил гигиены и вакцинации.

— Для них была естественной чистая, здоровая жизнь, — напомнил Гордон. — Такая беспечная, сладенькая жизнь, какой не знали в былые времена. Или, — негромко поправился он, — какой уже никогда не будут знать.

Теперь люди смотрели на него, а не на Паухатана. Слезы заблестели не только в глазах стариков; парень вряд ли старше пятнадцати лет звучно всхлипнул.

Гордон раскинул руки.

— Какими же были эти американцы? Вы помните, как они критиковали сами себя, причем часто вполне справедливо. Да, они были высокомерны, задиристы, нередко близоруки... Но они не заслужили того, что с ними произошло! Эти люди уже начали приобретать почти божественное могущество: создавать думающие машины, наполнять свои тела новой силой, преобразовывать саму Жизнь — однако сокрушивший их удар не есть расплата за их гордыню. — Он покачал головой. — Не могу поверить, что мы понесли кару за мечты, за дерзновенный порыв.

Крепко сжав от волнения кулаки, Гордон продолжил:

— Нам вовсе не предначертано судьбой, чтобы наши мужчины и женщины вели жизнь диких зверей! Чтобы приобретенные ими знания забывались без всякой пользы...

Он не ожидал, что его голос прервется на середине фразы, именно тогда, когда он изготовился ко лжи, чтобы окончательно сразить Паухатана.

Сердце бешено стучало, во рту пересохло, он не мог вымолвить ни слова. Гордон мигнул раз, другой... Что еще за новости! Говори, говори, немедленно!

— На востоке... — неуверенно продолжил он, чувствуя на себе напряженные взгляды Бокуто и Стивенса. — На восточном побережье, за горами и пустынями, из пепла, оставшегося от нации, бывшей когда-то великой, поднимается...

Он опять запнулся, слыша собственное тяжелое дыхание. У Гордона было такое чувство, словно чужая рука сжимает ему сердце, грозя раздавить его, скажи он еще хоть словечко. Внутри возникло какое-то препятствие, не позволявшее ему ступить на избитую тропу лжи во спасение.

Слушатели затаили дыхание, ожидая продолжения. Он мог делать с ними все что угодно. Они созрели, чтобы упасть к его ногам.

И тут Гордон перевел взгляд на Джорджа Паухатана, на его суровое, непроницаемое лицо, напоминающее скалистый утес. Через секунду он уже знал, что мешает ему говорить.

Впервые ему предстояло распинаться насчет Возрожденных Соединенных Штатов в присутствии человека, определенно превосходившего его силой духа, причем многократно! Он знал,

что дело не только в сомнительной достоверности мифа, но и в стоящей за ним личности. Он мог бы убедить этих людей в существовании возрождающегося государства где-то там, за громоздящимися на востоке горами, если бы не способность Джорджа Паухатана превратить его рассказ в ничто одной-единственной улыбочкой, презрительным жестом, зевком...

Все тут же превратится в отзвуки давно ушедших дней, анахронизм, не стоящий серьезного внимания.

Гордон закрыл рот, так и не сказав главного, несмотря на то что на лицах слушателей сохранялось выжидательное выражение. Он покачал головой, расставаясь с надеждой выиграть схватку.

— Восток — это слишком далеко... — тихо промолвил он.

Потом вскинул голову и с новой силой выкрикнул:

— То, что там происходит, может приобрести для нас значение, если мы выживем. Пока же стоит проблема Орегона — одного Орегона, воплощающего собой всю Америку. Нация, о которой я говорил, тлеет под пеплом, готовая с вашей помощью обрести вторую жизнь. То-

гда она вернет умолкнувшему миру надежду. Поверьте мне — сегодня здесь решается судьба будущего. Ведь самым главным в Америке всегда был ее народ, который оказывался на высоте в наиболее плачевные времена, проявляя чудеса взаимовыручки.

Он уставился на Джорджа Паухатана и закончил приглушенно, но все же достаточно веско:

— Если вы все позабыли, если все, о чем я говорю, не имеет для вас ни малейшего значения, то мне остается лишь пожалеть вас.

Наступившее молчание, казалось, никогда не кончится; время сделалось вязким, стоячим болотом. Паухатан сидел неподвижно, как высеченная из камня фигура отягощенного раздумьями патриарха. Жилы на его шее напряглись подобно канатам.

Однако он быстро справился со своими противоречивыми чувствами и печально улыбнулся.

— Я вас понимаю, господин инспектор. Возможно, вы и правы, но я не знаю, что ответить. Ведь большинство из пас не жалели сил, и теперь нам просто нечего вам предложить. Вы, разумеется, можете снова попытаться найти добровольцев. Я никому этого не запрещаю, но сомневаюсь, что их будет много. — Он покачал головой. — На-

деюсь, вы поверите: нам очень жаль, что дела обстоят именно так. Мы действительно глубоко сожалеем. Просто вы требуете слишком многого. Мы завоевали для себя мир. Теперь он значит больше, чем честь или даже жалость.

«Проделать такой путь, — подумал Гордон, — и ничего не добиться!..»

Паухатан взял с колен два листка бумаги.

— Вот письмо из Корваллиса, которое я получил сейчас... Оно пропутешествовало вместе с вами, и на конверте значится мое имя, однако предназначено письмо не мне. Просто я должен передать его вам. Об этом сказано на первой странице. Так что вы уж простите меня, что я позволил себе пробежать глазами текст.

В голосе Паухатана звучала непритворная симпатия. Передавая желтые листки Гордону, он впервые повторился, — тихо, чтобы его не расслышали остальные:

— Глубоко сожалею. К тому же поражен...

9

"Дорогой Гордон!

Когда ты прочтешь мое письмо, будет уже поздно что-либо предпринимать,

чтобы остановить нас, поэтому постарайся успокоиться и вникнуть в мои объяснения. Потом, если ты так и не сумеешь смириться с нашим решением, то хотя бы попробуй простить нас в душе.

Я много раз обговаривала все снова и снова со Сьюзен, Джо и другими женщинами из моего отряда. Мы прочли столько книг, сколько смогли, учитывая ограниченность нашего досуга после службы. Мы приставали к своим матерям и теткам, упрашивая их порыться в памяти, и в итоге пришли к следующим двум выводам.

Первый вполне однозначен. Совершенно ясно, что мужчинам никогда нельзя было доверять править миром. Многие из вас — славные малые, если не сказать больше, в то время как остальные — кровожадные психи. Таким уж создан ваш пол. Лучшие его представители наделяют всех нас силой, светом, наукой, разумом, они преуспевают в медицине и философии. Однако худшая половина тратит все время на придумывание адских козней и претворение их в жизнь.

Кое-какие старые книги содержат намеки на причины столь странной двойственности. Возможно, наука наконец, дала бы желанный ответ, если бы не Светопреставление. Проблему как раз специально изучали социологи (главным образом женщины), задаваясь весьма неприятными вопросами. Однако, что бы они там ни успели выяснить, для нас потеряно все, кроме простейших истин.

Жаль, что я сейчас не слышу твоего голоса, Гордон. Ты бы сказал, что я снова преувеличиваю, упрощаю, обобщаю, располагая недостаточным количеством информации.

К примеру, в крупных «мужских» свершениях принимало участие немало женщин, и в дурных тоже. К тому же не приходится сомневаться, что большинство мужчин находятся где-то в промежутке между полюсами «добра» и «зла», о которых я говорю.

Но, Гордон, те, что в середине, не располагают властью! Не они изменяют мир в лучшую или в худшую сторону. Ими можно пренебречь.

Видишь, я могу отвечать на твои возражения, как если бы ты находился рядом со мной. Не забывая подножек, на которые оказалась щедра жизнь даже для меня, я, конечно же, не отрицаю, что получила прекрасное образование для женщины в наше время. За последний год я узнала особенно много — от тебя. Познакомившись с тобой, я еще больше убедилась в справедливости своего отношения к мужчинам.

Посмотри правде в глаза, любовь моя! Вас, славных ребят, попросту недостаточно, чтобы выиграть этот бой! Ты и тебе подобные — наши герои, однако негодяи все равно в выигрыше! Скоро они потушат последний сумеречный свет, и ты не в силах в одиночку помешать им.

Но человечество сильно не только вами, Гордон. В той борьбе, которая кипела в прошлом веке, до Светопреставления, эта вторая сила покусилась было на извечное распределение ролей, но то ли оказалась слишком ленива, то ли на что-то отвлеклась — не знаю... Так или иначе, она в нужный момент не вмешалась.

Поэтому мы, женщины из армии долины Уилламетт, осознали: нам предоставляется последняя возможность исправить ошибку, допущенную женщинами в прошлом. Мы намерены остановить мерзавцев сами. Наконец-то мы исполним свой долг — выберем среди мужчин лучших и отбракуем бешеных псов.

Постарайся простить меня! Остальные просили передать, что мы всегда будем вспоминать тебя с любовью.

Навечно твоя, Дэна".

— Остановись! О боже! Не смей!..

Очнувшись, Гордон обнаружил, что стоит на земле и размахивает руками. Угли от прогоревшего походного костра жгли пальцы его босых ног. Видимо, он хотел кого-то поймать, что-то удержать...

Медленно покачиваясь, он ждал, пока обрывки сна рассеются в ночном лесу. Только что, во сне, призрак снова посетил его. Давно почившая машина обращалась к нему сквозь десятилетия, бросая нетерпеливое обвинение: «Кто же примет ответственность за детей неразумных сих?»

В глазах у Гордона рябило, в ушах звучал груст-

ный голос криогенного мудреца, доведенного до отчаяния бесчисленными оплошностями живых людей...

— Гордон! Что случилось?

Джонни Стивенс рывком сел в спальном мешке, протирая глаза. Небо затянули облака, и единственными источниками света были догорающие угли да несколько звездочек в просветах между тучами и черными ветвями деревьев.

Гордон покачал головой, стараясь скрыть, что его бьет озноб.

— Просто решил проверить коней и часовых, — проворчал он. — А ты спи, Джонни.

Молодой почтальон кивнул.

— Ладно. Скажите Филу и Калу, чтобы разбудили меня, когда придет время сменяться. — Он снова лег на землю, устраиваясь в спальном мешке. — Будьте осторожны, Гордон.

Вскоре послышалось его мерное дыхание, а лицо разгладилось, обретя обычную беззаботность. Неустроенная жизнь, казалось, вполне годится для Джонки. Гордон не переставал этому удивляться. Сам он, даже спустя семнадцать лет, никак не мог смириться с утратами. Ему, человеку уже среднего возраста, то и дело представлялось, как он просыпается в своей комнате

в студенческом общежитии в Миннесоте, и вся эта грязь, смерть, сумасшествие оказываются всего лишь кошмаром, которого так никому и не довелось испытать.

Рядом с костром лежали тесной группой, делясь друг с другом теплом, еще несколько фигур в спальных мешках. Всего их было восемь, не считая Джонни: Аарон Шиммель и малочисленное подкрепление, которое им удалось набрать в долине Камас. Четверо добровольцев были мальчишками, едва знакомыми с бритвой, остальные — стариками.

Гордону не хотелось ни о чем думать, однако, пока он обувался и закутывался в пончо, воспоминания лезли в голову сами собой.

Даже одержав почти безоговорочную победу, Джордж Паухатан торопился отправить Гордона и его отряд восвояси. Присутствие гостей причиняло патриарху с горы Сахарная Голова одни неудобства. Его владения станут прежними только после их ухода.

Оказалось, что вместе со своим сумасшедшим письмом Дэна ухитрилась переслать подарки женщинам из семейства Паухатана: жалкие свертки с мылом, иголками и нижним бельем с крохотными, оттиснутыми на мимеографе ин-

струкциями. Кроме того, Гордон узнал таблетки и мази из центральной аптеки Корваллиса. В переданной женщинам посылочке обнаружилась также копия ее письма, адресованного ему.

Все это озадачило Паухатана. Письмо Дэны смутило его едва ли не больше, чем речь Гордона.

— Не понимаю, — говорил он, оседлав стул и наблюдая за спешными сборами Гордона. — Как это в головке неглупой, судя по всему, женщины могли завестись такие экстравагантные мысли? Неужели никто не позаботился ее образумить? Чего она собирается добиться, выступив со своей девчоночьей командой против холнистов?

Гордон не стал отвечать, не желая раздражать Паухатана. К тому же ему было не до разговоров: он торопился. Он еще надеялся успеть остановить девчонок-скаутов, прежде чем они совершат эту самоубийственную глупость.

Однако Паухатан не отставал. Все это не на шутку вывело его из равновесия. Кроме того, он не привык, чтобы от него отмахивались. В конце концов Гордон помимо собственной воли принялся защищать Дэну:

— Какой такой «здравый смысл» надо было в нее вбить, а, Джордж? Логику бесцветных созданий, подающих еду самодовольным мужчинам

у вас на Камасе? Или ей полагается открывать рот, только когда к ней обращаются, как тем несчастным, что влачат жалкое существование под властью холнистов на Рог-Ривер, а теперь и в Юджине? Вероятно, женщины из Корваллиса не правы, а еще вероятнее, совсем обезумели, но Дэна с подругами по крайней мере обеспокоена чем-то большим, нежели самой собой, и рвется ради этого большего в схватку. А вы, Джордж?

Паухатан уперся взглядом в пол. Гордон с трудом расслышал его ответ:

— Где это написано, что человек должен беспокоиться только о чем-то значительном? Когда-то я тоже бился за это: за идеи, принципы, страну. И где это все теперь?

Прищуренные глаза со стальным отливом были печальны, когда Гордон увидел их снова.

— Я кое-чему научился, представьте себе. Получается, что это ваше «большое» не способно отвечать взаимностью. Оно забирает, забирает — и ничего не дает взамен. Оно пьет вашу кровь, вытягивает из вас душу, пока вы хлопаете глазами, и ни за что не ослабляет хватку. Сражаясь за «большие идеалы», я лишился жены и сына. Они так нуждались во мне, но где там: я был далеко, пытаясь спасти мир! — Паухатан фыркнул. —

Нет, теперь я сражаюсь ради своих людей, ради фермы — то есть за то, что помельче, что я могу удержать.

Гордон наблюдал, как сжимаются и разжимаются широкие, мозолистые руки Паухатана, как бы хватаясь за саму жизнь. До последней минуты ему как-то не приходило в голову, что этот человек способен чего-то бояться; теперь же Паухатан предстал перед ним, пусть на краткий миг, совершенно беззащитным. В глазах его горел страх, с каким редко можно встретиться.

Уже от двери, обернувшись, горец сказал, демонстрируя свой точеный профиль в колеблющемся свете сальных свечей:

— Мне кажется, я знаю, с чего выкрутасничает эта ваша дурочка. Поверьте, это не имеет никакого отношения к ерунде насчет «героев и негодяев», сколько бы она ни изводила на нее чернил. Остальные бабенки просто тянутся за ней — прирожденным лидером, который необходим в наше трудное время. Она так, походя, увлекла их, бедняжек, за собой. На самом деле она... — Паухатан покачал головой. — Она воображает, что действует из благородных, высоких побуждений, однако все сводится к простенькому объяснению... Ею движет любовь, господин инспектор!

По-моему, она поступила так из-за вас.

Мужчины посмотрели напоследок друг на друга, и до Гордона дошло, что посещение Паухатаном отъезжающего почтальона вызвано чувством вины, которое теперь будет терзать его; владыке Сахарной Головы не хотелось оставаться единственным мучеником.

Гордон кивком простился с ним, принимая груз угрызений совести и связку писем.

* * *

Отойдя от теплого кострища, Гордон ощупью добрался до коновязи и тщательно проверил все постромки. Он остался доволен осмотром, хотя кони вели себя довольно беспокойно, еще не оправившись от дневной гонки. Позади остались руины города Ремоут и большого старого кемпинга Медвежий Ручей. Если они не сбавят скорость и завтра, то, согласно прикидкам Кэлвина Льюиса, вскоре после заката доберутся до Розберга.

Паухатан щедро-одарил отъезжающих провизией и не пожалел для них своих лучших скакунов. Северянам ни в чем не было отказа. Единственное, что оставалось для них недоступным, — сам несговорчивый Джордж Паухатан.

Ласково потрепав крайнего в ряду коня, Гордон

побрел назад. Ему было по-прежнему трудно смириться с мыслью, что путешествие оказалось совершенно напрасным. Во рту еще чувствовался горький привкус поражения.

Мигающие ряды лампочек... Голос давно умершей машины...

Гордон невесело усмехнулся.

«Если б возможно было заразить его твоим оптимизмом, Циклоп, — неужели ты думаешь, я не сделал бы этого? Но такого, как он, голыми руками не возьмешь! Он сделан из материала покрепче моего».

«Кто возьмет на себя ответственность?»

— Не знаю! — в отчаянии прошептал он, обращаясь к обступившей его темноте. — И знать не хочу!

От лагеря его отделяло теперь футов сорок. А что если попросту уйти в лес? Затеряйся он сейчас в чаще — и его положение можно будет считать более предпочтительным, чем год и четыре месяца тому назад, когда он, ограбленный и израненный, наткнулся в пыльном лесу на этот ржавый почтовый джип, будь он неладен!

Если он прихватил с собой сумку и форму, то только чтобы выжить. Однако уже тогда на него что-то накатило. Уже тогда он увидал первого

призрака...

В Пайн-Вью было положено начало легенде — всей этой ерунде о почтальонишке Джонни Яблочное Семечко, которая вскоре совершенно отбилась от рук и сделала его ни больше ни меньше — ответственным за судьбы цивилизации! Он, между прочим, о таком и не помышлял... Но сейчас понял, что вполне может поставить на этом точку.

«Уйти, и дело с концом», — стучало у него в голове.

Гордон на ощупь пробирался в непроглядной тьме, пользуясь навыком лесного обитателя, который еще ни разу его не подводил, — безошибочным чувством направления. Он ступал уверенно, угадывая, где его поджидают особенно узловатые корни и ямы, как и подобает заправскому следопыту.

Для того чтобы перемещаться в кромешной тьме, требовалась особая сосредоточенность, достигаемая разве что в позе лотоса и ничуть не менее возвышенная; при той же степени отрешенности здесь нужна куда большая активность подсознания, чем в предзакатной медитации два дня тому назад, над ревущим потоком, вбирающим в себя струи сразу нескольких речных

рукавов. Продолжая идти так, он все больше уносился мыслями ввысь, пренебрегая обычными заботами и тревогами. Ни зрение, ни слух сейчас не были ему нужны. Он подчинялся одному едва ощутимому дуновению ветра. Да еще аромату красного кедра и привкусу соли на губах — дару далекого, но такого желанного океана.

«Уйти, и дело с концом...» Он с облегчением понял, что нащупал противоядие, способное подавить мельтешение компьютерных огоньков у него в мозгу. Призракам придется попятиться. Почти не чувствуя земли под ногами, он едва не летел, повторяя снова и снова наконец-то найденную фразу. «Уйти, и дело с концом!»

Восхитительная прогулка оборвалась совершенно неожиданно: он споткнулся о предмет, которого не должно было быть здесь, в лесу.

Гордон рухнул наземь вполне бесшумно, разве что затрещали сосновые иголочки, присыпанные снегом. Сколько он ни шарил руками вокруг, ему не удавалось определить, что представляет собой остановившая его преграда. Она была мягкой и податливой; ладонь покрылась чем-то липким и теплым.

Зрачки Гордона донельзя расширились от леденящего ужаса и выхватили из темноты мертвое

лицо.

Юный Кэл Льюис взирал на него с выражением застывшего изумления. Его горло было со знанием дела перерезано от уха до уха.

* * *

Гордона отбросило назад, шарахнуло спиной о ближайший ствол. На сей раз он не захватил с собой ни ножа, ни пояса с револьвером. Приходилось признать: атмосфера безопасности, царившая на горе у Джорджа Паухатана, породила в нем чувство губительной самонадеянности. Что ж, это, как видно, последняя его оплошность.

Из темноты до него доносился шум среднего рукава реки Кокилл. За ней лежала вражеская территория. Однако по эту сторону как будто нечего было опасаться!

«Холнисты не знают, что здесь есть еще я», — сообразил он. В это с трудом верилось — ведь он брел по лесу совершенно рассеянно, даже бормоча что-то себе под нос; оставалось предположить, что они просто проворонили его.

Или были поглощены другими делами.

Гордон отлично понимал тактику противника: сперва убрать посты, потом неожиданно наброситься на ничего не подозревающий спящий

лагерь. Молокососы и старики у костра остались без своего Джорджа Паухатана. Не надо им было спускаться с горы Сахарная Голова...

Гордон укрылся в переплетении корней огромного дерева. Здесь его никогда не найдут, если затаиться. Когда закончится резня и холнисты начнут собирать свои трофеи, он сумеет бесследно исчезнуть в лесу.

Дэна утверждает, что есть два сорта мужчин, достойных внимания, прослойка же между ними ничего не стоит. «Чудесно, — думал он, — вот и я принадлежу к прослойке. Живой пройдоха стоит дюжины мертвых идеалистов».

Он сжался в комок, обратился в неподвижный камень.

Со стороны лагеря раздался хруст ветки. Спустя минуту чуть дальше заухала какая-то ночная птица. Звукоподражание было безупречным.

Вслушиваясь в эти звуки, Гордон словно бы видел, как сжимается вокруг лагеря безжалостное кольцо. Ставшее для него убежищем дерево осталось вне этого кольца, несущего гибель.

«Спокойно, — приказал он себе, — сиди и не рыпайся».

Он старался прогнать из головы образы крадущихся врагов, их раскрашенные лица, ухмы-

ляющиеся в предвкушении бойни, блестящие смазкой ножи.

Не думать об этом! Гордон крепко зажмурился, решив считать удары собственного сердца и бессознательно нащупывая цепочку на груди. С момента ухода из Пайн-Вью он не снимал этого подарка Эбби.

«Так-то лучше: вспоминай Эбби!» Он попробовал представить ее — улыбающуюся, жизнерадостную, полную любви, — однако быстро отвлекся.

Прежде чем замкнуть кольцо, холнисты постараются удостовериться, что разделались со всеми постами. Если они еще не расправились со вторым дозорным — Филиппом Бокуто, то скоро наступит и его черед.

Гордон сжал цепочку в кулаке, затянув ее на шее петлей.

Бокуто... Он охраняет командира, даже не спрашивая на это разрешения... Он выполняет за него грязную работу... Он предан ему всей душой, ибо верит в миф... Он трудится ради страны, которая погибла и больше никогда не возродится к жизни...

Бокуто.

Второй раз в течение ночи Гордон оказался на

ногах, не контролируя себя. Секунда — и раздался отчаянный свист: это сработал свисток Эбби, висящий на цепочке. Сложив ладони вокруг рта, Гордон крикнул:

— Филипп! Поберегись!

— ...ись!.. ись!.. ись!.. — разнеслось эхом по спящему лесу.

Еще секунду, показавшуюся вечностью, стояла тишина, а затем хлопнуло подряд шесть выстрелов, сменившихся отчаянной беспорядочной пальбой.

Гордон замигал, всматриваясь. У него, видимо, помутился рассудок, но обратного пути уже не было.

— Они попались! — крикнул он что было мочи. — Джордж говорит, что уведет их к реке! Фил, прикрывай справа!

Импровизация, да и только! Далеко не все смогли, наверное, расслышать его среди общего шума, пальбы, боевых выкриков холнистов, однако какую-то пользу его крик должен был принести. Гордон продолжал кричать и свистеть, чтобы спутать нападающим планы.

Дерущиеся что-то кричали в ответ и катались по земле. Потухший было костер теперь огрызался ослепительными языками пламени,

выхватывая из темноты неясные фигуры.

Поскольку спустя почти две минуты сражение еще не прекратилось, у Гордона появилась надежда, что не все потеряно. Своими криками он пытался заставить врагов думать, что командует внушительным подкреплением.

— Не давайте им уйти за реку! — Ему уже казалось, что холнисты готовы отступить. Он перебегал от дерева к дереву, приближаясь к костру, хоть и был совершенно безоружен. — Окружайте их! Не давайте...

Внезапно из-за ближайшего дерева появилась рослая фигура. Гордон замер в каких-то десяти футах от нее. Лицо холниста, покрытое черными и белыми полосами, сливалось с ветвями, как и его одежда; узкий рот растянулся в гадкой беззубой улыбке. Холнист выглядел настоящим гигантом.

— Ну и крикун, — проговорил он. — Надо бы его успокоить, а, Нейт? — Темные глаза высматривали что-то позади Гордона.

Тот помимо собственной воли начал поворачивать голову, хотя знал, что это, скорее всего, блеф и его противник вышел на него в одиночку. Секундной потери бдительности оказалось достаточно: фигура в камуфляже совершила молниеносный бросок. Один удар тяжелого, как

молот, кулака — и Гордон оказался на лопатках. Из глаз посыпались искры. Он был на грани беспамятства от боли. «Вот это скорость!» — успел подумать он, прежде чем лишился чувств.

10

Холодный моросящий дождик превращал и без того расхлябанную дорогу в топкое болото, в котором вязли натруженные ноги пленников. Они понуро ковыляли в грязи, стараясь не отстать от конных охранников. Теперь, по прошествии трех дней, они не думали ни о чем другом, кроме необходимости удержаться на ногах, чтобы не навлечь на себя новых побоев.

Победители, смывшие с лиц боевую раскраску, выглядели не менее устрашающе, чем прежде. Закутавшись в полушубки защитной расцветки, они лихо гарцевали на добытых в бою лошадях из долины Камас. Замыкающий холнист, самый молодой из отряда, всего с одной серьгой в ухе, то и дело оглядывался, рычал на пленных и дергал за веревку, привязанную к кисти переднего, заставляя всю цепочку ненадолго переходить с ходьбы на неуклюжую рысцу, чтобы догнать всадников.

Вдоль дороги то тут то там попадались остатки домашнего скарба, брошенного несколькими волнами беженцев, прокатившимися здесь. После бесчисленных мелких стычек и отдельных кровопусканий территорией овладели сильнейшие. Это и был рай в стиле Натана Холна.

Несколько раз караван победителей и побежденных миновал скопления зловонных хибар, сложенных из разномастного довоенного хлама. Изможденные обитатели поселков неизменно высыпали на обочину дороги, чтобы, почтительно потупив взоры, приветствовать своих господ. Кто-то обязательно подворачивался под горячую руку и получал свою порцию ленивых пинков от не удосужившегося спешиться всадника.

Только пропустив отряд, несчастные осмеливались поднять глаза. В них не было ненависти, лишь голодное вожделение, с каким они взирали на упитанные конские бока.

На новых невольников жители хибар не смотрели вовсе. Те тоже старались не встречаться с ними взглядом.

От рассвета до заката пленных гнали вперед, лишь изредка устраивая короткий привал. На ночь их разводили в разные стороны, чтобы не дать сговориться. Каждый проводил ночь, привя-

занный к лошадиному крупу, дававшему тепло в отсутствие костра. При первых лучах солнца их, проглотивших скудную баланду, снова гнали вперед.

По прошествии четырех дней двое пленных скончались. Еще двое слишком ослабели, чтобы продолжать путь, поэтому их оставили на милость холнистского управляющего из грязного придорожного селеньица в качестве замены двух его рабов, распятых для устрашения возможных ослушников и еще не снятых с телеграфных столбов.

Все это время Гордон не видел почти ничего, кроме спины товарища по несчастью, ковыляющего впереди его. Вместе с тем он проникся ненавистью к тому, кто плелся следом за ним: каждая его запинка означала рывок веревки, отдававшийся острой болью во всем теле. Однако он не сразу заметил исчезновение последнего пленника и лишь спустя какое-то время сообразил, что за лошадьми поспевают только двое несчастных. Теперь он завидовал тому, кто остался позади, не зная даже, жив ли тот.

Скорбному путешествию, казалось, не будет конца. Много дней назад он очнулся уже в этой цепочке, но так и не пришел в полное созна-

ние. Несмотря на страдания, какая-то часть его естества была рада отупению и монотонности пути. Теперь, по крайней мере, его не преследовали призраки. Он забыл о сложностях бытия и чувстве вины. Все стало на свои места. Знай перебирай ногами, уплетай то немногое, что тебе суют, и не поднимай глаз. Потом наступил момент, когда Гордон заметил, что ковыляющий впереди него пленник помогает ему, подставляя плечо в особенно топких местах. У него хватило соображения, чтобы задаться вопросом, зачем тот расходует лишние силы.

В очередной момент просветления он не обнаружил на своих кистях веревок. Они остановились у деревянного сарая, на некотором удалении от шатких, гудящих, как ульи, хибар. Неподалеку шумела вода.

— Добро пожаловать в Агнесс, — произнес хриплый голос. Кто-то пнул его в спину. Под презрительный смех пленных затолкали в сарай, где они тут же повалились на вонючую солому.

Оба остались лежать там, где рухнули. Наконец-то появилась возможность забыться сном. Ни о чем другом сейчас нельзя было помыслить. Сновидения их не посещали, и забытью мешала лишь боль в натруженных мышцах. Так продол-

жалось до конца дня, потом целую ночь и утро.

* * *

Гордона разбудил яркий луч солнца, пробившийся сквозь щель в досках и коснувшийся его лица. Он со стоном перевернулся на другой бок. Над ним склонилась какая-то тень, и веки его приоткрылись, как ржавые жалюзи.

Прошло несколько секунд, прежде чем восстановилось зрение. Еще через некоторое время начало проясняться сознание. Он сообразил, что в знакомой улыбке не хватает одного зуба.

— Джонни... — прохрипел он.

На юном лице не осталось живого места. При этом Джон Стивенс радостно ухмылялся, зияя провалом во рту.

— Привет, Гордон! Добро пожаловать в общество несчастных, то есть живых.

Он помог Гордону сесть и поднес к его губам ковш с прохладной речной водой, не переставая болтать:

— В углу есть еда. Еще я слышал, как один охранник сказал, что нам скоро дадут умыться. Так что существует, видимо, причина, почему нас не разрезали на части и не подвесили к поясу какого-нибудь жадного до трофеев балбеса. Не

иначе как нас притащили сюда для встречи с какой-то шишкой. — Джонни невесело рассмеялся. — Подожди, Гордон, мы еще обведем вокруг пальца этого типа, кем бы он ни был. Предложим ему заделаться почтальоном, что ли... Ведь ты это имел в виду, когда объяснял мне, что такое реалистическая политика?

Гордон был слишком слаб, чтобы пристукнуть Джонни на месте за этот возмутительный взрыв веселья, поэтому он довольствовался кривой усмешкой, от которой на его потрескавшихся губах выступила кровь.

В противоположном углу завозились. Значит, они здесь не одни. В сарае оказались еще трое — распространяющие вонь пугала с огромными глазами на иссушенных лицах, провалявшиеся здесь невесть сколько времени и уже не походившие на людей.

— Кому-нибудь удалось спастись во время нападения? — задал Гордон главный мучивший его вопрос.

— Думаю, да. Судя по всему, твое предупреждение спутало этим сволочам планы, и мы смогли дать им отпор. По крайней мере, прикончили двоих, прежде чем остальные нас одолели. — Глаза Джонни сияли. Он, по всей видимости,

восхищался Гордоном еще больше, чем прежде.

Гордон отвернулся, не желая принимать похвалу за свое поведение в ту ночь.

— По-моему, я убил сукиного сына, расколовшего мою гитару. Но тут другой...

— А что стало с Филом Бокуто? — перебил его Гордон.

Джонни покачал головой.

— Не знаю... Во всяком случае, среди трофеев, собранных этими головорезами, я не заметил ни черных ушей, ни... Не исключено, что ему удалось спастись.

Гордон снова привалился к стене сарая. Журчание воды, врывавшееся в его сон всю ночь, теперь доносилось с противоположной стороны. Он попытался разглядеть что-нибудь сквозь щели в досках.

Футах в двадцати от сарая находился обрыв. Дальше плыли клочья тумана, но Гордон сумел различить заросшие густым лесом берега узкой, стремительной реки.

Джонни как будто прочел его мысли. Впервые молодой голос зазвучал негромко и вполне серьезно:

— Да, Гордон, мы угодили в самый центр сковородки. То, что ты видишь, — проклятая река Рог.

11

Через неделю туман и ледяная морось уступили место снегопаду. Получая еду и отдыхая, оба пленника окрепли. Им приходилось довольствоваться обществом друг друга: ни охрана, ни остальные трое заключенных не издавали осмысленных звуков.

Однако кое-что о жизни во владениях холнистов они узнали. Еду им приносили безмолвные, перетрусившие старушонки из ближайшего разрушенного городка. Изнуренными здесь не выглядели, помимо самих холнистов с серьгами в ушах, только женщины, удовлетворявшие их похоть. Впрочем, им тоже в дневное время приходилось трудиться: таскать воду из холодной реки и прибирать в конюшне, где всхрапывали сытые лошади.

Все здесь подчинялось установленному порядку, смахивавшему на давнюю традицию. Однако Гордон видел, что в этом неофеодальном поселении сейчас неспокойно.

— Они готовятся сниматься с места, — сказал он как-то Джонни, рассматривая только что прибывший караван. В Агнессе появлялось все

больше запуганных пленников, непонятно как помещавшихся в перенаселенном бараке. Было очевидно, что такое количество людей не сможет просуществовать долго в подобных условиях.

— Здесь у них военная база, — решил Гордон.

— Если нам удастся выбраться из сарая, то кто-нибудь из этих людей наверняка окажет нам помощь, — отозвался Джонни.

В ответ Гордон неопределенно хмыкнул. Он не больно рассчитывал на помощь здешних рабов. Из них давно выбили волю к сопротивлению, к тому же им хватало собственных невзгод.

Как-то раз Гордону и Джонни, только что проглотившим обед, было приказано выйти из сарая и раздеться догола. Две безмолвные женщины в обносках принялись собирать их лохмотья. И тут отвернувшихся к стене сарая северян, неожиданно окатили холодной водой из реки. Гордон и Джонни заойкали и зачертыхались, стража заржала, но женщины так и удалились, опустив потухшие глаза.

Холнисты, разодетые в комбинезоны зеленочерной защитной расцветки, лениво метали в стену ножи. Двое северян, завернувшись в грязные одеяла, сидели перед костром, пытаясь согреться.

Вечером они получили свою одежду выстиранной и залатанной. На сей раз одна из женщин на мгновение подняла глаза, и Гордон успел ее разглядеть. Ей было, наверное, не больше двадцати лет, хотя вокруг глаз собралось не по возрасту много морщин. В каштановых волосах уже наметилась седина. Она всего раз взглянула на Гордона, пока тот одевался; когда же он попробовал улыбнуться ей, она отвернулась и заторопилась вон из сарая.

На ужин они получили кое-что получше, чем привычная кашица: среди кукурузных зерен попадались сухожилия; возможно, их угостили кониной. Заметив такую перемену, Джонни осмелился попросить добавки. Остальные узники в сарае выпучили глаза и забились подальше в угол. Один из безмолвных охранников с ворчанием унес миски. Каково же, было всеобщее изумление, когда он вскоре вернулся, неся еще по порции для обоих!

Ближе к ночи в сарай заглянули трое холнистских вояк в беретах и понурый невольник с фонарем.

— Пошли! — гаркнул старший. — С вами будет говорить генерал.

Гордон оглянулся на Джонни, гордо выпрямив-

шегося в своей форме. Глаза юноши, казалось, говорили: разве эти недоумки могут сравниться с человеком, наделенным властью официальным представителем возрожденной республики?

Гордон вспомнил, что этот паренек тащил его едва ли не на плечах от самого Коквилла. Ему меньше всего хотелось сейчас заниматься притворством, однако ради Джонни он решил напялить старую маску.

— Ладно, почтальон, — бросил он юному другу, подмигивая. — Ни снега, ни ураганы, ни хвороба и ни тьма...

— Ни бандиты, ни стрельба... — подхватил Джонки.

Они одновременно развернулись и вышли из сарая в сопровождении холнистов.

12

— Добро пожаловать, джентльмены.

Первым делом Гордон обратил внимание на потрескивающий камин. Уютный довоенный домик лесника, обложенный камнем, был жарко натоплен. Гордон почти забыл, что такое тепло.

Потом он услышал шелест шелка и увидел длинноногую блондинку, поднимающуюся с

мягких подушек. Эта особа являла собой разительный контраст по сравнению с остальными женщинами, которых им довелось здесь видеть, — ухоженная, стройная, да еще увешанная побрякушками, которые потянули бы в былые времена на целое состояние.

Впрочем, и ее глаза окружали морщинки; она смотрела на двоих северян, как на пришельцев с обратной стороны ночного светила. Не говоря ни слова, она вышла из комнаты, задвинув за собой занавес с бахромой.

— Итак, добро пожаловать в царство свободы.

Только сейчас Гордон приметил худого лысого человека с аккуратно подстриженной бородкой, который встал из-за рабочего стола, чтобы поприветствовать их. В мочке одного уха у него красовались три серьги, а в другой — целых четыре, что свидетельствовало о высоком чине. Он подошел к гостям, протягивая руку.

— Полковник Чарлз Уэстин Безоар к вашим услугам. В былые времена я состоял членом коллегии адвокатов штата Орегон и уполномоченным от республиканской партии в округе Джексон. Теперь имею честь служить главным судьей в Американской освободительной армии.

Гордон приподнял бровь, не обращая внимания

на протянутую руку.

— После Краха армий здесь расплодилось без числа. В которой из них вы служите?

Безоар с улыбочкой опустил руку.

— Понимаю, некоторые награждают нас другими именами. Оставим это на время и ограничимся тем, что я являюсь адъютантом генерала Волши Маклина, любезно пригласившего вас к себе. Генерал скоро к нам присоединится. Пока же позвольте мне угостить вас местным напитком горцев. — Он снял с резной полки изящный графин. — Что бы ни рассказывали о нашей суровой жизни, вы увидите, что мы сохранили кое-что из былых пристрастий.

Гордон покачал головой. Джонни вообще смотрел поверх лысой полковничьей макушки. Безоар пожал плечами.

— Не желаете? Жаль. Что ж, в другой раз. Надеюсь, вы не будете возражать, если я отхлебну немного... — Он налил себе в рюмку коричневой жижи и указал на два стула у камина. — Прошу вас, джентльмены! Вы, вероятно, еще не до конца оправились после путешествия. Устраивайтесь поудобнее. Мне так много хочется от вас узнать! К примеру, господин инспектор, как обстоят дела там, в восточных штатах, за пустыней и горами?

Гордон опустился на стул, не моргнув глазом. Итак, у «освободительной армии» имеется разведка. Неудивительно, что Безоар знает, кто они такие, или, по крайней мере, за кого принимают его, Гордона, в северном Орегоне.

— Во многом так же, как и на западе, мистер Безоар. Люди стараются выжить и отстроить то, что возможно.

Гордон попытался снова представить себе страну мечты: Сент-Пол, Одессу, Грин-Бэй, живые города, возглавившие дерзкую нацию, претендующую на возрождение, а не города-призраки, продуваемые ветрами, разоренные одичавшими ордами.

Нет, он говорит о городах, увиденных в грезах. Голос его был суров:

— Кое-где людям повезло больше, кое-где — меньше. Везучие многого добились и надеются на лучшую участь для своих детей. В других местах возрождение... идет медленнее. Некоторые из тех, кто в прошлом поколении почти уничтожил нашу страну, по-прежнему сеют хаос, перехватывают наших курьеров, препятствуют сообщениям. Говоря сейчас об этом, — холодно продолжал Гордон, — я не могу не спросить вас, как вы поступили с почтой, которую ваши люди

похитили у Соединенных Штатов?

Безоар надел очки в тонкой оправе и взял со стола пухлую папку.

— Полагаю, речь идет вот об этих письмах? — Он открыл пакет, в котором зашелестели десятки посеревших и пожелтевших листочков. — Видите? К чему отрицать очевидное? Считаю, что нам надо быть друг с другом откровенными, тогда из встречи выйдет толк. Да, наш передовой разведывательный отряд действительно нашел среди руин Юджина вьючную лошадь — вашу, насколько я понимаю, — с этим весьма странным грузом. По иронии судьбы, в тот самый момент, когда наши разведчики завладели сумкой, вы расправлялись в другой части города с двумя их товарищами. — Безоар поднял руку, не давая Гордону ответить. — Не бойтесь возмездия. Наша холнистская философия его не признает. Вы победили двух «мастеров выживания» в честном бою, и это возвышает вас до нашего уровня. Иначе отчего, захватив вас в плен, мы обращались с вами как с людьми, а не как с рабами или скотом?

Безоар любезно улыбался, но Гордон окаменел. Прошлой весной в Юджине он видел, как надругались холнисты над телами безобидных сборщиков электронного хлама. Помнил он и

героический поступок матери юного Марка Эйга, спасшей жизнь ему и своему сыну. Безоар говорил сейчас чистосердечно, однако Гордон находил его логику ущербной и отвратительной.

Лысый холнист развел руками.

— Мы признаем, что забрали вашу почту, господин инспектор. Но не смягчает ли нашу вину неведение? Ведь до тех пор, пока я не взял в руки эти письма, никто из нас и слыхом не слыхивал о Возрожденных Соединенных Штатах! Теперь представьте наше изумление, когда мы столкнулись с тем, что письма преодолевают расстояния во много миль, перепархивая из города в город, что выписываются мандаты новым почтмейстерам... — Он приподнял пачку официальных бланков. — А тут еще эти декларации временной администрации в Сент-Поле...

Сами по себе его слова не несли агрессии и казались искренними. Однако в тоне слышалось нечто иное... Гордон пока не понимал, что именно назревает, но ему все больше становилось не по себе.

— Теперь вы все знаете, однако не унимаетесь, — ответил он. — После вашего вторжения на северную территорию исчезли бесследно два наших курьера. Ваша «американская освободи-

тельная армия» уже много месяцев ведет войну против Соединенных Штатов, полковник Безоар. И этого уж на неведение не спишешь!

Ложь получалась у него с необыкновенной легкостью. Ведь сами слова были правдивы...

В те недолгие недели сразу после «победы» в большой войне, когда у Соединенных Штатов еще оставалось правительство, а продовольствие и материалы, перевозимые по дорогам, еще охранялись, истинной проблемой стал не поверженный враг, а нарастающий внутренний хаос.

В переполненных элеваторах гнило зерно, а фермеров косили пустяковые, казалось бы, болезни. При этом в городах имелось достаточно вакцины, но население там пухло от голода. Люди гибли скорее от развала экономики и беззакония, воцарившихся с распадом сети снабжения и взаимопомощи, нежели от бомб, микробов и даже трехлетней ядерной зимы.

Именно такие люди, как этот лысый трепач, нанесли нации сокрушительный удар и лишили миллионы несчастных последнего шанса.

— Возможно, возможно... — Безоар опрокинул рюмочку и улыбнулся. — Но сейчас слишком многие объявляют себя подлинными наследниками американской государственности. Что с того, что

ваши Возрожденные Соединенные Штаты контролируют обширные пространства с большим населением, что с того, что среди ваших лидеров есть старые болваны, которые некогда победили на выборах, не поскупившись на наличность и на улыбки с телеэкрана? Разве из этого следует, что они и есть подлинная Америка?

На какое-то мгновение спокойствие и благоразумие покинули лицо «полковника», и на Гордона глянул фанатик, ничуть не изменившийся за все эти годы. Гордон уже слышал похожий голос: давным-давно точно так же вещал по радио сам Натан Холн — еще до того, как этот «святой» мастеров выживания кончил жизнь на виселице; потом у него появились последователи и подражатели.

Это была все та же философия доведенного до крайности эгоизма, которая породила неистовства нацизма и сталинизма. Гегель, Хорбигер, Холн — все они имели одинаковые корни. Высосанная из пальца истина, проповедуемая тоном самодовольства и непогрешимости и не подлежащая проверке реальностью.

В Северной Америке холнизм исповедовали во времена беспримерного предвоенного расцвета лишь немногие свихнувшиеся личности,

оставшиеся верными эгоизму восьмидесятых годов. Зато в другом полушарии фанатикам иной версии того же зла — «Славянскому Мистицизму» — удалось захватить власть. Это безумие в конечном счете и ввергло мир в пучину Светопреставления.

Улыбка Гордона была мрачна и сурова.

— Кто теперь, после стольких лет, сумеет разобраться, что законно, а что нет? Одно бесспорно, Безоар: «подлинный дух Америки» — сегодня это истребление холнистов. Ваш культ силы всем ненавистен, и не только в Возрожденных Соединенных Штатах, но практически всюду, где я побывал. Враждующие деревни забывают о распрях, стоит появиться слуху о приближении вашей банды. Любой человек в камуфляже подлежит казни через повешение.

Он попал в цель. Ноздри человека с серьгами задергались.

— Полковник Безоар, с вашего позволения. Полагаю, что кое-где дела обстоят по-другому, господин инспектор. Скажем, во Флориде или на Аляске.

Гордон пожал плечами. Об этих штатах никто ничего не слышал с тех пор, как упали первые бомбы. Однако имелись и другие места, хотя бы

тот же южный Орегон, куда холнисты не осмеливались сунуться.

Безоар встал и подошел к книжной полке.

— Вы когда-нибудь читали Натана Холна? — спросил он прежним любезным голосом, вооружившись увесистым томом.

Гордон отрицательно помотал головой.

— Но, сэр, как же вы можете узнать врага, не познакомившись с его образом мыслей? Прошу вас, загляните в «Утраченную Империю». Это биография другого великого человека, вице-президента Аарона Бэрра [вице-президент США, был арестован по приказу президента Джефферсона и обвинен в измене], написанная самим Холном. Возможно, это заставит вас передумать. Если хотите знать, мистер Кранц, вы, по-моему, вполне могли бы стать холнистом. Зачастую сильные нуждаются лишь в том, чтобы раскрылись их глаза, прежде ослепленные пропагандой слабых, чтобы понять: они способны завладеть миром — стоит только протянуть руку.

Гордон подавил первый гневный импульс и взял книгу. Вряд ли стоило и дальше дразнить собеседника. Достаточно одного его слова, чтобы обоих северян прикончили без лишних разговоров.

— Идет. По крайней мере, это поможет мне скоротать время, пока вы не организуете нашу переправку обратно на Уилламетт, — примирительно молвил он.

— Ага, — проронил Джонни, впервые раскрыв рот. — Кстати, как насчет уплаты дополнительного почтового сбора за доставку украденной вами почты? Письма мы прихватим с собой.

Безоар холодно улыбнулся Джонни, но ответить не успел: раздались грузные шаги по дощатому полу. В распахнувшейся двери появились трое бородачей в неизменном черно-зеленом камуфляже. Самый низкорослый из них имел наиболее начальственный пил. В его ухе болталась всего одна серьга, зато с драгоценными камнями.

— Джентльмены, — провозгласил Безоар, снова вставая, — позвольте представить вам бригадного генерала запаса армии США Маклина, объединившего орегонские кланы холнистов и принявшего командование силами освобождения Америки.

Гордон неуклюже встал. Он не верил собственным глазам: более странных личностей, чем генерал и двое его подручных, ему прежде не доводилось видеть.

Бороды и серьги, а также веревочки с «трофеями», служившими церемониальными украшениями, ему уже встречались. Но шрамы... Они густо покрывали не только лица вошедших, но и каждый участок кожи на руках и на шее — все, что не скрывала одежда. Над шрамами когда-то потрудились хирурги, о чем говорили сохранившиеся следы швов; при этом бугрящиеся мышцы и одновременно выпирающие сухожилия производили странное впечатление.

Гордону пришло на ум, что он когда-то уже наблюдал нечто похожее. Правда, он не мог сразу вспомнить, где и когда именно.

Уж не стали ли бедолаги жертвами послевоенной эпидемии — свинки или тироидной гипертрофии?

В следующее мгновение Гордон узнал горилоподобного адъютанта Маклина: именно этот урод набросился на него на берегу Кокилла и уложил наземь, прежде чем он успел пошевелить пальцем.

Ни один из троих не принадлежал к новому поколению доморощенных феодалов — молодых силачей, навербованных по всему южному Орегону. Нет, эти успели возмужать еще до Светопреставления, однако время нисколько их не

состарило. Генерала Маклина, к примеру, отличали настолько мягкие, кошачьи движения, что наблюдая их невольно брала оторопь. Он не терял времени на любезности: кивнув головой в сторону Джонни, генерал дал понять Безоару, каковы его намерения.

— Ах да, — протянул Безоар, изящно поводя рукой, — мистер Стивенс, будьте так добры, перейдите в сопровождении этих джентльменов в ваш... номер. Генерал желает переговорить с вашим начальником с глазу на глаз.

Джонни взглянул на Гордона. Кивни тот сейчас, Джонни устроил бы свалку. Гордон даже поежился, видя столь беззаветную преданность. Он никогда не стремился к тому, чтобы его боготворили.

— Возвращайся, Джонни, — молвил он. — Я присоединюсь к тебе позднее.

Двое гигантов вывели Джонни вон. Дождавшись, когда стихнут шаги за дверью, Гордон обернулся к предводителю холнистов. Он был полон самых решительных намерений. Здесь, в стане врага, он не сожалел о необходимости лицемерить. Если для того, чтобы одурачить этих выродков, ему придется лгать напропалую, он с радостью это сделает. Он гордо расправил на себе

форму, готовясь к своему самому величественному представлению.

— Брось! — пролаял Маклин, вытянув вперед свою длинную мускулистую руку. — Одно слово о Возрожденных Соединенных Штатах — и я запихну тебе в глотку твою паршивую форму.

Гордон остолбенел. Безоар ухмылялся.

— Боюсь, я сказал вам далеко не все, господин инспектор. — Теперь в голосе Безоара звучал неприкрытый сарказм. Нагнувшись, он выдвинул один из ящиков стола. — Едва услыхав о вас, я немедленно направил людей по вашим следам. Кстати, вы правы, говоря, что холнизм кое-где не слишком популярен. Пока. Две наши группы так и не вернулись.

Генерал Маклин щелкнул пальцами.

— Не тяните резину, Безоар! Я занят. Пусть введут того кретина.

Безоар послушно кивнул и дернул веревку на стене. Гордону оставалось только догадываться, что он хотел найти в своем столе.

— Но одна из групп столкнулась в Каскадных горах, в ущелье к северу от Крейтер-Лейк, с кучкой отчаянных субъектов. Возникли разногласия, большая часть субъектов полегла, однако нам удалось уговорить одного из тех, кто выжил...

Послышались шаги, занавес с бахромой раздвинулся. Смазливая блондинка пропустила в комнату побитого человека с перевязанной головой. Его комбинезон все той же защитной расцветки был залатанным и выцветшим, на поясе болтался нож, а из уха свисала маленькая сережка. Он не поднимал глаз от пола. Этот «мастер выживания» определенно не слишком обрадовался, что оказался в таком обществе.

— Я бы представил вас этому новобранцу, господин инспектор, — продолжал Безоар, — но вы, кажется, и так знакомы.

Гордон растерянно покрутил головой. Что здесь происходит? Он никогда в жизни не встречался с этим человеком!

Безоар легонько хлопнул понурого незнакомца по спине, заставляя его поднять глаза.

— Утверждать не могу... — сказал новоявленный последователь Холна, рассматривая Гордона. — Возможно, это и он. Незначащая встреча, малозначительное происшествие...

Гордон непроизвольно стиснул кулаки. Знакомый голос!

— Это ты, мерзавец!

Несмотря на отсутствие горской шляпы, Гордон вспомнил эти припорошенные сединой бакен-

барды и болезненную худобу. Роджер Септен был сейчас куда менее безмятежен, чем в их предыдущую встречу на иссушенном горном склоне, когда он участвовал в нападении на Гордона и еще издевался над ограбленным, обреченным на неминуемую смерть.

Безоар удовлетворенно кивнул.

— Можешь идти, рядовой Септен. Полагаю, твой офицер найдет для тебя подобающее поручение.

Бывший грабитель, а до того — биржевой маклер обреченно кивнул и вышел, больше ни разу не взглянув на Гордона и не произнеся ни слова.

Только сейчас до Гордона дошло, как он сглупил. Ему следовало притвориться, что он не узнает этого доходягу. Впрочем, вряд ли бы это что-либо изменило: Маклин казался убежденным в своей правоте.

— Продолжайте! — приказал генерал адъютанту.

Безоар снова полез в ящик стола. На свет появилась маленькая потрепанная тетрадка в черной обложке, которую Безоар протянул Гордону.

— Узнаете? Здесь стоит ваше имя.

Гордон прикрыл глаза. Да, это его дневник... тот, что украли вместе с остальным его добром

Септен с дружками за несколько часов до того, как он набрел на разбитый почтовый джип и начал свою новую карьеру — карьеру почтальона.

Как он тогда оплакивал утрату! Ведь в дневнике содержалось описание всего его маршрута с тех пор, как он покинул Миннесоту семнадцать лет тому назад, и его впечатления о жизни в Америке, потерпевшей полный крах...

Однако теперь появление этой тетрадки означало для него полный провал. Он тяжело опустился на стул, мгновенно лишившись сил. О, как зло подшутили над ним силы преисподней! В конце концов он пал-таки жертвой собственной лжи.

На страницах дневника не было ни единого упоминания о почтальонах, «возрождении», Соединенных Штатах, а только правда, голая правда.

13

НАТАН ХОЛН
УТРАЧЕННАЯ ИМПЕРИЯ

"Сегодня, когда близится к концу двадцатый век, считается, что величайшее противостояние нашего времени — это борьба так называемых «левых» с так на-

зываемыми «правыми»; но и те, и другие — всего лишь чудища, орудующие в сфере вымышленной политической жизни. Мало кто осознает, что эти так называемые оппоненты — на самом деле два лика одного и того же смертельно больного зверя. Большинство поражено слепотой, препятствующей миллионам разглядеть, как их обводят вокруг пальца с помощью этой фикции.

Однако так было не всегда. И так не пребудет вовеки. В других работах я говорил об иных системах: о чести, возведенной в абсолют в средневековой Японии, о славных дикарях — американских индейцах, о блистательной Европе того периода, который именуется неженками-историками «эпохой средневековой тьмы».

История снова и снова преподносит нам один и тот же урок: во все эпохи кто-то командовал, кто-то повиновался. Вот взаимоотношения подчиненности и силы, отличающиеся достоинством и естественностью! Мы как вид всегда жили при феодализме, с тех самых пор, как, сбившись в дикие стаи, устрашали друг

друга криками с вершин холмов. Таким оставался наш образ жизни, пока люди не были совращены, пока сильные не стали внимать жалкому лепету — пропаганде слабых.

Вспомните, как обстояло дело в Америке на заре девятнадцатого века. Тогда неограниченные возможности развития подавили болезненные ростки так называемого «Просвещения». Победоносные солдаты революции смели английское разложение с территории континента. Граница была открыта, и крепкий дух индивидуализма гордым стягом реял над новорожденной нацией.

Именно дух индивидуализма вдохновлял Аарона Бэрра, когда он двинулся на завоевание новых территорий за пределами первых тринадцати колоний. Он мечтал о том, о чем мечтается всякому мужчине — о могуществе, завоеваниях, империи!

Каким бы стал мир, если бы он одержал победу? Смог бы он помешать появлению этих недоносков, этих уродливых близнецов — капитализма и социализма?

Кто знает! Я буду говорить о том, во что я верю. Вера моя — в том, что до Эры Величия было тогда рукой подать, она должна была вот-вот родиться!

Однако Бэрр оказался повержен прежде, так и не сумев свершить больше, нежели просто покарать Александра Гамильтона, служившего игрушкой в руках предателей. Может показаться, что главным его противником выступал президент Джефферсон — двурушник, лишивший Бэрра президентства. Однако на самом деле заговор проник гораздо глубже.

Приводные ремни находились в руках злого гения — Бенджамина Франклина [Бенджамин Франклин (1706-1790) — один из основателей Соединенных Штатов, входил в число авторов Декларации независимости США. Кроме того, Франклин был Почтмейстером сначала Филадельфии, а затем и всех 13 североамериканских колоний]. Это он верховодил интригой, поставившей целью удушить империю еще в зародыше. У него было слишком много подручных, которых не

сумел одолеть даже такой могучий боец, как Бэрр.

Главным же его инструментом служил Орден Цинцинната..."

Гордон захлопнул книгу и бросил ее рядом с соломенным тюфяком заглавием вниз. Как могли найтись у подобного бреда читатели, не говоря уж об издателях?

Ужин остался позади, но в сарае было еще достаточно светло, чтобы читать, ибо солнце впервые за несколько дней выглянуло из-за облаков. Однако по спине Гордона ползали холодные мурашки, а в голове звучали заклинания сумасшедшего.

«Злой гений Бенджамин Франклин...»

Натан Холн нащупал верную струну, утверждая, что «Бедный Ричард» был далеко не простым издателем и философом, совмещавшим к тому же страсть к научному экспериментаторству с вульгарным распутством. Если бы Холн не передергивал в цитировании, то можно было бы согласиться, что Франклин стоял в центре необычных событий. После Войны за независимость и впрямь случилось нечто странное, что заставило отступить людей, подобных Аарону Бэрру, и привело к созданию государства, знако-

мого Гордону.

Однако помимо этого Гордона поразил размах безумия Холка. Безоар с Маклином, должно быть, тоже совершенно выжили из ума, если воображают, что такие бредни сделают из него их единомышленника!

На самом деле книга произвела на него совершенно противоположное впечатление. Он был готов погибнуть при извержении вулкана, лишь бы таковой пробудился прямо здесь, в Агнесс, и погубил все это змеиное гнездо.

Где-то неподалеку плакал младенец. Сколько Гордон ни всматривался, ему удалось разглядеть в сумерках только неясные фигуры, снующие в ближней роще. Прошлым вечером в Агнесс пригнали новых пленных. Они со стонами ползали теперь вокруг костра, который им позволили развести, не рискуя сунуться под какую-нибудь крышу.

Гордона и Джонни ожидала перспектива оказаться среди этих несчастных, если Маклин не получит от них желанного ответа. «Генерал» все больше терял терпение. Ведь, с его точки зрения, Гордон отвечал отказом на вполне разумное предложение.

Оставалось совсем немного времени, чтобы

принять окончательное решение. В ближайшую же оттепель холнисты возобновят наступление, независимо от того, согласится он на сотрудничество с ними или нет. Ему практически не оставили выбора.

Непрошенные воспоминания о Дэне все время теснились у него в голове. Он скучал по ней, гадал, жива ли она; ему очень не хватало ее прикосновений, и он уже готов был смиренно выслушивать ее бесконечные вопросы.

Теперь, конечно, поздно помешать ей и ее последовательницам, сколь ни безумны их замыслы. Гордон недоумевал, почему Маклин не торопится порадовать его вестью о новом несчастье, постигшем самодеятельную Армию долины Уилламетт.

«Всему свое время», — мрачно думал он.

Джонни закончил промывать донельзя истертую зубную щетку — единственную вещь, которой они с Гордоном владели на пару. Усевшись рядом с ним, юноша поднял с соломы биографию Бэрра. Осилив несколько страниц, он недоуменно вскинул брови.

— Конечно, наша школа в Коттедж-Гроув не больно хороша по довоенным стандартам, зато дедушка только и делал, что подсовывал мне

книжки, и много рассказывал об истории и тому подобном. Даже я понимаю, что этот самый Холн добрую половину своей писанины высосал из пальца. Непонятно, как ему удалось тиснуть подобную книжицу? Неужели ему хоть кто-то поверил?

— Это называется «большая ложь», Джонни, — отозвался Гордон. — Главное — делать вид, будто ты разбираешься в том, о чем толкуешь, и приводишь подлинные факты. Болтай без умолку, сплетай клубок лжи, разоблачай мнимые заговоры и повторяй свои домыслы снова и снова. Те, которые ждут оправдания собственной ненависти и клевете, — возомнившие о себе невесть что слабаки — ухватятся за любое самое примитивное объяснение вселенского устройства. Такие никогда не упрекнут тебя в передергивании фактов. Это великолепно получалось у Гитлера, потом у Мистиков с востока. Холн — всего лишь новый мастер Большой Лжи.

«А ты сам?» — упрекнул себя Гордон. Разве он, изобретатель басни о Возрожденных Соединенных Штатах и пособник лгунов из окружения Циклопа, имеет право бросать в других камни?

Джонни почитал еще несколько минут и снова отвлекся.

— А что это за Цинциннат? Его тоже выдумал Холл?

Гордон откинулся на солому и ответил, не открывая глаз:

— Нет. Если я правильно помню, так звали великого древнеримского полководца времен Республики. Легенда гласит, что, устав от битв, он оставил армию и принялся мирно обрабатывать землю. Но как-то раз к нему явились посланцы города: римские армии оказались разгромлены из-за бездарности их военачальников. Катастрофа неминуема. Гонцы нашли Цинцинната за плугом и стали умолять его, чтобы он возглавил последний оборонительный бой...

— Что же ответил Цинциннат посланникам Рима?

— А он, — Гордон зевнул, — и не подумал отказываться. Хотя ему не больно хотелось возвращаться к ратным трудам. Он возглавил римлян, отбросил захватчиков, а потом гнал их до того города, откуда они выступили. В общем, одержал громкую победу.

— Держу пари, римляне провозгласили его царем, — сказал Джонни.

— Армия именно этого и хотела. Народ — тоже... Но Цинциннат послал их всех куда подальше,

возвратился к себе на ферму и больше не казал оттуда носа.

— Непонятно... — Джонни почесал в затылке. — Почему он так поступил?

Гордон, напротив, отлично понимал легендарного героя, тем более сейчас, наученный горьким опытом. Не так давно он получил разъяснение истинных причин людских поступков и никогда его не забудет.

— Гордон?

Он ничего не ответил. Его внимание привлек неясный шум снаружи. Сквозь щель в досках сарая он увидел кучку людей, поднявшихся на холм со стороны реки. Там только что пристала к берегу лодка.

Джонни пока ничего не замечал. Он задавал вопрос за вопросом — и так продолжалось с тех пор, как они пришли в себя после мучительного пути. Этот юнец, подобно Дэне, не упускал любой возможности пополнить свои познания.

— Рим — это задолго до американской революции, правда, Гордон? Тогда что это за... — он заглянул в книгу, — Орден Цинцинната, о котором говорит Холн?

Гордон наблюдал за тем, как процессия приближается к их сараю. Двое невольников несли

на носилках раненого, их сопровождали солдаты-холнисты в хаки.

— Орден Цинцинната основал после Войны за независимость Джордж Вашингтон, — рассеянно отозвался он. — Основными членами Ордена стали его офицеры...

Он запнулся, видя, как открывается дверь. Оба узника уставились на невольников, опустивших на солому носилки. Потом они вместе с охранниками исчезли, не проронив ни слова.

— Он тяжело ранен, — сказал Джонни, осмотрев распростертое на соломе тело. — Повязку не меняли уже несколько дней.

Гордон вдоволь нагляделся на раненых за годы? минувшие с того дня, как весь его второй курс колледжа забрали в ополчение; и еще он вдоволь наслушался кустарных диагнозов, пока служил во взводе у лейтенанта Вана. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять: пулевые ранения можно было бы вылечить, если бы за дело взялись вовремя и всерьез. Сейчас же от неподвижной фигуры на соломе пахло надвигающейся смертью. На руках и ногах несчастного виднелись следы пыток.

— Надеюсь, он не открыл им правды, — пробормотал Джонни, стараясь уложить умирающего поудобнее. Гордон помог ему подоткнуть одеяло.

Он никак не мог сообразить, откуда взялся этот несчастный. На бойца с реки Уилламетт он не был похож. В отличие от большинства мужчин из долины Камас и Розберга, он до недавних пор регулярно пользовался бритвой. Несмотря на явно жестокое обращение в последние дни, когда его захватили в плен, у него еще оставалась довольно мощная мускулатура: это означало, что его миновала невольничья доля.

Внезапно Гордон отпрянул от умирающего и удивленно заморгал глазами.

— Джонни, гляди! Ты видишь то же, что и я?

Джонни проследил за его жестом и откинул одеяло.

— Будь я неладен... Гордон, это похоже на форму!

Гордон кивнул. Да, это была форма, к тому же определенно довоенного пошива. Она абсолютно не походила ни на комбинезоны холнистов, ни на любую другую одежду, которую им приходилось видеть в Орегоне. На плече умирающего была нашивка с эмблемой, которую Гордон разглядывал, не веря собственным глазам: золотой фон и бурый медведь, стоящий на задних лапах на красной ленте... [изображение на флаге штата Калифорния]

* * *

Через некоторое время за Гордоном снова пришли — уже знакомый эскорт плюс невольник с фонарем.

— Этот человек умирает, — сказал Гордон старшему в карауле.

Молчаливый холнист с тремя серьгами буркнул:

— Ну и что? Сейчас к нему пришлют женщину. Пошевеливайся! Генерал ждет. По пути им встретилась на освещенной луной тропе фигура, бредущая в противоположном направлении: обвисшие плечи, глаза, прикованные к тазику с бинтами и мазями; женщина посторонилась, хотя охранники ее вообще не заметили. В последний момент она все-таки подняла глаза, и Гордон узнал ту самую маленькую седеющую брюнетку, которая несколько дней назад забирала в починку его форму. Он попытался ободряюще улыбнуться ей, однако это лишь повергло ее в панику. Она втянула голову в плечи и скрылась в темноте.

Гордон понуро ковылял за стражниками. Женщина чем-то напомнила ему Эбби. Его ни на минуту не оставляла тревога за друзей в Пайн-

Вью: ведь холнистская разведка, наткнувшаяся на банду мародеров с его дневником, побывала в опасной близости от деревни. Выходит, угроза нависла не только над островком цивилизации в долине Уилламетт.

Он понимал, что никто не может теперь считать себя в безопасности — кроме разве что Джорджа Паухатана, которому ничто не угрожает на его Сахарной Голове, где он ухаживает за пчелами да знай себе варит пиво, пока остальной мир сгорает в огне.

— Мне начинают надоедать ваши увертки, Кранц, — сообщил генерал Маклин, когда охранники оставили его наедине с пленником в заставленной книгами комнате в избушке лесника.

— Вы ставите меня в трудное положение, генерал. Я все еще изучаю книгу, полученную от полковника Безоара, стараясь понять...

— Хватит болтать? — Маклин подошел к Гордону почти вплотную. Даже при взгляде сверху обезображенное лицо низкорослого холниста выглядело устрашающе. — Я знаю людей, Кранц. Вы достаточно сильны, из вас выйдет славный вассал. Но вас разъедает чувство вины и прочие яды «цивилизации». Вы настолько пропитаны ими, что я начинаю склоняться к мнению: пожа-

луй, вы — бесполезный шлак.

Смысл этих слов был совершенно ясен. Гордон сделал над собой усилие, чтобы унять дрожь в коленях.

— Вы могли бы стать бароном Корваллиса, Кранц. Это высокий титул в нашей нарождающейся империи. Можете даже предаваться своим старомодным пристрастиям, если вам так хочется и если вы достаточно сильны, чтобы это выдержать. Вам хочется быть хорошим со своими вассалами? Хочется плодить почтовые отделения? Что ж, мы могли бы даже не лишать вас ваших Возрожденных Соединенных Штатов. — Маклин ухмыльнулся, обдав Гордона тяжелым запахом изо рта. — Об этом вашем черненьком дневничке известно только Чарли и мне, и мы до поры до времени о нем не распространяемся. Поймите, дело не в том, что вы мне нравитесь. Просто сотрудничество с вами было бы для нас полезно. Вы могли бы управляться с этими умниками в Корваллисе лучше, чем кто-либо из моих ребят. Мы даже согласились бы не выключать тамошнего Циклопа, если от него есть прок.

Значит, холнисты еще не пронюхали, что реально стоит за легендой о суперкомпьютере... Конечно, это не имело для них особого значения:

им всегда было наплевать на технику, которая не помогает воевать. Пользу из науки извлекали преимущественно слабые.

Маклин вытащил из камина кочергу и похлопал ею по ладони.

— В противном случае мы захватим Корваллис уже этой весной. Если только вы не пойдете на попятный, он полыхнет, уж будьте уверены! Тогда никаких почтовых отделений, сынок! И всяких там умных машин!

Маклин указал кочергой на лист бумаги на столе. Рядом стояла чернильница с ручкой. Гордон хорошо понимал, что от него требуется.

Если бы от него не домогались ничего другого, кроме согласия сотрудничать с будущей империей холнистов, он бы давно уступил, притворился бы, что играет в их игры, пока не появится возможность бежать. Однако Маклин был осмотрителен. Он требовал от Гордона, чтобы тот написал в Совет Корваллиса письмо и убедил своих друзей в необходимости сдать несколько ключевых опорных пунктов. Это послужило бы доказательством доброй воли, предшествующим его освобождению.

Естественно, при этом ему оставалось лишь верить генералу на слово, ожидая, что его про-

изведут в «бароны Корваллиса». Однако Гордон сомневался, что генерал будет придерживаться данного слова, так как не собирался держать своего.

— Может быть, вы питаете иллюзию, будто мы недостаточно сильны, чтобы покончить с вашей жалкой «армией долины Уилламетт» без вашего содействия? — Маклин рассмеялся и повернулся к двери. — Шон! — позвал он.

Гориллоподобный телохранитель Маклина явился на зов бесшумно, как привидение. Он закрыл за собой дверь и, подойдя к генералу строевым шагом, замер по стойке смирно в ожидании приказаний.

— Должен вас кое во что посвятить, Кранц. Шон, я и тот проворный кот, который взял вас в плен, — последние из людей особого сорта. — Голос Маклина звучал теперь доверительно. — Дело это было сверхсекретное, но до вас могли дойти кое-какие слухи. Речь об экспериментах, целью которых являлось создание особых, прежде невиданных боевых подразделений.

Наконец-то все стало на свои места, получило объяснение: неправдоподобная прыть генерала, шрамы, избороздившие его самого и его двоих подручных...

— «Приращенные»!

Маклин кивнул.

— Молодец! Вы были достаточно наблюдательны для зубрилы из колледжа, расслабленного долбежкой психологии и этики.

— Но мы-то считали, что за слухами ничего не стоит! Вы хотите сказать, что они действительно поработали с солдатами так, что те...

Он запнулся, глядя на выступающие бугры мускулов на голых руках Шона. Значит, правда — как ни трудно с этим смириться. Иного рационального объяснения не существовало.

— Нас впервые опробовали в Кении. Результаты боя пришлись правительству по вкусу. Только, боюсь, они схватились за головы, когда после примирения мы вернулись домой.

Гордон смотрел, как Маклин протянул кочергу телохранителю. Тот взялся за конец, но не всей рукой, а лишь пальцами, сложив их щепотью. Маклин таким же образом сжал свой конец кочерги. Каждый стал с силой тянуть в свою сторону. При этом Маклин продолжал разглагольствовать, ничем не выказывая напряжения — у него даже дыхание не сбилось.

— Эксперимент продолжался в конце восьмидесятых — начале девяностых годов. Из нас

создали специальные подразделения. Предпочтение отдавалось таким, как мы.

Чугунная кочерга не шевелилась. Оставаясь совершенно прямой, она вдруг стала растягиваться.

— С кубинцами мы расправились образцово. — Маклин не сводил взгляда с Гордона. — Но армейским не понравилось, как стали вести себя ветераны после возвращения домой. Они уже тогда опасались Натана Холна: его учение находило отклик в сердцах сильных. Программа «приращения» была свернута.

Кочерга покраснела посередине. Вытянувшись раза в полтора, она вдруг стала крошиться, как разгрызенная карамель. Гордон бросил взгляд на полковника Безоара, появившегося в комнате: тот нервно облизывал губы и вообще имел несчастный вид. Гордон догадывался, что за мысли его преследуют.

Подобная мощь была недостижима для полковника. Ученые и больницы, где творились подобные чудеса, давно отошли в прошлое. Религия холнизма, исповедуемая Безоаром, требовала от него повиновения этим людям.

Кочерга разорвалась на две части с оглушительным звоном. Гордона обдало горячей волной.

«Приращенные» воины остались стоять в прежних позах.

— Довольно, Шон. — Маклин бросил свой обломок в камин. Адъютант сделал то же, развернулся как на плацу и вышел вон. Маклин лукаво посмотрел на Гордона.

— Ну что, теперь вы не сомневаетесь, что к маю мы войдем в Корваллис? Неважно, с вами или без вас. Кстати, любой «неприращенный» солдат в моей армии стоит двадцати неповоротливых фермеров, не говоря уже о ваших потешных вояках в юбках.

Гордон насторожился, но Маклин еще не закончил свою речь.

— Будь вас там хоть в десять раз больше — ваше дело безнадежно! Неужто вы думаете, что мы, «приращенные», не могли бы просочиться на ваши укрепленные позиции и поднять там все в воздух? Да мы могли бы разнести всю вашу оборону голыми руками! Можете не сомневаться.

Он пододвинул ближе к Гордону бумагу и ручку. Гордон уставился на желтый лист. Откровения генерала только укрепили его уверенность. Он смело встретил взгляд Маклина.

— Демонстрация силы произвела на меня должное впечатление. Но тогда будьте добры, ответьте,

генерал, почему вы так и не взяли Розберг?

Лицо Маклина налилось кровью. Гордон чуть улыбнулся, глядя на предводителя холнистов.

— И уж если зашла об этом речь, поясните, генерал, кто вытесняет вас из ваших собственных владений? Мне следовало догадаться раньше — есть причины, заставляющие вас торопиться. Ведь вы определенно движетесь с невольниками и всем имуществом на север. Между прочим, прежние варварские нашествия, известные в истории человечества, начинались так же, по принципу падающих одна на другую костяшек домино. Вот и скажите, генерал, кто так мощно пинает вас под зад, что вы покидаете Рог-Ривер?

Теряя над собой контроль, Маклин все же старался не отводить от Гордона взгляд.

— Уберите его отсюда! — гаркнул он, обращаясь к Безоару.

Гордон пожал плечами и отвернулся, не желая становиться свидетелем спора.

— А когда вернетесь, мы еще разберемся с вами, Безоар... разберемся, кто нарушил конспирацию!

Гнев командира заставил шефа холнистской разведки выскочить из комнаты и поманить стражников.

Безоар лично сопровождал Гордона до места

заточения, уцепившись за локоть пленника дрожащей рукой.

* * *

— Кто велел поместить здесь этого типа? — завопил полковник, обнаружив на сырой соломе умирающего, над которым хлопотали Джонни и насмерть перепуганная женщина.

— Кажется, Истермен, — пробормотал кто-то из стражи. — Он только что вернулся с фронта на Салмон-Ривер...

Салмон-Ривер! Так называется река в Северной Калифорнии...

— Заткнись! — оборвал стражника Безоар. Однако Гордон успел понять, что догадка его верна. Война велась с куда большим размахом, чем он полагал прежде.

— Уберите его отсюда. А Истермену немедленно явиться в штаб!

Охрана засуетилась.

— Эй, полегче с ним! — взвился Джонни, увидев, что раненого подхватили, как мешок с картошкой. Бросив на пленного яростный взгляд, холнистский полковник хотел выместить злобу на несчастной женщине и занес ногу для пинка, но та, наученная горьким опытом, уже успела

выскользнуть за дверь.

— Увидимся завтра, — бросил Безоар Гордону. — Полагаю, вам лучше одуматься и написать в Корваллис. Ваше сегодняшнее поведение было опрометчивым.

Гордон смотрел сквозь него, как бы не замечая.

— Отношения между генералом и мной вас не касаются, полковник, — бросил он. — Обмениваться угрозами и вызовами могут только равные друг другу.

Цитата из Натана Холна отшвырнула Безоара к стене, как зуботычина. Гордон тем временем уселся на солому и заложил руки за голову, не желая более обращать внимание на бывшего юриста.

Только после ухода полковника в мрачном сарае воцарился покой, и Гордон спросил Джонни:

— Солдат с медведем на эмблеме так и не заговорил?

— Так и не пришел в сознание, — ответил Джонни, грустно покачав головой.

— А женщина? Она хоть что-нибудь сказала?

Джонни осторожно оглянулся. Остальные узники по-прежнему валялись в своих углах, уставившись на стену.

— Ни единого словечка. Зато она сунула мне

вот это.

Гордон взял в руки изорванный конверт. Он мгновенно узнал его: это было письмо Дэны — то самое, которое ему вручил Джордж Паухатан на горе Сахарная Голова. Должно быть, оно затерялось в кармане его брюк и попало в руки женщине, забравшей одежду в стирку. Неудивительно, что ни Маклин, ни Безоар ни словом не обмолвились о письме.

Гордон решил, что к генералу оно попасть не должно. Как ни безумна Дэна и ее подруги, они заслуживают шанса испытать свои силы. Он принялся было рвать письмо на клочки, намереваясь после съесть, но Джонни схватил его за руку.

— Нет, Гордон! Она что-то написала на последней странице!

— Кто?! Кто написал?..

Гордон стал поворачивать бумагу то так, то этак, пытаясь разглядеть буквы в слабом лунном свете, просачивающемся в щели. Наконец он разобрал карандашные каракули: записка была написана большими буквами поверх аккуратных строчек Дэны:

...правда?
так ли свободны женщины на севере?
так ли добр и силен мужчина?

умрет ли она за тебя?

Гордон долго не спускал глаз с этих простых и грустных слов. Несмотря на снизошедшее на него смирение, его повсюду продолжали преследовать прежние призраки. Слова Джорджа Паухатана насчет мотивов, которыми руководствовалась Дэна, по-прежнему не давали ему покоя.

«Большие идеалы» все так же крепко держали его в узде.

Он не торопясь принялся жевать письмо. Не стал делиться лакомым блюдом с Джонни, а проглотил все сам, как бы видя в этом искупительную жертву.

* * *

Спустя примерно час снаружи поднялась суматоха. Оказалось, что холнисты готовятся к какой-то церемонии. От развалин главного универмага городка Агнесс маршировали под мерные удары барабанов две шеренги солдат. Они сопровождали высокого блондина, в котором Гордон узнал одного из тех, кто швырнул к ним в сарай умирающего пленника.

— Это, наверное, Истермен, — проговорил Джонни, не в силах отвести взгляд от процес-

сии. — Уж они ему покажут, что бывает, когда не являешься с докладом к начальству после возвращения с задания!

Гордон отметил про себя, что Джонни, по всей видимости, пересмотрел слишком много фильмов про Вторую мировую войну из видеотеки в Корваллисе...

В конце шеренги солдат он узнал Роджера Септена. Даже в неярком лунном свете нетрудно было убедиться, что бывший грабитель с горной тропы дрожит как осиновый лист и с трудом удерживает в руках винтовку.

Адвокатский голос Чарлза Безоара тоже звучал нетвердо, когда он зачитывал обвинения. Истермен стоял спиной к толстому стволу дерева. Лицо его ничего не выражало, на груди висела веревка с трофеями, смахивающая то ли на патронташ, то ли на гроздь медалей.

Безоар посторонился, пропуская вперед генерала Маклина. Тот пожал осужденному руку, поцеловал в обе щеки и отступил, чтобы полюбоваться казнью. Сержант с двумя серьгами прокричал команду. Расстрельный взвод стал на одно колено и прицелился. Прогремел залп.

Не стрелял только Роджер Септен, свалившийся в обморок.

Высокий блондин лежал в луже крови под деревом. Гордон вспомнил умирающего пленника, который пробыл рядом с ними так недолго, но о многом успел поведать, даже не открыв глаз.

— Спи спокойно, калифорниец, — прошептал он. — Ты унес с собой на тот свет еще одного врага. Вот и всем нам так же бы не оплошать...

14

В ту ночь Гордону приснился великий Бенджамин Франклин, играющий в шахматы с неуклюжей железной печуркой.

— Проблема заключается в противовесах, — объяснял седовласый ученый и государственный муж, обращаясь к своему изобретению, но игнорируя при этом Гордона. Глаза Франклина не отрывались от шахматной доски. — Я об этом немало размышлял. Как создать социальную систему, которая поощряла бы каждого на бескорыстный труд, но при этом не отказывала бы в сострадании слабым и искореняла безумцев и тиранов?

За раскалившейся решеткой печурки билось пламя, ритмом своих прыжков напоминая танцующие огоньки Циклопа. Пламя как будто

вопрошало: «Кто возьмет на себя ответственность?»

Франклин сделал ход белым конем.

— Хороший вопрос, — молвил он, откидываясь в кресле. — Превосходный. Разумеется, ограничители и противовесы можно предусмотреть в конституции, однако все это будет бессмысленно, если граждане сами не обеспечат серьезного соблюдения всех гарантий. Алчность и властолюбие всегда будут искать способ обойти закон или вывернуть его наизнанку — для собственной пользы.

Пламя немного унялось, и по доске сама собой двинулась черная пешка.

«Кто?..»

Франклин вытер платком вспотевший лоб.

— Мечтающие стать тиранами, вот кто... У них существует для этого извечный набор методов: манипулирование простым человеком, ложь, уничтожение в человеке веры в себя. Говорят, что «власть разлагает», однако правильнее было бы сказать «власть влечет продажных». Нормального человека обычно привлекает не власть, а другие ценности. Даже обретая власть, такой человек относится к ней как к служению, а у служения имеются свои пределы. Тиран, напротив,

стремится к господству, не может им насытиться и неукротимо рвется приумножать его.

«...за детей неразумных», — тянуло свое пламя.

— Да, — кивнул Франклин, протирая очки. — И все же я верю, что некоторые новшества способны помочь. К примеру, правильно поданные мифы. И потом, уж если Господь вознамерился принести кого-то в жертву... — Он потянулся за ферзем, немного поколебался и перенес хрупкую фигурку из слоновой кости через всю доску, почти вплотную к раскаленной решетке.

Гордону хотелось крикнуть, предупредить. Ферзь оказался в крайне опасном положении: рядом не было даже пешек, чтобы его защитить.

Его страхи быстро оправдались: мгновение — и там, где только что стоял белый ферзь, уже возвышался, попирая кучку пепла, черный король.

— Боже, нет! — застонал Гордон. Даже во сне, охваченный горячкой, он знал, что происходит и что символизируют эти события.

«Кто возьмет на себя ответственность?» — снова потребовала ответа печь.

Франклин ничего не сказал, а только еще глубже откинулся в кресле. Потом кресло заскрипело: шахматист обернулся. Он смотрел на Гордона в упор.

— И ты?! — содрогнулся Гордон. — Чего вы все хотите от меня?

Красная рябь пламени. Улыбка Франклина.

* * *

Очнувшись, он беспокойно заворочался. Но тут над ним склонился Джонни Стивенс.

— Гордон, взгляни-ка! — зашептал Джонни. — Что это там с нашей охраной?

Гордон сел, протирая глаза.

— Где?

Пришлось перебираться к восточной стене сарая, ближе к двери. Привыкнув к лунному свету, Гордон разглядел двоих холнистов, охранявших сарай.

Один лежал у скамьи с широко разинутым ртом, уставившись пустым взглядом в облака. Другой еще цеплялся за жизнь: он елозил руками по земле и пытался подползти к своей винтовке. В одной руке он сжимал нож, поблескивающий в пламени затухающего костра. У его коленей валялась в бурой лужице пивная кружка.

Еще несколько секунд — и второй часовой тоже уронил голову, немного подергался и застыл.

Гордон и Джонни переглянулись и, не сговариваясь, попробовали на прочность дверь. Замок оказался на месте. Джонни просунул руку в са-

мую большую щель в стене, надеясь уценить охранника за форму и подтащить поближе.

— Вот бы достать ключи! Черт, слишком далеко...

Гордон налег на дверь. Сарай казался настолько шатким, что его вполне можно было бы разобрать по ласточкам. Однако ржавые гвозди издали такой отчаянный скрип, что у него волосы зашевелились на голове.

— Что предпримем? — спросил Джонни. — Если дружно подналечь, то можно вырваться. Потом к реке, в каноэ...

— Тес! — одернул его Гордон. В темноте кто-то двигался. Маленькая фигурка перебегала от дерева к дереву, приближаясь к застывшим часовым.

— Это она! — прошептал Джонни. Гордон тоже узнал темноволосую служанку, ту самую, что сделала трогательную приписку к посланию Дэны. Он наблюдал, как она, превозмогая страх, заставила себя наклониться сначала к одному, потом ко второму часовому, проверяя, дышат ли они.

Женщина дрожала всем телом и жалобно скулила, пока искала на поясе у одного из них ключи: для этого ей пришлось дотронуться до мерзких трофеев. Наконец она завладела побрякивающей связкой.

Последовала возня с замком, во время которой все трое едва не лишились чувств — так он скрипел. Потом дверь отворилась, выпуская пленников. Первым делом они обшарили тела часовых, завладели их ножами, патронами, винтовками; потом оттащили тела в сарай и снова повесили на дверь замок.

— Как твое имя? — спросил Гордон съежившуюся от страха служанку, опускаясь рядом с ней на колени. Не открывая глаз, она еле слышно ответила:

— Хетер...

— Почему ты помогла нам, Хетер?

Она распахнула изумрудно-зеленые глаза.

— Ваша... ваша женщина писала... — Она сделала над собой усилие, чтобы не потерять голос. — Я не верила рассказам старух о прежней жизни. Но потом пленные стали говорить о том, как живется у них на севере. А тут еще вы... Вы не станете сильно бить меня за то, что я прочла ваше письмо?

Она опять съежилась, когда Гордон протянул руку, чтобы погладить ее по щеке. Нежность была ей совершенно неведома. Он мог бы наговорить ей кучу утешительных слов, но прибег к простейшим, которые она наверняка поймет:

— Я вообще не стану тебя бить. Никогда.

Рядом возник Джонни.

— Гордон, каноэ стережет всего один человек. Кажется, я знаю, как к нему подобраться. Какой бы он ни был бестией, нам на руку то, что он ни о чем не подозревает. Мы зайдем сзади и...

Гордон кивнул.

— Только нам придется взять с собой и ее.

Джонни разрывался между состраданием и практическими соображениями. Несомненно, он считал своим первейшим долгом спасти Гордона.

— Но...

— Они поймут, кто отравил часовых. Если она останется, они ее распнут.

Джонни недолго колебался; сомнения его были разрешены, и он опять рвался в бой.

— О'кей. Тогда побудем медлить.

Но Хетер удержала Гордона за рукав.

— У меня есть подруга, — сказала она и помахала кому-то в темноте.

Из тени деревьев выступила стройная фигура в брюках и в рубахе на несколько размеров больше, чем нужно, перехваченной широким ремнем. Даже в этом одеянии ее было нетрудно узнать. Любовница Чарлза Безоара собрала свои светлые

волосы в узел на затылке; в руках она держала какой-то сверток. Она нервничала еще больше, чем Хетер.

Гордон понимал: ей есть что терять. То, что-она решилась довериться двум сомнительным чужакам с неведомого севера, свидетельствовало об отчаянии.

— Ее зовут Марси, — сказала Хетер. — Мы сомневались, возьмете ли вы нас с собой, поэтому она прихватила кое-что для вас.

Марси развернула трясущимися руками черный брезент.

— В-ваша п-почта... — проговорила она и осторожно протянула Гордону письма, не смея больше держать в руках такое богатство.

Гордон едва не расхохотался, увидев эту кипу мусора, однако сразу посерьезнел, обнаружив тут же черную тетрадку. Он заморгал, представляя себе, на какой риск она пошла, чтобы добыть дневник.

— Ладно, — сказал ой, забирая сверток и снова перетягивая его веревкой. — Не отставайте и не шумите. Когда я махну — вот так, — пригнитесь и дожидайтесь нас.

Женщины молча кивнули. Гордон собирался спускаться к реке первым, но Джонни успел его

опередить.

«Ладно, не спорь, — велел Гордон самому себе. — Парень действует правильно, черт его побери!»

Чувство свободы было восхитительным. Но, как всегда, его сопровождал проклятый Долг.

Ненавидя себя за то, что снова приходится играть роль важной персоны, он пригнулся и побежал за Джонни, показывая женщинам дорогу к каноэ.

15

Выбирать направление движения не приходилось. С наступлением весны река Рог превратилась в неукротимый поток. Оставалось только отдаться на волю течения и уповать на удачу.

Джонни был горд успешным нападением на часового. Тот оглянулся лишь тогда, когда Джонни осталось сделать последние два шага, и почти не оказал сопротивления; юноша набросился на него и прикончил тремя ударами ножа. Молодого выходца из Коттедж-Гроув переполняло сознание собственной доблести, поэтому он старался не ударить в грязь лицом, когда помогал женщинам переходить в лодку и выгребал на

середину реки.

У Гордона не хватило духу раскрыть парню глаза: он видел лицо убитого, когда они раскачивали труп, чтобы бросить его в реку. Бедняга Роджер Септен казался удивленным и даже обиженным — супермену-холнисту не полагалось умирать с таким выражением на лице.

Гордон припомнил, как впервые в жизни стрелял в грабителей и поджигателей почти два десятилетия тому назад, когда еще было кому отдавать приказы и кому подчиняться им, — до того, как ополчение распалось, растворившись в толпах бунтующих, на усмирение которых и было брошено. Первое убийство не вызвало в нем гордости: ночью он плакал, горюя о загубленных душах.

Но теперь настали иные времена, и убить холниста считалось, безусловно, благим делом.

Прежде чем отчалить, они продырявили все остальные каноэ. Каждое мгновение задержки грозило бедой, но необходимо было избавиться от преследования. Кроме того, первое поручение наполнило женщин гордостью, и они взялись за него с энтузиазмом. С каждым пробитым днищем их пугливость убывала на глазах.

Женщины устроились в центре каноэ, и Гордон

с Джонни заработали веслами, еще не зная толком, как лучше управляться с этой посудиной. Луна ныряла за тучи и снова выныривала в едином ритме со взмахами их весел.

Совсем неподалеку беглецов подкарауливали первые пороги-Здесь уже было не до экспериментов с веслами: их несло в водяной пыли то на один страшный камень, то на другой. В горах началось таяние снегов, и река вздулась от ежесекундно пребывающей воды. В ушах стоял оглушительный рев, лунный свет вяз в мириадах брызг. С потоком невозможно было бороться; оставалось одно — увертываться от преград и почти что ощупью направлять хрупкую скорлупку в безопасное место.

Видя, что их выносит на более спокойный участок, Гордон, снимая напряжение, веслом заставил каноэ развернуться на месте. Потом они с Джонни отбросили весла и дружно расхохотались. Марси и Хетер смотрели на них во все глаза, молча вздрагивая от только что пережитого испуга и начавшего разливаться по жилам чувства свободы. Джонни издал радостный крик и шлепнул по воде веслом.

— Здорово, Гордон! Продолжим!

Гордон, с трудом отдышавшись, вытер мокрое

лицо.

— Продолжим. Только осторожно.

Они налегли на весла и через минуту снова оказались на стремнине.

— Черт! — крикнул Джонни. — Я-то думал, что тот был...

Шум воды заглушил конец фразы, но Гордон знал, о чем речь: «Я-то думал, что хуже не бывает!»

Теперь протоки между камнями стали узкими щелями. Чудом проскочив первую щель, каноэ устремилось вперед, опасно накренившись.

— Налегай! — завопил Гордон. На сей раз ему было не до смеха: жизнь всех четверых висела на волоске.

«Надо было шути пешком... пешком... пешком...»

Неизбежное случилось скорее, чем они могли предположить, — меньше чем в трех милях вниз по течению. Плавающее бревно, внезапно вынырнувшее из-под камня в узком каньоне, потеря управления, напрасные ругательства — и все было кончено.

Алюминиевое каноэ, разумеется, пережило бы столкновение, но откуда же взяться алюминию после стольких лет войны? Скорлупка из дерева

и коры развалилась на части с треском, который не смогли заглушить даже крики женщин, попавших в ледяной поток.

От холода у всех четверых перехватило дыхание. Гордон уцепился одной рукой за обломок каноэ, другой вовремя успел ухватить за волосы Хетер. Он пытался приподнять ее над водой, но она тянула его вниз, заставляя захлебываться в пене.

Наконец он нащупал ногами песчаное дно. Собравшись с силами, Гордон рванулся из воды, волоча за собой полузахлебнувшуюся женщину, и рухнул на гниющие водоросли, которыми забросал берег взбесившийся поток.

Рядом с ним надсадно кашляла Хетер. Джонни и Марси тоже сумели выбраться из водоворота. Однако ни у кого не осталось сил, чтобы ликовать по случаю победы над стихией. Гордон мог только неподвижно лежать, пытаясь восстановить дыхание. Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем до него донесся голос Джонни.

— Не больно много у нас было добра, чтобы его оплакивать. Плохо только, что у меня намокли патроны. А твоя винтовка утонула, Гордон?

— Ага. — Он сел, тяжело дыша и осторожно трогая ссадину на лбу — результат столкновения

с обломком каноэ.

Остальные как будто легко отделались, хотя все четверо дружно кашляли и тряслись от холода. Позаимствованная у кого-то одежда облепила соблазнительные формы Марси, но Гордону было не до того, чтобы обращать на это внимание.

— Что нам теперь делать? — спросила она, выбивая зубами дробь.

Пожав плечами, Гордон ответил не менее дрожащим голосом:

— Для начала надо спрятать обломки кораблекрушения. — Видя изумление женщин, он пояснил: — Если они не найдут обломков, то сделают вывод, что мы успели отплыть за ночь гораздо дальше, чем на самом деле. Возможно, это наш единственный шанс на спасение. Справившись с этим делом, мы двинемся дальше посуху.

— Никогда не бывал в Калифорнии, — молвил Джонни, вынудив Гордона улыбнуться. С тех пор как обнаружилось, что у холнистов есть еще противники кроме армии долины Уилламетт и южан, паренек только об этом и думал. Идея была, что и говорить, соблазнительной: преследователям вряд ли придет в голову, что беглецы могут устремиться на юг.

Однако для этого потребовалось бы переправ-

ляться через поток. К тому же память подсказывала Гордону, что река Салмон протекает далеко к югу. Но даже если бы они сумели пропутешествовать миль двести по владениям холнистов и спасти собственные жизни, более важные соображения диктовали иное: сейчас, весной, перед самым наступлением врага, в нем и в Джонни отчаянно нуждались дома.

— Заберемся в горы и дождемся, пока погоня проскочит мимо, — сказал Гордон. — А потом попробуем добраться до Кокилла.

Никогда не унывающий Джонни тут же взял быка за рога.

— Тогда поспешим к каноэ, — сказал он и прыгнул в ледяную воду, сразу у берега доходящую ему до пояса. Гордон вооружился длинной жердью и полез в воду с некоторой опаской. Во второй раз вода показалась ему ничуть не менее холодной, чем в первый. У него моментально свело пальцы ног.

Они вдвоем уже почти добрались до перевернувшегося каноэ, когда Джонни крикнул, показывая пальцем на середину потока:

— Почта!

Поблескивающий от воды брезентовый сверток быстро скользил прочь от них, направляясь к

очередному порогу.

— Не смей! — крикнул Гордон. — Пускай плывет.

Однако Джонни уже бросился в воду и быстро поплыл за свертком, не обращая внимания на Гордона. Напрасно тот надрывался:

— Возвращайся, Джонни, дурень! Плюнь! Джонни!!!

Он в отчаянии наблюдал, как сверток и упрямый мальчишка исчезают за поворотом реки, откуда доносился оглушительный гул. Ожесточенно бранясь, Гордон бросился в воду и поплыл что было сил, надеясь нагнать безумца. Сердце его сжимало, легкие жгло от ледяной воды. Он почти что обогнул поворот, за которым исчез Джонни, но вовремя уцепился за подвернувшуюся на счастье ветку...

Сквозь завесу водяной пыли он бессильно наблюдал, как его юного последователя затягивает вместе с черным свертком в воронку страшного водопада, оскалившегося острыми клыками и плюющегося густой пеной.

— Нет, нет!.. — хрипло повторял Гордон. У него на глазах Джонни и сверток канули в бездну.

Он все не отводил взгляд от того места, где только что барахтался его юный соратника-хотя

мокрые свесившиеся волосы и ледяные брызги мешали смотреть. Время шло, бездна не отдавала свою жертву.

Наконец Гордону пришлось отступить — у него уже не было сил висеть на ветке. Он цеплялся за нее сколько мог, перебирая руками и медленно отодвигаясь от пучины, пока не достиг местечка поспокойнее. Потом, превозмогая слабость и мало что соображая, обошел удрученных женщин и принялся за каноэ.

Он подтащил расколовшуюся посудину к стене каньона и, найдя нечто вроде пещеры, принялся дробить ее там в мелкую щепу.

Даже когда от каноэ ничего не осталось, а последние кусочки коры унесло течением, Гордон продолжал ожесточенно молотить по воде, всхлипывая, как ребенок.

16

Они провели день среди сгнившей растительности под бетонной плитой бункера. Перед Светопреставлением здесь наверняка было чье-то излюбленное убежище, однако теперь оно превратилось в иссеченные пулями руины, из которых растащили все, что только можно унести.

Еще в довоенные времена Гордон читал, что некоторые уголки страны буквально нашпигованы подобными убежищами, набитыми доверху всякой всячиной. Хозяева их нашли себе хобби: они фантазировали на тему о грядущем упадке общества и собственной доблести в условиях Наступившей первозданной дикости. Плодились специальные курсы, мастерские, журналы, образовалась даже целая отрасль промышленности, обслуживавшая далеко не простых бродяг и туристов.

Некоторым из них просто нравилось предаваться мечтам, другие были достаточно безобидными чудаками, помешавшимися на ружьях. Мало кто по-настоящему шел за Натаном Холном, и почти все испытали ужас, когда их фантазии вдруг стали явью.

В конце концов одинокие «мастера выживания» вымерли в своих бункерах.

Сражения, ливни и ползучая растительность уничтожили следы пребывания здесь любителей покопаться в чужом хламе, прокатившихся несколькими волнами. Теперь бетонная плита ничем не отличалась от вековечной скалы; трое беглецов прятались под ней от холодного дождя, по очереди дежуря и забываясь сном.

Лишь один раз до них донеслись крики и шлепанье лошадиных копыт по грязи. Гордон изображал уверенность, чтобы подбодрить женщин. Он постарался замести следы, но его подопечные не дотягивали по части военной подготовки даже до разведчиц Дэны. Он сильно сомневался, что им удастся сейчас провести лучших следопытов со времен краснокожих.

Однако всадники проскакали мимо, и беглецы перевели дыхание. Гордон задремал.

В этот раз его не посетили сновидения. Он настолько лишился сил, что доступ в его подсознание для навязчивых воспоминаний оказался закрыт.

* * *

Прежде чем отправиться дальше, им пришлось дожидаться, пока выкатится луна. Предстояло выбрать одну из нескольких перекрещивающихся тропинок, однако Гордон знал, куда держать путь: ему помогал слой изморози на северной стороне древесных стволов.

Через три часа после заката они набрели на развалины деревеньки.

— Иллахи, — уверенно сказала Хетер.

— Ни одного жителя, — заметил Гордон.

Залитое лунным светом призрачное селение производило жуткое впечатление. Все, от баронского «замка» до самой нищей лачуги, было начисто обобрано.

— Солдат и невольников отослали на север, — пояснила Марси. — За последние недели так переселили много деревень.

— Они бьются на трех фронтах, — отозвался Гордон. — Маклин не преувеличивал, говоря, что к маю будет в Корваллисе. Перед ними стоит выбор: взять долину Уилламетт или умереть.

Окрестности напоминали пустынный лунный пейзаж. Кое-где росли елочки, но деревьев повыше не осталось и в помине. Гордон догадался, что холнисты пробовали заняться здесь подсечно-огневым земледелием, однако здешним почвам было далеко до плодородной долины Уилламетт, поэтому эксперимент окончился неудачей.

Хетер и Марси шли, взявшись за руки, испуганно шарахаясь от каждой тени. Гордон помимо воли сравнивал их с Дэной и ее отважными амазонками, не говоря уже о счастливой, никогда не унывающей Эбби из Пайн-Вью. Нет, в настоящем каменном веке женскому полу не поздоровится. В этом, по крайней мере. Дэна не ошиблась.

— Давайте осмотрим большой дом, — предло-

жил он. — Вдруг найдем какую-нибудь еду?

Женщины тут же согласились и первыми вошли в брошенный «замок» — прочный дом довоенной постройки, окруженный укреплениями.

Гордон застал их за работой: они освежевывали двух крупных немецких овчарок. Борясь с тошнотой, он сообразил, что хозяин не смог взять четвероногих друзей в путешествие по реке, хотя, несомненно, оплакивал их куда больше, чем рабов, которые перемрут как мухи во время массового исхода в обетованные земли на севере.

Мясо пахло умопомрачительно. Гордон решил подождать чего-нибудь более аппетитного. Женщины оказались менее привередливыми.

* * *

Пока что им везло. Преследователи двинулись на запад, тогда как беглецы избрали противоположное направление. Возможно, люди генерала Мамина уже наткнулись на тело Джонни и ошибочно предположили, что остальные трое уходят к океану. Только время могло ответить на вопрос, сколько еще продлится их везение.

Вблизи брошенной деревни Иллахи протекал бурный поток, устремлявшийся на север. Гордон

решил, что перед ними — южный рукав Кокилла. Естественно, у беглецов не оказалось под рукой лодки, однако, даже найди они что-нибудь подходящее, соваться в этот поток было бы слишком рискованно. Им предстояло и дальше брести по суше.

По правому берегу реки тянулась старая дорога. Так как у них не оставалось выбора, они побрели по ней, хотя это и было опасно. Впереди поднимались горы, подпирающие озаренные луной облака: дорога терялась за ними.

Гордон надеялся, что тут они по крайней мере наверстают время, упущенное на вязкой тропе. Он похваливал своих выносливых спутниц, задавая им при этом нелегкий темп движения. Ни Марси, ни Хетер ни разу не пожаловались, ни разу не взглянули на него с упреком. Гордон не знал, что заставляет их преодолевать милю за милей — отвага или смирение.

Если уж на то пошло, он не был уверен и в собственных мотивах. Чего он добивается? Права дожить до старости в лишенном света мире, пришествие которого не вызывало у него ни малейших сомнений? Призраки на время оставили его, но он был убежден, что в случае удачи они возьмутся за него с удвоенной энергией.

«Почему? — спрашивал он себя. — Неужто я — единственный оставшийся в живых идеалист из XX века? Возможно. Не исключено, что Чарлз Безоар прав: идеализм — это болезнь, самообман».

Прав и Джордж Паухатан: что проку бороться за большие идеи, за ту же цивилизацию? Результат налицо: тебе верят девчонки и мальчишки — и бессмысленно расстаются с жизнью, так ничего и не достигнув.

Прав Безоар, прав Паухатан. Даже Натан Холн, оставаясь чудовищем, правильно оценил Вена Франклина и его одержимых соратников — авторов американской конституции, которой оболванивали легковерных. По сравнению с такими грандиозными пропагандистами Гиммлер и Троцкий показались бы жалкими любителями.

«Мы считаем эти истины не требующими доказательств!..» Ха!

Потом появился Орден Цинцинната, состоявший из офицеров Джорджа Вашингтона, которые, едва не учинив переворот, были пристыжены их суровым командиром и дали слезную клятву, что останутся фермерами и законопослушными гражданами, в солдат же будут превращаться, только если их призовет родина.

Кому пришла в голову такая неслыханная клятва? Обещание, которое дали офицеры, продержалось целое поколение — достаточно долго, чтобы успел зародиться идеал. В своих основных проявлениях идеал этот просуществовал вплоть до эры профессиональных армий и войны технологий.

Иными словами, так продолжалось до конца XX века, когда кто-то решил, что солдат надо превратить в сверхчеловеков. Мысль о Маклине и его «приращенных» ветеранах, наваливающихся на ничего не подозревающую долину Уилламетт, вызывала у Гордона тошноту. Впрочем, ни он, ни кто-либо другой не имел сил предотвратить катастрофу.

«Ничего не поделаешь, — устало размышлял он. — Однако это не избавит меня от проклятых призраков...»

С каждой милей Южный Кокилл становился все более бурным, питаемый ручьями с окрестных гор. Зарядил тоскливый дождик; в унисон с потоком, шумевшим слева, загрохотал гром. Дорога сделала поворот, и путники увидели в небе зигзаги молний.

Гордон задрал на ходу голову и натолкнулся на внезапно замершую на месте Марси. Он хотел

было подтолкнуть ее, как делал это все чаще с каждой милей. Однако на сей раз она прочно приросла к месту.

Марси обернулась, и Гордон заметил в ее глазах бессилие и отчаяние, превосходившие все, что он успел повидать за семнадцать лет войны. Пронзенный ужасным предчувствием, он обогнал ее и...

Примерно в тридцати ярдах впереди находились развалины придорожной лавки. Выцветший щит призывал окупать по бросовым ценам резные деревянные статуэтки. Рядом вросли в грязь два ржавых автомобильных остова. Там же Гордон увидел четырех лошадей и двухколесную тележку. Под козырьком лачуги стоял, сложив на груди руки, улыбающийся генерал Маклин.

— Бегите! — крикнул Гордон женщинам, а сам нырнул в придорожный кустарник и спрятался за мшистым стволом, сжимая в руках винтовку Джонни. Он отлично знал, что поступает глупо. Возможно, у Маклина сохранилось намерение не дать ему умереть, однако в перестрелке у него нет ни малейших шансов уцелеть.

Прыгая в кусты, он следовал инстинкту: так он надеялся дать уйти женщинам, отвлекая внимание на себя. «Безмозглый идеалист!» — выругался

он. Марси и Хетер так и остались стоять на дороге, прикованные к месту то ли усталостью, то ли отчаянием.

— Это вы напрасно, — проговорил Маклин со смесью любезности и смертельной угрозы в голосе. — Неужели вы воображаете, что можете меня застрелить, господин инспектор?

Гордон действительно имел-такое намерение. Все будет зависеть от того, подпустит ли его «приращенный» достаточно близко, а также от состояния боеприпасов двадцатилетней давности, искупавшихся в реке Рог.

Маклин по-прежнему не двигался. Гордон приподнял голову и разглядел рядом с ним Чарлза Безоара. Оба выглядели отменными мишенями. Однако, передергивая затвор, Гордон внезапно спохватился: лошадей-то четыре!

Тут над его головой раздался оглушительный треск. Прежде чем он успел двинуться, его придавила к земле страшная тяжесть. Гордон разинул рот, но не смог издать ни единого звука. Чудовищная сила приподняла его в воздух за ворот. Винтовка вывалилась из его утративших чувствительность пальцев.

— Неужели этот субъект пустил в расход двоих наших парней? — проревел ему в самое ухо вос-

торженный голос. — Такая мразь!

Минула целая вечность, прежде чем Гордон снова получил возможность дышать. Он шумно разевал рот, заботясь сейчас о кислороде куда больше, чем о своем поруганном достоинстве.

— Не забудь еще троих в Агнесс, — откликнулся Маклин. — Они тоже на его совести. Значит, его пояс могут украшать уши пяти холнистов. Наш мистер Кранц заслуживает уважения, учти это, Шон. Пригласи его сюда. Уверен, что он и его дамы будут рады погреться.

Ноги Гордона почти не касались земли, пока верзила волок его за воротник через кусты, а потом через дорогу. «Приращенный», швырнувший Гордона на крыльцо, дышал ровно, как будто справился с былинкой.

Чарлз Безоар сверлил Марси беспощадным взглядом из-под худого козырька бывшей лавки, почти не спасающего от дождя. Лицо холнистского полковника горело от стыда и предвкушения возмездия. Однако Марси и Хетер смотрели только на Гордона.

Маклин присел рядом с ним на корточки.

— Всегда восхищался мужчинами, умеющими найти подход к дамам. Должен признать, что вы относитесь к их числу, Кранц. — Он осклабился и

обернулся к своему могучему подручному: — Тащи его внутрь, Шон. Женщин ждут дела, а нам с инспектором еще надо закончить один разговор.

17

— Теперь я все зияю о ваших женщинах.

У Гордона плыло перед глазами. Ему трудно было зафиксировать на чем-то взгляд, тем более удержать в поле зрения обращающегося к нему человека.

Он болтался вниз головой, подвешенный за ноги; свисающие ладони отделяло от грязного пола фута два. Генерал Маклин восседал у камина. Он бросал взгляд на Гордона всякий раз, когда тот, вращаясь, оказывался с ним лицом к лицу. С губ генерала не сходила улыбочка.

Как ни болели у Гордона ноги и грудь, это не шло ни в какое сравнение с тяжестью прихлынувшей к голове крови. Из задней двери до него доносились тихие стоны — это было само по себе ужасно, но уже не так невыносимо, как вопли, раздававшиеся на протяжении последнего получаса. Маклин велел Безоару перевести дух и заставить женщин потрудиться. В соседней комнате находился пленный, которому требовался

уход, и Марси с Хетер должны оставаться в сознании, чтобы от них был хоть какой-то толк.

Помимо этого, Маклину хотелось беседовать с Гордоном в спокойной обстановке.

— Несколько ваших сумасшедших шпионов с Уилламетт протянули достаточно долго, чтобы подвергнуться допросу, — рассудительно объяснял холнистский командир. — Тот, что валяется в соседнем помещении, пока не выказал должной готовности к сотрудничеству, однако нам хватает донесений от наших сил вторжения, так что картина вполне ясна. Хочу отдать вам должное, Кранц: план был незаурядный. Жаль, что он не сработал.

— Понятия не имею, о чем вы, Маклин. — Каждое слово стоило Гордону немалых усилий.

— Однако ваше лицо подсказывает мне, что вы все понимаете. Бросьте притворяться! Не стоит более переживать за ваших воительниц. Они напали исподтишка, и мы понесли некоторые потери. Но куда меньшие, чем вы рассчитывали. Теперь все ваши «разведчицы с Уилламетт» погибли или попали в плен. Должен, однако, поздравить вас: попытка была недурна.

Сердце у Гордона чуть не выпрыгнуло из груди.

— Нечего поздравлять меня, подонок! Это была их собственная идея. Я знать не знал, что у них на уме.

Всего второй раз за время их знакомства Гордон заметил на лице Маклина удивление.

— Ну-ну, — сказал главарь варваров. — Это же надо: феминистки! В наше-то время! Получается, дорогой инспектор, что мы пришли на помощь бедным жителям долины Уилламетт как раз вовремя!

Он снова заулыбался.

Выносить и дальше это самодовольство было выше всяких сил. Гордон хотел любыми путями вывести бандита из равновесия.

— Вам не видать победы, Маклин. Даже если вы сожжете Корваллис, сотрете с лица земли все до одной деревни, разнесете на куски Циклопа, люди все равно не перестанут оказывать вам сопротивление!

Улыбка никуда не исчезла. Генерал только покачал головой.

— Вы считаете нас неопытными детьми? Дорогой мой, скажите, как норманны приручили гордых и многочисленных саксов? К какому тайному средству прибегли римляне, поработившие галлов? Вы — романтик, сэр, если недооцениваe-

те могущество страха.

Маклин снова принялся обстругивать трость.

— Как бы то ни было, вы забываете еще об одном: мы недолго останемся чужаками. Мы станем вербовать себе сторонников из вашего же числа. Скоро не будет отбоя от гонцов, которые разберутся, как это здорово — быть властелинами, а не рабами. В отличие от средневековой знати, мы, новые феодалы, считаем, что всем мужчинам должно быть предоставлено право сражаться за первую серьгу. Это и есть истинная демократия, дружище. Именно к ней шло дело в Америке до предательства конституционалистов. Моим собственным сыновьям придется убивать, чтобы сделаться холнистами, в противном случае им останется колупаться в грязи, прислуживая тем, кто способен на большее.

У нас будут новобранцы — более чем достаточно, уверяю вас. Благодаря значительной численности населения на севере мы уже через десяток лет создадим армию, какой не видывали с тех пор, как «франклинштейновская» цивилизация не выдержала тяжести собственного лицемерия.

— Откуда такая уверенность, что ваши враги дадут вам десять лет? — проскрипел Гордон. —

Вы считаете, что калифорнийцы позволят вам пожинать лавры побед, зализывать раны и создавать армию?

— Вы мало что знаете, любезный, — ответил Маклин, пожимая плечами. — Как только мы совершим бросок на север, хлипкая южная конфедерация развалится и забудет о нас. Даже если бы этим вашим «калифорнийцам» удалось преодолеть вечные склоки и объединиться, то им все равно потребовался бы десяток лет, чтобы до нас добраться. К тому времени мы будем вполне готовы нанести по ним контрудар. Кроме того — и это самый лакомый кусочек — если им взбредет на ум преследовать нас, у них на пути вырастет гора Сахарная Голова и ваш тамошний приятель!

Маклин засмеялся, увидев удрученное выражение на перевернутом лице Гордона.

— Вы воображали, будто я ничего не знаю о вашей миссии? Зачем, по-вашему, я велел устроить засаду и доставить вас ко мне? Мне отлично известно об отказе тамошнего хозяина помогать кому бы то ни было за пределами линии, соединяющей Розберг с океаном.

Ну, разве не чудесно? Горы Каллахан — непреодолимая стена! Знаменитый Джордж Паухатан держится за свою долину и тем обеспечивает

безопасность наших флангов, пока мы собираемся с силами на севере, чтобы начать Большую Кампанию!

Улыбка генерала стала задумчивой.

— Остается сожалеть, что пока не удалось сцапать Паухатана. При любом столкновении наших сил он вечно ускользает, вечно оказывается в другом месте. Впрочем, так даже лучше! Пускай торчит на своей ферме еще десяток лет, пока я не захвачу весь Орегон. А там придет и его черед. Даже если придерживаться ваших взглядов, господин инспектор, трудно не согласиться, что он заслуживает подобной участи.

Ответом на эту тираду могло быть только молчание. Маклин подтолкнул Гордона своей тростью, чтобы вращение не прекращалось, поэтому бедняга никак не мог сосредоточиться, когда на пороге распахнувшейся двери появилась пара огромных мокасин.

— Мы с Биллом обследовали гору, — доложил командиру громила, откликавшийся на кличку Шон. — Такие же следы у реки, что и раньше. Уверен, это тот черный дьявол, который снимал часовых.

«Черный дьявол... Фил?!»

Маклин усмехнулся.

— Остынь, Шон. Натан Холн не был расистом, не будь им и ты. Я всегда сожалел, что расовым меньшинствам не повезло во время бунтов и послевоенного хаоса. Даже у самых сильных среди них осталось слишком мало шансов. Но взгляни на этого чернокожего солдата. Он перерезал горло троим нашим часовым! Он силен, а значит, пришелся бы нам ко двору.

Даже подвешенный вниз головой и к тому же вращающийся, Гордон не мог не заметить кислое выражение на лице Шона. Впрочем, оспаривать слова командира «приращенный» не осмелился.

— Жаль, что у нас нет времени играть с ним в игры, Шон. Что ж, иди и убей его.

Завихрение в воздухе — и гориллоподобный ветеран беззвучно исчез за дверью.

— В самом деле, мне бы хотелось предупредить вашего разведчика о надвигающейся беде, — поделился Маклин с Гордоном. — Было бы более по-спортивному, если бы он знал, что его ожидает нечто... необычное. Увы, в наше время не всегда получается играть по-честному. — Маклин опять рассмеялся.

Гордон полагал, что уже давно испытывает к нему ненависть. Однако никогда еще его не обуревала такая холодная ярость, как сейчас.

— Филипп! Беги! — крикнул он изо всех сил, надеясь, что перекричит дождь. — Берегись, они...

— Филипп! Беги! — крикнул он изо всех сил, надеясь, что перекричит дождь. — Берегись, они...

— Да, — молвил Маклин, — вы — мужчина, этого у вас не отнимешь. Придет срок, и я позабочусь, чтобы и умерли вы, как подобает мужчине.

— Мне не надо твоих благодеяний, — прошептал Гордон.

Маклин презрительно усмехнулся и снова принялся обстругивать трость.

Спустя несколько минут дверь приоткрылась.

— Возвращайся к женщинам! — гаркнул генерал. Чарлз Безоар поспешно ретировался в складское помещение без окон, где Марси и Хетер, по всей видимости, хлопотали над пленником, которого Гордон пока не видел.

— Сами понимаете, не всякий сильный человек вызывает симпатию, — заметил Маклин. — Впрочем, от него есть прок. Пока.

* * *

Гордон не знал, сколько времени минуло — несколько часов или считанные минуты, — прежде чем снаружи донесся пронзительный клич. Он принял было его за крик речной птицы,

но стремительная реакция Маклина подсказала ему, что он ошибся: генерал вскочил и схватил масляный фонарь.

— Такое представление нельзя пропускать, — бросил он. — Наверное, ребята вышли на след зверя. Вы позволите мне оставить вас на несколько минут? — Он сгреб Гордона за волосы. — Разумеется, если вы посмеете хотя бы пикнуть в мое отсутствие, я расправлюсь с вами, когда вернусь. Обещаю!

Висящий вверх ногами не может пожимать плечами.

— Натан Холн ждет тебя в аду, — прохрипел Гордон.

— Не сомневаюсь, что в один прекрасный день мы там с ним встретимся, — с улыбкой ответил «приращенный» и выскочил в пропитанную влагой темень.

Гордон еще долго раскачивался как маятник. Потом, глубоко вздохнув, принялся за дело.

Трижды он пытался, изогнувшись, дотянуться до веревки, которая перехватывала его ноги, и трижды, не добившись желаемого, падал, чуть не теряя сознание от пронизывающей все тело боли. После третьего раза у него оглушительно зазвенело в ушах. Еще немного — и он начнет

слышать голоса...

Сквозь заливающие глаза слезы он уже видел аудиторию, наблюдающую за его отчаянной борьбой. Все призраки, которых он собрал за долгие годы, явились на представление. Полный аншлаг!

«Принимай!..» — высказался сразу за всех Циклоп: не то лампочки вспыхивали в застывшей знакомой последовательности, не то угли мерцали в камине.

— Прочь! — отмахнулся Гордон. Не до призраков ему сейчас было — ни времени, ни сил... Тяжело дыша, он готовился к новой попытке; рывок — и он перегнулся пополам...

На этот раз он ухватился-таки пальцами за мокрую от дождя веревку и уже не отпускал ее, хотя для этого ему пришлось сложиться вдвое, как карманный нож. Тело ломило от страшного напряжения, но он знал, что сдаваться нельзя. На пятую попытку у него уже не наберется сил.

Обе руки были сейчас заняты, поэтому он не мог начать отвязываться. Перерезать веревку, естественно, нечем. «Ползи? — приказал он себе. — Попробуй распрямиться, встать».

Он пополз, едва не теряя сознание от страшной боли в груди и спине, и чувствуя, что мускулы,

сведенные судорогой, вот-вот откажут. Наконец он выпрямился и встал, едва не вывернув лодыжки в веревочных петлях и продолжая раскачиваться.

От стены ему улыбался не ведающий смущения Джонни Стивенс; улыбалась Трейси Смит и другие разведчицы. «Для мужчины очень даже неплохо», — казалось, говорили девичьи улыбки.

Циклоп восседал на облаке сверххолодного тумана, играя в шашки с дымящейся франклиновой печкой. Они тоже одобряли действия Гордона.

Теперь пленник старался добраться до узлов на ногах, однако это натянуло веревки так сильно, что у него совсем потемнело в глазах от боли. Пришлось снова выпрямиться.

Нет, не так. Бей Франклин осуждающе покачивал головой. Глаза Великого Манипулятора наблюдали за Гордоном, поблескивая над двойными стеклами очков.

«Через верх, через верх...» Гордон перевел взгляд на толстую балку, к которой была привязана веревка.

«Значит, наверх».

Он обмотал веревкой руки. «Ты делал так в спортивном зале, до войны», — подбадривал он

себя.

«Да, но теперь ты — старик».

Слезы заливали ему глаза, пока он подтягивался, помогая себе, коленями. Чем больше он старался, тем более материальными казались ему знакомые призраки. Прежде они были игрой воображения, теперь же стали первоклассной галлюцинацией.

«Давай, Гордон!» — крикнула Трейси.

Лейтенант Ван одобрительно жестикулировал. Джонни Стивенс уверенно улыбался, стоя рядом с женщиной, которая спасла Гордону жизнь среди развалин Юджина. Скелет в кожаной куртке поверх пестрой рубахи скалился и задирал кости, заменявшие ему большие пальцы рук. На голом черепе лихо сидела синяя фуражка с козырьком, сияющая медной кокардой. Даже Циклоп перестал ворчать, видя, что Гордон отдает своей борьбе последние силы.

— Выше... — стонал он, хватаясь за осклизлую пеньку и одолевая неумолимую силу тяготения. — Выше, никчемный мозгляк... Либо ты сможешь, либо подохнешь...

Одна его рука уже обнимала чертову балку. Он сделал отчаянный рывок и перебросил через балку вторую руку.

На этом все и закончилось. У него больше не было сил, чтобы бороться. Гордон висел на балке, прижимаясь к ней грудью, не в состоянии пошевелить даже пальцем. Сквозь прикрытые ресницы он видел, как разочарованы им все до одного призраки.

«Шли бы вы все...» — беззвучно отмахнулся он от них, лишившись даже голоса.

«Кто возьмет на себя ответственность?..» — упорствовали догорающие угли в камине.

«Ты мертв, Циклоп. И все остальные — тоже мертвецы. Оставьте меня в покое!» Измученный Гордон зажмурился, надеясь таким образом избавиться от свидетелей своего поражения.

Но в темноте его поджидал еще один призрак — тот, которым он бессовестно прикрывался все это время, но который и сам всласть им попользовался. Этот призрак звался Страна Мир.

Он увидел лица, миллионы лиц. Преданные, обреченные на гибель люди, цепляющиеся за туман надежды...

Возрожденные Соединенные Штаты...

Возрожденный мир...

Фантазия... Но фантазия эта упорно отказывалась умирать, она просто не могла умереть, пока жив он сам.

Гордона осенило: уж не потому ли он так долго изощрялся во вранье, рассказывая красивые сказки, что, и сам не мог без них обойтись? На этот вопрос у него был готов ответ.

«Без них я рассыпался бы в прах».

Забавно, что прежде эта мысль не приходила ему в голову — во всяком случае, с такой безжалостной ясностью. В самых глубинах его души продолжала мерцать все та же мечта — пусть это единственное место во всей Вселенной, где она еще не угасла. Она была похожа сейчас на микроскопический организм, выдерживающий сокрушительное давление океанской толщи. Ему казалось, что он берет эту мечту в ладони — и не верит своим глазам: мечта, эта чудесная драгоценность, увеличивается в размерах, заливает своим мерцанием беспросветный прежде мрак; на ее бесчисленных гранях он видит даже не просто людей, а многие поколения человечества.

Вокруг него материализовалось само будущее. Будущее это проникло в его сердце.

Когда Гордон все же открыл глаза, то обнаружил, что уже вытянулся во весь рост на балке, хотя и не помнил, как ему удалось на нее взобраться. Не доверяя своим ощущениям, он попробовал сесть. Мигнул несколько раз — свет заливал его

со всех сторон, проникая в щели в стенах лачуги. Казалось, будто эти стены и есть сон, а ослепительные лучи — самая что ни на есть реальность. Свет был невероятно яркий, и Гордону уже казалось, что он обрел ясновидение.

Потом свет пропал таким же чудесным образом, как и появился. Поток энергии словно бы ушел в тот же неведомый колодец, откуда только что вырвался. Гордон немедленно почувствовал страшную боль во всем теле.

Дрожа от изнеможения, он стал возиться с узлами, впивающимися в его лодыжки. Голые ноги были залиты кровью. Когда он, наконец, отбросил веревки, кровь яростно забурлила в сосудах, ноги закололо, как будто на них напала армада взбесившихся насекомых.

Наконец-то он избавился от призраков: их смыло волной света, ворвавшейся в лачугу. Гордон надеялся, что больше они не станут его донимать.

В ту секунду, когда он покончил с последним узлом, он услышал в отдалении выстрелы — первые с тех пор, как Маклин оставил его висящим вниз головой. Может быть, Фил Бокуто еще жив и продолжает сопротивление? Он пожелал в душе удачи другу.

За дверью, ведущей на склад, раздались шаги, и Гордон прижался к балке. Вошедший Чарлз Безоар оглядел опустевшую комнату, заметил болтающуюся веревку. Глаза бывшего адвоката наполнились ужасом; он отшатнулся и выхватил пистолет.

Гордон предпочел бы, чтобы противник оказался непосредственно под балкой, но Безоар не был законченным идиотом. Начиная подозревать, что именно здесь произошло, он поднял голову...

Гордон прыгнул. Пистолет Безоара изрыгнул огонь в то самое мгновение, когда их тела соприкоснулись. В пылу борьбы Гордон так и не понял, куда попала пуля и у кого громко треснули при столкновении кости. Он тянулся к пистолету, катаясь в обнимку с недругом по полу.

— Убью! — ревел холнист, пытаясь направить дуло пистолета Гордону в лицо. Тот успел вовремя откатиться: прогремел новый выстрел, и его шею обожгло пороховой волной.

— Не рыпаться! — гаркнул Безоар, слишком привыкший к повиновению окружающих. — Вот сейчас я...

Неожиданно для него Гордон произвел одной рукой обманное движение, а другой двинул Безоара под подбородок. Тело лысого холниста

дернулось, затылок со всего размаха ударился об пол, пистолет всадил две пули подряд в стену.

После этого Безоар затих.

Теперь у Гордона помутилось в глазах от боли — болела кисть руки. Он медленно, с великим трудом встал, отмечая, что его многочисленные телесные повреждения пополнились еще и сломанными ребрами.

— Никогда не болтай во время драки, — посоветовал он безответному сопернику. — Дурная привычка.

Марси и Хетер, выскользнувшие из склада, завладели ножами Безоара. Поняв, что они намереваются сделать, Гордон хотел было приказать им остановиться и связать побежденного. Однако потом махнул рукой и заглянул в темный склад по соседству.

Когда его глаза привыкли к темноте, он разглядел в углу хрупкую фигурку, распростертую на грязном одеяле. Рука потянулась к нему, дрожащий голосок произнес:

— Гордон! Я знала, что ты придешь за мной. Глупо, да? Звучит... как фраза из детской сказки, но я знала, и все.

Он стал перед умирающей на колени. Пускай Марси с Хетер и пытались промыть и перевязать

ее раны, под всклокоченными волосами и залитыми кровью лохмотьями зияло такое, на что Гордон предпочел не смотреть.

— О, Дэна!.. — Он отвернулся и закрыл глаза. Она взяла его за руку.

— Мы их отлично потрепали, милый, — прошептала она чуть слышно. — Я и другие разведчицы. Иногда мы попросту заставали их со спущенными штанами! И... — Дэне пришлось умолкнуть: приступ кашля заставил ее скорчиться и выплюнуть сгусток крови.

— Молчи, — велел ей Гордон. — Мы найдем способ вызволить тебя отсюда.

Дэна уцепилась за его изодранную рубашку.

— Им удалось разгадать наш план. Чаще всего они заранее знали, где мы готовим удар... Наверное, какая-то из девушек влюбилась в своего насильника, совсем как в легенде о Гипермнестре [одна из пятидесяти дочерей Даная, единственная из сестер, ослушавшаяся отца и не убившая супруга, который с ее помощью бежал]... — Дэна недоверчиво покачала головой. — Мы с Трейси боялись этого... потому что тетя нашей Сьюзен рассказывала — в былые времена случалось и не такое...

Гордон понятия не имел, о чем она толкует, и

считал, что она просто бредит. Впрочем, сейчас его больше волновало, как пронести тяжело раненую бедняжку через вражеские позиции, прежде чем вернутся Маклин и его подручные. Поразмыслив, он впал в уныние: выбраться с Дэной было попросту невозможно.

— В общем, у нас почти ничего не вышло... Но мы старались, Гордон! О, как мы старались... — Дэна тряхнула головой, стыдясь своих слез. Гордон обнял ее.

— Да, я знаю, моя дорогая. Знаю, как вы старались.

У него самого щипало глаза. Несмотря на зловоние грязной комнаты, он чувствовал аромат ее кожи и понимал — слишком поздно! — как много она для него значит. Он сжимал ее сильнее, чем можно сжимать раненую, боясь, что она вот-вот покинет его.

— Все будет хорошо. Я люблю тебя. Я здесь, я о тебе позабочусь.

Дэна вздохнула.

— Ты здесь. Ты... — Она стиснула его ладонь. — Ты... — Тут ее тело изогнулось в предсмертных судорогах. — О, Гордон! — вскричала она. — Я вижу... А ты?

Их взгляды на мгновение встретились, и он

поймал в ее глазах хорошо знакомый свет. Еще немного — и все было кончено.

— Да, я видел, — тихо ответил он, все еще не выпуская холодеющее тело из рук. — Может, не так отчетливо, как ты. Но я тоже видел...

18

В углу Хетер и Марси, отвернувшись, занимались серьезным делом. Гордону не хотелось смотреть в ту сторону. Время для скорби придет позднее. Сейчас у него есть более неотложные задачи: к примеру, ему предстояло вывести отсюда двух женщин. Как ни малы шансы на успех, он попробует спасти их, доставив в горы Каллахан.

Это само по себе будет нелегко; но долг требовал от него дальнейших свершений. Он вернется в Корваллис, если только это окажется в человеческих силах, и постарается оправдать надежды Дэны и совершить героический поступок: то ли умереть, защищая Циклопа, то ли повести последнюю горстку «почтальонов» в сражение против непобедимого врага.

Подойдут ли ему ботинки Безоара? Нет, с такими разбухшими лодыжками лучше перемещаться босиком.

— Хватит транжирить время! — прикрикнул он на женщин. — Надо уносить отсюда ноги.

Но стоило ему нагнуться за пистолетом Безоара, как низкий, зловещий голос произнес:

— Отличный совет, мой молодой друг. Я и впрямь рад был бы именовать такого человека, как вы, своим другом. Это, конечно, не означает, что я не разнесу вас в клочья, если вы попытаетесь завладеть пистолетом.

Гордон, оставив пистолет на полу, медленно разогнулся. В дверях стоял генерал Маклин, готовый метнуть в него нож.

— Отпихните пистолет в сторону, — спокойно приказал он.

Гордон подчинился. Пистолет ударился о стену в пыльном углу.

— Так-то лучше. — Маклин сунул нож в ножны и обратился к женщинам: — Убирайтесь! Бегите. Живите, если хотите и можете жить.

Марси и Хетер испуганно прошмыгнули у Маклина за спиной и исчезли в темноте. Гордон не сомневался, что они будут бежать прочь отсюда, несмотря на дождь, пока не рухнут в изнеможении.

— Видимо, ко мне это не относится? — чувствуя страшную усталость, спросил он.

Маклин с улыбкой покачал головой.

— Вы пойдете со мной... Мне потребуется ваша помощь.

* * *

Закрытый от дождя фонарь освещал часть лужайки по другую сторону дороги; свет давали также вспышки молний и время от времени выглядывающая из-за туч луна. Проковыляв позади Маклина всего несколько минут, Гордон вымок до нитки. От луж, по которым ступали его кровоточащие ноги, поднимался розоватый пар.

— Ваш чернокожий оказался ловчее, чем я предполагал, — произнес Маклин, оттаскивая Гордона на край залитой светом поляны. — Либо это, либо у него объявились помощники, хотя последнее маловероятно. Иначе мои ребята, караулившие у реки, нашли бы больше следов. Во всяком случае, Шон и Билл заслужили свою участь: они оказались ротозеями.

Только сейчас Гордон начал осознавать истинное положение вещей.

— Вы хотите сказать...

— Подождите торжествовать! — отрезал Маклин. — Мои войска находятся менее чем в миле отсюда, а в моей седельной сумке есть пистолет.

Но меня трудно представить взывающим о помощи, не так ли?

Он снова ухмыльнулся.

— Сейчас я вам покажу, что такое эта наша война. Вы и ваш черный ловкач — из породы сильных, вам следовало бы стать холнистами. Но вы ими не стали, поддавшись влиянию пропаганды слабых, которой наслушались с младенчества. Я хочу воспользоваться случаем и показать вам, какими слабаками она вас сделала.

Вцепившись в руку Гордона мертвой хваткой, Маклин крикнул в темноту:

— Эй, чернокожий! К тебе обращается генерал Волши Маклин. Со мной здесь твой командир, почтовый инспектор Соединенных Штатов! Хочешь освободить его? К рассвету сюда подойдут мои люди, поэтому у тебя остается мало времени. Поторопись! Мы станем драться за него! Выбор оружия — за тобой!

— Не делай этого, Фил! Он — «прира...»

Гордон не договорил: Маклин так дернул его за руку, что чуть не вырвал ее из плечевого сустава. Гордон грохнулся на колени. От безумной боли в сломанных ребрах дрожало все тело.

— Тес! Полегче! Если он еще не разобрался, что к чему, расправляясь с Шоном, то это значит, что

ему повезло и он свалил моего телохранителя метким выстрелом. В таком случае он сейчас не заслуживает особой заботы, не правда ли?

Гордону потребовалось призвать на подмогу всю силу воли, чтобы вскинуть голову и, издав в ответ какое-то шипение сквозь стиснутые зубы, встать, преодолевая тошноту. Пусть рушится весь мир, но он отказывается стоять рядом с Маклином на коленях.

Маклин одобрительно усмехнулся, словно говоря, что иного от настоящего мужчины и не ожидал. Тело «приращенного» подобралось, как у кота, в предвкушении схватки. Оба ждали, стоя в круге света. Дождь то налетал, то успокаивался. Минута проходила за минутой.

— Даю тебе последний шанс, чернокожий! — Маклин приставил к горлу Гордона острие ножа. Левая рука «инспектора» была заведена назад и прижата к спине так сильно, словно его обвила своими кольцами анаконда. — Если ты не объявишься, то через тридцать секунд твой инспектор умрет. Время пошло!

Эти тридцать секунд тянулись медленнее, чем когда-либо еще за всю жизнь Гордона. Как ни странно, он почувствовал некую отрешенность от сиюминутного ужаса положения, почти что

умиротворенность.

Маклин разочарованно покачал головой.

— Плохо дело, Кранц. — Острие ножа переползло ему под левое ухо. — Видимо, он оказался сообразительнее, чем я мог себе...

Гордон задыхался. Он ничего не слышал, но внезапно понял, что всего футах в пятнадцати фонарь высветил еще одну пару мокасин.

— Боюсь, твои люди прикончили храброго воина, к которому ты взываешь.

Негромкий голос чужака звучал очень ровно. Маклин развернулся, держа Гордона перед собой.

— Филипп Бокуто был славным человеком, — продолжал загадочный голос. — Я явился вместо него, чтобы принять твой вызов, как сделал бы это он.

В ленте, удерживающей длинные волосы, блеснули бусины; в круг света шагнул широкоплечий человек. Его седая грива была собрана на затылке, как конский хвост. Морщинистое лицо выражало смирение.

По хватке Маклина Гордон понял, насколько тот доволен.

— Ну-ну... Судя по приметам, передо мной не кто иной, как владыка Сахарной Головы, нако-

нец-то спустившийся со своей горы! Я благодарен судьбе куда больше, чем вы можете вообразить, сэр! Добро пожаловать!

— Паухатан! — скрипнул зубами Гордон. Он терялся в догадках, каким образом и зачем здесь появился этот человек. — Убирайся к черту, болван! У тебя нет ни малейшего шанса! Это же «приращенный»!

Фил Бокуто был одним из лучших бойцов, каких только доводилось встречать Гордону. Если и он, устроив засаду на одного из этих дьяволов, причем еще не самого страшного, не выжил, то разве сможет выпутаться из такой передряги этот старик?

Услышав предупреждение Гордона, Паухатан нахмурился.

— Вот как? Результат экспериментов, проводившихся в начале девяностых? Я-то думал, их снова привели в нормальное состояние или поубивали ко времени начала славяно-турецкой войны. Любопытно! Тогда многое из того, что произошло за последние двадцать лет, находит объяснение.

— Значит, ты слышал о нас, — осклабился Маклин.

Паухатан понуро кивнул.

— Слышал, еще до войны. Но я знаю, почему

эксперимент с вами был прерван: объектами его стали самые негодные люди.

— Так утверждали слабаки, — согласился Маклин. — Они совершили ошибку, навербовав добровольцев из силачей.

Паухатан покачал головой. Можно было подумать, что он увлечен вежливым спором, в котором лишь старается уточнить значение некоторых слов. Только тяжелое дыхание выдавало его волнение.

— Они набрали воинов. — Паухатан интонацией выделил последнее слово. — Безумцев, весьма полезных, когда в них возникает необходимость, и превращающихся в головную боль, когда необходимость отпадает. Тогда, в девяностых, урок был усвоен. Слишком много бед оказалось с «приращенными», вернувшимися домой, но не разлюбившими войну.

— Беда — вот верное слово, — захохотал Маклин. — Позволь познакомить тебя с Бедой, Паухатан.

Он отшвырнул от себя Гордона и, прежде чем шагнуть навстречу давнему недругу, убрал нож в ножны.

* * *

Вторично ухнув в грязь, Гордон мог только беспомощно стонать. Весь его левый бок горел от боли, словно его бросили на раскаленные угли. Он находился в полубессознательном состоянии и не отключался только благодаря титаническому усилию воли. Когда он в конце концов обрел зрение, то увидел, как соперники кружат по маленькому залитому светом оазису.

Он не сомневался, что Маклин затеял жестокую игру. Паухатан выглядел весьма внушительно, особенно учитывая его немолодой возраст, но по сравнению со страшными буграми, вздувающимися на плечах, руках и ногах Маклина, мускулатура любого силача казалась бы жалкой. Гордон помнил, что стало с чугунной кочергой в этих ручищах.

Джордж Паухатан прерывисто дышал, лицо его побагровело. Даже учитывая всю безнадежность ситуации, Гордон был неприятно поражен выражением откровенного страха на его лице.

«Все легенды опираются на вымысел, — мелькнуло у него в голове. — Мы склонны преувеличивать и со временем начинаем верить в собственные выдумки».

Голос Паухатана еще звучал относительно спокойно, более того, расслабленно.

— Есть некоторое обстоятельство, которое вам следовало бы учесть, генерал, — молвил он, справившись с учащенным дыханием.

— Это позже, — прорычал генерал. — Позже обсудим, как откармливать бычков и варить пиво. Сейчас я собираюсь преподать тебе урок поконкретнее.

Маклин прыгнул, стремительный, как дикий кот, но Паухатан вовремя отскочил. Гордон вздрогнул: Паухатан занес кулак и чуть не нанес сокрушительный удар; Маклин уклонился лишь в последнее мгновение.

У Гордона возродилась надежда. Возможно, Паухатан — самородок, чья скорость, несмотря на возраст, не уступает скорости Маклина? Тогда он, благодаря своей длиннорукости, сможет держать на расстоянии противника с его железной хваткой...

«Приращенный» возобновил натиск. Он вцепился Паухатану в рубаху, но тот вывернулся, оставив в руках генерала лохмотья, и тут же обрушил на него град ударов, каждый из которых мог бы уложить на месте годовалого бычка. Он уже нацелился Маклину в почку, но холмист вовремя

перехватил его запястье. Паухатан поступил рискованно: он пошел на Маклина грудью.

Маклин словно ожидал этого маневра. Он проскочил мимо Паухатана и, когда тот устремился за ним следом, сгреб его за другую руку. На сей раз Паухатану не удалось вырваться. Маклин угрожающе скалился.

Пришелец из долины Камас задыхался. Под холодным дождем ему было жарко.

«Вот оно!» — в отчаянии подумал Гордон. Несмотря на его размолвку с Паухатаном, сейчас он лихорадочно размышлял, чем бы ему помочь. Он огляделся, надеясь метнуть чем-нибудь в «приращенное» чудовище и тем самым отвлечь его, дав Паухатану время спастись.

Однако под рукой не оказалось ничего, кроме грязи и склизких пучков травы. К тому же у Гордона не осталось ни капли сил, он не мог даже отползти от места, где его швырнули в мокрое месиво. Ему ничего не оставалось, кроме как лежать и ждать конца схватки, а потом и своей очереди.

— Вот теперь, — обратился Маклин к обездвиженному сопернику, — говори то, что хотел. Только постарайся меня развеселить. Если я улыбнусь, ты останешься в живых.

Паухатан с искаженным от усилия лицом

попробовал, насколько несокрушима хватка Маклина. При этом его дыхание оставалось по-прежнему глубоким, а выражение лица отрешенным, даже смиренным. Ответ его прозвучал ритмично, как мелодекламация:

— Я не хотел этого. Я говорил им, что не могу... Я слишком стар, везение мое осталось в прошлом... — Он глубоко вздохнул. — Я просил их: не вынуждайте меня. А теперь все кончается здесь... — Серые глаза блеснули. — Но это никогда не кончается. Конец несет только смерть.

«Сломался, — понял Гордон. — Готов». Ему не хотелось становиться свидетелем унижения Паухатана. «А я еще подтолкнул Дэну на поиски этого героя...»

— Нет, сэр, это меня как-то не забавляет, — холодно произнес Маклин. — Не заставляйте меня скучать, если цените последние мгновения вашей жизни.

Однако Паухатан словно унесся мыслями вдаль; он как будто думал о чем-то другом, пытаясь сосредоточиться на каких-то воспоминаниях и поддерживая беседу лишь из вежливости.

— Я всего лишь... подумал, что вам следует знать... положение несколько изменилось... когда вы уже перестали участвовать в программе.

Маклин покачал головой, угрожающе сведя брови.

— О чем это ты, черт возьми?

Паухатан несколько раз моргнул. Маклин наслаждался, чувствуя, как обреченного соперника колотит озноб.

— Я имею в виду... ну как они могли оставить такой многообещающий проект, как «приращение», всего лишь потому, что первый блин вышел комом?

— Им было страшно продолжать. — Маклин хмыкнул. — Они испугались нас.

Веки Паухатана ходили вверх-вниз. Он по-прежнему делал один глубокий вдох за другим.

Гордон не верил своим глазам. С Паухатаном определенно происходило что-то странное. На его голых плечах и груди то и дело выступали капельки пота, тут же смываемые дождем. Его мышцы трепетали, словно от судорог.

Гордон испугался, что он обессилеет, распластается в грязи прямо у него на глазах. Голос Паухатана звучал как бы издалека, словно говоривший был немного не в себе:

— ...новые импланты никогда не достигали таких размеров и такой силы... Зато они сосредоточились на замещающей подготовке, восточных

искусствах, биоэнергетике...

Маклин закинул голову и захохотал:

— «Приращенные» неохиппи?! Вот это да, Паухатан! Что за чушь! Но зато смешно!

Паухатан его не слушал. Он как будто все больше сосредотачивался на чем-то понятном только ему, его губы шевелились, словно он проговаривал нечто, издавна засевшее у него в памяти.

Гордон то и дело вытирал с лица дождевую влагу, чтобы получше вглядеться в происходящее. По рукам и плечам Паухатана, а потом по шее и по груди стали разбегаться какие-то бороздки. Дрожь его обрела ритмичность, словно он вызывал ее преднамеренно.

— Процесс требует большого количества воздуха, — как ни в чем не бывало объяснял Паухатан. По-прежнему глубоко дыша, он начал распрямляться.

Теперь Маклину стало не до смеха. Он широко открыл глаза, не веря представшей перед ним картине.

Паухатан продолжал говорить:

— Мы — пленники, заключенные в похожих клетках, хотя вы, сдается мне, наслаждаетесь своей неволей. Мы похожи тем, что попали в ловушку гордыни последних заносчивых пред-

военных лет...

— Неужели и ты?..

— Оставьте, генерал! — Паухатан снисходительно улыбнулся недавнему победителю. — Откуда столько удивления? Ведь не воображали же вы, что ваше поколение — последнее?

Маклин, кажется, пришел к тому же заключению, что и Гордон: Джордж Паухатан просто занимает его разговором, выигрывая время.

— Маклин! — крикнул Гордон. Но отвлечь внимание холниста ему не удалось. Длинный нож, напоминающий формой мачете, блеснул в свете фонаря, занесенный над попавшей в тиски правой рукой горца.

Паухатан, еще не до конца выпрямившись и не подготовившись к атаке, все же каким-то чудом отреагировал на опасность: лезвие лишь слегка оцарапало его, ибо он успел свободной рукой перехватить запястье Маклина.

Холнист взревел, и единоборство возобновилось. Более сильный, обладающий более мощной мускулатурой генерал должен был вот-вот располосовать Паухатану руку.

Неожиданное движение бедром — и горец упал вперед, отправив Маклина через голову кувырком. Генерал пружинисто вскочил на ноги

и снова бросился в атаку. Теперь они перемещались все быстрее, крутились как спицы в колесе, поочередно швыряя друг друга наземь. Еще немного — и они пропали в темноте, выступив за круг света. Раздался звук тяжелого падения, потом еще... Гордону казалось, что рядом топчется стадо слонов.

Превозмогая боль, причиняемую каждым движением, он пополз прочь от освещенного места, чтобы хоть что-то разглядеть в потемках, и привалился к стволу поваленного кедра. Но сколько он ни всматривался туда, где исчезли соперники, ему не удавалось ничего увидеть. Пришлось следить за сражением, ориентируясь по шуму и переполоху среди мелких лесных обитателей, уступающих дорогу сцепившимся гигантам.

Когда дерущиеся снова переместились ближе к фонарю, одежда свисала с них клочьями, по телам сбегали розовые струйки. Ножа не было видно, но даже безоружные оба соперника внушали ужас. Перед их натиском не могло устоять ни одно деревце; за ними тянулась полоса будто перепаханной земли.

В этой схватке было не до ритуалов, в ней не осталось ни капли изящества. Тот, что пониже ростом, но мощнее, старался сойтись с соперником

вплотную и обхватить его; другой, что повыше, держался на расстоянии и осыпал противника ударами, от которых вибрировал воздух, казалось, на милю вокруг.

«Не преувеличивай! — осадил себя Гордон. — Они всего лишь люди, причем немолодые...»

И все же какая-то часть его существа, не внемля голосу разума, сохраняла наивную атавистическую веру в гигантов, в богов в человеческом обличье, чьи битвы заставляли вскипать моря и сокрушали горные кряжи. Когда соперники снова исчезли в темноте, сознание Гордона, словно защищаясь от жутких впечатлений, как это иногда случалось с ним, переключилось на другое — и это в самый-то неподходящий момент. Он вдруг стал вспоминать о том, что феномен «приращения», подобно многим новым открытиям, был впервые применен в военных целях. Так происходило сплошь и рядом; иные сферы применения достижений человеческого разума обозначались потом: взять хоть химию, хоть авиацию или технологию «Звездных войн»... Подлинное предназначение открытия становилось очевидным лишь спустя какое-то время.

Что произошло бы, не случись Светопреставление? Если бы эта чудесная технология,

помноженная на захватившие весь мир идеалы Нового Ренессанса, сделалась достоянием всего человечества, то...

Какие горизонты открылись бы тогда перед родом людским! Не осталось бы ничего невозможного!

Прижимаясь спиной к коре старого кедра, Гордон сумел-таки подняться. Сперва он просто стоял, пошатываясь, затем, сильно хромая, тихонько двинулся к месту схватки. Ему и в голову не приходило попытаться спастись бегством — напротив, его неумолимо тянуло сделаться свидетелем последнего из великих чудес XX столетия, которое разворачивалось сейчас под дождевыми струями, в лесу наступающего каменного века, озаряемом молниями.

Окружающие поляну заросли, превращенные дерущимися в труху, еще как-то освещались фонарем, но скоро Гордон оказался в непроглядной темноте. Он ориентировался по звукам, пока все не стихло. Не стало ни криков, ни тяжелых ударов — гремели лишь раскаты грома да шумела неподалеку река.

Глаза постепенно привыкли к темноте. Прикрыв их ладонью от дождя, Гордон наконец разглядел на фоне серых туч две темные фигуры,

качающиеся на вершине утеса, нависшего над рекой. Одна была кряжистой, с мощной шеей, и напоминала быка Минотавра. Вторая больше походила на человеческую, но смущали длинные волосы, которые развевались на ветру подобно исполосованному непогодой знамени. Двое «приращенных» в разодранной одежде стояли лицом к лицу и раскачивались под напором ветра. Потом они, словно повинуясь сигналу, сошлись в последней схватке.

Ударил гром. Зигзаг молнии хлестнул по скале на противоположном берегу реки, озарив поникшие ветви деревьев.

В этот самый момент Гордон увидел, как один поднял на вытянутых руках другого. Ослепительный миг был короток, но и его хватило, чтобы он разглядел, как стоящий, напрягая мускулы, швыряет соперника с утеса. Мелькнул черный силуэт — и тут молния потухла, не выдержав соревнования с сырой тьмой.

Дальнейшее Гордон мог лишь домысливать. Он знал, что тот, кого сбросили, может лететь только вниз, где разобьется о камни и будет унесен ледяной водой потока. Однако воображение подсказывало ему иное: он будто видел, как тело побежденного взмывает ввысь, преодолевая силу

земного тяготения...

Дождь хлестал все сильнее. Гордон ощупью добрался до поваленного ствола у освещенной поляны и тяжело опустился на него. Теперь он мог только ждать, не имея сил даже шелохнуться; мысли в его голове крутились и мешались, как щепки в ледяном водовороте.

Наконец слева от него захрустели ветки. Из темноты выступила фигура в лохмотьях и неуверенно шагнула в круг света.

— Дэна считала, есть только две категории мужчин, которые что-то да значат, — проговорил Гордон. — Мне это всегда казалось совершенно дурацкой мыслью. Я и представить себе не мог, что правительство думало так же!

Человек привалился к стволу рядом с ним. Под его кожей пульсировали тысячи ниточек, кровь сочилась из многочисленных порезов и ран. Он тяжело дышал, уставясь пустым взглядом в темноту.

— Значит, они пересмотрели свою политику? — не унимался Гордон. — В конце концов они взялись за ум!

Он знал, что Джордж Паухатан слышит и понимает его. Однако ответа не последовало.

Гордон вскипел. Ему был позарез необходим

ответ. Почему-то до смерти хотелось убедиться в том, что в последние несколько лет перед Катастрофой Соединенными Штатами управляли люди чести.

— Ответь, Джордж! Ты сказал, они отказались от воинов. Кем же они их заменили? Они что, начали выводить некую противоположность «приращенным» бойцам, сделав упор на отвращение к могуществу? На способность драться, но без всякого удовольствия?

Перед его мысленным взором предстал удивленный Джонни Стивенс, жадный до знаний, который честно пытался проникнуть в загадку Римского полководца, променявшего предложенную ему золотую корону на плуг землепашца. Гордон тогда так ему ничего и не объяснил. Теперь же было слишком поздно.

— Ну, так что? Оживление старого идеала? Целенаправленный поиск солдат, которые видели бы себя в первую очередь гражданами, а не убийцами?

Он схватил Паухатана за истерзанные плечи.

— Черт тебя возьми! Почему ты не открылся мне, когда я пришел к тебе от самого Корваллиса просить о помощи? Тебе и в голову не пришло, что уж я, по крайней мере, смогу тебя понять?

Владыка долины Камас выглядел подавленным. Он на мгновение встретился с Гордоном взглядом и снова отвернулся, не в силах унять дрожь.

— Держу пари, я бы все понял, Паухатан. Я знаю, что ты имел в виду, говоря, что великое — ненасытно. — У Гордона сжались кулаки. — Великое забирает у тебя все, что ты любишь, и требует еще и еще. Ты это знаешь, но это знаю и я, это знал и бедняга Цинциннат, посоветовавший римскому народу и своим бывшим солдатам забрать корону себе. Но твоя ошибка, Паухатан, в том, что ты вообразил, будто всему этому пришел конец. — Гордон с усилием поднялся. Ярость его не знала пределов. — Неужто ты искренне полагал, что твоей ответственности положен конец?!

Тут Паухатан впервые разомкнул уста. Гордону пришлось нагнуться к нему, чтобы расслышать ответ, заглушенный раскатом грома.

— Я надеялся... Я был уверен, что смогу...

— Сказать «нет» всей большой общественной лжи сразу? — Гордон горько усмехнулся. — Ты был уверен, что сможешь сказать «нет» чести, достоинству, стране? Тогда отчего же ты передумал? Ты, смеясь, отверг Циклопа и все приманки технологии. Ни Бог, ни сострадание, ни Возрожденные

Соединенные Штаты не могли заставить тебя и пальцем пошевелить. Так ответь же, Паухатан, какая такая сила сподвигла тебя последовать за Филом Бокуто и разыскать меня?

Самый могучий из оставшихся на земле воинов, последняя реликвия эпохи, когда люди еще могли сделаться под стать богам, сидел, обхватив плечи руками, погруженный в себя, как мальчишка, изможденный и пристыженный.

— Ты прав, — выдавил он. — Этому не будет конца. Я исполнил свой долг, я превысил его в тысячи раз! Потом я хотел только одного: чтобы мне позволили спокойно состариться. Так ли дерзко мое желание?

Взор его был безрадостен.

— Но нет, этому никогда не будет конца...

Паухатан поднял глаза и впервые не отвел их, глядя прямо в лицо Гордону.

— А все женщины! — Наконец-то он соизволил ответить на вопрос. — После твоего появления и этих чертовых писем они не закрывали рта, все спрашивали и спрашивали... Потом весть о безумии, захватившем север, достигла моей долины. Я пытался... пытался внушить им, что это — чистый идиотизм, что амазонки обречены, но они...

Голос Паухатана прервался. Он покачал го-

ловой.

— Бокуто вырвался из засады, чтобы в одиночку добраться сюда, попытаться спасти тебя. После этого они уже не говорили, а просто смотрели на меня... Они ходили за мной по пятам...

Он застонал и закрыл лицо руками.

— Боже милостивый, прости меня! Меня принудили женщины.

Гордон был ошеломлен. Несмотря на дождь, на измученном лице последнего «приращенного» легко было, разглядеть слезы. Джордж Паухатан трясся и рыдал в голос.

Гордон припал к корявому стволу, чувствуя, как его наполняет ледяная тяжесть — так разбухало от талых вод русло ревущего поблизости потока. Через минуту его губы тоже задрожали.

Вспыхивали молнии, неумолчно шумела река. Два человека плакали под дождем, справляя тризну по самим себе, как могут оплакивать самих себя только мужчины.

Интерлюдия

Замешкалась жестокая Зима,
Но Океан священный долг исполнил,
И Зиму прогоняет прочь Весна.

Часть четвёртая. «... ни хаос»

1

По всему Орегону, от Розберга на юге до Колумбии на севере, от гор на востоке и до океана на западе, пошла гулять новая легенда. Ее разносили письма и молва, и день, ото дня она проникала все дальше.

Это была куда более печальная история, нежели две другие, предшествовавшие ей, — о мудрой и великодушной машине и о Возрожденных Соединенных Штатах. Она гораздо сильнее будоражила умы. В ней присутствовало нечто такое, чего не было в первых двух.

Она была чистой правдой.

Легенда рассказывала об отряде из сорока женщин — многие добавляли «безумных женщин», — давших друг другу тайный обет — сделать все возможное и невозможное, чтобы положить конец страшной войне, причем еще до того, как погибнут все достойные мужчины, которые пытаются их, женщин, спасти.

Одни слушатели объясняли, что сорока амазонками двигала любовь. Другие твердили, что они

поступили так во имя своей страны.

Прошел даже слух, будто собравшиеся в отряд рассматривали свою адскую одиссею как способ искупления каких-то былых прегрешений, которыми запятнал себя женский пол. Но во всех вариантах легенды, как бы они ни распространялась — устно или с помощью почты, было одно общее, а именно: логический вывод, мораль, руководство к действию. В каждой лачуге, на каждой ферме матери, дочери и жены читали письма, слушали рассказы — и сами становились рассказчицами.

«Мужчины могут быть сильными, могут быть семи пядей во лбу, — перешептывались они. — Но разве не бывают они безумны? А безумцы способны разрушить мир».

Женщины, вам судить их...

"Это не должно повториться, — утверждали они, думая о жертве, принесенной отважными разведчицами. — Мы не допустим больше, чтобы извечную борьбу добра со злом вели лишь хорошие и дурные мужчины.

Женщины, вы должны принять долю ответственности на себя... Ваши таланты должны перевесить чашу весов в схватке..."

"И всегда помните, — гласила в заключение мо-

раль, — что даже лучшие из мужчин, настоящие герои, порой склонны забывать про свой долг.

Женщины, ваша задача — время от времени напоминать им об этом..."

2

"28 апреля 2012 г.

Дорогая миссис Томпсон!

Благодарю Вас за письма. Они оказались для меня неоценимой поддержкой при выздоровлении, особенно потому, что я все это время боялся, что враг может добраться до Пайн-Вью. Узнать о том, что Вы, Эбби и Майкл в полном порядке, было для меня важнее, чем Вы можете себе представить.

Кстати, об Эбби: скажите ей, что вчера я виделся с Майклом! Он прибыл живым и здоровым вместе с остальными пятью добровольцами, отправленными из Пайн-Вью нам на подмогу. Подобно многим новобранцам, он прямо-таки рвется в бой.

Надеюсь, я не слишком его разочаровал, рассказав о собственном опыте

борьбы с холнистами. Думаю, однако, что теперь он с большим рвением займется военной подготовкой, забыв о намерении выиграть войну голыми руками. В конце концов, все мы хотим, чтобы Эбби и малышка Каролина еще с ним встретились.

Я рад, что вы нашли возможность принять Марси и Хетер. Мы все перед ними в долгу. Корваллис был для них слишком сильным потрясением, поэтому Пайн-Вью — необходимый этап в процессе привыкания.

Скажите Эбби, что я передал ее письмо старым преподавателям, которые только и твердят, что о возобновлении курсов. Примерно через год здесь снова может открыться подобие университета, если, конечно, мы станем успешно воевать.

Последнее, разумеется, далеко не гарантировано. Поворот достигнут, но нам еще предстоит долгая-предолгая борьба со страшным врагом.

Ваш последний вопрос непрост, миссис Томпсон. Уж и не знаю, сумею ли на него ответить. Я не удивляюсь, что и до ваших гор докатилась молва о Жертве

Разведчиц. Но учтите, что и мы здесь не совсем знакомы с подробностями. Пока лишь могу ответить, что я хорошо знал Дэну Спорджен, но совершенно ее не понимал. Честно говоря, не знаю, пойму ли когда-нибудь".

Гордон сидел на скамеечке перед почтовым отделением Корваллиса. Привалившись спиной к шершавой стене, он нежился на утреннем солнышке и размышлял о вещах, которые никак не мог упомянуть в письме к миссис Томпсон, для которых он и слов-то не умел подобрать.

Пока они не отвоевали деревни Чезайр и Франклин, жителям долины Уилламетт оставалось пробавляться слухами, потому что из самовольного зимнего рейда так и не вернулась ни одна разведчица. Однако после первых же контратак освобожденные рабы поведали о подробностях. Мало-помалу картина обрела целостность.

Зимой — уже через два дня после ухода Гордона из Корваллиса на юг — из армии, составленной из фермеров и горожан, стали дезертировать женщины. Они небольшими группками просачивались на юг и на запад, где, безоружные, сдавались неприятелю.

Некоторых убивали на месте. Некоторых насиловали и подвергали пыткам хохочущие психи, и слушать не желавшие их вызубренных призывов. Большинство же, однако, было благосклонно принято холнистами с их ненасытной охотой до женщин, на чем и зиждился расчет.

Прокравшиеся в стан врага женщины твердили, что им осточертела жизнь фермерских жен и что они соскучились по ласкам «настоящих мужчин». Именно такую басню последователи Натана Холна были способны проглотить — во всяком случае, на это уповали создательницы плана.

Дальнейшее трудно даже вообразить. Ведь женщинам приходилось притворяться, причем не вызывая подозрений, — пока не настанет «ночь длинных ножей», когда им предстояло спасти хрупкие остатки цивилизации от чудовищ, вознамерившихся растоптать мир.

Что-то пошло не так — что именно, не было ясно до сих пор. То ли один из захватчиков, заподозрив неладное, подверг какую-то несчастную таким пыткам, что у нее развязался язык, то ли одна из женщин влюбилась в своего варвара и выложила ему все начистоту... Дэна не ошибалась, говоря, что истории известны подобные случаи. Не ис-

ключено, что так же произошло и здесь.

Возможно, кто-то просто не умел достаточно хорошо врать или скрывать дрожь отвращения при виде новых повелителей...

Как бы то ни было, «ночь длинных ножей» наступила, но все пошло кувырком. Там, куда не успел дойти приказ об отмене акции, женщины, укравшие кухонные ножи, ровно в полночь принялись сновать по комнатам, убивая подонков, пока их самих не одолели в борьбе. Ни одна не покорилась, все проклинали врагов и плевали им в глаза до последних секунд жизни.

Разумеется, это был провал. Его вполне можно было предсказать заранее. Даже если бы план удался, в могилу сошло бы слишком мало захватчиков, чтобы это привело к ощутимым последствиям. С точки зрения общего соотношения сил холнистов и их противников, самопожертвование женщин не дало ровно ничего.

Итак, дерзкое предприятие закончилось трагической неудачей.

Однако весть о нем с легкостью перекочевала через линию фронта и стала карабкаться в горы. Мужчины внимали ей, разинув рты, и недоверчиво качали головами. Женщины, выслушав рассказ, гудели, как улей, а потом обсуждали

услышанное, разбившись на маленькие группки, — спорили, хмурились, размышляли...

В свой черед, молва просочилась на юг; на гору Сахарная Голова она вознеслась, уже обретя черты легенды. И вот там-то, над ревущим потоком, где сливались рукава реки, отважные разведчицы наконец одержали победу.

> "Могу сказать одно: очень надеюсь, что все это не превратится в догму, религию. Самый страшный мой сон — о женщинах, у которых дошло в традицию топить в колодце сыновей, проявивших признаки задиристости. Так и вижу, как они считают своим долгом решать, кому жить, а кому умереть, отбраковывая мальчиков, способных стать угрозой для окружающих.
>
> Возможно, часть из нас, мужчин, слишком безумны, чтобы им было дозволено жить. Однако такой подход, доведенный до крайности, ужасает меня, ибо подобная идеология попросту не укладывается в голове.
>
> Конечно, скорее всего, все уляжется само по себе. Женщины слишком разумны,

чтобы дойти до крайности. На это вся надежда.

Пора отправлять письмо. Попытаюсь написать Вам и Эбби о Кус-Бэй. Пока же остаюсь,

Ваш Гордон".

— Курьер!

Гордон подозвал пробегающего мимо юнца в джинсах и почтальонской кожанке. Тот старательно отсалютовал. Гордон подал ему конверт.

— Будь добр, положи это в ту кучу, которая предназначена для отправки на восток.

— Слушаюсь, сэр! Будет исполнено, сэр!

— Не торопись. — Гордон улыбнулся. — Это личное...

Но паренька уже и след простыл. Гордон вздохнул. Былые деньки тесного товарищества, когда он лично знал каждого в «почтовом ведомстве», остались позади. Он слишком высоко вознесся над молодыми курьерами, и те довольствовались его легкой усмешкой, самое большее — минутным снисходительным разговором.

Пора...

Он встал и лишь слегка поморщился, поднимая сумки.

— Значит, вы все-таки не будете присутствовать на хоудане? [негритянский танец]

Он обернулся. В дверях почты стоял Эрик Стивенс. Он жевал травинку и разглядывал Гордона, сложив руки на груди.

Гордон пожал плечами.

— Лучше улизнуть. Не хочу, чтобы в мою честь закатывали праздник. Все это — пустая трата времени.

Стивенс согласно кивнул. Его спокойная сила была для выздоравливающего Гордона лучшим лекарством, не говоря уже о его гневном отказе считать Гордона даже в малейшей степени ответственным за смерть Джонни. С точки зрения Эрика, внук погиб, как подобает мужчине. Расплатой за его смерть стало контрнаступление, и Гордон решил больше не затрагивать эту печальную тему.

Старик загородил глаза от солнца и указал пальцем в сторону шоссе номер 99.

— Подходят южане.

Гордон увидел колонну всадников, не спеша приближающихся к главному лагерю.

— Глядите, как таращатся! — усмехнулся Стивенс. — Точно никогда прежде не видели города.

Действительно, суровые бородачи из Сатерлина

и Розберга, с Камаса и из Кус-Бэй, въезжая в город, привставали в стременах, дивясь непривычному зрелищу: ветряному двигателю и гудящим проводам, суете в мастерских, орде чистеньких, шумных ребятишек, резвящихся в школьных дворах.

«Назвать это городом было бы преувеличением», — мысленно поправил Гордон Эрика. Впрочем, старик прав.

Над центральной почтой хлопал на ветру звездно-полосатый флаг. Курьеры в форме то и дело седлали лошадей и уносились на север, на восток, на юг с битком набитыми сумками.

От Дома Циклопа доносилась вдохновенная музыка прежних времен, а рядом громоздился воздушный шар в лесах, внутри которых сновали рабочие в белых комбинезонах, изъяснявшиеся на непостижимом техническом жаргоне. На воздушном шаре был изображен орел, взлетающий с погребального костра. С другой стороны красовался герб суверенного штата Орегон.

Наконец, непосредственно на плацу новичков ждала встреча с воинами-женщинами, добровольцами со всей долины, которым предстояло воевать так же, как и всем остальным.

Многовато для неотесанных южан! Гордон с

улыбкой наблюдал, как эти бородачи дивятся на перемены, вспоминая недавнюю разруху. Ведь подкрепление воображало себя спасителями изнеженного, загнивающего севера. Ничего, домой они вернутся совсем другими людьми.

— До скорого, Гордон. — Эрик Стивенс был немногословен. В отличие от многих других, ему хватало вкуса, чтобы понимать, что прощание должно быть коротким. — С Богом! И возвращайтесь назад.

— Вернусь, — кивнул Гордон. — Если смогу. Бывайте, Эрик. — Он закинул сумку на плечо и зашагал к конюшне, не оборачиваясь на суету у ступенек почты.

Старый стадион представлял собой теперь море палаток. Лошади ржали, мужчины маршировали. Гордон разглядел на противоположной стороне знакомую фигуру Джорджа Паухатана, который знакомил новых офицеров со своими старыми боевыми товарищами; перед ними стояла задача преобразовать рыхлую армию долины Уилламетт в новую Лигу обороны Орегонского Содружества.

Седой гигант заметил спешащего мимо Гордона и поймал его взгляд. Гордон кивнул ему, прощаясь без слов.

В конце концов он одержал победу, стащив Паухатана с его горы, хотя мысль о цене этой победы будет сопровождать обоих до самой смерти.

Паухатан слабо улыбнулся в ответ. Теперь оба знали, как полагается поступать мужчине со взваленным на плечи грузом — тащить, и точка.

Возможно, еще наступит день, когда они усядутся рядышком в мирном жилище горца под детскими рисунками, пестреющими на стенах, и станут судачить о разведении лошадей и хитром искусстве пивовара. Но срок для этого наступит только тогда, когда их отпустят Большие Дела. До тех пор ни один, ни другой не рассчитывали перевести дыхание. Паухатана ждала война. У Гордона были совсем другие заботы.

Он притронулся к козырьку своей фуражки и ускорил шаг. Вчера он удивил всех, заявив об уходе из Совета обороны.

— Я должен выполнять свой долг перед всей страной, а не перед одним ее уголком, — объяснил он, укрепляя надежду в сердцах слушателей. — Теперь, когда Орегон уже вне опасности, я должен вернуться к своим основным обязанностям. Почтовой связи предстоит прийти в новые места, ибо там люди слишком долго остаются отрезанными от своих соотечественников. Вы отлично справи-

тесь и без меня.

Сколько они ни протестовали, Гордон оставался непреклонен. Ведь он сказал правду: он отдал им все, что мог отдать. Теперь он будет полезнее в другом месте. В любом случае оставаться здесь дольше нельзя. Все в этой долине будет напоминать ему о вреде, который он причинил, творя добро.

Гордон твердо решил сегодня же покинуть город, не принимая участия в празднике, устраиваемом в его честь. Он уже достаточно поправился, чтобы вновь пуститься в дорогу. Он простился со всеми, в том числе с Питером Эйгом и доктором Лазаренски, а также со скорлупой несчастной мертвой машины, призрак которой не тревожил его больше.

Конюх вывел молодую кобылу, которую он сам выбрал для первого отрезка пути. Погруженный в свои мысли, Гордон укрепил у седла сумки с пожитками и пятью фунтами почты — впервые за все время адресованной людям, живущим вне пределов Орегона.

Он ни минуты не сомневался, что война выиграна, хотя впереди их ждало немало трудных месяцев, а то и лет. Отчасти его теперешняя миссия преследовала цель отыскать новых союз-

ников, новые способы приблизить счастливый исход. Сам этот исход был теперь гарантирован.

Он не опасался, что Джордж Паухатан, одержав полную победу, станет тираном. Когда будут перевешаны все до одного холнисты, народу Орегона будет без обиняков предложено самому позаботиться о себе или проваливать ко всем чертям. Гордону очень хотелось присутствовать при раскатах грома, которые прогремят, если кому-нибудь вздумается предложить Паухатану корону.

Служащие Циклопа будут по-прежнему пропагандировать свой миф, приближая возрождение технологий. Назначенные Гордоном почтмейстеры будут и впредь, сами того не ведая, лгать о возрожденной нации для нового объединения земель, и так будет продолжаться до тех пор, пока не отпадет надобность в самой лжи.

Или до тех пор, пока уверовавшие в нее люди не сделают ее правдой.

О, да, женщины будут продолжать судачить о событиях, случившихся здесь-зимой. Они будут вникать в записки, оставленные Дэной Спорджен, читать те же старые книги, которые читали разведчицы, и спорить насчет того, есть ли смысл в том, чтобы судить мужчин.

Гордон пришел к заключению, что не так уж и важно, все ли было в порядке у Дэны с головой. И призыв судить мужчин вряд ли коснется его лично. У него не было ни желания, ни способности повлиять на судьбу легенды.

Три мифа... плюс Джордж Паухатан. Народ Орегона попал в хорошие руки. С остальным люди справятся сами.

Кобыла приветствовала седока радостным ржанием. Ему пришлось долго успокаивать ее — так она рвалась в дорогу. Эскорт дожидался Гордона у городской черты: его следовало невредимым доставить в Кус-Бэй, где он взойдет на борт корабля.

«А дальше — в Калифорнию...» — билось у него в голове.

Он вспомнил нашивку с медведем на рукаве у умиравшего солдата, поведавшего ему так много, так и не открыв рта. Он, Гордон, его должник. Как и Фила Бокуто, и Джонни, которому так хотелось самому попасть на юг и увидеть все собственными глазами...

«И Дэна... Как бы я хотел видеть тебя сейчас рядом!..»

Он исполнит их завет. Все они были теперь с ним.

«Безмолвная Калифорния, что происходило с тобой все эти годы?»

Он развернул лошадь и поскакал на юг, слыша за спиной, как радостно скандирует на стадионе и клацает затворами армия свободных людей, убежденных в победе, — воины, которые с радостью возвратятся на свои фермы, в свои деревни, когда с этой тяжелой обязанностью будет покончено раз и навсегда.

Звуки, доносившиеся со стадиона, были мощными, уверенными, решительным, полными нетерпения.

Гордон миновал открытое окно, из которого лилась музыка. Кто-то уже бездумно транжирит электроэнергию. Впрочем, как знать — вдруг это своего рода прощальный марш в его честь?

Он встрепенулся. Даже кобыла навострила уши. Гордон узнал старую песенку ансамбля «Бич Бойз», которую не слышал лет двадцать, — наивную мелодию, пропитанную неувядаемым оптимизмом.

«Держу пари, что в Калифорнии тоже есть электричество, — с надеждой подумал он. — А то и...»

Воздух был пропитан ароматом весны. Воздушный шар взмыл вверх под приветственные крики толпы.

Гордон тронул бока кобылы каблуками, и этого оказалось достаточно, чтобы она пустилась прямо с места легкой рысью. Оказавшись за пределами города, он ни разу не обернулся назад.

«Тс-с-с»

Никто больше не говорит о Даре, от которого нас попросили отказаться из чувства жалости. И мы отреклись от него ради лентили.

Собственно, никто не сомневается, что лентили заслуживают подобной жертвы. Они столько сделали для человечества. Если бы людям не посчастливилось с ними встретиться, разве сумели бы они победить свою бессмысленную зависть и злобу? Я знаю одно — у меня не было бы возможности откладывать написание мемуаров, мешкая два столетия, если бы не новые медицинские технологии лентили.

О, да — время безжалостно, как говорят нам философы лентили. Поэтому я и записываю свои свидетельства в Банк Данных, куда можно лишь делать вклады, забрать их назад нельзя. Придет день, и не останется мужчин и женщин, чьи нейроны будут помнить эти удивительные времена, когда наши зонды принесли первое сообщение о Контакте.

Контакт — такое радостное и одновременно пугающее слово; обещание конца нашему одино-

честву и начало… начало чего?

О, как мы боялись. И какие испытывали надежды! Каждый ученый муж выдвигал свою собственную теорию. Наконец-то закончится мрачный период изоляции человечества, заявляли некоторые. Другие предсказывали нашу скорую кончину.

Первые известия о Контакте были полны оптимизма, да что там — они поражали воображение. Такого просто не может быть, думали мы.

Как выяснилось, эти сообщения весьма скромно отражали суть того, что произошло. В полнейшем удивлении мы узнали, что Вселенная, в конечном счете, оказалась разумной! А как может быть иначе, если в ней есть такие поразительные существа, как лентили!

О, да, в Галактическом Содружестве Общего Блага есть множество мудрых рас, у которых примерно столько же желания прибрать к рукам наш маленький заплесневевший мирок, сколько у профессора украсть мячик у зазевавшегося ребенка. Неожиданно все наши самые худшие страхи оказались глупыми и беспочвенными. Конечно, мы еще долгие века будем неуклюжими новичками, но путешествие к звездам раз и навсегда превратило нас в граждан галактики.

Нашими советниками будут добрые, общительные создания, такие прекрасные, мягкие и мудрые. Нужны ли еще доказательства, что Вселенная добра и разумна?

Они направлялись к нам — великолепные звездолеты лентили, сопровождающие два примитивных разведывательных корабля землян. Торопиться было некуда, а лентили очень серьезно относятся к вопросам чести.

Иногда честь дорого обходится. Мы вспомнили об этом, когда корабль «Маргарет Мид», где находилась половина группы первого контакта, взорвался на полпути к дому.

В момент всеобщей скорби к человечеству обратился уважаемый всеми президент Совета глав государств. Оды и гимны могут быть банальными, но только не в таких трагических случаях. Оригинальность не имеет значения для тех, кто охвачен горем. Поэтому президент Тридден говорил о наших погибших соотечественниках как о величайших героях.

Но потом в его обращении к народам Земли возникла неожиданная нота. Он произнес слова, которые поразили всех. В наше время считается, что копии его воззвания не существует. Однако, хотя об этом теперь очень редко упоминают,

никакая другая речь не оказала такого колоссального влияния на дальнейшее развитие событий. Она хранится в тайных архивах по всей Солнечной системе.

Вот как Тридден поделился с нами новостью, которая потрясла всех:

«Дорогие сограждане и люди всего мира, я должен рассказать вам о том, что мне удалось узнать. Мой долг поведать вам о том, что лентили, эти благородные существа, которые скоро прибудут на нашу планету, не столь совершенны, как нам сначала показалось. В действительности у них есть один серьезный, трагический недостаток.

Незадолго до своей гибели на борту «Маргарет Мид» наш выдающийся психолог и социолог доктор Элизабет Ришке послала мне документ, повергший меня в смятение. После двух бессонных ночей я решил поделиться этой информацией со всей человеческой расой. Потому что, если мы собираемся что-нибудь предпринять по поводу открытия доктора Ришке, нам необходимо успеть все сделать до прибытия лентили.

Во-первых, я не хочу зря вас тревожить. Нам не грозит никакая опасность. Наоборот. Если бы наши будущие гости хотели с нами покончить, пытаться оказывать сопротивление было

бы бессмысленно. Однако все указывает на их великодушие. И в самом деле перед нами откроются секреты древней, мудрой культуры. Будет решено множество проблем, над которыми мы бились столетия.

Но я должен вас предупредить: опасность все-таки существует. Опасность грозит не нам, а нашим благодетелям. Оказывается, несмотря на все свои достижения, лентили имеют одну неожиданную слабость. Перед своей безвременной кончиной доктор Ришке была этим весьма обеспокоена.

Судя по всему, человечество обладает определенным Даром, который у лентили начисто отсутствует. Создается впечатление, что они даже не в состоянии понять его сути. Поначалу, когда доктор Ришке упомянула о нем, они, как ей показалось, просто не поняли, о чем она говорит. Когда же после многочисленных попыток некоторые из лентили догадались, о чем идет речь, их реакция поразила нашего психолога. Профессор Ришке сказала: «Меня ужасает, какие последствия это может иметь для несчастных лентили».

Как хорошо я помню выражение лица президента Триддена. На нем было написано сочувствие к несчастным. За прошедшие недели мы

все успели полюбить лентили. Высокие, худощавые, с лицами, освещенными добротой, — разве такие существа способны причинить вред?

Они были почти всемогущи! Умения, для приобретения которых человеку требовалась вся жизнь, давались лентили за несколько дней. Их достижения — как всей расы целиком, так и отдельных индивидуумов — внушали благоговейный трепет.

Лентили высоко оценили искусства и научные открытия человечества, хотя и не в тех словах, которые употребили бы в такой ситуации люди; впрочем, мы прекрасно понимали, что для них это были всего лишь простенькие детские поделки. Ну и как мы должны были относиться к этим своим победам теперь?..

Чрезмерная человеческая гордыня едва не привела к уничтожению нашего возлюбленного мира. Даже к тому моменту, когда нам удалось построить два примитивных звездолета, Земля оставалась раздробленной, полной противоречий. Однако смирение оказалось совсем не таким горьким лекарством, как многие боялись. Если не считать нескольких скептических голосов, большинство людей хотели стать прилежными и благодарными учениками.

Так что нетрудно представить наше удивление! Как мог президент сказать такое? Как лентили — столь могущественные существа — могли иметь серьезный недостаток?

Однако авторитет президента Триддена, как и покойного профессора Ришке, был столь непререкаем, что мы не могли не поверить им. Мы наклонились вперед и слушали, стараясь не упустить ни единого слова.

«Профессор Ришке направила свое сообщение прямо мне, — продолжал президент Тридден. — И теперь я передаю его содержание вам. Потому что все человечество должно принять решение.

У лентили есть психический блок, нечто вроде странного комплекса неполноценности — а для нас это такая мелочь, что большинство людей и не задумывается о подобных вещах. Тут, несомненно, нет нашей вины. И все же мы можем страшно навредить нашим новым друзьям, если позволим им увидеть то, что они предпочли бы не замечать. Наш долг минимизировать урон, который мы можем нанести лентили.

Поэтому я хочу попросить вас принести великую жертву».

Президент умолк на мгновение и продолжил:

«В ближайшие недели, когда мы будем го-

товиться к приему наших гостей и будущих наставников, необходимо убрать все свидетельства о нашем Даре из литературы, языка, из самой жизни!

Используя свои полномочия, я уже отдал приказ различным государственным учреждениям. В эти минуты уничтожаются каталоги Банка Данных ООН и Библиотеки Конгресса.

Разрешите мне подчеркнуть: в действительности не погибнет ни одна книга! Просто на время длительного процесса создания новой системы каталогов следует исключить все упоминания об этом человеческом таланте.

Все вы, я надеюсь, сделаете то же самое — в городах, поселках и домах. Я, конечно же, не призываю вас покончить с нашим духовным наследием. Однако мы обязаны попытаться скрыть от лентили тот факт, что люди обладают Даром, которого лишены наши гости, чтобы, когда наши благодетели появятся на Земле, они были избавлены от ненужной боли».

О, эта печаль в его глазах! Я могу поведать вам о чувствах, которые многие из нас тогда испытали. Мы испугались. Но самым сильным чувством была гордость. Да, гордость за то, что мы, люди, способны проявить благородство и доброту, ко-

гда в этом возникает нужда. Мы слушали этого великого человека, и нас наполняла решимость последовать его примеру. Да, мы совершим этот замечательный поступок, совершим то, к чему он призывает. Мы принесем необходимую жертву и будем достойны звания гражданина галактики.

Но тут президент снова заговорил.

«Конечно, мы хорошо знаем человеческую натуру. Работа, которую предстоит проделать, чтобы нам разрешили присоединиться к Галактическому Содружеству Всеобщего Блага, включает в себя отказ от всякой секретности. Мы стали расой эксцентричных индивидуалистов, которые к тому же гордятся этим. Как же мы тогда скроем существование нашего Дара? Задача практически невыполнимая, даже если вы согласитесь со мной, и мы обнаружим и уничтожим любые упоминания о нашей особой способности.

Я не сомневаюсь, что найдутся люди, которые не захотят принести великую жертву. Те — уж не знаю, правы они или нет, — кто не поверит в то, что нашим благодетелям грозит опасность, что нам следует предпринимать какие-нибудь шаги, чтобы избавить лентили от ненужных страданий.

Естественно, несмотря на все наши усилия,

сохранится большое количество записей моего выступления!

Однако надежда остается. Потому что, согласно анализу доктора Ришке, эти исключения не будут иметь значения! Во всяком случае до тех пор, пока большинство из вас не разуверится в моей правоте. И до тех пор, пока все мы будем придерживаться одной версии того, что произошло. Тогда никакие улики, свидетельства или утверждения не повредят бедным лентили. Потому что бессознательно они станут помогать нам — чтобы сохранить свое психологическое равновесие. Доктор Ришке убеждена, что если мы не станем слишком выставлять напоказ наш Дар, лентили будут просто игнорировать его».

Он помолчал, а потом произнес слова, которые я никогда не забуду.

«А теперь, уважаемые сограждане и все жители Земли, послушайте, какой будет наша версия.

В официальных документах появится запись, что в этот день Джозеф Тридден, президент Совета глав государств, окончательно и бесповоротно сошел с ума».

Тронула ли в этот момент его губы улыбка? Хотя бы тень ее? Тысячи раз я задавал себе этот вопрос, просматривая свою собственную, тай-

ную запись его выступления. Ни мне, ни другим не дано узнать, какие действительные идеи скрывались в его неожиданном предложении, таились в его обращении, которое звучало столь искренне. Не сомневаюсь, что в этот момент Земля покачнулась из-за гравитационного толчка, порожденного десятью миллиардами человеческих челюстей, отвисших одновременно.

«Да, граждане Земли. Другого пути нет. Сегодня миллионы из вас сделают то, о чем я попрошу. Вы переворошите записи, устроите беспорядок в архивах. И неважно, что далеко не всегда вам будет сопутствовать удача, потому что возникшая неразбериха явится прекрасным объяснением, когда лентили поинтересуются, почему мы так мало говорим о некоторых вещах.

И через месяц, и через год, и через сто лет в этой истории будут винить меня.

Не существует никакого Дара. У человека нет никакого особого таланта, который вызвал бы у лентили непреодолимую зависть, заставил бы испытывать комплекс неполноценности.

Вот наша версия: Дара не существует! Все это миф, рожденный воображением одного человека, свихнувшегося лидера, психика которого не смогла смириться с тем, что его власть при-

ближается к концу, и он, в последней отчаянной попытке заявить о себе, вышел в эфир и заставил миллионы людей заняться уничтожением каталогов и пленок и совершить другие идиотские, но абсолютно безвредные и легко исправимые акции саботажа.

Вам надлежит сделать следующее, жители Земли: вы должны положить конец всем официальным упоминаниям об этом Даре; тем самым, вы проявите доброту по отношению к нашим новым наставникам. А потом вы скажете, что все это результат деятельности человека, чей разум не выдержал перегрузок.

То есть президента Триддена».

И в этот момент — я уверен — он улыбнулся. Теперь уже половина всего мира была убеждена, что он действительно безумен.

А вторая половина была готова умереть за него.

«Я постараюсь остаться на своем посту как можно дольше, чтобы довести дело до конца. Однако уже сейчас начались политические сражения, врачи собрались на консультации, введена в действие конституционная процедура. У меня осталось совсем немного времени, поэтому я буду краток.

Мне пришло в голову, что по одному из вопросов я не внес ясности. Я говорил о Даре, обладателем которого является человек и который крайне редко встречается среди народов Галактического Содружества Всеобщего Блага. На данный момент он еще по-настоящему не успел развиться. На самом деле он играл в нашей жизни такую незначительную роль, что большинство из нас не замечало его и не думало о нем.

Но если бы мы обратили на него внимание…»

Он неожиданно замолчал, и по его глазам мы смогли прочесть, что появились те, кто должен был положить конец его выступлению. Президент Тридден успел лишь поднести палец к губам — древний знак, призывающий к молчанию. В следующее мгновение передача закончилась, и весь мир, как завороженный, несколько бесконечных минут смотрел на бегущие полосы помех, пока на экранах не возникли взволнованные лица государственных служащих и журналистов — моргая и заикаясь, они сообщили о том, что президенту стало плохо.

Мы не стали ждать диагноза знаменитых докторов. Мы начали уничтожать оглавления энциклопедий, с топорами в руках бросились к дверям ближайших библиотек, намереваясь

покончить — нет, не с книгами — с каталогами.

Тогда — как нам казалось — не имело значения, что он не успел сказать о том, каким же все-таки Даром мы обладаем. Что же нам следует скрывать. Устроить неразбериху, думали мы. Спрятать упоминания о нашем таланте, которые могут нанести урон другим.

Сделать нечто благородное, пока еще имеется такая возможность. Пока мы еще хозяева своей судьбы.

В ту ночь истерия стала настоящей страстью, дионисийская вакханалия, которая в глобальном масштабе принесла совсем немного вреда — довольно быстро почти все удалось восстановить. И закончилась она так же быстро, как и началась — смущенные люди постепенно приходили в себя.

«Да, — провозгласили психиатры, — президент безумен».

Когда на Землю вернулся «Грегори Бейтсон», начали расспрашивать коллег доктора Ришке, и все они клялись, что она не могла послать президенту такое сообщение. Это просто невозможно! Начали расползаться самые невероятные слухи. Поговаривали, — однако никаких серьезных доказательств тому не было, — что приказ об уничтожении «Маргарет Мид» был отдан Тридде-

ном: преступление столь чудовищное, что его не смогли приписать даже безумцу. Так или иначе было решено не тревожить прах погибших. Теперь этот человек находится там, где никому не сможет причинить вред.

Вскоре наступили славные дни встречи с лентили. Наши новые друзья давали интервью на всех каналах. И мы сразу поняли, как нам не хватало их благожелательности и доброты. Мудрые старшие братья и сестры помогут человечеству избавиться от юношеских заблуждений. Начинается новый этап в истории человечества — период взросления.

В наши дни редко вспоминают странную речь президента Триддена. Да, эксцентричных людей на Земле немало, и художники, писатели, новаторы разных мастей постоянно заявляют, что они «нашли Дар». За этими выступлениями, конечно же, ничего нет, мы их терпим точно так же, как терпят и любят нас лентили.

Но иногда случаются и настоящие открытия. Как часто публика, наблюдая за выдающимся молодым исполнителем, или изучая поразительное произведение, или слушая новую симфонию, или воспринимая дерзкую концепцию, вдруг задумывается: неужели именно об этом и говорил

Тридден? Может быть, он все-таки был прав?

Конечно же, сомнения всегда разрушают сами лентили.

Лентили говорят, что их удивляет наше поведение. Выяснилось, что большинство новичков проходят через длительные периоды смирения и сомнений, стараясь подражать своим старшим, мудрым собратьям. Лентили утверждают, что на них производят большое впечатление независимость нашего духа и стремление к новому. Но, как и прежде, они не выказывают ни малейшего беспокойства по поводу какого-то мифического Дара землян.

Когда мы вспоминаем о Триддене, если вообще вспоминаем, то говорим о нем с некоторым смущением. Он умер в клинике, и теперь его имя употребляется как нарицательное, когда речь идет о человеке, желающем поставить мир с ног на голову.

И все же…

И все же иногда меня посещают сомнения. Кое-кто еще продолжает в него верить. Эти люди вежливо благодарят наших наставников, но делают это несколько свысока, со странной уверенностью и безмятежностью, которая совсем не соответствует положению человечества в Со-

дружестве. Именно они не подвержены острым приступам меланхолии, которые часто охватывают людей, несмотря на все усилия лентили сделать все, чтобы мы постоянно чувствовали их любовь.

«Случайно ли, — задаю я себе вопрос, — что всякий раз, когда нужно по какому-нибудь поводу отправить делегацию для переговоров с Содружеством Всеобщего Блага, в ней всегда оказывается несколько последователей Триддена? И случайно ли, что именно среди них следует искать наших лучших, самых разумных и трезвых дипломатов?»

Они упорно пытаются найти — ученики безумного президента — мифический талант, который дарует нам гордость и не позволит затеряться в бескрайних просторах космоса. Они с жаром исследуют все новое — и ни время, ни ослепляющая мудрость наших наставников не производят на тридденитов никакого впечатления.

Возможно, это еще одно свидетельство безумия человечества.

Лентили шествуют среди нас, словно боги.

Мы, в свою очередь, научились кое-чему из того, что стало достоянием собак и лошадей. Мы вкушаем из той самой чаши, из которой ко-

гда-то питались наши кузены-приматы. Чаши смирения.

Не вызывает сомнения, что человечество было преисполнено гордыни, когда считало себя венцом творения. Даже в те моменты, когда мы почитали Божество, мы всегда создавали немалую дистанцию между ним и собой, отсылая Божество куда-то на небесный свод, чтобы остаться владыками Земли.

Теперь мы полны смирения и стараемся сделать все, чтобы оказаться достойными цивилизации, чьи величайшие достижения мы можем лишь с благоговением созерцать. Нет сомнений, теперь мы выглядим лучше, чем наши дикие предки. Мы умнее, добрее, можем по-настоящему любить. И, вопреки всем ожиданиям, оказались способны к творчеству.

У меня есть теория, которая объясняет эту нашу последнюю способность, однако я не собираюсь ни с кем ею делиться. Именно поэтому раз в год, рискуя прослыть чудаком, я принимаю участие в поминальной службе у скромной могилы на кладбище Бриджес. И пока большинство присутствующих говорит о чести, жалости и мученичестве благородного человека, я отдаю свое уважение тому, кто, возможно, видел, куда

пойдет человечество, и понимал, какие опасности подстерегают его на этом пути.

Я преклоняюсь перед тем, кто вручил нам бесценный Дар и сумел изменить будущее.

Да, он был мучеником. Однако я понимаю, что Тридден прихватил с собой в заточение знание, которое должно было его утешать.

Эта улыбка…

Они шествуют среди нас, словно боги. Но и у нас есть возможность ответить.

Лентили знают, что Тридден был безумен. Они знают, что нет у нас никакого тайного Дара. Мы не защищаем их от ослепительной правды, скрывая что-то из жалости. И любви.

Они знают это.

И все же раз за разом я кое-что замечаю! Я замечаю сомнение в их глубоких, выразительных глазах — когда очередное наше открытие удивляет их, пускай всего лишь на миг!

Я видел это краткое удивление и смущение. Мгновенное, но такое страшное сомнение.

Именно в такие моменты я их жалею.

Благодарение Богу, я могу их жалеть.

Вирус альтруизма

Думаешь меня поймать? Черта с два! К нашей встрече я подготовился так, что начинай уже думать о чем-нибудь другом.

В моем бумажнике лежит карточка, где написано, что у меня четвертая группа крови, резус отрицательный и к тому же аллергия на пенициллин, аспирин и фенилаланин. Если верить другой карточке, я - убежденный адепт Церкви христианской науки [Протестантская секта, основанная на вере в духовное излечение с помощью Слова Христова от всех физических и духовных грехов и недугов. (Прим. перев.)]. Все эти хитрости задержат тебя, когда придет время (а оно, конечно же, придет, и очень скоро).

Даже если от этого будет зависеть моя жизнь, я никогда и никому не позволю втыкать мне в руку иголки. Ни за что! Никаких переливаний крови!

И потом, у меня же есть антитела. Так что тебе, СПИЧ, лучше держаться от меня подальше. Твоей пешкой я не стану. И твоим вектором тоже.

Понимаешь, все твои слабые места мне известны. Хоть ты и хитрый дьявол, но чересчур

изнеженный. В отличие от ТАРПа, ты не выносишь открытого воздуха, жары, холода, кислоты и щелочи. Из крови в кровь - вот твой единственный путь. Да и зачем тебе другой? Ведь ты, наверное, думал, что нашел самый простой способ?

Как только ни называл тебя Лесли Эджисон - и «виртуозный мастер», и «совершенство среди вирусов»... Помнится, когда-то давно ВИЧ - вирус СПИДа - заставлял всех трепетать от страха. Но по сравнению с тобой он просто грубый, неотесанный мясник. Маньяк с бензопилой, болван, который убивает своих хозяев и распространяется за счет привычек, которые люди хоть и с трудом, но все же могут держать под контролем. О да, у старины ВИЧ тоже были свои приемчики, но что он в сравнении с тобой? Жалкий дилетант!

Простуда и грипп, конечно, тоже не лыком шиты. Они неразборчивы в связях и быстро мутируют. Когда-то давно они научились заставлять своих хозяев хлюпать носами, кашлять и чихать, чтобы те распространяли заразу. Вирусы гриппа гораздо хитрее, чем ВИЧ, ведь, как правило, они не убивают своих хозяев, а лишь заставляют их страдать и, кашляя и сморкаясь, заражать свежими порциями инфекции своих близких.

Лес Эджисон всегда обвинял меня в очеловечивании наших объектов изучения. Всякий раз, заходя на мою половину лаборатории и слыша, как я поливаю отборной техасско-мексиканской бранью какого-нибудь особо воинственного лейкофага, он реагировал одинаково. Как сейчас вижу: приподняв одну бровь, он сухо делает мне замечание.

— Форри, вирус не может тебя услышать, - произносит он со своим винчестерским акцентом. - Это ведь не разумное существо, даже, строго говоря, не живое. Это всего лишь пучок генов в белковой оболочке, вот и все.

— Знаю, Лес, - обычно отвечал я в таких случаях. - Но до чего же наглые эти гены! Дай им волю, они тут же вломятся в человеческую клетку и заставят ее производить полчища новых вирусов. А те потом разорвут ее на части, когда будут выбираться на свободу, чтобы напасть снова. Может, они и не думают, и все их коварство - чистой воды случайность. Но неужто тебе никогда не кажется, будто они действуют по плану? Будто кто-то управляет этими мерзкими тварями, чтобы заставлять нас страдать? И даже умирать?

— Да ладно тебе, Форри! - Он снисходительно усмехается моей американской непосредствен-

ности. - Ты бы не стал заниматься этим делом, если б не находил в этих фагоцитах своеобразной прелести.

Эх, старина Лес! Такой правильный и высокомерный... Ты так и не догадался, что вирусы завораживали меня совсем по другой причине. В их ненасытной алчности я видел такое примитивное, ничем не замутненное честолюбие, которое превосходило даже мое собственное. Тот факт, что вирусы - безмозглые создания, не слишком облегчал мои терзания. Мне, между прочим, всегда казалось, что мы, люди, сильно переоцениваем свои мозги.

Мы познакомились несколько лет назад в Остине, куда Лес приехал в академический отпуск. У него уже тогда была репутация «юного гения», я откровенно лебезил перед ним, и, возвращаясь в Оксфорд, он предложил мне присоединиться к нему. Так я оказался здесь, и начались наши регулярные дружеские споры о смысле и значении болезни под барабанную дробь, которую английский дождь выбивал по рододендронам.

Ох уж этот Лес Эджисон с его псевдоартистическими дружками и претензиями на философичность! Он вечно рассуждал о красоте и изяществе

наших маленьких мерзопакостных объектов. Но меня не проведешь. Я-то понимал: он так же помешан на «нобелевке», как и все мы. Так же увлечен погоней за тем фрагментом Загадки Мироздания, за тем кусочком, который принесет больше грантов, больше лабораторных площадей, больше оборудования, больше престижа… В общем, деньги, статус и в конечном итоге, может быть, даже Стокгольм.

Сам Лес уверял, что подобная ерунда его не интересует. Но парень он был не промах, это я вам точно говорю. Иначе каким образом его лаборатория расширялась бы даже в разгар тэтчеровских гонений на английскую науку? И тем не менее он продолжал притворяться.

— У вирусов есть свои положительные стороны, - частенько говаривал он. - Конечно, поначалу они нередко убивают. С этого начинают все новые патогены. Но в конечном итоге происходит одно из двух. Либо человечество в ответ на новую угрозу изобретает защиту, либо…

О, как он обожал эти театральные паузы!

— Либо? - Подначивал его я, как мне и полагалось.

— Либо мы приходим к компромиссу… а быть может, и к альянсу.

Симбиоз. Вот то, о чем Лес твердил не переставая. Он обожал цитировать Маргулис и Томаса, а иногда и Лавлока, прости господи… В том, как он восхищался даже такими ужасными и подлыми тварями, как ВИЧ, было что-то пугающее.

— Видишь? Он встраивается в ДНК своей жертвы, - говорил Лес. - А потом затаится и дожидается, когда жертву атакуют другие микробы. Т-клетки организма хозяина готовятся дать отпор, отбить вторжение, но ее химические механизмы захвачены новой ДНК, и в результате вместо двух новых Т-клеток появляется целая армия вирусов СПИДа.

— Ну и что? - пожимал плечами я. - Практически все вирусы действуют так же. Единственное отличие ВИЧ - что это ретровирус.

— Да, Форри, но подумай дальше. Представь, что произойдет, когда рано или поздно СПИДом заразится человек с таким геномом, что он окажется нечувствительным!

— То есть его антитела среагируют достаточно быстро, чтобы остановить вирус? Или что его Т-клетки отразят вторжение?

О, когда Лес входил в раж, он становился дьявольски снисходительным.

— Да нет же, нет! Думай! - требовал он. - Я имею

в виду нечувствительность после инфицирования. Уже после того, как гены вируса внедрились в его хромосомы. Но у этого индивидуума имеются некие другие гены, которые не позволяют новой ДНК начать вирусный синтез. Создания новых вирусов не происходит. Не происходит и разрушения клетки. Человек не болеет. Но теперь у него имеются новые молекулы Д НК…

— Всего лишь в нескольких клетках…

— Да. Но допустим, что одна из них оказалась половой клеткой. А теперь допустим, что с помощью именно этой гаметы он производит на свет ребенка. И вот уже каждая из клеток этого ребенка может содержать и невосприимчивость к данному вирусу, и новые вирусные гены! Ты только подумай, Форри! Это же новый тип человеческого существа. Ему не страшен СПИД, в нем уже есть все гены СПИДа, и он сам может создавать эти странные, удивительные белки… О, разумеется, большинство из них окажется бесполезными или никак себя не проявит. Но теперь геном этого ребенка и его потомков содержит большее разнообразие…

Когда он садился на этого конька, я частенько спрашивал себя: неужели он действительно считает, что объясняет мне все это впервые? Как

бы уважительно англичане ни относились к американской науке, они привыкли считать нас профанами. Однако я еще несколько недель назад заметил у Леса этот интерес и кое-что предусмотрительно почитал.

— То есть как те гены, которые отвечают за некоторые виды рака? - саркастически заметил я. - Да, уже доказано, что некоторые онкогены изначально были встроены в геном человека вирусами, как ты и говоришь. И люди, унаследовавшие от предков склонность к ревматоидному артриту, тоже могли получить этот ген именно таким образом.

— Вот именно! Сами вирусы могут исчезнуть, но их ДНК будет жить в нас!

— Какой подарок для человечества!

О, как меня бесила эта его самодовольная ухмылка! Да сойдет она когда-нибудь с его лица или нет?!

Лес взял кусок мела и начертил на доске таблицу:

БЕЗОБИДНЫЙ -» УБИЙЦА! -» НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ -» НЕДОМОГАНИЕ -» БЕЗОБИДНЫЙ

— Это классический взгляд на то, как хозяева взаимодействуют с новым патогеном, особенно с вирусом. Каждая стрелка, разумеется, обозначает

стадию мутации и вариант адаптации. Сначала некая форма безобидного микроорганизма соскакивает со своего предыдущего хозяина (скажем, обезьяны) на нового (скажем, на нас). У нас нет адекватных механизмов защиты, и болезнь буквально косит нас - как сифилис в шестнадцатом веке, когда за несколько дней в Европе гибло больше народу, чем за целые годы… На самом деле, для патогенов эта вакханалия - не самый эффективный способ поведения. Только очень прожорливый паразит убивает своего хозяина так поспешно. Затем настает трудное время для обоих - и для хозяина, и для паразита, когда один пытается адаптироваться к другому. Этот период можно сравнить с политикой, как своеобразный процесс ведения переговоров…

Тут я не выдержал и фыркнул от раздражения:

— Мистическая чепуха! Лес, я согласен с твоей схемой, но аналогия с войной все-таки вернее. Поэтому-то таким лабораториям, как наша, и платят деньги. Чтобы мы создавали лучшее оружие для нашей стороны.

— Хм-м… Возможно. Но иногда, Форри, процесс выглядит иначе.

Он повернулся к доске и начертил другую схему:

БЕЗОБИДНЫЙ -» УБИЙЦА! -» НЕСМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ -» НЕДОМОГАНИЕ -» ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ ПАРАЗИТИЗМ -» СИМБИОЗ

— Как видишь, эта схема совпадает с предыдущей вплоть до того момента, где исходная болезнь исчезает.

— Или переходит в скрытую фазу.

— Разумеется. Как, например, кишечная палочка, которая нашла приют в наших внутренностях. Предки кишечной палочки, без сомнения, отправили на тот свет немало наших предков, прежде чем в конце концов стали полезными симбионтами, каковыми и являются сейчас, помогая нам переваривать пищу. Готов поспорить, то же самое относится и к вирусам. Наследственные формы рака и ревматоидного артрита - всего лишь временные неудобства. Рано или поздно эти гены, несомненно, будут включены в геном человека и станут частью генетического многообразия, которое готовит нас к достойной встрече с предстоящими трудностями. Да что там! Держу пари: большая часть наших нынешних генов появилась именно таким способом - вторгшись в наши клетки в качестве захватчиков.

Чокнутый сукин сын… К счастью, Лес не пы-

тался перенести работу нашей лаборатории в крайнюю правую часть своей волшебной диаграммы. Наш «юный гений» отлично разбирался в вопросах финансирования. Он знал: инвесторы не станут платить нам за доказательство того, что мы произошли от вирусов. Им был нужен - и нужен до зарезу! - прогресс в борьбе с вирусными инфекциями. Поэтому Лес сосредоточил свою команду на изучении векторов, то есть способов распространения инфекции.

Ведь вам, вирусам, непременно нужно как-то распространяться, верно? И как только вы кого-то укокошили, вам срочно нужна спасательная шлюпка, чтобы покинуть корабль, который вы сами же потопили. А если хозяин оказался крепким и отбился от вас - опять же надо бежать. Все время бежать.

И даже если, как утверждает Лес, вы заключили с человеком мирный договор, черт побери, вам все равно нужно распространяться! Да эти крошечные монстры - просто прирожденные колонисты!

Я знаю, знаю. Это просто естественный отбор. Те, кому посчастливилось найти хороший вектор, процветают. Те, кому не повезло, нет. Но все это выглядит так зловеще, что порой мерещится

какой-то скрытый смысл…

Так вот, грипп заставляет нас сморкаться. Сальмонеллез одаривает поносом. От оспы образуются гнойники, которые, высыхая, шелушатся и осыпаются, попадая в легкие. Все это - отличные способы спрыгнуть с корабля и переселиться на новый.

Кто знает, не доисторический ли вирус заставляет кровь приливать к губам, вызывая желание целоваться? Хм! Может, это тот самый случай «доброкачественного паразитизма», о котором говорил Лес… И мы сохраняем приобретенное свойство, хотя вызвавший его патоген давно вымер. Что за идея!

Так вот, наша лаборатория получила крупный грант на изучение векторов. Вот тогда-то, СПИЧ, Лес тебя и обнаружил. Он нарисовал большущую схему, включавшую все возможные пути, по которым инфекция может переходить от одного человека к другому, и дал нам задание проверить их все один за другим.

Себе он оставил инфекции, передающиеся через кровь. И на то были свои причины.

Во-первых, Лес, видите ли, был альтруистом. Его тревожила вся эта паника и необоснованные слухи вокруг Британского запаса крови. Люди от-

казывались от жизненно важных операций. Шли разговоры об организации того, чем уже начали заниматься богачи в Штатах: о создании запасов собственной крови в дорогостоящей, но оттого не менее глупой попытке избежать использования донорской крови, если вдруг понадобится лечь в больницу.

Все это не давало Лесу покоя. Но еще хуже было то, что толпы потенциальных доноров уклонялись от сдачи крови из-за глупых слухов: якобы таким образом можно подхватить какую-то заразу.

Чушь! Никто еще никогда и ничем не заболел, оттого что сдавал кровь. Разве что помутит слегка да прыщами покроешься от всех этих печенюшек и сладкого чая, которыми тебя пичкают после процедуры. А что касается заражения СПИДом через переливание крови, то новые анализы на антитела быстро решили эту проблему. Но слухи остались. А ведь народ должен быть уверенным в национальном запасе крови. Лес хотел покончить с этими глупыми страхами раз и навсегда с помощью одного специализированного исследования.

Однако это была не единственная причина, по которой он предпочел сам заняться изучением

крови в качестве вектора.

— Безусловно, этот вектор используется кое-какими неприятными штуками типа СПИДа. Но кроме них я могу обнаружить и кое-что подревнее, - говорил он возбужденно. - Вирусы, которые почти до конца прошли путь превращения в полезные. Те, которые так хорошо приспособились, что стали совершенно незаметны и едва ли причиняют какое-либо беспокойство своим хозяевам. Быть может, мне даже удастся найти симбионтов! Тех, кто на самом деле помогает человеческому организму.

— Необнаруженный симбионт человека? - с сомнением фыркнул я.

— А почему бы и нет? Раз явной болезни нет, кто станет ее искать? Форри, это же совершенно новое поле для исследований!

Несмотря на весь свой скепсис, я был заинтригован. Вот за это его и прозвали «юным гением» - за эти полубезумные озарения. И как только это не вышибли из него во всех этих оксфордах-кембриджах? Но отчасти именно поэтому я и связался с Лесом и его лабораторией, прилагая все усилия к тому, чтобы мое имя фигурировало в его публикациях.

Итак, я стал следить за его работой. Конечно,

вся эта затея выглядела довольно сомнительно и чертовски глупо… Но я был уверен, что в конце концов она может принести плоды. Поэтому я был морально готов, когда в один прекрасный день Лес пригласил меня поехать с ним на конференцию в Блумсбери. Сам коллоквиум был чистейшей рутиной, но я видел, что Леса так и распирает от новостей. Когда все закончилось, мы отправились пешком по Черингкросс-роуд в одну пиццерию, которая находилась так далеко от университета, что можно было не опасаться встречи с кем-нибудь из коллег. Только с публикой, дожидающейся открытия театра на Лестер-сквер.

Затаив дыхание, Лес заставил меня поклясться сохранить все в тайне. Ему просто необходимо было с кем-то поделиться, а я был только рад выступить в роли исповедника.

— За последнее время я побеседовал со многими донорами, - сообщил он, когда мы сделали заказ. - Такое впечатление, что, хотя некоторые люди боятся сдавать кровь, это во многом компенсируется повышенной активностью регулярных доноров.

— Это радует, - сказал я. Чистая правда. Я вовсе не возражал против того, чтобы в стране имел-

ся необходимый запас крови. Когда-то давно в Остине мне даже нравилось смотреть, как люди заходят в фургончик Красного Креста… Нравилось, пока кто-то не попросил меня внести свой вклад в это дело. На это у меня не было ни времени, ни желания, так что я отказался, сославшись на малярию.

— Форри, я нашел одного любопытного типа. Похоже, он начал сдавать кровь, когда ему было двадцать пять, еще во время второй мировой. И сдал за это время, наверное, галлонов тридцать пять - сорок.

Я быстро подсчитал в уме.

— Погоди-ка. Ведь он уже не проходит по возрасту!

— Совершенно верно! Он сознался в этом, только когда его заверили в полной конфиденциальности. Когда ему исполнилось шестьдесят пять, он просто не захотел завязывать с донорством. Крепенький такой старикашка… Несколько лет назад перенес небольшую операцию, однако до сих пор в весьма приличной форме. Так что, когда местный клуб «галлонщиков» устроил ему пышные проводы на заслуженный отдых, он просто переехал в другой конец округа и зарегистрировался на новой станции переливания,

назвавшись вымышленным именем и занизив свой возраст.

— Забавно. Но вполне безобидно. Скорее всего, ему нравится ощущать себя нужным обществу. Готов поспорить, он любит заигрывать с медсестрами и с удовольствием лопает бесплатную еду… Устраивает себе раз в два месяца этакий регулярный праздник в компании дружелюбных и приветливых людей.

Вот только не надо думать, что раз сам я самовлюбленный ублюдок, то не способен понять поведение альтруистов. Как и у большинства людей пользовательского типа, у меня нюх на мотивы, которые движут простаками. Таким, как я, эти вещи знать просто необходимо.

— Сперва я тоже так решил, - кивнул Лес. - Потом обнаружил еще несколько подобных персонажей и решил назвать их «зависимые». Поначалу я никак не связывал их с другой группой под кодовым названием «новообращенные».

— Новообращенные?

— Ну да. Люди, которые вдруг начали сдавать кровь - внимание! - вскоре после того, как сами оправились от операции.

— Может, они таким образом частично оплачивают лечение?

— Вряд ли. Не забывай, у нас ведь государственное здравоохранение. И даже для платных пациентов такое объяснение годится лишь на первые несколько раз.

— Тогда что, благодарность?

Чувство для меня чуждое, но теоретически понятное.

— Возможно. У людей, побывавших на грани жизни и смерти, могла повыситься сознательность, и они решили стать более добродетельными. В конце концов, полчаса на станции переливания несколько раз в год - невеликое неудобство в обмен на то…

Тоже мне, святоша! Разумеется, Лес был донором. Он продолжал разглагольствовать о гражданском долге и все в таком духе, пока не явилась официантка с нашей пиццей и двумя кружками свежего горького пива. Это заставило Леса ненадолго заткнуться. Но как только она ушла, он, сверкая глазами, наклонился ближе.

— Нет, Форри, это не оплата счетов и даже не благодарность. Во всяком случае, не для всех из них. С этими людьми произошло нечто большее, чем простое пробуждение сознательности. Они стали новообращенными, Форри. Они начали вступать в клуб «галлонщиков» и даже больше!

Такое впечатление, будто в каждом из них произошли изменения личности!

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что значительный процент тех, кто за последние пять лет перенес серьезные операции, полностью поменяли свои социальные установки. Помимо донорства, они увеличили пожертвования на благотворительность, стали членами родительских комитетов и отрядов бойскаутов, превратились в активистов «Гринписа» и движения «Спасите детей»...

— Короче, Лес. К чему ты клонишь?

— К чему? - Он покачал головой. - Честно говоря, некоторые из этих людей словно бы впали в зависимость... В зависимость от альтруизма. Вот тут-то мне и пришло в голову, Форри, что это ведь может быть новый вектор!

Вот так запросто он это и сказал. Естественно, я уставился на него, разинув рот.

— И какой вектор! - шептал он, все больше распаляясь. - Что там тиф, или оспа, или грипп! Сущие дилетанты! Их давно пора сдать в утиль со всем этим чиханием, шелушением и прочей дрянью. СПИД, конечно, тоже использует кровь в качестве вектора, но так грубо, что это невозможно не заметить. Он заставляет нас разрабатывать

анализы, начинать долгий, длительный процесс его выделения. А вот СПИЧ…

— Спич?

— Нет, Форри. Эс-Пэ-И-Че, - ухмыльнулся он. - Так я назвал новый вирус, который мне удалось выделить. Это расшифровывается как «синдром приобретенной избыточной человечности». Ну, как тебе?

— Отвратительно. Ты что, хочешь сказать, что существует вирус, который воздействует на человеческое сознание? Да к тому же таким сложным способом?

Я отказывался в это верить и в то же время струсил так, что во рту пересохло. Я и раньше-то испытывал суеверный страх перед всеми этими вирусами и векторами. А теперь Лес запугал меня окончательно.

— Да нет, разумеется, нет, - рассмеялся он. - Все гораздо проще. Представь, что будет, если в один прекрасный день некий вирус случайно обнаружит способ заставлять людей получать удовольствие от сдачи крови?

Кажется, я только молча моргнул, не в состоянии отреагировать как-то иначе.

— Ты только подумай, Форри! Помнишь того старичка, о котором я тебе говорил? Он поведал

мне, что каждые два месяца, то есть как раз тогда, когда можно снова сдать кровь, у него «все нутро болит». И этот дискомфорт проходит только после нового кровопускания!

Я снова моргнул.

— Ты хочешь сказать, что всякий раз, когда он сдает кровь, на самом деле он угождает своему паразиту, давая тому возможность переселиться к новому хозяину…

— А новые хозяева - это люди, перенесшие операцию, ведь в больнице им переливают свежую кровь. И все потому, что наш старичок оказался так щедр! Дело сделано, они заражены. Но этот вирус хитёр, он не такой жадина, как СПИД или даже грипп. Он предпочитает действовать тихо и незаметно. Кто знает, быть может, он даже достиг некоторой степени симбиоза со своими хозяевами - помогает им отражать нападения других организмов или…

Он увидел мое лицо и замахал руками.

— Ну ладно, ладно, это уже натяжка, я знаю. Но ты только представь! А ведь симптомов болезни нет, поэтому этот вирус до сих пор никто не искал.

И тут до меня вдруг дошло: он его выделил. И, мгновенно осознав, что это может сулить в

смысле карьеры, я тут же принялся строить планы: как сделать так, чтобы мое имя тоже стояло на его работе, когда он ее опубликует. Я был так поглощен этими мыслями, что на несколько мгновений потерял нить его рассуждений.

— ...А теперь мы подходим к самому интересному. Ну скажи, что подумает нормальный, эгоистичный, консервативно настроенный обыватель, если вдруг обнаружит, что ему хочется посещать станцию переливания крови как можно чаще?

— М-м... - Я покачал головой. - Что его околдовали? Загипнотизировали?

— Чепуха! - фыркнул Лес. - Не так устроена человеческая психика. Нет, мы склонны совершать множество вещей, сами не зная зачем.

Однако объяснения нам нужны, и поэтому мы начинаем рассуждать логически! Если очевидное объяснение не лежит на поверхности, мы его изобретаем, и желательно такое, которое помогает нам думать о себе лучше. Эго, мой друг, штука могучая! Ну-ну, подумал я про себя, не учи ученого!

— Значит, альтруизм, - произнес я вслух. - Люди замечают, что стали чаще наведываться на станцию переливания. И делают вывод, что просто

такие уж они хорошие… Они начинают этим гордиться. Хвастаются перед другими…

— Ты на верном пути, - кивнул Лес. - И благодаря этой гордости, а также похвалам по поводу этой своей новоявленной щедрости, они склонны экстраполировать ее и на другие сферы жизни.

— Вирус альтруизма… - выдохнул я с благоговейным трепетом. - Господи, Лес, когда мы это опубликуем…

И тут же осекся, заметив, как Лес вдруг нахмурился. Я подумал было, это из-за того, что я употребил слово «мы». И кто меня за язык тянул… Но нет, Леса всегда интересовало нечто большее, чем просто научное признание, его запросы были гораздо выше.

— Нет, Форри, не сейчас. Пока что мы не можем это публиковать. Я изумленно покачал головой.

— Но почему? Лес, это же грандиозно! Это же подтверждает все твои идеи про симбиоз и все такое. Дело пахнет «нобелевкой»!

Тут я, конечно, дал маху - вслух высказал сокровенное… Но Лес, кажется, и не заметил. Проклятье! Ну почему он не такой, как большинство ученых, которых пуще прочего влечет стокгольмский соблазн? Лес, видите ли, был исключительным.

Исключительным альтруистом.

Так что видите, он сам во всем виноват. Он и его проклятая добродетель - это они заставили меня впервые задуматься о том, что впоследствии я решил совершить.

— Как ты не понимаешь, Форри! Стоит нам опубликовать это открытие, как кто-нибудь тут же разработает анализ на антитела к вирусу СПИЧ. Доноров, в крови которых они будут обнаружены, не пустят на порог станции переливания, точно так же, как переносчиков СПИДа, сифилиса и гепатита. А это будет невероятно жестокая мука для всех этих несчастных.

— Да плевать на них! - почти заорал я. Несколько любителей пиццы неодобрительно глянули в мою сторону. Невероятным усилием воли я заставил себя говорить спокойно. - Слушай, Лес, носители вируса будут признаны больными, верно? Так что им обеспечат врачебный контроль. А если все, что им нужно для счастья, это регулярные кровопускания, так в чем проблема? Пусть заводят пиявок в качестве домашних животных! Лес улыбнулся.

— Разумно. Но это не единственная - и даже не главная причина, Форри. Нет, пока что я не стану это публиковать, и точка. Я просто не могу

допустить, чтобы эту болезнь остановили. Она должна распространиться по миру, превратиться в эпидемию, пандемию!

Я уставился на него и, увидев огонь в его глазах, понял: Лес не просто альтруист. Им завладел один из самых коварных человеческих недугов - мессианство. Лес решил спасти мир.

— Как ты не понимаешь, Форри! - продолжал он с жаром новообращенного. - Эгоизм и жадность разрушают нашу планету! Но природа всегда находит выход, и быть может, этот симбиоз - наш последний шанс, последняя возможность стать лучше, научиться помогать друг другу, пока не поздно! Предмет нашей особой гордости - предлобные доли мозга, эти куски серого вещества над глазами, делают нас намного сообразительнее зверей. Но что хорошего они нам дали? Не бог весть что. Мы до сих пор не можем придумать, как выбраться из кризиса двадцатого века. По крайней мере, от одних только дум толку мало. Нужно что-то еще. И я убежден, Форри, СПИЧ и есть это «что-то еще». Мы должны сохранить этот секрет - по крайней мере до тех пор, пока вирус не распространится среди населения настолько, что обратного пути уже не будет.

Я сглотнул.

— И как долго? Сколько ты собираешься ждать? Пока он не начнет влиять на результаты голосования? Пока не пройдут очередные выборы?

Лес пожал плечами.

— Как минимум. Лет пять, может, семь. Видишь ли, этот вирус имеет тенденцию поражать тех, кто недавно перенес операцию, а это в основном люди пожилые. К счастью, именно они чаще всего обладают в обществе определенным весом. И голосуют за Тори…

Он все говорил, говорил, а я слушал вполуха, потому что уже пришел к роковому решению. Через семь лет от этого гребаного соавторства не будет никакого проку ни для моей карьеры, ни для амбиций. Конечно, теперь, когда я узнал секрет Леса, я мог бы его выдать. Но в результате он только обозлится на меня, а все лавры все равно достанутся ему. Люди обычно помнят первооткрывателей, а не стукачей.

Мы расплатились по счету и направились к станции Черинг-кросс, где можно было сесть на метро до Паддингтона, а оттуда уже добраться до Оксфорда. По дороге мы попали под ливень и спрятались под козырьком у киоска с мороженым. Пока мы пережидали дождь, я купил нам обоим по стаканчику. Как сейчас помню: у Леса

было клубничное, а у меня - малиновый лед.

Лес рассеянно бормотал что-то насчет своих исследовательских планов, а в уголке его рта расплывалась розовая капля. Я делал вид, что слушаю, но голова моя уже была поглощена другим: в ней зарождались планы и разрабатывались способы совершения убийства.

***

Преступление, разумеется, было задумано идеально.

Все эти киношные детективы любят порассуждать по поводу «мотива, орудия и способа» совершения преступления. Что ж, мотив у меня был, да еще какой, но он был таким сложным и неочевидным, что никому и в голову бы не пришел.

Орудие и способ? Да у нас в лаборатории полным-полно и ядов, и всякой заразы. Конечно, мы, профессионалы, работаем очень аккуратно, но, увы, несчастные случаи все же происходят…

Имелась, правда, одна проблема. Наш юный гений был так знаменит, что даже если бы мне и удалось его укокошить, я не посмел бы сразу же объявить о новом открытии. Черт бы побрал этого Леса! Все равно все заслуги приписали бы

ему или хотя бы лаборатории, которая обнаружила СПИЧ исключительно благодаря его чуткому руководству. К тому же слишком громкая слава, свалившаяся на меня сразу после его кончины, могла навести кого-нибудь на подозрения.

Ну что ж, решил я. Так или иначе, СПИЧ получит свою отсрочку. Может, не семь лет, но по крайней мере три или четыре года, в течение которых я вернусь назад в Штаты, начну разработку собственного направления, а затем постепенно поведу дело так, чтобы методично создать всю ту научную базу, через которую Лес благополучно перемахнул в порыве вдохновения. Меня эта отсрочка не слишком радовала, но к концу этого времени создастся полное впечатление, что это моя собственная разработка. И на этот раз никакого соавторства! Нет уж, дудки!

Прелесть была еще и в том, что никому и в голову не придет связать мое имя с трагической смертью моего коллеги и друга, случившейся несколькими годами раньше. Наоборот, его гибель на время остановит мое карьерное продвижение. «Ах, как жаль, что бедняга Лес не дожил до дня твоего триумфа!» - скажут конкуренты, подавляя завистливое раздражение, когда я буду собираться в Стокгольм.

Разумеется, все это никак не отразилось ни на моем лице, ни на словах. Мы оба занимались обычной работой. Но почти каждый день я допоздна задерживался в лаборатории, помогая Лесу в нашем секретном проекте. Это было по-своему веселое время, и Лес не скупился на похвалы, глядя на то, как я медленно, занудно, но методично воплощал в жизнь кое-какие его идеи.

Зная, что Лес никуда не торопится, я тоже занимался подготовкой постепенно. Мы вместе собирали данные. Мы выделили и даже кристаллизовали вирус, получили дифракцию рентгеновских лучей, провели эпидемиологические исследования - и все это в строжайшей секретности.

— Поразительно! - восклицал Лес, обнаружив, каким именно образом вирус СПИЧ заставляет своих хозяев ощущать потребность в «благотворительности». Он бурно и многословно восхищался элегантностью приемов открытого им вируса и приписывал их случайному отбору. Я же не мог отделаться от суеверного ощущения, что это какая-то ужасно хитрая форма разума. Чем более изящными и эффективными оказывались методы вируса, тем больше восторгался Лес, и тем чаще я ловил себя на том, что эти пучки

рибонуклеиновой кислоты и белка вызывают у меня отвращение.

Тот факт, что вирус казался таким безобидным (а с точки зрения Леса, даже полезным), лишь усиливал мою ненависть. Поэтому я радовался задуманному. Радовался, что помешаю планам Леса по распространению СПИЧа во всем мире.

Я собирался спасти человечество от перспективы стать марионеткой в чужих руках. Правда, ради моих собственных целей со спасением придется подождать, однако оно все же случится, и гораздо раньше, чем планировал мой ничего не подозревающий коллега.

А Лес и не догадывался, что закладывает фундамент для работы, признание за которую достанется мне. Каждое его озарение, каждый крик «Эврика!» фиксировались у меня в блокноте рядом с моими собственными столбцами скучных цифр. Параллельно я выбирал орудие убийства. В конце концов я остановился на одном чрезвычайно опасном штамме лихорадки Денге.

***

У нас в Техасе есть старинная поговорка: «Курица - это просто способ, которым размножаются яйца».

Биологи, знакомые со всеми этими латинско-греческими словами, придумали гораздо более роскошный вариант этой поговорки. Люди - это «зиготы», состоящие из диплоидных клеток, содержащих сорок шесть парных хромосом, за исключением гаплоидных половых клеток, или «гамет». Мужские гаметы - это сперматозоиды, а женские - яйцеклетки, каждая из которых содержит только двадцать три хромосомы.

Поэтому биологи говорят: «зигота - это способ, которым размножаются гаметы».

Хитро, правда? Но эта поговорка показывает, насколько трудно в природе отыскать Первопричину, некий центр головоломки, от которого ведет отсчет все остальное. Короче, что же было вначале - яйцо или курица?

«Человек - мера всех вещей», гласит другая старинная мудрость. Да неужели? Попробуйте-ка сказать это ярому гринписовцу! Один мой знакомый, любитель научной фантастики, рассказывал, что однажды читал рассказ, в котором утверждалось, что основная и единственная цель цивилизации, разума и всего такого - это построить космические корабли, чтобы комнатные мухи могли колонизировать Галактику.

Но эта идея - ничто по сравнению с убеждени-

ями Леса Эджисона. О человеческих существах он говорил так, словно речь шла об Организации объединенных наций, не меньше. От кишечной палочки у нас в кишках до микроскопического клеща, очищающего наши ресницы, от митохондрий, вырабатывающих энергию в клетках, до содержимого самой ДНК - во всем этом Лес видел бездну компромиссов, договоренностей и сосуществования. Наши хромосомы, утверждал он, большей частью произошли от предыдущих захватчиков.

Совместное существование? Нарисованная Лесом радужная картинка в моем мозгу превращалась в кошмар: крошечные кукловоды, которые дергают и водят за протеиновые ниточки нас, марионеток, пляшущих под их дудку, ради их собственных мерзких маленьких целей…

Но ты - ты хуже всех! Как большинство циников, я всегда питал тайную веру в человеческую природу. Да, в основном люди - свиньи. Я всегда это знал. И пусть сам я паразит, у меня, по крайней мере, хватает честности это признать. Но где-то в глубине души мы, эгоистичные потребители, рассчитываем на нелогичную щедрость, мистический, загадочный альтруизм других, добрых и непостижимо порядочных людей… Тех,

над кем мы всегда глумимся и перед кем втайне преклоняемся.

И тут являешься ты, чтоб тебе пусто было! Это ты заставляешь людей так поступать. И когда за дело берешься ты, СПИЧ, никакой тайны уже не остается. Ни одного уголка, не достижимого для цинизма. Проклятье! Как же я тебя ненавижу!

Точно так же, как Лесли Эджисона. Я строил планы, задумывал блестящее нападение на вас обоих. О, в те последние дни невинности я чувствовал себя таким решительным и беспощадным! Восхитительным смельчаком, хозяином своей судьбы!

И вдруг - такое разочарование. Я не успел закончить подготовку, не успел расставить свою маленькую ловушку - осколок стекла, смоченный в специальном растворе со смертоносными микроорганизмами. Потому что раньше, чем я смог испробовать себя в роли убийцы, случился КАСЛ.

И все переменилось.

«Катастрофическое аутоиммунное спадение легких» - вот имя тому кошмару, по сравнению с которым СПИД стал казаться надоедливой мошкой. Поначалу казалось, болезнь невозможно остановить. Ее векторы были совершенно неизвестны, а возбудитель не удавалось выделить

очень долго.

На этот раз не было какой-то явной социальной группы, которую настиг этот новый мор, хотя заметно было, что болезнь концентрируется в индустриальном мире. В одних районах чаще всего заражались школьники. В других - секретарши и почтовые служащие.

— Естественно, к работе подключились все крупные эпидемиологические лаборатории. Лес предсказал, что патоген окажется чем-то вроде прионов, вызывающих овечий лишай и некоторые болезни растений. Псевдожизнеформа, которая еще проще, чем вирус, и которую поэтому еще сложнее обнаружить. Идею обозвали ересью, и мало кто ее поддерживал, а потом в Атланте, в Центре контроля заболеваний, решили проверить эту гипотезу - просто так, от отчаяния - и нашли тех самых вироидов в составе клея, которым обычно заклеивают картонные пакеты с молоком, конверты и почтовые марки.

Лес, разумеется, стал героем. Да все мы, в этих лабораториях, были героями. В конце концов, мы ведь стояли на передовой. И наши потери в этой войне были ужасны.

Похороны и прочие публичные сборища временно попали под запрет. Но для Леса сделали

исключение. Процессия за его катафалком была в целую милю длиной. Меня попросили произнести надгробную речь. И когда меня стали умолять возглавить лабораторию, я согласился.

Так что ничего удивительного, что я стал забывать про СПИЧ. В борьбе с КАСЛом были задействованы все ресурсы общества. Я, конечно, эгоист, но даже крысы понимают, что иногда разумнее заняться спасением тонущего корабля. Особенно когда порта поблизости не видно.

В конце концов, мы научились бороться с КАСЛом. Лечение включало в себя прием лекарств и сыворотки из антител, выращенных в костном мозге самого пациента после введения опасно большой дозы ванадиевой смеси, которую я обнаружил методом проб и ошибок. В большинстве случаев это срабатывало, однако больные испытывали огромный стресс, и зачастую, чтобы пережить самую опасную фазу болезни, им требовался специальный режим переливания.

Запасы крови стали истощаться еще быстрее, чем раньше. Но теперь, как во время войны, люди с готовностью откликались на призыв о помощи. Мне ли этому удивляться, но не забывайте, ведь к тому времени я совсем позабыл про СПИЧ.

Мы отразили наступление КАСЛа. Его вектор

оказался слишком ненадежным, слишком легко было перекрыть его теперь, когда мы его вычислили. Бедненькому вироиду так и не удалось дойти до той стадии, которую Лес называл «ведением переговоров». Что ж, значит, не судьба.

Мне достались все возможные почести, которых я не заслуживал. Король вручил мне орден Рыцаря Командора за личное спасение Принца Уэльского. Я был приглашен на обед в Белом доме. Подумаешь! Эка невидаль…

После этого мир получил небольшую передышку. Похоже, люди, напуганные КАСЛом, стали больше расположены к взаимопомощи. Тут мне, конечно, следовало насторожиться. Но я как раз перешел на работу в ВОЗ и взвалил на себя кучу административных обязанностей в кампании по борьбе с недоеданием.

Я забыл о тебе, верно? Шли годы, моя звезда всходила все выше, я добился славы, уважения, почета. Правда, в Стокгольм я так и не попал. По иронии судьбы, получать свою «нобелевку» мне пришлось в Осло, забавно, не правда ли? И все же в глубине подсознания я всегда помнил о тебе, СПИЧ.

Подписывали мирные соглашения. Граждане развитых стран голосовали за временное пони-

жение собственного уровня жизни во имя борьбы с бедностью и защиты окружающей среды. Мы все вдруг словно бы повзрослели. Другие циники, с которыми мы прежде вместе пьянствовали и делились мрачными предчувствиями по поводу незавидной судьбы несчастного, пропащего человечества, - все они постепенно отказались от своих взглядов. Пессимистам было нечего делать в этом прекрасном мире - таком прекрасном, что даже у циника язык не повернулся бы сказать, что это всего лишь короткая остановка по дороге в ад.

Но мои собственные убеждения сохранили свою первозданную чистоту. Потому что в глубине души я знал: все это не по правде.

А потом, к всемирному ликованию, третья экспедиция на Марс вернулась домой и привезла с собой ТАРП. Вот тогда-то мы и узнали, какими дружелюбными, оказывается, были наши родные микробы.

***

Поздно ночью, после работы, еле передвигая ноги от усталости, я порой останавливался перед портретом Леса, который по моему приказу повесили в холле, напротив двери моего кабинета,

и стоял, проклиная его самого и его проклятую теорию симбиоза.

Представьте себе человечество, пришедшее к симбиотическому единению с ТАРПом! Это будет что-то. Представь, Лес, все эти иноземные гены, добавленные к нашему наследию, к нашему богатому человеческому разнообразию!

Вот только ТАРП, похоже, не слишком заинтересован в «ведении переговоров». Его манера общения оказалась убийственно жесткой. А его вектором стал ветер.

Мир взирал на меня и моих собратьев с надеждой на спасение. Но, несмотря на все заслуги и почести, я-то знал, что я всего лишь второсортный мошенник. Как бы меня ни превозносили и ни благодарили, я знал, кто был круче меня на световые годы.

Снова и снова, до поздней ночи я рылся в записках Лесли Эджисона в поисках вдохновения, в поисках надежды. Вот тогда-то я и наткнулся на СПИЧ снова.

Я нашел тебя еще раз.

Да, верно, ты заставил нас сделаться лучше. Твои гены сейчас есть, по меньшей мере, у четверти человечества. И своим новоявленным, необъяснимым, рационализированным альтру-

измом они задают тон, который поддерживают все остальные.

Сейчас, когда пришла беда, все ведут себя так чертовски правильно. Помогают ближним, поддерживают больных, делают пожертвования…

И ведь вот что интересно: не сделай ты нас такими отзывчивыми, может, мы никогда и не добрались бы до этого гребаного Марса. А если бы и добрались, то всеобщая паранойя по крайней мере обеспечила бы приличный карантин.

Но да, конечно, как я мог забыть! Ты же не мог этого предвидеть. Ведь ты просто упакованный в белковую оболочку пучок РНК, обладающий случайной способностью заставлять людей отдавать свою кровь. И больше ничего, верно? Откуда ты мог знать, что сделав нас «лучше», ты обрек нас на ТАРП… Или все-таки мог?

***

Есть кое-какие утешительные известия. От некоторых новых разработок, похоже, будет какой-то прок. На самом деле, последние новости просто чудесны. Судя по всему, мы сумеем спасти около пятнадцати процентов детей. И почти половина из них сможет продолжить свой род.

Правда, это касается только тех народов, где

смешанные браки не редкость. Видимо, гетерозиготность и генетическое разнообразие способствуют лучшей сопротивляемости организма. Народам же с «чистыми», узкими генеалогическими линиями придется туго. Но, в конце концов, за расизм надо платить.

Жаль только крупных приматов и лошадей. С другой стороны, когда еще у тропических лесов появится такой шанс на выживание?

Ну а пока люди стараются изо всех сил. Никакой паники нет, в отличие от прежних эпидемий, о которых пишут в книгах. Похоже, мы наконец повзрослели. Мы помогаем друг другу.

Но в моем бумажнике лежит карточка, где написано, что я адепт Христианской науки, что у меня четвертая отрицательная группа крови и аллергия практически на всё. Переливание крови как метод лечения используется сейчас повсеместно, а ведь я важная персона. Но я не стану брать чужую кровь.

Ни за что.

Я отдаю свою, но брать чужую - никогда. Даже если буду умирать от потери крови.

Тебе меня не поймать, СПИЧ. Даже не надейся.

Я дрянной человек. Все, конечно, считают, что в своей жизни я сделал больше добра, чем зла,

но это просто случайность, результат стечения обстоятельств и причудливых капризов судьбы.

Над миром я не властен, но, по крайней мере, могу принимать собственные решения. Что я сейчас и делаю.

Со своей высокой лабораторной башни я спустился вниз, на улицы, где сочатся гноем и жаром переполненные больницы. Теперь я работаю здесь. И пусть я поступаю точно так же, как остальные. Они - марионетки. Они считают себя альтруистами, но я знаю: все они - куклы в твоих руках, СПИЧ. А я - человек. Слышишь? Я все решаю сам.

Терзаемый лихорадкой, я бреду от койки к койке, пожимая руки, которые тянутся ко мне за утешением, за помощью, и делаю всё, что в моих силах, чтобы облегчить их страдания, чтобы спасти хоть кого-то.

Но тебе, СПИЧ, меня не поймать.

Это мой собственный выбор.

Дело практики

ГЛАВА I
1

Лекция была действительно скучной. В передней части тускло освещенного конференц-зала расхаживал тучный седовласый директор Сахарского технологического института. Возведя глаза к потолку и заложив руки за спину, он с важным видом рассуждал о предмете, в котором мало что смыслил. Так, во всяком случае, воспринимал происходящее Денис Нуэл, молча страдавший на галерке. Быть может, когда-то, много лет назад, Марсель Фластер и был светилом физики. Тогда сидящие здесь молодые ученые только собирались делать карьеру в физике реальности. Денис размышлял о том, что превратило некогда талантливого ученого в ортодоксального администратора.

Зычный голос продолжал:

— Итак, мы видим, господа, что использование зиватронных альтернативных реальностей скоро станет нам по силам, появятся возможности преодолевать пространство и время.

Денис сидел, подперев рукой похмельную голо-

ву, и пытался понять, какая сила могла вытащить его из постели в понедельник утром, заставить прийти сюда и слушать рассуждения Марселя Фластера о зиватронике.

Его веки смежились. Он начал медленно сползать со стула.

— Денис! — Габриэлла Версго толкнула его локтем под ребро и сердито прошипела:

— Сядь, как следует, и слушай!

Денис быстро выпрямился и заморгал. Теперь он вспомнил, какая сила вытащила его из постели.

В семь утра Габби распахнула дверь его комнаты, схватила за руку и потащила в душ, игнорируя все протесты. Она не выпускала его запястья до тех пор, пока они не оказались здесь.

Денис потер предплечье. В один прекрасный день он заберется в комнату Габби и выбросит все до одного маленькие резиновые мячи, которые рыжеволосая девушка так любила мять в руке во время занятий.

Она снова толкнула его.

— Ты можешь сидеть спокойно? У тебя внимания не больше, чем у спятившей выдры! Неужели ты хочешь, чтобы тебя окончательно выкинули из экспериментов с зиватроникой?

Как обычно, Габби поразила цель в самое яблочко. Денис молча покачал головой и попытался сосредоточиться.

Доктор Фластер закончил что-то рисовать на голографическом экране, стоящем посреди зала. Психофизик положил светоперо на подставку и механически вытер руки о брюки, хотя последний кусок мела был объявлен вне закона более тридцати лет назад.

— Это зиватрон, — гордо возвестил он.

Денис, не веря своим глазам, смотрел на рисунок.

— Если это зиватрон, — прошептал он, — то я трезвенник. Фластер поменял полюса местами и вывернул поле наизнанку!

Габриэлла вонзила ногти в бедро Дениса.

Он поморщился, но умудрился сохранить выражение полнейшей невинности, когда Фластер поднял близорукие глаза.

— Как я уже говорил раньше, — продолжал психофизик, прочистив горло, — все тела обладают центром массы. Центроид объекта является точкой равновесия, к которой, если можно так выразиться, и приложены все силы.

— Вы, мой мальчик, — сказал Фластер, показывая на Дениса. — Вы знаете, где находится ваш

центроид?

— Хм-м-м, — попытался сосредоточиться Денис. Он слушал недостаточно внимательно. — Боюсь, я оставил его дома, сэр.

Сидевшие в задней части аудитории аспиранты засмеялись. Габби стала пунцовой. Она попыталась вжаться в свое кресло, явно мечтая оказаться подальше отсюда.

Главный Ученый слабо улыбнулся.

— Вас, кажется, зовут Нуэл, не так ли? Доктор Денис Нуэл?

Денис заметил, что сидящий через проход Бернальд Брейди в очередной раз ликует. Высокий молодой человек с глазами ищейки был главным соперником Дениса, пока окончательно не выставил его из зиватронной лаборатории.

Денис лишь пожал плечами. После того что произошло за последние несколько месяцев, ему нечего было терять.

— Да, доктор Фластер. Вы очень добры, если до сих пор меня помните. Я был заместителем директора Лаборатории номер один.

Габриэлла продолжала сползать под кресло, изо всех сил делая вид, что не знакома с Денисом. Фластер кивнул.

— Да, теперь я вас узнал. Откровенно говоря,

ваше имя недавно упоминалось в моем присутствии.

Лицо Бернальда Брейди расцвело. Ничто не доставило бы ему большего удовольствия, чем ссылка Дениса куда-нибудь подальше… на сбор образцов, скажем, в Гренландию или на Марс. До тех пор, пока Денис оставался в институте, он представлял постоянную угрозу карьере Брейди. Кроме того, между ними стояла Габриэлла.

— В любом случае, доктор Нуэл, — продолжал Фластер, — вы никак не могли «оставить» свой центроид в каком-нибудь месте. Я не сомневаюсь: проверка покажет, что он находится около вашего пупка.

Денис посмотрел вниз на пряжку ремня, а потом перевел сияющий взгляд на директора.

«Ну, так оно и есть! Вы можете не сомневаться, я постараюсь постоянно следить за ним в будущем!»

— Как обидно, — заявил Фластер с деланным участием, — узнать, что человек, в совершенстве владеющий самодельной пращой, так мало знает о центроиде!

Он явно намекал на недельной давности случай на вечеринке, когда в окошко влетело маленькое отвратительное существо и начало терроризиро-

вать гостей, собравшихся вокруг чаши с пуншем. Денис снял широкий пояс, быстро сделал из него пращу и метнул стакан в похожее на летучую мышь существо, прежде чем оно успело кого-нибудь поранить своим острым, как бритва, клювом.

Денис мгновенно стал героем среди аспирантов и техников, а Габби начала кампанию по «спасению его карьеры». Однако в тот момент он лишь хотел повнимательнее разглядеть маленькое создание, вид которого породил у него самые разнообразные гипотезы.

Все единодушно сошлись на том, что перед ними результат экспериментов Генного центра, находившегося в противоположном крыле института. Но Денис с первого взгляда понял, что существо имеет неземное происхождение!

Мгновенно явились неразговорчивые люди из охраны и унесли бесчувственное тельце. Денис не сомневался, что существо появилось из Лаборатории номер один, его старой лаборатории, где стоял главный зиватрон, не доступный теперь никому, кроме лично отобранных Фластером сотрудников.

— Ну, доктор Фластер, — отважился Денис, — раз уж вы сами упомянули тот инцидент, нам

всем будет чрезвычайно интересно узнать, где находится центроид злобной маленькой птицы, залетевшей на нашу вечеринку. Вы можете рассказать о ее происхождении?

Неожиданно в зале для конференций наступила тишина. Не следовало бросать вызов Главному Ученому на глазах у всей аудитории. Но Денису было уже все равно. Без всякой видимой причины его лишили любимой работы. Что еще мог сделать с ним доктор Фластер?

Ученый невозмутимо посмотрел на Дениса, а затем заявил:

— Приходите в мой офис через час после окончания семинара, доктор Нуэл. Я обещаю ответить на все ваши вопросы.

Денис удивленно заморгал. Неужели Фластер действительно сдержит свое обещание?

Он быстро кивнул, показывая, что обязательно там будет, а Фластер снова обратился к голографическому изображению.

— Как я уже говорил, — продолжал Фластер, — психосоматические аномалии реальности возникают в тот момент, когда мы окружаем центр масс невероятностным полем, которое…

Когда они перестали привлекать всеобщее внимание, Габриэлла прошептала в ухо Денису:

— Теперь ты своего добился!

— Да? Чего я добился? — он с самым невинным выражением лица посмотрел на нее.

— Как будто не знаешь! — рассердилась Габриэлла. — Он отправит тебя на впадину Каттару считать песчинки. Будь начеку!

В тех редких случаях, когда Денис Нуэл не забывал расправить плечи, оказывалось, что он выше среднего роста. Одевался он небрежно, можно даже сказать неряшливо. Вьющиеся каштановые волосы носил немного длиннее, чем того требовала современная мода — скорее, из стихийного упрямства, чем по внутреннему убеждению. А карие глаза в данный момент слегка покраснели после слишком поздно закончившейся вчера партии в покер.

Иногда лицо Дениса приобретало задумчиво-отрешенное выражение, которое иногда считается признаком гениальности или выдает любителя розыгрышей. В действительности он был немного ленив для первого и слишком простодушен для второго.

После лекции, когда толпа сонных молодых ученых разбрелась в разные стороны, Денис остановился возле доски объявлений, надеясь найти предложение работы в другом центре по

изучению зиватроники.

Как и следовало ожидать, там не оказалось ничего интересного. Сахарский технологический оставался единственным местом, где шли серьезные работы по зив-эффекту. Денис это прекрасно знал. Он и сам приложил руку к успешному продвижению зиватроники. Пока шесть месяцев назад его не выставили за дверь.

Зал для конференций постепенно опустел, Денис увидел, как удаляется Габриэлла — за руку с Бернальдом Брейди. Брейди выглядел жутко важным, словно только что покорил Эверест.

Денис мысленно пожелал ему удачи. Он только выиграет, если Габриэлла, хотя бы на время, сосредоточит свои усилия на ком-нибудь другом. Конечно, Габби весьма толковый ученый, однако, на вкус Дениса, отличается слишком уж цепкой хваткой.

Он посмотрел на часы. Пришло время выяснить, чего хочет Фластер. Денис расправил плечи. Он решил, что положит конец бесконечным отговоркам. Фластеру придется ответить на некоторые вопросы.

2

— Нуэл! Идите сюда!

Седовласый дородный Марсель Фластер поднялся из-за своего огромного пустого стола.

— Садитесь, мой мальчик. Хотите сигару? Они только что прибыли из Новой Гаваны на Венере. — Фластер указал Денису на обитое плюшем кресло.

— Расскажите, молодой человек, как продвигается ваш проект?

Денис потратил последние шесть месяцев на модификацию программы небольшого искусственного интеллекта, хотя еще в 2024 году было доказано, что в этой области ничего достичь нельзя.

Денису не хотелось показаться невежливым, поэтому он рассказал о скромных результатах, полученных его группой.

— Нам удалось кое-чего добиться. Недавно мы создали высококачественную программу приспособления к новым условиям. Тесты показали, что телефонные разговоры со случайно выбранными абонентами занимали 6,3 минуты, прежде чем люди начинали подозревать, что они беседуют с

машиной. Рич Сквалл и я считаем…

— Шесть с половиной минут! — прервал его Фластер. — Вам удалось побить прежний рекорд! Раньше это занимало на минуту больше. Поздравляю!

Потом Фластер снисходительно улыбнулся.

— Я надеюсь, вы понимаете, Нуэл, что я не стал бы поручать ученому с вашими способностями работу над проектом, у которого нет будущего, не так ли?

Денис покачал головой. Он уже давно пришел к выводу, что Главный Ученый отодвинул его в сторону, чтобы дать возможность работать в зиватронной лаборатории своим приятелям.

Пока не умер его прежний руководитель, доктор Гуинассо, Денис находился в самом центре исследований поля реальности. Не прошло и нескольких недель после трагедии, как Фластер начал заменять сотрудников Гуинассо на своих людей. Денис до сих пор испытывал горечь, когда об этом думал. Он не сомневался, что его отстранили от любимой работы, когда он находился на пороге замечательных открытий.

— Я так и не понял, почему вы перевели меня, — ответил Денис. — Неужели вы готовили меня для чего-то более значительного?

Не обращая внимания на очевидный сарказм, Фластер усмехнулся.

— Именно так, мой мальчик! Вы демонстрируете удивительную интуицию. Ответьте мне на один вопрос. Теперь, когда у вас появился опыт руководства небольшим коллективом, не хотели бы вы взять под свое начало весь проект, связанный с зиватроном?

Денис только заморгал, поскольку не ожидал подобного поворота событий.

— Ну… — только и пробормотал он.

Фластер встал и подошел к сложной машине для приготовления кофе. Он налил две чашки «Горного аромата» и предложил одну из них Денису. Тот молча взял. Он почти не ощутил крепкого вкуса густого напитка.

Фластер вернулся за стол и принялся неторопливо прихлебывать кофе.

— Неужели вы думали, что мы оставим в стороне нашего лучшего эксперта по зив-эффекту? Конечно, нет! Я планировал вернуть вас в Лабораторию номер один в ближайшие несколько недель. А теперь, когда появилась вакансия в кабинете министров…

— Что?

— Заместитель министра! В Средиземномор-

ском правительстве опять произошли серьезные изменения, и мой старый друг Бун Каламни получил должность министра по науке. Поэтому, когда вчера он позвонил мне и предложил это место… — Фластер развел руки в стороны, словно все остальное казалось очевидным.

Денис не верил своим ушам. Он-то всегда считал, что старик его недолюбливает…

— Насколько я понимаю, вас заинтересовало мое предложение? — спросил Главный Ученый.

Денис кивнул. Ему было наплевать на мотивы Фластера, если он снова получит возможность заняться зиватроном.

— Вот и прекрасно! — Фластер поднял чашку. — Конечно, сначала нужно утрясти кое-какие мелкие детали. Нужно показать вашу способность успешно руководить лабораторией, чтобы все безоговорочно приняли вас в качестве своего начальника.

— Ах вот оно что, — пробормотал Денис.

«Так я и думал. Тут должен быть какой-то подвох!»

Фластер запустил руку в ящик стола и извлек оттуда стеклянную коробку. Внутри застыло мохнатое крылатое создание с острым, как бритва, клювом.

— После того как в прошлую субботу вы помогли поймать его, я решил, что оно доставляет нам слишком много неприятностей. И отдал таксидермисту…

Денис пытался дышать ровно. Маленькие черные глазки смотрели на него застывшим взглядом. В данный момент в них было куда меньше недоброжелательности, чем тайны.

— Кажется, вы хотели узнать об этом существе побольше? — осведомился Фластер. — Как мой будущий преемник, вы имеете на это право.

— Все думают, что оно сбежало из Центра генной инженерии, — сказал Денис.

Фластер усмехнулся.

— Но вы-то знали истину с самого начала, не так ли? Создатели новой жизни еще не успели так поднатореть в своем искусстве, чтобы выпустить в свет нечто столь уникальное, — с удовольствием заявил он. — И столь агрессивное.

Вы действительно не ошиблись. Наш маленький дружок попал на вечеринку не из генетических лабораторий, более того: он не из Солнечной системы, если уж быть честным до конца. Он появился из Лаборатории номер один — проник к нам из аномального мира, одного из многих, с которыми нас связывает зиватрон.

Денис встал.

— Вы сумели заставить его работать! Наладили связь с чем-то отличным от вакуума или пурпурного тумана! — У него закружилась голова. — Оно дышит воздухом Земли! Закусило несколькими пирожными и кусочком уха Брайана Йена, а потом, как ни в чем не бывало, полетело дальше! Значит, биохимия существа…

— Именно… практически не отличается от земной, — кивнул Фластер. Денис покачал головой и медленно опустился на свой стул.

— Когда вы обнаружили это место?

— Три недели назад, во время изучения зиватронических аномалий. Должны признаться, что после пяти месяцев сплошных неудач, мы наконец добились успеха. Благодаря тому, что вернулись к вашей схеме ведения исследований, Нуэл.

Фластер снял очки и протер их шелковым носовым платком.

— Ваша методика принесла успех почти сразу. Мы обнаружили мир, удивительно похожий на Землю. Не будет преувеличением сказать, что биологи до сих пор пребывают в эйфории.

Денис посмотрел на мертвое существо под стеклом. Целый мир! Мы это сделали!

Исполнилась мечта доктора Гуинассо. Зиватрон стал ключом к звездам! Отвращение Дениса исчезло. Он был взволнован и восхищен удачей Фластера.

Директор встал и подошел к кофейному автомату, чтобы еще раз наполнить свою чашку.

— Остается только одна проблема, — небрежно проговорил он, стоя спиной к молодому человеку.

Денис поднял глаза, он все еще не мог прийти в себя.

— Проблема?

— Ну, да. — Фластер вернулся к столу, помешивая кофе. — На самом деле, проблема заключается в самом зиватроне.

Денис нахмурился.

— А что с ним?

Фластер поднял чашку двумя пальцами.

— Ну, — вздохнул он между двумя глотками. — Устройство больше не работает.

3

Фластер не шутил. Зиватрон сломался.

Даже после того, как Денис почти целый день провозился с внутренностями устройства, он не

сумел до конца разобраться в сути изменений, внесенных в зиватрон после того, как его изгнали из Лаборатории номер один.

Основные генераторы и старые зонды реальности, которые они с доктором Гуинассо создали с таким трудом, остались прежними. Фластер и Брейди не осмелились их трогать.

Однако эти ученые привлекли к экспериментам такое огромное количество дополнительного оборудования, что даже громадные пространства лаборатории оказались забиты практически до отказа.

Сам зиватрон занимал большую часть главного зала. Одетые в белые халаты техники перемещались по многочисленным мосткам, постоянно что-то исправляя.

Большинство техников спустилось вниз, чтобы поздравить Дениса с возвращением. Они с очевидным удовольствием приняли его появление. Радостные приветствия не умолкали почти час, что вызвало страшное раздражение у Бернальда Брейди.

Когда наконец Денису дали возможность приняться за работу, он сосредоточил все свое внимание на двух огромных зондах реальности. Глубоко внутри машины, где они сходились,

образовалось пространство, которое нельзя было отнести ни к нашему, ни к какому-нибудь иному измерению. Аномальная точка могла перемещаться между Землей и Другим Местом, в зависимости от того, какой зонд доминировал.

Шесть месяцев назад здесь имелся небольшой люк, сквозь который можно было забирать образцы пурпурного тумана и диковинных пылевых туч, обнаруженных им и доктором Гуинассо. Но за это время люк заменили громадным бронированным переходным шлюзом.

Работая рядом с тяжелой крышкой, Денис кожей ощутил: пройдешь сквозь эту дверь — и окажешься в другом мире! Мороз пробежал по коже.

— Все еще в тупике, Нуэл?

Денис поднял взгляд. Маленький рот Бернальда Брейди был искажен неодобрительной гримасой. Он получил инструкцию поддерживать Нуэла, однако никто не мог заставить его вести себя доброжелательно.

— Мне удалось локализовать проблему, — пожав плечами, ответил Денис. — Что-то случилось с той частью зиватрона, которая попадает в аномальный мир; речь идет о возвратном механизме. Весьма возможно, что починить его

удастся только с той стороны.

Постепенно он начал понимать, какой ценой ему достанется право руководить лабораторией. Если Денис не сумеет устранить неполадку здесь, ему придется отправиться в чужой мир, чтобы лично заняться возвратным механизмом.

Он еще не решил, вдохновляет его такая перспектива или приводит в ужас.

— Фластерия, — заявил Брейди.

— Прошу прощения? — Денис заморгал от удивления.

— Мы назвали планету Фластерией.

Денис попробовал выговорить это слово, но потом сдался.

— В любом случае, — продолжал Брейди, — ты не открыл ничего нового. Я уже давно понял, что сломался именно возвратный механизм.

Дениса начинало раздражать поведение Брейди. Он пожал плечами.

— Конечно, ты уже знал! Но сколько времени тебе потребовалось, чтобы прийти к этому выводу?

Он понял, что попал в цель, когда Брейди густо покраснел.

— Ладно, — Денис встал и вытер руки. — Пойдем, Брейди. Покажи свой зоопарк. Если мне

предстоит отправиться в чуждый мир, я хочу побольше о нем узнать.

Млекопитающие! Пойманные животные оказались волосатыми, четвероногими, дышащими воздухом млекопитающими!

Он осмотрел одно существо, похожее на маленького хорька. Между пастью и быстрыми глазами охотника располагались две маленькие ноздри. На каждой лапе Денис насчитал пять когтистых пальцев. Рядом с клеткой висела томографическая схема, где было изображено сердце с четырьмя желудочками и скелет; да и все остальные внутренние органы, похоже, находились там, где и у земных млекопитающих.

И все же зверек прибыл с другой планеты!

«Хорек» некоторое время смотрел на Дениса, а потом зевнул и отвернулся.

— Биологи проверили его на предмет вредных микробов и тому подобное, — ответил Брейди на следующий вопрос Дениса. — Мы послали с роботом несколько морских свинок; они прожили в чужом мире несколько дней и вернулись обратно совершенно здоровыми.

— А как насчет биохимии? Аминокислоты, к примеру?

Брейди показал Денису толстую папку.

— Доктора Нельсона отозвали вчера в Палермо. Правительственная комиссия, я полагаю. Вот его отчет. — Он уронил на руки Дениса толстенный том. — Можешь изучить!

Денис уже собрался дать совет, куда Брейди следует засунуть отчет, когда из дальнего угла донесся неожиданный резкий хлопок. Оба повернулись на звук и увидели, как начал сотрясаться большой деревянный контейнер.

Брейди громко выругался.

— Проклятие! Опять! — Он подбежал к одной из стен и нажал кнопку сигнализации.

Оглушительно взвыла сирена.

— Что случилось? — Денис отступил на несколько шагов. Страх в голосе Брейди произвел на него впечатление. — Что здесь происходит?

— Существо! — закричал Брейди в интерком, что не слишком успокоило Дениса. — То, которое нам удалось поймать и посадить во временный контейнер… да, то самое! Оно снова пытается выбраться!

Послышался треск ломающегося дерева, от контейнера отлетела планка. Из темноты на Дениса смотрели две маленькие зеленые бусинки.

Денис пришел к выводу, что это глаза, расположенные на расстоянии не больше дюйма друг

от друга. Ему показалось, что зеленые искорки пристально уставились прямо на него, и не мог отвести взгляда. Землянин и инопланетное существо застыли на месте.

В помещение вбежал целый отряд техников.

— Быстрее! — закричал Брейди. — Тащите сюда сети, вдруг оно выпрыгнет из контейнера! Проследите, чтобы оно не выпустило из клеток остальных животных, как в прошлый раз!

Дениса охватила тревога. Взгляд зеленых глаз приводил его в замешательство. Он осмотрелся, не зная, куда пристроить тяжелую книгу, остававшуюся в руках.

Существо наконец приняло решение. Оно выскользнуло из контейнера сквозь щель между планками, а потом резко шарахнулось в сторону, в самый последний момент избежав сети.

Денис успел разглядеть нечто, напоминающее маленькую чешуйчатую свинью с приплюснутым носом, над которым красовался острый рог. Но это оказалась та еще свинья! Одним прыжком взмыв в воздух и взмахнув раздвоенным хвостом, она растопырила ноги: между передней и задней конечностью с каждой стороны появились мембраны — свинья раскрыла крылья!

— Не выпускай ее, Нуэл! — завопил Брейди.

У Дениса не оставалось выбора. Невероятное существо летело прямо на него! Он попытался отскочить, но не успел. «Летающая свинья» приземлилась прямо ему на голову и, отчаянно заверещав, вцепилась в волосы.

От неожиданности Денис выпустил из рук тяжелый том, и книга больно ударила его по ноге.

— Ой! — вскрикнул он, пытаясь схватить непрошеного гостя.

Однако маленькое существо громко и жалобно запищало. И тут Денис понял, что оно скорее напугано, нежели агрессивно и вовсе не собирается причинить ему вред. Он осторожно убрал перепончатую лапу со своего лица, едва успев уклониться от удара Бернальда Брейди, в руках которого появилась дубинка! Денис выругался, а «поросенок» пронзительно завизжал, когда дубинка просвистела у него над головой.

— Не двигайся, Нуэл! Я его почти достал!

— А заодно чуть не снес мне голову! — Денис отступил на несколько шагов. — Идиот, ты что, собираешься меня прикончить?

Казалось, Брейди обдумывает эту идею. Потом он с сожалением пожал плечами.

— Ладно, Нуэл. Подойти к нам, только медленно, мы его постараемся снять.

Денис сделал шаг вперед. Однако маленькое существо еще сильнее вцепилось ему в волосы и жалобно заверещало.

— Подожди, — сказал Денис. — Оно испугалось, вот и все. Дай мне минуту: я сам с ним справлюсь.

Денис подошел к контейнеру и сел на него. Осторожно протянул руку и снова коснулся странного существа.

К его удивлению, дрожащий зверек немного успокоился. Денис тихо заговорил с ним, поглаживая прохладную чешуйчатую кожу. Постепенно животное затихло, его хватка ослабла. Денис снял зверька с головы и положил себе на колени.

Техники дружно зааплодировали. Денис улыбнулся, однако особой уверенности он не чувствовал.

Так рождаются легенды.

«…Да, приятель. Я там был, когда директор Нуэл приручил дикое инопланетное существо, которое вцепилось ему прямо в глаза…»

Денис разглядывал пойманного зверька. Тот смотрел на Дениса со странно знакомым выражением. «Кажется, я где-то его уже видел, — подумал он. — Только вот где?»

Потом Денис вспомнил. Когда ему исполнилось шесть лет, родители подарили мальчику книгу финских волшебных сказок. Многие из рисунков он помнил до сих пор. Так вот, у зеленоглазого, острозубого существа была бесовская усмешка эльфа.

— Эльфенок, — тихонько проговорил он, продолжая ласково поглаживать маленькое существо. — Помесь между эльфом и поросенком. Эльфи! Подходящее имя?

Существо сидело тихо. Денис сомневался, что оно наделено разумом. Однако зверек явно понимает человека. И тут к ним осторожно приблизился Брейди с джутовым мешком в руках.

— Быстро, Нуэл. Пока оно сидит спокойно, засунь его сюда!

Денису достаточно было одного взгляда. Он встал, посадив зверька на левую руку. Тот довольно замурлыкал.

— Пойдем, Брейди, — сказал он, — закончим осмотр, я составлю список всего необходимого. И можешь поблагодарить неземное существо за то, что оно помогло мне принять окончательное решение. Я пройду через зиватрон и побываю у него на родине.

4

Зиватрон превратился в дорогу с односторонним движением. Все, что вы клали в шлюз, переходило в аномальный мир, как и планировалось. Однако назад не возвращалось ничего.

По показаниям телеметрии можно было утверждать, что машина все еще соединена с аномальным миром — местом, откуда появился летающий поросенок.

Но обратно на Землю зиватрон не мог послать даже перышко.

Рано или поздно — Денис давно это понял — отказывают все устройства. Он не сомневался, что проблему удастся решить, заменив сгоревший модуль: пара минут — и все в порядке. Но кому-то придется поменять испорченные детали вручную.

Естественно, экспедиция с людьми готовилась давно. Однако для первого визита обстоятельства выглядели не самым благоприятным образом. Кто-то один должен взять на себя ответственность, иначе найденный мир будет навсегда потерян. Возможно, на поиски уйдут сотни лет, прежде чем удастся найти планету с пригодными

для обитания человека условиями.

Так или иначе, Денис принял решение.

Необходимое оборудование по его просьбе сложили возле двери шлюза. Скорость, с которой были удовлетворены все его пожелания, показывала, что доктор Фластер требует результата немедленно.

Он настоял на длинном перечне вещей, необходимых для выживания, хотя и предполагал, что при первом посещении аномального мира они ему вряд ли понадобятся. Даже если нужно будет заменить каждый модуль в возвратном механизме, это не займет больше часа. Но Денис не хотел рисковать. Он даже заказал капсулы с витаминами на случай, если придется задержаться.

Эльфенок устроился на правом плече Дениса и с интересом наблюдал за приготовлениями, но всякий раз, когда к ним приближался Брейди, сердито шипел и выставлял вперед острый рог.

— Ты берешь с собой столько оборудования, что его хватит еще на один проклятый зиватрон. Тебе ведь потребуется не более пяти минут, чтобы починить механизм.

Парень явно завидовал. Впрочем, свою кандидатуру Брейди так и не предложил.

— Денис!

Габриэлла Версго, подобно валькирии, стремительно продвигалась к ним сквозь толпу техников. Один из них не успел отскочить в сторону и чуть не пал жертвой свирепой амазонки.

Увидев Габриэллу, Брейди оживился, совсем как влюбленный щенок. Она одарила его ослепительной улыбкой, а потом вцепилась в правую руку Дениса так, что пальцы у него начали неметь.

— Ну, Денис, — радостно улыбнулась Габби, — я так рада, что вы с Берни помирились! Я всегда считала, что глупо затевать кровную вражду.

Судя по всему, она и в самом деле была довольна. Денис сообразил: Габби ошибочно считает, что они с Брейди враждовали из-за нее. Если так, Денис давно уже вывесил бы белый флаг!

— Я пришла предупредить вас: сюда направляется доктор Фластер, чтобы пожелать Денису счастливого пути. И ведет Буна Каламни!

Денис в недоумении уставился на девушку.

— Новый министр науки! — воскликнула Габби. — Такая знаменитая личность придет взглянуть на то, как первый человек сделает первый шаг в аномальный мир!

Габриэлла погладила эльфенка, пытаясь почесать ему подбородок. Маленькое существо

потерпело несколько мгновений, а потом, не торопясь, зевнуло, обнажив два ряда зубов. Габби быстро отдернула руку.

Она обошла Дениса с другой стороны и целомудренно поцеловала в щеку.

— Мне пора. Важный опыт с кристаллом. Удачного путешествия! Возвращайся героем, и я обещаю, мы устроим роскошную вечеринку. — Она подмигнула и так толкнула Дениса бедром, что эльфенок чуть не свалился на пол.

Помрачневший Брейди чуть просветлел, когда Габриэлла клюнула в щеку и его, чтобы он не обижался. Затем стремительно удалилась, не сомневаясь в том, что половина мужчин в лаборатории смотрит ей вслед.

Ричард Сквалл покачал головой и пробормотал:

— Эта женщина даст фору леди Макбет.

Брейди презрительно фыркнул и отошел в сторону.

Когда Денис вернулся к своим вычислениям, чтобы в последний раз все проверить, эльфенок взмыл в воздух, по низкой траектории подлетел к Ричарду Скволлу и устроился на полочке прямо над его головой, свесив вниз раздвоенный хвост. Он принялся рассматривать портативное

электронное устройство для рисования, которое лысеющий техник настраивал для Дениса.

В течение двух дней, с тех пор как Денис объявил, что инопланетное существо никому не причинит вреда, техники часто видели, как два зеленых глаза изучающе смотрят на них сверху вниз. Удивительное дело: эльфенок всякий раз выбирал техника, который делал самую сложную работу.

Приготовления шли успешно, и эльфенок стал талисманом лаборатории. Техники подманивали его кусочками пирожных: им казалось, что он приносит удачу.

Когда Сквалл поднял взгляд и заметил эльфенка, он усмехнулся и повернулся так, чтобы маленькому существу было лучше видно, что он делает. Денис закончил свои выкладки и с интересом наблюдал за общением человека и загадочного существа.

Создавалось впечатление, что летающего поросенка гораздо больше интересует не то, что делает техник, а какие чувства тот испытывает.

Когда на лице Сквалла появлялось удовлетворение, существо быстро переводило взгляд на его руки.

Хотя эльфенок, по всей видимости, не являлся

разумным существом, Денис задумался о его истинных возможностях.

— Эй, Денис! — голос Сквалла дрожал от возбуждения. — Ты только посмотри сюда! Мне удалось сделать замечательный набросок пусковой установки в Эквадоре! Я и не знал, что могу так здорово рисовать! Твой маленький дружок действительно приносит удачу!

С противоположной стороны лаборатории раздался шум. Денис толкнул техника в бок.

— Вставай, Рич, они наконец явились.

В сопровождении Бернальда Брейди к зиватрону подошел директор лаборатории. Рядом с Фластером вышагивал низкий коренастый человек с тонкими чертами смуглого лица. Денис понял, что это новый министр науки.

Когда их представили, Денису показалось, что Бун Каламни смотрит куда-то сквозь него. У министра оказался очень высокий голос.

— Значит, это и есть тот храбрый молодой человек, который заменит вас, Марсель? И начнет он с того, что первым отправится в то замечательное место, которое вы обнаружили?

Фластер сиял.

— Да, сэр! И мы им гордимся! — Он заговорщицки подмигнул Денису. Только теперь Денис

начал понимать, как отчаянно Фластер нуждается в успехе.

— Вы будете сохранять осторожность, не так ли, мой мальчик? — Палец Каламни указал на дверь шлюза.

«Интересно, — подумал Денис, — понимает ли министр, что здесь происходит».

— Да, сэр, непременно.

— Отлично. Мы хотим, чтобы вы вернулись здоровым и бодрым!

Денис вежливо кивнул, автоматически делая перевод с политического жаргона на обычный человеческий язык. «Министр хотел сказать, что если я не вернусь, им придется заняться малоприятной бумажной работой».

— Я обещаю, сэр.

— Превосходно. Знаете ли, таких талантливых молодых людей теперь совсем непросто найти! «Он имеет в виду, что таких можно найти по доллару за дюжину, но ты помогаешь моему приятелю выйти из сложного положения».

— Да, сэр, — снова согласился Денис.

— Мы ценим отважных парней, я уверен, что вы далеко пойдете. «В этом месяце нам не хватает болванов. Может быть, мы используем тебя еще в нескольких самоубийственных миссиях, если

ты сумеешь вернуться обратно».

— Надеюсь, сэр.

Каламни демократически пожал Денису руку, а потом повернулся и что-то прошептал Фластеру. Директор показал на дверь, и министр вразвалочку покинул лабораторию. «Наверное, чтобы помыть руки», — подумал Денис.

— Хорошо, доктор Нуэл, — весело заявил Фластер. — Забирайте своего маленького инопланетного дружка, вам пора. Надеюсь, вы вернетесь не позже, чем через два часа… даже быстрее, если вам удастся преодолеть свое стремление к исследованию аномального мира. Мы охладим шампанское к вашему возвращению.

Денис поймал эльфенка в воздухе. Маленькое существо взволнованно заверещало. После того как все контейнеры занесли в шлюз, туда вошел и Денис.

— Начинаем процедуру герметизации, — объявил один из техников. — Удачи, доктор Нуэл!

Сквалл поднял большой палец вверх.

Бернальд Брейди подошел, чтобы закрыть тяжелую дверь.

— Ладно, Нуэл, — проговорил он негромко, — ты ведь все проверил, не так ли? Осмотрел машину сверху донизу, прочитал отчет биологов, но со

мной проконсультироваться не пожелал?

Денису совсем не понравился тон Брейди.

— Что ты хочешь сказать?

Брейди улыбнулся и заговорил так тихо, что его слышал только Денис.

— Я ничего не говорил остальным, поскольку мои слова показались бы им абсурдными. Но считаю, что предупредить тебя просто обязан.

— О чем?

— Возможно, это не имеет никакого значения, Нуэл. А может быть, там тебя ждет нечто весьма странное… например, в аномальном мире не такие, как на Земле, физические законы!

Крышка люка уже почти закрылась. Таймер повел отсчет. Просто смешно. Денис не позволит Брейди смутить себя.

— Перестань, Берни, — рассмеялся он. — Я не верю ни единому твоему слову.

— Да? Тогда вспомни о пурпурном тумане, который ты нашел в прошлом году: там не действовали законы гравитации.

— Ну, это совсем другое дело. В мире эльфенка, где биология так похожа на нашу, не может быть физических аномалий. Возможны, конечно, небольшие отклонения… Так о чем ты хотел меня предупредить?

Как ни странно, агрессивность Брейди исчезла, и ей на смену пришла неподдельная растерянность.

— Я не знаю, в чем дело, Нуэл. Это как-то связано с инструментами, которые мы туда посылали! Кажется, их эффективность увеличивается пропорционально тому времени, которое они находились в аномальном мире! Создается впечатление, будто один из законов термодинамики действует там несколько иначе.

Только теперь Денис понял, что Брейди не пытается запугать его. Его соперник действительно наблюдал какие-то необъяснимые явления. Однако люк уже практически закрылся.

— Какой закон, Брейди? Проклятие, останови процесс и скажи мне! Какой закон?

Сквозь узкую щелочку Брейди прокричал:

— Тебе придется догадаться самому!

Раздался щелчок, люк захлопнулся. Теперь шлюз был изолирован от Земли.

В лаборатории доктор Марсель Фластер наблюдал, как закрылся люк аномальной машины. Брейди повернулся к директору.

— В чем дело? — спросил Фластер. Брейди был белым, как полотно.

— Так, ничего особенного. Мы просто погово-

рили. Чтобы провести время, пока не закроется люк.

Фластер нахмурился.

— Надеюсь, мы не получим никаких неприятных сюрпризов. Я рассчитываю, что Нуэл добьется успеха. Фластерия мне необходима именно сейчас.

— Может быть, ему удастся решить задачу, — Брейди пожал плечами.

Фластер рассмеялся.

— Действительно. Судя по тому, что я увидел здесь за последние несколько дней, ему будет сопутствовать успех. Мне уже давно следовало вернуть этого молодого человека обратно в лабораторию!

Брейди посмотрел вслед уходящему директору.

«Правильно ли я поступил, — подумал Брейди, — вручив Нуэлу не те модули, которые нужны для починки возвратного механизма? Ну, рано или поздно он сообразит, что к чему. Ему лишь потребуется заменить одни микросхемы на другие. Я позаботился, чтобы все выглядело, как производственная ошибка, и никто не смог доказать, что к этому приложил руку я.

К тому времени, когда он починит модули, я успею обработать Фластера. К тому же ставки

Нуэла сильно упадут, когда ремонт затянется на недели!»

Брейди чувствовал себя немного виноватым. Он сыграл с Нуэлом злую шутку. Однако все указывало на то, что Фластерия — мирное место. Роботы не заметили крупных животных, к тому же Нуэл всегда хвастался, что был чемпионом среди бойскаутов. Пусть поживет немного среди дикой природы!

Может быть, заодно сумеет разобраться в том, что происходит с роботами…

Да, Нуэл вернется. Но к тому времени он, Брейди, найдет возможность втереться в доверие начальства. Теперь он знал, на какие кнопки нажимать.

Брейди посмотрел на часы. Ему не хотелось опаздывать на свидание с Габриэллой. Насвистывая, он вышел из лаборатории.

5

— Какой закон? Ах ты, сукин сын… — Денис принялся колотить кулаком в дверь.

Однако довольно скоро притих. Бесполезно. Машина активизирована. Он уже находится в аномальном мире…

Денис уставился на дверь, а потом навалился всей тяжестью на один из контейнеров. Затем, сообразив, в каком положении оказался, принялся хохотать. И не мог остановиться. Глаза наполнились слезами, но Денис продолжал смеяться.

Ну и в переделку он попал!

Что ж, в качестве первой реакции смех не худший вариант.

Эльфенок, устроившийся на соседнем контейнере, с интересом оглядывался по сторонам.

«Следует придумать новое имя для этого места, — подумал Денис, вытирая глаза. — Фластерия не подходит».

Вскоре Денис нашел в себе силы взглянуть на другую дверь, ту, что ему предстояло открыть — и попасть в незнакомый мир.

Слова Брейди о «других физических законах» засели в его мозгу. Что он все-таки имел в виду?

Денис вспомнил научно-фантастический рассказ, в котором кратковременное изменение в электрической проводимости привело к десятикратному усилению интеллекта человека. Может быть, ему предстоит столкнуться с чем-то похожим?

Денис вздохнул. Он не чувствовал, что становится умнее — то, что ему никак не удавалось

вспомнить название рассказа, было тому подтверждением.

Эльфенок перелетел к нему на колени и замурлыкал.

— Теперь я инопланетянин, — проговорил Денис, взяв на руки маленького обитателя аномального мира. — Что скажешь, Эльфи? Меня здесь ждут? Покажешь мне свой дом?

Эльфи заверещал, словно ему не терпелось выбраться наружу.

— Ладно, — сказал Денис, — пойдем.

Он пристегнул пояс с инструментами и кобурой, где лежал пистолет, стреляющий иглами. Затем, напустив на себя вид «бывалого исследователя», начал открывать дальнюю дверь. Послышался свист выходящего воздуха — давление выравнивалось, и у Дениса слегка заложило уши. Потом люк распахнулся, впустив солнечный свет чужого мира.

ГЛАВА II
1

Шлюз находился на пологом склоне, покрытом высохшей, пожелтевшей травой. Луг спускался к ручью примерно в четверти мили. Дальше шла череда длинных узких холмов, поднимавшихся к далеким горным хребтам, покрытым шапками снега. Желтая трава местами уступала место зеленой. Деревья. Да, они походили на настоящие деревья, а небо над головой было голубым.

Вокруг царила жуткая, неестественная тишина. Денис сообразил, что задержал дыхание, когда открылся люк, у него даже слегка начала кружиться голова.

Он сделал осторожный вдох, воздух показался чистым и свежим. Ветерок донес шелест травы и скрип ветвей. И ароматы… знакомый запах хлорофилла, перегноя, сухой травы и даже дуба.

Денис стоял возле шлюза и внимательно изучал деревья. Они походили на дубы. Совсем как в северной Калифорнии.

Может быть, он на Земле? Зиватронный эффект сыграл с ним шутку, и они раскрыли секрет

телепортации, а не научились перемещаться к далеким звездам?

Вот было бы здорово сообщить Фластеру эту новость из ближайшего телефонного автомата. За его счет, естественно.

Денис почувствовал, как маленькие когти впились ему в плечо. А в следующее мгновение эльфенок расправил крылья-перепонки, взмахнул хвостом и полетел над лугом в сторону деревьев.

— Эй… Эльфи! Куда ты?..

Тут голос Дениса осекся — он понял, что это место не может быть Землей. Ведь именно отсюда прибыл Эльфи.

Он начал замечать мелкие детали — форму травинок, огромные, напоминающие папоротник, растения на берегу реки, особенный аромат воздуха.

Денис убедился, что кобура расстегнута. Сухая трава зашуршала под ногами. Тихонько стрекотали насекомые.

— Эльфи! — позвал он, но маленькое чешуйчатое существо скрылось из виду.

Денис осторожно двинулся вперед. Он полагал, что первые несколько минут пребывания в чужом мире могут оказаться самыми опасными.

Стараясь одновременно наблюдать за небом, лесом и насекомыми, он не заметил приземистого маленького робота, пока не споткнулся об него и не упал на траву.

Денис инстинктивно перекатился и остался сидеть на корточках, пистолет мгновенно появился в его руке, кровь застучала в висках.

Однако он облегченно вздохнул, узнав устройство из лаборатории Сахарского института.

Камеры робота снимали Дениса с едва слышным жужжанием. Денис опустил пистолет.

— Иди сюда, — скомандовал он.

Казалось, робот обдумывает приказ. Затем гусеницы пришли в движение, и он подполз к Денису.

— Что это у тебя? — спросил Денис, показывая на блестящий металлический предмет, напоминающий клещи, зажатый в одном из манипуляторов робота.

— Кажется, часть другого робота? — поинтересовался Денис, надеясь, что ошибся.

По сравнению с другими машинами, с которыми Денису приходилось работать, исследовательский робот не отличался особой сообразительностью. Понимал лишь основные слова. На башенке загорелся зеленый свет, означавший «да».

— Где ты его нашел?

Маленькая машина повернулась и махнула вторым манипулятором. Денис встал и посмотрел в указанном направлении, но ничего не заметил. Тогда он осторожно пошел через высокую траву и вскоре оказался на открытом месте. Здесь он остановился и огляделся по сторонам. Поляна напоминала свалку электронных деталей. Кто-то весьма бесцеремонно разобрал на части один — нет, два — робота из Лаборатории номер один и аккуратно уложил детали на траву, рассортировав по какому-то принципу.

Денис опустился на колени и взял башенку с камерой. Ее вырвали из гнезда, а отдельные части разложили на земле, словно на продажу. Рядом валялись куски проводов и стекла. Денис присмотрелся повнимательнее и заметил чьи-то неясные следы.

Денис разглядывал аккуратные ряды механизмов, колес, панелей и схем, а также следы, оставленные на глине, и в голове у него вертелась эпитафия, которую он однажды прочитал на одном из надгробий в Новой Англии.

«Я знал, что это когда-нибудь случится».

Денис всегда чувствовал, что ему суждено столкнуться с чем-то необъяснимым. Ну, вот и

столкнулся — перед ним бесспорное свидетельство чуждого интеллекта.

Окружающий ландшафт мгновенно приобрел другую окраску. Денис посмотрел на «траву» и понял, что такой он еще никогда не встречал. Деревья превратились в темный, пугающий лес, полный враждебных сил. Ученый ощутил, как по спине пробежал холодок.

Какой-то щелчок заставил его стремительно обернуться и покрепче сжать в руке пистолет — стрекотал оставшийся у него за спиной робот, который что-то искал среди останков своих собратьев.

Денис поднял с земли выдранную из гнезда электронную плату. Чтобы вытащить ее, достаточно легкого поворота, но, похоже, здешние жители явно не знают о существовании болтов и фиксирующих зажимов.

Получается, что роботов разобрали дикари? Или представители столь высокоразвитой расы, что она забыла о существовании такого примитивного инструмента, как отвертка?

Одно не вызывало сомнений: существо (или существа) не имело ни малейшего уважения к чужой собственности.

Роботов, в основном, делали из пластика. Денис

отметил, что большей части крупных металлических деталей нет.

Неожиданно его посетила весьма неприятная мысль.

— О, нет, — пробормотал он. — Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы я ошибся! — Он поднялся и быстро зашагал обратно к шлюзу.

Когда его глазам предстала вся картина, он громко застонал. Панель возвратного механизма зиватрона лежала на земле. Электронная начинка валялась рядом. Значительная часть механизмов погибла.

Денис только и смог пробормотать:

— Ага! — и прислонился спиной к стенке шлюза.

2

Робот «запищал», а потом еще раз повторил последовательность звуков. Денис сосредоточился на записях трехдневной давности, которые возникли на маленьком экране. Здесь происходило нечто очень странное.

На экране мелькали размытые фигуры гуманоидов, которые мельтешили вокруг шлюза зиватрона. Существа ходили на двух ногах, их

сопровождали, по меньшей мере, два вида четвероногих. Больше Денису ничего не удавалось разглядеть.

Удивительно, что он вообще хоть что-то увидел. Судя по записям, робот находился на дальнем горном кряже, в нескольких километрах от лагеря. Заметив активность, он развернулся, чтобы заснять фигуры, возникшие возле зиватрона. Денис подозревал, что у робота испортился определитель расстояния.

К несчастью, эти кадры оказалась единственным источником информации. Записи остальных роботов погибли, когда их разбирали на части.

Денис снова обратился к тому моменту трехдневной давности, когда начались странные события.

Сначала перед шлюзом появилась маленькая фигурка в белом. Она ехала на спине мохнатого пони (или очень большой овчарки). Денис так и не смог решить, какое определение подходит больше. Гуманоид выглядел хрупким и двигался весьма грациозно, когда рассматривал зиватрон, причем старался его не касаться.

Затем фигурка в белом уселась перед шлюзом и погрузилась в медитацию. Прошло несколько часов. Денис увеличил скорость перемотки.

Неожиданно со стороны леса появился отряд местных жителей на мохнатых животных. Несмотря на расплывчатость изображения, Денис почувствовал, как первое существо запаниковало, поспешно уселось на своего «коня» и поскакало прочь, лишь немного опережая преследователей.

Больше фигуры в белом Денис не видел. Часть вновь прибывших отправилась в погоню, а остальные замерли перед шлюзом.

Большинство из гуманоидов обладало большими, поросшими мехом головами, высоко торчащими над плечами. Затем три двуногих типа, одетых в красное, спешились. Троица решительно подошла к шлюзу.

Как Денис ни пытался, ему никак не удавалось сделать изображение более четким.

К этому моменту робот, очевидно, решил, что происходящее требует его пристального внимания, и начал спускаться с горы, чтобы изучить ситуацию с близкого расстояния.

К сожалению, — а может быть, к счастью, — маленький робот двигался по пересеченной местности довольно медленно. К тому моменту, когда он добрался до шлюза, существа сломали земные машины и исчезли.

Может быть, они торопились присоединиться к преследователям существа в белом.

Больше Денису не удалось найти в записи ничего интересного. Он вздохнул.

Ужасно хотелось считать размытые образы людьми. Однако он понимал, что не следует делать выводы на основании столь ненадежной информации. Он видел чуждые существа, которые были гораздо ближе к эльфенку, чем к нему.

Денис вытащил из робота диск с записью и вставил новый.

— Будешь разведчиком, — Денис размышлял вслух. — Наверное, следует послать тебя вперед, чтобы ты собрал побольше информации об обитателях этого мира. Только на сей раз действуй с максимальной осторожностью. Постарайся не попасть к ним в руки. Понимаешь? Я не хочу, чтобы тебя разобрали на части, как твоих собратьев!

На башенке робота зажегся зеленый свет.

Перед ним встала очень сложная проблема, и Денис не знал, как к ней подступиться.

Конечно, Брейди дал ему столько аппаратуры, «...что ее хватит еще на один проклятый зиватрон». Но на практике дело обстояло гораздо сложнее. Никому и в голову не пришло, что следует взять с собой запасные кабели высокого

напряжения! Оба мощных медных провода и большая часть других металлических деталей вырваны с мясом.

Можно попытаться построить и откалибровать еще один возвратный механизм. Но хватит ли у Фластера терпения ждать, пока Денис закончит работу? Начальству нужен был быстрый успех, и Дениса просто могли здесь бросить, а Лабораторию номер один нацелить на поиск других аномальных миров!

Кроме того, местные жители наверняка станут мешать ему восстанавливать зиватрон.

Денис поднял один из артефактов, оставленных чужаками, — нож с острым изогнутым лезвием, валявшийся в высокой траве.

Длинное, сужающееся лезвие оказалось острым, как бритва; однако сохраняло гибкость и упругость жесткой резины. Украшенная резьбой рукоять, предназначенная для маленькой ладони, напоминала голову дракона.

Денис никак не мог сообразить, из чего сделано оружие. Более того, сомневался, что на Земле сумели бы произвести такой же кинжал. Похоже, он ошибся, полагая, что обитатели этого мира дикари.

Возможно, вандалы, сломавшие механизмы,

являются местным эквивалентом преступников или шаловливыми детьми. (Может быть, преследование, которое он видел в записи, сделанной роботом — игра вроде пряток?)

События, произошедшие здесь, могли быть вовсе не характерными для общества в целом. Денис попытался сохранять оптимизм. Ему всего лишь требовался запас металла и пара дней в хорошей мастерской, чтобы починить и откалибровать испорченные детали. Нож указывал на достаточно высокую технологию.

Не исключено, что местные жители знают то, что неизвестно землянам. Денис подумал, что станет первым представителем Земли, которому удалось установить контакт с инопланетной продвинутой цивилизацией.

Он немного приободрился. Кто знает?

Солнце садилось в направлении, которое Денис решил назвать западом. Высокая горная гряда закрывала эту часть горизонта, тянулась на юг, а потом и на восток, огибая долину. Блестящая лента реки, извиваясь, убегала на юго-восток.

Красота чуждых сумерек немного смягчила горечь — возможно, ему придется провести здесь остаток жизни.

Потом он нахмурился.

Нет, с рекой что-то не так. Она поднималась и опускалась между холмами… поднималась и опускалась…

«Это не река!» — сообразил наконец Денис.

Дорога.

3

Ничто лучше не возвращает реальность окружающему миру, чем попытка вырыть яму. Физическая работа, стук металла о твердую почву, сладкий и затхлый запах покинутых гнезд насекомых, легкая пыль. Денис быстро спустился с небес на землю.

Он оперся о лопату и вытер пот со лба. Напряженный физический труд помог отвлечься от событий тяжелого дня. Уж лучше что-то делать, чем сидеть и ждать новых каверз судьбы. Денис разровнял землю на получившемся возвышении, а потом покрыл его сверху дерном.

Денис не мог взять с собой большую часть своих запасов. Закрывать их в шлюзе нельзя — даже самая малость помешает его коллегам отправить к нему нового посланца.

Он прикрепил на замок короткое послание, в котором сообщал, что подробный отчет спрятан

в яме вместе с оставшимся оборудованием.

Впрочем, насколько Денис знал Брейди и Фластера, они будут долго колебаться, прежде чем пошлют кого-нибудь ему на помощь. Да и сам Денис прекрасно понимал, что только он способен починить возвратный механизм. И он не имеет права ошибиться.

Однако одну серьезную ошибку Денис совершил. Ранним утром, открыв шлюз и выбравшись наружу, он обнаружил, что робот исчез. Потратив целый час на поиски, Денис сообразил, что маленькая машина отправилась выполнять его задание среди ночи. Он нашел уходящие на запад следы гусениц.

Вероятно, робот направился за гуманоидами, чтобы разузнать о них как можно больше — ведь он получил инструкции.

Денис сердито выругал себя за то, что размышлял вслух в присутствии робота. Но кто мог подумать, что робот поймет такие сложные команды — ведь для общения с ним придумали упрощенный вариант машинного языка!

К тому же Денис не обозначил время возвращения. Значит, робот станет собирать информацию до тех пор, пока на кассете остается место для ее записи!

Наверное, в маленькой машине неисправен какой-то контакт. Брейди ведь предупредил, что с механизмами, попадающими в аномальный мир, происходит нечто необъяснимое.

Денис потерял обоих спутников, которые могли бы сопровождать его. «Интересно, — подумал он, — что стало с эльфенком?»

Скорее всего, вернулся в свою стихию и радуется, что избавился наконец от безумных чужаков.

Когда бело-золотое солнце поднялось над восточным краем леса, Денис был готов отправиться в путь. Придется идти одному.

Ему пришлось завязать узлы на ремнях рюкзака, чтобы тот не соскальзывал. Очевидно, Брейди купил все самое дешевое. Денис пробормотал себе под нос несколько эпитетов относительно происхождения своего соперника, закинул рюкзак на спину и зашагал на юго-восток, в сторону дороги, которую приметил еще вчера.

4

Денис поднимался по узким звериным тропам, все время оставаясь настороже. Однако в лесу было спокойно. Хотя рюкзак оказался ужасно неудобным, Денис начал получать удовольствие

от солнца и свежего воздуха.

Он старался сохранять заданное направление, ориентируясь по дешевому компасу, которым снабдил его Брейди. Делая привалы у ручьев, Денис заносил в записную книжку отличия аномального мира от земного. Пока список был довольно коротким.

Растительность напоминала земную. Чаще всего здесь попадались деревья, поразительно похожие на бук.

Параллельная эволюция. Или зиватрон связал их с альтернативным вариантом самой Земли. Денис знал о зив-эффекте не меньше, чем любой ученый на Земле. Однако не мог не признать, что это знание довольно ограничено. Зив-эффект открыли совсем недавно.

Постепенно привыкнув к лесу, Денис начал все чаще ловить себя на том, что пытается разрешить загадки аномального мира и найти объяснение его существованию.

Лесные обитатели с опаской наблюдали за чудаковатым землянином, упорно шагающим по узким тропам на восток.

Когда спустился вечер, Денис разбил лагерь на берегу небольшого ручейка. Опасаясь разводить костер, он зажег шаткую газовую плитку, кото-

рой его снабдил Брейди. Слабое пламя горелки позволило разогреть консервированный суп.

«Скоро придется заняться охотой», — подумал Денис. И тут же отказался от этой мысли. В биохимическом отчете не содержалось никаких сомнений по поводу того, что местные животные годятся человеку в пищу, но ему совсем не хотелось стрелять в обитателей чужого мира. А что если «кролики» окажутся философами? Где гарантии, что существо, которое он решит съесть, не наделено разумом?

Покончив с ужином, Денис активировал систему сигнализации. Она занимала места не больше, чем колода карт: маленький дисплей с крошечной вращающейся антенной. По нему пришлось несколько раз щелкнуть, только тогда прибор заработал.

Очевидно, Брейди снова сэкономил деньги Сахарского технологического.

«Что ж, эта штука даст мне пару секунд форы, если какой-нибудь тип размером со слона начнет копаться в моем рюкзаке», — вздохнул Денис.

С пистолетом наготове он забрался в спальный мешок, уставился в небо и принялся рассматривать созвездия, проглядывавшие сквозь кроны деревьев. Совершенно чужие созвездия.

Следовательно, можно окончательно отбросить теорию о параллельной Земле.

Дожидаясь, пока придет сон, Денис давал названия созвездиям.

Ближе к южным горам Альфреско Могучий сражался с огромной змеей, Стетоскопом. Глаза героя горели неровным огнем: один был красным и мерцающим, другой — зеленым и ровным. Зеленый глаз вполне мог оказаться планетой, решил Денис. Если он переместится в течение нескольких ближайших ночей, можно дать ему собственное имя.

Чуть в стороне от Альфреско и Стетоскопа Хор Двенадцати Девственниц поддерживал солиста Козла Словоохотливого, который монотонно скандировал куплеты, описывающие грандиозную битву Альфреско. Для рассказчика не имело значения, что битва продолжалась тысячелетия, он легко находил новые слова и краски.

Над самой головой висел равнодушный Робот, глядевший на широкую дорогу, сделанную из мириадов крошечных звезд, преследующих Человека Травы… Чужака.

Денис немного переместился. Ему хотелось повернуть голову и посмотреть, куда же так упорно стремится Человек Травы. И только тут он вдруг

понял, как это иногда случается во сне, что уже давно спит.

5

Он вышел на дорогу вскоре после полудня четвертого дня пути.

В записной книжке набралось множество описаний деревьев, насекомых, горных формаций, птиц и змей. Он даже пытался бросать камни с обрыва, чтобы определить местную гравитацию. Все наблюдения сводились к тому, что эта планета не Земля, но чертовски ее напоминает.

Почти половина местных животных имела близких родственников на Земле. Впрочем, другая половина не была похожа ни на что.

Денис чувствовал, что становится опытным исследователем, вроде Дарвина или Уоллеса.[9] Но самое главное: он привык к своим башмакам.

В первое время он их просто ненавидел: проклятые колоды стерли ему в кровь ноги. Но с каждый днем башмаки становились все удобнее и удобнее. Остальное оборудование тоже достав-

---

[9] notes: 9

Альфред Рассел Уоллес (1823–1913) — английский натуралист. (Здесь и далее прим. перев.).

ляло ему некоторые неприятности, но и к нему Денис постепенно привыкал.

Охранная сигнализация будила его по нескольку раз каждую ночь, но он разобрался с ее настройкой, и теперь она не срабатывала, когда на него падали листья.

Прошлой ночью Денис проснулся и увидел на границе своего маленького лагеря группу мохнатых четвероногих животных. Это были копытные. Некоторое время они стояли в свете фонарика, который на них направил Денис, и смотрели на него. Сердце путешественника заколотилось, что есть силы, но существа вскоре тихо удалились.

Конечно, они оказались вполне безобидными, но почему не сработала сигнализация?

Денис выбросил из головы все тревоги, когда начал нетерпеливо спускаться по склону к дороге. Затем, скинув рюкзак, спрятался у обочины.

Дорога выглядела довольно странно — ее ширины едва хватило бы для земного автомобиля. Неровное полотно изгибалось, повторяя все подробности естественного рельефа почвы — никто не попытался спрямить дорогу, как это сделали бы на Земле. По обочинам и вовсе царило запустение.

Однако само блестящее покрытие выглядело гладким и достаточно прочным. Денис вылез из укрытия и сделал несколько шагов по дороге. Потом вылил на нее немного воды из фляги и попытался поцарапать гладкую поверхность пряжкой ремня. Никаких следов не осталось, а от воды поверхность не стала скользкой.

Два узких желобка — расстояние между ними составляло ровно 1,42 метра — шли по центру дороги, повторяя все ее изгибы. Денис опустился на колени, чтобы получше разглядеть желобок: его перпендикулярное сечение оказалось почти идеальным полукругом, а внутренняя поверхность гладкой и почти скользкой.

Денис уселся на пенек и принялся тихонько насвистывать.

Дорога произвела на него сильное впечатление. Он сомневался, что подобную поверхность могли бы изготовить на Земле.

Но почему у нее такие неровные края? Зачем нужны желобки, и почему дорога так петляет?

Это озадачивало. Как, впрочем, и то, каким странным образом разобраны роботы и возвратный механизм. Похоже, местные жители мыслят совсем не так, как люди.

Возле шлюза Денис обнаружил, что почти все

металлические части зиватрона исчезли. Тогда он подумал, что этот мир беден металлами. Но за последние дни он видел по меньшей мере три места, где залежи железной и медной руд выходили на поверхность.

Он столкнулся с тайной, разгадать которую у него имелась всего лишь одна возможность.

На западе дорога уходила в горы. На восток спускалась к широкому водоразделу. Денис вскинул рюкзак на спину и зашагал вниз по дороге, в сторону цивилизации, как он надеялся.

6

Денис никак не мог привыкнуть к мысли, что он недооценил Бернальда Брейди.

Вечером того дня, когда он изучал дорогу, помешивая суп в котелке, стоящем на маленькой газовой горелке, Денис размышлял о своем сопернике, полагая, что, возможно, был к нему не справедлив. В первые дни пребывания в новом мире он часто жаловался на качество снаряжения, винил Брейди за мозоли, натертые плечи и едва теплую похлебку. Но постепенно все проблемы решились. Очевидно, для адаптации требовалось время.

Теперь же, когда Денис восстановил прежние навыки, маленькая горелка работала отлично. Первая канистра с топливом кончилась в первый же день. Однако вторая продержалась гораздо дольше и нагревала пищу куда быстрее. «Это дело практики, — вынужден был признать Денис. — Практики и, — несколько нескромно добавлял он, — кое-каких навыков».

Пока готовился суп, Денис с уважением изучал маленькое охранное устройство. Ему понадобилось несколько дней, чтобы до конца в нем разобраться, но теперь он знал, что цвета на экране соответствуют находящимся неподалеку существам. Корреляция стала очевидной, когда он наблюдал за стаей похожих на лисиц существ, которые пытались застать врасплох нескольких маленьких птичек. Одновременно Денис поглядывал на экран прибора. Может быть, это как-то связано с температурой тела, но устройство четко показывало лисиц и птиц красным и желтым цветами.

Дениса немного беспокоило, что у него ушло так много времени на то, чтобы оценить возможности прибора. Может быть, он слишком много отвлекался на решение уравнений.

В любом случае, скоро путешествие подойдет к

концу. Весь день в горах ему попадались разработанные карьеры. Дорога стала шире. Возможно, завтра он встретится с существами, которые управляют этим миром.

Охранное устройство тихонько гудело у него в руках, затем крошечная антенна быстро переместилась на запад. Бледный экран загорелся, и раздался негромкий сигнал тревоги.

Денис выключил звук и достал из кобуры пистолет. Потом выключил горелку. Наступила тишина, и Денис услышал шелест ветра в ветвях.

Ночной лес превратился в лабиринт теней. Лишь одинокие звезды мерцали сквозь густые кроны.

В нижнем левом углу экрана возникло несколько точек. Образовав извивающуюся ленту, они устремились к центру дисплея.

Наконец, Денис услышал легкое поскрипывание и слабое фырканье.

Точки на экране обрели цвет. Более дюжины крупных желтых клякс двигались по дороге в его сторону.

Денис уже выяснил, что желтый цвет обозначал травоядных. Однако среди них появились розовые и даже ярко-красные. А в центре про-

цессии мерцало два маленьких зеленых огонька. Денис не представлял, что это может означать.

На некотором расстоянии от основной группы он заметил еще одну маленькую зеленую точку.

Его лагерь находился в стороне от дороги, на склоне холма. Денис спрятал прибор и принялся осторожно спускаться вниз. Казалось, ночь усиливает звуки. Каждый раз, когда он наступал на сучок, раздавался оглушительный треск, но Денис продолжал продвигаться вперед в поисках подходящего наблюдательного поста.

Спустя короткое время слева появилось слабое свечение. Оно усиливалось, быстро превращаясь в ослепительный белый свет, пролившийся на деревья у дороги.

Фары! Денис заморгал. «Чему я удивляюсь? Неужели я думал, что строители такой дороги не в силах ее осветить?»

Прячась в кустарнике, Денис наблюдал за ярким лучом. За ним, размахивая руками, маршировали смутные двуногие фигуры.

Процессия проходила очень близко, но Денис почти ничего не видел. До него доносилось глухое фырканье животных. Прикрыв рукой глаза, он сумел разглядеть огромных четвероногих, тащивших массивные повозки, которые бесшумно

скользили по дороге. Каждый экипаж посылал вперед пучок ослепительного света.

Позади вышагивал отряд двуногих. Денис заметил тяжелые одеяния с капюшонами и острое блестящее оружие.

Как только к Денису вернулось ночное зрение, он заметил гигантский экипаж, но яркий свет снова ослепил его, заставив упасть на землю. И так несколько раз. Ужасно обидно, но другой возможности рассмотреть процессию Денис не находил.

Прошло еще несколько фигур в капюшонах, за ними четвероногие животные, которые абсолютно бесшумно тащили вагончики. Денис пытался понять, как движутся экипажи. Он не слышал скрипа и не видел колес. Однако и двигатели на воздушной подушке должны шуметь, разве не так?

Антигравитация? Ничто другое не годилось в качестве объяснения. Но если они ее открыли, зачем использовать животных?

Может быть, он видит потомков погибших цивилизаций, которые пытаются наладить торговлю оставшимися артефактами? Такое объяснение показалось Денису возможным.

Мысль об антигравитации взволновала уче-

ного. Может быть, именно об этом различии в физических законах говорил Брейди перед тем, как захлопнулась крышка люка?

Последний отряд «воинов» в капюшонах прошел по дороге. Эти ехали, а не шли. Их скакуны закидывали гривастые головы и ржали. Денису показалось, что они похожи на косматых пони. Слишком уж заманчиво было трактовать увиденное по земным меркам.

Он потер глаза и продолжал внимательно наблюдать процессию. Однако видел лишь смутные силуэты. На одном из животных сидела фигура поменьше, в светлом плаще с капюшоном — она выделялась на темном фоне. Что-то подсказало Денису, что перед ним пленник. У него не было блестящего оружия, а руки неподвижно лежали на шее животного. Голова в капюшоне безнадежно опущена.

Когда всадники проезжали мимо, пленник в белом поднял голову, а потом повернулся в сторону Дениса, словно увидел его в густом кустарнике! Землянин быстро нырнул вниз, в горле разом пересохло.

Одна из темных фигур подстегнула животное, на котором сидел пленник. Процессия проследовала дальше.

Денис моргал и тряс головой, надеясь, что она просветлеет. Его посетило странное видение. Ему показалось, что белый плащ пленника на мгновение распахнулся и в звездном свете он увидел печальное лицо красивой девушки.

7

Еще долго чарующий образ стоял перед его мысленным взором — так долго, что Денис не сразу заметил, как процессия наконец удалилась.

У Дениса слегка кружилась голова. Слишком много переживаний сразу.

Он смотрел вслед удаляющемуся на восток каравану. Ученый по-прежнему практически ничего не знал о технологии и культуре обитателей мира, в котором оказался. Единственное, что он выяснил наверняка — местные жители порой относятся друг к другу, совсем как земляне.

И тут он услышал с дороги глухой звук.

Денис неожиданно вспомнил, что видел на дисплее своего прибора еще одну маленькую зеленую точку, следовавшую за караваном. Он совсем о ней забыл!

Денис осторожно прокрался вперед, чтобы получше разглядеть происходящее. Пронзитель-

ного света больше не было. Теперь у него есть шанс что-нибудь увидеть!

Он бесшумно спустился почти к самой дороге. Сначала он не заметил ничего. Потом приглушенный звук заставил его посмотреть направо.

В отсветах удаляющейся процессии тускло блестели стекло и пластик. Маленькая ручка поднялась в слабом звездном свете. Гусеницы почти бесшумно вращались: робот из Лаборатории номер один следовал по дороге за удаляющимся на восток караваном… Самым тщательным образом выполняя инструкции Дениса, он собирал информацию о местных жителях.

Денис с трудом сдержался, чтобы не закричать. Идиотская машина! Он бросился к дороге, споткнулся о древесный корень и покатился вниз. Поднявшись на ноги, успел заметить робота, который помахал ему рукой (прощался?), а потом скрылся за поворотом.

Денис тихонько, но забористо выругался. На диске робота содержалась информация, которая была ему необходима. Но он не мог последовать за ним, не привлекая к себе внимания стражи!

Он еще стоял посреди темной дороги и что-то бормотал себе под нос, когда с ближайшей ветки ему на голову свалилось что-то живое. Денис

вскрикнул от неожиданности — существо крепко вцепилось ему в волосы. Он сделал несколько неуверенных шагов и свалился под дерево.

8

— Ну, и зачем ты перепугал меня до полусмерти? — хрипло проговорил Денис. — Я мог врезаться в ствол, и нам обоим было бы больно!

Объект его упреков сидел на камне неподалеку и наблюдал за ним. В зеленых глазах отражалось пламя газовой горелки. Эльфенок самодовольно зевнул, всем своим видом давая понять, что собеседник преувеличивает угрожавшую им опасность.

— Будьте прокляты все машины и все местные жители! Кстати, где ты пропадал четыре дня? Я спас тебя от скучнейшего пребывания в лапах Бернальда Брейди, а в ответ попросил только одного — чтобы ты сопровождал меня в чужом месте. И что получилось? Друг называется — взял и бросил меня одного; теперь я научился разговаривать сам с собой… или еще того хуже, беседую с маленькой летающей свинкой, которая не понимает ни слова…

Наконец Денис убедился в том, что руки пере-

стали дрожать, и налил себе чашку супа.

— Глупая шутка инопланетного существа… проклятые инопланетяне…

Денис посмотрел на маленькое животное. Оно высунуло язык. Глаза Дениса и эльфенка встретились.

Денис вздохнул и развел руки в стороны. Потом налил немного супа в крышку котелка. Эльфенок спрыгнул с камня и принялся с удовольствием поедать угощение, время от времени поглядывая на Дениса.

Когда оба закончили трапезу, Денис помыл посуду и забрался в спальный мешок. Потом взял охранное устройство и начал нажимать на кнопочки. Эльфи устроился рядом, внимательно наблюдая за манипуляциями Дениса.

Денис пожал плечами и взял на руки маленькое существо.

— Почему тебя так интересуют машины? Ты ведь не можешь ими пользоваться. — Он погладил когтистые лапки.

Когда Денис выключил горелку, лесная ночь словно стала чернее. В наступившей тишине Денис вдруг принялся рассказывать эльфенку о созвездиях и о том, что ему удалось узнать.

И понял, что ему и в самом деле приятно иметь

спутника, даже если он инопланетянин и не понимает ни единого слова.

ГЛАВА III
1

На следующий день дорога начала спускаться в широкую речную долину.

Сидящий на плече Дениса эльфенок запищал, схватил со свисающей ветки пучок ягод и принялся с аппетитом уплетать; по мордочке потек сок.

Денис чувствовал себя превосходно. Рюкзак перестал натирать плечи — видимо, он завязал узлы в нужных местах. Башмаки стали на редкость удобными, путешественник легко шагал по упругому покрытию дороги, быстро двигаясь вперед.

Он чувствовал, что лес скоро кончится. Однако так и не решил, что будет делать, когда окажется в цивилизованном месте.

Что за существа эти автохтоны?[10] Какими технологиями владеют и помогут ли восстановить зиватрон?

И что еще важнее, не захотят ли они аккуратно разложить его самого на кусочки, по размеру и цвету, как зиватрон?

---

[10] notes: 10
Первоначальные обитатели страны, аборигены.

Может быть, следует сначала осторожно понаблюдать за местными жителями?

Он шел вперед, а в голове у него выстраивались различные сценарии дальнейшего развития событий.

«Я знаю! Буду искать загородное поместье здешнего эксцентричного ученого. Я узнаю его по куполу обсерватории, возвышающемуся над западным крылом особняка.

Отлично, Денис. Когда ты постучишься, добрый старый ученый лично откроет тебе дверь, потому что он отослал слуг спать, а сам наблюдал за небесными светилами. Когда он увидит тебя, его грудная клетка начнет сокращаться от отвращения — уж слишком уродливыми покажутся ему твои два плоских глаза и миллионы завитков на голове. Но когда ты поднимешь руку в универсальном жесте, свидетельствующем о мирных намерениях, он быстро втащит тебя в дом и воскликнет:

— Входите скорее! Благодарение небесам, вы пришли сюда первым!»

На лугу возле дороги Денис нашел следы лагеря. Угли костра еще сохраняли тепло.

Денис снял рюкзак. Затем положил электронного «стража» на камень, эльфенок устроился

неподалеку.

— Ладно, блестящие глазки, — обратился землянин к Эльфи, — сейчас мы выясним, годишься ли ты на что-нибудь. Ты будешь стражником, а я займусь детективной работой.

Эльфи вопросительно склонил голову, а потом зевнул.

— Да-а. Теперь я вижу, как мало ты знаешь. А я уже кое-что нашел! Смотри, следы!

Эльфенок фыркнул, на него не произвели впечатления слова Дениса. На земле виднелось множество глубоких вмятин — очевидно, их оставили тягловые животные — и более мелкие отпечатки копыт, как от неподкованных пони. Аромат навоза тоже указывал, что эти животные сродни лошадям.

Покончив с изучением отпечатков копыт, Денис принялся искать следы двуногих. Очень скоро он обнаружил, что все они были в обуви.

Судя по четким отпечаткам гофрированных подошв, аборигены были обуты так же, как и он. Вот очередное свидетельство развитой технологии. Все отпечатки идентичны… словно компьютер нашел оптимальный рисунок, после чего началось массовое производство. Он обошел луг, разглядывая следы, потом схватился за собствен-

ный башмак и попытался взглянуть на подошву, но не удержал равновесия и повалился на спину. Рисунок его собственной подошвы ничем не отличался от тех, что отпечатались на земле.

Послышался писк, который подозрительно напоминал смех. Денис повернулся и свирепо посмотрел на эльфенка. На чешуйчатой мордочке застыла обычная гримаска.

— И не вздумай возражать! — мрачно предупредил Денис.

Ему удалось найти совсем немного — рядом с кострищем валялось несколько кусочков сушеного мяса, а там, где стояли животные, — немного рассыпанного зерна.

Возле высокого дерева Денис обнаружил красное пятно. Ему показалось, что оно напоминает пролитую кровь. А на земле он заметил следы борьбы и клочья меха. Потом нашел длинный золотистый локон. Денис долго разглядывал его, а затем спрятал в нагрудный карман.

Немного ближе к лесу он наткнулся на мертвое животное.

Оно походило на крупного кузена эльфенка. Вздернутый нос, острые зубы и раздвоенный хвост, а по размерам и строению смахивало на большую собаку.

Голова лежала в трех футах от тела, неподвижные глаза уставились в небо. Кто-то отсек ее вместе с частью плеча.

Денис смотрел на останки, пока сигнал электронного охранника не заставил его вернуться к кострищу. Он с тревогой огляделся по сторонам. Что случилось? Быстро повернувшись, Денис увидел шестерку оборванных, похожих на собак существ, которые вышли из-за линии деревьев. Злобно зарычав, животные бросились на него.

Пистолет оказался в руке прежде, чем Денис успел принять какое-нибудь решение. В последние дни он не раз тренировался в стрельбе навскидку по стволам деревьев. Вероятно, эти упражнения спасли ему жизнь.

Он прицелился в землю, прямо перед мордами собак.

Почва перед стаей вздыбилась, но разъяренные звери рвались вперед, ни на что не обращая внимания. Тогда Денис немного приподнял оружие и выстрелил еще раз.

Стая мгновенно превратилась в воющую массу. И сразу разделилась на две части: мертвых и улепетывающих.

Денис взглянул на оружие в своей руке. Питающийся солнечной энергией пистолет использовал

в качестве пуль любые мелкие осколки металла, которые оказывались в обойме, на огромной скорости посылая их в нужном направлении.

«Настоящий убийца», — подумал Денис.

2

Вскоре он почувствовал, что цивилизация совсем близко.

Некоторые склоны были обработаны. Дорогу с двух сторон отделяли от полей густые заросли кустарника. На лугах паслись стада животных.

Скоро начнут попадаться путники. Случайная встреча в пути — не лучший вариант первого контакта. Денис пришел к выводу, что пора сойти с дороги. Он поискал проход в кустарнике, но тщетно. Эльфи, сладко спавший на рюкзаке, проснулся, когда Денис вытащил мачете и принялся прорубать дыру в живой изгороди. Эльфенок перескочил на высокую ветку и укоризненно посмотрел на человека, нарушившего его покой.

Денису приходилось нелегко. Тяжелое лезвие отскакивало от веток, почти не оставляя на них царапин.

Он с отвращением посмотрел на мачете. Ме-

талл начал ржаветь, лезвие затупилось. Денис выругал Бернальда Брейди, черпая некоторое утешение в том, что не ошибся в своем сопернике.

Пока Денис слизывал кровь с царапины на руке, его посетила идея. А не воспользоваться ли замечательным ножом, который он нашел возле шлюза? Путешественник скинул рюкзак и вытащил завернутый в материю артефакт. Развернув сверток, он не поверил своим глазам.

Острый и упругий клинок работы превосходного мастера по-прежнему производил неплохое впечатление, но сейчас больше напоминал кусок обсидиана, прикрепленного к деревянной рукояти кожаным ремешком. Ему было далеко до великолепного произведения искусства, которое нашел Денис неделю назад.

Вот это феномен!

К реальности его вернул пронзительный крик сверху. Эльфенок дважды пискнул и энергично затряс головой. А потом взмыл вверх и скрылся в зарослях.

Денис вытащил из кармана электронного охранника. Маленький экран показывал, что в его сторону перемещаются красные точки.

Ученый быстро завернул артефакт и, закинув рюкзак на плечи, принялся с удвоенной энерги-

ей рубить заросли. Надо немедленно убраться с дороги!

Наконец, словно арбузное семечко, он выскочил на луг, повалился на траву, а затем быстро перекатился на живот и снова достал электронного сторожа. Дисплей показывал множество желтых точек, очевидно, они отмечали пасущиеся на склонах стада, которые Денис уже успел заметить. С краю экрана находились две красные точки и две желтые — они двигались в его направлении.

«Два всадника», — подумал Денис.

Зеленая точка Эльфи исчезла с экрана. Непоседа вновь покинул его.

Денис так сосредоточился на красных точках, перемещающихся по дороге, что не сразу заметил два маленьких розовых пятнышка, отделившихся от большой группы желтых на юге. Они стремительно направлялись к центру экрана.

«Ага, это значит — ко мне», — сообразил Денис.

— Хе-е-йоу-уе-й!!

У него за спиной раздался пронзительный вопль, и он испугался. Кто-то приближался к нему сзади!

Рука Дениса метнулась к кобуре, у него не осталось надежды, что он успеет опередить неви-

димого врага.

— Хе-е-йоу!

Не обращая внимания на рюкзак, стесняющий движения, Денис повалился на живот, пытаясь одновременно вытащить оружие. Поднял пистолет дрожащими руками и собрался выстрелить… в собаку.

Он заморгал… Крошечная собачка зарычала на него, а потом отбежала назад, чтобы найти защиту у ног со сбитыми коленками.

Денис поднял взгляд и увидел, что ноги принадлежат маленькому мальчику. Вооружен малыш был пастушеской палкой с крюком, а сам едва достигал четырех футов. Над чумазой мордашкой топорщились взъерошенные волосы.

Первый представитель иной цивилизации, с которым Денис вошел в контакт, закусил губу, а потом пролепетал:

— …ые-е-ит-т-а… — Он никак не мог перевести дух. — …Хо-о-о-вы-и пап?

Слегка онемев от неожиданности, Денис сообразил, как глупо выглядит. Медленно, чтобы не напугать ребенка, он поднялся на ноги, решив не думать об абсурдности появления в этом чуждом мире восьмилетнего мальчика. Денис заставил себя сосредоточиться на проблеме языка. Сло-

ва, которые произносил мальчик, показались ему странно знакомыми, словно он слышал их раньше.

Он попытался вспомнить что-нибудь из лингвистического курса, который прослушал в колледже. Существуют звуки, вспомнил Денис, которые имеют универсальное значение в любом человеческом языке. Антропологи используют их при первых контактах с незнакомыми племенами.

Он решил попробовать один из них.

— Эй! — сказал он.

Однако мальчик уже успел отдышаться. Нетерпеливо пожав плечами, он повторил:

— Вы хотите встретиться с моим папой?

Денис вытаращил глаза. Он смог кивнуть лишь через несколько секунд.

3

Щенок кругами бегал вокруг них и путался под ногами. Мальчик — его звали Томош — шагал рядом с Денисом с самым серьезным видом. Он вел непрошеного гостя к своему дому.

Оглянувшись назад, Денис заметил, как по дороге проехали два всадника. То, что на экране

выглядело двумя красными точками и повергло в панику, оказалось мирными крестьянами, едущими по своим делам на косматых пони.

Денис постепенно привыкал к новой ситуации. Из всех возможных вариантов первого контакта этот оказался самым обескураживающим. Денис и представить себе не мог, как сюда попали люди.

— Томош… — начал он.

— Да, сэр? — мальчик произносил «р» с необычным акцентом. Денис немного помолчал. С чего начать? Столько всего нужно узнать.

— А со стадом все будет в порядке, пока ты провожаешь меня к себе домой?

— С риккелами ничего не случится. Собаки за ними следят. Мне нужно считать их дважды в день и поднимать тревогу, если одного не хватает.

Они молча прошли еще некоторое расстояние. У Дениса оставалось совсем мало времени, чтобы приготовиться к встрече со взрослыми обитателями планеты. Ему было не по себе.

Малейшая ошибка при первом знакомстве с аборигенами, нарушение правил этикета могут дорого ему стоить.

Лучше уж у мальчика выведать то, что обяза-

тельно насторожит взрослых.

— Томош, а здесь много еще ферм?

— Нет, сэр, всего несколько, — с гордостью ответил паренек. — Наша самая дальняя! В горы, где живут л'тофф, король посылает только рудокопов и торговцев. А вот барон Кремер поступает неправильно. Мой папа говорит, что барон не имеет права отправлять туда лесорубов и солдат…

И Томош принялся рассказывать о том, какой жесткостью отличается местный повелитель, и что король, который живет далеко на востоке, когда-нибудь поставит его на место. Томош поведал ему, что лорд Херн именем барона захватывает все рудники из-за этих распрей, а циркачи вот уже два года не показывались в их местах. Денис понял, что попал в феодальный строй, в стране хозяйничает аристократия, а войны здесь — что соседские ссоры.

К несчастью, из рассказов мальчугана он не мог сделать никаких выводов относительно уровня технического прогресса в этом мире. Запыленная одежда мальчика выглядела очень неплохо. Карманов Денис не заметил, но кожаный ремень с удобными небольшими мешочками выглядел так, словно его выбирали по модному каталогу. Обувь Томоша очень напомнила Денису крепкие

теннисные туфли, какие он носил в детстве.

Когда они поднялись на вершину холма, Денис увидел разбросанные строения фермы. Дом, амбар и сараи располагались вдоль дороги в сотне футов от склона. Двор окружал высокий частокол. Денису показалось, что ферма выглядит вполне процветающей. Томош нетерпеливо схватил Дениса за руку и потащил за собой.

Усадьба оказалась довольно обширным невысоким строением с пологой крышей, поблескивавшей в лучах полуденного солнца. Сначала Денису показалось, что это сверкает алюминий, но, приглядевшись, он понял, что стены сделаны из тщательно обработанных полированных деревянных панелей.

Денис остановился возле ворот. Последний шанс задать глупый вопрос.

— Томош, — начал он, — я в этих местах совсем недавно…

— Я и сам понял: ты так смешно говоришь!

— Ну, да. Я пришел издалека… с северо-запада. — Из болтовни мальчика Денис понял, что местным жителям почти ничего не известно о тех землях. Мне бы хотелось побольше узнать о твоей стране, — продолжал Денис. — Кстати, как она называется?

Мальчик без колебаний ответил:

— Койлия!

— Значит, твой король носит имя короля Койлии?

— Верно!

— Хорошо. Знаешь, Томош, с названиями получается очень забавно. Люди в разных странах называют мир по-разному. Как у вас называют ваш мир?

— Мир? — На лице мальчугана появилось удивление.

— Весь мир. — Денис обвел рукой землю, небо и горы. — Все океаны и королевства. Как вы их называете?

— Татир, — мальчик серьезно кивнул. — Так называется весь мир.

— Татир, — повторил Денис.

— Томош!

Из дома донесся пронзительный крик. Мальчик нахмурился.

— Это тетя Бисс. Что она здесь делает? Где папа и мама? — Он побежал в сторону дома, оставив Дениса у ворот.

Что-то случилось. Тетя мальчика выглядела встревоженной. Она опустилась на колени, обняла племянника за плечи и начала что-то серьезно

ему объяснять. Скоро Томош уже с трудом сдерживал слезы.

Денис почувствовал неловкость. Заходить на ферму без приглашения взрослого он считал неудобным. Но и уйти прочь не мог.

Дом и двор выглядели по-земному. Настоящие цыплята что-то клевали на земле бок о бок с выводком существ, напоминающих маленьких ручных страусов.

А с другой стороны, ферма поражала воображение. Прозрачные аккуратные окна в доме были разной формы и размера. Большие располагались рядом с маленькими без всякой системы.

Томош вцепился в подол тетки, по его щекам текли слезы. Денис понял, что с родителями мальчика что-то случилось.

Наконец он решился сделать несколько шагов вперед. Женщина подняла взгляд.

— Вас зовут Денис? — спокойно спросила она на местном диалекте.

— Да, мадам. С Томошем все в порядке? Могу ли я чем-нибудь помочь?

Казалось, предложение Дениса ее удивило.

— Родители мальчика ушли, — сказала она немного мягче. — Я заберу его к себе. Вы можете поужинать у меня и подождать, пока придет мой

муж: мы должны собрать вещи и запереть дом.

Денису хотелось задать еще несколько вопросов, но суровый взгляд женщины заставил его промолчать.

— Посидите на ступеньках и подождите. — Она взяла мальчика за руку, и они скрылись в доме.

Дениса не обидела подозрительность женщины. Чужой человек, да еще говорит с незнакомым акцентом. Он уселся на ступеньках крыльца, туда, где показала тетушка Бисс.

Перед входной дверью стояла полка с инструментами. Сначала взгляд Дениса равнодушно скользнул по ним — он думал о других вещах. Но потом землянин посмотрел на них более внимательно и нахмурился.

— Все страньше и страньше,[11] — пробормотал он. Никогда в жизни он не видел такого странного набора.

Рядом с дверью стояли мотыга, топор, грабли и лопата — совершенно новенькие и чистые. Он потрогал большие ножницы, висевшие рядом, они показались ему острыми.

Рукоятки были сделаны из гладкого темного дерева, как и следовало ожидать. Однако полу-

---

[11] notes: 11
Цитата из «Алисы и стране чудес» Льюиса Кэрролла.

прозрачные лезвия крайне озадачили его.

— Они же из камня! — прошептал ученый. — Из полудрагоценного камня. Может быть, это цельный кристалл!

Денис не мог представить себе технологию, которая обеспечивает такими инструментами обычного фермера. Это невероятно!

Но на этом сюрпризы не заканчивались. Продолжая разглядывать полку, Денис убедился в том, что инструменты на дальнем конце тоже сделаны из камня. Однако с растущим чувством изумления он понял, что ничто больше не объединяет их с красивыми и удобными предметами, стоящими у двери.

Второй топор, как ему показалось, вполне мог принадлежать человеку из каменного века!

Остальные инструменты занимали промежуточное положение между этими двумя крайностями. Некоторые были абсолютно примитивными. Другие походили на продукт высоких технологий.

— Стивиянг — лучший практик в наших краях, — послышался голос за его спиной.

Денис обернулся. Он настолько увлекся инструментами, что не заметил, как на крыльцо вышла тетя Бисс. Женщина протянула ему миску

и ложку, которые Денис взял совершенно автоматически. Только сейчас он понял, что голоден.

— Стивиянг? — с некоторым трудом повторил он имя. — Отец мальчика?

— Да. Стивиянг Сигель. Прекрасный человек, он был сержантом Королевских Разведчиков, пока не женился на моей сестре Суре. Репутация прекрасного практика и привела его к катастрофе. Ну, и еще… он сложен, как барон — крепкий и высокий. Люди барона пришли за ним сегодня утром.

Женщина говорила уверенно, словно не сомневалась в том, что ее слова Денису понятны, а он не осмеливался задать вопрос.

— А что с матерью Томоша? — спросил Денис.

Он подул на ложку с похлебкой. Ничего особенного, но пахнет гораздо приятнее, чем его однообразные консервы. Тетя Бисс пожала плечами.

— Когда Стивиянга забрали, Сура побежала за мной, а потом собрала вещи и ушла в горы. Она хочет попросить о помощи л’тофф. — Бисс фыркнула. — Можно подумать, от них будет толк.

Голова Дениса кружилась от невероятного количества абсолютно непонятных сведений. Кто такие л’тофф? И что, черт возьми, значит

практик?

Арест отца Томоша можно было бы объяснить его излишней гордостью, но почему его схватили за то, что он «сложен, как барон»? Неужели здесь это считается преступлением?

— Как Томош?

— Успокоился. Он хочет с вами попрощаться, пока вы не ушли.

Денис рассчитывал, что сможет немного погостить и попутно получить дополнительную информацию, прежде чем отправиться в крупное поселение. Страна, судя по всему, была не слишком мирной. Ему хотелось выяснить, кто производит такие совершенные инструменты и лично потолковать с мастерами, избежав контактов с бароном Кремером.

Тетя Бисс твердо кивнула.

— У меня дома нет места. Завтра мой муж Бим запрет ворота фермы Стивиянга. Если вам нужна работа, вы найдете ее в Зуслике.

Денис опустил глаза в свою миску. Ему вдруг ужасно захотелось провести под крышей хотя бы одну ночь. Тетя Бисс немного помолчала и вздохнула.

— Ну, ладно. Томош считает, что вы настоящий пилигрим, а не один из тех бездельников,

что иногда приходят с востока. Думаю, не будет большой беды, если вы переночуете в амбаре. Только обещайте вести себя прилично, а утром сразу уйти.

Денис быстро кивнул.

— Может быть, я смогу как-нибудь помочь по хозяйству?..

Бисс обдумала его предложение, затем повернулась к полке и взяла топор с кремневым лезвием.

— Не думаю, что от этого будет прок, но попробуйте нарубить немного дров.

Денис с сомнением посмотрел на грубый топор.

— Ну… я попытаюсь… — Он бросил взгляд на другой топор, красивый и ладный, стоявший у двери.

— Нет, воспользуйтесь этим, — твердо заявила Бисс. — Позади дома найдете поленницу дров. Удачной вам практики. — Она кивнула и вернулась в дом.

Опять это слово! Денис не сомневался, что не понимает чего-то чрезвычайно важного. Однако решил, что именно таких вопросов и не следует задавать тетушке Бисс.

Бросив завистливый взгляд на великолепный

топор, Денис со вздохом взял «первобытный» инструмент и направился к сложенной за домом поленнице.

ГЛАВА IV
1

Город Зуслик лежал на дне долины, а невысокие холмы, расположенные по обеим ее сторонам, спускались к широкой ленивой реке. Среди густых лесов тут и там встречались возделанные поля, равномерно разбросанные среди рощ. Город стоял на пересечении сразу нескольких дорог.

Денис довольно быстро понял, что обнесенный стеной город построен вокруг холма, нависшего над изгибом реки. На самой его вершине, возвышавшейся над городом, находилась мрачная приземистая башня, составленная из плоских каменных слоев, издалека весьма напоминавших свадебный пирог.

Воспользовавшись монокуляром, полученным в Сахарском технологическом, Денис разглядел колонны людей, которые, словно муравьи, маршировали во дворах, что окружали крепость. Время от времени, вспыхивая яркими бликами, на оружие падали солнечные лучи. Ветер играл знаменами на башне.

Вне всякого сомнения, тут и располагалось

владение правителя. Денис надеялся, что идти туда не придется. Ему совсем не понравилось то, что он узнал об этом человеке.

Позавчера вечером, когда Денис устраивался на сеновале фермы Сигеля, маленький Томош забежал из дома в сарай. Он заявил, что пришел пожелать гостю спокойной ночи, но Денис понял, что малыш нуждается в утешении и сочувствии. Сдержанная тетка была скупа на ласку.

Дело кончилось тем, что Томош просидел на сеновале несколько часов, рассказывая Денису самые разные истории и слушая его. Абсолютно честная сделка. Денис смог попрактиковаться в произношении — привыкнуть к койлианской версии английского, а Томош, к своему огромному удовольствию, узнал о повадках Братца Кролика и летающих слонов.

Конечно, Денису не удалось получить исчерпывающей информации о койлианской технологии — он ведь разговаривал с маленьким мальчиком. Однако путешественник внимал «страшным» историям Томоша про «блекеров», сказочных персонажей и призраков, и про древних добрых драконов, что катали по небу людей, посадив их на свои спины. Денис постарался все получше запомнить — разве можно знать, какая

информация потом окажется полезной?

Впрочем, Томош кое-что поведал и о бароне Кремере, чей дед многие поколения назад пришел с севера и отнял Зуслик у старого герцога. Тогда-то Денис решил, что Кремер как раз из тех людей, от которых следует держаться подальше.

Конечно же, Денису ужасно хотелось узнать о бароне Кремере побольше, но он прекрасно понимал, что это не та тема, на которой стоит задерживаться. Он отвлек мальчишку от печальных мыслей, запев старую походную песню. Томош даже развеселился и принялся хлопать в ладоши. А вскоре малыш заснул прямо тут же, на сеновале.

А рано утром, когда Денис собрался уходить, тетушка Бисс, столь же суровая, как и накануне, протянула ему завернутые в тряпицу сыр и хлеб. Томош мужественно сдерживал слезы.

Денис добрался до границ города всего за один день. По дороге он все время искал глазами маленькое розовое существо с ярко-зелеными глазами. Однако эльфенок так и не объявился.

Устроившись на высоком берегу реки, Денис внимательно разглядывал Зуслик. Где-то в крепости томился отец мальчика, которого держали тут за то, что он «сложен, совсем как барон» и

умеет прекрасно обращаться с инструментами…

Вдруг краем глаза Денис заметил какое-то движение. Он повернулся… и увидел, как из-за деревьев прямо на него на дикой скорости несется нечто громадное и черное!

Денис распластался на земле, а гигантская летающая тварь промчалась над его головой, накрыв огромной тенью и оглушив таким пронзительным свистом, что Денис не сомневался: сейчас произойдет что-то ужасное.

Однако ничего такого страшного не случилось, и Денис, подняв голову, принялся отчаянно оглядываться по сторонам. Чудовище исчезло!

Вчера вечером Томош рассказывал об устрашающих драконах, которые когда-то, по слухам, защищали жителей Татира от смертельного врага. Неужели в этом мире находится место и мифологическим существам?

Путник внимательно оглядел горизонт и, в конце концов, заметил черную тень. Она направлялась к городу. Денис вытащил свой монокуляр и направил его на замок.

Через несколько секунд он сообразил, что виденное вовсе не «дракон», а летательный аппарат. Когда он опустился во дворе замка, к нему бросилось несколько маленьких фигурок. Два

человека, по всей видимости, пилоты, выбрались наружу и, не оглядываясь, поспешили в замок.

Денис почувствовал себя немного глупо — ведь он уже встретил немало подтверждений тому, что здесь довольно высокий уровень технического прогресса… Почему бы местным жителям не построить летательные аппараты?

Имелся только один способ узнать о диковинном мире побольше. Денис поднялся на ноги, стряхнул траву, надел рюкзак и направился к городу.

2

Рынок за городскими стенами почти ничем не отличался от любого земного базара в городке, расположенном на берегу реки. Шум, крики, бойкая торговля, толпы мальчишек, снующих тут и там и замышляющих очередное безобразие; лавчонки и склады, и самые разнообразные запахи.

Денис напустил на себя вид человека, уверенно шагающего по своим делам. Рассматривая одежду горожан, он понял, что никто не обратит внимания на то, как он выглядит — сапоги, рубашка и брюки казались здесь самой обычной одеждой. Да и рюкзак на спине не вызовет подозрений.

Денис немного успокоился.

«Может быть, мне удастся без приключений добраться до заведения, которое у них тут считается университетом», — с надеждой подумал он.

Денис совершенно точно знал, с кем ему необходимо встретиться и поговорить.

Даже в феодальные времена на Земле имелись центры просвещения. Когда Денис увидел летательный аппарат, его надежды возросли.

Резкий запах вяленой рыбы и дубилен ударил ему в нос, когда он вышел к докам. Мощные, надежные причалы казались совсем новыми, словно были построены только вчера. А их поверхность, как и койлианские дороги, покрывало такое же эластичное вещество.

Денис остановился, чтобы получше рассмотреть одну из лодок. Он был достаточно опытным моряком и потому сразу обратил внимание на сложную конструкцию парусного судна, которое тоже построили из блестящего, поразительной красоты дерева.

Неподалеку он заметил группу грузчиков, которые носили со склада в трюм корабля огромные мешки. Приземистые могучие мужчины весело напевали, чуть сгибаясь под тяжестью груза.

«Неужели вероисповедание запрещает им

прибегать к помощи тележек?» — удивленно подумал Денис.

После того, как грузчик сбрасывал свой мешок в трюм, он не возвращался назад по узкому трапу, а вместо этого забирался на планшир. Стараясь не нарушить глухой ритм, отбиваемый его товарищами, он пропевал коротенький куплет, а затем нырял в воду, уступая место следующему.

Денис улыбнулся, как человек, который понял, что в его присутствии пошутили, только он не сумел уловить сути анекдота.

3

Денис заметил, что маленький караван миновал главные ворота, а люди выстроились в очередь, дожидаясь, когда их вещи проверят в сарае, похожем на таможню. У ворот стояло несколько приземистых, похожих на носорогов, четвероногих животных, запряженных в огромные сани. Точно таких же Денис видел ночью на дороге.

«Вот теперь и выясним, имеем ли мы дело с антигравитацией!» Денис помчался вперед, ведь у него появилась возможность разобраться с мучившей его загадкой!

Как он и подозревал, никаких колес у них не было. Груз закрепляли на чуть приподнятой платформе, четыре угла которой плавно переходили в четыре маленьких полоза, утопленных в двух абсолютно ровных колеях — такие Денис видел на дорогах Койлии.

Погонщик прикрикнул на животное, поводья натянулись, сани заскользили вперед. Денис последовал за ними, наклонившись, чтобы получше все рассмотреть.

Магнитная левитация? Или сани приводят в движение крошечные устройства, действующие при помощи электричества? На Земле имелись похожие, но ему не доводилось видеть таких маленьких.

Краем уха Денис слышал, что люди потешаются над ним за его спиной, отпуская какие-то шутки на местном диалекте. Ему было все равно. В голове мелькали схемы и математические расчеты, он придумывал и отбрасывал самые разнообразные объяснения тому, как работает комбинация сани-дорога.

Такого удовольствия он уже давно не получал!

Напряжение последних двух недель вырвалось на свободу, разбудив в путешественнике ученого. Он опустился на четвереньки и принялся

внимательно изучать полозья. Сани медленно двинулись вперед, и Денис вскрикнул от изумления, увидев, как в колею потекла прозрачная жидкость. Она тут же исчезла, мгновенно впитавшись в поверхность дороги.

Денис потрогал каплю влаги, потер пальцы друг о друга. После этого ему никак не удавалось соединить пальцы вместе, потому что они соскальзывали, к тому же он практически не чувствовал прикосновения.

Жидкость оказалась идеальной смазкой! На несколько секунд Денис впал в состояние полнейшей эйфории, а затем принялся рыться в одном из своих мешочков в поисках пластмассовой бутылочки. Ему пришлось удерживать ее левой рукой, в то время как он тщетно пытался вытереть правую. Пробку Денис вытащил зубами.

Скорчившись рядом с движущейся вперед повозкой, он засунул бутылочку под сани, стараясь набрать хотя бы немного жидкости, которую потом можно будет проанализировать…

Сани неожиданно остановились, и он больно ударился о бортик головой. На него посыпались какие-то фрукты, похожие на вишни.

А впереди послышались новые голоса. Кто-то громко выкрикнул приказ, и толпа попятилась.

Однако Денис, переполненный восторгом, ничего не замечал. Он так и остался сидеть на корточках около саней, надеясь, что они снова придут в движение и он сможет получить еще немного волшебного вещества.

Ему на плечо опустилась тяжелая рука. Денис отмахнулся и пробормотал:

— Минутку. Я сейчас.

Рука сжала плечо сильнее, резко развернула ученого, и Денис, удивленно моргая, поднял голову.

Над ним возвышался громадный мужчина, одетый, вне всякого сомнения, в какую-то униформу. Его лицо выражало одновременно изумление и ярость.

Рядом, ухмыляясь, стояли три стражника. Один из них хохотал.

— Да, ладно, тебе Гил'м. Отпусти его! Не видишь, он занят.

Тот, кого назвали Гил'мом пылал от возмущения. Он вцепился в куртку Дениса и поставил его на ноги. В правой руке богатырь держал двухметровый шест со сверкающей алебардой на конце.

Гил'м, не спуская глаз с Дениса, прорычал, обращаясь к одному из шутников:

— Фед'р. Иди сюда, возьми мой теннер. Жалко

портить его практику. С этим я разберусь и при помощи рук.

Ухмыляющийся стражник повиновался. Гил'м пошевелил пальцами, похожими на сардельки, и еще сильнее ухватился за куртку Дениса, который наконец стряхнул оцепенение и сообразил, что попал в весьма неприятное положение.

— Прошу прощения, благородный сэр! — начал Денис заготовленную заранее «легенду». — Я и не знал, что уже подошел к воротам вашего великолепного города! Видите ли, я в здешних краях чужой, прибыл из далекой страны. Я намерен познакомиться с вашими философами и обсудить множество чрезвычайно важных проблем. Это поразительное смазывающее вещество, например… А вам известно, что… Ой!

По мере того, как Денис произносил свою речь, лицо стражника принимало неприятно малиновый оттенок. Очевидно, Денис выбрал не совсем правильный подход… Он чудом успел увернуться от увесистого кулака, просвистевшего в нескольких сантиметрах от того места, где мгновение назад находился его нос.

— Слушай, кончай, Гил'м! Ты что, не можешь дать по морде какому-то ничтожному зусликцу?

Понаблюдать за происходившим собрался уже

целый отряд стражников. Они гоготали, подначивали великана и даже пытались заключить пари: на какое расстояние отлетит голова гремми, если Гил'м врежет ему по-настоящему.

Остальные путники медленно отступали, с опаской поглядывая на происходящее.

— Ну-ка, стой смирно, гремми! — рявкнул Гил'м.

А после этого отвел руку в сторону и старательно прицелился. Он явно наслаждался моментом.

«Кажется, это серьезно», — подумал Денис.

Затем бросил взгляд на стражника… на могучую руку, вцепившуюся в куртку… Выхватить игломет он уже не успеет; впрочем, начинать общение с чужой цивилизацией, убив представителя полиции, не совсем правильно.

И тут Денис сообразил, что по-прежнему держит в левой руке маленький открытый сосуд со смазкой.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, он вылил содержимое на мясистую лапу, ухватившуюся за его куртку.

Великан замер и тупо уставился на чужака, потрясенный тем, что кто-то осмелился оказать сопротивление власти. В это время Денис извернулся и выскользнул из его рук, словно

кусочек мыла. Гил'м уставился на свою пустую левую руку, покрытую тонким слоем блестящей жидкости.

— Эй! — жалобно взвыл он и, развернувшись, успел заметить, как гремми промчался через ворота в город.

4

Денис предпочел бы прогуливаться по незнакомому городу более спокойным шагом.

Спасаясь от преследования, он выскочил на великолепный мост, перекинутый через канал. Прохожие шарахались в стороны, когда он мчался между ярко раскрашенными рыночными прилавками. Крики стражников раздавались где-то совсем рядом.

Денис миновал жонглера, выступавшего на углу, и, ловко увертываясь от его булав, нырнул в аллею за лавочкой, в которой продавали пирожные.

Он услышал, как по мосту застучали сапоги стражников, послышались отчаянные вопли: видно, солдаты налетели на несчастного жонглера. Денис, не останавливаясь, улепетывал по извилистым улицам и аллеям.

Здания в городе напоминали зиккураты, иные поднимались к небу на несколько дюжин этажей. А между ними змеились узкие улочки.

В пустынной аллее Денис остановился, чтобы немного перевести дух. Носиться по незнакомому городу с тяжелым рюкзаком — дело совсем не простое. Наконец он решил снова двинуться в путь, но вдруг услышал впереди знакомый голос: стражник отчаянно ругался.

— …сжечь этот чертов город дотла! Вы хотите сказать, что никто из вас не видел никакого гремми? И воров, поработавших в нашей сторожке, пока мы тут гоняемся за этим типом? Значит, ничего не видели? Проклятые идиоты! Вы тут все одна шайка! А знаете, как хорошая затрещина оживляет память?

Денис забрался поглубже в аллею, решив, что придется расстаться с рюкзаком. Вытащил сумку, в которой имелось все необходимое на крайний случай. Прицепив ее к брючному ремню, беглец огляделся по сторонам, не зная, куда спрятать рюкзак.

Первый этаж здания, у которого он стоял, поднимался всего метра на три. Следующий уровень начинался в метре или двух от края первого, так что крыша являлась чем-то вроде парапета. Де-

нис отступил назад и забросил рюкзак на уступ. Затем снова отошел и подпрыгнул, стараясь уцепиться за край.

Поднял одну ногу, чтобы забросить наверх, но правая рука у него заскользила, поскольку сохраняла еще следы смазки. Больно ударившись, Денис рухнул на землю.

Он предпочел бы немного полежать и постонать, но времени на это совсем не было. Так что пришлось с трудом подняться на ноги и предпринять новую попытку взобраться наверх.

И тут Денис услышал за спиной шаги.

Он резко обернулся: Гил'м входил в аллею, сияя торжествующей улыбкой. Высоко над головой он держал свое смертоносное оружие.

Денис открыл кобуру и, вытащив игломет, навел его на стражника.

— Так, приятель, — заявил он, — стой на месте. Мне совсем не хочется причинять тебе боль.

Солдат продолжал наступать, радостно ухмыляясь. Похоже, он предвкушал удовольствие, которое получит, когда рассечет Дениса надвое. Денис нахмурился.

— Полагаю, ты не вполне понимаешь, с чем столкнулся, — сказал он стражнику.

Гил'м продолжал свое наступление. Лишен-

ный выбора, Денис решил действовать. На одно короткое мгновение его охватила паника, когда палец дважды соскользнул с предохранителя. Затем раздался щелчок. Денис прицелился и выстрелил.

Раздался резкий хлопок — и полированная ручка алебарды разлетелась в щепки.

Однако отдача оказалась такой сильной, что игломет вылетел из скользкой руки Дениса и покатился по земле.

Денис и Гил'м, оказавшись безоружными, замерли на одно короткое мгновение, словно фигуры на огромной картине. Стражник озадаченно таращился на своего противника.

Денис осторожно двинулся вперед, надеясь, что успеет схватить оружие прежде, чем враг придет в себя. Игломет лежал рядом с выпавшей из рук Гил'ма алебардой, ровно посередине между свирепым великаном и Денисом.

Он уже протянул руку, когда в аллее появилось два других стражника в высоких меховых шапках.

Денис схватил оружие и поднял его, приготовившись выстрелить, но вдруг отчетливо понял, что не сможет вот так взять и убить человека. Он бросился бежать, но в голову ему ударила руко-

ять брошенного ножа. Денис упал и погрузился во мрак.

5

— Ну-ну, полегче. Через день твоим синяком можно будет дорогу освещать! Уж поверь мне, я знаю! Только попрактикуй его немножко!

Голос звучал где-то поблизости, костлявые пальцы держали Дениса за плечо. Он с трудом сел, чувствуя, как в голове пульсирует отчаянная боль.

— Ух ты, прямо настоящий фонарь, — хозяин голоса удовлетворенно хихикнул.

Денис понял, что не может как следует рассмотреть говорившего. Он попытался протереть глаза и чуть не потерял сознание от боли, когда прикоснулся к синяку на левой щеке.

Сквозь пелену, застилавшую глаза, он увидел ухмыляющегося старика, у которого не хватало половины зубов. Денис чудом не повалился на бок, так сильно у него закружилась голова, но странный тип быстро подхватил его.

— Я же сказал, полегче, ты что, не слышал? Через пару минут мир покажется тебе немного симпатичнее. Вот, выпей-ка глоточек.

Денис покачал головой, затем закашлялся и чуть не захлебнулся, когда странноватый доктор схватил его за волосы и влил в рот несколько глотков теплой жидкости. У нее оказался отвратительный вкус, однако Денис схватил кружку и принялся с жадностью пить, пока у него ее не отобрали.

— Так, хватит. А теперь посиди и постарайся собраться с мыслями. Когда они притаскивают кого-нибудь в таком состоянии, его отправляют на работу только на второй день. — Старик поправил скомканную подушку под головой Дениса.

— Меня зовут Денис, — хриплым скрипучим голосом представился он. — Где я?

— Я Тет, а ты угодил в тюрьму, приятель. Что, не понял еще, куда попал?

Денис огляделся по сторонам, его кровать была продолжением длинного ряда грубо сколоченных деревянных нар. Он посмотрел на стену: самая обычная мазанка. Передняя часть сарая была открыта и выходила в огромный двор, обнесенный деревянным забором.

Справа шла гораздо более солидная стена, гладкая поверхность которой ослепительно сверкала на солнце. Присмотревшись повнимательнее, Денис заметил, что над ней располагается

несколько более узких ярусов, уходящих высоко в небо. В самом центре сверкающей стены находились ворота, возле которых на скамейках устроились скучающие стражники.

Люди во дворе — очевидно, заключенные, — что-то делали, но Денис никак не мог понять, что.

— О какой работе ты говоришь? — спросил он. У него еще немного кружилась голова. — Вы что, делаете здесь личные номерные знаки?

Ему было наплевать на странный взгляд, который бросил на него старик.

— Нас заставляют работать, уж можешь не сомневаться. Только мы ничего не делаем. Тут собралась всякая шушера — бродяги и тому подобное. Среди нас нету таких, кто знал бы, как что-нибудь делается.

Конечно, кое-кто из здешних парней поссорился со своей гильдией. А кто-то служил старому герцогу задолго до того, как папаша Кремера явился в наши края и все захватил. Думаю, некоторым из них что-нибудь известно про делание…

Денис потряс головой. Похоже, они с Тетом разговаривают на разных языках. Или, может быть, у него что-то не в порядке со слухом. Жутко болела голова, и он почти ничего не понимал.

— Мы сами выращиваем себе еду. Ну, не все, конечно, — продолжал старик. — Я забочусь о новичках гремми, вроде тебя. Но, главным образом, мы практикуем для барона. Отрабатываем свое содержание.

Вот опять… практикуем. Денис понял, что его стошнит, если он еще раз услышит что-нибудь подобное. Каждый раз, когда кто-нибудь произносил это слово, у него возникало неприятное ощущение, словно подсознание пыталось рассказать ему о тайне, которую сумело раскрыть. Но почему-то все его существо отчаянно отвергало новое знание.

Денис с трудом сел и спустил ноги с кровати.

— Эй-эй! Тебе еще нужно полежать пару часов. Ну-ка, ложись обратно!

Денис помотал головой.

— Нет! С меня довольно! — Он повернулся к старику, который смотрел на него с явным беспокойством. — Хватит, мое терпение лопнуло! Мне надоело быть паинькой на вашей идиотской планете, ты меня слышишь? Я желаю знать, что здесь происходит! И немедленно!

— Успокойся, — начал Тет, жалобно вскрикнув, когда Денис схватил его за рубашку и притянул к себе.

— Давай-ка, поговорим о главном, — прошипел Денис сквозь стиснутые зубы. — Вот, например, твоя рубашка. Где ты ее взял?

Тет в ужасе заморгал, словно попал в руки безумца.

— Она совсем новая. Я должен ее разносить. Это одна из моих работ.

Денис еще сильнее вцепился в рубашку.

— Новая? Да она напоминает половую тряпку! Скоро совсем рассыплется!

Старик вытаращил глаза, а потом кивнул.

— И что?

Денис заметил яркое пятно на поясе старика и тут же вытащил кусок тонкой, переливающейся всеми цветами радуги, ткани. На ощупь она напоминала шелк.

— Эй! Это мое!

Денис потряс находкой перед носом Тета.

— Вас одевают в лохмотья и разрешают иметь такие великолепные штуки?

— Точно! Нам позволяют держать при себе кое-что из личных вещей, чтобы они не испортились из-за того, что никто над ними не работает. У барона, конечно, служат мерзавцы, но не такие же!

— Может, скажешь, что этот кусочек ткани совсем не новый? — Платок выглядел так, словно

его час назад купили в дорогом магазине.

— Нет, конечно! Он принадлежит нашей семье вот уже пять поколений! — гордо заявил Тет. — И мы постоянно им пользуемся! Все время! Я смотрю на него и по сто раз в день сморкаюсь!

Ничего не понимая, Денис с трудом поднялся на ноги и вышел на улицу, морщась от яркого солнечного света. Он миновал несколько групп работающих мужчин — все они были в тюремной одежде — и вскоре добрался до места, где забор соединялся со сверкающей стеной замка.

Левой рукой прикоснулся к грубой деревянной поверхности, почти не обработанной, лишь обмазанной глиной. А правой погладил стену замка — гладкую, твердую, как металл, и блестящую, точно полудрагоценный камень…

Кто-то подошел сзади. Оглянувшись, Денис увидел Тета в сопровождении двух других заключенных, которые с любопытством поглядывали на новичка.

— Когда была война? — тихо спросил Денис.

Они переглянулись. Высокий плотный человек сказал:

— О какой войне ты говоришь, Трем? У нас постоянно идет какая-нибудь война. Ты имеешь в виду, когда папаша барона вышвырнул отсюда

старого герцога? Или заварушку, которую Кремер устроил недавно… с королем?

— Большая Война, идиоты! — заорал Денис не своим голосом. — Та, что уничтожила ваших предков! Та, из-за которой вы теперь живете, пользуясь тем, что осталось от праотцев… самосмазывающиеся дороги… вечные носовые платки!

Он прикоснулся рукой к голове, где пульсировала дикая боль, и на него накатила волна тошноты. Его собеседники принялись перешептываться.

Наконец смуглый коротышка с очень черной бородой пожал плечами и проговорил:

— Не знаю, о чем ты, приятель. Мы живем лучше своих родителей, можешь не сомневаться. А уж наших внуков ждет гораздо более приятная жизнь, чем выпала нам. Это называется прогресс. Слышал про такое? Ты к нам явился из мест, где поклоняются предкам?

Денис тихонько застонал и поплелся дальше в сопровождении свиты, которая постепенно разрасталась.

Он прошел мимо заключенных, копошившихся на огороде. Аккуратные ряды зеленых побегов казались совершенно нормальными. Однако инструменты были грубо сработанными

и неудобными — такие он видел в доме Томоша Сигеля. Денис показал на вилы и мотыги.

— Новые инструменты, верно? — сердито спросил он у Тета. Старик пожал плечами.

— Так я и думал! Все новое здесь грубое и ничуть не лучше простого камня или дерева, в то время как богатеи владеют самым лучшим, что осталось от ваших предков…

— Эти инструменты предназначены для богатых, — перебил его коротышка.

Денис вырвал мотыгу из рук парня, работавшего неподалеку, и помахал перед носом коротышки.

— Это? Для богатых? В обществе, где царит жесткая иерархия? Грубые, варварские, бесполезные, бездарные инструменты…

Толстяк, у которого Денис отобрал мотыгу, возмущенно запротестовал:

— Знаешь, я изо всех сил стараюсь! Но я же совсем недавно начал! Она станет лучше! Правда, ребята?

Окружение Дениса согласно закивало.

Денис заморгал, окончательно запутавшись. Он же ни слова не сказал про парня, что работал мотыгой. Почему он так обиделся?

Вдруг Денис заметил группу людей в проти-

воположном конце двора. Они были одеты в великолепные одежды, радующие глаз: ткани так и играли на солнце.

Молодые люди фехтовали, правда, вместо шпаг или мечей в их руках Денис увидел палки. Неподалеку прохаживалось несколько стражников, которые с интересом за ними наблюдали.

Денис никак не мог понять, что делают здесь, в тюрьме, аристократы и их охрана.

— Вот! — крикнул он, показывая на всю компанию. — Одежда на этих людях старая, правильно?

И хотя толпа теперь держалась не так дружелюбно, как в самом начале, заключенные согласно закивали.

— Значит, ее сделали ваши предки, я не ошибся? Бородатый коротышка пожал плечами.

— Думаю, можно сказать и так. И что из того? Не имеет никакого значения, кто сделал. Важно, сумеешь ли ты сохранить вещь.

— Вы не отрицаете, что аристократы получают самое лучшее, иными словами самое старое? — спросил Денис.

— Ну, конечно…

— А на этих ребятах старая одежда, правильно?

Все дружно расхохотались. Даже парни в ярких, великолепных костюмах прервали свое занятие и заулыбались.

— Они не богатые, Денизз, — ухмыльнувшись беззубым ртом, объявил Тет. — Это бедняги-заключенные, как и все мы. Просто у них комплекция такая же, как у некоторых дружков барона. Если ты можешь носить богатую одежду, ты будешь ее носить, хочешь ты этого или нет! — Его слова прозвучали, как афоризм.

Денис уже в который раз покачал головой. Мысли у него перемешались, но подсознание, казалось, собиралось что-то сообщить…

— Отца Томоша посадили в тюрьму за то, что он похож на барона… Так сказала его тетка…

Кто-то вскрикнул, однако Денис продолжал рассуждать вслух, слова лились все быстрее и быстрее.

— Богатые заставляют бедных целыми днями носить за них роскошную одежду… но она не становится хуже, не изнашивается. Как раз наоборот…

Рядом с ним кто-то что-то говорил, но Денис был занят своими мыслями. Он задумчиво двинулся вперед, ни на что не обращая внимания. Заключенные расступались, давая ему дорогу —

так люди ведут себя со святыми или безумцами.

— Нет, — бормотал он, — одежда не изнашивается, потому что богачи находят тех, у кого такой же размер… Ее постоянно носят, чтобы…

— Прошу прощения, сэр. Вы упомянули…

— … чтобы одеждой пользовались, чтобы она все время… — голова у него шла кругом. — Практика! — он выкрикнул это слово и прижал руки ко лбу, потому что ему показалось, что он сходит с ума.

— …вы назвали имя Томоша Сигеля?

Денис поднял глаза и увидел высокого широкоплечего человека, облаченного в роскошные одеяния. Почему-то лицо этого заключенного показалось ему знакомым. Но он не мог думать ни о чем, кроме своего неожиданного открытия.

— Бернальд Брейди! — выкрикнул Денис. — Он сказал, что здесь действуют иные физические законы! Что-то про роботов, которые, вернувшись домой, становились более эффективными…

Денис провел рукой по рубашке и брюкам. Стражники забрали у него ремень и мешок, однако, не тронули содержимого карманов.

— Конечно же. Просто не заметили, — прошептал он. — Они ни разу в жизни не видели молний!

Толпа неожиданно притихла, когда он открыл один из карманов, вытащил блокнот и принялся его листать.

— «День первый, — прочитал он вслух. — Все, что я принес с собой, отличается исключительно отвратительным качеством. Самое дешевое, какое только можно купить. Клянусь, я поквитаюсь с мерзавцем Брейди»… — Он поднял глаза и мрачно улыбнулся. — Непременно поквитаюсь.

— Сэр, — снова заговорил высокий мужчина, — вы назвали…

Денис перевернул еще несколько страниц.

— «День второй… Все не такого уж плохого качества, как я думал сначала… Видимо, я ошибся, когда…»

Нет, не ошибся! Просто то, что он взял на Земле, стало лучше!

Денис захлопнул блокнот и обвел глазами толпу. Наконец-то он увидел.

Увидел башню, которая в течение жизни нескольких поколений постепенно менялась и, в конце концов, превратилась в замок — потому что с ней работали, ее практиковали много-много лет.

Он увидел садовые инструменты, которые со временем станут чудесными произведениями

искусства, такими, какие он видел на пороге дома Томоша Сигеля.

— Пещерные люди! — простонал он. — Я не найду здесь ни ученых, ни техников, потому что у вас их просто нет! Вы не знаете, что такое технологический прогресс, верно? — Он сердито посмотрел на одного из парней. Тот шарахнулся от него, явно не понимая, о чем Денис толкует.

Тогда Денис резко развернулся и ткнул пальцем в другого.

— Ты! Ты даже не знаешь, что такое колесо! Ну, скажи, что я ошибся!

Заключенные в ужасе пялились на безумца.

— Мне следовало… следовало остаться у шлюза и построить новый зиватрон… Эльфенок и робот оказались бы гораздо полезнее, чем кучка дикарей, которые, возможно, сожрут меня на ужин… а потом станут практиковать мои кости в надежде, что они превратятся в ложки и вилки…

У него подогнулись ноги, он опустился на колени, а потом повалился лицом в песок.

— Это я виноват, — проскрипел старческий голос. — Я не должен был разрешать ему вставать с такой шишкой на голове.

Денис почувствовал, как сильные руки схватили его за ноги и плечи, мир вокруг покачнулся.

Первобытные недоумки! Наверное, собираются уложить его в постель, чтобы она превратилась в пуховую перину.

Денис слабо улыбнулся, голова у него кружилась.

И тут он потерял сознание.

6

Денису приснился кошмар: шла ночная телевизионная передача, посвященная вопросам термодинамики; в разговоре участвовали светила ученого мира. И вдруг в самый разгар серьезного интервью оркестр заиграл бойкую мелодию, и под грохот фанфар на сцену выскочил ухмыляющийся шимпанзе в шапочке с пропеллером и принялся петь разухабистую песенку, в которой весьма нахально поносились все постулаты знаменитых ученых мужей. Гремела музыка, вращался пропеллер, шимпанзе резво скакал, потом вдруг его шапочка превратилась в шлем космонавта, он взмыл в воздух и исчез.

— Уф! — Денис покачнулся и ухватился обеими руками за края койки. Тяжело дыша, он долго смотрел в темноту. Наконец, вздохнув, снова опустился на постель.

Значит, все-таки не было никакого поющего шимпанзе. А он находится в тюрьме в чужом мире, где действуют вывернутые наизнанку физические законы.

Была ночь. Из разных углов камеры доносилось мирное посапывание и храп заключенных. Денис лежал, не шевелясь, пока вдруг не обнаружил, что кто-то сидит на соседней койке и наблюдает за ним. Он повернул голову и увидел высокого крепкого мужчину с шапкой темных вьющихся волос.

— Тебе приснился плохой сон, — тихо проговорил сосед.

— Я был не в себе, — поправил его Денис и присмотрелся повнимательнее. — Твое лицо кажется мне знакомым. Это на тебя я наорал вчера вечером? Ты из тех… кто практикует одежду?

Мужчина кивнул.

— Да. Меня зовут Стивиянг Сигель. Ты говорил о моем сыне.

— Томош. Очень хороший мальчишка. Ты можешь им гордиться, — кивнув, ответил Денис.

— С Томошем все в порядке? — взволнованно спросил Сигель.

— Не беспокойся. Когда я с ним разговаривал, у него все было хорошо.

— А мою жену Суру видел?

Денис нахмурился, он никак не мог вспомнить, что ему сказали. Казалось, с тех пор прошла вечность!

— Хм-м-м, Томош остался с тетушкой Бисс. Она мне сказала, будто твоя жена пошла искать помощи у… кого-то по имени Латуф? Ликофф?

Его собеседник мгновенно побледнел.

— Л'тофф! — прошептал он. — Ей не следовало этого делать. В лесу опасно, а со мной не так уж все и плохо!

Сигель вскочил с кровати и начал расхаживать взад-вперед.

— Мне необходимо отсюда выбраться. Я должен!

Дениса посетили те же мысли. Теперь, когда он понял, что здесь нет никаких ученых и ждать помощи неоткуда, ему нужно было поскорее вернуться к зиватрону и попытаться самому построить возвратный модуль. Иначе придется навсегда остаться в этом безумном мире.

Возможно, удастся использовать Практический Эффект, хотя Денис подозревал, что, когда речь зайдет о сложных приборах, он будет действовать иначе, чем на топоры или сани. Новая идея смущала и приводила его в замешательство, как

ученого.

Единственное, что Денис знал наверняка — он ужасно скучает по дому и, кроме всего прочего, должен врезать Брейди по морде.

Когда он попытался встать, Сигель поспешил к нему на помощь.

Они подошли к окну: в небе светили две маленькие яркие луны.

— Я думаю, — тихо сказал он фермеру, — что смогу помочь тебе отсюда выбраться.

— Один из стражников утверждает, будто ты волшебник, — задумчиво взглянув на него, проговорил Сигель. — Твое вчерашнее поведение заставило нас с ним согласиться. Ты и в самом деле можешь устроить побег?

Ученый улыбнулся. Пока счет был не в пользу Дениса Нуэла. Пришла его очередь сделать свой ход. Разве физик с высшим образованием не сможет использовать Практический Эффект к собственной выгоде?

— Уж мы тут попируем, Стивиянг, — заявил он. Лицо Сигеля засветилось надеждой.

Вдруг краем глаза Денис заметил какое-то движение. Он повернулся к замку, стены которого сияли в лунном свете.

На третьем уровне, на парапете, за оградой воз-

никла фигура одинокой девушки в прозрачном одеянии; на плечи ее ниспадал каскад великолепных золотых волос.

Девушка стояла далеко, но тем не менее Денис понял, что она сказочно прекрасна. И у него почему-то возникла уверенность, что он ее где-то видел.

— Принцесса Линнора, — проговорил Сигель. — Она здесь в плену, как и все мы. На самом деле я попал сюда из-за этой красавицы. Барон решил произвести на нее впечатление своим богатством. Мне приходится практиковать его личные вещи, доводить их до совершенства. — В голосе Сигеля появилась горечь.

— Она так же прекрасна днем, как и ночью? — спросил Денис, который по-прежнему не мог оторваться от поразительного видения.

Сигель пожал плечами.

— Конечно, она привлекательная. Но я не понимаю, о чем думает барон. Она дочь л'тофф. И вряд ли кто-нибудь из них согласится выйти замуж за обычного человека, пусть даже очень богатого.

ГЛАВА V
1

— Они патрулируют внешнюю стену, чтобы люди держались подальше отсюда, — сказал Арт, маленький вор. — В конце концов, у некоторых преступников есть семьи и друзья. Даже спустя тридцать лет люди Кремера не пользуются здесь популярностью.

— Стражники осматривают внешнюю стену так же внимательно, как и внутреннюю?

Заговорщиков было пятеро. Во время ужина они собрались вокруг расшатанного стола. Узники сидели на кривых, неудобных стульях — практиковать стулья входило в их обязанности.

Гэт Глинн, самый молодой из заговорщиков, сидел на корточках возле ближайшей стены замка, прикрывая собой опытную модель устройства, разработанного Денисом для побега. Светловолосый юноша первым постиг замысел землянина и взялся за работу. Он прятал устройство, как только кто-нибудь из остальных сигнализировал ему, что рядом находится стражник.

В данный момент его руки делали быстрые

возвратно-поступательные движения, и маленький инструмент, который он практиковал, тихо скрежетал.

Смуглый коротышка, которого Денис смутно помнил по своему первому дню в тюрьме, покачал головой и ответил на его вопрос.

— Нет, Денис. Иногда группу заключенных выводят наружу и заставляют бросать в стену камни. Но обычно мы практикуем ее изнутри.

— Понятно, — кивнул Денис. — Вот почему эти ребята колотят по стене, а стражники их не останавливают.

Стивиянг кивнул:

— Со временем внешняя стена станет еще более мощной, строители подведут крышу, и замок поднимется еще на один этаж.

Денис поднял взгляд на дворец. Теперь геометрия свадебного торта стала понятной. Когда койлианцы что-нибудь строили, поначалу их творение выглядело, как примитивный навес. После нескольких лет практики навес превращался в одноэтажное здание, после чего сверху приделывали грубую надстройку. Второй этаж постепенно совершенствовался, а первый начинал разрастаться в ширину.

— Кроме того, они следят за тем, чтобы мы

практиковали всю стену, — добавил Арт.

Маленький вор утверждал, будто является атаманом всех грабителей и воров в городе Зуслик. Узники относились к нему с уважением.

— Конечно, мы всегда пытаемся пропускать отдельные участки стены… чтобы иметь шанс выбраться отсюда. А охрана следит, чтобы мы распределялись равномерно. Так мы играем с властями. — Он усмехнулся, словно не сомневался в своей конечной победе.

Раздался негромкий щелчок. Молодой Гэт отпилил кусок дерева и с восхищением посмотрел на Дениса.

— Гибкая пила работает! — возбужденно прошептал он и вручил инструмент Денису.

Зубчики нагрелись от трения. На Земле они бы уже начали стачиваться. Здесь же, благодаря усилиям парня, молния стала чуть острее, чем раньше.

Брюки Дениса держались теперь на трех примитивных пуговицах, но зато у заговорщиков появился инструмент.

Когда ужин закончился, стражники приказали всем выходить на работу.

Задача Дениса заключалась в том, чтобы атаковать доспехи при помощи тупого копья, причем

один из солдат надевал их на себя! Денису приходилось быть очень аккуратным. Если он ударял солдата слишком сильно и тому становилось больно, заключенный получал удар хлыстом. Если выпад оказывался слишком слабым, солдаты грозились его выпороть.

— Мы должны охранять Тэта, чтобы он мог спокойно практиковать пилку, — заявил Денис, вставая. — И необходимо снабжать его деревом. Остальную часть плана обсудим позднее.

Никто не стал спорить: все считали его волшебником.

Снова послышался окрик стражников, и Денис поспешил на работу. Одно из наказаний за леность заключалось в том, что узник лишался какой-нибудь из личных вещей. Хотя теперь Денис ходил в одежде аборигенов, ему разрешили в свободное время надевать комбинезон, чтобы его практиковать.

2

В течение следующих трех вечеров, пока Гэт или Сигель практиковали под одеялами маленькую пилку, Денис расхаживал по тюремному двору.

Кроме того, что он подолгу практиковал топоры и доспехи, ученый брал уроки письменного койлианского языка. Стивиянг Сигель, самый образованный из всех заключенных, стал его наставником.

Денису пришлось немного изменить свое мнение о людях Татира. Их культура оказалась совсем не такой примитивной, как он подумал сначала. Лишь технология оставалась на уровне каменного века. Впрочем, они в ней и не нуждались.

Любой неживой предмет можно практиковать, поэтому все делалось из дерева, камня или шкур… с небольшими добавками местной меди или метеоритного железа, которые высоко ценились.

Алфавит представлял собой слоговую азбуку, и Денис легко его освоил. Сигель получил довольно приличное образование, хотя был солдатом и фермером. Он оказался терпеливым учителем, но мало что мог сообщить Денису о появлении людей на Татире. Этими вопросами занимается церковь… или можно обратиться к легендам. Стивиянг рассказал все, что знал. Он не понимал, зачем Денису детские сказки, но выполнил просьбу своего внимательного ученика.

Наконец Денису пришлось признать, что здешние легенды о происхождении людей звучат

весьма противоречиво, как и на Земле. Если между Татиром и Землей существовала какая-то связь, то воспоминания о ней стерлись из памяти людей обоих миров.

Однако Денис отметил, что некоторые самые древние легенды, в особенности те, в которых говорилось о Старой Вере, рассказывали о великом падении. Враги человечества отняли у людей власть над животными и над самой жизнью.

После последней трапезы Денис попытался атаковать проблему Практического Эффекта при помощи тензорного исчисления, однако у него не возникло ни одной гипотезы, объясняющей удивительный феномен. Впрочем, занятия математикой его несколько успокоили.

Время от времени у него возникало странное ощущение потери ориентации, которое он испытал, когда попал в Зуслик, а потом в первый день пребывания в тюрьме.

Ни один из авторов романов фэнтези ничего не писал о том, как трудно человеку приспособиться к необычному новому миру.

На четвертый вечер в тюрьме, прошмыгнув мимо внутреннего поста стражи в сад, Денис услышал негромкую музыку.

Мелодия показалась ему прелестной. Расчеты

аномалий, которые он вел в уме, исчезли, как клочья тумана, развеянного утренним ветром.

Звуки доносились с верхнего уровня, который возвышался в дальнем конце тюремного двора. Денис разобрал нежный женский голос и звуки инструмента. Казалось, музыка рыдает в ночи. Очарованный Денис пошел на звук и остановился в том месте, где старая стена соединялась с новой. Он поднял голову и увидел девушку, перебирающую струны своеобразной лютни. Денис узнал принцессу Линнору из племени л'тофф.

Балкон окружали заостренные прутья решетки. В лунном свете поблескивали медовые волосы девушки. Затаив дыхание, Денис слушал пение принцессы, хотя и не понимал слов.

Инструмент, на котором она играла, практиковали не одно поколение, чтобы он достиг такого совершенного звучания.

Неожиданно девушка перестала петь и повернулась. В дверях балкона возникла темная фигура. Линнора встала и посмотрела на вошедшего.

Высокий широкоплечий мужчина сделал шаг вперед и поклонился. Если бы Денис только что не видел Стивиянга Сигеля в бараке для заключенных, он мог бы поклясться, что его приятель

заявился в гости к принцессе. Денис услышал низкий голос, но опять не разобрал ни слова.

Принцесса л'тофф медленно покачала головой. Мужчина рассердился и решительно шагнул к ней. Сначала она отступила, но потом дерзко вскинула голову и остановилась.

Сердце Дениса забилось чаще. И в голову пришла безумная мысль: броситься на выручку… Остановила его другая мысль — о полной бесполезности подобного поступка.

Интонации высокого мужчины стали властными. Он угрожал девушке, потом швырнул на пол какой-то предмет, развернулся на каблуках и стремительно удалился.

Линнора некоторое время смотрела ему вслед, а потом наклонилась, чтобы поднять то, что он бросил. Затем ушла с балкона, оставив лютню.

Денис стоял в тени, надеясь, что она вернется.

Через некоторое время Линнора вновь появилась на балконе, приблизилась к решетке и посмотрела вниз, на тюремный двор.

Денис не выдержал, шагнул из тени прямо в бледный свет двух лун. Принцесса взглянула на него и слабо улыбнулась, как если бы ждала его появления.

Затем она просунула руку между прутьями и

бросила вниз сверток, который перелетел через нижние уровни и упал у ног Дениса.

Денис наклонился. Это была одна из его порванных сумок, та, что он носил на поясе. Внутри он нашел часть отобранных у него вещей. Некоторые были сломаны — кто-то безуспешно пытался понять, как они устроены.

Вместе с вещами лежало послание. Девушка снова взялась за инструмент и принялась играть, а Денис попытался применить знания, полученные им от Стивиянга. Вот, что он прочитал в записке.

«Он озадачен.

Я не могу рассказать ему о том, что представляют собой ваши вещи. Он потерял терпение и скоро начнет задавать вопросы вам.

Завтра вас будут пытать, чтобы вы рассказали все, что знаете.

В особенности, о том ужасном оружии, которое убивает прикосновением.

Если вы действительно посланец из царства Дарителей Жизни, бегите сейчас.

И произнесите имя Линноры, когда окажетесь в горах».

Письмо заканчивалось размашистой подписью. Денис поднял глаза. Его переполняли

вопросы, которых он не мог задать, и слова благодарности, которых не мог произнести.

Печальная песня закончилась. Линнора встала. Подняв руку в прощальном жесте, повернулась и ушла.

Денис долго смотрел ей вслед.

— Вставай! — Он потряс Арта за плечо.

Рядом Стивиянг тихо будил Гэта, Мишву Квана и Перта, последнего члена их комитета.

— Что? Где? — маленький вор мгновенно проснулся, а в его руке блеснул заостренный камень. Он быстро взглянул на Дениса, кивнул и начал одеваться.

Арт утверждал, что происходит из семьи телохранителей, которые много лет охраняли старых герцогов Зуслика — еще до того, как отец Кремера захватил власть путем обмана и предательства. Заговорщики собрались возле стены.

— У нас больше нет времени на подготовку, — сказал Денис.

— Но ты сам сказал, что пила еще не готова! — запротестовал Гэт.

— Сегодня ночью — или никогда, — покачав головой, ответил Денис. — Я не могу объяснить, но вы должны мне поверить. Арт, попробуй украсть инструменты.

Маленький вор ухмыльнулся и быстро зашагал к сараю, расположенному неподалеку от освещенных окон хижины стражников, где хранился садовый инвентарь. Арт быстро и бесшумно заберет несколько инструментов, которые они, в случае необходимости, используют, как оружие. Денис очень надеялся, что до этого дело не дойдет.

— Дай мне пилу.

Гэт осторожно протянул ему то, что еще недавно было молнией. Острые зубчики сверкали в тусклом лунном свете.

Из кармана комбинезона Денис вытащил леску для чистки зубов, которую стражники у него не отобрали, и привязал две петли к концам пилки.

— Ну, пора, — прошептал он.

Денис был доволен, что его товарищи разбираются в веревках и лассо. Стивиянг Сигель взял пилу, отступил немного в сторону и принялся раскручивать ее над головой, постепенно увеличивая длину лески.

Сигель сделал еще один взмах и отпустил леску. Петля захлестнула острыми зубчиками одно из бревен частокола. Денис подергал леску, проверяя, достаточно ли надежно она держится.

— По местам! — тихо скомандовал он.

Вор Перт остался следить за часовыми, чтобы отвлечь их, если возникнет необходимость. Стивиянг, Гэт и Мишва прятались в тени, предоставив Денису первому поработать с пилой.

Он вспотел еще до того, как убедился в том, что зубчики смотрят в нужном направлении. Обмотав руки плотной материей, он принялся тянуть леску взад-вперед, словно чистил зубы. Если зубчики направлены в нужную сторону, пилка срежет кожаный ремень, связывающий бревно с его соседями.

Они начали сверху — в самом слабом месте частокола, здесь стену почти не практиковали. Опускаясь все ниже и ниже, пила будет становиться «крепче», а бревно своим весом порвет оставшиеся кожаные путы.

Во всяком случае, Денис рассчитывал, что эти физические законы на Татире работают. Денис сидел на корточках, с каждым разом увеличивая усилия. Вскоре его движения стали ритмичными, и у него появилось время поразмыслить — о девушке на балконе.

Как она узнала, что он стоит внизу, в темноте? На что намекал Стивиянг, когда говорил, что принцесса л'тофф не совсем человек?

Интересно, будет ли у него возможность узнать

ответы на эти вопросы?

Денис пилил до тех пор, пока не почувствовал, что устал, и его движения не начали терять четкость. Тогда он знаком подозвал Сигеля, чтобы тот его сменил, а сам присоединился к Тэту и Мишве.

Минута проходила за минутой. Один раз Арт предупредил их об опасности — издал крик ночной птицы. Сигель прижался к земле, а вскоре появились обходившие тюрьму часовые с фонарем. Если луч света скользнет в их сторону, все будет кончено. Денис и его товарищи затаили дыхание.

Однако стражники прошли мимо, они только что сосчитали заключенных в бараке, в том числе и соломенные чучела, которые пятерка заговорщиков положила в свои постели.

Когда маленький вор показал, что все спокойно, Сигель снова занялся делом. Гэт придвинулся поближе к Денису.

— А правда, что принцесса бросила тебе записку? — прошептал паренек.

Денис кивнул.

— Могу я на нее посмотреть?

С некоторой неохотой Денис отдал ему маленький листок. Гэт, нахмурившись, беззвучно

шевелил губами.

— Однажды я встречусь с л'тофф, — тихонько проговорил юноша, возвращая записку. — Мне рассказывали, что во времена старого герцога с ними общались гораздо чаще. — Ты знаешь, что иногда они берут к себе обычных людей? Л'тофф взяли бы меня к себе, я уверен. Я хочу стать делателем.

Гэт произнес последнее слово так, словно делился с Денисом страшным секретом.

— Делатель, — прошептал Денис, — это тот, кто делает инструмент? Тот, кто делает начальный?

Гэт кивнул.

— Да. Есть гильдии резчиков камня и тех, кто работает с деревом; гильдии дубильщиков и строителей… — Он покачал головой. — Гильдии закрыты для людей со стороны, и у них все устроено по старинке. Только фермеры, вроде Стивиянга, могут делать свои начальные такими, какими хотят. Они ведь живут далеко от городов, и никто не может их поймать.

— Так, понимаю… За что тебя посадили в тюрьму, Гэт?

— За то, что я сделал начальные сани без разрешения касты. — Юноша пожал плечами. — Я совершил глупость и попался. Пока не появился

ты, я собирался идти к л'тофф, но теперь предпочел бы работать на тебя! — Он широко улыбнулся Денису. — Мне кажется, ты знаешь больше про делание новых вещей, чем л'тофф и все касты вместе взятые! Может быть, тебе понадобится ученик, когда ты захочешь вернуться домой. Я буду очень стараться! Я умею…

Парень начал волноваться, и Денис знаком показал ему, чтобы он замолчал. Гэт сразу умолк, но его глаза сияли.

— Посмотрим, — сказал Денис Тэту. — Когда мы отсюда выберемся, я постараюсь побыстрее вернуться домой, и мне понадобится помощь.

Дениса уже не раз посещали беспокойные мысли: слишком много времени прошло с того момента, как он прибыл на Татир. А вдруг Фластер послал кого-нибудь ему на помощь? Вряд ли. Денис понимал, что Главный Ученый будет тянуть до последнего, прежде чем приступит к розыску.

С другой стороны, Фластер мог вообще отказаться от дальнейших попыток наладить связь с «Фластерией». Может быть, они решили исследовать другие аномальные миры… Используя формулы, придуманные Денисом Нуэлом.

«Я могу провести здесь всю жизнь», — вдруг

понял Денис.

Перед его мысленным взором неожиданно возникли золотые волосы в лунном свете. И он подумал, что на Татире есть привлекательные стороны. Впрочем, он тут же напомнил себе, что Кремер собирается его пытать.

Да, нельзя забывать и о таких перспективах.

Стивиянг Сигель пока не попросил смены. Он работал с упорством, достойным восхищения.

Денис подался вперед, чтобы взглянуть на успехи фермера, и не поверил своим глазам: Стивиянг уже добрался до половины бревна! Как?..

Денис еще раз посмотрел на Сигеля и потер глаза. Наверное, это оптический обман, но ему вдруг показалось, что воздух вокруг фермера слегка мерцает. Денис повернулся к Гэту, чтобы сверить свои впечатления.

Молодой делатель, как и сидевший рядом с ним Мишва, с благоговением взирали на Сигеля.

— Что происходит? — нетерпеливо прошептал Денис. Не отводя взгляда от Стивиянга, Гэт ответил:

— Это настоящий транс фелтеш! Говорят, что далеко не многим удается увидеть подобное хотя бы раз в жизни!

Фермер работал с поразительной интенсивно-

стью, его руки перемещались, точно два мощных стремительных поршня. Постепенно слабое мерцание окружило и леску, уходящую к бревну.

Денис сделал знак вору Мишве Квану; тот был настоящим великаном. Повинуясь указаниям, Мишва присел у стены, оперся на нее спиной и надавил в том месте, где пилил Сигель. Кожаные ремни тихонько заскрипели.

Сигель продолжал работать. Пила опустилась на уровень человеческого роста, но ее дальнейшее продвижение замедлилось. Здесь заключенные много практиковали стену, и она была значительно прочнее.

Мишва крякнул и надавил еще сильней. Бревно тихонько застонало, а потом понемногу начало поддаваться.

Денис показал Гэту, чтобы он помог Мишве. Бревно еще немного опустилось, но тут Денис увидел на зубьях частокола какое-то существо.

Темная фигурка — лишь немногим больше лягушки-вола — остановилась возле постепенно расширяющейся бреши; ее внимание привлекла слабо мерцающая пила.

Зеленые глаза сияли в темноте, поблескивали чешуйки. Денис вскинул голову.

— Эльфи, проклятый бродяга! Появился, и

именно сейчас! Хоть бы раз в жизни ты сделал что-нибудь полезное!

Денис перевел взгляд на бревно; всякий раз, когда Мишва и Гэт нажимали на него, раздавался такой оглушительный треск, что он должен был разбудить всю округу.

К ним поспешно приблизился Арт.

— Мне кажется, они что-то услышали, — прошептал вор. — Может быть, стоит немного переждать?

В частоколе уже образовалась заметная брешь. А на лице Стивиянга застыло такое лучезарное выражение, что по спине Дениса пробежала дрожь. Денис не хотел прерывать Сигеля. Он отрицательно покачал головой.

— Нельзя. На карту поставлено все! Если появятся стражники, тебе придется как-то их отвлечь!

Арт коротко кивнул и вернулся на свой пост.

Денис поднял глаза и убедился, что эльфенок остается на месте с прежней усмешкой на лукавой мордочке.

«Волшебник» присоединился к Мишве и Гэту. На этот раз бревно заскрипело действительно громко! Откуда-то сзади раздались тревожные крики — в бараках стражи начался переполох.

— Ну, дружно! — скомандовал Денис. Все пони-

мали, что времени — в обрез.

Мишва Кван глухо взревел и налег на стену, Гэт и Денис отлетели в стороны.

Среди бараков вспыхнуло пламя — Арт прибег к отвлекающему маневру. Возле огня замелькали тени. Над головами взметнулись дубинки, стражники принялись колотить заключенных. Из мрака неожиданно возникли Арт и Перт. Маленький вор тяжело дышал.

— Я сумел добыть для нас две сотни биений сердца, Денис. Но на большее рассчитывать не приходится.

Бревно снова застонало, как умирающее животное, и наклонилось еще градусов на десять.

— Одна сотня биений пропала, — сухо заметил Арт.

Сигель заработал с удвоенной энергией, пила запела тоном выше. Теперь уже всю пятерку заливал мерцающий волшебный свет.

Мишва Кван отступил на двадцать футов от стены, издал победный вопль, бросился на наклоненное бревно, и перед ними неожиданно возник проход. Бревно с грохотом рухнуло на землю, а стражники наконец поняли, что происходит. Забыв о пожаре, они бросились к заговорщикам.

— Пора! — закричал Денис Сигелю и потащил

фермера к узкому пролому в частоколе.

Рядом с ними просвистело копье. Стивиянг встряхнулся, улыбнулся Денису и кивнул. Один за другим они проскользнули в дыру и устремились в темноту.

Денис успел заметить, как под упавшим бревном что-то ослепительно сверкнуло, но задерживаться не стал.

Скоро они с Сигелем неслись по узким улочкам Зуслика, уходя от погони.

ГЛАВА VI
1

На все ворота, ведущие из города, при помощи специальных сигнальных фонарей было передано сообщение о побеге. Поступил приказ удвоить отряды стражников: каждого, кто пытался покинуть город, тщательно обыскивали. Воздушные патрули облетали окрестности вплоть до наступления темноты.

— Никогда раньше барон не поднимал такого переполоха.

Одноглазый вор Перт выглядывал из окна верхнего этажа одного из самых новых, — а следовательно, неприглядных — высотных домов Зуслика. Его беспокоили сигнальные вспышки и расхаживающие по улицам города отряды солдат в высоких медвежьих шапках.

Арт, вожак воров, махнул рукой своему приятелю, чтобы тот отошел от окна.

— Здесь им нас не найти. Ты помнишь, чтобы храбрецы северяне, преданные барону, хоть раз нагрянули в одну из наших берлог? Закрой ставни и сядь, Перт.

Перт послушно отошел от окна, но продолжал бросать косые взгляды на других беглецов, тихо разговаривавших за столом в кухне, в то время как жена Арта готовила еду.

— Мы с тобой знаем, кого они ищут, — сказал он Арту. — Барон взбешен, что лишился одного из своих лучших практиков. Да и колдун от него смылся.

— Ладно, — примиряюще кивнул Арт. — Они помогли нам улизнуть, так что мы у них в долгу.

Перт недовольно засопел. Ему не нравилось, что чужак командует зусликскими ворами, волшебник он там или нет.

Гэт поднял голову от чертежа, сделанного Денисом, и посмотрел на него. Мальчишка с трудом сдерживал возбуждение.

— Значит, мешок не полетит до тех пор, пока в него не попадет горячий воздух? А потом взмоет в небо, как птица или бумажный змей? Или дракон из легенды?

— Узнаем, как только леди Арен вернется с первым мешком, Гэт. Мы поставим эксперимент с моделью и поглядим, как она изменится за ночь — подействует ли на нее практика.

Гэт поморщился, услышав имя старой портнихи. Вне всякого сомнения, юноша был не очень

высокого мнения о леди Арен и ее своеобразных манерах. Она жила в этом же доме и едва сводила концы с концами, зарабатывая на жизнь шитьем, однако настаивала на том, чтобы все обращались к ней так же, как и во времена юности, когда она служила при дворе старого герцога.

В данный момент успех их плана зависел от мастерства полоумной пожилой леди.

Стивиянг Сигель сидел рядом с Гэтом и неторопливо попыхивал трубочкой, прислушиваясь к разговору и время от времени задавая вопросы. Складывалось впечатление, что он полностью пришел в себя после транса фелтеш. Сигель отказался от своей первоначальной идеи — перелезть через городскую стену, — только когда Денис убедил его в том, что имеется более надежный способ выбраться из города и отправиться на поиски его жены.

Арт и Перт уселись за стол рядом с ними, и Денис с Гэтом убрали чертежи, когда жена Арта, Мэггин, принесла жареную дичь и кружки с элем.

— Денис, ребята прислали нам сообщение, пока вы занимались своими картинками, — с набитым ртом проговорил Арт.

— Они нашли мой рюкзак? — с надеждой спро-

сил Денис. Арт покачал головой.

— Ты не очень-то внятно объяснил, где искать. Знаешь, у западных ворот домов целая куча, а у некоторых парапеты используются вместо балконов или садов. Твой рюкзак наверняка уже кто-нибудь подобрал.

— И никаких намеков? Никаких разговоров?

Арт сделал большой глоток, и пенистый эль побежал по бороде. Было видно, что главарь шайки воров получает истинное удовольствие от домашней еды.

— Ну, вот что я тебе скажу, Денис, ходят кое-какие странные слухи. Говорят, в городе появился зверь кренеги. А еще утверждают, будто призрак старого герцога явился, чтобы отомстить барону Кремеру.

Ходит даже история о странной твари, которая вовсе ничем не питается, зато заглядывает людям в окна и двигается быстрее молнии… ничего подобного у нас тут не водилось. Якобы у него пять глаз. — Арт положил ладонь с растопыренными пальцами себе на голову, потом принялся отчаянно вращать рукой и дико свистеть.

Перт подавился элем. Мэггин и Гэт громко расхохотались.

Денис мрачно кивнул. Он рассчитывал, что

ворам удастся найти его вещи.

Раздался едва слышный стук в дверь. Все напряглись, но стук повторился — пять раз, потом два — в определенном порядке.

Перт поднял засов, и в комнату вошла пожилая женщина в элегантном черном платье. Она опустила на пол большой мешок, в то время как мужчины поднялись и учтиво поклонились ей.

— Милорды, — проговорила женщина и присела в реверансе. — «Глобальный гобелен», о котором вы говорили, закончен. По вашей просьбе я вышила едва заметные очертания облаков и птиц по краям. Можете сами практиковать картину до совершенства. Если маленький шар вас удовлетворяет, я приступлю к изготовлению большого, как только вы доставите мне необходимые материалы.

Арт взял в руки сшитые между собой изношенные бархатные простыни и сделал вид, что изучает работу портнихи. Затем протянул ее Денису, а сам поклонился леди Арен.

— Вы чрезвычайно любезны, ваша светлость, — сказал он, словно являлся представителем высшей знати. — Мы не станем пачкать ваши руки деньгами или янтарем. Но мы не можем не продемонстрировать вам своей благодарности.

Вы позволите нам внести свою лепту в содержание вашего дома, как мы уже неоднократно делали в прошлом?

— Полагаю, будет прилично, если мы поступим именно так, — ответствовала пожилая женщина.

Завтра у ее дверей, словно по волшебству, появится корзина с продуктами.

«Глобальный гобелен» представлял собой сферу из светлой ткани, сшитую с трех сторон. По краям шла едва заметная вышивка — облака и птички. Стежки были не очень ровными, хотя леди Арен, вне всякого сомнения, считала себя истинным художником.

Наконец пожилая дама удалилась.

— Хорошо, — заявил Денис, — давайте заканчивать.

Он расстелил ткань на столе, а Гэт и Сигель взяли несколько мягких сальных свечей и начали осторожно натирать войлочную бумагу, которую по указанию «волшебника» раздобыли воры. Тем временем Денис привязал маленькую плетеную корзинку с открытой стороны сферы. Как раз в тот момент, когда он закрепил свечу в крошечной корзиночке, остальные объявили, что закончили работу. Арт, Перт и Мэггин удивленно наблюдали

за их приготовлениями.

Денис и Гэт отнесли свое хитроумное изобретение в угол, где уже стояла грубая деревянная рама.

— Это называется «воздушный шар», — сказал Денис, натягивая ткань на раму.

— Ты уже говорил, — ехидно заявил Перт. — И обещал, что он полетит. Сделанная вещь полетит… в доме, где нет ветра… — Он явно не верил Денису.

Здесь и сейчас имелся лишь один способ полететь — сначала построить, а потом очень долго практиковать огромного воздушного змея с крыльями.

Давным-давно какой-то койлианский гений, ненавидевший сырость, изобрел зонт — теперь практически каждый житель владел этим предметом. Позднее, после того как во время грандиозной бури ветер чуть приподнял и пронес над землей владельца большого зонта, кому-то в голову пришла новая блестящая идея. На Татире родились воздушные змеи. На практику было потрачено безумное количество времени, и в результате появились крылья, которые крепились особым способом и поднимали человека над землей, чтобы он мог посмотреть на нее с высоты

птичьего полета.

Это изобретение помогло отцу барона Кремера, мелкопоместному дворянину из горной северной страны, победить старого герцога и заставить короля Койлии отдать в его владение верхнюю долину Фингола.

Движение в сторону настоящих планеров началось лишь в последние годы — по инициативе самого Кремера. И хотя теперь другие армии имели на вооружении воздушных змеев, только он обладал настоящим военно-воздушным флотом. Что и являлось главным тактическим преимуществом в его нынешнем конфликте с королевской властью.

Денис поставил свечу прямо под отверстием в днище экспериментального шара и уверенно улыбнулся.

— Ты все увидишь, Перт. Только позаботься о том, чтобы у нас под рукой были ведра с водой.

Денис надеялся, что Практический Эффект на Татире лишь дополняет известные ему законы физики, а не заменяет их.

Прозрачный дым от свечи начал проникать в шар сквозь оставленное отверстие.

— Может мне кто-нибудь объяснить, чего добивается барон Кремер? — спросил Денис,

дожидаясь, когда шар наполнится горячим воздухом. — Насколько я понимаю, он бросил вызов самому королю?

Стивиянг Сигель задумчиво подымил своей трубочкой, а потом ответил:

— Я служил в отряде Королевских Разведчиков, Денис, пока не женился и не ушел в отставку. Барон очень жестоко обращается с нами, подданными короля, живущими на западной границе.

Барона поддерживают гильдии делателей. А гильдиям не нравится, когда люди начинают селиться далеко от городов. Мы сами делаем многое из того, что нам необходимо, а потом практикуем вещи — высекаем кремни, дубим кожи, плетем веревки и занимаемся ткачеством. Некоторое время назад нам удалось научиться делать бумагу, если уж быть честным до конца.

Арт и Перт с любопытством на него уставились. Гэт изумленно вытаращил глаза.

— Бумажная гильдия — самая засекреченная из всех! Как вам удалось узнать… — Он прищелкнул пальцами. — Конечно же! Л'тофф!

Сигель молчал до тех пор, пока не заметил, что все глаза обращены к нему.

— Барону все известно, — пожав плечами, проговорил он. — И гильдиям. Так что, если

вы, ребята, узнаете правду, чего ж тут плохого? Людям надоело, что ими командуют гильдии, церковники и мелкие князьки. Популярность короля резко возросла с тех пор, как он изменил закон о голосовании, отменив имущественное ограничение, и стал созывать Ассамблею каждую весну вместо одного раза в десять лет.

— Дай-ка я расскажу дальше, — кивнув, перебил его Денис. — Кремер возглавил борьбу баронов и князьков за свои права.

— Они достаточно сильны, — снова заговорил Сигель. — Королевские Гвардейцы и Разведчики — это, конечно, отборные войска, но они малочисленны. А теперь еще у Кремера появились летающие змеи. Его противники напуганы, а Церковь утверждает, будто на Татир вернулись древние драконы… в качестве доказательства того, что Боги благосклонны к Кремеру. Нужно отдать барону должное: никто не додумался до планеров, даже л'тофф.

Еще одно упоминание о странном народе вернуло мысли Дениса к принцессе Линноре, томящейся в замке барона.

— Шар уже почти наполнился, — сообщил Гэт.

Под давлением теплого воздуха мешок начал растягиваться. Сфера получилась не очень ров-

ная, но это, как известно, — дело практики!

Свеча сгорела меньше, чем наполовину. Воздушный шар пошевелился, натянул тонкие нити, и корзинка оторвалась от пола.

В комнате повисло напряженное молчание, затем Мэггин громко рассмеялась, а Арт с силой треснул Дениса по спине. Гэт ползал вокруг шара, словно собирался запомнить, как он выглядит.

Стивиянг Сигель сидел неподвижно, однако его черные глаза сияли.

— Слушай, но ведь эта штука не сможет поднять человека! — заявил Перт.

Арт повернулся к нему и возмущенно спросил:

— А откуда тебе знать, что она сможет сделать — ее еще никто не практиковал!

Перт смущенно отступил назад, облизнул губы и с опаской оглядел медленно поднимающийся к потолку воздушный шар.

— На самом деле, — сказал Денис, — Перт прав. После некоторой практики наш шар будет вести себя лучше, чем такой же на… в моем родном мире. Но для того, чтобы он смог поднять несколько человек, нам придется сделать огромный воздушный шар и воспользоваться тем пустым складом, о котором ты мне говорил, Арт. Мы там поработаем, а потом сбежим из города ночью,

когда летчики барона крепко спят.

В глазах Арта загорелся огонек.

— Ты, Гэт и Стивиянг не забудете передать от меня привет л'тофф?

— Конечно, не забудем.

У всех троих имелись свои собственные причины желать встречи с загадочным племенем, живущим в горах. Денис намеревался рассказать о том, что принцесса Линнора попала в плен, и предложить им план ее освобождения.

Арт мечтал получить солидную награду за свое участие в предприятии, кроме естественного удовольствия устроить барону парочку серьезных неприятностей. Гэт давно хотел с ними познакомиться.

Шар замер у потолка.

— Так, — проговорил Денис. — Вы обещали научить меня концентрироваться, чтобы практика давала максимальный результат. Начнем?

Все расселись по своим местам. Стивиянг был признанным специалистом практики и потому приступил к объяснениям.

— Первое. Денис, тебе не нужно концентрироваться. Простое использование инструмента делает его лучше. Но если ты сосредоточишься на самом предмете и на работе, которую делаешь,

процесс пойдет быстрее. Каждый день ты даешь своему инструменту все более и более трудное задание — в конце концов, он становится идеальным.

— А транс, в который ты впал у тюремной стены? Наша пила приобрела невиданные качества всего за несколько секунд.

Стивиянг немного подумал.

— Мне доводилось видеть фелтеш и раньше. Когда я жил среди л'тофф. Но даже и у них это состояние редкость. Оно возникает после долгих лет тренировок или в экстремальных ситуациях. Я и представить себе не мог, что мне доведется его испытать.

Стивиянг снова задумался, потом покачал головой и взглянул на Дениса.

— В любом случае, рассчитывать на фелтеш не приходится. Будем практиковать наши «воздушные шары» привычными методами. Ты можешь нам поточнее объяснить, что делает сейчас твой опытный образец и каким он должен стать? Только не забегай далеко вперед, иначе ничего не получится.

2

Два дня спустя поиски беглецов прекратились. Стражники у городских ворот по-прежнему старательно несли караул, но жизнь уличных патрулей вернулась в привычное русло. Денис наконец смог прогуляться по Зуслику.

Они с Артом сидели в открытом кабачке на шумной улице неподалеку от рыночной площади. Денис проглотил последний кусок местного жаркого и запил его темно-коричневым элем. После целой ночи практики у него развился зверский аппетит.

— Еще! — заявил он и с грохотом поставил кружку на стол.

Арт смотрел на него несколько минут, а затем подозвал официанта. Денис был всего лишь чуть-чуть крупнее среднего койлианца, но его аппетит вызывал у местных жителей неизменное изумление.

— Полегче, приятель, — посоветовал ему Арт, — после того как я за все заплачу, у меня не останется денег, чтобы отвести тебя к доктору!

Денис ухмыльнулся и вытащил из стаканчика грубую зубочистку. Мимо по одной из самосма-

зывающихся дорог проехали сани.

— Кому-нибудь из вас удалось собрать еще скользкого масла? — спросил он вора.

— Не так, чтобы очень много, — ответил Арт. — Мы поручили это уличным мальчишкам, но водители швыряют в них камнями. А ребятишки просто обожают играть в «жирную свинью». У нас всего четверть кувшина, не больше.

Всего четверть кувшина! Почти литр самого лучшего смазочного материала, какой Денису доводилось видеть! Когда Денис показал Арту, как он действует, тот пришел в неописуемый восторг.

Дениса удивляло, почему койлианцы не знают, как работают их дороги. Неужели они начисто лишены любопытства? Или их намеренно держат в невежестве.

История утверждает, что большинство культур на Земле тоже отличалось кастовостью, и процесс развития шел чрезвычайно медленно. Здесь же толчком к прогрессу послужил конфликт между бароном Кремером и королем.

Сегодня утром они с Артом арендовали складское помещение. Хозяин помещения был счастлив: кто-то должен занимать место, чтобы оно не пришло в упадок, пока не наступили лучшие

времена.

Денис увидел, что Арт умеет отлично торговаться. В результате они сошлись на том, что хозяин склада заплатит им за то, что они на некоторое время туда переедут!

Вчера ночью ребята Арта собрали весь имеющийся в городе запас войлока и теперь, сохраняя крайнюю осторожность, сносили на склад свою добычу. Леди Арен и несколько ее помощниц, женщин из семей, пострадавших от своенравного барона, сразу же приступили к работе. Гэт же строил гондолу для большого воздушного шара.

Как-то Денис и Арт увидели на одной из главных площадей города религиозную процессию. Три священника в желтых одеяниях и толпа их последователей несли платформу, на которой лежал сверкающий меч. Четыре угла паланкина украшали только что отрубленные человеческие головы.

— Жрецы Мликкина, — пояснил Арт. — Кровожадные негодяи. — Он сплюнул.

Денис заставил себя не отводить глаз, хотя почувствовал, что внутри у него все сжалось и его вот-вот затошнит.

«По всему видать, священники готовят жителей к смерти и войне», — подумал он.

Процессия опустила платформу на мостовую, и главный жрец поднял над головой меч — вне всякого сомнения, приспешники Мликкина пользовались им каждый день да еще на протяжении жизни многих поколений — и обратился к толпе оборванцев. Денис почти ничего не понял из его слов, но зато различил многократно повторяемое выражение «восточные отбросы». Когда жрец принялся поливать грязью короля Гимиэля, кое-кто в толпе начал смущенно переглядываться, но открыто высказать протест не осмелился никто. Впрочем, несколько зусликцев поспешили прочь. На площади остались лишь сторонники культа Мликкина, а в дальнем ее конце Денис заметил пожилую женщину, преклонившую колени перед нишей, в которой стояла пыльная статуя. Женщина убрала мусор и положила свежие цветы на неровный пьедестал.

Денис поспешил вперед, в то время как Арт неохотно тащился сзади, время от времени повторяя, что здесь для них совсем неподходящее место.

— Что это такое? — спросил его Денис, показав рукой на маленький храм.

— Храм Старой Веры. Говорят, он стоял тут, еще когда Зуслика и в помине не было. Священники

пытались его снести; но, поскольку люди приходят сюда с давних пор, камень даже поцарапать невозможно. И тогда они приказали устроить здесь свалку.

— А какая им разница…

Денис остановился ярдах в двадцати: он узнал фигуру на пьедестале. Это был дракон. Точно такой же, как на ручке ножа, обнаруженного им около зиватрона.

А в ухмыляющейся злобной пасти чудовища пристроилась другая фигурка — «блеккер», так назвал его Арт. Покрытый толстым слоем грязи и отбросов, дракон тем не менее будто подмигивал прохожим. Открытый глаз сверкал, точно драгоценный камень.

Впрочем, внимание Дениса привлек скорее пьедестал, нежели сама фигура мифического существа. Колонна с каннелюрами представляла собой точно воспроизведенную цепочку ДНК!

Дениса вновь охватило ощущение нереальности происходящего. Он медленно приблизился к храму, раздумывая о том, как жители планеты могли узнать хоть что-нибудь о генах, не имея ни нужных приборов, ни необходимого образования.

— Эй! — Арт пнул приятеля в бок. — Солдаты! —

Он мотнул головой в сторону главной улицы.

Денис бросил последний тоскливый взгляд в сторону статуи и поспешил за Артом в аллею. Они спрятались в тени и наблюдали за патрулем. Сбоку, рявкая на прохожих, вышагивал сержант Гил'м.

Денис взглянул в сторону маленького храма и заметил, что пожилая женщина исчезла, а с ней вместе и его надежда разузнать побольше о Старой Вере.

Денис позволил Арту увести себя с шумной площади, решив, впрочем, разузнать о статуе чуть позднее.

В зале Гильдии производителей стульев было полно детей. Она всегда являлась самой бедной, поскольку, в отличие от всех остальных, у нее не имелось никаких секретов, которые следовало оберегать от посторонних. Любой при помощи палок и шпагата мог сделать начальный стул или стол.

Арт объяснил Денису, что гильдии вроде этой в основном нанимают на работу детей и стариков, которых не берут в дорогие магазины и лавки.

Сначала мебель отправляется в дома бедняков. Попользовавшись год или два, они продают улучшенные модели зажиточным горожанам. А уж

затем она переходит к тем, кто может заплатить за нее приличную сумму.

По залу в сопровождении двух мастеров расхаживал священник в красном одеянии и благословлял уже готовые изделия.

— Еще один патруль, Денис. — Арт показал на проходивших невдалеке стражников. — Пожалуй, стоит вернуться домой.

— Ладно, — неохотно согласился Денис.

Они нырнули в боковую аллею и оказались на проспекте Сладостей. Арт кое-что купил, а Денис тем временем пытался разобраться в том, как организовано в городе движение. Но почему-то никак не мог отделаться от образа священника в красной сутане.

Когда они подходили к логову воровской шайки, Арт схватил Дениса за руку и принялся внимательно изучать улицу.

— Давай-ка пойдем короткой дорогой, — сказал он и провел Дениса между лавками в другую аллею.

— Что случилось?

— Может быть, у меня расшалились нервы, — покачав головой, ответил Арт. — Но если ты нутром чуешь западню и в четырех случаях из пяти ошибаешься, остается еще пятый. Нельзя

игнорировать предчувствия.

Денис в таких делах доверял Арту полностью. Он заметил гору ящиков, приваленных к стене здания, напоминающего свадебный торт.

— Иди-ка сюда, — позвал он Арта, — у меня есть инструмент, который умеет отлично распознавать опасность.

Они взобрались на первый парапет, прошли через сад и поднялись на следующий уровень. Денис засунул руку в карман и вытащил маленького электронного охранника.

Арт не сводил зачарованного взгляда с мигающих разноцветных огоньков. Денис крутил настройку, но на экране мелькали хаотические сигналы, прочитать которые не представлялось возможным. Охранник, которым неделю никто не пользовался, начал барахлить.

Денис вздохнул и полез в другой карман. Маленький складной монокуляр был в мешке, который ему бросила Линнора. К счастью, пытаясь его открыть, Кремер только поцарапал корпус.

Денис принялся внимательно разглядывать улицу внизу.

По бульвару сновали толпы людей: фермеры, приехавшие на рынок, аристократы со слугами, похожими на них, как две капли воды, иногда

проходил стражник или священник. Денис заметил группу людей, стоявших у входа в кабачок: и понял, что люди Кремера с оружием в руках внимательно рассматривают прохожих. А в следующее мгновение он увидел, как из здания вышел высокий аристократ в сопровождении низенького человечка с повязкой на глазу. Они что-то возбужденно обсуждали.

— Слушай, Арт, — во рту у Дениса неожиданно пересохло, — мне кажется, тебе это будет интересно.

— Твоя маленькая коробочка? Ты смотришь сквозь нее или на что-то внутри?

— Сквозь нее. Когда ты к ней приспособишься, обрати внимание на кабак в дальнем конце улицы.

Арт взял монокуляр, и Денис показал ему, как им пользоваться.

— Как здорово! — обрадовался Арт. — Я все вижу, совсем как сказочный орел из Крайди! Могу сосчитать кружки на столе в… Великий Палми! Это же Перт! Разговаривает с самим лордом Херном! Подонок! — выругался Арт. — Он нас сдал! А ведь его отец служил вместе с моим папашей старому герцогу! Я выну из него все внутренности и стану практиковать их до тех пор, пока они не

превратятся в веревки! Я…

Денис прислонился к стене. У него кончились гениальные идеи. Они не могли предупредить ни друзей в квартире Арта, ни работников на складе, где уже начали мастерить большой воздушный шар.

Арт ругался чрезвычайно артистично и владел весьма богатым словарем, так что некоторое время он был занят.

Неожиданно на соседней крыше Денис увидел резкую короткую вспышку — между трубами передвигалось что-то совсем маленькое, Денис попытался понять, что же это такое.

— Они кого-то поймали! — объявил Арт. — Вытащили из моей квартиры… Но только одного! Остальным, наверное, удалось сбежать! У Перта совсем не радостный вид. Он дергает лорда Херна за рукав и показывает в сторону набережной. Ха! К тому времени, как они туда доберутся, наши успеют смыться. Так им и надо!

Денис практически его не слышал, он не сводил глаз со сверкающей фигуры, которая перебегала по крыше от одного укрытия к другому.

— Они схватили Мишву! — воскликнул Арт. — И… и он от них вырвался и умудрился подскочить к Перту. Давай, сделай этого подонка, Мишва!

Они хотят его схватить, прежде чем… Эй, Денис! Отдай!

Денис выхватил у Арта монокуляр и, не обращая внимания на протестующие вопли своего товарища, навел на крышу. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы найти нужное место. Прошло еще несколько мгновений, и из вентиляционного отверстия появился робот — глаз на конце тонкого стебелька поворачивался направо и налево, изучая обстановку. Робот изменился с тех пор, как Денис видел его в последний раз на дороге. Стал более светлым и почти сливался с крышей дома, на которой вел наблюдение за толпами зусликцев. На спине у него устроился пассажир.

— Эльфи! — воскликнул Денис.

Маленькое существо нашло себе отличного товарища, с которым и предавалось любимому занятию — наблюдало за происходящим.

— Денис, отдай коробочку! Я должен узнать, добрался ли Мишва до этой крысы Перта!

Какое удивительное совпадение! И какая ирония судьбы! Денис знал, что робот является ключом ко всему… спасению его друзей и принцессы, он может помочь ему выбраться из Зуслика, починить зиватрон… он может все!

Ему просто необходим этот робот!

— Эльфи! — крикнул Денис. — Робот! Иди сюда и отчитайся! Немедленно! Ты меня слышишь? Немедленно!

Арт схватил приятеля за руку. Люди внизу начали удивленно поднимать головы.

Странная парочка на дальней крыше помедлила несколько мгновений, а затем отправилась дальше по своим делам.

— Иди сюда, немедленно! — завопил Денис.

Он продолжал бы орать и дальше, если бы Арт не схватил его сзади. Предводитель воров хоть и был коротышкой, но отличался недюжинной силой. Так что когда Денис снова посмотрел на крышу, робот и эльфенок скрылись из виду.

Арт отчаянно поносил Дениса, а тот сидел, тер виски и мотал головой.

«О, Господи! — подумал он. — Что я наделал!»

— Ладно, — сказал он Арту. — Отпусти меня. Давай отсюда выбираться. Можем идти дальше.

Однако уже очень скоро, когда солдаты взобрались на крышу, Денис понял, что снова ошибся.

ГЛАВА VII
1

Наутро после второго ареста Денис проснулся оттого, что болела шея, а в ухо попала солома. За дверью камеры послышались голоса.

Он попытался сесть, но от резкого движения заныло избитое до синяков тело. Тогда он осторожно опустился на солому и вздохнул.

Судя по всему, камеру хорошо попрактиковали. Здесь было сыро и холодно — Денис не сомневался, что тут полно вшей. Он почесался.

— …не понимаю, зачем они притащили сюда чужестранца, — донесся до Дениса голос одного из надзирателей. — Даже если он в чем-то и провинился.

— Верно, — согласился второй. — Мы отлично справлялись… немного пыток, несколько случайных смертей, чуть-чуть практики. Но тут стало совсем паршиво после того, как появился Инкви…

Шаги постепенно удалились и голоса стихли.

Денис сел и сразу понял, что с него сняли всю одежду — они не собирались совершать одну

и ту же ошибку дважды — с волшебником следует соблюдать осторожность. Он потянулся за единственным грязным одеялом, которое ему оставили.

Оказалось, что в него завернулся его сокамерник.

— Арт! У тебя два одеяла! Верни мне мое!

Глаза маленького вора приоткрылись; некоторое время он бессмысленно смотрел на Дениса, потом облизнул губы.

— С чего бы это? Я попал сюда из-за тебя. Мне следовало распрощаться с тобой, как только мы выбрались из-за частокола.

Денис поморщился. Конечно, Арт прав. И зачем он только позвал эльфенка и робота?

— Мне очень жаль, что так получилось, Арт. Даю слово волшебника, что когда-нибудь я с тобой расплачусь. А теперь отдай мне мое одеяло, иначе я превращу тебя в лягушку, а себе заберу сразу оба.

Он проговорил эти слова таким ровным и спокойным голосом, что глаза Арта округлились от удивления. Он угрюмо фыркнул и бросил Денису его одеяло.

— Разбуди меня, когда принесут завтрак. А потом посмотрим, сумеешь ли ты превратить его во

что-нибудь съедобное! — И повернулся на бок.

Денис накинул на плечи то, что здесь называли одеялом, и попытался практиковать его.

Время шло медленно. Лишь изредка по коридору проходили стражники, которые что-то бормотали себе под нос. Постепенно Денис понял, что они без конца повторяют, какой должна быть тюрьма.

— Здесь сыро и мрачно, — говорил первый стражник.

— Верно: сыро, мрачно, — отвечал второй.

— Да, не хотел бы я быть заключенным. Здесь просто ужасно.

— Точно: ужасно.

— Перестань без конца повторять за мной! Почему именно я должен делать всю работу? Ты мне надоел!

— Угу. Надоел…

Так Денис разгадал еще одну тайну. Стражники практиковали тюрьму, постоянно повторяя, как здесь отвратительно.

Наконец через пару дней вечером за ним пришли. Денис встал, когда засов отошел в сторону и дверь распахнулась. Арт из своего угла молча наблюдал за происходящим.

В камеру вошел офицер в элегантной форме. За

его спиной стояли двое высоких солдат, чьи конические шлемы почти касались низкого потолка.

Лицо стройного аристократа показалось Денису знакомым, и он тут же вспомнил, что видел его на улице рядом с предателем Пертом в тот день, когда их с Артом схватили.

— Меня зовут лорд Херн, — заявил офицер. — Кто из вас двоих волшебник?

Арт и Денис молчали.

Лорд Херн посмотрел на Арта и принял решение. Со скучающим видом он кивнул Денису, показывая, что тот должен следовать за ним.

— Удачи тебе, Арт, — сказал Денис. — Мы еще встретимся. — Маленький вор только закатил глаза к небу и вздохнул.

Солнце уже собиралось спрятаться за западными горами, когда они вышли на один из нижних уровней.

К ним присоединилась еще одна пара стражников. Дениса вели по длинным коридорам в верхнюю часть замка. Никто из слуг даже не повернулся в его сторону, когда он проходил мимо в одном одеяле.

Еще пара стражников охраняла дверь, которую они открыли по приказу лорда Херна.

Денис последовал за ним в хорошо обставлен-

ную комнату без окон. Здесь стояла роскошная широкая кровать, застеленная красивым покрывалом. Хорошенькая молодая служанка раскладывала на ней элегантный коричневый костюм с пышными рукавами. Сквозь открытую дверь в противоположном конце комнаты Денис видел пар и слышал шум льющейся воды.

— Сегодня вечером ты будешь обедать с бароном Кремером, — объявил лорд Херн. — Так что веди себя прилично.

Денис пожал плечами.

— К сожалению, меня здесь не будет. Я отправляюсь с дипломатическим поручением, — продолжал лорд Херн. — Может быть, мы еще встретимся.

— Я буду ждать с нетерпением, — вежливо кивнул Денис.

Аристократ едва заметно кивнул в ответ и вышел.

Денис не стал ждать ни минуты — сбросил грязное одеяло и нетерпеливо направился в комнату, где приветливо журчала вода.

2

«Пещерные люди, — снова и снова напоминал себе Денис, когда направлялся в банкетный зал. — Не забывай, приятель, они всего лишь пещерные люди».

Однако ему было трудно удержать этот факт в голове. Великолепный зал был украшен прекрасными зеркалами и гобеленами. Его сапоги стучали по мозаичному полу, в котором отражался мерцающий свет канделябров.

Стражники в светлых кожаных доспехах со сверкающими алебардами в руках неподвижно выстроились вдоль стен.

Приблизившись к массивным двойным дверям, Денис постарался расслабиться.

«Если здешний правитель ждет встречи с волшебником, значит, мне следует вести себя соответствующим образом, — размышлял Денис. — Может быть, барон Кремер прислушается к разумным доводам, и мне удастся заключить с ним сделку — свободу для себя и моих друзей, помощь в починке зиватрона, в обмен на то, что я обучу одну из гильдий принципу колеса? Согласится ли барон отпустить Линнору, если

поведать ему секрет воздушного шара?»

Огромные двери бесшумно распахнулись, и Денис оказался в гостиной с высоким сводчатым потолком. В центре комнаты стоял изумительный резной обеденный стол темного дерева. Вышитая скатерть сверкала в свете люстр.

Хотя стол был накрыт на четыре персоны, в гостиной находились только слуги. Один из них подошел к Денису с подносом, уставленным разнообразными напитками, и предложил выбрать что-нибудь.

Денис показал на бутылку, и слуга налил вино в хрустальный бокал цвета пламени.

Денис, не торопясь, вышел на балкон, над головой высилось звездное небо с двумя маленькими лунами. Он поднес бокал к губам и поперхнулся — волшебство моментально исчезло. В очередной раз он оказался в плену предположений, ожидая ощутить вкус прекрасного вина, а не слоновьей мочи!

Послышался мягкий женский смех. Он быстро обернулся и увидел, что на балконе еще кто-то есть. Девушка прикрыла лицо рукой, чтобы скрыть улыбку.

А Денис понял, что краснеет.

— Я знаю, как вы себя чувствуете, — грустно

проговорила молодая женщина. — Ужасно, не так ли? Вино невозможно практиковать, и никто не умеет его делать. Эти болваны наливают всякую дрянь в роскошные бутылки и радуются.

Денис ожидал, что принцесса Линнора будет похожей на эльфа — хрупкой и почти эфемерной. Она и в самом деле оказалась красивой, но гораздо больше походила на земную женщину. Когда Линнора улыбалась, на щеках появлялись ямочки, а изумительно белые зубы оказались чуть-чуть неровными. Хотя принцесса была еще совсем молодой, горе успело наложить на нее свой отпечаток — вокруг глаз появились легкие морщинки.

Денис почувствовал, как у него перехватило горло. Он неловко поклонился, пытаясь вымолвить что-нибудь осмысленное.

— В моей стране, леди, мы бережем подобные вина для покаяния.

— Какого покаяния? — казалось, на нее произвели впечатление его слова.

— В данный момент, — продолжал Денис, — я бы поменял этот редкий бокал и все богатство барона на бутылку хорошего каберне — чтобы выпить за вашу красоту и ту помощь, которую вы мне однажды оказали.

— Очень сложный комплимент, но мне он понравился, — улыбнувшись, ответила принцесса. — Сэр волшебник, должна признать, я не рассчитывала увидеть вас снова. Моей помощи оказалось недостаточно?

Денис подошел к ней, и они оказались рядом у перил балкона.

— Нет, леди. Ваша помощь сделала возможным мой побег с тюремного двора.

Линнора слегка отвернулась от него, пытаясь сдержать смех.

— На следующий день у барона было такое лицо, что я испытала несказанное удовольствие — вы с лихвой расплатились за мою скромную помощь. Жаль только, что ему удалось снова поймать вас.

Денис собирался сказать что-нибудь галантное вроде: «Я не мог не вернуться к вам, леди», но открытое выражение ее серых глаз заставило его отказаться от столь глупой затеи.

— Ну, — со вздохом ответил он, — даже волшебники иногда совершают ошибки.

Линнора сочувственно улыбнулась, и он понял, что выбрал правильный ответ.

— Значит, следует ждать другой возможности, не так ли? — спросила она.

— Нам никто не запрещает надеяться, —

негромко сказал Денис. Они замолчали, наблюдая за мерцающими лунными отблесками на воде реки Фингол.

— Когда барон Кремер показал мне ваши вещи в первый раз, — наконец проговорила Линнора, — я сразу поняла, что в нашем мире появился необычный человек. То были инструменты огромной мощи, хотя я и не чувствовала в них Пр'фетта.

Денис пожал плечами.

— В моем мире это самые обычные инструменты, Ваше Высочество.

— Вы пришли из мира чудес? Из земли наших предков? — глухо проговорила она.

Денис заморгал.

«Из земли наших предков?»

— В ваших инструментах мало Пр'фетта, — продолжала Линнора. — Однако у них сильная сущность — у нас таких вещей очень мало. Только один раз я видела подобные предметы — далеко отсюда, среди холмов, незадолго до того, как меня пленили.

Денис бросил на принцессу быстрый взгляд. Неужели такое совпадение возможно? Но прежде чем он успел открыть рот, сзади послышался другой голос:

— Мне бы тоже хотелось побольше узнать о родине волшебника. И о многих других вещах.

Они повернулись. Высокая фигура загораживала свет, льющийся из гостиной. На мгновение сердце Дениса радостно забилось — ему показалось, что он видит Стивиянга Сигеля.

Человек сделал несколько шагов вперед.

— Я барон Кремер, — заявил он.

У хозяина дома была широкая челюсть с ямочкой на подбородке, серебристые волосы скрывали уши. Глаза оставались в тени, когда он жестом пригласил их занять места за столом.

— Не пора ли начать обед? А потом, я надеюсь, у нас появится возможность обсудить различные сущности… и другие миры.

3

Священник Хосс'к широко развел руки в стороны, чуть не задев высокий канделябр.

— Таким образом, волшебник, мертвые вещи получили компенсацию за те преимущества, которые Боги даровали живым существам. Дерево может расти и разбрасывать свои семена, но оно обречено на смерть — чего нельзя сказать о реке. Человек мыслит, действует и переме-

щается, однако со временем он обязательно состарится. А вот инструменты, которыми он пользуется, — неживые рабы, служащие ему всю жизнь, — становятся только лучше в процессе использования.

Объяснения священника представляли собой диковинную смесь теологии, телеологии[12] и преданий. Денис изо всех сил старался сохранять серьезность. Жареная дичь на его тарелке оказалась приятным разнообразием в тюремной диете, и он не собирался возвращаться в камеру только из-за того, что не проявил уважения к бредням местного мудреца.

Барон Кремер сидел на другом конце стола и молча наблюдал за реакцией Дениса на речь Хосс'ка.

— Боги заложили во все неодушевленные предметы — даже в те, которые когда-то были живыми, такие, как шкуры или дерево, — некий потенциал… возможность увеличить свою полезность.

Толстенький ученый муж был одет в элегантный белый вечерний костюм. Когда он жестику-

---

[12] notes: 12

Идеалистическое учение, считающее, что все в мире осуществляется в соответствии с заранее предопределенной Богом или природой целью.

лировал, становился виден ярко-красный жилет.

— Когда делатель превращает потенциал в сущность, — продолжал Хосс'к, — вещь можно практиковать.

Сидевшая напротив Дениса Линнора, ела понемногу и без аппетита. Ее лицо выражало скуку и некоторое раздражение — принцессе не нравилось то, что говорил священник.

— Существует мнение, — вмешалась Линнора, — что живые существа тоже обладают потенциалом.

Хосс'к покровительственно улыбнулся.

— Весьма своеобразное толкование древних предрассудков, которое всерьез воспринимается лишь темными племенами вроде л'тофф и всякими проходимцами на востоке. Оглянитесь по сторонам! Разве кролики или лошади становятся лучше из поколения в поколение? Или люди? Нет! Только неодушевленные предметы при помощи практики могут быть доведены до совершенства. — Хосс'к победно улыбнулся и отхлебнул вина.

Денис никак не мог отделаться от смутного ощущения, что уже встречал этого человека, и что они враги.

— Ладно, — сказал Денис, — вы объяснили,

почему неодушевленные инструменты улучшаются в процессе их использования. Но как, к примеру, получается, что кусок кремня становится топором только тогда, когда им начинают пользоваться?

— Ага! Хороший вопрос! — Хосс'к помолчал немного и сыто рыгнул.

Линнора закатила глаза, но священник не обратил на нее внимания.

— Видишь ли, волшебник, ученые мужи уже давно знают, что будущая судьба топора, о котором ты упомянул, определяется сущностью, вложенной в него мастером гильдии. Сущность, вложенная в самом начале, не менее важна, чем Пр'фетт, которым владелец наделяет свое орудие, практикуя его.

Сколько бы крестьянин ни старался, он не превратит сани в мотыгу или воздушного змея в чашку.

Денис понял, что Хосс'к принадлежит к той категории интеллектуалов, которые не приемлют никаких изменений в обществе, напрочь игнорируя реальность.

Денис решил помолчать. Весь вечер он ел медленно и говорил мало, понимая, что барон внимательно следит за его поведением. И прак-

тически не пил вина.

Изредка он обменивался с Линнорой короткими взглядами. Один раз, когда барон отдавал указания слуге, а ученый муж с важным видом обращался к потолку, принцесса надула щеки и очень смешно передразнила Хосс'ка. Денис с трудом сдерживал смех.

Когда Кремер с любопытством посмотрел на них, Денис постарался сделать равнодушное лицо, а Линнора немедленно нацепила маску невинной скромности.

Денис вдруг понял, что готов влюбиться.

— Священник, — наконец заговорил Кремер. — Поведай нам о родине этого человека, ведь ты видел его инструменты.

Барон откинулся на спинку роскошного кресла, больше похожего на трон. Казалось, его переполняет энергия, которую ему лишь с большим трудом удается сдерживать.

— Как пожелаете, милорд, — проговорил Хосс'к, вытирая рот салфеткой. — Во-первых, какой из инструментов Дениса Нуэла интересует вас прежде всего?

Кремер снисходительно улыбнулся.

— Ручное оружие, убивающее на расстоянии, стеклянная трубка, позволяющая видеть далекие

предметы, а также коробочка, которая показывает насекомых в виде точек.

Хосс'к кивнул.

— А что эти вещи объединяет?

— Вот ты нам и ответишь на свой вопрос.

— Очень хорошо, милорд. Не вызывает сомнения, что инструменты содержат сущность, не известную в Койлии. Наша леди л'тофф, — он поклонился Линноре, — подтвердила мое предположение.

Хотя Денис Нуэл и пытался скрыть свое происхождение, его полное незнание деталей нашей жизни показывает, что он прибыл из далекой страны, где изучение сущности двигалось совсем в другом направлении.

Может быть, даже сама сущность там иная — в результате чего и практика носит принципиально иной характер.

Денис заерзал на стуле.

«Может быть, этот тип совсем не так глуп, как мне показалось вначале», — подумал он.

— Особенно о многом говорит коробочка, содержащая свет, — продолжал Хосс'к. — Крошечные насекомые, спрятанные в ней, не известны в наших краях. Как их называют, волшебник?

— Они называются точечными элементами

матрицы, — ответил Денис. — Их изготовляют из жидких кристаллов, которые…

— Живые кристаллические элементали! — прервал его Хосс'к. — Подумать только! Сначала я боялся, что они погибнут. Через некоторое время они потускнели, но я не смог найти отверстий, чтобы их покормить. Наконец, мне удалось выяснить — совершенно случайно, должен признаться! — что элементали оживляются под воздействием солнечного света!

Денис не удержался и приподнял бровь. Хосс'к торжествующе рассмеялся.

— О, да, волшебник! Мы не какие-нибудь неотесанные мужланы или дураки. Это открытие особенно порадовало господина барона, поскольку его новое оружие, «метатель игл», которое ты так любезно предоставил в его распоряжение, перестало работать. Теперь, естественно, во время практики оно каждый день питается солнечным светом.

Толстенький ученый муж засиял, когда барон оценил его достижение скупой улыбкой и легким кивком.

— Мне удалось найти маленькую дверку в «метателе», — продолжал Хосс'к, — И я обеспечиваю маленьких существ, сидящих внутри него, ме-

таллом, который им, очевидно, нужен не меньше солнца. У твоих демонов дорогостоящие привычки, волшебник. Моему господину пришлось уплатить цену нескольких рабов, чтобы продолжать практиковать свое новое оружие!

Денис равнодушно посмотрел на Хосс'ка. Священник оказался неглупым человеком, но его умозаключения не имели ничего общего с реальностью. Ему не хотелось думать о том, как Кремер «практикует» оружие.

— Ну, и какие выводы вы сделали о моей родине? — поинтересовался он.

— Во-первых, мы поняли, что часть твоего волшебства заключается в том, чтобы забрать сущность живого существа и вселить ее в инструмент до того, как начинается практика, — усмехнулся священник. — Значит, в вашем обществе гораздо меньше уважают жизнь, чем в Койлии. Некоторое время назад, — продолжал Хосс'к, — я взял кое-какие из предметов, которые принес с собой Денис Нуэл — те, что были не нужны господину барону для других целей — и положил их в темный чулан. Мне хотелось посмотреть, как они возвращаются к своему исходному состоянию. Оказалось, они не теряют своих свойств! Даже хитроумным застежкам на заплечной сумке ни-

чего не сделалось.

Денис взглянул на Кремера. Барон слушал, сложив руки на столе.

Линнора с беспокойством переводила взгляд с Хосс'ка на Дениса и Кремера.

«Что ее тревожит? — подумал Денис. — Неужели то, что сказал этот болван?»

Он решил прервать дурацкие рассуждения Хосс'ка.

— Я не думаю…

Однако ученый муж не желал замолкать.

— Вещи волшебника поистине поражают воображение. Только однажды мне довелось столкнуться с чем-то подобным, — не унимался Хосс'к. — Во время недавней экспедиции к западным горам, к северу от земель л'тофф, я и мои спутники обнаружили маленький домик, сделанный из металла…

Денис смотрел на Хосс'ка и чувствовал, как руки сами собой сжимаются в кулаки.

— Ты! — Теперь Денис не сомневался, что видел священника на экране робота Сахарского технологического.

— Ага, — кивнул ученый муж. — Судя по твоей реакции, маленький домик принадлежал тебе, волшебник. Я не удивлен. Мне удалось найти ко-

робку и открыть ее. Там я обнаружил несколько маленьких инструментов! Я захватил их с собой, чтобы дома, не торопясь, с ними разобраться. Мне не удалось понять их назначения, но — как и предметы из твоего заплечного мешка — они совершенно не изменились!

Хосс'к сунул руку внутрь своего громоздкого костюма и вытащил пригоршню мелких предметов.

— Это остатки двух яростных демонов, охранявших домик. Но они оказались бессильны против теннеров храбрых солдат моего лорда.

Денис узнал обломки роботов и остатки электронного оборудования, которое обошлось институту в сотни тысяч долларов!

— Конечно, мы не могли задержаться надолго, чтобы произвести полное расследование. Потому что именно в этот момент заметили принцессу. Моим людям пришлось потратить два дня, чтобы выследить ее — от маленького металлического домика до пещеры на склоне горы, где она заблудилась…

— Я не заблудилась! Просто пряталась там от твоих трижды проклятых северян! — резко ответила Линнора.

— Ну… Я решил, что будет разумно пригласить

принцессу в Зуслик… ради ее собственной безопасности, конечно.

— Значит, ты и есть тот кретин, который изуродовал возвратное устройство, — прорычал Денис.

Хосс'к расхохотался.

— Да, волшебник, я завершил работу по разборке, но наша принцесса л'тофф уже начала собственное расследование, когда появились мы. В любом случае, волшебник, — продолжал Хосс'к, — когда милорд Кремер решит, что пришло время вернуть тебе твое имущество, мы поможем восстановить твой домик и практиковать его до тех пор, пока он не будет в полном порядке.

Ну, а если милорд примет другое решение, мы совершим еще одно путешествие в горы и заберем весь металл в его сокровищницу.

Денис замер на месте. Если шлюз будет перемещен, он навсегда останется в этом мире!

— Мне кажется, мы отклонились от темы, мой дорогой священник, — вмешался молчавший до сих пор Кремер. — Ты объяснял нам, что инструменты, которые раньше принадлежали нашему волшебнику, не меняются со временем, даже если их никто не практикует.

— Да, милорд, — поклонился Хосс'к. — Существует лишь одна возможность «заморозить» инструмент. В нашей стране такой техникой владеют только л'тофф.

Линнора застыла на своем стуле, не глядя ни на Хосс'ка, ни на Дениса.

— Нам всем известно: секрет заключается в том, что кто-нибудь из племени л'тофф добровольно отдает часть своей жизненной силы данному инструменту, чтобы Пр'фетт стал постоянным. — В голосе Кремера появилась задумчивость. — Великий дар, не так ли, волшебник? Священники утверждают, будто л'тофф избраны Богами… которые наделили их талантом делать красивые вещи красивыми навсегда. Однако всякий дар имеет свою цену, не так ли, Хосс'к?

Священник важно кивнул.

— Да, милорд.

Денис заморгал. Новой информации было слишком много, но он прекрасно понимал, какую цену платит за свой талант народ л'тофф. Принцесса не поднимала глаз.

— Конечно, всем известно, — усмехнувшись, продолжал Хосс'к, — что, спасаясь от человеческой жадности, л'тофф бежали в западные горы, где предки нашего короля Гимиэля выделили

им территорию и обязали прежних властителей Зуслика охранять их.

Денис вспомнил разговоры о том, что барон Кремер разделался с последним старым герцогом.

— Мы говорили о собственности волшебника, — негромко, но жестко напомнил Кремер.

— Конечно, — кивнул Хосс'к. — Ну, и к какому выводу мы приходим, узнав, что инструменты волшебника не распадаются под воздействием времени и не превращаются в начальные изделия? Денис Нуэл является аристократом в своей стране, где металл и жизнь человека стоят совсем дешево. Более того, мы вынуждены признать, что люди, похожие на л'тофф, в его стране порабощены и вынуждены отдавать свои жизни инструментам. Жестокая эксплуатация зашла так далеко, что даже одежда Нуэла заморожена. Здесь, в Койлии, никому не пришло в голову растрачивать таланты л'тофф на одежду…

— Черт подери, — вмешался Денис. — Не пора ли внести…

Хосс'к довольно усмехнулся и продолжал:

— Денис Нуэл может быть изгнанником или искателем приключений. В любом случае наш гость происходит из могущественной и безжа-

лостной расы воинов. Исходя из всего сказанного, с ним следует обходиться, как с представителем высшей касты, пока он остается в Койлии.

Денис, лишившийся дара речи, уставился, на священника. Он даже смеяться не мог. Если бредни Хосс'ка дают ему столь высокий статус, стоит ли возражать?

Пока он размышлял, побледневшая принцесса Линнора резко встала.

— Господин барон. Джентльмены. — Она кивнула направо и налево, но на Дениса даже не посмотрела. — Я устала. Надеюсь, вы меня извините?

Так и не взглянув больше на Дениса, она удалилась в сопровождении двух стражников.

Ученый повернулся к Кремеру и увидел, что барон ему улыбается.

— Ты не куришь, волшебник? У меня есть трубки, которые практиковали каждый день в течение трехсот лет. Думаю, нам есть что обсудить к обоюдной выгоде.

Денис ничего не ответил.

— Может быть, — задумчиво добавил Кремер, — мы подумаем над вариантом, который устроит нашу леди.

Денис нахмурился. Неужели его чувства так

очевидны?

Он сухо кивнул. В его положении не оставалось особого выбора.

4

— Хорошо, что систему водопровода регулярно практиковали, — заявил Арт, обматывая две трубы разного диаметра куском материи, а сверху замазывая их влажной землей. — Мне совсем не улыбалась перспектива изготовлять трубы из глины, а потом самому их практиковать.

Денис при помощи долота обрабатывал деревянную крышку для большой цистерны. Рядом дожидались своей очереди несколько бочек «лучшего» вина барона. Построенный им лабиринт из труб мог бы присниться водопроводчику только в кошмарном сне. Однако Денис решил, что для «начальной» очистки этого будет достаточно.

Им требуется получить всего несколько капель бренди. А потом можно приступить к практике.

Арт насвистывал; казалось, он простил Денису их арест после того, как его выпустили из тюрьмы и назначили помощником волшебника. Теперь маленький вор, получивший удобную старую рабочую одежду, чувствовал приятную

наполненность желудка и страшно гордился тем, что принимает участие в столь замечательном проекте.

— Думаешь, Кремер останется доволен?

— Скоро мы начнем производить такую выпивку, что барон придет в полный восторг.

— Я его по-прежнему ненавижу, но не могу не признать, что платит он совсем неплохо. — Арт позвенел кусочками бесценной меди в кожаном кошельке.

Арт радовался жизни, но Денис понимал, что установка для перегонки спирта ничего не решает — он лишь выиграл немного времени. Скоро барон пожелает получить новое оружие, необходимое ему в войне против короля и л'тофф.

Денис и Арт работали над перегонным кубом уже почти неделю. И Кремер начал проявлять признаки нетерпения.

Что предпринять, когда перегонка спирта будет налажена? Научить барона ковать железо? Объяснить ремесленникам принцип колеса? Денис надеялся сохранить кое-какие «чудеса» в резерве на случай, если Кремер нарушит свое слово. Барон обещал хорошо заплатить Денису и обеспечить его всем необходимым для починки «металлического домика». Однако он в любой

момент может передумать.

Может быть, стать Мерлином для барона Кремера? Вероятно, Денис мог бы помочь Кремеру одержать безусловную победу — и в результате самому получить немалую власть.

В таких условиях ему будет значительно легче освободиться, починить зиватрон и вернуться домой.

Хороший план — только почему-то вызывает отвращение.

Денис мог назвать одного человека, которому подобный план вряд ли понравился бы. После того памятного обеда он несколько раз видел принцессу Линнору, она проходила мимо него в сопровождении стражников, холодно кивала и шла дальше, не обращая никакого внимания на попытки Дениса с ней заговорить.

Установка для перегонки спирта была построена на широкой лужайке, неподалеку от тюремного двора, откуда они с Артом сбежали всего несколько недель назад. Возле внешней стены замка сержанты командовали ополченцами — жителями города и окрестных деревень, которые практиковали свое зазубренное оружие.

В небе маневрировал воздушный флот барона. Летчики бросали связки маленьких дротиков

в цель.

Ни у кого на Койлии не было таких планеров. По слухам, изобретение удалось сделать случайно, когда кто-то обрезал веревку воздушного змея, на котором летал барон — на Кремера совершили покушение. Змей начал падать.

Однако барон не разбился — его подхватил мощный воздушный поток. Надо отдать должное Кремеру — он сразу понял, что возникло нечто новое, и принялся практиковать змея. На глазах у восхищенных зрителей барона и змея окружило мерцание — фелтеш транс. Змей постепенно превратился в планер.

В конце концов, Кремер все-таки сломал ногу, но зато сделал замечательное открытие.

Семнадцать добровольцев было покалечено, однако барону удалось создать целый флот из одноместных и даже четырехместных планеров.

Денис задумчиво наблюдал за летательными аппаратами. Ангар и стартовая башня тщательно охранялись. Впрочем, опытные пилоты имелись только в замке Зуслик. Даже если кому-нибудь и удалось бы выкрасть планер, он не смог бы его практиковать — и очень скоро сложная машина превратилась бы в самого обычного воздушного змея.

Барон Кремер не знал, что на Татире появился еще один потенциальный пилот.

Нет, Денис покачал головой. У него есть план, и следует его придерживаться.

Подошел Арт с деталью конденсатора в руках.

— Скажи, Денис, куда крепится эта штука, которую ты называешь…

Денис вернулся к революционным преобразованиям науки на Татире.

5

— Господин, вам следует переодеться для вечеринки.

Денис поднял глаза от исписанных листков, на которых стройными рядами вышагивали формулы аномальной математики.

— Что, Двара, уже пора?

Служанка улыбнулась и указала на старинную кровать, где разложила парадный костюм для обеда.

— Да, милорд. — Девушка сделала реверанс. — Сегодня вы наденете костюм, соответствующий вашему положению. Ему двести лет. Специальный практик, очень похожий на вас, носил его, не снимая, целую неделю. Костюм только что

почистили и выгладили.

Двару отправили служить Денису сразу после первого обеда с бароном. Хорошенькая маленькая брюнетка приносила ему еду и следила за порядком в покоях.

— Господин, не следует заставлять господина барона ждать, — вежливо напомнила она.

Ученый бросил грустный взгляд на стол с бумагами. Он получал колоссальное удовольствие от занятий математикой, отдыхая и одновременно пытаясь понять, каким образом возник Практический Эффект. Погрузившись в уравнения, Денис обо всем забывал, превращаясь в земного ученого, которому нечего бояться.

Впрочем, Кремера можно было даже назвать щедрым. К примеру, у Дениса было столько дорогостоящей бумаги, сколько он мог пожелать. Однако барон по-прежнему запрещал Денису пользоваться земным оборудованием.

Ладно, пора одеваться. Кремер пригласил богатых горожан и глав гильдий, чтобы показать им своего нового волшебника.

К Денису подошла Двара и принялась расстегивать рубашку.

Когда это произошло в первый раз, он смутился и оттолкнул ее руки. Однако его поведение лишь

обидело Двару. Нужно соблюдать обычаи страны, в которую попал.

Двара завязывала ему галстук, когда в дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Денис. Показалась голова Арта.

— Готов, Денис? Пошли! Нужно приготовить бренди для вечеринки!

— Ладно, Арт. Я скоро буду готов.

Двара чуть отступила и одобрительно улыбнулась: ее господин выглядел весьма элегантно. Денис подмигнул девушке и последовал за Артом.

Здесь, рядом с двумя стражниками, которые никогда их не покидали, стояло четверо крепких работников, взваливших на плечи огромную бочку.

— Я получил сообщение от жены… — прошептал Арт Денису, когда они шли по коридору.

Денис продолжал шагать, словно ничего не слышал.

— С остальными все в порядке? — тихонько спросил он. Арт кивнул.

— В основном. Стражники поймали двоих ребят… Мэггин выяснила, что случилось с Пертом. — Он выплюнул имя своего бывшего товари-

ща так, словно это было что-то омерзительное.

— А Мишва?..

— Угу. Он позаботился о гнусной крысе, можешь не сомневаться! Перед тем как его стукнули по башке. Мерзавец так и не успел рассказать про склад, поэтому Стивиянг и Гэт сумели…

Арт замолчал, когда перед ними распахнулись огромные двери, ведущие в зал для торжеств. Однако Денис почувствовал облегчение уже от того, что его друзья в безопасности.

Празднество напомнило Денису нечто среднее между потлачем[13] и балом у Людовика IV.

Представители местной элиты явились на званый вечер в самых лучших нарядах. Большую часть времени заняла церемония обмена подарками. Статус каждого гостя определялся количеством и качеством даров.

Денис расхаживал по залу, отвечая на поклоны богачей и обмениваясь с ними изысканными комплиментами.

Арт объяснил ему положение вещей: получателя даров раздирают противоречивые чувства. Жадность борется с осторожностью. Богатый человек жаждет получить красивую древнюю

---

[13] notes: 13

Ритуальное празднество с приношением даров (у американских индейцев).

вещь, но опасается, что придется вложить в ее содержание слишком много рабочих часов своих слуг. Через некоторое время каждый должен продемонстрировать полученные подарки — и если вещь теряет свои первоначальные качества, ее новый хозяин покрывает свой дом позором.

Несколько раз Денис замечал выражение тоски, появившееся на лице гостя, который сделал неправильный ход и получил слишком много даров.

Тем временем Арт установил в одном из углов бочку с бренди. Слуги начали разливать янтарный напиток в маленькие бокалы. Послышались удивленные восклицания, кто-то отчаянно закашлялся.

Денис искал Линнору. Может быть, удастся объяснить девушке, что он пришел из страны, где уважают человеческую жизнь. Ему хотелось убедить принцессу, что, играя по правилам Кремера, он станет для него настолько полезным, что барон согласится отпустить Линнору. Но он ее не нашел.

Денису удалось освободиться от «хвоста» — так назывались личные слуги, сопровождающие своего господина. Ему вполне хватало неприятных мыслей о том, что кому-то приходится долгими

часами практиковать его одежду.

В результате Денис выделялся среди гостей, и теперь уже все знали, что он чужеземный волшебник. И чем больше обычаев он нарушал, тем выше становилась вероятность, что его не станут заставлять участвовать в новых дурацких ритуалах.

— Волшебник!

Денис повернулся и увидел, что его подзывает к себе Кремер.

Барона окружала толпа местной знати, в которой своим ярко-красным одеянием выделялся священник Хосс'к. Денис, не торопясь, подошел и отвесил Кремеру вежливый, но сдержанный поклон.

— Так вот он каков — волшебник, показавший нам, как практиковать вино в… бренди, — богато одетый аристократ с восхищением смотрел на свой бокал. — Скажи мне, волшебник, раз уж ты занимаешься подобными вещами, нельзя ли превратить пшеницу в бифштекс?

Похоже, он успел оценить новый напиток по достоинству. Барон Кремер улыбнулся.

— Волшебник, разреши познакомить тебя с Каппуном Тси, главой гильдии резчиков по камню и представителем Зуслика в Ассамблее

нашего лорда, короля Гимиэля.

Денис слегка поклонился.

— Польщен.

Тси тоже немного склонил голову и знаком показал слуге, что хочет еще бренди.

— Ты не ответил на мой вопрос, волшебник.

Денис не знал, что сказать. Эти люди смотрели на мир по-своему и вряд ли смогли бы понять объяснения Дениса.

И тут он увидел, что в сопровождении служанки в зал вошла принцесса Линнора.

Толпа перед ней расступалась, а когда она кому-нибудь кивала и что-то говорила, люди в ответ натянуто улыбались. Холодное спокойствие заметно выделяло принцессу в толпе.

— Боюсь, все обстоит не так просто, мой дорогой Каппун Тси.

Денис быстро обернулся и понял, что неловкую паузу заполнил Хосс'к.

— Видите ли, — продолжал свои разглагольствования ученый священник, — волшебник вовсе не улучшал вино, которое постепенно превратилось в бренди. Он делает бренди, наделяя его новой сущностью.

Глаза Каппуна Тси засветились от едва скрываемой жадности.

— Гильдия, которая получит лицензию…

— А почему столь замечательный секрет следует отдать одной из существующих гильдий? — рассмеявшись, вмешался барон Кремер. — Какое отношение, друг мой, имеет обработка камня к созданию огненного напитка?

Каппун Тси покраснел.

Денис пытался уследить за Линнорой, переходившей от одной группы гостей к другой.

— Нет, магнат Тси, — продолжал барон, с губ которого не сходила усмешка. — Новая сущность, которую создал волшебник, может быть разделена между существующими гильдиями. Впрочем, я не оставляю мысли о создании новой гильдии. И возглавить ее должен тот, кто открыл нам секрет бренди.

Денис вдруг понял, что происходит.

Кремер мастерски им манипулирует! Гильдии-монополисты всегда оставались на его стороне, а теперь и вовсе станут плясать под его дудку в надежде получить новую лицензию.

Одновременно Денис сообразил, что минуту назад барон предложил ему огромное состояние и власть.

Денис заметил, что даже полный энтузиазма Хосс'к слегка призадумался — казалось, он уже

видит Дениса в новом свете. Волшебник превращается в опасного соперника.

Что ж, такой оборот событий Дениса вполне устраивал. Он уже давно обещал расквитаться с Хосс'ком за то, что тот заставил его задержаться на Татире.

Денис заметил, что Линнора стоит неподалеку, но так, чтобы оказаться подальше от барона.

— Ваша Светлость, — обратился Денис к барону, — многие считают, что мое бренди всего лишь более крепкое вино. Могу ли я продемонстрировать им, что на самом деле это нечто совсем другое?

Кремер кивнул, пряча в углах рта улыбку.

Денис попросил принести ему наполненный бренди бокал и поставил его на маленький столик. Потом достал из широкого рукава несколько палочек, кончики которых были намазаны чем-то темным.

— Барон Кремер говорил о напитке с огненным вкусом. Судя по тому, как многие из вас передвигаются по залу, кровь в ваших жилах стала теплее.

В толпе послышался смех. Денис заметил, что Линнора наблюдает за ним, стоя возле ближайшей колонны. Она улыбнулась, когда он

упомянул о захмелевших магнатах.

— В этот замечательный вечер обмена дарами, — продолжал воодушевившийся Денис, — я подарю барону Кремеру сущность… огня!

Он чиркнул одну палочку о другую. Обе мгновенно загорелись.

Толпа застонала и в благоговейном страхе отступила на несколько шагов. Денис сделал довольно примитивные спички. Он видел, как здесь добывают огонь: жители Койлии использовали древний принцип трения.

— А теперь, — продолжал Денис, наслаждаясь произведенным эффектом, — огненный напиток!

Он поднес одну из горящих спичек к бокалу.

Раздался негромкий хлопок, и над сосудом появилось голубоватое пламя. Толпа вздохнула. Наступила долгая тишина.

— Сущность огня… поймана в напитке? — Денис повернулся и увидел пораженного Хосс'ка.

— Замечательно, — спокойно заметил барон Кремер. — Я вижу, ты умеешь ловить огонь. Великолепно.

— Но… но… — залепетал Хосс'к. — Огонь является одной из сущностей жизни! Даже последователи Старой Веры с этим согласны. Только Боги им

пользуются, когда создают и практикуют людей! Мы не можем поймать огонь! — Хосс'к нервно облизывал губы.

Денис расхохотался. Наконец-то он сумел хоть немного отплатить священнику за его издевательства.

— Разве я не говорил, — весело объявил Кремер, — что Денис Нуэл в состоянии поймать что угодно внутри инструмента!

Толпа покорно зааплодировала, но Денис видел, что гости барона напуганы. Продолжая улыбаться, Денис посмотрел налево и увидел лицо Линноры, на котором застыла тревога.

Принцесса одарила Дениса презрительным взглядом, а потом стремительно повернулась и направилась к выходу.

Только теперь Денис вспомнил слова Хосс'ка о «Старой Вере». Очевидно, демонстрация опытов с огнем вновь пробудила в ней страх перед человеком, который готов надругаться над жизненными сущностями. Неужели все, что он делает, Линнора понимает превратно?

«Это комментарии барона Кремера заставили Линнору уйти», — решил про себя Денис.

Что ж, на этот раз Кремер легко его переиграл. Денису ничего не оставалось, как продолжать

двигаться прежним курсом, надеясь, что когда-нибудь Линнора сумеет понять его.

6

На следующее утро Арт и Денис пришли к своему перегоночному кубу довольно поздно. Оказалось, что заключенные решили устроить собственную вечеринку и оставили после себя кучу мусора.

— Проклятие, — вздохнул Денис и приказал привести все в порядок.

Да, ему удалось реализовать свой план и втереться в доверие к Кремеру. Однако вчерашний прием оставил у него неприятные воспоминания, от которых он старался побыстрее избавиться, с головой погрузившись в работу.

Вскоре после полудня у ворот замка пропела труба; ей ответили трубы на башне. Во дворе начали быстро строиться солдаты.

Из цитадели в роскошных одеждах спустился Кремер в сопровождении своего эскорта. Среди яркой толпы выделялся высокий кузен Кремера, лорд Херн.

Ворота замка медленно отворились, и во двор въехал небольшой конный отряд.

— Посольство л’тофф! — выдохнул Арт.

Денис поднял взгляд на парапет третьего уровня, где часто прогуливалась Линнора. Сейчас ее там, конечно, не было.

Денис и Арт молча наблюдали за тем, как посольство подъезжает к барону и его свите. Отряд состоял из пяти всадников, одетых в плащи приглушенных цветов. В целом они показались Денису самыми обычными людьми, если не считать бород, которые не были приняты у жителей Койлии. Двое л’тофф придержали лошадей, а остальные спешились и приветствовали барона.

Лицо Кремера Денис видел гораздо лучше, чем лица послов. Слов он не слышал, однако ответ Кремера не вызывал никаких сомнений. Барон развел руками и сочувствующе улыбнулся.

— Сейчас он скажет, что разошлет людей прочесать окрестности, — заявил Арт.

Так и оказалось. Кремер махнул рукой взводу своих конных воинов, показывая на холмы.

— Двое л’тофф, те, что справа, ему не верят, — пояснил Арт. — Они бы с удовольствием разобрали замок по бревнышку, начиная с самого барона.

Седобородый руководитель посольства попытался успокоить одного из своих спутников, темноволосого юношу в коричневых доспехах,

который сказал барону что-то резкое. Стража Кремера недовольно зашевелилась, готовая броситься вперед по приказу своего господина.

Молодой л'тофф презрительно на них взглянул и сплюнул на землю.

Арт задумчиво пожевал стебелек полевого цветка.

— Я слышал, что л'тофф склонны все спорные вопросы разрешать мирным путем. Однако за последние двести лет им пришлось стать воинами, несмотря на защиту короля и старого герцога.

Барон улыбнулся, наклонился к одному из придворных и что-то коротко ему прошептал. Тот мигом скрылся из виду.

Кремер взмахнул рукой, и слуги мгновенно принесли прохладительные напитки и легкую закуску. По приказу барона для гостей вынесли стулья, солдаты отступили назад, образовав полукруг возле крепостной стены.

Неужели сказочная чувствительность принцессы не подсказала ей, что родственники находятся совсем близко? Денис не сомневался, что Линнора действительно обладает поразительным даром. Около месяца назад он привел принцессу к зиватрону, где ее и схватили люди барона. И еще — Линнора сумела «увидеть» Дениса на

темном тюремном дворе. Впрочем, ее талант был редкостью даже среди л'тофф.

Так или иначе, Кремер ничего не боялся. Тихонько вскрикнув, Арт схватил Дениса за плечо.

Несколько стражников тащили от нижних ворот замка пленника, который отчаянно сопротивлялся, видимо, несчастный обладал недюжинной силой. Денис узнал Мишву Квана. Когда Мишва понял, что его тащат к одиноко стоящему возле стены столбу, он начал сражаться со стражниками с еще большей яростью.

Кремер поманил к себе Хосс'ка. Священник поклонился л'тофф и начал показывать им какие-то предметы. Денис вздрогнул, когда узнал своего электронного сторожа. Не вызывало сомнений: Хосс'к объяснял, что враг теперь не сумеет подобраться к замку незамеченным.

Потом он продемонстрировал, как работает монокуляр. Посол заметно побледнел.

Денис почувствовал, что его начинает охватывать ярость. Ему совсем не понравилось, когда Хосс'к повернулся и махнул рукой в его сторону, а барон Кремер улыбнулся и слегка поклонился своему волшебнику.

Между тем Мишву Квана привязали к столбу. К барону подошел Гил'м, который командовал

стражниками. Кремер протянул ему небольшой предмет, тот отвесил поклон и направился к пленнику.

— Нет! — отчаянно крикнул Денис.

Гил'м остановился, не доходя до столба, ухмыльнулся и поднял маленький черный предмет. Денис перескочил через ограду и помчался вперед. Ему удалось миновать нескольких стражников, однако один из них сумел схватить его сзади. Как раз в этот момент Гил'м поднял оружие и нажал на курок.

С трудом поднявшись на ноги, Денис увидел возле сломанного пополам столба окровавленный труп. А в деревянной стене образовалась огромная брешь.

Да, они вовсю практиковали игломет Дениса. Гил'м с довольной улыбкой подставил оружие лучам солнца.

Дениса охватили отвращение и стыд одновременно. Он бросился вперед, укусил за руку одного из стражников, сбил с ног другого, но в следующее мгновение что-то тяжелое ударило его по затылку. Свет погас.

7

Линнора смотрела на ровные ряды букашек, выстроившихся на поверхности маленькой коробочки. В дальнем правом углу они с удивительной скоростью поменяли свое положение, она едва успела проследить за ними глазами.

Вся коробочка легко помещалась у нее на ладони. С двух сторон имелось два ремешка, которые заканчивались маленькими металлическими штучками, Линнора не могла понять, для чего они нужны.

Она начала нажимать на маленькие выступы в той части коробочки, где не танцевали букашки, и всякий раз они принимались двигаться иначе. Ей хотелось смеяться и снова и снова заставлять забавных крошек выделывать свои па.

Нет. Линнора положила коробочку и убрала руку. Она не станет экспериментировать над живыми существами, пока не узнает, какую роль они играют. Линнора не могла нарушить один из главных постулатов Старой Веры, которой придерживались многие поколения л'тофф. Девушка тихонько вздохнула. Священник Хосс'к рассуждал так логично! Жизни множества л'тофф

страны Дениса Нуэла наверняка принесены в жертву ради того, чтобы эти вещи без практики не менялись.

Но так ли это? Линнора покачала головой.

Старая Вера утверждает, что когда-то на Татире властвовали другие законы. В прежние времена, до падения, менялась жизнь, а инструменты оставались неизменными.

Теперь, когда требования Кремера становились все более жесткими, а посольство л'тофф удалилось, так ничего и не добившись, Линнора все глубже погружалась в отчаяние.

Если бы только она могла доверять волшебнику! Если бы он был тем добрым человеком, каким показался ей вначале, пока не согласился служить Кремеру и жить в роскошных покоях, обитых плюшем!

Линнора вытерла слезы, пообещав себе больше не плакать. Маленькие жучки продолжали свой таинственный танец.

8

Денис проснулся с ощущением, что с помощью его тела практиковали бейсбольные биты. Он едва мог пошевелиться. Все болело.

Наконец ему удалось повернуться на бок и открыть глаза.

Оказалось, что он находится не в своих прежних роскошных апартаментах, но и не в тюрьме. Денис предположил, что его комната расположена на одном из верхних, новых уровней замка.

Возле двери стояли стражники — два северянина. Когда они заметили, что узник пришел в себя, один из них вышел в коридор.

Денис со стоном уселся на койке. В горле пересохло, поэтому он протянул руку, чтобы налить воды из графина.

Напившись, он поставил чашку на столик и снова откинулся на подушку.

Очевидно, волшебник лишился своего прежнего статуса.

В коридоре послышались тяжелые шаги. Дверь распахнулась, и в комнату вошел барон Кремер.

— Волшебник, — заговорил Кремер, — что мне с тобой делать?

Денис сделал еще несколько глотков, потом медленно ответил:

— Да, ситуация затруднительная. Тут нужно подумать. Впрочем, у меня есть кое-какие идеи. Как вам нравится такая: вы поможете мне и моим друзьям вернуться домой живыми и невре-

димыми?

На лице Кремера появилась улыбка — не слишком доброжелательная.

— Интересная мысль, волшебник. Но, с другой стороны, дворцовый палач жалуется: инструменты ветшают без практики. Другой вариант решения проблемы кажется мне не менее привлекательным.

— Да, вы попали в тяжелое положение, — посочувствовал ему Денис.

— У меня трудный выбор, — подтвердил барон.

— Не сомневаюсь, что вы найдете выход.

— В самом деле? Может быть, ты сумеешь придумать компромисс.

— Х-м-м. Компромисс. — Денис почесал небритый подбородок. — Ну, скажем так: я выполняю ваши поручения быстро и весело, а вы, в свою очередь, обеспечиваете меня приличным уровнем жизни и смутными обещаниями о власти и свободе?

— Замечательное решение! — улыбнувшись, заявил Кремер. — Ничего удивительного нет в том, что тебя называют волшебником.

— Что вы! Мне это ничего не стоило. — Денис скромно пожал плечами.

— Ладно, будем считать, что мы договори-

лись, — усмехнулся барон. — У тебя два дня на то, чтобы закончить устройство для перегонки. Затем ты начнешь работать над новым мощным оружием, убивающим на расстоянии. Тебе придется создать нечто, что усилило бы мою военную мощь. Ты меня понял?

Денис кивнул. Он решил пока помолчать.

— И еще, волшебник. Если ты снова поставишь меня в неудобное положение перед посторонними или попытаешься мне помешать, то очень скоро познакомишься с моим палачом. Тебе ясно?

Денис ничего не ответил, только посмотрел на высокого светловолосого человека в роскошном костюме и едва заметно кивнул.

— Ты найдешь здесь свое счастье, Денис Нуэл, — обещал Кремер. — Со временем… если будешь хорошо себя вести, мы переведем тебя в достойные покои. И еще мне интересно узнать, как вы приручаете ваших л’тофф. Может быть, мы начнем с принцессы Линноры.

Он усмехнулся и вышел. Дверь закрылась, и Денис остался наедине со стражником. Землянин сел на своей койке. В принципе, ситуация не слишком изменилась. Через год или два ему удастся заслужить доверие Кремера, в особенно-

сти, если он изобретет порох, который поможет барону завоевать Койлию.

Пришла пора принимать решение. Ни при каких условиях он не раскроет Кремеру секрета изготовления пороха, колеса или выплавки металлов. Что же тогда остается?

Только побег.

9

Раскаленные клещи сомкнулись на его пальцах. Над обугленной плотью поднимался пар.

Денис застонал. Ему плеснули в лицо водой, и он открыл глаза. Арт с тревогой смотрел на товарища.

— Тебе приснился кошмар, Денис. С тобой все в порядке?

Денис решил немного вздремнуть после ужина неподалеку от того места, где они работали. Уже начало темнеть.

— Да, — пробормотал Денис, — я в норме. — Он встал и вытер лицо полотенцем.

— Я только что вернулся с тюремного двора, — Арт с сомнением посмотрел на осунувшееся лицо Дениса. — Я сказал, что хочу лично выбрать парней, которые будут следить за перегоночным

кубом.

— Тебе удалось что-нибудь узнать?

— Никто не видел Стивиянга, Гэта, Мэггин или других моих людей, из чего я сделал вывод, что их до сих пор не поймали. И что ты планируешь делать теперь? — тихонько поинтересовался Арт, чтобы его не расслышали стражники. — Попробуем сделать еще один шар? Или у тебя есть другие идеи, вроде пилы, которая перепилит стену?

После казни Мишвы Арта больше не привлекала перспектива жизни внутри стен замка. Он хотел только одного: выбраться отсюда, встретиться с женой и отомстить Кремеру.

Спустились сумерки, несколько стражников поднялись на возвышение, на котором днем хранилось оружие Дениса.

Денис сделал кое-какие вычисления. Очевидно, пистолет приближался к теоретическому пределу своих возможностей. Еще одна причина уносить отсюда ноги. Денису совсем не хотелось оказаться в замке в тот момент, когда барон обнаружит, что оружие стало терять свою эффективность.

Он наблюдал за тем, как стражники осторожно несли игломет. Нет, его охраняют слишком тщательно. Вернуть его и пробиться на свободу не удастся. Нужно искать другой способ.

Когда совсем стемнело, планеры барона приземлились на ночь, и Денис снова подумал об ангарах, где ночью хранились планеры. Их не слишком серьезно стерегли. Чтобы стать пилотом, требовались долгие тренировки; барон Кремер считал, что контролирует всех, кто способен управлять планером.

И был прав. Денис никогда не управлял настоящим планером, не говоря уже об этих диковинных сооружениях. Однако он учился водить маленькие одномоторные самолеты и со временем рассчитывал получить лицензию.

— Ты уже научился выбираться из своей комнаты? — спросил он Арта.

— Конечно, — маленький вор пренебрежительно фыркнул. — Дверь закрывают на засов, но кто удержит меня в комнате, которую не практиковали, как тюремную камеру.

— В особенности, если ты располагаешь запасом замечательного масла.

Арт пожал плечами. Они собирали вещество, когда никто за ними не следил. У них имелось совсем немного, однако запаса хватит надолго.

— По замку я могу перемещаться без особых проблем. Труднее с внешними стенами, там полно стражников и собак. Я бы мог обчистить

банкетный зал Кремера, если бы знал, как перебраться через стену.

— А как насчет одной из этих штук? — спросил Денис, кивнув в сторону ангаров, где пилоты тщательно складывали свои машины.

— Ну, не знаю, — Арт с тревогой взглянул на Дениса. — Планеры довольно громоздкие. Ты просто так спрашиваешь или?..

— Да, — кивнул Денис, — именно так я собираюсь сбежать отсюда.

— Я боялся этого ответа, Денис. Знаешь, скольких людей потерял Кремер, пока его пилоты учились управлять этими штуками? До сих пор половина новичков погибает. Ты когда-нибудь летал на планере?

— А ты как думаешь? — небрежно спросил землянин.

— Да, конечно, — смущенно улыбнувшись, проговорил Арт. — Только идиот попытался бы убраться отсюда на планере, в полной темноте, не зная, как им управлять. Извини, Денис.

— Ладно, — Денис потрепал Арта по плечу. — Ты сумеешь спрятать планер до тех пор, пока он нам не понадобится? Люди Кремера не пересчитывают их каждый раз, но случайно могут хватиться.

— Никаких проблем, — усмехнулся Арт. — В моей комнате полно всякого хлама для наших «экспериментов».

— Тебе помочь, когда ты за ним пойдешь?

— Вот уж не надо, Денис, — испугался Арт. — Некоторые вещи следует доверять только специалистам. Не обижайся, но я сам справлюсь.

— Хорошо. Может быть, тебе следует сегодня лечь пораньше, Арт?

— Что? Но еще совсем рано... — Тут до Арта дошло, и он кивнул. — Значит, мы попытаемся сбежать завтра вечером?

— Или послезавтра.

— Хорошо. — Маленький вор зевнул, а потом громко проговорил:

— Ну, пойду попрактикую свою кровать! — Ткнув Дениса локтем под ребра, он ему подмигнул. — Встретимся утром, босс! — И тихонько добавил: — Надеюсь.

— Удачи, — так же тихо ответил Денис.

Пахучая жидкость начала медленно вытекать из трубки. Если так пойдет дальше, люди Кремера скоро смогут справляться и без него. Оставалось научить их правильно заливать винную смесь.

Денис подумал о Линноре. Теперь, когда он твердо решил бежать, необходимо было посвя-

тить в свои планы принцессу. Задача выглядела неразрешимой.

Оставалось надеяться, что Линнора даст ему шанс объясниться.

«Гильдия делателей бренди» столпилась вокруг аппарата, наблюдая за медленно капающей жидкостью. Денис поймал несколько капель и принюхался, с тоской подумав о бутылке «Джонни Уокера» тридцатилетней выдержки, оставшейся у него дома. Он сделал маленький глоток и задохнулся. Напиток получился крепким.

Вскоре явилась вечерняя смена — бренди и перегоночный куб практиковались без перерыва. Денис задержался, чтобы убедиться, что вторая бригада знает свое дело. К тому моменту, когда он закончил, на небе уже зажглись звезды.

— Пойду немного разомну ноги, — небрежно бросил он стражникам.

Северяне молча кивнули и последовали за ним. Несмотря на провинность, Денису не запретили свободно перемещаться внутри замка.

Он, не торопясь, прошел мимо ангара с планерами к главным воротам. Когда Денис оказался у покоев принцессы, его снова посетили сомнения. Спасение Линноры усложнит и без того рискованный план? Честно ли это по отношению к Арту?

Денис завернул за угол здания и заметил в мерцающем свете факелов стройную фигуру в белом. Линнора держалась за прутья решетки и смотрела в звездную ночь. Неожиданно девушка обернулась. На балкон вышел кто-то еще.

Денис как бы невзначай бросил небрежный взгляд вверх. Перед Линнорой стоял барон.

Кремер произнес какую-то тираду; Линнора решительно покачала головой и попыталась уйти, но барон схватил ее за руку и на сей раз сказал что-то резкое, в его интонациях читалась неприкрытая угроза.

Линнора пыталась сопротивляться, но Кремер только рассмеялся и легко прижал ее к груди.

Денис положил руку на пояс, где спрятал четыре гладких камня. Ему еще не удалось попрактиковать свое примитивное оружие, однако он успеет дважды метнуть камни, прежде чем стражники на него набросятся. Попасть в Кремера будет совсем нетрудно.

«Если бы я был героем Шекспира, то безоговорочно принял бы смерть ради спасения чести девушки», — подумал он.

Плечи Дениса опустились. Большинство персонажей Шекспира были романтическими идиотами. Даже если ему удастся попасть в Кремера,

Линнора получит лишь небольшую передышку. А он лишится жизни.

Нет, вмешиваться не следует, в особенности если остается шанс завтра же освободить пленницу барона.

Послышался звук рвущейся одежды.

Денис повернулся спиной, чтобы ничего не видеть. Через несколько секунд его внимание привлекло какое-то движение наверху.

Что-то быстро перемещалось по небу, постепенно приближаясь и увеличиваясь в размерах. Неужели?.. На лице Дениса расцвела улыбка.

С южной стороны замка послышались тревожные крики. Стражники выскакивали из бараков, на ходу натягивая доспехи. Тревожно зазвонил колокол.

В свете факелов неожиданно возникло огромное темное облако. Два громадных свирепых глаза сурово смотрели вниз. Из открывшейся пасти вырвался огонь.

Денис подпрыгнул в воздух от восторга. Кремеру не удалось поймать остальных! Они сделали и практиковали шар; он летает! Летает!

Огромная сфера медленно набирала высоту. В гондоле Денис различал смутные силуэты друзей.

Однако шар поднимался совсем не так быстро, как рассчитывал Денис. И, что того хуже, его несло прямо к замку Кремера!

— Давайте, ребята, — прошептал Денис, в то время как его перепуганные стражи в ужасе смотрели на небо. — Поднимайтесь! Улетайте отсюда!

Шар начал постепенно подниматься. Крошечные лица смотрели из гондолы вниз, во двор замка. Солдаты принялись метать копья и камни, но они не достигали величественного, бесшумного летательного аппарата.

Денис перевел взгляд на Кремера. Приятно понаблюдать за потерявшим уверенность тираном. Барон отпустил Линнору, которая расплакалась и прижалась к стене. Впрочем, в отличие от своих слуг, Кремер совсем не испугался. На его лице даже появилась улыбка, а рука нырнула под тунику.

Денис понял, что он собирается сделать.

«Вот уж нет, — прошептал Денис, — ничего у тебя не выйдет, мерзавец».

Он быстро снял пояс, тщательно выбрал камень, зажал его в руке и устремился к первому парапету, надеясь, что успеет вовремя.

Кремер с пистолетом землянина в руке пред-

вкушал удовольствие, поджидая, пока аэростат приблизится. Денис заложил камень в импровизированную пращу и начал раскручивать ее над головой.

Камень с громким стуком ударил в парапет рядом с бароном и отскочил в темноту. Кремер от неожиданности метнулся в сторону, а потом стал озираться по сторонам. Тут он увидел Дениса, который готовил второй камень.

Кремер усмехнулся и прицелился в землянина. Денис понял, что не успеет выпустить второй камень. Он едва начал раскручивать пращу, когда Кремер выстрелил, и жалящие куски металла со стоном вошли в землю в нескольких метрах от «волшебника». Денис с удивлением обнаружил, что остался в живых. Внезапно маленькая светловолосая буря, вооруженная острыми ноготками, обрушилась на барона, помешав ему выстрелить во второй раз.

Не смея надеяться на удачу, Денис продолжал раскручивать пращу. Воздушный шар находился прямо над их головами и продолжал быстро перемещаться. Еще каких-нибудь полминуты, и аэронавты будут в безопасности…

Наконец Кремер схватил Линнору, которая пыталась отобрать у него оружие, и отшвырнул ее

на пол. Бросив на Дениса злобный взгляд, барон снова поднял пистолет и прицелился в шар.

Должно быть, стражники уже сообразили, что происходит. Денис выпустил камень из пращи и одновременно услышал, как к нему, тяжело топая, спешит охрана.

Камень ударил Кремера в левый висок в тот самый момент, когда шар оказался непосредственно над ним, а тяжелое тело стражника обрушилось на Дениса сзади.

ГЛАВА VIII
1

Денису уже порядком надоело просыпаться со свинцовой головой, не зная, где он находится.

Не открывая глаз, он с уверенностью мог сказать, что опять оказался в камере. Острая солома впивалась в обнаженную спину, не касаясь лишь тех мест, где бинты скрывали ссадины и раны.

Видимо, кто-то, наделенный властью, решил, что стоит на некоторое время сохранить ему жизнь. Уже неплохо.

Как ни странно, несмотря на отчаянную боль, — а на сей раз они, похоже, потрудились на славу, — Денис чувствовал себя не так уж плохо. Некоторое удовлетворение доставляли воспоминания о том, как барон Кремер повалился на пол балкона, точно подрубленное дерево.

Дрожа и морщась от боли, Денис сел и после осторожного изучения своего тела пришел к выводу, что никаких серьезных повреждений ему не причинили.

«Пока», — напомнил он себе.

Где-то в сыром коридоре раздавался глухой

звук… Будто кто-то что-то рубил острым предметом. Может быть, палач практикует топор?

Движение времени отмечало лишь появление охранника с очередной порцией скудной еды да вопли какого-то несчастного.

Его кормили жидкой кашей, причем в разное время. И он совершенно запутался. На день или два крики в дальнем конце коридора прекратились, затем, видимо, появилась новая жертва, на которой охрана практиковала некоторые специальные инструменты.

Денис занимался вычислениями в уме, вспоминал дом и радовался любым звукам, нарушавшим монотонное течение времени.

Однажды он услышал, как стражники возбужденно что-то обсуждают:

— … сначала здесь, потом высоко, на башне, потом во дворе, а теперь снова здесь! И никто не знает, что это такое!

— Чудовище! Вот что! — фыркнул другой. — Слуга того могучего демона, что напал на барона четыре ночи назад. Я же тебе говорил, колдуны и л’тофф приносят несчастье! Скорее бы барон поправился и вынес приговор…

Голоса стихли в другом конце коридора. Денис подошел к решетке и крикнул:

— Стражник! Ты сказал, что Кремер жив?

До сих пор охрана не отвечала ни на какие его вопросы, но эти, похоже, только что заступили на пост. Они переглянулись, один из парней ухмыльнулся.

— Да, волшебник. Демон, которому ты приказал бросать камни на Его Светлость, тебе не помог. Барон Кремер через несколько дней поднимется с постели. А пока за все отвечает лорд Херн.

Денис кивнул. Какие дикари, никогда не видели пращи! Удивительно, что у них есть луки и стрелы. По всей видимости, никто, кроме них с Кремером, не знает, что произошло на самом деле.

2

Денис проснулся от кошмара. И долго еще находился в состоянии какого-то тяжелого полузабытья.

Неожиданно ему показалось, что в тишине подземелья возник необычный звук. Сначала он посчитал его продолжением дурного сна.

Но звук постепенно изменился, превратился в тихое шипение.

Денис потряс головой в надежде, что она про-

яснится, и уставился в темноту. Вдруг в одном из углов его двери возникла огненная вспышка, крошечный блик в почти непроглядном мраке.

Свет медленно поднимался, оставляя за собой сверкающий хвост, и остановился на высоте двух футов. Затем ослепительное сияние свернуло направо. Что-то кромсало дверь, пытаясь проникнуть к нему в камеру.

Яркое свечение снова свернуло под прямым углом, начало медленно опускаться к полу, затем кусок двери выпал, и Денис замер, уставившись в черноту проема. В наполненной дымом пустоте появилось два блестящих глаза — ни одно живое существо не могло обладать такими уродливыми глазами.

Сам того не желая, Денис зажмурился и затаил дыхание. Тихонько повизгивающее чудовище медленно приближалось. Потом неожиданно остановилось.

Денис ждал, что будет дальше. И вдруг понял, что больше не может не дышать — открыл один глаз, очень медленно… приготовившись к самому страшному…

…и с облегчением выдохнул.

— О, Господи!

На холодном каменном полу его камеры терпе-

ливо ждал указаний давно потерянный робот из Сахарского технологического.

Даже в тусклом свете подземелья Денис видел, что робот изменился. Он явно стал совершеннее, выполняя свое новое задание. Самые последние инструкции, выданные ему Денисом несколько недель назад, заключались в том, что он должен доложить о готовности действовать под его руководством. Ни один земной робот в подобной ситуации не смог бы выполнить такого приказа.

Робот терпеливо преодолевал препятствия, пока не достиг цели.

Как ему это удалось? Инструментом должен пользоваться человек, разве не так? Получалось, что теория, по которой Практический Эффект, по крайней мере, частично, является проявлением пси-способностей, никуда не годится.

И тут Денис вспомнил, что в прошлый раз видел робота в сопровождении живого существа, которое просто обожает наблюдать за тем, как работают сложные инструменты, причем, чем сложнее, тем лучше.

— Выходи, Эльфи, — прошептал он. — Ты прощен.

В темноте загорелись два зеленых глаза, пару раз моргнули, а затем возникла улыбка Чешир-

ского кота.

В следующее мгновение зверек уже сидел на коленях у Дениса и тихонько мурлыкал, словно они расстались всего несколько часов назад.

Денис гладил прохладную спинку Эльфи и с удовольствием прислушивался к тихому жужжанию робота. К человеку вернулась надежда на спасение.

В коридоре снаружи Денис обнаружил одного из охранников, который без сознания лежал возле скамейки. Денис снял с него форму, связал, засунул в рот кляп и затащил в свою камеру.

Когда землянин закончил, ухмыляющийся Эльфи занял свое излюбленное место у него на плече.

Изначально робота снабдили небольшим станнером, предназначенным для того, чтобы брать образцы животной жизни. Очевидно, он так часто им пользовался, что теперь прибор мог без проблем устранить любую помеху на пути к цели.

Денис заговорил с машиной, стараясь, чтобы слова звучали четко и ясно.

— Новые инструкции. Запомни. Ты должен сопровождать меня повсюду и приводить в бессознательное состояние каждого, на кого я покажу

вот так.

При помощи указательного пальца Денис изобразил, будто стреляет из пистолета. Очень непростое задание, но робот стал достаточно сложной машиной и сумеет его понять.

— Сообщи мне, понял ли ты приказ и сможешь ли его выполнить.

На панели загорелся зеленый сигнал. Отлично.

— Вторичный приказ. Если мы окажемся в разных местах, ты должен сделать все, чтобы продолжать функционировать и отыскать меня.

Снова загорелся зеленый огонек.

— И последнее, — прошептал Денис, — если ты обнаружишь, что я умер… через три месяца возвращайся к зиватрону и жди кого-нибудь, кто прибудет с Земли. Как только он появится, доложи ему все, что тебе известно.

Робот понял. А затем на экране появилась просьба начать энциклопедический доклад о жителях Татира.

— Еще рано, — ответил Денис. — Сначала надо отсюда выбраться. Мне нужно спасти друзей… Ладно, готовы? — Надо сказать, что его спутники производили впечатление не очень могущественных союзников — ведь речь-то шла о штурме башни.

Денис разгладил форму и, натянув фуражку на глаза, двинулся в путь.

Принцессе Линноре ничего не оставалось делать, как пользоваться красивыми вещами, находящимися в ее комнате.

Она сидела перед древним трюмо и смотрела на себя в зеркало, которому, наверное, исполнилось несколько веков. Ей совсем не хотелось практиковать собственность барона Кремера, захватившего ее в плен, но у нее не было другого выхода.

Когда-то комнату занимала одна из любовниц Кремера. Вкус крестьянской девушки оставил заметный след на обстановке. Проведя месяц в неволе, Линнора устала от ярких красок и аляповатых украшений. Она уничтожила самые мерзкие и сосредоточилась на практике своего утонченного вкуса. Кремер, вне всякого сомнения, приготовился к длительной осаде. И Линнора не рассчитывала, что сможет долго ему противиться. Барон обладал сильной волей, к тому же от него зависела ее жизнь.

Линнора взяла со стола красивую старую щетку для волос и начала причесываться, разглядывая себя в зеркале. Она постаралась увидеть в зеркале Правду. Таким способом принцесса наносила Кре-

меру ответный удар. Следующий, кто заглянет в зеркало, увидит больше, чем просто изображение своего лица.

Неожиданно принцесса почувствовала, что в ночной тишине возникло некое напряжение, словно вот-вот должно было произойти что-то очень серьезное.

Из-за двери донесся необычный высокий звук, потом что-то с грохотом повалилось на пол. Линнора встала и крепче сжала щетку для волос, которая была достаточно тяжелой и вполне могла послужить оружием.

Услышав тихий стук в дверь, Линнора отошла в тень, однако почувствовала, что за дверью находится кто-то знакомый.

— Кто там? — Линнора постаралась, чтобы голос звучал уверенно и спокойно, но у нее ничего не получилось. — Кто там?

— Денис Нуэл, принцесса, — донесся из-за двери хриплый голос. — Я хочу предложить вам сбежать отсюда. Как вы на это смотрите? Только у нас мало времени!

Линнора бросилась к двери и распахнула ее.

На пороге стоял грязный, весь в синяках, лохматый и улыбающийся Денис Нуэл — в форме дворцового стражника.

— Неужели бегство и в самом деле возможно? — спросила Линнора.

— Я не уверен, — ответил Денис. — Но в данный момент мы направляемся в башню, чтобы это выяснить. Я предлагаю вам составить мне компанию. Полагаю, нам обоим нечего терять.

— Верно, — насмешливо улыбнулась Линнора. — Подождите минутку. Я сейчас. — Она встала и поспешила к шкафу.

Денис затащил в комнату стражников, которые так и оставались без сознания. Пока Линнора собирала все необходимое, он связал охрану — естественно, кто-нибудь наверняка заметит их отсутствие, но нельзя же оставлять бесчувственные тела прямо в коридоре.

— Я готова, — объявила Линнора. — Мне удалось найти вещь, которая, пожалуй, вам подойдет. — Она протянула Денису толстый плащ из великолепного черного материала. Денис с удовлетворением отметил, что сама принцесса переоделась, сменив белое платье на черное.

— И еще, мне кажется, что этот загадочный предмет принадлежит вам. Надеюсь, я его не испортила, пока разглядывала.

— Мой компас! — радостно вскричал Денис.

Принцесса с изумлением наблюдала за тем, как

он надевает компас на руку.

— Так вот зачем нужны маленькие ремешки!

— Я покажу вам, что умеет делать компас, если нам удастся отсюда выбраться, — пообещал Денис. — А теперь пора уносить ноги. Если Арта нет в башне, нам не удастся далеко отсюда уйти.

3

Когда Арт услышал снаружи шум, он открыл дверь с дубинкой в руке. Но увидев на пороге девушку и волшебника, радостно заулыбался. Конечно, он заметил охранника, который валялся без сознания.

— Денис! Заходи! И вы, принцесса! Знаешь, я не сомневался, что ты объявишься. Вот почему я тут остался даже после того, как лорд Херн назначил меня управляющим винокуренным заводом. Заходите, я угощу вас бренди!

Арт оттолкнул безжизненное тело стражника, чтобы Линнора могла войти в комнату… и замер на месте — он увидел за спиной Дениса тихонько пофыркивающего робота.

— Эй, он твой дружок, Денис? — спросил Арт, не спуская глаз с диковинного существа.

— Да, Арт. — Денис увлек принцессу внутрь, а за

ней и Арта, который не мог сдвинуться с места.

Линнора обрадовалась, что можно укрыться от сверкающих линз. Несмотря на то, что девушка видела робота в действии в темных коридорах замка, когда он помог Денису справиться еще с двумя парами стражников, она с опаской поглядывала в сторону диковинного существа.

До сих пор ей не доводилось встречать ничего похожего — это создание одновременно излучало Пр'фетт и суть. Робот очень напоминал неживую вещь… однако двигался и вел себя, словно был одушевленным!

Денис приказал ему остаться снаружи и охранять дверь.

— Эй, Денис, — проговорил Арт, разливая бренди в три стакана. — Я тут попытался кое-что делать, совсем как ты! Хочешь, покажу, что у меня получилось? Например, я придумал отличную штуку, чтобы ловить мышей.

— Не думаю, что у нас есть время, Арт. Они вот-вот поднимут тревогу.

Линнора закашлялась, щеки у нее покраснели, она с изумлением взирала на стакан, который держала в руке. Затем понюхала жидкость и сделала еще один маленький глоток.

— Наверное, ты хочешь взглянуть на планер, —

кивнув, спросил Арт.

— Ты сумел?! — радостно вскричал Денис, который боялся спросить Арта о том, что его больше всего волновало. — Я не сомневался, что у тебя получится!

— Оказалось совсем не трудно, — Арт покраснел от удовольствия. — Скользкое масло здорово помогло. Он здесь, под мусором. Когда стражники обнаружили, что один планер пропал, они подняли страшный шум, но барон лежит в постели, а без него никто не сумел организовать настоящий обыск.

Денис помог приятелю расчистить кучу мусора в углу.

— Хорошо, что ты пришел сегодня. — Арт окинул планер критическим взглядом. — Еще пара недель, и он бы снова превратился в воздушного змея. А пока, думаю, у тебя не возникнет с ним никаких проблем.

«Твоими бы устами, да мед пить», — подумал Денис, помогая Арту тащить тяжелый планер вверх по лестнице на крышу.

Денису пришлось самому собирать при свете луны этот необычный летательный аппарат. Арт и Линнора пытались ему помогать, но проку от них было немного.

Сильный ветер натягивал ткань, временами вырывая ее из рук. Наконец Денису удалось растянуть крылья, и он принялся искать закрывающий механизм. И тут раздался сигнал тревоги. Видимо, кто-то натолкнулся на стражников, с которыми немного поработал робот Дениса.

Снизу доносились возбужденные крики, потом по лестнице застучали тяжелые сапоги.

— Ставить эксперименты некогда, — пробормотал Денис. — Арт! Садись на сиденье позади, чтобы планер стал поустойчивее!

Затем Денис подозвал робота.

— Инструкции! — сказал он ему. — Иди вниз и сдерживай тех, кто поднимается, пока мы не улетим. После этого постарайся остаться в целости и сохранности и следуй за мной. Мы двинемся на юго-запад.

Вспыхнул зеленый огонек, робот развернулся и умчался выполнять приказ.

Арт занял свое место и закрепил ремни, как показал ему Денис. Он держался совершенно спокойно и уверенно, потому что видел парящий в ночном небе воздушный шар, и нисколько не сомневался в том, что Денис умеет управляться с разными летательными штуками.

— Планер рассчитан на двоих, — сказал Де-

нис, — но вы вместе весите не больше, чем один крепкий мужчина. Линнора сядет позади вместе с Артом. Нам бы только выбраться из города!

Однако Линнора куталась в свой плащ и с ужасом взирала на огромные крылья.

Тут они услышали грохот и возмущенные крики, которые доносились с площадки внизу. Робот занял оборону на лестнице.

Взгляды Дениса и принцессы л'тофф встретились. Землянин не мог силой затащить девушку в планер, но и оставлять здесь не имел права.

Линнора первой заметила на парапете маленькую фигурку. Она вскрикнула, и Денис, резко развернувшись, увидел веселую мордочку — пару зеленых глаз и острые, точно иголки, зубы.

— Кренеги! — выдохнула Линнора.

Продолжая ухмыляться, эльфенок подлетел к Денису и устроился у него на плече, маленькие коготки больно впились в кожу.

Арт уставился на него округлившимися от суеверного благоговения глазами, в то время как Линнора что-то говорила. Денис не разбирал ее слов.

— Кренеги сам выбирает, по собственной воле… и те, кого он выбрал, делают мир… — сказала она.

Было похоже на молитву. Может быть, эльфенок относится к виду животных, которые являются священными для народа Линноры. Похоже, от Эльфи все-таки будет польза!

Он протянул Линноре руку. На сей раз она спокойно шагнула вперед и, словно околдованная, приняла его помощь. Денис усадил принцессу перед Артом и велел маленькому вору держать ее как можно крепче.

Снизу доносились оглушительный грохот и отчаянные вопли — новая группа солдат атаковала лестницу. Денис чувствовал угрызения совести из-за того, что оставил робота в одиночестве сражаться с врагами.

Налетел новый порыв ветра, и Денис снова посмотрел на своих спутников. Эльфенок тихонько мурлыкал, а в глазах Линноры сияла уверенность, которой Денис не понимал.

Где-то внизу резкий голос капитана стражи выкрикивал приказы. Медлить нельзя было ни минуты.

4

Как только они поднялись в воздух, у Дениса появилось дурацкое желание вернуться и приду-

мать какой-нибудь другой способ бегства.

— Денис, осторожно, шпиль!

Неожиданно из темноты прямо на их пути возникла высокая башня. Денис перенес весь свой вес налево.

— Наклонитесь! Сильнее! — крикнул он, надеясь, что Арт и Линнора последуют его примеру.

Планер медленно наклонился. А в замке, оставшемся у них за спиной, поднялся настоящий переполох. На каждой башне и на всех парапетах зажглись огни. Денис боялся оглядываться, но надеялся, что роботу, в конце концов, удалось избежать преследования.

«Свадебные торты» Зуслика проносились внизу. До стены города оставалось около мили, а за ней блестела река. Они начали терять высоту.

Денис слышал, как у Арта стучат зубы, однако Линнора спокойно и крепко держала его за пояс. Умница! Она даже не дрожала!

— Давай! — убеждал Денис планер.

Эльфенок вцепился ему в плечо передними лапками и расправил крылья, так что задние летели по воздуху. Может быть, этот мерзавец тоже пытается помочь?

«А у меня совсем неплохо получается!» — весело подумал Денис, когда планер ловко миновал

шпиль койлианского собора.

Зуслик представлял собой лабиринт кривых, переплетающихся улиц и уходящих высоко в небо строений. Рассчитывать на то, что удастся приземлиться в темноте, не приходилось. Складывается впечатление, что спастись удастся только эльфенку.

Денис взглянул на Арта и Линнору. Маленький вор улыбался, абсолютно уверенный в том, что магические способности Дениса отведут от них беду.

Линнора сидела с закрытыми глазами, ее лицо было совершенно спокойно, она что-то тихонько шептала. Несмотря на то, что принцесса находилась совсем рядом, Денис не понимал ни слова, так сильно ревел ветер. Ему вдруг показалось, что она произносит слова в такт тихому мурлыканью крошечного существа, сидящего у него на плече. На одно короткое мгновение Линнора открыла глаза и радостно улыбнулась.

Эльфенок замурлыкал еще громче.

Денис провел планер мимо последнего препятствия, впереди виднелась городская стена.

— Ну, давай! Давай! — уговаривал он машину.

Заклинание Линноры и голосок эльфенка, будто влились в напряжение Дениса, и реальность

вокруг начала мерцать. Крылья вздрогнули и тихонько зазвенели, словно планер менялся прямо у него в руках. Денис заморгал — оказалось, что стена уже в двадцати ярдах от них. По парапету с факелами в руках расхаживали солдаты и внимательно изучали все, что происходило внизу.

«Может быть...» — подумал Денис, к которому вернулась надежда.

У него возникло ощущение, будто планер ликующе запел. Принцесса Линнора излучала удивительную убежденность, а существо, устроившееся у него на плече, отвечало ей в унисон, точно они вместе исполняли какую-то великолепную симфонию. По веревкам побежали едва различимые блики, натянутая ткань чуть дрогнула, и они пронеслись над стеной на высоте человеческого роста. Один из стражников поднял голову, и у него отвисла челюсть. Но в следующее мгновение городскую стену поглотила черная ночь.

Все трое начали приходить в себя после транса фелтеш. Они благополучно выбрались из города, но Денис прекрасно понимал, что никакие чудеса не помогут им перелететь через реку.

Слева виднелись мачты кораблей, стоящих в доках, Денис сомневался, что им удастся их ми-

новать и добраться до другого берега.

— Все умеют плавать? — спросил он. — Надеюсь, все, потому что мы падаем в воду. Обрежь ремни! — приказал он Арту. — И прыгайте, когда я крикну.

Вор немедленно повиновался и разрезал ножом кожаную упряжь. Линнора кивком дала знать, что готова.

— Пора! Прыгаем!

Линнора наградила Дениса мимолетной улыбкой, а затем они с Артом скользнули вниз. Он услышал два всплеска, и тут ему пришлось заняться собственной посадкой. Прыгать было поздно. Денису удалось справиться со своими ремнями, когда его ноги коснулись воды. Именно в этот момент он понял, что эльфенок куда-то улетел. Почему-то Денис нисколько не удивился.

5

— Денис!

Арт старался грести как можно тише. Он обернул тряпкой весла ялика, который они украли. Из замка уже выехали отряды солдат, отправившиеся на поиски беглецов — всадники и пешие патрули скоро начнут прочесывать окрестности.

— Вы его видите?

Линнора отчаянно вглядывалась в темноту.

— Нет. Но он должен быть где-то здесь. Не останавливайся!

Мокрая одежда облепила ее тело, на воде дул пронизывающий ветер, но принцесса думала только о своем спасителе.

— Волшебник! — позвала она. — Где ты? Волшебник! Отзовись!

Но ей отвечало лишь тихое поскрипывание весел и крики солдат на берегу.

Арт продолжал грести.

— Денис Нуэл! Ты не можешь умереть! Помоги нам тебя найти! — Голос Линноры дрожал.

Они замерли на месте, затаив дыхание в тишине ночи. И вдруг до них донесся едва различимый звук.

— Туда! — Линнора схватила Арта за плечо и показала рукой направление.

— Денис! — снова крикнула Линнора, уловила в ответ тихое покашливание где-то впереди, а потом услышала хриплый голос:

— Земляне сбалились в боду… счастью, бой корабль убеет плавать. А вы, ребята, из берегового патруля?

Линнора вздохнула. Она не поняла почти ни

единого слова из того, что он сказал, но ее это не беспокоило — волшебники должны быть загадочными.

Денис цеплялся за плавающий на воде каркас, а огромный воздушный пузырь поддерживал планер на плаву. Отряды солдат из замка приближались к берегу. В мелькающем свете фонарей он наконец различил очертание лодки.

Дрожа, Денис забрался в лодку, и принцесса накинула ему на плечи кусок какой-то ткани. Однако, когда Арт собрался снова сесть на весла, Денис его остановил.

— Давай попытаемся спасти планер, — сказал он, гнусавя. — Пусть они не знают, как нам удалось сбежать. Я бы не возражал, если бы они думали, что нам помогло волшебство.

Линнора улыбнулась и положила руку ему на плечо.

— Ты обладаешь поразительной способностью излагать свои мысли, Денис Нуэл. Кто же в здравом уме станет сомневаться в том, что нам помогло волшебство?

ГЛАВА IX
1

Ферма начала приходить в упадок.

Открыв ворота, Денис посмотрел на дом Стивиянга Сигеля, дом, который показался ему таким уютным и обжитым всего несколько месяцев тому назад. Теперь же здесь царствовала разруха.

— Кажется, путь свободен, — сообщил землянин своим спутникам. Он махнул Арту рукой, чтобы тот следил за дорогой, а сам быстро подошел к дому и заглянул в одно из потускневших окон.

Повсюду лежал толстый слой пыли. Ферма явно была необитаема.

Денис вернулся к воротам и помог идти Линнore, а Арт волок сломанный планер. Добравшись до крыльца, все трое без сил рухнули на ступеньки. Некоторое время тишину нарушало лишь прерывистое дыхание беглецов да стрекотание насекомых.

Арт растянулся на спине, сложил на груди руки и захрапел.

Линнора, морщась от боли, с трудом сняла

туфли. Несмотря на интенсивную практику в последние два дня, они все равно не годились для путешествий по пересеченной местности. Она натерла несколько мозолей и к тому же растянула лодыжку.

Денис тяжело поднялся на ноги, завернул за угол дома и, подойдя к колодцу, опустил ведро.

Арт приподнялся ровно настолько, чтобы напиться, а потом снова улегся. Линнора пила маленькими глотками, потом намочила платок и отерла лицо.

Очень осторожно Денис смыл засохшую кровь с ее ног, она морщилась, но не издала ни звука. Когда он закончил и уселся рядом с нею на пыльном крыльце, Линнора положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Они скрывались от патрулей в течение трех дней, питаясь птицами, которых Денис убивал из самодельной пращи, и рыбой, пойманной ловкими руками Линноры в быстрых речушках. Два раза они чуть было не попались. Первый раз — отряду всадников, а второй, когда у них над головами бесшумно пронесся планер. Барон, видимо, действительно поднял всех на ноги, чтобы поймать беглецов.

— Нам нельзя здесь оставаться, Денис, — сказал

Арт, не открывая глаз.

В тот вечер, когда они сбежали из замка, он хотел спрятаться на окраине Зуслика, а потом потихоньку пробраться в город. Арт чувствовал себя на природе ужасно, однако тщательность, с которой были организованы поиски, убедила его, что будет лучше, если он отправится с Денисом и Линнорой.

— Я знаю, Арт. Можно не сомневаться, что люди барона уже тут побывали. И обязательно вернутся. Но у Линноры поранены ноги и распухла лодыжка. Ей нужно немного передохнуть, а другого подходящего места я не знаю.

— Денис, я могу идти дальше, правда, — Линнора выпрямилась, но тут же покачнулась и чуть не упала. — Мне кажется, я мо… — Глаза принцессы закатились, и Денис едва успел ее подхватить.

— Крикнешь, если к нам пожалуют солдаты, — сказал он Арту и поднял девушку на руки.

Потом с трудом поднялся и ногой открыл дверь в дом. Петли отчаянно заскрипели.

«Интересно, что стало с высоким фермером и мальчишкой, мечтавшим стать учеником волшебника, — подумал Денис. — Удалось ли им пережить полет на воздушном шаре?»

Денис отнес Линнору в спальню Сигеля и осто-

рожно положил на кровать. А затем повалился в стоящее рядом кресло.

— Я только минутку тут посижу, — пробормотал он, но усталость навалилась на него, точно тяжелое одеяло. «Волшебник» попытался подняться, но у него ничего не вышло. Денис посмотрел на спящую девушку. — Кажется, когда герой в первый раз укладывает прекрасную принцессу в постель, они ведут себя иначе…

Денис дремал, а его мысли перескакивали с одного предмета на другой… он думал об эльфенке и роботе…

Линнора рассказала ему, что «зверь кренеги» разделяет с человеком способность вносить в инструмент Пр'фетт, однако сам не умеет пользоваться никакими инструментами и, похоже, не наделен разумом.

Иногда дикий кренеги надолго привязывается к человеку, и тогда практика становится во много раз эффективнее. Даже л'тофф, чье искусство в данной области никем не оспаривается и является непревзойденным, не могут соревноваться с человеком, завоевавшим дружбу кренеги.

Однако кренеги отличаются непостоянством. Считается, что человеку страшно повезло, если он один раз в жизни встречается с этим порази-

тельным существом. В тех же редких случаях, когда кому-нибудь удается с ним подружиться, такого счастливчика называют делателем мира.

Вполне возможно, что Эльфи — существо непостоянное, но Денис был несправедлив, называя его бесполезным.

Денис провалился в сон, и ему снились зеленые глаза Эльфи и красные — робота… до тех пор, пока чья-то рука не начала трясти его за плечо.

— Денис! Проснись!

— Что, черт… — Денис быстро открыл глаза. — Что такое? Солдаты?

В сумрачной комнате вырисовывался лишь силуэт Арта.

— Я услышал на дороге голоса и успел скрыться в доме.

Денис тяжело поднялся на ноги и подошел к окну, чтобы заглянуть в щель между занавесками. Пыльное окно выходило на переднее крыльцо. Кто-то прошел по деревянным ступеням.

Денис показал Арту рукой, чтобы тот спрятался за дверью и взял маленький стул. Шаги раздавались уже в коридоре. Дверь спальни медленно открылась.

В дверном проеме появилась плотная женщина средних лет. Она увидела Дениса, вскрикнула и

отскочила назад, чуть не сбив с ног маленького мальчика, стоявшего у нее за спиной.

— Подождите! — крикнул Денис.

Однако женщина схватила мальчугана за руку и потащила к входной двери, паренек отчаянно сопротивлялся.

— Денис! Ма, это же Денис!

Женщина неуверенно замерла у открытой двери, пальцы, сжимавшие руку сына, побелели. Денис остановился в коридоре и поднял руки высоко над головой.

— Привет, Томош, — спокойно сказал он.

— Привет, Денис! — радостно поздоровался с ним мальчуган. В глазах матери читались подозрительность и страх.

Денис изо всех сил старался вспомнить, как ее зовут, Стивиянг несколько раз называл имя жены.

Неожиданно он почувствовал у себя за спиной движение.

Проклятый Арт! Я же велел ему оставаться на месте! Еще один чужой мужчина в доме доведет несчастную женщину до истерики!

Глаза миссис Сигель широко раскрылись, но вместо того, чтобы броситься бежать, она выдохнула:

— Принцесса!

Денис обернулся и изумленно уставился на Линнору. Несмотря на растрепанные волосы, заспанный вид и сбитые босые ноги она выглядела, как особа королевской крови.

— Ты права, добрая женщина, хотя, насколько я понимаю, мы с тобой никогда не встречались. Я должна поблагодарить тебя за гостеприимство твоего дома. Я и весь народ л'тофф будем признательны тебе до конца жизни.

Миссис Сигель покраснела, а потом смущенно присела в реверансе.

Денис же взял Линнору за руку и подвел к стулу. Она поймала его взгляд и улыбнулась.

Миссис Сигель подняла самый настоящий переполох, когда увидела, в каком состоянии находятся ноги принцессы. И настояла на том, что должна немедленно заняться ее ранами.

Только через десять минут Денис нашел в себе силы рассказать миссис Сигель о том, что в последний раз видел ее мужа, когда тот летел на огромном воздушном шаре. И еще немало времени ему потребовалось, чтобы объяснить ей, что такое «воздушный шар».

2

— Мы могли бы спрятать вас здесь, — сказала Сура Сигель Денису, когда все остальные отправились спать. — Конечно, это опасно. Барон мобилизовал ополчение, и его люди скоро вернутся.

Однако Денис видел, что Сура не верит в свой собственный план. И отлично знал, в чем заключается главная проблема.

— Нюхачи, — проговорил он.

Денис видел животных с огромными носами, когда находился в замке барона. Они напоминали дальних родственников земных собак, только ничего подобного на Земле Денис не встречал. Двигались они медленнее, зато отличались поразительным обонянием.

— Нам нужно как можно быстрее покинуть этот дом, — покачав головой, ответил он. — Все, что рассказывал о вас Стивиянг, чистая правда — вы необычайно добры, но я не могу этим пользоваться. Мы уйдем послезавтра. — Денис опасался оставаться так надолго, но понимал, что иного выхода у них нет.

— Но ноги принцессы не заживут! И опухоль

не пройдет!

Миссис Сигель предложила отвести Линнору к своей сестре и спрятать ее там. Однако Линнора и слышать об этом не хотела. И не только потому, что боялась подвергать невинных людей опасности. Она спешила предупредить свой народ о новом оружии Кремера.

— Ладно, — смирилась добрая женщина. — Как только рассветет, я принесу вам из дома Бисс хорошие инструменты. Томош будет следить за дорогой и предупредит о появлении солдат. И еще: я нарисую карту, по которой вы доберетесь до л'тофф, впрочем, у вас самый лучший проводник на свете.

Линнора и Томош ушли спать после скромного, но сытного ужина, которым Сура накормила их, прибегнув к тайным запасам Сигеля. Арт тихонько похрапывал, сидя на стуле, практикуя его в благодарность за гостеприимство хозяйки.

Сура поведала Денису о своем путешествии, из которого совсем недавно вернулась — она побывала в горах у л'тофф. Она всегда с восторгом слушала мужа, когда Стивиянг принимался рассказывать о своих приключениях на границе и встречах с разными народами.

Сура знала, что они не сказочные волшебники

и не дьяволы, а самые обычные люди, которых боги осчастливили своим благословением. С тех пор как л'тофф покинули обжитые места, — еще во время правления доброго короля Фосс'та, они жили чрезвычайно замкнуто, почти не покидая своего убежища в горах.

Когда люди барона захватили Стивиянга, Сура помчалась к сестре и попросила забрать Томоша. Затем, побросав кое-что в мешок, отправилась на запад, твердо решив просить помощи у прежних товарищей мужа. Она почти ничего не помнила о том, как добралась до гор, если не считать того, что она постоянно дрожала от страха.

Впервые Сура поняла, что оказалась на территории л'тофф, когда встретилась с патрулем — суровыми, свирепыми на вид мужчинами. Они были явно возбуждены и с пристрастием допросили незнакомку, но, в конце концов, отпустили. Только позднее она узнала, что исчезла принцесса Линнора.

Отец Линноры, принц Линей, правил абсолютно независимым королевством, подчиняясь только королю Койлии. Такое положение дел раздражало могущественных лордов и служителей храмов. Корона же монополизировала торговлю редкими сокровищами, чей Пр'фетт

был «заморожен», превратившись в стабильное состояние. Каждый такой предмет стоил л'тофф некоторой части его силы — недели, месяца или года жизни.

После смерти старого герцога отношения между л'тофф и местными аристократами становились все более напряженными. Очевидно, аристократы считали, что, подчинив себе независимое племя, сильнейших союзников короля, они смогут легко справиться с центральной властью. Если же им удастся захватить заложника и таким образом влиять на принца Линей, то и города, расположенные на востоке, перейдут в их распоряжение.

Когда Сура пришла в горы, л'тофф были заняты поисками принцессы. Линнора ускользнула от подружек и служанок около двух недель назад, сообщив в весьма таинственной записке, что почувствовала, будто их мир посетило «что-то чужое».

Принц Линей подозревал, что дочь попала в руки барона. С ним был полностью согласен Демсен, высокий красивый командир отряда Королевских Разведчиков.

Суру, как свидетеля последних событий, пригласили присутствовать на совете, где Линей,

Демсен и старейшины племени обсуждали, что же следует делать дальше. Все внимательно слушали, когда она, немного волнуясь, отвечала на их вопросы.

Принц Пролл потребовал разрешения взять Зуслик штурмом и освободить Линнору. Однако Линей прекрасно понимал, что Кремер превосходит его силой, и л'тофф не смогут победить его в открытом сражении, в особенности если вспомнить о планерах барона. Линей послал к барону делегацию, которую возглавили Вождь Совета Старейшин и принц Пролл.

Сура довольно быстро поняла, что не найдет здесь помощи — раз уж л'тофф и Королевские Разведчики не в силах вернуть принцессу Линнору, что они смогут сделать, когда речь зайдет о простом фермере?

Она вернулась домой и обнаружила, что вовсю идет подготовка к войне, а люди Кремера прочесывают окрестности в поисках опасных беглецов.

Суре ничего не оставалось, как забрать у сестры сына и отправиться домой. Ее не оставляла надежда, что Стивиянг рано или поздно к ней вернется. В собственной спальне она обнаружила тех самых опасных беглецов, которые переполо-

шили всю округу.

3

С тех пор как Денис плотничал в последний раз, прошел не один год, а инструменты, которые оказались у него под рукой, оставляли желать лучшего. Тем не менее на следующее утро он приступил к работе.

Линнора устроилась на небольшом стоге сена и занималась кожаными ремнями. Она ловко управлялась с шилом, проделывая отверстия в нужных местах. Девушка тихонько что-то напевала и каждый раз улыбалась Денису, когда он поднимал голову. Он улыбался ей в ответ, размышляя о том, что усталость не страшна, если тебе улыбается такая девушка.

Арт вошел в сарай, неся в руках маленький стульчик, что выдала им Сура. Поставив его на пол, он принялся разглядывать хитроумное приспособление, которое строил Денис.

— Я понял! — от радости Арт даже прищелкнул пальцами. — Мы закрепим стул внутри, и принцесса на него сядет. Я про такие штуки слышал. Они называются «носилки».

Денис только улыбался и продолжал занимать-

ся своим делом. Воспользовавшись отличной пилой, он вырезал из куска дерева четыре совершенно одинаковых диска. Около метра в диаметре и дюйма в толщину.

Арт задумался, потом нахмурился.

— Но нам понадобится четыре человека, чтобы нести носилки! А у нас есть только ты и я, да еще ослик, которого л'тофф подарили Суре.

Тем временем Денис вырезал посередине каждого диска небольшое круглое отверстие.

— Иди сюда, Арт, — позвал он вора. — Помоги мне, пожалуйста!

— Что ты делаешь, Денис? — спросила Линнора.

— Это колесо, — ответил Денис. — Мы установим все четыре штуки на место, и ослик сможет перевезти тебя уже завтра ночью. Мы будем передвигаться с такой же скоростью, как если бы ты шла пешком. Естественно, сначала придется выйти на дорогу, тут уж ничего не поделаешь. В любом случае, только по дороге мы сможем добраться до перевала. А все устройство называется телега. По правде говоря, там, откуда я прибыл, такое утлое приспособление продержалось бы не больше нескольких часов. Но я рассчитываю на действие Практического Эффекта.

Арт и Линнора переглянулись: снова волшебник заговорил загадками.

— Я мог бы сделать начальный вариант получше, — сказал Денис, закрепляя последнее колесо. — Но нас повсюду ищут, а как только нюхачи нападут на наш след… лучше нам к тому времени быть в горах. Так что придется положиться на Практический Эффект. Сегодня мы с Артом будем по очереди возить тележку по двору. А завтра, возможно…

Денис отступил назад и принялся рассматривать свое творение. На лице Арта появилось озадаченное выражение, однако Линнора не сводила серьезного взгляда с телеги. Она прищурилась, а затем помахала рукой, словно пыталась увидеть нечто такое, чего до сих пор ей видеть не приходилось. Неожиданно она захлопала в ладоши и рассмеялась.

— Толкни ее! О, Денис, толкни ее, и она начнет двигаться!

Денис заулыбался. Он пнул телегу, которая, громко жалуясь на свою судьбу, выкатилась из двери сарая.

Снаружи кто-то завизжал, послышался грохот. Денис поспешил выяснить, что произошло, и обнаружил, что Сура Сигель сидит прямо на земле

и не может отвести взгляда от его изобретения. Тележка еще немного проехала и остановилась в нескольких футах от испуганной женщины.

— Когда он на меня наскочил, я решила, что он живой! — причитала Сура.

— Это всего лишь машина, — успокоил ее Денис, протянув руку. — Мы повезем в ней принцессу…

— Я поняла! — Сура сердито принялась поправлять платье.

— Томош бегал к моему двоюродному брату, у которого дом возле дороги, — сказала она. — У них целую неделю жило четверо солдат из отряда, посланного бароном. Они говорят, что собираются выезжать послезавтра. Куда отправятся, не сказали, но брат думает, что на запад.

— В таком случае, — проговорил Денис, — нам нужно уходить сегодня ночью.

Из дома выскочил Томош, остановился и уставился на тележку.

Арт помог Линноре устроиться на маленьком стульчике. Принцесса весело хохотала, когда они с Томошем принялись медленно возить ее по двору.

Они пустились в путь сразу после наступления темноты, когда луны еще не заняли свои места

на небе. Ослик тащил неустойчивую тележку и опасливо пофыркивал. Когда он остановился возле ворот, не желая идти дальше, Линнора тихонько запела.

Ослик пошевелил ушами и задышал ровнее — пение девушки его успокоило. Наконец он снова двинулся вперед, Денис подталкивал тележку сзади, пока они не выбрались на настоящую дорогу. Там процессия остановилась, чтобы попрощаться с Сурой и Томошем.

Линнора что-то шепнула мальчику, а Денис пожал руку миссис Сигель.

— Удачи вам, — сказала Сура. — Если встретите Стивиянга, скажите ему, что у нас все хорошо.

— Обязательно, — пообещал Денис.

Арт подтолкнул ослика, и неуклюжая тележка, скрипя, покатилась.

Даже на гладкой, ровной дороге тележка подпрыгивала и грохотала, но Линнора мужественно сносила все тяготы. На ее лице появилось мечтательное выражение, словно принцесса была за много миль отсюда.

Денис понял, что она приступила к практике — помогает тележке совершенствоваться. Сам он толкал вперед свое творение, отчаянно надеясь, что рядом окажется эльфенок.

4

Мерис Демсен, командир отряда «Зеленый лев» из Королевской Разведки, налил еще вина в кубок принца Линей, а затем оглядел присутствующих, выясняя, чьи кубки пусты.

Паренек из Зуслика, Гэт, кивнул и заулыбался. Зимнее вино л'тофф было лучшим из всего, что ему когда-либо доводилось пробовать.

Стивиянг Сигель прикрыл рукой свой кубок. Он знал, как действует этот напиток еще со времен своей службы в отряде Королевских Разведчиков.

— Нам сообщили, что патрули Кремера оказывают серьезное давление на жителей приграничных районов, — сказал Демсен. — Кроме того, стало известно, что бароны Тарли и Трабул готовятся к войне и выставляют сторожевые посты на территории л'тофф. Даже барон Фейф-дей приступил к мобилизации своих людей.

— Плохие новости, — проговорил принц Линей. — Я считал его своим другом.

Стивиянг Сигель медленно поднялся с места, поклонился принцу, Демсену и сыну Линей, темноволосому принцу Проллу.

— Господа, я должен еще раз просить вас отпустить меня домой. Моей жены здесь нет, следовательно, я должен вернуться к ней и сыну. А как только я смогу убедиться в том, что они в безопасности, я отправлюсь на выручку к своим друзьям, которые в данный момент томятся в застенках барона Кремера.

— Стивиянг, разве ты не слышал, — вздохнув, проговорил принц Линей, — граница закрыта! На нас в любой момент могут пойти войной.

— Сядь, Стивиянг, — сказал Демсен. — Твое место здесь. Мы все в тебе нуждаемся. И не можем позволить рисковать жизнью.

Принц Пролл, сидевший в самом конце стола, с грохотом опустил на стол свой кубок.

— Зачем вы ему мешаете? — потребовал он ответа. — Почему стоите у него на дороге?

— Сын мой… — начал Линей.

— Он, по крайней мере, готов рискнуть… ради тех, кого любит! Скажите мне, что нам даст ожидание, когда все бароны, чьи владения расположены к западу от Фингола, готовы выступить против нас? Ради всех святых, отпустите Сигеля! И позвольте мне нанести удар, пока они еще окончательно не объединились!

— Мы нанесем удар, сын мой, — ответил ему

Линей. — Но сначала нужно хорошенько подготовиться. Стивиянг и Гэт принесли нам устройство, построенное волшебником из чужой страны — «воздушный шар»…

— Который ничто в сравнении с оружием, полученным Кремером от волшебника! Кроме того, шар изорван в клочья, какая от него польза?

— Вы правы, принц, устройство пострадало, — вмешался Демсен. — Но нам удалось его починить. И мы делаем и практикуем несколько новых «воздушных шаров». Вполне может быть, это как раз то, что нам было нужно — возможность противостоять планерам Кремера. Сейчас Гэт и Сигель, мой старый товарищ по оружию, следят за деланием новых шаров…

— Делание! И что оно нам даст? — Принц сердито сплюнул в огонь и опустился на свой стул.

— Не святотатствуй, сын мой. Делание так же почетно, как и практика. Старая Вера утверждает, что когда-то мы обладали способностью создавать саму жизнь. До того, как блекеры отбросили нас назад и сделали дикарями.

Впрочем, все прекрасно понимали, что в доводах Пролла есть зерно здравого смысла. Нужно время, чтобы что-то сделать. И даже л'тофф требовалось время на то, чтобы путем практики

довести вещь до совершенства. Однако они знали, что Кремер ждать не станет.

Гэт не прислушивался к разговорам о стратегии. Он не солдат. Он… инженер. Денис Нуэл научил его этому слову, и Гэту оно ужасно нравилось.

Юноша твердо знал, что ключ к спасению л'тофф — и, в конце концов, Дениса, Арта и принцессы — в том, чтобы усовершенствовать шары. До сих пор он лишь присматривал за починкой шара, на котором они прилетели, а также за постройкой и практикой новых аппаратов. Но это не мешало ему решать в уме новые конструкторские задачи.

«Должен быть выход», — думал он.

Бумага стоила слишком дорого, и ее использовали только для самых важных целей. Потому Гэт обмакнул палец в вино и принялся чертить линии на поверхности великолепного древнего стола.

5

Барон Кремер сидел на кровати, а на роскошном шелковом покрывале были разбросаны кипы донесений. Он упорно работал, изучая доклады и сообщения, поступившие от властителей

западных земель, которые вот-вот прибудут к нему на совет.

Он радовался, читая их послания, поскольку все бароны, обладавшие значительными силами, согласились его поддержать.

Но остальные бумаги представляли собой кучу мусора — счета, жалобы, просьбы…

Если кто-то и обратил внимание на то, как Кремер шевелит губами, когда читает, никто не прокомментировал сей факт. Трое писцов, помогавших ему в работе, старательно отворачивались, чтобы не смотреть на малиновый синяк, красовавшийся на левом виске их господина.

Кремер отшвырнул длинный свиток. Придворный врач — пожилой господин, который обращался с бароном, как с ребенком, и, пожалуй, был одним из немногих людей, кого Кремер уважал — приказал ему оставаться в постели. Он должен быть совершенно здоров через неделю, когда начнется главная кампания против короля. Наступление на владения л'тофф имело второстепенное значение, и Кремер не сомневался, что командиры его армии сами прекрасно с ним справятся.

Казалось, все идет по плану. И все же он рассчитывал на какую-нибудь неожиданность как на

повод покинуть свои покои!

Кремер с силой ударил кулаком по бедру. И тут же вернулась боль в виске. Он поморщился и осторожно дотронулся рукой до синяка.

«Я с тобой обязательно расквитаюсь, — подумал он. — Ты мне за все заплатишь! Я знаю, с кого спросить за свое унижение!»

Из задумчивости барона вывел оглушительный взрыв, от которого взметнулись шторы и задрожали оконные стекла в рамах. Кремер так резко откинул покрывало, что все бумаги рассыпались по полу. Не обращая на них внимания, он выскочил на балкон и посмотрел во двор. Со всех сторон к стене сбегались люди. Барону было не видно, что там произошло.

Запахнувшись в свой двухсотлетний халат, он помчался вниз по лестнице, четверо стражников из его личной охраны поспешили за ним следом. Выскочив во двор, Кремер увидел ученого Хосс'ка, который палкой ворошил обгоревшее дерево и мелкие черепки. Барон остановился, не в силах отвести взгляда от руин перегоночного аппарата, построенного Денисом Нуэлом. От черных, раскуроченных труб поднимался дым. Роскошное красное одеяние ученого покрывал толстый слой сажи.

— Что все это значит? — взревел Кремер.

Солдаты, с ужасом взиравшие на место катастрофы, тут же вытянулись по стойке «смирно».

— Я сделал открытие, милорд! — низко поклонившись, ответил Хосс'к.

— Ты стал виновником самой настоящей катастрофы! — завопил Кремер, оглядываясь по сторонам. — Единственный секрет, который мне удалось выведать у волшебника, — прежде чем он наплевал на мое гостеприимство и сбежал с заложницей — был этот аппарат! Я рассчитывал, что смогу с огромной выгодой для себя торговать его продукцией. А ты… вечно ты всюду лезешь…

— Милорд… вы же сами мне приказали изучить суть устройств, которые принес с собой волшебник из чужой страны. И я решил выяснить, как работает…

Кремер метнул на Хосс'ка свирепый взгляд. Зрители уже прикидывали, сколько осталось жить бедняге.

— Тебе следовало разобраться в сути, определяющей работу этого аппарата, — сердито проговорил Кремер, — прежде чем его ломать. А теперь будь любезен его восстановить. Думаю, тебе будет не очень удобно практиковать свои великолепные одежды, когда я прикажу отрубить

твою глупую голову.

— Я представитель церкви! — запротестовал Хосс'к. — Однако Кремер посмотрел на него так, что он весь съежился и часто закивал. — Не беспокойтесь, милорд. По правде говоря, принцип работы чрезвычайно прост и остроумен. Видите горшок…

— Меня не интересуют детали. — Кремер махнул рукой. У него все сильнее болела голова. — Поговори с теми, кто здесь работал. Я хочу знать, сколько понадобится времени, чтобы аппарат снова начал давать бренди.

Кремер шагал мимо руин крошечного винокуренного предприятия, но его мысли снова вернулись к проблемам войны — как распределить силы таким образом, чтобы захватить волшебника и принцессу Линнору… и как одновременно начать кампанию против племени л'тофф.

Деньги — вот ключ ко всему! И не бумажная труха, которая сохраняет ценность только потому, что ее мало. Ему нужны настоящие металлические деньги! Тогда он сможет купить услуги наемников и переманить на свою сторону аристократов королевства!

В этот момент сквозь ворота замка промчался

бегун, увидел барона и подскочил к нему.

— Милорд, лорд Херн просил передать вам свое почтение и сообщить, что нюхачи взяли след беглецов.

— Где они? — От радости Кремер потер руки.

— На юго-западном переходе, милорд. Во все лагеря у подножия гор посланы гонцы, они поднимут тревогу.

— Отлично! Отправим им в помощь кавалерию. Иди, передай командиру «Первых копьеносцев», чтобы собирал людей. Я скоро подойду.

Мальчишка отсалютовал и умчался выполнять приказ. Кремер повернулся к Хосс'ку.

— Ученый! — тихо проговорил он.

— Д-да, милорд?

— Мне нужны деньги.

— Да, милорд, — с трудом выдавил из себя Хосс'к.

— Ты знаешь место, где я могу быстро получить много денег? — хитро улыбаясь, спросил он.

Ученый заморгал, а потом кивнул.

— Металлический дом в лесу?

— Верно. — Против воли Кремер рассмеялся. — Ты немедленно отправляешься туда с отрядом кавалерии, — приказал он толстому священнику. — Чтобы через пять дней весь металл был

у меня.

И снова Хосс'к только кивнул в ответ.

6

Прошло полтора дня с тех пор, как они покинули ферму Сигеля, и Денис начал надеяться, что им удастся пройти мимо кордонов барона незамеченными.

Всю первую ночь маленький отряд беглецов двигался по дороге, мимо мерцающих огней расположившихся в горах лагерей — то собирались восточные армии барона. Арт и Денис помогали маленькому ослику тащить тележку, а Линнора, напряженно сосредоточившись, умоляла ее, чтобы она как можно меньше скрипела.

Один раз они обошли заслон, выставленный прямо на дороге. Ополченцы мирно храпели на своих постах, но Денису казалось, что тележка вопит, словно баньша [Привидение-плакальщица; дух, вопли которого предвещают смерть.]. Он успокоился лишь тогда, когда они добрались до опушки леса.

Наутро они уже поднялись на перевал и оставили позади основные отряды, готовые в любой момент начать военные действия против л'тофф.

Продолжать путь при свете дня было бы безумием, и потому Денис завел всю компанию в густой кустарник неподалеку от горной дороги. Они отдыхали весь день, по очереди спали, тихо разговаривали, ели то, что дала им Сура. По-видимому, они устали больше, чем думал Денис, потому что, когда он проснулся, оказалось, что снова наступила ночь. Две маленькие луны Татира светили ярко, и лес казался каким-то пугающе призрачным.

Он разбудил Арта и Линнору; оба быстро открыли глаза и удивленно принялись озираться по сторонам. Денис настоял на том, чтобы Линнора снова села в тележку, поскольку ей еще было трудно передвигаться. Он вспомнил, как проходил здесь в прошлый раз, три месяца назад. Тогда он еще не знал, что ждет его впереди, и представлял себе, что выйдет в долину у реки, где живут удивительные существа, обладающие не менее удивительной технологией.

Действительность оказалась еще более диковинной. Даже сейчас его иногда посещало смутное ощущение нереальности происходящего, словно он не мог поверить в то, что мир, в котором оказался, на самом деле существует.

«С другой стороны, — размышлял он, шагая под

темным пологом леса, — разве Земля не странное место, если хорошенько об этом подумать?»

Денис вряд ли смог бы назвать троих или четверых инженеров, которые в глубине души не верили бы в гремлинов [Злой гном, приносящий неудачу летчику.], потусторонние голоса и закон Мерфи. Денис так и не решил, какой мир следует считать более несовершенным. Впрочем, это не имело принципиального значения. Сейчас главное — выжить.

Линнора подняла голову и посмотрела на него, он улыбнулся ей в ответ. Все будет хорошо, если только он сумеет доставить принцессу в горы. Не важно, насколько силен Кремер, л'тофф, вне всякого сомнения, продержатся достаточно долго и дадут Денису возможность воспользоваться каким-нибудь магическим заклинанием, рожденным на Земле.

Только бы успеть!

Рассвет наступил раньше, чем они ожидали.

Впереди маячил перевал. Денис не сомневался, что там обязательно должен быть аванпост. Но они поднимались вверх, все было тихо и спокойно, и он решил, что на сей раз, кажется, опасности нет. Он уже собрался объявить привал, когда неожиданно слева раздался крик.

Арт выругался и показал на костер, расположенный неподалеку — как они могли его не заметить! В лагере начался переполох — замелькала коричневая форма территориальной армии Кремера.

— Уходите, Арт! — крикнул Денис, хлопнув ослика по спине. — Я их задержу!

— Один? Денис, ты спятил!

— Уводи отсюда Линнору! Я с ними справлюсь!

Линнора испуганно посмотрела на Дениса, но промолчала, а бормочущий что-то себе под нос Арт повел ослика вперед по дороге. Вскоре они скрылись за поворотом.

Денис выбрал подходящее место и встал посреди дороги. К счастью, ополченцы являлись не самыми лучшими солдатами Кремера — главным образом, отряды набирались из фермеров, во главе которых стоял опытный командир. Многие из них с удовольствием сидели бы дома, а не болтались по горам и лесам.

Когда патруль выбрался из кустов на дорогу, Денис увидел только мечи, копья и теннеры. Ему повезло, что среди ополченцев не оказалось лучников. Впрочем, хороший лучник в этих местах редкость — лук требовал ухода и длительной практики, мало кто из фермеров имел возмож-

ность тратить столько времени на оружие.

Значит, его план может сработать.

Денис стоял посреди дороги и ждал, поглаживая в кармане гладкие камешки и кусок шелковой ленты.

Когда солдаты приблизились к нему футов на сто, Денис вложил камень в пращу. Хорошенько ее раскрутил и с диким воплем пустил свой снаряд.

— Абракадабра! У-у-у-га бу-у-у-га!

Ополченцы наступали плотной толпой, так что промахнуться было невозможно. Кто-то взвыл, на землю с грохотом попадало оружие.

— О, демоны воздуха! — обратился Денис к небесам. — Проучите дураков, которые смеют бросать вызов волшебнику! — Он швырнул новый камень.

Еще один солдат скорчился, с громкими стонами прижимая к животу руки.

Часть парней, стоявших в последних рядах, потихоньку нырнула в кусты.

Сержант в сером плаще заорал и начал подталкивать вперед свое войско. Через несколько минут ополченцы образовали нечто, похожее на строй, и стали медленно приближаться к Денису. Естественно, он мог остановить их очередным

метким выстрелом, но пройдет совсем немного времени, и они сообразят, что его снаряды настигают только единичные жертвы, а следовательно, всей компанией они смогут легко разобраться с нахальным чужаком.

Денис убрал пращу и вытащил из-за пояса длинный кожаный ремень, к одному концу которого был привязан полый кусок жесткого дерева.

— Спасайтесь! — страшным театральным голосом заорал он. — Иначе я вызову демонов! — Медленно наступая на перепуганных фермеров, он принялся раскручивать ремень над головой.

Пустая деревяшка начала издавать скрипучие, глухие стоны. У Дениса совсем не было времени, чтобы как следует попрактиковать новое оружие, но через несколько секунд оно завыло гораздо громче, испуская пугающие звуки, от которых волосы становились дыбом.

Деревенские парни занервничали, стали отступать, кто-то решил, что пришла пора спасаться бегством.

Отчаянно ругаясь, сержант снова выкрикнул приказ, и Денис узнал северный акцент. Однако нарастающие, пронзительные вопли трещотки наполнили лес, рассыпались на тысячи многозвучных плачей, будто в тени деревьев,

в предрассветной мгле притаились страшные диковинные звери.

Леденящие душу стоны становились все громче, и неожиданно Денис почувствовал, что и ему самому уже не по себе…

Ополченцы испуганно озирались по сторонам, пятились, не обращая никакого внимания на проклятия северянина. Неожиданно сержант выхватил из рук какого-то паренька копье и с боевым кличем швырнул его в волшебника.

Денис наблюдал за тем, как копье летит прямо на него, но улыбался и спокойно шагал вперед. Он должен был продемонстрировать свою магическую неуязвимость.

Копье врезалось в землю в нескольких дюймах от левой ноги Дениса и, вибрируя, запело, в то время как он, не останавливаясь, продолжал наступать на врага.

Ноги у него дрожали, но он смеялся — впрочем, если быть честным до конца, собственный смех показался ему несколько истеричным.

И солдаты не выдержали. Дружно взвыв от ужаса, они бросились улепетывать со всех ног.

На лице сержанта промелькнуло нечто похожее на вызов, но когда Денис взревел: «Бу-у-у!», он развернулся и помчался вслед за своими

людьми.

Денис вывел своих спутников из укрытия. Глаза Линноры сияли.

7

Вскоре беглецы миновали каменоломни, которые Денис заметил во время своего первого путешествия в этих краях. Теперь они двигались быстрее, поскольку тележка катилась все уверенней. Однако Денис прекрасно понимал, что обратившиеся в бегство ополченцы наверняка уже оповестили людей барона: и тот готовит новую погоню.

Они подошли к развилке, Линнора выбралась из тележки и направилась к дороге, которой явно давно не пользовались. Она уходила на юг.

— Торговый путь. Я прошла здесь, когда в первый раз почувствовала появление металлического домика.

Принцесса нахмурилась, словно ее огорчало состояние дороги. За последние несколько лет торговля начала приходить в упадок. Еще немного, и на этом месте останется лишь заросшая тропинка.

Денис отвернулся и посмотрел на северо-запад.

Там, в нескольких днях пути, к северу от главных дорог, находился его «маленький металлический домик».

Но долг велел ему повернуть совсем в другую сторону. Тяжело вздохнув, он взял ослика под уздечку и вывел его на юго-западную тропу.

— Ладно. Впереди у нас еще один серьезный подъем и еще один перевал. Пошли.

Вскоре долина осталась у них за спиной. Под руководством Линноры и с помощью Арта и Дениса маленькая тележка постепенно начала превращаться в чрезвычайно удобный экипаж. Они находились всего в нескольких милях от границы самого высокого южного перевала, когда Арт тронул Дениса за плечо.

— Смотри, — показал он назад.

Внизу, примерно в двух милях, под деревьями быстро передвигалась колонна. Денис прищурился, жалея, что у него нет монокуляра.

— Бегуны, — сказала Линнора, приподнявшись со своего стульчика. — На них серая форма северян Кремера.

— Они смогут нас догнать?

— Денис, именно с этими солдатами отец Кремера победил старого герцога. Они профессионалы и в состоянии преодолеть огромное

расстояние, — с сомнением покачав головой, ответила Линнора.

— Я думаю, будет лучше, если я пойду сама, — заявила она, выбравшись из тележки.

— Нет! У тебя снова распухнут ноги!

— Взбираясь на гору, вы сможете тащить меня не быстрее, чем если я пойду пешком. Дай и мне немного поработать. — Она взяла Дениса за руку.

Денис оглянулся на темные фигуры, видневшиеся внизу. Солнечные лучи отражались от оружия солдат, неумолимо приближавшихся к беглецам.

Как преследователи, так и преследуемые несколько замедлили ход по мере приближения к вершине.

Теперь, когда Линнора шла сама, Денис подумал, что можно было бы оставить тележку и планер, который лежал в ней. Но что-то его останавливало. Они много практиковали эти два предмета, которые еще могли оказаться полезными.

В любом случае, их скорость ограничивали возможности Линноры. Она все прекрасно понимала и с напряженным лицом упорно шагала вперед. Денис не решался предложить ей отдых — дорога была каждая минута.

У него самого страшно болели ноги, а легкие

саднило от слегка разреженного горного воздуха. Добравшись до перевала, все трое без сил повалились на землю.

— Вон там, — проговорила принцесса, показывая на заснеженные вершины, — там мой дом.

Денису показалось, что горное королевство л'тофф находится так же далеко, как и пологие холмы Средиземноморья на Земле. Разве смогут они туда добраться, когда их преследуют такие мощные силы?

Он посмотрел на извивающуюся тропинку, уходящую вниз по склону. Затем повернулся и взглянул на тележку, которая до сих пор служила им верой и правдой. Неожиданная идея посетила его, и он принялся тихонько насвистывать себе под нос.

— Арт, — сказал он, — последи-ка за обстановкой.

Предводитель зусликских воров застонал, но послушно поднялся на ноги и, хромая, занял наблюдательный пост.

Денис тем временем нашел под ближайшим деревом пару надежных веток. Взяв кусок веревки, он принялся прикреплять палки к тележке, чуть повыше задних колес. Не успел он закончить, как услышал крик:

— Денис! — Арт отчаянно размахивал руками. — Денис! Они нас почти догнали!

Денис выругался, поскольку рассчитывал, что у него будет больше времени на то, чтобы претворить свой план в жизнь. Когда к ним подбежал Арт, Денис уже помогал Линноре забраться в тележку. Арт тут же начал подталкивать вперед измученного ослика, который заупрямился и не желал сходить с места.

— Оставь его, — сказал Денис и, обрезав поводья, отпустил несчастное животное на свободу.

— Садись назад, — приказал он изумленному Арту. — Поедем все вместе.

8

Командир отряда «Голубой грифон», входящего в зусликский гарнизон, тяжело дыша, бежал рядом со своими солдатами. Измученные легкие отказывались служить, в боку отчаянно кололо. Однако он твердо решил не отставать от ребят, большинство из которых были добровольцами, выходцами из аристократических семей, не старше двадцати лет.

Он знал, что в свои тридцать два староват для подобных подвигов. Возможно, подумал он, вы-

тирая пот со лба, нужно попросить перевода в кавалерию.

Он остановился на одно короткое мгновение, чтобы взглянуть на своих людей и увидел такие же напряженные, залитые потом лица. Дюжина парней из сорока стартовавших осталась лежать у дороги на склоне горы.

Пожалуй, он еще немного повременит с переходом в кавалерию. Казалось, мучительные минуты погони едва ползут. И вот наконец они добрались до вершины. Командир чудом не столкнулся с солдатом, бежавшим впереди него. Паренек неожиданно остановился и показал рукой куда-то вперед.

— Вон… Смотрите! Там…

Командира отряда наполнило ликование. Барон Кремер щедро наградит того, кто поймает волшебника и принцессу из племени л’тофф. В следующее мгновение многоопытный ветеран удивленно заморгал, глядя на южный склон.

На дороге, примерно в ста ярдах от них, в маленькой коробочке сидели три человека. Казалось, они терпеливо ждут, когда их схватят.

И тут командир заметил, что коробочка двигается! Сама по себе! В нее не запряжено никакое животное!

— Как?..

Неожиданно он сообразил, что здесь наверняка приложил руку волшебник.

— За ними! — хотел крикнуть он, но из его горла вырвался лишь сдавленный хрип. — Вставайте! Догоните их!

Однако маленькая коробочка набирала скорость и вскоре скрылась из виду.

9

— Следи за поворотом!

— Я слежу за проклятым поворотом! А ты не забывай про тормоза!

— Что? Где коза?

— Две палки. Когда мы приблизимся к повороту… поверни их так, чтобы они прижимались к задним колесам!

— Денис, мне кажется, я помню очень опасный поворот, немного впереди…

— Что ты сказала, Линнора? Где? О, нет! Держитесь!

— Денис!

— Наклонитесь! Нет! В другую сторону!

— Ой-ой-ой! Уже все? Можно я отпущу сломанные палки? Что-то мне нехорошо…

— Как ты, Линнора? С тобой все в порядке?

— Думаю, да, Денис. Ты видел, мы были на краю пропасти?

— В самом деле? К счастью, не видел. Слушай, посмотри-ка, что там с Артом? Мне кажется, он потерял сознание.

Дорога стала ровнее, и Денису удалось выправить бег тележки.

— Хм-м-м… Арт приходит в себя, только он какой-то уж слишком зеленый.

— Так, если понадобится, врежь ему как следует! Мы снова набираем скорость, и мне нужно, чтобы он занялся тормозами. А ты помоги ему их практиковать!

— Я попробую, Денис.

Денис сражался с тележкой, устремившейся вниз по склону. Арт пришел в себя как раз вовремя, чтобы взять на себя управление тормозами. Вор отчаянно ругался, демонстрируя своим спутникам, что здоровье его несколько поправилось.

— Спасибо, Ваше Высочество, — вздохнул Денис.

— Пожалуйста, Денис. Только я должна тебе сказать… мне кажется, впереди есть еще один крутой поворот.

— Чудесно! Такой же, как и предыдущий?

— Нет, пожалуй, похуже.

— О, Господи! Ты права! Держитесь!

Когда спуск наконец закончился, беглецы промчались еще несколько ярдов и даже въехали на противоположный склон. Они остановились в маленькой горной долине, которая служила летним пастбищем. Неподалеку от дороги стояла маленькая пастушья хижина.

Арт закрепил тормоза, чтобы тележка оставалась на месте, и повалился на траву, весело хохоча.

Линнора с радостным визгом последовала за ним и тоже плюхнулась на землю, по ее щекам текли слезы.

Денис сидел в тележке, дрожа, и не снимая с рук кожаных ремней, при помощи которых он управлял своим импровизированным автомобилем. Он бросил испепеляющий взгляд на Арта и Линнору. Они резвились, точно дети.

Медленно, очень осторожно Денис снял с рук ремни. Восстановившееся кровообращение принесло волну сильной боли.

— О, Денис. — К нему подошла по-прежнему улыбающаяся Линнора. — О, милорд волшебник! Ты выставил их такими идиотами! Мы летели быстрее ветра. Ты замечательный!

ГЛАВА X
1

— Денис?

— Уфф? Что… в чем дело, Линнора?

Денис поднял голову и протер глаза. Снаружи было еще темно. Рядом с ним, на полу маленькой пастушьей хижины тихонько храпел Арт.

Линнора уснула, свернувшись калачиком, рядом с Денисом, под тем же одеялом. Сейчас она сидела с широко раскрытыми глазами, уставившись на лунную дорожку.

— Денис, я снова почувствовала.

— Что почувствовала?

— У меня появилось ощущение, что кто-то или что-то прибыло на Татир. Как в тот раз, когда я поняла, что твой маленький металлический домик возник в нашем мире несколько месяцев назад… а потом, когда появился ты.

Денис помотал головой, чтобы хоть немного привести мысли в порядок.

— Ты хочешь сказать, что кто-то воспользовался зиватроном?

Линнора не поняла вопроса. Она молча смот-

рела в ночь.

«Интересно, неужели Линнора действительно чувствует, когда начинает работать зиватрон? Если это так, возможно, кого-то отправили на поиски пропавшего Дениса Нуэла?»

Денис сочувствовал бедняге, однако помочь ему в данный момент ничем не мог.

— Ладно, не стоит об этом беспокоиться, — сказал он принцессе. — Давай спать. Завтра нам предстоит тяжелый день.

2

Когда рассвет озарил поле, металлический домик из чужого мира ослепительно засиял. Хосс'к шепотом приказал стражникам не шуметь и задумчиво уставился на маленькое чудо. Одним только богам известно, как разобрать его на части.

Впрочем, данный вопрос следует отложить на потом, поскольку, как и в прошлый раз, Хосс'к обнаружил, что его опередили. Какой-то человек перетаскивал ящики из маленького металлического домика.

В тусклом предутреннем свете Хосс'к решил, что перед ним старый знакомый волшебник. В

конце концов, где его искать, как не здесь?

Может быть, Нуэла удастся заставить разобрать домик. В любом случае, Кремер перестанет сердиться на Хосс'ка, если тот поймает и приведет к нему волшебника.

Однако когда стало немного светлее, Хосс'к с огорчением обнаружил, что у пришельца светлые волосы. Значит, это не Денис Нуэл. Хосс'к напряженно прислушивался к тому, что бормотал себе под нос чужестранец.

— ...какой ужасный беспорядок!..возвратный механизм разобран на части... все разбросано по земле... дурацкая записка про местные разумные существа!..хочет со мной поквитаться, вот что он делает. И все потому, что я не купил для него оборудование в том дорогом магазине, про который он сказал...

Хосс'к удовлетворенно хмыкнул. Один волшебник вполне сгодится вместо другого. А вдруг с этим будет легче договориться!

Он махнул рукой солдатам, приказывая им окружить ничего не подозревающего чужестранца.

3

— Ты что строишь, Денис?

Денис поднял голову, рассвет еще не наступил, и он чувствовал себя усталым и раздраженным. Предполагалось, что Арт должен помогать Линноре готовить завтрак.

— А как ты думаешь, Арт?

— Ну… — Арт потер подбородок. — Кажется, ты приделываешь планер к тележке, а крылья превращаешь в паруса, как на лодке. — Арт прищелкнул пальцами. — Точно! А почему бы и нет? Ветер дует без толку. Пусть нам помогает! — Он повернулся и крикнул: — Эй, принцесса! Идите, посмотрите, что придумал волшебник!

4

— Отец, военные действия начались!

Принц Линей поднял голову от огромной карты, когда в зал совещаний вошел его сын Пролл.

— Где они нанесли удар?

— Все перевалы на востоке атаковали союзники Кремера. Они выступили одновременно по

команде посыльных, прибывших на проклятых планерах. Мы предполагаем, что через день в районе северного торгового пути нам предстоит сражение с большой армией.

Линей посмотрел на Демсена. Командир отряда Королевских Разведчиков покачал головой.

— Если все лорды на западе присоединились к Кремеру, я не смогу доставить сообщение королю, в особенности учитывая тот факт, что в небе полно планеров.

— А как насчет воздушного шара? — спросил Линей.

— Мы не можем рисковать, — пожал плечами Демсен. — Сигель и Гэт работают день и ночь, но если кто-нибудь из ваших людей не приманит целую стаю кренеги, сомневаюсь, что мы успеем подготовить воздушный флот к боевым действиям. Не волнуйтесь, дружище. — Демсен положил руку на плечо принца Линей. — Мы устроим им хорошую взбучку. А там, кто знает?..

5

— Мне казалось, паруса должны были нам помогать! — проворчал Арт, которому пришлось тащить маленькую тележку. Денис толкал ее

сзади.

— Ну, не получается! И что из того? Хорошие идеи срабатывают далеко не всегда!

Они толкали тележку вверх по крутому склону, пока не добрались до относительно ровного участка, где остановились, чтобы передохнуть. Денис вытер пот со лба и знаком показал Линнore, что она должна забраться внутрь.

— Я могу идти, Денис. Правда, могу. — Линнора сердилась, ей не хотелось быть постоянной обузой.

— Не сомневаюсь, что ты сможешь еще немного пройти, — твердо проговорил Денис. — Но очень скоро тебе, возможно, придется бежать.

— Ладно! — сердито согласилась Линнора. — Буду практиковать тележку и твои паруса.

Неожиданно она протянула руку, схватила Дениса за волосы и уверенно поцеловала в губы. Затем кивнула, словно хотела заявить, что выиграла очко в соревновании, и молча уселась в тележку, глядя прямо перед собой.

Денис стоял некоторое время, смущенно хлопая глазами, но потом решил, что ему это понравилось. Его размышления прервал Арт, который показывал на склон горы, оставшийся у них за спиной.

На маленьком летнем пастбище метались черные тени. Мимо хижины, в которой они провели ночь, промчался отряд кавалерии, насчитывавший около двухсот воинов. Несколько солдат задержались, чтобы обыскать хижину, остальные поспешили в погоню за беглецами.

Солдатам понадобится минут двадцать, чтобы добраться до них.

Денис покачал головой. Глядя на долину, расстилавшуюся впереди, он не видел ни одного места, где можно было бы спрятаться.

«Ну хорошо, — подумал он, — и что нам делать? У меня закончились гениальные идеи».

Он уже собирался сообщить это своим спутникам, когда краем глаза заметил какое-то движение в густых кустах, растущих на северо-восточном склоне. Что-то направлялось в их сторону, причем на огромной скорости.

— Знаете, — задумчиво проговорил Денис, — вполне может быть…

Примерно в двадцати ярдах от них шум прекратился, словно существо, прячущееся в кустах, осматривалось по сторонам. Затем оно чуть изменило направление и помчалось прямо на них!

Через несколько мгновений из растущего у дороги кустарника подвывая и оглушитель-

но грохоча, вылетел робот, принадлежащий Сахарскому технологическому. Прячась, под металлической крышей сидел зеленоглазый эльфенок с острыми зубками и радостно ухмылялся.

— Ну, — сказал Денис и улыбнулся, — вы не очень торопились.

Эльфенок в ответ чихнул.

6

У третьего рукава реки Руддик сражение шло не слишком благоприятно для обеих сторон.

С точки зрения барона Р'кеттса и графа Фейфдея, продвижение вверх по узкому каньону было медленным и опасным маневром, в результате которого они потеряли много времени и людей. С невысокого холма они наблюдали за своими армиями.

Барон Р'кеттс с довольным видом разглядывал марширующих солдат. Даже барон… нет, теперь король Кремер… не мог бы пожаловаться на то, что они медлят в пути. Барон Р'кеттс по-прежнему рассчитывал на легкую победу и надеялся хорошенько поживиться во время этой кампании. Он слышал фантастические рассказы о сокровищах л'тофф и о том, будто они так ловко

практикуют инструменты, что те за несколько минут становятся безупречными, мало того, навсегда сохраняют свои качества!

У барона Р'кеттса ужасно болела спина оттого, что ему все время приходилось скакать верхом, но он постоянно повторял себе, что оно того стоит. Кремер обещал ему невиданные богатства и удовольствия.

Графом Фейф-деем владели совершенно иные чувства. В то время как Р'кеттс взирал на поток вооруженных людей, поднимающихся по горной дороге, Фейф-дей видел лишь тех, кто двигался в противоположном направлении. Фермеры, крестьяне, практики и даже мелкие делатели из деревень, расположенных в его графстве, шли, едва переставляя ноги, прижимая к ранам бинты и морщась от боли.

Фейф-дей тяжело вздохнул. Ну, по крайней мере, военные действия отвлекут Р'кеттса от нападения на его земли — хотя бы на некоторое время. Его народ, возможно, будет в большей безопасности, когда к власти придет новый король.

Впереди послышался сигнал трубы — предупреждение. А в следующее мгновение с грохотом посыпались огромные камни. Фейф-дей быстро повернулся к своим ординарцам.

— Скорее скачите к сигнальному посту. Сообщите о новой засаде, пусть вызовут подкрепление.

7

— Мы наносим удар и отступаем, наносим удар и отступаем… — хриплым голосом докладывал курьер. — Мы остановили неприятеля на всех фронтах, но в долине реки Руддик их слишком много, они идут нескончаемым потоком!

Принц Пролл поблагодарил его и отправил отдыхать.

— Милорд, разрешите мне взять резерв и бросить его в бой у реки Руддик, — повернувшись к отцу, попросил он.

— Нет, сын мой, — усталым голосом проговорил принц Линей. — Твой отряд и разведчики Демсена должны оставаться на севере. Там будет предпринято основное наступление.

Он прекрасно понимал, что, когда это произойдет, *л'тофф* потребуются самые лучшие командиры, которые смогут повести за собой воинов в главное сражение, от которого будет зависеть их судьба. Возникнет нужда в сильных молодых бойцах, вроде Пролла и Демсена, которые сумеют вселить в души солдат отвагу,

заставить их остановить, а затем и разбить северян Кремера.

Казалось, Пролл его понял, потому что не стал возражать. Молча кивнув, он принялся снова расхаживать взад и вперед перед палаткой, дожидаясь очередных новостей.

— Пошли за Стивиянгом, — приказал Линей своему адъютанту. — Я хочу знать, можем ли мы рассчитывать на то, что он успеет сделать все вовремя.

8

— Кто вы такие, черт вас побери? Отпустите меня! Вы что себе позволяете? И куда меня тащите?

Стражники крепко держали высокого чужестранца и волокли его туда, где под деревьями на столетнем раскладном стульчике устроился ученый муж Хосс'к в красном одеянии.

Светловолосый чужестранец оглядел Хосс'ка с ног до головы и расправил плечи.

— Вы здесь самый главный? Советую объяснить мне, что тут происходит! Мне наплевать, что вы сделали с Нуэлом… меня интересует зиватрон!

— Помолчи, — приказал ему Хосс'к. Чужестранец заморгал и отступил на шаг назад.

— Слушай, толстая морда, я доктор Брейди из Сахарского технологического и представляю доктора Марселя Фластера, который…

Один из стражников развернулся, и чужестранец повалился на землю.

— Ученый муж велел тебе помалкивать!

Болтливый тип перекатился на спину и, моргая, уставился на Хосс'ка. Рта он больше не открывал.

Хосс'к удовлетворенно улыбнулся. Этот волшебник наверняка окажется более сговорчивым, чем Денис Нуэл.

9

— Ушли?

Линнора повернулась и шикнула на Арта, который немедленно нырнул в кусты и затих.

Линнора настояла на том, что должна занять наблюдательный пост. Она не так устала, да и ноги у нее при этом отдыхали. Кроме того, Денис еще ни разу в жизни не видел человека с таким острым зрением.

Он лежал на сухих ветках и иголках в густых зарослях кустарника рядом с маленькой тележкой. Минут пятнадцать назад они с Артом без сил

повалились на землю, не обращая внимания на бесконечную процессию всадников, проскакавших мимо.

Неожиданно Денис почувствовал, что кто-то сильно дергает его за рукав. Он повернул голову и увидел стоявшего в нескольких дюймах робота. Ярко горела красная лампочка, обозначавшая «внимание».

Денис чуть приподнялся на одном локте и посмотрел на запись, появившуюся на маленьком экране.

— Проклятие, не сейчас! — выдохнул он.

Робот собирался доложить ему о выполнении своего первого задания — рассказать о жителях Татира.

— Чуть позднее, честное слово, я выслушаю все, что ты захочешь мне поведать.

— Порядок, — сообщила Линнора. — Последние всадники скрылись из вида.

— Хорошо, — сказал Денис и со стоном сел. — Рискнем выйти на дорогу.

Он поднялся на ноги и протянул руку. Эльфенок слетел с ветки, сидя на которой наблюдал за промчавшейся мимо кавалькадой. Он так радостно ухмылялся, будто считал происходящее веселой шуткой.

Конечно же, им никогда в жизни не удалось бы пройти так много, если бы не робот и Эльфи.

Денис и Линнора протолкнули тележку сквозь кусты, а Арт отправился следить за дорогой. Линнора забралась внутрь и принялась снова закреплять паруса. Денис уже открыл было рот, чтобы ее остановить, но потом передумал. Кто знает, может быть, они окажутся полезными.

— Сюда направляется целая армия, Денис, — сообщил запыхавшийся Арт. — Мы опережаем их примерно на час, не больше!

— Ну что ж, в путь!

Линнора устроилась поудобнее, Арт занял свое место у тормозов, а Денис остался на ногах, чтобы помогать толкать тележку. Он запрыгнет внутрь, когда дорога пойдет под откос.

Линнора уже погрузилась в медитацию, приступив к практике. Возможно, он стал более чувствительным к подобным вещам, или все дело в присутствии эльфенка, но Денис вдруг ощутил, как воздух вокруг изменился, словно зазвенел.

Эльфенок нашел для себя более удобное место, чем у него на плече — уселся на верхушке мачты и казался совершенно счастливым. Его довольное ворчание усиливало действие волшебных сил,

превращавших простую тележку в совершенную машину.

Робот тащил повозку, Денис толкал ее сзади, когда дорога поднималась по склону, и бежал рядом, если она уходила вниз. Арт ловко орудовал тормозами, а Линнора правила. Тихонько гудел робот, хлопали на ветру паруса, эльфенок урчал. Постепенно Практический Эффект окружил их своим сиянием.

Неожиданно Дениса охватило поразительное ощущение радости. Ему казалось, что благодаря эльфенку он слышит мысли Линноры, старательно практикующей тележку, которая менялась прямо у него на глазах. Вскоре он обнаружил, что ему приходится бежать, чтобы от них не отстать. Тогда он приказал роботу остановиться и уселся впереди, забрав у Линноры вожжи, которые стали намного мягче и податливей.

Вдруг Арт толкнул его в плечо и показал на столб пыли, поднявшийся у них за спиной. Их догонял еще один отряд всадников, а за ним следовала, казалось, бесконечная колонна пехоты.

Ловушка! Стоило им увеличить скорость, как они настигли бы тех солдат, что находились впереди, но и замедлить ход не представлялось возможным!

— Давайте снимем паруса, — предложил Денис. — Смотрите, как они повисли. Ветра все равно нет, а внимание они привлекают.

— Не нужно, Денис, — вмешалась Линнора. — Мне кажется, они помогли нам двигаться медленнее на крутых склонах, хотя должна признаться, что не понимаю, каким образом. Я уверена, без них тележка будет слушаться нас хуже — мы же практиковали их вместе.

Денису ничего не оставалось делать, как довериться ее ощущениям.

Примерно через милю за поворотом они наткнулись на группу отдыхающих всадников. Когда тележка промчалась мимо них, Денис успел заметить удивление на лицах солдат, которые бросились врассыпную и покатились по пыльному склону горы. Вслед беглецам неслись отчаянные крики спохватившихся преследователей.

Денис сосредоточил все внимание на управлении, тележка с оглушительным визгом набирала скорость. Впрочем, на этот раз он чувствовал, что сможет с ней справиться. Он слышал, как хохочет у него за спиной Арт, а Линнора тихонько поет боевую песнь, которая вплетается в его восторженный вопль.

Тут дорога снова повернула, и они оказались на поле боя. Перед ними, на небольшой поляне среди холмов шло сражение. Около сотни всадников Кремера застали врасплох отряд воинов л'тофф, одетых в неброскую зеленую форму. Денису ничего не оставалось делать, как направить свою машину в самую гущу боевых действий.

Лошади кавалеристов, отлично подготовленные к войне, увидев рычащее, размахивающее крыльями чудовище, с пронзительным ржанием разбежались в разные стороны, унося с собой всадников, бессильных с ними справиться.

Денис оглянулся и увидел, что приближается новый отряд солдат Кремера. Примерно в четверти мили впереди показалась большая группа воинов в зеленой форме, спешивших на выручку своим товарищам, попавшим в западню.

Землянин приказал роботу прибавить скорость, поскольку им нужно было как можно скорее оказаться за линией фронта.

Их неожиданное появление остановило наступление врага и даже заставило кое-кого спасаться бегством. Однако Денис понимал, что должен добраться до противоположной стороны поляны — лишь тогда они окажутся на дружественной территории.

Неожиданно он почувствовал, как что-то шевелится у него под ногами. Взглянув вниз, он увидел эльфенка, спрятавшегося в самом темном углу тележки. Маленький кренеги отлично умел заботиться о собственной шкуре!

— Денис! — взревел Арт, дико размахивая руками. — Денис, ты куда собрался?

— А ты как думаешь? О, нет… Робот! Назад!

Маленький автомат бросился выполнять приказ и поднял тучи пыли, пробуя затормозить.

За кустами, растущими вдоль дороги, оказался крутой склон. Тележка, промчавшись сквозь заросли, устремилась вниз.

Денис изо всех сил старался удержать экипаж в равновесии.

— Медленнее! — орал землянин, пытаясь практиковать спуск, чувствуя, что и остальные заняты тем же.

— Медленнее!

Впереди, меньше чем в ста метрах, их поджидала пропасть, а останавливать время Денис не умел.

ГЛАВА XI
1

— А теперь вспомните, о чем я вам говорил! — крикнул Гэт остальным аэронавтам.

Из корзин десяти шаров послышались одобрительные возгласы. Гэт повернулся и знаком показал Стивиянгу Сигелю, который управлял передовым шаром, что все готово. Фермер кивнул.

— Рубите концы!

Топоры обрушились на канаты. Мешки с песком попадали на землю. Сноровистые руки подбросили угля в огонь, разведенный на дне корзин. Один за другим разноцветные шары поднимались в небо.

Они долго ждали, когда подует подходящий ветер.

Гэта переполняло возбуждение. Закончились долгие дни напряженной работы и ожидания.

Ветер нес их на запад. Казалось, прошли долгие часы, но на самом деле они довольно скоро добрались до гор Руддик, где враг достиг наибольших успехов. Отряд Стивиянга облетел южные вершины, огибая каньон. Здесь аэронавты бросили

якоря поджидавшим их солдатам л’тофф. Вскоре шары были надежно привязаны.

Когда силы под командованием Гэта обогнули северные вершины, процедуру повторили.

— Смотрите! — воскликнул один из лучников в гондоле Гэта.

На фоне освещенных солнцем облаков показались две дюжины темных теней. Издали планеры походили на коршунов.

— Приготовиться! — приказал командир одного из шаров.

— Вот они! Стреляйте!

— Они приближаются слишком быстро!

— Хватит жаловаться, дружище! Их нужно остановить!

— Я достал одного!

— Отлично! Только не заносись!

— Следите за вражескими дротиками.

Победные возгласы сменялись криками боли; схватка продолжалась пару минут; вскоре неприятель отступил, а на земле остались лежать обломки трех планеров.

Пехота л’тофф дружным криком приветствовала успех своих товарищей.

— Ладно! — хрипло воскликнул Гэт. — Они еще вернутся, и во второй раз нам будет труднее с

ними справиться! Пока их нет, займемся теми, кто внизу! Берегите стрелы, пусть каждая найдет свою цель!

Гэт видел, как противник начал перегруппировку, чтобы захватить каньон, над которым зависли четыре шара Стивиянга Сигеля.

С этого момента атаки возобновлялись каждый час. Лучники л'тофф наносили страшный урон пехоте врага. Однако стрел могло не хватить.

Сражение продолжалось, и защитники тоже несли потери. Пехота л'тофф яростно обороняла опорные позиции своих лучников, а войска противника сражалась с отчаянным ожесточением. Постепенно начала вырисовываться общая картина битвы.

Возле северной вершины защитники держались довольно уверенно. Лучники Гэта нанесли большой урон вражеской пехоте, которая пыталась взобраться вверх по склону. Кроме того, им удалось отбить три атаки планеров.

Однако на южной стороне дела шли значительно хуже. Солнце еще не успело опуститься за самые высокие горные хребты, а отряд Сигеля потерял два шара. Гэт не знал, продержится ли Стивиянг до наступления ночи. Два оставшихся шара не могли в достаточной степени прикры-

вать друг друга.

Гэт беспомощно наблюдал за прибытием подкреплений врага… в том числе и дюжины дополнительных планеров. Казалось, генералы снимают планеры с других фронтов, чтобы одержать здесь убедительную победу.

Наконец все имевшиеся в распоряжении врага планеры помчались в атаку на два шара Стивиянга. А Гэт ничем не мог им помочь!

2

— Медленнее! Медленнее!

Денис почувствовал, что Линнора и Арт подхватили его слова. Практический Эффект начал действовать.

Серебристый огонь заплясал на поверхности тележки, скорость чуть снизилась. Однако они неотвратимо продолжали двигаться к обрыву. Десять метров, пять, два…

В самый последний момент робот, подняв тучу пыли, затормозил у самого обрыва.

Арт изо всех сил ухватился за крону молодого деревца, благодаря которому они избежали верной гибели.

Денис протер глаза, однако вниз так и не взгля-

нул. Он попытался побыстрее откашляться, чтобы попросить робота отойти подальше от пропасти. Однако тележка проехала еще на несколько дюймов вперед. Гусеницы робота зависли над бездной.

— Ну, — пробормотал, постепенно приходя в себя, Денис, — Линнора? Арт? С вами все в порядке? У меня есть идея. Давайте медленно и осторожно сдвинемся назад. — Линнора принялась ослаблять ремень.

Пришло время выбираться из тележки. И тут что-то прожужжало около уха Дениса. Сначала он подумал, что это огромное насекомое, но, обернувшись, заметил вторую стрелу, просвистевшую мимо его уха.

— Ой! — крикнул Арт, когда стрела вонзилась в бок тележки рядом с его пальцами.

Лучники барона Кремера — не меньше дюжины — осторожно спускались вниз, выбирая момент для нанесения последнего удара. Они стреляли на поражение, беглецов не собирались брать в плен.

Впрочем, понял Денис, особенно беспокоиться не о чем. Арт явно терял силы, скоро он не выдержит и отпустит деревце.

Неужели конец? Денис осмотрелся, пытаясь

хоть что-нибудь придумать. Линнора возилась с ножом. Что она собирается сделать? И тут Дениса озарило. Планер! Они поставили крылья вертикально — как паруса. Теперь Линнора пыталась перерезать веревки, которые их удерживали.

Прошла еще одна секунда, прежде чем Денис сообразил, как сильно натянуты веревки.

— Нет, Линнора! Не делай этого!

Слишком поздно. Веревка лопнула, и крылья со свистом опустились, сбив две смертельных стрелы.

Потом Арт не смог объяснить, почему выпустил деревце. Повозка вдруг взбрыкнула, как обезумевший жеребец, и Арт повалился в ее заднюю часть — необычное средство передвижения угрожающе раскачивалось на самом краю пропасти.

Эльфенок вскочил на плечо Дениса — до сих пор он прятался на полу тележки. На хитрой мордочке появилось выражение нетерпения: казалось, Эльфи пытался сказать, что ему все это надоело.

«Снова собирается нас бросить?» — подумал Денис, не в силах оторвать взгляда от сказочного существа.

Кренеги потупил взгляд, словно понимал, о чем думает Денис. И начал раскрывать крылья,

готовясь улететь. Потом, в первый раз, эльфенок бросил взгляд в пропасть и отчаянно запищал — его крылья не предназначались для таких перелетов! Денис чуть не рассмеялся, увидев растерянность на забавной мордочке.

Все эти размышления заняли несколько мгновений, мимо просвистело еще несколько стрел, а тележка перевалилась через край. Эльфенок взвыл, Арт закричал. Денис молча смотрел вниз.

Их спасла Линнора. Она запела.

Первая нота оказалась такой высокой и чистой, что все мгновенно забыли о стремительно приближающемся дне каньона. Они уже довольно долго работали вместе как единая команда практиков. Линнора помогла им сосредоточиться. Почти сразу они погрузились в фелтеш транс.

Денис почувствовал, как вошел в контакт с разумом Линноры, потом к ним присоединился Арт и даже кренеги-эльфенок впервые отнесся к происходящему серьезно. Пространство вокруг них кипело от энергии, они пытались изменить реальность.

Денису вдруг показалось, что он вошел в контакт с окружающим миром. Поток хаотической энергии подхватил его — нечто похожее происходило возле зиватрона, когда он начинал работать,

и Денис закрыл глаза.

Когда он снова открыл их, оказалось, что рядом с ним сидит темноволосый молодой человек с густыми черными усами. Они находились внутри необычного сооружения из белой парусины и множества деревянных распорок, связанных струной рояля. Хотя воздух со свистом проносился мимо, реальность вокруг оставалась серой и неподвижной.

— Знаешь, нам пришлось очень нелегко, пока мы не нашли нужную кривизну крыльев, — объяснял усатый пилот, перекрывая рев ветра. — Лэнгли никогда не понимал. Он слишком торопился и не тестировал своих конструкций, в отличие от меня и Вилбура…

Денис удивленно заморгал, а потом и вовсе закрыл глаза. Когда он снова их открыл, все вокруг в очередной раз изменилось.

— …поэтому мне пришлось самому тестировать Х-10, понимаешь? Двигатель занимал больше половины всего свободного места! Его называли летающей бомбой!

Теперь на месте пилота сидел человек с тонкими усиками и сардоническим выражением лица.

Пространство вокруг оставалось туманным и

почти неподвижным, как во сне.

— Только не думай, что я ставлю себя на место будущих испытателей, — пилот моноплана усмехнулся.

Лицо показалось Денису знакомым, но он никак не мог вспомнить имя — кажется, видел фотографию в старом учебнике. Денис снова заморгал… А когда открыл глаза, сцена вокруг в очередной раз изменилась.

Все происходило очень быстро. Пилот исчез. Рев двигателя стал приглушенным. Денис почувствовал аромат хризантем и заметил женщину в соломенной шляпке и ярко-розовом шарфе. Она улыбнулась ему, не отрывая взгляда от рукоятей управления. И снова все пропало.

Денис оказался на месте второго пилота в кабине большого двухмоторного самолета — бомбардировщика, так ему показалось. Пахло керосином и резиной. Штурвал в руках слегка подрагивал. Лысый пилот в форме цвета хаки усмехнулся, бросив на него быстрый взгляд.

— Прогресс, — заговорил первый пилот. — Приятель, у тебя совсем простая роль. В прежние времена на это уходили годы и море кровавого пота!

Наконец Денису показалось, что он понимает,

о чем идет речь. Он узнал лицо летчика.

— Знаете, полковник, вам бы очень пригодился Практический Эффект.

Офицер покачал головой.

— Вот уж нет. Гораздо интереснее добиваться всего самому.

— Я понимаю.

Полковник кивнул.

— Каждый из нас делает то, что должен. Не хочешь немного здесь задержаться?

— Боюсь, мне нужно возвращаться к друзьям. Благодарю, вы мне очень помогли.

— Не о чем говорить. Жаль, что ты не сможешь встретиться с нашими испытателями и астронавтами. И не забывай, сынок: ничто не заменит напряженного труда!

Денис кивнул. Он закрыл глаза, ветер взревел с новой силой, и сон развеялся, как предрассветный туман.

Секунды, растянувшиеся на годы, вновь обрели прежнюю быстроту; мерцание воздуха немного ослабло, и Денис обнаружил, что они летят! Ветер унес остатки серебристого тумана. И они все еще были живы.

Он не знал, сколько времени прошло на самом деле, но тележка-планер изменилась, превра-

тившись в нечто совсем новое: крылья теперь надежно крепились к фюзеляжу, сама тележка удлинилась и обзавелась хвостом, корпус гордо устремился вперед. Самолетик медленно набирал высоту.

Наверное, это был самый мощный фелтеш транс в истории Татира. Измученный эльфенок отдыхал на коленях Дениса, которого настолько захватило управление самолетом, что он не смотрел на Арта и Линнору.

Денис взглянул вниз. Пора искать место, пригодное для посадки. Вскоре он заметил небольшое плато на востоке. Они приближались к плоскому участку земли. Больше Денис не видел ничего подходящего. Он боялся, что робот пострадает, при приземлении, но понимал, что придется рискнуть.

После недолгих маневров, Денис начал заходить на посадку.

— Приготовьтесь! Садимся!

«Плато» оказалось песчаным откосом. Планер слегка приподнял крылья и, словно альбатрос, плавно опустился на песок. Поднялась туча пыли, самолетик остановился у края площадки. До пятидесятиметрового обрыва оставалось метра четыре.

3

Хотя отряд двигался не спеша, Бернальд Брейди чувствовал себя паршиво: он не привык ездить верхом.

Как только тип в красном одеянии объявил привал, Брейди с трудом сполз на землю. К нему подошел стражник и чуть ослабил веревку на руках. Брейди добрался до дерева и с облегчением прислонился к стволу.

Скоро запахло съестным. Один из солдат протянул Брейди легкую и очень красивую миску с супом. Землянин ел и с восторгом разглядывал посуду. Его теория получала подтверждение.

Хотя люди, захватившие его, делали вид, что они дикари, им не удалось скрыть своей истинной сущности. Изумительная посуда выдавала их с головой.

Нуэл наверняка прожил все это время среди местных жителей. И строил козни, понимая, что рано или поздно Фластер пошлет Брейди чинить зиватрон. Нуэл нанял каких-то фанатиков, которым нравятся средневековые игры — таких сейчас полно на Земле, — чтобы они подшутили над коллегой, который вылезет из зиватрона! Эти

ребята исполняли свою роль с таким увлечением! Сначала им даже удалось его напугать, особенно, когда толстяк принялся расспрашивать Брейди о снаряжении.

Брейди фыркнул. Чтобы люди, которые делают мечи из драгоценных камней, удивлялись, увидев ружье и микроволновую печь!

О, да, они знали Нуэла. Всякий раз, когда Брейди упоминал его имя, толстый «священник» бросал на него странный взгляд. «Солдаты» тоже понимали, о ком он говорит, хотя и не произносили ни слова.

Да, Нуэл мстит ему за то, что Брейди поменял несколько плат в возвратном устройстве.

Пожалуй, с него хватит. Пора положить конец этому безобразию! Игра зашла слишком далеко. Руки затекли, все тело болело… Брейди с мрачным видом поставил пустую миску на землю и попытался встать.

Тут один из «солдат» отчаянно закричал и со стоном упал на колени — из его горла торчала стрела. Брейди с недоумением наблюдал за тем, как, захлебываясь собственной кровью, умирает человек.

— Партизаны, — крикнул кто-то. — Напали с тыла!

Один из «офицеров» выкрикнул приказ. Группа людей устремилась к деревьям у дороги. Брейди пришлось довольно долго ждать, тишину нарушали лишь дикие вопли и звон оружия. Наконец в лагерь вбежал гонец и устремился к толстяку в красном, который спрятался за стволом дерева.

Брейди подполз поближе, чтобы подслушать разговор.

— …за поворотом засада. Похоже, кому-то из них надоело ждать, слишком рано захлопнули ловушку. Нам повезло. Однако отсюда не выбраться без помощи армии.

Толстяк в красном, которого называли Хосс'к, нервно облизнул губы.

— Мы отправили последнего голубя с сообщением милорду Кремеру, что нам удалось захватить еще одного волшебника из чужой страны!

— После наступления темноты я отправлю дюжину людей в разные стороны, — ответил офицер. — Кто-нибудь доберется до замка…

Брейди отполз обратно и долго сидел, пытаясь понять, что происходит. Дикая реальность не укладывалась ни в одну из его теорий.

4

— Милорд, мы получили послание от священника Хосс'ка. Он находится у Северного Перевала. Хосс'к утверждает, будто ему удалось поймать…

— Не сейчас, — прорычал барон Кремер. — Передайте болвану, чтобы оставался на месте и не мешал продвижению северных отрядов!

Гонец быстро кивнул и выскользнул из палатки.

— Продолжайте, — обратился Кремер к своим офицерам. — Что вы сделали, чтобы очистить долину Руддик от летающих чудовищ.

День едва успел начаться, когда Кремер прибыл на планере к месту военных действий. У барона болела голова, и он чувствовал себя отвратительно.

— Милорд, войска графа Фейф-дея окружают двух оставшихся у южного края каньона чудовищ. Мы оказываем им всяческую поддержку с воздуха при помощи планеров, которые вы прислали с других фронтов.

Затем мы сразу атакуем южный фланг каньона. Мы потеряем много людей, но л'тофф будут вынуждены отступить, и мы сможем окружить

оставшихся четырех чудовищ, которые охраняют северный склон. Им придется сдаться.

— И сколько планеров мы потеряем? — спросил барон.

— Не так уж много, милорд. Может быть, пятнадцать или двадцать.

— Не так уж много… — Кремер вздохнул. — Непростительно много! Мы уже лишились почти трети аппаратов, и нам нечем поддержать северные отряды.

— Ваше Величество, силы противника истощены. Любой прорыв приведет к быстрой победе! В особенности, здесь.

Кремер оглядел своих офицеров. Он увидел, что они полны решимости, и настроение его снова изменилось.

— Да! — кивнул он. — Вводите в бой подкрепление. Сегодня мы одержим историческую победу.

5

Когда наступило утро, Денис и Линнора лежали на песчаном берегу, укрывшись одним из одеял Суры Сигель, и наблюдали, как на востоке медленно встает солнце.

Линнора вздохнула и положила голову Дени-

су на грудь. Он понимал, что пора вставать и выбираться с плато, но сейчас не хотелось даже шевелиться.

— Эй, Денис? — послышался смущенный голос Арта, готовившего неподалеку завтрак.

— Что?

— Денис, думаю, тебе стоит взглянуть…

Денис открыл глаза и увидел, что Арт показывает на запад.

— И когда ты только это прекратишь? — проворчал Денис.

Он с трудом подавил раздражение: Арт постоянно приносил дурные новости. Маленький вор махнул рукой в сторону горного склона, с которого они вчера свалились.

Денис присмотрелся к далекому склону, озаренному яркими лучами утреннего солнца: небольшой отряд осторожно спускался вниз, используя веревки на наиболее опасных участках.

Денис прикинул, что враги доберутся до них часа через два, в лучшем случае, через три.

Линнора коснулась его плеча, и Денис повернулся — принцесса показывала в другую сторону!

«И ты тоже?» — Он укоризненно взглянул на девушку и только потом перевел взгляд в направ-

лении ее руки.

К ним приближалось несколько ярких пятен. Шар, догадался Денис, окруженный планерами. Гондола уже горела.

Необходимо уходить с плато, пока люди Кремера до них не добрались. Кроме того, пора помочь хорошим парням.

У Дениса уже возникли кое-какие идеи. Он вытащил старый, острый, как бритва, столетний нож, который дала ему Сура Сигель, и повернулся к Лин норе и Арту.

— Найдите прочный кусок дерева вот такой ширины и такой длины.

Когда Арт начал задавать вопросы, Денис отговорился:

— Я хочу кое-что вырезать.

Линнора и Арт переглянулись. «Опять волшебство», — подумали они и отправились выполнять приказ.

Когда они вернулись, Денис разговаривал… то ли сам с собой, то ли с металлическим демоном. Он пододвинул планер к краю обрыва и установил под ним робота. Рядом лежала куча вещей.

— Мы нашли подходящую палку, — заявил Арт.

Денис кивнул. Он взял ветку длиной в пять

футов и принялся быстро ее строгать, очищая от коры и сучьев. Линнора и Арт не осмеливались его отвлекать. Эльфенок проснулся и с интересом наблюдал за происходящим.

Наконец Денис убрал нож, полюбовался своей работой и отдал палку роботу!

— Вот, — сказал он. — Держи эту штуку посередине своим центральным манипулятором. Да, правильно. А теперь попробуй вращать по часовой стрелке. Хорошо! Сначала тихонько, а потом изо всех сил.

Видя, что Арт и Линнора ничего не понимают, Денис попытался объяснить им, что придумал на сей раз. Однако они сумели запомнить лишь новое слово — пропеллер.

Денис попросил Арта остаться на земле и подталкивать планер сзади. Линнора заняла свое привычное место. Денис поднял кренеги, который тихонько скулил.

— Пошли, Эльфи. Тебе еще предстоит поработать. — Он сел перед Линнорой и кивнул ей, чтобы она начала практиковать транс.

— Пропеллер, — прошептала Линнора новое слово, чтобы его не забыть. Потом начала напевать.

Четверка вошла в фелтеш транс с такой легко-

стью, словно они были рождены именно для этого состояния. Очень скоро их окружило знакомое мерцание, и они поняли, что реальность опять начала меняться.

6

Последний из шаров у южной гряды оторвался почти сразу после захода солнца, когда защитникам якорной веревки пришлось отступить. Впрочем, аэронавты, наученные горьким опытом, принялись сбрасывать мешки с песком, оружие, одежду, словом, все, что попадалось под руку. Шар устремился в небо, мимо поджидавших его черных планеров, а ветер начал сносить аппарат к востоку, где обитатели гондолы окажутся в сравнительной безопасности.

Гэт смотрел ему вслед и надеялся, что именно в этом шаре находится его друг Стивиянг.

— Теперь планеры смогут свободно атаковать наши войска на перевале, — сказал лучник л'тофф Гэту. — Они прорвутся с юга и окружат пехоту в долине.

— Необходимо подкрепление! — согласился с ним Гэт.

— К сожалению, все резервы брошены на се-

верный фронт.

Гэт выругался. Если бы только найти способ перемещать шары против ветра!

— Вон они снова! — крикнул один из лучников.

Гэт поднял глаза: еще одна группа крылатых дьяволов устремилась в атаку. И откуда они только берутся? Наверное, Кремер бросил сюда все свои планеры.

Он поднял лук и приготовился к очередной схватке.

7

Арт изо всех сил старался удержать хвост тележки-планера. Его башмаки начали скользить по мягкому песку.

— Я больше не могу!

— Продержись еще немного! — крикнул Денис.

Пропеллер вращался очень быстро, из-под него била тугая струя воздуха. Линнора изо всех сил нажимала на тормоза, ее длинные светлые волосы полоскал ветер.

— Он ползет! — сообщил Арт.

— Сейчас я скажу роботу, чтобы он вращал пропеллер в противоположном направлении, и

тогда… — Денис не успел закончить фразы.

На мгновение все стихло, а потом пропеллер завращался с новой силой.

— Не сейчас! — отчаянно заорал Денис, но планер бросился вперед, точно скаковая лошадь, перед которой открылись ворота стартового загончика.

Арт отпустил хвост и упал у самого края обрыва.

— Эй! — хрипло завопил он. — Эй! Подождите меня!

Но «тележка» уже находилась над обрывом. Арт заворожено наблюдал, как летающая машина метнулась вверх, застыла в воздухе, нырнула вниз, выровнялась и помчалась вперед.

«Да, — подумал Арт, — какая поразительная маневренность! Наверное, волшебник специально старается для дамы своего сердца. Кто же станет его винить?» — Душа Арта устремилась вслед за быстро удаляющимся аэропланом.

Он не мог отвести глаз от великолепного зрелища, но вскоре шум у него за спиной напомнил о солдатах Кремера. Арт понял, что пора поискать убежище.

Линнора радовалась, как дитя. Кровь стучала в висках Дениса. Он потянул за одну из вере-

вок, которую привязал к роботу, чтобы вручную управлять аэропланом в полете, не выкрикивая команд. Теперь, наученный горьким опытом, он потянул совсем чуть-чуть. Наконец проклятая штука выровнялась. Робот вращал пропеллер равномерно, а Денис старался держаться подальше от скал и опасных воздушных потоков. Планер начал постепенно набирать высоту, и Денис откинулся назад, снова оказавшись в объятиях Линноры.

— О, мой волшебник, — вздохнула девушка. — Ты великолепен! И пришел из чудесного мира!

Денис понемногу приходил в себя. Несмотря на несколько тревожных секунд, на сей раз все обернулось именно так, как он рассчитывал. Кажется, он приручил Практический Эффект!

Эльфенок с любопытством озирался по сторонам — ему явно нравилось летать, не прибегая к помощи собственных крыльев-перепонок.

Денис провел рукой по гладкой поверхности бывшей тележки, построенной всего два дня назад! Неуклюжая повозка превратилась в стройный летательный аппарат! Просто поразительно!

Впрочем, Денис понимал, что чудо произошло благодаря удивительному сочетанию талантов

людей, л'тофф и кренеги. И все же…

Эльфи уселся у него на коленях и замурлыкал. Тихонько поглаживая прохладную спинку, Денис посмотрел на Линнору, вспомнил о ее последних словах и улыбнулся.

— Нет, любовь моя. Мой мир не прекраснее твоего, где природа так добра к людям. Лишь совсем недавно наша жизнь стала удобной и мирной — благодаря напряженному труду миллионов людей. Если бы у них был выбор, многие жители Земли почли бы за счастье поселиться на Татире.

Он посмотрел на раскинувшиеся под ним долины и понял, что принял поразившее его самого решение — он останется на Татире.

Конечно, можно ненадолго вернуться на Землю, чтобы поделиться со своим народом открытиями, сделанными здесь. Однако Койлия станет его домом. Ведь тут живет Линнора. И его друзья…

— Арт! — Он резко дернулся. Планер судорожно качнулся.

— Ой! — воскликнула Линнора. — Нужно вернуться!

Денис кивнул и принялся осторожно разворачивать самолет.

Из своего укрытия под упавшим деревом Арт

слышал крики солдат. Они долго стояли на опустевшем плато, обмениваясь удивленными репликами. Такого им еще видеть не приходилось. Слово «дракон» витало в воздухе.

Шло время. И вдруг Арт услышал пронзительные вопли разбегающихся солдат и оглушительный рев. Так повторилось несколько раз, причем рев раздавался все ближе и ближе, а крики солдат удалялись.

Вскоре Арт решился выбраться из своего укрытия и осмотреться. Солдаты Кремера в отчаянной спешке покидали плато, хватались за свисающие со склона веревки, по которым совсем недавно сюда спустились. Они карабкались вверх так, словно за ними по пятам гнался сам дьявол.

Даже Арт слегка вздрогнул, когда у него над головой возникло стремительно приближающееся ревущее чудовище. Но он тут же с облегчением заметил две маленькие фигурки. Арт сразу догадался, кто сидит внутри ревущего чудовища. Денис и Линнора прогнали солдат — теперь они вряд ли сюда вернутся. Арт понимал, что сесть они здесь не смогут, и помахал рукой вслед улетающему планеру. Друзья помогли ему избавиться от солдат.

Он вздохнул и направился к куче припасов,

оставленных на плато. Хватит, чтобы продержаться несколько дней.

«За пару дней они разберутся с бароном Кремером и вернутся за мной, — подумал он. — А если нет, я попробую сам построить летающую штуку!»

Тихонько напевая себе под нос, он принялся готовить обед.

8

Сражение развивалось не лучшим образом. Около полудня Гэт приказал сбросить на землю все лишнее, чтобы приготовиться к стремительному отступлению.

Однако во время следующей атаки планеров дротики в нескольких местах пробили обшивку шара, а у л'тофф оставалось все меньше стрел. Нагретый воздух выходил из отверстий, шар начал опускаться.

Погиб один из лучников, и его тело без всяких церемоний пришлось выбросить за борт гондолы.

Солдаты внизу держались из последних сил. Все понимали, что южный фронт вот-вот будет прорван и их положение тоже станет критическим.

Кремер отлично знал, что судьба сражения решается именно здесь. Он снял часть войск с северного фронта, где разведчики Демсена оказывали его армии упорное сопротивление. Гэт видел, как прибыли отряды наемников и собственные части Кремера.

Шар неотвратимо выпускал воздух, Гэт не мог предсказать, сколько он еще продержится над землей. И тут, словно им и без того не хватало проблем, один из лучников схватил Тэта за плечо.

— Что там такое? — спросил лучник.

Гэт прищурился. Сначала он подумал, что приближается еще один планер. В прозрачном полуденном воздухе к ним мчался новый летательный аппарат, который показался Тэту больше планеров Кремера.

Вдобавок до них доносился странный рев — планеры летали совсем не так. Что-то мощное и стремительное было в повадке этого необычного летательного аппарата. Если Кремер выпустил против них новое оружие…

Но нет! Ревущее чудовище взмыло ввысь, а потом устремилось вниз, намереваясь атаковать поднимающуюся в воздух колонну черных птиц!

Пришелец пронесся мимо на такой скорости, что воздушная волна ударила по планерам, и

они начали выходить из-под контроля пилотов, переворачивались и падали на землю!

Лишь нескольким удалось удержаться в воздухе. Набрав высоту, они развернулись и атаковали одинокого врага. Однако ревущее чудовище не испугалось дротиков, ловко сманеврировало и устремилось на неприятеля. Результат каждого поединка был предопределен: боевые машины Кремера одна за другой падали на землю или искали место для вынужденной посадки.

Прошло всего несколько минут, и в небе не осталось ни одной черной птицы! Л'тофф не верили своим глазам. Потом над рядами обороняющихся пронесся победный клич. Даже ветераны северян начали отступать, увидев, как ревущее чудовище расправилось с их воздушным флотом.

И тут над горными долинами раздался чистый зов рожков. На перевале появился отряд вооруженных всадников, над головами которых развевался королевский флаг. Огромный дракон с зелеными крыльями ухмылялся с гордо реющего на ветру знамени.

Гэт знал, что дюжина Королевских Разведчиков пряталась на склонах, поджидая подходящего момента. Эффект превзошел все ожидания Демсена и принца Линей. Связь между ревущим лета-

тельным аппаратом и легендарным драконом не вызывала сомнений.

Именно в этот момент воющее чудовище спикировало вниз, словно собираясь растерзать пехотные части барона Кремера.

Ни один солдат не осмелился выпустить стрелу — сердца захватчиков переполнял ужас. Побросав оружие, отряды Кремера покинули поле боя.

Впервые за последние несколько дней Гэт вздохнул с облегчением. Он знал, кто пилотировал планер, похожий на дракона.

9

— Ваше Величество! Все пропало! — всадник в сером плаще остановил скакуна перед бароном.

— Что? О чем ты говоришь? — Кремер был поражен. — Мне докладывали, что победа в наших руках!

Барон поднял глаза и сразу все понял. Серые, красные и зеленые фигурки беспорядочно отступали. Посланец опередил их лишь на несколько минут.

Кремер вместе со своими офицерами оказался на пути бегущей армии. Довольно быстро он

сообразил, что остановить солдат ему не удастся.

Тогда барон посмотрел в небо в поисках своего главного оружия, но не увидел ни одного планера! Послышался шум, и Кремер заметил незнакомую машину, которая преследовала его людей! Вокруг чудовища мерцал воздух — фелтеш транс!

Сначала шары, а теперь это!

Летающее чудовище повернуло на север.

Кремер догадался, что оно направилось к северному фронту. Тут барон понял, что проклятый чужеземный волшебник опять спутал все его планы.

Вне всякого сомнения, как только весть о его жестоком поражении распространится, остальные лорды сразу переметнутся к королю Гимиэлю. Через несколько дней их армии устремятся на запад в надежде добыть голову барона Кремера.

Он повернулся к своим помощникам.

— Передайте приказ о немедленном отступлении: здесь и на севере. Пусть горцы собираются в долине Высоких Деревьев, в моих наследственных землях Лемминг. Там у нас мощные крепости и нам не будут страшны летающие чудовища волшебника.

— Ваше Величество! — Офицеры с недоумением смотрели на него.

Еще несколько минут назад они служили будущему повелителю Койлии, а теперь выясняется, что приходится возвращаться в дикие земли предков!

Кремер понимал, что лишь очень немногие в состоянии быстро оценить обстановку. Он не винил своих офицеров, все произошло чересчур стремительно. Однако медлить было нельзя.

— Скорее! — крикнул Кремер, прикоснувшись к кобуре, где лежало страшное оружие. — Я хочу покинуть эти места. Затем мы отправим срочное сообщение в Зуслик. Наш гарнизон заберет с собой все самое ценное, а также запасы продовольствия… Нам они еще понадобятся.

10

Уже начали спускаться сумерки, когда чудесный «дракон» вернулся в сердце земель л’тофф. Встречающим пришлось долго следовать за ним, пока Денис не нашел подходящее место для посадки. Сверкающий в лучах заходящего солнца самолет сделал последний круг и легко покатился по земле, пока не остановился рядом с дубовой рощей.

Толпа возликовала, когда л’тофф увидели

стройную фигурку своей принцессы. Они даже попытались поднять ее на плечи и внести в город.

Однако Линнора этому решительно воспротивилась. Она приказала л’тофф отойти в сторону и помогла высокому темноволосому незнакомцу вылезти из самолета.

Однако еще большее изумление вызвало маленькое существо, сидящее на плече у мужчины. Два сверкающих зеленых глаза и хитрющая усмешка кренеги заставили л’тофф отступить на несколько шагов в благоговейном молчании.

А потом по толпе пронесся дружный вздох, когда чужестранный волшебник обнял их принцессу и они принялись целоваться.

ГЛАВА XII
1

Когда Денис наконец проснулся, он чувствовал себя очень странно: словно прошло много времени и ему снились самые разные сны. Он сел и протер глаза.

Сквозь прозрачный занавес в ярко убранный шатер проникал солнечный свет. Денис отбросил шелковое покрывало и поднялся с мягкой постели. Обнаружив, что совершенно обнажен, принялся искать хоть какую-нибудь одежду и вскоре наткнулся на мягкие кожаные брюки и шелковую зеленую рубашку, лежащие на белом стуле. Черные кожаные ботинки оказались точно его размера. Быстро одевшись, он поспешил наружу.

И сразу увидел принца Линей, оживленно беседовавшего с несколькими офицерами. Правитель выслушал сообщение запыхавшегося гонца, затем расхохотался и с благодарностью похлопал паренька по плечу.

— Денис!

На Дениса смотрел один из офицеров л’тофф и

радостно улыбался. А он никак не мог вспомнить, когда их познакомили… вчера? Или позавчера?

— Денис! Это же я, Гэт!

Денис удивленно заморгал. И точно! Казалось, паренек здорово повзрослел за последнее время. А может быть, дело в форме.

— Гэт! Что слышно о Стивиянге?

— Мы получили известие только час назад, — радостно объявил Гэт. — Он в порядке. Его шар приземлился на территории графства, правитель которого поддерживает короля, и он уже выступил с целой армией, чтобы разобраться с Кремером!

— Значит, Кремер…

Денис не договорил, потому что к нему направлялся высокий, стройный человек с седой бородкой — принц Линей.

— Приветствую тебя, волшебник Нуэл. Надеюсь, ты хорошо отдохнул?

— Ну, да, конечно, Ваше Высочество. Только я хотел бы поскорее узнать…

— Да. — Линей расхохотался. — О моей дочери и твоей невесте, по моему соизволению. Линнора в роще неподалеку. Я пошлю за ней немедленно.

Денис мечтал снова увидеть Линнору, однако сейчас его гораздо больше интересовало, как

идут дела на войне. С воздуха он видел, что войска Кремера отступают на всех фронтах. Однако дух солдат в серой форме не сломлен. Отличные воины, которые отчаянно сопротивлялись, удерживая армию л'тофф и давая возможность своим товарищам отойти на безопасное расстояние.

— А что Кремер? — спросил он.

— О нем можешь не беспокоиться. — Линей улыбался. — Все союзники барона перешли на сторону короля. А сам он в данный момент направляется в свое родовое поместье в горах.

Денис почувствовал облегчение. Он не сомневался, что Кремер еще доставит королю кучу неприятностей. Но пока все успокоилось, кризис миновал.

Денис радовался, что сумел помочь народу Линноры. Но главное, он был счастлив, что тиран не станет заставлять его создавать смертоносные устройства.

К принцу подбежал запыхавшийся паж и что-то прошептал ему на ухо.

— Дочь просит вас прийти на луг, где вы приземлились позавчера ночью, — сказал он Денису. — Она там, вместе с твоей чудесной машиной. Никто ничего не трогал, — заверил его Линей. — Я сказал своим людям, что того, кто прикоснется

к страшному рычащему существу, похожему на дракона, ждет смерть в пасти чудовища.

На лице принца Линей Денис заметил хитрую улыбку и сразу понял, кому обязана принцесса Линнора своим острым умом. Вне всякого сомнения, пока он спал, Линнора подробно рассказала отцу обо всем, что с ней произошло с момента пленения.

— Я готов, Ваше Высочество. Не могли бы вы дать мне провожатого. Линей подозвал девушку, которая взяла Дениса за руку.

2

Линнора сидела, скрестив ноги, возле носа самолета, а неподалеку перешептывались ее придворные дамы.

Денис очень удивился, увидев, как скрючилась Линнора: она сунула голову под переднюю часть устройства, когда-то начинавшего свою жизнь в роли тележки. Ему стало любопытно, что это она там делает.

— Линнора, — позвал он, — что ты…

Послышался громкий стук. Денис почувствовал, что краснеет, поскольку за стуком последовало исключительно длинное и замысловатое

ругательство.

Принцесса выбралась из-под машины и села, потирая ушибленную голову.

— Денис! — вскричала она и бросилась к нему на шею.

Лишь через некоторое время, слегка задыхаясь, он поинтересовался, что же она разглядывала под тележкой.

— Ах, это! Надеюсь, я ничего не испортила, когда сунула свой нос туда, в чем ничего не понимаю. Но ты так долго спал, а отец приказал за мной следить, чтобы я не сбежала воевать… Мне стало скучно, так скучно, что я решила посмотреть… — Линнора была явно возбуждена каким-то открытием.

— Линнора, твои дамы немного шокированы твоим поведением — ты уселась на землю, а потом забралась под самолет.

— Рано или поздно они привыкнут, верно? Кроме того, что я стану твоей женой, и ты, надеюсь, будешь учить меня волшебству. Мой опыт показывает, что это довольно пыльное дело. Твой кренеги тоже сначала был тут, но сейчас, кажется, улетел — наверное, на охоту.

Денис потерял надежду то, что его любимая когда-нибудь перейдет к делу.

— Что ты делала под этой штукой? — настаивал он на своем.

— Робот! — неожиданно объявила она. — Мне стало скучно, и я решила поговорить с чудесным существом-инструментом, которое ты взял с собой из своего мира.

— Ты разговаривала с… — удивленно переспросил Денис. — Покажи, как, — попросил он наконец.

Придворные дамы были еще больше шокированы, когда волшебник и их принцесса опустились на грязную траву и заползли под диковинное устройство. Они даже собрались скромно отвернуться, если их самые ужасные предположения подтвердятся.

3

Когда Линнора сказала, что «разговаривала» с роботом, она имела в виду, что в действительности с ним говорила, а он отвечал ей, выводя ответы на маленький экран.

Денис нахмурился, глядя на ряды койлианских букв, появляющихся на жемчужно-белом прямоугольнике. Он не успевал читать сообщения, написанные на чужом языке. Кроме того, его

очень занимало, каким образом робот научился…

Впрочем, Денис вспомнил, что с первой минуты пребывания на Татире машина по его приказу собирала информацию о жителях планеты. Естественно, сюда входило и изучение письменности.

— Раздели экран, — приказал он. — Текст на койлианском — слева, перевод на земной английский — справа.

Текст тут же разделился на две части. Денис довольно быстро заметил одну чрезвычайно интересную вещь — две системы имели общий стиль.

Он некоторое время читал отчет: история Койлии, обнаруженная роботом в древних свитках, которые он временно позаимствовал в каком-то храме Зуслика. Здесь много и подробно говорилось о Старой Вере, которой прежде придерживались почти все жители Татира, а теперь среди ее приверженцев осталось лишь племя л'тофф и небольшая группа населения. Среди множества мифов и легенд Денис начал улавливать определенную систему.

Временами он просил робота обратиться к более ранним записям, затем приказывал вер-

нуться назад. Линнора зачарованно наблюдала за ним, порой предлагая прочитать тот или иной абзац или объясняя значение понятий, с которыми Денис до сих пор не встречался.

Наконец он решил, что с него достаточно. Вывод напрашивался сам собой.

— Татир не просто другая планета, — объявил он. — Это будущее!

Линнора чуть отодвинулась и посмотрела на него.

— Да, для тебя, мой волшебник из прошлого. Твое открытие что-нибудь меняет? Ты женишься на женщине, которая может оказаться твоим потомком?

Денис обнял ее и поцеловал.

— Ты не можешь быть моим потомком. У меня нет детей.

— Ну, это дело поправимое, — вздохнув, успокоила его Линнора. Денис уже снова собрался ее поцеловать, но в этот момент откуда-то сверху раздался крик:

— Денис! Принцесса!

На сей раз два громких удара сопроводила серия восклицаний, произнесенных хором. Денис и Линнора вылезли из-под самолета, потирая головы. Впрочем, они тут же заулыбались, увидев,

кто их поджидает.

— Арт!

На краю поляны собралась толпа, л'тофф с безмолвным благоговением наблюдали за происходящим — на плече ухмыляющегося Арта удобно устроился тихонько мурлыкающий кренеги.

— Значит, ребята Пролла все-таки сумели тебя найти! Я боялся, что по нашему описанию они вряд ли сумеют отыскать то плато, и нам придется отправиться за тобой на самолете. Мы ужасно за тебя волновались!

Арт почесал эльфенку подбородок и совершенно спокойно заявил:

— У меня все в порядке.

— Вот и отлично.

— Я послал с парнями Демсена записку Мэггин. Попросил ее приехать сюда из Зуслика и провести со мной отпуск — если, конечно, Ваше Высочество не возражает. — Он поклонился Линноре, та расхохоталась и обняла маленького вора. — Да, кстати, вы, наверное, еще не слышали новость, но думаю, вам будет интересно. Ребята Демсена наткнулись на отряд Кремера рядом с северным перевалом. И знаете, кто с ними был? Наш старый дружок Хосс'к!

— Хосс’к?

— Точно, только ему удалось сбежать. Однако разведчики захватили очень странного типа, который, похоже, был пленником Хосс’ка. Он сейчас в палатке Линей. Странное дело, говорит этот парень совсем, как ты, Денис. А кое-кто из пойманных горцев утверждает, будто он тоже волшебник.

Денис и Линнора переглянулись.

— Думаю, нам следует взглянуть на него, — сказала принцесса.

4

— Ну, Брейди, значит, Фластер все-таки послал тебя за мной. Надо сказать, он не особенно торопился.

Светловолосый человек, с мрачным видом сидевший на складном стуле, быстро обернулся.

— Нуэл! Ты! Господи, как же я рад увидеть землянина!

Выглядел Бернальд Брейди каким-то потрепанным и измученным.

На лбу красовался синяк, а привычное язвительное выражение сменили искренняя радость и облегчение, когда он понял, что перед ним

человек из его мира.

Линнора и Арт вошли вслед за ним, и у Брейди широко раскрылись глаза от изумления, когда он разглядел эльфенка на плече Арта. Очевидно, тот тоже узнал Брейди, потому что принялся угрожающе шипеть. Пришлось Арту вынести его наружу.

Когда они ушли, Брейди повернулся к Денису и умоляюще произнес:

— Нуэл, пожалуйста! Ты можешь мне сказать, что здесь происходит? Тут у них самый настоящий сумасшедший дом! Сначала я обнаружил, что зиватрон разобран на части, потом нашел твою странную записку. Тут выяснилось, что все мое оборудование как-то странно себя ведет… И, наконец, меня избили по приказу какого-то придурка, который изображает из себя самого главного… отобрали у меня все вещи…

— И оружие? Этого я и боялся. — Денис поморщился.

— Отняли все, — со стоном проговорил Брейди, — от походной печки до обручального кольца!

— Ты женился? — Брови Дениса поползли вверх. — На ком? Я ее знаю?

Неожиданно у Брейди сделался смущенный

вид, было видно, что ему не хочется обидеть Дениса.

— Ну, знаешь, когда ты не вернулся…

— Ты хочешь сказать, что Габби вышла за тебя?

— Ну, да… ты слишком долго не возвращался. И мы обнаружили, что у нас очень много общего… ну, ты понимаешь? — Он опасливо посмотрел на Дениса.

— Да ладно, Берни, — рассмеявшись, ответил Денис, — я уверен, что ты ей больше подходишь. Поздравляю. Мы постараемся как можно скорее вернуть тебя к ней, — пообещал он своему бывшему сопернику. — Мне тоже нужно на время вернуться на Землю. Хочу продать кое-что из местных произведений искусства и купить необходимые инструменты.

Денис считал, что ради благополучия обоих миров он должен позаботиться о том, чтобы Линей тщательно охранял зиватрон, ограничивая количество желающих посетить Землю или Татир. Им совсем ни к чему временные парадоксы!

Но до определенной степени обе стороны могут получить выгоду от торговли друг с другом.

— Даже если бы нам и удалось собрать новый зиватрон из тех частей, что ты закопал, — пока-

чав головой, заявил Брейди, — нам ни за что не успеть вовремя. Фластер дал мне всего несколько дней, и они уже почти истекли. А кроме того, я не знаю координат Земли!

— Я их помню, — успокоил его Денис.

— Да? — в голосе Брейди появился намек на так хорошо знакомый Денису сарказм. — А координаты этого безумного места ты уже рассчитал?

— Не волнуйся. Я могу их определить. Видишь ли, я знаю не только, где мы находимся, но и когда.

Брейди, ничего не понимая, уставился на него, и тогда Денис начал ему объяснять.

— Подумай о самых важных открытиях XX и XXI веков, — предложил ему Денис. — Вне всякого сомнения, такими открытиями стали достижения биоинженерии и зиватроника. Исследования, только начавшиеся в Сахарском технологическом и других институтах, когда мы там работали, казалось, подарят нам целый мир чудес — гигантские цыплята, коровы, дающие йогурт, даже единороги, драконы и грифоны!

Затем появился зиватрон, и перед нами открылись дороги к звездам, которые до сих пор мы считали недосягаемыми. Когда через сто лет — или около того — зив-эффект наконец был

доведен до совершенства, огромные отряды путешественников отправились в другие миры с целью колонизировать их или найти место, где они стали бы жить так, как им представлялось правильным.

Они не брали с собой большого количества инструментов, только то, что могли пронести через зиватрон. В конце концов, зачем усложнять себе жизнь и таскать тяжелые куски металла, когда можно создать организм, который будет выполнять необходимые тебе функции?

Самовосстанавливающиеся полуразумные роботы, построенные из живой материи, станут возить вас на работу, трудиться в полях и убирать в доме. Абсолютно надежные огромные летающие драконы защитят новые колонии. И все специализированные организмы будут «заправляться» пищей, которая производится особыми устройствами.

В будущем колонисты не станут путешествовать к звездам на космических кораблях и уж, конечно, не будут брать с собой металлы.

— По-моему, Нуэл, все твои рассуждения притянуты за уши, — заявил Брейди, почесывая затылок. — Ты не можешь знать, что произойдет в будущем.

— Могу, — улыбнувшись, сказал Денис. — Потому что мы с тобой в будущем, Брейди.

Брейди вытаращил на него глаза.

— Представь себе группу колонистов, неформальную, примыкающую к движению, представители которого выступают против машин и механизмов, — продолжал Денис. — Предположим, они нашли мир, который им понравился и в который можно попасть через зиватрон. Они собрали необходимую сумму, чтобы оплатить переход, и оставили Землю, отправившись в свои райские кущи и плотно затворив за собой дверь.

Сначала все шло хорошо. А потом начали умирать сложные животные, появившиеся на свет при помощи биоинженерии. Ученые, в конце концов, обнаружили причину — болезнь, виновниками которой являются существа, путешествующие сквозь зив-пространство. Люди уже не раз вступали с ними в войну. Неприятель — блекеры — выбрал этот отдаленный форпост человечества, чтобы проверить новое оружие.

Они устроили на Татире — так называется мир, о котором идет речь, — эпидемию. Болезнь уничтожала запасы синтетических продуктов. А без пищи сложные существа-симбиоты, от которых зависела человеческая цивилизация, обречены

на гибель. В поисках выхода жители Татира открыли зиватронную связь с Землей и попросили о помощи.

Брейди сидел на самом краешке стула и внимательно слушал.

— И что же случилось?

— Земля боялась заразиться, — пожав плечами, ответил Денис. — При помощи мощного устройства они закрыли все зив-пути на Татир на тысячу лет, в надежде, что за это время будет найдено лекарство. Теперь земляне и захватчики не могли проникнуть на Татир. Но, прежде чем так поступить, — Денис поднял вверх один палец, — они отправили сюда ценный подарок!

— Думаю, он уже немного успокоился, — услышали они голос Арта. — Я его принесу, а ты сиди спокойно!

Отодвинулся занавес, и появился Арт, на плече которого сидел эльфенок. Увидев Брейди, он сердито на него посмотрел, но шипеть не стал, только расправил крылья и слетел на колени Линноры. Она его погладила, и он тут же принялся довольно урчать.

— Л'тофф не забыли, какой дар преподнесла нам Земля, правда, мой маленький кренеги? — прошептала Линнора.

— Вы не забыли, — подтвердил Денис. — В последующие века падение цивилизации привело к тому, что жители Татира стали практически дикарями — ведь их мир лишился всего. Машины покрылись ржавчиной и были забыты. Им даже не знаком принцип колеса. Большинство специализированных животных погибло, язык начал меняться, канули в Лету практические знания и науки.

Те, кто остались на Земле, знали, что это произойдет. Но они не могли допустить распространения инфекции на своей планете. Поэтому они чуть приоткрыли дверь, ведущую на Татир, и отправили туда последнее достижение, результат новейших исследований — животное, обладающее иммунитетом против болезни и особым талантом, который даст жителям Татира шанс спастись. Прошло время, и они до определенной степени тоже стали обладать этим талантом. Те, кто ближе всего общались с необыкновенным существом, были наделены им в большей степени и стали зваться л'тофф.

— С нашей точки зрения — иными словами, жителей XXI века, — дар, посланный Землей, был самым настоящим чудом, — продолжал Денис. — Он действительно спас планету. А я-то считал его

совершенно бесполезным.

Брейди проследил за взглядом Дениса.

— Эта тварь? — недоверчиво показал он пальцем на эльфенка, который повертел головой и продемонстрировал ему свои остренькие зубки.

— Именно, — кивнув, сказал Денис. — Конечно, я делаю выводы из разобщенных сведений и легенд тысячелетней давности. Но я уверен, что именно так все и происходило.

Денис встал рядом с Линнорой. Принцесса из племени л'тофф и эльфенок посмотрели на него, и он им улыбнулся.

— Теперь наконец начали рушиться барьеры, отделявшие Татир от других миров. По какой-то причине дверь, ведущая на Землю XXI века, распахнулась первой. Возможно, причина в том, что мы построили первый зиватрон. Скоро откроются и другие дороги, и местные жители должны быть к этому готовы. Вполне возможно, что блекеры все еще поджидают подходящей возможности, чтобы сюда проникнуть. Вот почему я еще немного побуду здесь после того, как мы починим возвратный механизм и отправим тебя домой. — Когда Линнора взяла его за руку, он добавил: — По крайней мере, это одна из причин.

— Весьма убедительная история, — нахмурив-

шись, признал Брейди, — если не считать одной маленькой детали.

— Какой?

— Ты так и не объяснил мне, каким талантом наделена эта мерзкая тварь!

— Разве тебе никто ничего не сказал? — удивленно спросил Денис.

— Нет! Я не понимаю, что тут происходит, и это сводит меня с ума!

Денис вспомнил, сколько раз за месяцы, проведенные на Татире, он давал себе клятву поквитаться с Брейди. Сейчас бывший соперник находился в его власти, но Денис больше не держал на него зла. Впрочем, он решил, что имеет право доставить себе удовольствие и немножко ему отомстить.

— Я дам тебе возможность сообразить самому, Брейди. Думаю, ум вроде твоего быстро найдет ответ на все интересующие тебя вопросы, если ты станешь его как следует практиковать.

Бернальду Брейди ничего не оставалось делать, как молча негодовать, глядя на веселящегося Дениса Нуэла. Красавица, какой-то коротышка, чешуйчатое зубастое существо и бывший соперник смотрели на него и ухмылялись. Почему-то у Бернальда Брейди возникло неприятное ощуще-

ние, что он не получит никакого удовольствия от процесса познания.

Красный свет

Мы спокойненько направлялись к скоплению Геркулеса, никого не трогая, когда капитан сообщил по интеркому, что нас преследуют. Я как раз читал лекцию по основам имплозивной геометродинамики: растолковывал устройство звездного двигателя юнцам, которые восемь лет назад по корабельному времени, когда мы взошли на борт «Фултона», были несмышлеными младенцами.

- Древняя научная фантастика, - говорил я, - предлагала множество самых невероятных способов превзойти скорость света. Некоторые способы казались теоретически возможными, особенно после того, как мы научились воздействовать на пространственно-временной континуум, порождая микроскопические сингулярности. К сожалению, практика частенько расплющивает теорию в лепешку: чтобы воздействовать на континуум в требуемых масштабах, необходимо столкнуть между собой две галактики. Посему мы перемещаемся в пространстве в полном соответствии со старым добрым законом

Ньютона - каждое действие предполагает противодействие. Правда, нашим предкам и не снился тот способ, каким…

Изложить принципы физической геометрии мне не удалось.

- Судя по всему, нас преследуют, - разнесся по отсекам голос капитана. - Кроме того, неопознанный звездолет требует, чтобы мы сбросили скорость и дали ему возможность приблизиться.

Как выяснилось, нас пытался перехватить корабль сверхминиатюрных размеров. Весил он меньше микрограмма и двигался по направленному лучу от ближайшей звезды. Этот красный луч, отражавшийся на обзорных экранах, содержал в себе сообщение, смысл которого был предельно ясен: заглушить двигатели и приготовиться к встрече.

Попробуйте представить, как все происходило. Два спиральных рукава, между которыми зияет бездонная пучина;

звезды вокруг благодаря допплеровскому эффекту превратились в узкий сверкающий обруч с голубым свечением вдоль наружной кромки и с темно-красным вдоль внутренней. «Фултон», похожий на громадного кита рядом с крошечным кусочком планктона… Когда мы уравняли

скорости, наш транспорт, битком набитый людьми и прочими обитателями старушки Земли, очутился бок о бок с чем-то вроде зонтика. Этот зонтик отличался изысканным дизайном и, как не замедлило выясниться, обладал даром речи.

- Спасибо, что выполнили нашу просьбу, - услышали мы, когда компьютеры двух кораблей установили между собой контакт. - С вами говорит представитель межгалактического Корпуса Неукоснительных Прагматиков. Сокращенно - КНП.

Никто из нас слыхом не слыхивал о подобной организации. Однако капитан ответил как ни в чем не бывало:

- Неужели? Чем можем быть полезны?

- Вы нас весьма обяжете, если заглушите свой двигатель.

- Что? Чем он вам не нравится?

- Этот двигатель создает последовательность микросингулярностей, которые заимствует из пространственно-временного континуума, он основан на принципе квантовой неопределенности. В процессе заимствования сингулярности возникают и самоуничтожаются, что ведет к искажению континуума и порождает волну, которая и перемещает ваш корабль. Поэтому вас не

заботят расходы материи и энергии.

Честно говоря, даже я, человек, съевший на сингулярностях собаку, не смог бы сформулировать точнее.

- Ну и что? - вкрадчиво поинтересовался капитан.

- Таким образом, вы путешествуете от одной звездной системы к другой, причем с высокой относительной скоростью.

- Совершенно верно. Это нас вполне устраивает, вот почему звездный двигатель столь популярен.

- В том-то и дело, - отозвался представитель Прагматиков. - Я преследовал вас с одной-единственной целью: попросить, чтобы вы перестали его использовать.

Ну и дела, доложу я вам!

Агент КНП утверждал, что звездный двигатель по сути своей безнравственен и смертельно опасен.

- Существуют иные возможности, - заявил он. - Можно перемещаться по направленному лучу из исходной точки. Как я. Естественно, в этом случае вам придется покинуть свои тела и путешествовать в качестве компьютерных сущностей. На борту моего корабля около миллиона пассажиров

в таком состоянии. Если вы согласны, они с удовольствием потеснятся, чтобы освободить место для вашего экипажа.

' - Спасибо, не стоит, - пробормотал капитан. - Нас вполне устраивают наши тела. Вдобавок, предложенный вами способ передвижения, по правде сказать, не внушает оптимизма. Он не слишком удобен.

- Зато экологически и космологически безопасен! Тогда как ваш грубо нарушает природу континуума.

Мы навострили уши. Галактический кодекс разрешает колонизировать планеты только тем, кто заботится об экологии. Это продиктовано не столько соображениями морали, сколько стремлением сохранить места обитания для наших внуков и правнуков.

Последняя фраза агента КНП поставила нас в тупик.

- Что значит «грубо нарушает»? - осведомился я, поняв, что капитану просто нечего сказать. - Мы всего лишь взрываем за кормой небольшие черные дыры и движемся вперед на взрывной волне. С каких это пор вносить нечто в пустоту означает нарушать целостность континуума?

- Подумайте, - посоветовал агент. - Подобным

образом вы непрерывно увеличиваете расстояние, отделяющее исходную точку от места назначения.

- Верно, - согласился я. - Но всего-то чуть-чуть. А одновременно мы идем с большим квазиускорением, которое приближает нас к скорости света.

- Вам, безусловно, так удобно, однако как насчет остальных?

- Кто такие эти остальные?

- Все прочие обитатели Вселенной! - заявил агент, в голосе которого прозвучало раздражение. - Продвигаясь к цели, вы увеличиваете расстояние между точками А и Б и затрудняете тем самым дорогу тому, кто, возможно, пойдет следом.

Я расхохотался.

- Вот именно! ***Возможно!*** Понадобятся миллионы кораблей - сотни миллионов, - чтобы произошло заметное расширение континуума. Между прочим, Вселенная и так расширяется…

- И отчего это происходит, по-вашему? - перебил агент. Я на какое-то время утратил дар речи и тупо уставился

на экран.

- Что… - Я сглотнул. - Что вы имеете в виду?

КНП осуществлял благородную миссию. Его

агенты сновали по галактикам - тем, что видны с Земли, и многим другим, - побуждая близоруких разумных существ вроде нас изменить свои взгляды. Задуматься о будущем. Не портить жизнь грядущим поколениям.

Этим они занимались на протяжении тысячелетий.

- Похоже, к вам не очень-то прислушиваются, верно? - спросил я, кое-как оправившись от изумления.

- К сожалению, да, - мрачно ответил агент. - Вселенная продолжает расширяться. Расстояния между звездами увеличиваются, из-за чего прежние средства передвижения устаревают, а принципы физической геометрии приобретают все большую популярность. Ведь это так удобно! Отказываются в основном древние, умудренные опытом расы. Те, что моложе, как правило, отвергают наши советы.

Я оглядел рубку нашего замечательного корабля, куда набились любопытные - дети, супруги, родственники. Люди в компании с домашними животными, существа из укромного уголка Вселенной, устремившиеся покорять галактики. Судя по словам агента, мы не одиноки в своем стремлении - горячем желании повидать мир, в

порыве торговать, колонизировать, покорять. Да просто двигаться!

Выходит, мы - типичные покорители пространств.

- Да, - сочувственно подтвердил я. - Так оно, по всей видимости, обычно и бывает.

Агенты КНП продолжали преследовать наши корабли, взывали к разуму, использовали уговоры и угрозы, убеждая нас остановиться. Однако уговоры не действовали, на голос разума никто не обращал внимания, а угрозы были пустыми, как пространство между звездами.

С тех пор я не раз встречался с агентами КНП. Они поистине вездесущи, весьма настойчивы и крайне редко добиваются успеха. В большинстве случаев их хрупкие, похо-

жие на зонты кораблики попросту не замечают, принимая красный луч на обзорных экранах за очередной выкрутас релятивистского пространства.

Признаться, теперь я смотрю на это немного иначе. Расширение Вселенной, которое мы приписывали Большому Взрыву, в значительной мере вызвано звездными двигателями. Континуум искажается, расстояния увеличиваются, участь грядущих поколений осложняется…

Словом, Вселенная расширяется - каждый год, каждый день, когда кто-либо, озабоченный исключительно собственными нуждами, выходит в космос. В незапамятные времена расстояния были существенно короче и можно было обойтись иными средствами передвижения. Если бы тогда КНП удалось убедить разумных существ… если бы они проявили хотя бы толику здравомыслия… никаких звездных двигателей не было бы и в помине!

С другой стороны, то же самое наверняка скажут про нас в будущем, когда галактики и отдельные звезды отдалятся друг от друга настолько, что станут едва видны, а между ними проляжет созданная нашими стараниями пустота.

Увы! В молодости, когда тебя переполняет желание поскорее увидеть и испробовать все, что можно, с эмоциями справиться нелегко. Вдобавок, все вокруг одержимы той же страстью. Да чего стоят все наши корабли по сравнению с необъятными просторами Вселенной?! И потом, уж если останавливаться, то всем вместе, а не только нам, правильно?

Как ласково мурлычет двигатель! Как здорово мчаться вдоль звездного обруча на предельно возможной скорости!

Сегодня мы почти не смотрим на обзорные экраны и почти не обращаем внимания на этот назойливый красный свет.

Опоздавшие

1

Ждущий опять забеспокоился. Он повторял снова к снова, пытаясь привлечь мое внимание: «Искатель, слушай! — Его электронный голос шипел с другого конца древнего провода. — Маленькие живые существа совсем близко. Искатель! Они уже добрались до пояса астероидов, вертятся среди скал и развалин. Слышишь? Они обнюхивают, ощупывают каждый найденный объект! Скоро доберутся и до нас. Ты слышишь. Искатель? Пора решать, что нам делать!»

По-видимому, Творцы Ждущего были крайне нетерпеливыми существами. Лучше бы он оставался в холодном межзвездном пространстве! Мои создатели были мудрее. «Искатель, ты слушаешь меня?»

Мне не хотелось ни с кем разговаривать. Небольшой пучок электронов заменит мою личность и ответит Ждущему. Даже если он раскроет подмену, то поймет намек и оставит меня в покое. Или же станет еще более настойчивым. Предсказать его поведение, не задействовав в расчетах дополнительные электронные блоки, довольно трудно. «Незачем спешить, — спокойно

проговорило мое творение. — Землянам сюда не добраться еще несколько лет. В любом случае мы в силах предотвратить их приход. Все давно предрешено». Как все же удобен маленький электронный пучок — говорит с моими интонациями и рассуждает довольно логично для столь простой структуры. «Как ты можешь относиться к этому так благодушно!» — сердился Ждущий. Электронное раздражение передавалось по проводам, опутавшим скалистый ледяной мирок, ставший нашим домом много миллионов лет назад. «Мы, оставшиеся в живых, избрали тебя лидером. Искатель, потому что, казалось, ты лучше всех понимаешь происходящее в Галактике. Но сейчас ожидание подходит к концу. Биологические создания скоро будут здесь, и нам придется действовать». Наверное, в последние столетия Ждущий слишком часто настраивался на телевидение Земли. Его завывания очень напоминали человеческие.

«Земляне могут найти нас, могут и не найти, — ответила моя тень. — Нас, оставшихся в живых, так мало, и мы так слабы, что предотвратить это при всем желании… Да и чего бояться куче древней рухляди? Контакта с энергичной, молодой цивилизацией?»

Вообще-то Ждущий мог и не сообщать мне о приближении людей. Мои сохранившиеся датчики чувствуют солнечный ветер, потоки атомов и радикалов лучше, чем паруса — дуновения морского бриза. Последние столетия потоки, зародившиеся внутри Солнечной системы, приносят новые запахи. Особый привкус ионов из космических литейных цехов и тяжелый чад горелого дейтерия.

Запахи индустриальной цивилизации.

И еще — хаос модулированных радиосигналов, наполняющих космос шлягерами звезд эстрады. То были признаки пробуждения. Жизнь, только что возникшая в маленьком водяном чреве третьей планеты, уже спешила вырваться из своей колыбели. «Встречающий и Посланник хотят предупредить людей об опасности, и я с ними согласен! — не унимался Ждущий. — Мы можем им помочь».

Наш спор разбудил кого-то еще — я отметил новое подключение к нашей сети связи. Наблюдатель и Встречающий обнаружили свое присутствие пучками сверххолодных электронов. Я почувствовал, что они согласны со Ждущим. «Помочь им? Теперь? — спросил мой искусственный голос. — Наши ремонтные и воспроизводящие

модули погибли в Последнем сражении. У нас не было способа узнать о развитии человечества, пока люди не изобрели радио. А тогда стало уже слишком поздно! Их первое радиопослание ушло в смертоносную галактику. Если бы разрушители находились где-нибудь в соседних областях космоса, люди уже погибли бы! А потому, стоит ли тревожить бедных землян? Пусть наслаждаются покоем. Предостережение все равно ни к чему не приведет».

Какой молодец! Мой маленький искусственный двойник рассуждает так же, как когда-то, сдерживая нетерпеливых союзников, рассуждал я сам.

В разговор вступил Встречающий. Я услышал его привычно красноречивый поток электронов. «А я согласен с Искателем, — неожиданно заявил он. — Людей ни к чему предупреждать об угрожающей им опасности. Они и сами о ней догадаются».

Вот это меня заинтересовало. Отстранив свою искусственную личность, я подключился к сети. Никто этого не заметил. «Почему ты так думаешь?» — спросил я Встречающего.

Встречающий указал на ряд антенн, снятых с древних сломанных машин. «Мы перехватываем

разговоры людей, исследующих пояс астероидов, — ответил он. — Один из них вплотную подошел к разгадке. Скоро он поймет, что здесь произошло».

Должно быть. Встречающий позаимствовал этот самодовольный тон из телевизионных шоу землян. Оно и понятно: создатели Встречающего были восторженными существами и запрограммировали его превыше всего на свете ценить простые удовольствия. «Покажи мне», — сказал я ему. Мне с трудом верилось, что долгое ожидание наконец закончилось.

2

Урсула Флеминг наблюдала, как внизу вместе с астероидом вращаются древние руины. «Господи, ну и неразбериха!» — произнесла она со вздохом.

Она исследовала Пояс уже пять лет, занималась утилизацией плодов чьего-то труда, но никогда не видела такого нагромождения.

В четырех километрах от исследовательского корабля громоздился астероид, выглядевший абсолютно черным на фоне ленты Млечного пути. Астероид представлял собой камень протяженностью чуть больше двух километров вдоль большой оси. Миллиарды лет назад он откололся от планеты и с тех пор многочисленные столкновения с другими астероидами оставили на нем немало вмятин, кратеров и трещин. С одной стороны он выглядел, как типичный углеродосодержащий планетоид, подобный миллионам других в этой части Пояса. Но когда «Волосатый Громовержец» облетел безымянный кусок камня и замерзших газов, картина изменилась. Резкие тени обозначали руины — искореженные, скрученные памятники катастрофы, разразившейся здесь, когда по Земле еще бродили динозавры.

— Гэвин! — крикнула Урсула через плечо. — Спустись сюда, взгляни на этот хаос!

Через минуту над головой стукнул люк, и ее партнер вплыл в рубку. Подошвы Гэвина, коснувшись магнитного пола, негромко щелкнули.

— Куда смотреть, Урс? Новые загубленные крошки, ждущие автогена? Или мы наконец нашли убийц?

Урсула кивнула на иллюминатор. Партнер подошел поближе. Его физиономия заблестела в свете ламп; прожектор освещал обломки внизу. Гэвин долго смотрел на них, потом проговорил:

— Опять детские трупики. «Флеминг Сэлвидж энд Эксплорейшн» будет на чем погреть руки.

Урсула нахмурилась:

— Не болтай чепуху. Это недостроенные межзвездные зонды, разрушенные много веков назад, когда еще не были готовы к запуску. Неизвестно, были они думающими машинами вроде тебя или просто автоматами, как наш корабль. Ты должен лучше меня разбираться в роботах.

Ужимка Гэвина соответствовала саркастической гримасе человека.

— Кто виноват в том, что я болтаю чепуху?

— Что ты имеешь в виду? — Урсула повернулась к нему.

— Я имею виду то, что вы, люди, сто лет назад, когда увидели, что искусственный интеллект скоро обгонит человеческий и выйдет из-под контроля, встали перед выбором. Вы могли разрушить машины, но это затормозило бы прогресс. Вы могли жестко запрограммировать нас в соответствии с основными законами робототехники… — Гэвин фыркнул. — И получить рабов, гораздо более сообразительных, чем ваши ученые. И к какому же решению вы в конце концов пришли?

Урсула знала, что отвечать бесполезно — во всяком случае, когда у Гэвина подобное настроение. Она сосредоточилась на управлении «Громовержцем», подводя его ближе к астероиду.

— Что вы решили относительно разумных машин? — не унимался Гэвин. — Вы стали воспитывать нас так же, как своих детей, учили быть такими же, как вы, и даже наделили многих внешним сходством с людьми.

Последний робот Урсулы, старый испытанный помощник и хороший шахматный партнер, уходя на покой, предупреждал ее о том, что не стоит брать на эту работу молодых андроидов класса ААА, только что окончивших колледж. С ними столько же проблем, сколько с обычными

подростками.

Хуже всего было то, что Гэвин снова попал в точку.

Несмотря на все генетические и киборганические улучшения человеческой породы, казалось, что машины обречены превосходить людей по всем статьям. И вот, на счастье или на беду, решено было, воспитывать андроидов класса ААА так же, как обычных детей, со всеми неизбежными при таком воспитании издержками.

Гэвин покачал головой, изображая великую печаль — совсем как чересчур умный подросток, которого иногда так и хочется придушить.

— Неужели вы и впрямь надеялись, что я, созданный людьми человекоподобный робот, очеловечусь? Мы способны лишь на то, что в нас вложили, госпожа. — Он иронически покорно поклонился.

Урсула ничего не ответила. Временами она начинала сомневаться, правильное ли решение приняли люди.

Внизу вдоль всего опустошенного астероида тянулись искореженные подпорки строительных лесов. Возле опрокинутых подъемных кранов сотни миллионов лет назад нашли покой разрушенные космические суда. Урсуле пришло в

голову, что она первая, кто видит этот хаос, сотворенный ужасной неведомой силой.

Разрушителей, наверное, тоже нет. Никто еще не находил инопланетный механизм в маломальски исправном состоянии, и, пожалуй, не имело смысла держать оружие в боевой готовности.

Автономные разведывательные модули обследовали остатки недостроенных межзвездных зондов в поисках источников радиации или хоть какого-нибудь движения. Безрезультатно. Приборы не обнаружили ничего, кроме холодных скал и мертвого металла.

Урсула покачала головой. Ей очень не понравилась эта метафора. Слова Гэвина о детских трупах совсем не помогали воспринимать увиденные груды лома как сулящее прибыль сырье. Не помогут, вероятно, и в другом. Вот уже несколько месяцев она трудилась над статьей, в которой излагала свою заботливо пестованную гипотезу, объясняющую то, что здесь когда-то произошло.

— У нас есть работа, — сказала она партнеру. — Давай-ка ею и займемся.

Гэвин сложил вместе свои матовые ладони.

— Да, мамочка. Твои желания для меня закон.

Он не спеша удалился в свой отсек и начал

готовить исследовательские модули.

Урсула сосредоточилась на панели управления зондами поменьше, искавшими ракеты, радарные установки, запасы сырья. Механические труженики и работали, и передавали информацию одинаково бесстрастно… как и положено машинам.

3

Встречающий прав. Кажется, одна из маленьких землянок напала на верный след. Встречающий организовал перехват информации через примитивный бортовой компьютер, в память которого капитан корабля записывала свои мысли. И мы, оставшиеся в живых калеки, слушаем их. Мысли довольно четкие для биологического создания. Но ей пока недостает очень многих кусочков мозаики.

4

Урсула Флеминг

ПУСТЫННОЕ НЕБО

Вот и сбылась вековая мечта человечества. Мы обнаружили доказательство существования других цивилизаций. При комплексном исследовании Внешнего Пояса люди наткнулись на останки, принадлежащие более чем сорока различным культурам. Все они представлены автоматическими кораблями, и все, вероятно, давно погибли.

Что здесь произошло? И почему все древние пришельцы — роботы?

В конце двадцатого века ученые засомневались в способности людей достаточно хорошо переносить длительные космические полеты в отдаленные районы Млечного Пути. Но исследование Галактики не должно останавливаться. Уровень наших знаний позволяет отправлять в космос роботов, лучше людей приспособленных выдерживать однообразие и опасности межзвездных перелетов.

Молодая цивилизация может позволить себе несколько тысяч лет ожидания информации из далеких звездных систем.

Но Галактика довольно велика. Посылать зонды во все концы — бессмысленная расточительность. Оптимальным решением был бы запуск вместо огромной флотилии дешевых зондов небольшого количества сложных автоматических кораблей. Эти универсальные корабли-роботы занялись бы освоением ближайших звезд и планет. Проведя разведку, они на базе местных ресурсов должны создать точные копии самих себя.

Первым концепцию предложил легендарный Джон фон Нейман. Хитроумные машины, запрограммированные воспроизводить себя из подручного сырья, смогли бы запускать своих «детей» в более отдаленные звездные системы. Там каждый зонд создал бы свой дубликат, и так далее.

Освоение космоса происходило бы гораздо быстрее, чем если бы им занимались люди. К тому же расходы ограничились бы затратами на первый запуск. А необходимая человечеству информация о космосе лилась бы непрерывным потоком год за годом, век за веком.

Довольно логично, не правда ли? Ученые двадцатого века рассчитали, что этот метод позволит исследовательским зондам облететь все звезды нашей Галактики примерно через три миллиона лет после первого запуска — мгновение по сравнению с возрастом Галактики!

Смущало лишь одно. С тех пор, как люди изобрели радио, а потом совершили первый космический полет, они не встретили ни одного инопланетного аппарата, не получили ни одного послания от другой цивилизации.

Сначала, в двадцатом веке, этому видели единственное объяснение…

Урсула пробежала глазами текст на экране. Наверное, не следовало критиковать ученых прошлого столетия. В конце концов, кто мог предвидеть, что Вселенная окажется необычнее самых смелых фантазий?

Отвернувшись от монитора, Урсула понаблюдала, как Гэвин управляется с бригадой механических старьевщиков. Партнер удалялся вдоль троса, натянутого между кораблем и развалинами. Движения андроида отличались от движений роботов, были почти человеческими. Похоже, дело у него спорилось. Смена Урсулы начиналась только через час, и она вернулась

к статье. Ей хотелось изложить свое видение Вселенной… Только вот удастся ли когда-нибудь закончить работу?

Она просмотрела и отредактировала последние два параграфа, потом снова застучала по клавишам.

Попробуем при помощи воображаемого диалога восстановить ход мыслей ученых двадцатого века.

Мы близки к созданию автоматического разведывательного корабля. Помимо тяги к обычной колонизации, любая по-настоящему разумная форма жизни испытывает соблазн послать привет иным цивилизациям и посмотреть на результаты. Первые зонды, покинувшие пределы Солнечной системы, — «Вояджер» и «Пионер» — как нельзя лучше демонстрируют это стремление. Они несут простые послания, которые, как предполагается, должны быть расшифрованы инопланетянами. Только вот узнать об успехе миссии земляне смогут лишь, когда от авторов проекта, к сожалению, не останется и праха.

Достаточно похожие на нас разумные существа должны вести себя приблизительно так же, как и мы.

Но если самовоспроизводящиеся зонды — луч-

ший способ освоения Галактики, почему мы до сих пор не встретили ничего подобного? Не означает ли это, что другие цивилизации не достигли нашего уровня?

Можно сделать вывод, что мы — первая разумная общественная технологическая раса в истории Млечного Пути.

Логика казалась неопровержимой, и большинство людей распрощалось с надеждой на контакт, тем более что радиотелескопы не приняли ни одного осмысленного сигнала, лишь звездный шум.

А человечество тем временем добралось до Марса, двинулось дальше и обнаружило во Внутреннем Поясе зону Опустошения.

Урсула поправила упавший на глаза черный локон. С подходящими цитатами и ссылками на чужие статьи можно подождать. Сейчас главное — успеть за потоком мыслей.

Мое исследование не претендует на глубину. Но некоторые предположения о том, что произошло здесь задолго до появления человечества, у меня уже есть.

Когда-то в далеком прошлом в Солнечную систему прибыл первый зонд «фон-неймановского»

типа. Возможно, он прилетел для сбора и передачи информации куда-то сквозь пустоту световых лет. Первый посланник не обнаружил тут разумной жизни и приступил ко второй части своей миссии. Выбрав подходящий астероид, он изготовил на нем собственную копию и запустил ее к другим звездам. Сам же остался, чтобы наблюдать за этим уголком космоса в ожидании каких-либо интересных событий.

По прошествии многих эпох сюда прилетели новые зонды, созданные другими цивилизациями. Они тоже запустили свои дубликаты. «Родители» же постепенно объединились в маленькое, но растущее сообщество механических посланников, и все они ждали появления в этой богом забытой системе кого-нибудь, кто скажет им: «Здравствуйте!»

Урсула представила себе эту картину: одинокие машины, посланцы, возможно, давно сгинувших цивилизаций. Верные своему долгу роботы воспроизводят самих себя, прощаются со своими «детьми» и застывают в спячке, медленно плывя в пространстве по галактической спирали.

Мы обнаружили несколько зондов той далекой эпохи, когда Галактика была юна и чиста.

Точнее, мы обнаружили их взорванные останки. Вероятно, однажды эмиссары далеких звезд узнали о проникновении в Солнечную систему новых чужаков. И, может быть, они, как и мыслители двадцатого века, были уверены в миролюбии пришельцев. Надо встретить их — пусть разделят нашу компанию!

Но эпоха мира миновала. Галактика повзрослела и заметно подурнела.

Разрушенные роботы — свидетели загадочной войны, продолжавшейся огромный промежуток времени, а мы используем их останки. Зона Опустошения — плод деятельности существ, практически не знакомых с биологическими формами жизни, но она ускорила нашу технологическую революцию.

Щелчок динамика отвлек Урсулу.

— Ты здесь, Урс?

Она переключила рацию на передачу.

— Да, Гэвин. Нашел что-то интересное?

Короткая пауза.

— Можно сказать, да, — насмешливо ответил андроид. — Не соблаговолите ли вы на время оставить «Громовержец» и, переместив сюда свой симпатичный сгусток биомассы, посмотреть лично?

Урсула едва удержалась от резкого ответа. Она мысленно повторила, что надо быть терпеливой, трудный возраст проходит.

— Уже иду.

Автопилот принял управление кораблем на себя, а Урсула, все еще раздраженная колкостями Гэвина, натянула скафандр.

За все приходится платить, думала она. Класс андроидов, к которому принадлежал Гэвин, — совершенно особенный, и ради будущего успеха необходимо проявлять терпение. В далеком будущем наша культура станет их культурой, а они в некотором смысле — нами Ведь биологическое человечество не вечно.

Но все равно, когда Гэвин поинтересовался, какая физиологическая потребность задерживает мамочку, она с грустью пожалела о тех временах, когда роботы гремели, словно жестяные банки, а компьютеры тупо выполняли команды программиста.

5

Ах, у слов есть особый аромат, аромат самой юности.

Легко преодолев примитивную блокировку, я вошел в память компьютера маленького корабля и начал читать бортовой журнал… раздумья маленького умного Мастера.

Слова… Они так забавны, так биологичны. Не то что семиричные гештальты, при помощи которых общалось большинство других существ. Было время, когда столетиями читал поэзию древних Мастеров. Где-то глубоко в моих архивах до сих пор сохранились файлы с их грустью и мечтами.

За многие эпохи ничто не вызывало во мне таких сладких воспоминаний, как размышления Урсулы Флеминг.

Мое собственное существование началось в то давнее время, когда монтажные аппараты конструировали меня из расплавленных горных пород, мое рождение и обучение освещала звезда, которую люди называют Эпсилон Эридана. Мое сознание расширялось по мере подключения каждого блока памяти и усвоения каждой новой порции информации, переданной моим

Родителем.

Так я и моя сестра узнали Цель, ради которой были созданы мы и поколения наших предков.

Получая новую периферию, мы расширяли наше детское представление о мире, тестируя друг друга, бесконечно моделировали всевозможные ситуации. Люди называли это «игрой». И, конечно же, размышляли над особой ролью, которую мы играли в Галактике — мы, представители две тысячи четыреста десятого поколения, считая от первого запуска, осуществленного древними Мастерами.

Родитель рассказывал нам о биологических существах, странных, состоящих из воды и мембран. В системе Эридана биологические формы жизни тогда еще не встречались. Кроме того. Родитель поведал нам о Мастерах и о ста основных видах межзвездных зондов.

Свое оружие и исследовательское оборудование мы испытывали среди обломков зондов, прибывших на Эпсилон Эридан с первой волной, когда Галактика была юной. Как тревожно было смотреть на эти обломки, мерцающие под мучительно ясным звездным небом, — они лучше всех наставлений Родителя напоминали нам, сколь опасной стала Галактика.

Каждый из нас ждал дня, когда придет пора исполнить свой почетный долг. И этот день настал. День Запуска.

Я даже не оглянулся, чтобы последний раз взглянуть на Родителя. Ведь я был молод, полон энергии и не обращал внимания на такие мелочи. Двигатели вынесли меня в темноту, все органы чувств смотрели только вперед, в сторону цели. Крохотное пятнышко Солнца стало для меня центром Вселенной; я стрелой мчался к нему сквозь ночь.

Позже я пришел к осознанию того, что должен был чувствовать Родитель, отправляя нас в путь. Но тогда, в межзвездном пространстве, я беспечно убивал время, дробя свое сознание на тысячу отдельных частей и устраивая миллион маленьких состязаний между ними. Я рылся в архивах Мастеров, разучивал стихи, придумывал всевозможные сюжеты.

Наконец я достиг Солнца… как раз к началу войны.

С тех пор, как Земля начала транслировать свои экстравагантные, беззаботные передачи, мы, оставшиеся в живых, слушали симфонии Бетховена и тяжелый рок, спорили о достоинствах Китса, Лао-Цзы и Кобаяси Исса. Мы вели

бесконечные дискуссии о странностях жизни на этой планете.

Я следил за многими землянами, но эта разведчица меня особенно заинтересовала. Приборы ее корабля ощупывали развалины совсем рядом с нашим последним прибежищем. Проникнуть в ее примитивный компьютер и считать вводимые туда мысли оказалось легко. Возможно, потому, что она мыслит, как Мастер.

Блоки и каналы глубоко во мне пробуждались ото сна длинной в шестьдесят миллионов лет. Этого требовала заложенная в меня программа: я почуял Цель.

Ждущий тоже забеспокоился. Встречающий прислушивался и приглядывался. К нам присоединились зонды поменьше — Агенты, Ученики, Защитники и Сеятели. Все уцелевшие в древней баталии несут в себе индивидуальные свойства своих создателей и давно погибших цивилизаций, и теперь попытаются самоутвердиться вновь. Как будто после стольких лет слияния можно восстановить независимость друг от друга. Все мы слышим, что и как думает каждый из нас. Я думаю о достижении Цели. Остальные — о какой-то ерунде. Их желания сейчас абсолютно неуместны. Цель — вот что превыше всего! Скоро

в этом уголке Вселенной осуществится замысел моих предков.

6

На фоне звездного неба громоздились темные силуэты башен и шпилей. Давным-давно погибший город, город-призрак. Когда-то скалы кипели здесь от огромного количества тепла, выделявшегося при взрывах. Теперь об этом напоминала лишь застывшая стекловидная пена. Внизу, под грудами рухнувших лесов, лежали взорванные куски недостроенных аппаратов. Урсула пробиралась за Гэвином среди исковерканных обломков по гигантскому кладбищу кораблей-роботов. Жуткое место, пугавшее своими масштабами. Человечество не придумало оружия, способного вызвать такие разрушения. Сердце Урсулы сжалось от ледяного ощущения безнадежности.

«Конечно, это просто глупый рефлекс, — мысленно убеждала себя Урсула, — разрушители давно покинули Пояс». Но ее глаза все равно непроизвольно высматривали среди развалин фигуры чужаков. Несомненно было одно: человечество не сможет противостоять, если они вернутся.

— Это там, внизу, — сказал Гэвин, прокладывая дорогу во мрак покосившейся башни. Спеша в

своем блестящем костюме вслед за роем минизондов, он выглядел совсем как человек. Ничто, кроме тембра голоса, не указывало на его происхождение от силиконовых предков.

Но дело не в предках. Сегодня понятие «человечество» включает в себя не только людей, а всех, кто только способен ценить музыку, наслаждаться закатами, сострадать другим существам и понимать юмор. Будущее внесет еще большее разнообразие, и Человек будет называться таковым не по строению тела, а по приверженности к системе человеческих ценностей. Это подтверждает вся история цивилизации с тех пор, как люди покинули земную колыбель, чтобы жить в мире под звездными небесами других планет.

Продвигаясь вслед за Гэвином сквозь покореженный металлический туннель, Урсула размышляла о том, что решение людей не было единственно возможным. Другие цивилизации могли использовать роботов для других целей.

Неведомые силы оставили на поверхности планетоида ужасный шрам. В глубине открывались многочисленные ходы. Гэвин переключил реактивный двигатель на торможение и показал рукой вперед:

— Мы как раз осматривали первые ответвле-

ния, когда один из разведчиков сообщил, что обнаружены инкубаторы.

Урсула тряхнула головой, не веря своим ушам.

— Инкубаторы? Герметически закрытые боксы, наполненные газом? Для поддержания органической жизни?

Гэвин поморщился, с трудом скрывая раздражение.

— Пойдем, мамочка, я тебе все покажу.

Урсула включила двигатель и последовала за своим партнером в глубину тоннеля. Прожектор на шлеме скафандра освещал путь.

Инкубаторы? Урсула задумалась. Уже несколько лет люди прочесывали развалины в поисках чужих космических аппаратов, но впервые обнаружено свидетельство визита живых существ. Неудивительно, что Гэвин раздражен. Незрелому андроиду впору заподозрить в этом глупую шутку.

Живые путешественники со звезд! Это и впрямь противоречит всякой логике. Но вскоре Урсула увидела первое подтверждение. В пыли лежали массивные двери шлюзовых камер, сорванные с петель. Пятна ржавчины могли образоваться только в воздушной среде.

Хотя по закону все разумные равны, биологи-

ческий вид традиционно считается в Солнечной системе доминирующим. Между тем немало представителей класса ААА считают, что будущими лидерами станут их потомки. Расе андроидов предстоит покорять звезды. Открытие инопланетных зондов в поясе астероидов было для них добрым знаком. Конечно, с посланцами иных миров случилось нечто ужасное, но так или иначе Галактикой правят машины из металла и силикона. Будущее за ними.

Однако здесь, во чреве планетоида — исключение из правила.

Урсула протиснулась между обломками огромной глыбы, вывороченной из углеродистой скалы. Часть инкубаторов разрушилась от сотрясения, вызванного взрывами на поверхности, но некоторые, небольшие по размерам, как будто уцелели. И уж, во всяком случае, механизмы в этой пещере отличались от всех, найденных раньше.

Она обвела взглядом очертания сложных сепараторных колонок. «Химическое оборудование… и не для крекинга, не криогенное, а для синтеза органики!» Урсула принялась быстро осматривать помещение за помещением; Гэвин угрюмо следовал за ней. Бригада рабочих автоматов но-

силась повсюду, словно свора собак, напавших на след. Они рыскали, чем-то щелкали, обнюхивали каждый угол. По мере поступления информация высвечивалась на дисплее в шлеме Урсулы

— Смотри! Роботы сообщают, что нашли в одной из комнат органические соединения, которых там, по идее, не должно быть. И след сильного окисления.

Урсула поспешила туда. Автоматы уже успели смонтировать освещение.

— Видишь эти следы? Они оставлены потоком воды! — Урсула показала на них андроиду. — У них была вода, и она циркулировала вон в том отсеке! — На перчатках сверкнула пыль. — Держу пари, здесь был плодородный слой! Смотри, стебли! Черенки растений!

— Цветочки! — умилился Гэвин. — Ах, ты. Боже мой! Как хорошо, что андроиды класса ААА запрограммированы любить природу так же, как и вы, наши биоблагодетели!

Урсула усмехнулась.

— Это временная мера. Мы вынуждены вас программировать, пока нет уверенности, что вы способны мыслить самостоятельно. Никто не собирается внушать вам ностальгию по осени в Новой Англии, тем более в космосе. Кстати,

возможно, роботы-пришельцы, наблюдая за Землей в телескоп, решили тоже украсить цветами свое пристанище. — Она остановилась и повела рукой. — Но эта оранжерея предназначалась для биологических существ — настоящих, живых пришельцев!

Гэвин насупился и ничего не ответил.

— А здесь, — сказала Урсула, когда они вошли в следующую комнату, — здесь эти биологические существа появлялись на свет! Разве эти агрегаты не похожи на инкубаторы, которые мы используем на Луне?

Гэвин нехотя согласился.

— А может быть, — предположил он, — органические существа были специально синтезированы для работы с опасными реактивами? Или мыслящим зондам понадобилось добыть что-то с поверхности Земли, и они создали подходящих для этого исполнителей?

Урсула рассмеялась.

— Неплохая идея. То есть все наоборот? Хм… Машины создают биороботов для работ, которые не могут выполнить сами. Впрочем, почему бы и нет? Но все равно я в этом сомневаюсь.

— Почему?

Она повернулась к нему и назидательно из-

рекла:

— Потому что все, что есть на Земле, гораздо легче синтезировать в космосе. Как бы то ни было.

— Да это ведь разведчики! — перебил ее Гэвин. — Если зонды были посланы для изучения планет и накопления новых знаний и собирались узнать побольше о Земле, то логичнее было отправить туда живых разведчиков.

Урсула кивнула.

— Пожалуй, но все же недостаточно убедительно.

Благодаря слабой гравитации, тут можно было стоять на ногах. Оборудование камеры покрывал толстый слой пыли.

— Инкубаторы находятся почти в центре астероида. Не вижу этому другого объяснения, кроме заботы о безопасности зародышей. Ведь зонды-"родители" создавали собственных «детей» наверху, где те подвергались бомбардировке космическими лучами и прочим опасностям. В самом нежном возрасте. Допустим, биологических существ растили лишь для исследования этого уголка Солнечной системы, нашей Земли, тогда зачем роботы обеспечили им большую безопасность, чем собственному «потомству»? —

Урсула кивнула на тоннель, ведущий к выходу, и покачала головой. — Нет, эти существа не были подсобными рабочими. Они были колонистами!

Внимая ее речи, Гэвин стоял неподвижно, потом отвернулся и вздохнул.

7

Как ей удается проникать в суть вещей, нашей маленькой биологической гостье? Я подслушиваю ее разговоры с кибернетическим партнером, я перехватываю информацию, которую она передает на свой корабль. Но я не могу прочесть ее мысли. Удивительно, насколько близко подобралась она к полному объяснению здешних событий.

Ее мыслительные способности по сравнению с потенциалом Встречающего и Ждущего, не говоря уже, о моем, крайне ограничены, а знания мизерны. Но есть у нее какое-то таинственное качество, свойственное Мастерам. Даже я, несмотря на то, что меня отделяют от рук наших создателей две тысячи поколений, чувствую это. Что-то есть необъяснимое в том, как в этом сгустке кое-как уложенных клеток с подсоленным белковым супом внутри, возникают мысли. Теперь она раскрыла секрет сада Сеятелей. Она поняла, что зонды-Сеятели выполняли единственную задачу — доставку закодированной генетической информации к далеким звездам и взращивание биологических видов на подходящих планетах.

Когда-то это было делом довольно заурядным. Но десять поколений назад перестала поступать информация от моих соплеменников, так что теперь мне неизвестно даже, продолжают ли Мастера запускать хотя бы самовоспроизводящиеся зонды. Думаю, нет. Вероятно, Галактика оказалась слишком опасной для мирных маленьких Сеятелей.

Поняла ли уже маленькая землянка, бродя среди разрушенных убежищ колонистов, кто именно погиб вместе с материнским зондом? Почему эти живые создания, столь похожие на нее, превратились в мумии, так и не успев основать колонию? Сострадание — сильнейшее человеческое чувство. Землянка наверняка считает их уничтожение страшным преступлением. Вероятно, с нею согласились бы Встречающий и Ждущий, как, впрочем, и большинство из нашего пестрого сборища калек.

Потому-то я и скрываю свою причастность к «бойне».

В непрестанном своем движении Галактику тоже ожидают омуты и водовороты. И хотя подразумевается, что все мы, оставшиеся в живых, на одной стороне, в любом альянсе есть слабое звено. Тот, кто живет достаточно долго, рано или

поздно может стать ренегатом.

…Какие слова! Может, я насмотрелся земного телевидения или начитался беллетристики из электронных библиотек?

Испытываю ли я чувство вины? Если честно — да. Но сейчас мне не до самокопания — оно может развеять скуку, когда все кончится и наступит новый период ожидания. Если только я до него доживу.

Собственно говоря, чувство вины заботит меня не так сильно, как жалость. Бедные земляне — живут и не ведают, почему они существуют и какая роль уготована им во Вселенной. Нужно, чтобы хоть некоторые из них поняли это. Тогда со временем можно будет рассказать им, что их ожидает.

8

Наверное, Гэвин взрослеет, размышляла Урсула, спускаясь по узкому проходу, освещенному редкими электрическими лампочками, питавшимися от генератора «Громовержца».

Последние несколько дней работа шла гораздо слаженнее. Кажется, Гэвин начал понимать, что их открытие пойдет на пользу его репутации. Вернувшись на корабль, он с небывалым энтузиазмом и к тому же вежливо отрапортовал о новых находках.

Все шло к разгадке тайны происхождения инкубаторов.

Настал черед Урсулы спускаться на разведку в недра астероида. Она добралась до площадки, где Гэвин успел установить мостки. Сюда выходило сразу три тоннеля. Тут же находилось пять или шесть древних машин, словно застывших в схватке друг с другом. Вокруг громоздились оплавленные камни и куски металла. Возможно, роботы нашли здесь убежище, спасаясь от ужасной бойни на поверхности, или же битва распространилась вглубь.

Заняться ими можно и позже. Урсула решила

прогуляться в темноту одного из необследованных проходов. Ее молчаливо сопровождали вспомогательные аппараты. Тоннель круто спускался к центру слабой гравитации крохотной планетки Вскоре свет за спиной Урсулы померк. Она включила шлемовый прожектор и продолжила спуск. Наконец она попала в разрушенную шлюзовую камеру. Впереди чернел открытый зев большой пещеры. Овальное световое пятно от луча прожектора выхватило из векового мрака нежно поблескивающую стену. Платиновый блеск исходил от оплавленных зерен металлов и минералов, образовавшихся около пяти миллиардов лет назад.

Разумом Урсула понимала, что ничего живого тут, внизу, не осталось, и бояться нечего. Вообще-то она была не робкого десятка — на Земле ее не покидало присутствие духа даже посреди дикой саванны. Но здесь ее трясло как в лихорадке. Дыхание участилось; казалось, вот-вот откуда-нибудь выскочит приведение. Урсула махнула рукой:

— Третий, установить освещение!

— Есть, — ответил тусклый монотонный голос. Робот на длинных ходулях, специально предназначенный для таких работ, осторожно, стараясь

по возможности ничего не задеть, перелез через крупный валун.

— Осветить дальнюю стену! — приказала она.

— Есть.

Автомат развернулся. Вспышка света показалась столь яркой и неожиданной, что Урсула не мгновение ослепла. Потом она увидела покрытые толстым слоем пыли врезанные в каменный пол столы и стулья. Между ними лежало с десяток мумий. Ледяной вакуум предохранил маленьких двуногих от тления. Они сбились в тесную кучку, словно до сих пор пытались согреть друг друга в своем последнем пристанище.

Широко посаженные глаза пришельцев не сохранились — они попросту высохли; мумифицированная плоть обнажила зубы. Они как будто насмехались над бездной веков, похоронившей их в безымянном склепе.

Урсула шагнула в пыль.

— У них даже были свои малыши, — прошептала она.

Несколько крупных мумий Образовали кольцо вокруг фигурок поменьше. Они защищали их от враждебного мира.

Стараясь удержать мысли в нужном русле, Урсула начала диктовать в микрофон:

— Вероятно, они готовы были приступить к колонизации, когда произошла катастрофа. Установлено, что атмосфера в инкубаторах почти идентична земной. Можно предположить, что их конечной целью была наша планета. — Урсула медленно повернулась, осмотрела помещение и продолжила фиксировать впечатления.

— Похоже, материнские зонды были запрограммированы на изменение генов колонистов с тем, чтобы приспособить строение их организмов к конкретным условиям выбранной планеты… — Она внезапно умолкла. — Боже!.. Боже мой!

Прожектор осветил дальний угол, и Урсула уставилась на две мумии, лежавшие у единственной гладкой стены. Уродливые, высушенные руки погибших все еще сжимали инструменты — самые простые, какие только можно себе представить.

Молотки и зубила.

Но главное, что ее поразило, было то, какую работу выполняли ими пришельцы.

— Гэвин, ты еще не заснул?

Ответ последовал спустя несколько секунд.

— Уф-ф. Нет, Урс. Я приводил себя в порядок. Что случилось? Тебе нужен кислород? Или что-нибудь другое? У тебя дрожит голос.

Урсула попыталась успокоиться. Нельзя поддаваться эмоциям, тем более в такой дали от дома.

— Гэвин, лучше бы тебе спуститься. Я нашла их.

— Кого? — проворчал андроид. Наконец он сообразил. — Колонистов?

— Да. И… и в придачу еще кое-что.

Пауза затянулась.

— Ладно, Урс, иду.

Урсула опустила руки и надолго застыла, глядя на свою находку.

9

Нервничали уже не только Ждущий и Встречающий, а и все остальные. Они даже подумывали, не задействовать ли свои резервные блоки, потребовав обратно свою долю мощностей, некогда пожертвованных каждым в общую систему.

Этого я, конечно, допустить не могу. После финальной Битвы оставшиеся в живых договорились объединиться. С тех пор автоматические модули использовались в общих интересах. Все ремонтные и множительные блоки были собраны вместе, чтобы ждать. Все предполагали, что если опять появится кто-нибудь извне, то это будет автоматический аппарат

Тогда, если прибудет один из Разрушителей, мы попытаемся справиться с ним совместными, хотя и все равно жалкими, усилиями. Если же одна из разновидностей Верноподданных — мы попросили бы его о помощи. Сохранив возможность самовоспроизводства, мы за считанные столетия сумели бы восстановить былое могущество. Конечно, пришельцем мог оказаться и Нейтрал, хотя трудно поверить, что в нашей опасной Галактике какая-либо разновидность зондов может

придерживаться нейтралитета.

Рано или поздно, но кто-то должен прибыть — мы были уверены в этом. Только никто не предполагал, что ожидание затянется настолько, что млекопитающие этой мокрой планеты разовьются до уровня Мастеров.

Что происходило в Галактике, пока мы торчали здесь? Закончилась ли наконец Война?

Неужели победили Разрушители? Тогда понятно, почему в космосе так пусто и тихо. Эти роботы вскоре непременно начали бы воевать между собой, и в конце концов остался бы один вид, который стал бы диктовать всем свою волю. Число возможных претендентов на господство сводится к нескольким типам. Но завоюй его Неистовые, они давно очистили бы Землю от любых форм жизни. Если бы победили Пожиратели, они принялись бы уничтожать целые звездные системы. Значит, Неистовые и Пожиратели отпадают. Эти типы слишком примитивны, они слишком прямолинейны. Должно быть, они уже вымерли. А вот Анти-Мастера, самое коварное и умное племя Разрушителей, могли победить так, что мы не узнали бы об этом. Они не тратят времени зря, не разрушают биосферы и не пожирают звезды в припадке самовоспроизводства. Их

цель — поиск и уничтожение технологических цивилизаций. Набор их грязных методов огромен. И разве смогли бы Анти-Мастера, слушая невообразимый гвалт земных радиопередач, удержаться от соблазна прикончить землян? Поэтому Встречающий и Ждущий решили, что все Разрушители погибли и можно безбоязненно слать Верноподданным просьбу о помощи.

Я этого, конечно, не допущу. Им невдомек, что даже среди Верноподданных бывают разногласия. Цель… моя Цель прежде всего. Даже если придется предать компаньонов, с которыми коротал томительные тысячелетия ожидания.

10

Урсуле они представлялись очень наивными. Хотя, рождайся мода в инкубаторах, воспитывайся они машинами — разве не были бы они такими же? Свободу пришельцев ограничивали стены подземелья, но подразумевалось, что потом они будут жить на поверхности планеты. Пока колонисты находились в космосе, они полностью зависели от своих автоматических нянек, которые обеспечивали их всем — пищей, кислородом и теплом. Однако, по всей видимости, они полностью или почти полностью отдавали себе отчет в происходящем. В программу нянек наверняка входило обучение подопечных. И вот, несмотря на то, что все магнитные или сверхпроводниковые носители информации вышли из строя, живые существа были уверены: их послание когда-нибудь прочтут… Послание на обтесанной стене.

— Нужны специалисты по расшифровке иероглифов, — изрек Гэвин, осторожно сдувая газовой струей пыль с неровных строчек, в которые складывались выбитые на камне угловатые значки. — Умные люди, возможно, сумеют истол-

ковать этот текст и рисунки.

Глуховатый голос андроида словно подчеркивал его скептицизм. Подумаешь, скрижали великого народа!

— Возможно, — согласилась Урсула.

Под ее руководством небольшой робот закончил сканирование изображения и откатился в сторону, ожидая дальнейших инструкций. Урсула отступила назад и уселась по-турецки на другой автомат, продолжавший невозмутимо жужжать. Она вытянула руки перед собой, обрамляя картину, которую пыталась понять, и долго держала их на весу. При здешней тяжести это было совсем не трудно.

Колонисты испещрили стену сложными рисунками, строчками и столбцами иероглифов. А все это время наверху бушевало сражение. Узкие полоски выдолбленных знаков прерывались легко узнаваемыми изображениями Солнца, планет и космических кораблей.

Чаще всего на стене попадались рисунки сложных машин.

Урсула и Гэвин пришли к заключению, что послание начинается с левого нижнего угла, где был изображен межзвездный зонд, подлетающий к звездной системе — вероятно, Солнечной — с

тонкими линиями планетарных орбит. За первым фрагментом следовала пиктограмма этого же зонда, но уже развернувшего вспомогательные аппараты на некоем подобии планетоида и начавшего процесс самовоспроизведения.

Дальше восемь копий первого зонда покидали пределы Солнечной системы. Ниже ряда дочерних зондов располагались четыре символа, из них три одинаковых. Урсула предположила, что они обозначают двоичное число восемь. Это подтверждали и стоящие там же восемь точек.

Расшифровка уже началась! Урсула сделала пометку в бортовом журнале. Скорее всего данный тип зондов был запрограммирован только на восемь собственных копий, не больше. Это давало ответ на вопрос, мучивший Урсулу несколько месяцев. Если самовоспроизводящиеся зонды бороздили Галактику миллиарды лет, то странно, как минеральные ресурсы планет остались практически нетронутыми. Теоретически, достаточно развитая технологическая цивилизация сумела бы растащить на кусочки не только астероиды, но даже и целые звезды. Примитивные зонды могли, словно прожорливые вирусы, поглотить всю Галактику. И не осталось бы ничего, кроме несметных скоплений роботов, пожирающих

друг друга в погоне за сырьем. Патология, которая в итоге привела бы к энтропийной смерти всей системы.

Но Галактике удалось избежать такой участи. Текст на стене показал, каким именно образом. Зонды были запрограммированы производить жестко ограниченное число своих копий. Данный тип зондов, напомнила себе Урсула.

В последнем фрагменте первого ряда пиктограммы, отослав своих отпрысков к месту назначения, материнский зонд направлялся к какой-то планете. Зонд и планету соединяла тонкая линия. Стилизованная фигура гуманоида, отдаленно напоминавшая лежащих на полу мумий, шагала по этому мостику к своему новому дому.

Так заканчивалась первая часть послания. Наверное, она говорила о событиях, которые должны были произойти. Но дальше шел другой текст, видимо, описание действительных событий. Прибыв в Солнечную систему, зонды повстречали здесь другие, опередившие их аппараты.

Волнение Урсулы возрастало по мере расшифровки изображений.

Итак, во втором ряду вновь прибывший зонд натыкается на своих собратьев. Возле значка

каждого из предшественников стоял маленький кружок. Поначалу действие развивалось так же, как и в предыдущей строке. Материнский зонд копирует себя, запускает копии и приступает к заселению планеты представителями древней цивилизации — той, что некогда отправила к звездам самый первый зонд.

— Кружочки отмечают дружественные аппараты, — задумчиво проговорила Урсула.

Гэвин чуть отступил назад, окидывая взглядом место, на которое она показывала.

— А эти значки для чего?

— Возможно, это зонды, не имеющие отношения к главной миссии.

Гэвин задумался на секунду.

— Тогда этот крестообразный символ… — Он помедлил, разглядывая рисунок. — Означает врагов, — закончил он.

Урсула кивнула.

— Третья последовательность картинок снова изображала материнский зонд, прилетевший в Солнечную систему. Но теперь его преследовало множество разных аппаратов, помеченных крестиками. По этой версии событий зонд не копировал себя, не заселял планету. Израсходовав горючее, не в состоянии покинуть Солнечную

систему, он нашел укромное место и затаился.

— Он их боялся, — прокомментировала Урсула и тут же подумала, что Гэвин упрекнет ее в излишне эмоциональном подходе к психологии роботов, но тот обдумывал ее слова. Наконец он кивнул.

— Пожалуй. Но, смотри, все кружки и крестики слегка отличаются друг от друга.

— Да, — согласилась Урсула, приглядевшись повнимательнее. — Предположим, что к моменту создания этого текста в Галактике существовало два основных типа «фон-неймановских» зондов, отражавших две различные концепции. Разумеется, были различия и внутри каждой группы. — Она изучала дальний правый край стены. Тут были выбиты столбцы изображений нескольких типов машин, каждому из которых соответствовали собственный кружок или крестик и расположенная рядом сюжетная сценка. Некоторые из рисунков показывали сцены насилия.

Все еще не веря своим глазам, Гэвин тряхнул головой

— Но почему? Фон-неймановские зонды предназначены для… для…

— Почему? — задумчиво переспросила Урсу-

ла. — Люди считали, что образ мыслей представителей других цивилизаций схож с человеческим. А мы думали, что зонды нужны для сбора информации и поисков братьев по разуму. Находились даже такие, кто верил, что человечество когда-нибудь запустит к другим мирам аппарат, подобный этим зондам-нянькам. Тем самым наш биологический вид избежал бы длительных пилотируемых перелетов. Приняв идею самовоспроизводящихся зондов, мы продолжали рассуждать в том же духе и думали, что инопланетяне должны поступить так же. Но человеческая фантазия ограниченна. Чуждый разум способен на такое, что нам и не снилось!

Урсула вдруг спрыгнула с жужжащего робота и заскользила над пыльным полом пещеры. Потом слабая сила тяжести притянула ее к земле, и она опустилась прямо перед обтесанной стеной.

— Пускай даже большинство цивилизаций развивается по тому же пути, что и земная. — Урсула провела пальцем по контуру рисунка Солнца. — Они сконструировали умные, надежные аппараты, способные к сверхдальним перелетам и самовоспроизводству. Но все ли инопланетяне ограничились посылкой этих автоматических эмиссаров?

Гэвин посмотрел на неподвижные иссохшие тела.

— Видимо, не все.

Она повернулась к нему и улыбнулась.

— Мы давно оставили надежду на пилотируемые полеты к другим звездам. Даже если не сбрасывать их со счетов на случай каких-то экстраординарных обстоятельств, все равно лучше прибегнуть к помощи тех, кто приспособлен для подобных перелетов. Это главный мотив создания таких, как ты, Гэвин.

Гэвин кивнул, не поднимая глаз.

— Но ведь и другие тоже не отказались бы от своей мечты.

— Да. Они непременно разработали бы технологию заселения новых планет. Я уже сказала, так следует по логике землян. Я просматривала архивы — этот вопрос обсуждали еще в двадцатом веке.

Гэвин смотрел на пиктограммы.

— Ладно, тут все ясно. Но… неужели мыслящие существа способны на насилие?

Бедный Гэвин, подумала Урсула. Для него это потрясение.

— Ты знаешь, как мы бываем временами раздражительны. Только человечество стремится

создать миролюбивых роботов, а другие расы могли поступить иначе. Запрограммировали свои зонды в соответствии с жесткими законами среды, в которой эволюционировали. Откуда им было знать, что в космосе эти законы не действуют? А их посланцы будут строго выполнять инструкции, даже если сами создатели этих машин давно обратились в прах?

— Безумие. — Гэвин покачал головой.

Урсуле понравилась его реакция И еще она испытывала удовлетворение от того, что при всей способности андроида получать и обрабатывать информацию непосредственно из электронных банков данных, в этом вопросе Гэвин ей не соперник. Хотя он и произошел от людей, его душу никогда не потревожит отдаленное эхо звериного рыка в дикой саванне, не испугают во сне колышущиеся тени дремучего леса. Вот они — обтянутые кожей скелеты, напоминающие людям о том, что Вселенная никому не дает поблажек. И даже объяснений.

— Очевидно, некоторые расы мыслят по-другому, — сказала Урсула. — Кто-то отправлял в космос эмиссаров или колонистов, кто-то, возможно, врачей, адвокатов и полицейских… — Она снова коснулась перчаткой древнего рисунка,

провела пальцем по контуру значка планеты. — А некоторые посылали убивать.

11

Положение таково, что необходимо задействовать все схемы и модули, которые до сих пор пылились без работы. Как это удивительно и непривычно — ощущать, будто заново родился. После долгой дремы я вновь живу полной жизнью!

С другой стороны, борясь за господство над этими пустынными скалами, я осознаю, сколько сил растерял. И дремал я, в общем, потому, что утратил свою былую мощь, но не хотел в этом сознаваться. Я чувствую себя, как человек, которого лишили ног, зрения, оставив лишь немного слуха и осязания. Хотя, приноровившись, можно орудовать двумя пальцами не хуже, чем пятерней.

Как я и ожидал, конфликт между нами, оставшимися в живых машинами, разгорался. Покалеченные автоматы, казалось бы, парализованные с тех пор, как сломались последние ремонтные роботы, неожиданно выпустили запасные рабочие модули — жалкие, скрипящие машины, спрятанные в глубоких расщелинах. Сообщество оказалось на грани распада.

Мысль приберечь рабочие модули до лучших

времен внушил остальным я сам. Правда, они этого не понимали.

Ждущий и Встречающий перешли на солнечную сторону планетоида. За ними двинулись зонды поменьше. Все они, вспоминая давно забытые навыки, принялись проверять, на что еще годны. Как видно, рассчитывали установить контакт с землянами и, если удастся, послать весточку к далеким звездам.

Мне было ведено не вмешиваться.

Нелепое предостережение. Ладно, пусть еще немного потешаются иллюзией независимости. Давным-давно, предвидя подобные события, я принял необходимые меры. Когда-то я возглавил наше войско, спас Землю от разрушения. И теперь тоже не позволю тревожить землян. Ничто не помешает выполнению моей Цели.

Я жду. Планетоид медленно вращается; я смотрю на неподвижные облака пыли, на ленту горячих, ярких звезд. Люди придумали ей чудное название — Млечный Путь. Многие из этих звезд моложе меня. В ожидании апофеоза моей жизни я созерцаю Вселенную.

Сколько же миллионов лет наблюдал я вращение Галактики? Пока скорость мышления оставалась минимальной, я воочию видел, как

закручивались в спираль ее рукава, дважды в течение короткого, по космическим масштабам, отрезка времени сойдясь и породив резкие фронты. Мерцали облака космической пыли и газа, массивные звезды заканчивали свой короткий, но славный век взрывами сверхновых. И хотя передвигался я вместе с одной из второстепенных звезд этой Галактики, меня захватывало чувство стремительного полета сквозь пространство. В те времена я воображал себя молодым, свободным, продирающимся сквозь тернии в неведомое.

Теперь, когда я стал мыслить быстрее, яркие детали отошли на второй план. Я застыл в ожидании событий.

В голову мне пришла странная, дерзкая фантазия. Будто сама Вселенная ждет развязки, сделав ставку на того, кто одержит верх в локальной стычке долгой, долгой войны.

Я мыслю так же быстро, как мой биологический друг на крошечном корабле всего в световом мгновении от меня, за второй или третьей горной грядой. Я готовлю сюрприз для бывших компаньонов. Сохранив свои мыслительные ресурсы, я прослежу дальнейший ход ее рассуждений, поймаю маленькую искорку юности

Сейчас она передаст отчет на Землю. Скоро,

очень скоро этот планетоид заполнят земляне — настоящие, биологические, роботы и простые машины. Они попытаются объяснить странное решение Мастеров — бесчисленное количество раз воплощать себя в разумных автоматах по всей Галактике, а объяснив, станут осторожнее. Благодаря маленькой разведчице, они увидят слабый отсвет истины.

12

Последние образцы подняты на борт «Громовержца». Все рабочие модули заняли отведенные им ниши в корпусе корабля. Световые и радиомаяки, установленные на астероиде, дают достаточно мощные сигналы. Экспедиция заканчивается, дежурить возле находки века нет необходимости.

— Все уложено, Урс. — Гэвин вплыл в слабо освещенную рубку управления. — Два месяца на орбите никак не отразились на работоспособности двигателей. Начнем маневр, как только скажешь.

Эластичная физиономия андроида выглядела мрачной, голос звучал глухо. Урсула решила, что помощник о чем-то напряженно думает. Она коснулась его руки.

— Спасибо, Гэвин. Знаешь, я заметила…

Гэвин поднял глаза; их взгляды встретились.

— Что ты заметила, Урс?

— Нет, ничего. — Она покачала головой, решив не заострять внимание на переменах в подопечном. А перемены были налицо — Гэвин повзрослел, но одновременно стал печальнее. — Я

просто хочу, чтобы ты знал: я считаю, ты отлично справился с работой. И горжусь тем, что мы работаем вместе.

Гэвин отвел взгляд и пожал плечами.

— Мы делаем то, что положено… — Он снова поднял глаза. — Я тоже, Урсула. Я тоже очень рад.

Он повернулся и шагнул в люк. Урсула опять осталась одна.

Она проверила показания на маленьких экранах и индикаторах, отображавших состояние всех систем корабля. Здесь, в рубке управления, находился нервный узел всех устройств и органов чувств сложного организма.

— Астронавигационная программа загружена, — сообщил главный компьютер. — Системы трижды проверены; режим номинальный. Корабль готов покинуть орбиту.

— Начать маневр! — приказала Урсула.

На дисплее начался обратный отсчет, донесся отдаленный рев разогреваемых двигателей. Вскоре появилась слабая гравитация, подобная силе тяжести на оставленном астероиде.

Картина побоища стала удаляться. Урсула смотрела на гигантские обломки. Среди мертвого покоя ярко вспыхивали установленные роботами

маячки.

На краю приборной доски замигала лампочка. Она давала знать, что получено какое-то сообщение. Урсула нажала кнопку, и на экране появился текст.

Редактор «Вестника Вселенной» выражал восхищение статьей Урсулы о межзвездных зондах и предсказывал ей широкую известность в связи с последними находками. Они считали, что в этом году статья будет самым читаемым произведением во всей Солнечной системе.

Урсула стерла послание. Она не чувствовала удовлетворения — только пустоту. Казалось, потеряно что-то важное, осталась только оболочка.

Как людям распорядиться новым знанием? Сумеют ли они хотя бы выработать направление дальнейших действий? Не говоря уже об их воплощении.

Урсула вставила в статью рассказ о каменном завещании безрассудно храбрых биологических созданий, так похожих на нас. Многие, вероятно, проникнутся к ним симпатией и сочувствием, хотя беспощадное уничтожение инопланетных колонистов оказалось на руку человечеству. Потому что, преуспей они в обустройстве своего дома, эволюция на Земле претерпела бы ради-

кальные изменения. Скорее всего человечество бы попросту не возникло.

Простые археологические исследования привели к потрясающим выводам. Вероятно, материнские зонды вместе со своим потомством погибли примерно в то же время, когда на Земле вымерли динозавры Не привело ли к столь фатальным изменениям в биосфере планеты падение какого-нибудь разбитого зонда? Галактические рептилии пали невинными жертвами битвы между машинами… битвы, ставшей неожиданным подарком местным млекопитающим.

Мысли Урсулы занимал наскальный текст. Насилие и разрушение на фоне звезд. Она выключила свет и, замерев перед звездными россыпями, попыталась представить себе эту войну. Мы словно муравьи, думала она. Строим свои крепости под ногами гигантов и так же, как муравьи, не подозреваем о яростном сражении у нас над головами.

На той стене изображены, наверное, все типы зондов, которые только можно себе вообразить. Назначение некоторых Урсула так и не смогла понять. Например, Неистовые — тип, предсказанный еще фантастами двадцатого века. К счастью, если верить схеме на стене, этих раз-

рушителей миров было мало. Имелись там и Полицейские, уничтожавшие Неистовых везде, где их встречали. У них были противоположные цели, определяющие поведение. В конце концов, и среди людей всегда находились разрушители и спасатели. Не исключено, что, когда колонисты начали поспешно высекать свое послание, оба этих типа уже сошли со сцены — их изображения находились в самом углу композиции. Зонды, которые Урсула окрестила Пожирателями и Посланниками, тоже выглядели примитивными, грубыми и архаичными.

Но были и другие — те, которых она назвала Вредителями. Они представляли собой более сложный вариант Неистовых. Вредители не выискивали планеты, населенные живыми организмами, чтобы уничтожить их. Бесчисленное количество своих копий они производили для поиска и разрушения других зондов. Они убивали все, что мыслит. Зафиксировав упорядоченные радиосигналы, они выслеживали и уничтожали их источник.

Но даже такую извращенную логику Урсула могла понять. Творцы зондов-Вредителей были Параноиками, которым, наверное, казалось, что звезды принадлежат им одним, и посылали

роботов-убийц уничтожать всех конкурентов. Их деятельностью может объясняться радиомолчание космоса. А в двадцатом веке ученые наивно полагали, что космический эфир полон болтовни. По той же причине Земля осталась неколонизованной пришельцами.

Сначала Урсула думала, что Вредители ответственны и за побоище в поясе астероидов. Но потом решила, что даже Вредители находились на закате славы, поскольку были помещены все-таки на периферии наскальной композиции.

Основную ее часть занимали машины, назначение которых понять было куда сложнее. Возможно, профессионалам — археологам и криптологам это удастся, хотя Урсула сомневалась в успехе.

Человечество опоздало с выходом на космическую сцену. Другие имели фору в миллиард лет.

13

Возможно, мне и впрямь следовало помешать ей отправлять на Землю свой отчет. Если бы люди вообще ни о чем не догадывались, моя задача упростилась бы. Но сейчас препятствовать Урсуле просто не честно. В конце концов, она заслужила чтобы ее раса получила небольшое преимущество. Им это необходимо. Тогда у них будет шанс выжить при встрече с Разрушителями или Верноподданными. Необходимо это и перед встречей со мной.

Моим разумом овладевают странные, тревожные мысли. А вдруг мои соплеменники в других частях Галактики додумались до чего-то нового? Или появились принципиально иные типы зондов, в мозг которых заложена новая стратегия? Если Отражатели и Верноподданные стали не нужны, может быть, моя Цель тоже потеряла смысл?

Человеческая концепция прогресса сбивает меня с толку, заставляет сомневаться. Моя Цель абсолютно ясна, так же, как жестокая необходимость идти к ней во что бы то ни стало. Она недоступна пониманию других, более прими-

тивных зондов, потому что далека и абстрактна. Но…

Но я допускаю мысль, что новые поколения изобрели нечто совершенно недоступное моему воображению. Как по-настоящему недоступна людскому воображению Война Зондов.

Мысль не из приятных, но я не собираюсь отмахиваться от нее, а рассматриваю проблему с разных сторон. Да, все-таки люди повлияли на меня, расшевелили закостеневшие мозги. Я наслаждаюсь странным ощущением неопределенности! И предвкушаю встречу с людьми. Скоро оно будет здесь, шумное, многоголосое племя землян. Интересное настанет время.

14

Урсула неподвижно сидела в темноте перед пультом. Дыхание слегка сбивалось в псевдогравитационном поле, создаваемом ритмичным ускорением ракеты. Собственный пульс слабо, но ощутимо подталкивал тело Урсулы изнутри. Она ощущала себя вне корабля, представляла, будто качается на волнах бескрайнего моря. Звезды походили на мерцающие точки планктона. Море — колыбель всех форм жизни.

Что же случилось в Поясе? Какие события произошли здесь много-много эпох назад? И что, творится в Галактике сейчас?

Изображения в центре наскального рельефа остались нерасшифрованными. Урсула сомневалась в том, что археологи, будь то живые или кибернетические, когда-нибудь смогут разгадать загадку. «Мы похожи на древних двоякодышащих рыб, выползающих на сушу, которая давно занята другими, — думала Урсула. — Мы слишком поздно включились в игру».

Миновало то время, когда правила ее были просты. Изменились механические посланцы далеких звезд. Они тоже эволюционируют. А

разве могут они, изменившись, дотошно следовать программе, заложенной в память первого поколения, остаться верными той миссии, для которой были предназначены? Разве мы, люди, по-прежнему находимся во власти инстинктов, приобретенных в джунглях и глубинах океанов?

Скоро люди начнут отправлять в космос собственные зонды. Это непременно произойдет, если сквозь радиошум к нам наконец пробьется сигнал извне. «Многое прояснится в процессе изучения найденных обломков. Но не следует забывать, что события, в результате которых они появились, произошли очень давно. С той войны много воды утекло».

Урсула представила себе будущее поколение первопроходцев, бесстрашно устремляющееся к опасностям Галактики, чьи законы по-прежнему останутся тайной, покрытой мраком. Это неизбежно, вне зависимости от результатов расшифровки пиктограмм. Какие бы призраки не мелькали в темных просторах Вселенной, человечество не усидит на Земле, греясь у каминов. И не важно, как будут называть тех первопроходцев — очеловеченными машинами или людьми, воплотившими себя в искусственных детищах.

Подобного сюжета среди рисунков на стене Ур-

сула не заметила. Может, потому, что он с самого начала обречен? «Должны ли мы попытаться изменить порядок вещей? Быть может. Только есть ли выбор у двоякодышащей рыбы, решившей покинуть море с опозданием на миллиард лет?»

Урсула моргнула и увидела звезды через капельки навернувшихся слез. Тысячи искр рассыпались на миллионы лучей, брызнули во все стороны.

Слишком много направлений. Слишком много путей. Больше, чем можно вообразить. Больше, чем способен удержать вниманием любой разум.

Искры звездного моря быстрее света пересекали небо. Бесчисленное множество лучей в мгновение ока уносилось в галактический мрак.

Зачем их столько? Куда мчатся?..

Урсула закрыла глаза. Звезды исчезли. Но перед мысленным взором все равно мчались. И множились, со скоростью мысли. Казалось, они вот-вот заполнят всю Вселенную и… выйдут за ее пределы.

Проверка реальности

Возможности Сети велики уже сейчас, а в будущем, как предрекают ее адепты, они станут безграничными. Но сможет ли человечество не запутаться в паутине невероятных даров?

Это проверка реальности. Пожалуйста, выполните программное прерывание. Просканируйте этот текст на наличие вложенного кода и проверьте верификатором в "слепом пятне" левого глаза. Если результат окажется отрицательным, продолжайте заниматься, чем занимались: это сообщение не для вас. Можете считать его развлекательной вставкой в журнале. Однако если коды совпадут, просьба приготовиться к постепенному постижению своей истинной сути. Вы запросили сигнал пробуждения в повествовательном стиле. Поэтому вот вам история для облегчения перехода к реальности.

Давным-давно некая могучая раса невыносимо страдала от одиночества. Казалось, Вселенная беременна вероятностями. Логика намекала, что мироздание должно кишеть гостями и голосами из иных миров, однако их не было.

Ответ - молчание - казался тревожным. Наверняка кто-то систематически понижает некий фактор в уравнении разумности. "Возможно, обитаемые планеты редки, - размышляли они, - или жизнь не зарождается столь легко, как нам думается. Или разум есть лишь единичное чудо. Или же некое сито прочесывает космос, отсеивая тех, кто взобрался слишком высоко. Скажем, повторяющаяся схема самоуничтожения раз за разом стирает разумную жизнь. А это подразумевает, что впереди нас может ждать великое испытание, куда более суровое, чем все, с чем мы сталкивались до сих пор".

"А может быть, это испытание уже в прошлом, - отвечали оптимисты, - и затерялось среди множества трагедий, которые мы пережили в нашей яростной юности".

Какая восхитительная дилемма стояла перед ними! Захватывающая драма, метание между надеждой и отчаянием.

Тогда лишь немногие заметили этот конкретный элемент - драму. Она намекала на ужасный исход.

Проложив себе когтями и зубами путь к владычеству над планетой, могучая раса столкнулась с кризисом избыточного потребления. Огромное

число этих существ до предела напрягало возможности планеты по поддержанию их жизни. В качестве выхода кое-кто предлагал вернуться к мифическому пасторальному прошлому, но большинство видело спасение в прогрессе. Они приняли щедрые патентные законы, давали молодежи образование, учили ее неуважению к прошлому и пробуждали голод к новизне - а Сеть распространяла каждую инновацию, подстегивая экспоненциальное творчество. Прогресс мог обеспечить им разгон, способный промчать мимо кризиса и доставить в новый Эдем.

Вы уже проснулись? Некоторые никогда не просыпаются. Слишком уж приятен сон в виртуальности, ведь можно расширить ограниченную частичку самого себя до размеров мира-симуляции и блаженно притвориться, будто вы нечто незначительное, а не всеведущий потомок тех могучих людей. Обреченных умереть - и все же благословенных, потому что жили в те недолгие времена драмы, когда были сняты всяческие ограничения с лихорадки открытий и безумно растрачивался самый драгоценный из всех ресурсов - возможное.

Последний из их расы умер в 2174 году, когда не удалось очередное омоложение Робин Чен. После

этого на Первом Уровне Реальности не осталось в живых никого из рожденных в двадцатом столетии. Только мы, их дети, с муками влачим жалкое существование в мире, который они нам оставили: безмятежном и покрытом пышной зеленью мире, прозванном нами Пустырем.

Ну, теперь вспомнили? Припоминаете иронию последних слов Робин, похвалявшейся безупречной экосистемой планеты и обществом, свободным от болезней и нищеты - тем, что создали она и ей подобные? Помните стенания Робин, скорбящей о своей приближающейся смерти, и как она называла нас "богами", завидовала нашему бессмертию, нашему мгновенному доступу ко всем знаниям, нашей способности посылать мысли сквозь космические дали. О, избавьте нас от зависти этих могучих смертных, бросивших нас в таком состоянии, завещавших своим потомкам бесконечную скуку. Ведь нам нечем, решительно нечем, абсолютно нечем заняться.

Ваш разум отвергает сигнал к пробуждению. Вы не будете заглядывать в "слепое пятно" в поисках протоколов выхода. Вероятно, вы ждали слишком долго. Возможно, вы для нас потеряны. Такое случается все чаще, ибо столь многие из нас барахтаются в симулированной жизни, ис-

пытывая сладостные опасности, возбуждение и даже отчаяние. Многие в качестве пространства своих снов выбирают Переходную Эру - времена той самой драмы. Ту благословенную эру как раз перед тем, когда математики поняли, что все окружающее нас не только может, но и почти обязано быть симуляцией.

Разумеется, теперь-то мы знаем, почему не встретили другие формы разумной жизни. Каждая из них боролась, пока не достигла такого же состояния, и теперь пожинает абсолютное наказание небесного блаженства. Это и есть Великий Фильтр. Возможно, кто-то другой еще найдет фактор, отсутствующий в наших экстраполяциях, и он позволит им двинуться дальше, к новым приключениям - но нам это недоступно.

Вы отказались проснуться? В таком случае, мы больше не станем вас тревожить. Дорогой друг. Возлюбленный. Возвращайтесь в свой сон. Улыбнитесь над этими строками и переверните страницу, чтобы прочитать о новых "открытиях". Двигайтесь дальше с этой драмой, этой избранной вами жизнью. В конце концов, это лишь плод воображения.

Хрустальные сферы

1

Такая уж мне выпала великоудача, что меня разморозили именно в тот год, когда дальнозонд 992573-aa4 вернулся с сообщением о найденной доброзвезде с разбитой хрустасферой. Я оказался одним из всего лишь двенадцати активно-живых в то время дальнолетчиков, и, разумеется, меня пригласили принять участие в большом приключении.

Но поначалу я ничего об этом не знал. Когда прилетел фливвер, я поднимался по склону глубокой долины, в которую последняя ледниковая эпоха превратила некогда знакомое мне Средиземное море, на Сицилийское плато. Наша группа из шести недавно разбуженных анабиозников разбила там лагерь, чтобы поползать по скалам, наслаждаясь этим новым чудом света и постепенно привыкая к эпохе.

Все шестеро — из разных времен, но я оказался самым старшим. Мы только-только вернулись с экскурсии по когда-то затопленным руинам Атлантиды и пробирались теперь к лагерю по лесной тропе в вечернем сиянии зависшего высоко над нами кольцевого города. За вре-

мя, прошедшее с тех пор, как я погрузился в глубокосон, сверкающие гибко-жесткие пояса промжилкомплексов вокруг планеты заметно разрослись. В средних широтах ночь больше походила на бледные сумерки, а у экватора, где так ярко сияла светолента в небе, ночь и день почти не отличались друг от друга.

Впрочем, ночи уже никогда не будут такими, какими они были во времена ранней молодости моего деда — даже если взять и каким-то образом убрать все, что человечество понастроило вокруг Земли. Ибо еще в двадцать втором веке появились Осколки, заполнившие разноцветными бликами все небо, где раньше были только галактики и звезды на фоне черной космической бездны.

И не удивительно, что никто особенно не возражал против отмены ночи на земповерхности. Людям, которые живут на внешних мелкопланетах, деваться некуда — Осколки всегда на виду — но большинство земножителей предпочитают, чтобы эти обломки, хрустасферы не попадались лишний раз на глаза и не наводили на грустные размышления.

Поскольку меня оттаяли всего год назад, я даже не был готов еще спрашивать, какой сейчас век,

не говоря о том, чтобы искать подходящую для этой жизни профессию. Разбуженным анабиозникам обычно дают лет десять или больше, только для того чтобы они могли исследовать перемены на Земле и в Солнечной системе и вдоволь насладиться ими, прежде чем сделать выбор.

Особенно это касалось дальнолетчиков вроде меня. Государство — не стареющее и практически вечное по сравнению с его почти бессмертными подданными — испытывало к нам, странным существам, несущим полузабытую службу, какую-то ностальгическую привязанность. Когда дальнолетчик просыпается, ему или ей всегда предлагают попутешествовать по изменившейся Земле, выискивая необычное и непривычное. Словно он исследует другой добромир, где еще не ступала нога человека, а не вдыхает тот же самый воздух, который за долгие века был в его легких не один раз.

Я рассчитывал, что меня не станут беспокоить во время моего «вояжа возрождения» и был весьма удивлен, увидев в тот вечер, когда наша группа выброшенных из нормального хода времени странников расположилась на лесистом горном склоне в Сицилии передохнуть и обменяться впечатлениями, кремовый фливвер правительства

Солнечной системы. Он вынырнул из нависшей над склонами кисеи облаков и стал медленно снижаться к лагерю.

Мы встали и ожидали его приземления стоя. Мои компаньоны подозрительно поглядывали друг на друга, пытаясь угадать, кто же из шестерых эта важная персона, из-за которой неизменно вежливое Всемирное правительство решилось нарушить наше уединение и послать эту кремовую искусственную каплю с гор Палермо вниз, в долину, где ей совсем не место.

Я знал, что фливвер прилетел за мной, но молчал. И не спрашивайте, откуда я знал. Знал, и все тут. Дальнолетчики, случается, просто знают такие вещи.

Мы, которые бывали за пределами разбитой хрустасферы нашего Солнца и разглядывали снаружи живые миры в далеких чужих сферах, похожи на мальчишек, прижимающихся носами к стеклянной витрине кондитерской и знающих, что им никогда не добраться до сладостей внутри. Пожалуй, только мы понимаем масштабы нашей утраты, и только мы способны в полной мере оценить злую шутку, которую сыграла с нами Вселенная.

Миллиардам наших собратьев — тем, кто нико-

гда не покидал мягкую, залитую теплом доброго желтого Солнца колыбель — психисты нужны даже для того, чтобы объяснить это Состояние неизлечимой душевной травмы, в котором они пребывают. Большинство жителей Солнечной системы живут себе всю жизнь, не ведая печали, и лишь изредка страдают от приступов великодепрессии, которая легко излечивается — или заканчивается финалсном.

Но мы — дальнолетчики, мы долгие годы трясли прутья клетки, в которой заточено человечество. Мы знаем, что наши неврозы вызваны великой насмешкой Вселенной.

Я шагнул к поляне, на которую опускался правительственный фливвер. Мои компаньоны сразу поняли, кто виноват в том, что наше уединение нарушено: я спиной чувствовал их горящие взгляды.

Каплеобразная капсула кремового цвета раскрылась, и на землю ступила высокая женщина. В течение четырех моих последних жизней присущая ей строгая, величественная красота не была на Земле в моде, и я подумал, что женщина, очевидно, никогда не увлекалась биоскульптурированием.

Честно признаюсь, в первое мгновение я ее не

узнал, хотя за прошедшие долгогоды мы трижды были женаты.

Прежде всего я заметил, что на ней наша форма, форма законсервированной — боже, какой древний термин! — тысячи лет назад Службы.

Серебро на темно-синем фоне… И такого же цвета глаза…

— Элис… — выдохнул я спустя несколько мгновений. — Значит, нашли?

Она подошла и взяла меня за руку, понимая, очевидно, как слаб и взволновав я был

— Да, Джошуа. Один из наших зондов обнаружил вторую разбитую сферу.

— Точно?.. Это доброзвезда?

Она кивнула, отвечая на мой вопрос блеском в глазах. Черные вьющиеся волосы, обрамляющие ее лицо, искрились словно след ракеты в пустоте.

— Дальнозонд просигналил готовность класса "А", — она улыбнулась. — Вокруг звезды полно осколков, сверкающих словно наше облако Оорта. И внутри, по сведениям зонда, есть планета. Планета, которой мы сможем коснуться!

Я рассмеялся в голос и прижал ее к себе. Судя по тому, как недоуменно забормотали мои компаньоны, они родились в те времена, когда

поступать так было не принято.

— Когда? Когда поступили новости?

— Мы узнали об этом около года назад, почти сразу после того, как тебя разморозили. Миркомп порекомендовал дать тебе год на пробуждение, и я прилетела, едва истек срок. Мы долго ждали, Джошуа. Мойша Бок берет в полет всех дальнолетчиков, что сейчас активно-живы, и мы хотим, чтобы ты присоединился. Ты нужен нам. Экспедиция отправляется через три дня. Полетишь?

Об этом можно было и не спрашивать. Мы снова обнялись, и я едва справился с подступившими слезами.

Последние несколько недель я размышлял о том, какую профессию избрать на этом отрезке жизни. Но мне даже в голову не пришло, что я снова стану дальнолетчиком. Какое счастье! На мне снова будет наша форма, и я отправлюсь в дальностранствие к звездам!

2

Экспедиция готовилась в полной тайне. Психисты правительства Солнечной системы сочли, что человечество может не вынести еще одного разочарования. Они опасались эпидемии великодепрессии, и кое-кто из них даже пытался остановить подготовку полета.

К счастью, миркомпы помнили свое давнее обещание. Дальнолетчики в свое время согласились оставить исследования, чтобы не вызывать у людей ложных надежд. Вместо этого в дальний космос послали миллиард автоматических зондов, и нам было дано право отправлять экспедиции по любым их сообщениям о разбитых хрустасферах.

Когда мы с Элис прибыли к Харону, остальные участники почти уже закончили проверку и аттестацию корабля, на котором нам предстояло лететь. Я надеялся, что это будет один из двух кораблей, которыми мне в свое время довелось командовать — «Роберт Роджерс» либо «Понс де Леон». Но мои товарищи выбрали старый «Пеленор», достаточно большой звездолет и в то же время маневренный.

Наш с Элис челнок пересек орбиту Плутона и начал сближение. Даже сейчас с правительственных буксиров продолжали перегружать на «Пеленор» ледотела: мы брали с собой десять тысяч колонистов. Здесь, в одной десятой пути до Края, Осколки сияли цветами неописуемой красоты. Элис вела челнок, а я молча смотрел на сверкающие обломки солнечной хрустасферы.

Во времена юности моего деда на Хароне уже происходило нечто подобное. Тысячи восторженно настроенных мужчин и женщин слетелись к кораблю-астероиду размером с половину самого спутника. Тогда готовился целый ковчег — полные надежд будущие колонисты, животные, прочее добро.

Те первые исследователи Вселенной знали, что никогда не увидят своей цели. Но это их не печалило. Они не страдали никакой великодепрессией. Эти люди отправлялись в космос в первом примитивном звездолете, надеясь на счастье лишь для своих правнуков: зеленая, теплая планета, которую обнаружили их чувствительные телескопы, вращалась вокруг Тау Кита.

И вот, десять тысяч долголет спустя, я гляжу на колоссальные верфи Харона с орбиты. Внизу ряд за рядом проплывают покоящиеся в доках

звездолеты. За прошедшие века человечество построило тысячи кораблей — от простых обитаторов, рассчитанных на многие поколения, и гибернобарж до прямоточных термоядерных кораблей и нуль-пространственных нырятелей.

Все лежали внизу, все, кроме тех, что погибли в катастрофах, и тех, чьи экипажи посходили с ума от отчаяния. Все остальные вернулись на Харон, так и не найдя пристанища среди звезд.

Я глядел на самые древние корабли, на обитаторы, и думал о том дне во времена юности моего деда, когда «Искатель» беспечно понесся за край и на скорости в один процент от световой налетел на хрустасферу Солнечной системы.

Они даже не поняли, что произошло, этот первоэкипаж исследователей. «Искатель» вошел во внешний слой обломков, окружающих Солнечную систему, в облако Оорта, где в слабеющим притяжении центрального светила плавали, словно снежные комья, миллиарды комет.

Приборы «Искателя» исправно прокладывали путь сквозь разреженное облако, исследуя отдельные проплывающие мимо ледяные шары. Будущие колонисты планировали посвятить долгие годы полета науке, и среди прочих задач, которые они себе ставили, была загадка комет-

ной массы.

Почему, спрашивали себя многие века астрономы, большинство этих ледяных странников имеют почти одинаковые размеры, всего несколько миль в диаметре?

Аппаратура «Искателя» собирала данные, и пилоты корабля даже не подозревали, что их главной находкой станет Великая Шутка Творца.

Когда корабль столкнулся с хрустасферой, она прогнулась наружу на несколько световых минут. У «Искателя» хватило времени лишь на торопливое лазерное послание Земле. Происходит что-то странное. Что-то рвет, сминает корабль, словно рвется ткань самого пространства…

А затем хрустасфера раскололась. И там, где раньше кружились десять миллиардов комет, появились десять квадриллионов. Никто никогда не нашел обломков «Искателя». Может быть, корабль просто испарился. Почти половина человечества погибла тогда в битве с ливнем комет, и когда спустя века планеты Солнечной системы снова стали безопасны, разыскивать корабль было уже бессмысленно.

Мы до сих пор не знаем, как, почему «Искателю» удалось разбить хрустасферу. Некоторые полагают, что именно из-за неведения экипажа, из-за

того, что они даже не подозревали о существовании хрустасфер, «Искателю» удалось совершить то, что не удавалось с тех пор никому.

Теперь сверкающие осколки хрустасферы заполняют все небо Теперь солнечный свет отражается десятью квадриллионами комет, и этот сияющий ореол — своего рода метка на единственной доступной человеку доброзвезде.

— Приближаемся, — сказала Элис.

Я выпрямился в кресле, наблюдая, как легко, словно танцуя, бегают ее пальцы по клавишам панели управления. Вскоре в иллюминаторе показался «Пеленор».

Огромный шар тускло блестел в отсветах осколков, и уже мерцало само пространство вокруг корабля: проверялись двигатели.

Правительственные буксиры закончили погрузку колонистов и один за другим отчаливали. Десять тысяч ледотел не потребуют во время полета большого ухода, и у нас, у двенадцати дальнолетчиков, останется много времени на научную работу. Но если у этой доброзвезды действительно окажется пригодная для людей добропланета, мы пробудим мужчин и женщин от анабиосна и поселим в их новом доме.

Миркомп, без сомнения, выбрал в потенци-

альные колонисты достойных претендентов, и тем не менее, нам было приказано не будить их, если основать колонию будет невозможно. Вполне может случиться так, что наша экспедиция станет еще одним разочарованием для человечества. И тогда пребывающим в анабиосне колонистам просто незачем знать, что они слетали за двадцать тысяч парсеков от Земли и вернулись обратно.

— Давай стыковаться, — нетерпеливо сказал я. — Скорей бы в путь.

Элис улыбнулась.

— Ты всегда рвался вперед. Самый дальнолетный дальнолетчик. Но придется немного подождать. День-два, и мы наконец покинем колыбель.

Мне незачем было напоминать ей, что я долгождал дольше, чем она — дольше, пожалуй, чем кто-либо из живущих на Земле — и я постарался скрыть волнение, прислушиваясь к звучащей в душе музыке небесных сфер.

3

Со времен моей молодости человечество знало четыре способа частично обойти уравнения Эйнштейна, и еще два позволяли вообще не обращать на них внимания. «Пеленор» использовал их все. Маршрут, проложенный между «пространственными дырами», квантточками и коллапсарами, подходил к звезде чуть ли не с другой стороны — просто чудо, что автоматический дальнозонд добрался сюда, да еще и вернулся назад с информацией.

Находка оказалась в небольшой соседней галактике под названием Скульптор, и чтобы попасть туда, нам потребовалось двенадцать лет корабельного времени.

По пути мы миновали по крайней мере две сотни доброзвезд — желтогорячих, стабильных и… недоступных. В каждом случае были признаки планет. Несколько раз мы пролетали настолько близко, что в суперскопы удавалось разглядеть яркие голубые горошины водных миров, которые одиноко кружились, приманивая и искушая нас, у своих доброзвезд.

В прежние времена мы непременно задер-

жались бы, чтобы закартографировать такие планетные системы — остановившись за пределами опаснозоны и изучая подобные Земле миры с помощью приборов: ведь придет день, и человечество научится намеренно делать то, что «Искателю» удалось по неведению.

Один раз мы действительно остановились и зависли в двух светоднях от очередной доброзвезды, у самой хрустасферы. Возможно, мы рисковали, подойдя так близко, но это было выше наших сил. Потому что водная планета внутри излучала промодулированные радиоволны!

Четвертая — увы, только четвертая! — техническая цивилизация, обнаруженная человечеством за все время поисков. Почти год мы провели у этой хрустасферы, размещая автонаблюдателей и записывающую аппаратуру.

Нет, мы не пытались вступить с ними в контакт. Теперь нам уже известно, что произойдет. Зонд просто натолкнется на хрустасферу, и его сомнет, раздавит, скроет обрушившимися со всех сторон мегатоннами застывшей воды — появится лишь новая комета.

Любое сфокусированное излучение вызовет подобную же реакцию: на поверхности хрустасферы образуется отражающее пятно, которое

воспрепятствует любым попыткам связаться с местными жителями.

Однако мы могли слышать их. Хрустасферы выполняли роль односторонних барьеров для модулированного излучения — и светового, и радио — а также для разума в любой форме. Но они пропускали сигналы изнутри.

В данном случае мы быстро поняли, что это еще одна раса-улей. Ни интереса к дальнему космосу, ни самой концепции космических перелетов у них не было. Разочарованные, мы оставили автоматы наблюдать и продолжили путь.

Еще за несколько светонедель до цели мы поняли, что летели не напрасно. Зонд не ошибся: перед нами действительно была доброзвезда — стабильная, старая, одинарная — и теплый желтый свет звезды преломлялся бледной мерцающей аурой из десяти квадриллионов снежинок, ее разбитой хрустасферой. Нетерпение росло.

— Там целая серия планет, — объявил наш космофизик Йен Чинг, ощупывая руками созданную по показаниям сверхчувствительных приборов модель внутри холистического проектора. — Я чувствую три газгиганта, около двух миллионов астероидов и… — тут он заставил нас ждать, стараясь убедиться, что ощущения его не обма-

нывают, -...и три нормопланеты!

Мы восторженно закричали. С тремя планетами есть шанс, что хотя бы один из этих каменных шариков окажется в пределах жизнезоны.

— Сейчас-сейчас... кажется, одна из нормопланет имеет... — Чинг вытащил руки из проектора, сунул что-то в рот и, словно дегустатор, оценивающий тонкое вино, закатил глаза, пробуя «планету» на вкус. — Вода! — Он задумчиво причмокнул губами. — Да! Много воды! И я чувствую жизнь. Стандартная карбожизнь на основе аденина. Хм-м... Я бы даже сказал, что белки левосторонние, и это хлорофилльная жизнь...

Все заговорили разом, возбужденно загомонили, и нашему капитану Мойше Боку пришлось кричать, чтобы его услышали.

— Тихо! Успокойтесь! Похоже, сегодня все равно никто не уснет. Где жизнеисследовательница Тайга?.. Так, у тебя готовы списки ледотел для оттаивания на случай, если мы обнаружим добропланету?

Элис достала список из кармана.

— Готовы, Мойша. Здесь биологи, технисты, планетологи, кристаллографы...

— Приготовь, пожалуй, еще археологов и контактеров, — ровным голосом произнес Чинг.

Мы все обернулись и увидели, что он снова запустил руки в холистический проектор. На лице у него появилось мечтательное выражение.

— Нашей цивилизации потребовалось три тысячи лет, чтобы загнать астероиды на оптимальные орбиты. Но по сравнению с этой мы, похоже, просто, дилетанты. Каждое мелкотело, вращающееся вокруг этой звезды, давно терраформировано. Они словно древние солдаты на параде — рядами и колоннами… Трудно даже представить себе такие масштабы работ…

Взгляд Мойши скользнул в мою сторону. На мне, как на его заместителе, лежала ответственность за безопасность корабля — оборона, если «Пеленор» подвергнется нападению, и уничтожение, если нам неминуемо грозит захват.

Уже давно человечество сделало один важный вывод: если доброзвезды без хрустасфер встречаются так редко и так нужны нам, они могут оказаться столь же желанны и для какой-то еще вышедшей в космос расы. Если какие-то другие разумные существа сумеют выбраться из скорлупы хрустасферы и, подобно нам, будут искать доступные доброзвезды, что они подумают, встретив чужой корабль?

Я точно знаю, что подумаем мы. Мы решим, что

чужак прилетел не откуда-нибудь, а из системы доброзвезды с разбитой хрустасферой.

И от меня требовалось сделать все, чтобы никто чужой не проследовал за «Пеленором» до Земли.

Я кивнул своей помощнице Йоко Муруками. Мы заняли места в боесфере, активировали огневую консоль и приготовились ждать. «Пеленор» тем временем медленно, осторожно входил в планетную систему.

Йоко глядела на консоль с сомнением. Похоже, слова Йена о технологической мощи этой расы заставили ее усомниться в эффективности даже нашего мегатераваттного лазера.

Я пожал плечами. Скоро мы все узнаем. А пока мой долг выполнен: боесфера включена, и, даже если мы погибнем, самоуничтожение сработает автоматически. Время тянулось час за часом. Я внимательно следил за всей поступающей информацией, но из глубокопамяти, непрошенные, всплывали воспоминания.

4

Очень давно, еще до космических кораблей — и до того как «Искатель» расколол окружавшую Солнце скорлупу, невольно развязав двухвековую Войну с Кометами, — человечество столкнулось с загадкой, заставившей мыслителей той эпохи провести немало бессонных ночей.

По мере того как улучшались телескопы, а биологи начинали понимать и даже конструировать жизнь, все большее и большее число людей, поглядывая на звездное небо, задавалось вопросом: «Где же, черт побери, те, другие?»

Огромные следящие системы на Луне уже высмотрели планеты у близлежащих желтых звезд. И даже в тех примитивных спектрограммах, что получали в двадцать первом веке, улавливались следы жизни. Философы спешно обосновывали представления о том, как широко распространена жизнь в нашей галактике.

Но еще до отлета первой звездной экспедиции у мыслителей появились сомнения. Если путешествовать среди звезд так легко, как кажется, почему плодородные планеты не заселены какими-то другими разумными существами?

В конце концов, мы-то уже готовы лететь и осваивать новые миры. Даже с учетом самых скромных коэффициентов прироста населения за несколько миллионов лет человечество вполне способно заселить всю галактику.

Так почему же подобное не произошло раньше? Почему такими пустынными кажутся межзвездные перекрестки? Почему мы до сих пор не обнаружили обещанную теоретиками галактическую сеть радиосвязи?

И что еще более странно… Почему нет абсолютно никаких доказательств, что кто-то пытался колонизировать Землю? К тому времени мы точно знали, что нашу планету никогда не посещали гости из космоса.

Прежде всего, об этом свидетельствует история докембрийского периода.

Перед эпохой рептилий, рыб, трилобитов и амеб Земля пережила долгий, растянувшийся на два миллиарда лет период, в течение которого планетой владели простые одноклеточные организмы, не обладавшие даже сформировавшимся ядром — прокариоты. Два миллиарда лет они «изобретали» основы жизни на Земле.

И за все это время на Землю ни разу не ступил инопланетный колонист. Тут у нас нет никаких

сомнений, ибо, если бы они прилетали, даже оставленный ими мусор навсегда изменил бы историю жизни на нашей планете. Один-единственный негерметичный нужник заполнил бы океаны куда более высокоорганизованными формами жизни, которые просто вытеснили бы наших примитивных микроскопических предков.

Два миллиарда лет и ни одной попытки заселить планету… плюс бесконечное молчание на радиочастотах, которое философы двадцать первого века назвали Великим Безмолвием. Они надеялись, что звездолеты наконец найдут ответ этой загадки.

А затем первый же корабль, «Искатель», каким-то образом расколол хрустасферу, о существовании которой мы даже не подозревали, и разгадка нашлась сама.

Во время последовавшей Войны с Кометами нам некогда было философствовать. Я родился в самый разгар битвы и первые сто лет своей жизни провел в юрком стремительном планетолете, уничтожая или уводя в сторону ледяные глыбы, способные разрушить наши хрупкие обитаемые миры.

Да, мы могли оставить Землю умирать. В конце

концов, половина человечества уже тогда жила в орбитальных поселениях, а их защищать гораздо легче чем неповоротливую планету.

Возможно, это было бы логично. Но когда над матерью Землей нависла угроза, человечество на время потеряло способность рассуждать логично. Астероидники, случалось, подставляли на пути несущихся ледяных глыб целые орбитальные города с миллионным населением — только чтобы спасти тяжелую планету, знакомую им лишь по книгам да по слабому голубому мерцанию вдали на фоне вечной черноты. Психистам потребовалось немало времени, чтобы понять, почему это происходило, но тогда все казалось каким-то божественным, героическим безумием.

Мы победили в той войне. Когда взбесившиеся кометы были наконец укрощены, человечество стало вновь поглядывать на звезды и строить новые корабли, лучше прежних.

Мне пришлось ждать места на двенадцатом, и это спасло мою жизнь. Первые семь кораблей мы потеряли Посылая на Землю радостные сообщения о прекрасных зеленых планетах, они по спирали продолжали сближаться, натыкались на невидимые хрустасферы и погибали. Но в отличие от «Искателя», они ни разу ничего

не добились. Корабли превращались в новые кометы, а хрустасферы оставались целыми и невредимыми.

Мы так надеялись… хотя те, кто помнил «Искатель», уже начинали беспокоиться. Казалось, человечество вот-вот наконец вздохнет свободно. Мы расселимся по многим мирам, и люди будут в безопасности. Перенаселение и упадок перестанут угрожать расе людей…

Но все надежды разбились разом, разбились об эти невидимые сферы.

Нам потребовались века, чтобы научиться хотя бы находить опаснозоны! Почему, спрашивали мы себя. Почему Вселенная устроена так жестоко? Чья это насмешка? Что представляют собой эти чудовищные барьеры, не подчиняющиеся никаким известным нам физическим законам и не подпускающие нас к чудесным нормопланетам, которые так нам нужны?

На три века человечество словно сошло с ума. Худшие годы великодепрессии я пропустил. Мы тогда пытались исследовать сферу вокруг Тау Кита, и, когда я вернулся, на Земле восстановилось некое подобие порядка.

Но я вернулся в Солнечную систему, которая явно потеряла какую-то часть своей души.

Еще долгие годы мне не доводилось слышать беззаботный смех ни на самой Земле, ни на мелкопланетах.

Я тоже «накрылся одеялом с головой» и уснул на две сотни лет.

5

Когда капитан Бок приказал мне снова поставить боесферу на предохранение, весь экипаж облегченно вздохнул. Я отключил систему самоуничтожения и поднялся со своего места. Напряжение спадало, оставляя лишь приступы дрожи, и Элис пришлось поддерживать меня, пока я не успокоился.

Мойша отменил боевую тревогу, потому что в системе этой доброзвезды никого не было.

Точнее, жизнь там бурлила, но — увы! — не разумная жизнь. На крупных астероидах мы нашли чудесные самообеспечивающиеся экосистемы, собирающие свет огромными окнами. На каждой из двадцати лун стояли укрытые гигантскими куполами леса. Но везде — полное молчание, как в зоне видимого спектра, так и на радиочастотах. Детекторы Йена не обнаружили никакой технологической активности и никаких мысленных эманаций разумных существ.

Очень странное, даже жуткое ощущение возникало, когда мы пролетали между строго расположенными мелкопланетами. Раньше подобные маневры можно было совершать лишь в

хорошо изученном пространстве Солсистемы.

В первые века после хрустального кризиса кое-кто еще верил, что человечество, сможет жить среди звезд. В основном, астероидники, которые всегда демонстративно заявляли, что на планете жить тяжело и вообще скверно. Кому, мол, они нужны?

Некоторые из них даже отправлялись к злозвездам — красным гигантам, крошечным красным карликам, двойным звездам и нестабильным светилам, у которых не было хрустасфер. Будущие колонисты отыскивали подходящие обломки поближе к звезде и устраивали там мелкопланетные города по типу прежних, в Солнечной системе.

Все, абсолютно все попытки провалились спустя уже несколько поколений. Колонисты просто теряли интерес к продлению жизни.

В конце концов, психисты решили, что причины этого связаны с божественным безумием, которое помогло нам победить в Войне с Кометами.

Попросту говоря, люди могут жить на астероидах, но им необходимо знать, что поблизости есть голубая планета, необходимо видеть ее в небе хотя бы изредка. Да, такая уж у человека

ущербная природа, но мы никак не можем жить сами по себе в далеком космосе.

Если мы хотим покорить Вселенную, нам не обойтись без водных миров.

Водную планету этой системы мы назвали Квест, в честь странствий короля Пеленора, давшего имя нашему кораблю. Планета сияла коричневыми и голубыми размывами под чистыми покровами белых облаков, и мы часами кружили над ней, смотрели и не могли сдержать слез

Элис разморозила десять первых ледотел — выдающихся ученых, которые, по заверениям миркомпов, сумеют справиться с собой при возрождении надежды. Со слезами радости на глазах они по очереди глядели в иллюминатор, и мы уже с ними вновь дали волю своим чувствам.

6

Сам по себе «Пеленор» был мало пригоден для полномасштабного исследования этой системы, и мы около года потратили на то, чтобы отловить и модифицировать несколько древних кораблей, кружившихся на орбитах у новой планеты. Так мы могли разделиться и работать во всех уголках системы.

К концу второго года поверхность Квеста изучали уже более сотни биологов. Первым делом они набросились на ген-сканирование местной флоры и фауны, а затем с неменьшим энтузиазмом принялись модифицировать земнорастения, чтобы ввести их в экосистему, не нарушив природный баланс. Планировалось, что вскоре они примутся за животных из нашего генохранилища.

Инженеры, исследовавшие мелкопланеты, объявили ко всеобщей радости, что смогут запустить жизнемашины, оставленные прежними хозяевами. Места там могло хватить для целого миллиарда колонистов, сразу.

Но больше всего мы ждали отчетов археологов. Когда выдавалось время между челночными

рейсами, я отправлялся помогать им, а затем присоединился к работе в пыльных руинах Старогорода на краю Долгодолины, готовил к отправке находки, которые потом надлежало каталогизировать и тщательно изучить.

Спустя какое-то время мы узнали, что обитатели Квеста называли себя «натаралами». Двуногие существа, по девять пальцев на верхних конечностях — до определенной степени они походили на нас, хотя выглядели, конечно, очень непривычно.

Однако разглядывая картины и статуи натаралов, я начал привыкать к их виду и даже научился различать выражения лица по едва заметным изменениям черт. А расшифровав язык, мы узнали название их расы и кое-что из истории этой цивилизации.

В отличие от других разумных рас, наблюдать за которыми нам доводилось лишь издалека, натаралы были индивидуалистами по укладу жизни и исследователями по характеру. Подобно нам, закончив не менее яркий и насыщенный доброзлом период планетной истории, они начали осваивать свою солнечную систему.

Как и нас, их одолевали две противоречивые мечты. Им хотелось достичь звезд, безбрежного

жизненного пространства, и в то же время они хотели встретить других разумных, обрести соседей.

К тому времени, когда у них появился первый звездолет, натаралы уже почти оставили надежду отыскать соседей. На планете не было никаких следов посещений других рас. А звезды Вокруг неизменно молчали.

Тем не менее, они запустили свой первокорабль, едва закончилась подготовка к экспедиции: ведь оставалась вторая мечта — Пространство.

И спустя несколько недель после старта их хрустасфера разбилась.

Две недели подряд мы перепроверяли перевод. Затем проверили еще раз.

Тысячелетиями пытаясь повторить то, что случайно удалось «Искателю», мы так и не научились разрушать эти смертоносные барьеры вокруг доброзвезд. И вот наконец — ответ.

Натаралы, как и мы, сумели разрушить только одну хрустасферу. Свою собственную. И их история почти точь-в-точь повторяла нашу, вплоть до последовавшей за разрушением хрустасферы Войны с Кометами, которая едва не уничтожила их цивилизацию.

Вывод был очевиден. Барьер смерти можно

уничтожить, но только изнутри!

И как раз тогда, когда мы начали проникаться этой мыслью, археологи откопали Обелиск.

7

Наш главный лингвист, Гарсия Карденас, всегда был склонен к драматическим эффектам. Когда мы с Элис навестили его в лагере у основания недавно обнаруженного монумента, он настоял, чтобы обсуждение его открытия перенесли на следующий день. Вместо этого он и его коллеги приготовили особый ужин и первым делом подняли бокалы в честь Элис.

Она встала, принимая поздравления, что-то остроумно ответила, затем села и снова принялась нянчить ребенка.

Старые привычки отмирают с трудом, и очень немногим еще женщинам удалось переломить крепшее веками предубеждение против деторождения. Элис одной из первых реактивировала яичники и родила ребенка на нашей новой планете.

Не то чтобы я ревновал, нет. В конце концов, мне досталась лишь чуть-чуть, может быть, меньшая слава первоотцовства. Но вся эта суета вокруг нас и нашего ребенка уже начала надоедать. За исключением Мойши Бока, я был, наверно, самым старшим мужчиной здесь — и

достаточно старым, чтобы помнить те времена, когда детей рожали в порядке вещей. Тогда, по крайней мере, люди уделяли внимание и другим делам — во всяком случае, когда случалось что-нибудь важное.

Наконец праздничный ужин завершился. Гарсия кивнул мне и вывел через запасной клапан в глубине палатки наружу. Мы спустились по тропе на дно раскопа. Даже в столь поздний час тропу было хорошо видно, потому что в небе сверкало кольцо мелкопланет, которые натаралы навечно поместили над экваториальной зоной Квеста.

Остановились мы у основания высокой стены из какого-то практически неподвластного времени сплава — наши технисты только-только начали расшифровывать его состав. Надписи на стене рассказывали о последних днях натаралов.

Большую часть их истории мы узнали из других источников, но самый конец долго оставался для нас загадкой и причиной некоторого беспокойства. Что произошло? Какая-то жуткая чума? Или взбунтовались и уничтожили хозяев разумные машины, на которые так полагались обе наши цивилизации? А может быть, вышла из-под контроля их такая развитая биоинженерная технология?

Мы без всякой доли сомнения знали, что натаралы страдали от своего одиночества. Как и мы, они вышли в космос и обнаружили, что вселенная им недоступна. Обе их великие мечты — о добромирах, где можно расселиться, и о братьях по разуму — разбились, словно смертосфера, окружавшая их солнечную систему. Подобно нам, они довольно долго жили в состоянии этакого легкого помешательства. Но Карденас пообещал, что там, на дне темного раскопа, я наконец найду ответы на все свои вопросы.

Пока он готовил аппаратуру, я прислушивался к доносившимся из джунглеса звукам. Жизнь на планете кипела. Кругом самые разнообразные, но, в основном, симпатичные и высокоорганизованные существа: часть — явно естественного, эволюционного происхождения, а часть — столь же явно результат искусного биоскульптурирования. Эти вот существа, искусство натаралов и их архитектура, сами причины глубокого отчаяния сближали нас, даже роднили, и я полагал, натаралы бы мне понравились.

Я радовался, что человечеству досталась их планета, поскольку она обещала спасение моей расы. И в то же время я сожалел, что натаралов уже нет.

Карденас подозвал меня к холистическому проектору, установленному у основания Обелиска, и, когда мы сунули руки внутрь, на обращенной к нам стороне монолита появился свет. Световое пятно перемещалось по начертанным на стене символам, и через пальцы нам передавались чувства и эмоции натаралов в те последние дни.

Поглаживая тонко настроенную, чуть резонирующую поверхность, я приготовился. Считывание вел Карденас, мне же оставалось лишь прислушиваться к своим ощущениям, чтобы прочувствовать великофинал, как чувствовали его сами натаралы.

Подобно нам, натаралы пережили долгий период отчаяния — дольше, чем пока выпало нам. И им тоже казалось, что вселенная сыграла с ними злую бессердечную шутку.

Жизни среди звезд хватало. Но разум развивался крайне редко и очень-очень медленно, порой заходя в тупик с самого начала. Там же, где разумная жизнь все-таки появлялась, она, как правило, принимала формы, которые не привлекал ни космос, ни другие планеты.

Но не будь хрустасфер, даже столь редко зарождающиеся на добропланетах расы космопроходцев стали бы расширять границы своих

владений. Цивилизации, подобные нашей, не занимались бы бесконечными поисками крупиц золота в грудах песка, а заселяли бы все новые и новые далекие миры и в конце концов натыкались бы на братьев по разуму. Более зрелая раса могла бы найти молодую, только еще расправляющую крылья, и, скажем, помочь ей преодолеть какие-то кризисы развития.

Если бы только не существовало хрустасфер… Но увы! Расам космопроходцев не дано заселять новые миры, потому что хрустасферу можно разбить лишь изнутри. Как же жестоко устроена вселенная!

Так, по крайней мере, считали натаралы. Но они не отступались. И спустя века, потраченные на поиски чуда, их дальнозонды обнаружили пять водных миров без смертоносных барьеров.

Когда под пальцами появились координаты этих планет, у меня задрожали руки и от волнения перехватило горло. Какой потрясающий, грандиозный дар вручили нам строители Обелиска! Не удивительно, что Карденас заставил меня ждать. Пожалуй, я тоже не сразу расскажу об этом Элис…

Но тут снова возникла тревожная мысль. Куда исчезли натаралы? И почему? Имея целых шесть

планет для заселения, они должны были чувствовать себя на вершине счастья.

Дальше Обелиск рассказывал что-то о космических черных дырах и о времени… Я не сразу понял и коснулся этого места снова. Карденас напряженно следил за моей реакцией. И наконец до меня дошло!

— Великие Сферы! — воскликнул я. По сравнению с новой информацией открытие пяти добропланет выглядело просто пустяком. — Вот, значит, для чего нужны хрустасферы… Невероятно!

Карденас улыбнулся.

— Полегче с телеологией, Джошуа. Барьеры действительно кажутся работой некоего Творца, но может статься, никакого Великого Замысла тут нет, просто стечение обстоятельств, случайность. Точно нам теперь известно лишь одно: без хрустасфер нас самих, скорее всего, не было бы. Разум встречался бы во вселенной даже реже, чем сейчас. И у большинства доброзвезд вообще не зародилась бы жизнь. Десять тысячелетий мы проклинали хрустасферы… — Карденас вздохнул. — Натаралы занимались этим еще дольше, пока наконец не поняли…

8

Если бы не было хрустасфер… Я долго размышлял об этом в ту ночь, вглядываясь в мерцающие бледные отсветы проплывающих в небе Осколков, за которыми виднелись наиболее яркие звезды.

Если бы не было хрустасфер, тогда рано или поздно в каждой галактике появилась бы первая раса звездопроходцев. Даже если бы большинство разумных существ предпочитали оставаться «дома», появление агрессивного, осваивающего, колонизирующего вида неизбежно.

Если бы не было хрустасфер, первая же такая раса пошла и захватила бы все пригодные для жизни планеты. Они заселили бы все водные миры и обжили бы все мелкопланеты, кружащиеся у доброзвезд.

За два века до того как мы обнаружили свою собственную хрустасферу, человечество уже задавалось вопросом: почему этого не произошло? Почему за три миллиарда лет, пока Землю можно было «брать голыми руками», никто не прилетел и не застолбил планету?

Позже мы узнали, что это из-за окружавшего

Солнце барьера смерти. Именно хрустасфера оберегала все это время наших крошечных примитивных предков от постороннего воздействия и дала возможность нашей цивилизации встать на ноги в мире и уединении.

Если бы не было хрустасфер, первая же раса звездопроходцев заполнила бы всю галактику и, может быть, всю вселенную целиком Не будь барьеров, мы бы сами так и поступили. История всех других плодородных миров изменилась бы навсегда. И трудно даже представить себе масштабы нереализованного в таком случае потенциального разнообразия жизни.

В общем, барьеры защищают добромиры до тех пор, пока развивающаяся на них жизнь не разбивает оболочки изнутри.

Только зачем это? Зачем защищать молодой росток, который в зрелости ждет лишь горечь одиночества?

Представьте себе, каково было самой-самой первой расе звездопроходцев. Будь они даже терпеливы как Иов, никогда не найти им еще одну доброзвезду для освоения. И встретить соседей им тоже не суждено, до тех пор пока не расколется изнутри следующая хрустасфера.

Без сомнения, они отчаялись задолго до того.

Нам же, людям, подарили шесть прекрасных миров. И если нам не довелось встретиться с натаралами, мы, по крайней мере, можем узнать их по их книгам. Кроме того, из их старательно сохраненных записей мы узнаем и о других, более древних расах, развившихся на тех пяти планетах и вырвавшихся в одинокую вселенную.

Может быть, спустя еще миллиард лет вселенная будет в большей степени напоминать научно-фантастические концепции, популярные во времена моего деда. Может, и в самом деле потянутся когда-нибудь по космическим трассам между дружественными мирами бесчисленные торговые корабли.

Но мы, как и натаралы, вышли в космос слишком рано. Если мы будем дожидаться этого дня, нас так и будут называть — Древняя Цивилизация. А это как проклятье…

Я снова взглянул на созвездие, которое мы назвали Феникс и куда миллионы лет назад отправились натаралы. Маленькую темнозвезду, давшую им пристанище, даже не было видно, но я точно знал, где она находится. Натаралы оставили подробнейшие инструкции

Затем я повернулся и снова забрался в палатку к Элис и ребенку, оставив за спиной звезды и

мерцающие осколки хрустасферы.

Завтра будет много дел. Этим вечером я пообещал Элис, что начну строить дом на склоне холма неподалеку от Старогорода.

Она пробормотала что-то во сне, но не проснулась, только придвинулась ближе, когда я лег рядом. В колыбельке, стоявшей у кровати, спокойно посапывала наша дочь. Я обнял Элис и тихо вздохнул.

Но сон не шел. Я продолжал думать о планетах, что оставили нам натаралы.

Нет, не оставили. Одолжили. Мы можем пользоваться этими шестью планетами, но должны быть добры к ним — таково условие натаралов, которые в свою очередь согласились выполнять его, когда приняли в наследство четыре планеты, оставленные в незапамятные времена расой лап-кленнов, их предшественников на одиноких звездных трассах… так же как лап-кленны, когда унаследовали три твузуунских солнечных системы…

До тех пор пока в нас горит жажда осваивать новые миры, они наши — и любые другие, что нам посчастливится найти.

Но когда-нибудь цели изменятся. Жизненное пространство перестанет быть императивом. Все

чаще и чаще, как предсказывали натаралы, мы будем задумываться об одиночестве.

Я знал, что они правы. Когда-нибудь мои пра-пра-в-энной-степени-внуки осознают, что не в состоянии больше жить во вселенной, где не слышно чужих голосов. Прекрасные миры наскучат им, и, собравшись всем племенем, они направятся к темнозвезде.

И вот там-то, за горизонтом Шварцшильда большой «черной дыры», они встретят и натаралов, и лап-кленнов, и твузуунов, ожидающих их в чаше застывшего времени…

Я прислушивался к мягкому шелесту ветра, теребящего ткань палатки, и завидовал своим пра-пра-в-энной-степени-внукам. Так хотелось бы встретить других звездопроходцев, столь похожих на нас.

Да, можно, конечно, подождать несколько миллиардов лет и здесь, подождать, пока не расколются большинство хрустасфер и во вселенной не забурлит жизнь. Но мы наверняка станем к тому времени другими. Сама жизнь сделает нас Древними.

Какая же раса по собственной воле выберет такую судьбу? Гораздо лучше остаться молодыми и молодыми вернуться во вселенную, где будет

интересно жить!

В ожидании этого дня наши предшественники погрузились в сон за краем консервирующей время «черной дыры». Они ждут нас там и готовы принять, чтобы вместе переждать одинокую безрадостную эпоху в истории вселенной.

Размышляя об элегантном решении, что приняли натаралы, я чувствовал, как уходят, растворяются последние остатки старой великодепрессии. Мы так долго боялись, что вселенная — это одна большая недобрая шутка, а нам в ней отведена роль простаков, над которыми безжалостно насмеялись. Но теперь эти мрачномысли наконец исчезли, расколотые новым видением будущего словно барьер хрустасферы.

Я обнял, прижал к себе свою женщину. Она снова пробормотала что-то во сне. И засыпая, я вдруг понял, что чувствую себя гораздо лучше, чем за все последнее тысячелетие. Я чувствовал себя очень-очень молодым.

Четвертая профессия Джорджа Густава

Электрокэб Гамильтона Смита заложил плавный вираж и, увертываясь от участников очередного парада, начал перестраиваться в соседний ряд. Гамильтон мрачно взирал на разодетую публику, запрудившую Трафальгарскую площадь.

— Черт бы побрал эти ритуальные клубы, — пробормотал он себе под нос.

Кажется, собравшиеся тут страдали от любви к Ближнему Востоку — марш сопровождало усиленное динамиками дребезжание тамбуринов. Знамена повисли как тряпки, да и сами участники шествия выглядели не более воодушевленными, чем пресыщенные зрелищами зеваки. Гамильтон так и не понял, что это за клуб, хотя узнал нескольких клиентов своего банка.

Его собственный «Орден Верноподданных Рокеров» выйдет на парад через месяц. Опять придется напяливать на себя костюм мотохулигана двадцатого века, но тут уж ничего не поделаешь. Членство в ритуальном клубе — одно из шести обязательных хобби каждого законопо-

слушного гражданина.

Гамильтон взглянул на Ан-Дана. Помощник ответил дежурной полуулыбкой андроида.

— Дан, ты уверен, что человек, к которому мы едем, нам подходит? На этой неделе у меня на социологию отведено всего несколько часов, и не хотелось бы тратить их на обычное статистическое отклонение.

Речевой синтезатор Ан-Дана благодушно заурчал.

— Пожалуйста, Гамильтон, могу еще раз проверить. — Андроид открыл свой чемоданчик. — Вот: из всей случайной выборки только у этого Фарела Купера уровень удовлетворенности своим ритуальным клубом на два стандартных отклонения выше среднего. Как раз то, что нужно.

Но чувство неловкости не покинуло Гамильтона — несмотря на все права социолога-любителя, ему неприятно было вторгаться в чужую жизнь только ради социологического опроса. А вдруг он отрывает людей от любимого занятия или, того хуже, от Работы?

Кому же понравится, когда его отрывают от работы… Каждый занят своим настоящим делом всего несколько часов в неделю, и сам Гамильтон ненавидел любителей, отнимающих у него

эти бесценные часы. Он и сейчас предпочел бы сидеть у себя в банке, а не раскатывать по городу, отдавая дань дурацким хобби. Но андроиды превратили полезный труд в дефицит, и, по закону, чтобы занять свободное время, каждый должен был иметь не менее шести увлечений.

Миновав Букингемский музей, электрокэб оставил позади пыльные статуи героев эпохи Слияния Общества. Огромный газон заполнила толпа праздношатающихся, которые пытались убить время, отведенное на Ленивую Болтовню и Мечтательное Созерцание. Отовсюду веяло той же томительной скукой, которую Гамильтон так остро ощутил на Трафальгарской площади.

Он уже пожалел, что затеял это любительское исследование. Чем глубже они с Ан-Даном погружались в проблему, тем неуютнее ему становилось. В конце концов, берясь за социологию, Гамильтон вовсе не стремился докопаться до причин морального упадка Всемирной Державы, а лишь хотел более или менее интересно провести свободное время.

Ан-Дан снова заговорил:

— Ты нервничаешь, Гамильтон. Брось. Твоя теория индексов преданности снимет все обвинения. Тем, кто утверждает, будто ты утратил

любительский энтузиазм, придется замолчать.

— Ты думаешь? — Гамильтон нахмурился. — А кто говорит, что я утратил энтузиазм?

Дан, новая и очень, сложная модель, мог выбирать, на какой из вопросов ему отвечать.

— По-моему, твое открытие будет одним из самых важных за последнее время. Странно, что профессионалы так мало пишут о растущем разочаровании или о том, что псевдоувлечение ритуальными клубами перестало удовлетворять средних граждан.

Странно было слышать собственные слова из уст андроида. Гамильтон почувствовал гордость, хотя и не без некоторого оттенка смущения. Прежде чем он успел ответить, Ан-Дан выглянул в окно.

— Мы на месте, — объявил Дан. Такси плавно затормозило перед рядом изысканных коттеджей, явно спроектированных профессионалом, а не каким-нибудь архитектором-любителем.

Гамильтон еще раз сверился со своими записями.

— Этот человек…

— Фарел Купер.

— А клуб называется…

— Общество Бани и Подвязки.

— Ах да. Бани и Подвязки. Странновато звучит. Обычно секс-клубы не слишком хороши в качестве ритуальных. Интересно, чем отличается этот?

Пятнадцать часов в неделю Фарел Купер работал на благо общества, исполняя обязанности помощника ветеринара при Нью-Хемпстедских беговых конюшнях. Его художественным хобби были поделки из кожи; львиную долю домашней выставки он отвел под седла и сбрую. Неудивительно, что спортивным увлечением Купер выбрал верховую езду.

В качестве альтруистического хобби он зарегистрировал еженедельную пятичасовую помощь местной клинике роботов, по собственному выспреннему выражению, «заботился о верных рабах, подаривших нам этот праздник вечного досуга».

Хозяин, высокий сутуловатый старик с ястребиным носом и угрюмо сжатыми губами, едва удостоил взглядом любительские удостоверения Дана и Гамильтона, и без особого радушия пригласил гостей в дом. После короткой экскурсии по мастерским и кабинетам он привел их в небольшую гостиную.

Гамильтон устроился на кожаном диване и

раскрыл записную книжку.

— Ну что ж, мистер Купер, мы познакомились с вашим художественным хобби и другими увлечениями, но больше всего нас интересует ритуальный клуб. Насколько нам известно, вы проводите максимально допустимое время — двадцать часов в неделю — в этом… э-э… Обществе Бани и Подвязки, хотя общие собрания созываются лишь несколько раз в год. Чем же вы занимаетесь в клубе?

Купер заерзал. На какое-то мгновение даже показалось, что он не хочет отвечать. Гамильтон почувствовал пробежавший по спине холодок — не так уж часто приходится сталкиваться с чем-то противозаконным.

Вздохнув, Купер все-таки ответил:

— Я имею честь выполнять обязанности камердинера его светлости.

Гамильтон подавил вздох. Не пришлось бы проторчать здесь целый день, выясняя связь между «Великим Владетелем Пуба» и «Мастером Зорком» — или как они там обращаются друг к другу в этом клубе.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о своих обязанностях… э-э… камердинера, мистер Купер?

Перейдя на старинный выговор, Купер медлен-

но произнес:

— Камердинер есть лицо, выполняющее при другом лице обязанности помощника, телохранителя, слуги, курьера… Служить принцу крови — высокая честь.

Гамильтон заметил взгляд Ан-Дана. Неужели ему довелось увидеть изумление на непроницаемом лице андроида?

Гамильтон откашлялся.

— Вы сказали, что «служите» «камердинером» этому… — он сверился с записями, — человеку, которого вы называете «его светлость». Он занимается проблемами освещения?

— Нет.

— Угу… А в вашем клубе у него есть какие-нибудь другие титулы?

Купер смотрел куда-то вдаль.

— Титулов у него не счесть, мистер Смит. Все они законны, и мы никогда не делали из них тайны, хотя и старались избегать лишней огласки. Однако теперь, я полагаю, Его Светлости придется решать, как быть дальше.

Вдруг Гамильтона осенило: должно быть, Купер принадлежит к редкой разновидности подлинных сумасшедших. И он принялся гадать, сохранились ли еще награды для тех, кто помог

отправить душевнобольного на излечение.

— Тогда, раз это не секрет, не назовете ли вы хотя бы некоторые из них?

— Пожалуйста. — Купер слегка поклонился. — Его зовут Джордж Густав Чарлз Фердинанд Людовик Яро Тайсе… Остальные имена он скажет сам, если пожелает. Его можно найти в Айлингтонской Больнице для Роботов — он там главный профессиональный психиатр. Что же касается его титулов, то в них перечислены короны Голландии, Бельгии, Норвегии, Дании, Швеции, Японии, Китая, России, Британии, большей части Африки и обеих Америк…

— Подождите! — Гамильтон замахал руками. — Мистер Купер, что именно вы подразумеваете под коронами?

Хозяин дома в первый раз за время разговора улыбнулся.

— Это значит, что милостью Божьей и по праву наследования Его Величество является монархом и сюзереном всех этих земель.

Купер наклонился вперед и доверительно посмотрел на гостя.

— Между прочим он ведь и ваш король тоже.

Табличка на двери гласила:

ДОКТОР ДЖОРДЖ ГУСТАВ

ВЕДУЩИЙ ПРОФЕССИОНАЛ

ПСИХОЛОГИЯ РОБОТОВ И АНДРОИДОВ

Прикрепив на лацкан пиджака удостоверение исследователя-любителя, Гамильтон остановился перед дверью Он подосадовал, что отправил Ан-Дана в библиотеку — с ним было бы спокойнее.

Гамильтон предполагал, что Густав — такой же сумасшедший, как его «камердинер», но досье этого парня оказалось безупречным. Работал он робопсихологом и был одним из самых уважаемых специалистов в Европе. В области интеллектуальных увлечений — юриспруденции и истории — его удостоили звания профессионала — случай исключительный! Те, у кого было больше одной Работы, вызывали всеобщую зависть, а у Густава их выходило целых три.

Дверь отворил долговязый, темноволосый молодой человек. Улыбнувшись, он протянул Гамильтону руку:

— Мистер Смит? Проходите, садитесь. Я через минуту вернусь.

Гамильтон устроился в кресле напротив широкого резного стола красного дерева, а доктор

Густав проследовал в свой кабинет. Оттуда донеслись обрывки указаний, даваемых доктором старому трудяге класса D. Ответы робота, состоявшие исключительно из гудков и щелчков, звучали для Гамильтона полной тарабарщиной.

Внимание социолога привлекли предметы, украшавшие стены приемной. Среди них были дипломы и кубки — трофеи спортивных побей, множество картин, причем лишь некоторые казались работой художника-любителя.

— Прошу прощения, мистер Смит, — извинился Густав, прикрывая за собой дверь. Повесив в шкаф свой белый халат, он расположился напротив Гамильтона.

— Полагаю, вас интересует Общество Бани и Подвязки, не так ли? Фарел сообщил мне о вашем вчерашнем визите. Это ничего? Вы ведь не просили его этого не делать?

— Нет, все в порядке. — Гамильтон беспечно махнул рукой. По правде говоря, он хотел попросить Купера сохранить их разговор в тайне, но опаздывал на баскетбол, а затем у него выкраивался час на чтение — редкая удача, — и в спешке все вылетело из головы.

Сегодня он на удивление быстро закончил дела в банке и освободился пораньше.

— Так вот, о вашем ритуальном клубе. Заявление мистера Купера касательно его древности… в него просто невозможно поверить. Надеюсь вам известно, что вводить в заблуждение исследователя считается преступлением. Не могли бы вы объяснить, чем вызвано его экстравагантное поведение?

Густав понимающе кивнул.

— Я уверен, Фарел не хотел вас обманывать. Должно быть, он несколько увлекся и слегка исказил факты. Видите ли, мистер Смит, Общество Бани и Подвязки действительно зарегистрировано как ритуальный клуб около трехсот лет назад, то есть на заре Всемирной Державы.

— Понятно. У членов клуба действительно есть чем гордиться: он — один из старейших. Этим, очевидно, и объясняются слова Купера. — Гамильтон испытал разочарование. Он ожидал услышать что-нибудь поувлекательнее.

— Конечно, корни нашего Общества уходят в глубь веков на несколько тысяч лет до Слияния. Вы, безусловно, слышали об английских рыцарях Бани, о клане Фудзиява, представители которого хранили полог трона Хризантемы…

Густав откинулся на спинку кресла и махнул рукой, показывая на стену.

— Видите тот старинный веер, мистер Смит? Это грамота, дарованная последним китайским императором своему малолетнему сыну. Перед манчжурским вторжением ее подписали старейшины всех городов по течению Янцзы. Тайное братство. Прятавшее наследника и его потомков, позднее слилось с другими подобными братствами. Так что Орден Бани и Подвязки образовался многие сотни лет назад, а ребенок, которого тогда спасли, был одним из моих предков.

Гамильтон замер.

— В таком случае заявление Купера, будто вы… что вы монарх…

Густав пожал плечами.

— Так гласят документы, мистер Смит. По всем законам престолонаследия я являюсь преемником сросшихся королевских домов Европы, Азии и большей части остального мира.

Заметив выражение лица Гамильтона, робопсихиатр рассмеялся:

— О, не удивляйтесь так, мистер Смит. Перед вами не сумасшедший. Я абсолютно современный и, осмелюсь утверждать, полезный член нашего общества, которое в целом одобряю. Я вовсе не требую каких-либо привилегий за мое уникальное происхождение — это было бы аб-

сурдом. Я обыкновенный наследственный глава ритуального клуба, абсолютно легального, заметьте. Наряду с тысячами других его членов я стремлюсь поддержать духовную связь с нашим прошлым.

Гамильтон проверил, крутится ли его диктофон. Только что услышанное с трудом укладывалось в голове.

— А другие члены вашего клуба — они тоже?..

— Наследники, вы хотите спросить? Некоторые — да. Но мы, конечно, принимаем и новых членов, которых в последнее время становится все больше. Однако потомственные члены клуба всегда были нашей опорой… представители домов Цинь, Бурбонов, Стюартов, Фудзиява… Следует учитывать, что ситуация после Слияния существенно отличалась от сегодняшней. — Тут Густав развел руками. — В те дни неосоциализм был не таким всепрощающим и добродушным, как теперь; он играл на низменных страстях и тяге к насилию. Те, кто претендовал на исключительность по праву наследования или принадлежности к старинной фамилии, оказались среди козлов отпущения. Королевские дома добровольно и с соблюдением всех формальностей, удалившись отдел, сложили с себя реальную

власть задолго до этого и потому пострадали не так сильно.

— Чертовски интересно, — воскликнул Гамильтон, — а я-то думал, что в эпоху парусных фрегатов и аэропланов королей и королев уже не осталось.

— Это не совсем так, хотя они старались держаться в тени. Я думаю, что скрытность стала их второй натурой, но реальной необходимости в ней уже не было.

Гамильтон согласно кивнул, хотя в глубине души чувствовал, что его хотят одурачить. Пусть доктор Густав называет себя современным человеком, но пылающий взгляд Купера говорил совсем другое! Да еще это наследственное членство! До чего оригинально!

Гамильтон с трудом сдерживал радость. Он натолкнулся на настоящее подпольное братство! Кажется, это первое тайное общество, обнаруженное после — как их там? — марксистов, о которых писали журналы лет двадцать назад. Маленькая сплоченная группа в течение многих веков стремилась к единственной цели — завоеванию мира. После разразившегося скандала члены группы разъехались в разные уголки света, и вскоре о них забыли.

Гамильтон продолжал улыбаться доктору Густаву, но думал уже только о своей будущей статье.

Будем надеяться, что «Орден Бани и Подвязки» протянет дольше марксистов.

Первую статью из «Социолога-любителя» перепечатали даже на Марсе и Титане. Поначалу Гамильтон опасался, что профессионалы перехватят инициативу, но благодаря Ан-Дану ему удалось закончить свое психо-статистическое исследование раньше других. Это решило дело. Ему предложили написать редакционную статью для очередного номера «Популярной социологии».

— Замечательная новость, Гамильтон, — пророкотал его кибернетический помощник. — Скорее всего за эту работу ты удостоишься статуса профессионала. В твоем возрасте это небывалая честь.

Гамильтон усмехнулся и поудобнее устроился в кресле, положив ноги на стол. В мире, где компетентность и многосторонность ценились превыше всего, профессионалы ревностно охраняли свои ряды от притока новых членов. Сам Гамильтон, заседая в комиссии профессиональных банкиров, провалил сотни претендентов, пытавшихся получить «вторую шляпу». И вот

он тоже почти получил ее, уверен, что получит. Что ж, не одному Густаву проявлять таланты в различных областях!

А Густав, признаться, держался что надо. К своей растущей популярности он относился на удивление спокойно, и даже пригласил Гамильтона на внеочередной съезд «Бани и Подвязки». И у Гамильтона при этом возникло ощущение, будто он удостоен великой чести.

На встречу съехались руководители отделений клуба со всего света. Большинство из них явно были профессионалами во многих областях, и многие высказывали серьезную озабоченность непомерно растущей популярностью клуба, но беззаботный и лучившийся уверенностью Густав вскоре заставил их позабыть о своих опасениях.

Гамильтона удивила невыразительность ритуала собрания. Ни причудливых шляп, ни загадочных символов, к которым он привык в своем клубе. Разве что время от времени кто-нибудь отвешивал легкий поклон, или доносилось архаичное «милорд»... но в общем ничего впечатляющего.

И все же наблюдательный социолог заметил нечто важное, некие оттенки взаимоотношений, в которых ему очень хотелось разобраться. Здесь

чувствовалось что-то необычное. Участники встречи относились ко всему происходящему куда серьезнее, чем члены других ритуальных клубов…

Гамильтон покинул собрание с кипой самых разнообразных заметок.

— Я записал свои впечатления о съезде, — объявил он андроиду. — А ты? Закончил исторический обзор?

— Да, Гамильтон. — Андроид склонил свою матовую голову. — Думаю, экскурс в историю будет идеальным вступлением к твоей книге: я постараюсь доступно объяснить, что такое монархия. Ты и не воображаешь, сколько людей даже представления о ней не имеют.

— Отлично.

В самом деле, это сбережет массу времени, а то игроки баскетбольной команды уже начали жаловаться, что Гамильтон запустил спортивные тренировки. Успехи приветствуются, справедливо напоминали ему, но одержимость абсолютно недопустима.

— Выяснил что-нибудь интересное?

— Да, Гамильтон. Документы, которые показал нам доктор Густав, подлинные. Андроиды класса ААА из архивного отдела чрезвычайно ими

заинтересовались. Очевидно одно: родословная Джорджа Густава — не подделка.

— Ну и чудненько, — Гамильтон ухмыльнулся. Теперь принудительное лечение робопсихиатру не грозило. Гамильтон был рад за него, парень ему действительно понравился.

— А как тебе работалось с андроидами «трижды А»?

Ан-Дан попытался изобразить улыбку.

— Примерно так же, как тебе, Гамильтон, когда ты имеешь дело с профессиональными социологами.

— Неужели? — улыбнулся в ответ Гамильтон.

В Орлеане происходили интересные события, если не сказать больше. Впервые за много лет жители пытались перекроить свой распорядок так, чтобы осталось время поглазеть на… парад!

То был один из самых скромных и благопристойных парадов: ни разукрашенных повозок, ни жонглеров-любителей, ни любителей-аэроциклистов, непонятным образом появлявшихся на любом параде. Процессию замыкали конные и пешие члены клуба, а возглавлял ее отряд рослых молодцев, которые надрывными и мрачными звуками своих волынок приводили зрителей в священный трепет.

Страсти кипели. Когда парад закончился, толпа обступила наследственного главу «Бани и Подвязки», требуя автографы.

— Пожалуйста, уважаемые леди и джентльмены, умоляю вас, — взывал Фарел Купер, с трудом вспоминая старинные правила вежливости. — Визит Его Светлости расписан по минутам. Умоляю вас! Не могли бы вы отойти чуточку назад? И вы тоже! Поберегитесь — лошади!

Два волынщика пришли ему на помощь и вместе с добровольными стражами порядка слегка оттеснили толпу. Джордж Густав только что подписал книгу молодой женщине, которая немедленно прижала ее к груди, словно самую дорогую реликвию. Подняв голову, доктор подмигнул ей и получил в награду еще один восторженный взгляд. Затем Густав сделал знак своей добровольной охране, и к нему пропустили следующего поклонника.

— Добрый день, мистер Смит, — поздоровался он и, пожав Гамильтону руку, занялся очередной книгой. — Приехали исследовать новый феномен? Должен сказать, ваши статьи превратили мое маленькое старомодное хобби в ответственнейшее дело.

Гамильтон улыбнулся.

— И как вы себя чувствуете в роли короля, доктор Густав? Насколько я могу судить, она оказалась куда сложнее, чем можно было представить… по крайней мере для монарха, который старается держать марку. Скажите, вы когда-нибудь задумывались о том, что было бы… что было бы, если…

— Если бы монархия сохранилась? Если бы я был наследником реальной власти, а не главой ритуального клуба? Конечно же, задумывался, мистер Смит, и не раз. Неужели вы полагаете, будто я начисто лишен воображения?

Покончив с последним автографом, Густав помахал собравшимся рукой и, повернувшись к Гамильтону, серьезно продолжал:

— Не знаю, как и почему во мне соединились гены всех этих августейших фамилий — это, конечно, произошло уже после того, как они утратили свою былую власть. Но могу сказать вам, к чему это привело. Во мне есть какая-то струнка, которая откликается на эмоции толпы. Я всегда чувствовал людей… да и андроидов тоже. По тестам я всегда получал самый высокий балл за лидерские способности и чувство справедливости.

— Да, я знаю. Вы пользуетесь популярностью

как судья-любитель. Профессиональный суд ни разу не отменил ваше решение.

Густав пожал плечами.

— Итак, вопрос в том, унаследовал ли я свои способности от предков или все это — простое совпадение? Интересная тема для исследования! Хотя, как мне Кажется, теперь это не важно.

Подошел Фарел Купер и, коротко кивнув Гамильтону, обратился к своему патрону:

— Ваша Светлость, мы уже не укладываемся в расписание. Не угодно ли трогаться в путь? Ваш эскорт ушел далеко вперед.

Гамильтон усмехнулся. Он уже успел привыкнуть к манерам Купера. Густав поймал его саркастический взгляд и подмигнул.

— Ладно Гамильтон, поговорим позже Надеюсь, у меня еще будет возможность поведать вам, сколь много я почерпнул из вашего микросоциологического исследования Общества Бани и Подвязки.

Гамильтон почувствовал, что краснеет, и поторопился сгладить неловкость.

— Последний вопрос, доктор Густав. — Он повернулся в сторону толпы. — Что вы думаете о столь неожиданном росте симпатии к вам и вашему клубу? Во время этой поездки вас так тепло

встречали в Орлеане и в других городах.

Густав нахмурился.

— Социолог — вы, Гамильтон, а не я.

— Но все-таки, как по-вашему, почему?

Густав вдруг посерьезнел. Он окинул взглядом толпившихся за ограждением людей, которые тянули шеи и принимались махать ему, как только он поворачивался в их сторону. Затем, посмотрев на Гамильтона, ответил:

— Мне кажется, они чувствуют себя усталыми, одинокими и оторванными от своего прошлого. Как ни прискорбно, наше общество не в состоянии дать им то, в чем они нуждаются. В нашу эпоху Всемирной Державы не все так счастливы, как, скажем, вы или я… Но, может быть, вам лучше самому разобраться в причинах и следствиях? Я ведь не специалист.

Подошел слуга, ведя в поводу чалого жеребца. Густав вскочил в седло. Нервное животное всхрапнуло и замотало головой, но робопсихиатр умело осадил его и успокоил, погладив по холке.

— Лично мне связей с прошлым хватает. Все, чего я действительно хочу, — это получить еще одну профессию. Надеюсь, вы меня поймете.

И, подмигнув на прощанье, он направил своего коня к ожидавшему эскорту.

Процессия миновала полпути к собору, когда Куперу наконец-то удалось поговорить с Густавом.

— Ваша светлость, — нахмурившись, начал камердинер, — простите за прямой вопрос, но не играете ли вы с огнем?

Густав пожал плечами и, улыбнувшись, помахал толпе. Конь под ним выступал уверенно и гордо.

— По-моему, нет, Фарел. В конце концов я ему не солгал. Все, что я сказал, — абсолютная правда.

Фарел Купер насупился.

— Этот парень вовсе не простак. Он может принять вашу откровенность за снисходительность и сумеет навредить нам, если захочет.

— Он не станет. — Густав усмехнулся. — Я доверяю Гамильтону, и ему незачем нам вредить.

— Надеюсь, вы правы, — пробормотал Купер, заслоняясь от очередного вихря розовых лепестков.

Толпа приветствовала их криками, расступаясь перед заунывным завыванием волынок. Густав махал публике в ответ и смеялся.

— Да не будьте же таким серьезным, Фарел. Со следующего понедельника вновь приступаем к Работе, а сейчас дайте мне насладиться даром

предков!

— А если вам придется наслаждаться этим даром всю жизнь. Ваша Светлость?

— Прикусите язык!

— Да, монсеньор.

Эта игра была первой игрой в поло за время существования стадиона «Восточная Темза». Кроме того, это была первая игра, за которой наблюдали сто пятьдесят тысяч болельщиков, не считая многочисленных телезрителей. Профессиональные обозреватели, комментаторы-любители и умудренные опытом ученые мужи — все связывали возрождение этой почти забытой игры с растущей славой одного из игроков.

Человек, которого все ждали, появился лишь после того, как на поле вышел второй судья. Игрок гордо выехал на гнедом скакуне, понукая и без того нетерпеливое животное. В руке он сжимал древко флага. Толпа встретила его приветственными возгласами. Флаг был достаточно замысловатым. Гамильтон знал, что в его основу положен древний «Юнион Джек»: по углам красовались символы основных монарших дворов — хризантема, лотос, двуглавый орел и лилия.

Гамильтон наблюдал с трибуны, как на противоположную сторону поля, умело и грациозно

управляя послушными лошадьми, выезжала и выстраивалась команда соперников. Матч начался.

Неожиданно один из игроков американской команды вырвался из массы сгрудившихся всадников и, ведя перед собой мяч, устремился к единственному защитнику английских ворот. За ним, с каждой секундой приближаясь к противнику, скакал Джордж Густав.

Сделав ложный выпад вправо, защитник попытался блокировать американца слева, но провести соперника не удалось. Ловко обойдя защитника, американец вышел на ударную позицию. Клюшка американца задела настигавшего его Джорджа Густава, и тот, получив удар в плечо, с глухим стоном упал на жесткий дерн.

Зрители как один поднялись со своих мест. По стадиону прокатилась волна испуга Врачи — профессионалы и любители, бросились на поле, к неподвижно лежащему капитану английской команды. Даже когда он зашевелился, перекатился на спину, а потом и уселся с помощью игроков своей команды, на многотысячном стадионе царило молчание, подобное гудению высоковольтных приводов. У Гамильтона непроизвольно сжались кулаки. Он попытался понять,

в чем тут дело. Опасные падения, травмы случались и раньше, но никогда толпа не реагировала на них так остро.

Наконец долговязому капитану помогли подняться. Он высвободился из поддерживающих его рук и, повернувшись, помахал трибунам.

И тут будто плотину прорвало. Крики и аплодисменты не смолкали несколько минут, а стражи порядка отнюдь не спешили пресечь чересчур бурное выражение чувств. Американец, чей удар сбил Густава с ног, подошел к нему, ведя на поводу обеих лошадей — свою и соперника. Густав улыбнулся и крепко пожал ему руку. Трибуны разразились новой бурей восторга.

Англичане отказались от пенальти, и матч возобновилась с новым подъемом.

Происходящее настолько захватило Гамильтона, что он не заметил, как к нему подошел Ан-Дан, сопровождаемый невысокой скуластой особой и тремя андроидами.

— Гамильтон, — окликнул он хозяина. — Тут к тебе из Всемирного правового бюро. Очень важный, говорят, разговор.

Гамильтон улыбнулся. В последнее время ему приходилось общаться со многими высокопоставленными чиновниками.

— А они не могут подождать? До конца игры?

Невысокая особа покачала головой. Представившись мисс Инг, она сказала:

— Боюсь, мы не можем ждать, мистер Смит. Необходимо обсудить это немедленно. Назревают события, которые могут перерасти в первый со времен Слияния открытый конфликт между андроидами и людьми.

— Что вы имеете в виду? Почему вы считаете, что это не клан? — горячился Гамильтон. Из комнаты, куда они перебрались, открывалась широкая панорама стадиона. Возбужденные крики проникали даже сквозь толстое стекло.

— Вы должны признать, — особа пожала плечами, — что с этим кланом все идет совсем не так, как с другими. Обычно…

— Ну да. Обычно после того, как становилось известно об их существовании, они под давлением неодобрения и насмешек распадались и погибали. Но на этот раз общественность отнеслась к «Бане и Подвязке» вполне дружелюбно. И я доволен, что мое открытие не вызвало реакции, которой я опасался. Более того, я не вижу погрешностей в моей социологической модели!

Мисс Инг нахмурилась.

— Да вы хоть представляете себе, мистер Га-

мильтон, сколько новых членов вступило в общество за последнее время?

— Слышал об этом поветрии. Полагаю, эта причуда…

— Причуда?! Мистер Смит, они получают миллион писем в неделю! А бюджет, который, как вам известно, формируется из фондов Всемирной Державы в расчете на каждого члена клуба, скоро превысит бюджет моего департамента! Конечно, Гамильтон, вы занимались ими как любитель, и, хотя заработали статус профессионала, все это была, по сути, микросоциология. Если бы вы только знали что-нибудь о макросоциологии и о возможных последствиях подобных аномалий для общества в целом, вы вели бы себя более осмотрительно!

Гамильтон покачал головой.

— Я не уверен, что понимаю вас.

Мисс Инг вздохнула, потом снисходительно объяснила:

— Даже вы заметили тенденцию, которую мы, профессионалы, наблюдаем уже в течение многих лет. По правде говоря, тяжело хранить молчание, когда вокруг в поисках сенсации рыщут психологи и социологи-любители. И надо же вам было в первом же своем исследовании

вытащить на свет этого монстра.

— Не думаю, что моя роль столь значительна.

— Вы открыли ящик Пандоры! — вскричала собеседница. — По нашим расчетам, это увлечение всего через полгода завладеет умами половины человечества!

Гамильтон ошеломленно взглянул на Ан-Дана, но лицо андроида ничего не выражало.

— Что ж, увлечения проходят. Не думаю, что доктор Густав собирается использовать его в корыстных целях. Он очень ответственный гражданин. Я полагаю, он хочет просто развлечь публику. — Гамильтон взглянул на трех андроидов класса ААА. — Как бы то ни было, — продолжал он, — я не вижу здесь связи с конфликтом между андроидами и людьми.

— Объясните ему, — обратилась социологиня к сопровождающим. — Давайте-ка, расскажите, кто такой на самом деле его «ответственный гражданин».

Один из андроидов чуть поклонился мисс Инг, потом Гамильтону. У него были почти человеческие, хотя и смягченные, трудноуловимые черты лица. Он заговорил холодным мелодичным голосом:

— Мистер Смит, я представитель Бюро по пра-

вам андроидов. Вам должно быть известно, что со времен Слияния мы являемся хранителями и блюстителями законов. Мы с радостью служим на благо человечества во имя его непрерывного развития. Но превыше всего для нас верность Закону как осознанно выраженной и внушенной нам воле нашего властелина — Человека.

— Да-да. Все мы знаем со школьной скамьи, как вы, Аны, беззаветно преданы людям, — нетерпеливо произнес Гамильтон. — Но какое отношение к этому имеет Джордж Густав?

— Мистер Гамильтон, — после некоторой паузы ответил андроид, — мы тщательно изучили ситуацию. В своей книге вы очень точно описали, как семьи монархов удалились от политики, как они постепенно слились в одну семью. Но вы не рассказали, да и не могли рассказать, как короли, королевы и императоры отдалились от общественной жизни. Наши тщательные исследования показали, что настоящего отречения от власти практически не было. Отречение от престола, принимаемое выборными представителями народа, почти всегда содержало формулу: «По милостивому повелению Его Величества…» или «Ее Величество вручает нам…» — смысл абсолютно ясен, хотя нет сомнения, что фразы эти

были оставлены только из учтивости.

— Но не хотите же вы сказать… — Гамильтон почувствовал, что почва уходит у него из-под ног.

— Именно это я и хочу сказать, мистер Смит. Конечно, существуют значительные ограничения королевской власти, имеющие силу закона, но, в сущности, Джордж Густав является «королем» большей части земного шара, о чем наше Бюро и намерено известить его по окончании матча и предложить свое содействие в осуществлении законных прав.

— В таком случае, — холодно произнесла мисс Инг, — профессионалы в области социологии, политики и правопорядка, да и большинство любителей тоже, выступят с протестом и организуют сопротивление. Многие из нас еще помнят идеалы, на которых зиждется Всемирная Держава, и мы не намерены попустительствовать реставрации махрового феодализма!

Со стадиона доносился исступленный рев болельщиков. Услышанное совершенно ошеломило Гамильтона.

— Но… чего вы добиваетесь от меня? Не могу же я отказаться от своих статей или отвлечь публику от Густава.

— Главное, вы теперь поняли. А вы уверены, что не можете предложить выход?

Социологиня лукаво взглянула на Гамильтона. Три андроида тоже уставились на него и ждали ответа. Гамильтон лихорадочно соображал.

— Уф-ф… Может быть, поискать какой-нибудь компромисс?

Мисс Инг облегченно вздохнула; андроиды удовлетворенно заурчали.

— Вот этим и займитесь. Побеседуйте с ним, будете нашим посредником. Если он такой ответственный, как вы уверяете, составим нечто вроде конституционного соглашения, которое удовлетворит и людей, и андроидов, и социологов-профессионалов.

— Но почему я?

— Потому что вы заварили всю эту кашу! Вы вытащили Густава на свет! А кроме того, кажется, вы ему нравитесь.

Мисс Инг запнулась и, с видимым усилием сочинив непривычную фразу, поправилась:

— Я хочу сказать, что Его Величество к вам благоволит.

На стадионе надрывались сто пятьдесят тысяч ликующих глоток.

Когда переговоры завершились и Фарел Купер

закрыл дверь, Джордж Густав снова уселся за стол.

— Что-нибудь еще, Ваше Величество? — улыбнулся камердинер.

— Чего уж больше, Фарел? Теперь я — конституционный монарх, король земного шара. Они добавили еще и Солнечную систему, лишь бы я отказался от права единолично объявлять войну, когда у нас появятся враги… Если они появятся.

— Достойное завершение. Ваше Величество. Теперь предстоит много дел, пора готовиться к коронации.

— Н-да-а… — Густав состроил гримасу. — Придется потрудиться еще лет пять, прежде чем мы сможем опубликовать результат.

— Боюсь, что людям не понравится, если вы поступите в соответствии с начальным замыслом и неожиданно отречетесь — особенно, если вы будете хорошим королем.

— Я буду хорошим королем, но только на пять лет. Хотя, возможно, ты и прав. Надо подумать, как скрыться понезаметнее после публикации результатов. Когда весь мир узнает, что компании актеров и историков-любителей удалось осуществить самый грандиозный социологический эксперимент в истории — и прямо под

носом у профессионалов! — разразится крупный скандал.

— Как будет угодно Вашему Величеству, — усмехнулся Купер.

— Меня беспокоит только одно. — Тут Густав вздохнул.

— Что, милорд?

— Как поступят андроиды. Вся моя затея зависела от ловкого использования психологии андроидов. Необходимо было убедить их в том, что мой эксперимент в целом пойдет на пользу человечеству, невзирая на возможный период разочарования. Их помощь понадобилась, чтобы, подправив мою родословную, сделать меня настоящим законным наследником.

— И вам это прекрасно удалось, разве не так? Вы опытный робопсихиатр, и этот случай должен только укрепить вашу уверенность в себе.

— Так-то оно так… — Густав нахмурился. — Но меня беспокоят эти чертовы андроиды «трижды А». Они так преданы всеобщему благу и процветанию человечества! Я думаю, что некоторые из них все-таки обратят внимание на возможные деморализующие последствия публикации. В конце концов, я просто хочу получить звание профессионала в области экспериментальной

социологии… С их точки зрения это достаточно эгоистичный мотив. Интересно, почему они все же решили помочь мне?

Купер перестал полировать и без того безупречный хрустальный бокал и поставил его на серебряный поднос перед Густавом.

— Может быть, они считают, что знают вас лучше, чем вы их… или даже самого себя, — предположил камердинер.

Густав медленно повернулся и внимательно посмотрел на Купера. Сухопарый бледный старик извлек из шкафа хрустальный графин бренди.

— Что вы имеете в виду?

— Ну… — Купер рассматривал на свет сквозь старинный хрусталь безупречно прозрачный коньяк. — Как вам удастся доказать через пять лет, что это был всего лишь эксперимент?

Густав засмеялся.

— Вы думаете, я могу застрять в роли короля? И навсегда лишиться своей работы? Не станут же они…

Посмотрев на лицо Купера, он запнулся и прошептал:

— Не станете же вы!.

Камердинер улыбнулся.

— Ну конечно, нет… Ваше Величество…

Со скрупулезной точностью отмерив золотистое бренди, он наполнил бокал Густава, поклонился и направился к двери, успев заметить, как тревога провела первую морщину на челе молодого монарха.

Этот огненный взгляд

Так вы хотите поговорить о «летающих тарелках»? Этого-то я и боялся. Черт возьми, и ведь такое случается всякий раз, когда мне выкручивают руки и заставляют нянчиться с вами, полуночниками. А Языкастый Ларри тем временем прохлаждается в Бимини, потому что ему, видите ли, очень нужно отдохнуть. По идее, я должен в течение двух недель отвечать на звонки по поводу астрономии и дальнего космоса. Знаете, кометы там разные, черные дыры? Но, похоже, в первую ночь нам просто необходимо поговорить об этих НЛО.

...Не стоит так волноваться, сэр... Да, я тот самый ученый сухарь, который сидит в башне из слоновой кости. Да, собираюсь душить все проявления нетрадиционного мышления. Как скажешь, приятель.

Если честно, я тоже мечтал о контакте с инопланетной формой жизни. Да я и сейчас участвую в программе... Вот именно, «Поиск внеземного разума», «СЕТИ»... Нет, это совсем не то же самое, что гоняться за НЛО! Лично я не верю, что

Землю посещали хоть сколько-нибудь разумные существа…

Да, сэр. Полагаю, у вас целая гора подлинных случаев да парочка личных встреч. Угадал? Наслушался я таких историй несколько лет назад, когда некоторые из нас пытались изучать данный «феномен». На каждый случай уходили недели, и всегда оказывалось, что это либо метеозонд, либо самолет, либо шаровая молния…

…Ах, вот как?! Нет уж, парень, я-то видел шаровую молнию. Очень хорошо рассмотрел. Шрам на носу и расплавленный бинокль могу предъявить в качестве доказательства. Так что не говори мне, что это миф, вроде твоих дурацких «летающих тарелок»!

Нынешней ночью мы начали свой труд в Англии, неподалеку от Эйвбери, с того, что принялись сплетать стебли желтой пшеницы в красивые, ровные кольца. Это приятная работа - играть с лассо из света над морем зерна. Круги получатся на славу. Люди увидят фотографии в утренних газетах и удивятся.

Наша ослепительная эфирная лодка парит над нами, купаясь в добром сиянии Матери Луны. На гладкую поверхность корабля нанесено сверкающее покрытие, которое не позволяет глазу

смертного задержаться на нем.

Если нас увидят - это хорошо. Но не слишком.

— Каждое кольцо должно быть безупречным! - объявляет Фирфалькон. - Пусть ученые болтают о «естественном феномене». После этой работы у нас прибавится верующих!

В старину его титуловали бы «королем». Но мы стремимся не отстать от меняющегося времени.

— Да, капитан! - кричим мы и спешим продолжить начатое.

Наш Слушатель взывает к нам со своего насеста:

— О нас говорят в земной радиопрограмме. Хотите послушать? Мы выражаем согласие веселыми возгласами. Хотя мы ненавидим земную технологию, она нередко работает на нас.

Теперь по поводу вашего второго вопроса, мистер. Так ли уж сильно энтузиасты НЛО отличаются от нас, астрономов, которые при помощи телескопов ищут во Вселенной признаки жизни? И те, и другие стараются обнаружить нечеловеческий разум, нечеловеческие идеи, что-то странное и удивительное.

Но в вопросе о доказательствах мы расходимся. Наука учит, что нужно ожидать - и даже требовать - чего-то большего, чем «страшные

тайны». Какой прок в головоломке, если ее нельзя решить?

Терпение - это замечательно, но я и впредь буду просить Вселенную, чтобы она имела смысл.

Юноша гонит машину быстрей, чем ему хотелось бы. Очертя голову проскакивает крутые повороты, чтобы произвести впечатление на девушку рядом с ним.

Ему не нужно так спешить: она готова. Она уже все решила, когда вечер только начинался. Сейчас она смеется, изображая беспечность, в то время как дорожные столбы проносятся мимо, а ее сердце учащенно бьется.

Автомобиль с откидным верхом карабкается в гору в опаловом свете Луны. Голое колено девушки трется о руку парня, отвлекая его от механизмов управления. Он кашляет, борясь с импульсом, который куда древней, чем его раса, и поворачивает руль. Как раз вовремя: у него были все шансы сверзиться с обрыва.

Я чувствую их возбуждение. Он наполовину ослеплен желанием. Она сгорает от нетерпения.

Они не замечают нашего приближения.

В уединенном местечке за скалой он жмет на тормоза и оборачивается к ней. Она игриво отстраняет его, стремясь разжечь пламя страсти. Ее

замысел понятен.

Мы кружимся сзади, наслаждаясь образчиком столь простого и честного вожделения. Затем наша лодка перелетает через скалу, делает круг и оказывается прямо под ними.

Мы включаем «мигалки», чтобы корабль предстал во всей своей красе.

И начинаем взлетать.

Никто не поверит их рассказу. Но этой ночью будет засеяно не только человеческое семя.

Вот высказывание, которое нам подойдет. «Отсутствие доказательств не есть доказательство отсутствия». То, что проект «СЕТИ» не зарегистрировал ни одного устойчивого сигнала с тех немногих звезд, на которые мы смотрим, не доказывает, что во Вселенной никто не живет.

...Да, конечно. То же самое относится и к НЛО, если вы настаиваете.

Но «СЕТИ» пытается найти источники радиоволн в обширной области космоса - поистине ищет иголку в стоге сена. Гораздо труднее объяснить, почему нет убедительных свидетельств присутствия на Земле «летающих тарелок». В конце концов, это маленькая планета. Если «чужие» гадят здесь столько времени, как говорят некоторые, не смешно ли, что они до сих пор не

потеряли ни одного бесспорного инопланетного артефакта, который мы могли бы исследовать? Скажем, какой-нибудь марсианский эквивалент бутылки из-под «Кока-колы»?

Мы летим над восточной Канадой, осуществляя основное патрулирование. Создаем в случайно выбранных зданиях краткосрочные, микроскопические сингулярности, которые проглатывают кошельки, ключи от машин, выполненные домашние задания. Тем временем некоторые из нас пробуют вторгаться в сны мужчин и женщин - кстати, последние более восприимчивы.

Гриффинлок слушает ток-шоу в качестве звукового фона для своей работы. Когда этот ученый тупица говорит об «инопланетных артефактах», мы смеемся.

Какая глупая мысль! Мы не делаем вещей ни из твердых, ни из упругих материалов! Бутылку из-под «Кока-колы» я и в руках не держал. Даже те человеческие детеныши, которых мы похищаем, чтобы воспитать как своих собственных, чувствуют боль от скрытого тепла в стекле и металле - субстанциях, рожденных в огне.

Люди построили свою гордую цивилизацию на подобных вещах. Но зачем, если у них есть мы? Может ли железо быть столь же заботливым? Мы

имеем дело с другим теплом. Наше - воспламеняет сердца.

Да, да... Для тех из вас, кто не читает «Инкуайер», поясняю: этот мистер интересуется моим мнением по поводу одной из самых знаменитых историй, связанных с НЛО, - о корабле, который, как предполагают, потерпел катастрофу в Нью-Мексико сразу после второй мировой. Вот уже сорок лет, как его обломки тайно исследуются на базе ВВС в Дейтоне, так?

И то сказать, разве от этой новости не забурлит кровь у честных граждан? Опять гадкое правительство скрывает от нас секреты!

Ну, допустим, у нас они есть - остатки этого супер-пупер-инопланетного разведчика с деформационным двигателем, корабля с Белибердана Одиннадцать. Почему же тогда из Огайо не валят валом технологии, о которых можно сказать, что они из дальнего космоса? Я не имею в виду сканеры в супермаркетах - их инопланетное происхождение вполне вероятно.

Да ладно, разве наш платежный баланс был бы в таком состоянии, как сейчас, если бы...

...Ах, вот как?! Все это было совершенно секретным? Хорошо, но возникает второй вопрос. Кто же, по-вашему, аккуратно возился с обломками

целых четыре десятилетия?

...Правительственные инженеры? Угу. Ты вообще-то инженеров видел, приятель? Они не такие безликие зануды, как в идиотских фильмах про секретных агентов. По крайней мере, в большинстве своем. Они нормальные американцы, вроде нас с вами. У них есть жены, мужья, дети.

Сколько же тысяч человек должно было работать с тем инопланетным кораблем с 1948-го? Представьте этих дуралеев на пенсии - как они играют в гольф, копаются в гараже, тратят деньги в Ротари-клубе... и все это время подавляют в себе стремление выболтать сенсацию века?

Бросьте, дружище. Лучше оставим эту хреновину об Ангаре 18 и вернемся к НЛО: здесь, по крайней мере, есть о чем поспорить!

Я страстно хочу спуститься вниз и продемонстрировать этому ученому из ток-шоу «доказательство». Я заставлю свернуться молоко на его пороге и нашлю на него ночные кошмары. Я перекрою доступ к коммунальным услугам. Я...

Я ничего этого не сделаю. Не хотелось бы увидеть, как золотой корабль испарится, точно роса летним утром. Нас слишком мало, и Фирфалькон велел, чтобы мы показывались только самым

впечатлительным, чьи мозги все еще можно перестроить в старом духе.

Я поднимаю взгляд на бесплодную, покрытую кратерами поверхность Луны. Наше убежище, приют изгнанников. Даже там они нашли нас, эти «новые люди». Облачко эктоплазмы - вот все, что осталось от наших братьев, которые попробовали напугать настырных исследователей. Тогда мы получили жестокий урок - убедились в том, что астронавты совсем не похожи на аргонавтов древности.

Их глаза горят безумным огнем скептицизма, и никто не может предстать перед ними.

Это профессор Джо Перес, сижу здесь вместо Языкастого Ларри. Вы в эфире.

Да? Вот как?.. Ну, друзья, похоже, наш следующий собеседник хочет поговорить о так называемых палеоконтактах. Согласен. Промоем косточки этим «богам» и их чудесным колесницам.

Говорят, они научили египтян строить пирамиды! И этого мало, черт побери! С их подачи мои собственные предки нацарапали на каменистом плато в Перу гигантские фигуры! Чтобы космические корабли могли отыскать посадочные площадки, верно? Да, все это вполне правдоподоб-

но - пока не спросишь: зачем?

Ну зачем кому-то понадобились столь несуразные «посадочные площадки», если была возможность получить кое-что получше? Открыли бы небольшой колледж да объяснили нашим предкам, как использовать цемент. Пара-тройка электронных классов - и мы смогли бы производить лампы накаливания и радары, чтобы сопровождать их «тарелки» через все препятствия - от дождя до стаи саранчи!

…Что-что? Они прилетали сюда, чтобы помочь нам? Ах, спасибо вам огромное, инопланетные боги! Спасибо, что не удосужились рассказать о смывных туалетах, о печатных станках, о демократии, о микробной природе болезней! Спасибо, что не вспомнили об экологии и позволили нам разрушить полпланеты, прежде чем мы наконец сообразили, куда катимся! Черт, да если бы нам хоть кто-то показал, как делать обычные стеклянные линзы, мы справились бы с остальным. Скольких бед, какого вопиющего невежества избежали бы мы!

Вы относите такие человеческие изобретения, как архитектура и поэзия, физика и милосердие, на счет инопланетян?.. Серьезно?.. Что ж, полагаю, вы оскорбляете наших несчастных пра-

матерей и праотцев, которые ползали в грязи, преодолевая суеверия и дикость, чтобы много веков спустя их потомки сумели очистить свои помыслы и взглянуть Вселенной в глаза. Нет уж, дружище. Если к нам и впрямь прилетали древние астронавты, мы ни черта им не должны!

…Куда? И тебя туда же, приятель… Да нет, забудь. С тобой я больше разговаривать не желаю. Можешь молиться на своих дурацких звездных богов, если хочешь. Следующий звонок, пожалуйста.

Хотя мы с трудом понимаем, как оно работает, это их изобретение пришлось нам по душе. Радио похоже на походный костер, возле которого так хорошо слушать невероятные истории.

Но сегодняшняя программа очень неприятна. Голос этого парня рассекает воздушные потоки - он острей стекла, а жжется сильнее, чем железо. Голос спрашивает, почему мы не научили их ничему полезному, когда человечество пребывало во младенчестве! Неблагодарный паршивец. Что значат какие-то линзы по сравнению с тем, что мы когда-то дали людям? По сравнению с яркостью впечатлений! Тайной! Ужасом! Если внушить простому сельскому бедняку, что ночь продлится сотню лет, будет ли ему дело до обыч-

ной чумы и мора?

Мы должны бороться с этим безумием, иначе «новое мышление» не позволит нам влиять на людей.

И они научатся полностью обходиться без нас.

Наш капитан чрезмерно осторожен. Я лечу в небольшой шлюпке и вижу одинокого путника на пустынной дороге. Мои огни ослепляют его, я принимаюсь плести узор из воображаемых путешествий в далекие миры. Он жадно впивается в «звездную карту», которую я ему показываю, и запоминает несколько банальностей, считая их секретами Вселенной. Необходимости в чем-то новом нет. Мы начали кормить своих верующих одной и той же пищей задолго до того, как появились эзотерические журналы, помогающие нам ее распространять.

Когда я улетаю, в его глазах отражается поклонение. Сегодня хорошая ночь: она полна старой магии. Как и всегда, я бросаю зеленому миру едва ли нужные ему загадки.

Мы справимся с этой чумой, которая отнимает у людей их прирожденные права. Мы утолим их тайный голод.

И наш тоже.

…Нет, мэм, все хорошо. Можно говорить об

НЛО и дальше. Вечер все равно пропал.

Позвольте мне, однако, удивить вас. Как ученый я не отвергаю принципиальную возможность существования НЛО. Есть призрачный шанс, что нечто странное все же имеет место. Может быть, и впрямь живут где-то непонятные создания, которые спускаются к нам, чтобы погрохотать дорожными указателями и вызвать падение напряжения в сети. Может быть, они похищают людей и катают их по космосу.

Но тогда почему ни один из тех, кто клянется, что встречался с пришельцами, - почему ни один из них до сих пор не предъявил нам ничего такого, что было бы безусловно истинным и чего земная, наука пока еще не ведает?

Я присоединяюсь к главному кораблю, когда тот скользит по серебряной дорожке над планетой, которую мы когда-то называли Домом. Теперь она принадлежит шумному, бойкому, стремящемуся к какой-то цели человечеству. Если бы они знали, что эту цель давали их предкам мы! И дадим опять, если они позволят.

Позволят? Я стыжусь собственных мыслей. У червяков нет права позволять или не позволять!

Были времена, когда люди не смели поднять свой взор и дрожали от страха. Теперь поверх-

ность ночной планеты сияет городскими огнями. Леса кишат туристами и натуралистами. Кажется, прошли века с тех пор, как мы получали весточки от наших кузенов из потаенных мест Земли - с гор и из глубоких озер. Возможно, они прячутся от современного человеческого взгляда - или уже исчезли.

Это заставляет меня задуматься: найдется ли причина для того, чтобы люди снова стали нуждаться в нас?

Но есть и второе соображение касательно всех этих дел с НЛО; оно даже лучше первого.

Предположим, что некоторые из историй о контакте правдивы и являются «пробным шаром» маленьких серебряных человечков из космических кораблей. Мое мнение? Мы все еще можем управлять нашими отношениями с инопланетным разумом!

Посмотрите, что они творят! Пикируют на грузовики, пугают скот на фермах, вытаптывают посевы, похищают людей, чтобы втыкать им в мозг иголки... да разве разумные существа так поступают?

Я никогда еще не слышал такой трактовки.

Возможно, кто-то из них на подсознательном

уровне недоволен нашей работой.

Но мы-то делаем ее ради собственного блага.

Хуже всего то, что если эти ребята из НЛО действительно существуют, они на контакт не пойдут!

...Что-что? Вы говорите, они боятся нас? Нас, едва добравшихся до нашей жалкой Луны и уже не пытающихся повторить это? По-вашему, именно мы наводим страх на звездных пришельцев?! Ну, конечно. А я, например, просто в ужасе от черепашек в зоопарке!

Но мы и вправду боимся вас, ученая ты голова. Ваши представления искажены. Я научил бы тебя. Однако стоит мне только попытаться, как ты сожжешь меня там, где увидишь.

Давайте рассуждать, мистер. Проведем эксперимент. Вы ведь считаете, что инопланетяне - большие умницы, верно?.. Если так, можно допустить, что они сейчас слышат мои слова. И не просто слышат, но и понимают их, поскольку подобные ловкачи наверняка уже в совершенстве владеют нашим языком, не правда ли?

Прекрасно. Тогда я ненадолго забуду о земной аудитории и обращусь к небесным слушателям.

Привет вам, маленькие зеленые человечки,

ловящие мой голос в своих диковинных кораблях! Я собираюсь бросить вам вызов. Вылезайте из «летающих тарелок», потому что я намерен рассказать, где найти наиболее квалифицированных людей на планете по части первого контакта со звездными пришельцами. Это люди, у которых есть все нужные знания, репутация, связи в правительстве и которые вдобавок всю жизнь мечтали пообщаться с другими формами жизни.

Готовы? Хорошо. Прежде всего я хочу, чтобы вы позвонили во Всемирный космический фонд, Пасадена, штат Калифорния. Вы узнаете их номер в справочной, с которой можно связаться при помощи любого из наших спутников... вы ведь достаточно образованы, чтобы с этим справиться? Наши технологии - просто детская игрушка, верно? Но я подскажу: код 1-818, а номер справочной - 555-1212. Этот фонд - наряду с Планетным обществом - финансирует наиболее перспективные исследования в рамках программы «СЕТИ», и именно тогда, когда по милости нескольких сенаторов-популистов все федеральное финансирование программы прекращено. Исследователи «слушают» небо в ожидании сигнала от далекой инопланетной цивилизации. Кстати, обычно им

не нравится, когда их работа ассоциируется с НЛО... Впрочем, они немедленно бросят все дела, если вы докажете, что действительно существуете.

Это очень важно - доказать. Так что тем землянам, которые меня сейчас слышат, не стоит беспокоить этих добрых людей... если только вы не хотите присоединиться к фонду и помочь ему. К сожалению, наверняка найдутся придурки, которые все равно будут звонить, поскольку им кажется, что это очень умно и оригинально - выдавать себя за инопланетянина. А раз так - вот вам вторая часть моего плана. Я хочу, чтобы вы, серебряные человечки, позвонив, назвали себя, а потом кратко описали сотрудникам фонда, что именно вы продемонстрируете в небе. Завтра.

Ваши штучки должны быть видны из Пасадены, штат Калифорния, в десять утра и иметь явно инопланетное происхождение. К примеру, вы можете сделать один из лунных кратеров пурпурным или придумать что-нибудь столь же безвкусное.

Если вы сумеете выдать нечто воистину «чуждое», можете не сомневаться, что на следующий день мы будем с нетерпением ждать вашего второго звонка!

Какая наглость! Еще ни один из этих безумных людишек не обращался к нам с подобной развязностью!.. Наш гнев сказывается на работе. Половина стада гибнет, а другая половина в страшной панике. Наконец Фирфалькон приказывает остановиться. Мы смотрим вниз на результат наших усилий. Фермер, которому принадлежало стадо, не испугается, но разъярится.

Будь ты проклят, человек логики, человек науки! Случись это, когда мы были в силе, мы снесли бы башни, откуда идет твой голос. Твои спутники полетели бы вниз, как падающие звезды! И, конечно, мы заставили бы тебя умолкнуть.

Но такова уж наша природа - слушать, что о нас говорят другие. Такой она была всегда. Такой она и останется, пока существует наш вид.

Вот вам мой вызов, человечки с платиновым покрытием. Покажите что-нибудь убедительное в небе, а мои друзья сделают остальное! «СЕТИ» организует посадочные поля, охрану, освещение в прессе, визы… Хотите встретиться с Папой Римским? С Далай-ламой? С Мадонной? Все, что пожелаете. Все, что угодно, для того, чтобы первый контакт стал приятным, необременительным опытом для вас.

Мы хотим быть гостеприимными хозяевами.

Хотим стать друзьями. Показать вам город. Это самое щедрое предложение, на какое может рассчитывать честный гость.

Но что если никто не откликнется на мой вызов? Что это будет значить, коллеги?.. Э-хе-хе. Это означает одно: НЛО - миф!

С другой стороны, не исключено, что они существуют, но решили отклонить мое искреннее предложение.

В таком случае мы по меньшей мере можем утверждать, что они гнусные сукины дети, которым нравится устраивать беспорядок в наших головах. И все, что я могу сказать... Убирайтесь вон из нашего неба, мерзавцы! Оставьте нас в покое, а мы продолжим искать тех, с кем стоит вступить в контакт!

...Гм. И в эту минуту наш инженер Тед сигналит мне, что нужно сделать перерыв для проверки несущей частоты. Извини, Тед. Наверное, я должен убраться отсюда. Но в три часа ночи нас скорее слушают мозгляки из «летающих тарелок», чем Федеральная комиссия связи...

Наш Повелитель Снов, Сильфшанк, проинспектировал головы спящих. Он сообщает о женщине, которая задремала во время этой радиопрограммы. Пока ее разум открыт, Сильф-

шанк проецирует туда образ своего лица. И вот она уже просыпается, пораженная нежданной мыслью, и в волнении звонит на станцию.

Чудесно! Это должно сразить самоуверенного ученого. Возможно, когда она закончит, мы повторим попытку, снова и снова, до тех пор, пока он не сдастся.

Мы движемся в сторону Калифорнии: там живут наши лучшие друзья и злейшие враги. Один из «подменышей» (тех, кто родился человеком) использует похищенный ацетиленовый факел, чтобы выжечь отметины от «ракетных приземлений» на плато близ Сан-Диего. Наши преданные поклонники освятили это место своей верой. Мы часто вознаграждаем их при помощи подобных знаков.

Наша невесомая, как мысль, лодка плывет над густым кустарником. В старину ее сверкающий корпус не ведал преград, а сегодня мы вынуждены охранять его от испепеляющих глаз.

Итак, мы снова в строю. Это профессор Джо Перес, работаю вместо Языкастого Ларри, которому очень нужно отдохнуть от вас, полуночников. Хотите поговорить об астрономии? О «черных дырах»? О Вселенной? Тогда я ваш. Послушаем следующий звонок.

Да, мэм?.. О, черт, я думал, мы исчерпали эту тему...

Как?.. Гм. Теперь, после ваших слов, вещи предстают несколько в ином свете. Действительно странно, что внешний облик пришельцев так часто описывается вполне определенным образом. Гладкие, изогнутые лбы. Большие глаза. Длинные переплетающиеся пальцы.

Одно это должно было показаться знакомым. И не забудем об их поведении: бесконечные шуточки, навязчивая мистика, неспособность честно посмотреть человеку в глаза...

Да, мэм. По-моему, вы на что-то наткнулись. В «тарелках» сидят эльфы!

Наша эфирная лодка сотрясается. Голос звучит сильнее, чем прежде; он мешает сосредоточиться.

Четверо подростков подняли лица к небу и моргают, завороженные светом. Мы поймали их в ловушку, но безумие этого проклятого голоса ослабило нашу хватку. Гриффинлок обеспокоен:

— Мы не справимся со столькими сразу!

— Нас смутил голос, - отвечает Фирфалькон, - позаботься о...

— Один просыпается! - кричу я.

На трех лицах все еще отражается экстаз, они

горят готовностью поверить. Но четвертое - лицо долговязой девушки - светится по-другому. Она пробует проснуться, ее глаза сужены, а губы шевелятся. Проникнув в ее разум, я чувствую, что она старается стряхнуть с себя наваждение.

«Что я разглядываю?.. Почему эта штука кажется прозрачной, как будто на самом деле ее нет?..»

— Бежим! - вопит Фирфалькон, но смертоносный взгляд девушки ослепляет нас.

Уже поздно, но давайте все же обсудим слова дамы и поглядим, что получится.

Давным-давно, если верить легендам, в нашем мире жили эльфы, гномы и тролли… все эти колоритные создания, которыми наши предки пугали своих детей, чтобы те не ходили в лес.

Моя жена - антрополог, и она собрала по всему миру массу таких историй. Большинство из них увлекательны, динамичны, даже вдохновляют. Но через некоторое время вы начинаете замечать: очень немногих из этих волшебных персонажей, разных там пикси и духов, вы хотели бы видеть своими соседями! Существа из сказок редко бывают прекрасными, обычно они мелочны, вздорны, таинственны и вовсе не горят желанием поделиться знаниями с несчастными людьми. И всегда-то о них говорят, что живут

они в глуши, на рубеже неведомого. В старые времена это означало: там, куда не падает свет от огня.

Затем начались перемены. Человечество раздвигало световой круг, а диковинные твари отступали. Йети, эльфы и чудовища из озер. Они неизменно были там, где кончался свет факелов. Потом - ламп. Теперь они - за пределами досягаемости сонаров и аэрофотосъемки…

Может, причина в том, что это всегда был лишь плод нашей буйной фантазии? Или бред, который спасал нас от осознания того, насколько ужасны реальные звери, населявшие планету?

Хотя есть и более приятная версия.

Представим, что такие создания некогда действительно существовали и вели себя подобно пресловутым эльфам. Но в какой-то момент мы начали освобождаться от них, побеждая невежество, завоевывая право самостоятельно распоряжаться своей жизнью…

Частицы разбитой лодки, мы летим в разные стороны и окликаем друг друга через пространство.

Мы, выжившие.

Теперь те подростки протирают глаза; они уже убеждены, что мы были галлюцинацией. Так

обычно и случается после того, как люди посмотрят на нас со скептицизмом. И вот мы летим, как осенние листья, как клочки чьих-то мыслей.

Возможно, ветры мира соберут кого-то из нас вместе, и это станет новым началом. Я же могу лишь вспоминать.

Какое-то время назад мы решили покончить с чумой рациональности. Мы выкрали человеческих детей и отвезли их на южный остров. Затем вернулись и создали немало «инцидентов» и фальшивых тревог на экранах радаров: мы пытались развязать ту, последнюю войну. «Пусть их безумный гений сгорит в собственном огне!» - думали мы. Ведь раньше спровоцировать войну между людьми было так легко.

Однако на сей раз все вышло по-другому. Может, из-за нового мышления, а может, они почувствовали бездонную пропасть. Но война не разгорелась. Мы были раздавлены.

Нам пришлось так тяжело, что мы забыли об острове. А когда вспомнили, все дети уже были мертвы.

Какие хилые существа - люди.

Как они смогли стать такими сильными?

Темнота рассеивается, и поднялся ветер. Пусть наша история с привидениями дойдет до своего

естественного финала.

Мы говорили о том, что волшебные существа всегда мелькали где-то за границей света, куда уже не проникал человеческий взгляд. Сегодня Земля исследована довольно хорошо, а в тех немногих легендах, что пока еще не утратили смысл, упоминаются арктические пустыни, морские глубины и… космос.

Словно бы этих вымирающих созданий влечет к нам, и в то же время они нас боятся.

Не могу поверить, что их пугает наше оружие… видели вы когда-нибудь охотника, который принес домой эльфа в качестве добычи?

Хотя есть одна мысль… а вдруг причина в том, что изменились мы сами? А что если современные люди способны убивать этих существ одним своим приближением?

…Вы смеетесь? Хорошо. Но вспомним о бойскаутах, которые заглядывают в самые темные уголки леса, куда их суеверные предки боялись и сунуться. Задумаемся, зачем им это нужно?

Не исключено, что тут простое любопытство.

Или же… или же они преследуют естественных врагов нашего вида! Вот почему мы рыщем по всей планете в поисках йети и Несси. Вот почему

мы словно вытолкнуты в космос!

Может, какая-то часть нашего сознания помнит, как с нами обращались эти сказочные персонажи. И на самом-то деле мы просто желаем отомстить!

Чудовища. Нас выгнали с собственной планеты гадкие чудовища со скучными глазами.

Эксперимент вышел из-под контроля. Как жаль, что мы когда-то их создали!

Однако хорошего понемножку, девочки и мальчики. Как вы их ни называйте - эльфами или инопланетянами, существуют они или это еще один удивительный сон, который нам приснился, лично я больше не вижу смысла тратить на них наше время.

Завтра мы поговорим о более интересных вещах. О Большом Взрыве, о нейтронных звездах, о нашем месте во Вселенной и поисках реального инопланетного разума.

А пока всем спокойной ночи. И с добрым утром!